Д34

ТРУДЫ

VI (XXII)

ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

в Самаре

Том I

Министерство культуры Самарской области
Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
Самарский государственный социально-педагогический университет

ТРУДЫ
VI (XXII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

в Самаре

Том I

Ответственные редакторы
академик РАН А.П. Деревянко,
академик РАН Н.А. Макаров,
доктор исторических наук О.Д. Мочалов

Самара 2020

УДК 902/904
ББК 63.4
Т78

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Самарского государственного социально-педагогического университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Самарской области

Т78 **Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре**. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара : СГСПУ, 2020. – Т. I. – 376 с.: ил.

ISBN 978-5-8428-1169-4

Редакционная коллегия

К.М. Андреев, С.А. Васильев, А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, Д.С. Коробов, А.Ф. Кочкина, В.Д. Кузнецов, П.Ф. Кузнецов, Л.В. Кузнецова, С.В. Кузьминых, В.Н. Мышкин, Д.А. Сташенков, М.А. Турецкий, В.Я. Шумкин

В первом томе трудов съезда помещены статьи по докладам, вошедшим в программу VI (XXII) Всероссийского археологического съезда, который должен был состояться в Самаре в октябре 2020 г. Представлены публикации по следующим разделам: «Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите», «Культурные процессы в неолите и энеолите», «Проблемы археологии бронзового века».
Издание предназначено для археологов и историков, а также для специалистов смежных и естественнонаучных дисциплин.

ISBN 978-5-8428-1169-4

© 2020 Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
© 2020 Самарский государственный социально-педагогический университет
© 2020 Авторы докладов

Организаторы VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре

Институт археологии РАН, Москва
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Самарский государственный социально-педагогический университет
Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
Самарское археологическое общество

Организационный комитет VI (XXII) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели:

вице-президент РАН, академик РАН **Н.А. Макаров** – директор Института археологии РАН
академик РАН **А.П. Деревянко** – научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН
д.и.н. **В.А. Лапшин** – директор Института истории материальной культуры РАН
д.и.н. **О.Д. Мочалов** – ректор Самарского государственного социально-педагогического университета

Заместители сопредседателей:

чл.-корр. РАН **П.Г. Гайдуков** – зам. директора Института археологии РАН
чл.-корр. РАН **А.И. Кривошапкин** – директор Института археологии и этнографии СО РАН
к.и.н. **А.И. Королев** – декан исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета
д.и.н. **А.А. Выборнов** – заведующий кафедрой отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета

Члены оргкомитета:

академик РАН **А.П. Бужилова**, академик РАН **В.И. Молодин**, академик РАН **М.Б. Пиотровский**, академик РАН **Х.А. Амирханов**, чл.-корр. РАН **Л.А. Беляев**, чл.-корр. РАН **Н.Н. Крадин**, чл.-корр. РАН **Р.М. Мунчаев**, чл.-корр. РАН **Вл.В. Седов**, чл.-корр. РАН **Е.Н. Черных**, чл.-корр. РАН **М.В. Шуньков**, д.и.н. **В.В. Бобров**, д.и.н. **С.А. Васильев**, д.и.н. **А.В. Епимахов**, д.и.н. **А.Р. Канторович**, д.и.н. **Д.С. Коробов**, д.и.н. **А.М. Обломский**, д.и.н. **А.И. Репинецкий**, д.и.н. **Д.Г. Савинов**, д.и.н. **А.Г. Ситдиков**, д.и.н. **А.А. Тишкин**, д.и.н. **Н.М. Чаиркина**, к.и.н. **О.И. Богуславский**, к.иск. **М.В. Вдовиченко**, к.и.н. **А.В. Энговатова**

Б.А. Илларионов – министр культуры Самарской области
В.А. Акопьян – министр образования и науки Самарской области
В.М. Филипенко – врио руководителя Управления государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области
А.Б. Прокофьев – первый проректор Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва
В.Н. Лисейчев – директор Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ «ТРУДЫ VI (XXII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите

Культурные процессы в неолите и энеолите

Проблемы археологии бронзового века

Том II

Античная археология Причерноморья и Северного Кавказа

Культурно-исторические процессы в раннем железном веке

Этнокультурные процессы I тыс. н.э. в Евразии

Археология средневековой Руси и сопредельных территорий

Археологическое изучение городов

Проблемы археологического изучения фортификации раннего железного века и средневековья

Археологическое изучение сельских поселений

Кочевые культуры Евразии

Том III

Археологическое изучение Золотой Орды, поздней Византии и Латинской Газарии

Археология России в новое время: проблемы, особенности, перспективы

Проблемы изучения первобытного искусства

История и историография археологических исследований

Компьютерные технологии и геоинформационные системы в археологии

Актуальные проблемы сохранения археологического наследия Российской Федерации

Междисциплинарные подходы и палеоэкологические реконструкции в археологических исследованиях

Начальный верхний палеолит Восточного Казахстана (по материалам стоянки Ушбулак)

© 2020 г. А.А. Анойкин[1] (anui1@yandex.ru), Г.Д. Павленок[1], В.М. Харевич[1], Ж.К. Таймагамбетов[2]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[2] Национальный музей Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. Стоянка Ушбулак расположена в Восточном Казахстане. На ней выделено семь культуросодержащих слоев. В нижних слоях 6 и 7 первичное расщепление направлено на производство крупных пластин. Среди орудий присутствуют концевые скребки и резцы на пластинах, тронкированно-фасетированные изделия, острия с подработкой основания, нуклеусы-резцы, бифас. Данная индустрия относится к начальному верхнему палеолиту и имеет прямые аналоги в материалах Горного Алтая и Монголии.

Ключевые слова: Казахстан, начальный верхний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор.

В Центральной Азии переходные от верхнего к среднему палеолиту комплексы были открыты сравнительно недавно и их значительно меньше, чем в западной части материка. Большая часть стоянок сосредоточена в южной части региона – Западный Тянь-Шань (Оби-Рахмат, Кульбулак и др.) (Кривошапкин, 2012), или на его северной и северо-восточной границе – Алтай и Северная Монголия (Кара-Бом, Усть-Каракол-1, Толбор-4, Толбор-21 и др.) (Деревянко, 2011). Обширную территорию между этими областями занимает Казахстан, где «переходные» комплексы практически неизвестны. Немногочисленные материалы, которые можно отнести к ранним этапам верхнего палеолита, в стратифицированном залегании присутствуют в комплексах стоянок Майбулак, Валиханова (Южный Казахстан) и Шульбинка (Северо-Восточный Казахстан) (Таймагамбетов, Ожерельев, 2009).

В 2016 г. в ходе разведочных работ Российско-Казахской экспедиции в Шиликтинской долине (Восточный Казахстан) была обнаружена многослойная стоянка Ушбулак, археологические комплексы которой относятся к разным периодам верхнего палеолита (Anoikin et al., 2019).

В 2016–2019 гг. на стоянке проводились разведочные и раскопочные работы (13 шурфов и 2 раскопа). На полученном сводном разрезе (глубина около 7 м) было выделено восемь основных геологических слоев, в семи из которых был зафиксирован археологический материал. По его технико-типологическим характеристикам, стратиграфической позиции, сопровождающим остаткам фауны было выделено три основных культурно-хронологических комплекса: мезолитический/неолитический (слой 1), финальноверхнепалеолитический (слои 2–5.1) и начальных этапов верхнего палеолита (слои 5.2–7) (Anoikin et al., 2019). Последний комплекс представлен массовым и выразительным археологическим материалом, залегающим в слоях 6 и 7. В слое 5.2 зафиксированы единичные находки.

Кроме каменных артефактов в слоях 6 и 7 было найдено более 300 фрагментов костей, в основном неопределимых. Определимые остатки представлены зубами и мелкими трубчатыми костями архара, кулана, кабаллоидной лошади, сибирского горного козла и бизона (Там же).

На настоящий момент для слоя 6 стоянки получена серия радиоуглеродных дат, выполненных по углю и фрагментам костей. Согласно им, пачка отложений слоя 6 формировалась в интервале 42–32 тыс. некалиброванных лет назад (Anoikin et al., 2019).

Археологический материал из слоев 5.2–7 представлен ~16000 каменными артефактами, в том числе, 119 нуклевидными формами и 495 орудиями. Распределение артефактов по категориям первичного расщепления свидетельствует о том, что в этих слоях представлен полный цикл обработки камня.

Каменную индустрию слоев 6–7 стоянки Ушбулак характеризует первичное производство, направленное на изготовление крупных и средних пластин, в том числе остроконечных. Основными категориями нуклеусов являются одно- и бипродольные подпризматические и плоскостные широкофронтальные. Менее значимо торцовое расщепление. Мелкопластинчатое производство редко, левалуазское производство не представлено. В орудийном наборе доминируют концевые скребки на пластинах, заметен процент выемчатых изделий, присутствуют тронкированные пластины, тронкированно-фасетированные формы, проколки, резцы. Скребла единичны.

Важным элементом орудийного набора является серия изделий-маркеров, характерных для НВП-индустрий Южной Сибири и Северной Монголии: пластина с перехватом, изделия с вентральной подтеской дистального конца, скошенное острие, пластинка с притупленным краем, остроконечники и скребки с черешком или подтеской основания, нуклеусы-резцы, листовидный бифас.

Также в комплексе присутствуют два предмета неутилитарного назначения: плитка талька и галечка из яшмового сырья, на которых отмечены признаки искусственной обработки в технике шлифовки (Там же).

В настоящее время большинство исследователей приходит к выводу, что, анализируя феномен возникновения и распространения ранних верхнепалеолитических индустрий, необходимо учитывать их региональный контекст (Деревянко, 2011; Zwyns, 2012).

Исследования последних лет позволили объединить ряд переходных комплексов севера Центральной Азии в вариант НВП южносибирско-монгольского типа (Rybin, 2014). Наиболее раннее появление обозначенных признаков в регионе фиксируется в материалах Денисовой пещеры, в слоях возрастом 45–50 тыс. л.н. (Деревянко, 2011), а их наиболее полный набор в материалах горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом (~44–43 тыс. л.н.) (Rybin, 2014).

Помимо Российского Алтая подобные комплексы известны также в Прибайкалье, Забайкалье, Северной Монголии, Джунгарии и Монгольском Алтае. Их возраст опре-

деляется интервалом ~43–35 тыс. л.н. (Деревянко, 2011; Zwyns, 2012) Хронология и технико-типологический облик этих комплексов позволили исследователям предполагать, что предковым районом для НВП данных территорий является Российский Алтай (Деревянко, 2011; Rybin, 2014).

В настоящее время, реконструируется несколько возможных маршрутов продвижения данной традиции, один из которых мог проходить через хребты Монгольского Алтая и Джунгарию.

На территории Монгольского Алтая не известно стратифицированных комплексов этого периода, однако фиксируется ряд местонахождений (Баян-нур-13, Орок-нур-1, Орок-нур-2) с поверхностным залеганием артефактов, содержащих устойчивый компонент культурных маркеров НВП (Деревянко и др., 1990; Деревянко и др., 2000; Rybin, 2014). Помимо этого, местонахождение Лотоши с подъемным археологическим материалом, отнесенным к НВП, было зафиксировано в пределах Джунгарской котловины (северо-западный Китай). Индустрия данного комплекса характеризуется сочетанием леваллуазского и подпризматического пластинчатого расщепления, а также содержит пять маркирующих типов изделий (Derevianko et al., 2012).

Стоянка Ушбулак, занимает промежуточное территориальное положение между регионами Горного Алтая и Джунгарией (Лотоши находятся от нее в ~100 км к юго-востоку, основные стоянки Алтая с НВП-комплексами – ~500 км к северу). При этом она является единственным стратифицированным памятником в регионе, южнее Горного Алтая и Северной Монголии, на котором достоверно зафиксированы признаки НВП.

Особенности первичного расщепления, состав орудийного набора и абсолютные даты позволяют относить этот комплекс к варианту НВП сибирско-монгольского типа. Наиболее близкие аналогии этим материалам имеет комплекс ВП2 стоянки Кара-Бом. Первичное расщепление и орудийный набор этих комплексов совпадают по всем основным параметрам. Главное отличие заключается в отсутствии на Ушбулаке леваллуазского расщепления и одного из типов орудий-маркеров – острий/пластинок с притупленным краем.

Материалы стоянки Ушбулак позволяют вписать обширную территорию современного Северо-Восточного Казахстана, исключительно бедную на стратифицированные материалы каменного века, в систему понимания передвижений носителей верхнепалеолитических традиций и технологий, и связать такие ключевые территории, как Российский Алтай и Северная Монголия. Ранее такие маршруты предполагались лишь гипотетически. С обнаружением стоянки Ушбулак выдвинутая теория получает яркое фактическое подтверждение.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда – проект № 19–18–00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения Homo sapiens в Азии».

Список литературы

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 440 с.

Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск. 2012. 38 с.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Казак университет. 2009. 256 с.

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Z.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Ushbulak – A New Stratified Upper Paleolithic Site in Northeastern Kazakhstan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2019. Vol. 4. P. 16–29.

Derevianko A.P., Xing G., Olsen J.W., Rybin E.P. The Paleolithic of Dzungaria (Xinjiang, Northwest China) based on materials from the Luotuoshi site // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2012. Vol. 4. P. 2–18.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 39–52.

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia (Studies in Human Evolution): Doctoral Thesis. Leiden: Leiden University Press, 2012. 414 p.

Жилые объекты верхнепалеолитических стоянок Быки

© *2020 г. Н.Б. Ахметгалеева* (*achmetga@mail.ru*)

Курчатовский краеведческий музей, Курчатов, РФ

Аннотация. Исследование посвящено сопоставлению трех жилых объектов верхнепалеолитических стоянок Быки в Курском Посеймье на Русской равнине. Их радиоуглеродные даты концентрируются в пределах 18–16 тыс. л.н., памятники относятся к быковской археологической культуре. Выделены сходные черты, являющиеся важными показателями функционирования жилищ. В первую очередь они связаны с холодным сезоном обитания и единой охотничьей специализацией древних племен. Существующие различия отражают особенности адаптации древнего человека к локальным природным условиям в период последнего оледенения.

Ключевые слова: верхний палеолит, стоянки Быки, жилые объекты.

Введение. За двадцатилетнюю историю исследования комплекса верхнепалеолитических стоянок Быки собран материал, связанный с изучением образа жизни их обитателей и характера функционирования древних поселений (Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2015). Стоянки расположены в непосредственной близости друг от друга на ограниченном участке древнего мыса левого берега реки Сейм. В остеологических коллекциях преобладают кости копытных животных и пушных зверей (Ахметгалеева, 2019; Бурова, Ахметгалеева, 2020), что отличает их от большинства других памятников конца LGM – начала LGT центра Русской равнины, характеризующихся широким использованием костей и бивней мамонтов. Подсчет возможного количества особей показал, что на всех стоянках Быки встречен ограниченный количественный состав каждого вида млекопитающего. Это, как и размеры, мощность культурных слоев, характер археологических материалов, позволили говорить о непродолжительности обитания (сезон и менее) на них групп людей позднего верхнего палеолита. На стоянках Быки-1 и Быки-7, слой I, относящихся к быковской археологической культуре, были зафиксированы остатки жилых объектов, которые, возможно, следует рассматривать как жилища в этнографическом понимании этого слова. Их радиоуглеродные даты концентрируются в пределах 18–16 тыс. л.н. Проблема интерпретации заключается в сильной поврежденности жилых объектов в ходе современных строительных работ. Открытие в 2017 году на стоянке Быки-7(I) нового жилища в непотревоженном состоянии создало условия для уточнения многих аспектов, связанных с характеристикой искусственных ям, очагов и вмещающих их отложений (Ахметгалеева, Бурова, 2018). Между жилыми объектами стоянок Быки были выявлены как сходные черты, так и различия. Их описанию и будет посвящена данная работа.

Материалы. В исследовании обобщаются результаты изучения жилых объектов стоянок Быки археологическими, зооархеологическими, геоархеологическими и функционально-планиграфическими методами (Ахметгалеева, 2009). Произведено сопоставление имевшихся ранее данных по стоянке Быки-1 (раскопки А.А. Чубура в 1996–1997 гг.) и стоянке Быки-7 (раскопки автора 2000–2004 гг.) с результатами анализа археологических материалов нового жилого объекта (раскопки автора 2017–2018 гг.).

Основные особенности жилых объектов стоянок Быки-1 и Быки-7(I)

1. Культурные остатки связаны только с жилыми объектами, вне их культурный слой резко прекращается.

2. Доминирующий вид животного в фаунистическом наборе отсутствует. Основными объектами являются северный олень, лошадь, песец и заяц.

3. Ограничено время обитания одним сезоном. На это указывает минимальный количественный состав животных, и, соответственно, размеры мясных запасов; небольшая концентрация находок в культурном слое – в среднем 5–20 артефактов на квадратный метр; отсутствие культурного слоя за пределами объекта.

4. Холодный период обитания (зима – начало весны), что подтверждается зооархеологическими данными и археологическими данными (Ахметгалеева, 2009; Бурова, Ахметгалеева, 2020).

5. В Быках-1 и первом жилище стоянки Быки-7(I) есть следы всех этапов разделки туш животных, что может быть связано с охотой на промысловых животных в непосредственной близи от стоянок.

6. Единая внутренняя организация пространства жилого объекта. Присутствуют искусственные объекты в виде очагов в центральных частях жилища и ям разного назначения, расположенных преимущественно по периметру. Основные находки в обоих объектах залегали в ямах.

7. Представлена разнообразная деятельность. Использовались принесенные на стоянку кремневые нуклеусы и заготовки; изготовление орудий, в том числе и треугольных микролитов, происходило на месте. Среди костяных орудий превалировали острия и иные орудия, связанные с домашними промыслами. Определен полный цикл утилизации костного сырья и обработки шкур.

Кремень из ям был не патинирован и слабо патинирован – в культурном слое, что указывает на его быстрое захоронение и возможную смену климатических условий.

Таким образом, мы имеем ряд показателей, по которым данные объекты сходны. Но наблюдаются и отличия:

1. В Быках-1 жилой объект (полуземлянка по А.А. Чубуру, см. Чубур, 2001. С. 34) связан с *углубленной* площадкой. Сама возможность создания углубления может быть объяснена особенностями вмещающих слоистых супесчаных отложений, позволяющих создавать относительно устойчивые стенки.

Первый жилой объект стоянки Быков-7 *не углублен*. Стратиграфически он залегает в рыхлой пачке песка мощностью около 80 см, в которой углубления можно делать только в зимнее время. При малейшем прогревании стенки объекта могли обсыпаться.

2. Отличаются объекты по размерам и форме. Углубленный объект стоянки Быки-1 округлый в плане, диаметром около 5 м. По мнению автора раскопок А.А. Чубура, это было жилище с некогда почти отвесными стенками, се-

рией ям по периметру разного назначения и очагом сложной конструкции.

Первый жилой объект стоянки Быки-7 имеет овальную форму максимальным диаметром 8 м и минимальным –около 4,5 м. Часть ям пересекаются друг с другом, и спущены они с разного уровня, но при этом создают единую конструктивную целостность. Если учесть рыхлость вмещающего грунта, то своего рода «подправка» ям была необходима во время функционирования объектов.

3. Различаются объекты по особенностям строения очагов. В Быках-1 фиксируется неоднократно подправляемый очаг мощностью около 20 см, расположенный в яме диаметром около метра, в углубленной на 15–20 см приочажной центральной зоне жилища (Чубур, 2001. С. 41–42). В плане он неправильной восьмеркообразной формы, что также может быть объяснено его периодической подправкой.

В жилом объекте стоянки Быки-7(I) зафиксировано два очага. К сожалению, центральная площадь между очагами, как и второй очаг, были уничтожены в результате производства грабительской ямы. Первый очаг, сильно деформированный в результате природных процессов, имел неправильную овальную форму размерами 80×105 см и мощностью 20–30 см. Второй мог иметь размеры 100×65 см и мощность немногим более 20 см.

4. В жилище стоянки Быки-1 наблюдается определенное залегание костей крупных животных, которые рассматриваются как элементы, связанные конструктивно с обустройством жилища. В жилом объекте стоянки Быки-7(I) подобного не наблюдалось.

5. Трасологическое изучение инвентаря стоянок показало, что в Быках 1 велика доля работ с твердыми материалами, а на стоянке Быки-7, I (первый жилой объект) за счет значительного увеличения микролитов – охотничья деятельность, а также работы по выделке шкур и изготовлению меховых изделий (Ахметгалеева, 2009).

Второй жилой объект стоянки Быки-7. Вскрыта большая часть нового жилого объекта I культурного слоя. Все выделенные основные особенности жилищ стоянок Быки к нему применимы: Это сезонное стойбище охотников на копытных и пушных животных, время обитания которого ограничено холодным сезоном. Набор орудий свидетельствует о разнообразии производимых работ. По внутренней организации данный объект также соответствует остальным. По форме он наиболее близок к первому жилищу стоянки Быки-7(I). Он овальный в плане, не углублен. Ширина около 4,5 м, длина по предварительным данным, может быть меньше, чем у первого объекта. Единственный очаг имел сложную восьмеркообразную форму, максимальной длиной около 140 см, шириной 55–60 см. По своим характеристикам искусственные ямы из обоих жилищ стоянки Быки-7 сходны. Находки залегали преимущественно во взвешенном состоянии в песке, более насыщенном элементарным культурным заполнителем, чем культурный слой. Подтвержден впуск ям со среднего уровня рыхлой песчаной толщи. Верхняя часть (10–15 см) 80 см толщи песка является переработанным культурным слоем. Культурный слой в том виде, в котором мы его наблюдаем, является результатом переработки древней поверхности в результате природных явлений после оставления стоянки.

Основное *отличие* нового объекта заключается в малочисленности найденных там артефактов. Находки так же концентрируются в искусственных ямах, но при этом их количество в них минимально.

Если в первом жилом объекте стоянки Быки-7 (I) было зафиксировано два очага, заполнение которых представлено было лишь зольной массой без включения крупных угольков, то во втором жилище заполнение очага представляло угольную массу с большим количеством угольков размерами от 0,5 до 2 см. А его форма напоминает в плане очаг жилого объекта стоянки Быки-1.

Обсуждение. Жилые объекты стоянок Быки при имеющихся различиях объединены целым рядом важных показателей, связанных с холодным сезоном обитания и единой охотничьей ориентацией их обитателей. Наличие четко определимых границ позволяет изучать их как закрытые комплексы. Выделенные различия между жилыми объектами могут иметь не столько культурные отличия, сколько быть результатом необходимой адаптации к локальным условиям в период последнего оледенения.

Так, например, некоторые структурные различия между объектами могут быть объяснены различием вмещающего грунта. Исследования нового жилища на стоянке Быки-7(I) привели к появлению гипотезы о том, что в первом жилом объекте стоянки Быки-7 могло произойти наложение друг на друга остатков двух жилищ, или же происходила постепенная трансформация одной части в другую, вызванная необходимостью обновления функционирования искусственных объектов. Интересные размышления в этом плане вызывает и анализ восьмеркообразных (сдвоенных?) очагов на стоянках. Данная форма могла быть связана с необходимостью их обновлений.

Дальнейшие работы по изучению жилых объектов стоянок Быки могут принести новые интересные данные, позволяющие наиболее полно реконструировать жизнь их обитателей.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект РФФИ № 18–00–00837(КОМФИ)

Список литературы

Ахметгалеева Н.Б. Эволюция природных комплексов и смена типов верхнепалеолитических поселений на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки)// Археологический альманах. № 20. Донецк: Донбас, 2009. С. 231–246.

Ахметгалеева Н.Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта, 2015. 254 с.

А*хметгалеева Н.Б.* Стоянки позднего палеолита Быки в центре Русской равнины: культурная составляющая // Camera Praehistorica № 1 (2), 2019. С. 18–35.

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д. Новые горизонты исследований на многослойной стоянке Быки-7 в Курской области // Записки Института материальной культуры РАН. № 17. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 107–116.

Бурова Н.Д., Ахметгалеева Н.Б. Результаты новых исследований остеологической коллекции верхнепалеолитического памятника Быки-7 // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культуро-

генез. Международная конференция. Тезисы докладов. М.: ИА РАН, 2020. С. 24–25.

Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск: Брянск-сегодня, 2001. 132 с.

Технологии микропластинчатого терминально-краевого расщепления в комплексах сартана (МИС 2) Байкало-Енисейской Сибири

© ***2020 г. Н.Е. Бердникова*** *(nberd@yandex.ru),* ***Д.П. Золотарев***

Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ

Аннотация. Проведена идентификация особенностей терминально-краевого микрорасщепления в комплексах МИС 2 Байкало-Енисейской Сибири. Проанализировано 350 нуклеусов из 30 геоархеологических объектов в интервале 24,5–12,8 кал. тыс. л.н. Выявлены перерывы в развитии культур, возможно связанные с особенностями природных обстановок. Определено две основные традиции терминально-краевого микрорасщепления: западная (енисейская) с техникой сайкаи и восточная с различными вариантами юбецоидных техник и форм.

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, МИС 2, сартан, терминально-краевое расщепление.

Понятие терминально-краевое расщепление (ТКМР) введено Г.И. Медведевым (Medvedev, Lipnina, 1992). Под ним на территории Восточной Азии в классическом варианте понимается расщепление клиновидных (Паничкина, 1959) и/или торцовых (Ранов, 1962. С. 74) нуклеусов в разных системах подготовки.

Проблемы вариаций, модификаций, хронологии и происхождения ТКМР на территории Восточной Азии до сих пор далеки от своего решения. Разными исследователями предложены разнообразные построения для решения этой проблемы на территории Сибири (Абрамова, 1986; Артемьев, 1996; Кузнецов, 1997; Gomez Coutouly, 2011; Buvit et al, 2016). Наиболее известным проявлением ТКМР являются техники или методы расщепления позднего палеолита Японии (Morlan, 1976). Считается, что широкое распространение этих техник на территории Восточной Азии произошло в LGM.

Для сартанского времени (МИС 2) характерны сложные палеоклиматические обстановки и экстремальные природные события, которые могли оказать влияние на культурную ситуацию. Выделены 3 сартанских подгоризонта с отдельными климатическими фазами: ранний (РС1 и РС2), средний (СС) и поздний (ПС1, ПС2, ПС3) (Воробьева, 2010).

ТКМР изучалось по материалам 30 геоархеологических объектов, в основном мультислойчатых, в отложениях которых археологические материалы вмещены в эмбриональные или слаборазвитые почвы. Это обеспечивает комплексам археологическую инситность. Их возраст определялся по стратиграфической позиции в отложениях и по результатам ^{14}C-датирования. Для 15 из них имеется более 60 ^{14}C-значений, половина из которых получена AMS-датированием.

Выделено несколько культурно-хронологических групп, которые могут быть соотнесены с климатостратиграфической схемой МИС 2 (сартана) на территории Байкало-Енисейской Сибири. Самую раннюю группу составляют комплексы РС1-возраста (28–23 тыс. кал. л.н.) с мальтинско-буретским ядром, в материалах которых не фиксируются классические формы ТКМР. В остальных группах присутствуют формы ТКМР: 1) РС2 – 24,5–22,7 тыс. кал. л.н.; 2) СС – 19,0–17,6 тыс. кал. л.н.; 3) ПС1 – 16,6–13,9 тыс. кал. л.н.; 4) ПС2 15,1–12,8 тыс. кал. л.н. Группы имеют разную наполненность объектами и комплексами. Отмечается дискретность (перерывы) в развитии культурной последовательности в интервалах 22,7–19,0, 17,6–16,6, 12,8–11,7 тыс. кал. л. н.

Проанализировано около 350 нуклеусов. Первый этап анализа был направлен на идентификацию техник или методов ТКМР, прежде всего, в понимании, принятом в японской археологии. Основное внимание в этом процессе уделялось системе подготовки ударной площадки, особенностям преформ, морфометрическим показателям. Использование японских понятий и терминов позволяет определить место байкало-енисейских форм в общем контексте Восточной Азии. Для большинства форм нуклеусов в силу разных причин отсутствуют ремонтажные сборки или они неполные. Поэтому анализировались, прежде всего, остаточные формы нуклеусов.

Первое появление ТКМР в МИС 2 зафиксировано в комплексах РС2. Они немногочислены и представлены материалами 6 культурного горизонта (к.г.) Красного Яра I. Большая часть этих материалов утрачена. В этом слое зафиксировано 16 терминально-краевых микронуклеусов, в основном кареноидного облика, и, в том числе, пока самый ранний нуклеус в технике юбецу. Все они имеют при небольшой высоте (2–3 см) уплощенное, вытянутое в длину тело. Кареноидные микронуклеусы имеют аналоги в 19, 20 к.г. Усть-Мензы II и Мамакана VI. Углы скалывания приближаются к 90°.

В геоархеологическом объекте Бельск-Залог зафиксировано две ладьевидные микропреформы в технике хороко. По стратиграфической ситуации этот комплекс можно отнести к концу РС2.

Комплексы СС более многочислены (14 объектов). Для них характерно сочетание нескольких техник нуклеарного микрорасщепления. Одной из них является техника сайкаи. Основной ее чертой является подготовка площадки поперечно-ориентированными сколами с одной из латералей. Заготовками для нуклеусов были сколы, специально подготовленные формы, бифасы. В некоторых случаях формировалась вогнутость площадки. Это достигалось и специальными сколами с вогнуто-выпуклой поверхностями и характерным расширением к дисталу. Такие сколы определены как «лепестковые». В некоторых случаях отмечается подправка площадки фронтальным сколом, от чего образовывался характерный «уступ». Эта технология подготовки ударной площадки сходна с техникой «кампус».

В некоторых комплексах присутствуют торцовые формы в технике резцового снятия. Углы скалывания всех групп нуклеусов варьируют от 57°до 90°, но преобладают значения в пределах 70°-88°. Нуклеусы в технике сайкаи имеют широкие аналогии в синхронных комплексах позднего палеолита Енисея.

На территории Байкало-Енисейской Сибири отсутствовали комплексы возраста ПС1. Проведенное недавно AMS-датирование Курлинских местонахождений позволило к этому времени отнести 1, 2 к.г. Курлы 2 и 2 к.г. Курлы 3. Последний имел дату около 24 тыс. ^{14}С л.н. В них присутствуют нуклеусы в технике юбецу с высоким уровнем стандартизации, небольшими размерами, очень узким фронтом. Заготовками были бифасы, сколы с бифасиально или унифасиально обработанными краями. Ударные площадки оформлялись фронтальными снятиями. Угол скалывания близок к 90°.

Для беллинг-аллередовского интервала ПС2 учтено 15 объектов с самым большим количеством (около 150 ед.) нуклеарных форм. Для них отмечается разнообразие в техниках изготовления. Широко используются юбецодиные техники с острым углом скалывания (50–70°) в традиционной системе фронтального снятия оформления площадки. Преформами являлись бифасы, унифасы, сколы, плитчатые отдельности, гальки. Имеются формы в технике ранкоси, а также в более ранних техниках сайкаи, кампус. Нуклеусы ТКМР этого периода имеют ближние широкие аналогии, прежде всего, с синхронными комплексами Забайкалья.

Проведенный анализ показал, что ТКМР, выраженное в различных техниках, является одними из характерных особенностей палеолитических комплексов МИС-2 Байкало-Енисейской Сибири. Первый этап исследования был направлен на идентификацию нуклеарных форм в контексте территории Восточной Азии. Их продолжение видится в выявлении культурно-хронологических особенностей, характерных для Байкало-Енисейской Сибири. Определено две основные традиции ТКМР: западная с техникой сайкаи, связанная с енисейскими комплексами, и восточная с различными вариантами юбецоидных техник и форм. Это позволит построить хронометрическую последовательность возникновения и развития видового разнообразия внутри ТКМР.

Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075–15–2019–866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Список литературы

Абрамова З.А. Клиновидные нуклеусы в палеолите Северной Азии // Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986. С. 11–16.

Артемьев Е.В. Микропластинчатая индустрия верхнепалеолитических памятников Средней Сибири (среднее течение р. Енисей): дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 1996. 221 с.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья (проблемы эволюции и классификации почв). Иркутск: ИГУ, 2010. 205 с.

Кузнецов А.М. Проблема микропластинчатых индутсрий в каменнов веке Дальнего Востока и Сибири: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1997. 30 с.

Паничкина М.З. Палеолитические нуклеусы (Экскурс в область первобытной техники обработки камня) // Археологический сборник ГЭ. Вып. 1. Л.: ГЭ, 1959. С. 7–72.

Ранов В.А. Стоянка на озере Каракуль // Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР. Душанбе. 1962. Вып. 1 (28). С. 66–82.

Buvit I., Izuho M., Terry K., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin- Hokkaido-Kuril Peninsula // Quaternary International. 2016. Vol. 425. P. 100–119.

Gomez Coutouly Y.A. Lithic Industries with Pressure Microblade Components of the North Pacific Region in the Terminal Pleistocene and Early Holocene: from the Diffusion of a Technique in the Asian Far East to the Initial Peopling of the New World. Paris, 2011. 631 p. (Ph.D. dissertation).

Medvedev G.I., Lipnina E.A. «Microsplitting», «microcores», «universal preform»: The Origin and Its Development of Microblade, Microcore, Core Material with Plural Aims. Theoretical and Technical Aspects // The Origin and Dispersal of microblade Industry in Northern Eurasia. Sapporo, 1992. 12 p.

Morlan R.E. Technological Characteristics of Some Wedge-Shaped Cores in Northwestern North America and Northeast Asia // Asian Perspectives. 1976. Vol. XIX, Is. 1. P. 96–106.

О жилищах русско-луговской культуры эпохи мезолита

*© **2020 г. Н.С. Березина** (terra3@inbox.ru)*

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, РФ

Аннотация. Приводится общая характеристика жилищ русско-луговской культуры и новые данные. Уникальная сохранность культурного слоя позволила выявить конструктивные особенности жилищ, предположить их зимний характер.

Ключевые слова: север Среднего Поволжья, русско-луговская культура, мезолит, жилища.

Выделение В.В. Никитиным русско-луговской культуры в северной части Среднего Поволжья рубежа бореала-атлантика, граничащей с усть-камской культурой, камской, бутовской культурами (Никитин, 2006. С. 224–231), было поддержано другими исследователями, в т.ч. и автором (Березина, 2011). Проблематичной остается хронология и периодизация культуры. Одна из главных причин – недостаточность радиоуглеродных дат. Из углистого заполнения ямы в полу жилища Мукшумской XVIII стоянки получена дата – ВР 8240±220 (ГИН-13635), свидетельствующая о ее существовании в конце бореала.

Одной из отличительных черт этой культуры является наличие долговременных поселений с полуземляными жилищами (от 1 до 15), расположенными кучно или рядами, приуроченными к рельефу. Поселения располагались на небольших речках – притоках более крупных рек – Вол-

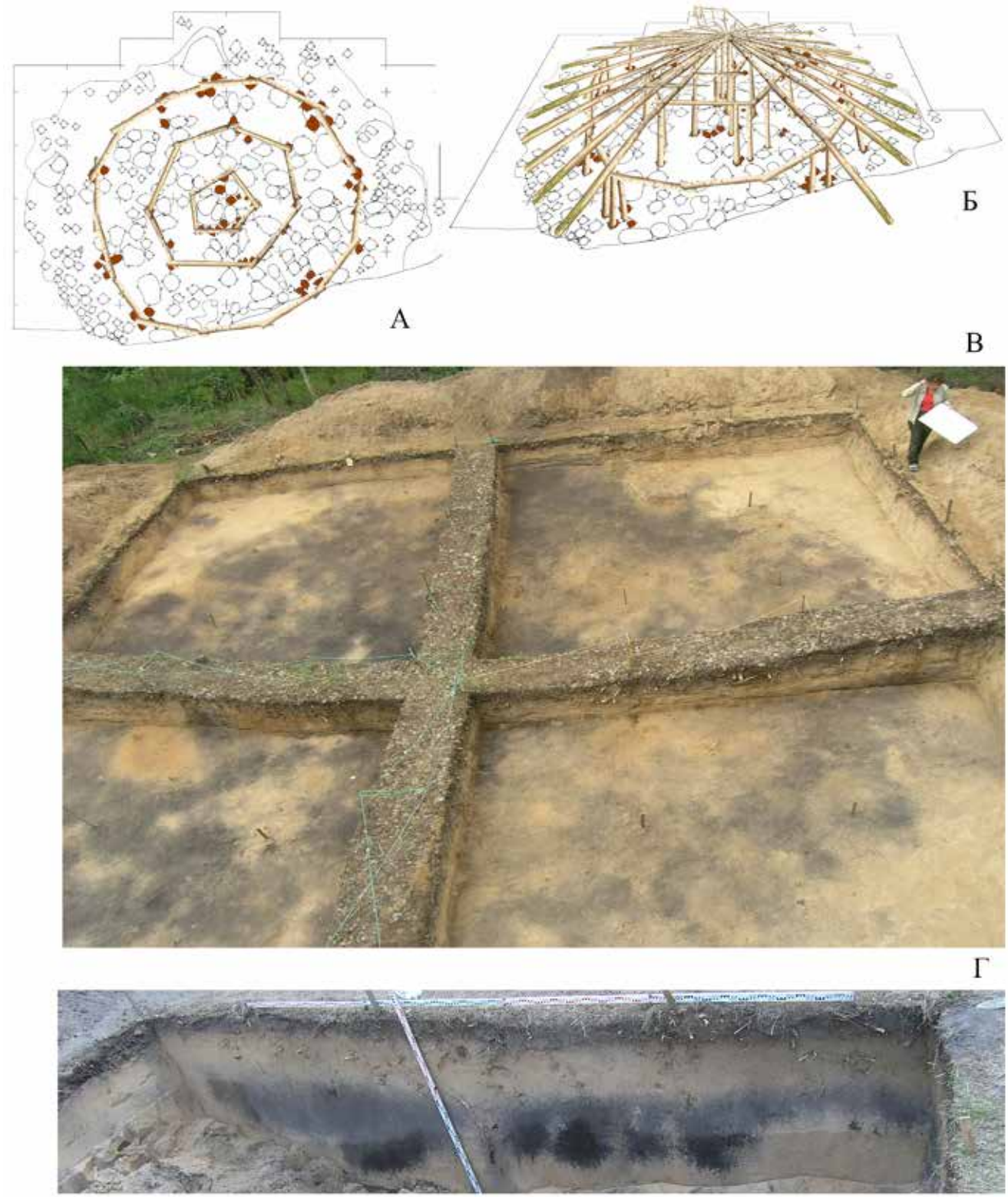


Рис. 1. Мукшумская XVIII стоянка: А, Б – реконструкция жилища № 8 (раскопки 2003 г.), В – фото зачистки котлована жилища № 2 (раскопки 2016 г.), Г – фото разреза котлована жилища № 2 по бровке (раскопки 2016 г.).

ги и Ветлуги, на дюнах и террасах и были приурочены к широким пойменным биоценозам с системой старичных озер, рек и речушек. Жилища изолированные, редко между некоторыми из них выявлены переходы (Никитин, 1996. С. 15–16; Березина, 2011). Уникальным качеством является, как правило, их однослойность и хорошая сохранность культурного слоя, проявляющаяся в сохранении жилищных западин на поверхности и сохранение углистого (редко и органического) заполнения жилищных котлованов. Памятники располагаются группами или «кустами» до 25 поселений (Никитин, 2018. С. 6). Раскопками изучено более 40 жилищ русско-луговской культуры. На эпонимном памятнике Русско-Луговском II поселении изучена углубленная постройка, с площадью пола 5,5×3,0 м, двухскатной крышей и каркасом из опорных столбов с продольными балками (Халиков, 1960. С. 13–17).

Анализ жилищ показывает, что в мезолите преобладают небольшие постройки, площадью около 50 кв. м, реже встречаются до 90, 100 кв. м и более (Никитин, 1996; Березина, 2011). Жилища имели округлые и подквадратные

очертания, с углубленными котлованами (от 0,5 до 1 м) с отвесными стенками, перекрытия могли быть как двухскатными, так и шалашевидными. Выявлены входы-выходы и переходы. Иногда вход опущен ниже уровня пола и имеет ступеньки. Перегородок внутри жилищ не отмечено. В полу отмечены многочисленные ямы, в т.ч. крупные отопительные, протянувшиеся вдоль стен, имеющие углистое заполнение с включением угольков, жженых костей, фрагментов эмалевых пластинок зубов и немногих находок кремня. Выделены очагово-отопительные ямы, которые располагаются в центре и по внутреннему кругу. Вероятно, они использовались для ссыпания туда углей из открытых очагов (часть которых могла быть вне жилища) как для приготовления пищи (как это встречается у некоторых народов), так и для обогрева жилища. Было высказано предположение, что эти жилища были зимними и обогревались отопительными ямами, расположенными вдоль края и в центре пола жилища (Никитин, 1996. С. 16; Березина, 2006а). Большинство находок встречено в пределах жилищных котлованов, что также подтверждает зимнее бытование этих сооружений.

Новые материалы по изучению жилищ были получены в ходе раскопок Мукшумской XVIII стоянки (Березина, 2006; 2016). На поверхности зафиксирована система из 14 округлых западин, расположенных в 3 ряда вдоль дюны. Было изучено два жилища. Первое – частично разрушенное жилище с входом-лазом с шалашевидным перекрытием. Выявлено большое количество ям (261), в т.ч. столбовых, часть из которых перекрывается отопительными или хозяйственными ямами. Это свидетельствует о неоднократных перестройках или починках жилища. Отопительно-очаговые ямы также накладываются друг на друга, т.к. использовались неоднократно. Большое количество отопительных ям, заполнявшихся древесными углем с множеством мелких жженых косточек и отдельными находками кремневых предметов, свидетельствует о длительном зимнем использовании жилища. Большое количество находок, мощность культурного слоя, число отопительно-очаговых, хозяйственных и иных ям, говорит о длительном использовании жилища. Оно в плане имело подокруглую форму, его диаметр по внешнему контуру около 15 м, пола – около 8 м. Пол был относительно ровным, более плотным. Восстановив наклон столбовых конструкций, мы реконструировали шалашевидное перекрытие, укрепленное изнутри вертикальными и наклонными подпорками, установленными по кругу и в центре, на которые укладывались горизонтальные балки. Получался многоугольный каркас, поддерживающий конусообразную крышу из длинных жердей (рис. 1, *А, Б*). К северному краю жилища примыкал выходлаз, опускавшийся ниже уровня пола на 1 м.

Второе изученное жилище – полной сохранности, имеет неявную подквадратную форму (рис. 1, *В, Г*). Стенки котлована вертикальные или ступенчатые. Заметен общий прогиб профиля к центру. В материке было выявлено множество ям разного цвета по интенсивности углистого заполнения (89). Большая часть – столбовые. Другая группа ям с плоскими или слегка округлыми донцами с углистым заполнением, вероятно, служила для обогрева жилища в зимний период. Костровых ям со следами прокала не обнаружено. Жилище имело, возможно, шалашевидное перекрытие и два (южный и восточный) входа-выхода. У последнего отмечены небольшие пятна, вероятно, конструкций поддерживающих перекрытие. С южной и западной сторон к жилищу примыкали хозяйственные ямы.

В заключение отметим, что изучение жилищ руссколуговской культуры позволяет сделать вывод о существовании долговременных поселений, имеющих «кустовое» расселение. Это расширяет наши представления о строительных и адаптационных стратегиях в мезолите, о времени и механизмах возникновения оседлых общин и их связи с экосистемами и уровнем хозяйствования.

Список литературы

Березина Н.С. Итоги исследования Мукшумской XVIII стоянки в Чувашском Заволжье // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006. С. 22–59.

Березина Н.С. Раскопки мезолитической Мукшумской XIV стоянки в Чувашском Заволжье // ТАС. Тверь, 2006а. Вып. 6. С. 233–240.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 23 с.

Березина Н.С. Отчет о раскопках Мукшумской 18 стоянки в Чебоксарском районе Чувашской Республики в 2016 г. // Научный архив ИА РАН.

Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья // Труды МАЭ. Йошкар-Ола, 2018. Т.X. 264 с.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды МАЭ. Йошкар-Ола, 1996. Т. IV. 180 с.

Никитин В.В. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // ТАС. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 224–232.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды МАЭ. Йошкар-Ола, 1960. Т. I. 185 с.

Древнейший «верхний» палеолит Русской равнины: возраст и длительность существования стрелецкой культуры в Костёнках

© *2020 г. А.А. Бессуднов[1] (bessudnov_a22@mail.ru), Р. Диннис[2], А.А. Синицын[1], Н. Рейнольдс[3], А.Е. Дудин[4], А.А. Артюшенко[1], А.Р. Лада[1]*

[1]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ
[2]Британский музей, Лондон, Великобритания
[3]Университет Бордо, Франция
[4]Музей-заповедник «Костёнки», Воронеж, РФ

Аннотация. В работе представлены результаты ревизии коллекций ключевых стрелецких комплексов в Костёнках, а также установления времени и длительности их существования. На сегодняшний момент все имеющиеся данные свидетельствуют в пользу «короткой» хронологии стрелецкой культуры, которая не имеет продолжения после выпадения пепла CI/Y5 (34,3 тыс. С14 л.н.).

Ключевые слова: верхний палеолит, стрелецкая культура, треугольные наконечники, радиоуглеродное датирование.

С момента обнаружения памятников с треугольными наконечниками в Костёнках и выделения на их основе стрелецкой культуры этот материал рассматривался в контексте решения проблемы перехода от среднего палеолита к верхнему. На сегодняшний день к данной культуре относятся пять стоянок Костёнковско-Борщёвского района – Костёнки 1(V), 12(Ia, III), 6, 11(V), а также несколько памятников на Русской равнине – Бирючья Балка 2, Гарчи, Высь. Иногда к стрелецкой культуре или испытавшим ее значительное влияния причисляют Сунгирь, Костёнки 11(III) и Борщёво 5(IV).

Несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки выделения «культуроопределяющих» типов изделий (Рогачев, 1957; Аникович, 1977а; 2005; Аникович и др., 2008), фактически единственным характерным типом для всех стрелецких памятников является треугольный наконечник с вогнутым или прямым основанием, изготовленный в технике тонкого бифаса. Другие формы изделий, такие как миниатюрные скребки, иногда с вентральной подработкой, разнообразные бифасы, в том числе треугольные с выпуклым основанием, группа «архаичных» типов орудий (скребла, остроконечники, «кинсоны» и т.д.) и др., хотя и встречаются в материалах стрелецких памятников, не могут считаться характерными только для них, поскольку известны в других средне- и верхнепалеолитических материалах Русской равнины.

Одной из важнейших проблем, связанных с изучением стрелецкой культуры, является проблема ее возраста и длительности существования как в Костёнках, так и на Русской равнине в целом. Детальной разработкой этой проблематики занимался М.В. Аникович (Аникович, 1977а; Аникович, 2005; Аникович и др., 2008), который на основании типологического анализа каменного инвентаря и данных радиоуглеродного датирования выделил четыре этапа существования культуры. По его мнению, стрелецкая культура имела поступательное развитие в период ~40–20 тыс. С14 л.н., что выражалось в постепенной эволюции материальной культуры и, в частности, стрелецких наконечников.

Ключевыми комплексами стрелецкой культуры в Костёнках являются Костёнки 1(V), 6 и 12(III), что, в первую очередь, обусловлено наличием представительных коллекций. Вместе с тем исследователями неоднократно подчеркивались проблемы, связанные с условиями и характером залегания этих культурных слоев, в связи с чем их гомогенность всегда была под вопросом. В ходе исследования нами была проведена ревизия упомянутых коллекций с целью уточнения основных характеристик каменного инвентаря, а также отобрана серия образцов для радиоуглеродного анализа в лаборатории Оксфорда (RLAHA) для определения возраста этих памятников. Учитывая сложную постдепозиционную историю культурных слоев, в процессе отбора преимущество отдавалось материалу, который был обнаружен на тех же квадратах или в непосредственной близости от стрелецких наконечников. Часть образцов была датирована методом извлечения отдельной аминокислоты – гидроксипролина (HYP-extraction), который хорошо зарекомендовал себя при датировании древнейших костёнковских памятников (Dinnis et al., 2019).

Результатом исследования стало уточнение представлений о технико-типологическом облике основных стрелецких комплексов, характере залегания культурных слоев и степени их гомогенности, а также установление времени и длительности их существования.

Костёнки 6. Культурный слой, залегающий в более чем метровой толще отложений под вулканическим пеплом CI/Y5, изначально считался переотложенным (Рогачев, 1957). Коллекция содержит различные группы артефактов и не может считаться гомогенной. Имеющиеся для Костёнок 6 даты (Синицын и др., 1997) были моложе вулканического пепла и не соответствовали стратиграфической позиции образцов. Все датированные в лаборатории Оксфорда образцы дали возраст древнее времени выпадения пепла, однако при этом продемонстрировали значительный хронологический разброс от 35 до 45 тыс. С14 л.н. (Dinnis et al., in press), что косвенно подтверждает разновременность материалов из культуросодержащей толщи отложений.

Костёнки 12. В отложениях нижней гумусированной толщи под пеплом залегают два культурных слоя, нижний из которых (III) содержит треугольные наконечники с вогнутым основанием (Рогачев, 1957; Аникович и др., 2008). Стратиграфия памятника подверглась серьезному воздействию склоново-делювиальных процессов. Во-первых, не на всех исследованных участках имеются линзы пепла, что затрудняет деление верхней и нижней гумусированных толщ, в каждой из которых имеются культурные остатки. Во-вторых, на большей части мыса, за исключением раскопа № III А.Н. Рогачева, остатки II и III культурных слоев перемешаны (Рогачев, 1957). Попытка разделения смешанной коллекции, предпринятая М.В. Аниковичем (1977б) преимущественно на основании сырья, как минимум дис-

куссионна – во втором слое оказался весь качественный меловой кремень и изготовленные на нем верхнепалеолитические типы орудий: резцы, скребки на пластинах, пластины с ретушью и др. К третьему слою был отнесен весь «архаичный» компонент (скребла, двустороннеобработанные орудия, скребки на отщепах и т.д.), изготовленный на некачественном местном плитчатом и моренном кремне. Наиболее вероятно, что коллекция из отложений под пеплом состоит из нескольких разновременных комплексов, а «архаичность» коллекции III культурного слоя может быть объяснена искусственностью отбора.

Для установления возраста культурных слоев нами были отобраны образцы из коллекций, полученных из наиболее стратифицированной части стоянки – раскопа № III А.Н. Рогачева. Три образца для III слоя, очищенные посредством ультрафильтрации, дали возраст моложе пепла, один не содержал достаточного количества коллагена. Дата для III слоя, полученная по гидроксипролину, составила около 40 тыс. С14 л.н., что соотносится со стратиграфической позицией образца (Dinnis et al., in press). Тем не менее, учитывая значительные проблемы со стратиграфией стоянки и вероятной гетерогенностью коллекции, мы не можем быть уверены, что данный возраст соответствует стрелецкому компоненту стоянки.

Костёнки 1. Основные проблемы стрелецкого культурного слоя (V) связаны с его стратиграфической позицией, а также трудностью корреляции различных исследованных участков памятника. Большинством исследователей позиция стрелецкого культурного слоя связывается с отложениями нижней гумусированной толщи (Рогачев, 1957; Синицын и др., 1997 и др.), хотя отсутствие линз вулканического пепла позволило М.В. Аниковичу предположить его более молодой, «послепепловый» возраст и, таким образом, отнести V слой Костёнок 1 ко второму этапу развития стрелецкой культуры (Аникович, 1977а; 2005). К настоящему времени нижние культурные слои памятника изучены двумя раскопами, взаимная корреляция отложений которых остается проблематичной (Дудин, 2007; Аникович и др., 2008). Среди двух выделенных стрелецких культурных слоев (V слой на северном участке и Va – на южном), только «классический» V слой А.Н. Рогачева содержит наконечники с вогнутым основанием.

Недавно полученные даты для нижних культурных слоев Костёнок 1 (Hoffecker et al., 2016; Haesaerts et al., 2017), подтвердили «допепловый» возраст V слоя, однако все образцы были взяты из участков, не содержащих стрелецкие наконечники. Нами были отобраны один образец из «классического» V слоя и два образца из слоя Va с целью определения их возраста и решения вопроса взаимной корреляции. Полученные результаты (35–36 тыс. С14 л.н. для слоя V и 40–41 тыс. С14 л.н. для слоя Va; Dinnis et al., in prep.) свидетельствуют о различном возрасте двух слоев, хотя оба были сформированы до времени выпадения пепла.

Заключение. Таким образом, только один стрелецкий памятник (Костёнки 1(V)) может с наибольшей вероятностью считаться гомогенным комплексом. «Древнейшие» стрелецкие поселения (Костёнки 12(III) и Костёнки 6) залегают в переотложенном состоянии и представляют собой разновременный палимпсест, сочетающий коллекции с треугольными наконечниками, пластинчатым компонентом и, возможно, среднепалеолитическими орудиями. Полученные для этих слоев даты древнее 40 тыс. С14 л.н. не могут быть однозначно соотнесены с какой-либо культурной традицией, а древнейшей стрелецкой стоянкой на данный момент может считаться только V слой Костёнок 1 возрастом 35–36 тыс. С14 л.н. Аналогичную хроностратиграфическую позицию (т.е. под пеплом) имеет обнаруженный недавно комплекс в Борщёво 5 (Лисицын, 2018), который пока не содержит типичных стрелецких наконечников (т.е. с вогнутым или прямым основанием), но должен рассматриваться в том же контексте. Присутствие треугольных наконечников с вогнутым основанием в культурных слоях, залегающих выше пепла, не может объясняться продолжением стрелецких культурных традиций, в первую очередь, из-за отсутствия контекста изготовления наконечников. Их попадание в «молодые» культурные слои стоит рассматривать как результат постдепозиционных процессов и/или возможного подбора обитателями этих стоянок. На сегодняшний момент все имеющиеся данные свидетельствуют в пользу «короткой» хронологии стрелецкой культуры в Костёнках, которая не имеет продолжения после выпадения пепла CI/Y5 (34,3 тыс. С14 л.н.).

Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ № 18–39–20009, 20–09–00233, РНФ № 18–78–00136, РНФ № 20-78-10151, а также частично в рамках выполнения плановой темы № 0184–2019–0001.

Список литературы

Аникович М.В. Памятники стрелецкой культуры в Костенках: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1977а. 21 с.

Аникович М.В. Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки. Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977б. С. 94–112.

Аникович М.В. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // АЭАЕ. 2005. № 2(22). С. 37–47.

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с.

Дудин А.Е. К вопросу о хроностратиграфической корреляции нижних культурных слоев стоянки Костенки 1 // ВДАС. 2007. Вып. 3. С. 23–32.

Лисицын С.Н. Находки артефактов стрелецкого культурного облика на стоянке Борщёво 5 в Костёнковско-Борщёвском палеолитическом районе на Дону // ЗИИМК. 2018. Вып. 17. С. 55–61.

Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района // МИА. 1957. № 59. С. 10–134.

Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы. СПб.: АкадемПринт, 1997. С. 21–66.

Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devièse T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // JHE. 2019. Vol. 127. P. 21–40.

Dinnis, R., Bessudnov, A., Reynolds, N., Devièse, T., Dudin A., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. Eastern Europe's 'Transitional Industry'? Deconstructing the Kostenki early Streletskian // Journal of Paleolithic Archaeology. In press.

Haesaerts P., Damblon F., van der Plicht J., Otte M., Nigst P.R. Additional data to the stratigraphy and the chronology of the Kostenki 1 (Poliakov) sequence, Voronezh, Russia // Le Sungirien. Liège: ERAUL 147, 2017. P. 135–142.

Hoffecker J.F., Holliday V.T., Anikovich M.V., Dudin A.E., Platonova N.I., Popov V.V., Levkovskaya G.M., Kuz'mina I.E., Syromyatnikova E.V., Burova N.D., Goldberg P., Macphail R.I., Forman S.L., Carter B.J., Crawford L.J. 2016. Kostenki 1 and the early Upper Paleolithic of Eastern Europe // JAS: Reports. 2016. Vol. 5. P. 307–326.

Ресурсная база населения стоянки Казачка I в раннем голоцене

© 2020 г. Е.Н. Бочарова (bocharova.e@gmail.com)

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Статья посвящена описанию адаптационных моделей населения берегов р. Казачка (Канско-Рыбинская котловина), обитавшего там в раннем голоцене. Основным объектом охотничьего промысла являлась косуля, в отдельные периоды также предпочтение также отдавалось оленям и лосям. Вспомогательными источниками получения пищи были добыча птицы и рыболовство. О развитии рыболовства у населения Казачки в голоцене косвенно свидетельствуют находки орудий рыболовного промысла и костей рыб.

Ключевые слова: ранний голоцен, система жизнеобеспечения, охотники-собиратели, рыболовство, Канско-Рыбинская котловина.

Начиная с десятого тысячелетия древними охотниками–собирателями для размещения поселений выбиралось одно и то же место – устье реки Казачки, что обусловило многослойность стоянки. Данный участок был удобным для проживания и добычи пищи, на что косвенно указывает достаточно большое количество фаунистических остатков, удобное географическое расположение на берегах полноводной реки и небольшой реки, которая впадает в нее, на границе лесостепной зоны и предгорья Енисейского кряжа. Стоянка Казачка I расположена в устье р. Казачка, правого притока р. Кан. Раскопки на памятнике велись с 1973 по 1985 гг. В результате была вскрыта толща рыхлых отложений, где в четких стратиграфических позициях зафиксировано 20 культуросодержащих горизонтов, датированные от 10 тыс. лет до н. э. до второй половины первого тысячелетия до н. э. В верхних семи горизонтах присутствует керамика, бескерамические культуросодержащие горизонты XX–VIII приурочены к раннеголоценовым отложениям (Савельев, Генералов, Абдулов, 1984). В данной статье приведены предварительные результаты реконструкции системы жизнеобеспечения населения стоянки Казачка I в раннем голоцене (горизонты 20–8).

Каменная индустрия стоянки характеризуется сочетанием торцовых и призматических нуклеусов. Первичное расщепление в индустрии ориентировано на получение пластин. В орудийном наборе присутствуют скребки,

Таблица 1. Видовой и количественный состав фауны местонахождения Казачка I (определение А.А. Хамзиной)

Виды / Горизонты	Всего определимых костей	косуля	олень	лось	кабарга	медведь	лисица	хищник	заяц	бобр	суслик	птица	рыба
VIII	953	921(30)* 96,7	26(1) 2,7			1(1) 0,1			1(1) 0,1			4(1) 0,4	
IX	90	46(3) 51,1	26(3) 28,9	13(1) 14,4		5(1) 5,6							
X	55	31(2) 56,4	21(2) 38,2	2(1) 3,6				1(1) 1,8					
XI	310	301(6) 97,1	4(1) 1,4	2(1) 0,6	2(1) 0,6								1(1) 0,3
XII	2060	1971(47) 95,6	26(1) 1,3	13(1) 0,6			3(1) 0,15	2 0,1			1(1) 0,05	39 2,0	5(1) 0,2
XIII	723	681(10) 94,2	2(1) 0,3	2(1) 0,3	12(1) 1,6	2(1) 0,3				1(1) 0,1		23 3,2	
XIV	15	15(1) 100											
XV	21	21(2) 100											
XVI	-												
XVII	12	5(1) 41,7		7(1) 58,3									
XVIII	4	4(1) 100											
XIX	44	34(2) 77,2	1(1) 2,3	8(2) 18,2		1(1) 2,3							
XX	6		6(1) 100										
Всего по горизонтам	4788	4409(130) 92,1	208(17) 4,3	59(12) 1,2	14(2) 0,3	13(6) 0,3	4(2) 0,1	3 0,08	1(1) 0,02	1(1) 0,02	1(1) 0,02	68 1,4	6(2) 0,14

*Числитель – количество определимых костей (число особей); знаменатель – % от общего числа определимых костей.

вкладыши, резцы, топоры, тесла. Технико-типологический облик комплекса имеет аналогии с индустриями финального плейстоцена – раннего голоцена Восточной Сибири (Бочарова и др., 2013). За время раскопок Казачки I была собрана представительная коллекция фаунистических находок (более 50 тыс. экз.). Среди определимых фрагментов (4788 экз.) обнаружены остатки 10 видов млекопитающих и немногочисленное количество костей птиц (1,5 % от общего числа определимых костей) (Табл. 1). Основой системы жизнеобеспечения Казачки 1 была охота на косулю (92,1 % от общего числа определимых костей). Кроме косули, в списке фауны Казачки I фигурируют олень, лось, кабарга, медведь, лисица, заяц, бобр. Костные остатки сильно фрагментированы.

Охота. Косуля была главным промысловым видом древних жителей берегов Казачки. Основываясь на определениях фаунистических остатков, сделанных А.А. Хамзиной, можно говорить, что стратегия жизнеобеспечения первобытного коллектива включала нерегулярную или случайную охоту на других животных крупных и средних размеров, ловлю птиц. В нижних горизонтах (горизонты 20–19) присутствуют животные – представители лесостепных зон (косуля, лось, олень). Начиная с 13 горизонта видовой состав фауны начинает увеличиваться, появляются немногочисленные остатки костей кабарги, лисицы, зайца и кости птиц. На то, что данные виды являлись именно объектом охоты, указывают следы на костях, такие как порезы и царапины на костях, которые могли появится в ходе разделки туши. Косвенным свидетельством является также сильная фрагментарность костей, которая может быть связана с попытками разбить крупные кости, чтобы извлечь костный мозг.

Вероятно, охота на косулю, так же, как и охота на оленей и лося, осуществлялась с помощью композитного вооружения, изготовленного из костяного и каменного сырья, включая пазовые орудия с использованием вкладышей. Начиная с горизонта 10 в составе орудийного набора появились каменные наконечники стрел. В этих горизонтах отмечается значительное увеличение костей оленя и лося и снижение количества костей косули (56 и 51 % соответственно). Наличие в орудийном наборе скребков может указывать на то, что на стоянке производилась обработка шкур.

Рыболовство. О начальных формах и развитии рыболовства на стоянке Казачка I свидетельствуют орудия из кости, в разной степени связанные с рыболовством: гарпуны и пазовое орудие.

В коллекции костяных изделий горизонта 12 Казачки I обнаружено 5 гарпунов и их фрагментов, с односторонним расположением зубцов. В слое обнаружена плоская овальная окатанная галька с двумя искусственными выемками на противоположных краях, которую можно идентифицировать как рыболовное грузило. Эти находки, в совокупности с немногочисленными костями рыбы могут служить первым свидетельством спорадического/нерегулярного рыболовства в устье р. Казачки в раннем голоцене. Для горизонта 12 были получены следующие даты: 8000±150, 8100±150 л.н. (некалиброванные значения). Датировка по химической намагниченности отложений 8360–8850 л.н. (от 1950 г.) в целом согласуется с радиоуглеродными определениями абсолютного возраста (Бураков и др., 1996). В горизонте 11 также зафиксированы орудия, косвенно указывающие на рыболовный промысел: двухсторонняя миниатюрная пазовая обойма, по форме напоминающая часть составного рыболовного крючка, костяное острие, а также гарпуны. Вкладышевое орудие имеет овальный контур. Пазы расположены с двух сторон. На противоположных продольных концах кольцевыми насечками обособлены две шишечки, очевидно для привязывания. Костяное острие представлено грифельной косточкой животного с овальным навершием. Подобные изделия имеют этнографические аналогии с «иглами» для вязания сетей. Гарпуны представлены двумя фрагментами.

На материалах стратифицированных объектов Канско-Рыбинской котловины отмечено, что рыболовство как самостоятельная форма хозяйства появилось в финале плейстоцена. В 70 км от стоянки Казачка I вверх по течению р. Кан расположен опорный для региона объект Стрижовая гора. В горизонте 14, имеющем датировку 12000±150 л.н. (ГИН-5821), 12090±120 л.н. (ГИН-5822), 12250±150 л.н. (ГИН-5820) (некалиброванные значения), зафиксированы наконечник гарпуна из рога оленя с двусторонним расположением зубцов, а также цельнорезной костяной крючок (Генералов, 2001. С. 127). Для финального палеолита и раннего голоцена соседних регионов описаны археологические свидетельства рыболовного промысла населения в Северной Ангаре и на Байкале (Роговской, Кузнецов, 2013а; Роговской, Кузнецов, 2013б; Горюнова, Новиков, 2005; Номоконова и др., 2017).

Автор статьи выражает благодарность А.А. Хамзиной за возможность использовать данные определений фаунистических остатков.

Список литературы

Бочарова Е.Н., Тимощенко А.А., Савелеьв Н.А. Комплекс раннего голоцена местонахождения Казачка I в Канско-Рыбинской котловине // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы IV Международной научной конференции. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 24–29.

Бураков К.С., Начасова И.Е., Генералов А.Г. Запись вариаций геомагнитного поля в химической намагниченности осадочных пород археологического памятника «Казачка» // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. М.: ОИФЗ РАН, 1996. С. 15–18.

Генералов А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского региона: Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 418 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита – бронзового века) // Изв. Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 125–134.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственичный в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013а. № 1 (2). С. 102–115.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Рыболовство в раннем голоцене на многослойном местонахождении Остров Лиственичный (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013б. № 2 (3). С. 15–32.

Номоконова Т.Ю. и др. Рыболовство на Большом море озера Байкал в голоцене (по материалам многослойных поселений) / Т.Ю. Номоконова, А.Г. Новиков, Р.Дж. Лозей, О.И. Горюнова, Н.А. Савельев, А.В. Вебер // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 4. С. 13–23.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины // Проблема исследования каменного века Евразии. Красноярск. Красноярский пед. ун-т, 1984. С. 136–142.

Возможности применения 3D-сканирования при изучении бифасов из Чагырской пещеры

© *2020 г.* ***Е.Н. Бочарова*** *(bocharova.e@gmail.com),* ***П.В. Чистяков***

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования артефактов из каменного сырья, осуществленного с применением методов трехмерного сканирования на базе оборудования с различными техническими характеристиками. Предметом исследования послужило бифасиальное орудие из среднепалеолитического слоя Чагырской пещеры. Цель данной работы заключалась в апробации новейших методик анализа древних изделий посредством сканирования методом структурированного подсвета.

Ключевые слова: бифасы, 3D-сканирование, 3D-моделирование, Чагырская пещера, средний палеолит.

В рамках исследований археологических комплексов Чагырской пещеры были проведены работы по сканированию разнотипных археологических артефактов. Выбор методики сканирования для каждого артефакта определялся характеристиками объекта и задачами, которые ставит исследователь. В статье кратко изложена методика трехмерного сканирования бифасиального орудия из археологических комплексов Чагырской пещеры. Сканирование проводилось 3D-сканером Range Vision Spectrum 3.1, с помощью которого возможно получить высокоточную трехмерную модель. Выбор данного сканера обусловлен соотношением цена/качество: высоким качеством получаемых моделей, при этом цена сканера более чем доступна. Сканер позволяет создавать текстурные и безтекстурные модели. Также существует несколько способов сканиро-

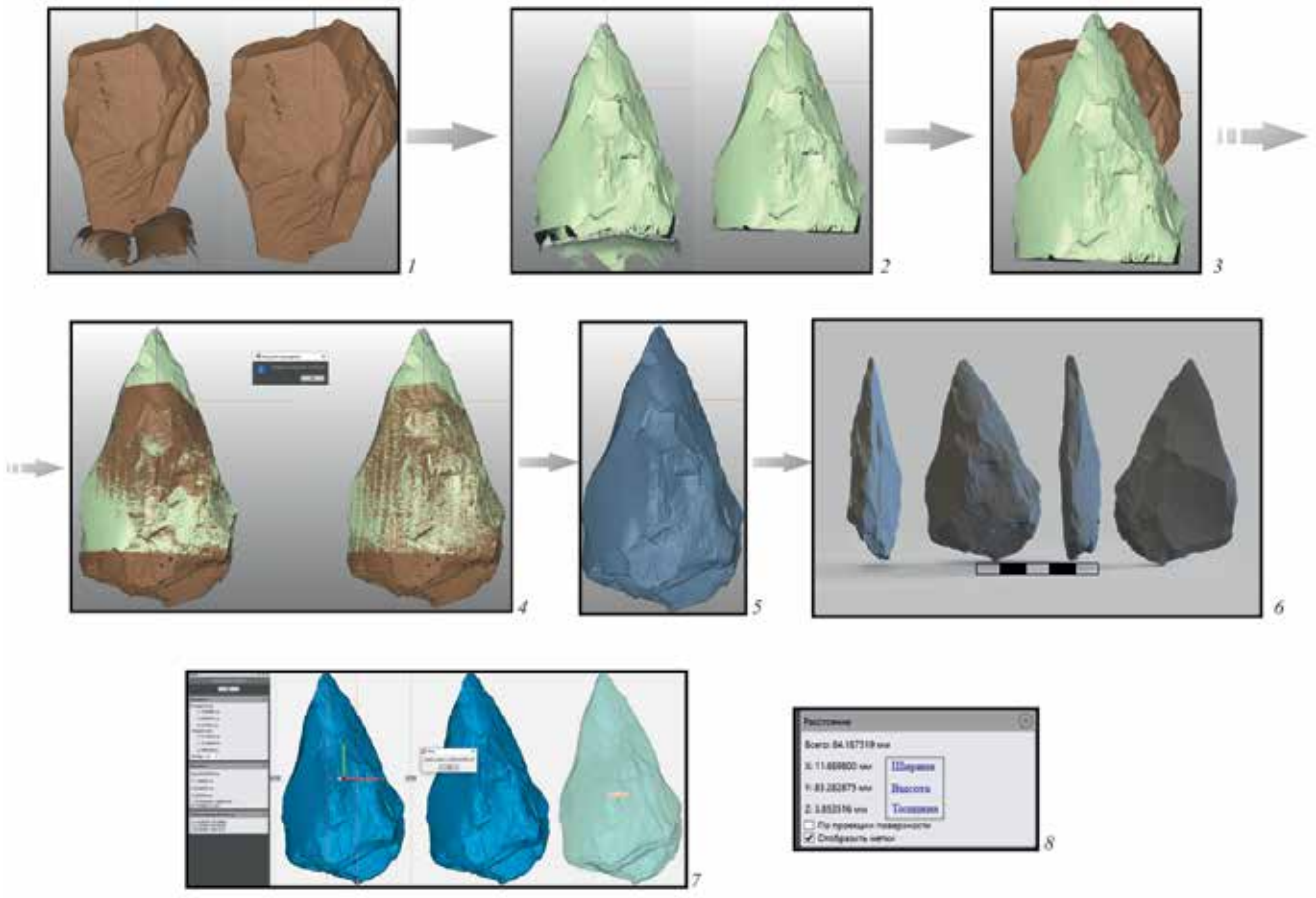


Рис. 1. Последовательность сканирования бифасиального орудия:
1 – сканирование первой группы; 2 – сканирование второй группы; 3 – совмещение сканов в единую группу; 4 – создания группы сканов (результат совмещения); 5 – построенная модель; 6 – модель бифасильного орудия в 4 проекциях, с масштабом; 7 – измерение в программе Geomagic Wrap; 8 – пример измерений основных параметров.

вания артефактов: при помощи поворотного стола и при помощи специальных меток (Чистяков и др., 2019).

Объект сканирования: бифасиальное орудие, найденное во время раскопок на Чагырской пещере в 2010 году. Чагырская пещера является ключевым памятником для изучения сибирячихинской индустрии Российского Алтая с представительной коллекцией плоско-выпуклых бифасиальных орудий (Kolobova et al., 2019).

Артефакт обладают средними размерами, и требует соответствующей калибровки сканера: выбор зоны сканирования, определение рабочего расстояния и калибровка поля. Объект не содержит сложных форм, поэтому сканирование выполнялось согласно алгоритму описанному ниже. Объект устанавливается в вертикальном положении на поворотном столике в одной плоскости и фиксируется при помощи специальных средств. После чего настраивается выдержка, согласно которой объект будет достаточно засвечен и не будет «слепых зон», т.е. зон, которые окажутся пустыми после завершения сканирования. При сканировании на поворотном столе объект устанавливается на платформе стола и автоматически сканируется с нескольких ракурсов. Данный способ сканирования предполагает, что отдельные снимки объекта, объединенные в одну группу, автоматически совмещаются. Настраиваем поворотный столик на необходимое количество поворотов, после чего начинаем сканирование. Для получения качественной модели достаточно от 8 до 12 снимков (рис. 1, *1*). После получения первой группы снимков необходимо перевернуть объект, для того чтобы можно было отсканировать нижнюю часть артефакта (рис. 1, *2*). После завершения сканирования второй группы необходимо проверить полученные модели на отсутствие «слепых зон». В случае обнаружения не отсканированных участков необходимо провести сканирование заново, при необходимости провести уточняющую калибровку сканера. При отсутствии ошибок необходимо перейти в режим редактирования для удаления лишних сегментов сканирования (например, зоны крепления части артефакта, фон). После удаления объектов, не относящихся к сканированному объекту, следует произвести совмещение сканов в единую группу (рис. 1, *3*). Для осуществления данной манипуляции использовалась программа ScanCenter NG. После успешного создания группы сканов (рис. 1, *4*) нужно перейти к созданию и экспорту полноценной, масштабируемой 3D-модели артефакта (рис. 1, *5, 6*). Точность метрических измерений артефакта, полученных уже по готовой модели соответствует сотым и тысячным долям миллиметра (рис. 1, *8*). Данный пример открывает новые возможности для проведения метрических анализов, их верификации и статистической обработки полученных данных (рис. 1, *7*) (Шалагина и др., 2020; Kolobova et al., 2020).

Получение масштабированных моделей, возможность их полноразмерной печати стирает грань между моделью и артефактом (Garstki, 2017). Трехмерные модели артефактов могут быть доступны другим исследователям не зависимо от их географической локации, в результате чего достигается как сохранение предметов культурно-исторического наследия, так и стимулируется международная и внутрироссийская коллаборация между исследовательскими коллективами.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 19–48–04107 «Происхождение восточных неандертальцев: сравнительные исследования сибирячихинской индустрии (Российский Алтай)».

Список литературы

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 27, № 3. С. 102–112. DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-07.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Чистяков П.В., Кривошапкин А.И. Применение трехмерного геометрико-морфометрического анализа для изучения артефактов каменного века // Stratum plus. 2020. № 1. С. 343–358.

Garstki K. Virtual Representation: the Production of 3D Digital Artifacts // Journal of Archaeological Method and Theory. 2017. Vol. 24. P. 726–750. DOI 10.1007/s10816–016–9285-z.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // PNAS. 2020. Vol. 117 (6). P. 2879–2885. https://doi.org/10.1073/pnas.1918047117.

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Chabai V.P., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Signification des technologies bifaciales au Paléolithique moyen des montagnes de l'Altaï // L'Anthropologie. 2019. Vol. 123 (2). P. 276–288.

Расселение позднепалеолитического человека в Южно-Минусинской котловине и ее горном окружении

© 2020 г. С.А. Васильев (sergevas@AV2791.spb.edu)

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Доклад посвящен характеристике позднепалеолитических памятников, расположенных в пределах Южно-Минусинской котловины и ее горного окружения по Енисею и его притокам (Абакан, Ус, Туба). Приведены данные о геолого-геоморфологической позиции памятников, их функциональных особенностях, хронологии и культурной принадлежности. Реконструирована картина расселения человека каменного века в горах Западного Саяна в свете результатов разведок по трассе строящейся железной дороги Кызыл-Курагино.

Ключевые слова: Енисей, Минусинская котловина, поздний палеолит, афонтовская культура, кокоревская культура.

Территория Южно-Минусинской котловины, ограниченная горными массивами Западного и Восточного Саяна и хребтами Кузнецкого Алатау, является местом сосредоточения значительного числа позднепалеолитических памятников. Согласно геологическим данным (Ефимцев, 1961), последнее оледенение в горах Западного Саяна носило ограниченный характер и ледники не были непреодолимым барьером на пути расселения древнего человека. Зафиксированы следы горнодолинных ледников в центральном Саянском хребте, в районе верховий Хемчика, Алаша и Кантегира. Оледенение Восточного Саяна было более обширным, но основной центр ледниковой активности располагался далеко к востоку от Южно-Минусинской котловины.

Природная обстановка в сартанское время характеризовалась преобладанием остепненных ландшафтов с березово-кедрово-сосновыми лесами вдоль речных долин. О мозаичности ландшафтов свидетельствует смешанный характер фауны палеолитических стоянок, включающий как животных, преимущественно населявших открытые пространства (бизон, лошадь, кулан, северный олень), так и лесных обитателей (благородный олень). К финалу плейстоцена нарастает роль в фауне лося и косули. В горных районах имеются остатки горного барана и сибирского козерога. Интересно полное отсутствие костей мамонта.

Переходя к географическому распространению стоянок палеолита, безусловно, следует иметь в виду неравномерную степень изученности обширной территории. Так, систематическому исследованию пока подверглись лишь отдельные участки долины Енисея и его притоков (Тубы, Абакана, Уса), в то время как бассейны рек Оя, Кебеж, Шушь, Казыр, Кизир и др., остаются практически белыми пятнами на археологической карте. Часть памятников, располагавшихся по Енисею и в нижнем течении Тубы, утрачена при заполнении водохранилища Красноярской ГЭС.

Основное сосредоточение позднепалеолитических стоянок связано с районом Майны-Саяногорска вблизи выхода Енисея из горных теснин на просторы Минусинской котловины (приустьевые части долин рек Уй, Сизая, Голубая, Большой Карак). Здесь открыт и частично раскопан ряд памятников, в основном относящихся к позднесартанскому времени (от 15–16 до 10 тыс. лет по некалиброванной радиоуглеродной шкале), хотя древнейшие комплексы (нижний слой стоянки Уй 1) датированы раннесартанским временем (17–22 тыс. лет; Астахов, 1986, Васильев, 1996). Судя по характеру фаунистических остатков, расположение района на стыке контрастных ландшафтов благоприятствовало охотничьей деятельности, позволяя эксплуатировать ресурсы как степной, так и горнотаежной зоны. Большая часть памятников относится к афонтовской культуре, хотя есть комплекс 3 слоя стоянки Голубая 1, представляющий собой образец «мелкопластинчатой индустрии», сосуществовавшей в финале плейстоцена с афонтовской культурой.

В пределах Койбальской степи палеолитические остатки представлены в основном находками на песчаных выдувах вблизи озер (Лисицын, Худяков, 1987). Далее к западу известна группа памятников, расположенных в предгорной части долины Абакана (Лисицын, Худяков, 1987, Дроздов и др., 2017).

Наконец, крайняя западная группировка стоянок связана с бассейном верхнего течения р. Абакан (Зубков и др., 2019). Если приуроченные к низким террасам памятники (Можаров Увал 1, Матрос 1, Большие Арбаты 1) являются аналогами енисейских стоянок афонтовской культуры, то иначе обстоит дело с местонахождениями высоких уровней. Выделяется стоянка-мастерская Куйбышево II, расположенная вблизи выходов жильного кварцита. Памятник не имеет аналогов в палеолите Енисея, и доставил обширную коллекцию каменного инвентаря, сочетающую элементы афонтовской и кокоревской культур, а также серию листовидных бифасов.

Неподалеку расположена стоянка Кривой Чистобай I, представляющая собой первый в регионе памятник кокоревской культуры. Открытие на Кривом Чистобае заставляет вспомнить стоянку Ийме в Западной Туве (Вайнштейн, 1956). Интересно, что, несмотря на многолетние разведки, ни на Хемчике, ни в других местах Тувы (Астахов, 1986), аналогичных Ийме памятников не обнаружено. При взгляде на карту распределения стоянок, нельзя не отметить, что известные комплексы кокоревской культуры встречены по обе стороны Саяна. С одной стороны, это Улугбиль и Кривой Чистобай I в бассейне Абакана, а по другую сторону Саянского хребта – Ийме на Хемчике. Поскольку долины верховьев Абакана и его притоков связаны удобными перевальными тропами с бассейном Хемчика, можно предполагать, что в древности этот путь служил для распространения носителей кокоревской культуры из бассейна Абакана в Туву.

Перейдем к правобережью Енисея. Здесь известен ряд пунктов с палеолитическими остатками (Подсуханиха, Быстрая, Потрошилово и др.; Абрамова, 1975, Абрамова и др., 1991). Крайним районом распространения находок палеолита в восточном направлении остается долина р. Тубы, где в нижнем течении реки открыта стоянка Притубинск 1 (Харевич и др., 2018), а в верховьях – стоянки Ирба 2 и Гора Веселовская (Васильев и др., 2019). Если материалы из культурных слоев стоянки Притубинск 1 со-

поставляются с кокоревской культурой, то Ирба 2 демонстрирует близость к афонтовской культуре на поздней стадии ее развития. Разведки, предпринимавшиеся автором в рамках работ по трассе строящейся железной дороги Кызыл-Курагино, показали отсутствие следов древнекаменного века в долине Амыла южнее района слияния Амыла и Казыра, где была открыта разрушенная стоянка Качулька. С другой стороны Саянского хребта, в пределах Усинской межгорной котловины древнейшие признаки пребывания человека относятся к раннему голоцену, а в примыкающей к котловине долине левого притока р. Ус, р. Иджим, остатков каменного века нет. Единственный стратифицированный памятник палеолита на р. Ус – стоянка Нижний Иджир 1 и ряд местонахождений, расположенных рядом, в низовьях реки. Южнее, в пределах Тувы, известные позднепалеолитические местонахождения сосредоточены в долине Улуг-Хема (Астахов, 1986), хотя есть отдельные находки, говорящие о наличии палеолита в Турано-Уюкской котловине (Астахов, Нехорошев, 2018). На самом Енисее также нет следов палеолита в центральной части Саянского каньона, на отрезке от устья Уса до устья Кантегира.

Распределение позднепалеолитических памятников рисует картину освоения древним человеком в конце плейстоцена основной части Южно-Минусинской котловины. Преимущественно речь идет о носителях афонтовской культуры, хотя есть памятники кокоревской культуры и иных вариантов енисейского палеолита. В то же время внутренние районы горной страны Западного Саяна оставались не освоенными. Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день сведения позволяют говорить о сплошном расселении древнего человека в Западном Саяне, включая удаленные труднодоступные уголки, лишь с наступлением голоцена (см. Васильев, 1992).

Исследование проведено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184–2018–0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

Список литературы

Абрамова З.А. Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.П. Окладников, А.П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 21–30.

Абрамова З.А. и др. Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991. 158 с.

Астахов С.Н. Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986. 174 с.

Астахов С.Н., Нехорошев П.Е. Новые находки палеолита в Туве // ЗИИМК. 2018. № 19. С. 7–12.

Вайнштейн С.И. Археологические исследования в Туве в 1955 г. // УзТНИИЯЛИ. Вып. IV. 1956. С. 33–40.

Васильев С.А. Освоение человеком каменного века гор Западного Саяна // РА. 1992. № 1. С. 5–12.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 224 с.

Васильев С.А. и др. Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю.А. Виноградов. С.А. Васильев, К.Н. Степанова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 83–102.

Дроздов Н.И. и др. Исследование палеолитических местонахождений Маткечик на юге Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 114–116.

Ефимцев Н.А. Четвертичное оледенение Западной Тувы и восточной части Горного Алтая. ТГИН. № 61. 1961. 267 с.

Зубков В.С. и др. Поздний палеолит Верхнего Абакана (Хакасия) // Stratum Plus. 2019. № 1. С. 279–294.

Лисицын Н.Ф., Худяков Ю.С. Дюнные стоянки Хакасии (Койбальская степь). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 76 с.

Харевич В.М. и др. Археологические исследования в долине реки Тубы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 165–168.

Мезолит р. Ижма: археологические культуры и культурные традиции

© 2020 г. А.В. Волокитин *(volkt54@mail.ru)**, Н.А. Волокитина***

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, РФ

Аннотация. В бассейне р. Ижма выделено два геоархеологических микрорайона Ижма-Томский и Усть-Ухтинский. Оба имеют мезолитические памятники как приуральской, так и западной традиций мезолита европейского Северо-Востока. Сосуществование памятников обоих традиций допускается исходя из радиоуглеродных дат стоянки Лек-Леса 1 и мезолитических горизонтов памятника Вылыс Том 2.

Ключевые слова: мезолит, европейский Северо-Восток, Ижма, стоянка, кремневые индустрии.

На европейском Северо-Востоке в мезолите прослеживаются две традиции: приуральская и, так называемая, западная. Отчетливо прослеживаются сходство приуральской традиции с мезолитом Прикамья, а западной – с бутовской культурой Волго-Окского междуречья (Волокитин, 1997). В бассейне р. Ижма выявлены памятники обеих традиций. Мало того, они присутствуют в составе отдельных геоархеологических микрорайонов, изучение которых существенно продвинулось в последние десятилетия.

В Ижма-Томском микрорайоне к приуральской традиции относятся стоянка Лек-Леса (Волокитин, 2005. С. 198–205), с некоторыми оговорками стоянка Турунюр 1 (Лузгин, 1972), а также открытый совсем недавно памятник Улыс Том 4 (Волокитин, Волокитина, 2019. С. 17–18).

К западной традиции в данном микрорайоне относятся мезолитические (третий и четвертый) культурные горизонты многослойного археологического памятника Вылыс Том 2 (Волокитин, Волокитина, 2016. С. 86–90), стоянка Очью катище, а также открытая совсем недавно, но еще не достаточно изученная стоянка Вылыс Том 3 (Волокитина, 2019. С. 18–20).

В Усть-Ухтинском геоархеологическом микрорайоне к приуральской традиции относится стоянка Усть-Ухта 1 (Волокитин, 1992. С. 72–77), а к западной традиции – стоянка Ухтинская, на которой в 2019 г. выявлен выразительный мезолитический материал.

Следует отметить, что выстроить хронологию для приуральской традиции европейского Северо-Востока до сих пор не представляется возможным (Волокитин, Зарецкая, 2006; 2015). Дело в том, что все археологические памятники данной традиции, а это кратковременные лагеря и сезонные стоянки, расположены на так называемых боровых террасах, где независимое датирование по объективным причинам весьма проблематично. В Ижма-Томском микрорайоне радиоуглеродные даты получены на стоянке Лек-Леса: дата – 9010±70 (ЛЕ-3607) по углю, и масс-спектрометрическое ^{14}C датирование образца бересты – 8730±30 ($IGAN_{AMS}$ -5993). Это не совсем однозначное, но все же единственное свидетельство, на которое мы можем опираться, сравнивая время существования двух традиций внутри микрорайона, да и на всей территории европейского Северо-Востока в целом.

Западная традиция мезолита европейского Северо-Востока отличается тем, что помимо стоянок на боровых террасах, имеются памятники, связанные с отложениями аллювия пойменной фации, что позволило, в частности, провести массовое радиоуглеродное датирование стоянок. Если на Вычегде это стоянки Парч 1 и Парч 2 на пойме, то в Ижма-Томском микрорайоне это мезолитические слои памятника Вылыс Том 2 в отложениях 10-метровой надпойменной террасы на глубине около 2 м. Они связаны с гумусированными слойками суглинка\ супеси, разделенными прослойками песка. Слои отложились во времена, когда терраса находилась на уровне формирования низкой поймы, около 8,7 тыс. ^{14}C лет назад. Исходя из анализа радиоуглеродных дат и стратиграфических наблюдений, сейчас можно утверждать, что третий и четвертый культурные горизонты памятника Вылыс Том 2 отделены друг от друга не более чем одним десятком лет (Волокитин, Панин, Арсланов, 2014. С. 42–46). Они имеют повторяющиеся наборы орудий и технологии обработки камня. Их очаги расположены строго один над другим. Наблюдается также присутствие охры.

В свою очередь по технико-типологическим показателям индустрия мезолитических горизонтов Вылыс Тома 2 близка индустриям мезолитических стоянок Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сходство выявляется, прежде всего, в технике расщепления. Стоянки парчевской группы, равно как и мезолитические горизонты Вылыс Тома 2, имеют тип распределения пластин, характеризующийся невысоким числом микропластин и примерно равным соотношением узких и средних пластин. Сходство графиков распределения пластин по ширине Вылыс Тома 2 наиболее отчетливо проявляется с коллекцией жилища 2 стоянки Парч 2 (Волокитин, 2006. С. 101. Рис. 56–57), из-за повышенных тенденций очень широких (свыше 25 мм) пластин. Сходство с материалами Парч 2 жилище 2 наблюдается и по формам, представленным в сравниваемых коллекциях. Аналогии орудийных наборов прослеживаются по серийно представленным пластинкам и крупным пластинам с усеченным концом, разнообразным остриям-перфораторам, скребкам высокой формы. Особо отметим сходство складней нуклеусов-резцов. Единственное существенное отличие – это отсутствие на Вылыс Томе 2 наконечников стрел на пластинах. Тем не менее, более чем достаточно аргументов для отнесения третьего и четвертого культурных горизонтов Вылыс Тома 2 к парчевской культуре.

Стоянка Парч 2 имеет несколько более ранние (9500±250 (ГИН-11912) и 9100±250 (ГИН-11913) 9175±30 ($IGAN_{AMS}$ -5989)) ^{14}C даты. Таким образом, мезолитические материалы Вылыс Тома 2 занимают промежуточное положение между парчевскими стоянками на Вычегде и группой мезолитических стоянок в урочище Топыд Нюр на Печоре (Канивец, 1973; Волокитин, 1987), которые относятся к завершающей стадии мезолита региона западной традиции. В данном случае сходство ижемских и печорских мезолитических материалов по технико-типологическим показателям дополняется наличием в обоих случаях шлифованных топоров одинаковых форм, изготовленных из близких по характеристикам пород: кремнистая опока на Печоре и доломитизированный известняк на Ижме (Будзанивский, Волокитин, 2014. С. 169–173).

Обязательно следует отметить, то обстоятельство, что в Ижма-Томском микрорайоне мезолитические горизонты памятника Вылыс Том 2 и расположенной в 2 км на боровой второй надпойменной террасе стоянке Очью катище имеют повторяющие друг друга коллекции. То же самое можно предполагать, основываясь на сходстве коллекций еще слабо изученных местонахождений Вылыс Том 1 и Вылыс Том 3, расстояние от которых до Вылыс Тома 2 еще меньше. В связи с этим вырисовывается картина сезонных, во время половодий «перемещений одного коллектива» с низкой поймы (Вылыс Том 2) на высокую 10–12 метровую террасу (Очью катище, Вылыс Том 1 и 3).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми в рамках научного проекта № 20–49–110002.

Список литературы

Будзанивский И.А., Волокитин А.В. Топоры четвертого культурного горизонта многослойного памятника Вылыс Том 2 на Ижме // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар, 2014 (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН). С. 169–173.

Волокитин А.В. Особенности индустрий мезолитических памятников Топыд-Нюр 5 и 7а на Средней Печоре // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1987. С. 6–15. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 40).

Волокитин А.В. О мезолите Европейского Северо-Востока // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: Сб. науч. тр. Сыктывкар, 1992. С. 72–77.

Волокитин А.В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и

Зауралья. М.: ACADEMIA, 2005. С. 198–205.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006. 126 с.

Волокитин А.В., Волокитина Н.А. Место каменной индустрии 3 и 4 культурных горизонтов памятника Вылыс Том 2 в мезолите Приуралья // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь 9–12 февр. 2016 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. С. 86–90.

Волокитин А.В., Волокитина Н.А. Археологические исследования в Ижемском районе // Археологические открытия. 2017 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 17–18.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная хронология заселения европейского Северо-Востока в начале голоцена // Современные проблемы археологии России: Сб.науч.тр. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т.1. С. 185–188.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е. Мезолит севера европейской России: соотношение радиоуглеродной и археологической хронологии // IV Северный археологический конгресс: Екатеринбург, 2015. С. 8–10.

Волокитин А.В., Панин А.В., Арсланов Х.А. Многослойный археологический памятник Вылыс Том 2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 3. Иркутск: ИГУ, 2014. С. 42–46.

Волокитина Н.А. Ижма-Томский геоархеологический район Припечорья: новейшие исследования мезолита // Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям. Материалы V конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С. 18–19.

Канивец В.И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. Сыктывкар, 1973. С. 3–23. (МАЕСВ; Вып. IV).

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.

Каменная индустрия стоянки Гора Маяк в Самарском Заволжье и ее место в финальном палеолите Востока Русской равнины

© 2020 г. М.Ш. Галимова[1] *(mgalimova@yandex.ru),* ***Д.А. Сташенков[2], А.Ф. Кочкина[2]***

[1] Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, РФ
[2] Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, Самара, РФ

Аннотация. Изучение инвентаря стоянки Гора Маяк на р. Большой Черемшан выявило особенности каменной индустрии и вкладышевого вооружения, аналогии которому найдены в инвентаре финальнопалеолитических стоянок Среднего Поволжья (Шолма I, Сюкеевский Взвоз) и Северного Казахстана (Шидерты 3). Этим подтверждается мнение авторов о возможности относить стоянку Гора Маяк к финальному палеолиту.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, финальный палеолит, кремневые орудия, пластинчатая индустрия, функциональный анализ.

Рассматриваемая стоянка каменного века является частью комплекса разновременных археологических памятников, расположенного на горе Маяк у с. Сиделькино в Самарском Заволжье (Сташенков, 2003). Остатки стоянки представляли собой крупное скопление каменных артефактов, зафиксированное в раскопе 6, изучение которого было начато Д.А. Сташенковым, А.Ф. Кочкиной и Л.В. Кузнецовой в 2002 г. Тогда же в раскопе были исследованы три погребения, датированные рубежом плейстоцена и голоцена (могильник Гора Маяк) (Кузнецова, Ластовский, Сташенков, Хохлов, 2004). В 2003-2004 гг. исследования раскопа 6 были продолжены. А.А. Ластовский, изучивший коллекцию стоянки, выделил в ней раннемезолитический и неолитический комплексы. Возникшая дискуссия относительно датировки стоянки и ее соотношения с погребениями побудила авторов вновь обратиться к данным материалам, было проведено трасологическое изучение предметов из камня.

Общее число каменных артефактов из раскопа 6 достигает 2400 единиц. Технологические и типологические особенности каменной индустрии стоянки были обусловлены расщеплением преимущественно мелких конкреций и галек кремня, в том числе яшмовидного и халцедонового, а также кварцитопесчаника. В связи с довольно высоким качеством сырья техника отжима пластин и микропластин с призматических (конических) нуклеусов применялась на стоянке широко. В коллекции наиболее представительны пластины и микропластины без вторичной обработки, в том числе как целые экземпляры, так и фрагментированные (40 %). Большинство среднеширокихпластин, как показал трасологический анализ, использовались в качестве ножей (в том числе разделочных и строгальных) и пилок (рис. 1, *1, 11, 12*). Многие узкие пластины и микропластины служили вкладышами составных наконечников метательного оружия (рис. 1, *4-7, 21*). Морфологически выраженные изделия (5 %) включают: концевые и боковые скребки (рис. 1, *17*); резцы на пластинах – ретушные, угловые, на сломе пластины и резцы этих типов в сочетании с краевыми скобелями (рис. 1, *10, 13, 14, 20*); стамески на отщепах (рис. 1, *18, 19*); немногочисленные сверла на массивных отщепах и разнотипные наконечники стрел на пластинах с ретушью острия и насада (рис. 1, *8, 9, 15*). В коллекции имеются единичные изделия с бифасиальной обработкой – наконечники стрел, крупные ножи на плитках кремня (рис. 1, *2, 3, 16, 22*), а также несерийные рубящие орудия и их заготовки. В качестве различных орудий использовались не только пластины, и микропластины без вторичной обработки, но и сколы оформления нуклеусов, отщепы и даже чешуйки.

В составе вкладышей особое место занимает небольшая трапеция с прямыми ретушированными сторонами (рис. 1, *6*). Именно такие трапеции характерны для охотничьего инвентаря стоянки Шолма I в Предволжье Чувашии (Березина, Березин, Галимова и др., 2010). Результаты абсолютного датирования указывает, что эта стоянка функционировала в период межстадиальных потеплений

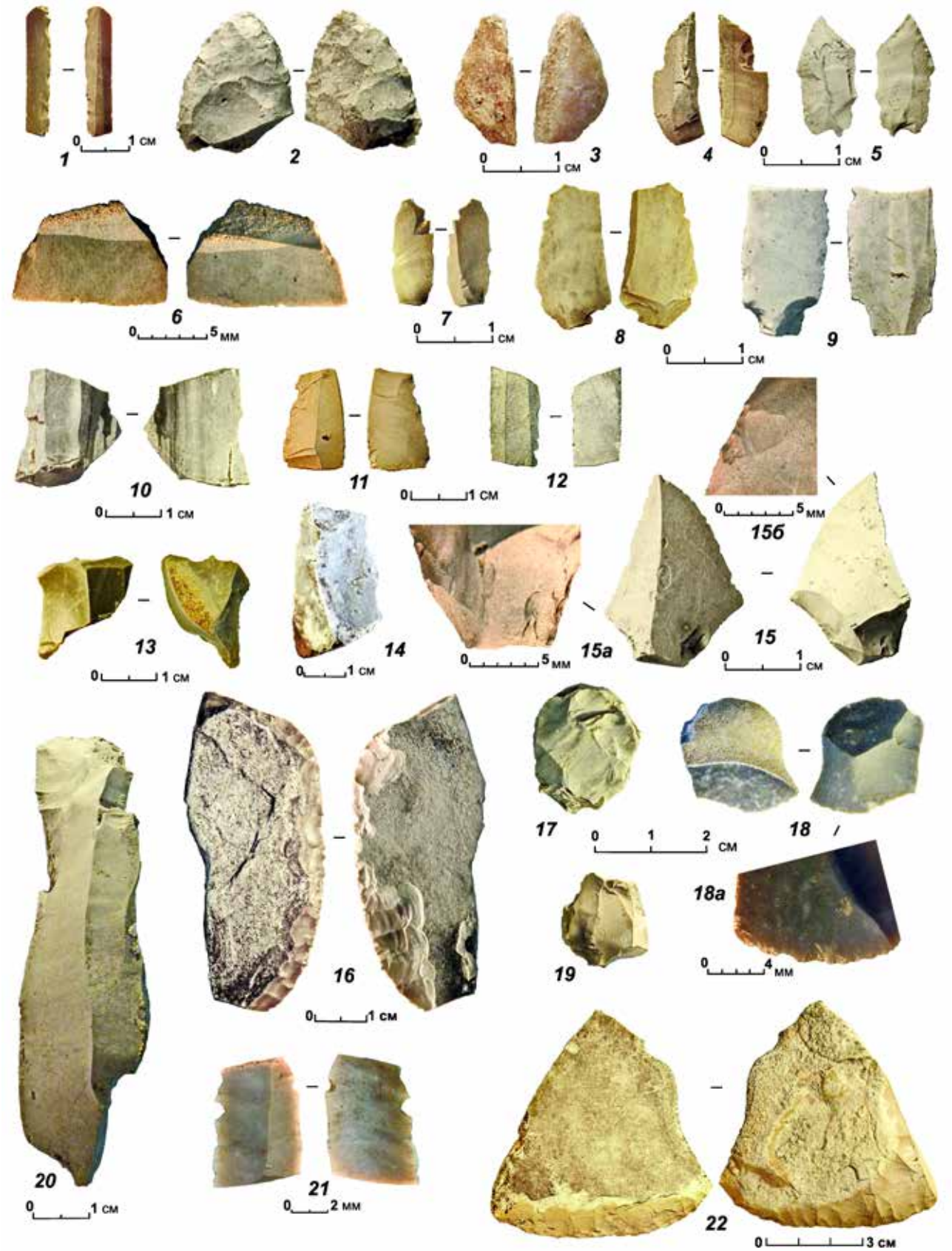


Рис. 1. Стоянка Гора Маяк, каменный инвентарь из раскопа 6

1 – строгальный нож (сломан) (инв. №788, 2003 г.); 2 – наконечник-бифас (сломан) (№787, 2003); 3 – наконечник-бифас (кварцит) (№408, 2003); 4 – вкладыш наконечника (№780, 2003); 5 – вкладыш наконечника (№373, 2004); 6 – наконечник-трапеция (№1092, 2004); 7 – вкладыш наконечника (№ 147, 2004); 8 – наконечник (сломан) (№587, 2003); 9 – наконечник (сломан) (№690, 2004); 10 – резец на сломе пластины (№14, 2003); 11 – вкладыш ножа (№80, 2003); 12 – фрагмент ножа-пилки (№63, 2003); 13 – резец ретушной (№4, 2003); 14 – резец-скобель (халцедон) (№1089, 2004); 15 – наконечник (№502, 2004); 16 – бифас с обушком – нож и угловой резец (№48, 2004); 17 – скребок концевой на сколе площадки нуклеуса (№44, 2004); 18 – стамеска с двумя лезвиями (№192, 2004); 19 – стамеска (№56, 2004); 20 – резец угловой дублированный (№716, 2003); 21 – вкладыш наконечника (№615, 2004); 22 – бифас с обушком – нож (№715, 2003).

беллинг-аллеред (12,4–10,9 тыс. л.н.) (Березина, Березин, Галимова, Гольева, 2020).

В этой связи отметим, что на Горе Маяк в заполнении погребения 1, которое было отнесено Е.В. Пономаренко по результатам датирования ко времени, близкому к потеплению аллеред (Кузнецова, Пономаренко, 2003), были найдены кремневые артефакты, аналогичные по сырью и облику изделиям из инвентаря стоянки (Сташенков, 2003).

Микропластинчатость и вкладышевый инвентарь, в том числе мелкие трапеции с прямыми ретушированными сторонами, присущи индустрии финального палеолита нижнего слоя стоянки Шидерты 3 в Северо-Восточном Казахстане (Мерц, 2018. С. 101). Также близкая по форме и размерам трапеция найдена на стоянке усть-камской культуры Сюкеевский Взвоз (раскоп 1989-1990 гг.) на правом берегу Волги в Республике Татарстан (Галимова, 2001. С. 222).

Обнаруженные в раскопе 6 наконечники стрел с крутой ретушью на черешках и уплощенной подправкой на брюшке не противоречат современным данным о финальном палеолите Восточной Европы. Найденные здесь же бифасиальные изделия вкупе с единичными фрагментами неолитической керамики указывают на неолитический компонент в напластованиях данного комплекса памятников.

Что касается использования технологии отжима узких пластин и микропластин в индустрии стоянки Гора Маяк, то известно, что отжим мог применяться в финальном палеолите в тех индустриях, которые опирались на качественное сырье.

Список литературы

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Промежуточные итоги комплексного исследования стоянки Шолма I // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань: Фэн, 2009. С. 251–308.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Гольева А.А. Новые данные исследований стоянки финального палеолита Шолма I на Средней Волге (результаты раскопок 2017 и датирования) // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция к 70-летию Х.А. Амирханова. Тез. докл. М.: ИА РАН, 2020. С. 18–19.

Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.-Казань: Янус-К, 2001. 272 с.

Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье // РА. 2004. № 1. С. 126–139.

Кузнецова Л.В., Пономаренко Е.В. О времени существования могильника «Гора Маяк» // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003. С. 15–24.

Мерц В.К. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане //Вестник КазНУ. Сер. историч. 2006. № 2(41). С. 147–153.

Сташенков Д.А. Комплекс памятников у с. Сиделькино // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003. С. 8–14.

Эпипалеолит Кавказа: формирование региональных и хронологических особенностей в сравнении с соседними регионами

© ***2020 г. Л.В. Голованова*** *(mezmay57@mail.ru),* ***В.Б. Дороничев***

Лаборатория доистории, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Исследования последних лет позволяют сформулировать не только региональные особенности эпипалеолитических индустрий Кавказа (Голованова, Дороничев, 2012), которые можно охарактеризовать как имеретинскую общность, но также говорить о формировании особенностей Южного и Северного Кавказа на разных этапах заключительной эпохи палеолита (Golovanova, Doronichev, 2020).

Ключевые слова: эпипалеолит, эпиграветт, индустрии, геометрические микролиты, острия.

Каменные индустрии эпипалеолита (ЭП) Кавказа характеризуются высокоразвитой микропластинчатой технологией расщепления, остриями граветт и микрограветт, а также симметричными остриями на пластинках, продолжая традицию предшествующей эпохи верхнего палеолита Кавказа. Но индустрии ЭП Кавказа характеризуются также важными новациями. Современные исследования новых стоянок, датирование стоянок, открытых еще в середине 20 века, позволили пересмотреть старые схемы развития финального палеолита в конце плейстоцена-начале голоцена. Одним из важных доказанных положений стало обоснование раннего появления геометрических микролитов в ЭП Кавказа.

Рассматривая вопрос о появлении данной новации на Кавказе следует отметить, что в контексте Западной Евразии Южный Кавказ является регионом, где также как и в Западной Азии, геометрика появляется еще в раннем ЭП в интервале 24/20 – 18 тыс. л.н. (см. табл. 1).

Период среднего ЭП в Западной Азии, Западной Европе и на Кавказе характеризуется широкимм распространением геометрических микролитов. В средне ЭП Леванта (18–14,5 тыс. л.н.) геометрические микролиты особенно характерны для Геометрического Кебариена (17,5–15 тыс. л.н.), а также в Мушабиена, где отмечаются самые ранние гелуанские сегменты, возраст которых – до 17 тыс. л.н.

На Кавказе, также как и на Ближнем Востоке, в среднем ЭП распространены не характерные для Европы, в частности для эпиграветта, прямоугольники. Также как в Западной Европе и на Ближнем Востоке, на Северном и на Южном Кавказе представлены ассимметричные треугольники, треугольники, сегменты. Но на Северном Кавказе, где геометрика датируется несколько позже (табл. 1), уже в среднем ЭП появляются низкие трапеции, также как и в эпиграветте Италии.

На третьей стадии (14/13–10 тыс. л.н.) Кавказские ЭП индустрии отличаются большим разнообразием гео-

Таблица 1. Хронология и типы геометрических микролитов.

Этапы, даты тыс. л.н.	Типы геометрических микролитов						
	Ассимметричные треугольники	Равнобедренные треугольники	Прямоугольники	Трапеции-прямоугольники	Трапеции	Сегменты	Гелуанские сегменты/рогатые трапеции
Западная Азия							
Ранний ЭП 23–20/18	Низзан Небекиен	Низзан Калхан				Низзан	
Средний ЭП 18–14,5	Зарзиен	Мушабиен	Геометрический Кебариен	Геометрический Кебариен Мушабиен	Геометрический Кебариен	Мушабиен	Мушабиен/–
Поздний ЭП 14,5–11,5	Зарзиен					Зарзиен Натуфиен	Натуфиен/–
Западная Европа							
Ранний ЭП 20–16	Мадлен II						
Средний ЭП 16–15/14	Эпиграветт Италии	Мадлен III			Эпиграветт Италии		
Поздний ЭП 15/14–10		Финальный эпиграветт Мадлен VI			Финальный эпиграветт Мадлен VI		
Северный Кавказ							
Ранний ЭП	–						
Средний ЭП 17–14	+	+	+		+	+	
Поздний ЭП 14/13–10	+	+	+		+	+	+/+
Южный Кавказ							
Ранний ЭП 24–20	+		+				
Средний ЭП 20/18–14	+	+	+			+	
Поздний ЭП 14/13–10	+	+			+	+	

метрики (табл. 1). На Северном Кавказе в финальных ЭП ндустриях отмечено появление гелуанских сегментов и рогатых трапеций. Как уже было отмечено, гелуанские сегменты известны в Мушабиен и в раннем Натуфиене с 17–15 тыс. л.н. Что касается трапеций, то следует отметить, что обычные низкие трапеции в настоящее время в Крыму датируются древнее 14 тыс. л.н. Калиброванный возраст рогатых трапеций из слоя 3 грот Шан-коба определяется около 10 тыс. л.н. Эти данные позволяют говорить о взаимовлиянии Северного Кавказа и Крыма в финале плейстоцена – начале голоцена (подробнее: Golovanova, Doronichev, 2020).

Таким образом, сравнительный анализ появления и распространения геометрики в различных регионах Западной Евразии позволяет говорить о раннем появлении геометрики на Южном Кавказе, что по времени сопоставимо с Левантом. На среднем и поздем этапах ЭП Северный и Южный Кавказ были связаны с соседними регионами и между ними наметились различия в традиции изготовления геометрических микролитов.

Второй важной новацией ЭП индустрий Кавказа является появление острий с боковой выемкой. Среди этих форм есть классическое имеретинское острие на пластинке с коротким черешком, выделенным выемкой, оформленной лицевой ретушью. Эти формы встречаются как на Северном, так и на Южном Кавказе. Также в материалах Чахати известно острие близкое зарзийским остриям.

Острия с боковой выемкой особенно характерны для ЭП Европы (Golovanova, Doronichev, 2020), но все они отличаются от имеретинского острия деталями оформления. В Леванте острия с черешком характерны для Харифиен (Натуфиен), ранний этап которого относится к финалу ЭП и датируется 16,5–13 тыс. л.н. Эти острия имеют черешок, выделенный двумя выемками.

На Южном Кавказе в публикациях последних лет ряд инудстрий были определены как эпиграветийские. Подробное сравнение индустрий Южного Кавказа с одновременными материлами Западной Евразии, в частности с эпиграветтом Италии, позволяет говорить о существенных различиях индустрий Южного Кавказа и эпиграветта:

– в эпиграветте Италии геометрические микролиты появляются только в средней стадии (16000–14500 л.н.), в эпиграветте отсутствуют прямоугольники,

– на Южном Кавказе геометрические микролиты появляются 24000–20000 л.н., на ранней и средней стадии ЭП (24/20 – 14/13 тыс. л.н.) распространены прямоугольники,

– отличаются формы острий с черешком.

И на Южном Кавказе, и в эпиграветте Италии присутствуют острия граветт и микрограветт – ретушированные пластинки и микропластинки с притупленным краем. Эти формы широко распространены в финально-палеолитических индустриях Западной, Центральной и Восточной Европы, а также на Южном и Северном Кавказе. Но острия граветт и микрограветт широко распространены на Кавказе, начиная с раннего верхнего палеолита (39–30 тыс. л.н.), а в Европе ок. 37,5–30 тыс. л.н.

Генетические исследования антропологических находок со стоянок Южного Кавказа определили, что кавказская популяция вместе с популяцией Западной Азии отделилась от европейской популяции верхнего палеоли-

та около 45 тыс. л.н., а около 30–25 тыс. л.н. разделились популяции Кавказа и Ближнего Востока. Эти данные хорошо согласуются с археологическим анализом индустрий, который подтверждает, что в раннем верхнем палеолите Кавказа индустрии ближе всего ахмарским материалам Ближнего Востока, причем уже на самых ранних стадиях можно говорить о наличии определнных различий. На миграцию населения с юга указывает и изучение транспортировки сырья. После МПО культурная специфика индустрий ЭП Кавказа, по сравнению с Левантом и Загросом становится еще более определенной, хотя также очевидны культурные контакты.

Сравнение индустрий ЭП Южного Кавказа с ЭП индустриями Леванта и Загроса показало наличие существенных различий. Для ближневосточных индустрий характерно широкое применение техники микрорезца. В ЭП индустриях Кавказа, где встречаются единичные формы, систематического использования техники микрорезца не известно не в одной индустрии.

Также в ЭП материалах Леванта и Загроса не выделяют острия граветт и микрограветт, широко распространенные на Кавказе. На Ближнем Востоке характерны острия рамон, гелуанские острия и другие формы, не известные в ЭП Кавказа. Отличаются и острия с черешком.

На Южном Кавказе, также как и на Ближнем Востоке, распространены прямоугольники, но на Кавказе они появляются уже в раннем ЭП, а на Ближнем Востоке – в геометрическом кебариене. Начиная со средней стадии ЭП состав геометрики этих регионов совпадает, за исключением трапеций, которые на Ближнем Востоке, в геометрическом кебариене появляются раньше.

ЭП индустрии Северо-Западного Кавказа имеют определенные отличия от Юго-Западного Кавказа. Этот регион, называемый также Прикубанье, с севера граничит с Призовьем, где известна группа ЭП памятников, объединяемых в Каменнобалковскую культуру. Более полувека исследователи связывают генезис этой группы стоянок с Имеретинской культурой верхнего палеолита Кавказа. В настоящее время наиболее ранние материалы стоянок Каменная балка I и II датируются 18–20 тыс. л.н., предварительные публикации материалов позволяют говорить лишь о наличии отдельных аналогий. Памятники средней и поздней стадии ЭП Приазовья отличаются от одновременнных индустрий СЗ Кавказа, особенно отличны геометрические микролиты этих индустрий.

Наиболее близка ЭП индустриям Северо-Западного Кавказа на среднем этапе (ок. 14 тыс. л.н.) шанкобинская культура Крыма. Отличия касаются вариабельности геометрических микролитов. Вторая индустрия, которую выделяют в конце плейстоцена в Крыму – таубодракская, которая датируется аллередом. Эта индустрия отличается использованием техники микро-резца и крутой биполярной ретуши для изготовления геометрических микролитов.

Сформировавшиеся в конце палеолитической эпохи особенности эпипалеолитических индустрий Кавказа, имеющих характерные черты в разных областях этого региона, определяют культурную специфику этой большой общности в контексте Западной Евразии.

Список литературы

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина. М. 2012. С. 59–102.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. Publisher: Cambridge Scholars Publishing. 2020. 569 p.

Основные этапы изучения среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и нижнего течения реки Северский Донец

© 2020 г. А.Ю. Данильченко *(ADanil4enko@yandex.ru)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Работа посвящена истории изучения памятников археологии эпохи древнего каменного века на территории Нижнего Дона. В рамках работы освещаются основные этапы исследования известных среднепалеолитических стоянок, расположенных в северо-восточном Приазовье и нижнем течении р. Северский Донец. Проведенные в разное время археологические разведки свидетельствуют об актуальности дальнейшего изучения известных палеолитических комплексов, а также работ по поиску новых местонахождений.

Ключевые слова: палеолит, история исследований, бассейн Нижнего Дона, северо-восточное Приазовье, нижнее течение реки Северский Донец.

Целью настоящей работы является историографический обзор исследований среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и нижнего течения р. Северский Донец. При выделении этапов исследования используется принятая в истории археологии России и Советского Союза периодизация развития отечественной археологии, с учетом региональной специфики. В изложении истории изучения среднего палеолита региона учитывается хронография событий. История изучения показана как эволюция взглядов, с условным делением на отдельные этапы.

К географическому региону Нижнего Дона принято относить области южной части Средне-Русской возвышенности и восточного участка Донецкого кряжа. Северо-Восточное Приазовье – территория, условно ограниченная с юга северным побережьем Таганрогского залива Азовского моря, включая Миусский лиман, с запада – долиной реки Мокрый Еланчик, с севера-истоками рек (точнее одноименных мощных балок) Среднего, Левого и Правого Тузлова, образующих на северной окраине с. Лысогорка в месте их слияния исток реки Тузлов, с востока – долиной реки Сухой Несветай, одного из левых притоков р. Тузлов.

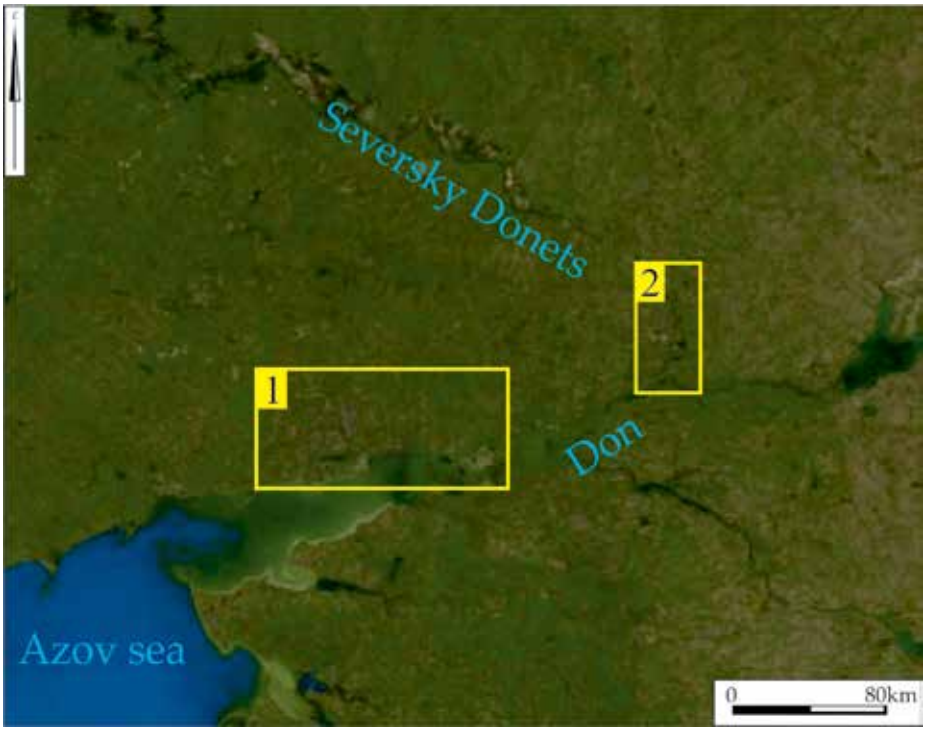


Рис. 1. Границы исследуемых регионов, принятые в настоящем исследовании на физической карте Ростовской области. 1-границы для Северо-Восточного Приазовья, 2-границы нижнего течения р. Северский Донец.

Для второго региона, нижнего течения р. Северский Донец – участок речной долины от х. Почтовый Константиновского района Ростовской области до устьевой части – места слияния с р. Дон, в районе п. Усть-Донецкий (рис. 1).

Изучение доисторического прошлого в рассматриваемом регионе начато в 60-х гг. XIX в. академиком К.М. Бэром и др. В это время были сделаны первые сообщения о найденных на территории Подонья – Приазовья памятниках, а точнее поделках (отдельных артефактах), как тогда считалось, каменного века, хотя в действительности уже тогда эти предметы были отнесены к эпохе энеолита-бронзы.

До 30-х гг. XIX в. на территории Северо-Восточного Приазовья и в низовьях Северского Донца фактически не проводилось целенаправленных археологических разведок и исследований древнего каменного века (палеолита). Обобщая сегодня накопленные знания, мы можем выделить четыре последовательно сменяющих друг друга периода исследований.

Первый период – 30–40-е годы XX в., или довоенный период. Данный этап ознаменован открытием первых палеолитических стоянок, получением первых находок, прежде всего в Северо-Восточном Приазовье, и началом исследований палеолита на Нижнем Дону. Первые находки связаны с деятельностью Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (М.И. Артамоновым обнаружены разновременные материалы, в том числе и палеолитические кремни в 1929 г. у Золотой косы), Кавказской партии Геологического Института АН СССР (находка мустьерского отщепа В.И. Громовым у с. Бессергеновки в 1933 г. и верхнепалеолитических кремней В.А. Хохловкиной у с. Лакедемоновки). Важное значение имели разведки С.Н. Замятнина в Северо-Восточном Приазовье в окрестностях п. Матвеев-Курган и на Северском Донце в окрестностях г. Каменска. Часть из этих находок первоначально была отнесена к более поздним периодам, хоть и включала среднепалеолитические изделия (например, находки, сделанные М.И. Артамоновым, долгое время не были оценены в археологической литературе). Таким образом, это этап формирования первых общих представлений о наличии в регионе памятников палеолита, отчасти сопровождавшийся неготовностью исследователей видеть в собранных артефактах столь значительную древность.

Второй период – 50–60-е годы XX в., или послевоенное время. Этот период на территории Ростовской области ознаменовался промышленными стройками всесоюзного масштаба. В конце 40-х начале 50-х гг. XX в. строятся такие промышленные гиганты как Цимлянская ГЭС, Волго-Донской судоходный канал. Восстанавливаются заводы Ростовской области. Именно с промышленным восстановлением и развитием был связан новый активный период археологических разведок в долине Дона и нижнего течения Северского Донца. В Северо-Восточном Приазовье крупных промышленных строек в послевоенные годы не было, но первые систематические археологические разведки начались в послевоенные годы именно тут в связи с работой Амвросиевской археологической экспедиции. Ряд новых палеолитических местонахождений был открыт П.И. Борисковским в долине р. Тузлова и р. Миус в окрестности сел Лысогорка, Кульбаково. Одновременно с этим геологом Г.И. Горецким в 1950 г. были открыты палеолитические местонахождения в устье р. Северский Донец (бассейне Дона). Большая работа по изучению памятников палеолита в Северо-Восточном Приазовье и бассейне Нижнего Дона была проделана Н.Д. Прасловым. В итоге, на этом этапе достоверно установлено наличие в регионе многочисленных памятников разных эпох палеолита, включая средний палеолит.

Третий период – 70-е годы XX века – 2000-е годы. Если первые два этапа, разделенные опустошающими годами ВОВ, вошли в историографию среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и нижнего течения р. Северский Донец как время первых разведок, выявления па-

леолитических местонахождений и стоянок, то третий этап справедливо считать периодом систематических работ на разведанных палеолитических комплексах, накопления археологических коллекций. С 70-х гг. XX в. начинается систематическое исследование палеолитических памятников, в первую очередь в долине р. Северский Донец. Разведочные работы и последовавшие за ними раскопки памятников каменного века в низовьях р. Северский Донец были начаты А.Е. Матюхиным. На протяжении многих полевых сезонов (начиная с 1988 г.) Александром Ефимовичем велись работы по изучению среднепалеолитических слоев памятника «Бирючья Балка 2» в балке Бирючьей, где известно несколько многослойных палеолитических комплексов. В 1992 г. в рамках инвентаризации памятников археологии по заданию Департамента культуры и искусства Ростовской области в Северо-Восточном Приазовье работала археологическая экспедиция Таганрогского музея. Научными сотрудниками музея Н.И. Ромащенко, П.А. Ларенком были открыты новые палеолитические местонахождения, обследованы и уточнены границы некоторых известных памятников. Единичные разведки отдельных исследователей были проведены в Северо-Восточном Приазовье в 2000-е годы.

Четвертый период – современное исследование палеолитических комплексов. Граница между современным и предшествующим ему этапом во многом условна. Начатые более 80 лет назад исследования активно продолжаются в наши дни. Однако, отличительной чертой данного этапа исследований является комплексный подход к решению поставленной проблемы, с включением в исследовательский процесс методик из смежных научных дисциплин (геологии, палеогеографии, палинологии, палеонтологии и д.р.). Археологические работы последнего десятилетия включают в себя не только поиск новых памятников и систематическое изучение уже известных стоянок и местонахождений среднего палеолита, но и масштабную аналитическую работу с накопленными материалами.

С 2015 г. в Северо-Восточном Приазовье и низовьях р. Северский Донец на открытых ранее памятниках Рожок I и Бирючья Балка 2 ведет изыскания экспедиция ИИМК РАН. В 2019 г. автором были сделаны новые наблюдения на открытом более полувека назад П.И. Борисковским палеолитическом комплексе Марьева Гора на окраине с. Кульбаково. Отдельно необходимо отметить новый этап работ на раннепалеолитическом местонахождении Хрящи, начавшийся с 2018 г. и продолжающийся по настоящее время под руководством В.Е. Щелинского, где также вероятно открытие новых местонахождений, в том числе и среднепалеолитического возраста.

Одной из приоритетных задач современного этапа работ на уже известных палеолитических комплексах является получение хроностратиграфической информации, выявление аспектов их культурной дифференциации и последующей корреляции с памятниками среднего палеолита Русской равнины на фоне природных изменений середины последнего ледниково-межледникового макроцикла.

В результате археологических работ, проведенных в период с 30-х гг. XX в. по настоящее время В.И. Громовым. С.Н. Замятниным, Г.И. Горецким, П.И. Борисковским, Н.Д. Прасловым, А.Е. Матюхиным, В.Е. Щелинским на археологической карте Ростовской области появились новые памятники древнейшей истории. Сегодня исследования отдельных палеолитических памятников в Северо-Восточном Приазовье и нижнем течении р. Северский Донец продолжаются. Их целью должно стать формирование по возможности целостной картины среднего палеолита юго-запада Русской равнины, с учетом проблемы корреляции Нижнедонских палеолитических комплексов с памятниками Верхнего и Среднего Подонья, а также стоянок Донбасса.

Работа проводится в рамках выполнения Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы № 0184–2019–0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

Поздний мезолит Верхнего Прикамья – к вопросу о неолитизации региона (на примере Косинских стоянок)

© 2020 г. Д.А. Демаков *(demakov-denis@mail.ru)*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Аннотация. В статье представлены результаты двух лет комплексных исследований Косинских мезолитических стоянок, относящихся к позднему мезолиту. На основе данных археологических раскопок и палеоэкологических исследований делаются выводы о хозяйственной деятельности жителей Косинских стоянок и окружающей их природной среде, которые свидетельствуют о начале перехода к оседлому образу жизни и начале неолитизации данной территории.

Ключевые слова: поздний мезолит, неолитизация, Косинские стоянки, археозоологический анализ, палинологический анализ, петрографический анализ.

Камская мезолитическая культура была выделена О.Н. Бадером на основе анализа материалов памятников (Огурдино, Нижнее Адищево и др.), изученных им в середине XX в. (Бадер, 1966. С. 194–205). В настоящий момент для камской мезолитической культуры существует следующая периодизация: I этап – Усть-Сылвенский (раннемезолитический), II этап – Огурдинский (развитый мезолит) и III этап – Усть-Половинкинский (позднемезолитический).

Периодизация этапов мезолита Прикамья была предложена на основе типологического анализа материалов и нуждается в подтверждение методами абсолютного датирования.

В данной работе рассматривается период позднего мезолита. Для памятников этого этапа характерна деградация пластинчатой техники, что привело к увеличению средних размеров пластин и их не очень хорошему качеству. Из-за

этого увеличилось количество пластин со следами вторичной обработки (20–30 % от всех пластин). В позднем мезолите появляются и такие изделия, характерные для неолитического времени, как орудия с двусторонней обработкой и шлифованные орудия типа тесел. В качестве сырья для изготовления орудий начинает использоваться плитчатый кремень (Лычагина, 2009.С. 145–153).

Позднемезолитические стоянки, в основном, располагались на низких береговых террасах или в поймах небольших рек, что серьезно отличается от расположения памятников огурдинского этапа, находящихся, как правило, на высоких боровых террасах (Лычагина, 2019. С. 270). Дискриминантный анализ, проведенный по таким показателям, как высота расположения памятника над уровнем водоема, площадь и мощность культурного слоя показал, что позднемезолитические памятники несут в себе неолитоидные черты (Демаков, 2018. С. 31).

К позднемезолитическим памятникам Верхнего Прикамья относятся Косинские стоянки (Коса I–III). Они были открыты в ходе разведки В.П. Денисова в 1962 г. В том же году В.П. Денисовым на стоянке Коса I были проведены раскопки на площади 376 кв. м. Каменный инвентарь памятника, по мнению автора раскопок, отражал заключительный этап развития мезолита в Верхнем Прикамье (Денисов, Мельничук, 1987. С. 24–25).

В 2018 г. было начато комплексное изучение стоянок, включающее археологические раскопки на современном методическом уровне и палеоэкологические исследования, которые позволят реконструировать природную среду бытования человека в раннем голоцене (Зарецкая и др., 2019. С. 323).

На стоянке Коса II в 2018 г. были заложены три шурфа. В центральном шурфе был собран остеологический материал, из восточной стенки была отобрана палинологическая колонка. В 2019 г. работы на памятнике были продолжены. К восточной стенке центрального шурфа был прирезан раскоп, площадью 16 кв. м. Коллекция каменного инвентаря, полученная в ходе раскопок 2018–19 гг., состоит из 851 предметов.

Как показал петрографический анализ, проведенный к.г-мин.н. М.А. Кульковой, основными материалами, использовавшимися на памятнике, были: яшма вулканогенно-осадочная, окремненная, разных оттенков – 300 экз. (62,2 %) и серый кремень – 161 экз. (33,4 %). Малыми группами представлены орудия из окремнелого известняка – 12 шт. (2,5 %), кварцито-песчаника – 8 шт. (1,7 %) и халцедона – 1 шт. (0,2 %). Самой массовой категорией находок являлись чешуйки – 369 экз., затем пластины – 181 экз., сколы (161 экз.), отщепы (117 экз.).

Коллекция орудий состоит из скребков (6 шт.), отбойников (3 шт.), отщепа и пластин с ретушью – всего 59 экз. Среди пластин преобладают сечения, соотношение узких и средних пластин – 56,1 %/43,9 %, что не типично для камского мезолита огурдинского типа, с его преобладанием узких пластин. 5,5 % от общей коллекции пластин составляют широкие пластины. Характерной чертой коллекции является намеренное расчленение средних пластин и отбор медиальных частей. Предварительно памятник может быть отнесен, по аналогии со стоянкой Коса I, к позднему мезолиту.

Геоморфологический анализ, проведенный к.г-мин.н. Н.Е. Зарецкой, показал, что Косинские стоянки приурочены к поверхности 1-й террасы р. Косы позднеплейстоценового возраста (определен ^{14}C методом по включенным в тело террасы органогенным отложениям). Ее поверхность расчленена палеоруслами, которые были активны во время формирования этой террасы, но, по-видимому, подновлялись и в позднеледниковое время, и в раннем голоцене, до начала формирования поймы реки.

Палеокарпологический анализ был проведен С.С. Трофимовой. Для него использовался образец из-под стоянки Коса II. Он показал, что в период функционирования стоянки она располагалась в хвойно-березовом лесу около небольшого водоема с заболачиваемыми берегами (сырой луг с преобладанием осок). Видовой состав локальной палеофлоры аналогичен современной местной растительности, что предполагает сходные климатические условия.

Палинологический анализ проведен на данный момент только для образцов, отобранных из центрального шурфа на стоянке Коса II. Обработка и анализ образцов были проведены к.г.н. Е.Г. Лаптевой. По изменению состава и содержанию пыльцы спорово-пыльцевые спектры объединены в три локальные пыльцевые зоны.

В изученных образцах по всему разрезу получились довольно однообразные спорово-пыльцевые спектры, характеризующиеся обилием пыльцы сосны при участии зерен ели и березы. Необычно, что единичная пыльца пихты встречается практически во всех спектрах образцов. Данные спорово-пыльцевые спектры могут отражать существование смешанных хвойных лесов с преобладанием в древостое сосны, как до появления, так и во время функционирования поселения или стоянки древнего человека. Ель и береза являлись спутниками.

Спорово-пыльцевой спектр с обилием пыльцы ивы в нижней части «культурного слоя», вероятно, может указывать на использование ивы в хозяйственной деятельности. В частности, она могла применяться для изготовления вершей или плетения корзин. В спектрах «культурного слоя» также встречены пыльцевые зерна Onagraceae, представитель которых иван-чай является пионером расселения на пожарищах. В препаратах также встречаются мелкие частицы угля. Все это свидетельствует об активном освоении пространства человеком во время существования стоянки (Демаков и др., 2019.С. 7).

Анализ остеологического материала из раскопок 2018 г. (материалы 2019 г. находятся в работе), проведенный к.б.н. П.А. Косинцевым, показал наличие костей крупных и средних млекопитающих (лось, северный олень, волк?) и костей рыб (судак, карповые), что позволяет предположить постепенную трансформацию хозяйственной деятельности населения от подвижной охоты к сочетанию охоты и рыбной ловли и появлению частичной оседлости. Стоит отметить, что судак сейчас в районе стоянок не обитает. Он обитает южнее, потому что является относительно теплолюбивой рыбой. Поэтому, во время формирования слоя, в котором он был найден, было немного теплее, чем сейчас.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что на Косинских стоянках мы наблюдаем обживание людьми берегов активизированных палеорусел, развитие, наряду с охотой, рыболовства. Видна стратегия заселения пространства, которая представляет собой расположение поселений вдали от основного крупного

водотока, по берегам притоков. Мы полагаем, что в позднем мезолите, в связи с развитием рыболовства происходит переход к частичной оседлости, что является первым шагом на пути неолитизации региона.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Список литературы

Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // МИА. 1966. № 126. С. 194–205.

Демаков Д.А. Топографические особенности памятников эпохи мезолита и неолита в Верхнем и Среднем Прикамье: попытка дискриминантного анализа // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГСПУ, 2018. С. 30–32.

Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Лаптева Е.Г. Первые итоги раскопок на мезолитической стоянке Коса II // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГГПУ, 2019. С. 4–10.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Косинская I, стоянка – памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 19–25.

Зарецкая Н.Е., Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Косинцев П.А., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С. Косинские стоянки в контексте мезолита Верхнего Прикамья: природная среда и новые данные // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 322–325.

Лычагина Е.Л. Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // Тверской Археологический Сборник. Тверь: Триада, 2009. Вып. 7. С. 145–153.

Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья: дисс. докт. ист. наук, Пермь, 2019. 632 с.

Раннепалеолитические каменные индустрии Юго-Восточной Азии

© 2020 г. А.П. Деревянко *(derev@archaeology.nsc.ru).* ***С.А. Гладышев, А.В. Кандыба***

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Каменная индустрия раннего палеолита анкхе включает в себя материалы более 30 местонахождений в районе г. Анкхе (Вьетнам). Орудия представлены рубящими изделиями, скреблами, орудиями типа пик, двусторонне обработанными изделиями (бифасами), нуклевидными скребками. Бифасиальная индустрия анкхе возникла ок. 800 тыс. л.н. на местной основе, на базе галечно-отщепной индустрии. Об этом свидетельствует весь раннепалеолитический технико-типологический комплекс.

Ключевые слова: Вьетнам, индустрия анкхе, ранний палеолит, тектиты.

Первые археологические находки раннего палеолита были обнаружены в районе города Анкхе, по берегам водохранилища, образованного на реке Ба (Ва) в 2014 г. Тогда были выделены и в последующие года исследованы местонахождения Года, Роктынг, Роклен, Рокхуонг, Рокзау и Рокнеп и пр. с высокой концентрацией каменных артефактов на поверхности, хотя отдельные предметы встречались и между этими пунктами на большой площади (Деревянко и др., 2016).

Наиболее типичная для всех памятников стратиграфия представлена на памятнике Роктынг 1. Длительное время цоколь до формирования рыхлых пород подвергался денудации, и в результате этих процессов сформировалась сравнительно мощная кора выветривания. Верхний слой до глубины 20–30 см сильно видоизменен в результате длительного антропогенного воздействия: распашкой и строительством хозяйственных и ирригационных сооружений.

За годы изучения этого региона была получена богатейшая коллекция каменных артефактов, как на поверхности, так и в культурном слое, насчитывающая около 6 тыс. артефактов. Для изготовления каменных изделий древним человеком использовалось гальки и валуны, представляющие собой кварцитовые гидротермалиты. мелкозернистой кварцевой породы, образовавшейся за счет жильного кварца, реже – осадочных пород ряда алевролит-аргиллит и кислых эффузивов. В этих породах, подвергшихся сильнейшему катаклазу и гидротермальному окварцеванию с образованием сети тонких разновозрастных кварцевых жилок, происходила еще и перекристаллизация раздробленного кварца исходной породы, так что последняя превращалась в довольно однородный мелкозернистый кварцевый агрегат.

Первичное расщепление на всех раннепалеолитических местонахождениях представлено, в основном, одноплощадочными нуклеусами для получения укороченных массивных отщепов. Эта группа ядрищ делится на два типа. Первый тип представлен нуклеусами с естественной ударной площадкой. У второго типа ударная площадка подготавливалась преимущественно одним сколом, редко несколькими.

Большинство остальных типов нуклеусов являются производными от основного принципа расщепления. Крайне редко встречаются двухплощадочные двухфронтальные нуклеусы, многоплощадочные многофронтальные ядрища и радиальные нуклеусы.

В орудийном наборе одним из многочисленных типов являются рубящие орудия. Они представлены чопперами и чоппингами. Как правило, вторичная обработка затрагивала только лезвие, остальная поверхность этих орудий, включая пятку, сохраняет желвачную корку.

Особую группу составляют орудия с намеренно выделенным острием в виде острия-носика. Они отличаются от чопперов тем, что острие у них выделялось или крупными сколами, или дополнительной ретушью и мелкими сколами, образующими своеобразные «плечики».

Значительную долю среди орудий составляют скребла. В отличие от чопперов и чоппингов, для их изготовле-

ния выбирались более плоские гальки, и помимо обработки рабочего края двух, иногда трехрядной серией крупных сколов они имели дополнительную подправку мелкой краевой ретушью.

Среди орудий имеются немногочисленные предметы, которые можно трактовать как зубчатые и выемчатые изделия. Большинство этих изделий имеют небольшие размеры по сравнению с чопперами, чоппингами и скреблами. Немногочисленную, но яркую группу составляют нуклевидные скребки или скребки высокой формы. Они изготавливались преимущественно на удлиненных гальках и на одном конце у них имеются негативы мелких и узких снятий.

Нуклевидные скребки представляют собой особую технико-типологическую форму изделий раннего палеолита. Как орудия, сделанные с применением одинаковой техники и имеющие идентичный типологический облик, они широко известны в местонахождениях раннего палеолита на обширной территории. Наиболее ранние образцы таких изделий обнаружены в доашельских горизонтах Олдувая. Они встречаются на ряде местонахождений раннего палеолита с галечно-отщепной и ашельской индустрией в Африке, на Ближнем Востоке, Кавказе, в Сибири на стоянке Карама и в других регионах.

Довольно многочисленной группой орудий являются орудия типа пик. Для изготовления этих орудий чаще всего использовались крупные, массивные гальки и валуны. Как правило, пикообразные изделия имели крупные размеры и значительный вес. Вторичной обработке подвергался только заостренный рабочий край орудий. Какую бы форму не имела исходная заготовка, сечение рабочего края всегда было треугольным, что характерно для пик. В отличие от бифасиально обработанных изделий, заостренный конец у этих изделий имел более выраженную форму и часто был асимметричен.

Наибольших затрат энергии, особого умения и осмысленной деятельности требовало производство двусторонне обработанных изделий – бифасов. Все они изготавливались из крупных галек, которые имели треугольно вытянутую в плане форму и линзовидное, или треугольное сечение. Вторичной обработке подвергался только конвергентно заостренный конец, который с двух сторон обрабатывался крупными сколами. Иногда имелась подправка лезвия более мелкими сколами. Остальная поверхность этих орудий сохраняла желвачную корку с обеих сторон. У немногих бифасов пятка имеет дополнительную обработку.

Вместе с артефактами в культурном слое обнаружено несколько сотен тектитов, расплавленных и застывших стекловидных образований, возникших в результате метеоритной деятельности. В результате проведенных исследований двух образцов тектитов возраст культурного слоя стоянки Года определен в 806±22 тыс. л.н. (ИГЕМ-15962), а стоянки Роктынг 1 – в 782±20 тыс. л.н. (ИГЕМ-15963).

Таким образом, опираясь на абсолютные даты и технико-типологическую характеристику каменного ассамбляжа, мы считаем правомерным выделить палеолитические комплексы в районе г. Анкхе в своеобразную индустрию с бифасами, существовавшую в эпоху нижнего палеолита.

Орудия, такие как скребла различных модификаций, чопперы, чоппинги, зубчато-выемчатые изделия и др., присутствуют на большинстве раннепалеолитических местонахождений Африки и Евразии (Деревянко, 2018. С. 231). Среди орудий раннепалеолитических местонахождений индустрии анкхе особого внимания заслуживают бифасиально обработанные изделия типа ручных рубил, орудий типа пик, изделия с выделенными сколами и ретушью острием. В тоже время данные археологические материалы существенно отличаются от африканских и западноевразийских индустрий (Деревянко и др., 2018а, б). Несомненную близость к каменной индустрии анкхе демонстрируют археологические материалы котловины Байсэ, также датированные по тектитам (732±39 и 803±3 л.н). Также на территории Юго-Восточной Азии обнаружено несколько местонахождений с бифасиально обработанными изделиями, а также стратифицированных объектов со сходными технологическими характеристиками первичного расщепления, относящихся к данному периоду (Деревянко, 2018). Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии возникла на местной основе, на базе галечно-отщепной индустрии. Об этом свидетельствует и первичное расщепление, и вторичная обработка каменных орудий, и весь раннепалеолитический технико-типологический комплекс.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18–59–92001 ВАОН-а.

Список литературы

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. III: Ашельская бифасиальная индустрия в Африке и Азии: Левант, Аравия, Иран, Индия, Вьетнам и островная часть Юго-Восточной Азии. 572 с.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Гладышев С.А., Чеха А.М., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг-1 и Роктынг-4 во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 63–67.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Рыбалко А.Г., Харевич В.М., Чеха А.М. Новые данные в изучении стратифицированных стоянок раннего палеолита во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018а. Т. XXIV. С. 67–72.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Лебедев В.А., Чеха А.М., Рыбалко А.Г., Харевич В.М., Цыбанков А.А. Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018б. № 3. С. 3–21.

Новые данные о заселении Приэльбрусья в среднем палеолите

© *2020 г. Е.В. Дороничева* *(edoronicheva87@yandex.ru)*

Лаборатория доистории, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Территория Приэльбрусья принципиально важна для изучения заселения Кавказа в среднем палеолите. В 2016 г. автором был открыт здесь первый стратифицированный памятник этого периода, который был назван «грот Сарадж-Чуко». В данной работе кратко приводятся имеющиеся на сегодняшний день данные о среднем палеолите в Приэльбрусье, основанные на результатах междисциплинарных исследований в гроте Сарадж-Чуко.

Ключевые слова: средний палеолит, грот Сарадж-Чуко, Северный Кавказ, каменные индустрии, стратегии жизнеобеспечения.

Территория Приэльбрусья, примыкающая к высочайшему горному пику Европы, это связующее звено между северным и южным склонами Большого Кавказа: здесь расположены горные перевалы, многочисленны скальные убежища и выходы каменного сырья разного генезиса, в том числе единственные на Северном Кавказе источники обсидиана, который очень ценился древним человеком. В 2016 г. отрядом под руководством автора была открыта первая стратифицированная стоянка среднего палеолита в регионе, которая получила название грот Сарадж-Чуко. Грот находится в ~ 70 км от г. Эльбрус, в долине небольшой реки Фандуко ок. селения Заюково в Кабардино-Балкарии (рис. 1, *А*). В 2017 г. было положено начало междисциплинарным исследованиям этого важного памятника, которые продолжаются по настоящее время.

Грот Сарадж-Чуко расположен в массиве вулканитов кислого состава (ингимбриты), ориентирован на юго-восток и имеет площадь более 300 кв. м. На сегодняшний день изучено ок. 40 кв. м памятника. В стратиграфической колонке отложений выделено 11 слоев, три из которых относятся к среднему палеолиту (3, 6А и 6В) и отражают разные этапы заселения региона в этот период.

Палеогеографические условия времени формирования нижнего среднепалеолитического слоя 6В отвечают поздней стадии межледниковья, в окрестностях стоянки преобладал достаточно теплый и влажный климат. На основании комплексных данных возраст слоя 6В предварительно определяется кислородно-изотопной стадией 5, в интервале от 120 до 70 тыс. л.н.

Более 90 % коллекции слоя 6В сделано из местного обсидиана. Многочисленность отходов расщепления указывает, что раскалывание обсидиана осуществлялось прямо на стоянке. Кремневое сырье использовалось редко.

Технико-типологические характеристики индустрии слоя 6В позволяют охарактеризовать ее как леваллуа-пластинчатое мустье. Пластинчатый характер каменной индустрии слоя 6В находит аналогии в мустьерских комплексах, которые известны на Северо-Восточном и Южном Кавказе (рис. 1, *Б*).

В слое 6В вместе с артефактами найдены многочисленные кости животных. На многих фрагментах костей встречаются следы термического воздействия огня. Из копытных млекопитающих Ю.Н. Спасовским определены останки бизона, кавказского козла, оленя, лошади и других видов.

Слой 6В является наиболее насыщенным (в среднем около 200 изделий на 1 кв. м), что позволяет сделать вывод о том, что в период образования слоя в пещере существовала стоянка активного обитания, на которой древние люди занимались интенсивным расщеплением обсидиана, изготовлением и использованием орудий для разделывания охотничьей добычи. На участке раскопов 2018–2019 гг. было расчищено два кострища, с которыми связано большое количество мелких фрагментов обожженных костей животных.

Трасологическое исследование, проведенное Г.Н. Поплевко (Doronicheva et al., 2019) для серии изделий из слоя 6В, позволило выделить среди орудий наконечники копий, ножи по мясу, скобели по дереву, кости и рогу, что дополнительно указывает на разнообразие деятельности древнего человека в этот период.

Низ вышележащего среднепалеолитического слоя 6А также соответствует теплому интервалу, верх слоя приурочен к фазе похолодания (данные Т.Ф. Трегуб, М.А. Волкова) и, предварительно, датируются кислородно-изотопной стадией 4. Из крупных млекопитающих, по данным Ю.Н. Спасовского, в материале слоя 6А превалируют останки горного козла (Дороничева и др., в печати). Коллекция слоя включает немногочисленные артефакты, среди которых преобладают чешуйки, отщепы и осколки. Среди единичных орудий выделены скребла, фрагмент остроконечника, сколы с ретушью. Слой датируется средним палеолитом.

Для самого верхнего среднепалеолитического слоя 3 отмечено потепление климата и увеличение влажности. Большая часть определенных костей пришлась, как и в вышележащем слое, на останки горного козла (Дороничева и др., в печати). В слое 3 было обнаружено всего около сотни изделий, преобладают отщепы и чешуйки, выделены нуклеус и орудия (скребла, фрагмент бифасиального листовидного изделия). Предварительно слой датируется средним палеолитом.

Таким образом, в результате проведенных исследований удалось начать комплексное исследование в гроте Сарадж-Чуко – единственном стратифицированном памятнике среднего палеолита Приэльбрусья. На стоянке выделено три слоя этого периода. Основное заселение пещеры связано с самым нижним среднепалеолитическим слоем 6В. В слое 6В представлена единственная на Северном Кавказе мустьерская обсидиановая индустрия. В вышележащих слоях 6А и 3 находки немногочисленны. Предварительный анализ указывает на то, что во время формирования слоев 6А и 3 древний человек не останавливался в пещере надолго, а использовал ее как кратковременное убежище, где происходило, в основном, разделывание охотничьей добычи. Наши исследования позволили предположить (Цельмович и др.,

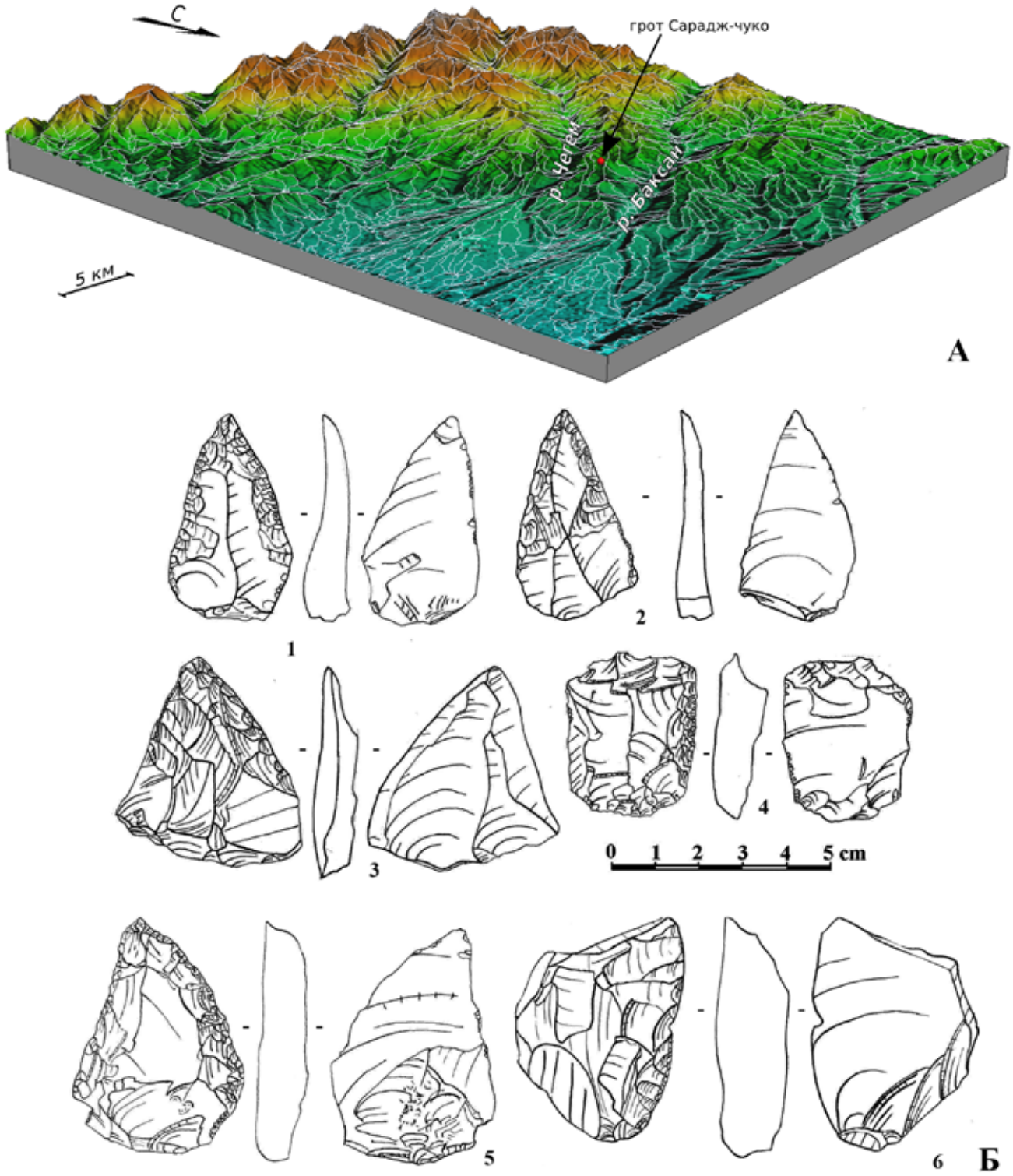


Рис. 1. А – схема расположения грота Сарадж-Чуко. Схема предоставлена А.А. Мурым. Б – орудия из слоя 6В грота Сарадж-Чуко.

2019), что после извержений во время формирования слоев 6А и 4, где был обнаружен вулканический пепел, активность заселения в этом регионе резко снижается и неандертальцы исчезают с территории Приэльбрусья.

Исследования в гроте Сарадж-Чуко проводятся при поддержке гранта РНФ № 17–78–20082.

Список литературы

Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Корзинова А.С., Цельмович В.А., Спасовский Ю.Н., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Волков М.А., Трегуб Т.Ф. Заселение Приэльбрусья в палеолите // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 8. В печати.

Цельмович В.А., Корзинова А.С., Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Вулканизм и заселение северного склона Центрального Кавказа в среднем палеолите: новые данные из грота Сарадж-Чуко // Геофизические процессы и биосфера. 2019. Т. 8, № 4. С. 95–109.

Doronicheva E., Poplevko G., Golovanova L., Doronichev V., Nedomolkin A. Flint and obsidian tools from Saradj-Chuko grotto, Northern Caucasus, Russia: preliminary results of use-wear analysis // International Symposium on Knappable Materials (ISKM 2019), Book of Abstracts and Field Guide. Eds. K. Biro, A. Marko. Budapest, Hungary, 2019. P. 46.

Изучение сырьевых стратегий в среднем палеолите Северного Кавказа: методика и результаты

© 2020 г. ***Е.В. Дороничева[1]*** *(edoronicheva87@yandex.ru),* ***А.С. Корзинова[2], В.А. Цельмович[2]***

[1] Лаборатория доистории, Санкт-Петербург, РФ
[1] Геофизическая обсерватория «Борок», филиал ИФЗ им. О.Ю. Шмидта РАН, Борок, РФ

Аннотация. В статье приведены результаты изучения сырьевых стратегий древнего человека в среднем палеолите Северного Кавказа. Комплексное изучение позволило охарактеризовать ряд новых месторождений сырья в Приэльбрусье. В результате исследований предварительно определены источники, которые использовал древний человек, изучены сырьевые стратегии, варианты добычи, расстояния и способы транспортировки разного сырья на стоянки.

Ключевые слова: сырьевые стратегии, петроархеология, сканирующая электронная микроскопия, кремневое сырье, палеолит.

Понятие «сырьевые стратегии» включают в себя изучение месторождений сырья, методов его транспортировки, определения расстояний, на которое оно переносилось, и вариантов использования (напр., Дороничева, 2011; Дороничева, Кулькова, 2016). Методика изучения каменного сырья в археологических коллекциях предполагает выполнение следующей последовательности действий (алгоритм исследования):

1. Визуальное изучение состава каменного сырья в археологических коллекциях. Этот метод позволяет выделять группы артефактов, предположительно изготовленных из одного материала. Чтобы классифицировать горные породы, нужно понять их генезис. Классификация основана главным образом на минеральном составе и структуре пород. При определении видов сырья важно учитывать его основные диагностические признаки (окраска или цвет, прозрачность, блеск).

2. Изучение образцов каменного сырья с помощью лупы и/или бинокулярного микроскопа. Описание текстуры, макро-включений, более точно – цвета.

3. Петрографические исследования образцов, оптическая микроскопия. С помощью метода оптической микроскопии могут быть сделаны детальные описания минерального состава образцов, выявлены микровключения, определены органогенная составляющая, структурные и текстурные особенности.

4. Геохимические исследования образцов (например, XRF, PIXIE, INAA и др.). Эти методы показывают содержание различных химических элементов в изучаемом образце.

Ранее, была использована подобная методика при изучении среднепалеолитических индустрий восточного микока на Северо-Западном Кавказе (напр., Дороничева, 2011; Дороничева, Кулькова, 2016). С 2016 г. исследования проводятся и на северном склоне Центрального Кавказа, в Приэльбрусье. За эти годы проанализированы археологические коллекции общей численностью более 30 тыс. артефактов.

С 2007 г. по сегодняшний день на Северном Кавказе проводится поиск источников каменного сырья (прежде всего, коренных, но учитываются и аллювиальные россыпи). В ходе этих исследований открыто и исследовано более 60 месторождений кремня и окремненных пород. На всех месторождениях отбираются образцы сырья, делаются петрографические и геохимические анализы для определения химического состава образцов. Создается литотека образцов кремневого сырья из месторождений Северного Кавказа, которая на сегодняшний день насчитывает более 1000 образцов.

В 2011–2017 гг. на базе лаборатории геохимии окружающей среды им. А.Е. Ферсмана РГПУ им. А.И. Герцена М.А. Кульковой был проведен ренгтгеноспектральный флуоресцентный анализ образцов из месторождений и стоянок Северо-Западного Кавказа и Центрального Кавказа (Приэльбрусье) на приборе Спектроскан-МАКС GV. Итоговые данные отражают концентрацию таких элементов, как V, Cr, Fe, Co, Ni, Cu, Zn, Sr, Pb, Rb, Ba, La, Y, Zr, Nb, As, а также процентное содержание оксидов TiO_2, MnO, CaO, $Al2O_3$, SiO_2, $P2O_5$, K_2O, MgO, Na_2O. Результаты этих работ сданы в печать.

Также были специально изучены единственные на Северном Кавказе выходы обсидиана, определены места обнажения пород, изучена история формирования заюковского источника. Анализы химического состава обсидианов были проведены М.С. Шекли с помощью спектрометра ThermoScientific *Quant'X* EDXRF в Археологической Рентген Лаборатории в Альбукерке, штат Нью-Мексико, США. На основании проведенных исследований установлено, что в среднем палеолите это сырье транспортировалось на расстояние более 250 км от источника на несколько стоянок Северо-Западного Кавказа. В районе источников был открыт первый в этом районе стратифицированный памятник среднего палеолита – грот Сарадж-Чуко.

С 2017 г. на базе Геофизической обсерватории «Борок», филиала Института Физики Земли РАН, методом оптической микроскопии для всех изученных месторождений Северного Кавказа при изучении аншлифов были даны более детальные петрографические характеристики, чем полученные ранее. Использовался оптический микроскоп «Olympus BX51» с фото приставкой. С помощью оптической микроскопии изучались такие характеристики кремней, помогающие их различать между собой, как:

пористость, степень озеленения, характер растворения, особенность структуры и текстуры, разнообразие фауны. В образцах кремня с помощью оптического микроскопа обнаружены останки разнообразной фауны: фрагменты раковин фораминифер, линьки членистоногих, спикулы губок, продукты жизнедеятельности бактерий, кости. Фораменифера определены с точностью до рода. Для некоторых форменифер указан вид, на который они более всего похожи, с целью отличить фораминифер разной морфологии из одного рода.

Так, для месторождений Приэльбрусья наибольшее разнообразие фауны было отмечено в месторождениях Хана-хаку и Штаучукуа. Там встречаются фораминиферы рода *Anomalina*, *Textilaria*, *Nodosaria*, *Orbulina*. Между собой эти два месторождения различаются незначительно: в месторождении Хана-хаку чуть больше степень растворения раковин, чем в месторождении Штаучукуа. Представители рода *Orbulina* встречаются в месторождениях Баксан и Каменка. В месторождениях Чегем и Черек фораминифер нет. На основании анализов было предварительно определено, какие из месторождений использовались в среднем палеолите.

Изучение особенностей морфологии и минерального состава кремней проводилось с помощью сканирующего электронного микроскопа (СЭМ) «TESCAN VEGA II» с энергодисперсионным и волнодисперсионным спектрометрами Oxford Instruments. Использовалось ускоряющее напряжение 20 Kv, ток зонда 1–200 pA. Отпиленные фрагменты кремней заливались сплавом Вуда (Sn-Pb-Bi-Cd) в латунной шайбе, затем шлифовались и полировались. Аншлифы образцов напылялись углеродом в вакуумной установке Emitech K550X.

По энергодисперсионным спектрам был определен химический состав (в весовых процентах). Для калибровок при количественном анализе использовались аттестованные эталонные образцы синтетических кристаллов и природных минералов. Обработка спектров производилась с помощью программного комплекса INCA (Oxford Instrument Analytical Ltd.). В ходе работы получены электронно-микроскопические изображения образцов.

С помощью СЭМ удалось уточнить минеральный состав образцов и особенности морфологии. Определение специфических характеристик кремней, помогает различать их между собой. К ним относятся: пористость, наличие карбонатов, фрагменты костей (апатит), коккоиды силикатного состава, фрамбоиды пирита и магнетита. Коккоиды силикатного состава характерны только для месторождения Каменка. Фрамбоиды пирита отмечаются в месторождениях Чегем и Черек, а магнетита – в Баксан. Наибольшее количество карбонатов встречается в месторождениях Черек и Чегем, в небольшом количестве – в Каменка и Баксан, полностью отсутствуют в Хана-хаку и Штаучукуа. Кости встречаются во всех видах кремней. В образцах из месторождения Хана-хаку иногда встречаются минералы, содержащие медь, что может в некоторых случаях служить дополнительным диагностическим признаком данного месторождения.

Поскольку с помощью СЭМ удалось успешно выявить и уточнить ряд диагностических признаков кремней, то в перспективе возможно использовать этот метод для отобранных в будущем новых образцов кремней. Локальный метод при этом оказался информативнее валовых методов анализа.

Таким образом, в результате проведенных исследований были установлены основные месторождения кремневых пород, которые использовались неандертальцами на Северо-Западном Кавказе и в Приэльбрусье. Определены основные стратегии добычи, использования и транспортировки разных типов сырья.

Безусловно, в археологических коллекциях среднепалеолитических памятников Северного Кавказа еще большое количество не определенных типов каменного сырья, поэтому, в дальнейшем, нужно проводить исследования по поиску и изучению источников, работать с археологическими коллекциями и проводить разные типы анализов для определения источников, уточнения данных, получения максимально надежных данных, для понимания различий сырьевых стратегий древнего человека в разные периоды на разных территориях.

Исследования на Центральном Кавказе проводятся при поддержке гранта РНФ № 17–78–20082.

Список литературы

Дороничева Е.В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем палеолите на Северо-Западном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. Сер. 2. История. № 3. С. 193–200.

Дороничева Е.В., Кулькова М.А. Изучение каменного сырья в палеолите: методы и результаты // РА. 2016. Вып. 2. С. 5–18.

Палеолитические памятники Северного Приангарья (хронология, периодизация, культурная принадлежность)

© 2020 г. Н.И. Дроздов[1,2] (kfurao@mail.ru), Д.Н. Дроздов[3], В.И. Макулов[3]. С.А. Лаухин[4]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[2] Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ
[3] Международный инновационный университет, Сочи, РФ
[4] Российский государственный геологоразведочный университет, Москва, РФ

Аннотация. Во время археологических работ в зоне Богучанского водохранилища на р. Ангаре в 2008–2013 гг. были изучены раннее известные палеолитические местонахождения и открыты новые. В работе изложены результаты изучения этих геоархеологических местонахождений. Культурно-стратиграфическая и хронологическая колонка этих памятников Северного Приангарья является фрагментарной и не позволяет нам пока отнести ансамбли артефактов стоянок ни к одной позднепалеолитической культуре Сибири. Сейчас рассматривается региональная модель развития палеолита Северного Приангарья.

Ключевые слова: палеолит, Ангара, Усть-Кова, Дворец, Косой Бык, Беремба, Колпаков Ручей, Усть-Ковинская модель.

Палеолитические памятники в Северном Приангарье (нижнее течение р. Ангары в границах Красноярского края), за исключением многослойного поселения Усть-Кова, были неизвестны до проведения охранных археологических работ 2008–2013 гг. в зоне водохранилища Богучанской ГЭС. В ходе работ открыты и частично раскопаны объекты: Усть-Кова, Усть-Кова II, Дворец, Косой Бык, Большая Пеленда, Берямба, Колпаков ручей, Деревня Ёдерма, Усть-Ёдерма, Усть-Ёдерма II.

Поселение Усть-Кова находится на левобережной второй террасе р. Ангары у подножия гор. Седло и состоит из 6 объектов: Усть-Кова, Усть-Кова I, Усть-Кова I пункт 2, Усть-Ковинский перекат, Усть-Кова II и могильник Усть-Кова.

Стратиграфия поселения сложная и разнообразная. Верхняя пачка геологических напластований II террасы – многослойчатые склоновые отложения субаэрального генезиса, в которых найдены артефакты археологических эпох от палеолита до средневековья.

Три разнохронологических палеолитических уровня залегают в позднеплейстоценовых отложениях сартанского и каргинского времени, в серой глине с многочисленными полосами и прослоями переотложенного гумуса. Прослои образуют сложные смятия, характерные для солюфлюкционных потоков. Кровля глинистых отложений подчеркивается интенсивной карбонатизацией. К слою приурочены находки костей мамонта, бизона, лошади, северного оленя, носорога, песца. Интерпретация спорово-пыльцевых спектров из слоя позволяет предположить, что на Усть-Ковинской площадке были развиты степные и заболоченные пространства с преобладанием пыльцы травянистых растений (69,7 %). Палинологические данные свидетельствуют о холодном и влажном климате времени палеолитической стоянки.

Отложения значительно деформированы палеокриогенными воздействиями, что привело к полигональным формам древнего рельефа с выраженными вспучиваниями грунта, к горизонтальному и вертикальному движению археологического материала. Зафиксированы отдельные факты переотложения более ранних артефактов в поздние геологические седименты. Диапазон рассеивания находок в слое по вертикали колеблется в пределах 0,35–0,55 м и более. Ранний комплекс артефактов зафиксирован в нижней части гумусированной почвы интенсивного черного окраса в линзовидных формах, имеет четкую границу с подстилающими и перекрывающими толщами. По образцам угля из гумусных прослоев раскопов были получены даты 32865 т.л. (СОАН-1690), 30100±1500 т.л. (ГИН-1741), 28050±670 т.л. (СО АН-1875) по образцу кости, зафиксированной в гумусированной линзе в раскопе 2008 г., получена радиоуглеродная дата 33150±150 т.л. (СО РАН-7543). Артефакты в основном изготовлены из желваков песчано-глинистого сланца и кремнистых пород. Основные типы орудий: сверла для работы по камню на массивных пластинчатых сколах, орудия с выступами, крупные скребла, массивные струги, крупные рубящие орудия.

Средний уровень археологической культуры зафиксирован в разных участках стоянки вдоль береговой линии р. Ангары при сложных геологических ситуациях, связанных с сартанским оледенением и появлением криогенных площадей с буграми вспучиваний в серых глинах. Планиграфически трудно проследить принадлежность артефактов к одному археологическому ансамблю, за исключением отдельных скоплений между буграми вспучиваний. По древесному углю из карбонатных глинистых отложений получена дата 23920±310 т.л. (КРНЛ-381), по кости мамонта получены даты 23929±855 (NSKA – 619), 19676±648 (NSKA – 620), 22448±774 (NSKA – 621).

В этом литологическом слое найдены несколько сотен уникальных артефактов из кремня, халцедона, окаменелой древесины, из бивня мамонта и кости северного оленя.

Каменный инвентарь представляют нуклеусы, мелкие и крупные призматические пластины, пластины с краевой ретушью, сверла и резцы, проколки, концевые скребки, скребки-нуклеусы, долотовидные орудия, остроконечники и бифасы.

Изделия из кости уникальны по составу: скульптура мамонта из бивня, графическое изображение лошади на пластине бивня мамонта, скульптурное изображение животного или птицы, гравированные пластины бивня мамонта, сверленые бусинки, обломок иглы, пиленные, сверленные, резанные кости мамонта и северного оленя.

Фауна представлена костями мамонта, бизона, лошади, северного оленя и шерстистого носорога, полными в анатомическом порядке скелетами 3-х песцов с отрезанными лапами.

Последний плейстоценовый слой состоит из бурых (темно-красных) разной плотности суглинков, разбитых мерзлотными клиньями и тонкими трещинами. При первоначальном изучении слоя была получена дата по углю

14220±100 т.л. (ЛЕ -1372). В 2008 г. Г.И. Медведевым по полученным датам и стратиграфическим наблюдениям эта толща была разделена на 3 части. Нижняя часть слоя датирована 19140±135 (СО АН), средняя часть слоя 18790±190 (СО АН 1746), верхняя часть слоя 16210±85 (СО АН 7544).

Здесь найдены артефакты из кремня, яшмы и окаменелой древесины, призматические нуклеусы, концевые скребки, резцы, прокопки, долотовидные орудия и др. типологически близкие к орудийному набору среднего уровня.

Другие геоархеологические объекты в зоне Богучанского водохранилища интересны и информативны. Многослойная стоянка Дворец находится на левом берегу Ангары, в 5 км ниже д. Дворец, на 14-метровой террасе.

В покровных отложениях голоценовых и поднеплейстоценовых супесей и суглинков разной плотности найдены артефакты железного века, неолита и позднего палеолита. В желто-серых и светло-серых суглинках с карбонатными стяжками фиксируются полигоны с мерзлотными клиньями, заполненные дресвой и мелкими образцами скальной породы. В этом слое, подверженном криогенными деформациями и осложненными солифлюкционными процессами среднесартанского времени найден палеолитический материал. Битые кости мамонта, лошади, бизона, северного оленя и песца, крупные призматические нуклеусы из кремнистой и песчанико-глинистой породы, крупные пластины и пластинчатые сколы с краевой ретушью, скребки и скребла из кремнистой породы. Комплекс артефактов и фауны можно датировать в пределах 18–14 т.л.?

Поселение Косой Бык располагается у п. Косой Бык, в 12 км ниже по течению Ангары от поселения Усть-Кова на 20-метровой левобережной террасе. Площадь объекта составляла более 12 тыс. кв. м.

На поселении выделено два культуросодержащих слоя бронзы-неолита и позднего палеолита.

В слое желто-коричневых суглинков с линзами черной погребенной почвы, разрушенной раннесартанской солифлюкцией, найдена археологическая культура с костями бизона, лошади, северного оленя, мамонта и каменными орудиями: призматические и торцовые нуклеусы, микропластинки, пластины с краевой ретушью, резцы, проверт-ки, долотовидные орудия, концевые скребки, небольшие острия. Орудия изготовлены из кремня холцедона, коричневой яшмы, твердых песчаников. Весь набор артефактов близок к среднему комплексу палеолита Усть-Ковы и может быть датирован 23–18 т.л.

Палеолитический слой стоянки Колпаков Ручей был вскрыт в раскопе 3 и залегал в мелкощебнистом древянистом слое с мерзлотными клиньями, как минимум двух генераций. Каменная индустрия представлена: 3-мя формами нуклеусов, массивными удлиненными пластинами и пластинками, концевыми ретушированными пластинками, скребками, и отщепами, угловым резцом.

По мнению авторов раскопок весь палеолетический комплекс Колпакова Ручья относится к Макаровскому пласту и может датирован в пределах 30–40 т.л?.

На поселении Беремба обнаружены 4 культурных слоя. Палеолитический слой залегает в светло-сером карбонатизированном суглинке с мерзлотными явлениями позднесартанского времени. Индустрию слоя представляют нуклеусы, крупные скребла, галечные чопперы, призматические пластинки с ретушью, скребки и резцы на пластинках.

Все геоархеологические объекты палеолита Северного Приангарья приурочены к ангарским террасам высотой 14–20 м., местонахождения имеют сходные геоморфологические позиции, близкие в геохронологическом возрасте, за исключением нижнего слоя (32–30 т.л.) Усть-Ковы. Палеолитические артефакты и фауна местонахождений залегают в схожих субаэральных отложениях сартанского времени (23–14 т.л.) Пока нам известно, что системное заселение региона началось в сартанское время, более ранние археологические комплексы известны на Ангаре в районе Братского водохранилища и в раннем слое Усть-Ковинского поселения. Вопрос о культурной принадлежности палеолитических местонахождений Северного Приангарья пока остается открытым. Мы предлагаем остановиться на региональной Усть-Ковинской модели развития палеолита и системы палеохозяйственной адаптации и культурных традиций человека, связанных географическим и климатическим положением в позднем палеолите Северного Приангарья.

Заселение долины Нижней Оби в позднем плейстоцене: геохронологические и археологические материалы

© 2020 г. И.Д. Зольников (vse-snega@yandex.ru), А.В. Выборнов, А.А. Анойкин, А.В. Постнов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Для определения особенностей колонизации человеком севера Западной Сибири в плейстоцене, сотрудниками ИАЭТ СО РАН в 2016–2019 гг. были проведены комплексные исследования долины Нижней Оби. Представлены геологические обоснования возможности заселения этой территории начиная с 130 тыс. л.н., определены условия поиска археологических объектов, собрана коллекция мамонтовой фауны и артефактов палеолитического облика. Предложены возможные пути миграции палеолитического населения на эту территорию.

Ключевые слова: Нижняя Обь, поздний плейстоцен, палеолит, палеонтология, палеогеография.

На основе имеющихся в настоящее время данных можно предполагать, что заселение районов Азии, расположенных вблизи от полярного круга, началось в микулинское межледниковье. Этот процесс проходил в несколько этапов и окончательно завершился в первой половине голоцена (Величко и др., 2014. С. 423). Археологические материалы показывают присутствие человека в северном Приуралье, в нижнем течении Лены и Енисея с начала верхнего палеолита (Павлов, 2016; Pitulko et al., 2016). Древнейшие на сегодня объекты Нижней Оби представлены находками финального палеолита стоянок Луговское и Комудваны (Макаров и др., 2018). Геолого-археологиче-

скими разведками ИАЭТ СО РАН 2016–2017, 2019 гг. была изучена долина Нижней Оби от устья Иртыша до г. Салехард, а также участки обских притоков первого порядка, удобных для древних миграций (реки Собь, Войкар и др.).

Принципиальная схема верхнечетвертичных отложений правобережья Нижней Оби (от пос. Казым-мыс до пос. Питляр) представляет основу в виде тазовского гляциокомплекса (MIS6), включающего как морены, так и водноледниковые осадки. Верхнечетвертичная толща, как правило, начинается с аллювия (возраст – 130–100 тыс. лет назад), который к северу (на Ямале и Гыдане) замещается морскими отложениями бореальной трансгрессии (MIS5e). В районах, расположенных южнее Сопкейских гряд стратиграфически выше залегают флювиогляциальные пески, а южнее Салехарда – варвиты ледниково-подпрудного бассейна верхнего неоплейстоцена с абсолютными отметками кровли не более 60–70 м и возрастом в интервале 90–60 тыс. лет назад. Позднее, 60 тыс. лет назад начинается речное врезание в ледниково-озерные варвиты и подстилающие их отложения, формирование II надпойменной террасы. Одновременно на водораздельных территориях происходит накопление покровного комплекса, включающего в себя лессы, перевеянные пески, палеопочвы, солифлюксий и мелкие термокарстовые озера. Около 25 тыс. лет назад, во время последнего глобального похолодания (MIS2), происходит нарастание аридизации и начинается формирование I надпойменной террасы. На субаэральных поверхностях в это время активно накапливается покровный комплекс отложений. В позднеледниковье (15–11 тыс. лет назад) климат становится более теплым. В голоцене формируется пойма, а на междуречьях активизируется термокарст, формируются солифлюкционные, озерные, болотные отложения и современные почвы.

Южная часть обследованных территорий – западная окраина Белогорской возвышенности. Здесь верхнепалеолитические объекты предположительно должны быть связаны с террасами высотой до 6 м от исторически высокого уровня воды, расположенными в приустьевой зоне притоков и прижимах соров. В ходе разведок были обнаружены палеонтологические свидетельства, подтверждающие хорошо известные факты распространения позднеплейстоценовой фауны на территории Белогорской возвышенности. В моренном материале обильно представлены породы, подходящие для производства каменных изделий – кремни, различные кварциты и другие. На бечевнике в районах рек Малый Кутас и Карымкары были подняты слабоокатанные артефакты предположительно палеолитического облика – заготовка нуклеуса и скребло на обломке.

В северной части Нижней Оби от пос. Перегребное до пос. Лопхари распространены сниженные аллювиальные террасы послетазовского возраста. На участке долины от пос. Лопхари и севернее, вплоть до Салехарда поверхность рельефа на правом берегу Оби снижена до уровня около 30 м и ниже. Здесь в береговых разрезах обнажаются выходы среднечетвертичных морен, а на бечевнике присутствует моренный перлювий в виде валунно-галечных «мостовых». Нередко к реке выходят сниженные поверхности высотой 10–15 м.

В разрезе террасы у пос. Лопхари проявляется ряд позднеплейстоценовых горизонтов, ассоциируемых с находками мамонтовой фауны. Разрез интересен тем, что субаэральный комплекс отложений начинается в самой нижней части обнажения. Аллювиальные отложения вскрываются не более, чем на 0,5 м и уходят под бровку бечевника. Фактически основная часть 5–7 метровой террасы представлена навеянными, перевеянными и делювиальными отложениями. При этом нижняя ископаемая почва, к которой вероятнее всего приурочена мегафауна находится на глубине около 6 м от дневной поверхности (предварительная датировка – 35 тыс. л.н.). Таким образом, мы имеем в стратиграфическом понимании тело II надпойменной террасы, но с гипсометрическим уровнем, который соответствует I надпойменной террасе и с выполнением самого геологического тела не аллювием, а субаэральными отложениями.

В ходе разведки установлено, что значительная часть культурного слоя у пос. Лопхари могла быть уничтожена. Соответственно, каменные артефакты и находки мегафауны на отмелях под обрывами, подвергавшимися интенсивным оползням и абразии, могут быть свидетельствами уничтоженных культурных слоев, а не только поисковыми критериями по их обнаружению. При этом находки мегафауны в ряде случаев связаны и с древним аллювием, куда они могли попадать сразу после гибели животных.

В ходе разведок установлено, что фактически у всех береговых обрывов с высотой от 7–10 м и выше, на бечевнике с интервалом около 100–300 м встречаются единичные находки ископаемой мегафауны. В отдельных местах эти находки более концентрированы, но массовых скоплений типа «мамонтовых кладбищ» не обнаружено. Радиоуглеродные даты по остеологическому материалу, собранному в разведках 2016–2017 гг. подтверждают наличие крупной фауны мамонтового териокомплекса на этой территории в позднем плейстоцене и, как следствие, ее доступность для палеолитического человека, как потребителя этих биоресурсов. Для Нижней Оби зафиксировано распространение северного оленя (даты в интервале 28–18 тыс. л.н.), лошади (даты в интервале 37–10 тыс. л.н.), мамонта (даты в интервале 42–13 тыс. л.н.), шерстистого носорога (даты в интервале 42–22 тыс. л.н.).

По результатам полевых исследований низовьев Оби, 2016–2019 гг., можно с уверенностью говорить о присутствии здесь артефактов палеолитического облика на прибрежных отмелях. Севернее Белогорской возвышенности на участке правобережья Оби от п. Казым-мыс до п. Питляр каменные артефакты были обнаружены на бечевнике у основания высоких (до 20 м и более), крутых береговых обнажений. Коллекция состоит из 13 артефактов, которые отличаются разной степенью сохранности поверхности, от изделий с не сглаженными ребрами, до предметов, имеющих среднюю или слабую степень окатанности. Нуклевидные формы насчитывают семь изделий, в том числе три одноплощадочных однофронтальных ядрища для отщепов и четыре нуклевидных обломка с единичными бессистемными сколами. Продукты первичного расщепления включают два средних и два крупных скола разжелвачивания. Орудийный набор представлен отбойником и галечным орудием. Трасологические исследования показали наличие на нескольких обломках бивней мамонтов следов человеческого воздействия.

В настоящее время, предполагается, что пути колонизации палеолитическим человеком территории Нижней Оби могли быть различны в зависимости от этапов рас-

селения. Очевидна возможность миграции по крупнейшей магистрали Северной Азии – долине Оби. Кроме того, использование современных ГИС-систем позволило выявить сквозные долины идущие через Урал, имеющие плоские широкие днища, относительно небольшие уклоны и пригодные для длительных путешествий семейных групп палеолитических людей, отличающихся невысокой мобильностью. Также выделены второстепенные долины с менее широкими днищами и уклонами менее 8°, соединяющиеся с главными сквозными проходами.

Таким образом, в ходе целенаправленных поисков палеолитических объектов Нижней Оби были получены материалы подтверждающие принципиальную возможность заселения севера Западной Сибири после 130 тыс. л.н. Представлены геологические, палеонтологические и археологические источники, обосновывающие условия поиска объектов древнейшего расселение человека на Нижней Оби.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19–78–20002 «Геохронология и палеогеография долины Нижней Оби позднего плейстоцена в контексте ее заселения палеолитическим человеком».

Список литературы

Величко А.А., Васильев С.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Этапы первичного освоения человеком Арктики и Субарктики // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография. Отв. ред. В.М. Котляков, А.А. Величко. С.А. Васильев. М.: ГЕОС, 2014. С. 422–446.

Макаров С.С., Резвый А.С., Горелик В.И. Местонахождение Комудваны – новый палеонтолого-археологический памятник Западно-Сибирской равнины // Эволюция жизни на Земле. Материалы V Международного симпозиума. Отв. ред. В.М. Подобина. Томск: ИД Томского государственного университета, 2018. С. 215–217.

Павлов П.Ю. Начало верхнего палеолита на северо-востоке Европы // Археология Арктики. Вып. 3 / Ред. Д.С. Тупахин, Н.В. Федорова. Калининград: ИД «РОСДОАФК», 2016. С. 75–90.

Pitulko V.V., Tikhonov A.N., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Kuper K.E., Polozov R.N. Early Human Presence in the Arctic: Evidence from 45,000-year-old Mammoth Remains // Science. 2016. № 351. P. 260–263.

Кызылсырская археологическая культура среднего палеолита Якутии: история открытия и современный этап изучения

*© **2020 г. Н.С. Кирьянов** (ns_kiryanov@bk.ru)*

Арктический научно-исследовательский центр АН Республики Саха (Якутия), Якутск, РФ

Аннотация. Открытие и выделение в Якутии в начале 2000-х гг. кызылсырской среднепалеолитической культуры бифасиальной традиции вызвало дискуссии в части ее культурно-хронологического места в периодизации Северо-Восточной Азии. Несмотря на серию публикаций о культуре, работы по ее изучению с 2010 года оказались приостановлены. С 2019 года исследования возобновлены, в связи с чем поставлен ряд задач для решения наиболее спорных и обсуждаемых моментов.

Ключевые слова: Якутия, Северо-Восточная Азия, средний палеолит, кызылсырская культура, Мунгхарыма, бифасиальная традиция.

История открытия и изучения

Первые материалы, которые сегодня отнесены к среднепалеолитическим, открыты в 1980 году С.А. Федосеевой на стоянке Кызыл-Сыр VIII (Красный Яр VIII) на р. Пеледуй в Южной Якутии (Мочанов, Федосеева, и др., 1991. Табл. 139, 6, 8), но их немногочисленность и предубеждение об отсутствии среднего палеолита не позволило тогда установить их культурно-хронологическую привязку, хотя такие предположения были высказаны.

В 2000 году С.А. Федосеевой в бассейне Нижнего Вилюя на бечевнике вблизи р. Мунгхарыма (224 км) найден двусторонне ретушированный нож с овальным лезвием и притупленным обушком из мелкозернистого кварцита (Мочанов, Федосеева, 2002, табл. XII, 1). Дальнейшие работы на памятнике позволили собрать внушительную коллекцию: кварцитовые двусторонне обработанные наконечники копий, ножи с обушком, ножи секировидной формы, рубила и рубиловидные изделия, а также немногочисленные кварцитовые чопперы и скребла. Небольшую категорию составили кремневые изделия, а вот специальные нуклеусы зафиксированы не были (Мочанов, 2007. С. 67; Мочанов, Федосеева, 2013. С. 21). Последние исследования на памятнике завершились в 2009 году (Газизов, 2010; Федосеева, 2011).

Комплекс стратиграфических работ позволил установить, что находки приурочены к 13–15-метровой цокольной террасе и залегают над русловым аллювием на глубине до 3 м, главным образом, в отложениях пойменной фации в темно-серых горизонтально-слоистых суглинках (Федосеева, 2009. С. 22–23, 69; Мочанов, Федосеева, 2013. С. 10–15).

Памятник Мунгхарыма II открыт и изучался в 2008–2009 гг. на 70-метровой террасе, к которой причленена или вложена 13–15-метровая цокольная терраса с памятником Мунгхарыма I (Федосеева, 2009. С. 27; 2011. С. 22. С. 13–14; Газизов, 2010. С. 17). Тыловой уступ цокольной террасы перекрыт делювиально-пролювиальным шлейфом, идущим по склону 70-метровой террасы. Находки приурочены к кровле красноватого суглинка и к низам бежевого суглинка на контакте с серовато-желтыми песками. Не исключается, что обнаруженные кварцитовые и кремневые изделия на Мунгхарыме I могут являться пере-

отложением материального комплекса из Мунгхарымы II за счет склоновых процессов (Мочанов, Федосеева, 2013. С. 23).

В свете открытия памятников Кызыл-Сыр VIII на Пеледуе и Мунгхарыма I–II на Вилюе Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева выделяют в Северной Азии особенную кызылсырскую культуру возрастом 150–35 тыс. л.н. и генетически ее связывают с дюктайской верхнепалеолитической, называя «протодюктайской». В основе обеих культур, по их мнению, лежит особая бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (Мочанов, 2007. С. 64–72; Мочанов, Федосеева, 2013. С. 7–69; Mochanov, Fedoseeva, 2017. P. 137–163).

Современный этап исследования

Автор в качестве младшего научного сотрудника принимал непосредственное участие в полевых работах на памятниках Мунгхарыма I–II и Тимирдях-Хая под руководством Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой с 2005 по 2009 гг. и занимался ведением полевой документации. В свете критического отношения к указанным памятникам части исследователей (Ранов, 2005. С. 19–20; Деревянко, 2005. С. 23; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007. С. 78–80) автор констатирует инситность залегания кварцитовых изделий (в том числе и бифасов) в отложениях пойменной фации и их приуроченность к выделяемым стратиграфическим разрезам.

К настоящему моменту основная критика сводится к слабой, по мнению оппонентов, обоснованности заявленных Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой дат для кызылсырской культуры и отсутствию в их работах дополнительно аргументирующих стратиграфических сведений и данных датировок. Основной массив информации о культуре сегодня представлен преимущественно материальным комплексом, где значительное место занимают бифасы.

В связи с этим необходимо отметить, что выявленный материальный комплекс залегает в толще многолетнемерзлых пород, которые подвержены интенсивному разрушению вследствие вытаивания ледяных линз и подмыва внешнего уступа террасы. Для получения стратиграфического разреза на всю их глубину необходима достаточная площадь, которая не может быть получена за один полевой сезон. В частности, разрез берегового уступа памятника Мунгхарыма I получен только в 2008 году (Федосеева, 2009. Рис. 27; Мочанов, Федосеева, 2013. С. 18), хотя работы начались в 2001 году. Такие же подготовительные работы проведены на Мунгхарыме II (Федосеева, 2011. С. 18–20), но остались не завершены.

В 2019 году ПАЭ ГБУ АНИЦ АН РС(Я) под руководством автора возобновило исследование памятников Мунгхарыма I–II в стадии предварительного изучения на предмет современного состояния. Выяснено, что основной раскоп Мунгхарымы I окончательно срезан рекой, а вот заложенные раскопы на Мунгхарыме II остались не потревоженными. В ходе работ на прилегающем к памятникам участке р. Вилюй на бечевнике собрана коллекция обломков костей мамонтовой фауны, свидетельствующая о наличии здесь на высоких террасах ряда костеносных слоев, имеющих важное значение для биостратиграфии плейстоценовых отложений.

К настоящему моменту слабыми местами изученности культуры следует считать отсутствие номенклатуры полученных кварцитовых изделий, что не позволяет их использовать при сравнительно-сопоставительном анализе с материалами других регионов. Отсутствие дополнительных датировок и недостаточность стратиграфических наблюдений также снижают потенциал культуры для оценки ее места в культурно-хронологической шкале Северной Азии. Имеющаяся ангажированность к полученным Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой датам кызылсырской культуры обусловлена, на наш взгляд, пока недостаточным освещением ряда ее частных вопросов в ведущих археологических изданиях. Восполнение этих пробелов и составляет главную задачу автора на предстоящую перспективу.

Заключение

Изучение палеолита в зоне сплошного распространения криолитозоны имеет большое значение для понимания влияния экстремально низких температур на жизнь древнего человека, потому что доказывает наличие у него успешных адаптивных способностей и возможностей приспосабливаться к наименее пригодным природным условиям. Очевидное отсутствие преимуществ в сравнении с обитателями более теплых территорий компенсировалось выносливостью, поскольку полученные каменные орудия демонстрируют высокий технологический уровень их изготовления, что невозможно без определенного устоявшегося качества жизни.

Несмотря на дискуссионность отдельных утверждений о времени и месте существования кызылсырской культуры, ее открытие находится в тренде последних достижений в области палеолитоведения Евразии, свидетельствующих об имеющейся динамике удревнения основных этапов ее освоения человеком.

Список литературы

Федосеева С.А. Отчет о разведке в долине Нижнего Вилюя (Вилюйский район Республики Саха (Якутия)) в 2008 г. // Архив ИА РАН. 2009. Р-1. № 43794. 123 с.

Федосеева С.А. Отчет о работе на стоянках Мунгхарыма I и Мунгхарыма II в Вилюйском районе Республики Саха (Якутия) в полевом сезоне 2009 г. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1. № 39417. 66 с.

Газизов Е.А. Отчет об археологической разведке в долине Нижнего Вилюя (Вилюйский район Республики Саха (Якутия)) в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 36996. 61 с.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии (Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции. Вып. 5). СПб.: Нестор-История, 2007. 336 с.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 22–36.

Ранов В.А. Проблема внетропического происхождения человека: миф и реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 16–20.

Мочанов Ю.А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (история ее выделения и изучения). Якутск: Гриф и К, 2007. 201 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки: Труды Приленской археологической экспедиции (Доклад для Международного Северного археологического конгресса,

г. Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г.). Якутск: Полярный круг, 2002. 60 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня (в 2 томах). Якутск: Дани-Алмас, 2013. Том II. 490 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. М.: Наука, 1991. 224 с.

Mochanov Y., Fedoseeva S. The Kyzylsyr Middle Paleolithic (Proto-Dyuktai) Culture of Northern Asia (150000–35000 Years Ago) // Journal of Northwest Anthropology. Vol. 51. 2017. P. 137–163.

Каменные индустрии Алтая на рубеже среднего и верхнего палеолита: новые данные по материалам Денисовой пещеры

© ***2020 г. М.Б. Козликин*** *(kmb777@yandex.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В работе обсуждаются новые палеолитические материалы из верхней части плейстоценовой толщи в южном зале Денисовой пещеры. Из слоев 12 и 11 получена представительная археологическая коллекция финального среднего и начальной стадии верхнего палеолита соответственно. Технико-типологический облик этих индустрий свидетельствует о формировании верхнепалеолитических традиций на местной среднепалеолитической основе.

Ключевые слова: Горный Алтай, средний и верхний палеолит, плейстоцен, каменные индустрии.

Комплексы среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры хорошо известны по многочисленным находкам из центрального зала и восточной галереи, а также с предвходовой площадки (Деревянко и др., 2003; Shunkov et al., 2020). Исследования верхней части плейстоценовой толщи в южной галерее в 2017–2019 гг. (Шуньков и др., 2019) позволили получить представительную коллекцию каменных артефактов, которые стали существенным дополнением к источниковой базе рубежа среднего и верхнего палеолита не только в рамках Денисовой пещеры, но и Алтая в целом.

Каменная индустрия финального среднего палеолита в южной галерее связана с отложениями литологического слоя 12. Средний возраст начала и завершения осадконакопления слоя 12 в южном зале был смоделирован с помощью Байесовского метода на основе 10 оптических дат. Согласно этим данным слой 12 формировался в интервале от 64±9 до 47±8 тыс. л.н. С данными геохронологии хорошо согласуется технико-типологический облик каменной индустрии.

Коллекция каменных артефактов из слоя 12 в южной галерее насчитывает свыше 2400 экз. Типологически выраженные ядрища характеризуют несколько вариантов раскалывания. Леваллуазский метод представляют округлые нуклеусы для отщепов с тщательно оформленной выпуклой ударной площадкой. В рамках плоскостного параллельного расщепления утилизировались одно- или двухплощадочные монофронтальные ядрища. Радиальные нуклеусы, моно- и бифронтальные, с расщеплением по всему периметру от неподготовленного ребра.

Среди сколов преобладают отщепы, для которых характерна гладкая или естественная остаточная ударная площадка, ортогональная и продольная одно- или бинаправленная огранка. Немногочисленные пластины представлены крупными экземплярами, в том числе сколами леваллузского облика с тщательно фасетированной выпуклой остаточной ударной площадкой и бинаправленной дорсальной огранкой.

Разнообразным и многочисленным является орудийный набор. Леваллуазские острия представлены треугольными снятиями с правильной Y-образной огранкой и тщательно фасетированной выпуклой остаточной ударной площадкой. Найден один мустьерский остроконечник.

Наиболее многочисленной категорией являются скребла различных типов: продольные одинарные и двойные, диагональные, конвергентные и поперечные с различной формой лезвия. Для оформления скребел использовалась чаще всего ретушь дорсальная, краевая или захватывающая, крутая, субпараллельная, средне- или сильномодифицирующая.

Резцы представлены срединной и угловой формами, заготовками для которых служили крупные пластины. Небольшими сериями представлены зубчатые, выемчатые и шиповидные орудия, оформленные сильномодифицирующей ретушью на крупных сколах.

В составе орудий представлены также миндалевидный бифас на крупном отщепе и комбинированное орудие – диагональное выпуклое скребло с резцовым сколом. Дополняют коллекцию вентрально утонченные сколы.

Археологические материалы начальной стадии верхнего палеолита в южной галерее залегали в слое 11. Для отложений нижней части этого слоя по кости была получена ^{14}C AMS-дата 48650 +2380/-1840 л.н. (KIA 25285 SP 553/D19). Для кровли слоя 11 по углю получена ^{14}C AMS-дата 29200±360 л.н. (AA-35321).

Каменная индустрия из слоя 11 насчитывает более 2300 экз. Нуклеусы для получения мелких пластинчатых сколов представлены ядрищами конусовидной формы, с расщеплением по всему периметру. Крупные пластины снимались с двуплощадочного монофронтального нуклеуса. В параллельной технике утилизировался одноплощадочный монофронтальный нуклеус, фронт которого несет негативы снятий отщепов. Радиальное раскалывание характеризует бифронтальный нуклеус.

В числе сколов преобладают отщепы. Для них характерна гладкая или естественная, реже двугранная или фасетированная остаточная ударная площадка. Дорсальная огранка, как правило, продольная одно- или бинаправленная, ортогональная. Меньшим количеством представлены пластины с гладкой, реже фасетированной или линейной площадкой и продольной одно- или бинаправленной огранкой. В коллекции имеется также серия пластинок.

В орудийном наборе преобладают скребла различных модификаций – продольные одинарные и двойные, диагональные, конвергентные и поперечные. Эти изделия отличаются от среднепалеолитических использованием удлиненных заготовок и более тщательной обработкой параллельной или субпараллельной ретушью.

Представительную серию образуют скребки, концевые на крупных сколах и на пластинах и миниатюрные, оформленные по всему периметру. Один из скребков – высокой формы со скошенным лезвием, по своей морфологии близок к кареноидным изделиям с негативами микропластин.

Распространены ретушированные пластины с интенсивной обработкой одного или двух продольных краев дорсальной параллельной сильномодифицирующей ретушью. Одним экземпляром представлена пластина с перехватом.

Угловые и срединные резцы изготовлены на фрагментированных пластинах или на крупных удлиненных сколах. В ряде случаев для снятия резцового скола подготавливалась ретушированная ударная площадка.

Бифасы представлены фрагментами изделий округлой или листовидной формы. Поверхность орудий полностью покрыта негативами пологой или стелящейся параллельной ретуши.

Выемчатые орудия выполнены в продольном и поперечном вариантах на крупных отщепах, в одном случае на пластине. На всех изделиях анкош оформлен сильномодифицирующей ретушью. Несколькими экземплярами представлены зубчатые и шиповидные орудия.

Кроме изделий из камня в слое 11 найдены костяные орудия – игла, остроконечники, лощило, шилья, лопаточка. Коллекция украшений включает бусины, подвески, пронизки, кольцо, фрагменты диадемы и браслета, зооморфную скульптуру, изготовленные из зубов и костей животных, бивня мамонта, мягкого поделочного камня и раковины моллюска. К проявлению символической деятельности следует отнести также мраморную гальку со следами охры и фрагменты красного и зеленого минерального пигмента со следами скобления.

Таким образом, каменные индустрии из слоев 12 и 11 свидетельствуют о формировании верхнепалеолитических традиций на местной среднепалеолитической основе. Индустрия финального этапа среднего палеолита из слоя 12 характеризуется различными вариантами параллельного, радиального и леваллуазского расщепления. Типологическую основу инвентаря составляют скребла, имеются леваллуазские острия и мустьерский остроконечник. Представлен зубчато-выемчатый компонент. Изделия верхнепалеолитической группы включают серию резцов на пластинах.

Характерной чертой каменной индустрии ранней стадии верхнего палеолита из слоя 11 является параллельное расщепление, направленное на производство удлиненных отщепов, крупных пластин и мелких пластинок. Для получения коротких и укороченных сколов использовалась радиальная техника. В составе инвентаря присутствуют образцы микро скребков, резцов и ретушированных пластин с хорошо выраженной верхнепалеолитической морфологией, а также тщательно обработанные тонкие листовидные бифасы. Вместе с тем значительную роль в этой индустрии играет среднепалеолитический компонент, представленный различными типами скребел. Имеются зубчатые, выемчатые и шиповидные формы. Вместе с каменной индустрией обнаружены костяные орудия и представительный набор персональных украшений.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–40100 и гранта МК-2790.2019.6.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Чеха А.М., Чеха А.Н. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 299–305.

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Dynamics of the Altai Paleolithic industries in the archaeological record of Denisova Cave // Quaternary International. 2020. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.02.017.

Стоянка Сухая Мечётка в Поволжье: технология расщепления камня

© 2020 г. А.В. Колесник[1] (akolesnik2007@mail.ru), А.К. Очередной[2], К.Н. Степанова[2], А.В. Данильченко[2]

[1] ГАУК Ростовской области «Донское наследие», Ростов-на-Дону, РФ
[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Стоянка Сухая Мечётка в Нижнем Поволжье – классический памятник среднего палеолита Восточной Европы. Коллекция содержит около 12 тыс. кварцитовых и кремневых изделий, которые позволяют детально охарактеризовать технологию первичного расщепления и вторичной обработки, которые были тесно переплетены между собой.

Ключевые слова: средний палеолит, Нижнее Поволжье, нуклеус, вторичная обработка, технология расщепления.

Стоянка Сухая Мечётка (Сталинградская, Волгоградская) в Нижнем Поволжье исследовалась С.Н. Замятниным в 1952 и 1954 гг. (Замятнин, 1961). Благодаря хорошей сохранности культурного слоя, обширной коллекции артефактов и ясной стратиграфии памятник занял прочное место в проблематике изучения среднего палеолита Восточной Европы (Bosinsky, 1967; Праслов, 1984). Коллекция каменных изделий хранится в фондах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге и насчитывает около 11 тыс. артефактов. По результатам статистической обработки продуктов расщепления камня установлено, что каменная индустрия была основана на

Рис. 1. Сухая Мечётка. Ремонтаж остроконечника и сколов формирования орудия.

использовании кварцита и кремня, при незначительном перевесе кварцитового сырья. Орудия изготавливались преимущественно из кремня. Для расщепления использовались кремни, залегающие в переотложенном состоянии в неогеновых ергенинских песках, а также кварциты из палеогеновых отложений.

В «сырьевом ландшафте» древнего поселения выделяются скопления продуктов расщепления трех типов: с преобладанием кремневых сколов, с преобладанием кварцитовых сколов и смешанные. Последние встречены в основном в районе кострищ, в зонах наибольшей бытовой и производственной активности.

Кремневое и кварцитовое сырье поступало на древнее поселение в виде нескольких морфометрических фракций. Основное количество сохранившихся без следов обработки отдельностей каменного сырья – это средние по размерам окатанные конкреции и блоки породы разного качества. Широко использовались в качестве преформ орудий естественные обломки кремня и кварцита, т.н. «температурные сколы» и «чешуйки шелушения». В редких случаях использовались естественные фрагменты окаменелого дерева. В производственных целях на стоянку приносились также весьма крупные отщепы качественного кремня, сколотые за пределами стоянки. Приведенные данные позволяют диагностировать в кремнево-кварцитовой индустрии стоянки Сухая Мечётка интенсивный модус сырьевой стратегии в условиях ситуационного дефицита каменного сырья. При этом за счет невысоких пластических качеств многих отдельностей сырья, выявленных уже на самой стоянке, образцы качественного сырья использовались предельно интенсивно.

Для расщепления использовались относительно небольшие отбойники из кремня и кварцита, всего в коллекции 7 экз. Зоны износа в большинстве случав расположены на боковых и диагональных участках, по отношению к продольной оси инструмента, что, скорее всего, отражает особенности фиксации орудия в кисти древнего человека. Подобным образом выглядят отбойники стоянки Кетросы в бассейне Днестра (Ларионова, Степанова, 2018).

Баланс методов расщепления камня в индустрии стоянки Сухая Мечётка отражает сложившуюся адаптацию технической базы к специфике сырьевой базы и особенностям сырьевой стратегии. Древними мастерами был выбран наиболее оптимальный набор технических средств

первичного расщепления, исходя из производственных задач. Формально можно различать следующие методы расщепления: радиально-дисковидный, леваллуазский для отщепов, леваллуазский для острий, леваллуазский для пластин. Часть нуклеусов имеют кубовидные очертания.

Технологии первичного расщепления и вторичной обработки были тесно связаны между собой. Комплементарность технологий первичного расщепления камня и технологий изготовления орудий во многом объясняется особенностями сырьевой базы – наличием относительно низкосортного каменного сырья, которое требовало значительной модуляции при изготовлении орудий. В этих условиях акцент в формообразовании орудий был перенесен на вторичную обработку и широкое использование модулирующей ретуши при обработке орудий, полученных из массивных заготовок. И нуклеусы, и орудия с вторичной обработкой представлены полной цепочкой редукционных форм. Нуклеусы в коллекции немногочисленны – всего 23 экз. В этой серии представлены все стадии от формирования основных конструктивных элементов до предельно сработанных образцов, в ряде случаев преобразованных в орудия. Соотношение С–Т (Cores – Tools) в данной коллекции беспрецедентно малое, что объясняется несколькими причинами, в том числе переработкой предельно использованных ядрищ в орудия с двусторонней обработкой.

Широко использовался прием формирования орудий с плоско-выпуклым поперечным сечением, в рамках которого первоначально формировалась (уплощалась, выравнивалась) плоская сторона, затем выпуклая. Серийно представлены (более 30 экз.) разнообразные т. н. «вентральные сколы», связанные с уплощением рельефа вентральной поверхности сколов-заготовок.

В дебитаже выделяется весьма значительная группа сколов формирования орудий, основная часть из которых была связана с формированием и подправкой бифасов и имеет характерные следы использования т. н. «мягкого» отбойника. Не менее 10 таких сколов послужили основой для изготовления небольших асимметричных остроконечников с изогнутым профилем. Связь между технологиями первичного расщепления и вторичной обработки проявляется также в широком использовании в разных контекстах приема ядрищного расщепления, употребление в качестве заготовок для асимметричных остроконечников сколов формирования орудий, и др.

Анализ сырьевых групп и данные ремонтажа сколов позволяют предполагать наличие трех фракций каменных орудий по их технологической связи со стоянкой. Изделия с вторичной обработкой можно разделить на принесенные в готовом виде и оставленные после предельного истощения, орудия полностью произведенные и использованные на месте (в частности, «остроконечник» – рис. 1), а также орудия, изготовленные на месте и унесенные за пределы места обитания. Такое наблюдение не противоречит выводу о «ранцевой» сырьевой стратегии мобильных групп охотников-собирателей среднего палеолита.

Исследования стали возможны благодаря любезной поддержке со стороны дирекции МАЭ, также неоценимую помощь оказывает заведующий отделом археологии МАЭ Г.А. Хлопачев. Работа проводится в рамках выполнения Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы № 0184–2019–0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

Список литературы

Замятнин С.Н. Сталинградская палеолитическая стоянка // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 5–35.

Ларионова А.В., Степанова К.Н. Контекст обнаружения отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой // Записки ИИМК РАН. 2018. Вып. 17. С. 126–140.

Праслов Н.Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 94–134.

Bosinski G. Die Mittelpaläolithischen Funde im Westlichen Mitteleuropa. Köln: Bohlau, 1967. 206 p. (Fundamenta. A/4).

Археологические свидетельства второй миграции неандертальцев на Алтай

© 2020 г. К.А. Колобова[1] (kolobovak@yandex.ru), В.П. Чабай[2], Р. Робертс[3], З. Якобс[3], М.Т. Крайцарж[4], Т. Утмаер[5], Н. Рудая[1], М. Морли[3], Б. Виола[6], С.В. Маркин[1], А.И. Кривошапкин[1], А.П. Деревянко[1]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[2] Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
[3] Центр археологических наук, Школа наук о Земле, атмосфере и жизни, Университет Вуллонгонга, Австралия
[4] Институт геологических наук, Академия наук Польши, Варшава, Польша
[5] Институт доисторических и протоисторических исследований, Университет Фридриха-Александра, Эрланген, Германия
[6] Кафедра антропологии, Университет Торонто, Торонто, Канада

Аннотация. Обнаружение антропологических останков неандертальцев на Алтае традиционно связывалось с единичным проникновением популяций этого подвида на данную территорию. Последние археологические и палеогенетические данные свидетельствует о двух миграционных эпизодах, последний из которых связан с сибирячихинским вариантом среднего палеолита, являющегося технико-типологическим аналогом европейского микока.

Ключевые слова: средний палеолит, Горный Алтай, неандертальцы, миграции, микок.

Чагырская пещера (51°26′34,6″ с.ш., 83°09′18,0″ в.д.) расположена в среднем течении р. Чарыш, в западных предгорьях Горного Алтая. Стратиграфическая колонка пещеры мощностью до 3,5 м включает плотные суглини-

стые отложения (слой 7), являющиеся археологически стерильными. Эрозионный контакт отделяет слой 7 от вышележащих слоев 6 и 5, содержащих около 90000 артефактов среднего палеолита (включая многочисленные костные орудия труда), 74 неандертальских антропологических останков, около 250000 палеонтологических останков. Стратиграфическую колонку венчает культурный слой с остатками материальной культуры регионального бронзового века, без каких-либо свидетельств посещения человека древними популяциями в период верхнего палеолита.

Культурные слои 6 и 5 аккумулировались в период между 63±4 и 48±3 тыс. л.н. Это был период холодного климата (но более теплого, чем во время MIS4) на что указывают результаты палинологического и палеонтологического анализов. Неандертальцы специализировались в охоте на бизонов (в частности, на молодняк и самок), которая могла быть связана с сезонной миграцией стад в предгорья Алтая и обратно. В меньшей степени неандертальцы охотились на лошадь, северного оленя, сибирского горного козла и архара (Kolobova et al., 2020).

При анализе каменной коллекции мы работали в рамках атрибутивного подхода технико-типологического анализа (Kolobova et al., 2020) с расширенными и подробными характеристиками вторичной обработки (Колобова, 2006).

Результаты атрибутивного анализа 4249 артефактов из слоев 6а-6в/2 указывают на то, что они представляют собой единый техно-комплекс. Слой 6в/1 содержит больше артефактов, чем слой 6в/2, соответственно, мы концентрировались на технологической и типологической характеристиках 3021 артефакта из слоя 6в/1. Индустрия характеризуется доминированием отходов производства и значительной долей орудий (29 %). Каменная технология была направлена на получение трапециевидных и прямоугольных отщепов, которые изготовлялись в рамках плоско-выпуклого бифасиального, радиального и ортогонального расщепления. Скребла доминируют в орудийном наборе, наиболее многочисленные изделия трапециевидной и листовидной форм.

Индустрия из Чагырской пещеры в совокупности с комплексом пещеры им. Окладникова составляют сибирячихинский вариант среднего палеолита, который в технико-типологическом отношении значительно отличается от леваллуа-мустьерских денисовского и кара-бомовского вариантов среднего палеолита региона. Мы использовали комплекс статистических методов (включая иерархический кластерный анализ, непараметрическое многомерное шкалирование и анализ главных компонент) для сравнения технологических и типологических признаков Чагырской индустрии с леваллуа-мустерскими среднепалеолитическими и верхенпалеолитическими комплексами Центральной Азии. Результаты анализа свидетельствуют о значительных отличиях ансамбля Чагырской пещеры от региональных средне- и верхнепалеолитических комплексов. Это подтверждает вывод о том, что индустрии Чагырской пещеры и пещеры им. Окладникова представляют собой отдельный уникальный региональный вариант среднего палеолита (Kolobova et al., 2019).

С другой стороны, сравнение с европейскими микокскими индустриями продемонстрировало значительное сходство с Чагырской пещерой. Микокский технокомплекс базируется на нелеваллуазской редукционной последовательности. Производство бифасов связано применением плоско-выпуклой технологии. Хронологические рамки микокских памятников, распространенных в Центральной и Восточной Европе включают диапазон от 130 и 30 тыс. л.н. Статистический анализ с целью сравнения комплекса Чагырской пещеры и микокских ансамблей с применением тех же статистических методов продемонстрировал их одинаковые технологические и типологические характеристики (Чабай, 2004).

Все комплексы из Чагырской пещеры и микокские комплексы из Центральной и Восточной Европы включают специфические бифассиальные орудия типа *Bocksteinmesser* и *Klausennischemesser*.

Результаты трехмерного геометрико-морфометрического анализа, выполненного по методике Г. Херзлингера, для комплексного сравнения формы бифасиальных орудий Чагырской пещеры и ключевого объекта микока Центральной Европы – стоянки Зесельфенсгротте (Германия) подтверждают сделанные выводы (Herzlinger et al., 2017; Шалагина и др., 2020).

ДНК, извлеченная из артропологических останков и литологических отложений, указывает на то, что неандертальцы впервые появились на Алтае до или во время MIS 5. Эти ранние популяции не связаны с микокскими артефактами, которые появляются на Чагырской пещере только в конце MIS 4. Генетические данные из Денисовой пещеры также выявили несколько эпизодов обмена генами между неандертальцами и современным человеком и два различных неандертальских компонента в потомке денисовцев и неандертальцев первого поколения (Kuhlwilm et al.;2016; Kolobova, 2020).

Таким образом фиксируется два эпизода миграции неандертальцев в южную Сибирь. Источником последнего эпизода проникновения была территория Восточной Европы и Северного Кавказа на расстоянии более чем 3000 км к западу от Чагырской пещеры. Определение микокских популяций во всех трех регионах соответствует генетическому сходству между останками неандертальцев в Чагырской, Виндии и Мезмайской пещерах (Bokelmann et al., 2019). Археологические данные подтверждают редкий случай протяженных миграций в палеолите и свидетельствуют о том, что артефакты являются культурными маркерами этих миграций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 19–48–04107.

Список литературы

Колобова К.А. приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. Новосибирск, 2006. 135 с.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. Симферополь: Шлях, 2004. 324 с.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Чистяков П.В., Кривошапкин А.И. Применение трехмерного геометрико-морфометрического анализа для изучения артефактов каменного века // Stratum Plus. 2020. N1. С. 343–358.

Herzlinger G., Goren-Inbar N., Grosman L. A new method for 3D geometric morphometric shape analysis: The case study of handaxe knapping skill // Journal of Archaeological Science Reports. 2017. № 14. P. 163–173. doi:10.1016/j.jasrep.2017.05.013.

Bokelmann L., Hajdinjak M., Peyrégne S., Brace S., Essel E., de Filippo C., Glocke I., Grote S., Mafessoni F., Nagel S., Kelso J., Prüfer K., Vernot B., Barnes I., Pääbo S., Meyer M. & Stringer C. A genetic analysis of the Gibraltar Neanderthals // Proceedings of the National Academy of Sciences of the U.S.A. 2019. Vol. 116, 15610–15615.

Kuhlwilm M., Gronau I., Hubisz M.J., de Filippo C., Prado-Martinez J., Kircher M., Fu Q., Burbano H.A., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Rosas A., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Ž., Gušic I., Marques-Bonet T., Andrés A.M., Viola B., Pääbo S., Meyer M., Siepel A., Castellano S. Ancient gene flow from early modern humans into Eastern Neanderthals // Nature, 2016. 530, P. 429–433.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier Th., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // PNAS. 2020. Vol. 117 (6), P. 2889–2885; DOI: 10.1073/pnas.1918047117.

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Chabai V.P., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Signification des technologies bifaciales au Paléolithique moyen des montagnes de l'Altaï // L'Anthropologie. 2019. Vol. 123 (2). P. 276–288.

Krivoshapkin A., Shalagina A., Baumann M., Shnaider S., Kolobova K. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai Mountains // Antiquity. 2018. Vol. 92 (365), E1.

Стоянка-мастерская каменного века Сухотино 12 (Восточное Забайкалье): первые результаты абсолютного датирования

© 2020 г. А.В. Константинов[1] *(konstant1956@mail.ru),* ***Р.Н. Курбанов[2], Н.О. Викулова[2], Е.А. Филатов[3], Н.А. Марков[1]***

[1] Забайкальский государственный университет, Чита, РФ
[2] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ
[3] Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, РФ

Аннотация. Особое место среди палеолитических объектов Восточного Забайкалья занимают стоянки-мастерские Сузотино-6, 12, мастерская им. А.П. Окладникова, мастерская Скальная, расположенные на Титовской сопке. В 2019 году были проведены первые комплексные полевые исследования стоянки-мастерской Сухотино 12. Проведенные исследования позволили выявить 5 культуросодержащих слоев и представительную археологическую коллекцию более 6000 предметов. Из разреза получена серия ОСЛ-датировок.

Ключевые слова: Восточное Забайкалье, Титовская Сопка, стоянка-мастерская Сухотино-12, верхний палеолит, средний палеолит, ОСЛ-датирование, абсолютная хронология.

Введение

Наибольшая концентрация палеолитических памятников Восточного Забайкалья представлена на Титовской Сопке, расположенной в пригороде г. Чита. Титовская Сопка является отрогом хребта Черского, формирование которого связано с вулканическими процессами на рубеже пермского и триасового времени. Многочисленные выходы изотопного сырья привлекали древнего человека к освоению этой возвышенности. В общей сложности в рамках Сухотинского археологического комплекса выявлено 16 памятников с культурными горизонтами от эпохи бронзы до финала среднего палеолита.

Обилие выходов каменного сырья обусловило возможность появления на Титовской сопке ряда мастерских каменного века. К объектам такого типа отнесены: стоянка-мастерская Сухотино-6 (Кириллов, Каспаров, 1990, Филатов, 2016), Сухотино-12 (Сухотинская мастерская), мастерская «им. А.П. Окладникова» (Константинов, Синица, 2015; Астахов, 2018), мастерская Скальная (Васильев, 1985). Мастерские, на основании технико-типологических характеристик каменного инвентаря, в основном, датируются верхним палеолитом. Также на Титовской сопке выявлен ряд многослойных стоянок открытого типа, наиболее выразительными из которых являются Сухотино-2 и Сухотино-4 (Окладников, Кириллов, 1980).

Средний палеолит, как на территории Восточного Забайкалья, так и в районе Титовской Сопки до настоящего времени был представлен преимущественно подъемными материалами. Единичные стратифицированные комплексы не были обеспечены абсолютными датировками. К таковым, в первую очередь относится стоянка-мастерская Сухотино-12 (Сухотинская мастерская). Памятник был открыт в 1978 г. И.И. Кирилловым (Кириллов, 1979. С. 42) на основе серии подъемных материалов. Исследования, проведенные в 2019 году сотрудниками лаборатории Палеоэкологии ЗабГУ под руководством М.В. Константинова и А.В. Константинова, позволили сформировать предварительное представление о каменной индустрии и стратиграфии памятника.

Археологический материал

Памятник располагается на юго-западном склоне Титовской сопки, абсолютная высота над уровнем моря составляет 756 м, на урезом реки Ингода – 117 м. На памятнике был заложен шурф площадью 4 кв. м, где был обнаружен многочисленный археологический материал, включенный в делювиально-пролювиальные отложения мощностью 2,3 м.

В результате изучения отложений выявлено 5 культуросодержащих слоев. Первый культурный слой залегает в почвенно-растительном слое, второй и третий – в супесчано-суглинистых отложениях коричневого цвета, насыщенных грубообломочным материалом. Четвертый культурный слой залегает в коричневых суглинках, которые также насыщены грубообломочным материалом. Пятый слой заключен в тяжелые суглинки серых цветов, подстилающих цоколь террасы. Археологический материал залегает в переотложенном состоянии. Коллекция представлена типичным комплексом стоянок-мастерских с обилием про-

дуктов первичного расщепления, нуклеусов, нуклевидных изделий.

Первичное расщепление индустрии, представленной в слоях 1–3, характеризуется нуклеусами объемного параллельного скалывания и многочисленными отходами производства. Основной формой заготовки является пластина неправильных очертаний, длиной 8–10 см. В качестве единственного устойчивого типа в коллекции можно отметить массивные вытянутые бифасы с сечением до 3 см.

В коллекции слоев 4 и 5 представлены леваллуазские, подпризматические и протопризматические нуклеусы для получения пластин и многочисленные отходы производства. В представительный орудийный набор входят: зубчатые орудия, продольные скребла, леваллуазские острия и отщепы, изделия с частичной двусторонней обработкой, разнообразные серии шиповидных и клювовидных изделий. В индустрии слоев отчетливо выражены серии пластин, как правило, с гладкой ударной площадкой. Это может свидетельствовать о неклассическом варианте среднего палеолита или начале перехода к верхнему палеолиту.

Абсолютная хронология

Из северо-восточного разреза Сухотино-12 были отобраны 4 образца на ОСЛ датирование, они распределены в разрезе с целью получения надежной оценки возраста всех стратиграфических подразделений. Для изученных образцов было проведено параллельное датирование по кварцу (Q) и калиевым полевым шпатам (Fk). Параллельное датирование по разным минералам с использованием различных протоколов измерений позволяет сравнивать итоговые датировки для определения степени обнуления материала перед осадконакоплением и таким образом верифицировать надежность итоговой хронологии. По Q получено три датировки, возраст которых закономерно увеличивается по глубине: Sh-1 18,5±1,2 тыс. л.н (граница слоев 2 и 3), Sh-2 34,3±2,8 тыс. л.н (слой 3), Sh-3 37±2,8 тыс. л.н (слой 3) Нижний образец (Sh-4) оказался за пределами возможностей метода, для него получена датировка по Fk – 66,4±3,97 тыс. л.н. (средняя часть слоя 4). Соотношение датировок Fk/Q находится в пределах 1,05–1,2, что по принятым стандартам в ОСЛ. Высокая стабильность сигнала Fk/Q, показало полное соответствие результатов стандартных тестов принятым критериям, что позволяет считать итоговую хронологию надежной.

Заключение

Проведенные исследования на стоянке-мастерской Сухотино-12 позволили выявить 5 культуросодержащих слоев с представительным стратифицированным археологическим материалом, впервые для Восточного Забайкалья обеспеченным абсолютными датировками. Особенно важно получение подтверждения возраста культуросодержащих слоев 4 и 5, так как проблема обоснования среднепалеолитического возраста памятников Забайкалья является одной из малоизученных в региональном палеолитоведении. Полученные предварительные результаты открывают перспективы для дальнейшего комплексного изучения памятников Титовской Сопки с целью формирования представлений об освоении этой территории древним человеком в среднем палеолите.

Список литературы

Астахов С.Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской Сопке // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2018. Вып. 19. С. 13–19.

Васильев С.Г. Научный отчет о раскопках в Читинском районе в 1984 году / Архив ИА РАН. Чита, 1985. – 19 с.

Викулова Н.О., Филатов Е.А., Усенков И.В. Средний палеолит Восточного Забайкалья: к постановке проблемы // Материалы докладов LV Региональной (XI Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / Иркутский государственный университет. Иркутск, 2015. С. 59–61.

Кириллов И.И. Отчет о разведке в Читинском районе в 1978 году / Архив ИА РАН. Чита, 1979. 48 с.

Кириллов И.И., Каспаров А.К. Археология Забайкалья: Проблемы и перспективы (эпоха палеолита) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: докл. Междунар. симпозиума. Новосибирск: Институт теплофизики СО РАН СССР. 1990. с.194–198.

Константинов М.В., Синица С.М. Титовская сопка // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. 698 с.

Константинов М.В. Научный отчет: исследования Сухотинского археологического комплекса в Читинском районе Забайкальского края // Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ. Чита, 2015. 159 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 278 с.

Филатов Е.А. Сухотинский геоархеологический комплекс. Научный путеводитель. Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. 44 с.

Филатов Е.А., Викулова Н.О., Мухамудьянов П.А. Палеолитическая мастерская Сухотино-12 // Материалы докладов LV Региональной (XI Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / Иркутский государственный университет. Иркутск, 2015 С. 66–67.

Ранний палеолит Восточной Европы и Кавказа: современное состояние исследований

© 2020 г. С.А. Кулаков *(kazvolg@yandex.ru)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Ранний палеолит Северной Евразии включает две стадии развития. Олдованская стадия включает памятники первоначального расселения древнейших *Homo* из Африки около 2 млн л. Ашельская стадия представлена, начиная с 1 млн л., разновременными памятниками последующих волн расселения из Африки более поздними видами древних людей. Памятники обоих стадий раннего палеолита представлены на Кавказе и в Восточной Европе, что дает прекрасную возможность изучения проблем расселения и адаптации древних *Homo* к конкретным природным условиям.

Ключевые слова: ранний палеолит Евразии, результаты комплексных исследований археологических материалов.

История изучения раннего палеолита юга Восточной Европы и Кавказа своеобразна, богата открытиями и интересными результатами. В XX в. работы археологов позволили говорить о стабильном обживании всего региона древним человеком, начиная со среднего ашеля (Любин, 1998). Работы на пещерной стоянке Треугольная позволили уточнить возраст ашеля на Северном Кавказе в пределах 700 тыс. л. (Дороничев и др., 2007). Наряду с этим, имелись данные, позволявшие предполагать более ранне заселение Кавказа, в районе 1 млн л. (Формозов, 1965; Гусейнов, 2010). Но тогдашний общий уровень археологических знаний не допускал столь древние и столь северные следы деятельности самых ранних предков человека, и эти открытия вызвали споры и настороженное отношение (Дороничев и др., 2007; Любин, 1998). Положение полностью изменилось после открытия и исследований стоянки Дманиси в Южной Грузии, датируемой возрастом в 1,8 млн л. (Археология..., 2011). Археологический и палеоантропологический материал, полученный при исследовании Дманиси, позволил утверждать, что Южный Кавказ входил в область первоначального расселения гоминид из Африки. Дальнейший поиск раннего палеолита на Кавказе и юге Восточной Европы привел к открытию в XXI в. уникальных следов расселения и жизнедеятельности древнейших человеческих предков. В результате многолетних междисциплинарных исследований раннепалеолитических памятников стало общепринятым мнение, что древнейшие *Homo*, потомки «Великой миграции» около 2 млн л. назад стали заселять Кавказскую горную страну и Предкавказье. Этот регион в то время входил в единую зону доступной суши между Апшеронским бассейном Каспия и Гурийским бассейном Черного моря. Носителями первой волны миграций гоминид были, судя по находкам в Дманиси, *Homo ergaster-Homo erectus* (Деревянко, 2009). Это эпохальное событие фиксируется находками памятников раннего палеолита на Южном Кавказе (Азых, Дманиси, Карахач, Куртан), в Дагестане (Айникаб I, Мухкай I и II, Рубас I), в Ростовской области (Ливенцовское местонахождение) и на Таманском полуострове (Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и 2, Кермек, Цымбал) (Амирханов, 2016; Гусейнов, 2010; Деревянко и др., 2012; Кулаков, 2018; Любин, Беляева, 2010; Саблин, Гиря, 2010; Щелинский, 2014). Многолетние комплексные работы на этих памятниках показали, что это, действительно, были места жизнедеятельности древнейших представителей рода *Homo*, которые удачно законсервировались, сохранились и дошли до наших дней. Коллекции каменных изделий каждого из указанных памятников насчитывают не одну сотню бесспорных артефактов, включая нуклевидные изделия, различные сколы и орудийные формы. Каменные индустрии раннепалеолитических памятников Северной Евразии входят в круг индустрий олдованской технологической стадии раннего палеолита и имеют общие африканские корни. Развитие олдованских индустрий во времени и пространстве определялось количеством и качеством местного каменного сырья, объемом кормовой базы и конкретными возможностями добычи мясной пищи. Носители индустрий олдованской стадии расселились на Южном и Северном Кавказе и на юге Русской равнины, хорошо адаптировались к конкретным природным условиям этих районов и проживали здесь очень длительное время, по всей видимости, более 1 миллиона лет. Последним проявлением олдованской технологии на Кавказе можно рассматривать индустрии нижних слоев стоянки в пещере Треугольной в Карачаево-Черкессии.

Ашель в раннем палеолите Кавказа и юга Русской равнины представлен гораздо большим, чем олдован, количеством памятников. Правда, до сих пор, в этом регионе найдено мало стратифицированных памятников, которые представлены только пещерными стоянками (Гусейнов, 2010; Дороничев и др., 2007; Любин, 1998; Любин, Беляева, 2004). В основном ашельские артефакты представлены с местонахождений на дневной поверхности, не имеющих, за редким исключением, надежной геологической привязки. Поэтому, до сих пор, присутствие ашеля в этом регионе удостоверяется находками ручных рубил – бифасов. Примечательно, что пещерные стоянки дают небольшие серии ручных рубил, и, как правило, они имеют незаконченный вид. Наиболее массовые находки ручных рубил происходят с поверхностных сборов, большинство этих разновременных изделий имеют прекрасный законченный облик.

Прямым доказательством присутствия на Кавказе носителей раннеашельских индустрий стало выделение на ряде памятников уникальных изделий – колунов (achereau sur éclat, flake cleaver). Эти орудия являются яркими свидетельствами проникновения в этот район раннепалеолитических технологий с африканскими корнями (Кулаков, Зейналов, 2014). По всей видимости, к раннему ашелю Кавказа можно отнести пункты сборов ручных рубил и «грубых рубящих форм» на некоторых местонахождениях в Абхазии и на р. Псекупс (Замятнин, 1961; Формозов, 1965). Все остальные ручные рубила из кавказских местонахождений по своей морфологии обоснованно относятся авторами находок к концу ашельской стадии. В итоге многолетнего обсуждения места кавказского ашеля сложилось общепринятое мнение о том, что суть этого явления составляют «ашельские индустрии с бифасами». Ручные рубила в коллекциях, при этом, весьма разнообразны морфологически, яркими изделиями представлены скребки высокой формы и чопперы. «Кавказ, таким образом, впи-

сывается в ареал распространения приафриканских средне/позднеашельских индустрий с рубилами и кливерами» (Любин, Беляева, 2004. С. 33). Наряду с этими общепринятым мнениям, имеются и другие точки зрения на появление и развитие раннего палеолита в этом регионе Северной Евразии (Деревянко, 2009; Дороничев и др., 2007).

Итак, к настоящему времени на Кавказе имеются бесспорные раннепалеолитические памятники – свидетельства первой и последующих волн расселения древнейших гоминид из Африки. Но различия в интерпретации каменных индустрий этих памятников существенные, иногда даже противоположные. Большая часть палеолитоведов придерживается общепринятых взглядов и считает кавказские индустрии возрастом древнее 1 млн л. олдованскими со своими местными особенностями (Амирханов, 2016; Археология..., 2011; Деревянко, 2009; Кулаков, 2018). Меньшая часть исследователей, в последнее время, стала рассматривать эти же индустрии как раннеашельские, зародившиеся и развивавшиеся на месте в Кавказской горной стране и прилегающих территориях более 2 млн л. назад (Беляева, 2018; Беляева, Любин, 2019; Щелинский, 2014; 2019).

Несмотря на все новые веяния в вопросах хронологии и интерпретации раннепалеолитических индустрий Кавказа и Предкавказья автор остается на позиции, выработанной изначально в результате коллективного обсуждения результатов исследований памятников. А именно, индустрии раннепалеолитических стоянок Дманиси, Азых, Айникаб, Мухкай, Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и 2, Кермек и, возможно, Карахач и Куртан надежно вписываются в олдованскую технологическую стадию раннего палеолита на Кавказе и надежно датируются в диапазоне 1,8–1,2 млн л. Орудийные наборы индустрий перечисленных стоянок демонстрируют однообразный категориальный состав, а удивительное морфологическое сходство многих изделий, особенно среди чопперов, нуклевидных скребков и массивных острий, ярко удостоверяет их стадиальное положение, как памятников «классического олдована».

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ грант № 18–09–00282.

Список литературы

Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Мавраевъ, 2016. 344 с.

Археология Кавказа. № 4 / Гл. ред. К. Пицхелаури. Тбилиси: Национальный музей Грузии, 2011. 212 с.

Беляева Е.В. Ашель Кавказа и Ближнего Востока: сравнительный анализ // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы. Сборник материалов Международной научной конференции. Баку: ИАЭ НАНА, 2018. С. 49–58.

Беляева Е.В., Любин В.П. Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 18–26.

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: Текнур, 2010. 220 с.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 232 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А.Б., Гарутт Н.В. Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.

Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. М.-Л.: Наука, 1961. 176 с.

Кулаков С.А. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри / Синяя Балка на Таманском полуострове // АВ. 2018. № 24. С. 19–32.

Кулаков С.А., Зейналов А.А. Первый топорик (achereau sur éclat, flake cleaver) в ашеле Кавказа // Stratum plus. 2014. № 1. С. 17–27.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 192 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка Homo Erectus в пещере Кударо I: Центральный Кавказ. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 272 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 107–126.

Саблин М.В., Гиря Е.Ю. К вопросу о древнейших следах появления человека на юге Восточной Европы/России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. 2 (42). С. 7–13.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.

Щелинский В.Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН, ООО «Периферия», 2014. 168 с.

Щелинский В.Е. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки южного Приазовья // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 27–55.

Шлифованные линзовидные диски из камня в верхнем палеолите: типология, технология, трасология и результаты экспериментов

© *2020 г. С.Н. Лисицын (serglis@rambler.ru), М.Н. Желтова. С.Н. Кузьмин*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Исследование посвящено изучению дисковидных предметов в составе каменного инвентаря, которые найдены на некоторых стоянках верхнего палеолита. Предметы изготовлены в технике шлифовки. Согласно проведенному анализу и результатам эксперимента, диски могли использоваться в кожевенном производстве.

Ключевые слова: палеолит, граветт, каменный инвентарь, шлифовка, каменные диски.

Шлифованные каменные орудия традиционно ассоциируются с поздним каменным веком, они широко распространены в мезолите-неолите Европы. Однако наиболее ранний эпизод применения абразивной шлифовки камня для производства орудий относится к средней поре верхнего палеолита (~30–20 тыс. л.н.) и ярко проявляется в павловьене Моравии (Павлов, Тренчанске Богуславице, Миловице, Дольни Вестонице, Пшедмости), а также в граветте Костенковско-Борщевского района на Дону (Костенки 4, Костенки 9, Борщево 5). При помощи шлифовки изготовлены удлиненные бруски, диски, граненые стержни и острия, рубящие орудия. В качестве абразивов для шлифования использовались плитки кварцита и песчаника. Материалом для производства шлифованных предметов служили мягкие породы камня – сланец, мраморовидный известняк, мергель (в Моравии – радиолярит). Наиболее типологически выразительными из таких предметов являются диски, которые поражают тщательностью их изготовления.

Планиграфически находки дисков связаны с круглыми в плане жилыми объектами с очагом в центре. Так, на Костенках 9 и Борщево 5 они найдены непосредственно внутри таких жилищ или рядом с ними. На Костенках 4 основная часть дисков связана с западным круглым жилищем северного многоочажного комплекса памятника (рис. 1). Здесь было обнаружено 18 дисков и два – за пределами жилища, но у самой его восточной границы. В восточном круглом жилище было найдено 8 дисков. Еще один диск обнаружен в траншее А.Н. Рогачева 1953 г. между северным и южным комплексами. Шлифованные диски, несомненно, следует рассматривать в общем контексте находок сланца и других пород камня со следами шлифовки, которые распространены как внутри, так и вне пределов круглых жилищ, в том числе в южном многоочажном комплексе Костенок 4.

В материалах Костенок 4 прослежена полная технологическая цепочка изготовления и утилизации каменных дисков. Первичным сырьем служили преимущественно сланцевые гальки и плитки моренного происхождения, а также крупные отщепы. В меньшем количестве использовался мергель, гальки окремненного доломита, в единичных случаях – плитки кварцита, железистые конкреции и даже гематит. Лишь три диска имеют сквозные отверстия (один целый и два в обломках) сделанные встречным сверлением. Форма законченных изделий варьирует от овальной до ромбовидной, но наиболее совершенные предметы имеют форму идеального круга. Обе стороны дисков, как правило, симметрично выпуклые в центре, но встречены также плоско-выпуклые, уплощенные и ассиметричные в профиль изделия.

Изучение массива обработанного шлифовкой камня Костенок 4 позволило установить последовательность изготовления дисков. Преформы представлены массивными бифасами, которым с помощью грубой оббивки придавалась уплощенно-округлая форма. На втором этапе производилась доводка краев фасетированием и крутой ретушью. На некоторых изделиях локально отмечены участки с пикетажной обработкой, с помощью которой устранялись выступы породы. На третьем этапе осуществлялась шлифовка поверхности. Судя по следам от шлифования и по имеющимся в коллекции кварцитовым плиткам-абразивам, шлифовка велась возвратно-поступательными движениями. Таким образом, формировались плоские площадки в центре обеих поверхностей и скошенные грани вокруг них вдоль края предмета, а также кромка самого края, на этой стадии всегда прямая отвесная. Ребра граней между выровненными на абразиве участками потом сглаживались. Края целенаправленно затачивались под углом 15–60°, кромка делалась острой или почти острой. Размеры конечных изделий варьируют от 66,5×48×20,5 мм до 32,5×31×4 мм, а вес – от 7 г до 98 г. Некоторые из наиболее правильных круглых дисков, помимо шлифовки, дополнительно имеют глянцевую полировку поверхности.

В 2019 г. был поставлен эксперимент по изготовлению такого диска. Заготовкой служила галька черного сланца, а абразивом – кварцитовая плитка. Эксперимент показал, что диск размерами 58,5×56×13,5 мм можно изготовить в течение нескольких часов. Использовалась оббивка, пикетаж посредством каменного отбойника и сухая шлифовка без подсыпки песка. Полученные следы на диске от экспериментальной шлифовки в целом идентичны археологическим. При попытке добиться полированной поверхности на диске выяснилось, что на кварцитовом абразиве даже с подсыпкой мелкого песка или добавлением водной суспензии искомого результата не достичь. После ряда неудачных попыток диагностичную полировку удалось получить с помощью работы по высушенной сыромятной коже. Таким образом, изготовление диска представляло собой определенную последовательность разных операций, вместе составлявших целостную технологию.

Функциональное назначение шлифованных дисков вызывает ряд вопросов. В литературе они описаны как ретушеры. Однако в коллекциях памятников, где такие диски присутствуют, вместе с ними найдены отбойники и ретушеры из твердых пород камня типа кварцита или гранита, которые обычно и составляют основу инструментария для расщепления камня на любых стоянках палеолита. Форма таких ретушеров повторяет естественную форму разнокалиберных галек, из которых они изготовлены с помощью естественной оббивки/пикетажа. Сложная специализированная техника изготовления шлифованных дисков и

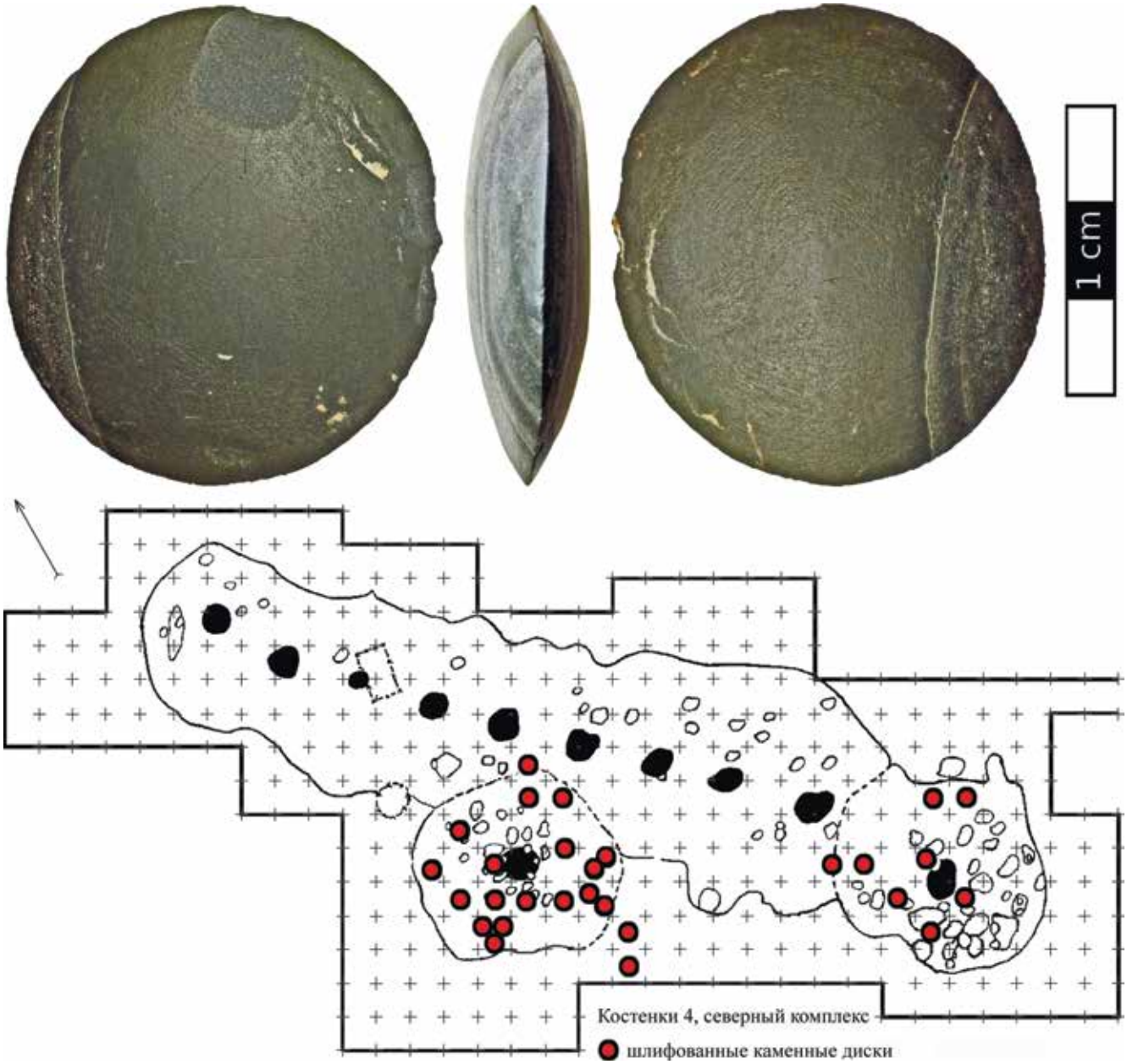


Рис.1. Шлифованный диск и планиграфическая привязка находок дисков на стоянке Костенки 4.

их стандартная морфология явно подразумевают особое целеполагание для их производства. Кроме того, диски выполнены преимущественно из мягких пород, которые малопригодны для регулярного ударного воздействия в силу своей хрупкости.

Следы использования на дисках концентрируются в выпуклой части по окружности, но почти никогда не обнаруживаются в центре и на острых краях. Трасологически они достаточно четко отличаются от многочисленных следов изготовления. Выделяются следы износа трех типов: 1. расположенные небольшими группами относительно крупные прямые выбоины, часто звездчатого характера, нанесенные под отвесным или почти прямым углом к поверхности предмета; 2. кометообразные косые микровыбоины – в виде точки, нанесенной под углом к поверхности с линейным «хвостиком» от протягивания; 3. группы коротких линейных следов, чаще всего располагающихся на ребрах граней рельефа поверхности, даже сглаженных шлифовкой. Следы второй группы – наиболее распространенные и многочисленные, образуют концентрации на поверхности предметов. Судя по вектору приложения силового воздействия, большинство протяженных следов нанесены движением повдоль краевой кромки и никогда в направлении от центра диска наружу или от края к центру. Острые лезвийные края дисков, несмотря на их намеренное приострение, не имеют следов утилизации в качестве режущих лезвий. Некоторые из дисков имеют следы красной охры, что может говорить как об их фоновой окраске от культурного слоя, так и то, что они использовались в операциях, связанных с растиранием пигмента.

Можно предположить характер процессов возникновения следов износа. Само их расположение указывает на то, что идеальная морфология предмета, к которой в большинстве случаев стремились его изготовители, была совершенно необязательна. Группы серийных микровыбоин встречены и на законченных изделиях, и просто на отщепах и кусках сланца. Они везде расположены одинаково: отступя от центра и от самого края предмета, – на плосковыпуклой шлифованной поверхности. Видимо, конечная форма изделий в виде правильных дисков обусловлена

интенсивной утилизацией последних, периодически сопровождавшаяся интенсивной шлифовкой для восстановления свойств поверхности. Неоднократное подновление на абразиве приводило к формированию круглых двояковыпуклых изделий. То есть диски использовались в виде своеобразных «ручных наковаленок» при каких-то мелких операциях, в которых необходима была гладкая, но вязкая поверхность мягкого камня. Данное обстоятельство не исключает полностью возможность их использования в качестве ретушеров (например, для изготовления миниатюрных пластинок с притупленным краем). Но с учетом формы следов износа, кинематики их нанесения, а также возникновения полировки по коже, логичнее полагать, что диски могли использоваться как универсальные орудия в скорняжном деле. Функционально они применимы при раскройке, как болванки для выравнивания и сшивания кожи/замши, основы в штопке, в качестве упоров при протыкании и протаскивании костяных игл, а также для лощения или затирания краски. Концентрация таких орудий в отдельных круглых объектах не противоречит специализации последних как мест обработки и выделки шкур.

Работа выполнена в рамках реализации ФНИ ГАН по теме государственного заказа № 0184–2018–0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде», а также при поддержке РФФИ, проект № 18–00–00837 КОМФИ «Культурная география верхнего палеолита центральных районов Русской равнины: восточный граветт и эпиграветт» (рук. К.Н. Гаврилов).

Рекогносцировочные археологические работы на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2017–2019 гг.

© 2020 г. Г.И. Марковский[1] (markovskyyy@gmail.com), А.А. Анойкин[1], Г.Д. Павленок[1], В.М. Харевич[1], В.А. Ульянов[2], Ж.К. Таймагамбетов[3]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[2] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ
[3] Национальный музей Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. В статье представлены результаты рекогносцировочных работ на многослойной стоянке Ушбулак, проводившихся в 2016–2019 гг. В тексте приводится информация о геоморфологии стоянки, стратиграфии исследованных участков, количественном распределении археологического материала в рекогносцировочных шурфах. Итогом работы стала локализация шурфами 3, 5, 11 и 13 участка стоянки площадью около 400 кв. м, перспективного для дальнейшего изучения стратифицированных комплексов финального и начального верхнего палеолита.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, Ушбулак, палеолит, рекогносцировочные работы.

Стоянка Ушбулак расположена в северо-восточной части Шиликтинской долины у подножия хребта Саур (Восточно-Казахстанская область). Здесь, в мощной пачке рыхлых отложений (около 7 м), в четкой стратиграфической последовательности обнаружен многочисленный археологический материал, относящийся к разным периодам верхнего палеолита. Присутствие представительных палеолитических ассамбляжей в стратифицированном контексте выгодно отличают Ушбулак от ранее выявленных в регионе памятников каменного века, представленных в основном местонахождениями с поверхностным залеганием находок, а также несколькими стратифицированными объектами (Шульбинка и Быструха-2), содержащими или смешанный, или очень немногочисленный археологический материал (Петрин, Таймагамбетов, 2000. С. 38; Таймагамбетов, Ожерельев, 2009. С. 113).

Многослойная стоянка Ушбулак была открыта в 2016 г. разведочным отрядом Российско-Казахстанской археологической экспедиции. В ходе полевых работ 2016–2019 гг. изучались рыхлые отложения обоих бортов лога, сформированного водотоком ручья. На участке с наибольшей концентрацией находок была заложена разведочная траншея, в верхней и нижней частях которой позже организованы раскопы 1 и 2. Остальная территория исследовалась путем шурфовки – 12 шурфов. Раскоп 1 вскрыл верхнюю пачку отложений стоянки (слои 1–5.1), содержавшую разновременный археологический материал, от поздних этапов верхнего палеолита до эпохи палеометалла (Павленок и др., 2019. С. 187). Раскопом 2 исследована нижняя пачка отложений стоянки (культуросодержащие слои 5.2–7), из которой получена многочисленная и репрезентативная коллекция каменных артефактов периода начального верхнего палеолита (Анойкин и др., 2019. С. 19).

Правый борт лога исследовался шурфами 2, 4 и 6, расположенными ниже раскопов 1 и 2 по течению ручья (на удалении 14 м, 32 м и 10 м, соответственно). Шурфы 2 и 4 содержали единичные каменные артефакты, вскрытые литологические подразделения не обнаружили аналогов в общей стратиграфической последовательности раскопов 1 и 2.

В отличие от остальных шурфов, заложенных по правому борту, в шурфе 6 был получен многочисленный археологический материал (472 экз.). Наибольшая часть находок обнаружена в слое 2, при этом артефакты залегали хаотично, нередко вертикально или на ребре. Предположительный генезис отложений слоя 2 – «молодые», возможно, голоценовые, осадки русловой фации водотока, постоянно смещающегося в днище современной долины в высотных отметках, близких к современным. Их основу составляют переработанные ручьем отложения культуросодержащих слоев 6 и 7, выделенных в раскопе 2 (Анойкин и др., 2019. С. 21).

По левому борту, помимо разведочной траншеи (шурф 1) и раскопов 1 и 2, в процессе работ была заложена серия шурфов (3, 5, 7–11, 13). Все рекогносцировочные раскопы, за исключением шурфа 13, располагались на склоне борта

и в разной степени затронули нижнюю пачку рыхлых отложений стоянки. Поскольку в раскопе 2 получен наиболее полный разрез этих слоев, то именно с ним производилось сопоставление стратиграфических последовательностей и археологических материалов из разведочных шурфов.

Ближе всего к раскопу 2 располагались шурф 11 (10 м выше по течению) и шурф 5 (15 м ниже по течению), содержавшие наибольшее количество находок (шурф 11 – 535 экз., шурф 5 – 2802 экз.). Стратиграфические культуросодержащие подразделения шурфов 5 и 11 (слои 2, 3, 4) находят прямые аналоги с отложениями раскопа 2 (слой 5.2, 6 и 7 соответственно), что, кроме литологических характеристик отложений (состав, цвет, концентрация обломочного материала и т.д.), подтверждается также количеством и составом археологических материалов, имеющими прямые аналогии с набором артефактов из соответствующих слоев раскопа 2. В шурфе 3 (18 м ниже по течению от раскопа 2) была обнаружена небольшая концентрация археологических находок, вскрытые отложения по составу оказались близки нижней части группы слоев 6 опорного разреза (Шуньков и др., 2016. С. 211).

Стратиграфическая ситуация в шурфах 7–9 (28 м, 40 м, 100 м ниже по течению от раскопа 2, соответственно) не представляет возможности для прямой корреляции с таковой в раскопе 2 и шурфах, расположенных выше по течению ручья. Артефакты в них единичны (шурф 7 – 11 экз., шурф 8 – 5 экз., шурф 9 – 5 экз.), не образуют скоплений, тяготеют к средней части разрезов и связаны с толщей палево-серых суглинков возможно являющихся хроностратиграфическим аналогом слоя 6 в раскопе 2 (Анойкин и др., 2019. С. 24).

Шурф 10 расположен в 15 м выше по течению от раскопа 2, примерно в 5 м ниже истока руч. Восточный. В основании полученного разреза залегают крупнощебнистые, хаотично ориентированные отложения, перекрытые пачкой линзовидных прослоев оглиненных песков, легких супесей и суглинков. Вероятно, данные отложения являются аналогом археологически стерильных слоев 8 и 7.3 в раскопе 2, что объясняет отсутствие находок в шурфе. Шурф 12 заложен в 30 м выше по течению от раскопа 2 и в 10 м выше по склону над истоком ручья. Здесь на глубине 0,5 м были вскрыты выходы крупнозернистых гранитов, маркирующих определенный тектонический контакт, по которому происходит – и, вероятно, постоянно происходила – разгрузка трещинно-жильных вод, дающих начало ручью Восточный. Вероятнее всего он маркирует границу скальных выходов, рядом с которыми была локализована стоянка, и разрушенных в настоящее время (Анойкин и др., 2019. С. 24).

Шурф 13 располагался на площадке в 5 м от края левого борта лога и в 9 м на восток от раскопа 1. Здесь, в разных литологических подразделениях были обнаружены 39 каменных артефактов. Выявленная стратиграфическая последовательность почти полностью соответствует разрезу раскопа 1, вскрывшему, как и шурф 13, верхнюю пачку рыхлых отложений стоянки Ушбулак. В отличии от раскопа, в шурфе отсутствует аналог слой 3.3, а также наблюдается увеличение количества и большая выраженность горизонтов, обогащенных глыбово-щебнистым материалом. Это объясняется более близким расположением шурфа к источникам поступления пролювиальных осадков (Павленок и др., 2019. С. 192).

В результате рекогносцировочных археологических работ на стоянке Ушбулак выявлено принципиальное отличие структуры и состава рыхлых отложений правого борта ручья от левого. Непотревоженный археологический материал в слоях 1–5.1 (раскоп 1) и слоях 5.2–7 (раскоп 2), а также в их хроностратиграфических аналогах, находятся только на левом борту ручья. Это можно объяснить тем, что интенсивное накопление пролювиальных осадков по левому борту долины вызвало смещение палеорусла в противоположном направлении, что, скорее всего, привело к разрушению правого борта древней долины в верхнем течении ручья, уничтожив большую часть отложений, соответствующих этапам формирования культуросодержащих слоев.

Таким образом удалось выявить участок перспективный для дальнейшего проведения археологических работ – левый борт долины руч. Восточный, включающий в свои границы раскопы 1 и 2, шурфы 1, 3, 5, 11, 13.

Сходство стратиграфии разрезов из шурфа 13 и раскопа 1, а также присутствие в шурфе материалов финала верхнего палеолита, делает весьма вероятным обнаружение синхронных археологических комплексов в рыхлых отложениях на расстоянии 10–15 м от края левого борта лога. Однако недостаточная изученность верхней пачки отложений не дает возможности оценить перспективность выявления находок позднего палеолита на других участках стоянки, кроме прилегающих к раскопу 1.

Для продолжения изучения индустрий начального верхнего палеолита наиболее перспективным является участок в верхнем течении ручья Восточный, начинающийся в 7–8 м от истока, имеющий протяженность 35–40 м вдоль его русла. По результатам работ здесь локализована наибольшая концентрация стратифицированного археологического материала начальной поры верхнего палеолита (раскоп 2, шурфы 1, 3, 5, 11). Также существует перспектива обнаружения концентраций артефактов в средней и нижней частях долины ручья в непосредственной близости от его палеорусла. Это связано с тем, что, предположительно, до начала периода активного накопления пролювиальных отложений, соответствующего осадкам слоя 5 и ранее, во время формирования слоя 6, палеорусло располагалось в центральной части лога, а значит несколько восточнее (под углом к современному левому борту) его современного положения.

Список литературы

Анойкин А.А., Ульянов В.А., Харевич В.М., Кандыба А.В., Павленок Г.Д., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Таймагамбетов Ж.К., Искаков Г.Т., Дуванбеков Р.С., Шуньков М.В. Рекогносцировочные археологические работы на стоянке Ушбулак в 2019 году (по материалам шурфов 6–12) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 19–25.

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Бочарова Е.Н., Ульянов В.А., Гладышев С.А., Марковский Г.И., Таймагамбетов Ж.К. Изучение материалов финала верхнего палеолита на стоянке Ушбулак в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 187–194.

Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Комплексы палеолитической стоянки Шульбинка из Верхнего Прииртышья. Алматы: КГНУ им. Аль-Фараби и ИАЭТ СО РАН, 2000. 165 с.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Казак университеті, 2009. 256 с.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 208–213.

Планиграфические структуры верхнепалеолитических комплексов Северной Монголии: проблемы сохранности и интерпретации

© 2020 г. Д.В. Марченко *(dasha-smychagina@yandex.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. На материалах памятников открытого типа Северной Монголии (Толбор-21, Толбор-4) рассматриваются особенности сохранности культурных отложений, их стратиграфия и планиграфия. Сохранность культурных отложений изучается с помощью анализа направлений с учетом горизонтального и вертикального распределения находок в условиях склона. Общая структура культурных горизонтов прослеживается с помощью схем плотности находок, а также применения алгоритмов кластеризации с учетом трех координат каждой находки (x, y, z). Результаты сопоставляются с данными о сохранности, на основе чего интерпретируются выявленные планиграфические структуры.

Ключевые слова: Северная Монголия, верхний палеолит, культурный слой, анализ направлений, планиграфия.

На настоящий момент начальный и ранний верхний палеолит широко представлен в материалах памятников открытого типа Северной Монголии (Рыбин, Хаценович, Кандыба, 2016). В рассматриваемом районе верхнепалеолитические горизонты связаны с ламинарными отложениями, формировавшимися в ходе низкоэнергетических склоновых процессов (Рыбин и др., 2017). Многие из таких памятников в среднем течении реки Селенги исследованы на достаточной площади для изучения их планиграфии (в частности Толбор-21, Толбор-4). Учитывая, что на сопредельных территориях Забайкалья для этого времени известны хорошо выраженные следы организации пространства (Zwyns, Lbova, 2018; Lbova, 2000; Ташак, 2014), исследование планиграфии вышеупомянутых памятников представляется перспективным. В то же время, изучение пространственной организации стоянок верхнего палеолита в предгорных районах осложнено склоновым контекстом их залегания, наличием постседиментационных нарушений. По этой причине такое исследование должно включать определение состояния сохранности культуровмещающих отложений.

Изучение горизонтов начального и раннего верхнего палеолита Северной Монголии включало следующие этапы:

1) Построение вертикальных сечений культуросодержащего горизонта через каждые 0,5 м с учетом направления склона. Такие сечения позволяют проследить внутреннюю структуру горизонта, выделить прослои в составе мощных горизонтов (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006).

2) Анализ направлений удлиненных артефактов (Lenoble, Bertran, 2004). Методика основана на определении углов поворота и наклона артефактов, имеющих длинную ось (пластин, трубчатых костей и др.), а также естественных блоков породы. В результате получаются индексы, характеризующие положения всех удлиненных частиц, которые отражают повлиявшие на горизонт постдепозиционные процессы либо их отсутствие (Bertran, H tu, Texier, Van Steijn, 1995; McPherron, 2018). Кроме того, картирование углов наклона артефактов в плане может быть полезно для выделения менее потревоженных участков горизонта, а также для сравнительного анализа сохранности нескольких слоев в стратиграфической последовательности.

3) С учетом выявленной степени сохранности и внутреннего строения горизонтов производится подсчет плотности находок по единицам площади (квадратные метры), что позволяет выделить скопления и участки с разреженной плотностью (Леонова, 1994).

4) Выполняется пространственная кластеризация, в качестве переменных для которой выступают три координаты каждой находки. Включение всех трех координат в кластерный анализ позволяет учитывать вертикальную структуру отложений. Для того, чтобы сравнительно небольшой разброс высот относительно горизонтальных координат (определяющихся размерами раскопа), имел сопоставимое влияние на формирование кластеров, к координате Z применяется коэффициент расширения (Anderson, Burke, 2008). Состав полученных кластеров анализируется для получения представления о функциях пространственных единиц.

Выполнение всего комплекса вышеупомянутых исследований возможно только на материалах, содержащих полную трехмерную фиксацию находок, в том числе по двум точкам для удлиненных артефактов. Несмотря на то, что не все полевые материалы содержат такую информацию, сопоставление данных, полученных при современных раскопках с более ранними материалами, дает возможность включить последние в проводимое исследование (что было сделано для памятника Толбор 4).

По результатам анализа направлений были выделены следующие состояния сохранности культуровмещающих отложений. В группу наименее потревоженных входят гор. 4С/5 памятника Толбор-4 (анализ выполнен по материалам раскопок 2017 г.) и гор. 3В памятника Толбор-21 (на участке, вскрытом раскопом 1). Группа отложений, в разной степени испытавших влияние солифлюкции, представлена гор. 4В Толбора-4 и гор. 3В Толбора-21 (на участке раскопа 2). Наибольшему переотложению склоновыми процессами подвергся гор. 4А Толбора-4.

В горизонте 4 (соответствующем горизонту 4В раскопок 2017 г.) памятника Толбор-4, относящемся к финалу раннего верхнего палеолита, было выявлено два скопления. Состав одного из них характеризуется концентрацией орудийных форм (пластины с ретушью, скребки, а также скребла, отщепы с ретушью, резцы, зубчато-выемчатые и др.) и пластин.

Горизонт начального верхнего палеолита 3В стоянки Толбор-21 также связан с солифлюциированными отложениями. В составе этого горизонта присутствуют более выраженные планиграфические структуры. Точная фиксация зольных пятен и прокаленных участков, у одного из которых сохранилась фрагментарная линия обкладки, позволила отделить два наложенных друг на друга комплекса, связанных с использованием огня (раскоп 2). Комплекс 1 характеризуется высокой долей орудий (17 %), большинство из которых шиповидные, а также присутствием бифасов, не встречающихся на других участках памятника. В комплексе 2 высок процент нуклеусов (12,7 %), орудия единичны. На другом участке этого горизонта (раскоп 4) была обнаружена небольшая выкладка из блоков породы, с которой связана концентрация нуклевидных форм.

Проведенное исследование показало, что влияние солифлюкционных процессов не привело к полному разрушению планиграфических структур. Исследование распределения находок позволило выявить скопления, границы которых были уточнены с помощью кластерного анализа. Для памятника Толбор-21 кластеризация позволила уточнить вертикальную структуру верхнепалеолитического горизонта. Состав выявленных скоплений свидетельствует об их функциональных различиях.

Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 19–18–00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения Homo sapiens в Азии».

Список литературы

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 2000. 240 с.

Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы: дисс. … д-ра ист. наук. М., 1994. 174 с.

Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье) / Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. М.: Научный мир, 2006. 360 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсурен Д., Звинс Н., Лхундэв Г., Маргад-Эрдэнэ Г. Хроностратиграфические исследования стоянки Толбор-4 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2017. – Т. XXIII. – С. 202–205.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Кандыба А.В. Палеолитическое заселение Монголии: по данным абсолютной хронологии // Известия АлтГУ. Барнаул, 2016. № 2 (90). С. 245–254.

Ташак В.И. Очаги в структуре 3-го культурного горизонта восточного комплекса Подзвонкой // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2014. № 3. С. 142–158.

Anderson K.L., Burke A. Refining the definition of cultural levels at Karabi Tamchin: a quantitative approach to vertical intra-site spatial analysis // Journal of Archaeological Science, 2008. Vol. 35. P. 2274–2285.

Bertran P., Hétu B., Texier J-P., Van Steijn H. Fabric characteristics of subaerial slope deposits. Sedimentology, 1997. Vol. 44. P. 1–16.

Lenoble A., Bertran P. Fabric of Palaeolithic levels: methods and implications for site formation processes. Journal of Archaeological Science, 2004. Vol. 31. P. 457–469.

McPherron S.J.P. Additional statistical and graphical methods for analyzing site formation processes using artifact orientations. PLoS ONE, 2018. Vol. 13 (1). URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0190195 (дата обращения: 15.01.2018).

Zwyns N., Lbova L.V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology // Archaeological Research in Asia, 2019. Vol. 17. P. 24–49.

Палеолитические слои поселения Усть-Менза-2 (Забайкалье)

© ***2020 г. С.В. Маслодудо*** *(grinhcVC@yandex.ru)*

Забайкальский государственный университет, Чита, РФ

Аннотация. Усть-Менза-2 – уникальный многослойный памятник, расположенный при впадении р. Менза в р. Чикой (Забайкалье). Представлен 32 культурными слоями плейстоцена (поздняя пора верхнего (палеолита) и 2 слоями голоцена (эпоха бронзы). Палеолит характеризуется выразительными наземными жилищами с очагами и каменными индустриями. Изучается на площади более 1000 кв. м.

Ключевые слова: Забайкалье, Усть-Менза-2, палеолит.

Древнее поселение Усть-Менза-2 является уникальным археологическим памятником в масштабе Северной и Центральной Азии. В результате многолетних раскопок Чикойской археологической экспедиции (с 1980 г.) на поселении выявлено 34 культурных слоя (Константинов, 2001, Константинов и др., 2016). Усть-Менза-2 является одним из объектов Усть-Мензинского археологического комплекса, в который входит 17 памятников. Комплекс находится при впадении р. Менза в р. Чикой (бассейн р. Селенга, Забайкальский край, Красночикойский район). Совокупно на усть-мензинских памятниках выявлено более ста культурных слоев, охватывающих время от среднего палеолита до раннего железного века. Специальные геоархеологические исследования позволили определить харак-

тер террасового ряда и геоморфологические позиции каждого памятника. Установлено, что поселение Усть-Менза-2 связано со II надпойменной террасой высотой 9–11 м. Терраса имеет обширное простирание и занимает большую часть террасовой площади усть-мензинского урочища. Обитатели поселения выбрали крайний юго-западный участок террасы, приближенный к скалистой возвышенности Крестовая. Эта возвышенность уберегла террасу от разрушения латеральной эрозией водного потока Мензы.

В процессе раскопок выполнен полный разрез отложений террасы мощностью 9,7 м. Он изучался с участием С.М. Цейтлина, Л.Д. Базаровой, А.Ф. Ямских. Терраса определена как аллювиальная. Её галечное основание превышает меженный уровень реки на 2–3 м. Возраст галечника позднекаргинский (30,0–25,0 тыс. л.н.). Его перекрывают илисто-песчаные отложения с четкой слоистостью мощностью 2,0 м, относящиеся к концу каргинской межледниковой эпохи. Культурные проявления в этой пачке не установлены.

Основная часть отложений принадлежит перегляциальным пескам (мощн. 6,5 м). Они сформировались в сартанское оледенение, в его гыданьско-ньяпанские фазы – 25,0–12,8 тыс. л.н. Для них характерно переслоение волнисто-слоистых серых и белесых песков, с включением тонких илистых прослоек, в нижней трети более заглиненных. С этими илистыми прослойками, мощностью 3–10 см, связано 29 культурных слоев (далее – кс). Они обозначены: 4в, 4г, 5–8, 9а, 9б, 9в, 9г, 10а, 10б, 11–27. Для некоторых кс по углю из очагов и кострищ получены корректные радиоуглеродные даты: кс 21 – 17600±250 (ГИН-6119); 17190±120 (ГИН-5464); кс 20 – 16980±150 (ГИН-5465); кс 17 – 16900±500 (ГИН-6117), 15400±400 (ГИН-5478); кс 11 – 14830±390 (ГИН-6116).

Аллювиальные отложения перекрыты педокомплексом в виде трех прослоек, мощн. по 5–7 см каждая, при этом верхняя и нижняя прослойки являются палеопочвенными, супесчаными, слегка затемненными, тогда как средняя прослойка – песчаная, осветленная. Педокомплекс характеризует позднесартанские интерстадиалы: теплый (кокоревский) – 12,8–12,0 тыс. л.н., холодный – 12,0–11,8 тыс. л.н., теплый (таймырский) – 11,8–10,8 тыс. л.н. Со средней прослойкой связан кс 4а. С нижней прослойкой – кс 4б.

Выше по разрезу наблюдается серая карбонатизированная супесь мощн.10–15 см. С ее подошвы уходят вниз узкие и длинные мерзлотные клинья, рассекающие отложения вплоть до кровли каргинской песчано-илистой пачки.

По всем признакам этот карбонатизированный слой относится к норильской фазе сартанского оледенения – 10,8–10,3 тыс. л.н. В него заключен кс 3. Его перекрывает супесь палевого цвета мощностью до 0,8 м без находок.

Венчают разрез каштановая супесь суббореального времени с кс 2 эпохи ранней бронзы и дерново-почвенный слой субатлантического времени с кс 1 эпохи поздней бронзы. Общая мощность – 0,4 м. Возраст – 3,8–2,2 тыс. л.н.

Всего выявлено 34 кс, из них 32 кс относятся к плейстоцену и 2 кс – к голоцену. Они изучены на площади (кв. м): кс 1–3 – 1076; кс 4–5 – 834; кс 6 – 604; кс 7–11– 396; кс 12–19 – 132; кс 20–25 – 64; кс 26–27 – 24.

Особо подчеркнем, что все плейстоценовые кс разделены между собой стерильными прослоями мощн. от 7 до 70 см, что оберегает чистоту археологических комплексов. КС имеют четкую внутреннюю структуру, включающую в себя поверхности обитания, т.е. древние дневные поверхности, на которых сооружались жилища, очаги, разжигались кострища. Артефакты соответствуют поверхности обитания, или могут оказаться выше или ниже ее, но всего лишь на несколько сантиметров. Эти вполне объяснимые микродвижения артефактов создают объем культурного слоя. Его же подчёркивает толщина естественных камней, использованных человеком для сооружения хозяйственных объектов.

Самыми выразительными компонентами кс являются жилища, от которых сохраняются основания в виде внешних каменных обкладок и внутренних очагов, также оформленных камнями. Обкладки и очаги выполнены с использованием речных валунчиков.

Наиболее выразительный планиграфический сюжет выявлен в кс 4. Вдоль бровки террасы разместилось 7 жилищ. Одно из них – с 4 очагами в одну линию. Второе – с 3 очагами в одну линию. Внешняя обкладка обоих жилищ потеряла четкость контуров и поэтому размеры жилища определяются примерно, соответственно, 11,5×5,0 и 9,0×5,0 м. Они имеют аналогии с жилищами Усть-Мензы-3 (с 4 очагами), Косой Шиверы-2 (с 5 очагами) и Студёного-2 (с 6 очагами). Такие жилища должны строиться в форме шалашей с длинной коньковой жердью. Остальные 5 жилищ – одноочажные, округлые, диаметром 4,0–6,0 м. Реконструируемая форма – коническая. Находят аналогии в одноочажных жилищах Усть-Мензы-1, Студёного-1, Косой Шиверы-1. Этнографические аналоги – эвенкийские чумы. Во всех жилищах кладки дискретные с группами камней, образующих линейные связки, дополненные одиночными камнями. Позиции камней свидетельствуют о том, что они предназначались для закрепления нижней части внешнего покрытия жилищ.

В кс 5 расчищено одноочажное жилище. Очаг имеет большие размеры и выложен по всей поверхности речными гальками. Под очаг выполнена песчаная подсыпка, благодаря чему он стал горизонтальным. Во внешней обкладке по периметру – одиночные камни.

В кс 6 примерно такая же конструкция жилища и крупный очаг, но без подсыпки. В кс 17 выявлен очаг, похожий на вышеописанные из кс 5, 6. Вплотную к нему – серия из валунчиков, которые первоначально могли определять контур жилища.

Из кс 20 известно 2 жилищных комплекса с 3 очагами в каждом. Они раскрыты частично. Сравнимы с 4-х очажным жилищем из кс 4. В отличие от него песчаный пол этих жилищ затянут углисто-золистой прослойкой. В кс 21 частично раскопан одноочажный комплекс с очагом в центре и 15 крупными камнями в виде скальных обломков во внешней обкладке.

В остальных кс найдены углистые пятна различных размеров и явно принесенные человеком камни, но без сохранившихся конструкций.

Все кс – от 3 до 27 – представлены артефактами из камня, которые возможно характеризовать совокупно, отмечая поступательное развитие каменной индустрии. Ее важнейшей чертой является использование микронуклесов для получения микропластинок. В кс 25–27 микронуклеусы отличаются архаичностью, их формы невыработанные, микропластинки искривленные. В вышележащих

кс микронуклеусы принимают форму торцовых клиновидных. Производство микропластинок становится серийным.

Для снятия пластин и пластинок использовались подпризматические формы нуклеусов. Отщепы получались при оформлении нуклеусов и орудий, но при необходимости могли пойти в дело обычные речные гальки, с которых без всякой предварительной подготовки поверхностей могло быть отбито необходимое количество отщепов.

Серийное производство микропластин предполагает использование их для наборных лезвий вкладышевых орудий. Они также служили основами резцов и проколок. Пластины и пластинки являлись основами ножей; некоторые из них являются обушковыми. Большинство орудий изготавливалось из отщепов. Мелкие отщепы превращались в скребки округлых и концевых форм, а также в долотовидные орудия. Крупные отщепы были базовыми для скребел с разной ориентацией рабочего края. Для оформления орудий использовалась исключительно краевая ретушь – дорсальная или вентральная. Из массивных галек ударной ретушью оформлены рабочие края чопперов и скребел. Обнаружена серия отбойников из разных по размеру галек.

Кость сохраняется плохо. Известны единичные иглы с ушками из птичьих костей и обломки костяных изделий разных форм. Фауна представлена костями носорога, быка и изюбря.

Плейстоценовые кс уверенно распределяются по дробным подразделениям сартанского оледенения в пределах от 20,0 до 10,3 тыс. л.н. с уточнением их возраста по радиоуглеродным и расчетным датам. С учетом характера каменной индустрии они относятся к поздней поре верхнего палеолита. Итоговый расклад представляется следующим: кс 25–27 – 20–18 тыс. л.н.; кс 17–24 – 16–18 тыс. л.н.; кс 14–16 – 15–16 тыс. л.н.; кс 5–13 – 12,8–15,0 тыс. л.н; кс 4 – 12,0–11,8 тыс. л.н; кс 3 – 11,8–10,8 тыс. л.н. В отношении кс 3 допустимы варианты его определения между финальным палеолитом и ранним мезолитом.

Список литературы

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (Палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.

Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы.-Чита: ЗабГУ, 2016. 247 с.

Технико-типологические особенности каменных индустрий Забайкалья: сырьевой аспект

© 2020 г. П.В. Мороз *(frostius.81@mail.ru)*

Забайкальский государственный университет, Чита, РФ

Аннотация. Работа посвящена проблеме влияния различных видов минерального сырья, применяемого для производства каменных орудий в каменном веке Забайкалья, на технологию расщепления и морфологию каменных индустрий в каменном веке региона. Обосновывается прямая связь между «технологичностью» различных гонных пород и возможностью их обработки в различные периоды каменного века.

Ключевые слова: Забайкалье, каменный век, источники минерального сырья, палеовулканы, технология расщепления.

Каменный век на территории Восточного Забайкалья изучается уже более века. И если первые поверхностные сборы каменных артефактов выполнены еще в конце XIX века и связаны с именем политического ссыльного и основателя местного краеведческого музея А.К. Кузнецова, то в течении XX века уровень археологических исследований существенно возрос. Первые профессиональные раскопки археологических объектов открытого типа, отнесенных к эпохе каменного века, были проведены на поверхности Титовской сопки в 1924 году Е.И. Титовым (Алкин. С. 186). Будучи учеником Б.Э. Петри, он смог организовать сборы подъемного материала и стационарные раскопки на современном ему методическом уровне. Затем наступает длительный перерыв в полевых исследованиях.

Новый этап работ начинается в 1947 году, с началом деятельности Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. До 1950 г. основные работы экспедиции проводились на территории Бурятии, но затем был осуществлен переход на юго-восток региона, в долины рек Ингода, Шилка и Онон. За это время были открыты десятки археологических памятников, в том числе и мастерская на Титовской сопке (Астахов, 2018). Данный период характеризуется тем, что на археологической карте Восточного Забайкалья появились первые стратифицированные памятники каменного века, предварительный характер изучения которых, однако, не давал возможности получить общую характеристику каменного века региона.

На протяжении второй половины прошлого века каменный век на территории Забайкальского края изучался рядом известных археологов, включая А.П. Окладникова, И.И. Кириллова и С.Н. Астахова, М.В. Константинова, А.В. Константинова и других исследователей. За это время были выявлены и детально изучены десятки стратифицированных памятников, относящиеся к различным периодам. Выявлен и в разной степени изучен ряд геоархеологических районов, таких как Сухотинский, Усть-Мензинский, Студеновский и Сахюртинский узлы стратифицированных памятников, расположенные как в Западном, так и в Восточном Забайкалье. При этом, выявленные технокомплексы и отдельные индустрии базировались на местном, Забайкальском минеральном сырье. Этот очевидный факт признавался всеми исследователями, но проблема влияния сырья на облик каменных индустрий не выносилась как отдельный исследовательский вопрос на протяжении всего прошлого столетия. Только в начале XXI века этой теме было уделено пристальное внимание.

Благодаря петроархеологическим исследованиям, охватившим основные стратифицированные памятники каменного века региона, удалось выявить магистральные

тенденции в применении минерального сырья для производства каменных орудий.

1. В условиях отсутствия запасов меловых кремней и обсидиана, минерально-сырьевая база региона, применяемая человеком для расщепления, состояла из значительного количества горных пород и минералов. В настоящее время выявлено порядка двадцати разновидностей горных пород, активно применяемых для расщепления на территории Забайкалья. Полесырьевая ориентация древних обитателей выработала внутреннюю логику выбора и использования этого сырья, в зависимости от его «технологичности» (Мороз, Юргенсон, 2016). Из общей массы горных пород и минералов эмпирически были выделены наиболее подходящие для расщепления с применением имеющейся в настоящее время технологии/технологий расщепления. Удалось выявить очевидный избирательный подход к конкретным видам минерального сырья в зависимости от этапа каменного века. Четким рубежом, точкой изменения баланса минерального сырья становится ранняя пора верхнего палеолита, когда в Забайкалье начинает фиксироваться микротехника и происходит переход от темноцветных эффузивов среднего и кислого состава, к халцедону, вулканическому кремню и яшме. Безусловно, последние использовались и в индустриях ранней поры верхнего палеолита, но доля их была крайне мала, в то время как с начала ранней поры верхнего палеолита эти горные породы начинают доминировать во всех памятниках каменного века Забайкалья. Единственным исключением, на сегодня, является Сухотинский археологический комплекс, выявленный в Восточном Забайкалье. Он расположен на склонах палеовулкана Дунда-Ага, который является источником высококачественного вулканического кремня, халцедона и яшмы. Индустрия стоянки Сахюрта-1 демонстрирует стабильное использование этого сырья, с первого по пятый культурной компонент, залегающий ниже верхнекаргинской палеопочвы.

2. Отдельным вопросом является исходная форма сырья, применявшегося для расщепления. Для каменных индустрий Забайкалья характерно использование как коренных, так и обломочных горных пород в виде галечника и мелкого валунника. При этом выявлено, что качество минерального сырья в виде галечников и валунников на территории как Западного, так и Восточного Забайкалья не высоко, а доля «деловых» горных пород и минералов в различных речных системах не превышает 2–5 % от общего состава обломочного материала. При этом, размеры минерального сырья высокого качества, такого как халцедон, яшма и вулканический кремень, не превышает 4–5 см по длинной оси. Учитывая размерность индустрий ранней поры верхнего палеолита и более ранних, это вполне объясняет редкое использование халцедона до прихода микротехники и предпочтение коренных горных пород кислого и среднего состава, либо, крупного валунника достаточного качества.

3. Другим важным моментом является связь сырья, технологии и размеров исходных орудий. Это прямая взаимосвязь достоверно прослеживается, начиная с наиболее ранних подъемных материалов выявленных в пределах как Восточного, так и Западного Забайкалья. Морфологически выраженные двусторонне обработанные орудия и унифасы в большинстве своем выполнены на эффузивах, несколько реже – метаморфизированных песчаниках и кремнистых сланцах. Индустрии ранней поры верхнего палеолита Забайкалья также связаны с этими видами минерального сырья, а его источники, такие как Титовская сопка, являются точками притяжения древнего населения как минимум со среднего палеолита до финала каменного века. Связь сырья и технологии особенно ярко прослеживается на примере технологии производства бифасов. Бифасы представлены в индустриях памятников Титовской сопки (Окладников, Кириллов, 1980). Они выполнены из местного роговика высокого качества, в изобилии представленного в виде естественных выходов. Именно наличие качественного сырья достаточных для производства бифасов размеров, способствовало «закреплению» бифасиальной технологии в памятниках Сухотинского геоархеологического района. В то время как, например, в индустриях стоянок ранней поры верхнего палеолита бифасы практически отсутствуют, и фиксируются в виде единичных плоско-выпуклых вариантов в индустрии 14 слоя Усть-Мензы-1 в самом финале палеолита (Мороз, 2008), и слое 25 (Мороз, Верещагин, 2019), где бифас изготовлен из кристалла дымчатого кварца. Это подтверждает постоянное присутствие данной технологии, но использовалась она исключительно выборочно при наличии необходимого сырья.

Таким образом, применяемое сырье в Забайкалье во многом определяло облик каменной индустрии. Чем менее качественным оно было, тем грубее и примитивней выглядела индустрия, и проще технология расщепления, применяемая для производства орудий. Также это напрямую влияло на количество и морфологию пластин в конкретных индустриях. Учитывая это, возникает возможность по-новому взглянуть на вопрос отщеповых и пластинчатых индустрий начального/раннего этапа верхнего палеолита в регионе.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ЗабГУ № 292-ГР.

Список литературы

Алкин С.В. Забайкальский этнограф и археолог Елпидифор Иннокентьевич Титов // Сибирь. Иркутск: Дом печати, 2009. С. 182–194.

Астахов С.Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки ИИМК РАН Вып. 19. СПб., 2018. С. 13–19.

Мороз П.В. Технология производства плоско-выпуклых бифасов в индустрии Усть-Мезы-1 (Западное Забайкалье) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. № 23 (54). СПб., 2008. С. 145–149.

Мороз П.В., Верещагин С.Б. Функциональный анализ бифаса из дымчатого кварца (25 культурного горизонта поселения Усть-Менза-1) // Известия лаборатории древних технологий. Т. 15. № 3. 2019. С. 9–28.

Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus, 2016 (1). С. 65–76.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Техника расщепления на эпипалеолитической стоянке в Губском навесе № 7 (Сатанай), Северо-Западный Кавказ

© *2020 г. А.Г. Недомолкин (and.nedomolkin2015@yandex.ru)*

Национальный музей Республики Адыгея, Майкоп, РФ

Аннотация. В статье публикуется подробный анализ техники расщепления на эпипалеолитической стоянке в Губском навесе № 7. Технологический и морфо-метрический анализ материалов, которые интерпретируются с использованием данных экспериментов, позволяет предполагать либо возможность сочетания ударной и отжимной техник скалывания, либо использование удара через посредник.

Ключевые слова: Кавказ, эпипалеолит, техника расщепления, техника скола.

Губский навес № 7 (Сатанай) расположен по левому берегу р. Губс (долина р. Кубани), на абсолютной высоте 721 м. Памятник был открыт и исследовался П.У. Аутлевым и А.А. Формозовым в 1961–63 гг. и в 1975–76 гг. – Х.А. Амирхановым (1986). Археологические находки были связаны с литологическим слоем 2. Этот слой имел мощность до 1,5 м и в ходе раскопок был разделен на 4 условных горизонта. В Национальном музее Республики Адыгея все находки, включая кости, хранились по раскопочным горизонтам. Это позволило получить даты по костям: для 3-го горизонта: 11140±100 (SPb-132) и для 4-го горизонта: 11200±130 (SPb-131). Верхний горизонт 1 (7950±140 тыс. л.н. LE-4981) и горизонт 2 (7780±200 тыс. л.н. LE-4982) имеют голоценовый возраст (Golovanova, Doronichev, 2020). Датирование позволило обосновать финально-плейстоценовый возраст нижних горизонтов 3 и 4 слоя 2, их калиброванный возраст оценивается: ок. 13,0–13,25 тыс. л.н. Таким образом была доказана разновременность находок из разных горизонтов, которые ранее выделялись как единый слой 2, а археологические находки анализировались как единая индустрия. А.А. Александровский, изучивший разрез Губского навеса № 7 в 2006 г., подтвердил многослойность этого памятника (Александровский и др., 2015).

Наиболее многочисленная коллекция каменных изделий происходит из 3-го горизонта. В настоящее время коллекция горизонта 3 Губского навеса № 7, которая хранится в Адыгейском национальном музее, включает 2180 каменных изделий. Эти материалы и были изучены в настоящем исследовании.

В коллекции преобладают сколы (73,6 %). Нуклеусы составляют 4,5 %. Мелкие отходы расщепления и изготовления орудий почти отсутствуют, что может говорить об утрате большей части микроматериала (в том числе микропластинок и обломков орудий) в ходе раскопок.

Сырье. Подавляющее большинство каменных артефактов изготовлено из местного кремня темно-серого и коричневого цветов (98 %). Незначительная часть – 35 экз. (1,5 %) из непрозрачного кремня розового цвета. Единичными предметами представлены изделия из песчаника (6 экз.), цветного (3 экз.) и желтого кремня (2 экз.).

Нуклеусы и нуклевидные обломки составляют 4,9 % (108 экз.) от общего состава коллекции. Значительная их часть представлена нуклевидными обломками без четкой морфологии.

Нуклевидные обломки – 46 экз.

Пробные – 7 экз.

Призматические односторонние одноплощадочные – 25 экз.

Призматические односторонние двухплощадочные – 8 экз.

Призматические двухсторонние двухплощадочные – 1 экз.

Торцовые односторонние одноплощадочные – 11 экз.

Торцовый двусторонний одноплощадочный – 1 экз.

Призматические с переходом к торцовому скалыванию – 2 экз.

Обломки нуклеусов – 7 экз.

Среди ядрищ с выраженной морфологией преобладают призматические односторонние одно- и двухплощадочные нуклеусы (33 экз.). Торцовые менее многочисленны (12 экз.).

Технических сколов в коллекции – 64 экземпляра. Наиболее многочисленны реберчатые пластины: 54 экз. Сколы подправки ударной площадки представлены 4 предметами. Сколы подправки поверхности расщепления – 3 экз., сколы переоформления нуклеусов – 3 экз.

Среди сколов преобладают пластинчатые заготовки (52 %), отщепов – 47,8 %. Среди отщепов корочных – 15,8 %, среди пластин и пластинок – 5,2 %. Большая часть пластинчатых сколов (82,6 %) фрагментирована. Целых сколов – 19,3 % среди пластин и 12,4 % среди пластинок.

Длина целых пластинчатых сколов попадает в интервал от 20 до 45 мм (77,3 %). Более крупные сколы составляют 17,3 %. Небольшой процент сколов длиной менее 20 мм вероятно объясняется неполнотой коллекции.

У большей части сколов (71,9 %) показатели ширины достаточно равномерно распределены в диапазоне от 8 до 15 мм. Пластины шириной 15–18 мм составляют 13,1 %, крупные сколы шириной более 18 мм единичны.

Толщина пластин и пластинок в горизонте 3 Губского навеса № 7 не превышает 10 мм. У 91 % сколов этот показатель колеблется в интервале от 2 до 6 мм. Наиболее многочисленны сколы толщиной 3–4 мм (33,7 %).

Для оценки пропорций пластинчатых сколов дополнительно был введен показатель относительной толщины скола (толщина/ширина × 100 %). Для 90 % сколов этот показатель изменяется в интервале от 15 до 45 %. Более массивные сколы малочисленны.

Большая часть целых пластинчатых сколов и проксимальных фрагментов имеют выраженную ударную площадку. У подавляющего числа сколов (87,2 %) ударная площадка гладкая. Сколы с двухгранной и фасетированной ударной площадкой единичны.

Ширина ударных площадок колеблется в интервале от 1 до 12,5 мм, но у 85,1 % не превышает 7 мм. Глубина ударной площадки попадает в диапазон от 0,5 мм до 6 мм. Для 85,1 % сколов этот показатель колеблется в интервале от 0,5 мм до 2,5 мм.

Морфологическая характеристика пластинчатых сколов.

Огранка. Для большей части (87,6 %) пластинчатых заготовок горизонта 3 Губского навеса № 7 характерна параллельная однонаправленная огранка дорсальной поверхности. У 8,5 % сколов дорсальная сторона сочетает параллельную однонаправленную огранку и участки покрытые коркой. У 3,2 % сколов огранка параллельная, встречная.

Форма окончания. Целые сколы и дистальные фрагменты имеют преимущественно перообразное окончание (76,5 %). Сколы с петлевидным окончанием малочисленны (16,5 %), единичные изделия имеют ныряющее окончание (3,1 %).

Профиль. Для пластин и пластинок характерен прямой профиль, изогнутый профиль встречается только у крупных пластин и единичных пластинок.

Вентральный карниз и изъянец. Базальные части пластинчатых сколов характеризуются плоским, слабовыраженным ударным бугорком. Среди пластин и пластинок выделена небольшая группа сколов с т.н. «неконическим началом скалывающей», т.е. очень широкой и глубокой ударной площадкой при отсутствии ударного бугорка. Наличие вентрального карниза отмечено у 61,9 % целых сколов и проксимальных фрагментов, у 38,1 % он отсутствует. 20,1 % сколов имеют изъянец на ударном бугорке. У двух сколов на ударном бугорке отмечен глубокий вылом.

Приведенная выше характеристика технологического контекста горизонта 3 Губского навеса № 7 позволяет охарактеризовать технологию расщепления на этом памятнике.

Сравнительно небольшое число сколов с коркой свидетельствуют, что первоначальный отбор кусков сырья проходил за пределами стоянки. При этом обилие нуклеусов и технических сколов указывают на то, что скалывание заготовок велось непосредственно на стоянке преимущественно с призматических односторонних нуклеусов с широким фронтом. Целью расщепления были пластинки и пластины шириной 8–15 мм, которые служили заготовками для подавляющего большинства ретушированных орудий.

Наличие у большей части пластинчатых сколов вентрального карниза, слабо выраженный ударный бугорок, небольшое число сколов с изъянцем позволяют исключить из возможных способов скалывания прямой удар жестким каменным отбойником. Преобладание сколов с достаточно широкими и глубокими ударными площадками (больше 1,5 мм в глубину) исключают использование мягкого минерального отбойника, т.к. для сколов, полученных мягким минеральным отбойником характерна незначительная глубина ударной площадки (около 1мм) (Pelegrin, 2000). В тоже время, наличие в коллекции серии пластин с прямым профилем, и регулярной огранкой предполагает возможность использования техники отжима или удара через посредник. При этом толщина значительной части сколов превышает значения толщины, характерные для пластин, полученных в технике отжима (2,5–3,0 мм) (Поплевко, 2007), что позволяет предполагать либо возможность сочетания ударной и отжимной техник скалывания, либо использование удара через посредник.

В целом, пластинчатые сколы использовались для изготовления всех основных категорий ретушированных орудий. Отщепы систематически применялись только для изготовления скребков. Орудия на микропластинках в коллекции отсутствуют.

Комплекс каменных артефактов из горизонта 3 Губского навеса№ 7 близок верхним горизонтам слоя 1–3 Мезмайской пещеры как по составу орудий, так и по технике расщепления. Сходство в технике расщепления выражается в ориентации на скалывание пластинок и узких пластин, при отсутствии (Губский навес № 7), либо незначительном числе микропластинок (горизонты 1, 2, 3 слоя 1–3 Мезмайской пещеры). Близки также метрические параметры сколов (в первую очередь ширина) и морфологические характеристики (регулярная параллельная огранка дорсальной поверхности и прямой профиль пластинок).

Список литературы

Александровский А.Л., Александровская Е.И., Беляева Е.В. Голованова Л.В. Отложения и культурные слои пещер Северо-Западного Кавказа // Пещеры, выпуск 38. Пермь, 2015. С. 35–68.

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 112 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. Publisher: Cambridge Scholars Publishing. 2020. 569 p.

Pelegrin J. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement. 2000. P. 73–86.

Характеристика культурных слоев и каменной индустрии верхнепалеолитической стоянки Рахат (Юго-Восточный Казахстан)

© *2020 г. Д.В. Ожерельев[1] (dmit.ozherelyev@gmail.ru), Т.Б. Мамиров[2]*

[1] Институт археологии РАН, Москва, РФ
[2] Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. Представленная работа посвящена результатам археологических раскопок новой верхнепалеолитической стоянки Рахат, расположенной на территории Юго-Восточного Казахстана. Памятник исследуется совместной российско-казахстанской экспедицией с 2018 года Института археологии РАН (Москва) и Института археологии им.А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). Стоянка содержит несколько культурных слоев разных этапов верхнего палеолита.

Ключевые слова: верхний палеолит, Казахстан, стоянка, каменная коллекция.

Верхнепалеолитическая стоянка Рахат расположена на территории Юго-Восточного Казахстана в предгорной зоне Заилийского Алатау – одного из северных хребтов центральной части Тянь-Шанской горной системы. Юго-Восточный Казахстан являлся вплоть до недавних пор «белым пятном» в изучении каменного века всей Центральной Азии. На его огромной территории было известно лишь одно среднепалеолитическое местонахождение открытого (наземного) типа – Актогай (Артюхова,1992). Основной причиной такого состояния являлось фактическое отсутствие поисковых работ в регионе. Однако, начиная с середины 2000-х гг. южные районы Юго-Восточного Казахстана входят в область внимания и интереса специалистов-археологов. Одним из наиболее перспективных районов обследования в первую очередь стали северные склоны Заилийского Алатау. В результате планомерных разведок здесь было обнаружено несколько пунктов находок и погребенных стоянок, в частности, многослойные стоянки Майбулак и Рахат (Таймагамбетов и др., 2009).

Стоянка Рахат была обнаружена в 2006 году, однако полноценные ее исследования начались с 2018 года совместной российско-казахстанской экспедицией Института археологии РАН (Москва) и Института археологии им.А.Х. Маргулана (Алматы). Памятник находится на правом берегу одноименной реки при выходе ее из ущелья. Культурные слои были найдены в плейстоценовых лессовидных суглинках, широко представленные на северных склонах хребта. Стоянка представляет собой аварийный объект, она разрушалась в течение многих лет местным населением при добыче суглинка в качестве строительного материала. Первоначальные раскопки памятника в 2018 году были сосредоточены на стратиграфическом обследовании и установлении степени его научной перспективности. В этой связи разведочной траншеей шириной 1 м, заложенной в обнажение склона и шурфом у его основания была полностью вскрыта вся толща отложений стоянки, включающая 13 м лессовидных суглинков. Предварительно были выделены две погребенные палеопочвы и 8 культурных слоев, часть из которых уже на первом этапе исследований можно определять в качестве уровней обитания (Ожерельев, 2019).

В 2019 году разведочная траншея была расширена до раскопа площадью 48 кв. м. Раскопками исследовались культурные слои 1–3, расположенные в серовато-коричневом слое лессовидного суглинка (литологический слой № 4). Данный слой залегает на глубинах -4,05/-7,80 м, и, на основании первоначальных наблюдений, он представляется неоднородным. На отметках -6,0/-7,50 м литологический слой 4 выглядит более темным и опесчаненным с резким увеличением количества раковин наземных моллюсков и включением рассеянных по слою единичных углей. Находки из культурных слоев 1–3 вложены в эту более темную часть суглинка на глубинах -6,40/-7,10 м. Культурный слой 1 содержит единичные каменные изделия и прокалы красновато-серого цвета без связи с археологическими находками. Вероятно, слой характеризует остатки кратковременного посещения на заключительном этапе функционирования стоянки. Основной интерес вызывают культурные слои 2 и 3. Слои представляют собой сохранившиеся поверхности обитания древнего поселения, разделенные относительно стерильным суглинком мощностью около 10–15 см. При изучении культурных слоев в качестве методического подхода использовалось понятие «структурного единства... остатков человеческой жизнедеятельности, залегающих в погребенном состоянии» (Амирханов, 2000). Маркирующими признаками уровней обитания на стоянке Рахат являются объекты, характерные для многих других погребенных стоянок верхнего палеолита. При первоначальном обнаружении они проявляют себя в виде буровато-серых, красновато-серых, иногда с углями, пятен. Всего в двух слоях было выявлено двадцать таких объектов. Часть из них, которая имеет небольшую мощность и однородную стратиграфию, вероятно, является углистыми выбросами из очагов. Другая часть была углубленными объектами, которые чаще всего имели продолговато-вытянутую форму и могли относиться к ямам хозяйственного типа. Три объекта определяются как очажные ямы. Это объекты №№ 10 и 18 в слое 2 и № 21 в слое 3. Указанные объекты занимают центральные части жилых площадок поселенческих комплексов. Характерными признаками очажных ям являются размеры (до 1,5–1,7 м в диаметре), углубленная центральная часть (до 20–25 см) с фиксируемыми линзами красноватого прокала, наличие выполаживающихся периферийных зон. Между собой они имеют схожую структуру и ориентацию по отношению к северу. Отличительными чертами выступают насыщенность очажных ям археологическими находками: в слое 2 они содержат минимальное количество и каменных обработанных находок и костных останков, в слое 3 в очажной яме встречается значительное количество предметов, главным образом, небольших орудий и отходов производства.

Поверхности культурных слоев имеют субгоризонтальное залегание, что, по всей видимости, отражает древний рельеф берега реки, на котором существовала стоянка. В южной части вскрытого раскопками участка (кв.А'-3-1–5), располагалась одна из центральных зон стоянки, имевшая незначительный уклон к северу. Именно здесь выявле-

ны все поселенческие объекты (прокалы, углистые пятна, очажные ямы и т.д.). Северная часть (кв.И-М-1–5) испытывала возраставший уклон к северу и была неудобна для обитания. Характерно, что увеличение угла наклона к северу отражено и в современной форме рельефа.

Общая каменная коллекция слоев 1–3 насчитывает 2607 предметов. Обнаруженный инвентарь характеризует полный цикл расщепления от апробирования каменного сырья до систематического раскалывания и изготовления орудий. Об этом говорит наличие галек-манупортов, отбойника со следами забитости, пренуклеусов, нуклеусов, технических сколов и сколов-заготовок для орудий, самих орудий, мелкого дебитажа. Непосредственно это подтверждают также имеющиеся ремонтажные сборки каменных предметов, как сколов с нуклеуса, так и чешуек ретуши скребка, а также резцовых сколов с кромок резцов. Следует отметить, что подавляющая часть находок представлена мелкими отходами расщепления – обломками, осколками и чешуйками. Орудийный набор включает скребки, резцы, долотовидные орудия, отщепы, пластины с ретушью и т.д. Пластинки, микропластинки с ретушью и их фрагментированные обломки занимают заметное место в коллекции. Преобладают изделия с притупленным краем. Несколько находок определяются как удлиненные асимметричные треугольные микролиты. Притупливающей ретушью у них обработана одна из латералей и основание микропластинки, причем угол между ретушированными сторонами остается тупым. Эти изделия в комплексе с другими орудиями имеют важное культурно-хронологическое значение и в схожем археологическом контексте служат одним из маркеров начала эпипалеолита в Леванте и Иранском нагорье (кебаран и зарзиан, ~20–18 тыс. л.н.).

Сырье, которое использовалось для обработки, происходит, главным образом, непосредственно из русла реки. Среди него определяется широкий спектр магматических пород, из которых состоит на данном участке Заилийский Алатау (порфириты, диориты, риолиты и другие). Изделия из кремня и яшмовидной породы, которые также встречаются, неизвестны непосредственно в районе стоянки и могли быть принесены из местонахождений, расположенных за десятки километров к северу – в долине р. Или. О высокой мобильности обитателей стоянки говорят и явно импортированные раковины-украшения моллюсков рода *Corbicula*. Костные останки в культурных отложениях встречаются в виде мелких, иногда обожженных обломков, для которых трудно определить вид кости и видовую принадлежность животных.

Тип памятника, сохранность культурных слоев и находок в нем определяют целостность и полноту археологических данных и существенно повышают их интерпретационные возможности. На уровне изученных в 2019 году культурных слоев отмечается трехкратное посещение места стоянки. В каждое из этих посещений стоянка имела недолговременное, вероятно, сезонное обживание. Каменный инвентарь отражает единый культурно-хронологический пласт индустрий верхнего палеолита, представленный к западу от Центральной Азии и символизирующий о начале его эпипалеолитического этапа.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20–09–00285.

Список литературы

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000. 248 с.

Артюхова О.А. Мустьерские памятники Семиречья (Актогай 1–4) // Маргулановские чтения -1990. М., 1992. С. 44–48, 234–236.

Ожерельев Д.В. и др. Первые данные о стратиграфии и культурной атрибуции многослойной стоянки верхнего палеолита Рахат (Юго-Восточный Казахстан)// КСИА. Вып. 254. М., 2019. С. 57–70.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы, 2009. 256 с.

Средний палеолит Верхней Десны в контексте материалов Центральной и Восточной Европы

© 2020 г. А.К. Очередной[1] *(otcherednoy@gmail.com)****, Л.Б. Вишняцкий[1], Н.Е. Зарецкая[2], А.В. Ларионова[1], П.Е. Нехорошев[1], К.Н. Степанова[1,3], M. Hein[4], M. Weiss[4], T. Lauer[4], J.F. Hoffecker[5], M. Frouin[6]***

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ
[2] Институт географии РАН, Москва, РФ
[3] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ
[4] Max-Planck-Institut für evolutionäre Anthropologie, Leipzig, Germany
[5] Institute of Arctic & Alpine Research, Boulder, USA
[6] Department of Geosciences, Stony Brook University, New York, US

Аннотация. В работе представлены результаты, полученные на многослойных среднепалеолитических памятниках Верхней Десны: Хотылёво I и Бетово. Хронометрические данные и морфолого-типологический анализ позволяют сравнивать наиболее выразительные индустрии Хотылёво I, относимые ко времени стадий OIS 5a/5b раннего валдая с центральноевропейскими памятниками группы KMG-A, в то время как Бетово можно признать единственным памятником финального среднего палеолита в регионе, уверенных аналогий для индустрии Бетово пока не найдено.

Ключевые слова: Верхняя Десна, Восточная Европа, средний палеолит, Хотылёво I, Бетово, неандертальцы, микок, леваллуа, хроностратиграфия.

Сравнение материалов основных комплексов среднего палеолита Верхней Десны и окружающих европейских комплексов предполагает наличие одинаковых параметров для сравниваемых объектов. К таким параметрам мы относим: 1) степень сохранности каждого из комплексов;

2) его хроностратиграфическую позицию; 3) характеристики инвентаря.

Из всех среднепалеолитических памятников Верхней Десны наибольшее количество гео-археологических данных для возможных корреляций получено при изучении памятников Хотылёво I и Бетово (Вишняцкий и др., 2019а). Индустрии из разных слоев этих памятников имеют больше различий, чем сходств. Они сходны по двум наиболее общим показателям: серийному плоскостному расщеплению и серийному изготовлению двусторонне обработанных изделий, как наиболее технологически развитых (технологичных) орудийных форм. Но оба эти пункта, очевидно, связаны не более чем с технологией изготовления двусторонне обработанных изделий в комплексах с плоскостным первичным расщеплением, и поэтому не могут являться аргументами в пользу родства самих памятников. Абсолютное доминирование плоскостного расщепления, в частности, связано с изобилием различных по толщине и размеру плитчатых отдельностей местного мелового кремня, зафиксированных во вторичном залегании в нижних литологических слоях верхнечетвертичных толщ на обоих памятниках. Характерной чертой деснинского плитчатого сырья является большое количество повреждений, вызванных сезонными температурными колебаниями. Такие отдельности встречаются во всех культуросодержащих горизонтах (далее – КСГ) любой степени сохранности, которая варьирует от состояния *in situ* до частично смещенного, полностью смещенного и частично переотложенного. Отсюда вытекает еще один пункт сходства среднепалеолитических слоев Верхней Десны, который следует рассматривать в контексте «сырьевого поведения» – это использование естественных отщепов для изготовления орудий. Этот пункт также никак не связан с культурно-хронологической принадлежностью какой-то конкретной из среднепалеолитических индустрий Верхней Десны. На этом список сходных черт заканчивается. На фоне перечисленных, исключительно ситуационных, сходств, основное значение приобретают традиционные морфолого-типологические параметры оценки индустрий и хроностратиграфические характеристики вмещающих отложений. Типологические характеристики материалов различных КСГ Хотылёво I и Бетово отличаются друг от друга по двум основным пунктам: наличию в коллекциях центростремительного леваллуазского расщепления (а именно – выразительных тортезов), а также по количеству орудийных форм, односторонних и двусторонне обработанных, как целых законченных, так и переоформленных, поломанных или незавершенных. Коллекции Бетовской стоянки намного беднее хотылевских по всем перечисленным пунктам – в основном по количеству завершенных орудий. В отличие от Хотылёво I, в Бетово нет выразительного центростремительного леваллуа, нет завершенных кайльмессеров, а к законченным и целым двусторонне обработанным орудиям можно отнести единственный удлиненный плоско-выпуклый остроконечник (представленный двумя реплицирующимися фрагментами). Анализ изготовления бетовских двусторонне обработанных орудий, найденных в фрагментированном виде, может свидетельствовать об активном применении вторичного утончения. В хотылевских коллекциях есть двусторонне обработанные изделия, аналогичные по этим параметрам бетовским, но они не составляют выразительных серий.

Хронометрические данные, полученные для обоих культуросодержащих горизонтов памятника Бетово и для культуросодержащих горизонтов участка Хотылёво I-6–2, состоят из серий ^{14}C (древесный уголь и гумус в Хотылёво I-6–2, кость в Бетово) и OSL датировок. В Бетово было сделано 8 OSL датировок для нижней части четвертичной толщи (Западная стенка раскопа 2016 г.). На участке Хотылёво I-6–2 было отобрано 18 образцов OSL для всей четвертичной толщи, включающей серии аллювиальных и лессово-почвенных отложений. При этом, если в Бетово даты, полученные методами ^{14}C и OSL, в целом коррелируют друг с другом, то на участке I-6–2 Хотылёво I эти методы показывают совершенно другие значения. Метод ^{14}C с инверсиями демонстрирует серии предпредельных (древесный уголь) или явно омоложенных (гумус) значений, попадающих в начало, середину и конец средневалдайской стадии OIS 3 (Зарецкая, Очередной, 2019. С. 76–78). Метод OSL датирует все культуросодержащие отложения эпохой от границы стадий OIS 5a/5b раннего валдая, а также, несмотря на наличие отдельных отклонений, в целом демонстрирует более равномерную последовательность результатов, коррелирующую в целом со стратиграфической последовательностью и возможными интерпретациями динамики осадконакопления на данном участке памятника. Полная колонка верхнеплейстоценовых отложений участка I-6–2 комплекса Хотылёво I, судя по результатам OSL-датирования, хронологически занимает весь ранний и средний валдай, доходя до начала позднего валдая. В Бетово для обоих культуросодержащих горизонтов, выделенных в 2016 г., получены серии ^{14}C дат в диапазоне от 33500 (некалиброванных) до 23000 (некалиброванных). Кроме совпадения с датами, полученными методом OSL, бетовский радиоуглерод хорошо подтвержден анализом особенностей осадконакопления и фауны мелких млекопитающих (Воскресенская, Маркова, 2019. С. 94–95). Такая корреляция различных данных для Бетовской стоянки позволяет считать этот памятник одним из наиболее надежно датированных среднепалеолитических памятников в Европе.

Получение первых результатов комплексного датирования памятников Верхней Десны позволяет обозначить их культурно-хронологический контекст среди памятников Европы. К памятникам более или менее одновременным всем культуросодержащим горизонтам участка I-6–2 Хотылёво I можно отнести такие центрально-европейские памятники с сериями OSL-дат, как Ноймарк-Норд 2 (Richter, Krbetschek, 2014), нижний слой памятника Халле́ра (Wroclaw-Hallera) (Wiśniewski et al., 2013) и нижний слой многослойного комплекса Зво́лен (Tomaszewski, 2005). Среди этих комплексов наиболее близким к индустриям Хотылёво I (участок I-6–2, КСГ 4) являются нижние слои Зво́лена и Халле́ры, в которых также встречены кайльмессеры и соответствующий набор дебитажа, включающий проявления леваллуазского расщепления. При использовании существующих современных схем типологического и хронологического подразделения среднепалеолитических индустрий Центральной Европы (Jöris, 2004; Richter, 2016), результаты, полученные при изучении участка I-6–2 Хотылёво I, соответствуют стадии KMG-A, для которой характерны кайльмессеры с выпуклыми основными лезвийными кромками, зафиксированные в отложениях стадии OIS 5 (в первую очередь – стратиграфически) в пределах

низменностей и равнин, например, северной Германии и Польши (Jöris, 2004).

Предварительные данные свидетельствуют о том, что проблема наличия позднего, а скорее – финального – среднего палеолита на Русской равнине пока не может считаться решенной. Единственным памятником среднего палеолита, который можно уверенно отнести к этой группе, является Бетово с индустрией, не имеющей прямых аналогов среди одновременных памятников Европы (Вишняцкий и др., 2019б. С. 71–75). Судя по результатам изучения хроностратиграфии Бетовской стоянки, оба культуросодержащих горизонта Бетово должны существовать в полном окружении развитых верхнепалеолитических индустрий типа позднего ориньяка, раннего граветта, а также стрелецкой культуры, хронология которой еще требует прояснения (обобщения). Селетская атрибуция орудий из старых и новых бетовских коллекций пока не находит подтверждения. Продолжение работы по изучению хронологии крупнейших памятников среднего палеолита Восточной Европы, в частности, Верхней Десны, Приазовья (Рожок I), Нижней Волги (Сухая Мечётка) и Нижнего Дона (Бирючья Балка 2) должно быть связано с применением комплекса различных методов к геоархеологическим разрезам, что позволит в итоге сформировать современную хронологическую схему для среднего палеолита региона. Наличие только серий радиоуглеродных дат для среднепалеолитических памятников, даже сделанных с применением современных методов очистки, не может считаться надежным источником для установления возраста культурного слоя и, тем более, реконструкции событийной последовательности, по крайней мере для памятников открытого типа, расположенных на Русской равнине. Для получения надежных хронометрических результатов необходимо не столько комбинировать различные методы, сколько применять их для решения конкретных хроностратиграфических задач в пределах каждого отдельного памятника.

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184–2019–0001.

Список литературы

Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Очередной А.К. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019а. С. 69–82.

Вишняцкий Л.Б., Воскресенская Е.В., Зарецкая Н.Е., Гаврилов К.Н., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Мащенко Е.Н., Очередной А.К., Степанова К.Н., Хлопачев Г.А., Hoffecker J.F, Frouin M., Higham T. Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта. Путеводитель конференции-полевого семинара. М.: ИА РАН, 2019б. 204 с.

Воскресенская Е.В., Маркова А.К. Позднеплейстоценовые отложения и фауна мелких млекопитающих среднепалеолитической стоянки Бетово (бассейн Десны) // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 1. С. 86–98.

Зарецкая Н.Е., Очередной А.К. Предварительные результаты применения разных датирующих методов для построения хронологии памятника Хотылёво I // Культурная география палеолита Восточно-европейской равнины: от микока до эпиграветта. Международная конференция – полевой семинар. Тезисы докладов. М.: ИА РАН, 2019. С. 76–79.

Jöris O. Zur chronostratigraphischen Stellung der spätmittelpaläolithischen Keilmessergruppen: Der Versuch einer kulturgeographischen Abgrenzung einer mittelpaläolithischen Formengruppe in ihrem europäischen Kontext // Bericht RGK. 2004. Vol. 84. P. 49–153.

Richter D., Krbetschek M. Preliminary luminescence dating results for two Middle Palaeolithic occupations at Neumark-Nord 2 // Multidisziplinary Studies of the Middle Palaeolithic Record from Neumark-Nord (Germany). Vol. 1. Halle: Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt, 2014. P. 131–136. (Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt. Vol.68)

Richter J. Leave at the height of the party: A critical review of the Middle Paleolithic in Western Central Europe from its beginnings to its rapid decline. Quaternary International 411, 2016, P. 107–128.

Tomaszewski A.J. Lithic Artifacts // The Killing Fields of Zwoleń. A Middle Paleolithic Kill- Butchery- Site in Central Poland. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 2005. P. 139–191.

Wiśniewski A., Adamiec G., Badura J., Bluszcz A., Kowalska A., Kufel-Diakowska B., Mikolajczyk A., Murczkiewicz M., Musil R., Przybylski B., Skrzypek G., Stefaniak K., Zych J. Occupation dynamics north of the Carpathians and Sudetes during the Weichselian (MIS5d-3): The Lower Silesia (SW Poland) case study // Quaternary International. 2013. Vol. 294. P. 20–40.

Динамика каменных индустрий финала позднего палеолита в Восточном Казахстане (по материалам стоянки Ушбулак)

© 2020 г. Г.Д. Павленок[1] (lukianovagalina@yandex.ru), А.А. Анойкин[1], Е.Н. Бочарова[1], В.А. Ульянов[2], С.А. Гладышев[1], Г.И. Марковский[1], В.М. Харевич[1], Ж.К. Таймагамбетов[3]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[2] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ
[3] Национальный музей Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. Материалы верхней пачки отложений стоянки Ушбулак представлены археологическими комплексами от позднего этапа верхнего палеолита до эпохи палеометалла, залегающими в пяти слоях. Культурные слои имели различную степень сохранности и насыщенность артефактами. Их изучение показало наличие изменений в технокомплексах вверх по разрезу. Это постепенный отказ от получения в качестве целевых сколов крупных регулярных пластин и переориентация на отщепы в рамках одно- и бипродольного расщепления, при сохранении микро- и мелкопластинчатого компонента.

Ключевые слова: финальный палеолит, стоянка Ушбулак, расщепление камня, микрорасщепление.

Стратифицированная многослойная стоянка Ушбулак располагается в Шиликтинской долине на северо-востоке Казахстана, и изучается уже в течение четырех лет на нескольких участках (Анойкин и др., 2019; Shunkov et al., 2017). Предметом настоящего исследования выступают материалы отложений трех участков стоянки – раскоп 1, шурф 13 и траншея, соединяющая раскоп 1 и раскоп 2, включающих материальные остатки поздних этапов верхнего палеолита (слои 5.1–2) и эпохи палеометалла (слой 1) (Павленок и др., 2019б).

В основании базового стратиграфического разреза, которым для верхней пачки отложений стоянки Ушбулак является раскоп 1, залегают отложения преимущественно пролювиального происхождения, сформированные в зоне

Таблица 1. Стоянка Ушбулак. Слои 1–5. Каменная индустрия.

Слой	1		2			3			4			5,1		
Участок / Категории и группы	Р 1	Ш 13	Р 1	Ш 13	Тр.	Р 1	Ш 13	Тр.	Р 1	Ш 13	Тр.	Р 1	Ш 13	Тр.
Нуклевидные														
Нуклеусы				2		2			2		3	4		1
Нуклевидные обломки							1		1					
Гальки /блоки со сколами			2						1		1			
Блоки без апробации											1			1
Технические сколы														
Первичные						1			1			5		1
Вторичные	1								3			6		1
Подправки дуги скалывания									1					
Подправки фронта									0		1	2		
Подправки ударной площадки			2			2			4			1		
Реберчатые									1					
Полуреберчатые			1			2			5		1	8		
Краевые	1		5			2			15		3	40		6
Заныривающие	0								0		1	2		
Пластины														
шир. 40–59 мм.	1								0					
шир. 20–39 мм.									1		1	11		1
шир. 12–19 мм.			3						3	1	1	24	1	1
Пластинки	2		6			2	1		5		1	15		
Микропластины			4			1			0			38		
Удлиненный остроконечник									0		1			
Пластинчатые отщепы														
Крупные (дл.≥50 мм)			1				2		1			2		
Средние (дл. 30–49 мм)			1			1	9		1			9		
Мелкие (дл. ≤ 29 мм)							4		1			5		
Отщепы														
Крупные (дл.≥50 мм)	3		1			1			4		3	8		3
Средние (дл. 30–49 мм)	4	1	6	1	1	3			15	1	25	42	1	6
Мелкие (дл. ≤29 мм)	4	1	13		1	9			9		7	167		3
Отбойники/ретушеры									1			1		
Отходы производства	16	2	19	3	3	26	6		34	1	11	802	1	7
ВСЕГО:	**32**	**4**	**64**	**6**	**5**	**52**	**23**	**0**	**109**	**3**	**61**	**1192**	**3**	**31**

*Условные сокращения: Р 1 – Раскоп 1; Ш 13 – Шурф 13; Тр. – Траншея

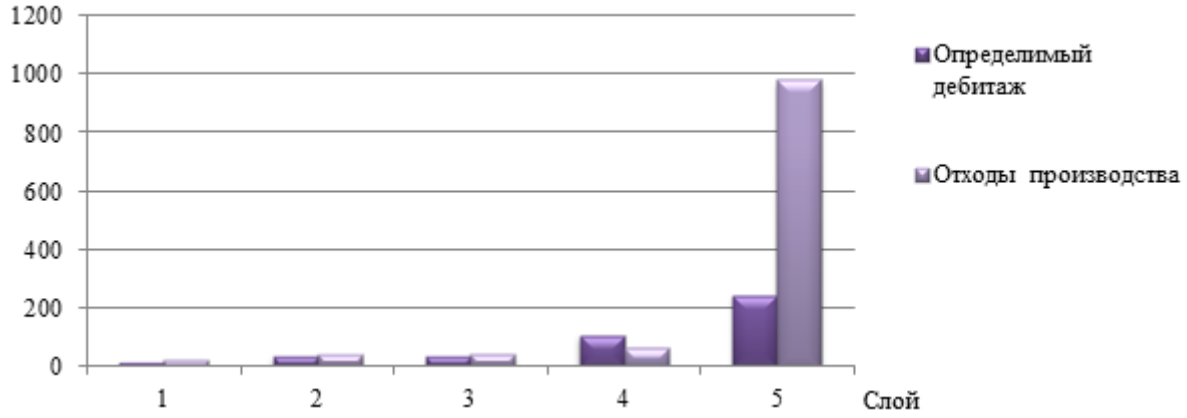


Рис. 1. Стоянка Ушбулак. Слои 1–5. Соотношение определимого дебитажа и отходов производства.

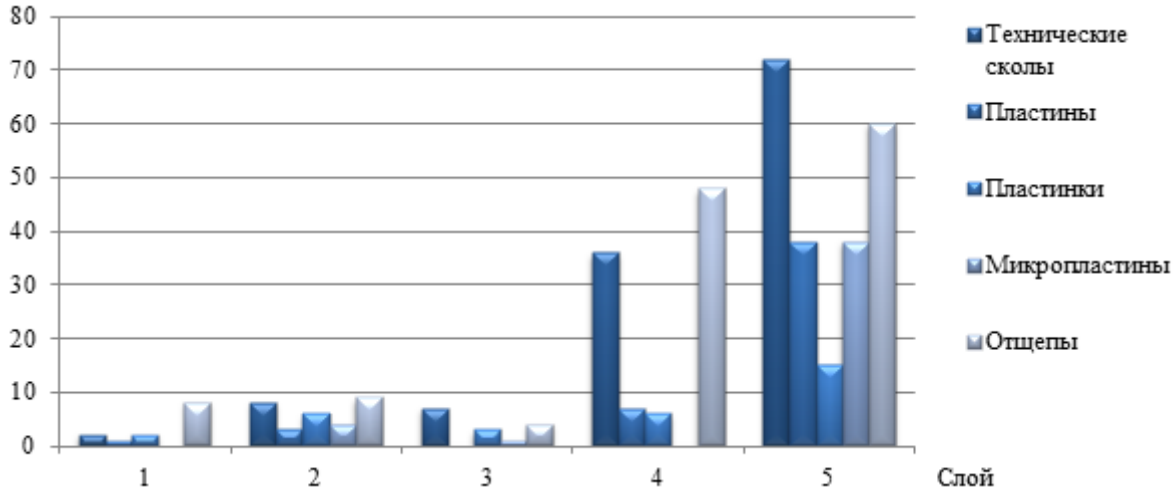


Рис. 2. Стоянка Ушбулак. Слои 1–5. Распределение основных категорий индустрии сколов.

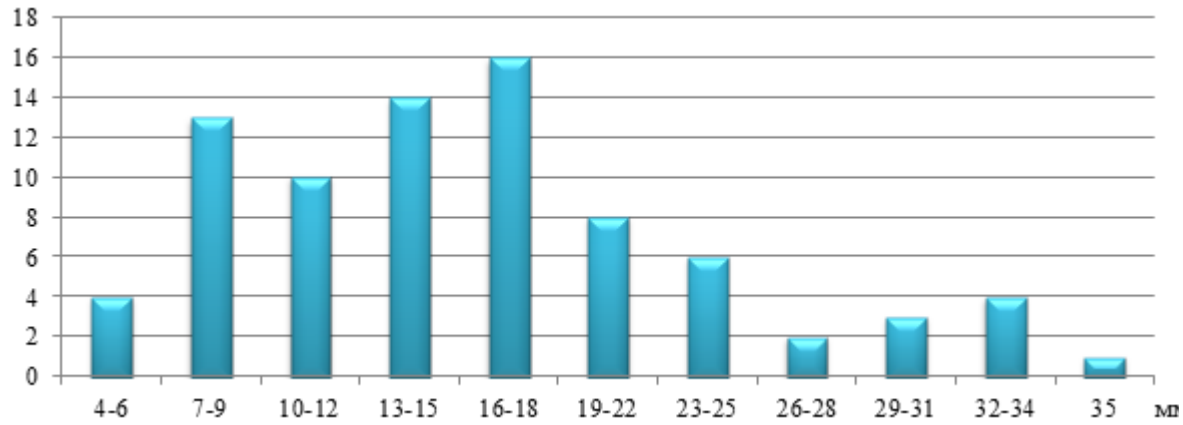


Рис. 3. Соотношение количества всех пластинчатых заготовок слоя 5.1 в зависимости от их ширины.

активной аккумуляции временного водотока (слои 5.1 и 4). Вверх по разрезу наблюдается переход от пролювиального к склоновому типу формирования осадка (слой 3). Сложный генезис деятельности пролювиальных и склоновых процессов различной степени интенсивности отражен также в отложениях слоя 2, тогда как слой 1 представляет собой гумусовый горизонт современной почвы.

Различная насыщенность культурных отложений материалом напрямую отражается на информативности того или иного комплекса (табл. 1).

Наиболее представительный комплекс каменного инвентаря зафиксирован в слое 5.1, и позволяет выполнить достоверные реконструкции по технологии расщепления камня. Также именно в этом стратиграфическом подразделении фиксируются минимальные постдепозиционные смещения артефактов в пределах слоя (Павленок и др., 2019а). Кроме планиграфических наблюдений, это подтверждается соотношением определимого дебитажа и отходов каменного производства (рис. 1)

Анализ нуклеусов и определимого дебитажа позволил выявить две основные стратегии первичного расщепления.

Одна направлена на получение мелких удлиненных заготовок – пластинок и микропластин, с мелких торцовых и широкофронтальных нуклеусов. В настоящий момент ведется работа по определению техники скола, в рамках которой получались мелкие заготовки. Другая стратегия ориентировалась на получение пластин в рамках продольного одно- и бинаправленного расщепления. Важной частью комплекса является представительная серия отщепов и удлиненных отщепов правильной овальной формы, полученных также продольным одно- и бинаправленным расщеплением. Вспомогательная или целевая функция этого типа сколов в настоящее время выясняется.

При проведении сравнений с вышележащими стратиграфическими подразделениями, в их технокомплексах наблюдаются следующие изменения: в слое 4 отсутствует микропластинчатый компонент, при сохранении пластинок и пластин, тогда как для слоев 3 и 2 присутствует микро- и мелкопластинчатый компонент, а пластины полностью отсутствуют в слоя 3 и единичны в слое 2. При анализе нуклеусов изменения касаются лишь микропластинчатого компонента – ни в одном слое, кроме 5.1, не фиксируется ядрищ с негативами микропластин – только мелких пластин и пластинок. Распределение всех пластинчатых сколов по ширине позволяет сделать заключение о производстве пластинок (шириной 7–10 мм) и мелких пластин (12–15 мм) в рамках единой технологической цепочки, но на разных стадиях редукции нуклеуса (рис. 2).

Отщепы средних (30–49 мм) и крупных (более 50 мм) размеров, как и технические сколы (независимо от степени их удлиненности) примерно в равном соотношении присутствуют во всех технокомплексах (рис. 3). Орудийный набор наиболее массово и разнообразно представлен в слое 5.1, а также представлен во всех остальных стратиграфических подразделениях кроме слоя 3. При этом орудия на удлиненных сколах встречаются единично в слоях 2 и 5.1.

Данные наблюдения позволяют заключить, что, несмотря на различную степень сохранности культурных слоев и их насыщенность артефактами, в технокомплексах верхней пачки отложений стоянки Ушбулак фиксируются их устойчивая изменчивость. Вверх по разрезу это постепенный отказ от получения в качестве целевых сколов крупных регулярных пластин и переориентация на отщепы в рамках одно- и бипродольного расщепления, при сохранении микро- и мелкопластинчатого компонента.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18–09–00031.

Список литературы

Анойкин А.А., Ульянов В.А., Харевич В.М., Кандыба А.В., Павленок Г.Д., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Таймагамбетов Ж.К., Искаков Г.Т., Дуванбеков Р.С., Шуньков М.В. Рекогносцировочные археологические работы на стоянке Ушбулак в 2019 году (по материалам шурфов 6–12) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019б. Т. XXV. С. 19–25.

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Бочарова Е.Н., Кулик Н.А., Ульянов В.А. Слой 5.1 верхнепалеолитической стоянки Ушбулак: археология, петрография, планиграфия // Теория и практика археологических исследований. 2019а. Вып. 26. № 4. С. 154–163.

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Бочарова Е.Н., Ульянов В.А., Гладышев С.А., Марковский Г.И., Таймагомбетов Ж.К. Изучение материалов финала верхнего палеолита на стоянке Ушбулак в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019б. Т. XXV. С. 187–194.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Zh., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 Site (Kazakhstan): A New Initial Upper Paleolithic Evidence from Central Asia // Antiquity. 2017. Vol. 91. Is. 360. Project Gallery. P. 1–7.

Средний палеолит запада Центральной Азии: новые данные о распространении леваллуазской технологии

© 2020 г. К.К. Павленок[1] (pavlenok-k@yandex.ru), Г.Д. Павленок[1], Р.Н. Курбанов[2]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[2] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ

Аннотация. Еще недавно запад Центральной Азии рассматривался как регион, где леваллуазская технология не получила широкого распространения. Однако результаты технологического анализа индустрии слоя 23 стоянки Кульбулак (предполагаемый возраст – около 180 тыс. л.н.), дал основания для пересмотра этой точки зрения. Было установлено, что пластины, острия и отщепы были изготовлены в рамках последовательности расщепления, схожей с преференциальной техникой леваллуа. Это открытие может изменить существующие представления о направлениях и темпах расселения первых носителей леваллуазской технологии в аридном поясе Евразии.

Ключевые слова: Центральная Азия, средний плейстоцен, палеолит, техника леваллуа, миграции.

Значительное увеличение возраста первого появления человека современного анатомического облика в пространствах Евразии (стоянка Мислия, ок. 200 тыс. л.н.) (Hershkovitz at al., 2018) и предполагаемая связь этого явления с распространением леваллуа-пластинчатых индустрий вновь сделали чрезвычайно актуальным вопрос распространения леваллуазской технологии по континенту. Еще совсем недавно запад Центральной Азии рассматривался как регион, где леваллуазская технология не получила широкого распространения (Рыбин, Славинский, 2014). Однако обнаружение в этом регионе новых комплексов среднего палеолита, ожидаемый возраст которых помещает их в конец среднего плейстоцена, дает основание для пересмотра этой точки зрения. Этим возрастным характе-

ристикам, видимо, соответствует представительная коллекция, полученная в 2010, 2016 и 2017 гг. при исследовании слоя 23 палеолитической стоянки Кульбулак в отрогах Чаткальского хребта (Ташкентская область, Узбекистан).

Наиболее близкая этим культурным напластованиям дата была получена С. Федоровичем (Департамент геоморфологии и четвертичной геологии, Университет Гданьска, Польша) для слоя 16 Кульбулака, которая составляет 111±19 тыс. л.н (UG-7094). Так как для этого слоя предварительно реконструируются относительно теплые и влажные условия формирования, в большей степени она соответствует стадии МИС 5е. Согласно наблюдениям Р.Н. Курбанова (предварительная палеогеографическая реконструкция истории памятника приведена в статье Таратунина и др., настоящего сборника), во время формирования слоев 23–20 происходит частая смена условий в окрестностях стоянки, атмосферные осадки регулярно выпадают в виде ливней, что выражается в постоянных крупных селях. Эти катастрофические условия в большей степени соответствуют ледниковой эпохе МИС 6 (исходя из общей стратиграфической ситуации и приведенного выше возрастного определения). В свою очередь, для подстилающих суглинков слоя 24 зафиксирован более однородный состав материала, накопление которого, по-видимому, уже не испытывало влияния селевых потоков. Его формирование могло происходить в условиях межледниковья МИС 7. Таким образом, до получения результатов ОСЛ-датирования и новых данных палинологии, индустрия слоя 23 может быть предварительно отнесена к рубежу стадий МИС 6 и 7 (около 180 тыс. л.н.).

С целью реконструкции основной схемы изготовления пластин, острий и отщепов в индустрии слоя 23 Кульбулака был применен комплексный подход, основанный на сочетании метода реконструкции последовательности нанесения сколов и атрибутивного анализа. К анализу в общей сложности было привлечено 21 884 экз. каменных артефактов. В результате было установлено, что эти типы заготовок были изготовлены в рамках единой устойчивой последовательности расщепления, включающей семь стадий: декортикация фронта (иногда) – оформление ударной площадки по периметру – подготовка фронта нуклеуса – оформление основной ударной площадки в проксимальной зоне нуклеуса – заужение фронта – снятие целевых сколов заготовок – подновление нуклеуса.

Реконструированная по материалам слоя 23 Кульбулака технологическая последовательность демонстрирует отчетливое сходство с преференциальной техникой левалуа (preferential Levallois method). В рамках этого метода каждый цикл эксплуатации нуклеуса оканчивается скалыванием с центра рабочей поверхности целевого скола, как правило, более крупного и симметричного, чем соседние с ним сколы (Inizan et al. 1999). На следующем таксономическом уровне выделяются различные способы подготовки рабочей поверхности леваллуазских нуклеусов в зависимости от направления негативов оформляющих сколов и их огранок. В индустрии 23 слоя Кульбулака были идентифицированы радиально-центростремительный, однонаправленный-параллельный и двунаправленно-встречный способы. Важно указать, что леваллуазская техника является безусловно доминирующей, но не единственной в индустрии слоя. Она соседствует с нуклеусами, расщепление которых велось в рамках параллельного пластинчатого метода, известного в регионе в первую очередь по материалам грота Оби-Рахмат (Кривошапкин, 2012). Также наличествуют немногочисленные дисковидные и радиальные нуклеусы для отщепов, и что наиболее важно – редкие торцовые (включая нуклеусы-резцы) и подпризматические ядрища для изготовления пластинок.

На территории современного Ближнего Востока преференциальная техника леваллуа распространена в индустриях типа Табун С. Помимо эпонимного объекта, она зафиксирована в индустриях стоянок Кафзех, Схул слой В, Хайоним слой Е и др., которые имели распространение в Леванте в интервале от 190 до 85 тыс. л.н. (Shea, 2003). Технологический контекст этого типа индустрий определяется нацеленностью на производство преимущественно овальных или прямоугольных сколов с черепаховидных либо бипродольно организованных леваллуазских ядрищ. Заметно реже встречаются треугольные леваллуазские острия, также изготовленные в рамках преференциональной схемы леваллуазского расщепления. Эти характеристики в целом соответствуют индустрии слоя 23 Кульбулака. Также в индустриях типа Табун С представлена техника Нар-Ибрагим ('Nahr Ibrahim technique'), результатом которой являются тронкировано-фасетированные изделия. Этот тип изделий также представлен в изучаемой нами коллекции. Отличительной чертой индустрии слоя 23 является наличие яркой пластинчатой микроиндустрии, в ближневосточном контексте однозначно ассоциируемой с индустриями раннего левантийского мустье типа Табун Д (Monigal, 2001).

На данном этапе исследования возможно заключить, что леваллуазская технология, реконструированная по материалам слоя 23 Кульбулака, является наиболее ранним примером подобной организации процесса камнеобработки в палеолите западной части Центральной Азии. Если же подтвердится принадлежность этого материального комплекса рубежу стадий МИС 6–7 (образцы ОСЛ-датирования находятся в обработке в Лаборатории люминесцентного датирования Орхусского Университета, Дания), он окажется близким по возрасту к наиболее ранним комплексам Табуна С и пещеры Мислия. Это обстоятельство может коренным образом изменить наши представления о направлениях и темпах расселения первых носителей леваллуазской технологии в аридном поясе Евразии.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19–09–00453 «Хронология появления и существования пластинчатых комплексов в среднем палеолите запада Центральной Азии».

Список литературы

Кривошапкин А.И. Оби-Рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 39 с.

Рыбин Е.П., Славинский В.С. Леваллуазская конвергентная однонаправленная типичная технология в Южной Сибири и северной части Центральной Азии: вариабельность, распространение и хронология // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2015. № 1. С. 285–307.

Hershkovitz I., Weber G.W., Quam R., Duval M., Grun R., Kinsley L., Ayalon A., Bar-Matthews M., Valladas H., Mercier N., Arsuaga J.L., Martinon-Torres M., Bermudez de Castro J.M., Fornai C., Martin-Frances L., Sarig R., May H., Krenn V.A., Slon V., Rodriguez L., Garcia R., Lorenzo C., Carretero J.M., Frumkin A., Shahack-Gross R., Bar-Yosef Mayer D.E., Cui Y., Wu X., Peled N., Groman-Yaroslavski I., Weissbrod L., Yeshurun R., Tsatskin A., Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The earliest modern humans outside Africa // Science. 2018. № 359. P. 456–459.

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., & De Dapper M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // Archaeological and Anthropological Sciences. 2018. № 10(3). P. 615–630.

Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone. 1999. Nanterre, C.R.E.P. 191 p.

Monigal K. Lower and Middle Paleolithic blade industries and the dawn of the Upper Paleolithic in the Levant // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2001. № 1(5). P. 11–21.

Shea J.J. The Middle Paleolithic of the east Mediterranean Levant // Journal of World Prehistory. 2003. № 17(4). P. 313–394.

Периодизация каменного века полуострова Камчатка

© 2020 г. И.Ю. Понкратова *(ponkratova1@yandex.ru)*

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, РФ

Аннотация. Предлагаемая периодизация каменного века Камчатки включает переходный от палеолита к неолиту период (~13300–10100 кал. л.н.), начальный (~9900–8600 кал. л.н.), ранний (~7000–4500 кал. л.н.), средний (~4000–1500 кал. л.н.), поздний (~50–1020 гг. н. э.) неолит. Временные промежутки между периодами, возможно, связаны с катастрофическими извержениями вулканов, эндогенным рельефообразованием и изменением экологии на полуострове. Следствием этого стали смена и миграции населения к более безопасным местам на побережья морей и Тихого океана.

Ключевые слова: Камчатка, периодизация, переход от палеолита к неолиту, неолит, катастрофические вулканические извержения, рельефообразование, смена населения.

Периодизация древних культур Камчатки была представлена в 1970-х гг. Н.Н. Диковым на основе схемы опорных стоянок Ушки Камчатки (Диков, 1979). Хронология неолита Камчатки предлагалась М.А. Диковой (1983), Пономаренко (Пономаренко, 2014). В 2004–2011 годах автором изучались многослойные стоянки Ушки, что позволило конкретизировать хронологию, особенности этапов их заселения и, с учетом систематизации сделанных ранее и новых открытий (Гусев и др., 2013; Диков, 1977; Дикова, 1983; Понкратова, 2018; Пономаренко, 2000, 2014 и др.; Пташинский, 2015; Hulse et al, 2011 и др.), применить эти данные для уточнения периодизации эпохи каменного века Камчатки.

Хронологические рамки *первого периода* каменного века соответствуют эпохе перехода от палеолита к неолиту (~13320–10100 кал. л.н., финал плейстоцена – начало голоцена). В это время Камчатка заселялась дважды: 1. – 13300–12500 кал. л.н. (стоянки Ушки I и V (слой VII)); 2. 12000–10100 кал. л.н. (стоянки Ушки I, IV, V (слой VI), Анавгай II (слой II)). Основой жизнеобеспечения населения являлись охота, рыболовство, собирательство. Характерна тотемистическая и обрядовая деятельность, представления о загробном мире. Для первого этапа характерны сезонные промысловые стоянки с наземными одно- и дву- камерными жилищами с открытыми, без каменной обкладки очагами; мастерские по изготовлению каменных орудий и украшений; погребения. Каменная индустрия этапа свидетельствует о формировании навыков изготовления наконечников стрел и дротиков с черешком, соответствующих переходному этапу от палеолита к неолиту на сопредельных территориях. На втором этапе происходит увеличение площади поселений; конструкции жилищ становятся более сложными; изменился облик каменного инвентаря (маркер периода – микропластинчатая технология изготовления каменных орудий техникой Юбецу). К этому времени относятся свидетельства одомашнивания собаки; мобильного искусства, граффити. По мере накопления новых материалов, наименование этапов первого периода, возможно, будет уточнено.

Второй период (9900–8600 кал. л.н.) соответствует эпохе начального неолита (без керамики). Представлен материалами стоянок Ушки I, II, V (слой V), Анавгай II (слой I), Раздельный (слой II). В это время уменьшается площадь заселения Камчатки. Характерны жилища в виде наземных шалашей-чумов с очагами без кольцевых кладок. Комплекс каменной индустрии представлен одно- и дву- площадочными со встречным снятием пластин призматическими нуклеусами, бифасиальными изделиями, отщепами и пластинами со следами утилизации, ножами и концевыми скребками на пластинах, галечными орудиями. Распространяется вкладышевая техники изготовления орудий; используются орудия на пластинах (скребки, ножи). Возможно, к этому времени относится появление упряжного собаководства. Материалы второго периода обнаруживают сходство с изделиями новопетровской культуры Западного Приамурья, с материалами о. Сахалин, Якутии.

Ранний неолит (*третий период*) представлен материалами 30 археологических памятников и местонахождений, для которых получено 18 ^{14}C дат. Хронологические рамки периода – от 7800 до 4500 л.н. Жилища – округлые с краткосрочным и долговременным периодами заселения. Зафиксированы погребения, площадки-мастерские, хозяйственные ямы. Техника первичного расщепления камня базируется на редукции конического и призматического нуклеусов. Доминирующий продукт расщепления – малые и средние пластины, из которых изготавливались наконечники метательных орудий, ножи, резцы, скребки. Бифасиальные орудия представлены листовидными ножами, наконечниками стрел с ромбическим, треугольным сечением. Маркер периода – сочетание пластинчатых и бифасиальных технологий. Рубящие орудия (тесла, топо-

ры с обушком-перехватом) разнообразны по размерам, форме и способам оформления. О развитой технике шлифовки свидетельствуют изделия с полностью шлифованной поверхностью (топоры, тесла). Важнейшие инновации периода – керамика и плетение. Предметы мелкой пластики являются одним из характерных признаков периода и иллюстрируют духовную и бытовую культуру общества. Материалы периода сходны с археологическими комплексами мезолита – среднего неолита Якутии и Чукотки, среднего неолита Приморья, раннего неолита Среднего и Нижнего Амура, о. Сахалин.

Средний неолит (*четвертый период*) выделен на основе изучения культурных слоев, жилищ и отдельных артефактов 48 объектов. Датирован временем от 4000–1500 кал. л.н. В этот период при возросшей численности населения, изменении экологической обстановки сложился новый уклад жизни населения, связанный с высокоспециализированной комплексной присваивающей экономикой, сформировалась археологическая культура (тарьинская). Стоянки обнаружены на берегах крупных рек и озер, морском побережье восточной части полуострова. Жилищные постройки становятся более сложными, возможно, в связи с необходимостью более надежного укрытия в условиях частых вулканических пеплопадов, морского климата с ветрами и штормами. Найдены аморфные и призматические снятия ножевидных пластин на нуклеусах; пластины и отщепы разных размеров; ретушированные трехгранные наконечники; ножи узко и широко-клинковые с выделенной рукоятью, листовидные овальные; грубо оббитые и шлифованные тесла; концевые, разнообразных геометрических форм, скребки и пр. Из кости и рога изготавливали зубчатые наконечники гарпунов, лопаты, клинья, проколки, игольники, орудия для обработки травы. При изготовлении посуды использовалось дерево, береста, трава. В сфере духовной культуры имеют место признаки обрядовой деятельности (лабретки) и искусства (мелкая пластика, украшения). Стратегия жизнеобеспечения общества направлена на охоту, промысел морских млекопитающих, рыболовство и собирательство плодов, корней растений, моллюсков. Сопоставление материалов позволяет выявить общее с народами, населявших Алеутские острова и северо-западное побережье Америки.

Поздний неолит (*пятый период*) представлен материалами около 25 археологических объектов, абсолютные и относительные даты которых определяют его хронологические рамки в пределах 50–1020 гг. н. э. Кроме того, на полуострове открыты сотни еще не раскопанных объектов этого времени (Пономаренко, 2014). Жилища – наземные, возможно, балаганы «ительменского типа»; полуподземные многокамерные; их форма преимущественно прямоугольная. В числе орудий трехгранные и пластинчатые черешковые наконечники стрел, боковые резцы, двусторонне ретушированные вкладыши, ножи-бифасы, тесла, скребки, проколки, лабретки, берестяная, деревянная посуда, костяные, роговые изделия. Совершенствуется технология плетения из травяных волокон и китового уса с использованием специальных инструментов. Массовость изделий из кости и дерева предполагает использование инструментов из металла для их изготовления.

В целом, периодизация каменного века Камчатки может быть представлена следующим образом: переходный от палеолита к неолиту период (~13300–10100 кал. л.н.), начальный (9900–8600 кал. л.н.), ранний (7800–4500 кал. л.н.), средний (4000–1500 кал. л.н.), поздний (~50–1020 гг. н. э.) неолит. Временные промежутки между эпохами каменного века Камчатки, вероятно, напрямую были связаны с периодами общекамчатской активизации процессов эндогенного рельефообразования и катастрофических извержений вулканов, в результате которых изменялись ландшафт, гидросети, экологическая обстановка (Пономарева, 2010). Следствием этого могли быть смена и миграции населения на более безопасные места побережий морей и Тихого океана.

Список литературы

Гусев С.В., Барышев И.Б., Макаров И.В. Исследования Берингийской экспедиции на Камчатке // Археологические открытия 2009 года. М., 2013. С. 275–276.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979. 352 с.

Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 232 с.

Понкратова И.Ю. Археологические исследования на северо-восточном побережье полуострова Камчатки в 2009–2011 годах // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. СПб.: Росток, 2018. С. 229–236.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Оперативная типография. 2000. 312 с.

Пономаренко А.К. Тарьинская культура неолита Камчатки // Тихоокеанская археология. Владивосток, 2014. Вып. 30. С. 7–230.

Пономарева В.В. Крупнейшие эксплозивные вулканические извержения и применение их тефры для датирования и корреляции форм рельефа и отложений: Автореф. дис. … д-ра геогр. наук. М., 2010. 53 с.

Пташинский А.В. Проблема финального палеолита Камчатки и данные тефрохронологии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: ИГУ, 2015. № 3. С. 120–128.

Hulse E.L., Keeler D.M., Zubrow E.B.W., Korosec G.J., Ponkratova I., Curtis C. A Preliminary Report on Archaeological Fieldwork in the Kamchatka Region of Russia. Sibirica: International Journal of Siberian Studies, 2011, vol. 10. iss. 1, P. 48–74.

Памятники Афонтовой горы – стоянка Крутая: планиграфия в контексте палеолитического слоя

© 2020 г. И.И. Разгильдеева[1] (labpaleo@yandex.ru), Е.В. Артемьев[2]

[1] Забайкальский государственный университет, Чита, РФ

[2] Красноярский краевой институт повышения квалификации работников образования, Красноярск, РФ

Аннотация. Спасательные раскопки 2017 г. стоянки Крутая (г. Красноярск, Афонтова гора) выявили новый стратифицированный комплекс плейстоцен-голоценового времени. Структурные связи показали наложение различных по возрасту и пространственной организации площадок обитания. Коллекция артефактов, в т.ч. орудия на крупных пластинах и микроинвентарь, видовой состав фауны характеризовали промысловую деятельность древних коллективов в осенне-зимний и весенне-летний период.

Ключевые слова: Красноярский край, Афонтова гора, плейстоцен-голоцен, сезонные охотничьи стоянки, планиграфический анализ.

Стоянка Крутая открытая в 2014 г. Е.В. Артемьевым входит в группу археологических памятников Афонтовой горы г. Красноярска. В ходе спасательных раскопок 2017 г. было изучено 5494,71 кв. м площади памятника (Артемьев, 2017) и выявлено несколько уровней залегания археологических материалов от позднего палеолита до конца XVII – начала XX вв. Неоднократные техногенные преобразования поверхности склона, особенности геоморфологии памятника, криогенез и неотектонические процессы обусловили степень сохранности и состав литологических толщ и культурных отложений. Многослойность памятника определила задачи планиграфического анализа.

Наиболее представительную коллекцию артефактов финала плейстоцена демонстрировал участок памятника, получивший обозначение «Раскоп 3». Он включал комплекс культурного слоя 3 (к.с.3) выявленный на площади 200 кв. м на глубине 2,0–2,7 м от подошвы техногенного слоя. Культурные отложения тяготели к участку понижения древнего рельефа – линейно вытянутой ложбине (СЗ–ЮВ) шириной 15–20 м (рис.1, *А*).

Отложения современной погребенной почвы, сформированные в результате хозяйственной деятельности в период городской застройки XIX–XX вв., содержали мешанный комплекс артефактов к.с.1.

Уровень к. с. 2 раннеголоценового возраста залегал на контакте погребенной голоценовой почвы и кровли буро-коричневой супеси. Вытянутое в плане скопление артефак-

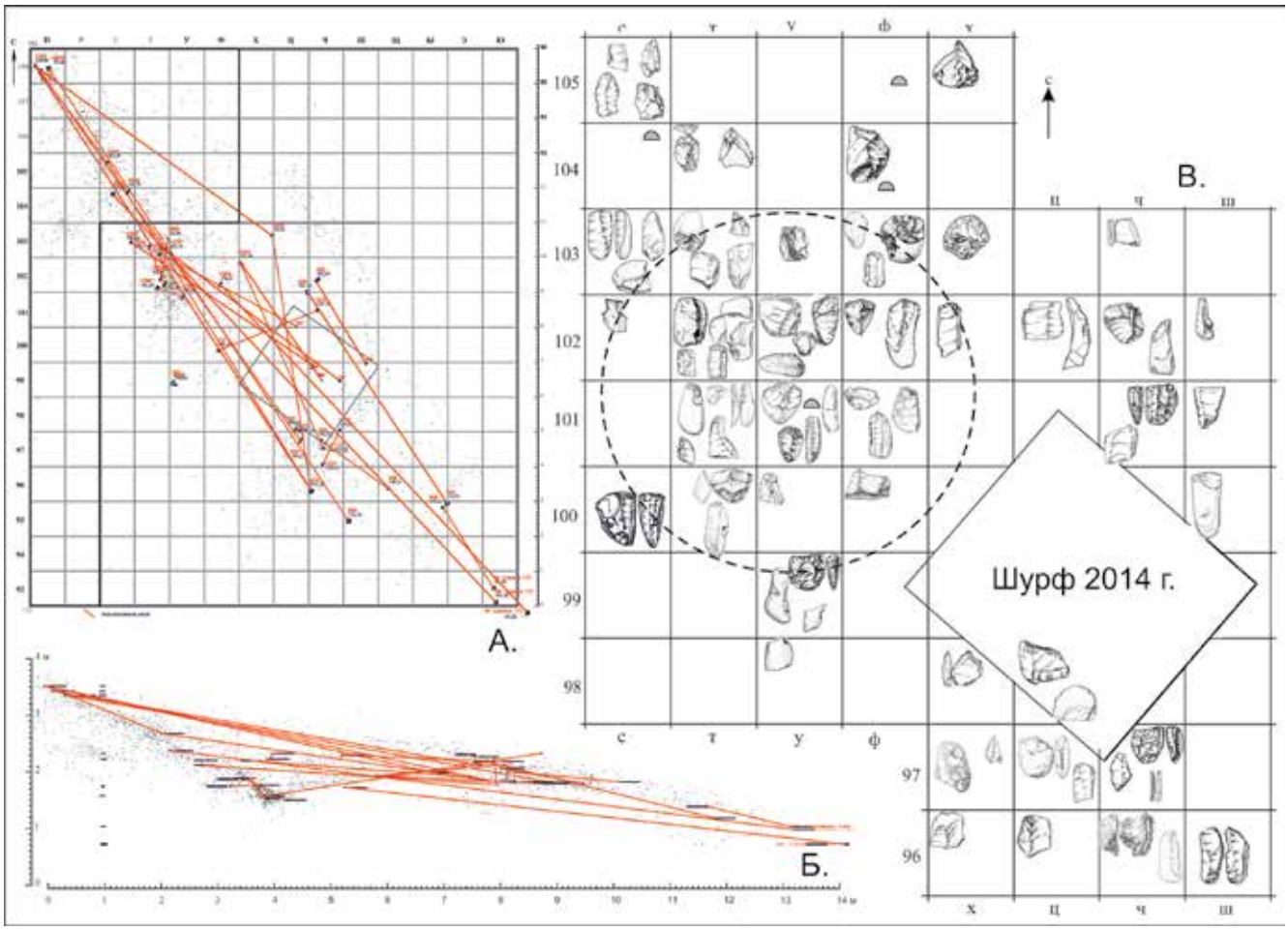


Рис. 1. Стоянка Крутая (Афонтова гора, г. Красноярск). Планиграфия культурного слоя 3: А, Б – направления аппликативных связей; В – схема размещения орудий в зоне скопления.

тов (143 экз.) включало продукты дебитажа, три каменных орудия и фрагменты костей северного оленя.

Анализируемый нами комплекс артефактов к.с.3 приурочен к отложениям контактной зоны буро-коричневой и светло-коричневой супесей, подстилаемых плотным суглинком с вкраплением карбонатов. Находки фиксировали поверхность выявленной в палеорельефе Афонтовой горы ложбины – от верхней точки северо-западного борта с концентрацией артефактов в зоне тальвега при разреженности по бортам. Массив точек показал мощность культуровмещающих отложений от 0,25–0,5 до 1,2 м (рис.1, *Б*). Особенности позиционирования слоя обозначили проблему переотложения культурных остатков.

Планиграфический анализ выявил в структуре к.с.3 зоны скоплений и участки с рассеянными и единичными находками. Зона max концентрации орудий (57 экз.) площадью ок. 12 кв. м (кв. 100–105, Р–Ф) совпадала с зоной скопления остатков фауны (в т. ч., кости конечностей в анатомическом порядке) (рис.1, *В*). Морфотипологический облик изделий, указывал на их использование при утилизации охотничьей добычи: разделке частей туш (расчленение костей, извлечение костного мозга, срезания мяса), приготовлении пищи и обработке шкур.

Скопления дебитажа и нуклеусов характеризовали места с локальным циклом расщепления. Коллекция камня (1985 экз.) включала нуклеусы (16) и нуклевидные изделия (4), продукты дебитажа: чешуйки (975), отщепы (398), сколы (290 экз.), пластинчатые (159) и микропластинчатые (48) снятия.

В числе орудий (90 экз.) скребки (18), целые скребла (5) и их обломки (3), струги (3), скобель (1), ножевидные (5), долотовидные (2) и резцовые (5) изделия, а также микропластины (и фр.) (2), пластины (12) и их фрагменты (20), сколы (3) и отщепы (10) с ретушью, галечные отбойники/ретушеры (2) и рубящие (2). 39 орудий оформлены на пластинах, 18 – отщепах, 21 – сколах (Артемьев и др., 2019).

Судя по составу костных остатков (2553 экз.), на место стоянок приносились части туш добытых животных. Объектами промысла выступали северный (ок. 90 %) и благородный олень, крупные копытные, бизон. Коллекция демонстрирует высокую степень утилизации пищевых ресурсов: только 5 % определимые фрагменты, остальное микрооскольки и труха. Для разделки использовались каменные орудия относительно крупных размеров, с преобладанием рабочих кромок, совмещающих резцовые и скребковые функции. Среди орудий 50 % составляли первичные и полупервичные пластины, сколы и отщепы с ретушью. Потребность в восполнении орудийного набора компенсировалась ситуационным расщеплением принесенных в оформленном виде нуклеусов (кремень, кварциты) и подобранного местного галечного сырья. Большая доля фрагментированных орудий с преобладанием поперечного излома свидетельствовала об интенсивности приложения сил при выполнении актов деятельности.

Планиграфический анализ выявил два направления миграции артефактов (рис.1, *А, Б*). В нижней части отложений ложбины аппликативные связи показали локальный характер перемещения с общим направлением С–Ю на расстояние до 1 м. Представленные здесь группы находок, включая каменные орудия и крупные фрагменты костей, в т.ч. анатомические связки, демонстрировали сохранность планиграфического контекста. Состав артефактов с признаками износа указывал на выполнение действий по разделке и утилизации принесенных частей туш животных с использованием немодифицированных сколов. Неоднократно отмечалось залегание колотых костей с «прилипшим» чешуйками.

Иной характер миграции находок происходил с площадки, гипсометрически связанной с верхней частью борта ложбины. Здесь зафиксирован разнос крупных предметов (в т.ч., битых галек) вниз по склону Афонтовой горы с направлением СЗ–ЮВ на расстояние 8–20 м и свыше (рис.1, *А*). Условия погребения привели к образованию на поверхности «скатившихся» артефактов карбонатной корки.

Контекстуальные признаки позволили установить хронологическую последовательность двух эпизодов функционирования стоянок. 1-й – в конце весны начале лета на выположенном участке внизу межсклоновой ложбины. 2-й (хронологически поздний) – в осенне-зимнее время на площадке, расположенной выше по северному борту ложбины (Артемьев и др., 2019).

Список литературы

Артемьев Е.В. Отчет об археологических раскопках на выявленном объекте археологического наследия «Красноярск. Стоянка Крутая» в 2017 г. В 9 т. / Е.В. Артемьев. Красноярск, 2018. Т.1 (244 с.), Т.3 (226 с.), Т.5 (224 с.), Т.6 (217 с.), Т.7 (209 с.).

Артемьев Е.В., Разгильдеева И.И., Прилепская Н.Е. Стоянка Крутая – новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 г. // Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири / гл. ред. М.В. Константинов. Иркутск: Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 34–54.

Функциональное назначение палеолитических стоянок Дивногорья

© 2020 г. А.М. Родионов (rodionanton@yandex.ru)

Музей-заповедник «Дивногорье», Воронеж, РФ

Аннотация. В статье рассматриваются материалы верхнепалеолитических стоянок Дивногорье 1 и Дивногорье 9 с точки зрения трасологии. Результаты трасологического анализа позволяют выделить функциональные различия памятников.

Ключевые слова: поздний палеолит, трасологический анализ, каменный инвентарь, Дивногорье.

На территории достопримечательного места «Природно-культурный комплекс «Дивногорье» и в его охранных зонах расположено более 70 объектов археологического значения, два из них являются стоянками эпохи верхнего палеолита – «Дивногорье 1» и «Верхнепалеолитическая стоянка Дивногорье 9, место гибели древних лошадей».

Исследованная площадь стоянки Дивногорье 9 – более 300 кв. м. Памятник расположен в устье оврага, что обусловило характер стратиграфии как «склоновой». Особенность памятника состоит в наличии большого количества останков древней лошади (более 100 особей), залегающих в 7-ми слоях, и минимальном количестве каменного инвентаря, который сопровождает остеологический материал. Памятник Дивногорье 1 имеет классическое расположение на возвышенной террасе и классическую стратиграфию. Согласно исследованиям А.Н. Бессуднова и А.А. Бессуднова, данные памятники являются одно-культурными, синхронными и, возможно, оставлены одной племенной группой.

Каменный инвентарь стоянок представлен в большей степени пластинчатыми заготовками и орудиями, формообразование которых связано с применением крутой и полукрутой ретуши. Наряду с применением ретуши обитатели стоянки активно использовали прием резцового скола – как для формообразования, так и для получения микропластинчатых заготовок.

Сырьевая база стоянок также идентична. В своем большинстве это качественный меловой кремень черного цвета.

Для определения функциональных особенностей памятников был произведен трасологический анализ каменного инвентаря обеих стоянок. Коллекция каменного инвентаря верхнепалеолитической стоянки Дивногорье 9 (2007–2016 годы исследования) насчитывает 131 предмет, морфологически законченные орудия составляют 50 % (Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н., 2010. С. 127). Значительная часть коллекции представлена отщепами (35), чешуйками (19), пластинами (19) и микропластинками (пластинки и микропластинки (12), а также их фрагментами.

Коллекция каменного инвентаря стоянки Дивногорье 1 на сегодняшний день насчитывает чуть больше 1500 предметов из кремня (Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н., 2012. С. 75). Трасологическому анализу подверглись материалы 2008–2010 годов, всего 733 предмета. Артефакты со стоянок были подвергнуты сплошному трасологическому анализу. Наблюдения проводились с помощью стереоскопического микроскопа с косым светом МБС – 9, а также поляризационного микроскопа ПОЛАМ Р-312 в отраженном свете, основные рабочие увеличения: х40, х100, х200.

Данные трасологического анализа каменного инвентаря стоянки Дивногорье 9 позволили дополнить картину о жизнедеятельности человека на памятнике. Было выявлено 8 орудий, в основном на пластинах, которые применялись для разделки туш дикой лошади, в процентном соотношении 6 % от общего количества артефактов. Трасологический анализ показал, что туши действительно разделывались на данной стоянке; судя по утилизации кромки мясных ножей, плоть находилась не в мерзлом состоянии. Это свидетельствует о том, что человек имел прямое отношение к гибели диких лошадей если не как охотник, то как непосредственный наблюдатель, – в противном случае невозможно было бы оперативно среагировать на природный катаклизм и воспользоваться падалью.

При проведении трасологического анализа было обращено внимание на следующий факт: каменный инвентарь, а также продукты дебитажа не имеют побочных следов от залегания в слое. Это достаточно неожиданно, если учесть, что стоянка расположена фактически в устье большого оврага, 6 слой тоже не является исключением, имеется общая легкая окатанность, но следы от залегания в слой также отсутствуют. Исходя из этого, можно предположить, что длительность существования данной стоянки могла быть ограничена коротким промежутком времени, то есть разовое действие, в результате которого формирование полноценного культурного слоя, невозможно. После этого возникли непредвиденные обстоятельства (возможно, обрушение и оползень), которые погребли не только не полностью разделанные туши животных, но и место непосредственной остановки древних людей (они были вынуждены его сменить). В результате чего на памятнике имеются как отдельные кости – отделенные черепа, так и анатомические связки (то, что не успели разделать), небольшое количество порезов, отсутствие погрызов диких животных. Таким образом, стоит заключить, что в контексте остеологических материалов стоянки Дивногорье 9 имеется место лишь частичной разделки туш. В свою очередь, серии пластин, которые не успели использовать в работе, и как следствие – отсутствие попыток приострения режущих лезвий пластин также свидетельствуют в пользу неожиданного и быстрого погребения культурного слоя. Примечательно отсутствие следов работы на типологических скребках резцах и т.д.

Совершенно другая картина наблюдалась при анализе материалов стоянки Дивногорье 1. Наиболее представительная группа орудий – это типологические скребки, в проанализированной коллекции их насчитывается 37 экземпляров, 16 из них имеют следы непосредственного использования для обработки шкур. Еще одна значительная группа орудий – резцы, их общее количество – 24 экземпляра, 8 из них имеют следы непосредственного использования согласно функции. При анализе каменного инвентаря в коллекции было выделено две проколки со следами использования. Орудия со следами прокалывания кожи типологически не выражены и с формальной точки зрения

представляют собой осколки кремня, имеющие естественно приостренное лезвие.

При анализе пластинчатого инвентаря трасологически читаемые следы удалось зафиксировать на 7-ми пластинах. Все они интерпретируются как мясные ножи. Примечательно, что данная группа орудий не имеет никакой преднамеренной подправки или оживления лезвия, для разделки мяса использовался естественно острый край пластины, как и на стоянке Дивногорье 9.

Кроме определимых следов, на каменном инвентаре стоянки встречается много следов от залегания в слое, различные локальные пятна заполировки, что свидетельствует о значительной продолжительности функционирования памятника.

Исходя из данных трасологического анализа, с большой долей вероятности можно сделать вывод о разном функциональном назначении стоянок Дивногорье 1 и Дивногорье 9. Дивногорье 9 – это кратковременная стоянка на месте охоты или добычи животных, а Дивногорье 1 – место, где племенная группа обитала достаточно продолжительное время и занималась разносторонне направленными видами хозяйственной деятельности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–49–480007 «Палеолитические памятники Дивногорья в системе позднеплейстоценовых древностей Верхнего и Среднего Дона».

Список литературы

Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону // РА. 2010. № 2. С. 125–134.

Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Особенности разнофункциональных позднепалеолитических памятников в Дивногорье // Дивногорский сборник, Вып. 3. – Воронеж: Научная книга, 2012. С. 73–77.

Основные типы макроорудий ашельских комплексов Юго-Восточного Дагестана

© 2020 г. А.Г. Рыбалко *(rybalko@archaeology.nsc.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В статье рассматривается развитие основных форм макроорудий (главным образом рубил) в позднеашельских индустриях Юго-Восточного Дагестана. Дана морфологическая характеристика данных изделий, а также проведен первичный анализ. На основании технико-типологических показателей каменных артефактов, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса.

Ключевые слова: ранний палеолит, местонахождения, макроорудия, двухсторонняя обработка.

Около 1,7 млн л.н. в Африке появились каменные индустрии, в которых произошло заметное качественное изменение в технологии обработки камня. Принципиальным их отличием от более древних индустрий является массовое появление группы специализированных макроорудий – ручных рубил, кливеров, пиков, а также разнообразного набора мелких орудий на отщепах (скребла, ножи, острия и т.п.). Главным индикатором этих индустрий, названных ашельскими по месту их первого обнаружения в Сент-Ашеле (предместье города Амьена во Франции), на протяжении всего существования являются ручные рубила или бифасы. Это крупные удлиненные орудия, изготовленные из отдельностей породы путем полной или частичной двусторонней оббивки заготовки таким образом, что ее края на большей части периметра превращаются в лезвия, а дистальный конец заостряется. По данным следов микроизноса (трассологический анализ) эти орудия имели универсальное функциональное (режуще-рубящее) назначение и использовались как для разделки туш животных, так и для рубки и раскалывания дерева и кости. Термины ручное рубило (handaxe) или бифас (biface) часто рассматриваются как синонимы, в то же время очевидно, что каждый из них несет разную смысловую нагрузку, направленную на функциональное предназначение, или на технические признаки, связанные с характером обработки, тем не менее, и тот и другой широко используются в археологической литературе.

В данной работе рассматривается развитие форм ручных рубил, представляющих основной тип макроорудий в позднеашельских индустриях Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан). Здесь компактно расположены пять местонахождений, коллекции которых включают данные типы орудий: Дарвагчай 1, Дарвагчай-залив-1 (комплекс IV), Дарвагчай-залив-2, Дарвагчай-залив-4 и Дарвагчай-карьер (Деревянко и др., 2012. С. 68–73). Все названные пункты имеют в той или иной степени схожий геохронологический контекст. Хронологические рамки культуросодержащих горизонтов установлены по результатам анализа малакофауны, палеомагнитных исследований и серии OSL дат (Рыбалко, Кандыба, 2019. С. 220). На основании технико-типологических характеристик археологических коллекций, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса.

Наиболее ранние свидетельства появления рубил на рассматриваемой территории (комплекс II 400–350 тыс. л.н. (MIS 11–10)) отмечены в слое 8 стоянки Дарвагчай-1 (прибрежно-морские слои), в аналогичных отложениях местонахождений Дарвагчай-Залив-1 (комплекс IV, слой 3), Дарвагчай-Залив-2 и Дарвагчай-Залив-4 (слой 5) (Деревянко и др., 2018. С. 3–15; Рыбалко, 2016. С. 152–155).

В этом комплексе четко выделяются три небольшие группы и несколько единичных изделий, всего 12 экз.:

Частичные рубила подтреугольной формы (4)

Частично оформленные минирубила (рубильца) (4)

Рубила односторонние (унифасы) (2)

Пиковидное рубило (1)

Рубило с поперечным лезвием (1)

В целом комплекс II выглядит довольно архаично, здесь полностью отсутствуют классические ашельские бифасы, все изделия относятся к т.н. частичным бифасам. Морфологические черты рассматриваемых рубил позволяют разделить их на несколько групп. Рубила с хорошо выраженным конвергентным схождением лезвий в дистальной части (наиболее многочисленные) и рубила подпрямоугольных очертаний с прямым поперечным лезвием (очень редкие). Рубила функционально дополняются унифасами и пиками (Деревянко и др., 2018. С. 11. Рис. 9). Некоторые общие черты этой небольшой коллекции обусловлены, по всей видимости, особенностями местного сырья, представленного разноразмерными, преимущественно плоскими гальками, которые подвергались частичной двусторонней обивке средними и мелкими сколами, продольные лезвия и острия в некоторых случаях дополнительно оформлены ретушью. Галечная поверхность при этом сохранялись на пятках и частично широких плоскостях орудий.

Культурно-хронологический комплекс I включает ручные рубила, обнаруженные в нескольких пунктах в схожих стратиграфических условиях. Ведущую роль в осадконакоплении играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Данные отложения, состоящие из разнообразных сырьевых групп (кремень, известняк, песчаник, окремненные породы) являются основным источником каменного сырья. Хронологические рамки комплекса I, включающего стоянки Дарвагчай-Залив-1 (комплекс IV, слой 2), Дарвагчай-Залив-4 (слой 3) и местонахождение Дарвагчай-карьер, определены в интервале 250–220 тыс. л. н. (МИС 7) (Рыбалко, Кандыба, 2019. С. 220).

В этом комплексе четко выделяются три основные группы, всего 14 экз.:

Классические рубила (4)

Частичные рубила (3)

Частично оформленные минирубила (рубильца) (6)

Обушковое рубило (1)

Культурно-хронологический комплекс I выглядит намного более развитым, как по технике оформления, так и типологии. Процесс совершенствования главных ашельских форм (ручных рубил), в качественном плане особенно ярко проявился здесь с появлением «классических» ашельских бифасов (Деревянко и др., 2018. С. 8. Рис. 5). Немногочисленная, но выразительная группа состоит из миндалевидных, сердцевидных и удлиненно-копьевидных форм, представляющих собой предельно выразительные морфологические образцы. Бифасы этой группы являются массивными, сплошь обработанными и двояковыпуклыми, это самые крупные и тщательно оформленные изделия в коллекции. Поверхности рубил обработаны большим количеством сколов, дополнительная подправка ретушью слабоизвилистых лезвий, как правило, незначительна. В то же время основное количество изделий, как и в комплексе II, по-прежнему представлено частичными бифасами и невыразительными мелкими рубильцами, которые имеют разные размеры, очертания и отделку.

Нижнепалеолитические и, в том числе ашельские индустрии, представляют особую трудность для полноценного технико-типологического анализа. Степень стандартизации орудий в них, как правило, невелика, а оформление зачастую носит небрежный характер. Чтобы судить о степени сходства или различия каменных индустрий, следует выявлять специфические для них типы орудий, морфологические и технологические особенности. Технология производства ручных рубил, являющихся главным маркером ашельских индустрий, была основана здесь на обработке подходящих по размеру и форме галек таких пород, как песчаник, кремень и известняк. Фактор сырья играл очень важную роль. При всей вариабельности его можно разделить на два основных типа обладающих разными физическими свойствами (прочность, пластичность, трещиноватость, характер излома). Все крупные тщательно оформленные рубила изготовлены исключительно из песчаника и известняка (как правило, в разной степени окремненного). Из кремня (сырье мелкоразмерное, трещиноватое) выполнены все мелкие невыразительные рубильца. Таким образом, размеры, приемы и интенсивность обработки данных орудий демонстрирует прямую зависимость от типа сырья. Исследуемые комплексы, несомненно, имеют ряд общих черт, в первую очередь это подавляющее количественное превосходство неклассических форм бифасов с частичной двусторонней обработкой. Принципиальное значение для сравнения имеет также тот факт, что они принадлежат к одной технологической традиции. Основной заготовкой были гальки, в обоих комплексах полностью отсутствуют рубила изготовленные на крупных отщепах.

Подытоживая все вышесказанное, стоит отметить, что территория Юго-Восточного Дагестана благодаря проведенным исследованиям, может быть включена в зону распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время «классических» бифасов, здесь мало, преобладают т.н. частичные. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических форм и, соответственно, крайне низкую стандартизацию указанных орудий.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19–09–00006-а

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Зенин В.Н., Янина Т.А. Исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 в Дагестане // Археология, Этнография и Антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. № 2 (46). С. 3–15.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 152–155.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования Ашельских комплексов стоянки Дарвагчай-залив-4 в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 225–230.

Использование территории стоянки и особенности каменных ассамбляжей в начальном верхнем палеолите Монголии: археологический горизонт 3В Толбора-21

© *2020 г. Е.П. Рыбин (rybep@yandex.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Распространение технокомплекса начального верхнего палеолита Северной и Центральной Азии связывается с передвижениями населения из одного центра. На примере стоянки Толбор-21, расположенной на притоке среднего течения Селенги в Северной Монголии, рассматриваются особенности заселения обширной территории этого памятника и потенциальное влияние, оказывавшееся на особенности каменной технологии комплексов инвентаря, происходившего из различных участков местонахождения.

Ключевые слова: Монголия, начальный верхний палеолит, поведение, каменная технология.

Восточная часть Центральной Азии является регионом, где представлено наибольшее, на сегодняшний день, количество пластинчатых комплексов начальной стадии верхнего палеолита. В область распространения этих комплексов входят несколько макрорегионов, включающих в себя Горный Алтай, Восточный Казахстан и Джунгарию, Северную и Центральную Монголию, Гобийский Алтай, Забайкалье, Прибайкалье и Средний Енисей, а также регион Ордоса – излучины Желтой реки в Китае. Пластинчатые индустрии начального этапа верхнего палеолита имеют ряд общих черт: весомая роль бипродольного пластинчатого расщепления, особая объемная концепция редукции нуклеусов, большой удельный вес крупных пластин (в том числе остроконечных), регулярное получение маленьких пластин и пластинок со специализированных нуклеусов, характерные способы подправки края ударной площадки (пикетаж и обратная редукция), наличие специфических орудий-маркеров, имеющих отчетливо своеобразную типологию и морфологию (Рыбин и др., 2016).

На предполагаемом миграционном пути своего расселения человеческие группы должны были преодолеть различные ландшафтно-географические зоны, что предполагает наличие значительной адаптационной гибкости у этого населения. Вместе с тем определение характера адаптаций человеческих популяций начальной стадии верхнего палеолита восточной части Центральной Азии во многом остаются одним из наименее обеспеченных фактическим материалом объектом исследований. При крайней бедности данных о способах жизнеобеспечения человека, пока, по существу, единственным способом изучения поселенческих систем в Монголии является анализ каменных артефактов и петрографических характеристик использовавшихся каменных пород. Наиболее плотная концентрация памятников начального верхнего палеолита обнаруживается в Северной Монголии в бассейне среднего течения р. Селенга, впадающей в озеро Байкал, и ее притоков – рек Их-Тулбурийн-гол (Толбор), Харганын-гол, Эгийн-гол. Все известные верхнепалеолитические стоянки находятся вблизи от выходов камнесодержащих пород. Выходы тулбурской свиты пермского периода, включающие метаморфизованные осадочные породы встречаются на протяжении почти 20 км в средней и нижней частях долины Толбора (Рыбин и др., 2014). Именно с этим участком и связаны известные местонахождения каменного века в долине. Стоянки расположены на пологих подгорных склонах, к которым приурочены распадки сезонных водотоков, стоянки расположены в пределах 100 м – 1 км от современного русла реки Толбор; склоны имеют южную, и близкую к ней экспозицию. В пределах нескольких сотен метров от расположения стоянок находятся выходы сырья.

Стоянка Толбор-21 характеризуется наличием планиграфических черт, отличающей ее от других памятников начального верхнего палеолита Монголии. В раскопанных седиментах Раскопа 1 на западном, наиболее удаленном от основной долины краю стоянки, были выявлены культурные слои с умеренной концентрацией артефактов и маловыразительными пластинчатыми ассамбляжами. В археологических горизонтах не было найдено свидетельств существования каких-либо искусственных структурных элементов слоя. По мере размещения раскопов в других участках склона, и получения радиоуглеродных дат выяснилось, что по всей площади стоянки в схожих стратиграфических условиях находится культурный слой, получивший наименование «археологический горизонт 3В». На восточной, наиболее близкой к долине Толбора части склона в двух различных локациях были обнаружены насыщенные участки культурного слоя с искусственными структурами – кострищами и каменной конструкцией, выразительными формами орудий, относительно большим для стандартов региона количеством фаунистических остатков и находками персональных украшений. Полученная серия радиоуглеродных определений датировала ассамбляжи всех раскопов Толбора 21 узким хронологическим промежутком около 2000 лет. При этом, ассамбляжи всех трех раскопов, хотя и содержавшие пластинчатую в своей основе индустрию НВП, отличались довольно существенными вариациями в использовании редукционных методов, а также морфологии нуклеусов, сколов, и ретушированных орудий. Также эти комплексы выглядели необычно на фоне других близких или аналогичных по возрасту пластинчатых ассамбляжей НВП долины Толбора и сопредельных долин. В связи с этим, мы реконструируем особенности каменной технологии в разных частях стоянки Толбор 21; определяем степень влияния размерности сырья на методы редукции. На основе анализа фаунистических остатков, пространственных структур слоя, соотношения различных категорий каменных артефактов мы выявляем функциональную специфику различных участков стоянки.

Жилое пространство находилось в средней части восточного склона стоянки, на протяжении наибольшей протяженности дневного времени освещаемого солнцем, и с которого открывается широкий обзор на долину Толбора. На этой территории осуществлялись повторяющиеся циклы заселения, связанные с использованием огня, употреблением в пищу крупных копытных и использованием и, возможно, изготовлением формальных каменных орудий.

Также сюда приносились подготовленные для регулярного расщепления нуклеусы, которые раскалывались на этом участке.

На верхней части склона в восточной части памятника осуществлялись кратковременные визиты, в ходе которых приносились преформы и нуклеусы начальной стадии расщепления, а также, вероятно, крупные пластины. На этом участке осуществлялась специализированная деятельность, связанная с использованием тяжелых, крупных галечных орудий; с употреблением в пищу крупных и средних копытных, а также сооружением конструкции невыясненного назначения.

Расположенный в западной части стоянки участок Раскопа 1 был местом, где почти исключительно осуществлялась деятельность по первичной отделке принесенных нуклеусов. Встречающиеся здесь кости крайне редки; судя по оставшимся на площади раскопа нуклеусам, существенная их часть уносилась на другие участки стоянки/за ее пределы.

Исходя из распределения и характера следов человеческого воздействия на кости, мы способны идентифицировать разделку туш лошадей с целью получения мяса, костного мозга и жира, которые происходили непосредственно на стоянке. Подавляющее большинство фаунистических остатков, и, в частности, все кости, модифицированные человеком, были найдены в пределах структурных единиц слоя, таких, как каменная конструкция и кострища (Рыбин и др., 2019).

При сопоставлении с синхронным по возрасту ассамбляжем гор. 6 стоянки Толбор 4 были установлены близкие аналогии для использовавшихся методов расщепления, связанные с преимущественно бипродольной редукцией подпризматических нуклеусов. Размеры сколов из гор. 3В Толбора 21 меньше, чем в гор. 6 Толбора 4, что, как мы считаем, связано с исходно меньшими размерами фракций сырья Толбора 21. В случае, если размеры нуклеусов были относительно небольшими, как это установлено на Толборе 21, то сфера применения бипродольной редукции ограничивалось поддержанием дистальной выпуклости, и негативы снятий не распространялись дальше 1/3 протяженности фронтов нуклеусов. Разница в составе орудий, которая наблюдается при анализе комплексов, расположенных в различных частях стоянки, объясняется тем, что все наиболее тщательно оформленные и специфические типы орудий были найдены в пределах 1–2 м от очагов Раскопа 2.

Реконструируемая нами картина жизнедеятельности человека в специфических условиях одного из немногих сохранившихся фрагментов поселенческих систем и способов получения сырья показывает существование зонирования освоенной территории. Необходимо отметить, что на каждом исследованном нами участке отмечается ситуация приноса нуклеусов и блоков, находящихся в различной стадии подготовки, а также особого рода деятельности на каждом участке. Расположенные в одних стратиграфических условиях, датирующиеся одним и тем же возрастом, и основанные на одном и том же типе сырья, эти индустрии демонстрируют довольно существенную технологическую и морфологическую вариабельность как внутри стоянки, так и при сопоставлении с другими стоянками НВП долины Толбора.

Результаты датирования различных участков горизонта 3В показывают, что наиболее экстенсивное заселение склона, где была расположена стоянка Толбор-21 приходилось на хронологический промежуток 40000–42000 л.н. Скорее всего, с этой фазой, следовавшей за этапом первичного освоения долины Селенги и ее притоков, который имел место примерно от 45000 до 42000 л.н., связана возросшая интенсивность использования территории и, возможно, увеличение численности населения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–59–44010.

Список литературы

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Павленок Г.Д. Последовательность развития индустрий раннего – позднего верхнего палеолита Монголии // Известия Иркутского государственного университета, 2016. – Т. 16. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». С. 3–23.

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Хаценович А.М. Исследования источников каменного сырья для палеолитических объектов в долинах рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол в Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2014 года. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 87–90.

Рыбин Е.П., Клементьев А.М., Рендю В., Хаценович А.М., Марченко Д.В., Гунчинсурен Б. Фаунистический набор и планиграфическая структура стоянки в начальном верхнем палеолите Северной Монголии (Толбор-21) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2019 года. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 129–134.

Предварительные результаты функционального анализа ударно-абразивных каменных орудий активного использования в комплексах Чагырской пещеры (Горный Алтай)

© *2020 г. М.В. Селецкий (archmax95@gmail.com), А.Ю. Федорченко, А.И. Кривошапкин*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В рамках предлагаемого исследования обсуждаются основные результаты экспериментально-трасологического анализа отбойников и ретушеров среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры с применением 3D-технологий. В результате проведенных исследований нам удалось определить и типологически разграничить в коллекции отбойники и ретушеры, а также определить их функциональную специфику.

Ключевые слова: Горный Алтай, средний палеолит, отбойники, ретушеры, экспериментально-трасологический анализ, 3D-моделирование.

Под ударно-абразивными каменными орудиями в современной археологии принято понимать категорию предметов, отличных от расщепляемого камня и связанных с множеством хозяйственных и бытовых операций (Степанова, 2015; Beaune, 1989). В большинстве случаев, рассматриваемые артефакты представляют собой гальки и плитки, поверхность которых обычно не подвергалась искусственному видоизменению. Согласно классификации С. де Бон принято выделять ударно-абразивные орудия активного и пассивного воздействия. Первой категории соответствуют отбойники, ретушеры, абразивы, терочники, песты и др. Вторая группа включает наковальни, жировые лампы, ступы, палетки и т.д. (Beaune, 1989).

Современный этап исследований среднего и верхнего палеолита Горного Алтая отличает особый интерес к анализу артефактов для обработки каменного сырья (Колобова и др., 2016; Козликин и др., 2019). Настоящая работа была направлена на выявление функциональной специфики ударно-абразивных орудий активного использования в комплексах среднего палеолита Чагырской пещеры (слои 6в1/1, 6в2/1, 6в2/2 – 59–49 тыс. л.н). Изучаемый памятник расположен в среднегорье северо-западного Алтая. В ходе исследований Чагырской пещеры была зафиксирована выразительная индустрия сибирячихинского варианта среднего палеолита, сопровождаемая многочисленной коллекцией антропологических остатков неандертальцев (Деревянко и др., 2018).

Определение функций каменных артефактов базировалось на экспериментах, трасологическом анализе (увеличение ×7–×45) и 3D-моделировании (Степанова, 2015; Beaune, 1989; Чистяков и др., 2019). В результате проведенных экспериментов нами была получена коллекция из 45 отбойников и ретушеров, выполненных из галечника с р. Чарыш. Для ретушеров из экспериментальной коллек-

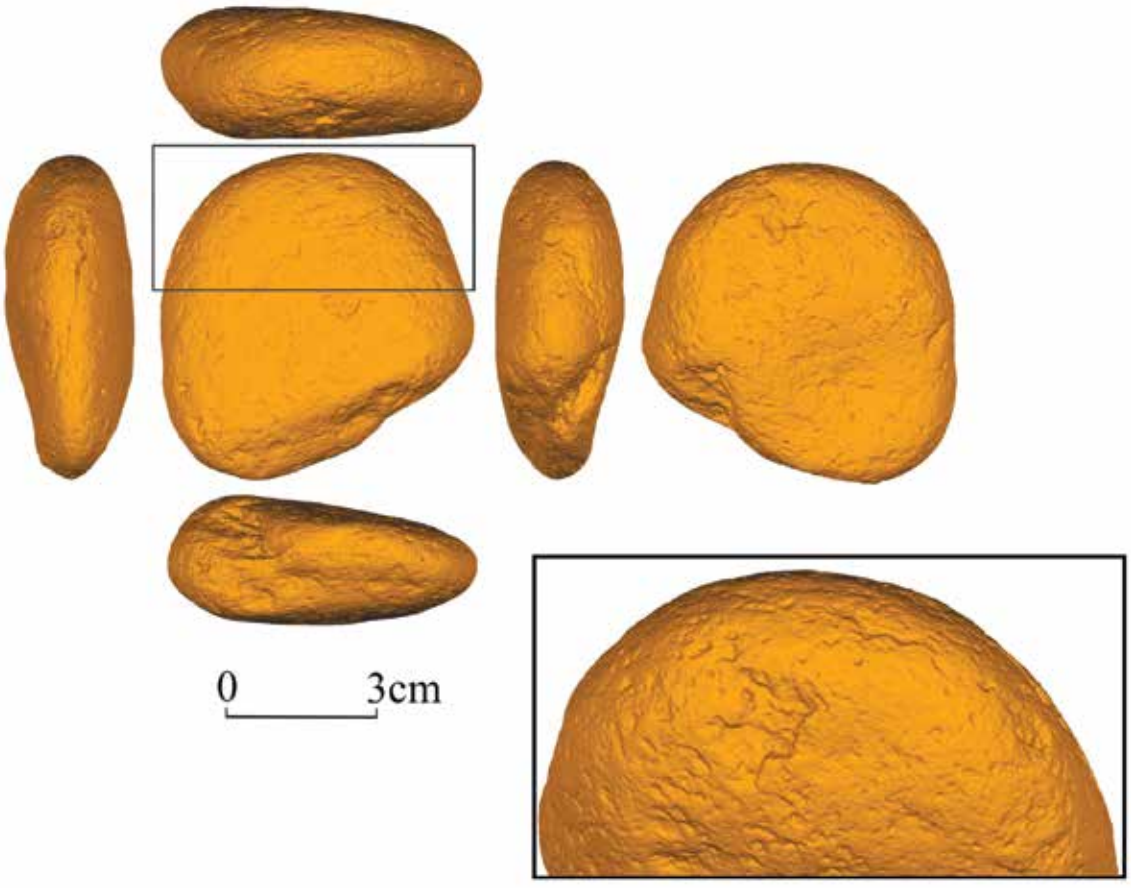


Рис. 1. 3D-визуализация ударно-абразивных каменных орудий активного использования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры. Ретушер для обработки каменных изделий, артефакт № 908, слой 6в2/1.

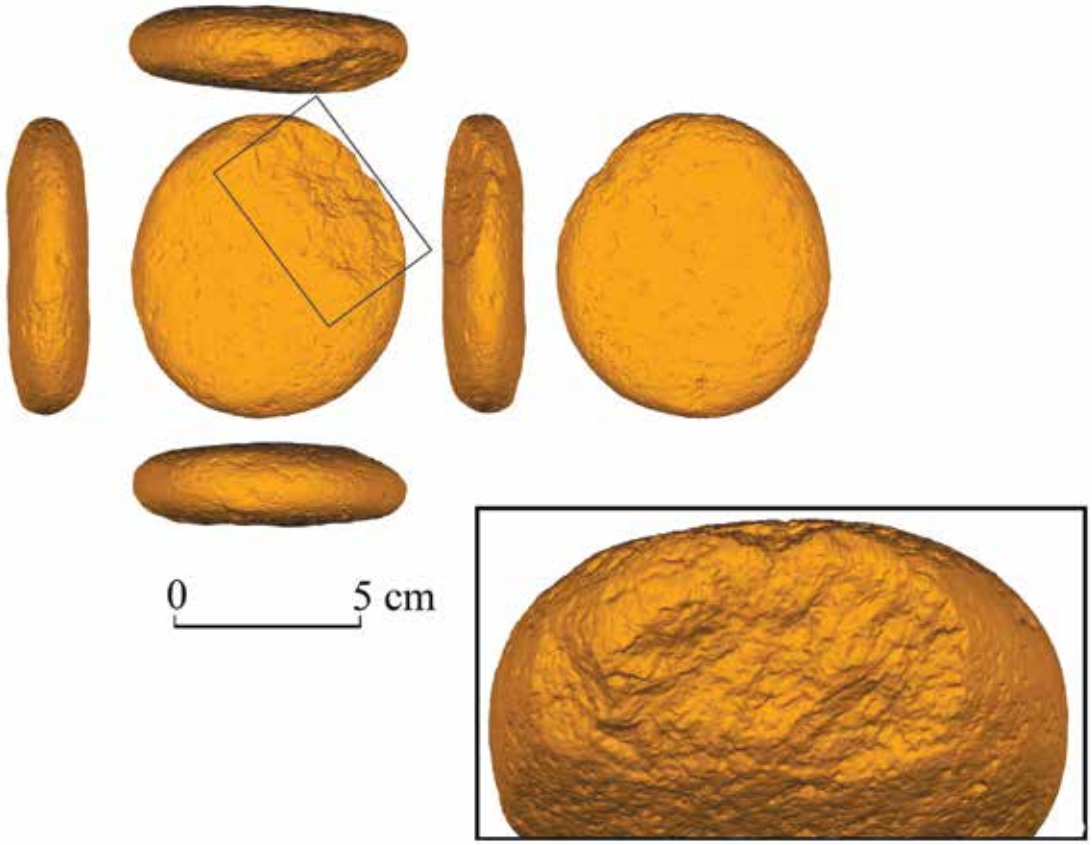


Рис. 2. 3D-визуализация ударно-абразивных каменных орудий активного использования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры. 1 – ретушер для обработки каменных изделий, артефакт № 1897, слой 6в2/6.

ции, в большинстве случаев, характерно наличие одной широкой (более 60° по дуге) или нескольких более узких рабочих зон, которые обычно прилегают к вершинам и ребрам галек. На изношенных поверхностях наблюдаются следы мелких выбоин и выщерблин удлиненной формы, сочетаемые со слабой забитостью и линейными следами. На 30–40 % ретушеров обнаружены негативы сколов, образованных в ходе контрудара при обработке каменных изделий. Полученные в ходе экспериментов отбойники характеризуются одним, реже тремя и более сработанными участками узкой или широкой формы с крупными овальными выбоинами и выщерблинами, сильной забитостью и выкрошенностью, нередко сопровождаемыми негативами сколов (более 60 % орудий).

В результате проведенной работы в археологической коллекции Чагырской пещеры было выявлено и изучено 20 ударно-абразивных орудий активного воздействия: ретушеры (n=17) и отбойники (n=3) на целых (80 %) и фрагментированных гальках (20 %) из гранита и песчаника. Ретушеры среднепалеолитических комплексов исследуемой стоянки характеризуются наличием одной вытянутой подпрямоугольной (76,5 %) или тремя узкими овальными по форме (23,5 %) рабочими зонами со следами овальных, вытянутых в длину, выбоин и выщерблин (рис. 1). На пяти орудиях (29 %) были выявлены негативы мелких сколов, точка удара которых располагается в зоне слабой выкрошенности и забитости (рис. 2). Отбойники этого памятника имеют один широкий вытянутый подпрямоугольный (66,7 %) или узкий овальный (33,3 %) по форме рабочие участки, на которых зафиксированы следы сильной забитости, выкрошенности, а также, глубокие округлые выбоины, сопровождаемые одним или несколькими негативами крупных утилизационных сколов.

Таким образом, в ходе проведенного комплексного исследования были получены первые данные о функциональной специфике ударно-абразивных орудий активного воздействия среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры. Рассматриваемая коллекция артефактов представлена отбойниками для расщепления минерального сырья и ретушерами для вторичной обработки каменных заготовок – вероятно, для изготовления скребел и бифасиальных орудий.

Работа выполнена при финансовой поддержке проектов РФФИ № 18–09–00041 и № 18–39–20003.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А. и др. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2018. 468 с.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 4 (16). – С. 35–39.

Козликин М.Б., Михиенко В.А., Францева Е.А., Шуньков М.В. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы // Теория и практика археологических исследований. № 4. 2019. С. 7–14.

Степанова К.Н. Классификация ударно-абразивных орудий верхнего палеолита (по материалам стоянок Русской равнины) // Записки ИИМК. № 11. 2015. С. 7–21.

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалаги-

на А.В., Кривошапкин А.И. 3D-моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). – С. 102–112.

Beaune S.A. Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique // Gallia Préhistoire. – 1989. T. 31. P. 27–64.

Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Кабардино-Балкария): результаты функционального анализа каменной индустрии

© 2020 г. М.В. Селецкий *(archmax95@gmail.com),* ***А.Ю. Федорченко, В.Н. Зенин***

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В докладе представлены краткие итоги экспериментально-трасологического изучения каменной индустрии эпипалеолитических комплексов навеса Бадыноко (восточное Приэльбрусье). В результате были реконструированы основные направления хозяйственной активности древнего человека на памятнике. Выявленные сведения о следах износа орудий в совокупности с данными технико-типологического анализа свидетельствуют об использовании навеса Бадыноко в качестве регулярно посещаемого базового лагеря.

Ключевые слова: Кавказ, эпипалеолит, экспериментально-трасологический анализ, каменная индустрия.

Навес Бадыноко расположен в Кабардино-Балкарской республике, примерно в 50 км к западу от г. Нальчик. Памятник был открыт отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством д.и.н. Зенина В. Н. в рамках разведочного исследования долины р. Баксан (Деревянко и др., 2004). Хронология этого памятника определяется на основе серии радиоуглеродных определений по образцам кости, полученным из основания и средней части слоя 7: 13990±340 л.н. (СОАН-5897), 12635±150 л.н. (СОАН-5896) и 7715±95 л.н. (СОАН-5895) (Зенин, Орлова, 2006. С. 56). На основе технико-типологического анализа каменной индустрии и результатов датирования, археологические комплексы навеса Бадыноко были сгруппированы согласно трем культурно-хронологическим этапам (Селецкий и др., 2017).

Цель настоящего работы состояла в реконструкции функционального назначения каменных орудий комплексов навеса Бадыноко. Предметом трасологического исследования послужили орудийные коллекции всех культурных комплексов обсуждаемой стоянки (275 экз.). Изучение артефактов на макроуровне (×7,5–×60) осуществлялось под микроскопом МБС-10, на микроуровне – посредством металлографического микроскопа Olympus BHM (×40–×500); фотофиксация следов износа проводилась с помощью камеры Canon EOS 7D. Лабораторные изыскания дополнялись моделированием процессов обработки мяса, кости и шкур, дерева при помощи экспериментально воссозданных орудий и сколов из кремня и обсидиана, что позволило дополнить коллекцию эталонов ИАЭТ СО РАН (рис. 1, *1, 4*).

В результате проведенного трасологического анализа было установлено, что на протяжении всего обитания древнего человека на памятнике навес Бадыноко основной хозяйственной операцией выступало резание мяса (50 % орудий). Для совершения операций по разделке туш животных в нижнем культурном комплексе (далее – к. к.) использовались неретушированные сколы (56 экз.), в среднем и верхнем к. к. – композитные орудия, состоящие из костяной основы и микролитов (54 экз.). Подобная динамика была прослежена и среди орудий для пиления кости (15 %): от наиболее простых изделий (сколы со следами утилизации в нижнем к. к., 22 экз.) к более сложным (геометрические микролиты, 5 экз.; выемчатые изделия, 2 экз.) – в среднем и верхнем к. к.

Для строгания кости (8 %; рис, 1, *2*) во всех эпипалеолитических комплексах навеса Бадыноко привлекался достаточно разнообразный орудийный набор: угловые резцы, сколы с дорсальной ретушью, стамески, пластинки с вентральной ретушью и др. В процессе сверления кости в нижнем к. к. (4 %) использовались перфораторы (2 экз.), в среднем к. к. применялся широкий набор изделий: пластинчатые сколы с усеченным краем (3 экз.), треугольники (2 экз.), перфораторы (2 экз.), что может быть связано с расширением микролитической составляющей в орудийном наборе. В верхнем к. к. орудия с подобным типом износа не прослежены. Следы от разрубания кости (1 %) были прослежены только на одном долотовидном изделии (1 экз.) из нижнего к. к.

Следы от строгания дерева (2 %) зафиксированы в нижнем комплексе лишь у одного скола с дорсальной ретушью из обсидиана. В среднем к. к. для этой операции использовались выемчатые изделия (2 экз.), микропластина с вентральной ретушью (1 экз.) и скол с ретушью утилизации (1 экз.). В верхнем к. к. орудия с представленным типом износа отсутствуют. Артефакты со следами от пиления дерева (2 %) не обнаружены в нижнем комплексе; в среднем к. к. в данной функции использовались пластинка с усеченным краем (1 экз.) и вентральной ретушью (1 экз.), неретушированный скол (1 экз.), в верхнем –микрорезец (1 экз.) и микропластина с вентральной ретушью (1 экз.). Операции по сверлению дерева (1 %) при помощи перфоратора (1 экз.) зафиксированы лишь в верхнем комплексе.

Основными морфологически определимыми типами орудий для скобления шкур промысловых животных (11 %; рис. 1, *3*) в эпипалеолитических комплексах стоянки навес Бадыноко выступали скребки (24 экз.), реже для этой операции привлекались сколы с дорсальной ретушью (3 экз.) или без ретуши (2 экз.). В нижнем к. к. обнаружен один неретушированный скол со следами срезания шерсти (1 %).

Часть орудий эпипалеолитических комплексов стоянки обладают признаками метательного износа (5 %). В нижнем комплексе подобный набор следов утилизации был зафиксирован на микропластине с ретушью притупления (1 экз.), в среднем к. к. – трапециях (2 экз.), прямоугольнике (1 экз.), пластинке с усеченным краем (1 экз.), микропластине с вентральной ретушью (1 экз.) и сколе без

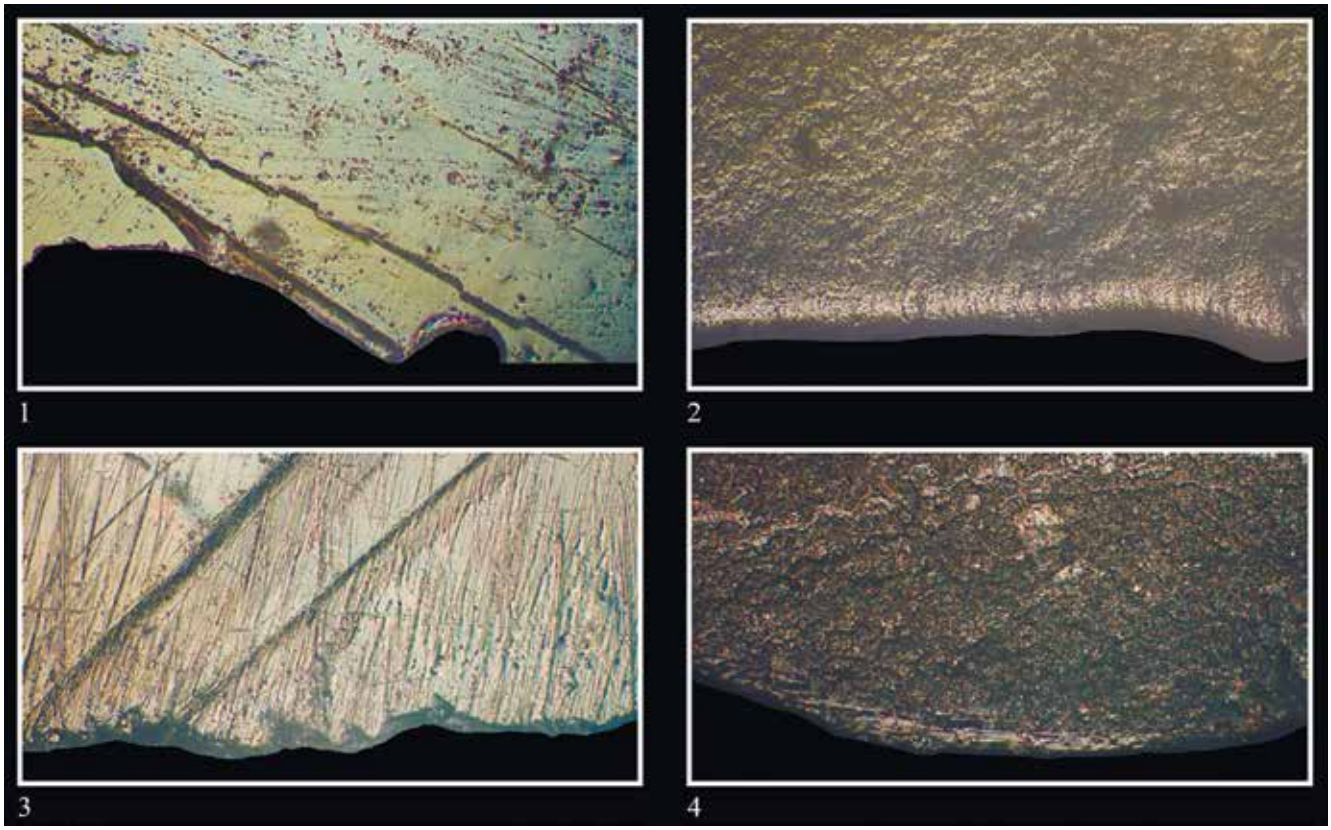


Рис. 1. Трасологический анализ каменных орудий навеса Бадыноко: 1 – Эталон со следами пиления кости. Обсидиан, 10 мин. работы, ×200; 2 – Орудие со следами строгания кости. Обсидиан, нижний культурный комплекс, ×200; 3 – Скребок со следами скобления шкуры. Кремень, средний культурный комплекс, ×200; 4 – Эталон со следами строгания кости. Кремень, 25 мин. работы, ×200.

ретуши (1 экз.); в верхнем к. к. – трапециях (2 экз.), сегменте (1 экз.), треугольнике (1 экз.) и ретушированным сколе (1 экз.). Наибольшее количество изделий использовалось в качестве компонентов метательного вооружения в среднем комплексе.

Проведенный экспериментально-трасологический анализ каменных орудий из археологических комплексов навеса Бадыноко позволил реконструировать основные направления хозяйственной деятельности древнего человека на памятнике. Новые данные в совокупности с результатами технико-типологического анализа (Селецкий и др., 2017) свидетельствуют об использовании изучаемого памятника в качестве регулярно посещаемого базового лагеря.

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18–39–20003.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П., Керефов Б.М., Виндугов Х.Х. Бадыноко – новое многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X, ч. 1. С. 70–76.

Зенин В.Н., Орлова Л.А. Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. – Нальчик, 2006. С. 54–57.

Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер кызы С. Эпипалеолитические комплексы Навеса Бадыноко (Приэльбрусье) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 147–162.

Археологические культуры верхнего палеолита Восточной Европы в контексте проблемы палеодемографических и культурно-исторических реконструкций

© *2020 г. А.А. Синицын (andrei.sinitsyn@gmail.com)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Концепция археологических культур (АК) по праву относится к числу основных приоритетов отечественной археологии палеолита. На стадии ее формирования казалось, что покультурное описание палеолита Восточной Европы – дело времени. Оказалось, что «желаемый» уровень сходства (типа Костенок-Авдеева) остается исключением, а правилом является сходство палеолитических индустрий по одним компонентам и различия по другим. Вторым аспектом негативного отношения к ней стало отсутствие определенности в таксономическом статусе и интерпретации археологических культур. Это явилось поводом для констатации кризиса концепции, вплоть до признания ее исчерпавшей свои познавательные возможности. В докладе рассматривается современные тенденции и перспективы развития познавательных возможностей концепции АК.

Ключевые слова: палеолит, концепция археологических культур, таксономия, проблема реконструкций.

Три тенденции изменения представлений о палеолите Восточной Европы имеют принципиальное значение:

1) смена ориентации поиска. После отхода от стадиальной концепции и ориентации исследования на выделение археологических культур акцент в отечественной археологии палеолита был сделан на выявлении специфических показателей археологического материала – свидетельств его культурного своеобразия. В конце прошлого века ситуация изменилась на противоположную из-за возникшей потребности рассматривать восточноевропейские материалы в контексте общеевропейской проблематики. Следствием этому явилось появление «новых» культурных таксонов, таких как протоориньяк, ранее известный только в Западном Средиземноморье, «начальный верхний палеолит», выделенный первоначально на ближневосточных материалах, ахмар и пр. Основания для этого есть, но в большинстве случаев, «диагностичным» является один-два показателя. Естественно возникает вопрос: насколько критерии культурной атрибуции, выработанные на одном материале, могут использоваться для культурной дифференциации материалов другого региона, отстоящего от «эталонного» на огромном расстоянии и часто разделенного значительным промежутком времени?

2) возрождение проблемы таксономии. В условиях, когда в материалах фиксируются сходства-различия разного уровня обобщения, очевидными становятся недостатки современного понятийного аппарата для их обозначения и очевидной становится необходимость разработки более дробных дефиниций. Наряду с работами А.Н. Рогачева в отечественной археологии палеолита эти разработки связаны с именами А.А. Формозова, Г.П. Григорьева, В.Н. Гладилина, М.В. Аниковича. Наибольшее значение имеют введенные ими в оборот категории надкультурного культурного уровня как «мостообразущие» между источниковедческим и интерпретационным уровнями исследования.

Исходным моментом поиска в этом направлении надо считать попытки А.Н. Рогачева проследить развитие и генезис АК. Основания этому очевидны: чтобы не стать догмой концепция нуждается в развитии. Не то, чтобы они оказались неудачными, поскольку внимание к себе привлекли, но «испытания временем» не выдержали. Следующий шаг в этом направлении был сделан Г.П. Григорьевым попыткой распространения предложенного им для среднего палеолита понятия «путей развития» на верхнепалеолитические культуры, вплоть до представления традиционных горизонтальных стадий (ориньяк, граветт ...) как вертикальных секвенций. Авторского развития эта попытка не получила из-за проблемы соответствия в археологическом материале, в печати практически не отражена, но дискуссию вызвала и сторонников приобрела, а М.В. Аниковичем была отнесена в разряд основных понятий, наряду с АК, ИКО (историко-культурная общность) (Аникович, 1992). Когда и тут очевидным стал дефицит фактической информации и возникла проблема его «работоспособности», понятие было заменено на «технокомплексы» (Аникович, 2005), не предполагавшие ни развития, ни, тем более его путей. В современной российской археологии его применение имеет ограниченное число сторонников, в сибирской не используется вообще, но получило повсеместное распространение среди украинских коллег. Определение Д. Кларка, введшего его в научный оборот, настолько широко, что под него попадает все: наряду с «мустьерским» и «граветтским» технокомплексом, у него есть и «технокомплекс охотников, собирателей и рыболовов», шире которого трудно что-либо представить. Естественно, познавательные возможности понятия такого уровня обобщения будут практически равны нулю, что наглядно демонстрируется попытками его практического, очень «свободного» применения (Лисицын, 2011).

О актуальности проблем таксономии и понятийного аппарата современной первобытной археологии свидетельствует возрождение к ним интереса в самое последнее время (Reynolds, 2020), с явной негативной тенденцией признания, по крайней мере части из них, «карточными домиками» (Reynolds, Riede, 2019).

3) смещение акцента с традиционных культурно-исторических реконструкций на палеодемографические как их контекст и основу интерпретации региональных культур (French, 2015; Djindjian, 2016; Maier et al., 2016; Müller, Diachenko, 2019). При том, что о реконструкции реальных демографических процессов в палеолите речь идти не может из-за ограниченности материалов, потребность в них существовала всегда. Начиная с А. Брейля, предполагавшего истоки ориньяка в Причерноморских степях, причины практически всех миграций, прямо или опосредовано, всегда связывались с демографическими процессами.

Во многом это объясняется объемом понятия. При желании в демографию включается все: концентрация памятников, наличие хиатусов, контакты населения, и пр. Демографические реконструкции более «нейтральны», чем этно-культурные. Стимулом современного повыше-

ния интереса к ним являются, в первую очередь, палеогенетические исследования антропологических остатков, дающие «канву» освоения планеты палеолитическим человеком (Seguin-Orlando et al., 2014; Fu et al., 2016; Posth et al., 2016; Sikora et al., 2017). Не использовать эти данные в условиях дефицита информации о палеолите было бы неоправданным.

Заключение. Проблема перспектив концепции АК остается практически в том же состоянии, в каком она возникла, получила признание и развитие в середине прошлого века, естественно, на новом уровне, с учетом современных тенденций:

— новая волна интереса к интерпретации АК определяется возрастающим массивом палеогенетических данных и необходимостью их увязки с таксономическими единицами археологии. Это обусловило необходимость переоценки «работоспособности» находящихся в научном обороте таксонов и перенос акцента с этно-культурных реконструкций на реконструкцию демографических процессов;

— современное, во многом, действительно «кризисное» состояние концепции АК связывается не с ее теоретическими основаниями, но с недостатками методов ее практической реализации. Возврат к культурной диагностике на основании специфических типов и отход от комплексно-статистической характеристики, на практике означает наложение на материал сложившихся штампов и закрывает возможность выявления новых, ранее неизвестных культурных образований.

Работа выполнены при поддержке грантов РФФИ 20–09–00233, 18–39–20009, а также в рамках государственной темы ФНИ РАН № 0184–2019–0001.

Список литературы

Аникович М.В. Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднем палеолите // КСИА. Вып. 206. М.: ИА РАН, 1992. С. 34–42.

Аникович М.В. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus, 1, Кишинев: 2005. С. 487–506.

Лисицын С.Н. Понятие технокомплекса в систематике материалов каменного века // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. Тезисы конференции, посвященной 75-летию кафедры археологии СПбГУ: /ред. В.И. Беляева, А.И. Мурашкин/. СПб.: 2011.С.73–78.

Djindjian F. Territories and economies of hunteregatherer groups during the last glacial maximum in Europe // Quaternary International. 2016. Vol. 412. P. 37–43.

French J.C. The demography of the Upper Palaeolithic hunter-gatherers of Southwestern France: A multi-proxy approach using archaeological data // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 39. 2015. P. 193–209.

Fu Q., Cosimo Posth C., Hajdinjak M. et al. The genetic history of Ice Age Europe // Nature. 534. 2016. P. 200–2005.

Maier A., Lehmkuhl F., Ludwig P. et al. Demographic estimates of hunter–gatherers during the Last Glacial Maximum in Europe against the background of palaeoenvironmental data // Quaternary International. Vol. 425. 2016. P. 49–61.

Müller J, Diachenko A. Tracing long-term demographic changes: The issue of spatial scales // PLoS ONE 14(1): e0208739. 2019.

Posth C., Renaud G., Mittnik A. et al. Pleistocene Mitochondrial Genomes Suggest a Single Major Dispersal of Non-Africans and a Late Glacial Population Turnover in Europe // Current Biology, 26. 2016. P. 556–561.

Reynolds N. Threading the weft, testing the warp: population concepts and the European Upper Paleolithic chronocultural framework // Culture History and Convergent Evolution: Can we Detect Populations in Prehistory? /ed H.S.Groucutt/ Springer, Cham, Switzerland. 2020 (in press).

Reynolds N., Riede F. House of cards: cultural taxonomy and the study of the European Upper Palaeolithic // Antiquity. Vol. 93, n.371. 2019. P. 1350–1358.

Seguin-Orlando A., Korneliussen T.S., Sikora M. et al. Genomic structure in Europeans dating back at least 36,200 years // Science. 346. 2014. P. 1113–1118.

Sikora M., Seguin-Orlando A., Sousa V.C. et al. Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers // Science. 358. 2017. P. 659–662.

Каменные индустрии финального палеолита на территории отступившего ледникового щита на северо-западе Русской равнины

© 2020 г. Г.В. Синицына *(gv-sinitsyna@yandex.ru)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В статье рассматривается время и пути заселения северо-запада Русской равнины после последнего ледникового покрова. Выделяются три направления колонизации. Первое, имевшее место в бёллинге – дриасе III, представлено двумя культурными традициями эпиграветтского круга – рессетинской и гренской – прототипом которых были индустрии: первой – стоянка Гагарино – бассейн Дона, второй Мезин – бассейна Днепра. Второе, времени Аллереда – Дриаса III, представленое подольской культурой технокомплекса бромме, отражает распространение населения с юга-запада на северо-восток. Третье, в последующую эпоху Дриаса III –выражено золоторученской культурой восточного происхождения.

Эпоха перехода от плейстоцена к голоцену связана с рядом катастрофических изменений, в первую очередь, с исчезновением части крупных млекопитающих верхнепалеолитического комплекса (Лаврушин и др., 2002). Проблема установления истоков первоначального освоения территории северо-запада Русской равнины остается

дискуссионной в течение длительного времени. Принципиальной проблемой является хронология археологических материалов. Разрушенные эрозионными процессами культурные слои этого периода обусловили проблему применения методов естественно-научных дисциплин. В итоге большой (5–3 тыс. лет) хронологический разрыв между позднеплейстоценовыми культурами и культурами финального палеолита служил аргументом для отрицания автохтонного развития.

На настоящий момент наиболее раннее присутствие человека на этой территории связано с рессетинской культурой, отличительной чертой которой является высокоразвитая вкладышевая микропластинчатая индустриия на высококачественном сырье. Выделивший ее А.Н. Сорокин, связывал происхождение с продолжением граветтийских традиций типа стоянки Гагарино, расположенной в бассейне Дона. На основании геологических и геоморфолоргических данных, а также результатов AMS датирования образцов смолы из пазов вкладышевых орудий из нижнего слоя Заболотского торфяника хронологические рамки рессетинской культуры определяются периодом от валдайского максимума до начала голоцена, т. е. от 14/13 тыс. л. н. до 10,2/9,8 тыс. л. н. (Сорокин, 1989; 2013; 2019;). Это не единичный случай свидетельства столь раннего возраста рессетинских материалов. На территории Верхневолжских озер, на стоянках Баранова гора и Подол III/1, Подол III/2 сохранились культурные слои с инвентарем рессетинского облика, датируемые концом беллинга (Синицына, 2019). Картография стоянок этой культурной традиции охватывает территорию от Западной Двины до Волго-Окского междуречья.

Второй автохтонной культурой региона сохранившей эпиграветтские черты является гренская, ареал распространения которой связывается с бассейном Днепра. Ее хронология определяется успешным применением палеомагнитного метода датирования отложений на многослойной стоянке Вышегора I, расположенной в истоках Днепра Смоленской области (Синицына и др., 2012). Здесь материал гренской культуры залегал в отложениях ниже аллередской почвы, атрибуция которой была подтверждена наличием экскурса гетенбург. Дискуссионными остаются вопросы генезиса гренской культуры. Л.Л. Зализняк и В.П. Ксензов связывали ее происхождение с культурой бромме. Основанием для этого было совместное нахождение на стоянках инвентаря обеих культурных традиций. Работами последних десятилетий выявлены стоянки, где присутствуют только гренские материалы (Умрышинка III, Вышегора III, слой 4А) и стоянки, где представлен инвентарь только технокомплекса бромме (Подол III/1). Картография стоянок с гренскими наконечниками стрел охватывает территорию от Волго-Окского междуречья на востоке до бассейна Вислы на западе, где они рассматриваются как свидетельство контакта синхронных культур: гренской – свидерской. Инвентарь гренской культуры свидетельствует о высокой степени адаптации. Традиция использования сырья любого качества способствовала мобильности населения. Важно отметить, что заготовкой для вооружения гренской культуры могла служить как пластина, снятая с помощью посредника, так и отщеп. Наконечники стрел с боковой выемкой, у которых противоположный прямой край оформлен крутой ретушью, придают своеобразие гренской индустрии. Перо гренских наконечников, как и наконечников рессетинской культуры часто оформлено на проксимальном конце заготовки, что придавало особую прочность боевому оружию. Технология расщепления гренской культуры – пластинчато-отщеповая. Состав инвентаря определяется широким использованием ретушных резцов, проколок мезинского типа, наличием единичных трапециевидных вкладышей. В.Ф. Копатин рассматривал их как граветтийские элементы, на основании которых связывал ее происхождение с мезинской индустрией (Копытин, 2000). На сегодняшний день эта точка зрения представляется наиболее обоснованной, также как и заключение, сделанное на ее основе, о распространении граветтийских традиций Днепровских памятников на север.

Микропластинчатая акуловская индустрия, времени дриаса II представлена двумя стоянками в верхневолжском бассейне, Акулово (Сидоров,1996) и Баранова гора (слой дриаса II), расположенных в Тверской области. Открытым остается вопрос генезиса этой индустрии. Инвентарь акуловской традиции специфичен, прямых аналогий не имеет (Синицына и др. 2009), предположительно, отражает одну из разновидностей граветта. Только в Костенках на одновременных (в геологическом понимании) стоянках, относимых к граветту на уровне 25–22 тыс. лет, насчитывается как минимум четыре разновидности граветта. Различия прослежены по технико-типологическим характеристикам каменного и костяного инвентаря, украшениям, жилым и бытовым конструкциям (Синицын, 2013). Предположение о принадлежности акуловской индустирии к эпиграветту не противоречит микропластинчатый состав инвентаря.

Подольская культура технокомплекса бромме выделена Г.В Синицыной по материалам стоянок Верхней Волги: Подол III/1, Подол III/2, Баранова гора, Тёплый ручей 2, Троицкое 3, Усть-Тудовка 1 (Синицына, 2000). Большинство из них датированы независимыми методами: сравнительно-типологическим, палеомагнитным, споровопыльцевым и геохимическим. Датировка стоянок показала их синхронность памятникам бромме-лингби Северной Европы в пределах аллереда – дриаса III. Картография восьми локальных вариантов технокомплекса бромме указывает на их связь с ландшафтно-географической зональностью и прерывистый характер распространения.

Редуцированный, обедненный состав инвентаря стоянок технокомплекса бромме свидетельствуют о мобильности населения, уменьшении численности ведущих совместное хозяйство. На всех освоенных территориях эволюция бромме имеет сходный характер: от однородного облика материальной культуры к усилению различий и усилению влияния местного компонента (бромме – гренская), вплоть до полного слияния (Синицына, Синицын, 2002. С. 153–158). В настоящее время нет достоверных оснований для однозначного решения вопроса о характере миграции населения бромме-лингби на территорию Верхней Волги. Тем не менее, миграционный характер ее появления на Верхней Волге остается наиболее вероятным.

Стоянки типа Золоторучье, датируемой дриасом III (Жилин, 2019; Hartz et al., 2010. S. 164), представлены микропластинчатой индустрией, появление которой в бассейне Верхней Волги связывается с распространением с востока.

Заключение

Материалы всех выделенных типов индустрий являются отражением сосуществования в период финального палеолита локальных культур охотников, ведущих подвижный образ жизни. Для всех типов индустрий, кроме гренской и подольской, характерно использование микропластинчатой вкладышевой техники. Типологический анализ инвентаря свидетельствует о сохранении граветтийских элементов в рессетинской и гренской культурах. Современные представления о финальном палеолите центра и севера Восточной Европы показывают высокую степень адаптации финальнопалеолитического населения к резко изменившимся природно-климатическим условиям и быстрому освоению новых северных территорий.

Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по темам государственной работы: № 0184–2019–0001»Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене» и частично проекту РФФИ 20–09–00233. Хронология и культурная дифференциация палеолита Костенковской группы как основа культурно-исторических и палеодемографических реконструкций.

Список литературы

Жилин М.Г. Особенности пластинчатой техники в Верхнем Поволжье в финальном палеолите // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11/ Отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 231–249.

Копытин В.Ф. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2000. 144 с.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Холмовой Г.В. Календарно-событийная стратиграфия позднего неоплейстоцена // Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Т. 1. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 143–145.

Сидоров В.В. Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТОГМ, 1996. С. 75–92.

Синицын А.А. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите / Ред. Г.В. Синицына. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 4–32.

Синицына Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТОГМ, 2000. С. 61–71.

Синицына Г.В. Микропластинчатая технология в материалах финального палеолита Верхневолжских озер // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11/ Отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 218–230.

Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Распопов О.М., Иосифиди А.Г. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова гора в Тверской области // ТАС. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТОГМ, 2009. С. 52–70.

Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова гора, Подол III/1, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады. – (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры). Вып. 1. Иркутск: ИГУ, 2012. С. 192–204.

Синицына Г.В., Синицын А.А. Локальные варианты технокомплекса бромме // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур /Ред. Н.Д. Праслов/ СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 153–158.

Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 84–86.

Сорокин А.Н. Рессетинская культура: информация к размышлению // КСИА. Вып. 228. М.: ИА РАН, 2013. С. 160–167.

Сорокин А.Н. Костяное и роговое вооружение рессетинской и заднепилевской культур (по материалам ГАО Минино 2) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 250–267.

Hartz S., Terberger T., Zhilin M. New AMS-dates for the Upper Volga Mesolithic and the origin of microblade technology in Europe // Quartär. B.-V. 57 / Edited by M.N. Haidle, W.Muller, M. Street, G.-C Weniger. Verlag: Marie Leidorf GmbH Rahden/ Westf., 2010. S. 155–169.

Охотничье вооружение населения рессетинской культуры

*© **2020 г. А.Н. Сорокин** (ansorokin1952@mail.ru)*

Институт археологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Вплоть до конца XX в. охотничье вооружение, характерное для рессетинской культуры, было известно лишь по каменному инвентарю. В результате раскопок комплексного геоархеологического объекта Минино 2 на территории Заболотского торфяника в Подмосковье, начиная в 1997 г., были впервые получены и серийные артефакты из органических материалов. В данной работе предлагается их анализ.

Ключевые слова: поздний плейстоцен, финальный палеолит, рессетинская культура, охотничье вооружение, костяной и роговой инвентарь

Рессетинская культура была выделена автором в 1985 г. по материалам памятников Волго-Окского бассейна Европейской России. Ее своеобразие определяется, прежде всего, каменным инвентарем. Вплоть до недавнего времени костяные и роговые артефакты известны не были. Перелом наступил во второй половине 1990-х гг., когда в процессе полевых изысканий на территории Московской области были открыты и изучены многослойные геоархеологические объекты (далее – ГАО) Заболотского торфяника – Минино 2 и Замостье 5. Благодаря их исследова-

Рис. 1. Охотничье вооружение населения рессетинской культуры.

нию стало возможно впервые обсуждать предметно набор артефактов из органических материалов, характерных для инвентаря этой культуры.

Каменное охотничье вооружение рессетинской культуры включает всего два морфологически выраженных типа – это микролиты с затупленных ретушью краем (рис. 1, *10–14*) и асимметричные наконечники стрел (рис. 1, *1–9*). Эпизодически присутствуют и наконечники с вентральной ретушью, но гомогенность подобных собраний достоверно не подтверждается. В качестве вкладышей также широко использовались микропластины и их сегменты, лишенные вторичной обработки.

Все кремневые рессетинские наконечники стрел изготавливались из микропластин и были асимметричными в плане. Выделены две разновидности – тип А, который включает простые экземпляры с боковой выемкой, у которого ретуширована лишь часть одного из краев около основания (рис. 1, *6–9*). Их боевое окончание либо представляло собой естественное схождение латералей, либо скашивалось по одному из краев дорсальной крутой краевой ретушью, из-за чего становилось асимметричным (Сорокин, 2002). Отличительными признаками другой разновидности рессетинских наконечников (тип Б), помимо выемки на черешке, служит полностью или частично затупленный крутой дорсальной ретушью край, на котором имеется «плечиковый» выступ, часто переоформленный в шип, и скошенное микрорезцовым сколом на проксимальной части боевое окончание (рис. 1, *1–5*). Вентральная поверхность пера (или пера и черешка одновременно) эпизодически могла подрабатываться плоской ретушью. Прототипы асимметричных наконечников обоих типов известны в «восточно-граветтских» комплексах Русской равнины (Восточный граветт, 1998).

Наиболее выразительная в настоящее время коллекция костяного и рогового охотничьего вооружения происходит из основания нижнего слоя ГАО Минино 2 (Сорокин, 2009, 2014; Сорокин, Грачева и др., 2018; Сорокин, Хамакава, 2014). Она включает не менее 85 предметов.

Установлено, что лучше всего на этом памятнике сохраняются массивные изделия, изготовленные из трубчатых костей крупных млекопитающих, а также их зубов. Не составляют исключения и предметы охотничьего назначения, среди которых представлены наконечники копий, рогатин, дротиков и стрел, клевцы, зубчатые острия и разнообразные вкладышевые предметы охотничьего назначения, среди которых кинжалы, стилеты и составные наконечники. Всего было выделено семь их категорий – это симметричные и асимметричные массивные острия, пазовые (вкладышевые) орудия, клевцы, кинжалы, наконечники стрел и зубчатые острия. Часть этого набора могла, по-видимому, использоваться и в иных целях, однако для нас важно их основное назначение – функция вооружения.

Цельные массивные острия симметричной в плане формы, лишенные зубцов и пазов для вкладышей, относятся к самой массовой категории предметов охотничьего вооружения (рис. 1, *19–21*). Изготавливались они преимущественно из трубчатых (плюсны или пясти) костей лося и служили наконечниками копий.

Вторую по численности группу, заготовками для которых также служили трубчатые кости лося, составляют асимметричные в плане массивные простые острия, которые, судя по характеру сломов, служили в виде наконечников рогатин (рис. 1, *18*).

Категория пазовых изделий неоднородна по составу и объединена по единственному признаку – присутствию одного или двух пазов для вкладышей на их корпусе. Среди них в коллекции памятника присутствуют наконечники копий (рис. 1, *17, 22*), стрел (рис. 1, *15*), кинжалы, стилеты и клевцы (рис. 1, *16*). Типологическое разнообразие определяет и разнообразие заготовок – это фрагменты ребер, пластины из трубчатых костей, а также части лосиных рогов.

Клевцы, представляющие собой массивные орудия ударного действия, бывают монолитными и составными. Первые изготавливались из лопаты и отростка рога, вторые – из одного отростка, который служил вкладышем в муфту. Для первых наиболее характерно крепление к деревянной рукояти с помощью сверлины. Оба варианта могут быть простыми (рис. 1, *16*) и пазовыми.

Наконечники дротиков (рис. 1, *23*) и стрел, различающиеся между собой по размерам, представляют собой грацильные острия, насады которых закреплялись в деревянном древке. Изготавливались они обычно из расчлененных трубчатых костей копытных. Присутствуют игловидные простые и пазовые (рис. 1, *15*) модификации.

Зубчатые острия все однорядные, но они единичны, значительно фрагментированы и форма их достоверно не определяется.

AMS-датирование 2017–2018 гг. образцов смолы, взятых из пазов вкладышевых изделий ГАО Минино 2, подтвердило их финально-палеолитический возраст (11500–13500 cal BC). Это позволило достоверно соотнести ряд артефактов с древностями рессетинской культуры.

Вариабельность охотничьего вооружения из органических материалов ГАО Минино 2 невелика. Данное обстоятельство вызвано, однако, не столько реальным выбором и навыками первобытного населения, сколь тем, что памятник располагается на мелиорированном участнике торфяника, из-за чего подвергается постоянному воздействию разнообразных деструктивных процессов. Для нас крайне важно то, что впервые в практике в этой коллекции был встречен набор, который может быть достоверно отнесен к рессетинской культуре.

Не вызывает сомнения, что список рессетинского охотничьего вооружения далеко не окончательный, но первый шаг в этом направлении сделан, и это внушает оптимизм в успех грядущих исследований.

Список литературы

Восточный граветт / Отв. редактор – Х.А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. 329 с.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 2002. 251 с.

Сорокин А.Н. Заболотский торфяник: находки и проблемы // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Ред. – Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2009. С. 82–94.

Сорокин А.Н. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН, 2014. 448 с.

Сорокин А.Н., Грачева Р.Г., Добровольская Е.В., Добровольская М.В. Геоархеология Заболотского края (13500–

7500 cal BC). М.: ИА РАН, 2018. – 416 с.

Сорокин А.Н., Хамакава М. Геоархеологические объекты Заболотского торфяника на территории Европейской России // Известия Иркутского госуниверситета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 10. С. 50–93.

Украшения начальной поры верхнего палеолита Костёнок: выбор сырья и технические приемы его обработки

© 2020 г. К.Н. Степанова[1,2] (ksstepan@gmail.com), А.А. Малютина[1], Е.Ю. Гиря[1], А.А. Бессуднов[1]

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ
[2] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В статье приводится описание украшений ряда памятников верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района (Костёнки 14, слой IVb, К14, слой IVw, К17, слой II, К1, слой V, К6). Недавно полученные С14 даты позволяют считать эти памятники одними из самых древних как в Костёнках, так и в Восточной Европе: их возраст превышает 40 кал. тыс. л. н. Сравнение в первую очередь касается технологии изготовления украшений и показывает, что уже в начальном верхнем палеолите использовались самые разные приемы формообразования, обработки поверхности и создания отверстий для подвешивания/пришивания.

Ключевые слова: верхний палеолит, Костёнки, украшения, технология, трасология.

Украшения начального верхнего палеолита (и шире – ранней поры) представлены природными формами окаменелостей и минералов практически в неизмененном виде («естественная эстетика»), в отличие от украшений-поделок средней поры ВП (Синицын, 2016). Но стоит ли за этой простотой форм и технологическая простота? Какие способы обработки применяли люди, которые одними из первых начали использовать нательные украшения в юго-восточной части Европы? Разнятся ли эти приемы в зависимости от культурной принадлежности памятников? Костёнковско-Борщёвский палеолитический район (КБР) представляет возможность для рассмотрения этих вопросов на ограниченной территории и в одном хронологическом срезе.

В последние годы для стоянок КБР получены многочисленные абсолютные датировки и это приводит к корректировке представлений о хронологии костёнковского палеолита. В настоящей работе мы исходим из того, что к начальной поре верхнего палеолита КБР относятся культурные слои возрастом от 44 до 40 кал. тыс. л. н., залегающие стратиграфически ниже вулканического пепла CI/Y5 (38,5–39 кал. тыс. л. н.). Среди памятников этого хронологического среза в КБР украшения представлены в коллекциях Костёнок 14, слои IVb и IVw, Костёнок 17, слой II, Костёнок 1, слой V, Костёнок 6. Эти стоянки относятся к двум группам: оригинальные пластинчатые индустрии (К14 (IVb), К14 (IVw), К17 (II)), которые имеют некоторое сходство с протоориньякскими комплексами (Dinnis et al., 2019) и одни из самых ранних памятников стрелецкой культуры с двусторонне обработанными изделиями (К1 (V), К6).

Древние украшения дают информацию для изучения эстетики, семантики и технологии (White, 1993; Синицын, 2016). В представленной работе мы обратим внимание на третий аспект: на выбор поделочного сырья и приемы его обработки. Для анализа технологии мы используем экспериментально-трасологический метод, выделяя на украшениях следы производства и общий неутилитарный износ, к которому в данном случае относятся и следы, возникающие в процессе носки, и следы, появляющиеся в процессе археологизации.

К17 (II). На фоне бедной костяной индустрии в этой коллекции представлен уникальный набор украшений (рис. 1, *1–23*). Использовалось разнообразное поделочное сырье местного происхождения: зубы песца (около 40 экз.), окаменелости (4 ростра белемнита, 5 полипов кораллов, 1 створка ископаемой раковины) и камень (3 сланцевые гальки, 2 изделия из песчаника, 1 целая подвеска и 2 фрагмента из известняка). Для создания отверстий на клыках песца (рис. 1, *14–23*) применялись разные приемы: продавливанием и двусторонним сверлением примерно в равной пропорции, в большинстве случаев корень зуба предварительно уплощался. На многих подвесках из зубов отмечаются следы охры. Ростры белемнитов уникальны для всего верхнего палеолита по приемам обработки (рис. 1, *1–4*). Две из четырех подвесок декорированы поперечными нарезками и, вероятно, представляют сочетание химической и механической обработки (слабые кислоты и голтовка?). Отверстия на белемнитовых украшениях имеют биконическую форму, следы сверления сохранились только на двух предметах, дополнительно не обработанных. Из пяти кораллов три просверлены с двух сторон (рис. 1, *9–11*), два – односторонним сверлением с внешней стороны. Кораллы выбирались чашевидной формы, некоторые сверлились в таком виде, но некоторые были разделены на половинки. На внутренней стороне чашечек трех кораллов различимы мелкие крупинки красной краски. На единственной раковине (рис. 1, *8*) отверстие смещено к краю, выполнено двусторонним сверлением, с внутренней стороны в углублениях невооруженным глазом различима охра. Отверстия на подвесках из небольших сланцевых галечек созданы двусторонним сверлением (рис. 1, *5–7*), внутри биконических отверстий хорошо различимы следы от их производства в виде ровных концентрических царапин. Иная обработка на сланцевых подвесках не отмечается. Подвески из мягкого песчаника перфорированы иначе – у них цилиндрические отверстия меньшего диаметра. Для изготовления подвесок из известняка подцилиндрической формы (рис. 1, *13*) применялись резание и абразивная обработка, биконическое отверстие создано двусторонним сверлением.

К14 (IVb) (по: Синицын, 2016. С. 325). В индустрии в целом многочисленны орудия и поделки из кости, рога, в том числе есть миниатюрное изделие из кости с отверстием, созданным двусторонним сверлением. К собственно украшениям в коллекции могут относиться три предмета, два

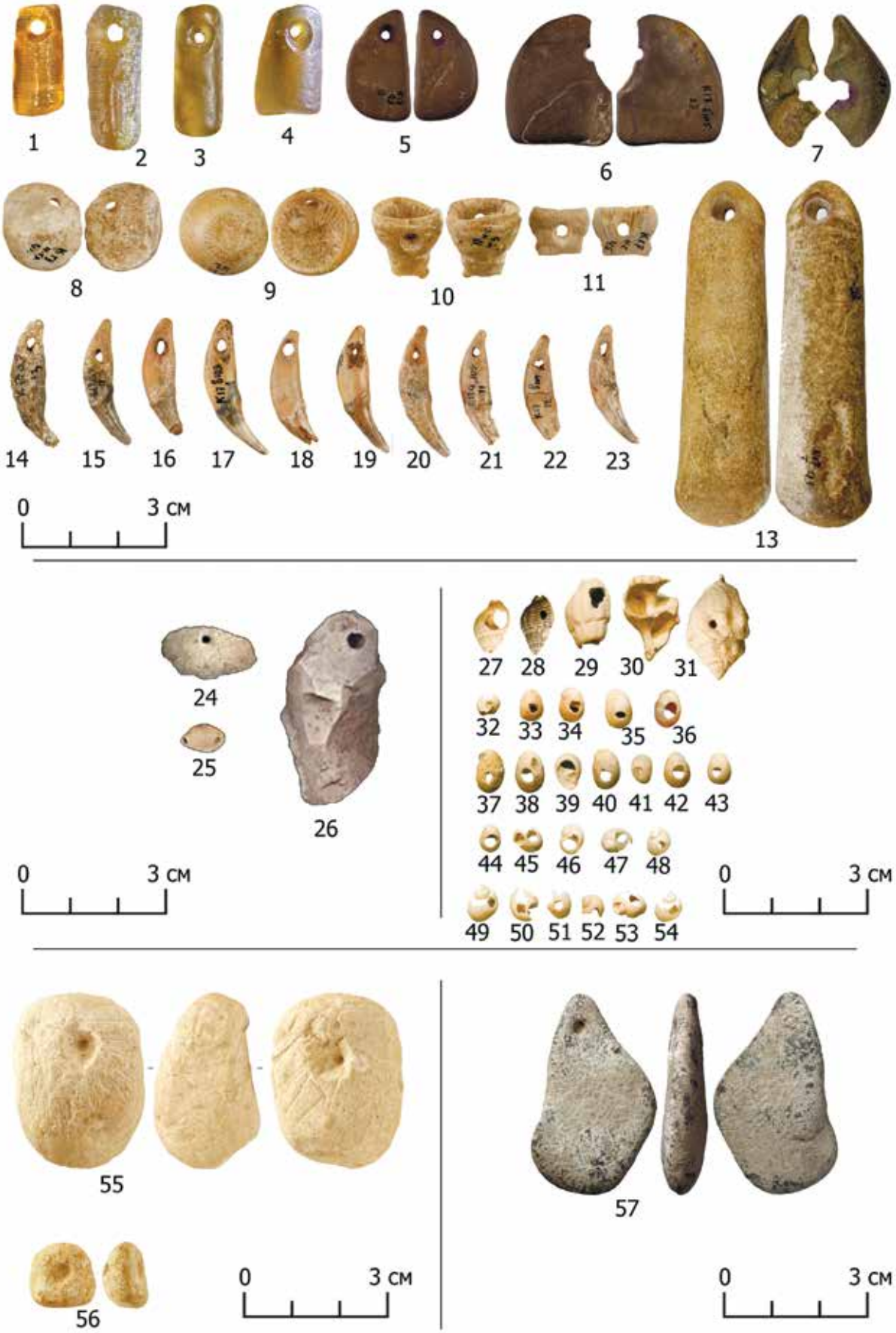


Рис. 1. Украшения начальной поры верхнего палеолита Костёнок. 1–23 – Костёнки 17, слой II; 24–26 – Костёнки 14, слой IVb; 27–54 – Костёнки 14, слой IVw; 55–56 – Костёнки 1, слой V; 57– Костёнки 6. 1–4 – ростры белемнитов; 5–7 – сланцевые гальки; 8 – створка ископаемой раковины; 9–11 – полипы ископаемых кораллов; 13 – известняк; 14–23 – клыки песца; 24 – опока; 25 – раковина моллюска; 26 – кремень; 27–54 – раковины моллюсков; 55–56 – мел; 57 – сланец. 1–4, 55–56 – фото авторов; 5–17 – фото А. Иванова; 24–26 – по: Синицын, 2016; 27–54 – фото А. А. Синицына; 57 – по: Синицын и др., 2019.

из них – на местном сырье и один, возможно, из раковины, принесенной издалека. Это бусина с двумя продавленными отверстиями из раковины морского моллюска (известны в позднечетвертичных отложениях Черного моря, см. рис. 1, *25*). Также в коллекции есть фрагмент опоки с отверстием (рис. 1, *24*) и кремневое изделие с естественной каверной, оббитое с двух сторон так, что отверстие расположено по оси симметрии (рис. 1, *26*).

К14 (IVw) (по: Синицын и др., 2017). В качестве поделочного сырья для украшений использовались небольшие раковины морских и пресноводных моллюсков, всего почти три десятка, отверстия в которых пробивались (рис. 1, *27–54*). По меньшей мере 5 раковин представляют три вида моллюсков черноморского бассейна. На поверхности некоторых бусин отмечается окрашенность. Автор раскопок обращает внимание на то, что часть отверстий очень мелкие и выполнены с большим мастерством (Там же. С. 197). Выразительных поделок из кости не найдено.

К1 (V). В коллекции, полученной из северной части стоянки (кв. в-4), представлена поделка из мела с незаконченным отверстием биконической формы и процарапанными на обеих поверхностях линиями, не складывающимися в орнаментальную композицию. Куску мела была придана правильная форма, он расширяется в нижней части по отношению к месту, где начато отверстие (рис. 1, *55*). Еще на одном предмете каплевидной формы из мела отверстие начато с одной стороны, гравировки нет (рис. 1, *56*).

К6. Единственная подвеска найдена в отвале раскопа А.Н. Рогачева 1952 г. (Синицын и др., 2019. С. 87). Мы включаем ее в обзор, поскольку памятник однослойный и, со всеми оговорками о возможной негомогенности комплекса, является эпонимным для костенковско-стрелецкой культуры. Подвеска имеет вид сланцевой гальки каплевидной формы со сквозным отверстием цилиндрической формы в сужающейся части (рис. 1, *57*). Поверхность очень плохо сохранилась, в том числе и внутри отверстия, хотя пара кольцевых царапин различима.

Подобные единичные подвески найдены в связи со стрелецкими наконечниками в К12 (Ia) и в 3 слое Бирючьей Балки 2, но в первом случае сомнения вызывает атрибуция слоя, а во втором – необходимо уточнение возраста.

Приведенные примеры подтверждают, что техника создания отверстий (или иных элементов для подвешивания / пришивания) не имеет хронологической привязки (White, 1993). В целом можно заметить, что приемы производства отверстий соответствуют технической необходимости: если это сравнительно легко обрабатываемое сырье или предмет небольшой толщины, применение двустороннего сверления не требуется; подвески из более твердых материалов (сланец, известняк, ростры белемнитов) сверлились с двух сторон. Песчаник стоит особняком, возможно, благодаря его свойствам – при обработке вылетающие песчинки становятся агентами абразии и помогают сверлить, так что можно использовать не такой твердый материал как камень, а, например, тонкую костяную иглу, при помощи которой можно создать узкое отверстие.

Украшения спицынской культуры стоят особняком как по числу и разнообразию форм и материалов, так и по количеству приемов, которые были использованы при их производстве (самый яркий пример – белемнитовые подвески). Украшения нижних слоев Костёнок 14 обнаруживают сходство между собой в использовании мелких раковин с пробитыми отверстиями, хотя при близком возрасте этих комплексов, их каменная и костяная индустрии различны.

Украшения стрелецкой культуры беднее и отличаются узкой «сырьевой специализацией»: среди материалов лишь каменные подвески, при этом для производства отверстий могли применяться разные приемы. Мягким породам камня могла быть придана каплевидная форма (этот признак характерен для каменных подвесок разных регионов и времени), но сланцевые гальки использовались без подработки, впрочем, как и в других коллекциях, включая К17-II.

Работа проводится при поддержке гранта РФФИ № 18–39–20009 и в рамках выполнения государственной работы № 0184–2019–0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

Список литературы

Синицын А.А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. С. 320–337.

Синицын А.А., Бессуднов А.А., Артюшенко А.А., Лада А.Р. Исследования Костенковской экспедиции ИИМК РАН // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. Липецк. Воронеж: Новый Взгляд, 2019. С. 80–87.

Синицын А.А., Синицына Г.В., Бессуднов А.А., Артюшенко А.А. Раскопки нижнего культурного слоя Костенок 14 (Маркина Гора) на западном участке памятника // Археологические открытия. 2015 год. М.: ИА РАН, 2017. С. 194–197.

Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devièse T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. New Data on the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // Journal of Human Evolution. Vol. 127. 2019. P. 21–40.

White R. Technological and social dimensions of «Aurignacian Age» body ornaments across Europe // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol / Eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White. Boca Raton: FL, 1993. P. 277–299.

Исследования стоянки 2Г культурного горизонта Коврижки IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье)

© 2020 г. А.В. Тетенькин[1] (altet@list.ru). С.Г. Аржанников[2], А.В. Аржанникова[2], Е.И. Демонтерова[2], Г.Н. Поплевко[3], И.И. Разгильдеева[4], Н.В. Сальная[5], А. Анри (Henry)[6]

[1] Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, РФ
[2] Институт земной коры СО РАН, Иркутск, РФ
[3] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ
[4] Забайкальский государственный университет, Чита, РФ
[5] Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, Москва, РФ
[6] Université Côte d'Azur, Nice, France

Аннотация. В 2016–2018 гг. на стоянке Коврижка IV раскопан новый комплекс возрастом ок. 19–18 тыс. календ. л.н. Его характеризовали окрашенная охрой площадка, очажная конструкция, выкладка камней по периферии, зональное распределение артефактов из камня и костных остатков. Измерены температуры нагрева очажных камней. Определен минеральный состав охры, проведен трасологический анализ артефактов из камня. Комплекс интерпретирован как остатки жилища зимнего сезона.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, поздний палеолит, жилище, Коврижка IV, очаг, охра.

Стоянка Коврижка IV расположена в нижнем течении р. Витим, в центральной части Байкало-Патомского нагорья, в отложениях 1-ой надпойменной террасы высотой 11 м над урезом воды. В строении террасы вскрыта последовательность залегания на цоколе галечной аллювиальной пачки, ритмичнослоистых песков, супесей и алевритов, содержащих 3А, 3Б, 4, 5, 6, 7 культурные горизонты (далее к.г.). На ближней к реке части террасы эта пачка смыта Витимом, и на размыв наложен аллювий следующего цикла, литологически аналогичный предыдущему. Он включает в себя 2/1, 2А, 2Б, 2В, 2Г, 2Д, 3/1, 3/2 к.г. (рис. 1). Выше по разрезу залегают супесчаные покровные отложения субаэральной пачки делювиально-солифлюкционного генезиса. В них выделены 1 и 2 к.г. Наиболее изучены 6, 2Г и 2Б к.г. (Тетенькин, 2017). В 6 к.г. исследована структура, обладающая выраженными признаками жилища (Тетенькин и др., 2017). Во 2Б к.г. раскопан очаг с прилегающими к нему культурными остатками (Тетенькин, 2019). 2Г к.г. стал третьим горизонтом Коврижки IV, в котором исследована жилая стояночная структура верхнепалеолитического возраста. Календарный возраст 2Г к.г. – около 18,8–18,4 тыс. л.н.

Комплекс представлял собой скопление культурных остатков диаметром около 5,0 м (рис. 2). Подошва культурного слоя окрашена охрой. Центральное место в комплексе занимало кострище с углями, рассеянными практически по всей площади. По его центру, отмечая зону очага, поверх углей залегала выкладка из четырех плит в виде

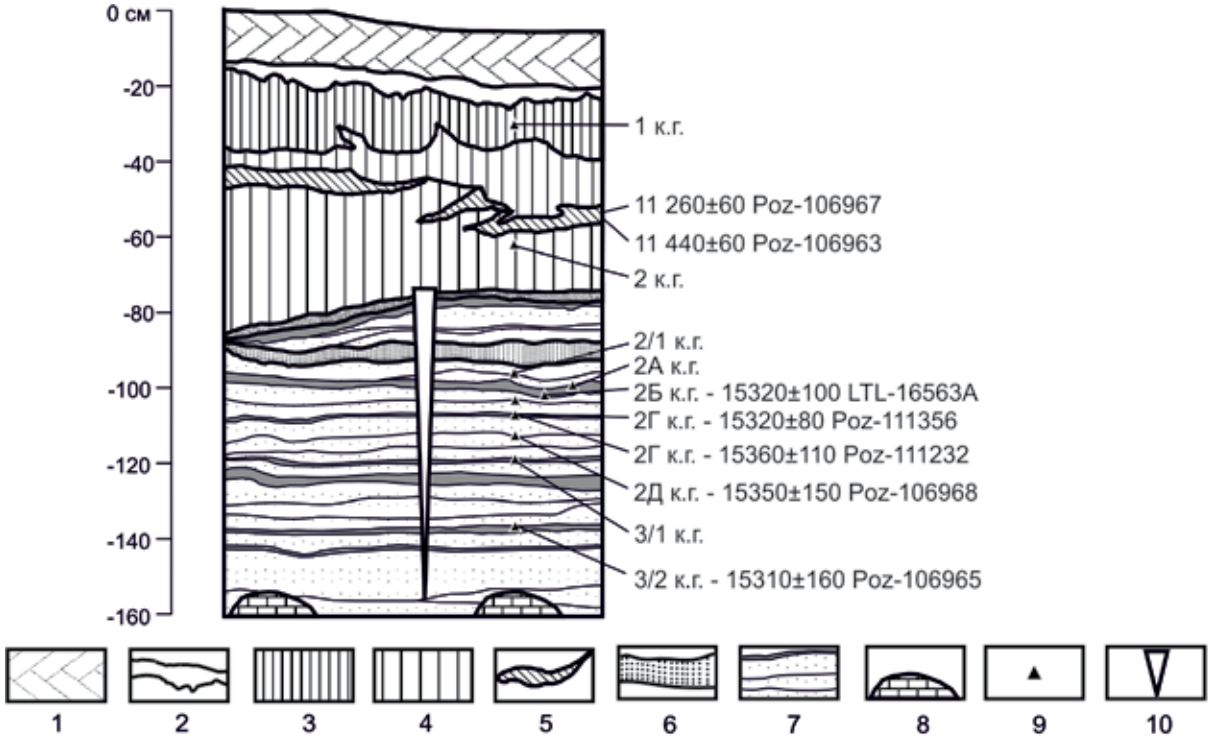


Рис. 1. Стратиграфия местонахождения Коврижка IV на участке раскопа 2016–2018 гг.
Условные обозначения: 1 – дерн, 2 – подзол, 3 –супесь оранжево-желтая, 4 – супесь светло-зеленая, 5 – супесь темно-коричневая (погребенная почва), 6 – песок светло-желтый с дресвой, 7 – пески, супеси и алевриты горизонтально и ритмичнослоистые, светло- и темно-серые, 8 – цоколь, 9 – культурный горизонт, 10 – криогенная трещина.

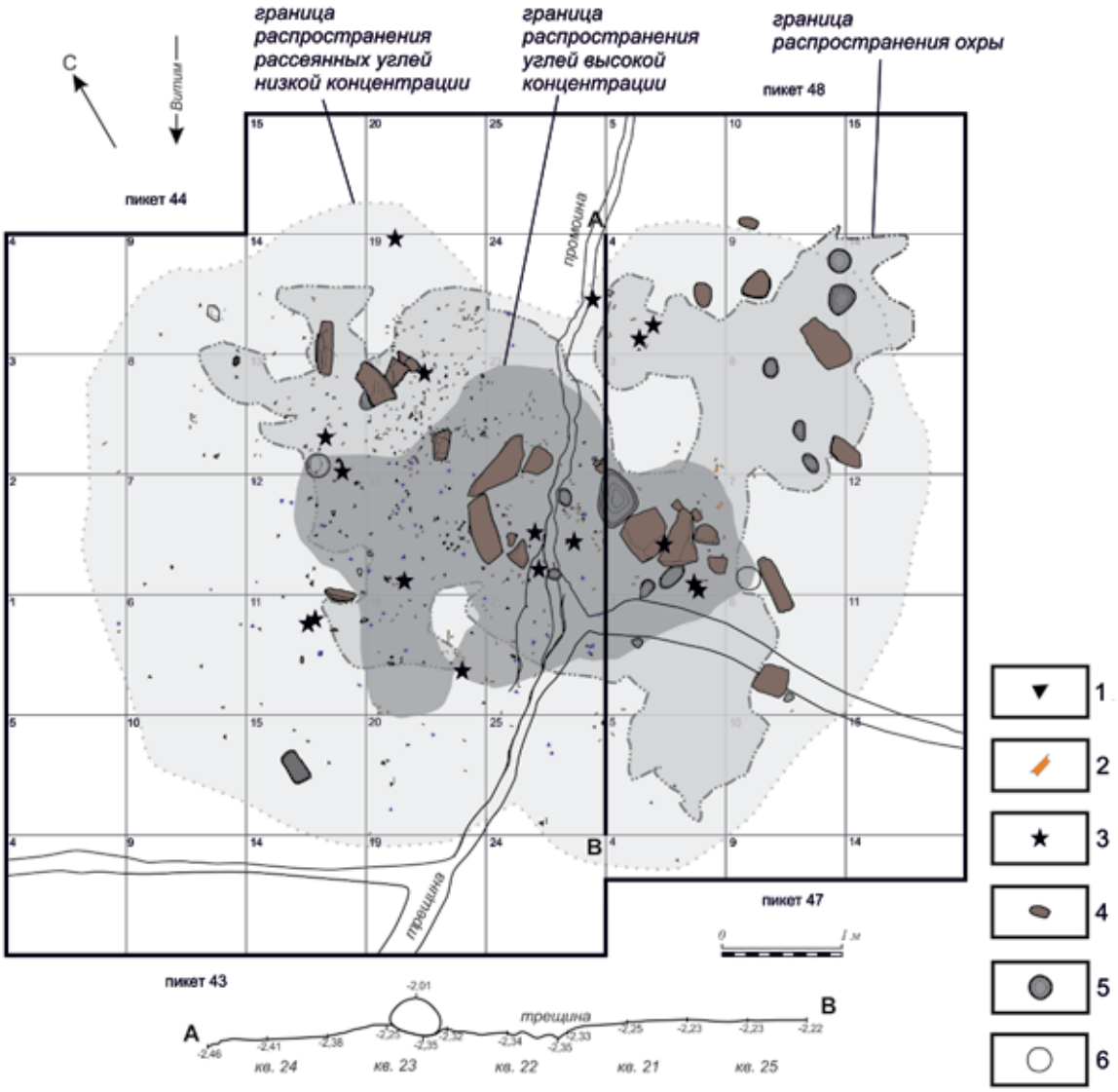


Рис. 2. Планиграфия 2Г культурного горизонта.
Условные обозначения: 1 – отщеп, 2 – кость, 3 – орудие, 4 – плита, 5 – валун, 6 – ямка.

полукольца и сооружения из массивной плоской плиты, оконтуренной с двух противоположных сторон крупным валуном и гнейсовыми обломками. На периферии комплекса выявлены плиты и валуны в виде дуги из 9 камней в восточном секторе и одиночных камней в северном и западном секторах. «Интерьерные» выкладки состояли из четырех состыкованных камней и двух одиночных обломков в северном и северо-западном секторах. На северной и южной окраине комплекса обнаружены две продавленные ямки диаметром 20 см. Подавляющая часть дебитажа залегала в северо-западной от очага зоне, фаунистические остатки – к юго-востоку от очага.

Коллекция артефактов (1437 ед.) включала 17 орудий, 1 битую гальку и 2 галечных осколка, 1417 сколов: в т.ч. 83 отщепа, 1334 чешуек. Состав сырья: 63 % жильный кварц, 37 % эффузивы. Все артефакты из камня, исключая чешуйки, были подвергнуты трасологическому анализу. Выделено 17 орудий. Из них семь определено как ножи по мясу. Семь – орудия обработки кости и рога: 2 скобеля по кости и рогу, 2 скобеля-резчика, 1 долотовидное-скобель, 2 долотовидных. Три – орудия обработки шкур: 2 скребка и 1 скребло. В совокупности эти данные указывают на неразвитую и кратковременную в этом эпизоде обитания деятельность, представленную лишь в видах пищевого потребления, обработки кости, рога и шкур. В сфере каменного производства ограниченность в сборе галечного сырья вынуждала опираться на жильный кварц. В результате орудийный инвентарь дал совершенно иной артефактный набор, не имеющий каноничных для позднего верхнего палеолита Восточной Сибири категорий изделий – отщеповых и клиновидных нуклеусов, резцов, галечных орудий.

Проведены палео- и петромагнитные исследования валунов и плиток с целью изучения направления вектора естественной остаточной намагниченности (направления древнего магнитного поля), зафиксированного в камнях, для выявления факта их потенциального обжига и, по возможности, определения температур и положения камней при прогреве. Установлено, что три центральных камня в южной очажной выкладке были нагреты до температур 380–440°С и до 250°С.

Источником охры был природный минерал – гематит, а способом получения – дробление и истирание породы с высоким содержанием гематита до 94 %. Анализ рентгенофазовым методом минерального состава образцов установил два вида охры. Первый представлен кварц-гематитовой ассоциацией. Второй отличается значительным содержанием кальцита, хлорита, полевого шпата и слюды. Сопоставление с составами руд известных место-

нахождений, а также образцов охры из неолитических могильников Турука на р. Лена и Старый Витим II показало, что охру доставляли из районов севера как Западного, так и Восточного Прибайкалья, удаленных на расстояния более 500 км от Коврижки.

На основе полученных данных сделан вывод о существовании во 2Г к.г. жилища, предположительно, зимнего сезона. Ближайшие аналоги остаткам жилых комплексов 2Г и 6 к.г. Коврижки IV представлены на забайкальских памятниках Студёное–1, 2, Усть-Менза–1, 2, Сохатино–4 и др. (Константинов, 1994).

Исследования выполнены при поддержке грантов РФФИ № 18–59–22003\18 и РНФ № 19–78–10084. Французские научные партнеры поддержаны Maison Fondation Sciences de l'Homme "Lichens" Late Pleistocene Hunter-gatherer adaptations to tundra Environments in North-Baikal Siberia.

Список литературы

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интерконгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита, 1994. 264 с.

Тетенькин А.В. Поздний палеолит Витима в материалах многослойного местонахождения Коврижка-IV (Байкало-Патомское нагорье, Восточная Сибирь) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе [Текст]: сборник научных статей в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2017. Т. I. С. 101–105.

Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М. Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести, ИИМК РАН. 2017. Вып. 23. СПб., 2017. С. 33–55.

Тетенькин А.В. Планиграфический анализ очажного комплекса 2Б культурного горизонта Коврижки IV: реконструкция деятельностной ситуации // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 2. С. 26–51.

Трасологический анализ украшений из раковин речных моллюсков из верхнепалеолитического культурного слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе

© 2020 г. О.И. Успенская *(adamena@mail.ru)*

Институт археологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Рассматриваются результаты трасологического анализа перфорированных раковин *Theodoxus* sp. и *Lithoglyphus naticoides* из верхнепалеолитического культурного слоя (лит. сл. 7) пещеры Двойная (Северо-Западный Кавказ). Наиболее вероятная технология изготовления отверстий связана с непрямым ударом на внутреннюю стенку устья раковины. На поверхности раковин выявлены участки с износом, обнаружены остатки волокон и охры, а также следы сверления, произведенные неизвестным хищником и не связанные с деятельностью человека. Раковины использовались в качестве бусин/нашивок.

Ключевые слова: верхний палеолит, Северо-Западный Кавказ, пещера Двойная, трасология, украшения из раковин, пресноводные моллюски *Theodoxus* sp., *Lithoglyphus naticoides*.

Коллекция находок из верхнепалеолитического культурного слоя пещеры Двойная включает в себя 29 раковин пресноводных моллюсков *Theodoxus* sp. и одну *Lithoglyphus naticoides*[1] (Леонова, 2015). Только 2 раковины целые, остальные имеют от 1 до 4 отверстий (рис. 1, *А*). Несколько раковин с поперечным сломом устья (4). Отверстия можно распределить на две группы: искусственные (созданные человеком) и возникшие случайным образом (выломы на месте макушек раковин, мелкая выкрошенность в местах утончения стенок раковин) (рис. 1, *Б*).

Вся коллекция была изучена при помощи стереоскопического микроскопа МБС-9. В основу реконструкций функционального использования и технологии перфорации положены предшествующие экспериментальные работы других авторов. Исследования, посвященные трасологическому анализу перфорированных раковин, известны для материалов целого ряда памятников каменного века Евразии и демонстрируют результаты многочисленных экспериментальных работ (Benghiat et al., 2009; Tátá et al., 2014; Mărgărit et al., 2018 и др.). Определены различные способы создания отверстия, имеющие прямые аналогии с выявленными на древних артефактах. На основе археологических данных прослеживается тенденция к применению единой техники для определенного вида раковин (Mărgărit et al., 2018).

Согласно экспериментальным работам по перфорированию, выполненным для раковин *Theodoxus* sp., лучшие результаты были получены тремя техниками (André, Bicho, 2016; Mărgărit et al., 2018). Первая связана со сверлением с помощью каменного орудия внешней выпуклой стороны раковины с последующим проламыванием корпуса, отверстие в результате круглое и небольшое, с ровным контуром и расширением стенок вовнутрь. Второй способ основан на ударе по перфоратору из кости или рога, установленному в зону пролома с внутренней стороны устья. Раковина при этом находится на мягкой органической подложке, например, деревянной основе. Отверстия в основном округлые с неровными контурами, наблюдается видимое внешнее расклинивание стенок и расслаивание поверхности. Третий способ связан с прямым давлением перфоратором на внутреннюю поверхность устья раковины. Этот метод позволяет контролировать силу давления и предотвратить случайные поломки. Отверстия получаются округлые, но с гранями, их морфология аналогична той, что получена путем непрямого удара (André, Bicho, 2016. P. 574).

[1] Видовые определения выполнены к.г.-м.н. П.Д. Фроловым (Москва, Геологический институт РАН).

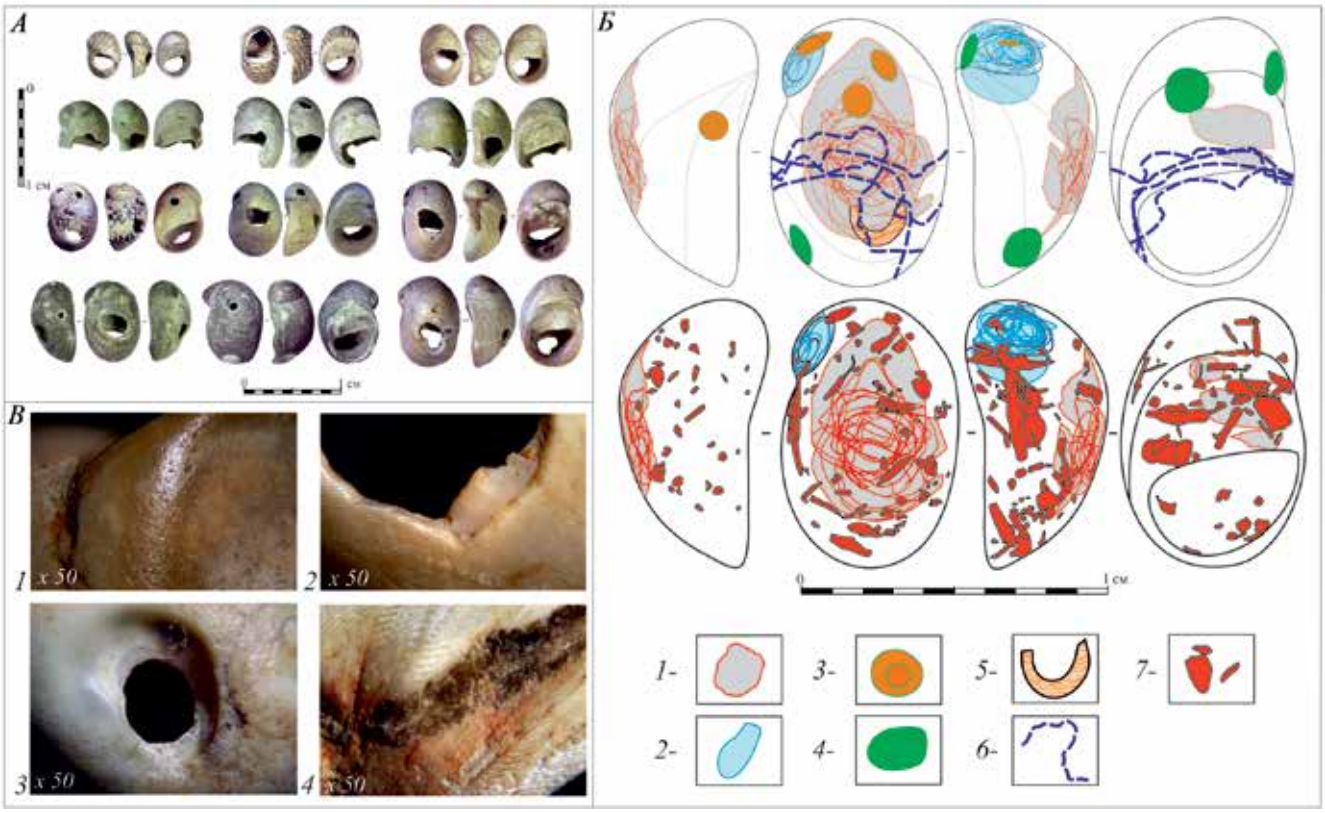


Рис. 1. Результаты трасологического анализа раковин пресноводных брюхоногих моллюсков *Theodoxus* sp. из верхнепалеолитического слоя пещеры Двойная: А – фото некоторых раковин *Theodoxus* sp.; Б – схема расположения повреждений и органических остатков на поверхности раковин: 1 – контуры пробитых человеком отверстий; 2 – контуры утраченных естественным образом отверстий на макушке раковины; 3 – «сверлины», оставленные неизвестным хищником; 4 – округлые «выгрызы» неизвестного происхождения; 5 – участок стенки «сверлины», по которой производилось пробивание отверстия; 6 – контуры сломов на 4 фрагментированных раковинах; 7 – остатки предположительно органического происхождения в виде «налепов», полос и отпечатков растительных волокон; В – микрофотографии следов на поверхности раковин: 1 – заполировка поверхности раковины; 2 – следы заглаженности от нити на краю пробитого отверстия; 3 – «сверлина», оставленная неизвестным хищником; 4 – остатки предположительно органического волокна и прокрашенность поверхности раковины охрой.

Пробитые человеком отверстия зафиксированы на 16 раковинах из пещеры Двойная (*Theodoxus* sp. (15) и *Lithoglyphus naticoides* (1)). Они располагаются на последнем завитке по центру корпуса, преимущественно округлых очертаний с выраженными гранями, в среднем 2,5–3,5 мм в поперечнике (рис. 1, *Б*). Морфология отверстий указывает на технику, основанную на прямом давлении жалом перфоратора, либо на ударе с посредником на внутреннюю стенку устья.

Трасологический анализ поверхности раковин позволил выявить следы истирания и сглаживания определенных участков стенок пробитых отверстий, указывающие на использование раковин в качестве бусин, нанизанных на органический ремешок/волокно (рис. 1, *В 1, 2)*. Область наиболее выраженного износа формируется на перешейке, образованном краем пробитого отверстия и границей устья раковины, наблюдается выраженный блеск, заметная вогнутость и сглаживание краев отверстия, на микроуровне видна яркая заполировка. Степень износа позволяет говорить о достаточно длительном использовании некоторых из рассматриваемых бусин пещеры Двойная. Также следы истирания фиксируются на поверхности между пробитым отверстием и макушкой раковины. Тесный контакт бусин между собой, соударения раковин вершинами могли приводить к утрате макушки. Изучение краев этих отверстий позволяет предполагать частичную их подправку человеком в ряде случаев: отверстия прямоугольных очертаний, края немного скруглены.

Помимо намеренно пробитых, на четырех раковинах обнаружены сквозные округлые отверстия диаметром не более 1 мм с «оплавленными» краями, и еще на 3 раковинах выявлены «лунки» подокруглой формы, с неровным изъеденным дном, глубиной в доли миллиметра – следы природного сверления, связанные с деятельностью неизвестного хищника (рис. 1, *В 3)*.

Поверхность многих бусин частично прокрашена охрой. На нескольких бусинах обнаружены обрывки, предположительно, волокон или нитей, в нескольких случаях приуроченные к краям пробитых отверстий (рис. 1, *Б, В 4)*.

Бусины из раковин *Theodoxus* sp. и *Lithoglyphus naticoides* нередко встречаются в едином контексте, известны в материалах памятников конца плейстоцена – начала голоцена в Европе, Средиземноморье, Понто-Каспийском регионе, на Кавказе и Ближнем Востоке. Их обнаружение в пещере Двойная позволяет поднять проблему определенного единства в способах адаптации и выборе стратегий природопользования древним человеком, направления связей населения, использовавшего эти раковины в качестве украшений.

Список литературы

Леонова Е.В. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН, 2015. М.: ОИФН РАН, ИЭиА РАН. С. 77–87.

André L., Bicho N. Perforation techniques and traces of use on the Mesolithic adornments of the Trench Area at Cabeço da Amoreira Shellmidden (Muge, central Portugal) // Palevol, 2016. Vol. 15 (5). P. 569–580.

Benghiat S., Komso D., Miracle P.T. An experimental analysis of perforated shells from the site of Sebrn Abri, Istria, Croatia // McCartan S., Schulting R., Warren G., Woodman P. (Eds.) / Mesolithic Horizons. Oxbow books, Oxford, 2009. P. 730–736.

Mărgărit M., Radu V., Boroneanț A., Bonsall C. Experimental studies of personal ornaments from the Iron Gates Mesolithic // Archaeological and Anthropological Sciences, 2018. Vol. 10 (8). P. 2095–2122.

Tátá F., Cascalheira J., Marreiros J., Pereira T., Bicho N. Shell bead production in the Upper Paleolithic of Vale Boi (SW Portugal): an experimental perspective // Journal of Archaeological Science, 2014. Vol. 42. P. 29–41.

Предварительные результаты археологических исследований на палеолитическом объекте Ясное-1 в Красноярске (Средняя Сибирь)

© 2020 г. Е.А. Филатов[1] (egorphylatov@gmail.com), Д.Н. Лысенко[2], А.М. Клементьев[3], Н.С. Степанов[4]

[1] НПО «Археологическое проектирование и изыскание», Красноярск, РФ
[2] Красноярская Геоархеология, Красноярск, РФ
[3] Институт земной коры СО РАН, Иркутск, РФ
[4] НПО «Археологическое проектирование и изыскание», Красноярск, РФ

Аннотация. В 2018 году в черте Красноярска был обнаружен новый палеолитический объект – местонахождение Ясное-1. В 2019 году в ходе работ на этом объекте был получен археологический и палеофаунистический материал, отнесенный к заключительным этапам MIS3. Каменная индустрия представлена подпризматическими нуклеусами, орудиями, из которых выразительны пластины с ретушью, скребки, резцы, чопперы. Выявлены также изделия из кости – пазовые орудия и ретушеры. В фауне доминирует дикая лошадь, первобытный бизон, северный олень. Полученные радиоуглеродные даты (UCIAMS) по костям северного оленя и лошади подтвердили и уточнили возраст объекта в пределах 26,5–33,5 тыс. радиоуглеродных лет, что согласуется с геоморфологической и стратиграфической позицией.

Ключевые слова: поздний палеолит, Красноярск, Средняя Сибирь, Ясное-1, палеофаунистический материал, каменная индустрия.

Введение. В 2019 г. ООО «Красноярская Геоархеология» были проведены археологические спасательные работы на местонахождении Ясное-1, расположенном на северо-востоке Красноярска (Красноярский археологический район). Объект был выявлен Н.С. Степановым и Д.Н. Лысенко в ходе разведочных работ. Первоначально основанием для выделения объекта послужило археозоологическое заключение об искусственности расщепления костей северного оленя (Лысенко, 2018). В 2019 г. данный объект изучался на площади 584,34 кв. м, разбитой на 20 раскопов.

Геоморфология и стратиграфия. Объект Ясное-1 находится в пределах пологой склоновой поверхности с абсолютными отметками 227–228 м, относительными отметками над Енисеем 100 м; значительно удален от речных артерий. Эта поверхность находится в пределах енисейской террасы (торгашинской) раннеплейстоценового возраста. Поверхность террасы за длительное время существования была покрыта субаэральными отложениями склонового генезиса. В современном рельефе они интенсивно расчленены эрозионной сетью. Среди них – овраги голоценового времени и элементы древней эрозионной сети (лога), расположенные к западу и юго-западу от объекта. В раскопах вскрывается толща рыхлых отложений верхненеоплейстоценового возраста, мощностью до 3 м (20 раскопов). Обобщенное строение толщи покровного комплекса отложений (Равский, 1972, Цейтлин, 1979) можно представить в следующем виде.

Слой 1 – современный почвенно-растительный горизонт. Слой 2 представляет собой голоценовый почвенный горизонт, деформированный сельскохозяйственной деятельностью. Третий литологический слой можно отнести к лессовидным покровным образованиям сартанского возраста, характерным для всего юга Сибири. С основанием данного слоя связаны устья криогенных псевдоморфоз (мерзлотных клиньев), которые деформируют нижележащие слои. На наш взгляд псевдоморфозы соотносится с максимумом (LGM) сартанского похолодания в MIS-2. Литологический слой 4 (4.1. и 4.2.) несет признаки педогенеза и отражает устойчивую поверхность осадконакопления. Структурные изменения его целостности связаны с последующим криогенезом. Стратиграфическая позиция, а также радиоуглеродные даты (не калиброванные), полученные из культуросодержащих слоев по костям 33420±320 (UCIAMS-223101), 27930±160 (UCIAMS-223102), 33610±320 (UCIAMS-22310), 326660±140 (UCIAMS-223104), позволяют отнести его к поздней поре MIS-3. Данному факту не противоречит характер каменной индустрии, состав и сохранность палеофаунистического материала. Подстилающие лессовидные отложения пока лишены абсолютных датировок и предварительно отнесены к докаргинскому времени позднего неоплейстоцена.

Археологический и палеофаунистический материал зафиксирован в литологических слоях 4.1. и 4.2. Планиграфическое распределение археологического материала не позволяет достоверно выделить зоны скоплений или

хозяйственно бытовых комплексов. Слои 4.1. и 4.2. были подвержены криогенезу (следы солюфлюксии и мерзлотных псевдоморфоз), что затрудняет процесс планиграфического анализа. Всего выявлено 911 экземпляров целых и искусственно расколотых костей, роговых и каменных изделий. Коллекция каменных изделий насчитывает 86 предметов, из них достоверно к артефактам отнесены 50 экземпляров.

Каменная индустрия базируется на разнообразных осадочных и метаморфических породах, представленных галечным субстратом. Характер первичного расщепления и сколов позволяет отнести индустрию к пластинчатым. Нуклеусы представлены объемными формами одноплощадочных, одно- и многофронтальных параллельного скалывания. В орудийном наборе доминируют орудия, выполненные на пластинах и пластинчатых сколах. В коллекции присутствуют скребла, скребки высокой формы и боковые скребки на отщепах. Также выделены чопперы и угловые резцы. К типологически выраженным «рубящим орудиям» отнесено овальное изделие, характеризуемое радиальным оформлением рабочего лезвия. На некоторых экземплярах галечных изделий фиксируется пикетаж, расположенный в центральной части предмета на обеих сторонах, который, по всей видимости, служил целям вторичной обработки.

Коллекция палеофаунистического материала включает следующие виды млекопитающих: серого волка *Canis lupus*, пещерного льва *Panthera spelaea*, ископаемую дикую лошадь *Equus ferus*, кулана *Equus hemionus*, благородного оленя *Cervus elaphus*, северного оленя *Rangifer tarandus*, первобытного бизона *Bison priscus*, горного барана *Ovis ammon*. Кроме того, значительное количество материала определено до семейства или размерной категории, поскольку кости очень сильно фрагментированы и не сохранили видовых диагностичных морфологических признаков. Полученные прямые даты (26660 л.н. по пястной кости лошади, 27930, 33420, 33610 л.н. по костям северного оленя) свидетельствую об автохтонном образовании тафоценоза. При этом доминирование остатков промысловых копытных, сильная фрагментация костей, наличие обработанного костного/рогового материала говорит в пользу приуроченности палеофаунистической коллекции к археологическому комплексу. В комплексе представлены изделия из рогов северного оленя, в том числе роговая рукоять.

Заключение. Исследования Ясного-1 позволяют, на наш взгляд, сформулировать некоторые его особенности: 1) объект значительно удален от ближайших речных долин и не приурочен к выдающейся форме рельефа; 2) доминирующее значение в коллекции принадлежит целым и искусственно расщепленным костям (более 95 %). Вероятно, обитатели стоянки заселяли/посещали местность кратковременно, с целью охоты, в первую очередь на лошадь, а также на бизона и северного оленя.

Ясное-1 является редким объектом раннего периода верхнего палеолита в рамках красноярского археологического района, наряду с Афонтовой Горой-V (Артемьев, 1999) и Афонтовой Горой-II «Склон» (Мещерин и др., 2018). Это обстоятельство, позволяет предварительно обозначить синхронность бытования этих комплексов в пределах MIS-3.

Работы выполнена при финансовой поддержке ООО «Красноярская Геоархеология».

Список литературы

Артемьев Е.В. Первичное раскалывание и вторичная обработка в индустрии стоянки Афонтова Гора V // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 179–187.

Лысенко Д.Н. Краткий научно-технический отчет по результатам выполнения археологического обследования территории земельного участка, отводимого под проектирование и строительство объекта «Детский сад в 10 микрорайоне жилого района «Солонцы-2» в г. Красноярске в 2018 г. // Архив ООО «НПО АПИ».

Мещерин М.Н., Опекунова М.Ю., Голубцов В.А., Лысенко Д.Н., Клементьев А.М., Максимов Ф.Е., Филатов Е.А. Новейшие геоархеологические изыскания на Афонтовой Горе II // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2018. Вып. 7. С. 142–149.

Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. М.: Наука, 1972. 336 с.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 258 с.

Экспериментальное моделирование технологии первичного расщепления в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры

© 2020 г. В.М. Харевич *(mihalich84@mail.ru)**, А.В. Шалагина. С.В. Маркин, К.А. Колобова***

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального моделирования процесса первичного расщепления в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры, которое производилось в рамках радиального и ортогонального методов. Сопоставление экспериментальной и археологической коллекции предварительно показало, что начальные стадии расщепления производились за пределами стоянки, и часть сколов приносилась в пещеру в качестве оформленных орудий.

Ключевые слова: средний палеолит, Горный Алтай, Чагырская пещера, первичное расщепление, эксперименты.

Чагырская пещера расположена в среднегорье северо-западного Алтая в среднем течении р. Чарыш. Основной археологический материал происходит из средней части разреза, образованной слоями 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2, и представляет собой единый технокомплекс, который относится к сибирячихинскому варианту среднего палеолита Алтая (Kolobova et al., 2020). Согласно проведенным исследованиям первичное расщепление стоянки направлено на

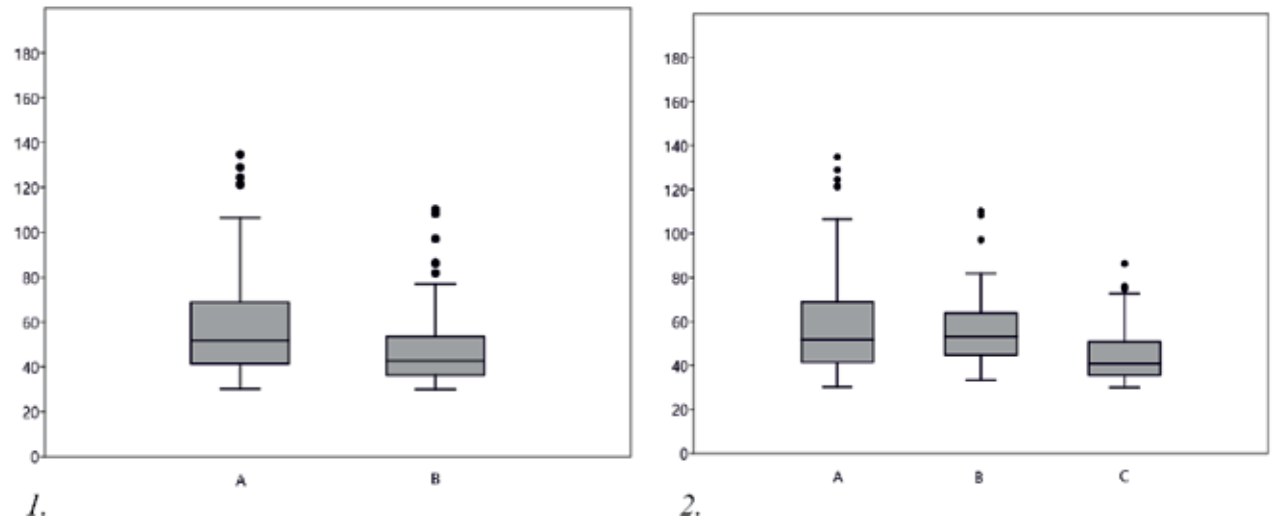


Рис. 1. Сопоставление размеров сколов экспериментальной и археологической коллекций:
1 – соотношение длинны протяженной оси сколов экспериментальной коллекции (A) и сколов из слоя 6в2, включая орудия (B); 2 – соотношение длинны протяженной оси сколов экспериментальной коллекции (A), сколов из слоя 6в2 без вторичной обработки (B) и орудий из слоя 6в2 (C).

получение отщепов в рамках ортогонального и радиального скалывания. Типологически определимые нуклеусы в коллекции немногочисленны и представлены ортогональными и радиальными формами. Следов использования техники леваллуа и пластинчатой технологии в комплексе обнаружено не было (Kolobova et al., 2020).

С целью реконструкции технологии расщепления, выявленной с помощью технико-типологического анализа коллекции, и определения особенностей получения сколов-заготовок из местного галечного сырья, была проведена серия экспериментов по производству отщепов в рамках радиального и ортогонального методов расщепления. Основное внимание в ходе экспериментов было сосредоточено на определении технических сколов, маркирующих различные методы расщепления, а также на выделении признаков, указывающих на полноту цикла производства сколов-заготовок в экспериментальной и археологической коллекции.

Сырьем для экспериментов послужил мелковалунник–крупногалечник руслового аллювия р. Чарыш. Для производства отщепов отбирались горные породы аналогичные тем, что использовались в каменной индустрии Чагырской пещеры – эффузивы, песчаники, халцедониты, яшмоиды и др. (Деревянко и др., 2015). В качестве отбойников применялись гальки гранитов и песчаников. Всего в ходе экспериментального моделирования был расколот 21 нуклеус. В рамках радиального метода было расщеплено 11 нуклеусов, ортогонального – 10.

Опыт экспериментов показал, что в рамках радиального метода расщепления выделяется два основных этапа: подготовка фронта скалывания/начальная стадия получения заготовок; серийное получение заготовок.

Первый этап включал в себя снятие первичных сколов, формирующих центростремительную огранку поверхности фронта и контрфронта. Получаемые в ходе этого этапа сколы («*debordant radial cortical flakes*» – краевые сколы с радиальных нуклеусов покрытые галечной коркой) характеризуются крупными размерами и сохранностью галечной корки на значительной части дорсальной поверхности. Сколы с фронта от технических сколов отличает более тщательная подготовка ударных площадок.

Второй этап – серийное снятие сколов-заготовок, как правило, включал несколько циклов, связанных с уплощением и восстановлением выпуклости фронта скалывания. После получения нескольких крупных отщепов фронт скалывания заметно уплощался, и для восстановления выпуклости фронта производилось несколько мелких технических сколов, представляющих собой краевые сколы с радиальных нуклеусов («*debordant radial flakes*»), после этого вновь следовало снятие нескольких крупных отщепов. Весь процесс сопровождался постоянной подправкой ударных площадок. Сколы-заготовки, получаемые в рамках радиального метода, характеризуются трапециевидной конвергентной или треугольной формой, перьевидным дорсальным окончанием, двугранными или фасетированными ударными площадками.

Получение сколов-заготовок в рамках ортогонального метода расщепления также включало два основных этапа: подготовка фронта скалывания и серийное получение заготовок. На первом этапе производилась подготовка поверхности фронта снятием первичных сколов. Реализации каждого скола на фронт предшествовала подготовка ударной площадки. Наиболее характерный для этого этапа тип снятий – краевые сколы, покрытые галечной коркой (*«debordant cortical flakes»*). Второй этап – последовательное получение сколов-заготовок с каждой площадки. Восстановление выпуклости фронта в рамках этого этапа осуществлялось путем снятия полуреберчатых отщепов («*semi-crested flakes*»), характерных именно для ортогонального метода. Сколы заготовки характеризуются подпрямоугольной или трапециевидной формой, двугранными или фасетированными ударными площадками.

Наиболее распространенным типом сколов в рамках радиального и ортогонального методов расщепления являются сколы подправки ударных площадок. В основном это вторичные сколы с крупными сильно скошенными гладкими ударными площадками без подготовки зоны расщепления.

Также в рамках данной работы были предприняты попытки оценки целостности цикла первичного расщепления, представленного в комплексах Чагырской пещеры. Для этого было проведено сопоставление метрических параметров сколов археологической и экспериментальной коллекций. Для сравнительного анализа были отобраны целые отщепы, размеры которых по наиболее длинной оси превышает 3 см. Всего для сравнения было привлечено 296 экспериментальных снятий, полученных с 7 ядрищ и 378 отщепов из слоя 6в2 Чагырской пещеры (материалы 2016–2017 гг.).

Сравнение сколов по наиболее длинной оси (рис 1, *1*), показывает, что отщепы экспериментальной коллекции в среднем крупнее, чем сколы (включая орудия) из слоя 6в2 (сравнение выборок по критерию Манна-Уитни указывает на значительную разницу, $p=3.3797\times10^{-11}$). Это может свидетельствовать о том, что ранние стадии расщепления проходили за пределами пещеры, где получались наиболее крупные сколы, часть из которых попадала в пещеру в виде оформленных орудий. Поэтому сколы из слоя 6в2 в среднем обладает меньшими размерами, чем совокупность экспериментальных снятий, отражающих полный цикл первичного расщепления.

Совершенно иная ситуация наблюдается при сравнении только орудий из слоя 6в2 с экспериментальными сколами (рис. 1, *2*), их медианные размеры практически идентичны (по критерию Манна-Уитни p=0,83841). Это можно объяснить тем, что заготовки для орудий отбирались на всех стадиях расщепления, в том числе в виде оформленных орудий в пещеру попадали крупные сколы с первых стадий. Поэтому медианные размеры орудий близки размерам экспериментальных снятий, полученным при полном цикле редукции. Кроме того, вероятно часть отщепов, размеры которых не превышают 4 см, связана не с нуклеусным расщеплением, а с производством двусторонних орудий, широко использовавшихся в индустрии Чагырской пещеры (Kolobova et al., 2019).

Таким образом, проведенные эксперименты и анализ экспериментальной коллекции позволили выявить основные особенности производства отщепов из местного галечного сырья Чагырской пещеры в рамках радиального и ортогонального методов расщепления. Сопоставление экспериментальной и археологической коллекций предварительно показало, что ранние стадии расщепления нуклеусов происходили за пределами стоянки, на галечных косах, и крупные сколы попадали на территорию памятника уже в виде оформленных орудий. Такая модель утилизации каменного сырья представляется наиболее рациональной в условиях особенностей местного галечного сырья, которое характеризуется крупными размерами (вес до 8–10 кг) и обилием внутренних трещин и включений, выявить которые можно только, начав расщепление.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 19–48–04107.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 3. С. 3–16.

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I., Chabai V.P. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic // L'Anthropologie. 2019. T. 123. № 2. C. 276–288.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier Th., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // PNAS. Vol. 117 (6), P. 2889–2885; DOI: 10.1073/pnas.1918047117.

Адаптация технологии расщепления камня к использованию различных типов сырья в верхнем палеолите Монголии

© 2020 г. А.М. Хаценович *(ada1985@yandex.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В статье рассматривается зависимость технологии производства и получения целевого скола-заготовки от типа используемого каменного сырья в верхнем палеолите Монголии. Круг памятников верхнего палеолита включает крупнопластинчатые индустрии и те, в основе которых лежит леваллуазская технология, вместе с мелкопластинчатым компонентом. Все они могут характеризовать продвижение новых популяций на юго-восток или сосуществование нескольких популяций с различным культурным набором на одной территории.

Ключевые слова: Центральная Азия, Монголия, палеолит, адаптация, каменная индустрия, культурный набор.

Понимание процесса эволюции человека предполагает изучение двух ее составляющих: биологической эволюции, то есть данных физической антропологии и генетики, и культуры человека. Исследуя археологические памятники, мы пытаемся понять, какой культурный набор был характерен для определенного вида человека, и как культурный набор изменялся или эволюционировал во времени, в зависимости от видовой принадлежности его носителя. Изучение механизмов адаптации – биологической для всех живых организмов и культурной для человека – является ключом к пониманию эволюции. Адаптационные стратегии древнего человека могли не претерпевать изменений длительное время, образуя своеобразные региональные культурные рефугиумы, при благоприятных климатических обстановках. Адаптация человека к экстремальным природным условиям, изменениям климата, резким годовым колебаниям температур, аридным или высокогорным условиям должна подразумевать гибкий культурный набор и широкую специализацию в ресурсообеспечении, и, напротив, обитание в ареалах с умеренным климатом, однородными природными условиями и живот-

ными ресурсами, как, например, равнины умеренных поясов, могут подразумевать большую стабильность и стандартизацию в культурном наборе и совершенствование существующих технологий производства. Современные исследования в области археологии каменного века базируются на признании того, что факторы, определяющие темпы, динамику и направление культурного развития древнейших популяций, во многом определяются сочетанием различных причин, среди которых важнейшими являются природная среда, различные варианты обеспечения деятельности человека необходимым для изготовления орудий каменным сырьем, в зависимости от характера мобильности палеопопуляции, продолжительности и функциональной особенности деятельности человека на территории памятника; возможное взаимодействие пришлых и местных популяций, наличие или отсутствие перерывов в культурной последовательности и характере заселения территории.

Пристальное внимание уделяется и путям расселения человека современного типа по территории Азии. Наибольшее признание получили конкурирующие, до недавнего времени, гипотезы «северного» и «южного пути» расселения из Африки. Первая точка зрения основывается на предположении, что после выхода из Африки расселение сапиенсов на восток осуществлялось через территорию Средней Азии, Алтая и Монголии. Другая точка зрения основывается на предположении, что заселение Азии происходило по южным окраинам материка, через Индостан и Юго-Восточную Азию (Bae, Douka, Petraglia, 2017). На данный момент отмечается, что на территории Юго-Восточной Азии представлен средний палеолит, после которого следуют микролитические комплексы, наиболее ранние из которых датируются 36000 л.н., и существуют вплоть до железного века (Roberts et al., 2017). Комплексы финального среднего и начального верхнего палеолита, базирующиеся на крупнопластинчатой технологии, в Юго-Восточной Азии отсутствуют. Это свидетельствует о существовании в Центральной и Юго-Восточной Азии изолированных друг от друга на протяжении длительного времени палеопопуляций с разными культурными наборами. Поэтому «северный путь», а именно восточная часть Центральной Азии, служившая контактной территорией между западноевразийской и восточноазиатской физико-географическими и культурными макрорегионами, на данный момент стал объектом пристального внимания ученых всего мира.

В 1990-х – 2000-х велась активная дискуссия о том, какие археологические комплексы можно считать переходными, о критериях выделения перехода на примере ряда памятников, расположенных, преимущественно, в Европе (Комбе-Греналь, Ля Феррасси, Пеш де Лазе) и Леванте (Бокер-Тахтит) (Marks and Volkman, 1983). В современной науке к интерпретации каменных индустрий и развитию экономического и поведенческого аспектов, являющихся основополагающими для разработки критериев выделения перехода, добавилась проблема, связанная с открытием новых видов человека благодаря генетике. Именно видовая составляющая добавила множество новых вопросов в трактовке перехода.

В западном понимании переходными называются те комплексы, которые демонстрируют явные отличия в развитии экономики, социальной организации и производстве относительно предшествующих среднепалеолитических комплексов. Очевидным является разделение индустрии по типу основного скола-заготовки – отщеповый средний палеолит, пластинчатый верхний палеолит. В начальном верхнем палеолите Леванта выделяется переход от леваллуазского бипродольного производства пластин к их получению в рамках расщепления объемных нуклеусов (Kuhn, 2019). На протяжении длительного времени существует дискуссия, присутствует ли леваллуазская технология в индустриях этого этапа в Южной Сибири (Белоусова, Рыбин, Федорченко, 2019) и Монголии. Последние исследования показали, что на территории Монголии леваллуазская индустрия не только присутствует, но в начальном верхнем палеолите появляется новый метод – бипродольное конвергентное получение острий, который широко распространяется по всему региону (Rybin, Khatsenovich, 2020). При этом он находится в одном контексте как с ламинарными индустриями, так и основанными на леваллуазском и мелкопластинчатом расщеплении в целом. Так, изучение памятника Мойлтын ам в Центральной Монголии показало, что определенный набор, характерный для техники скола начального верхнего палеолита, использовался и в индустриях иного облика. Все пластины и леваллуазские сколы – отщепы и острия – изготовлены из местного галечного осадочного сырья высокого качества, но сильно трещиноватого. Оно представлено аргиллитами, алевролитами, алевро-песчаниками и микрокристаллическими силицитами. Ограничение в длине и объеме нуклеуса, подготовленного на гальке из местного аллювия, не позволяло использовать его для производства крупных пластин. Материалы памятника Чихэн-2, включая сборы с поверхности, также указывают на производство крупных остроконечных пластин из приносного сырья, а также оформления типов орудий, являющихся маркерами для ламинарного начального верхнего палеолита, и, в то же время, на преобладающий характер леваллуазской и мелкопластинчатой индустрии из сырья, источники которого расположены относительно недалеко от памятника (Кулик, Нохрина, Милютин, 2005; Derevianko et al., 2015).

Распространение пластинчатых индустрий начального верхнего палеолита охватывало огромные территории, от Леванта, Центральной Азии и Алтая до территории северного Китая и Тибетского плато. Большинство этих комплексов привязаны к первичным выходам сырья, позволяющим оформлять крупные нуклеусы для производства пластин. В то же время, на территории Монголии обнаружен ряд комплексов, которые синхронны или датируются несколько позднее времени пластинчатого начального верхнего палеолита, то есть моложе 45 000 л.н. Все эти комплексы объединяет верхнепалеолитический набор орудийных типов, включая орудия-маркеры (Rybin, 2014), а также схожую технику скола, несмотря на различия в базовой технологии расщепления – пластинчатой и леваллуазской с мелкопластинчатым компонентом. Такие местонахождения позволяют проследить маршрут «северного пути» распространения человеческих видов. Очевидно, Гималаи явились естественным барьером, который от-

делял носителей пластинчатых индустрий начального верхнего палеолита Северной и Центральной Азии от обладателей верхнепалеолитического культурного набора, основанного на микролитической технике, бытовавшего в Юго-Восточной Азии, и связанных с «южным путем» проникновения нового вида человека.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19–78–10112 ««Адаптация древнего человека к среднегорьям и аридным высокогорьям восточной Центральной Азии в позднем плейстоцене и раннем голоцене».

Список литературы

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю. Стратегия обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизорнта ВП2 стоянки Кара-Бом) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 1. С. 225–250.

Кулик Н.А., Нохрина Т.И., Милютин К.И. Петрография артефактов индустрий палеолита и мезолита Гобийского Алтая (по материалам археологических объектов Сууж и Чихэн) // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые факты, методы, гипотезы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. — С. 97–103.

Bae C.J., Douka K., Petraglia M.D. On the origin of modern humans: Asian Perspectives. Science. 2017. Vol. 358. No. 1269.

Derevianko A.P., Markin S.V., Gladyshev S.A., Olsen J.W. The Early Upper Paleolithic of the Gobi Altai region in Mongolia (based on materials from the Chikhen-2 site). Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2015. No. 43. P. 17–41.

Kuhn S.L. Initial Upper Paleolithic: A (near) global problem and global opportunity // Archaeological Research in Asia. 2019. Vol. 17. P. 2–8.

Marks A.E., Volkman P. Changing core reduction strategies: A technological shift from the Middle to the Upper Paleolithic in the southern Levant. In: Trinkaus, E. (Ed.), The Mousterian Legacy: Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene. British Archaeological Reports: Oxford, 1983. P. 13–33.

Roberts P., Blinkhorn J., Petraglia M. A transect of environmental variability across South Asia and its influence on Late Pleistocene human innovation and occupation // Journal of Quaternary Science. 2017. 33(e).

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and central Asia. Quaternary International, 2014. Vol. 347. P. 39–52.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia. Quaternary International 535. 2020. P. 117–138.

Опыт реконструкции плана и особенности структуры верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи 1

© ***2020 г. Г.А. Хлопачев*** *(gakmae@yandex.ru)*

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Стоянка Елисеевичи 1 (17–12 тыс. л. н.) является одним из наиболее полно исследованных, опорных памятников для изучения верхнего палеолита бассейна р. Десна. В статье, на основе данных из недавно обнаруженной в архиве ИИ НАН РБ (Минск, Белоруссия) полевой документации К.М. Поликарповича о раскопках этой стоянки в 1935, 1936, 1946 гг., анализируются вскрытые скопления костей мамонта, дается оценка существующих представлений о пространственной структуре древнего поселения.

Ключевые слова: верхний палеолит, бассейн р. Десны, стоянка Елисеевичи 1, конструкции из костей мамонта, структура поселения.

Верхнепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1 (17–12 тыс. л. н.) находится на окраине с. Елисеевичи в Жирятинском районе Брянской области России. Стоянка открыта в 1930 г. известным советским археологом К.М. Поликарповичем и исследовалась им в 1935, 1936, 1946, 1948 гг. В 1963 и 1965 гг. работы на памятнике продолжил его ученик В.Д. Будько. В 1970, 1972, 1974, 1978, 1980 и 1986 гг. раскопки на стоянке велись Л.В. Греховой совместно с отрядом ИГ АН СССР под руководством А.А. Величко, в 2010, 2011, 2013 гг. — Г.А. Хлопачевым (Хлопачев и др., 2017). За все время исследований было раскопано более 700 кв. м площади стоянки, выявлены и изучены различные сложные объекты. Составленный Л.В. Греховой общий сводный план стоянки позволил выявить определенную систему в размещении этих объектов и определить «зону активного обитания в центре поселения» (Величко и др., 1997. С. 9. Рис. 2; 119). По мнению Л.В. Греховой зона представляла собой единый, крупный хозяйственно-бытовой комплекс. В его южной части – обширное мощное скопление углисто-золистой массы («зольник»), содержащей огромное количество кремневых изделий, а также краску, кусочки мергеля, поделки и заготовки из костей песца и волка. В северной части хозяйственно-бытового комплекса находились четыре скопления костей мамонта в ямах округлой формы от 2,0 до 2,8 м в поперечнике и 0,5–0,6 м глубиной, которые располагались по дуге на расстоянии 2–3 м друг от друга. Центральный участок зоны активной жизнедеятельности между «зольником» и ямами с костями, имел ширину около 10 м. Здесь были обнаружены «обширные скопления костей мамонта». Они находились параллельно ряду ям, в 6–8 м к югу от него, и в непосредственной близости от северной границы «зольника». Именно в этом скоплении сделаны наиболее значимые археологические находки. О характере культурного слоя на этом участке, особенностях открытых конструкций из костей мамонта до настоящего времени было известно очень не много.

Центральный участок стоянки раскапывался К.М. Поликарповичем в 1935, 1936 и 1946 гг. Немногочисленные статьи, посвященные результатам этих работ имеют предварительный характер (Поликарпович, 1940), а обобщающая публикация готовилась к изданию В.Д. Будько уже

после смерти исследователя и характеризуется как неполнотой представленных в ней данных, так и плохо сведенным, мало информативным планом раскопок (Поликарпович, 1968).

К.М. Поликарпович на площади раскопов 1935, 1936 и 1946 гг. описал объекты из вертикально поставленных плоских костей мамонта, получившие название «ход» и «круг», а в раскопах 1935 и 1936 гг. компактные скопления пластин из бивня мамонта с резным геометрическим орнаментом («чурингов») в окружении черепов и костей мамонта. «Ход» описан исследователем как конструкция (6,5×2,0 м) из тазовых костей, лопаток, крупных трубчатых костей и черепов мамонтов, стоявших вертикально и образующих две параллельные стенки, а «круг» — как намеренно установленные вертикально по кругу лопатки мамонта.

Л.В. Грехова иначе интерпретировала выявленные К.М. Поликарповичем скопления костей. «Ход» и «круг» она считала «завалом крупных костей, перемещенных при разрушении какого-то сооружения, сложного по структуре». Скопление «чуринг» в раскопе 1935 г. интерпретировала как «мощное скопление костей в яме округлой формы с внутренним диаметром около 2 м», а другое их скопление среди костей мамонта в раскопе 1936 г. как остатки некой частично разрушенной мерзлотными процессами конструкции овальной формы.

Недавно обнаруженные в Национальном архиве НАН РБ описи, дневники, планы раскопов и отдельных участков культурного слоя раскопок К.М. Поликарповича позволили внести определенную ясность в вопрос о количестве, характере и конструктивных особенностях всех крупных объектов, расположенных в центральной части стоянки Елисеевичи 1.

На юго-восточном участке раскопа II 1936 г. на трех соседних квадратах находилось скопление из пяти, плотно прилегающих друг к другу и образующих дугу окружности, черепов мамонтов. Три черепа в этой конструкции были вкопаны на одном уровне в положении альвеолами вертикально вниз, их лобные части обращены на северо-запад — в сторону еще одного черепа мамонта, который располагался на затылке альвеолами вверх. Он лежал на древней поверхности, маркированной углисто-зольным прослоем. На этом же прослое в положении лбом вниз, альвеолами на юго-восток находился череп мамонта, помещенный между черепами, вкопанными альвеолами вниз. Он опирался на другой череп, лежащий плашмя. Напротив этой группы черепов в двух метрах к северо-западу была вскрыта выкладка из плотно уложенных и подогнанных друг к другу крупных костей мамонтов — черепов, лопаток, тазов, бивней. Часть черепов мамонта в северной части выкладки также располагались альвеолами вниз и имели одинаковую ориентацию — лобной частью на юго-запад. Описанные конструктивные особенности характерны для жилищ аносовско-мезинского типа на Русской равнины.

В полутора метрах севернее этой конструкции находилось еще одно скопление черепов мамонтов. Оно состояло из пяти черепов и не менее 11 крупных их фрагментов. Черепа располагалась очень компактно. Все наиболее сохранившиеся черепа ориентированы лобной частью на северо-запад, большинство находилось в положении альвеолами вниз. Причем в альвеолах нескольких из них были обнаружены «кладики» из кремневых нуклеусов, пластин и костей. Все это указывает на намеренный характер установки черепов. В отличие от описанной ранее конструкции, в этом скоплении черепа находились на разных уровнях, так, как если бы они были помещены в крупную яму (2,0×2,0×0,6 м). Ее существование подтверждают продольный и поперечный разрезы объекта. В основании пологого борта ямы под черепами в комке зольной массы находилось погребение ребенка. Этот объект представляет собой аналог реконструированной Л.В. Греховой в раскопе 1935 г. (Грехова, 1993) крупной углубленной конструкции с черепами мамонта и ямой на дне, в которую были сложены «чуринги», уникальная женская статуэтка и череп собаки.

Севернее, в метре от него, находился объект из вертикально стоящих лопаток и тазовых костей мамонта — получивший название «ход». Он частично располагался в раскопе 1936 г., а частично — в раскопе 1935 г. Его северная стена в раскопе 1936 г. включала в себя черепа мамонта. Выявленные на этом участке углисто-зольные прослойки позволили установить, что кости были намерено установлены по краям канавообразного углубления. Нижний углистый прослой залегал с небольшим прогибом и маркировал дно канавы. Верхний, более мощный углистый слой, лежал уже горизонтально и именно на него опирались вертикально поставленные кости.

У южного окончания «хода» находился «круг» № 1 из плоских костей мамонта. В его центре обнаружено компактное скопление мелких костей, среди которых найден конец небольшой орнаментированной мотыжки. К юго-западу от «круга» № 1 в 1946 г. раскопан «круг» № 2 (1,53×1,34 м). Он был сооружен из пяти лопаток мамонтов, поставленных по кругу, с наклоном от его центра, своими узкими каудальными концами вниз и гребнями наружу. У внешнего края этой «чаши» находились ямки, где лежали орнаментированные бивневые сколы. Эта конструкция была перекрыта мощным культурным слоем. Изучение микростратиграфии на данном участке позволило выделить три разорванных во времени эпизода существования поселения: первый — образование культурного слоя, предшествовавшего сооружению «круга» № 2, второй — сооружение «круга» № 2 и очага, третий — образование перекрывающего «круг» № 2 мощного культурного слоя.

Таким образом, проведенное исследование позволяет выделить на территории центральной части стоянки три различных вида конструкций из костей мамонта: 1. крупные блюдообразные ямы с черепами мамонта и с ямами-хранилищами меньших размеров на дне; 2. круговые и линейные выкладки из вертикально поставленных плоских костей мамонта; 3. конструкции аносовско-мезинского типа с черепами, вкопанными альвеолами вертикально вниз. Только третий из них — находит широкие аналогии среди жилищ аносовско-мезинского типа на территории Русской равнины. Помимо этого при анализе Елисеевического поселения следует непременно учитывать свидетельства существования нескольких эпизодов его функционирования.

Список литературы.

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.: РИЦ Гос. Истор. музея, 1997. 192 с.

Грехова Л.В. Опыт реконструкции по архивным данным утраченного плана 1935 г. палеолитической стоянки Елисеевичи // РА. 1993. № 7. С. 173–182.

Поликарпович К.М. Работы по исследованию палеолита в Западной области в 1936 г. // СА. 1940. т. V. С. 285–290.

Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968. 204 с.

Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н., Кулькова М.А., Сапелко Т.В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1: новые данные о возрасте и длительности существования // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 1. С. 41–58.

Жилища или оссуарии: заметки на полях дискуссии о назначении костно-земляных сооружений палеолита

© 2020 г. А.А. Чубур (fennecfox66@gmail.com)

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Аннотация. Рассмотрены аргументы pro и contra для традиционной парадигмы костно-земляных капитальных жилищ охотников на мамонта и возрождаемой в последнее время гипотезы палеолитических жертвенников-костниц (оссуариев). Автор приходит к выводу, что гипотеза оссуариев не дает ответов на многие вопросы, разрешаемые традиционной версией, но имеет и определенные основания. Жилище изначально несет в себе и сакральную функцию, что может объединить версии в композитную гипотезу.

Ключевые слова: верхний палеолит, костно-земляные жилища, оссуарии, охота на мамонта, мамонтовые «кладбища».

В 1947 г. на поселении Юдиново скопления искусственно отобранных и сложенных в конструкции костей мамонта впервые были интерпретированы белорусским археологом К.М. Поликарповичем как следы особого типа костно-земляных жилищ. С тех пор подобных объектов выявлено более двух десятков, и большинство археологов видят в них именно следы жилых сооружений. Но в последнее время вновь возродились и иные, казалось бы, ушедшие в прошлое толкования таких скоплений (Саблин, 2019; Хлопачев, Гаврилов, 2019), предлагающие видеть в них не остатки хижин, а оссуарии, куда первобытные охотники складывали останки добычи для ее последующей реинкарнации. Гипотеза не нова, это диалектический возврат к уже имевшим место взглядам на скопления костей мамонта на стоянках, как на проявление культа (Назиров, 1982. С. 28).

Безусловно, новым словом в методологии исследований является то, что я назвал «типолого-тафономическим методом»: авторы «гипотезы оссуариев» предлагают классифицировать не реконструкции жилищ, а сами скопления костей в том виде, как они сохранились. Есть смысл в широком применении этой методики: понимание формирования любых археологических объектов способствует объективизации последующих реконструкций.

Теперь рассмотрим обоснованность аргументов, приводимых в пользу «первобытных оссуариев». Действительно, нет среди них двух абсолютно идентичных по размеру и комбинации элементов и даже форме конструкций (Гаврилов, 2015). В то же время индивидуальные особенности, присущие каждой конструкции не отрицают набора общих черт, и не могут служить аргументом в пользу их сугубо культовых причин. В палеолите не наступили еще времена типового домостроения, а традиционные жилища во все времена и у разных племен и народов отличались индивидуальными чертами, несмотря на определенный единый концепт, в чем нельзя отказать и аносовско-мезинским жилищам. В ряде случаев появление некоторых зольников предшествует появлению отдельных костно-земляных сооружений, но это говорит лишь о том, что не все конструкции возводились на площадках поселений синхронно: вновь банальное явление для более-менее долговременных поселений.

Наличие вещевых кладов в альвеолах бивней черепов мамонта может иметь разнообразное объяснение, и не обязательно культовое (к примеру, древний «сервант»/«секретер»). С другой стороны, в традиционном жилище имелся мини-храм, красный угол, святыням приносили дары. Почему бы «реликварию» не быть и в палеолитических жилищах?

Авторы гипотезы указывают, что тяжелое перекрытие костно-земляных жилищ могло опираться лишь на деревянный каркас, но следы столбовых ям в полу отсутствуют, а значит, крыши не было (Хлопачев, Гаврилов, 2019). Но почему опоры каркаса непременно надо погружать в пол, в материк? Во-первых, опоры могли устанавливаться на элементы внутри костно-земляной завалинки (например, вставляться в черепа, укрепляться в грунтово-костяной забутовке). Искали ли соответствующие следы там, а не в полу? Челюсти, сложенные елочкой, поленницы из длинных костей, конечно не эстетические элементы, а силовые элементы конструкции. Во-вторых, опоры каркаса могли вовсе не погружаться куда-то, а стоять, упираясь в пол и, сбоку, в окружающую «завалинку». Напомню, что каркасы яранг или юрт устанавливаются на грунт, а не вкапываются. Кстати, так стоят и каркасы двух реконструированных жилищ в Национальном музее естественной истории в Киеве.

М.В. Саблин пишет о высокой степени выветренности и раздробленности костей в культурном слое Юдиново и, напротив, хорошей сохранности костей в конструкциях. Но это говорит скорее о разном происхождении первых и вторых. Для реникарнации убитого зверя, чтоб «он возродился и снова вышел к охотнику, его кости нельзя ломать, рубить, разбрасывать, а следует тщательно собрать

и сложить в определенное место» (Саблин, 2019. С. 120). Но тогда отчего на площадке поселения рассеяно множество разбитых, выветренных костей мамонта, костный уголь? Эти звери закончили цикл перерождений? Почему, наконец, в предлагаемых оссуариях присутствует не весь комплект скелетов, а лишь отсортированные их элементы, и нет, к примеру, дистальных отделов конечностей, во множестве разбросанных по площадке поселения? Ответ есть, но в рамки гипотезы оссуариев он не вполне укладывается. Можно предположить, что дистальные отделы конечностей принадлежат фрагментам разделанных и доставленных на стоянку туш, а отсортированные кости принесены (по крайней мере, отчасти) для создания конструкций именно в виде костного материала, сортировка его производилась за пределами поселения.

Низкая выветренность костей из предполагаемых оссуариев объясняется авторами как их быстрое захоронение. При этом утверждается, что конструкция возводилась из костей убитых в течение сезона животных и засыпалась грунтом непосредственно перед тем, как покинуть поселение. Получается, кости, предназначенные для финального священнодейства, накапливаясь в течение сезона обитания, были чудесным образом защищены от выветривания и зубов хищников? Правдоподобней думать, что кости единовременно извлечены из некоего природного скопления, защищенного от разрушения промерзшим наносом, в определенный момент доставлены на поселение, быстро сложены и засыпаны, создав «завалинку» вокруг будущего жилища. А вот разбросанные кости плохой сохранности – это как раз остатки охотничьей добычи, тоже, кстати, весьма многочисленной.

В разбросе радиоуглеродных дат разных групп костей одного комплекса в Юдиново авторы гипотезы противоречат себе, одновременно утверждая, что поселение было обитаемо 4–7 сезонов (Саблин, 2019. С. 120) и что даты даже одного сооружения охватывают отрезок минимум в пару тысячелетий (Хлопачев, Гаврилов, 2019). Асинхронность частей конструкции из костей невозможно определить радиоуглеродным методом, поскольку ^{14}C дает время гибели животного. Проблему разрешает разновременность костей, взятых в конструкцию из одного длительно формировавшегося или из различных естественных скоплений.

Имеется ряд вопросов, на которые у авторов гипотезы «оссуариев» ответов пока не видно. Например, если скопления костей не были обитаемы, откуда концентрация и организация находок и следов хозяйственно-бытовой деятельности в их внутреннем пространстве? Откуда там четко выраженные остатки очагов (например, в Мезине)? Почему не рассмотрена роль ям-хранилищ, заполненных костями мамонта? Почему в конструкции сооружений из Мезина использованы не только кости мамонта, но и переплетенные меж собой рога северного оленя? В чем причина доминантного положения конструкций на площадке поселения, тогда как этнографические охотничьи оссуарии создавались на стороне, вне жилой площадки, в удалении от нее? Понятно, что ответа в духе «таковы были неизвестные нам детали культа» недостаточно.

Это пока лишь своеобразные «заметки на полях», а не детальное рассмотрение всех аргументов и контрдоводов, но и они демонстрируют определенную зыбкость аргументации гипотезы «мамонтовых оссуариев». Значит ли это, что гипотеза не имеет под собой оснований? Отнюдь. Она экзотична (сводить к культу все, что не поддается объяснению на бытовом уровне, методологически опасно: это подмена одного неизвестного другим вместо решения уравнения), но заслуживает пристального внимания. Нередко, казалось бы, диаметрально противоположные трактовки явлений оказываются взглядами на единую истину с различных ракурсов. Этнографам известно, что традиционное жилище является не только обустроенной средой обитания людей, но и несет обязательную сакральную нагрузку – причем как сама конструкция и отдельные ее элементы, так и процесс возведения и выбора материала (Байбурин, 1983). Логично думать, что и палеолитическое жилище – не простое укрытие от непогоды и холода. И тут остается один шаг до композитной гипотезы, сочетающей и обозначенные в «гипотезе оссуариев» сакральные функции, и использование таких сооружений как обитаемых объектов, с уточнением их реконструкций.

Список литературы

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.

Гаврилов К.Н. «Жилища» аносовско-мезинского типа: происхождение и интерпретация // Stratum plus. 2015. № 1. С. 187–204.

Назиров Р.Г. Возрождение из костей в мифах и сказках // Фольклор народов РСФСР. Уфа: БашГУ, 1982. С. 28–35.

Саблин М.В. Эпиграветтийская стоянка Юдиново: мамонт и человек // Camera Praehistorica. 2019. № 1 (2). С. 108–127.

Хлопачев Г.А., Гаврилов К.Н. Палеолитические жилища аносовско-мезинского типа: конструктивные особенности и проблема интерпретации // РА. 2019. № 4. С.27–42.

Некоторые аспекты производства бифасиальных орудий в сибирячихинском варианте среднего палеолита Алтая

© *2020 г. А.В. Шалагина (aliona.shalagina@yandex.ru), В.М. Харевич. С.В. Маркин, А.И. Кривошапкин*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Одним из наиболее характерных элементов индустрий сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая является наличие серии плоско-выпуклых бифасиальных орудий, которые в среднем палеолите Северной Азии ассоциируются исключительно с данным технокомплексом. В работе приводятся общие результаты реконструкции бифасиальной технологии сибирячихинского варианта с помощью комплекса методов: технико-типологического анализа, анализа последовательности сколов и экспериментального моделирования.

Ключевые слова: средний палеолит, Горный Алтай, бифасиальная технология, Чагырская пещера.

На сегодняшний день в среднем палеолите Алтая выделяется три индустриальных варианта: денисовский, карабомовский и сибирячихинский. Первые два варианта являются проявлением одной леваллуа-мустьерской культурной традиции, и их различия обусловлены сырьевыми, функциональными и другими факторами (Рыбин, Колобова, 2004). На их фоне значительно выделяются индустрии пещер Окладникова и Чагырская, образующие сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая, который отличается от других вариантов, как по структуре каменных индустрий, так и по технико-типологическим показателям (Kolobova et al., 2020).

Детальное изучение материалов Чагырской пещеры в последние годы позволило доказать гипотезу о соответствии данных индустрий характеристикам микокского технокомплекса Восточной Европы, который является составной частью европейского микока (Kolobova et al., 2020). Одним из специфических элементов, определяющих облик данной индустрии, является серия плоско-выпуклых бифасиальных орудий, которые в среднем палеолите Северной Азии ассоциируются исключительно с сибирячихинским вариантом среднего палеолита (Kolobova et al., 2019).

В данной статье приводятся краткие результаты реконструкции технологии производства сибирячихинских плоско-выпуклых бифасиальных орудий по материалам Чагырской пещеры на основе комплекса методов: технико-типологического анализа, анализа последовательности сколов и экспериментального моделирования. Экспериментальное моделирование производилось на сырье из руслового аллювия р. Чарыш (Деревянко и др., 2015), инструментами служили небольшие уплощенные гальки песчаника и костяные ретушеры из костей коровы.

Коллекция бифасиальных орудий Чагырской пещеры насчитывает около 200 экз., что составляет 6 % от орудийного набора (Kolobova et al., 2019). Морфологическая структура бифасиальных орудий определяется доминирующей ролью листовидных форм, присутствием сегментовидных, трапециевидных и треугольных форм. Важную часть бифасиальных орудий составляет группа обушковых ножей-скребел, которые могут быть отнесены к группе обушковых ножей *Keilmesser*, характерных для европейского микока (Joris, 2006). Среди таких изделий в коллекции Чагырской пещеры выделяются обушковые изделия двух типов: *Klausennische* и *Bockstein*.

Проведенный анализ последовательности сколов для выборки из 40 экз. позволил реконструировать две основные технологические цепочки оформления двусторонних орудий: «длинная» и «короткая», применение которых обусловлено рядом факторов, связанных, в первую очередь, с характеристиками первичных заготовок и продолжительностью утилизации орудий. «Короткая» цепочка включает в себя только этапы подправки плоской стороны и оформление рабочих участков на выпуклой стороне. Более сложная «длинная» цепочка предусматривает несколько последовательных этапов поверхностного оформления и ретуширования, и содержит от 10 до 18 групп негативов. Также в ходе экспериментов была выявлена еще одна дополнительная цепочка – оформление орудий из гальки, расщепленной на наковальне, использование которой подтверждается наличием в археологической коллекции бифасиальных орудий с характерными признаками, а также наковальней (Колобова и др., 2017).

Независимо от используемой цепочки почти все орудия выполнены в рамках двух базовых приемов оформления двусторонних орудий: плоско-выпуклого и плоско-выпуклого альтернативного, в соответствии с которыми плоская сторона служила ударной площадкой для фасонажа выпуклой стороны.

В ходе экспериментов было установлено, что создание плоско-выпуклых бифасиальных орудий на галечном сырье из руслового аллювия р. Чарыш предусматривает следование определенному алгоритму: оформление плоского фаса, оформление выпуклого фаса и оформление лезвия. Наиболее интенсивная обработка зачастую приходится на оформление плоского фаса орудия. Данная последовательность принципиально отличается от алгоритма оформления двояко-выпуклых бифасов, подразумевающего попеременную обработку обоих поверхностей.

Анализ продуктов дебитажа с каждого этапа расщепления показал, что наиболее опознаваемыми являются сколы, соответствующие этапу ретуширования или подживления лезвия. Они включают в себя признаки сколов оформления или утончения бифасов (*bifacial thinning flakes*), описанные в исследовательской литературе (Демиденко, 2003). Как правило, это трапециевидные или прямоугольные сколы небольших размеров с сильно скошенной по отношению к вентральной поверхности фасетированной, линейной или двугранной ударной площадкой, с мелкими негативами снятий, приуроченными к краю ударной площадки, а также с вентральным карнизом и без выраженного ударного бугорка. Не все эти признаки присутствуют на одном предмете, однако сколы ретуширования, в целом, демонстрируют высокие показатели по каждому из признаков по сравнению со всеми остальными продуктами бифасиального расщепления.

Сколы, полученные в ходе фасоннажа бифасов, менее показательны. Для фасоннажа с плоского фаса характерна

большая доля сколов с прямым профилем, с гладкой ударной площадкой, а также с почти прямым углом между вентральной плоскостью и площадкой. На таких сколах почти не фиксируется вентральный карниз, а также мелкие негативы снятий, приуроченные к краю ударной площадки. Некоторые сколы на дорсальной стороне сохраняют остатки вентральной поверхности.

Для сколов с выпуклого фаса характерен изогнутый профиль, перьевидное дистальное окончание, отсутствие вентрального карниза, редко, наличие мелких негативов снятий, приуроченных к ударной площадке. В основном, они больше 1см с тупым углом между дорсальной поверхностью и площадкой, а также вентральным углом меньше 120°.

Таким образом, изучение бифасиальных орудий из Чагырской пещеры с помощью анализа последовательности сколов и серии экспериментов показало, что в традиции их изготовления реконструируется две основных редукционных цепочки: «длинная» и «короткая». Экспериментальное моделирование показало, что использование «длинной» либо «короткой» цепочки зависит от типа, формы и размера заготовки. Отщепы и гальки, расколотые на наковальне, чаще всего соответствуют «короткой» цепочке, а массивные галечные отщепы и гальки – «длинной» цепочке.

Независимо от типа цепочки, оформление бифасиальных орудий производилось с помощью двух основных приемов: плоско-выпуклого и плоско-выпуклого альтернативного. Результаты анализа последовательности сколов и экспериментального расщепления показывают, что плоско-выпуклая форма бифасиальных орудий является результатом следования определенному операционному алгоритму: создание плоского фаса, оформление выпуклого фаса и оформление лезвий и острия. Данная плоско-выпуклая технология не является приспособлением к местной сырьевой базе, а отражает конкретную культурную традицию. Учитывая то, что данная технология фиксируется и в пещере Окладникова, можно заключить, что плоско-выпуклая технология оформления бифасиальных орудий является характерной чертой сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 19–48–04107.

Список литературы

Демиденко Ю.Э. Сколы обработки орудий как индикатор особенностей и интенсивности процессов кремнеобработки и жизнедеятельности коллективов неандертальцев на стоянках среднего палеолита в контексте вариабельности индустрий крымской микокской традиции // Археологический альманах. 2003. № 13. С. 128–157.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 3. С. 3–16.

Колобова К.А., Шнайдер С.В., Крайцаж М.Т., Боманн М., Маркин С.В., Алишер кызы С., Селецкий М.В., Завгородняя Д.А., Аладжем Э., Федорченко А.Ю. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. С. 136–140.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 20–34.

Jöris O. Bifacially backed knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic // Axe age: Acheulian tool-making from quarry to discard / eds. by N. Goren-Inbar, G. Sharon. London, 2006. P. 287–310.

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I., Chabai V.P. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic // L'Anthropologie. 2019. T. 123. № 2. C. 276–288.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier Th., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // PNAS. Vol. 117 (6), P. 2889–2885; DOI: 10.1073/pnas.1918047117.

Стоянка финала палеолита Черноозерье II (Омская область, Саргатский район). Возобновление исследований и первые результаты

© 2020 г. И.В. Шмидт[1] *(rebew@rambler.ru),* ***Т.А. Горбунова[1], Х. Штойбле[2]***

[1]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, РФ
[2]Археологическое ведомство Саксонии, Дрезден, Германия

Аннотация. О значимости стоянки финала палеолита-раннего мезолита Черноозерье II заговорили после первого сезона исследований в 1968 году. К настоящему времени предприняты попытки по возобновлению археологического исследования данного комплекса. Уточнена стратиграфия и планиграфия, получены новые датировки, продолжено формирование коллекций каменной и костяной индустрий.

Ключевые слова: палеолит и мезолит юга Западной Сибири, датировка, история исследования, каменная и костяная индустрия стоянки.

Памятник Черноозерье II расположен в Саргатском районе Омской области, в 150 км к северо-востоку от г. Омска и в 1,5 км к юго-западу от д. Черноозерье, на эоловой гриве, приуроченной к останцу первой надпойменной террасы левого берега р. Иртыш. В 1960–1970-е годы здесь проводила полномасштабные исследования экспедиция Уральского государственного университета под руководством В.Ф. Генинга, к которому в разные годы присоединялись другие археологи, в том числе В.Т. Петрин. В этот период около д. Черноозерье были открыты многочисленные памятники разного времени, среди которых самой древней оказалась стоянка камен-

ного века Черноозерье II. Она была датирована эпохой позднего палеолита – 14500 л.н. (ГИН-622) (Генинг, Петрин, 1985. С. 60). С 1968 по 1971 годы на памятнике было раскопано не менее 2500 кв. м, получена коллекция каменного инвентаря и костяных предметов, включающая изделия с орнаментом (более 3000 экземпляров) (Генинг, Петрин, 1985. С. 29).

В 2015 году на стоянке была проведена разведка экспедиции Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского под руководством И.В. Шмидт с целью определения перспектив дальнейших исследований на памятнике. Заложен шурф, примыкавший к юго-восточной границе раскопа V 1970 года. В слое 9 зафиксировано несколько артефактов, аналогичных по сырью и морфологии описанным В.Ф. Генингом и В.Т. Петриным для отложений позднего палеолита стоянки Черноозерье II. Кроме того, обнаружена кость лошади (*Equus ferus*), по которой получена радиоуглеродная дата – 10526±44 (MAMS-27135) (10659–10288 cal BC). Однако стратиграфия стенок шурфа не соответствовала таковой у С.М. Цейтлина (Цейтлин, 1979. С. 56–58). По этой причине было решено заложить стратиграфический разрез, ориентируясь на стенки раскопов В.Ф. Генинга. В 2018 году в ходе проведения разведочных работ на стоянке была произведена зачистка фрагмента северо-восточного борта раскопа III 1969 года. Раскоп представлял собой частично рекультивированную траншею шириной 6 м и длиной 30 м, пересекающую гриву поперек с юго-запада на северо-восток. К настоящему времени его борта сильно оплыли, дневная поверхность задернована. При производстве зачистки в слое 5, который соответствует по своему стратиграфическому положению культурным отложениям позднего палеолита, выделенным В.Ф. Генингом, зафиксирована кость зайца (*Lepus timidus*), по которой получена радиоуглеродная дата – 10975±40 (MAMS-41253) (11021–10775 cal BC). Кроме того, обнаружено, что палеолитический слой на данном участке траншеи не был разобран в ходе работ 1969 года, как то ожидалось с учетом публикаций планов объектов и находок (Генинг, Петрин, 1969; 1985. С. 5. Рис. II; С. 11. Рис. Va). В результате нами сформулирована рабочая гипотеза – культурный слой позднего палеолита в пределах раскопа III в 1969 году разобран частично. Для проверки данного предположения при разведочных работах 2018 года был применен метод планшетного бурения с использованием бура Eijkelkamp и Munsell Soil Color Book. В пределах траншеи и за ее границами пробурено более 30 скважин, в 21 из них зафиксированы «аномалии цвета» – темные прослойки на серо-желтом фоне, которые по цвету соответствовали культурным отложениям позднего палеолита. Шесть скважин заложено непосредственно в траншее – раскоп III, в каждой из них зафиксированы искомые «аномалии цвета». Над одной из скважин был заложен шурф, который показал, что темная прослойка, зафиксированная при заборе проб, соответствует слою 5 стратиграфии 2018 года.

В 2019 году работы были продолжены. В траншее разбит раскоп площадью 20 кв. м, примыкавший к шурфу 2018 года. На зачистке и стратиграфическом профиле зафиксированы границы раскопа 1969 года. Обнаружено, что и на этом участке траншеи (кв. Г-Д/8–7 раскопа III, согласно номенклатуре квадратов раскопа В.Ф. Генинга и В.Т. Петрина) палеолитический слой не был разобран в ходе раскопочных работ 1969 года.

Обнаруженные культурные отложения характеризуются непотревоженным состоянием, небольшим уклоном поверхности в северном направлении, мощностью от 2 до 15 см. Ввиду сложности морфологии их выборка производилась условными горизонтами. Особая тщательность потребовалась при вскрытии восточного сектора, где наблюдалось скопление объектов – несколько кострищ и, вероятно, сектор жилой зоны (либо зоны производственной активности). Он отмечен скоплениями артефактов, локализованных в зонах кострищ.

В ходе работ получена коллекция каменного инвентаря, включающая 79 экземпляров: нуклеус – 1 (1,27 %), фрагмент нуклеуса – 1 (1,27 %), нуклевидный обломок – 1 (1,27 %), пластинчатые сколы с ретушью – 2 (2,53 %), пластинчатые сколы – 16 (20,3 %), отщеп – 1 (1,27 %), обломок – 1 (1,27 %) и осколки – 56 (70,9 %). Нуклеус плоскостной, одноплощадочный, монофронтальный. Размеры – 26×17,4×9,9 мм. На контрфронтальной поверхности зафиксированы сильно выраженные следы износа от транспортировки. Пластинчатые сколы представляют собой снятия с субпараллельными краями и ребрами предыдущих скалываний на дорсальной поверхности с преимущественно параллельной однонаправленной огранкой. Площадки подготовленные, прямые, с минимальными значениями ширины и глубины, не превышающими 0,3 мм. Оформление зоны расщепления – редуцирование (в терминологии Е.Ю. Гири (Гиря, 1997. С. 165–166)) – уменьшение глубины и ширины площадки мелкими сколами. Все сколы фрагментированы. По метрическим показателям ширины выделяются микропластины (до 6 мм) – 9 (11,4 %) и пластинки (от 6 до 12 мм) – 9 (11,4 %) экз. Два пластинчатых скола ретушированы. Обращает на себя внимание один из них, оформленный вентральной крутой ретушью. Отщеп, обломок и многочисленные осколки являются техническими сколами.

В остеологической коллекции, анализ которой проведен сотрудником ИЭРиЖ УрО РАН, к.б.н. П.А. Косинцевым представлены кости сайги, зайца, неопределимых крупных, средних и мелких млекопитающих, фрагмент моллюска двустворчатого.

Костяная индустрия представлена тремя фрагментами изделий с нанесенным на поверхность крестообразным орнаментом. Сложно предположить их принадлежность к одному изделию, но относительно функционального назначения наличествуют аргументы для интерпретации их как фрагментов игольника (-ов?). Изделие удлиненных пропорций было выполнено из трубчатой полой кости зайца диаметром около 5–7 мм. В материалах памятника известна одна костяная игла: «длиной 73 мм, максимальной толщиной 1,5 мм, ... В сечении подпрямоугольной формы, с округлым острием, диаметр отверстия ушка 0,5 мм» (Генинг, Птерин, 1985. С. 53. Рис. XX: 2). Таким образом, обнаружение на памятнике фрагментов «потенциальных игольников» не выглядит чем-то необычным.

Таким образом, работы последних лет обозначили необходимость интенсивного исследования памятника, включая ранее изученные зоны. Памятник является

«опорным» при рассмотрении проблем освоения юга Западной Сибири в конце плейстоцена – раннем голоцене. Его потенциал не исчерпан и, с учетом появившихся данных, вероятно, недооценен. Половина комплекса остается невскрытой, относительно исследованной части необходима корректировка существующих данных.

Список литературы

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 88 с.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Раскопки Черноозерья II // Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Омской области в 1969. Свердловск, 1969. II-70/1969.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 198 с.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 151 с.

Черноозерский орнаментальный мотив – параллели и культурологический потенциал

© 2020 г. И.В. Шмидт *(rebew@rambler.ru)*

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, РФ

Аннотация. Орнаментальные тексты давно воспринимаются графическими маркерами культурных единств. Но данная практика имеет отношение к материалам эпох, преимущественно обладающих керамическим производством, что несправедливо, относительно материалов более ранних эпох – палеолита и мезолита. Одна из возможностей развития данной темы связана с анализом орнаментальных текстов локального региона юга Западной Сибири.

Ключевые слова: палеоорнаментология, орнаментальные тексты, орнаментальные маркеры, палеолит-мезолит.

Существует множество способов графического общения: комиксы, граффити, орнаменты и т.д. В любой графической деятельности есть правила и нормы, регламентирующие выражение содержания, идентифицирующие авторов и темы, маркирующие культурную идентичность самого сообщения. Специалисту по керамике порой достаточно беглого взгляда на фрагмент сосуда, чтобы соотнести его с той или иной культурной группой. К сожалению, данная практика, как и желание ее развивать, редко «спускаются» по хронологической вертикали до палеолита и мезолита. Отечественное палеоискусствоведение не спешит выработать устойчивые приемы описания и рефлексии орнаментов, с последующим включением их в корпус источников реконструкции культуры. Наши материалы остаются недоступны мировой научной общественности. И проблема не в отсутствии фактов, она заключается в отсутствии попыток генерализации разрозненных региональных результатов. Необходимость исправления ситуации понятна давно, вопрос с чего и как именно начать. Разумеется, с материала.

Может показаться странным, но его много больше, чем принято считать. Речь не идет о «шедеврах», большинство известны и неплохо опубликованы. От внимания исследователей обычно ускользает массовый материал: «краткие записи», «поврежденные»/«фрагментарные», территориально разрозненные, случайно найденные, единично представленные и, как следствие, забытые. Это «забвение» обеспечивает существование многочисленных «белых пятен» на карте палеоорнаментологии. Если быть внимательным к существующим «мелочам», то можно «оживить» ряд палеоискусствоведческих тем. Приведем один пример.

Корпус источников, характеризующих черноозерскую орнаментальную традицию финала палеолита юга Западной Сибири, сформировался в 1970–72 гг.; сезон 2019 г. – пополнил его тремя образцами. После первых презентаций, к середине 80-х внимание к коллекции значительно снизилось. Но именно в этот период состоялась его первая систематизация, с выделением графических «маркеров» (Генинг, Петрин, 1985. С. 57). Много позже появилась возможность скорректировать и дополнить первые предложения (Шмидт, 2006, 2017 а, б). В настоящий момент ведутся исследования по анализу предметов коллекции, ранее не привлекавших внимание к себе по причинам названным выше – они фрагментарны, записи непродолжительны, коллекции сохранились не полностью. Да, глобальных выводов, казалось, на них не получишь. Но концентрируя внимание на порядке и особенностях «считывания» данных текстов, их морфологических и иконографических особенностях, подбирая данным показателям и критериям параллели, была обозначена проблема межкультурных (межгрупповых) коммуникаций, контекстуальности «рождения» и генезиса орнаментов, их территориально-локальной вариабельности.

В частности, после выделения корпуса орнаментальных единиц/маркеров черноозерского орнамента: «жемчужная нить»; черноозерский крест («соединяющий» и отдельно стоящий); цепочка ромбов, полученная из переплетения/соединения зигзага и контрзигзага; зигзаг организованный по длинной оси изделия; короткая насечка по канту изделия и пущенная по гребню (часто искусственно подготовленному); V-образные знаки – возникла необходимость подобрать им убедительные параллели. Желание увидеть в черноозерском мотиве отголоски мальтинской традиции, что предложено было еще первооткрывателями стоянки, безусловно, с известной долей оговорок, можно удовлетворить (Шмидт, 2017а, 2017б). Но разделяя справедливость замечания о разнопорядковых хронологических явлениях и, в тот же момент, настаивая на ключевом статусе стоянки в пределах региона, возникла необходимость обнаружения «параллельных текстов», «цитаций», «дереваций» и «реплик» хронологически, стилистически и территориально близких черноозерским мотивам.

Близким «западным» вариантом (около 400 км юго-западнее ст. Черноозерье) оказались кинжалы, обнаруженные в 1949 г. Б.А. Трубчаниновым, в урочище Притык, недалеко от с. Пеган Лопаткинского района Курганской области (Сальников, 1952. С. 15). К настоящему моменту в режиме доступа в Государственном историческом музее

Южного Урала можно работать с одним из них (ЧОКМ ОФ-556/1). В качестве аналогии данный материал был выбран по первичным иллюстрациям, что еще раз подтвердило общее правило – работать исключительно с оригиналами. Реальность оказалась и более сложной, и интересной одновременно (по результатам готовится отдельная публикация). Удалось зафиксировать стилистическую и морфологическую взаимосвязь черноозерского и пеганского орнаментов. В отличие от черноозерцев, делавших ставку на «жемчужную нить», оформитель пеганского кинжала «увлекался» цепочками ромбов («микроромбов»). Но порядок их получения идентичен черноозерскому – зигзагообразная линия и звено контрзигзага для получения ромбовидного элемента. Едины синтаксические подходы к организации орнаментальных элементов записи: ромб-прочерк-ромб.

Второй кинжал, условно названный «малым», не менее интересен для решения поставленной задачи, но его следы теряются в 2004 году, ввиду чего мы можем опираться лишь на прорисовку, что снижает качество наблюдений. Но и в данном случае рассуждения выстраиваются вокруг линии ромбов (Ковалева, Цапко, 1998. С. 16).

Восточные параллели (150 км северо-восточнее ст. Черноозерья) пока ограничены одним предметом – кинжалом из с. Айткулово. В 1976 г. в Тарском р-не Омской обл. у с. Айткулово случайно, в осыпи берега, был найден крупный фрагмент костяного вкладышевого однолезвийного кинжала (Кунгуров, Шемякина, 1994). Не решен вопрос о его датировке; исследователи относили его к эпохе неолита, проводя параллели с костяными изделиями из Шигирского торфяника (Там же. С. 35). Учитывая расширенный к настоящему времени перечень стилистических аналогий и пересмотр датировки материалов самого торфяника (Савченко и др., 2018), данный предмет может быть рассмотрен в ряду мезолитических орнаментированных изделий.

Как и черноозерский кинжал, он обладает билатеральным оформлением. Судя по прорисовке (пока опубликована только она), лицевая сторона кинжала обнаруживает ряд сюжетов, стилистически сходных с черноозерским вариантом, что отмечено и авторами сообщения (Там же. С. 35). Если знаковую запись черноозерского кинжала в подобных сравнениях воспринимать каноническим текстом, то кинжал из Айткулово, безусловно, его инвариант: микрозигзаг (пусть и в качестве заполнения каналов фигур), цепочка ромбов из четырех элементов, крайние из которых фланкируемы двойным зигзагом. Есть здесь и группа из четырех больших Х-образных знаков. Изобразительный текст на обороте представляет собой ряды (шесть?) крупных прямых пропилов, расположенных параллельно друг другу. Их каналы, как и на лицевой стороне, очевидно, заполнены микрозигзагом. О большем рассуждать затруднительно.

И ромбовидные фигуры, и зигзаг, и Х-образные знаки кинжала из Айткулово, заполнение каналов (пусть не жемчужинами, а микрозигзагом) могут быть представлены цитациями черноозерского орнамента.

Каждая из традиций обладает специфическим рядом особенностей, наличие которых не позволяет их полного отождествления. Но форма знаков и их организация в орнаментальном поле, говорит о наличии близких отношений между группами. Передавая эту же мысль иначе – «они родственны в языке, но изъясняются на диалектах». Это может быть объяснено несовпадением хронологического порядка существования комплексов – Черноозерская стоянка датируема на данный момент 10,5 тыс. до н. э. [MAMS 41253: cal BC 10921–10794; MAMS 27135: cal BC 10692–10442], т.е. переходным от палеолита к мезолиту периодом, «выглядит» старше и Пегана, и Айткулово; черноозерский орнаментальный мотив для них является архаическим прототипом.

Остановимся на факте их принципиальной соотносимости. Все три комплекса в орнаментальных подходах оформления отдельных вещей обнаруживают точки соприкосновения, что исключено в условиях их сепаратного существования/развития. Взаимные знаково-стилистические пересечения их орнаментальных полей, позволяют поднять вопрос о существовании в данной зоне отдельного региона, бытование групп внутри которого сопровождалось интенсивными контактами, было обусловлено некоторыми общими традициями и текстами – мифами, ритуально-обрядовыми действами, общими хозяйственно-экономическими принципами и т.д. С большой долей уверенности можно рассуждать о том, что черноозерские орнаментальные тексты не только «вырастают» на стыке восточных и западных традиций, но и продолжают свое развитие в этих же направлениях.

Список литературы

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 88 с.

Ковалева В.Л., Цапко Ю.Г. Проблема эволюции художественного стиля и культуры населения лесной зоны Урала в каменном веке // Вопросы археологии Урала. 1998. Вып. 23. С. 4–28.

Кунгуров А.Л., Шемякина А.С. Костяной вкладышевый кинжал из Тарского Прииртышья // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье: сб. ст. / Алтайский гос. ун-т. Барнаул. 1994. С. 33–35.

Савченко С.Н., Жилин М.Г., Тербергер Т., Хойсснер К.-У. Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Зауралья // Уральский исторический вестник. 2018. № 1(58). С. 8–19.

Сальников К.В. К вопросу о неолите степного Зауралья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 15–22.

Шмидт И.В. Особенности орнамента – свидетельство взаимоотношения культур (по материалам палеолитических стоянок Мальта и Черноозерье II) // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. Омск: ОГИК музей, 2006. С. 45–49.

Шмидт И.В. Черноозерский орнаментальный мотив: реконструкция эволюции // Программа международной научно-практической конференции «Большой шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии». Екатеринбург, 12–16 июня 2017 г. Екатеринбург: СОКМ (УОЛЕ), 2017а. С. 12–13.

Шмидт И.В. Орнаменты палеолита Северной Азии: к исследованиям иконографии // Universum Humanitarium. 2017б, № 2 (5). С. 48–67.

Раннее заселение высокогорий Центральной Азии

© 2020 г. С.В. Шнайдер [1] (sveta.shnayder@gmail.com), Р.Н. Курбанов[2], Н.Н. Сайфулоев[3]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[2] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ
[3] Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ, Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. Настоящая работа посвящена результатам изучения уникальных археологических объектов на территории высокогорий Центральной Азии (Алайской долины и Восточного Памира) и их роли в понимании истории освоения человеком высокогорных территорий. Согласно результатам проведенных комплексных исследований, высокогорные районы Центральной Азии начали заселяться человеком уже в позднем плейстоцене.

Ключевые слова: Центральная Азия, Восточный Памир, Алайская долина, каменный век.

Освоение высокогорий является одной из наиболее дискутируемых и актуальных тем в современной археологии. Наиболее раннее свидетельство присутствия древнего человека в высокогорных ландшафтах на настоящий момент зафиксировано на территории Тибетского плато (Chen et al., 2019; Zhang et al., 2018). Перманентное заселение данного региона датируется около 12,6 тыс. л.н. (Meyer et al., 2017). Учитывая физико-географические условия западной части Центральной Азии, а также ее географическую близость Тибетскому нагорью, данное направление исследований в настоящий момент может заполнить территориальную и хронологическую лакуны, а также предоставить новую информацию о путях расселения человека на обсуждаемых территориях.

Активное археологическое изучение этого сурового региона проводилось в советское время В.А. Рановым, В.А. Жуковым и А.А. Никоновым. На Восточном Памире ими было открыто и изучено множество археологических памятников, большая часть которых это подъемные комплексы, которые на основе технико-типологического анализа каменных артефактов относятся к верхнему палеолиту-неолиту (Ранов, Худжагелдиев, 2005).

Согласно предложенным ранее построениям, территория Восточного Памира могла быть заселена в период верхнего палеолита. Верхнепалеолитические находки представлены единичными артефактами, найденными без надежного стратиграфического контекста (Ранов, Худжагелдиев, 2005). Найденное множество стратифицированных объектов исследователями однозначно относилось к периоду раннего голоцена и именно этот период был признан всеми исследователями как начальное заселение Восточного Памира (Ранов, 1975).

В 2017 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН в рамках серии международных проектов было возобновлено изучение высокогорных памятников Центральной Азии. В 2018–2019 гг. проводилось изучение археологических памятников на территории Памира (Шнайдер и др. 2019). В первую очередь, основные исследования были сконцентрированы на территории Алайской долины (Shnaider et. al., 2018), где наиболее ранним памятником является Алайская стоянка. Памятник исследовался А.А. Никоновым, описания материала проводились Т.Г. Филимоновой и В.А. Рановым, согласно технико-типологическим характеристикам каменной индустрии, возраст стоянки был определен периодом раннего голоцена (Ранов и др. 2015). Проведенные новые полевые исследования памятника показали, что здесь представлен один культурный горизонт, который датируется около 12 тыс. л.н. и характеризуется пластинчатым и мелкопластинчатым расщеплением с использованием мягкого отбойника, в орудийном наборе представлены острия с ретушью притупления и концевые скребки.

Археологические работы на высокогорном памирском плато были сосредоточены на изучении Истыкской пещеры и проведении археологических разведок. В Истыкской пещере выделяется два культурных горизонта, которые относятся к каменному веку. В контексте раскрытия вопросов наиболее раннего присутствия человека в регионе наибольший интерес представляют материалы нижнего горизонта. Каменная индустрия, первичное расщепление которой направлено на получение пластинок, а в орудийном наборе отмечено наличие сегментов, острий, оформленных ретушью притупления и концевых скребков, аналогична материалам Алайской стоянки. Данный слой датируется в пределах 13,8–10 тыс. л.н. (Shnaider et al., 2020).

В ходе разведок в 3 км от Истыкской пещеры обнаружено порядка 30 каменных артефактов, которые преимущественно представлены отщепами. Особого внимания заслуживают два изделия. Одно из них – чоппер, который представляет собой округлую гальку практически по всему контуру, обработанную средними сколами с заломами. Второе изделие – леваллуазский нуклеус для отщепов, от классических леваллуазских изделий его отличает гладкая ударная площадка. Данная коллекция может иметь ранний хронологический контекст, и в настоящий момент планируется проведение датирования коллекции методом наземных космогенных нуклидов для определения времени нахождения обломка под воздействием космического излучения.

Таким образом, на настоящий момент мы можем предположить, что заселение высокогорного Памирского плато происходило, начиная с 13 тыс. л.н., при этом наличие технико-типологических сходств между материалами Истыкской пещеры и Алайской стоянки может свидетельствовать о продвижении древней популяции с территории Памира в Алайскую долину. Планируемые работы по датированию подъемного материала, возможно, позволят пролить свет на более ранние страницы заселения Памирского плато.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 18–09–40081.

Список литературы

Ранов В.А., Худжагелдиев Т.У. Каменный век // История Горно-Бадахшанской автономной области. 2005. Т. 1. С. 51–107.

Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. 1975. – № 16. – С. 179.

Ранов В.А., Филимонова Т.Г., Никонов А.А. Алайская стоянка // Возвращение к истокам: сборник памяти выдающегося археолога В.А. Ранова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 196–206.

Шнайдер С.В., Сайфулоев Н.Н., Алишер кызы С., Рудая Н.А., Дедов И.Е., Зоткина Л.В., Жуков В.А., Караев А., Наврузбеков М., Алексейцева В.В., Кривошапкин А.И. Первые данные по изучению многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. 25. С. 287–292.

Chen F., Welker F., Shen C., Bailey S.E., Bergmann I., Davis S., Xia H., Wang H., Fischer R., Freidline S.E., Yu T.L., Skinner M.M., Stelzer S., Dong G., Fu Q., Dong G., Wang J., Zhang D., Hublin J.J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau // Nature. 2019. № 569 (7756). P. 409–412.

Meyer M.C., Aldenderfer M.S., Wang Z., Hoffmann D.L., Dahl J.A., Degering D., Haas W.R., Schlütz F. Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene // Science. 2017. Vol. 355. P. 64–67.

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoshapkin A.I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: the Tutkaulian complex // Quaternary International. 2020. Vol. 535. P. 139–154. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001.

Shnaider S.V., Taylor W., Abdykanova A., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Evidence for early human utilization of high altitudes in western Central Asia: the Alay site // Antiquity. 2018. № 94 (363) http://dx.doi.org/10.15184/aqy.2018.94.

Zhang X.L., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago // Science. 2018. № 362 (6418). P. 1049–1051.

Биоархеологические исследования в изучении вопросов ранней доместикации животных по материалам памятника Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан)

© 2020 г. ***С.В. Шнайдер[1,2]*** *(sveta.shnayder@gmail.com),* ***В. Тейлор[3]. С. Алишер кызы[1,2], К. Вариннер[4], В. Рендю[5], А. Абдыканова[6], А.И. Кривошапкин[1,2]***

[1] Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, РФ
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[3] Университет Колорадо, США
[4] Гарвардский университет, США
[5] Университет Бордо, Франция
[6] Американский университет Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. В силу своего географического положения Центральная Азия является ключевой территорией при раскрытии вопросов распространения инновационных идей и технологий на евразийском пространстве, поскольку большая часть миграций древнего человека проходила именно через этот регион. Данная работа посвящена раскрытию одной из ключевых проблем в археологии – появлению производящего хозяйства на территории Центральной Азии. Для решения данного вопроса нами впервые были использованы биоархеологические методы анализа палеофаунистических коллекций одного из ключевых раннеголоценовых памятников Центральной Азии — Обишир-5 (материалы новых раскопок).

Ключевые слова: Центральная Азия, Ферганская долина, ранний неолит, биоархеология, доместикация, Ovicaprine.

Происхождение производящего типа экономики является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в археологии, на настоящий момент, благодаря серии биоархеологических исследований, были обнаружены различные центры доместикации животных и растений. Проведенная серия археоботанических и зооархеологических исследований показывают, что раннее одомашнивание пшеницы, ячменя, коз и овец, началось не позднее 11500 лет назад и возникло независимо друг от друга в различных частях Плодородного Полумесяца (Zeder, 2011; Fuller et al., 2012). Одомашненные виды растений и животных постепенно распространились на Ближнем Востоке и в Европе (Bar-Yosef, 2004; Özdoğan, 2011). Что касается процесса перехода к производящему хозяйству на территории Центральной Азии, то этот вопрос является малоизученным. Работы по доместикации преимущественно сосредоточены на изучении материалов периода бронзового века. Для более ранних периодов человеческой истории, а именно, периода раннего неолита, в настоящее время мы располагаем данными, которые были получены в советский период.

На территории Центральной Азии выделяется следующие основные неолитические культуры – джейтунская, кельтеминарская и гиссарская, отдельно упоминались центральноферганские комплексы (Коробкова, 1996). Активное изучение неолита в регионе проводилось в советское время, что касается вопросов появления ранних типов производящих экономик, то, к сожалению, здесь проводилось малое количество работ, нацеленных на раскрытие этой проблемы. Относительно производящей экономики достаточно большое количество данных было накоплено по джейтунской культуре. Здесь были представлены доместицированные типы растений, и одомашненные овцы и козы (Массон, 1971). Для кельтеминарской культуры постулировалось, что ее представители являлись охотниками и рыболовами. При этом, отмечается несколько косвенных фактов, которые могут указывать на производящий тип экономики: это на нескольких памятниках были обнару-

жены фрагменты пластин с характерными следами заполировки вкладышей-серпов, обнаружение пряслиц, костей МРС (Виноградов, 1981). Для гиссарской культуры, которая широко представлена на территории Гиссаро-Алая, также предполагалось использование кочевого скотоводства. Данный аргумент подтверждался тем, что на памятниках преимущественно находили кости МРС и то, что памятники гиссарской культуры располагаются на современных местах, использующихся для выпаса скота (Ранов, Коробкова, 1971). Для комплексов Центральной Ферганы подобные реконструкции не были проведены в силу того, что большая часть памятников представлена подъемными комплексами.

Таким образом, в советский период исследователи затрагивали вопросы возникновения происходящих типов экономик на территории Центральной Азии. При этом, если с джейтунской культурой наличие производящей экономики не вызывает сомнений, то вопрос о других территориях Центральной Азии остается открытым. Также необходимо отметить, что в целом для раннеголоценовых комплексов данного региона не проводилось специализированных зооархеологических (за исключением материалов джейтунской культуры) и биоархеологических исследований.

В последнее десятилетие активно проводится изучение раннеголоценовых объектов на территории горной части Центральной Азии силами международного коллектива, возглавляемого сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН, наиболее хорошо изученным объектом сейчас является памятник Обишир-5 (Ферганская долина, южный Кыргызстан). Ранее памятник изучался в 1960–1970 гг. под руководством У.И. Исламова, материалы раскопок были положены в основу выделения обиширской культуры (Исламов, 1980). Исследования здесь были возобновлены в 2015 г., в настоящий момент изучаемая площадь составляет 22 кв. м, выделено 5 литологических слоев. Первый слой относится к периоду бронзового века-средневековья. Слой 2 и 3 содержит представительную палеофаунистическую коллекцию и коллекцию каменных артефактов. Серия проведенных определений абсолютного возраста памятника указывает на то, что его формирование произошло в период 7–8,5 тыс. л.н. В слоях 4 и 5 обнаружена малочисленная коллекция, данные слои датируются в пределах 8,5–13 тыс. л.н. В контексте изучения экономических систем, использовавшихся древним человеком в период раннего голоцена, наибольший интерес представляют богатые палеофаунистические материалы слоев 2 и 3, при изучении которых была применена серия биоархеологических анализов. К сожалению, около 90 % костей, обнаруженных на памятнике, представлено во фрагментированном состоянии, и они не поддаются таксономической идентификации, но тем не менее, практически все определимые кости относятся к Ovicarpine. Для проведения таксономической идентификации неопределимых фаунистические остатков был применен метод ZooMS (Zooarchaeology by Mass Spectrometry – метод анализа пептидов коллагена при помощи ионизации вещества на масс-спектрометре с целью идентификации таксономической принадлежности костных фрагментов). Для данного эксперимента нами были отобраны все кости, обнаруженные на одном квадрате R-8, из слоев 2 и 3. 35 фрагментов костей содержали остатки коллагена, необходимого для проведения анализа. Проведенный анализ показал, что большая часть костей относится к таксонам Ovis и Capra, единичные кости принадлежат Canis, Cervidae, Lagomorph и Rodentia. В целом, данные результаты показывают такое же соотношение, что было получено в результате проведения ZooMS-анализа для кочевых сообществ бронзового века-средневековья соседней Алайской долины (Taylor et al., 2018).

Дополнительным анализам подвергнуты зубы Ovicarpine, они были изучены посредством cementum analysis (анализ внутреннего рисунка твердого вещества зубов), благодаря которому удалось определить возраст и сезон смерти животных, тем самым мы можем реконструировать сезонность обитания стоянки. Большая часть проанализированных образцов указывает на то, что животные были убиты в возрасте от 1 до 2 лет поздней осенью – ранней зимой. Полученные результаты полностью согласуются с данными, полученными для ранних производящих сообществ Ближнего Востока (Zeder and Hesse, 2000). Что касается сезонности обитания, то у традиционных кочевых обществ, этот период приходится на позднюю осень-раннюю зиму. Дополнительно зубы были подвержены ДНК-анализу, который позволил определить виды овец и коз, представленных на памятнике. На настоящий момент полученные данные находятся на стадии финальных анализов и сравнения с имеющимися генетическими базами данных по Ближнему Востоку, Центральной и Восточной Азии. Систематизация полученных данных посредством целого ряда биоархеологических методов позволит реконструировать тип экономики, использовавшийся на территории Ферганской долины в раннем голоцене. Тем не менее, на настоящий момент благодаря традиционному зооархеологическому, ZooMS и cementum analysis и корреляции полученных результатов с комплексом данных, полученных для ранненеолитических памятников Ближнего Востока, комплексов бронзового века – средневековья Центральной Азии и с современными этнографическими, мы можем поставить вопрос об использовании раннего скотоводства в Ферганской долине в период 7,0–8,5 тыс. л.н.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 19–78–10053.

Список литературы

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднего междуречья // ТР.ХАЭЭ. XIII. М.: 1981. 176 с.

Исламов У.И. Обиширская культура. Ташкент: ФАН. 1980. 178 с.

Коробкова Г.Ф. Средняя Азии и Казахстан // Неолит Северной Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1996. С. 149–174.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становление производящей экономики) // МИА. № 180. М.: Наука. 1971. 208 с.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2. С. 133–147.

Bar-Yosef O. Agricultural origins and dispersal into Europe // Current Anthropology. 2004. No. 45. P. 1–4.

Fuller D.Q., Willcox G., & Allaby R.G. Early agricultural pathways: Moving outside the 'core area' hypothesis in Southwest Asia

// Journal of Experimental Botany. 2012. № 63(2). P. 617–633.

Ozdogan M. Archaeological Evidence on the Westward Expansion of Farming Communities from Eastern Anatolia to the Aegean and the Balkans // Current Anthropology. 2011. No. 52. P. 415–430.

Taylor W., Shnaider S.V., Abdykanova A., Fages A., Welker F., Irmer F., Seguin-Orlando A., Khan N., Douka K., Kolobova K., Orlando L., Krivoshapkin A., Boivin N. Early pastoral economies along the Ancient Silk Road: Biomolecular evidence from the Alay Valley, Kyrgyzstan // PLoS ONE 13(10): e0205646. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205646.

Zeder M.A. The origins of agriculture in the Near East // Current Anthropology. 2011. No 52. P. 221–225.

Zeder M.A. Hesse B. The Initial Domestication of Goats (Capra hircus) in the Zagros Mountains 10,000 Years Ago // Science. Vol. 287. 2000. P. 2254–2257.

Развитие среднепалеолитических традиций на Алтае

© ***2020 г. М.В. Шуньков*** *(shunkov77@gmail.com)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Самые ранние индустрии среднего палеолита, обнаруженные на Алтае, датируются около 300 тыс. л.н. Для большинства индустрий среднего палеолита характерны приемы параллельного и леваллуазского расщепления, а также техника двусторонней обработки камня. Эти индустрии разделены на два варианта – денисовский и кара-бомовский. Носителями среднепалеолитических традиций были ископаемые гоминины, получившие название денисовцы, которые сосуществовали на Алтае с неандертальцами.

Ключевые слова: Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, каменная индустрия.

Самыми ранними стратифицированными материалами среднего палеолита на территории Северной и Центральной Азии являются индустрии из нижней части отложений Денисовой пещеры, расположенной на северо-западе Алтая. Наиболее древние находки зафиксированы в толще тяжелых охристо-палевых суглинков слоя 22 в центральном зале пещеры, кровля которой имеет ОСЛ-возраст 287 тыс. л.н. Появление на Алтае в начале второй половины среднего плейстоцена носителей среднепалеолитических культурных традиций является, скорее всего, следствием глобальной волны мигрантов из Африки с прогрессивной ашельской индустрией, распространившейся около 1,5 млн л.н. на Ближний Восток. На рубеже 600 тыс. л.н. она проникла в Европу, а около 450–350 тыс. л.н. – начала продвигаться на восток Евразии (Деревянко, 2009). Представители новой миграционной волны принесли на вновь освоенные территории более совершенные способы производства каменных орудий на сколах преднамеренной формы, снятых с хорошо отпрепарированных нуклеусов, т.е. приемы параллельного и леваллуазского расщепления, а также технику двусторонней обработки камня. Истоки этих технико-типологических традиций прослеживаются в ашельских индустриях из западных по отношению к Алтаю регионов – Южной Аравии, Леванта, Кавказа.

Устойчивое развитие среднепалеолитических индустрий связано с последней стадией среднего – первой половиной верхнего плейстоцена. В это время человек начинает активно заселять естественные убежища – пещеры, гроты, площадки под скальными навесами. Самыми древними жилищами подобного рода являются алтайские пещеры Денисова и Усть-Канская. На Алтае известны также хорошо стратифицированные среднепалеолитические стоянки под открытым небом – Усть-Каракол, Ануй-3, Кара-Бом.

Большинство стоянок среднего палеолита сосредоточено в низкогорной зоне Алтая, где в это время сложились наиболее благоприятные природные условия. В окрестностях стоянок были широко развиты разнотравно-злаковые степи, служившие пастбищем для многочисленных копытных – бизона, лошади, благородного оленя. Нижнюю часть горных склонов покрывали смешанные сосново-березовые леса с включением широколиственных деревьев. В этих местах паслись косуля, марал и медведь. Верхнюю часть крутых склонов занимали каменистые осыпи, прикрытые кустарником и травянистой растительностью. Здесь обитали архар и сибирский горный козел.

Среди известных к настоящему времени в Сибири среднепалеолитических комплексов, наиболее выразительный технико-типологический облик имеют леваллуазские пластинчатые индустрии алтайских стоянок Кара-Бом, Усть-Каракол, Ануй-3, Усть-Канской пещеры и, возможно, пещеры Страшная. Для этих индустрий, объединенных в кара-бомовский индустриальный вариант, характерно преобладание леваллуазских приемов расщепления, развитая техника скалывания пластин, значительная доля орудий, изготовленных на пластинчатых и леваллуазских заготовках. В составе каменного инвентаря доминируют пластины и остроконечники леваллуа, а доля среднепалеолитических форм и зубчато-выемчатых орудий относительно невелика. Среди индустрий кара-бомовского варианта выделяются технокомплексы многослойных стоянок Усть-Каракол и Ануй-3, в инвентаре которых вместе с разнообразными изделиями леваллуа представлены яркие образцы листовидных бифасов.

Нелеваллуазская непластинчатая индустрия Денисовой пещеры относится к денисовскому варианту среднего палеолита Алтая. В этой индустрии первичная обработка камня производилась приемами главным образом параллельного и радиального расщепления. Леваллуазский метод раскалывания представлен в развитом виде, однако он не оказал заметного влияния на облик индустрии. Заготовками для производства орудий служили, в основном, укороченные сколы средних размеров. Типологическую основу инвентаря составляют среднепалеолитические и зубчато-выемчатые формы орудий. Среди них ведущей категорией являются разнообразные скребла. Сколы леваллуа представлены достаточно яркими формами, хотя их доля среди изделий невелика.

Если индустрии многослойных стратифицированных стоянок достаточно отчетливо группируются по техниче-

ским вариантам, то индустриальная принадлежность переотложенных материалов местонахождения Тюмечин-1 выглядит неоднозначно. С одной стороны, обогащенная скреблами индустрия этого памятника тяготеет к денисовскому варианту. Вместе с тем хорошо выраженный леваллуазский компонент сближает ее с индустриями карабомовского круга. Своеобразный облик этих материалов связан, скорее всего, с их смешиванием склоновыми процессами, что, вероятно, определило также и необычный характер индустрии соседнего местонахождения Тюмечин-2, в которой преобладают радиальное расщепление и орудия зубчатых, выемчатых и клювовидных форм, при полном отсутствии леваллуазских изделий.

Деление большинства алтайских среднепалеолитических комплексов на денисовский и кара-бомовский варианты основано на различном соотношении общего набора однородных технических и типологических признаков, где определяющим моментом является разная степень использования техники леваллуа. Другими словами, кара-бомовский и денисовский варианты представляют леваллуазскую и нелеваллуазскую фации единой культурной традиции. На современном уровне наших знаний можно предположить, что в пределах единой среднепалеолитической культуры, индустриальные различия были связаны, скорее всего, с разным сочетанием сезонных, ландшафтных, производственных, хозяйственных, петрографических и других факторов. В рамках этой культурной традиции, судя по сходным технико-типологическим характеристикам, можно рассматривать практически все сибирские среднепалеолитические комплексы, известные в настоящее время восточнее Алтая.

Комплексные исследования Денисовой пещеры показали автохтонное развитие палеолитических традиций на протяжении около 300 тыс. лет и становление культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе, что подразумевает не только культурную, но и генетическую непрерывность у первобытного населения Алтая. Результаты палеогенетического анализа антропологических останков из нижней (слой 22), средней (слой 12) и верхней (слой 11) частей пещерных отложений свидетельствуют, что носителями среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических традиций были ископаемые гоминины, получившие название человек алтайский или денисовец (Krause et al., 2010; Reich et al., 2010; Meyer et al., 2012; Sawyer et al., 2015; Slon et al., 2017). В то же время, в среднепалеолитических слоях Денисовой пещеры зафиксировано также присутствие неандертальцев (Prüfer et al., 2014; Slon et al., 2017) и найдена кость девочки – гибрида неандерталки и денисовца (Slon et al., 2018). Археологические данные из многослойной толщи пещерных отложений отражают культурную преемственность в развитии каменных индустрий без резких изменений в составе технокомплексов, что свидетельствует, скорее всего, о совместном, а не попеременном обитании в пещере денисовцев и неандертальцев, при этом роль последних в развитии среднепалеолитической культуры Алтая пока остается неясной. Вместе с тем, в двух других алтайских пещерах – Окладникова и Чагырской, заселенных только неандертальцами (Krause et al., 2007; Медникова, 2011; Бужилова, 2013), обнаружены каменные индустрии совершенно иного облика, с преобладанием радиальной техники расщепления и мустьерских орудий угловатых и бифасиальных форм, представляющих сибиричихинский индустриальный вариант среднего палеолита Алтая.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00404.

Список литературы

Бужилова А.П. Одонтологические материалы из среднепалеолитических слоев Алтайских пещер // АЭАЕ. 2013. № 1. С. 55–65.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 232 с.

Медникова М.Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода Homo из пещеры Окладникова на Алтае Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011б. 128 с.

Krause J. at al. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. 2007. V. 449. P. 902–904.

Krause J. at al. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. V. 464. P. 894–897.

Meyer M. at al. A High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual // Science. 2012. V. 338. P. 22–226.

Prüfer K. at al. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. V. 505. – P. 43–49.

Slon V. at al. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments // Science. 2017. V. 356. P. 605–608.

Slon V. at al. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father // Nature. 2018. V. 561. P. 113–116.

Характеристика каменного инвентаря грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова)

© *2020 г. С. Алишер кызы* (*saltanat.alisher.kyzy@gmail.com*). *С.В. Шнайдер*

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, РФ

Аннотация. Работа посвящена подробному технико-типологическому анализу каменной коллекции грота Дам-Дам-Чешме-2 (Восточный Прикаспий), полученной в результате раскопок А.П. Окладникова в середине XX века. В ходе проведенного анализа была установлена использовавшаяся техника скола, основные характеристики орудийного набора. Проведенные корреляции позволили для мезолитических комплексов установить связи с материалами Южного Прикаспия, а неолитических индустрий – с ранним этапом джейтунской культуры.

Ключевые слова: Восточный Прикаспий, мезолит, неолит, каменная индустрия, атрибутивный анализ.

Центральное географическое положение Восточного Прикаспия определяет его ключевое значение в вопросах раскрытия древнейшей истории, через эту территорию проходили миграции древнего человека из Передней в Центральную Азию (Массон, 1966). Ранние свидетельства заселения Восточного Прикаспия впервые были обнаружены, в начале XX в. благодаря работам В.Н. Андрусова и А.А. Марущенко (район Джебела, Мангышлака) (Окладников, 1953). В дальнейшем активное изучение региона проводилось силами ЮТАКЭ, где изучение памятников каменного века возглавил А.П. Окладников, благодаря этим работам были обнаружены и изучены десятки археологических объектов (Окладников, 1953). Одним из ключевых объектов здесь является многослойный памятник Дам-Дам-Чешме-2.

Грот Дам-Дам-Чешме-2 расположен недалеко от города Балканабат, на юго-восточном склоне Большого Балханского горного хребта. Памятник был исследован впервые в период с 1949 г. по 1952 г. под руководством А.П. Окладникова. Общая площадь раскопа, заложенного в центральной части грота, составила 40 кв. м, А.П. Окладниковым на данной площади выявлено 6 литологических слоев (1, 2, 3, 4, 5 низ, 5 верх), содержащих материалы от раннего мезолита до бронзового века (Окладников, 1953). В дальнейшем изучение данной стоянки проводилось под руководством Г.Е. Маркова (1964–1966 гг.). Общая площадь раскопа в этот период составила 240 кв. м, исследователь выделил 9 культурных слоев — от позднего палеолита до бронзового века. Материалы, полученные Г.Е. Марковым, нашли отражение в нескольких обобщающих работах (Марков, 1966, Марков, 1979) когда материалы первого этапа были опубликованы только частично (Окладников, 1953).

На настоящий момент следует признать недостаточно полную изученность материалов Восточного Прикаспия и необходимость проведения детального изучения данного материала с привлечением самых современных методических наработок изучения каменных артефактов. Таким образом, наиболее актуальным на настоящий момент является проведение детального анализа каменной индустрии грота Дам-Дам-Чешме-2 из раскопок А.П. Окладникова.

Отсутствие абсолютных датировок для памятника Дам-Дам-Чешме-2 усложняет определение его хронологической позиции. Несмотря на это, предыдущими исследователями слои 5 и 4 памятника были отнесены к мезолитической эпохе, а индустрию слоя 3 и 2 – к неолитической (Окладников, 1953, Марков, 1966).

В нижних культурных горизонтах памятника (слои 4 и 5 «верх» и 5 «низ») представлено 3646 экз. каменных артефактов, из которых 36 % отходы производства. Первичное расщепление данных комплексов было ориентировано на производство пластинчатых сколов в рамках объемного принципа посредством ударной техники с применением мягкого отбойника. Пластины в основном получались с двухплощадочных нуклеусов, а пластинки в большинстве случаев – с одноплощадочных. Важно отметить, в слое 4 фиксируются единичные нуклеусы, и микропластины с признаками отжимной техники. Отщепы в индустрии получались в процессе оформления нуклеусов (Алишер кызы и др., 2020). Среди орудий преобладают скребки, выемчатые изделия и проколки. Геометрические микролиты представлены сегментами и треугольниками, негеометрические – остриями, остроконечными пластинами и протопрямоугольниками. Стоит отметить, что в орудийном наборе слоя 4 появляются единичные симметричные трапеции.

Каменная индустрия слоя 3 и 2, насчитывает 866 экз., из которых 56 % отходы производства. Первичное расщепление также как в мезолитических комплексах было направлено на получение пластин и пластинок с однонаправленных цилиндрических нуклеусов с применением ударной техники с применением мягкого отбойника. Пластинчатые сколы неолитических комплексов снимались исключительно с одноплощадочных нуклеусов, и имеют нерегулярная очертания. Количество микропластин в неолитических слоях значительно уменьшается. Отщепы составляют только 15 % коллекций неолитического комплекса, и производились они в процессе оформления нуклеусов (Алишер кызы., 2019). Орудийный набор неолитических комплексов характеризуется скребками концевых и боковых форм, микроскребками, из геометрических микролитов представлены треугольники и симметричные трапеции. Также представлены и выемчатые орудия, острия и проколки.

Проведенный анализ каменной индустрии грота Дам-Дам-Чешме–2, позволил заключить, что декортикация сырья и первичное подготовка нуклеусов были проведены вне памятника, о чем свидетельствует количество сколов с кортикальной поверхности, соотношение технических сколов и сколов-заготовок и отсутствие технических сколов первичной подготовки нуклеуса (Алишер кызы и др.,

2020). Что касается техники скола, то для всей индустрии характерно применение ударной техники с использованием мягкого отбойника, при этом в слое 4 отмечается единичные свидетельства применения отжима. Данный факт позволяет выдвинуть гипотезу относительного переходного этапа от мезолита к неолиту. Нужно подчеркнуть, что техника отжима не представлена в неолитических слоях памятника, при этом широко распространяется среди неолитических комплексов региона: Куба-Сенгир (Шнайдер и др., 2018), Джанурпа (Алишер кызы и др. 2020) и верхнеузбойских стоянках (Коробкова, 1966).

Мезолитические материалы грота Дам-Дам-Чешме 2 находят аналогии с комплексами Южного Прикаспия (Белт, слои 7—8, Али-Тепе, Комишан, слои 7 и 8) (Jayez, Nasab, 2014). На основе первичного расщепления южноприкаспийских мезолитических комплексов лежало получение пластинчатых сколов с объемных нуклеусов с применением ударной техники с использованием мягкого отбойника и техники отжима. В орудийном наборе отмечается преобладания сегментов, выемчатых изделий и острий. Хронологические рамки данного комплекса на основе серии УМС-датировок определяются в рамках 12—10 тыс. л.н. (Jayez, Nasab, 2014). Продемонстрированное технико-типологическое сходство комплексов позволяет предполагать, что индустрии Дам-Дам-Чешме-2 и южноприкаспийских комплексов развивались синхронно. В силу их географической близости можно предполагать, что мезолитические индустрии Восточного и Южного Прикаспия развивались синхронно и, возможно, в тесной взаимосвязи друг с другом. Опираясь на значительное сходство южно- и восточноприкаспийских комплексов, мы предполагаем, что индустрия слоя 5 и 4 Дам-Дам-Чешме-2 может датироваться в пределах 12—10 тыс. л.н.

Предварительные корреляции неолитических комплексов с материалами джейтунской культуры свидетельствуют о значительных отличиях между ними. При этом схожести отмечаются с материалами нижних горизонтов Чопан-депе, и Чагыллы-депе которое отличается архаичным характером среди джейтунких комплексов. Первичное расщепление здесь направлена на получение пластинчатых сколов с применением техники удара с мягким отбойником, в орудийном наборе также доминируют концевые скребки, выемчатые пластины, симметричные трапеции и треугольники. Данные комплекс относиться к раннему этапу джейтунской культуры, и датируется в пределах 7–6 тыс. л.н. (Коробкова, 1996).

На настоящем этапе полученные данные указывают на развитие мезолитических и неолитических комплексов грота в рамках одной традиции, с незначительными влияниями других синхронных индустрий. В частности, изменения формы геометрических микролитов из сегментов на трапеции и треугольники, характерны для всего региона в переходном этапе от мезолита к неолиту. Материалы Дам-Дам-Чешме-2 органично вписываются в систему мезолитических и неолитических комплексов прикаспийского региона. Каменная индустрия мезолитических комплексов свидетельствует о связи с комплексами Ирана, что может в свою очередь говорить о возможных миграциях древнего населения. Неолитические комплексы находят аналогии с материалами раннего этапа джейтунской культуры. Но при этом здесь не представлены основные культуромаркирующие предметы данной культуры, что затрудняет говорить о прямых связях комплексов Дам-Дам-Чешме-2 с джейтунскими. Возможно, анализ керамических изделий позволит в дальнейшем уточнить данный вопрос.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 20–39–70020 «Миграции древнего человека на территорию Восточного Прикаспия в период финального плейстоцена-раннего голоцена: экономика, материальная и духовная культуры»

Список литературы

Алишер кызы С., Шнайдер С.В., Янина Т.А. Новая интерпретация каменной индустрии местонахождения сай Джанурпа (Восточный Прикаспий) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. (в печати)

Алишер кызы С., Шнайдер С.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Новые данные по мезолиту Восточного Прикаспия: каменная индустрия грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам А.П. Окладникова) // Stratum Plus. 2020. № 1. С. 257–278.

Коробкова Г.Ф. Средняя Азии и Казахстан // Неолит Северной Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1996. С. 149—174.

Массон В.М. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. 300.

Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии // СА, 1966. № 2. С. 104—125.

Марков Г.Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука. 1979. С. 147—158.

Окладников А.П. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.) // ИАН ТССР. 1953. № 2. С. 3—22.

Шнайдер С.В., Курбанов Р.Н., Алишер кызы С., Риго С., Шаньгина М.В., Кривошапкин А.И. Результаты предварительного изучения памятников Кайлю и Куба-Сенгир (Восточный Прикаспий, Туркменистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Из-тво ИАЭТ СО РАН. 2018. Т. XXIV. С. 184–190.

Jayez M., Nasab H.V. A Separation: Caspian Mesolithic VS Trialetian Lithic Industry. A Research on the Excavated Site of Komishan, Southeast of the Caspian Sea, Iran // Paleorient. 2014. № 42 (1). P. 75—94.

Pelegrin J. Debitage experimental par pression: du plus petit au plus grand // Technologie Préhistorique. Valbonne: Editions du CNRS. 1988. P. 37–53.

Керамика средневолжской культуры

© 2020 г. К.М. Андреев (konstantin_andreev_88@mail.ru), А.В. Сомов

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ

Аннотация. В статье представляется обобщенная характеристика посуды средневолжской неолитической культуры Поволжья. Рассматриваются отдельные типологические группы керамики орнаментированные наколами и гребенчатым штампом. Обозначаются общие черты и подчеркиваются локальные различия посуды рассматриваемых групп.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, неолит, средневолжская культура, археологическая керамика, статистический анализ.

Введение. Источниковой базой исследования являются неолитические керамические комплексы памятников Среднего Поволжья, которые специалисты относят к средневолжской культуре (Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 2000; 2008). Керамические коллекции данной культуры, на наш взгляд, допустимо разделить не только на типологические группы (накольчатая, гребенчатая и посуда с насечками), но и провести территориальное разграничение с целью определения общих черт в изготовлении посуды, а также для выявления локальных особенностей. Посуда, орнаментированная ногтевидными насечками, будет являться предметом специального рассмотрения одного из авторов работы и в данной статье представлена не будет. В Самарском Поволжье выделяются два микрорегиона: в первый включены материалы Ивановской, Виловатовской и Старо-Елшанской II стоянок бассейна реки Самара, являющегося условной границей между степной и лесостепной зонами; второй представлен памятниками лесостепной зоны – бассейн реки Сок: Ильинка, Чекалино IV, Большая Раковка II, Красный Яр VII, Калмыковка I, Лебяжинка I и IV. Лесостепная зона представлена также материалами Ульяновского Поволжья: Елшанка XI и Лесное-Никольское III. Лесную зону характеризуют коллекции Казанского Поволжья (II Щербетская, Ага-Базарская и IV Тетюшская). Также с целью определения северной границы ареала средневолжской культуры будут привлечены материалы Марийского Поволжья: Отарское VI, Дубовское III, VIII и IX. Приведенные количественные показатели основываются на результатах непосредственной работы авторов с вышеописанными коллекциями, проводившейся в 2016–2019 годах. Стоит также отметить, что в научный оборот ранее вводились промежуточные результаты исследований (Андреев, 2018; Сомов, 2018).

Накольчатая посуда. Проанализировано 963 сосуда, из которых 360 выделено по венчикам. Толщина фрагментов в основном составляет 0,6–0,9 см, реже менее 0,6 см, причем на отдельных стоянках тонкостенные сосуды весьма представительны и составляют около трети комплекса, единичны толстостенные (более 1 см). Что касается визуально определимых примесей, то доминируют фрагменты без примесей, примечательно, что в лесостепной зоне, широко представлены сосуды с примесью песка и шамота. Отдельно стоит отметить два памятника, на которых около половины сосудов содержат визуально определимую примесь раковины – Лебяжинка I и Ивановка. Внешняя поверхность фрагментов в основном обрабатывалась простым заглаживанием, в то время как в лесной зоне около половины сосудов подлощены. Внутренняя поверхность черепков в основном также заглаживалась. При этом как на внешней, так и на внутренней поверхностях сосудов лесостепной зоны в единичных случаях фиксируются горизонтальные расчесы.

В целом для венчиков орнаментированных наколами средневолжской культуры характерен плоский или округлый срез. В тоже время наблюдается определенная региональная специфика, так в сокском макрорегионе достаточно представительны венчики с приостренным и скошенным внутрь срезом, которые лишь единично зафиксированы в бассейне реки Самара. На стоянках Марийского Поволжья, помимо плоских и округлых срезов, не выявлены другие приемы оформления торца сосуда, в то же время в Ульяновском и Казанском Поволжье обнаружены также еще лишь скошенные внутрь. Стоит отметить, что 30–50 % венчиков Самарского и Казанского Поволжья имеют орнаментацию по срезу округлыми и овальными вдавлениями или насечками, в отличие от остальных регионов, где данная традиция не получила серьезного распространения. Что касается оформления шейки сосудов, то доминирует прямое горло, реже сосуды имеют прикрытую или открытую верхнюю часть, единично встречаются профилированные. Значительная часть сосудов (около 75 %) украшены ямочно-жемчужным пояском, исключением являются материалы лесного Марийского Поволжья, где преобладают сквозные отверстия. В большинстве случаев фиксируются ямки под срезом, однако на отдельных стоянках (например, Лебяжинка I и Красный Яр VII) чаще встречаются жемчужины. В то же время из общей картины выбиваются венчики Ивановской стоянки, которые в 63 % случаев не имеют пояска ямок или жемчужин под срезом.

С точки зрения техники нанесения накола и его формы прослеживается определенная региональная специфика. В частности, на стоянках бассейна реки Самара более трех четвертей посуды орнаментировано вдавлениями в отступающей манере, при этом преобладают наколы округлой и овальной формы над треугольными, аналогичное соотношение, относительно формы накола, фиксируется и на оставшейся четверти сосудов, орнаментированных в разреженной манере. Также доминирует отступающая техника нанесения орнамента на сосудах Правобережья и лесной части Среднего Поволжья (особняком стоит лишь комплекс стоянки Елшанка XI, где две трети сосудов орнаментированы в разреженной манере), однако здесь абсолютно преобладают вдавления треугольной формы, они же господствуют и на немногочисленных сосудах украшенных в разреженной манере. Наконец, на стоянках бассейна реки Сок напротив, в отступающей манере орнаментировано не более 50 % посуды, при этом в основном представлен накол треугольной формы, а на большинстве памятников преобладает разреженная техника, на одних господствуют треу-

гольные (Ильинка, Лебяжинка IV), а на других округлые и овальные (Красный Яр VII, Лебяжинка I) вдавления. Обозначенные наколы образуют в основном достаточно простые линейные мотивы (горизонтальные и диагональные ряды), реже встречаются более сложные построения орнамента: горизонтальные ряды с отходящими от них диагональными рядами наколов, короткие диагональные ряды, косая решетка, треугольники и горизонтальный зигзаг в сочетании с вертикальными и горизонтальными линиями. Другие мотивы орнамента представлены на стоянках единично. Стоит отметить большее разнообразие орнаментальных мотивов и их сложность на памятниках бассейна реки Самара, также короткие диагональные линии получают более широкое распространение в лесной зоне Среднего Поволжья и здесь чаще встречаются горизонтальные волнистые линии, которые в лесостепной зоне зафиксированы в единичных экземплярах.

Гребенчатая посуда. В процессе работы с неолитическими коллекциями памятников Среднего Поволжья было выделено 792 сосуда (из них 229 по венчикам). Толщина фрагментов в основном составляет 0,6–0,9 см, в то же время примерно пятая часть сосудов имеет толщину более 1 см и лишь на стоянках Правобережья реки Волга выявлены немногочисленные экземпляры толщиной до 0,5 см. Доминируют фрагменты без визуально фиксируемых примесей или с примесью песка и шамота, причем последние зачастую преобладают, однако достаточно большое количество сосудов имеет примесь раковины – от 10 % до 50 %. Внешняя поверхность фрагментов в основном заглаживалась, вместе с тем широко представлена традиция легкого лощения. Внутренняя поверхность также в основном заглаживалась, но примерно 10–20 % черепков имеют на ней следы горизонтальных расчесов.

Срез венчиков у 50–60 % сосудов плоский или округлый, в остальных 40 % случаев приостренный или скошенный внутрь, однако данный показатель является весьма вариабельным. Более чем на трети венчиков по срезу нанесен орнамент, при этом в основном представлены оттиски короткого гребенчатого штампа, реже насечки и округлые наколы. Также стоит отметить, что почти в каждом комплексе, выявлены единичные верхние части сосудов с орнаментом на внутренней поверхности. Примерно две трети посуды имеют прямое оформление горла, еще от 20 % до 35 % – прикрытые, и лишь единичные открытой или профилированной формы. На шейке подавляющей части сосудов стоянок бассейна реки Сок нанесен ямочно-жемчужный поясок, при этом чаще фиксируются ямки, чем жемчужины, последние преобладают лишь в комплексе стоянки Лебяжинка I. В то же время на стоянках бассейна реки Самара более 35 % венчиков без ямочно-жемчужного пояска, на стоянке Ивановка его нет у трех четвертей сосудов, на тех сосудах на которых он все же представлен преобладают ямки и половина из них имеет еще и орнамент на срезе венчика.

В зависимости от формы и размера штампа какой-либо явной региональной специфики не фиксируется. Оттиски гребенчатого штампа допустимо разделить на три группы: короткий до 5 зубцов (30 % от всех сосудов), средний – 5–10 зубцов (42 % от всех сосудов) и длинный – более 10 зубцов (28 % от всех сосудов). Стоит лишь отметить незначительное количество отпечатков короткого штампа на сосудах Ивановской стоянки и почти полное отсутствие среднего гребенчатого штампа на фрагментах стоянок Правобережья реки Волга. Также штамп был дифференцирован по ширине отпечатков на: узкий (до 0,1 см), средний (0,11–0,25 см) и широкий (больше 0,26 см). В комплексах преобладают оттиски средней ширины, на стоянках сокского микрорегиона на втором месте по встречаемости находится узкий штамп, а широкий представлен единично, в то время как в бассейне реки Самара наблюдается диаметрально противоположная картина. Представленные оттиски штампа образуют достаточно разнообразные мотивы и при их рассмотрении рельефнее проступает региональная специфика памятников. В частности, на стоянках бассейна реки Сок широко представлены горизонтальные ряды штампа, состоящие из коротких диагонально и вертикально ориентированных оттисков, иногда в сочетании с другими узорами (длинные горизонтальные, вертикальные и диагональные линии, зигзаги). В то время как, на стоянках реки Самара данные узоры имеют меньшее распространение, однако выразительны мотивы из шагающей гребенки, иногда в связке с другими оттисками штампа, которые сравнительно реже встречаются в сокском микрорегионе. В целом на стоянках выявлены весьма разнообразные сочетания оттисков гребенчатого штампа, образующие достаточно сложные мотивы, однако они фиксируются единично и не образуют устойчивых серий.

Заключение. В заключении целесообразно кратко остановиться на некоторых особенностях характерных для посуды средневолжской неолитической культуры, орнаментированной наколами и гребенчатым штампом. Отметим, что на большинстве стоянок Среднего Поволжья накольчатая традиция орнаментации датируется по ^{14}C более ранним временем (Выборнов и др., 2016) и представленные ниже различия скорее всего хронологического плана. По сравнению с накольчатой гребенчатая керамика становится более толстостенной, в качестве визуально определимой примеси в большем количестве черепков фиксируется раковина, также устойчивой является традиция покрытия внутренней стороны сосуда горизонтальными расчесами. В оформлении венчика на гребенчатой посуде срез чаще начинает приобретать утоньшенные или скошенные очертания, в его орнаментации большую роль играют оттиски короткого штампа, а наколы и насечки используются значительно реже, периодически орнамент заходит на внутреннюю часть сосуда, что не характерно для накольчатой посуды. Оформление горла сосуда становится более унифицированным (прямое, реже прикрытое, почти не встречаются открытые и профилированные формы), в тоже время каких-либо хронологических закономерностей в частоте встречаемости ямок или жемчужин на шейке не фиксируется. Наконец, что касается мотивов орнамента, то возможности их сравнения ограничены, однако можно заметить, что для обеих орнаментальных традиций характерна горизонтальная ритмичность в расположении простых узоров и взаимная встречаемость в материалах одного памятника сложных образов, таких как: треугольники, зигзаги и др. Таким образом, при определенном изменении традиции изготовления керамики и техники ее орнаментации, прослеживается преемственность в развитии накольчатых и гребенчатых комплексов средневолжской культуры. В то же время необходимо отметить, что на посуде средне-

волжской культуры крайне редко фиксируется одновременное присутствие обеих орнаментальных традиций, из обработанных авторами почти 1800 сосудов, оно фиксируется лишь на 40, то есть примерно в 2 % случаев.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–78–10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

Список литературы

Андреев К.М. Предварительные итоги изучения накольчатой керамики средневолжской культуры бассейна реки Сок // XXI Уральское археологическое совещание. Самара, 2018. С. 3–6.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев, 1988. 112 с.

Выборнов А.А. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 177–215.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 74–96.

Сомов А.В. Предварительные итоги изучения накольчатой керамики бассейна реки Самары // XXI Уральское археологическое совещание. Самара, 2018. С. 71–73.

Комплексный анализ керамики эпох неолита-энеолита Среднего Прикамья

© 2020 г. О.В. Андреева[1] *(olgayer@mail.ru),* ***Н.С. Батуева[2]***

[1] Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ
[2] Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Аннотация. Изучение посуды проходило с использованием технико-технологического анализа в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским. Анализу были подвергнуты 642 фрагмента от условно разных сосудов со стоянок неолита-энеолита Верхнего и Среднего Прикамья. По результатам анализа выявлена преемственность гончарных традиций в Верхнем и Среднем Прикамье.

Ключевые слова: неолит, энеолит, Прикамье, керамика, гончарные традиции, историко-культурный подход.

Исследование керамики неолита и энеолита Верхнего и Среднего Прикамья было проведено в рамках историко-культурного подхода А.А. Бобринского, основанного на применении методики бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования (Бобринский, 1978; 1999). Упор сделан на изучении двух элементов технологии: представлении об исходном пластичном сырье (далее ИПС) и рецептах формовочных масс (далее ФМ).

К неолиту Прикамья относятся две культуры: камская (с гребенчатой орнаментацией) и волго-камская (с накольчатой орнаментацией). Технико-технологическому анализу подверглись 245 сосудов.

Гребенчатая посуда камской культуры (чистые комплексы)

Анализу подверглись фрагменты от 57 сосудов стоянки Мокино, Чашкинское Озеро I, Хуторская, Боровое Озеро III, Посёр, Чернашка, Усть-Залазнушка, Бор I, поселение Усть-Паль.

На ступени отбора и подготовки ИПС населением использовались глины и илистые глины, в 90 % случаев среди илистых глин и 70 % случаев среди природных глин сырье фиксировалось в естественно увлажненном состоянии.

При анализе рецептов ФМ нами были рецепты с такими искусственными примесями как шамот (56 %); органический раствор (далее ОР) (9 %); ОР + шамот (далее Ш) (33 %); глина + Ш + дробленая глина (далее ДР) (2 %).

Анализ морфологических признаков показал, что посуда изученных памятников толстостенная (от 0,7 см и более), со скошенными внутрь венчиками с наплывом. Орнаментация представлена гребенчатым штампом, иногда совместно с ямочным узором. При нанесении орнамента использовались приемы оттискивания, шагания или прокатывания. Также присутствует элемент в виде ямки, нанесенной орудием с округлым или овальным рабочим концом и ямки, нанесенные углом штампа.

Накольчатая керамика волго-камской культуры (чистые комплексы)

Технико-технологическому анализу подвергнуто 14 фрагментов сосудов с накольчатой орнаментацией Лёвшинской стоянки и поселения Чашкинское Озеро VIII.

Носители волго-камских традиций для изготовления посуды использовали илистые глины (71 %) и глины (29 %). Дробление сырья было зафиксировано лишь при изготовлении одного сосуда Лёвшинской стоянки. В остальных случаях сырьем служило естественно увлажненное пластичное глинистое сырье.

Составлялись ФМ с искусственными примесями в виде Ш (57 %); Ш + ОР (36 %).

Сосуды волго-камской культуры чистых комплексов тонкостенные (до 0,8 см), с прямыми венчиками или слегка прикрытыми, с округлым или уплощенным торцом. Орнамент наносился орудием с округлым или подтреугольным рабочим краем. Узоры наносились как отдельными наколами, так и с помощью отступания – «отступающая палочка». На двух сосудах был зафиксирован такой способ орнаментации, как протаскивание. Необходимо упомянуть, о значительной доли неорнаментированных сосудов – 29 %.

Гребенчатая и накольчатая керамика (смешанные комплексы)

В культурных слоях памятников: стоянки Чашкинское Озеро VI, Чашкинское Озеро IX, Непряха VI, Чирвинская II, Чашкинское Озеро IV, поселения Чашкинское Озеро III(а), Чернушка, Базов Бор, Заборное Озеро I. было отмечено совместное залегание гребенчатой и накольчатой посуды.

Посуда с гребенчатой орнаментацией

Анализу были подвергнуты фрагменты 98 сосудов.

Сосуды из комплексов данных памятников изготавливались из илистых глин и глин. Исходное сырье использовалось и в дробленом, и в естественно увлажненном состоянии.

Для ФМ использовались такие примеси, как Ш (56 %); ОР (16 %); Ш + ОР (27 %); Ш + ДР (1 %).

Посуда с накольчатой орнаментацией

Были проанализированы 76 сосудов. Посуда данной группы изготавливалась из глин и илистых глин, часто применялся способ дробления сырья. При этом не использовались запесоченные илистые глины в естественно увлажненном состоянии.

Для рецептов ФМ были применены добавки: Ш+ песок (1 %); ОР (8 %); Ш + ОР (91 %).

Посуда памятников, характеризующихся совместным залеганием гребенчатой и накольчатой керамики. Фиксируются следующие отличия по морфологическим признакам:

– у гребенчатой посуды появляются прямые венчики с уплощенным торцом, а также «жучковый мотив»;

– в гребенчатой посуде фиксируется использование так называемого гладкого штампа. Он наносился, как в технике оттискивания, так и шагания;

– в посуде волго-камской культуры появляются венчики, с наплывом, скошенные внутрь;

– для орнаментации волго-камской культуры используются орудия с подквадратной, подтреугольной или подпрямоугольной формой кончика, появляется «ногтевидный» орнамент.

Энеолитические комплексы

Нами был проведен анализ керамических комплексов, относящихся к трем энеолитическим культурам Прикамья.

Новоильинская культура

Технико-технологическому анализу было подвергнуто 159 образцов керамики со стоянок Новоильинское III, Чашкинское Озеро I, Тюремка I, Бойцово I, Усть-Очер I, Зверево, Гагарская II, Гагарская III, Корепино, Усть-Паль, Заюрчим I.

Гончары использовали в качестве ИПС практически в равных долях илистые глины и глины в естественно увлажненном состоянии (98 %), сырье для лепки отбирали незапесоченное: илистые глины (85 %), глины (80 %).

При изготовлении посуды использовались несколько составов ФМ: Ш (3 %), ОР (7 %), ОР + Ш (89 %), ОР + ДР (1 %).

Форма сосудов полуяйцевидная. Посуда украшалась оттисками короткого и среднего овального гребенчатого штампа, реже – ямками, отпечатками гладкого штампа. Орнаментация разреженная, мотивы представлены горизонтальными рядами прямо и наклонно поставленных оттисков, горизонтального зигзага и линий, решетки, ромбов. Специфичен мотив в виде флажка (Бадер, 1961. С. 110–130).

Гаринская культура

Проанализировано 182 фрагмента посуды с памятников Чашкинское Озеро III(а), Бор I, Заборное Озеро, Боровое Озеро III, Боровое Озеро II, Непряха IV, Бойцово II, Ларевская I, Гагарская I, Заюрчим.

Для лепки преимущественно отбирали илистую глину (64 %), ИПС использовали в естественно увлажненном состоянии в 99 % случаев. Наиболее распространенными были приемы отбора незапесоченного ИПС (79 % случаев).

Население гаринских стоянок для лепки использовало примеси ФМ: ДР (5 %), ОР + ДР (46 %), Ш + ДР (9 %) и ОР + Ш + ДР (40 %).

Для керамики характерны прямостенные сосуды с плоскими, часто утолщенными и орнаментированными венчиками и округло-коническими днищами. Внутренняя, а иногда и наружная поверхность обрабатывалась гребенчатыми штампами. Орнамент состоит из отпечатков гребенчатых и гладких штампов. Основной мотив в орнаменте шагающая гребенка (Наговицин, 1990. С. 82–86).

Борская культура

Было изучено 56 фрагментов от разных сосудов со стоянок Бор III, Бор V, Бор IV, Боровое Озеро IV, Боровое Озеро VI, Заюрчим.

На ступени отбора и подготовки сырья выявлены следующие традиции: использование илистой глины в 71 % случаев, ИПС в 98 % случаев применяли в естественно увлажненном состоянии. В борской керамике сохранилась традиция использования незапесоченного сырья (80 %).

Для лепки сосудов гончары Борской культуры использовали ФМ с многокомпонентным составом: Ш + ДР (3 %), ОР + ДР (52 %) и ОР + ДР + Ш (45 %).

Керамика борской культуры представлена полуяйцевидными или котловидными сосудами с округлыми или приостренными днищами. Орнаментирована гребенчатыми и ямочными узорами, которые покрывали всю поверхность посуды (Наговицин, 1990. С. 84–86).

В эпоху неолита – энеолита сохраняется традиция изготовления посуды из илистых глин или глин с добавлением шамота или шамота с органическим раствором. Применение данного рецепта зафиксировано во всех рассмотренных культурных типах керамики. Вероятно в эпоху энеолита на территории Прикамья происходит процесс смешения прикамских и поволжских керамических традиций, в результате которого складывается традиция: использование дробленной раковины в качестве примеси, при этом архаичная традиция введения в ФМ шамота не исчезает.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

РНФ № 19–78–10001 «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

Список литературы

Бадер О.Н. Поселение у Бойцова и вопросы периодизация среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции (выпуск 2). 1961. С. 110–271.

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: 1970. С. 157–171.

Батуева Н.С. Технико-технологический анализ керамики камской культуры // Вестник Науч. ассоциации студ. и асп. ист. фак. Перм. гос. пед. ун-та. Се Сер.: Studiahistoricajuvenum.

Пермь: Б. и., 2017. С. 15–21.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СамГПУ. С. 203–205.

Наговицин Л.А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск: Б. и., 1990. С. 82–96.

Итоги исследования стоянок Алгай и Орошаемое в Нижнем Поволжье (2017–2019 год)

© *2020 г. А.В. Барацков[1], А.А. Выборнов[1]* (*vibornov_kin@mail.ru*), *Ф.Ф. Гилязов[1], Н.С. Дога[1], П.А. Косинцев[2], М.А. Кулькова[3], А.С. Попов[1], Н.В. Рослякова[1], А.И. Юдин[4]*

[1] Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ
[2] Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, РФ
[3] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, РФ
[4] Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов, РФ

Аннотация. В статье представлены результаты полевых работ за 2017–2019 гг. на стоянках Алгай и Орошаемое. Прослежено наличие трех культурных слоев. Проведен анализ кремневого, керамического и остеологического материалов. Определена хронология существования памятников.

Ключевые слова: неолит, энеолит, орловская культура, прикаспийская культура, Нижнее Поволжье.

С 2014 года ведется исследование двух памятников Алгай и Орошаемое, расположенных в 1,5 км к северу от с. Александров Гай Саратовской области, на правом берегу р. Большой Узень. Итоги исследований за 2014–2016 гг. были представлены коллективом авторов ранее (Дога и др., 2017; Юдин и др., 2017). Целью данной публикации является освещение результатов полевых работ в 2017–2019 гг.

На стоянке Алгай вскрыто 100 кв. м. Мощность напластований неодинакова по всей площади и достигала 260 см. По сравнению с раскопами 2014–2016 гг. выявлено четыре литологических слоя, которые включают горизонты не только неолитического, но и энеолитического времени. Важно подчеркнуть, что они разделяются относительно стерильными прослойками (Выборнов и др. 2020). Энеолитические находки, относятся к хвалынской (слой 1) и прикаспийской (слой 2) культурам. Материалы неолитического периода (орловская культура) стратиграфически разделяются на два горизонта – верхний (слой 3) и нижний (слой 4) (Выборнов и др.,2018).

Керамическая коллекция памятника насчитывает 1033 фрагментов. Из них 147 венчиков, 41 донце и придонных частей и 845 стенок. Все сосуды плоскодонные, прямостенные или слабопрофилированные. При нанесении орнамента преобладает накольчатая техника в отступающей манере, но представлены и прямые прочерки. Наколы треугольной и овальной формы. Выделяются следующие орнаментальные композиции: горизонтальные ряды отступающих наколов, сочетание горизонтальных и наклонных рядов, горизонтальный зигзаг, сочетание горизонтальных рядов и горизонтального зигзага, разреженные наколы, прочерченные линии. Некоторые сосуды имеют орнамент на внутренней стороне венчика. Обнаружены и неорнаментированные плоские днища со сквозными сверлинами на стенках. В прикаспийском слое было найдено 5 фрагментов керамики. Информативными являются 2 стенки с гребенчатым орнаментом и венчик, украшенный горизонтальными и вертикальными отпечатками плотно поставленного гребенчатого штампа.

Каменная коллекция насчитывает 1800 артефактов. Материалом для изготовления орудий труда служил кремень, реже – кварцит. Каменные изделия в хвалынском слое немногочисленны. Они представлены тремя скребками на отщепах с округлым и скошенным рабочим краем. Найден кремневый нуклеус конусовидной формы для снятия пластин. Значимой находкой является обломок шлифованного молоточка из диабаза. Данный артефакт может являться символом власти, но на ударной части видны следы сработанности.

Наибольшее количество кварцитовых изделий встречается в прикаспийском культурном слое. Из орудий преобладают скребки на массивных сколах, пластинах и пластинчатых отщепах. По форме лезвия они подразделяются на округлую, прямую и скошенную. Каменный инвентарь неолитического слоя наиболее выразителен. Концевые скребки изготавливались на отщепах, обломках пластин и пластинчатых отщепах. По форме рабочего края они делятся на округлые, со скошенным лезвием и прямые. Небольшую группу составляют скребки стрельчатой формы, с жальцем и шпорой. По всей сумме вышеописанных показателей скребки находят полные аналогии в комплексах Варфоломеевской стоянки. Геометрические микролиты представлены 42 экземплярами: трапеции со струганой спинкой, сегменты с односторонней ретушировкой дуги, с гелуанской и отвесной ретушью. Симметричные острия на пластинах представлены 14 экземплярами. Также найдены «выпрямитель древков стрел», обломок сверленого топора, крупное шлифовальное орудие и обломок булавы. Аналогии последнему артефакту известны в слое 2А Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004. С. 81, рис.35) и на стоянке Тентексор (Васильев и др., 1986. с.23, рис.12), что подтверждает его поздненеолитический возраст.

Остеологическая коллекция из раскопа 2017–2019 гг. на стоянке Алгай насчитывает 8863 фрагмента костей животных. В 2019 году в слоях прикаспийской культуры собрано 97 экземпляров. Они принадлежат туру, тарпану, кулану и домашней собаке. В орловском слое собрано

5188 костей тура, тарпана, кулана, сайги, волка, корсака и домашней собаки.

Дата по кости из низа орловского слоя раскопа 2019 г. – 7145±100 лет ВР (SPb-3115). Таким образом, подтверждаются данные о ранненеолитическом возрасте нижних слоев стоянки Алгай. Что касается времени прикаспийского слоя, то по нему получена дата 5846±70 лет ВР (SPb-3116), которая совпадает с датой материалов прикаспийской культуры памятника Орошаемое.

В 200 м от стоянки Алгай располагается поселение Орошаемое. За три полевых сезона было вскрыто 48 кв. м культурного слоя мощностью до 320 см. В светло-желтом суглинке эолового происхождения выделяются три слабо гумусированных литологических слоя, относящихся к трем культурно-хронологическим горизонтам. Они разделены относительно стерильными прослойками, которые, судя по геохимическому анализу, свидетельствуют об аридизации климата. Верхний культурный слой мощностью до 30 см состоит из светло-коричневого суглинка и определяется временем бытования хвалынской культуры. Мощность среднего культурного слоя колеблется в пределах 30–60 см, по цвету и плотности он аналогичен первому пласту. Горизонт включал артефакты прикаспийской культуры. Нижний культурный слой (40–80 см) представлен темно-коричневым суглинком с большой примесью гумуса. Находки относятся к орловской неолитической культуре (Выборнов и др., 2018а; 2018б; 2020).

Керамическая коллекция составила около 100 фрагментов стенок и венчиков сосудов. Выделяется три группы керамики. В слое хвалынской культуры обнаружены фрагменты стенок с оттисками зубчатого штампа, венчик с валиком на внешней стороне и часть венчика от ладьевидного сосуда с «носиком». Вторая группа включает в себя керамику, орнаментированную отпечатками гребенчатого штампа, порой в сочетании с прочерками. Венчики имеют форму «воротничка», что позволяет отнести данную посуду к прикаспийской культуре. Третья группа, обнаруженная в нижнем слое, относится к орловской культуре. Венчики прямые или с утолщением на внутренней стороне. Посуда украшена треугольными наколами в отступающей манере, прямыми и волнистыми прочерченными линиями. Орнаментальные композиции представлены сочетанием горизонтальных, вертикальных, наклонных и волнистых рядов наколов.

Коллекция каменных изделий насчитывает около 250 изделий, выполненных из кремня и кварцита. В хвалынском и прикаспийском слое преобладают орудия труда из кварцита. К орудиям можно отнести скребки с округлым, дублированным, прямым и «стрельчатым» рабочим краем, провертку из кремня, острие на пластине. Имеются пластины и их сечения. Каменный инвентарь нижнего слоя представлен изделиями из кремня. Орудийный набор состоит из концевых скребков с округлым, прямым или скошенным рабочим краем, острий, микролитов.

Остеологическая коллекция включает в себя более 4000 костей. Помимо диких видов (сайга, тарпан, кулан) в энеолитических слоях присутствуют кости овцы, что говорит о производящей направленности хозяйства носителей прикаспийской и хвалынской культур. Это подтверждается наличием молочных жиров в нагаре сосудов прикаспийской культуры.

Что касается хронологии нижнего культурного слоя было получены даты по коллагену и углю: 7245±60 ВР (SPb-2141), 7010±110 ВР (SPb-2143), 6889±100 ВР (SPb-2090). Они фиксируют начало заселения этого региона носителями орловской культуры. Кроме того, получено еще три даты, фиксирующие 6620±100 ВР (SPb-2854), 6580±100 ВР (SPb-2853), 6551±40 ВР (Hela-4005) и подтверждающие слоистость нижнего культурного слоя.

Список литературы

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев,1986. С. 6–31.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Барацков А.В., Дога Н.С., Попов А.С., Курбатова Л.А., Гилязов Ф.Ф. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2017–2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.16. Саратов, 2018. С. 3–77.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Дога Н.С., Попов А.С., Платонов В.И., Рослякова Н.В. Новые результаты исследований поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье. Известия Самарского научного центра РАН. 2018а.Т.20. № 3. 215–222.

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Рослякова Н.В., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Попов А.С., Юдин А.И., Ойнонен М., Посснерт Г., Стрельцов М.А. Итоги исследования поселения Орошаемое в 2018 году // Самарский научный вестник. 2018б.Т.7. № 4. С. 211–218.

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Барацков А.В., Гилязов Ф.Ф., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Курбатова Л.А., Рослякова Н.В., Юдин А.И. Итоги исследования стоянки Алгай в 2019 году в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1 (30).

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Рослякова Н.В., Дога Н.С., Попов А.С. Результаты исследования памятника Орошаемое в Нижнем Поволжье в 2019 году // Вопросы археологии Поволжья. Вып.8. Самара, 2020а. С. 66–77.

Дога Н.С., Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Попов А.С. Итоги изучения поселения неолита-энеолита Орошаемое в Нижнем Поволжье // Труды V (XXI) всероссийского археологического съезда. Сборник научных статей. Т.1. Барнаул, 2017. С. 323–324.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в степном Волго-Уральском междуречье // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов. Барнаул, 2017. С. 1199–1200.

Проблемы корреляции неолитических могильников и стоянок Байкало-Енисейской Сибири

© *2020 г. И.М. Бердников (yan-maiski@yandex.ru)*

Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ

Аннотация. Предложен авторский взгляд на корреляцию неолитических комплексов Байкало-Енисейской Сибири. Для раннего неолита характерна сетчатая и хайтинская керамика, связанная с китойской группой и другими близкими ей захоронениями. В среднем неолите появляется посольская и усть-бельская керамика. Погребения этого периода еще не идентифицированы, но предпосылки для этого уже имеются. В позднем неолите получили распространение исаковская и серовская традиции погребений, материалы которых находят аналогии в комплексах многослойных стоянок.

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, погребальные комплексы, многослойные местонахождения, керамика, радиоуглеродное датирование.

В истории неолитоведения Байкало-Енисейской Сибири было немало предложений в области разработки культурно-хронологических концепций. Наиболее известными из них являются схемы, предложенные А. П. Окладниковым на основе погребальных комплексов (1950) и Н. А. Савельевым по материалам многослойных местонахождений (1989). Однако корреляция материалов стоянок и погребений до сих пор вызывает определенные трудности, обусловленные как объективными, так и субъективными причинами. Исследования могильников и многослойных местонахождений, которые велись в течение последних 20 лет, предоставили в распоряжение исследователей новые материалы и данные, включая результаты AMS-датирования, которые позволили уточнить возраст разных неолитических комплексов (Weber et al. 2016; Losey et al. 2017; Бердников и др., 2017; Горюнова, Новиков, 2018).

Время появления гончарства (сетчатая и шнуровая хайтинская керамика) в регионе сегодня определяется датами по костям копытных для слоя 3 стоянки Холмушино 3 на р. Белая в интервале 8510–8380 кал. л.н. (Бердников и др., 2017). Указанные типы керамики продолжают бытовать на территории региона вплоть до ~7000–6900 кал. л. н. (Горюнова, Новиков, 2018). Первые немногочисленные погребения фиксируются в интервале ~8600–8000 кал. л. н., однако керамика в них отсутствует, а ранненеолитические комплексы с сетчатыми и хайтинскими сосудами коррелируют не с этой группой, а со множеством китойских и близких им по обряду захоронений Южного Приангарья, байкальского побережья и Верхней Лены, которые датируются периодом ~7500–7000 кал. л. н. (Weber et al., 2016).

В среднем неолите, после ~7000 кал. л. н., культурная ситуация в Байкало-Енисейской Сибири меняется. Это выражено в появлении в материалах стоянок новых типов керамики – посольского и усть-бельского. Техноморфологические особенности посольской керамики сближают ее с хайтинской и свидетельствуют о ее формировании на основе ранненеолитических традиций региона. Усть-бельская керамика, напротив, явно экзогенного происхождения и является, по сути, самым восточным проявлением гребенчато-ямочных традиций Северной Евразии. Наиболее надежные AMS-даты по 7 образцам зубов и костей оленей для комплексов с этой керамикой, полученные в результате раскопок поймы на местонахождении Усть-Белая в Южном Приангарье, демонстрируют ее возраст в интервале ~6700–6300 кал. л. н. По нагару с двух сосудов из раскопок Усть-Белой получены более древние определения, но это, видимо, является следствием эффекта пресноводного резервуара. Возраст усть-бельского комплекса местонахождения Деревня Мартынова в Северном Приангарье, в соответствии с AMS-датированием, определяется возрастом ~7400–7000 кал. л. н. (Бердников и др. 2017), но в данном случае корректность этих определений под вопросом.

Для посольской керамики на данный момент достаточно надежные AMS-даты со значениями в диапазоне 6750–6310 кал. л. н. получены для местонахождений байкальского побережья (Горюнова, Новиков, 2018). Близкий возраст (6539–6353 кал. л.н.) имеют комплексы с сосудами данного типа и в Южном Приангарье (Савельев, Уланов, 2018). Наиболее древние проявления посольской керамики отмечены в Канско-Енисейском регионе (Казачка 1, Пещера Еленева) (Савельев и др. 1984; Макаров, 2005), однако радиоуглеродные даты, полученные для них методом жидкостной сцинтилляции, имеют большую погрешность и требуют проверки.

Погребальные комплексы для среднего этапа неолита до сих пор не были идентифицированы. Отсутствие известных захоронений на протяжении почти тысячи лет было отмечено еще 30 лет назад (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Позднее, в процессе выполнения Байкальского археологического проекта (БАП), этот период получил название хиатуса (Weber et al., 2002). Сначала он рассматривался как реальный биокультурный феномен (подразумевающий, в том числе, возможное отсутствие населения), затем как перерыв в традиционной погребальной практике местных охотников-собирателей (Weber et al., 2010). В действительности в основе концепции хиатуса лежала методологическая ошибка, заключающаяся в ограниченной выборке датированных погребальных комплексов. Мы проанализировали доступные сведения по региону и создали базу данных, которая включает 108 погребальных комплексов Приангарья и Канско-Енисейского региона, обладающих рядом признаков, не характерных в своем сочетании для захоронений раннего и позднего неолита. Для некоторых из них уже получены первые радиоуглеродные определения, подтверждающие их средненеолитический возраст, но они пока не опубликованы. Серийное датирование погребений из нашей базы позволит, наконец, выделить группу захоронений для среднего неолита. Сложнее будет определить, какие из них могли быть связаны с усть-бельской керамикой, а какие с посольской.

Материалы могильников позднего неолита исаковской и серовской традиций захоронений (~5600–4600 кал. л. н.) (Weber et al., 2016) хорошо коррелируют с комплексами стоянок, особенно байкальского побережья, где, примерно, в этот же период фиксируется серовская и пунктирно-

гребенчатая керамика (Долганов и др., 2011; Долганов, 2012). При этом есть некоторые проблемы в определении возраста этих керамических комплексов в Приангарье, ввиду отсутствия AMS-дат. Исаковский тип керамики встречается преимущественно в погребениях.

Подводя краткий итог, отметим, что в области разработок по неолиту Байкало-Енисейской Сибири остается немало проблем, однако исследования последних лет позволяет внести ряд существенных уточнений в картину развития культур охотников-собирателей этого периода. В частности, определено время появление гончарства в регионе и предложена рабочая гипотеза решения вопроса так называемого хиатуса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства РФ, проект № 075–15–2019–866. База данных разработана в рамках гранта РФФИ и Правительства Иркутской области № 20–49–380002.

Список литературы

Бердников И.М., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Кузнецов А.М., Когай С.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Савельев Н.А., Соколова Н.Б., Уланов И.В. Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 220–230.

Горюнова О.И, Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник Томск. гос. ун-та. История. 2018. № 51. С. 98–107.

Дзюбас С.А., Абдулов Т.А., Друлис М.В. Погребение с зооморфными изображениями из Усть-Илирского могильника // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 47–56.

Долганов В.А. Корреляция комплексов поселений и погребений позднего неолита Приольхонья (озеро Байкал) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 76–81.

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Пунктирно-гребенчатая керамика и ее место в неолите Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II). Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3. С. 84–91.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия лаборатории древних технологий. 2005. № 1 (3). С. 149–171.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19–32.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Части 1 и 2. М.; Л.: АН СССР, 1950. 412 с. (МИА; № 18).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Часть 3: Глазковское время. М. ; Л.: АН СССР, 1955. 377 с. (МИА; № 43)

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: история основных идей и современное состояние проблемы: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее). Красноярск, 1984. С. 136–142.

Савельев Н.А., Уланов И.В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 46–85.

Losey R.J., Nomokonova T.Yu. (ed.) Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal. (Archaeology in China and East Asia; Vol. 7). Darmstadt: German Archaeological Institute, 2017. 144 p.

Weber A.W., Link D.W., Katzenberg M.A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // Journal of Anthropological Archaeology. 2002. Vol. 21. P. 230–299.

Weber A.W., Katzenberg M.A., Schurr Th.G. (ed.) 2010. Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. Philadeiphia: University of Pensylvania, Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. 319 p.

Weber A.W., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. Vol. 419. P. 74–98.

Курганы в погребальной практике позднеолитического населения юга Западной Сибири

© 2020 г. В.В. Бобров (comcon@yandex.ru), А.Г. Марочкин, А.Ю. Юракова

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, РФ

Аннотация. Для артынской культуры позднего неолита Барабинской лесостепи характерны групповые погребения в котлованах, огражденных разомкнутыми рвами и перекрытых грунтовой насыпью. Конструктивно погребальные комплексы близки жилищам позднего неолита быстринской (лес) и, особенно, артынской (лесостепь) культур позднего неолита Западной Сибири. Это одно из древнейших в Северной Азии проявлений традиции могильных оград, курганных захоронений, и, гипотетически, традиции захоронений в склепах.

Ключевые слова: поздний неолит, артынская культура, курганные захоронения, захоронения в жилищах, Барабинская лесостепь, юг Западной Сибири.

1. Могильники Протока (Полосьмак и др. 1989), Венгерово-2А (Молодин и др. 2016) и Автодром-1А (Бобров и др. 2015) на севере Барабинской лесостепи характеризуют погребальную практику населения артынской поздненеолитической культуры (лесостепное и лесное Приртышье и Барабинская лесостепь). Культурная атрибуция могильников подтверждается находками характерной керамики. Абсолютные радиоуглеродные даты могильников Протока и Венгерово-2А относят их к концу VI – V тыс. до н. э. (обзор см.: Молодин и др. 2016. С. 43). Для могильника Автодром-1А по костям человека в 2015 и 2020 гг. получены две даты: MAMS-26153 5794±33 BP и HELA-4483 5852±26 BP. В калиброванных значениях, соответственно: 4718–4551 cal BC (94,4 %) и 4794–4679 cal BC (92,7 %). Хронология комплексов соотносится с предложенными датировками позднего неолита юга Западной Сибири.

2. Перечисленные могильники специфичны по сравнению с грунтовыми погребениями неолита западносибирской лесостепи. Отличительной чертой всех комплексов является парциальность большинства захоронений, при соблюдении общего правила положения в анатомическом порядке, преимущественно вытянуто на спине. Но особенно специфика выражена практикой групповых захоронений (ингумаций) в небольших котлованах, огражденных разомкнутыми рвами и перекрытых невысокими земляными насыпями.

Наличие насыпи от надмогильного сооружения над неолитическими захоронениями впервые предположено для могильника Протока (Полосьмак и др., 1989), а стратиграфия могильников Венгерово-2А (2011, 2013 гг.) и Автодром-1А (2014–2015 гг.) это наблюдение удостоверяет. В случае с Протокой и Автодромом-1А следует говорить об одиночных курганах, Венгерово-2А дал сразу два таких перекрытых насыпями погребальных комплекса на небольшом расстоянии друг от друга.

3. При реконструкции погребальной практики Венгерово-2А новосибирские коллеги обозначили предполагаемую последовательность обрядовых действий: *создание основного чашеобразного углубления и рвов вокруг него – совершение первого (основного) захоронения и частичная засыпка могильной ямы землей – последующие захоронения в центральной чаше или во рвах (с возможным сооружением легкого навеса/настила для предварительного размещения тела) – засыпка всего комплекса по прошествии какого-то времени, землей до образования невысокой насыпи* (Молодин и др. 2016. С. 37–38). Важным местом схемы является идея о вторичном характере захоронений, с предварительным хранением останков на стороне, с длительное время открытым котлованом (Полосьмак и др. 1989. С. 26; Молодин и др. 2016. С. 38). Соглашаясь с общими принципами данной реконструкции, мы предлагаем несколько иную трактовку отдельных ее элементов.

4. При анализе курганных комплексов Венгерово-2А справедливо указаны определенные семантические параллели в части организации пространства в материалах поздненеолитических жилищ Сургутского Приобья и южно-таежного Прииртышья (Там же). А именно – ограждение рвами одиночных жилищ быстринской культуры (Косинская и др., 2006; Борзунов, 2013), а также артынского жилища на памятнике Усть-Тара XXVIII. Назначение прерывистых рвов вокруг жилищ дискутируется, но сакральная функция вполне вероятна.

Если сосредоточиться на сравнении жилищ и погребальных комплексов в пределах собственно артынской культуры, то проявляется еще одно важнейшее сходство. Артынское население использовало два типа жилых построек: 1) небольшие полуземлянки (известны на всем ареале); 2) крупные одиночные, очень слабо углубленные или полностью наземные жилища, при археологизации образующие невысокую, немногим более полуметра, насыпь (!).

Именно обваловка и насыпь, помимо уже рассмотренных рвов, внешне сближает остатки жилищ поселений тарской группы Усть-Тара XXVIII, Усть-Тара XXXIII и погребальные комплексы могильников Протока, Венгерово-2А, Автодром-1А.

Такое разительное сходство принципиально по-иному раскрывает сущность рассмотренных могильных сооружений. Возможно, что в действительности погребальный котлован на всех этапах функционирования был закрыт не легким настилом, а большим наземным сооружением, с земляным/дерновым покрытием кровли. Достаточно крепким, чтобы надежно защитить останки от внешней среды, в первую очередь, от воздействия падальщиков. Своеобразным склепом, конструктивно близким или идентичным наземному жилищу. По крайней мере, материалы поселений явственно свидетельствуют о технологической способности носителей артынской культуры к такому строительству.

Высказанная гипотеза не отменяет других элементов предложенной реконструкции, в первую очередь последовательной засыпки размещенных в яме ярусных захоронений принесенной землей или периодического их перекрытия пришедшей в негодность кровлей. Верхние костяки во всех комплексах размещены немногим ниже древней дневной поверхности. Логично, что при окончательном обрушении земляной или дерновой кровли она образовы-

вала ту самую насыпь, ложась на слабо углубленную или вовсе горизонтальную поверхность.

5. В рамках гипотезы, следует говорить о древнейшем для Западной Сибири проявлении сразу нескольких традиций, получавших развитие в последующие эпохи.

Первое – это придание семантической зеркальности образам «жилища» и «могилы». Учитывая выводы антропологов о родственности погребенных Протоки (Полосьмак и др. 1989. С. 26. С. 78) мы имеем дело с родовым или семейным «домом мертвых». Примеры именно такого смыслового прочтения места захоронения в огромном количестве можно найти в разные эпохи и на разных территориях.

Второе – наряду с недавними находками А.А. Тишкина в Монголии, барабинские поздненеолитические некрополи выступают как одни из самых древних курганов в Центральной и Северной Азии.

Третье – перечисленные комплексы это одно из древнейших проявлений практики рельефного обозначения сакрального могильного пространства, в частности посредством рвов.

В.И. Молодиным на материалах могильника Сопка-2 доказано восприятие и продолжение поздненеолитической практики курганов со рвами населением усть-тартасской культуры раннего металла Барабы, но с последующим угасанием этой традиции в IV–III тыс. до н. э. (Молодин, 2001). Судить об исторической судьбе этой отдельно взятой культурной традиции пока сложно, как и о ее роли в генезисе погребальной обрядности населения юга Западной Сибири в эпоху палеометалла. Тем не менее, это очень ранний случай проявления мировоззренческих тенденций, характерных для всей Северной Евразии в среднем и позднем голоцене.

Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А17–117041410051–7 Проект XII.186. «Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири и сопредельных территорий (ранний и поздний голоцен)». Датирование образцов из погребений могильника Автодром-1 выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18–09–00040 «Корреляция хронологии неолитических культур степной, лесостепной и лесной зон от Дона до Иртыша».

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи в 2015 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 23–27.

Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // РА. 2013. №4. С. 20–34.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник, 2005. Омск. 2006. С. 83–91.

Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Поселение Быстрый Кульёган 66 и быстринская археологическая культура // Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2006. Гл. 8. С. 57–67.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. 127 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. № 2. 2016. С. 30–46.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

Функциональные характеристики каменной индустрии гиссарской неолитической культуры в свете трасологических исследований (Южный Таджикистан)

© 2020 г. Т.М. Бостанова[1] (tahminaboss@mail.ru), Д.М. Шульга[2]

[1] Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ, Душанбе, Республика Таджикистан
[2] Санкт-Петербургский музей хлеба, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Статья посвящена предварительным результатам экспериментально-трасологических исследований одной из трех самых распространенных неолитических культур Средней Азии – гиссарской неолитической культуре (VII–II тыс. до н. э.) распространенной в Южном Таджикистане. Благодаря функциональному анализу стало возможным реконструировать реконструкции основы хозяйства гиссарских племен, об использовании двух видов видов сырья для изготовления орудий труда.

Ключевые слова: Южный Таджикистан, гиссарская неолитическая культура, Туткаул, стоянка Гулакандоз, экспериментально-трасологический анализ.

Гиссарская неолитическая культура (6–4 тыс. до н. э., Юго-Западный Таджикистан) открыта А.П. Окладниковым в 1948 г. (Ранов, 1985. С. 10–35).

Основным регионом распространения гиссарской культуры является Южный Таджикистан. Всего зафиксировано более 300 пунктов со сборами каменного материала на поверхности, в основном это небольшие местонахождения без культурного слоя, содержащие от 20 до 100 предметов – временные места обитания, оставленные мобильными группами охотников. Крупных памятников

с сохранившимся культурным слоев, всего 4 – Бульёни Поён, Туткаул, Саёд и Кангуртут. На стоянках и поселениях собрано большое количество каменных орудий (коллекции некоторых памятников достигают 40 тыс. экз).

В основных чертах можно представить генезис гиссарской культуры, который с одной стороны был связан с предшествующим мезолитическим пластом (VII–VIII тыс.), распространенным на юге Таджикистана и особенно на стратифицированных памятниках – Туткаул, Саёд и Дараи-Шур, где наблюдается необычное для мезолита Европы и Ближнего Востока сочетание кремневых орудий (в том числе геометрических формы) и орудий, изготовленных из галек, выполненных в очень древней специфической «галечной» технике. Производственный инвентарь гиссарских стоянок характеризуется тем, что включает верхнепалеолитический галечный элемент (отщепы, крупные пластины, чоппинги, чопперы) и мезолитический кремневый (нуклеусы для микропластин, микропластины, геометрические микролиты).

Трасологическиее исследования функций орудий многослойного поселения Туткаулы, предпринятые Г.Ф. Коробковой, выявили факты зависимости между некоторыми инструментами определенного назначения и сортом сырья, из которого они изготовлены (Коробкова, Ранов, 1971. С. 18–21.). Так, крупные галечные заготовки применялись для массивных рубящих орудий, скребел, топоров, кремневые служили для получения вкладышей охотничьего оружия, орудий с режущими и скоблящими функциями (ножи, резцы, концевые скребки).

В настоящее время начато всестороннее исследование орудийного комплекса другого памятника – стоянки Гуликондоз, направленное на детальное изучение производственного инвентаря.

Стоянка Гуликандоз, расположенная в Яванской долине, как и другие памятники этого района, относится к локальному варианту гиссарской культуры (Амосова и др. 1983: 4–5). Одна стоянка отличается многочисленным, составляющим более 3000 предметов. «Галечный» (гиссарский) элемент представлен отщепами, чаще крупных размеров (максимальная длина 8 см, минимальная – 3 см), присутствуют пластины из эффузивных пород длиной до 6,8 см и шириной 2 см. Среди галечных орудий: чопперы и чеппинги. «Кремневый элемент» включает отщепы, пластины, микропластинки, геометрические микролиты, проколки, скребки, выемчатые орудия.

Трасологическомму анализу был подвергнут весь инвентарь стоянки. Его большую часть составляют галечные, кремневые отщепы и осколки, которые не несут следов утилизации. Эти отходы камнеобрабатывающего производства, а также многочисленные разнотипные, истощенные кремневые и галечные чоппероообразные нуклеусы неоспоримо свидетельствуют о том, что на стоянке производилась обработка каменного сырья, получение заготовок для орудий труда: микропластин, пластин, кремневых и галечных отщепов. Среди утилизированных орудий выделен ряд групп, связанных с различными видами хозяйственной деятельности. Для обработки мяса использовались составные ножи с кремневыми пластинчатыми вкладышами; к кожеобрабатывающим инструментам относятся кремневые скребки и проколки; скребла, чоппинги, служившие для первичной обработки шкур, изготовлены из галечных отщепов; деревообрабатывающие орудия представляют кремневые пилки, резцы и резчики, строгальные ножи, сверла, галечные заготовки использованы для крупных скобелей, рубящих орудий;. костеобрабатывающие инструменты включают крупные скобели на галечных отщепах, чоппинги. Функциональную классификацию завершает кремневый пластинчатый нож для срезания травы, обнаруженный в единственном экземпляре. Орудиями охоты, вероятно, являлись вкладышевые наконечники стрел, оснащенные миропластинами и геометрическими микролитами разнообразных форм, как правило, не имеющих по объективным причинам, следов использования. Необходимо отметить, что многие орудия выделены из заготовок без вторичной обработки.

Таким образом, трасологический анализ производственного инвентаря неолитических памятников показал, что на них практиковались разнообразные виды производственной деятельности. Однако, требуется подробное и всестороннее исследование других памятников данной культуры для получения сравнительных данных, которые помогут осветить вопрос о экономической основе гиссарской культуры.

Список литературы

Амосова А.Г., Филимонова Т.Г., Юсупов А.Х. Мезолит и неолит Южного Таджикикистана // Бактрия и Тохаристана на древнем и средневековом Востоке. Тез. Докл. Конф.-М.: Наука, 1983, -С. 4–5.

Коробкова Г.Ф., Ранов В.А. Неолит горных районов (по материалам поселения Туткаул) // Проблемы археологии Средней Азии: Тезисы докладов и сообщ. к совещанию по археологии Средней Азии (1–7апр. 1968 г.). Л. 1968. С. 18–21.

Ранов В.А. Гиссарская культура –неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 10–35.

Факторный анализ в проблеме происхождения индоевропейцев

© 2020 г. А.В. Букалов (boukalov@gmail.com)

Международный институт соционики, Киев, Украина

Аннотация. Системный анализ археологических, лингвистических, антропологических, культурологических и генетических факторов позволяет предложить наиболее вероятный сценарий происхождения ранних индоевропейцев: из индо-уральской языковой общности в предгорьях Алтая — Тянь-Шаня — в самарскую и днепро-донецкую культуры, далее в хвалынско-среднестоговскую, преемниками которой являются раннеиндоевропейские культуры шнуровой керамики (КШК) и Ямная, антропологически и генетически связанные между собой.

Ключевые слова: происхождение индоевропейцев, генетика, антропология индоевропейцев, праиндоевропейский язык, гаплогруппа, доместификация лошади.

Проблема происхождения индоевропейцев — одна из наиболее сложных. Только комплексный учет имеющихся данных и многофакторный комплексный системный анализ максимального числа разнообразных факторов: лингвистических, социокультурных, археологических, антропологических, генетических и других, позволит решить этот вопрос.

Археологические факторы. К раннеиндоевропейским культурам обычно относят самарскую и днепро-донецкую, сменившиеся хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общностью, в которой, как и в самарской, прослеживается культ лошади. Его маркером являются захоронения с черепами и конечностями лошадей, представленные в Причерноморско-Уральском регионе вплоть до поздних индоиранских племен (Кузьмина, 1977). Окончательная доместификация лошади, вероятно лесного тарпана, произошла в конце III тыс. до н. э. в Синташте, одновременно с изобретением колесниц (Кузнецов, 2016; Букалов, 2018). Шнуровой орнамент, получивший свое развитие в культурах шнуровой керамики и ямной, прослеживается еще со времен днепро-донецкой культуры, хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общности, которые можно назвать раннешнуровыми. Но шнуровая орнаментация возникает еще в мезолите — в Карелии, в культуре сперрингс. Поэтому есть все основания предполагать еще у протоиндоевропейцев особую сакральную роль шнура (ср. с упавитой у индоариев) и его отпечатков как оберегов. Другой индоевропейский маркер — мифологическая роль собак: погребения двух собак в культурах шнуровой керамики, две четырехглазые собаки у иранцев, две четырехглазые собаки бога Ямы у индийцев, двухголовый Цербер у греков. Но такая пара собак, взрослой и молодой, сопровождающая захороненного, появляется уже в северном мезолите (Веретье, VII тыс. до н. э.). Позднее эти северные праиндоевропейские традиции проникают и на Кавказ: в Майкопской культуре две собаки уже выполнены в серебре и бронзе как местное и дорогое исполнение престижных заимствованных традиций.

Мы предлагаем также новый аргумент в локализации прародины индоевропейцев – «аргумент лося»: ареал обитания этого животного, хорошо знакомого индоевропейцам, занимает лесную зону, исключая южные регионы, в т.ч. Кавказ и Балканы.

Лингвистические факторы. Согласно диаграмме глоттохронологических деревьев сино-кавказской, ностратической и афро-азиатской макросемей по 50-словным спискам разделение ностратического датируется палеолитом — 13,88 тыс. лет до н. э., а разделение протоалтайского и протоиндоевропейко-уральского датируется 10,72 тыс. лет до н. э. Разделение протоиндоевропейского и уральского — мезолитом — 8,36 тыс. лет до н. э. (Касьян, 2017). Последние два разделения указывают на Сибирь–Приуралье, как исходный ареал разделения протоиндоевропейцев с протоуральцами и алтайцами. Из близости языковых макросемей (Козинцев, 2019), следует, что у семитских языков с уральскими 3,8 % совпадений против 6,6 % с индо-европейскими. По нашему мнению это означает, что прауральцы находились восточнее протоиндоевропейцев. Самая минимальная дистанция — между индоевропейскими и эскалеутскими языками, из чего также следует сибирско-приалтайское происхождение протоиндоевропейцев и их последующее движение к Приуралью, с частичным смешением с ранними скотоводами юга Средней Азии (Букалов, 2008), с образованием новой культуры. «Горная» лексика в их языке, выделенная В.А. Дыбо, соответствует горам Западного Алтая или Тянь-Шаня, «море» или «большое озеро» — полусоленому озеру Балхаш на юго-востоке Казахстана. Близкую модель, но начиная только с Поволжья, предложил и Д. Энтони (Anthony, 2019).

Антропологические факторы. Предания, мифы и описания внешности ранних индоевропейских народов — ариев, греков, кельтов и др. подчеркивают их преимущественную светловолосость, светлокожесть, а также голубоглазость или кареглазость (Залізняк, 1999).

Индивидуум Афонтова гора 3 (Красноярск,14,7 тыс. лет до н. э.) уже имел аллель rs12821256, определяющую светловолосость европейцев, распространенную миграциями восточно-европейских охотников-собирателей (EHG), в т. ч. в мезолите Самары и Поднепровья. Голубые глаза имели EHG в Карелии. Напротив, западно-европейские охотники-собиратели (WHG) имели темную кожу, темные волосы и голубые глаза. Прослежена миграция массивных северных европеоидов в ареал сложения днепро-донецкой культуры, в которой возникла смесь двух антропологических типов северных массивных европеоидов, как праиндоевропейцев, и местного неиндоевропейского населения южного происхождения (Залізняк, 1999).

Генетические факторы. Гаплогруппа R мужской Y-хромосомы, предковая для R1a и R1b, характерных для индоевропейцев, возникла в Сибири около 22 тыс. лет до н. э. R1a возникла в Южной Сибири или Средней Азии. В Поднепровье (Васильевка) найден наиболее ранний образец из ископаемой гаплогруппы R1a (8825–8561 гг. до н. э.). На Южном Оленьем острове (Онежское озеро, Карелия) в захоронении 6800–6000 до н. э. обнаружена R1a1 (YP1272). В хвалынской культуре, (4700 гг. до н. э.), обнаружены R1b1, R1a1, Q1a (Mathieson et al., 2015). В Днепро-Донецкой культуре (Вовниги 2) — R1a1-M459*

(4519–4343 гг. до н. э.). Далее, через средний Стог — к более поздним R1a1a (M17, M198) в культурах шнуровой керамики и их потомкам – балтам, славянам, индоариям, микенским грекам, и др. В Эстонии — R1a5-YP1272, в Сертее-VIII (Смоленская обл., рубеж V–IV тыс. до н. э.) — R1a1, в Глазковском некрополе (Иркутск, китойская культура, 6000—4800 гг. до н. э.) — R1a1-M17. R1a-M417 (5000–3500 гг. до н. э.), предковый для линий R1a Европы, найден в Среднем Стоге (Александрия, Харьковская обл.). R1a-Y3, предковый для R1a-L657 (2030–1959 гг. до н. э.), распространенного и у браминов Индии — у р. Оскол (Mathieson et al., 2018). Поэтому Восточная Европа от Карелии до Зауралья была резервуаром популяций охотников-собирателей с древними субкладами R1a и рядом субкладов R1b.

Ямники в Поднепровье по женской линии являются частично потомками среднестоговцев. При этом КШК из Ямной с не выводится, ни археологически, ни генетически, т. к. R1b не переходит в R1a, (Klejn, 2017; Букалов, 2019). По нашему мнению, их общий аутосомный компонент — явно из Среднего Стога (Букалов, 2019). Однако большинство потомков ямников было ассимилировано потомками культур шнуровой керамики, породивших большинство известных индоевропейских народов. При этом носители R1a и R1b, как восточно-европейские охотники-собиратели (EHG), вероятно были первичными распространителями генов светлой кожи, светлых и рыжих волос. Эти мутации возникли у них в конце палеолита, и карта распространения аллелей мутации светлокожести A111T близка к карте миграций индоевропейцев как носителей гаплогрупп R1b и R1a во всей Евразии (Maciamo, 2018). По нашей гипотезе рыжеволосая часть населения севера Кировской обл., республики Коми, юга Архангельской области, и рыжеволосые обитатели Северо-Западной Европы являются потомками рыжеволосых восточно-европейских охотников-собирателей.

Таким образом, наша концепция (Букалов, 2008) и результаты представленного многофакторного системного анализа более полно отвечают на ряд вопросов о происхождении индоевропейцев.

Список литературы

Букалов А.В. Термины «желтый» и «золото» в картвельских, баскском и греческом языках // «Происхождение языка и культуры: древняя история человечества». 2008. № 3. С. 5–7.

Букалов А.В. Проблемные аспекты ботайской концепции одомашнивания лошади // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Самара: СГСПУ, 2018. 364 с.

Залізняк Л.Л. Первісна історія України. К.: Вища школа, 1999. 264 с.

Касьян А.С. Майкопская культура, ее происхождение и языковая идентификация: взгляд лингвиста // Генофонд.рф. 2017. http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=28165

Козинцев А.Г. Новые лексикостатистические данные о южном адстрате в праиндоевропейском языке // Этнография. 2019. № 3 (5). С. 122–149.

Кузнецов П.Ф. Древнейшие колесницы погребальных комплексов Евразии // Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко. Материалы. СПб., 2016. С. 36–39.

Культурные традиции в гончарстве населения Поволжья в эпоху неолита

© 2020 г. И.Н. Васильева *(in.vasil@mail.ru)*

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, Самара, РФ

Аннотация. Доклад посвящен подведению некоторых итогов изучения гончарной технологии населения Поволжья в эпоху неолита. Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода, на основе технико-технологического анализа более 5000 образцов керамики из 160 памятников Поволжья и сопредельных регионов.

Ключевые слова: Поволжье, неолит, керамика, методика А.А. Бобринского, происхождение гончарства, ареалы ранненеолитических гончарных традиций.

1. Изучение культурных традиций в неолитическом гончарстве Поволжья основывается на анализе массового археологического источника – керамики, обладающей большой культурной спецификой. Оно проводится в рамках *историко-культурного подхода*, разработанного А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999). *Методика*: бинокулярная микроскопия, трасология и эксперимент в виде физического моделирования. *Источниковая база* включает данные технико-технологического анализа более 5000 образцов керамики из 160 памятников Поволжья и сопредельных регионов (под образцами имеются в виду развалы и фрагменты от разных сосудов). Значительная серия радиоуглеродных дат керамики дает возможность выстроить хронологическую последовательность процесса появления и распространения гончарных традиций в неолите (Выборнов, Васильева, 2016). В данном докладе предлагается обобщение полученной информации и подведение наиболее общих итогов исследования.

2. Исследование ранненеолитического гончарства любого региона связано с проблемой появления в нем наиболее ранней керамики. В рамках СЭЭИДГ была проведена серия экспериментов по проверке *«корзиночной» гипотезы* происхождения гончарства. Они показали возможность успешного обжига корзин, обмазанных илом и глиной. При этом были выявлены четкие рельефные отпечатки корзин на поверхностях экспериментальных сосудов, которые полностью отсутствуют на ранней керамике Поволжья. Приоритетным направлением в выявлении *очагов ранненеолитического гончарства* в Поволжье стала гипотеза А.А. Бобринского. В «очагах» ранних гончарств, по его мнению, существовал длительный *догончарный период*, когда при изготовлении емкостей использовались глиноподобные природные материалы, свойства которых были хоро-

шо известны древним коллективам из их практического опыта. Изделия из такого сырья не обжигались, а высушивались и применялись только для хранения и переноски продуктов. Исследователь подчеркивал наличие прямой зависимости между зарождением традиций отбора разных видов пластичного сырья – с одной стороны, и природно-климатическими условиями, а также характером хозяйственной деятельности древнего населения – с другой.

3. Важный результат нашего исследования: установление факта использования *илов* как универсального природного пластичного сырья на ранних этапах гончарства в южной степной зоне Восточной Европы. На основе специфики *исходного пластичного сырья* (ИПС) в Поволжье были выделены 3 ареала неолитических традиций:

I – *нижневолжский ареал*, где наиболее ранняя керамика изготавливалась из *ила* с добавкой органических растворов (ОР), позднее – из илистых глин и глин с примесью дробленой раковины и ОР. К нему относится нижневолжская культурная общность, представленная группой культур (АК): каиршакско-тентексорской, джангарской, орловской, для которых характерна плоскодонная керамика с прочерченно-накольчатым орнаментом. Территория: Нижнее Поволжье; время: VI–V тыс. до н. э. (некал). Архаичные черты гончарной технологии дали основание предполагать существование догончарного периода в данном регионе и независимый характер происхождения нижневолжского гончарства.

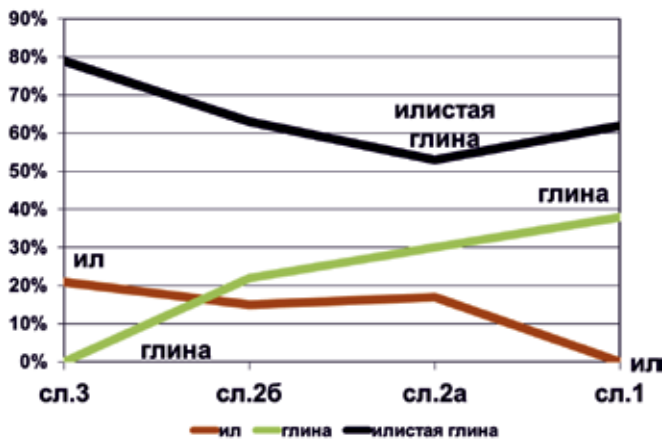
II – *средневолжский (елшанский) ареал*: для него были характерны *илистые глины* в качестве ИПС и «шамотная» традиция составления формовочных масс (ФМ). В ранних гончарных производствах этого ареала изготавливались остродонные сосуды, неорнаментированные или только с ямочно-жемчужным пояском. Позднее появились приемы конструирования плоскодонной посуды. Территория: Среднее Поволжье; время: VI–первая пол. V тыс. до н. э. По-видимому, начало эволюции елшанского гончарства происходило за пределами Поволжья, предположительно в Восточном Прикаспии и Средней Азии.

III – *камский ареал*. В посл. четв. V–IV тыс. до н. э. в Прикамье получили распространение камские культурные традиции: применение гребенчатых штампов; использование природных глин; дробление их в сухом состоянии и смешение почти в равной концентрации с шамотом и ОР. Связь этих специфичных традиций с вышеописанными, более ранними, ареалами гончарства Поволжья пока не прослеживается, и предполагается их привнесенный характер.

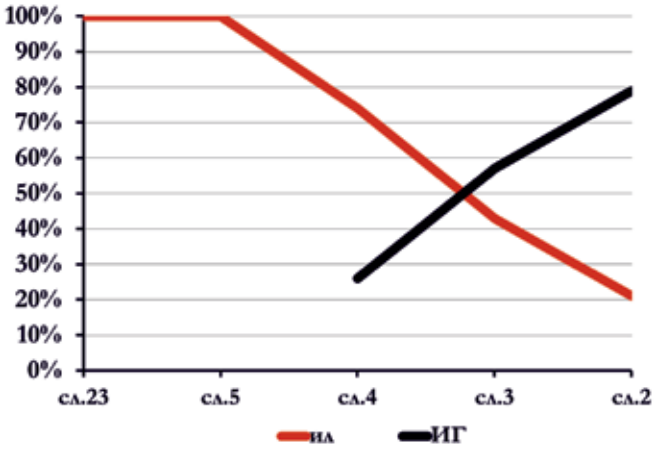
4. Все изменения неолитических традиций Поволжья были обусловлены этими тремя ареалами. Они могли иметь *эволюционный или конкретно-исторический характер*. Эволюционные изменения возникали в результате накопления коллективного опыта, имели однонаправленную тенденцию развития, вели к качественным изменениям навыков труда в гончарстве в течение многих поколений. Изменения конкретно-исторического характера были вызваны культурными смешениями населения и критическими ситуациями, для преодоления которых использовался адаптационный механизм – способность гончаров приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям.

Примером эволюционного и конкретно-исторического характера зафиксированных изменений могут служить данные изучения представлений древних гончаров об ИПС долговременных поселков – стратифицированных стоянок неолита, такие как Ракушечный Яр в Подонье и Варфоломеевка в Поволжье. Были составлены графики изменения керамики из разных стратиграфических слоев, по характеру ИПС. *Граф 1* (Варфоломеевка): уже с нижнего 3 слоя (посл. четв. VI тыс. до н. э.) в гончарстве продолжали существовать архаичные приемы отбора илов, и в то же время появились новые – отбор илистых глин и глин. Предположительно, эволюционные изменения произошли именно в степном Поволжье, куда продвинулось население из Северного Прикаспия, в котором до конца неолита в производствах бытовой посуды использовались илы (поздненеолитическая стоянка Тентексор). *Граф 2* (Ракушечный Яр) демонстрирует стопроцентное распространение илов в неолите и резкое появление приемов отбора илистых глин и введения искусственных добавок только в энеолитическом слое, а также конгломератное состояние разных традиций в энеолите, что может свидетельствовать о начавшемся смешении местного населения с пришлыми коллективами.

5. Наиболее четко процессы смешения фиксируются по наличию в слое какой-либо стоянки сосудов одного культурного типа (например, накольчатой посуды средневолжской АК), изготовленных из разных рецептов ФМ: 1) ил+ОР; 2) илистая глина+ОР+шамот; 3) илистая глина+ОР+дробленая раковина. Данная ситуация указывает на неоднородность гончарной технологии, которая могла возникнуть только в результате смешения разных в



Граф 1. Изменение взглядов гончаров на ИПС у населения стоянки Варфоломеевка (Поволжье).



Граф 2. Изменение взглядов гончаров на ИПС у населения стоянки Ракушечный Яр (Подонье).

культурном отношении групп населения. Для понимания деталей этого процесса очень важно выяснить историю формирования разных культурных традиций.

Состояние изученности неолитической гончарной технологии Поволжья позволяет наметить возможные истоки традиций ФМ (Васильева, 2019). Навыки введения в ФМ искусственных дробленых примесей (песка, дресвы, раковины) могли появиться у носителей традиций использования илов – по мере распространения гончарной технологии за пределы очагов раннего гончарства. Выявлены следующие искусственные добавки, которые использовались гончарами Поволжья в неолите: *органические растворы* (ОР), *дробленая раковина* (ДР), *шамот* (Ш), *примесь из обожженной сильноожедезненной глины* (О/Г). Удалось установить время и территорию появления культурных традиций. *ОР* (клеящие вещества растительного и животного происхождения): традиция их добавки в ФМ была связана с догончарным периодом и приданием изделиям прочности, поэтому мы рассматриваем рецепты с ОР в неолите как технологические реликты, которые сохранялись очень долгое время. Их массовое распространение прослежено в ранненеолитических гончарствах Нижнего и Среднего Поволжья. *Дробленая раковина:* приемы ее подготовки и введения в ФМ зародились в степном Нижнем Поволжье в результате эволюционного перехода от илов к илистым глинам в гончарстве орловского населения. *Шамот:* самое раннее появление «шамотной» традиции в Поволжье фиксируется по материалам елшанской АК. В более позднее время она была широко известна в среде населения Среднего и Верхнего Поволжья (средневолжская, волго-камская, камская, верхневолжская АК). При этом необходимо учитывать специфику елшанской и камской «шамотной традиции». Приемы введения *примеси из обожженной сильноожелезненной глины*, по-видимому, были связаны с елшанским гончарством и получили широкое распространение в правобережье Волги.

6. В неолитическом гончарстве Поволжья выявлено всеобщее распространение *лоскутного налепа*. Удалось определить некоторые особенности: 1) для елшанского гончарства – использование строительных элементов (СЭ) в виде лоскутков (фрагментов, оторванных от жгута) и прокладок из шкур животных для форм-моделей; 2) для нижневолжского гончарства – СЭ в виде комков («лепешек»), которые размазывались по форме-модели, прокладки из очищенной кожи и применение каркасов, сплетенных из длинных листьев злаковых растений. На более поздних этапах неолита массово распространился *зональный лоскутный налеп*.

7. Придание прочности и влагонепроницаемости изделиям осуществлялось смешанными способами: *холодными* (введение ОР) и *горячими* (обжиг). Отмечено применение длительного обжига при низких температурах, часто без доступа воздуха, и неполной выдержки изделий при температурах каления глины, в условиях нестабильной газовой среды. Со временем прослежено увеличение сосудов со сквозным светло-коричневым изломом, что свидетельствует об увеличении температур обжига и продолжительности каления в окислительной среде.

Заключение: изучение неолитической гончарной технологии направлено на реконструкцию и детализацию исторических процессов в эпоху неолита. Полученные результаты указывают на то, что древнейшая история Поволжья характеризовалась постоянными контактами, процессами взаимодействия и смешения различных в культурном отношении групп населения. При этом большую роль в гончарстве играла традиционная модель развития.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье. // ПА, 2016, № 3 (17). С. 104–123.

Васильева И.Н. Некоторые вопросы истории культурных традиций в неолитическом гончарстве Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып.8. Самара: СГПСУ, 2020. С. 48–65.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 28–52.

Anthony D. Archaeology, Genetics, and Language in the Steppes: A Comment on Bomhard // Journal of Indo-European Studies. 2019. 47 (1–2). P. 175–198.

Klejn L., Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Reich D., Kristiansen K., Sjögren K.-G., Allentoft M., Sikora M., Willerslev E. Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West? // European Journal of Archaeology. 2017. 1–15. — doi:10.1017/eaa.2017.35.

Mathieson I., Alpaslan-Roodenberg S., Posth C. et al. The genomic history of southeastern Europe // Nature. 2018. 555. P.197–203. — doi:10.1038/nature25778.

Maciamo H. R1 populations spread genes for light skin, blond hair and red hair. 2017. https://www.eupedia.com/europe/Haplogroup_R1a_Y-DNA.shtml #pigmentation.

Поселения позднего неолита на территории Карелии

© 2020 г. Т.А. Васильева (tattya@list.ru)

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, РФ

Аннотация. В работе представлены результаты изучения поселений с жилищами позднего неолита (IV – начало III тыс. до н. э.). В задачи исследования входит анализ жилищных комплексов с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой, предлагается периодизация этих памятников. Рассматриваются вопросы развития культур на территории Карелии.

Ключевые слова: поздний неолит, Карелия, IV – начало III тыс. до н. э., жилищные комплексы, гребенчато-ямочная и ромбо-ямочная керамика, периодизация и хронология.

Жилищные постройки на поселениях эпохи неолита являются наиболее значимыми объектами для решения различных исследовательских задач. Памятники, содержащие комплексы с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики, многочисленны на территории Карелии (Археологические памятники Карелии, 2007). Изучению пространственно-временной динамики в планировке, размещении неолитических жилищ посвящен ряд работ (Гурина, 1961; Панкушев, Журавлев, 1966; Журавлев, 1991; Косменко, 1992; Витенкова, 2002, 2016; Жульников, 2003; Мельников, Герман, 2013; Лобанова, Филатова, 2015 и др.), в которых представлены материалы опорных памятников.

На территории Карелии выявлено свыше 460 впадин на более чем 120 памятниках эпохи неолита – энеолита. Из них порядка 160 были определены как жилищные. Топография поселений схожа – население предпочитало селиться на прибрежных участках, удобных для занятий охотой и рыболовством, выбирая узкие извилистые заливы озер, устья рек. К позднему неолиту отнесено 67 жилищных впадин, среди которых 1/3 часть связана с памятниками Вигайнаволок I и II (западное побережье Онежского озера). Несмотря на то, что поселения обследованы Г.А. Панкрушевым в 1964–1966 гг., они по праву считаются опорными: здесь впервые выявлен уникальный комплекс на площади 8000 кв. м и проведены первые масштабные раскопки (Панкрушев, 1964; 1965; 1966). В работе предпринята попытка характеристики построек (жилищных впадин) в контексте анализа всего корпуса источников по поселению Вигайнаволок I. По наличию гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики в жилищных впадинах, они определены как поздненеолитические.

Из исследованных к настоящему времени полуземляночных жилищ с гребенчато-ямочной посудой достоверно связаны 12 (Витенкова, 2002. С. 55). Жилища представляли собой прямоугольные постройки удлиненных пропорций с двумя выходами, двумя очагами у выходов и, предположительно, со спальными местами в центре. Затем жилища стали строить попарно: рядом с прямоугольным жилищем располагалось сооружение меньшего размера квадратных очертаний (Черная Губа IX, жилища 1–4), без переходов. На памятниках с ромбо-ямочной керамикой известны и одиночные жилища (большинство) с одним выходом и жилища, соединенные переходами (Журавлев, 1991; Витенкова, 2016. С. 40).

Жилищных впадин, которые можно с определенными основаниями связывать с ромбо-ямочной посудой в Карелии насчитывается около 40. Большинство жилых сооружений исследовано в южной Карелии на поселениях западного побережья Онежского озера и Заонежья. Хотя на поселениях восточного побережья Онежского озера и Водлозера древности с ромбо-ямочной керамикой представлены в значительном количестве, древних сооружений исследовано меньше, что обусловлено разрушающим аспектом более поздних напластований.

В результате анализа полевой документации и сравнительно-типологического анализа керамики на поселении Вигайнаволок I выделено 14 поздненеолитических (с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой) жилищ. Они занимают всю исследованную площадь памятника и характеризуют поселение, которое простирается от северо-западной его части и тянется вдоль древнего берега озера. Жилища представляли собой однокамерные постройки квадратной формы, углубленные на 0,3–0,8 м. Из 14 сооружений у шести площадь не определена, у остальных восьми она варьирует от 28 до 100 кв. м. Наиболее распространены жилища площадью около 80 кв. м. Выход обозначен только в одном случае на юго-восток, можно предположить, что использовались наземные входы; кострища располагались как в жилищах, так и за их пределами.

По планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, количественному распределению находок отмечается ряд особенностей. Замечено, что на отдельных участках высокая степень концентрации находок на 1 кв. м, порядка 50, что указывает на круглогодичный характер функционирования сооружения, в том числе в течение длительного периода.

Важным признаком является и степень «освоенности» пространства между постройками, которое в некоторых случаях характеризуется наличием значительного количества шлифовальных плит, орудий из камня, отходов производства, что позволяет интерпретировать эти участки как площадки-мастерские, используемые, вероятно, в теплые периоды (раскоп I 1965 г.).

На особое значение выходов указывает скопление находок (раскопе II 1965 г.) со значительным количеством керамики и обломков шлифовальных плит. Об активном использовании площадки памятника в различные периоды (сезонно) и круглогодично свидетельствуют находки за пределами сооружения в южной части раскопа, здесь в значительном количестве зафиксированы деревообрабатывающие орудия из сланца, абразивный инструмент, инвентарь для охоты и рыболовства.

На отдельных участках поселения Вигайнаволок I материал концентрировался за пределами жилища. Чаще всего это четырехугольные в плане постройки, размерами 8×4 м, где на 1 кв. м приходится всего две находки (раскоп II 1966 г.), которые встречены только в западной ее части (в северо-западном углу жилища обнаружена костяная игла и грузило, а в юго-западном – две глиняные

скульптурки). За пределами жилища пять кострищ. Вероятно, постройка имела особое значение и использовалась в течение непродолжительного времени. Нередко площадка между постройками служила мастерской, судя по значительному количеству шлифовальных плит и сланцевых орудий (раскопы III и IV 1966 г.).

Планиграфические и стратиграфические наблюдения распределения находок в жилищных впадинах и за их пределами на поселении Вигайнаволок I позволяют отнести постройки с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой к поздненеолитическому времени (IV – начало III тыс. до н. э.). Основной тенденцией в данный период становится увеличение площади сооружений.

И.Ф. Витенковой предложена периодизация жилищ в период позднего неолита и энеолита. Учитывая известные радиоуглеродные датировки, относительно раннее поселение Черная Губа III с гребенчато-ямочной керамикой датировано 4950±100 [ТА–1890], связанные с ним жилища продолговатые, прямоугольные, с двумя выходами в противоположных коротких стенках. На более позднем памятнике Черная Губа IX – 4840±80 [ТА–2023] – жилища расположены попарно, рядом с более длинным прямоугольным жилищем находится квадратное с одним выходом. Следов перехода между ними не выявлено. На поселении Черная Губа IV (4580±60 [ТА–2024]) исследовано прямоугольное слегка продолговатое жилище с одним выходом в торцовой стенке (Витенкова, 2016. С. 43). По образцам ромбо-ямочной керамики Вигайнаволока I получены две радиоуглеродных даты: первая – 4940±30 BP (KIA–33930), вторая – 4725±30 BP (KIA–33931), что в свою очередь характеризует временной интервал бытования посуды на поселении. Кроме того, на северном и западном побережье Онежского озера на поселениях с преобладанием ромбо-ямочной керамики, встречались как жилища подквадратной формы с одним выходом, так и сооружения прямоугольных очертаний, что свидетельствует о хронологической и культурной преемственности в домостроительстве в культурах с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой.

Работа выполнена в рамках реализации плановой темы № АААА-А20–120011400154–5 «Комплексные исследования археологического наследия Карелии и соседних территорий (мезолит – Средневековье)»

Список литературы

Археологические памятники Карелии: Каталог. Научно-справочное издание. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2007. 200 с.

Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.

Витенкова И.Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск, 2016. 208 с.

Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003. 200 с.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005. 310 с.

Журавлев А.П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. 205 с.

Гурина Н.Н. Древняя история Северо-запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87. 588 с.

Косменко М.Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 222 с.

Лобанова Н.В., Филатова В.Ф. Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М., 2015. 464 с.

Мельников И.В., Герман К.Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 409 с.

Панкрушев Г.А. Отчет о работе Онежской археологической экспедиции в Карелии в 1964 г.; Альбом к отчету // Архив КарНЦ РАН. Петрозаводск. Ф.1. Оп.29. № 130,131.

Панкрушев Г.А. Отчет о работе Карельской археологической экспедиции в 1965 г.; Альбом к отчету // Архив КарНЦ РАН. Петрозаводск. Ф.1. Оп.29. № 169, 170.

Панкрушев Г.А. Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции в 1966 г.; Альбом к отчету // Архив КарНЦ РАН. Петрозаводск. Ф.1. Оп. 29. № 179, 180.

Некоторые итоги петрографического исследования фрагментов ранненеолитической керамики сперрингс с поселений на территории Карелии

© 2020 г. К.Э. Герман *(germank@onego.ru)*

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, РФ

Аннотация. В статье анализируются результаты петрографических исследований в 2018–2019 гг. в лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия) 58 фрагментов керамических сосудов с памятников культуры сперрингс. Керамика изготавливалась преимущественно из жирных глин смектитового состава с примесью дресвы в тесте. Небольшим количеством представлены фрагменты с примесью в тесте песок, что может указывать на влияние ямочно-гребенчатой керамики, и шамот – влияние раннего пласта гребенчатой керамики, представленного на поселениях юго-восточного Прионежья (Тудозеро V, Кемозеро III).

Ключевые слова: ранний неолит, керамика сперрингс, петрографический анализ, жирная глина, тощая глина, Онежское озеро.

Начало раннего неолита на территории Карелии характеризуется появлением памятников с керамикой сперрингс, орнаментация которой выделяет данный тип глиняной посуды среди памятников соседних территорий. В первую очередь, это оттиски позвонков пресноводных рыб, а также отступающе-прочерченные линии, веревочный и гребенчатый штамп и круглоконические ямочные вдавления в качестве дополнительного элемента. Как пра-

вило, отдельный сосуд украшен только одним элементом орнамента, поэтому известны поселения, в комплексах которых найдены фрагменты керамических сосудов украшенных только оттисками позвонка или прочерченно-отступающими линиями. Исследователи культуры сперрингс считают, что один позвонковый орнамент появляется на ранней стадии существования археологической культуры, остальные орнаменты характерны для развитой и поздней стадий (Витенкова, 1996. С. 78–79; Герман, 2012. С. 577–578).

Несмотря на то, что в целом сперрингс относится к хорошо изученным культурам раннего неолита остаются вопросы ее происхождения и выделения «чистых» комплексов. Поэтому логичным является обращение внимания к естественнонаучному методу изучения глиняной посуды, получившему развитие в последние годы, петрографическому анализу, который позволяет с высокой точностью определить структуру и материал изделий из глины.

Петрографическому исследованию, которое проводилось в 2018–2019 гг. в лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), под руководством к. г.-м.н. М.А. Кульковой, подверглись 58 фрагментов керамических сосудов с памятников пяти локальных географических районов: Сямозеро (10), Водлозеро (10), северный (18), восточный (4), западный (16) берег Онежского озера. Материалы исследований были частично опубликованы (Герман, Кулькова, 2019. С. 15–19).

В ходе проведенного исследования по композиционному составу глин и отощителей было выделено семь групп керамики. Керамика группы 1 представлена 36 фрагментами с памятников бассейна Водлозера (8 фр.), Сямозера (7 фр.), северного (17 фр.) и западного (4 фр.) берегов Онежского озера. Фрагменты изготовлены из жирных глин смектитового состава. В качестве отощителя в 33 фрагментах зафиксирована дресва, у двух – дресва и песок и у одного – шамот (дробленая керамика).

Керамика группы 2 представлена восемью фрагментами с памятников западного (2 фр.), северного (1 фр.) и восточного (5 фр.) берегов Онежского озера. Фрагменты изготовлены из тощих глин смектитового состава. В качестве отощителя в семи фрагментах зафиксирована дресва, у одного – дресва и песок.

Керамика группы 3 представлена двумя фрагментами с памятников бассейна Сямозера (1 фр.) и восточного (1 фр.) берега Онежского озера. Фрагменты изготовлены из жирных глин гидрослюдистого состава. В качестве отощителя зафиксирована дресва.

Керамика группы 4 представлена тремя фрагментами с памятников бассейна Водлозера (1 фр.) и восточного (2 фр.) берега Онежского озера. Фрагменты изготовлены из тощих глин гидрослюдистого состава. В качестве отощителя зафиксирована дресва.

Керамика группы 5 представлена тремя фрагментами с памятников бассейна Водлозера (1 фр.) и северного (2 фр.) берега Онежского озера. Фрагменты изготовлены из жирных глин смектит-гидрослюдистого состава. В качестве отощителя зафиксирована дресва.

Керамика группы 6 представлена четырьмя фрагментами с памятников бассейна Сямозера (2 фр.), восточного (1 фр.) и северного (1 фр.) берега Онежского озера. Фрагменты изготовлены из тощих глин смектит-гидрослюдистого состава. В качестве отощителя в трех фрагментах зафиксирована дресва, у одного – дресва, песок и шамот (дробленая керамика).

Керамика группы 7 представлена фрагментом с поселения Деревянное Ia с восточного берега Онежского озера. Фрагмент изготовлен из тощей глины каолинитового состава без отощителя.

Результаты проведенных работ показывают, что керамика сперрингс изготавливалась преимущественно из жирных глин смектитового состава (44 фрагмента или 84,6 %), что объясняется их лучшим качеством для изготовления керамики. Есть поселения, на которых жирные глины составляют 100 % образцов (например, Оровнаволок VIII). В тоже время на одном поселении могут встречаться фрагменты керамики из жирных и тощих глин, что может указывать на их разновременность глиняной посуды, так как жирные и тощие глины не залегают совместно и надо было использовать как минимум два их месторождения одновременно, что маловероятно. Есть поселения, где керамика из тощих глин преобладает, хотя она хуже качеством, что объясняется, видимо, отсутствием поблизости месторождений жирных глин. Наличие в керамических комплексах фрагментов из тощих и жирных глин может указывать использование древним населением вначале тощих глин худшего качества, а после открытия новых месторождений переход на жирные глины.

В большинстве фрагментов отмечено абсолютное преобладание дресвы в формовочной массе в качестве единственного отощителя. Такой рецепт встречен в 52 образцах или 89,6 %. Для сравнения для ямочно-гребенчатой керамики, носители которой приходят на территорию Карелии позднее сперрингс дресва зафиксирована лишь в 18 % керамических сосудов (Васильева, 2019. С. 15), что может служить подтверждением культурных отличий между двумя ранненеолитическими культурами, которые также выражаются в орнаментации керамики и каменном инвентаре.

Рецепт глина+дресва+песок зафиксирован в четырех образцах керамики, орнаментированными отступающе-прочерченными линиями и круглоконическими ямочными вдавлениями с поселения Деревянное Ia, относящемуся к поздней стадии культуры сперрингс. Возможно данный факт может служить подтверждением контактов между носителями сперрингс и ямочно-гребенчатой керамики, где данный рецепт представлен в 50 % образцов.

В двух образцах с поселения Оровнаволок V (северное побережье Онежского озера) и Пога I (озеро Водлозеро) зафиксирована примесь шамота (дробленая керамика). Специалисты считают, что появление шамота может означать переход от моносырья (дресвы, песка) к смеси сырья и искусственных добавок (Васильева, 2013. С. 114–115). Появление шамота в керамике сперрингс, возможно связано с влиянием более раннего пласта гребенчатой керамики, представленного на поселениях юго-восточного Прионежья (Тудозеро V, Кемозеро III), в тесте которой примесь шамота составляет 5 % (Иванищева и др., 2016. С. 90–93).

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания КарНЦ РАН.

Список литературы

Васильева И.Н. Древнейшая керамика Восточной Европы. Комментарии // Российский археологический ежегодник. № 3. 2013. С. 110–119.

Васильева Т.А. Технология древнего гончарства эпохи неолита на территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 2 (179). 2019. С. 8–17.

Витенкова И.Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 65–81.

Герман К.Э. Культура сперрингс на территории Карелии // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 571–590.

Герман К.Э., Кулькова М.А. Новые петрографические исследования керамики сперрингс с памятников бассейна Онежского озера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 12–21.

Иванищева М.В., Кулькова М.А., Иванищева Е.А. Результаты микроморфологического анализа ранненеолитической керамики юго-восточного Прионежья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: материалы международной научной конференции 24–27 мая 2016 года. Санкт-Петербург.: ИИМК РАН. 2016. С. 88–99.

Каменный инвентарь раннего этапа орловской культуры

© ***2020 г. Ф.Ф. Гилязов*** *(filatgiljazov12@gmail.com)*

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу каменного инвентаря орловской и каиршакско – тентексорской культур. Для характеристики привлечены материалы стоянок Варфоломеевская, Алгай, Каиршак I, Каиршак III и Байбек. Выделяются и описываются характерные особенности каменной индустрии культур. На основе анализа установлено, что кремневые комплексы памятников орловской культуры, могут быть отнесены к сходной каменной индустрии южной зоны Поволжья.

Ключевые слова: неолит, орловская культура, кремневый инвентарь, геометрические микролиты, типологический анализ, Нижнее Поволжье.

Территория Нижнего Поволжья является одной из важнейших для изучения южного неолита. Памятники этого региона представлены орловской и каиршакско-тентексорской культурами. Сопоставление этих таксономических единиц проводилось преимущественно на основе анализа керамики. Целью данной работы является сравнение их каменного инвентаря.

Опорными для характеристики орловской культуры являются стоянки Варфоломеевская (Юдин,2004) и Алгай (Выборнов и др., 2016; 2017; 2018;2020; Юдин и др., 2016). Для характеристики каменной индустрии каиршакского типа привлечены материалы памятников Каиршак I и Каиршак III (Выборнов, Козин,1988; Васильев, Выборнов, Козин, 1989) и Байбек (Гречкина и др., 2014).

Сравнение необходимо проводить в рамках одновременных комплексов. Благодаря большой серии радиоуглеродных дат для памятников интересуемых культур удалось установить, что ранние этапы укладываются в интервал от 6200 до 5900 лет ВС (Выборнов и др., 2018а).

Для корректности сопоставления необходимы статистически устойчивые выборки. На Варфоломеевкой стоянке обнаружено 5624, а на стоянке Алгай получено 2750 предмета из камня. На стоянке Каиршак III найдено 4475 единиц, а на Каиршаке I насчитывают 2198 единиц кремня.

Стоянки орловской культуры характеризуются единообразием каменного сырья. Для изготовления орудий использовался кремень светло-серого (матового) цвета, часть изделий изготовлена из полосчатого и черного (полупрозрачного) кремня. На памятниках каиршакского типа в качестве сы¬рья использовался матовый кремень темно-серого цвета, а также светлый и темный полупрозрачный кремень.

В материалах раннего этапа орловской культуры и каиршакского типа нуклеусы для снятия пластин представлены несколькими типами: плоские, конические и призматические. В степных комплексах встречены и торцовые.

Для обоих типов памятников характерна пластинчатая техника расщепления камня. По ширине преобладают изделия от 0,9 до 1,7 см, значительно меньше с размерами от 0,5 до 0,8 см и редко от 1,8 до 2,2 см. В орловских комплексах пластины преимущественно нерегулярной формы и небольшой длинны, что может объясняться параметрами нуклеусов. Пластины с ретушью составляют порядка 12–15 %. Мелкая краевая ретушь наносилась преимущественно на спинке по одной грани.

На каиршакских стоянках орудия из пластин составляют около 64 %, а для орловских этот показатель ниже 60 %. Из категорий орудий в обеих культурах наиболее распространены скребки различных типов на пластинах, пластинчатых отщепах или на отщепах. Ведущим типом является концевой с округлым, прямым или скошенным рабочим лезвием. Почти у десятой части изделий по одной или двум продольным граням спинки нанесена ретушь. Значительно реже представлены другие вариации. На части скребков рабочее лезвие проходит по всей окружности орудия, но обычно ретушь занимает от 1/3 до 3/4 периметра. В каиршакских материалах достаточно хорошо представлены дублированные скребки, а в орловских они не составляют устойчивой серии. В отличие от орловских, где они немногочисленны, в каиршакских материалах выделяется группа со своеобразным оформлением рабочего края. К этой разновидности относятся «стрельчатые», со «шпорой», с «жальцем», с «рыльцем», а также «веерные» скребки. На стоянке Алгай небольшую группу составляют скребки стрельчатой формы (13 экз.), с жальцем (5 экз.) и шпорой (3 экз.), на Варфоломеевке они также встречены единично (Юдин, 2004).

Вторую по численности орудий составляют геометрические микролиты: сегменты и трапеции. На памятниках

каиршакского типа доминируют сегменты. Из 50 артефактов со стоянки Каиршак III, 47 экземпляров имеют ретушь по обеим сторонам верхней дуги. Единичны с отвесной ретушью. Представлены как низкие и длинные, так и высокие и короткие. Почти аналогичная ситуация и в материалах стоянки каиршакского типа Байбек (Гречкина и др., 2014). Комплекс нижнего слоя Варфоломеевской стоянки синхронный каиршакским содержит 11 сегментов с преобладанием низких, а почти половина из них с двусторонней ретушью по дуге (Юдин, 2004). На стоянке Алгай из раскопа1 2016 года в нижней части культурного слоя обнаружено 5 сегментов. Два низких и длинных с гелуанской ретушью, один высокий с мелкой ретушью по дуге и два низких сегмента с отвесной ретушью (Выборнов, Юдин, 2017. С. 64. рис. 14). В нижней части раскопа 2 найден один сегмент с односторонней ретушью. В раскопе 2017 года, нижние слои содержат сегменты с односторонней (Выборнов, Юдин, 2018. С. 64.рис.38) или отвесной ретушью (Выборнов, Юдин, 2018. С. 61. рис.35). Что касается трапеций, то к нижнему слою Варфоломеевской стоянки предположительно относятся две трапеции без ретуши на всей внешней поверхности. На каиршакских памятниках этот тип микролита также малочисленен и не имеет устойчивых серий. Вызывает интерес экземпляр с подстругиванием спинки на стоянке Каиршак I (Выборнов, Козин, 1988).

Перфораторы на каиршакских стоянках составляют весьма устойчивую группу. Орудия изготовлены преимущественно на пластинах, имеют симметричную форму, разнообразные способы оформления рабочей части (Васильев и др., 1989. С. 38). Изделия раннего этапа орловской культуры не столь многочисленны и менее вариабельны по вторичной обработке (Юдин, 2004; Выборнов, Юдин, 2016. С. 36, рис. 19, 34; Выборнов, Юдин, 2017. С. 64, рис.14, 26; с.74, рис.25, 10). Следует отметить единичные скошенные острия, которые в более поздних комплексах орловской культуры получат дальнейшее развитие.

Скобелей в каиршакских материалах в два раза меньше, чем перфораторов. Выемки оформлены крутой ретушью как на спинке, так и на брюшке (Васильев и др., 1989. Рис.14; Гречкина и др., 2014). Еще меньше их в орловских комплексах (Юдин, 2004).

Резцовая техника распространена очень слабо и четко выраженные типологически резцы единичны (Выборнов, Козин, 1988; Гречкина и др., 2014). В орловских материалах ситуация аналогичная.

Достаточно сложен вопрос о наличии в этих комплексах деревообрабатывающих орудий. В каиршакских коллекциях они пока неизвестны. В нижнем слое Варфоломеевской стоянки имеется два изделия с пришлифовкой (Юдин, 2004), а в нижнем слое стоянки Алгай обнаружен еще один артефакт (Выборнов, Юдин, 2017. С. 65. рис. 15).

В целом характеризуя каменную индустрию раннего этапа орловской культуры можно сказать, что кремневые орудия характеризуются пластинчато – отщеповой техников первичного раскалывания. Основной заготовкой являлась небольшая пластина, обычно не имевшая правильной огранки. Основная категория орудий – скребки различных типов. Острия, ножи на пластинах и скобели немногочисленны. Геометрические микролиты включают сегменты с одно- или двусторонней ретушью по дуге и единичные трапеции. Для каиршакских памятников характерна пластинчатая техника с более высокой степенью микролитоидности. В орудийном наборе доминируют скребки. Кроме концевых и округлых представлены стрельчатые, со шпорой и др. вариации. Острия симметричные. Скобели немногочисленны. Среди микролитов доминируют сегменты с двусторонней обработкой дуги. Трапеции единичны.

Таким образом, в период раннего неолита кремневые комплексы памятников орловской культуры имеют значительное сходство по технико-типологическим параметрам. Это позволяет относить их к сходной каменной индустрии южной зоны Поволжья.

Список литературы

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.

Выборнов А.А., Козин Е.В. Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев: КГПИ, 1988. – С. 92–105.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2015 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.14. Саратов, 2016. С. 3–41.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2016 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.15. Саратов, 2017. С. 30–78.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Барацков А.В., Дога Н.С., Попов А.С., Курбатова Л.А., Гилязов Ф.Ф. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2017–2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.16. Саратов, 2018. С. 3–77.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Филиппсен Б. Радиоуглеродная хронология неолита Волго-Камья // Уральский исторический вестник. 2018а. № 3. (60). С. 66–77.

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Барацков А.В., Гилязов Ф.Ф., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Курбатова Л.А., Рослякова Н.В., Юдин А.И. Итоги исследования стоянки Алгай в 2019 году в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1 (30).

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В. Новая раннеолитическая стоянка Байбек Северном Прикаспии. Самарский научный вестник. № 3. Самара.2014. С. 118–121.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16). С. 61–69.

Каменные украшения энеолитических погребений Мурзихинского II могильника

© *2020 г. Е.Н. Голубева* (*kategol@mail.ru*), *А.А. Чижевский*

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, РФ

Аннотация. В публикации представлены некоторые результаты изучения каменных подвесок, браслета и бусин из погребений энеолитической части Мурзихинского II могильника. Применение метода трасологии позволило выделить некоторые особенности техники изготовления (следы производства) и использования (следы износа) каменных украшений.

Ключевые слова: энеолит, Мурзихинский II могильник, украшения, серпентиновые подвески, трасология.

Мурзихинский II могильник был открыт в 1983 г. Е.А. Беговатовым, в 1984 г. здесь работал В.Н. Марков, а с 1995 по 2000 г. А.А. Чижевский. Основное количество захоронений на нем относится к позднему бронзовому и раннему железному векам.

Могильник находится в 5 км к северо-западу от п.г.т. Алексеевское Республики Татарстан в приустьевой части р. Камы. До затопления он располагался на двух мысах второй террасы левого берега р. Архаровки, левого притока р. Камы. После строительства Куйбышевского гидроузла территория некрополя превратилась в остров. В настоящее время памятник оказался под дамбой мостового перехода Мурзиха – Сорочьи Горы и засыпан песком обустроенной на его территории пескобазы.

Открытие энеолитической части могильника произошло в 1997 г. Она включает в себя 18 погребений (Чижевский, Голубева, 2019. С. 43–44). Хронологический диапазон имеющихся ^{14}С дат, полученных для энеолитических погребений Мурзихинского II могильника, лежит в пределах 4537–4228 (68,2 %) и 4599–3626 (95,4 %) гг. до н. э. (Чижевский, Шипилов, 2018. С. 81). Именно к этой части могильника относятся украшения из камня – ставшие объектом нашего изучения.

Каменные украшения в основном представлены изделиями из серпентина и единичным экземпляром из янтаря. Украшения являются самой многочисленной категорией находок, в составе погребального инвентаря Мурзихинского II могильника их насчитывается 100 экземпляров (42 %). Украшения из камня имеют обширный круг аналогий, главным образом среди погребальных памятников энеолита лесной полосы Восточной Европы.

Так, подвески из серпентина, различных видов сланца и нефрита имеют чрезвычайно широкое распространение, появившись еще в неолите, они распространяются от Прибайкалья до Восточной Прибалтики и Финляндии, и продолжают существовать в энеолитическое время (Чижевский, Голубева, 2019). Среди украшений камской культуры они неизвестны и на Волго-Камье появляются, очевидно, лишь в энеолите (Габяшев, 1992. С. 45).

Из серпентина изготовлен и браслет, выполненный в виде кольца диаметром около 5 см. Подобные кольца из мрамора, мергеля и сланца также распространены весьма широко, как хронологически, так и территориально, они известны в неолите и энеолите на территориях от Прибайкалья до Кавказа (Чижевский, Голубева, 2019. С. 47).

К сожалению, нам не удалось найти публикаций по трасологическому анализу каменных украшений, кроме статьи А.Ю. Федорченко (2015), посвященной трасологическому изучению палеолитических украшений крайнего северо-востока Азии. Поэтому сравнить результаты своих исследований нам было не с чем.

Трасологическому исследованию подверглось 90 экз. серпентиновых подвесок и их фрагментов, «браслет» из серпентина (1 экз.), бисер (4 экз.) и бусы (3 экз.), в том числе один экземпляр из янтаря. К украшениям также были отнесены две окатанные округлые гальки, одинаково малого размера и веса, напоминающие бусины. При трасологическом изучении следов обработки на данных «гальках-бусинах» обнаружено не было.

Из 90 изученных серпентиновых подвесок 63 были целыми, 7 были представлены во фрагментах, у 4 экз. отсутствовала та или иная часть, 13 были склеены из фрагментов, 3 были полностью разрушены. Визуально подвески можно разделить на два основных типа – «округлые» (45 экз.) и «каплевидные» (40 экз.) – для «округлых» характерно высверленное сквозное отверстие посередине, для «каплевидных» – в верхней части изделия.

В результате трасологического исследования на подвесках были выявлены несколько разновидностей следов, отражающих основные этапы функционирования изучаемых украшений: следы производства, следы износа, следы-остатки от воздействия охристого минерального красителя.

Следы производства в свою очередь подразделяются на несколько групп: формообразующие, первичной абразивной обработки, сверления и отделочной полировки.

Следы формообразования на подвесках присутствуют в виде параллельных линейных треков от шлифования заготовки. Их можно заметить не на всех подвесках – на более мягких породах они перекрываются отделочной полировкой и следами износа в виде хаотично расположенных линейных царапин.

Следы сверления можно заметить внутри сквозных отверстий. При одностороннем типе сверления они имеют коническую форму, внутри хорошо заметны спиралевидные линейные отпечатки от трения сверла о поверхность подвески. След от двустороннего сверления немного иной: отличается форма сквозного отверстия; она чем-то напоминает песочные часы, спиралевидные следы заметны как с одной стороны, так и с другой. Стоит отметить, что из изученных 90 подвесок 63 имеют односторонний тип сверления, 10 – двустороннее сверление, 2 подвески сочетают оба типов сверления. У остальных 15 подвесок слой охры или повреждения не позволяют достоверно определить тип сверления.

Следы отделочной полировки выражаются гладкостью и блеском поверхности изделий. Особенно хорошо это заметно на боковых краях подвесок – они очень заглажены, похожи на рабочее лезвие скребка по шкуре. Возможно, отделочная полировка производилась очень мягким материалом – таким как шкура.

Следы износа представлены потертостями, царапинами и, что более интересно, линейными углублениями, иногда с расширениями на окончаниях, вероятнее всего, образовавшимися от ношения или пришивания украшений. Внутри этих углублений отмечены линейные параллельные треки – следы от веревки или нитей, которыми производилась фиксация украшения. Присутствие данных углублений лишь на одной из сторон изделия и размещение их по бокам от отверстия, вероятно, является указанием на то, что оно пришивалось.

Следы-остатки от воздействия охристого минерального красителя можно заметить в различных потертостях, трещинках, царапинах. Визуально они заметны внутри сквозных отверстий. Под микроскопом они также фиксируются в неровностях микрорельефа украшений, треках производства (сверления, шлифования), микротрещинах и иных следах от «прижизненного» износа.

Стоит отдельно отметить две серпентиновые подвески, имеющие на своих боковых сторонах зубчики – предположительно являющихся зубчатыми орнаментирами. Вероятно, они предназначались для украшения керамики гребенчатым штампом. Одна из них – сланцевая подвеска округло-подтреугольной формы. На подвеске присутствуют два сквозных отверстия. Одно посередине, второе сверху. Оба отверстия имеют тип одностороннего сверления. По двум боковым сторонам присутствуют зубчики. Одна из сторон имеет скошенность. На зубчиках отмечается залощенность. На второй подвеске – присутствуют два сквозных отверстия, одно сверху, второе посередине. Верхнее отверстие имеет овальную форму. Оба отверстия просверлены с двух сторон. На противоположной от зубчиков стороне есть скошенность к краю. На более плоской стороне присутствуют след (небольшое углубление) от начала незавершенного сверления. К зубчатым орнаментирам данные подвески отнесены по аналогии с подобными находками с поселений Сахтыш Ивановской области (Костылева и др., 2018). Они представляли собой изделия из различных пород камня и кости, оформленные зубчиками различного размера. Есть также публикация по результатам экспериментального использования данных орнаментиров в качестве штампов (Калинина и др., 2018).

Таким образом, в ходе изучения каменных украшений нам удалось определить несколько категорий следов, отражающих основные этапы существования изучаемых украшений: следы производства, следы износа, следы-остатки от использования охристого минерального красителя. Основные этапы процесса производства каменных украшений, вероятнее всего, состояли из ряда последовательных трудовых операций: первичной абразивной отделки, сверления и полировки. Следы износа и их интенсивность свидетельствуют о том, что данные украшения являлись деталями повседневного наряда энеолитического человека.

Список литературы

Габяшев Р.С. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 31–47.

Калинина И.В., Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Зубчатые орнаментиры Сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования) // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: «Триада», 2018. С. 296–312.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Калинина И.В. Гребенчатые штампы Сахтышских стоянок (условия нахождения и каталог) // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: «Триада», 2018. С. 276–296.

Федорченко А.Ю. К вопросу о методике комплексного исследования каменных украшений (на примере палеолита крайнего северо-востока Азии) // Методы изучения каменных артефактов. Материалы международной конференции (г. Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2015 г.). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015. С. 135–138.

Чижевский А.А., Голубева Е.Н. Погребение 90 Мурзихинского II могильника. Трасологический анализ изучения каменного инвентаря эпохи энеолита // Феномены культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 42–51.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летия со дня рождения И.Б. Васильева. Самара: СГСПУ, 2018. С. 80–84.

Керамика поселения Усть-Тара LXXIII – памятника артынской поздненеолитической культуры Среднего Прииртышья

© 2020 г. Т.А. Горбунова *(dr.stones@yandex.ru),* ***И.В. Толпеко***

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, РФ

Аннотация. В публикации представлена апробация методики статистической обработки керамического комплекса поселения Усть-Тара LXXIII. Полноценный статистический анализ для коллекции керамики артынской культуры Среднего Прииртышья был выполнен впервые. Полученные результаты подтвердили правомерность выделения характерных черт артынской керамики и ее значение как культурно-диагностирующего признака.

Ключевые слова: артынская культура, поздний неолит, керамика, Среднее Прииртышье, статистический анализ.

Артынский тип керамики в Среднем Прииртышье был выделен коллективом уральских археологов под руководством В.Ф. Генинга (Генинг и др., 1970. С. 12–51.). Позднее А.И. Петров включил его в состав екатерининской культуры (Петров, 2014. С. 52–53). С.Н. Иващенко и И.В. Толпеко было высказано предположение о возможности определения материалов артынского типа как самостоятельной археологической культуры (Иващенко, Толпеко, 2006. С. 91). В дальнейшем, на основе накопленного материала, В.В. Бобров выделил поздненеолитическую артынскую культуру (Бобров, 2008. С. 110–113). Основная территория ее распространения локализуется на правобережье

р. Иртыш, в южнотаежной зоне Среднего Прииртышья. Отдельные памятники открыты на левом берегу Иртыша и в Барабинской лесостепи. Хронологические рамки – середина V – начало IV тыс. до н. э. (Юракова, 2017. С. 17–18).

Наиболее значительная концентрация памятников выявлена возле д. Усть-Тара Тарского района Омской области, на правом берегу р. Тары, неподалеку от впадения ее в Иртыш. Здесь на незначительной по площади территории найдено и в различной степени исследовано девять артынских поселенческих комплексов. Относительно полноценно раскопками изучены только четыре памятника – Усть-Тара IV, Усть-Тара XXVIII, Усть-Тара XXXIII и Усть-Тара LXXIII. Накоплен значительный по объему материал, в котором преобладают фрагменты керамической посуды.

Проблематика артынской культуры с момента ее выделения уже довольно хорошо отражена в публикациях. Керамика на основе типолого-морфологических, технологических, планиграфических и стратиграфических данных проанализирована в кандидатской диссертации А.Ю. Юраковой «Неолит Барабинской лесостепи и южнотаежного Прииртышья» (2017). На наш взгляд, для выхода на новый уровень исследований, следующим этапом работы должен стать статистический анализ керамических комплексов. Это позволит провести сравнительный анализ коллекций памятников, обосновать характерные, культурно-диагностирующие черты артынской керамики (т.к. выделение самостоятельной артынской культуры до сих пор вызывает сомнения у ряда исследователей), разделить керамические комплексы многослойных памятников (Усть-Тара XXVIII). Апробация методики статистической обработки осуществлена на материалах поселения Усть-Тара LXXIII.

В 2014 г. в ходе работ под руководством Т.А. Горбуновой на памятнике Усть-Тара LXXIII были частично изучены околожилищное пространство и часть одного из двух жилищ. Получена значительная по количеству коллекция керамики и изделий из камня. Большая часть находок была сосредоточена внутри жилищной западины.

В ходе статистической обработки нами проанализировано 863 фрагмента керамики, в том числе 78 фрагментов из 3 скоплений. Всего было выделено 48 сосудов, 37 из которых определены только по венчикам.

Керамика характеризуется использованием в качестве исходного сырья преимущественно среднезапесоченных и незапесоченных илистых глин. Состав теста определялся визуально. Преобладающей примесью являлся шамот. Представлены различные фракции шамота, в том числе в составе одного фрагмента. Средний размер включений составил 4 мм, минимальный – 1 мм, максимальный – 9 мм. Чаще всего встречаются фрагменты с фракциями от 3 до 5 мм (74,6 % от всех фрагментов с шамотом). Отмечена очень слабая взаимосвязь между толщиной сосуда и размером шамота на высоком уровне статистической достоверности ($r=0,154$; $p\leq0,01$). При вычислении коэффициента корреляции с применением программы SPSS v. 21 использован метод корреляционного анализа Спирмена.

Исследованные образцы позволяют предполагать, что сосуды изготавливались методом ленточного налепа. На целом ряде фрагментов фиксируются следы расслоения по стыкам ленты. В теле трех венчиков зафиксированы полые следы от выгоревшего шнура из перевитых нитей – результат технологического приема обвязывания шнуром на предобжиговой стадии изготовления.

Сосуды тонкостенные, с преобладающей толщиной стенки 7–8 мм. На интервал от 6 до 8 мм приходится 81,4 % фрагментов. Минимальная толщина составила 3–5 мм (3,7 %), максимальная – 9–11 мм (14,9 %). Обнаружена прямая умеренная взаимосвязь между толщиной стенки сосуда и его диаметром ($r=0,578$; $p\leq0,01$). Однако встречаются сосуды большого диаметра с тонкими стенками. Преобладающей является простая баночная форма, с прямыми стенками, округлым дном и открытым или слегка приоткрытым устьем. Венчик в профиле прямой, реже слегка отогнутый, шейка не выражена.

Внешняя поверхность сосудов, включая придонную часть и дно, полностью покрыта орнаментом. Среди способов нанесения, кроме отступающей палочки, зафиксированы накалывание, прочерчивание и отступание, переходящее в прочерчивание. Для артынской традиции характерно соединение разных способов декорирования не только на одном сосуде (отступание, протаскивание, прочерчивание), но и в ходе выполнения одного мотива (протаскивание, переходящее в прочерчивание и т.д.). Фрагменты без орнамента составили 29,3 %. Однако в большинстве своем это незначительные по размерам экземпляры. В небольшом количестве встречена орнаментация, сходная с отпечатками тонкого шнура.

Орнаментальная композиция на сосудах состоит из сочетания «линейных» и ямочных мотивов. Первоначально поверхность заполнялась горизонтальными волнистыми, реже – прямыми линиями. В дальнейшем на свободные участки или поверх уже имеющихся орнаментальных рядов наносились пояса ямочных вдавлений. Преобладают круглые ямки (87,6 %), с диаметром от 5 до 7 мм (76,2 %).

Характерной чертой артынской керамики является разнообразная группировка ямок. В рассматриваемой коллекции выделяется построение ямочных вдавлений в группы диагональю по три и одной ямкой с отступом вниз под прямым углом. Композиция напоминает наклоненную вперед под 45° букву «г». Есть случаи разной группировки ямок на одном сосуде в зоне венчика и тулова.

Срез венчиков утончен, имеет прямую (40,5 %), либо волнистую (56,8 %) поверхность. Срез волнистой формы орнаментирован редко, в основном неглубокими перпендикулярными насечками, сосредоточенными в углублениях. Ровный срез орнаментировался насечками по диагонали. В этом случае оттиски иногда были достаточно глубокими, что создавало на краю венчика волнистый рельеф. Таким образом, фиксируется стремление придать венчику волнистые очертания либо в ходе формовки сосуда, либо путем орнаментации. Срезы венчиков, не оформленных волной, орнаментом или их сочетанием, представлены единично.

В данной публикации приведена только часть результатов, которые были получены в ходе статистического анализа керамики поселения Усть-Тара LXXIII. В целом они хорошо демонстрируют все характерные черты, свойственные классическому комплексу артынской культуры: сочетание в формовочной массе глины, большого количества шамота и органики, технику изготовления сосудов (в том числе наличие нитки под венчиком), их форму и размеры, покрытие орнаментом всей поверхности и способы его нанесения (наколы, отступание, протаскивание, прочерчивание), разнообразные ямочные композиции и т.д. Они также указывают на то, что материалы памятни-

ка едины и отложились в короткий промежуток времени существования жилища. Дальнейшее использование представленной методики позволит провести сравнительный анализ коллекций других памятников артынской культуры.

Список литературы

Бобров В.В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 110–113.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.Г. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1970. С. 12–51.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник. 2005. Омск: ОмГУ, 2006. С. 83–91.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск: ОмГУ, 2014. 348 с.

Юракова А.Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 30 с.

Погребальные комплексы эпохи неолита Северного Приангарья

© 2020 г. ***С.П. Дударёк*** *(dudareks@mail.ru),* ***Д.Н. Лохов***

Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ

Аннотация. В статье изложены предварительные результаты изучения погребальных комплексов эпохи неолита (7000–4200 л.н.) на территории Северного Приангарья. Собраны воедино и обобщены все имеющиеся сведения по данной теме исследования. Создана предварительная схема периодизации погребальных традиций региона. Проведены некоторые аналогии с материалами Южного Приангарья и Прибайкалья.

Ключевые слова: погребальные комплексы, неолит, Северное Приангарье, предварительные результаты.

До настоящего времени не существовало каких-либо специальных, обобщающих научных работ, анализирующих всю совокупность погребальных комплексов неолитического времени на территории Северного Приангарья. В основной своей массе публикации по этой теме носят предварительный характер и описывают лишь отдельные погребения или же могильники. В данной статье кратко представлены основные варианты погребальной практики эпохи неолита в Северном Приангарье.

За прошедшие 130 лет археологического изучения Северного Приангарья было открыто и исследовано 69 погребальных комплексов эпохи неолита, которые расположены на 33 объектах археологического наследия. Могилы были зафиксированы как в одиночном расположении на стояночных комплексах, так и в составе, как правило, разновременных могильников. Топографически могильники располагаются на ангарских островах (8) и по обоим берегам (25), тяготея к устьям крупных притоков Ангары. Как правило, могильники расположены на выположенных участках с достаточно высокими гипсометрическими отметками.

Из общего числа погребений надмогильные сооружения зафиксированы в 28 случаях. Как правило, они представляет собой уложенные в несколько слоев камни и плиты. В большинстве случаев точную форму кладки установить не удалось, так как они нарушены. Эти нарушения связаны как с естественными природными явлениями, так и с современной антропогенной деятельностью. По форме преобладают кладки овальных и округлых очертаний. Внутримогильные сооружения зафиксированы в 10 погребениях. Они представляют собой заполнение могильной ямы разноразмерными камнями (7 случаев), перекрытия из бересты и дерева (3 случая).

Другим немаловажным элементом погребального обряда является могильная яма. В неолитических погребениях Северного Приангарья могильные ямы фиксируются в 30 случаях. Форма могильных ям зачастую взаимосвязана с формой надмогильного сооружения, поэтому здесь также преобладают овальные и округлые абрисы. Как правило, могильные ямы неглубокие и не превышают глубины 1 м. В нескольких случаях (например, погребение № 9, Сосновый мыс, 1987 г.) можно с уверенностью утверждать, что погребение было совершено в холодное время года, так как в заполнении могильной ямы читаются следы прокаленного грунта и мелкие фрагменты углей. Также эти ямы имеют несколько меньшие размеры и неровное дно могилы. Границы могильных ям в большинстве случаев не читаются. Объясняется это различными нарушениями вследствие природных факторов либо цветовой однородностью заполнения могильной ямы и окружающих отложений.

В пяти случаях зафиксировано применение огня в погребальном ритуале. Это действие не связано с описанным выше отогреванием земли в холодное время года, а является целенаправленным действием, составной частью погребального обряда. Так, зафиксированы случаи преднамеренного разведения небольшого костра прямо в могильной яме, что, возможно, связано с практикой полной или частичной кремации усопшего.

Еще одним элементом погребального обряда, о котором стоит упомянуть отдельно, является применение минерального красителя на основе оксида железа (Fe_2O_3). Применение «охры» отмечено в 24 погребениях. Выделяется несколько степеней использования этого минерала: от частичного нанесения на определенные участки тела или сопроводительный инвентарь до полной засыпки могилы. В двух случаях отмечено нахождения только небольших фрагментов гематита, а не готового порошка охры.

Все зафиксированные погребения – грунтовые. Выделяется две основные погребальные практики: ингумация (57) и кремация (12). Большинство могил в той или иной степени нарушены природными или антропогенными факторами, 23 погребения нарушены очень сильно.

По количеству скелетов в могиле выделяются одиночные (64) и парные (5), т. е. одновременные, погребения. Положение костяков различно, преобладает вытянутое на спине помещение (26 погребенных). Другие варианты положения костяков в могиле единичны. Достаточно большую группу составляют погребения по обряду кремации (12 могил). Нужно отметить, что в Северном Приангарье в неолите и бронзовом веке в погребальном обряде было широко распространено применение огня; присутствует как полная кремация останков, так и частичная. Остальные способы помещения умершего в могиле носят единичный характер и пока могут быть интерпретированы как индивидуальные особенности погребальной практики, или, как в случае с погребением с Усть-Зелинды 1 (на животе), отнесены в разряд экстраординарных погребений.

Ориентировка погребенных по сторонам света различная, с преобладанием расположения умерших головой на восток (12 погребенных), на север, с отклонением на ССЗ – СЗ (9 случаев) и ЮВ – ЮЮВ (11 случаев). В 33 случаях ориентировку погребенных установить невозможно.

Если рассматривать расположение усопших в могилах относительно реки (в подавляющем большинстве случаев – это р. Ангара), то выделяются четыре варианта: перпендикулярно, головой (2) или ногами к реке (8); параллельно реке, головой вниз (9) или вверх по течению (22). В единственном пока на территории Северного Приангарья случае в погребении № 1 стоянки Утес Медвежий зафиксировано расположение двоих погребенных по антитезе.

В силу специфики археологических работ, проведенных в Северном Приангарье в последние 130 лет, некоторые действия с дополнительными исследованиями погребальных комплексов затруднено. Естественнонаучный блок исследований, связанный, в первую очередь, с радиоуглеродным датированием, антропологическими и генетическими исследованиями, находится на стадии формирования. В связи с этим, пока можно привести промежуточные итоги исследования.

Сопроводительный погребальный инвентарь зафиксирован в 52 могилах и представлен 62 категориями предметов. Изделия из камня представлены наконечниками стрел, ножами, скребками, топорами и теслами, пластинами (в том числе с ретушью). Достаточно большую долю сопроводительного инвентаря составляют отходы литопроизводства – отщепы разной морфологии, обломки и осколки. Изделия из кости представлены вкладышевыми кинжалами, гарпунами, отжимниками, игольниками и иглами, различными по морфологии проколками, остриями и шильями.

Категории украшений достаточно однообразны и представлены в основном подвесками из зубов животных или их имитацией из трубчатых костей. Уникальными находками являются кольцо из нефрита, кольцо из кости, а также зооморфное изображение.

Керамический компонент отмечен в 18 могилах, среди которых зафиксировано только 6 археологически целых сосуда. Одна емкость относится к усть-бельскому типу керамики, остальные пять покрыты техническими оттисками сетки-плетенки (серовский и исаковский типы). В 12 погребениях керамика представлена лишь отдельными фрагментами, которые фиксировались в заполнении могильной ямы. Поэтому их связь с погребальными комплексами, возможно, носит случайный характер.

Сопроводительный инвентарь, как правило, располагался (в ненарушенных погребениях) компактными скоплениями, обычно в районе торса погребенного. Отмечено несколько погребений, в которых сохранились предметы, по-видимому, украшавшие погребальную одежду – подвески из атрофированных зубов марала, а также из клыков кабана и зубов косули. Археологически целые керамические сосуды располагались около черепа или в районе таза погребенных.

В настоящее время на территории Северного Приангарья зафиксировано 69 погребальных комплексов, которые с некоторыми оговорками можно отнести к эпохе неолита. Пять погребений разрушены очень сильно, поэтому их определение весьма затруднено, также, как и с погребениями, в которых не зафиксирован погребальный сопроводительный инвентарь. Впоследствии, при появлении радиоуглеродных датировок для погребений (в особенности безынвентарных и сильно разрушенных) эпохи неолита Северного Приангарья, исходные базы материалов будут уточнены и дополнены.

Анализируя отдельные элементы погребального обряда, такие как: надмогильное сооружение, трупоположение, ориентировка погребенного, наличие охры, применение огня в ритуале, категории сопроводительного инвентаря, можно выделить, пока что с некоторой долей условности, три основных массива погребений:

– погребальные комплексы раннего/среднего неолита;

– погребальные комплексы позднего неолита (соотносятся с исаковской и серовской погребальными традициями Прибайкалья);

– погребальные комплексы плохо дифференцируемые, сильно разрушенные и/или не обладающие четко выраженными культурно-историческими и хронологическими характеристиками.

Работа выполнена в рамках проекта «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров», финансирование которого осуществляется в рамках гранта Правительства РФ (№ 074–02–2018–334). Создание базы данных выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20–49–380002 «Недостающее звено: проблема идентификации погребений среднего неолита на территории Байкало-Енисейской Сибири».

Хронология грунтового могильника Кулунигый 64 (бассейн р. Большой Юган)

© *2020 г. А.А. Дудко (a-dudko9@mail.ru), Ю.А. Васильева*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В статье рассматриваются материалы грунтового могильника Кулунигый 64, расположенного в зоне активного нефтепромыслового освоения. Представлены результаты радиоуглеродного датирования, позволяющие отнести его к периоду неолита. Основные черты погребального обряда изученного некрополя соотносимы с энеолитическими погребальными комплексами южно-таежной зоны Среднего Приобья.

Ключевые слова: Большой Юган, неолит, грунтовый могильник, погребения, охра.

В 2018 году Юганским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились полевые исследования выявленного объекта археологического наследия «группа впадин Кулунигый 64».

Памятник археологии выявлен в 2017 г. Е.И. Кочеговым на участке коренной террасы левого берега р. Кулунигый (левый приток р. Большой Юган), на вершине гривообразного всхолмления. На современной дневной поверхности объекта были зафиксированы 2 впадины, размерами 3,2×4,2 м и 4,7×4,7 м, глубиной 0,2 и 0,15 м соответственно. Первоначальной гипотезой о причинах формирования впадин являлся их антропогенный характер, однако не была ясна специфика.

В 2018 г. был заложен раскоп общей площадью 464 кв. м. В процессе исследования зафиксировано 8 пятен погребальных ям, образующих ряд, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Все пятна могил неправильной овальной формы, ориентированы по линии северо-восток – юго-запад, границы размыты. Стенки могильных ям отвесные, плавно сужались ко дну. Дно субгоризонтальное, ровное. Характер заполнения могильных ям 1–7 одинаков: в юго-западной части – охра, в северо-восточной части сверху белесый песок с углистыми остатками, ниже серо-желтый песок, насыщенный углистыми включениями.

Погребение 1. Могильная яма размерами 1,35×0,64 м, глубиной – до 0,5 м. В заполнении зафиксирована каплевидная подвеска из камня, размерами 1,25×1,0×0,3 см.

Погребение 2. Могильная яма размерами 2,0×0,46 м, глубиной – до 0,9 м. В заполнении зафиксированы два фрагмента наконечников из камня, оба обнаружены при просеивании грунта из заполнения. Первый фрагмент наконечника представлен медиально-дистальной частью, ассиметричен, выполнен из кремня, размерами 2,9×1,1×0,4 см. Второй фрагмент наконечника представлен дистальной частью, выполнен из окремненного алевролита, размерами 0,8×0,8×0,35 см.

Погребение 3. Могильная яма размерами 1,55×0,6 м, глубиной – до 0,4 м. В заполнении зафиксированы фрагменты двух косточек.

Погребение 4. Могильная яма размерами 3,0×0,8 м, глубиной – до 0,6 м. При просеве заполнения зафиксирована косточка, из-за ее небольших размеров определить видовую принадлежность не удалось.

Погребение 5. Могильная яма размерами 1,57×0,6 м, глубиной – до 0,65 м. При просеве заполнения зафиксированы зубная эмаль (из юго-западной части заполнения) и три фрагмента от одного наконечника. Он представлен медиально-дистальной частью, ассиметричен, выполнен из окремненного алевролита, имеет размеры 1,8×0,9×0,35 см.

Погребение 6. Могильная яма размерами 1,2×0,62 м, глубиной – до 0,31 м. В заполнении археологических предметов и остеологических остатков не зафиксировано.

Погребение 7. Могильная яма размерами 2,35×0,86 м, глубиной – до 0,5 м. До начала исследования могильная яма была перекрыта пнем многолетней сосны. При просеве заполнения зафиксированы зубная эмаль (из юго-западной части заполнения) и фрагмент наконечника, который представлен медиально-дистальной частью, ассиметричен, выполнен из окремненного алевролита, имеет размеры 1,6×1,1×0,4 см. В центральной части заполнения могилы, в 0,1 м выше дна, отмечены углефицированные остатки деревянной плашки.

Погребение 8. Могильная яма размерами 1,40×0,45 м, глубиной – до 0,5 м. Заполнение тусклого оранжево-охристого цвета с редкими углистыми включениями слабо читалось в плане, более выражено в разрезе. В заполнении археологических предметов и остеологических остатков не зафиксировано.

С целью установления абсолютных датировок радиоуглеродным методом были взяты образцы угля из заполнения 6-ти могильных ям (Таблица).

Работы по датированию выполнены на УНУ «Ускорительном масс-спектрометре Института ядерной физики СО РАН»: руководитель работ академик РАН, д.ф.-м.н., г.н.с. ИЯФ СО РАН В.В. Пархомчук; ответственные исполнители к.х.н., с.н.с. НГУ Е.В. Пархомчук, к.ф.-м.н., с.н.с. ИЯФ СО РАН С.А. Растигеев. Перевод радиоуглеродного

Таблица. Могильник Кулунигый 64. Радиоуглеродные даты и их калиброванные значения.

Погребение, №	Лабораторный код	Материал	^{14}C дата, л.н.	Калиброванный возраст, лет до н. э. (±2σ)
1	BINP_NSU_1523	уголь	5631±70	4653–4342
2	BINP_NSU_1524	уголь	5316±73	4327–3988
4	BINP_NSU_1525	уголь	5176±74	4230–3796
5	BINP_NSU_1526	уголь	5365±78	4347–3998
6	BINP_NSU_1527	уголь	5431±74	4445–4053
7	BINP_NSU_1528	уголь	5151±82	4230–3716

возраста в календарный производился с использованием калибровочной кривой IntCal13 программы OxCal.

Исходя из распределения калиброванных значений радиоуглеродных дат могильника Кулунигый 64 на календарной шкале, взяв за основу отрезок времени в который попадают погребения №№ 2, 4–7, нами определено время формирования могильника в диапазоне 4230–4053 лет до н. э. При этом из серии убрана датировка погребения № 1, так как она немного выбивается из этого ряда. Следуя современной схеме периодизации древностей Сургутского Приобья, (Зайцева, 2013. С. 43) могильник Кулунигый 64 относится к периоду раннего неолита.

Ряд элементов в погребальном обряде (расположение могил в ряд, форма и ориентация могильных ям, характер заполнения могильных ям, использование охры) зафиксированных на могильнике Кулунигый 64 имеет аналогии в других некрополях в южно-таежной зоне Средней Оби, как то: археологический комплекс Большой Салым (Коноваленко и др., 2017. С. 513), селище Леуши XIV, селище Лёва VIII и городище Большая Умытья 36 в Кондинской низменности, могильники Старые Покачи 5.1 (Носкова, Карачаров, 2008. С. 167) и Барсовский II (Чемякин, 2008. С. 35) в Сургутском Приобье. Для двух из перечисленных некрополей имеются радиоуглеродные даты: могильник Старый Покачи 5.1 датирован серединой III тыс. до н. э., погребение 3 археологического комплекса Большой Салым датировано серединой – второй половиной IV тыс. до н. э., погребение 4 – серединой – второй половиной VI тыс. до н. э., однако авторы раскопок предполагают загрязнение взятого образца (радиоуглеродные даты были представлены на 5-м Международном Северном археологическом конгрессе, 2019 г.). Комплексный анализ погребения 1 Барсовского II могильника, проведенный уральскими коллегами, указывает на возможность отнесения его к периоду неолита (Дубовцева и др., 2016. С. 66). Остальные объекты отнесены авторами исследований к периоду позднего неолита – энеолиту.

Таким образом, могильник Кулунигый 64 является первым неолитическим погребальным комплексом в бассейне р. Большой Юган. Схожие по погребальному обряду объекты в Среднем Приобье датированы более поздним хронологическим этапом. Вопрос о культурной атрибуции могильника Кулунигый 64 остается открытым, ввиду малочисленности изученных объектов этого периода на территории таежной зоны Западной Сибири и отсутствии культурно-диагностирующего инвентаря в погребениях.

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этно-культурного наследия Сибири».

Список литературы

Дубовцева Е.Н., Тонкушина М.О., Юдина Е.А., Косинская Л.Л., Остроушко А.А., Кулеш Н.А. Новые данные по первому погребению Барсовского II могильника (опыт комплексного анализа) // Седьмые Берсовские чтения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 2–4 декабря 2014 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2016. С. 61–68;

Зайцева Е.А. Археологическая карта Сургутского Приобья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 199 с.

Коноваленко М.В., Балуева Ю.В., Сериков Ю.Б. Энеолитические погребения на р. Большой Салым // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. С. 512–513;

Носкова Л.В., Карачаров К.Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург, Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 146–169.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут, Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Имитация конструктивных элементов берестяных емкостей на неолитической глиняной посуде лесного Тоболо-Ишимья

© 2020 г. В.А. Зах *(viczakh@mail.ru)*

Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, РФ

Аннотация. Формирование и развитие западно-сибирского неолитического комплекса происходило при взаимодействии аборигенного и пришлого населения, что отразилось в имитации на керамике конструктивных элементов берестяных емкостей. Наплывы и валики на внешней и внутренней стороне венчиков керамических сосудов соответствуют обручам и деталям их крепления на берестяной посуде. «Шагающая» гребенка имитирует швы между берестяными раскроями. Постепенно технологические элементы преобразуются в семантические: волнистые линии (зигзаги) передают уже не только крепление обруча, но и образ волны (воды).

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тоболо-Ишимье, неолит, имитация, берестяная посуда, керамика.

Решение вопросов становления в Западной Сибири керамического производства во многом определяет направления в исследованиях формирования и последующего развития неолитических комплексов. На наш взгляд, восприятие аборигенами принесенной мигрантами глиняной посуды происходило при переносе на нее некоторых технологических элементов берестяных емкостей. Этот перенос являлся имитацией, т.е. «осознанным или неосознанным воспроизведением в декоре сосуда конструктивных элементов, характерных для другого материала или предмета» (Глушков, 1996. С. 68). Об этом процессе скорее всего осознанном свидетельствуют образцы глиняной посуды раннего железного века, на которой изображены линии раскройки и стежки сшивания кожаных сосудов

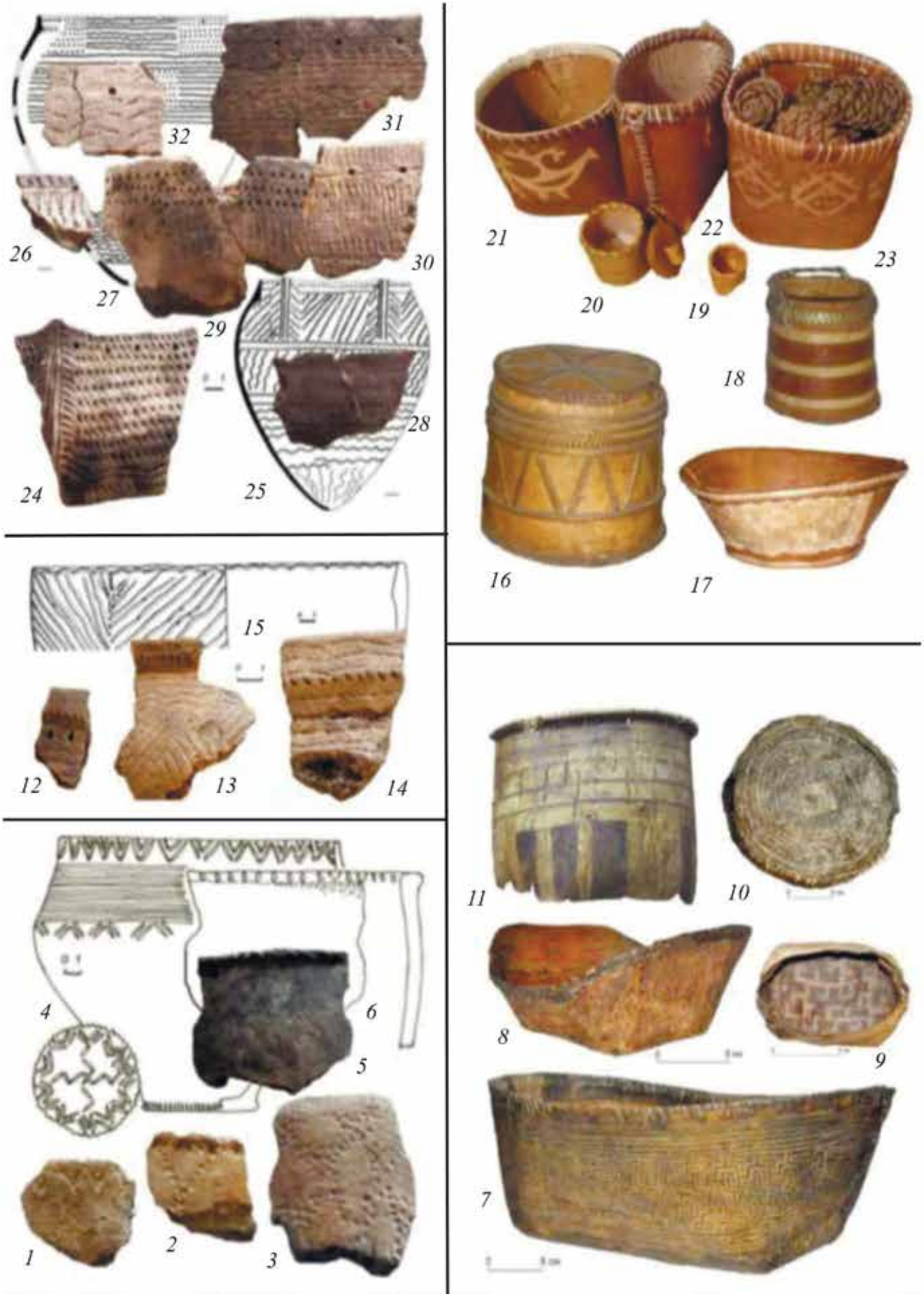


Рис. 1. Керамика с поселений Тоболо-Ишимья (1–6, 12–15, 24–32), берестяная посуда из археологических комплексов (7–11), современная якутская (16–18) и хантыйская (19–23).

(Бородовский, 1983). На это указывают сосуды, орнаментированные в гребенчатой традиции, с гладкой и гребенчатой «качалкой», подражавшей стежкам, сшивающим бересту (Зах, Исаев, 2010). Анализ формы и рельефных орнаментов глиняной неолитической посуды позволяет сделать вывод, что имитировались не только плоскостные узоры, но и детали конструкции берестяных емкостей.

Общим в оформлении берестяных емкостей является использование деревянного обруча, вшитого с помощью распущенных корней, прутьев или сухожилий в загиб бересты устья или прошитого поверх тулова или дна изделия (рис. 1, *7–11, 16–23*). Наличие на керамике таких элементов, как валики, наплывы с внутренней стороны венчика, карнизики на внешней поверхности горловины может говорить о глиняной посуде как более позднем явлении в системе формирования бытовых емкостей на рассматриваемой территории. Сопоставляя форму, рельефные и поверхностные орнаменты на неолитической посуде разных хронологических периодов (Зах, 2009), можно отметить количественные вариации плоскодонных и круглодонных сосудов, изменение непосредственно формы сосудов (появление валиков, наплывов) и орнаментов, развивающихся от отступающе-прочерченных к гребенчатым.

Уже в комплексах боборыкинской культуры (в пределах VII тыс. до н. э.: Ташково 1, Юртобор 3, Мергень 6 (Зах, 2018; Piezonka et all, 2020)) отмечается заимствование элементов с берестяных емкостей. Прежде всего это наплыв (придонные валики) у дна некоторых плоскодонных сосудов (рис. 1, *1–6*), один или несколько валиков, расположенных на тулове и некоторые вариации (утолщения) края венчика (см., например: Ковалева, Зырянова, 2010).

Увеличение в кошкинских материалах доли отступающей палочки, лопаточки, раздвоенной лопаточки, гребенки и появление новых орнаментальных композиций иллюстрирует продолжение формирования керамического комплекса, соединившего традиции мигрантов с глиняной посудой и автохтонов с берестяной (рис. 1, *12–15*). На козловской и полуденковской посуде появляются массивные наплывы (рис. 1, *24–32*). Вместе с этим идет сокращение числа плоскодонных и увеличение – круглодонных сосудов через формы с плоским приплюснутым дном, без наплыва. Судя по посуде поздненеолитических сосновоостровских комплексов, процесс слияния традиций практически закончился.

Перенесенные элементы крепления обручей, места сшивания берестяных выкроек «воплотились» в виде различных орнаментов в верхней части венчика, на тулове и в придонной части и на валиках (рис. 1, *1, 5, 6, 12–15, 26, 30–32*).

Постепенно элементы, перешедшие с берестяной на глиняную посуду, исчезают или трансформируются. Так, в полуденковских и сумпаньинских комплексах появляются композиции, в которых «шагающая» гребенка перекрывается волнистой линией или наоборот. Не исключено, что со временем волнистые линии, выполненные прочерчиванием и отступанием, нанесенные по верхнему краю наплыва с внутренней стороны сосуда, имитируют уже не только крепление обруча (зигзаг), придающего форму, но и волну (воду) как содержимое сосуда, т.е., возможно, происходит изменение (дополнение) семантики декора. Но такой элемент, как гребенчатая «качалка», первично, как полагает И.В. Калинина, восходящий «к производственной функции используемых с верхнего палеолита (Ветров, 2006) швов-зигзагов» (2019), возник конвергентно на значительной территории от Восточной Сибири до Африки и не терял своего смысла на протяжении длительного времени.

Таким образом, вероятный сценарий развития керамической неолитической посуды в Тоболо-Ишимье представляется нам включающим такой важный момент, как имитация и перенос формообразующих элементов с берестяных емкостей (аборигены) на глиняную посуду (мигранты). В дальнейшем, при постепенной эволюции форм и орнаментации, появляются круглодонной формы сосуды с гребенчатой орнаментальной традицией.

Работа выполнена по госзаданию — проект №АААА-А17–117050400147–2.

Список литературы

Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Y., Enshin D., SönkeHartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A. The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. // Journal of Archaeological Science. 2020. 116. P. 1–19.

Бородовский А.П. К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды (по материалам курганной группы Быстровка 1) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, МП РСФСР, 1983. С. 51–56.

Ветров В.М. Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 173–176.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Зах В.А. Появление керамики в Западной Сибири (к обсуждению проблемы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 20–31.

Зах В.А., Исаев Д.Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 4–14.

Калинина И.В. Орнамент «шагающая гребенка»: (Морфология, технология, семантика) // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2019. 488 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.

Оборонительно-жилой комплекс Каюково 2: новые данные о поселениях эпохи раннего неолита (рубежа VII–VI тыс. до н. э.) на территории Севера Западной Сибири

© *2020 г. О.В. Кардаш*[1] *(kov_ugansk@mail.ru), З.Г. Гайдакова*[2]

[1] *Сургутский государственный университет, Сургут, РФ*
[2] *Институт археологии Севера, Нефтеюганск, РФ*

Аннотация. С VII тыс. до н. э. на Севере Западносибирской равнины появляются десятки поселений, принадлежавших общинам охотников и собирателей. Их число со временем все возрастает. По числу археологических памятников территория ХМАО – Югры превосходит сопредельные регионы с аналогичными ландшафтными условиями. Одновременно появляются поселения со сложной архитектурой, которая выявляет наличие обществ со сложной социальной организацией. Эта статья – результат исследований, проводившихся в 2001–2002 гг. и 2018–2019 гг. В ней представлены новые данные о планировочной структуре поселения, что позволяет сделать ряд выводов об особенностях каюковской археологической культуры.

Ключевые слова: оборонительно-жилой комплекс, архитектура, ранний неолит, каюковская археологическая культура.

Север Западной Сибири всегда характеризовался неравномерным расселением человека. Численность различных жилищ на отдельных поселениях в эпоху неолита превосходит количество населенных пунктов коренных жителей этой территории (Патканов, 1911). Это позволяет говорить о количестве поселений, которое со временем возрастает и не уменьшается до эпохи Средневековья, что указывает на формирование стабильного по численности населения. Существование относительно большого числа поселений, появившихся в регионе с эпохи раннего неолита, было возможно только при наличии богатых и стабильных пищевых ресурсов.

По результатам раскопок поселения Каюково 2 была выделена *каюковская археологическая культура* (Ивасько, 2001), к которой относится ряд памятников: расположенное рядом поселение Каюково 1, а также поселение Качнисап 2 на р. Большом Югане и Барсова гора II/9.

Оборонительно-жилой комплекс Каюково 2 расположен близ оз. Большое Каюково на водоразделе р. Большой Салым и Большой Юган (левых притоков р. Обь) в Нефтеюганском р-не ХМАО. Свое название памятник получил по родовой фамилии хантов Каюковых, проживавших близ данного объекта в юртах Пунси.

Местность, на которой расположен памятник, представляет собой слабо рассеченную озерно-болотную равнину, которая, по сведениям биологов, в неолитическую эпоху была поймой водостока, поросшего лесом, и начиналась в непосредственной близости от городища.

Памятник открыт и впервые обследован разведочной группой Г.П. Визгалова в 1999 г, а первые стационарные раскопки осуществлялись в 2000–2002 гг. экспедицией под руководством О.В. Кардаша и Л.В. Ивасько. В 2018 г. исследования были продолжены международной экспедицией, организованной АНО «Институт археологии Севера», НПО «Северная археология–1», ИИиА УрО РАН (рук. Н.М. Чаиркина) и Institut für Ur-und Frühge-schichte Christian-Albrechts-Universität zu Kiel (рук. Х. Пицонка)[1]. В 2019 г. исследования были продолжены международной экспедицией[2].

Линейные размеры археологического объекта с прилегающей территорией составляют 35×35 м, общей площадью 1225 кв. м, а изученная раскопками площадь – 270 кв. м. В 2000–2002 гг. полностью изучены два жилых строения и одна постройка нежилого назначения, связанная с конструкцией наружной стены, и участок за границами жилого комплекса с хозяйственными сооружениями. В 2018–2019 гг. в результате работ изучены жилое строение, еще одна постройка нежилого назначения, связанная с конструкцией наружной стены, и остатки наружной стеновой конструкции городища. Изучение памятника затруднено высоким уровнем грунтовых вод, пропитавших нижнюю часть культурного слоя вследствие заболачивания окружающих водоемов в течение нескольких тысячелетий.

В качестве одного из признаков, характеризующих поселения каюковской культуры, можно выделить архитектурные особенности, выражающиеся в регулярной застройке, кольцевой либо линейной (двухрядной уличной) структуре, состоящей из 5–7 построек.

Время функционирования городища Каюково 2 определялось изотопным методом датирования по ^{14}C для 10 образцов в течение трех лет исследований, но наиболее ранние даты были получены только из образцов, залегавших на максимальной глубине. Период функционирования VII–VI тыс. до н. э. (6810±40 (ЛЕ-6206), 6810±55 (СОАН-4800), 6795±65 (СОАН-4801), 6580±40 (ЛЕ-6207)).

Архитектура. Архитектурный аспект жилого комплекса Каюково 2 представляет наибольший интерес: в связи с тем, что особенностью почв Севера Западной Сибири являются пески и супеси, остатки древних поселений хорошо выражены в микрорельефе, позволяющем выявить архитектурные особенности, как отдельных сооружений, так и планировочной структуры в целом еще до производства раскопок.

Из поселений каюковской культуры три (Каюково 2, Качнисап 2, Барсова Гора II/9) имеют кольцевую планировочную структуру, а Каюково 1 – линейную или уличную двухрядную.

Жилой комплекс Каюково 2 на поверхности выглядел как остатки пяти сооружений в виде углублений (ям), соединенных коридорами с четырьмя другими. В пла-

[1] Отчет о НИР был подготовлен при поддержке Фонда президентских грантов по заявке № 18–2–007554.

[2] Финансирование работ осуществлялось за счет гранта, предоставленного Президентом Российской Федерации на развитие гражданского общества (договор № 18–2–007554 от 26.11.2018 г.) по проекту «Археологические древности Югры: от начала расселения человека до эпохи Российского государства. 2 этап».

не остатки сооружений образовывали крестообразную структуру.

В результате раскопок выявились особенности сооружения, которые не фиксировались на поверхности: с западной стороны был обнаружен «вход» на внутреннюю площадку жилого комплекса, отмеченный парными кострищами и ямами; центральная постройка в виде квадрата со стороной 6 м имела ориентацию фасадов по оси северо-запад – юго-восток, и соединялась коридорами с остальными четырьмя жилыми постройками комплекса, каждая из которых имела прямоугольную форму размером около 4×5 м.

Раскопанные сооружения представляют из себя жилища-полуземлянки с котлованом глубиной около 1,0–1,2 м, земляными стенами и центральным очагом. Стены удерживались несъемной опалубкой из набора тонких бревен, установленных вертикально. Их основания фиксировались в узкой канавке, выкопанной по периметру котлована. Плоская кровля была засыпана грунтом и снабжена проемом для дымоудаления, который, вероятно, мог служить и дополнительным надочажным входом.

Также было выявлено сооружение в виде канавы шириной около 1 м и такой же глубиной. Канава опоясывала большую часть площадки жилого комплекса по наружному радиусу и содержала остатки деревянных конструкций, которые можно считать опалубкой наружной стены или крытым тоннелем-коридором, ведущим из северо-западной постройки 4 к западному входу в жилой комплекс. Данные раскопок свидетельствуют об одновременном возгорании всех помещений оборонительно-жилого комплекса, включая наружную стену-тоннель, что является основным свидетельством преднамеренного сожжения сооружения.

Вещевой комплекс составляют около 1170 артефактов, преимущественно фрагментов 90–95 керамических сосудов. Вся посуда по форме и орнаментации представляет однородный комплекс, в котором доминируют сфероконические сосуды с широкой горловиной и цилиндрическим плоским днищем. Имеются единичные сосуды нетипичной формы, но с идентичным орнаментом – это 1 горшок с приостренным дном и 1 с округлым дном. Все сосуды характеризует рыхлая структура толстых стенок и разная цветность из-за низкотемпературного обжига.

Орнамент, преимущественно линейный, выполненный путем вдавливания орнаментира (стека), покрывает всю внешнюю поверхность сосуда. У большинства горшков оттисками пальца образован волнистый край, а верхнюю часть обрамляет один пояс крупных ямочных вдавлений. Особо отметим, что такая орнаментальная композиция впервые появляется на древнейших керамических сосудах Восточной Азии (Мыльникова, Нестеров, 2012). Еще одной важной особенностью орнаментации сосудов является многообразие композиций. Выделено 5 основных типов орнаментального зонирования – горизонтальное, вертикальное, диагональное, совмещенное и чешуйчатое. На ряде сосудов фиксируется окраска охрой. Все плоские днища были орнаментированы. Большинство орнаментов знаково-символические, изображающие «лабрис» и «солнечный крест», широко распространенных с эпохи неолита в Передней Азии, Средиземноморье и Причерноморье (Голан, 1993).

Из числа других керамических изделий следует отметить четыре объемные скульптуры: три фрагмента фигурок птиц, похожих на гуся, и один, возможно, изображающий человека. Форма головки и орнаментация края близки женским скульптуркам трипольской культуры Юго-Восточной Европы (Пассек, 1949).

В коллекции имеется не менее 50 каменных орудий, которые представлены шлифованными и абразивными экземплярами. Важной отличительной чертой рубящих орудий являются тесла с продольным желобом и ножи в форме серпа, которые не известны на других неолитических памятниках региона. Орудия изготовлены из пород камня, которые не встречаются на территории Севера Западной Сибири, но распространены на Южном и Среднем Урале, в Казахстане.

Таким образом, поселение Каюково 2 характеризуется набором уникальных признаков, которые не характерны для подавляющего большинства неолитических памятников Югры. Кольцевая структура с внутренней крестообразной планировкой строений ограничена по периметру полуспиральной стеновой конструкцией с внутренним коридором. Вероятно, создание такого сооружения указывает на относительно сложную социальную структуру. На сегодняшний день у нас нет достоверных данных, указывающих на характер поселения: фортификационное ли это сооружение, организованное для собственного существования во враждебной среде, или культово-ритуальное. У нас есть примеры наличия у обществ с присваивающими экономиками, относящихся к эпохе неолита, культово-ритуальных сооружений, например, Гебекли-Тепе на юго-востоке Турции со сложной архитектурной планировкой (Шмидт, 2011; Коллинз, 2014). Орнаменты на керамической посуде и знаковые символы находят аналогии как в древней посуде Восточной Азии, так и Передней Азии, поэтому возникает вопрос о появлении населения, которое могло сформироваться на территории Севера Западной Сибири на основе мигрантов из двух культурно-цивилизационных центров. Орудийный набор представлен очень малым количеством предметов и включает только остатки деревообрабатывающих инструментов, которые мы относим к строительному инвентарю, орудия охоты и рыболовства в коллекции отсутствуют. Следует отметить, что орудия специфической формы (топоры с продольным желобом, серповидные ножи), сырье для которых не встречается на данной территории, является привозным с удаленных территорий, предположительно, в результате торговых операций.

Богато орнаментированная посуда, малое количество орудийного набора, сложная планировочная структура, а также преднамеренное сожжение памятника позволяют говорить о неординарном использовании и назначении поселения.

Работа выполнена в рамках реализации проекта Фонда президентских грантов «Архитектура древней Югры». 1 этап по заявке 20–1–003502.

Список литературы

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 376 с.

Ивасько Л.В. Отчет о НИР: Археологические раскопки городища Каюково 2 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2000 г. Нефтеюганск, 2001. 148 с. // Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 51.

Коллинз Э. Гебекли-Тепе: происхождение богов. Rochester, Vermont (USA) Toronto (Canada): Bear & Company, 2014. 432 с.

Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П. Анализ ранненеолитической керамики Востока Азии (Россия, Республика Корея) // Корейская археология 21-го века. Сеул: Чурюсон, 2012. Т. V. С. 863–898.

Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений (III–II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1949. 247 с. (Материалы и исследования по археологии СССР № 10).

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) // Зап. РГО по отделу статистики. Т. II. Вып. 2. СПб., 1911. 214 с.

Шмидт К. Они строили первые храмы: Таинственное святилище охотников каменного века: Археологические открытия в Гебекли-Тепе. Sie bauten die ersten Tempel: Das ratselhafte Heiligtum der Steinzeitjager: Die archaologische Entdeckung am Gqbekli Tepe / Клаус Шмидт; Пер. с нем. А.С. Пащенко. СПб.: Алетейя, 2011. 320 с.

Специализированные мастерские в энеолите северо-запада России как социально-культурный феномен

© 2020 г. ***В.Н. Карманов[1]*** *(vkarman@bk.ru),* ***Р.И. Муравьёв[2], Е.С. Ткач[3]***

[1] Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уро РАН, Сыктывкар, РФ
[2] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ
[3] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В работе публикуются данные о специализированных мастерских энеолита на территории Ленинградской области, Республик Карелия и Коми. Предметы из минеральных пород производились в объеме, превышающем непосредственное потребление. Поэтому они составляли «фонд» межкультурного обмена; использовались в неутилитарных практиках и являлись показателем возросших потребностей людей. Это явление связано с началом распространения в этих регионах металла, но предпосылки для него были созданы еще в неолите.

Ключевые слова: энеолит, мастерские, специализация, каменный инвентарь, обмен, социальные трансформации.

Впервые мастерские как особый вид археологического источника для изучения эпохи камня были определены еще на рубеже XIX – XX вв. Этот термин использовался для описания скоплений «отходов и отбросов производства» каменных изделий. Установлено, что специальные места производства стали появляться еще в среднем палеолите, а в неолите и энеолите получили наиболее широкое распространение. Сами же критерии для определения таких типов памятников появились лишь в сер. XX в. Разработка проблемы велась, в основном, на материалах памятников Польши (например, работы С. Круковского (Krukowski, 1939)). В отечественной историографии первые классификации разработала Н.Н. Гурина на основе материалов неолитических кремневых шахт Белоруссии (Гурина, 1965). Далее разработкой этой проблематики последовательно занимались Л.Я. Крижевская и М.Р. Касымов; О.Л. Липницкая. С.А. Кулаков и др.

Специализированные мастерские финального неолита и энеолита северо-запада России интересовали исследователей преимущественно в части изучения технологии древних производств. Но в последнее время археологи региона выявили особенные комплексы, которые дают возможность изучать места производства в контексте социальной организации и культурного взаимодействия людей первобытности (Тарасов и др., 2010). Прежде всего, это памятники, материалы которых могут свидетельствовать о том, что продукция мастерских превышает непосредственные потребности коллектива в определенной продукции или является неутилитарной.

Самым ярким примером таких мест производства является мастерская Фофаново XIII в Карелии, исследованная А.Ю. Тарасовым в 2010–2011 гг. раскопом в 30 кв. м (см. статью А.Ю. Тарасова в настоящем сборнике). На таком незначительно изученном участке (общая площадь памятника оценивается в 45 тыс. кв. м) найдено более 350000 предметов. Большинство из них (84 %) связано с технологическим контекстом изготовления рубящих орудий – топоров русско-карельского типа, включая заготовки на всех стадиях расщепления. Остальную часть коллекции представляют комплексы изготовления бифасиальных наконечников из окремненных пород и сланцевых шлифованных наконечников; фрагменты керамических сосудов; янтарные подвески, куски самородной меди; необожженные кости (преимущественно рыба); единично присутствуют мелкая скульптура из кремня (боровая птица) и глины (голова животного).

В 2018 г. на севере Карельского перешейка Д.В. Герасимов исследовал многослойный памятник Берёзово 2 (Ленинградская область). В 15 м от жилища, было выявлено скопление сланцевых артефактов и отходов производства, которое можно интерпретировать как место производства. На нем найдено 1157 сланцевых артефактов. Среди них преобладают изделия из сравнительно нетвердого сланца (65 %) и, в меньшей мере, представлены предметы из твердого сланца (35 %), в т.ч. зеленого онежского сланца и метатуфа. Такое сырье требует меньше трудозатрат при обработке абразивными техниками – шлифованием и пилением, но ограничивает его использование для изготовления макроорудий с применением оббивки и пикетажа. Есть возможность реконструировать технологию производства. Более половины артефактов представлены расколотыми плитками, на трети из кото-

рых зафиксированы следы пиления и/или шлифования. Найдены также заготовки орудий на разных стадиях обработки (51 фр.). Значительную часть изделий составляют орудия – 195 экз., среди которых преобладают миниатюрные тесла (7) и сланцевые наконечники стрел (33). Одной из наиболее представительных является коллекция рыболовного инвентаря: жала (9) и стержни (19) для рыболовных крючков, грузила (27). Полученные материалы могут быть предварительно отнесены к энеолиту и датированы кон. IV – нач. III тыс. до н. э. Сравнительно большая доля готовых изделий и наличие следов их использования отличает исследованный комплекс Берёзово 2 от памятников Карелии.

Отличается регион, занятый современной Республикой Коми: во все археологические периоды, включая ранний железный век, использовалось кремневое сырье. Изделия из некремневых пород крайне малочисленны: их общая доля в коллекциях составляет не более 1 %. География территории определила высокую мобильность его обитателей и доминирование охоты как основы системы жизнеобеспечения вплоть до сер. I тыс. н. э. В связи с этим основная продукция мастерских – кремневое охотничье вооружение – наконечники стрел. Домашние места производства таких орудий входят в состав большинства исследованных комплексов среднего неолита – энеолита. На этом фоне выделяется мастерская Ёвдино III на р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997. С. 97–99; табл. 1, 2). Здесь изучены рабочее место мастера и яма, в которой складировался дебитаж и брак. Общее количество предметов в коллекции с учетом мелкого дебитажа – свыше 200 тыс. экз. Среди них 192 бифасиальных наконечника стрелы, все в обломках или незавершенные. «Аномальное» число наконечников на разных стадиях обработки выявлено и в домашней мастерской на стоянке Шомвуква (раскоп 2) на р. Выми – 201. При этом общее число предметов меньше – свыше 75 тыс. экз. (Семенов, Несанелене, 1997. С. 97, 98; табл. 1). Учитывая, что на местах производства археологи находят «негатив» – брак и отходы производства, то можно предположить гораздо большее число орудий, изготовленных и унесенных с этих мест.

В постройке Угдым IБ на р. Вычегде в 2010 г. В.Н. Карманов изучил остатки места производства наконечников с очагами для намеренной тепловой обработки – подготовки отдельностей кремневого сырья для дальнейшего расщепления. А к одному из очагов был приурочен клад изделий, включающий набор миниатюрной кремневой скульптуры и наконечников стрел со следами неутилитарного износа (Карманов, Гиря, 2018). Еще один набор предметов неутилитарного назначения был выявлен в мастерской, изученной в 2005 г. Ю.В. Паршуковым в постройке поселения Лопью (р. Локчим – левый приток р. Вычегды). Это указывало на то, что помимо орудий на таких местах могли производиться и предметы неутилитарного назначения, что подтвердили в 2018 г. раскопки Т.Ю. Туркиной на поселении Мартюшевское II на р. Северной Мылве (долина р. Печоры). Здесь была изучена домашняя мастерская по изготовлению наконечников стрел и символических кремневых изображений – т.н. лунниц, представленных в коллекции артефактами на разных стадиях обработки, преимущественно обломанных или незавершенных. Отсутствие каких-либо следов износа на них, определенное Е.Ю. Гирей (ИИМК РАН) подтверждает их изготовление на этом месте. В этом случае также можно предположить, что конечная продукция мастерской численно преобладала над тем, что удалось найти, и была унесена их создателями/потребителями.

Выявленные мастерские на основании морфологии наконечников стрел, технико-типологических показателей керамической посуды и данных о хронологии относятся к гаринской культуре или ее аналогу в регионе – чойновтинской культуре энеолита (Стоколос, 1997. С. 229–240), к III – перв. пол. II тыс. до н. э. (ближе не определено) (Карманов, 2018).

Сопоставление исходных данных о специализированных мастерских северо-запада России позволяет говорить об их особенностях в разных частях региона, что связано с их географией и разным образом жизни людей. При этом информативность материалов также различна. Орудия русско-карельского типа, произведенные в мастерских западного побережья Онежского озера, достаточно отчетливо выражены типологически и изготовлены из специфического материала, что позволяет очертить ареал их распространения. Бифасиальные изделия из кремня в виде наконечников стрел с прямой или вогнутой базой, фигурный кремень тоже имеют определенные территории использования, но их связь с представленными мастерскими неопределенна. Очевидно, что массовое производство наконечников стрел связано с возросшими потребностями в охотничьем вооружении, но являлись ли они предметом обмена сказать трудно. Однако исследования последних лет достоверно указывают на то, что в энеолите они становятся частью неутилитарных практик, ярким проявлением которых является и миниатюрная кремневая скульптура, которую стали находить в регионе не единично как прежде, а в виде наборов. Вместе с наконечниками они входят в состав кладов и имеют следы, указывающие на их долговременную транспортировку или ношение. Редкие проявления такой практики фиксируются еще на памятниках среднего неолита, но явные и массовые свидетельства этому связаны с началом распространения металла. И можно предположить, что это является и индикатором социальных трансформаций, возможно, особом статусе мастеров камнеобработки.

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 19–18–00375 «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов» и темы НИР «Археологическое наследие европейского Северо-Востока России: выявление, научное описание и систематизация» (№ ГР АААА-А17–117021310069–5).

Список литературы

Гурина Н.Н. Новые данные о древних шахтах по добыче кремня на западе Белоруссии // КСИА. № 100. 1965. С. 50–58.

Карманов В.Н. Проблемы хронологии энеолита крайнего северо-востока Европы // Уральский исторический вестник. № 3. 2018. С. 115–125.

Карманов В.Н., Гиря Е.Ю. Артефакты со следами неутили-

тарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IБ (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская археология. № 3 (25). 2018. С. 139–155.

Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учебное пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 172 с.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.

Тарасов А.Ю., Крийска А., Кирс Ю. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: По результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // Тр. КарНЦ РАН. № 4. Сер. «Гуманитарные исследования». Вып.1. 2010. С. 56–65.

Krukowski S. Krzemionki opatowskie. Warszawa: Muzeum Techniki i Przemysłu, 1939.

Ранненеолитическая керамика северного побережья Кольского полуострова

© 2020 г. А.М. Киселева *(aliakiseleva@mail.ru)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Древнейшая керамика Кольского полуострова по большинству основных характеристик соотносится с типом Сяряйзниеми 1, который был широко распространен на территории Северной Фенноскандии в конце 6–5 тыс. до н. э. На северном побережье Кольского полуострова известно 18 памятников с керамикой Сяр 1, но основная часть материалов происходит с четырех поселений. Судя по радиоуглеродным датам их существование относится ко второй половине 5 тыс. до н. э. В докладе будет представлен подробный анализ древнейших керамических материалов Кольского полуострова.

Ключевые слова: ранний неолит, керамика, Кольский полуостров, Северная Фенноскандия.

Древнейшая известная керамика на территории Кольского полуострова наиболее близка к типу Сяряйзниеми 1 (*далее – Сяр 1*). Ареал распространения этого типа охватывает территорию от Северной Карелии до Северо-Восточной Норвегии. Согласно последним исследованиям данная посуда в Финляндии и Норвегии появляется не ранее 5300–5200 лет до н. э. и существует до 4400–4100 лет до н. э. (Torvinen, 2000; Skandfer, 2005; Piezonka, 2012). Однако имеются даты, относящиеся к началу 4 тыс. до н. э. Исследователи допускают возможность столь длительного периода существования типа Сяр 1, но вопрос пока остается открытым (Carpelan, 2004. С. 29; Нордквист, Мёккёнен, 2016).

На Кольском полуострове керамика Сяр 1 найдена как вдоль побережий, так и в центре. На побережье Баренцева моря фрагменты сосудов раннего неолита впервые были обнаружены в 1947 г. экспедицией под руководством Н.Н. Гуриной. К настоящему моменту здесь известно 18 памятников с находками посуды типа Сяр 1 (рис. 1). Это значительно меньше количества всех известных памятников эпохи неолита в данном регионе, что во многом является следствием неблагоприятных условий для сохранности слабообожженной керамики. Другим фактором является неравномерная исследованность региона. От Териберской губы до границы с Норвегией, включая п-ова Рыбачий и Средний, находки ранненеолитической посуды отсутствуют. Однако на северо-востоке Норвегии известно более десяти памятников (Skandfer, 2005, App. II).

Большие коллекции ранненеолитической керамики были получены в результате раскопок 1970–80-х гг. четырех поселений в Дроздовской губе: Маяк 2, Усть-Дроздовка, Нерпичья Губа и Нерпичья Губа 1. Самые ранние радиоуглеродные датировки данных памятников относятся ко второй половине 5 тыс. до н. э. (Гурина, 1997. С. 138). Но надо отметить, что даты получены по образцам древесного угля из культурного слоя и в большинстве случаев не имеют четкого контекста. На остальных стоянках проводились только сборы материала или небольшие разведочные раскопки. Для объекта 9 на памятнике Ивановский Маяк 2 получена дата по древесному углю, которая также относится ко второй половине 5 тыс. до н. э. (Колпаков и др., 2015).

Среди материалов поселения Маяк 2 идентифицирован 51 сосуд с примесью дресвы или дресвы и песка, с округлыми или, реже, уплощенными донцами, прямыми и слегка выпуклыми стенками. Вся посуда в изломе двухслойная (в нескольких случаях – трехслойная); из-за этого многие фрагменты расслаиваются. Венчики разнообразны: с утолщением или валиком внутри (14 шт.); скошенные внутрь, часто с небольшим «карнизиком» внутри (9 шт.); П-образные (5 шт.); скругленные (3 шт.). В районе венчика у 17 сосудов зафиксированы следы охры. Среди элементов орнамента: круглые ямки, оттиски намотанного на стержень шнура, оттиски гребенчатых, рамчатых и естественных штампов и др. На 12 сосудах зафиксирован 1 элемент орнамента (очевидно, из-за плохой сохранности), на 33 – два или три элемента, на 5 – четыре или пять. В 14 случаях зафиксирован орнамент на срезе венчика. Указные характеристики хорошо соотносятся с коллекциями других памятников северного побережья и, в целом, с посудой типа Сяр 1. Особенностью коллекции является наличие сосудов с плоским дном. На северном побережье подобные донца также найдены на памятниках Маяк 3, Нерпичья Губа и Нерпичья Губа 1. В Северной Норвегии плоское дно отмечено только у некоторых маленьких сосудов (Skandfer, 2005. С. 12).

В.Я. Шумкин на основе орнаментации и формы сосудов предложил разделение керамики на ранне- и поздненеолитическую. Для поздней керамики характерно усложнение орнаментальных композиций, более небрежное нанесение оттисков гребенки, увеличение роли природных штампов, появление новых мотивов (Шумкин, 2003. С. 280). Несмотря на то, что указанные особенности отмечены у ряда сосудов, по основным ха-

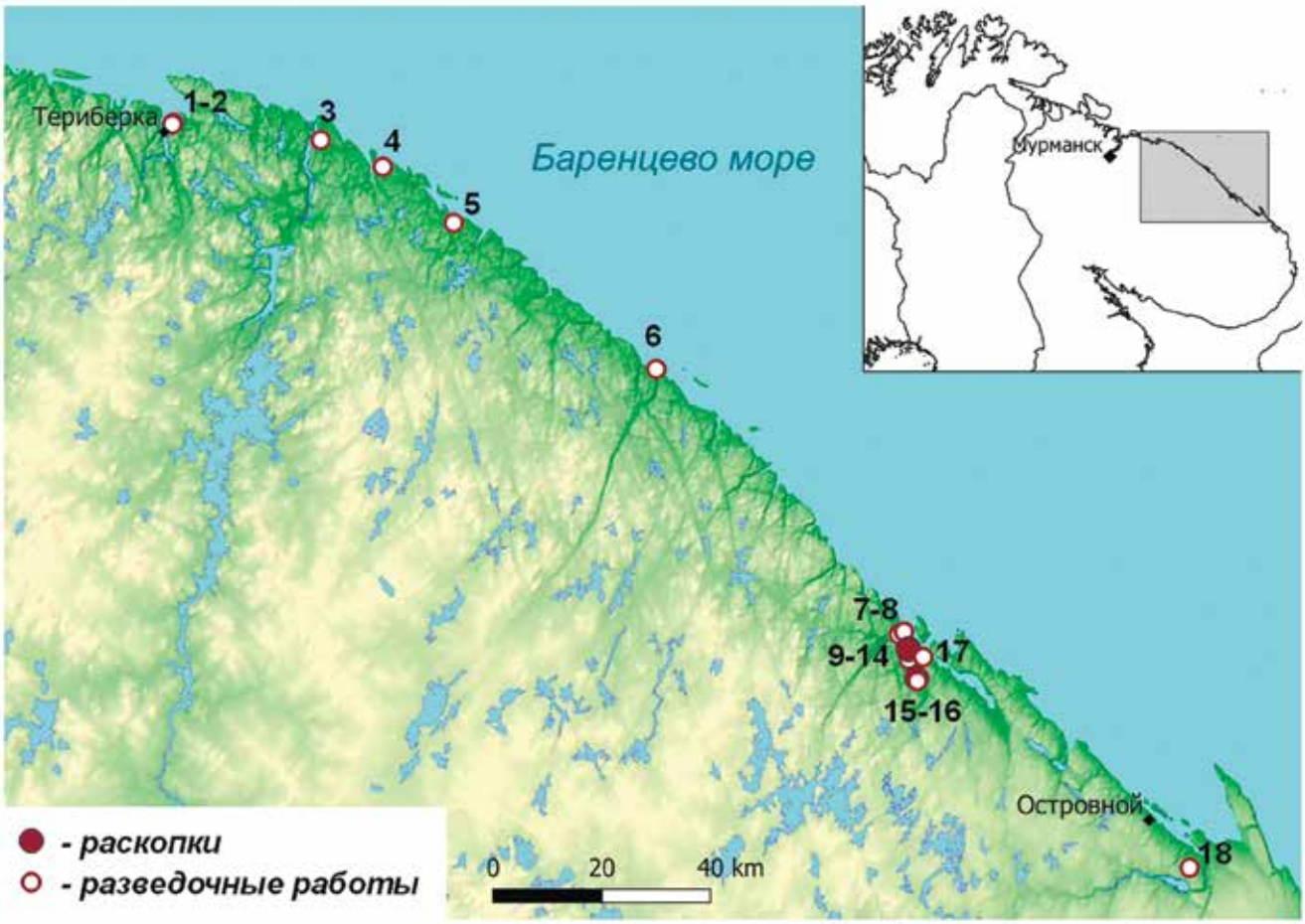


Рис. 1. Памятники северного побережья Кольского полуострова с находками керамики раннего неолита. 1 – Завалишинская 3; 2 – Завалишинская 4; 3 – Воронья 3; 4 – Дальнезеленецкая 1а; 5 – Олёнка 23; 6 – Харловка 18; 7 – Варзина 3; 8 – Варзина 6; 9 – Нерпичья Губа; 10 – Нерпичья Губа 1; 11 – Маяк 2; 12 – Маяк 3; 13 – Кумжа 1; 14 – Кумжа 2; 15 – Усть-Дроздовка; 16– Кривун; 17 – Ивановский Маяк 2; 18 – Йоконьга.

рактеристикам обе выделенные группы схожи с типом Сяр 1. Подобное разделение нуждается в подтверждении абсолютными датами и проверке на материалах стратифицированных или замкнутых комплексов.

Работа выполнена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0002.

Список литературы

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 240 с.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Кольская экспедиция ИИМК РАН // Археологические открытия 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 42–44.

Нордквист К., Мёккёнен Т. Новые радиоуглеродные датировки ранней керамики в Северо-восточной Европе // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 204–211.

Шумкин В.Я. Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе) // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 277–297.

Carpelan C. Environment, archeology and radiocarbon dates. Notes from Inari region, Northern Finnish Lapland. // ISKOS № 13, 2004. P. 17–45.

Piezonka H. Stone Age hunter-gatherer ceramics of north-eastern Europe: new insights into the dispersal of an essential innovation // Documenta Praehistorica. 2012. № XXXIX. P. 23–51.

Skandfer M. Early, northern Comb Ware in Finnmark: the concept of Säräisniemi 1 reconsidered // Fennoscandia Archaeologica 22, 2005. P. 3–27.

Torvinen M. Säräisniemi 1 Ware // Fennoscandia Archaeologica 17, 2000. P. 3–35.

Поздний неолит Южного Приморья (по материалам поселения Водопадное-7)

© *2020 г. Н.А. Клюев (kluyev2006@yandex.ru)*

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, РФ

Аннотация. В статье анализируются материалы нового памятника позднего неолита Приморья – поселения Водопадное-7. Памятник отнесен к зайсановской археологической культуре, многие вопросы изучения которой остаются дискуссионными в приморской археологии. Прежде всего, это относится к определению ее хронологических этапов и локальных вариантов. В этом плане исследования памятника Водопадное-7, отличающегося четкой стратиграфией и планиграфией, наличием репрезентативной археологической коллекции, позволяют дать обстоятельную характеристику юго-восточного варианта зайсановской археологической культуры.

Ключевые слова: Приморье, поздний неолит, зайсановская культура, поселение Водопадное-7, жилища, артефакты.

В археологии Приморья проблема определения культурной динамики в эпоху позднего неолита не имеет однозначной трактовки у исследователей. Традиционно с ней связывались памятники зайсановской культуры, открытые еще в 1950-е гг., но со временем выяснилось, что культурные процессы в регионе проходили гораздо сложнее. Гораздо сложнее оказалась и внутренняя динамика зайсановской культуры. Закономерно встал вопрос о более четком определении критериев выделения этой культуры, выявлении ее хронологических этапов и локальных вариантов. Неслучайно, что в 2000-е гг. целая группа исследователей посвятила этим проблемам ряд публикаций (Яншина. Клюев, 2005: Клюев и др., 2010; Крутых, 2012; Вострецов, 2018 и др.). Корректировке взглядов археологов на зайсановскую культуру способствовали и появившиеся новые источники. К таким источникам относится и поселение Водопадное-7.

Памятник расположен в южной части Приморья в долине р. Водопадной. Занимает южную оконечность цокольной террасы высотой 14–15 м. Поселок состоял всего из двух западин от сооружений. Был полностью исследован в 2016–2017 гг. Вскрытая площадь составила 138 кв. м.

Первая постройка имела подквадратный котлован глубиной 20–25 см. Площадь его составляла 22–23 кв. м. Второе сооружение такой же формы было несколько больше по площади – 33 кв. м. Располагались обе постройки практически вплотную друг другу и соединялись между собой своего рода коридором. Судя по планиграфии, расположению археологического материала, одно из них служило в качестве жилой зоны, а второе являлось хозяйственно-бытовой постройкой. В обоих сооружениях были обнаружены остатки столбовых ям, но очагов выявлено не было. И сооружение № 1, и сооружение № 2 погибли от пожара, о чем говорят остатки сгоревших деревянных конструкций и большое количество различной утвари, фактически оставшейся в местах ее хранения обитателями поселка. Особенно показательна в этом плане была хозяйственно-бытовая постройка. Так, на ее полу были обнаружена залегающая компактно у северной стенки серия шлифованных деревообрабатывающих инструментов – тесел, топоров, долот. Недалеко от них располагались 5 мотыг. На полу сооружения лежали также терочные плиты. Всего их было 4. Уложены они были попарно одна на другую. Рядом с ними находились куранты.

Уникальной для археологии Приморья является находка на памятнике двух колчанов со стрелами. Остатки первого колчана были обнаружены в хозяйственно-бытовой постройке. 17 ретушированных наконечников стрел залегали компактно около одной из терочных плит. Сам колчан не сохранился, но обугленные древки стрел были зафиксированы. Второй колчан был найден в жилище и состоял из 26 стрел.

Дополняет картину обнаруженных артефактов на памятнике большое количество развалов керамических сосудов из обоих сооружений. В каждом из них на полу располагалось по 26 керамических емкостей.

Полученная на поселении археологическая коллекция весьма репрезентативна и позволяет сделать определенные выводы.

Керамическая посуда представлена тремя основными типами:

1. Высокие широкогорлые сосуды с короткой изогнутой горловиной, венчиком усложненным валиком, высокими слабопрофилированными плечиками и широким дном;

2. Приземистые широкогорлые сосуды с короткой изогнутой горловиной, венчиком усложненным валиком, высокими слабопрофилированными плечиками и широким дном;

3. Приземистые широкогорлые сосуды с короткой прямой горловиной, простым венчиком, высоким слабопрофилированными плечиками, широким дном.

Сосуды изготавливались вручную из глины с примесью разнозернистого песка. При их конструировании использовалась программа донного начина: нижняя лента тулова крепилась к краям донной лепешки, образуя при этом четкий угол снаружи и слегка скругленный изнутри. По излому черепков, а также по их характерному расслоению можно заключить, что формовка сосудов осуществлялась ленточно-кольцевым налепом, ленты крепились встык или с небольшим нахлестом. Ширина лент варьирует от 2 до 5 см. Толщина стенок небольшая и зависит от размеров сосудов: у миниатюрных и среднего размера емкостей она варьирует от 0,3 до 0,4 см, у крупных – от 0,5 до 1 см. Поверхности сосудов заглаживались, иногда лощились, о чем свидетельствует наличие горизонтальных или вертикальных трасс на внутренних и внешних поверхностях черепков. На некоторых сосудах частично сохранился слой обмазки.

Все сосуды орнаментированы. Орнамент наносился прочерчиванием и/или насеканием (коротким резким прочерчиванием).

Среди орнаментальных мотивов выделяются горизонтальные или вертикальные ряды наклонных насечек; чередующиеся горизонтальные ряды наклонных вправо или влево насечек; орнамент по мотивам меандра; дугообразные прочесы. У некоторых сосудов орнамент комбинированный.

Из каменных изделий наиболее представительной группой на памятнике являются ретушированные наконечники стрел. Большинство из них изготовлено из зеле-

новато-серого халцедона. Есть несколько экземпляров из черного обсидиана, геохимический анализ которых показал, что для их производства использовалось сырье из источников, расположенных на Шкотовском базальтовом плато в Центральном Приморье.

По форме наконечники стрел можно разделить на три подгруппы: треугольные, ромбовидные и листовидные.

Треугольные наконечники стрел представлены двумя типами – удлиненно-треугольные с выемкой в основании и с прямым насадом.

Ромбовидные наконечники стрел также представлены 2 типами – собственно ромбовидные и усечено-ромбовидные.

Листовидные наконечники стрел являются самой многочисленной группой и представлены двумя типами: собственно листовидные и усечено-листовидные.

Номенклатура ретушированных изделий из камня, обнаруженных на памятнике, не ограничивается только наконечниками стрел. В типолист таких изделий входят также наконечники дротиков (черешковые и бесчерешковые), вкладыши, скребки, бифасы. Класс шлифованных орудий представлен топорами трапецевидной формы с овальным сечением, подприямоугольными и уплощено-овальными теслами, трапецевидными долотами. Класс оббитых орудий включает мотыги в форме подошвы со скругленным насадом. Орудия, изготовленные пикетажем, состоят из терочных плит, ладьевидных курантов и выпрямителей древков стрел. О последних стоит сказать особо. Для Приморья они необычны, так как с тыльной стороны оба изделия украшены геометрическим орнаментом. Класс слабомодифицированных и немодифицированных орудий представлен абразивами, камнями с лунками, гальками со следами использования.

Примечательны находки украшений из камня. Самая представительная из них – шлифованное кольцо из жадеита диаметром 7,9 и толщиной 0,5 см.

На поселении Водопадное-7 кроме раскопок проводилась также флотация культурного слоя. Исследования Е.А. Сергушевой показали наличие в нем зерновок культурного проса. С пола поздненеолитических сооружений были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования. Были получены 3 даты: 4036±65 л.н. (ИМКЭС-14С1864), 4105±120 л.н. ((ИМКЭС-14С1877), 4265±130 л.н. (ИМКЭС-14С1880).

Памятник Водопадное-7 имеет своеобразие, как в археологическом материале, так и своем характере. Его малые размеры, отсутствие очагов в сооружениях, небольшое количество бытового мусора и отходов производства орудий подводят к мысли, что он существовал очень непродолжительное время и, вероятно, в теплый период года. С другой стороны, полученные данные, позволяют утверждать, что Водопадное-7 характеризует еще один этап освоения человеком Приморья в позднем неолите. Несмотря на то, что этот памятник в своем материале наиболее близкие аналогии имеет в памятниках юго-восточного варианта зайсановской культуры (Крутых, 2012), нельзя не отметить и его отличия и особенности. Так, на нем нет керамики с вертикальным зигзагом – узором, встречающимся на других памятниках юго-восточного варианта. С другой стороны, на памятнике Водопадное 7 есть вертикальное зонирование у сосудов с комбинированным орнаментом, типичное для хасанского варианта зайсановской культуры. Все эти факты указывают на то, что необходимы дальнейшие исследования памятников подобных поселению Водопадное-7 для изучения процесса освоения человеком Южного Приморья в период позднего неолита.

Работа выполнена в рамках реализации гранта РНФ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России»

Список литературы

Вострецов Ю.Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20: Археология. С. 40–65.

Клюев Н.А., Гарковик А.В., Яншина О.В., Слепцов И.Ю. Финальный неолит Приморья: к итогам разработок некоторых проблем // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 88–97.

Крутых Е.Б. Зайсановская археологическая культура: проблемы интерпретации // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 139–154.

Яншина О.В., Клюев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187–233.

Керамические материалы эпохи неолита и энеолита поселения Пункт 380 на Верхнем Дону

© 2020 г. А.В. Кокоткина *(annaakulova@yandex.ru)*

Археологические исследования, Липецк, РФ

Аннотация. Публикация посвящена анализу неолито-энеолитических керамических материалов с поселения Пункт 380. Данное место в 6–4 тыс. до н. э. заселялось не менее пяти раз. Коллекция получена в результате сбора подъемного материала А.Ю. Клоковым в 1982 году.

Ключевые слова: керамика, поселение, неолит, энеолит, глина, орнамент, река Воронеж, пойма, терраса, примесь.

Поселение Пункт 380 было открыто в результате сбора подъемного материалы в выбросах грунта от земснаряда (Клоков, 1982). Памятник располагается в Добровском районе Липецкой области у с. Капитанщино, на левом пологом пойменном берегу левобережной старицы р. Воронеж высотой 4 м над уровнем воды.

Была выявлена керамическая посуда пяти неолито-энеолитических культур: среднедонской, льяловской (ар-

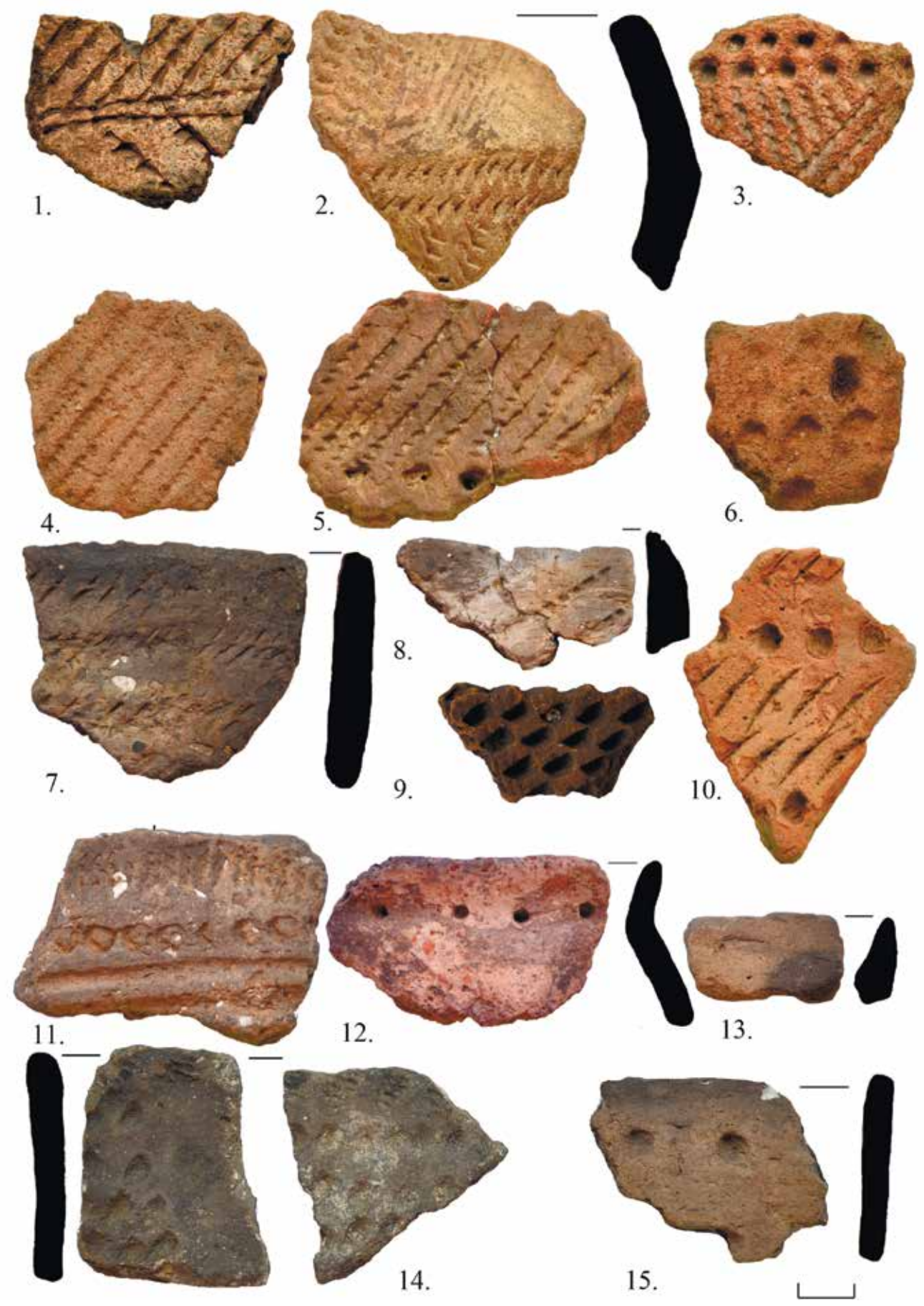


Рис. 1. Керамические материалы с поселения Пункт 380. 1–3 – среднедонская культура, 4–6 – архаичный этап льяловской культуры, 7–8,13 – нижнедонская культура, 9–10 – поздний этап льяловской культуры, 11–12 – репинская культура, 14–15 – среднестоговская культура.

хаичного и позднего этапов), нижнедонской, среднестоговской, а также репинской.

1. Среднедонская культура эпохи раннего неолита. Керамика представлена 15 фрагментами (рис. 1, *1–3*). По определению А.А. Куличкова посуда тонкостенная (5–7 мм), изготовлена из илистой глины. Искусственной примесью является шамот в концентрации 1:5, 1:7. Ее цвет варьируется от серого – к коричневому. Один из сосудов биконической формы. На внутренней стороне керамики нанесены гребенчатые сглаживающие расчесы. В равной степени распространена орнаментация треугольным наколом и круглыми ямками (по 6 фрагментов). На одном из фрагментов присутствуют оттиски гребенчатого штампа. Данная группа посуды была оставлена населением неолитической среднедонской культуры на втором этапе ее существования. Для этого этапа с верхнедонского поселения Васильевский Кордон 7 происходит две радиоуглеродных даты: BP 5860±80 BP (4860–4520 BC) (Ki-15193) и BP 5770±90 BP (4810–4440 BC) (Ki-15199) (Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov, 2017).

2. Керамические материалы архаичного этапа неолитической льяловской культуры представлены 11 фрагментами (рис. 1, *4–6*). Керамика толщиной 5–7 мм, светло-коричневого цвета с примесью дресвы в тесте. На двух фрагментах с внутренней стороны присутствуют расчесы. Самый распространенный элемент орнамента – гребенчатый. Он присутствует на девяти фрагментах. Также встречаются ямочные вдавления на пяти фрагментах. Ямки имеют как круглую, так и овальную форму. На двух фрагментах на внутренней стороне нанесены гребенчатые сглаживающие расчесы.

Датировать подобные материалы можно по аналогии с керамикой стоянок: Ивница – 5840±90 BP (4932–4494 BC) Ki-16638, Ксизово 6 – 5820±130 BP (4995–4371 BC) Ki-13307, Курино 1 – 5400±120 BP (4458–3975 BC) Ki-13308 (Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov, 2017).

3. Поздний этап неолитической льяловской культуры представлен 29 керамическими фрагментами (рис. 1, *9–10*). Цвет посуды преимущественно темно-коричневый. Наиболее часто встречающийся элемент орнамента – ямки. По форме их можно разделить на круглые и овальные. Ямочные вдавления круглой формы встречаются на 16 фрагментах. Что касается овальных ямочных вдавлений, то они менее распространены, чем круглые ямки, и расположены на 13 фрагментах. Круглые или овальные ямки иногда встречаются в сочетании с поясами гребенки (4 фрагмента). Преобладающим мотивом является ямочный мотив, наносившийся вертикальными рядами и в шахматном порядке.

Эту керамику по серии радиоуглеродных дат с территории Верхнего Подонья можно датировать первой половиной IV тыс. до н. э. Здесь получены даты по материалам стоянок Университетская 3 – 5080±125 BP (4250–3600 BC) Ле-1013, Ямное – 4850±90 BP (3950–3350 BC) Ki-16634, 4790±80 BP (3710–3360 BC) Ki-16636 (Сурков, Скоробогатов, 2012. С. 67), Подзорово – 4770±60 BP (3660–3370 BC) Ле-725, Курино 1 – 5225±90 BP (4319–3802 BC) Ki-13313 (Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov, 2017).

4. Нижнедонская энеолитическая культура представлена 27 фрагментами от шести сосудов (рис. 1, *7–8, 13*). Керамика толщиной 5–7 мм. Один венчик от профилированного сосуда, два – открытой формы, два – от прямостенных сосудов, у одного форма не ясна. Один из венчиков имеет воротничковое утолщение (рис. 1, *13*). Цвет керамического теста варьируется от светло-коричневого до серо-коричневого. Тесто с примесью толченой ракушки. Гребенчатая орнаментация нанесена на 15 фрагментах, ямочные вдавления присутствуют на трех фрагментах керамики. Выявлено, что орнаментир для ямочных вдавлений имел полую структуру. Орнаментация треугольными наколами встречена на трех фрагментах. Датировать эти материалы можно по аналогичной керамике нижнедонской культуры верхнедонского поселения Ксизово 6 – BP 5920±90 (5030–4540 BC) (Ki-13327) и среднедонского – Черкасская 3 две даты BP 5997±33 (4985–4795 BC) (Hela-3771), BP 5775±25 (4710–4540 BC) (Hela-3735) (Скоробогатов, 2013).

5. Среднестоговская культура. Найдено девять фрагментов керамики от трех сосудов (рис. 1, *14–15*). Верх двух венчиков округлый, а один – плоский. В керамическом тесте встречается толченая ракушка. Керамика толщиной 5–6 мм. Цвет керамики преимущественно серый. Ямочные вдавления подразделяются на круглые и конические. Выявлен один фрагмент посуды с круглыми ямками, а три – с коническими. Распространен мотив из ямочных элементов, которые располагаются в шахматном порядке (3 фрагмента). Также на данном типе керамике обнаружен гребенчатый элемент орнамента (5 фрагментов). Датировать керамические материалы с данного памятника можно по аналогии с керамикой стоянки Ивница – 4530±80 BP (3550–2900 BC) (Ki-16639) (Сурков, Скоробогатов, 2012. С. 69) и датируемым заполнением постройки 6 поселения Васильевский Кордон 27: 4660±60 BP (3542–3341 cal BC) SPb-2872; 4582±65 BP (3521–3092 cal BC) SPb-2873 (Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov, 2017).

6. Керамическая посуда репинской культуры представлена семью фрагментами от двух сосудов (рис. 1, *11–12*). Оба венчика от профилированных горшков. Верх венчика имеет округлую форму. Керамика толщиной 5–9 мм. На одном фрагменте ямочные вдавления нанесены полым орнаментиром. Гребенчатый орнамент встречается на двух фрагментах керамики. Керамические материалы можно датировать рубежом IV–III тыс. до н. э.

Публикация подготовлена при поддержке гранта Фонда президентских грантов № 19–2–018793.

Список литературы

Клоков А.Ю. Отчет о работах Верхне-Донского археологического отряда Липецкого областного краеведческого музея в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9180.

Скоробогатов А.М. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 273–276.

Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное: материалы исследований. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2012. 82 с.

Smolyaninov R., Skorobogatov A., Surkov A. 2017. Chronology of Neolithic sites in the forest steppe area of the Don River // Documenta Praehistorica. XLIV. Ljubljana, Slovenia. P. 192–202.

Человеческие отношения в петроглифах Фенноскандии

© 2020 г. *Е.М. Колпаков* (*eugenkolp@yandex.ru*)

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Подавляющее большинство композиций наскального искусства Фенноскандии, которые изображают некое взаимодействие антропоморфов без участия животных, отражают главные личные события в жизни человека, независимо от того, кого в них обозначают фигуры антропоморфов – богов, мифических героев или настоящих людей.

Ключевые слова: Фенноскандия, петроглифы, типы композиций, антропоморфные композиции.

В наскальном искусстве Фенноскандии сравнительно небольшое количество композиций изображает нечто вроде отношений между людьми. К ним относятся композиции, в которых участвуют только антропоморфные персонажи или сопутствующие им зооморфы явно находятся на периферии сцены.

К «человеческим» типам композиций относятся *бес с бабой* (Канозеро) (рис. 1), *любовный треугольник* (Канозеро, Альта) (рис. 2), *пара* (рис. 3), *любовь* (Альта, Выг, Канозеро, Нэмфоршен, Онего, Чальмн-Варрэ) (рис. 4), *беременные антропоморфы* (Альта, Канозеро) (рис. 5; 2, *1*; 2, 5), *роды* (Выг, Онего) (рис. 6), *семья* (Альта, Канозеро, Нэмфоршен, Чальмн-Варрэ, Скарванген писаницы) (рис. 7), *в жилище* (Альта) (рис. 8), *схватки антропоморфов* друг с другом (Альта, Выг, Канозеро) (рис. 9), *ряды (вереницы)* и *группы антропоморфов* (Альта, Выг).

О последних двух типах трудно что-либо сказать, поскольку в них не обозначено действие. В то же время они свидетельствуют о некой коллективности, сплоченности людей. В одном жилище в Альте показана четверка антропоморфов (рис. 9). Остальные типы, как будто, отражают главные личные события в жизни человека, независимо от

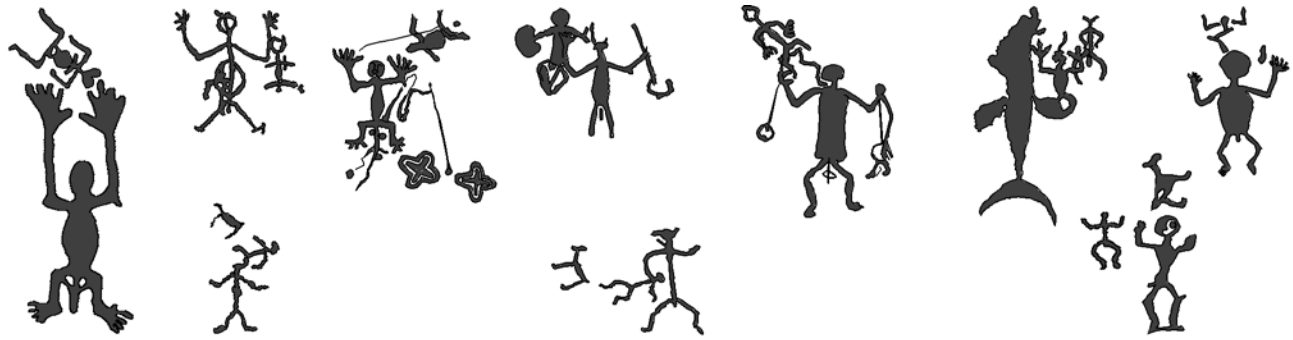


Рис.1. Композиции типа Бес с бабой. Канозеро (по Колпаков, Шумкин, 2012. С. 316).

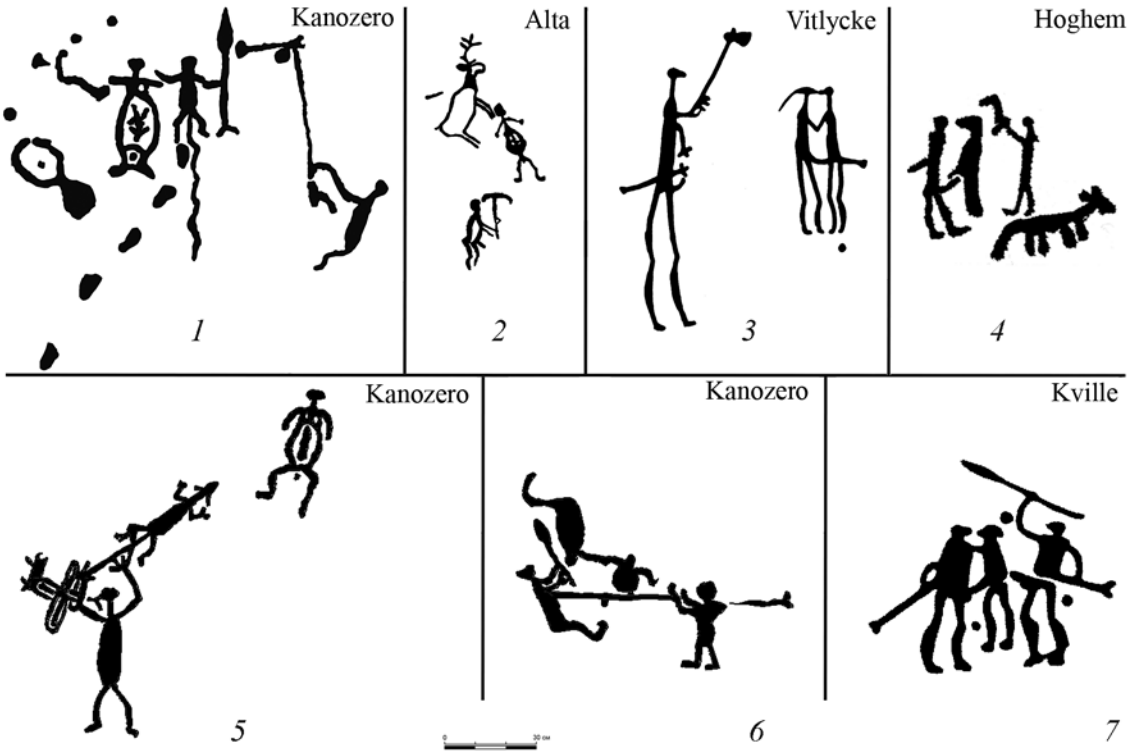


Рис. 2. Композиции типа любовный треугольник. 1, 5, 6 (по Колпаков, Шумкин, 2012. С. 318); 2 (по Tansem, 2009); 3 (по Cole, 1990. P. 87, Fig. 108); 4 (по Evers, 2004. P. 38–39); 7 (по Ling, 2008. P. 169).

Рис. 3. Пары антропоморфов. 1 – Альта (по Tansem, 2009); 2 – Нэмфоршен (по Larsson, Broström, 2011); 3 – Онего (по Савватеев, 1970. Рис. 23–4); 4 –Канозеро (по Колпаков, Шумкин, 2012. С. 317).

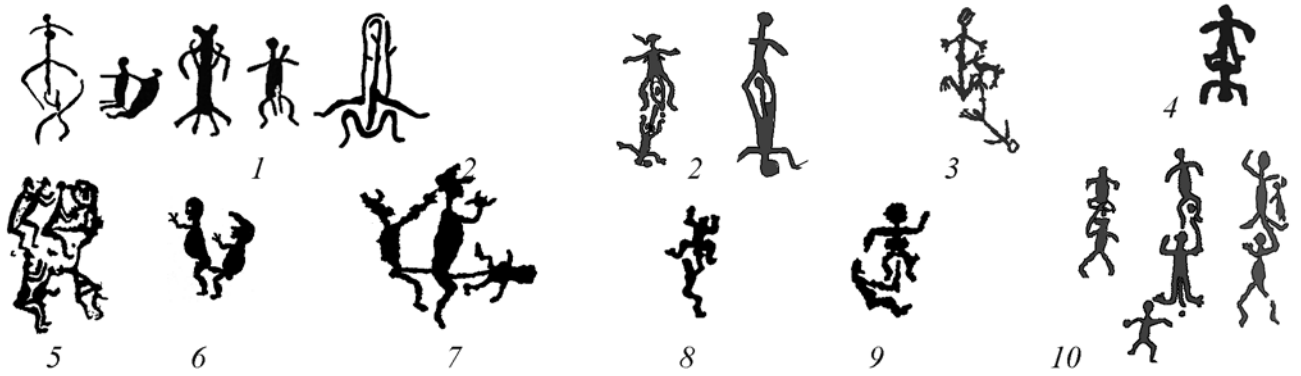


Рис. 4. Любовь. 1 – Альта (по Tansem, 2009); 2, 10 – Канозеро (по Колпаков, Шумкин, 2012); 3 – Чальмн-Варрэ (по Колпаков и др., 2018); 4 – Нэмфоршен (по Larsson, Broström, 2011); 5, 8 – Выг (по Савватеев, 1987. С. 107. Равдоникас, 1938. Табл. 17); 6, 7, 9 – Онего (по Савватеев, 1970. Рис. 23–4, 110, 108–1).

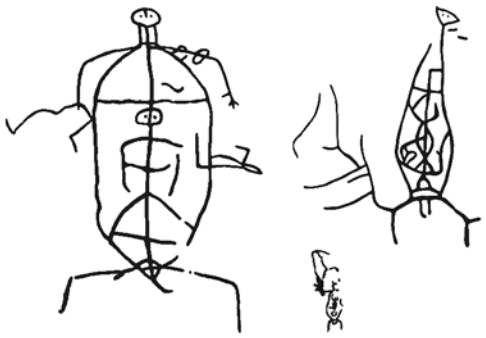


Рис. 5. Беременные. Альта (по Tansem, 2009).

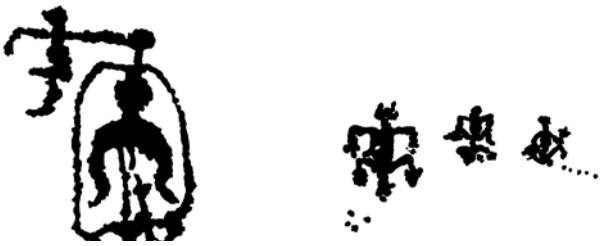


Рис. 6. Роды. 1 – Онего (по Савватеев, 1970. Рис. 108–6); 2 – Выг (по Равдоникас, 1938. Табл. 3).

Рис. 7. Семья. 1 – Альта (по Tansem, 2009); 2 – Скарванген (по Hallström, 1960. Pl. XI, D:10); 3 – Канозеро (по Колпаков, Шумкин, 2012. С. 317).

Рис. 8. В жилище. Альта (по Tansem, 2009).

Рис. 9. Вооружённые столкновения. 1 – Альта (по Helskog, 2013); 2 – Залаврута (по Равдоникас, 1938. Табл. 3).

того, кого в них обозначают фигуры антропоморфов — богов, мифических героев или настоящих людей.

Сюжет *любовного треугольника* распространяется и за пределы круга памятников Северной Фенноскандии. В петроглифах бронзового века Швеции, в Витлюке и Хогеме, есть сцены любовного треугольника на удивление сходные с канозерской. Близкая сцена есть в Квилле, где нападающий вооружен копьем, как в одной из композиций этого типа на Канозере.

Все эти типы композиций представлены ограниченным количеством на каждый памятник — максимум до трех экземпляров. При этом бросается в глаза, что даже такой «простой» тип композиции как любовь, на каждом памятнике имеет свой способ изображения.

Надежных сцен с изображением боевых действий с оружием в наскальном искусстве Северной Фенноскандии всего 3: поединок на мечах в Альте (рис. 9, *1*), расстрел на Залавруге (рис. 9, *2*) и копье в грудь на Канозере (рис. 2, *6*).

Конечно, основной тематикой наскального искусства Северной Фенноскандии являются лоси/олени, китообразные, медведи и охота на них. Однако следующим «тематическим блоком» выступают композиции, которые можно отнести к «человеческим отношениям». Композиции, которые в целом воспринимаются как отражающие процесс образования семьи и рождения потомства. Вместе с охотничьими композициями они изображают наиболее драматичные события в жизни человека, за исключением смерти. Канозерские антропоморфные композиции ясно показывают, что в них участвуют мифические персонажи.

Список литературы

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. Rock Carvings of Kanozero. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с., ил.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. Čalmn-Varrė petroglyphs. СПб.: ЛЕМА, 2018. 160 с., ил.

Равдоникас В.И. Наскальные изображения Белого моря. М.-Л., 1938. 168 с.

Савватеев Ю.А. Залавруга. Часть 1: Петроглифы. Л., 1970. 443 с.

Савватеев Ю.А. Новые петроглифы на о. Ерпин Пудас // СА. 1987. № 1. С. 103–118.

Cole J. Images of the Past. Risbergs Tryckeri, Uddevalla, 1990. 87 p.

Evers D. The Ice Age, the great creator of the environment // Hunters & planters. Prehistoric scandinavian rock carvings. Warmsroth: StoneWatch, 2004. P. 3–47.

Hallström G. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. The Norwegian Localities. Stockholm: Bokförlags aktiebolaget thule, 1938. 604 p.

Helskog K. Samtaler med maktene: En historie om verdensarven i Alta. Tromsø Museums Skrifter XXXIII, 2013. 240 S.

Larsson T.B. & Broström S.-G. The Rock Art of Nämforsen, Sweden. The survey 2001–2003. Archaeological Reports from Umeå University 62. Umeå, 2011.

Ling J. Elevated rock art – towards a maritime understanding of Bronze Age rock art in northern Bohuslan, Sweden. GOTARC Serie B. Gothenburg Archaeological Thesis 49, 2008. P. 5–32.

Tansem K. Alta museum archive. Alta. Tracing of 2009.

К вопросу о погребальных традициях древнейших курганов юга Восточной Европы и Предкавказья

© *2020 г. С.Н. Кореневский* *(Skorenevskiy@yandex.ru)*

Институт археологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Доклад посвящен проблеме возникновения древнейших курганов на юге Восточной Европы и в Предкавказье. В нем рассматриваются вопросы о времени появления этих памятников, культовой символике и возможностях определения хозяйственно-культурного типа носителей древнейших курганов. Последнюю тему невозможно решать без учета локализации курганных памятников и сведений о ранних формах скотоводства у населения, знавшего только пеший выпас скота.

Ключевые слова: курган, насыпь, погребение, катакомба, символика.

Тема возникновения древнейших курганов на юге Восточной Европы и в Предкавказье заслуженно пользуется большим интересом. Она освещается с разных сторон и нередко в жанре дискуссии. Само понятие «древнейшие курганы» сейчас связывается с памятниками главным образом V тыс. до н. э., менее – с IV тыс. до н. э., захоронения которых имеют даты времени Дунайского халколита (Гумельника-Варна-Караново VI) или соответствующий этому времени энеолитический инвентарь. В основном такие курганы открыты в среднем Поволжье, Волго-Чограйском междуречье и в Предкавказье. В Северном Причерноморье им синхронны по инвентарю такие же немногочисленные памятники в Поднепровье и на Дону, а также памятники новоданиловской группы, распространенные от Донецкого бассейна и до Прикарпатья. Литература, посвященная феномену древнейших курганов Восточной Европы обширна. Особое место в ней занимает труд Н.Я. Мерперта 1974 года. В нем наиболее полно была освещена проблематика ямной культуры. Последняя была представлена в виде трех этапов. Термин «древнеямная культура» в этом труде Н.Я. Мерперта (Мерперт, 1974) употреблялся в отношении памятников всех трех этапов. Поэтому мы стали курганы его 1 этапа связывать с понятием протоямной культуры. Памятники второго этапа сопоставляются с древнеямной культурой, синхронной майкопско-новосвободненской общности (МНО) в Предкавказье. Памятники ее позднего третьего этапа называются позднеямными. Они получили распространение после финала МНО и во время существования традиции использования молоточковидных костяных и бронзовых булавок в Предкавказье.

По сводке на 2012 год (Кореневский, 2012. С. 115) мы оперировали числом около 60 курганных комплексов и грунтовых захоронений новоданиловского типа времени Триполья BI-BIBII. Из них в районе Волго-Донского междуречья, Поволжья, Нижнего Дона и в Предкавказья число древнейших курганов доходило до 44. В Терском районе они были учтены в 22 случаях, в Прикубанском – в 10. В целом территория Предкавказья уже серьезно превосходит по количеству известных и датированных древнейших курганов зону Заволжья, откуда мы не имеем дат ^{14}C из древнейших курганов (Дремов, Юдин, 1992; Юдин, 2012; Моргунова, 2014). Сведений о древнейших курганах нижнемихайловской группы по сводке Н.С. Котовой очень мало в Поднепровье, северо-западном Причерноморье, Прикарпатье (Котова, 2006; 2013). Здесь более известны бескурганные комплексы с традициями обрядов новоданиловской группы.

В предлагаемой работе мы планируем обсудить аспекта темы о древнейших курганах, которые получили обсуждение после выхода нашей работы в 2012 году в свете новых данных и публикаций.

По данным на текущий момент древнейшие курганы сооружались над погребениями в ямах и реже в катакомбах. Антропологические и поло-возрастные определения говорят, что в основном это были взрослые люди, мужчины, реже женщины, и дети. Встречены случаи расчлененных костяков. Поза погребенных людей в основном связана с позицией на спине скорчено с обилием посыпания костяка красной краской. Погребения с позой скорчено на боку в энеолитических курганах в Предкавказье встречаются очень редко. Важно также отметить, что обряд в катакомбах показывает, что он сопровождал в основном захоронения женщин и детей (Кореневский, 2016).

Инвентарь в захоронениях отражает вещи «погребального» престижа, вложенные в руку или у руки кремневые пластины. В могилах мужчин встречаются каменные тесла и скипетры. В погребениях женщин и детей костяные пекторали, бусы, медные браслеты. Изделия из металла вообще фиксируются в наиболее престижных захоронениях.

Необходимо отметить, что традиция использования скипетров в древнейших курганах восходит к местным культам хвалынской культуры конца VI – начала V тыс. до н. э. (Малов, 2008), отражающей существование символики скипетров также в культуре нео/энеолита в Самарском Поволжье (могильник Екатериновский Мыс) (Королев и др., 2018).

Символика в подкурганных погребениях близка к символике погребений новоданиловской группы. Отличие состоит только в том, что в могилах под древнейшими курганами не встречено оружие ударного действия, как например, каменные булавы. Детские захоронения порой отличает высоко престижный инвентарь, вероятно, подразумевающий своеобразное «богатство» родителей или семьи погребенных детей, как и в погребениях новоданиловского типа (например, могильник Джурджулешти) (Govedariča, 2004).

Вопрос о причинах появления курганной насыпи имеет различные объяснения. Среди них можно назвать мифолого-космические (курган – центр мировой оси), а так же хозяйственно-экономические. Последние предполагают, что курганная насыпь у кочевых племен маркировала владения скотоводов. Хозяйственно-культурный тип (ХКТ) носителей древнейших курганов при этом определялся без особых доказательств, как кочевнический.

Однако определение ХКТ носителей традиций древнейших курганов наталкивается на большие трудности в связи со скудностью о нем данных. Достоверно только одно. Древнейшие курганы в Предкавказье и Поволжье, как и погребения новоданиловской группы памятников, локализованы вблизи рек и по речным долинам. Этот факт возможно использовать как косвенный показатель ориентации носителей традиций древнейших курганов на пастбищное подвижное скотоводство вдоль речных долин.

Само же понятие кочевого скотоводства, исходя из дефиниций и дискуссий в этнографической науке, нуждается в особой аргументации (см., например, работы Г.К. Маркова, А.В. Головнева и других этнологов) (Марков,1981; Головнев, 2019; Семенов, 1982). Насколько оно может быть применено к эпохе V тыс. до н. э. до освоения лошади под верх и колесного транспорта, не ясно, так как этнологи в основном используют его применительно к обществам, которые уже были знакомы с верховыми животными и колесным транспортом.

Курган как метка собственности на территории или ориентир в пространстве также не является обязательным атрибутом хозяйства для подвижных скотоводов, пасущих стада без лошади под верх или верблюдов, судя по этнографии Африки (Львова, 1982).

В итоге мы склонны считать, что появление курганной насыпи было явлением культового порядка и особенностей мифологии, связанной с погребальными традициями. Отчасти это явление стало развитием у разных народов идеи об особой роли в мифологии смерти возвышенностей, которые воспринимались в древней Месопотамии, как холмы плача или погребальные холмы (Афанасьева, 1997). Идея кургана имела конвергентный характер. Но часто можно наблюдать, что курганы отражали мифологию обществ, для которых были важны показатели престижной экономики в погребальном обряде и которые отошли от традиций захоронения сородичей в больших родовых бескурганных кладбищах. Сам же курган, как искусственный холм над захоронением сородича был известен разным племенам, как Старого, так и Нового Света с разным хозяйственно-культурным типом (Кореневский, 2012).

Во время существования майкопско-новосвободненской общности курганный обряд в Предкавказье стал насыщаться символикой оружия ударного действия и начал ассоциироваться с захоронениями воинской элиты местных майкопских племен. Такая же традиция начала проникать к ямным племенам (Павловский могильник, к. 31 п. 4) в лесостепи Восточной Европы и полтавкинским племенам степного Поволжья (Утевский к. 1 п. 1).

Список литературы

Афанасьева В.К. От Начала Начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: Петербургское востоковедение. 1997.

Головнев А.А. Слитное пространство-время в движениях кочевников Арктики / Отв. Ред. Проф. С. Хансен, академик В.И. Молодин, д. и.н. Л.Н. Мыльникова // Мобильность и миграция. Концепции, методы, результаты. Новосибирск: 7-19.

Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Поволжья // РА. 1992. № 4. С. 18-30.

Кореневский С.Н. Рождение кургана. М.: Таус. 2012. 256 с..

Кореневский С.Н. Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно-бронзового века понто-предкавказских степей // КСИА. 2016. № 245. С.105-119.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Восточно-Украинский национальный университет им. Даля. 2006. 328 с.

Котова Н.С. Дереивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев-Харьков: «Майдан». 2013. 486 с.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохолов А.А., Рослякова Н.В. Уникальное погребение эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Stratum Plus. 2018. № 2. Кишинев. С. 285-302.

Львова Э.С. Этнография Африки. М.: МГУ. 1984. 244 с.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология восточноевропейской степи. Саратов. 2008. Вып.6. С. 32-134.

Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество (Дефиниции и терминология) // Советская этнография. 1981. №.4. С. 86-94.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 1974. 166 с.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ. 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.

Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 48-59.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск: Шлях. 2001. 152 с.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга. 2012. 212 с.

Govedarič̆a B. 2004. Zepterträger – herrscher der Steppen. Vunz am Rhein.: 426 s.

Могильник Екатериновский мыс как источник изучения энеолита Восточной Европы

© 2020 г. А.И. Королев[1] *(arkorolev@gmail.com),* ***А.Ф. Кочкина[2], Д.А. Сташенков[2]***

[1] Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ
[2] Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, Самара, РФ

Аннотация. Раскопками грунтового могильника Екатериновский мыс в 2013–2018 гг. изучена площадь 318 кв. м, выявлено 101 погребение. Доминируют скелеты в положении вытянуто на спине, часть представлена неполными скелетами или черепами, есть захоронения в скорченном положении. У погребенных преобладает ориентация головой на восток-северо-восток. Костяки ориентированы преимущественно в секторах север-северо-восток и восток-юго-восток. Прослежено расположение погребений рядами. Погребальный инвентарь и окраска охрой представлены неравномерно. Выделяются неординарные захоронения с каменными скипетрами, роговыми «жезлами» и разнообразным инвентарем. Выявлены жертвенные площадки с керамикой воротничкового типа и жертвенные комплексы с инвентарем. Полученные материалы находят аналогии в степных могильниках Восточной Европы мариупольского круга, хвалынской культуры и могильниках нижнекамского региона. Предварительная датировка подтверждает промежуточное положение могильника Екатериновский мыс между мариупольскими и хвалынскими древностями.

Ключевые слова: Самарское Заволжье, ранний энеолит, грунтовый могильник Екатериновский мыс, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

В результате полевых работ 2013–2018 гг. на грунтовом могильнике Екатериновский мыс, расположенном в Самарском Заволжье в месте впадения р. Безенчук в Волгу, была изучена площадь 318 кв. м и раскопано 101 захоронение, одно из них предположительно относится к более позднему периоду. Промежуточные результаты исследований частично отражены в публикациях.

Погребения были приурочены к основанию слоя коричнево-серого суглинка и к верхней части материка. Глубина залегания погребений с учетом рельефа поверхности составляла 5–120 см от поверхности. Отдельные погребения располагались в материке в неглубоких ямах. Заполнение могильных ям, как правило, не отличалось от окружающего грунта. Большая часть погребений содержала охру от небольших включений до обильной посыпки в погребениях с неординарным и многочисленным инвентарем. Погребенные были ориентированы головой на север – юго-юго-восток. Основную группу (64 погребения) составили костяки в положении вытянуто на спине. Выявлены вторичные захоронения, из них особый интерес представляет погр. 79, включающее компактно сложенные и засыпанные красной охрой кости двух мужчин и женщины в сопровождении каменного навершия булавы. Часть захоронений (ок. 10) представлено только черепами, иногда черепа находились в погребениях с полными костяками. Одно из погребений можно отнести к парным (погр. 70–71). Есть случаи частичного перекрывания одного костяка другим. Отмечено расположение костяков в три яруса (погр. 63, 64, 68). Почти пятая часть погребений была разрушена и представлена неполными скелетами или отдельными черепами. Значительная часть погребений могильника расположена рядами.

Вторую группу составляют пять костяков с признаками скорченности (на спине или на боку с согнутыми ногами, полусидя). Скелет погр. 85 лежал с сильно искривленным позвоночником, видимо, его верхняя часть туловища была приподнята. Неполный костяк из погребения 90 располагался в позе полусидя (Королев и др., 2019). В целом можно отметить неустойчивость положения костяков этой малочисленной группы.

На территории могильника были изучены жертвенные площадки с развалами сосудов, часто окрашенные охрой.

Непосредственно в погребения сосуды не ставили, такую связь можно предположить только в погр. 33. Для сосудов характерны разнообразные воротничковые утолщения венчиков, округлые днища, орнамент из оттисков гребенчатых штампов, веревочки, «плетеных фактур», ямчатых вдавлений, редко - прочерченных линий и «шагающей гребенки» (Королев, Кочкина, Сташенков, 2019). Технология изготовления керамики близка гончарным традициям населения неолита-энеолита Нижней и Средней Волги, наибольшая близость прослеживается с керамическими традициями населения, оставившего Съезжинский могильник (Васильева, 2019).

Выявленные жертвенные комплексы с инвентарем, расположенные в разных частях могильника, имеют большое значение для установления пространственной организации могильника, характера и последовательности обрядовых действий в ходе его функционирования.

Более половины погребений содержало инвентарь. Особенно многочисленны бусины, изготовленные из раковин Unio. Иногда в погребениях они сохранились в виде небольших низок, их количество варьирует от единиц до сотен экземпляров, а в погр. 31 найдено более тысячи. Встречены также бусы из камня. Есть подвески из речных и морских раковин, пронизки. К многочисленной категории инвентаря относятся тесла из окремнелого известняка, кремня серого цвета, мелкозернистого камня зеленого цвета. В одном погребении может быть до четырех тесел, часто они представлены расколотыми на крупные фрагменты изделиями или отдельными крупными обломками (всего их более 100 экз.). Некоторые тесла были разбиты специально, видимо, по отношению к ним применялся обряд «порчи вещей».

Ножевидные пластины из кремня и кварцита включают узкие (шириной около 1 см) и широкие (более 2,5 см) изделия, с ретушью и без нее. Каменные кольца в основном небольших размеров, но два экземпляра с прорезанным орнаментом - крупные. В погр. 52 такое кольцо-браслет находилось на плечевой кости скелета. В погр. 85 были выявлены наконечник стрелы с усеченным основанием и заготовки 8 крупных наконечников листовидной формы и с усеченным основанием. Особую группу инвентаря составляют каменные навершия скипетров и булав: всего найдено 15 наверший, в том числе 13 в погребениях. Они все втульчатые и подразделяются на округлые в плане и грушевидные или эллипсовидные в профиле – 3 экз., крестовидные – 2 экз. и один близкий крестовидным, 1 подромбический, 1 – с боковыми выступами-цапфами, зооморфные – 6 экз. Фрагмент одного скипетра не позволяет установить его форму. В погр. 45 находилось три навершия разных типов.

Большую группу составляют украшения из клыков кабана. К ним относятся крупные пластины с отверстиями на концах и без отверстий, в том числе орнаментированные, нашивки с нарезками по краям, с отверстиями, с выступом (в погр. 93 найдено 14 нашивок с выступом). Во многих погребениях обнаружены резцы сурка без следов обработки. Эмалевые пластины из резцов бобра около торцов часто имеют поперечные нарезки. Клыки куницы обычно имеют нарезки на корне с одной или двух сторон или отверстие. Изделия из костей животных включают пластины с выступами и отверстиями, фрагменты зооморфных фигурок (?), орнаментированную нарезками трубочку, кольца из трубчатых костей, пронизи из костей мелких животных, подвески с отверстием, «ложечки», мелкие клинья, стилетовидное орудие и др. Изделия из рога представлены пластинами, клиновидными предметами, стержнями, втульчатыми молотами-жезлами, черешковыми лосиноголовыми и птицеголовыми навершиями. В погр. 45, помимо костяка основного погребенного, находились специально уложенные кости других индивидов и скелет жертвенного одомашненного животного – молодой козы. В погр. 33 были найдены путовые кости лошади, непосредственно под погр. 79 располагались кости овцы. Изделия из металла не обнаружены.

Для определения хронологической позиции изучаемого могильника представляет интерес соотношение захоронений с вытянутыми и скорченными костяками. Для энеолита степного Поволжья зафиксирована основная линия перехода от вытянутой позы погребенных в памятниках раннего этапа энеолита (могильник у с. Съезжее) к скорченной в памятниках среднего этапа (I и II Хвалынские, Хлопковский могильники). В связи с этим возможно рассматривать ситуацию в могильнике Екатериновский мыс как свидетельство такого перехода, хотя нельзя исключать вероятности синхронного бытования обеих традиций. В инвентаре этих групп погребений наблюдается как сходство, так и различия. Следует принять во внимание заключение А.А. Хохлова об определенной близости черепов погр. 45 (вытянутое) и погр. 90 (скорченное) (Хохлов, 2018. С.62).

Большой процент неординарных погребений со скипетрами, булавами и жезлами позволяет обратиться к вопросам изучения социального статуса захороненных в этих погребениях людей.

Решая вопрос о культурной принадлежности могильника Екатериновский мыс, отметим, что наличие скорченных костяков значительно расширяет круг аналогий. Прежде всего, следует подчеркнуть его близость с могильником у с. Съезжее (Васильев, Матвеева, 1979). Она проявляется в грунтовом характере могильников, вытянутом на спине положении и ориентировках погребенных, инвентаре, наличии жертвенных площадок с развалами сосудов, широком применении охры, инвентаре из камня, кости и рога, речных и морских раковин, технико-технологических и типологических характеристиках керамики. Эта близость носит системный характер. Разрушенный Ивановский могильник не дает возможности для сравнения погребального обряда, но каменные кольца и кольца-браслеты, бусы из раковин, ножевидные пластины, каменная булава, топорик (Моргунова, 1979. С. 16–17) близки инвентарю могильника Екатериновский мыс. Значительное сходство прослеживается также с материалами нижневолжского могильника Липовый овраг (Васильев, 1985), могильников Подонья, Приазовья, Поднепровья: Голубая Криница (Скоробогатов, 2016), Мариупольский (Макаренко, 1933), Никольский, Ясиноватский, Вильнянский, Вовнигский 2, Осиповский (Телегин, 1991) и др. В то же время различия в погребальном обряде, инвентаре, керамике прослеживаются здесь более рельефно. Таким образом, при имеющихся различиях материалы степных могильников мариупольского круга определяют основную линию аналогий.

Большой интерес представляет еще одна линия аналогий. Она включает нижнекамские могильники V Мелля-тамакский, Русско-Шуганский (Казаков, 2011. С. 35-47),

Мурзихинский II (Чижевский, 2008). Различия определяются особенностями ингумации, более широким спектром ориентировок нижнекамских погребений, применением огня в погребальном обряде, более многочисленными и разнообразными орудиями из кремня, включая наконечники и вкладыши из ножевидных пластин, типологически иной керамикой.

Необходимо отметить близость материалов могильника Екатериновский мыс, особенно с учетом скорченных погребений, с материалами I Хвалынского могильника (жертвенные площадки, охра, каменные и раковинные бусы, костяные кольца, каменный браслет, кремневые пластины, тесла, изделия из клыка кабана) (Агапов и др., 1990. С. 98–126, 128–132). В этом плане стоит обратить внимание на втульчатые скипетры-клевцы I Хвалынского могильника (Агапов и др., 1990. С. 120, рис 24, *1, 3*), определенное сходство с которыми проявляется в скипетре с боковыми выступами из Екатериновского мыса. Многие из отмеченных признаков сближают могильник Екатериновский мыс также с Хлопковским могильником (Малов, 2008. С. 79–128). Орнаментированные пластины-пекторали из клыка кабана, каменные кольца и браслеты, каменные и раковинные бусины, кремневые пластины и наконечник с выемчатым основанием, подвески из костей и зубов животных находят аналогии в Нальчикском могильнике (Круглов и др., 1941). Определенное сходство просматривается и с материалами исследуемого в последние годы на р. Самаре могильника Максимовка I (погребения в положении скорченно на спине и сидя, охра, каменные и раковинные бусы, пронизки из кости, резцы сурка) (Шалапинин, Королев, 2020).

Вопросы хронологии могильника пока находятся на стадии разработки. Полученные ^{14}C даты распадаются на две неравные группы. Первую составляют 14 ^{14}C-AMS дат, выполненных по костям человека, и расположившихся в промежутке от 6500 до 6190 BP. Они, с одной стороны, подтверждаются датой по керамике SPb-2252 – 6372±100 BP, а с другой, оставляют место для сомнений из-за возможного резервуарного эффекта. Во второй группе пока две даты. Первая, по керамике SPb-2251 – 5673±120 BP, подкрепляется практически совпадающей с ней AMS датой, полученной по кости животного. Предварительные результаты датирования подкрепляют предположение о промежуточном положении могильника между более ранними памятниками мариупольского типа и хвалынскими материалами.

Таким образом, могильник Екатериновский мыс является важнейшим источником в решении ряда насущных вопросов археологии энеолита Поволжья. Он заполняет существовавшую лакуну между наиболее ранними материалами мариупольского круга Съезжинского могильника и материалами хвалынской культуры и хорошо вписывается в основную линию развития средневолжского энеолита, занимая промежуточное положение между степными и южными лесными материалами. Могильник содержит обширные данные, позволяющие, обратиться к вопросам изучения социального развития, первобытного искусства, религиозных верований.

Список литературы

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990. 159 с.

Васильев И.Б. Могильник мариупольского времени в Липовом Овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. Отв.ред. Г.И.Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 3–19.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // СА. 1979. №4. С. 147–166.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология, №1 (27). 2019. С. 33–46.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань: Фолиантъ, 2011. 180 с.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский мыс // ПА. №3 (25). 2018. С. 58–67.

Королев А.И., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013–2016 гг.) // ПА, №1 (27). 2019. С. 18–32.

Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. Могильник в г.Нальчике // МИА. № 3. М.–Л., 1941. С.67-147.

Макаренко М. Маріюпільский могильник. Київ: ВАН, 1933. 151 с.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008. С. 32–134.

Моргунова Н.Л. Ивановская дюна на реке Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, КГПИ, 1979. С. 15–20.

Скоробогатов А.М. Раскопки грунтового могильника мариупольского типа // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015. Липецк, 2016. С. 59.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев: Наукова думка, 1991. 96 с.

Хохлов А.А. Предварительные результаты исследования палеоантропологических материалов грунтового могильника энеолита Екатериновский мыс (по раскопкам 2014–2017 гг.) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГСПУ; Порто-принт, 2018. С. 78–79.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.

Шалапинин А.А., Королев А.И. Итоги раскопок грунтового могильника Максимовка I в 2019 г. // Археологические открытия в Самарской области 2019 года. Самара, 2020. СНЦ. С. 15–16.

Энеолитические погребения грунтового могильника Максимовка I

© *2020 г. А.И. Королев (arkorolev@gmail.com), А.А. Шалапинин*

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ

Аннотация. В работе дается характеристика энеолитических погребальных комплексов, полученных в результате работ 2017–2019 гг. на грунтовом могильнике Максимовка I. За три полевых сезона изучено четыре погребения, относящихся к эпохе энеолита. Эти погребения имеют широкий круг аналогий в материалах среднего и позднего энеолита Среднего и Нижнего Поволжья, а также Нижнего Прикамья.

Ключевые слова: энеолит, грунтовый могильник Максимовка I, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

Грунтовый могильник Максимовка I располагается на левом берегу р. Съезжая в Богатовском районе Самарской области. Памятник был выявлен В.А. Цибиным в ходе разведочных работ в 2017 г. При осмотре почвенных обнажений были обнаружены фрагменты костей человека и каменные орудия. В заложенном на этом участке шурфе было обнаружено погребение энеолитического времени (Цибин, Шалапинин, 2019. С. 6–11). В результате проведенных на памятнике раскопок в 2018–2019 гг. были изучены погребения, относящиеся к эпохам энеолита, средней бронзы, средневековья. Культурный слой содержит также материалы неолита и поздней бронзы. В данной работе рассмотрены погребения №№ 1, 3, 8, 9 эпохи энеолита.

Погребение № 1 включает три костяка, принадлежавшие взрослым людям (Цибин, Шалапинин, 2019. С. 6–11). Погребенные располагались в ряд по линии СЗ-ЮВ. Костяк № 1 находился в юго-восточной части захоронения. Он располагался на спине, ориентирован на северо-восток. Кости ног согнуты в коленных суставах, и завалились вправо. Верхняя часть скелета сильно разрушена, фрагменты черепа находились в районе грудной клетки и таза. Около коленного сустава левой ноги располагался кремневый скребок, к юго-востоку от него лежал каменный ретушер, а к югу от таза два наконечника. Костяк № 2 располагался в центре захоронения, и также ориентирован на северо-восток. Скелет находился на спине, кости ног согнуты в коленных суставах и завалились вправо. Череп располагался между костями таза и грудной клеткой. Кости рук вытянуты вдоль тулова. В области правого плеча обнаружена подвеска из песчаника, около левого плеча находился обломок наконечника. К югу от него была обнаружена кремневая проколка, а южнее тазовых костей найдено костяное орудие. Костяк № 3 находился в северо-западной части захоронения и также был ориентирован головой на северо-восток. Погребенный лежал на спине, кости ног, согнутых в коленных суставах, завалились влево. Череп располагался в районе грудной клетки. Кости рук немного согнуты в локтях и вытянуты вдоль тулова. Между костяками № 2 и № 3 был обнаружен фрагмент неорнаментированной стенки сосуда.

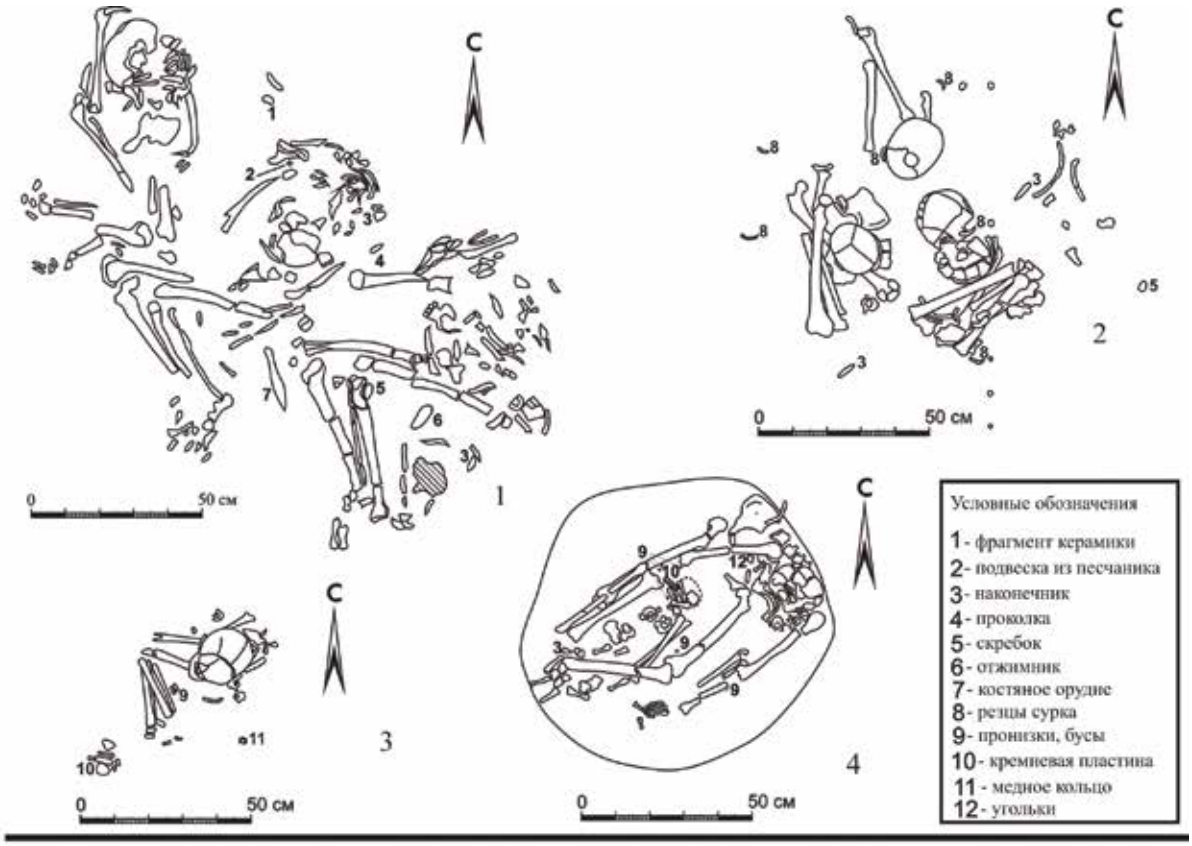
Погребение № 3 детское. Костяк был ориентирован головой на северо-восток. Кости ног были согнуты в коленных суставах и завалены вправо. Череп расположен на костях грудной клетки и таза. Погребение было посыпано охрой темного оттенка. Около костей ног находились две пронизки из трубчатых костей мелкого животного. К юго-западу от костяка располагались коленная чашечка, покрытая охрой и кремневая пластина с ретушью. При разборе погребения под черепом была обнаружена костяная подвеска, а рядом в пятне норы медное (?) кольцо с разомкнутыми концами.

Погребение № 8 включало в себя четыре черепа с расположенными около них компактными кучками костей скелетов взрослых людей. Череп первого индивида в верхнем ярусе находился основанием вниз и имел сквозное отверстие округлой формы в лобно-теменной части. Несколько глубже него были выявлены черепа и кости скелетов второго и третьего индивидов. Еще глубже располагался череп и компактно сложенные кости четвертого индивида. Его кости ног в коленном суставе сохранили анатомическое положение. На этом уровне проявились края овальной могильной ямы. Заполнение ямы было окрашено охрой. Погребальный инвентарь содержал орнаментированное нарезками костяное острие, бусины и пронизки из раковин, бусину из камня красного цвета, бисер, два наконечника стрел, скребок, резцы сурка.

Погребение № 9 представлено костяком взрослого человека в сидячем положении, ориентированного головой на северо-восток. Могильная яма имела овальную в плане форму. Кости ног были согнуты в коленных суставах, расположены коленями вверх и ступнями упирались в юго-западную стенку ямы. Кости таза и позвоночника располагались вплотную к северо-восточной стенке ямы. Над ними находился череп. Кости левой руки вытянуты вдоль костей ног. Плечевая кость правой руки лежала в направлении коленного сустава правой ноги, а кости предплечья частично находились под костями левой ноги. В погребении обнаружен бисер, обломок кремневого наконечника стрелы, кремневая пластина.

Изученные погребения имеют ряд общих черт, которые позволяют отнести их к одному культурно-хронологическому горизонту. Общим признаком для погребений №№ 1, 3, 9 является ориентировка костяков на северо-восток. Скелеты из погребений №№ 3, 9 были погребены в позе сидя с использованием охры. Расположение черепов и костей верхней части скелетов из погребения 1 позволяет предположить, что голова и верхняя половина тела погребенных находились в приподнятом положении. Инвентарь захоронений содержит однотипные находки: в погребениях №№ 1, 8 наконечники стрел листовидной формы с зауженным основанием и прямым насадом; в погребениях №№ 3, 9 найдены кремневые пластины с ретушью, в погребениях №№ 3, 8, 9 – бисер, пронизки, раковинные бусины.

Рассмотренные материалы находят аналогии в погребальном обряде и инвентаре I Хвалынского могильника. Здесь были изучены коллективные погребения (Агапов и др., 1990. С. 31), погребения с костяками в позе сидя и полусидя (Агапов и др., 1990. С. 41, 46, 51), вторичные погребения «кучкой» (Агапов и др., 1990. С. 29, 46, 48). Могильники сближает также применение охры и погребальный инвентарь (медные кольца, орудия на пластинах, бусы,



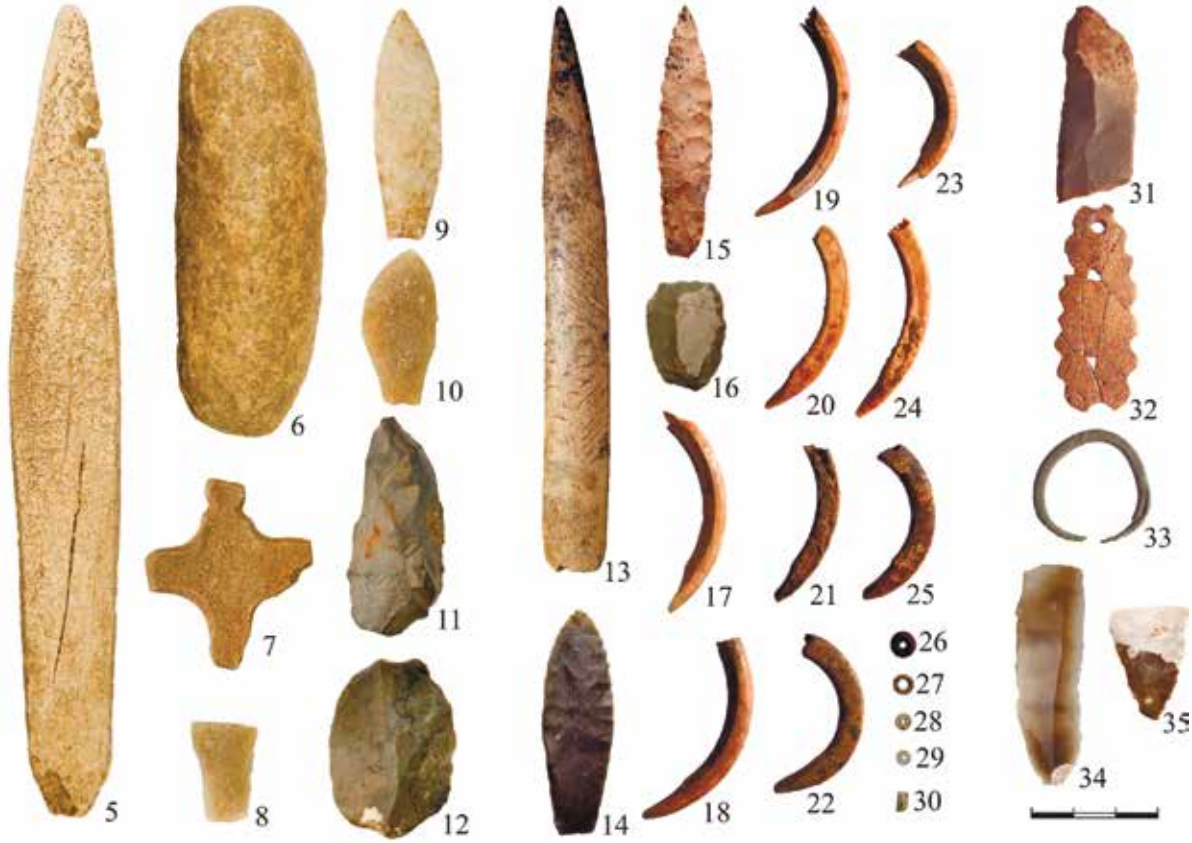


Рис. 1. 1 – погребение № 1, 2 – погребение № 8, 3 – погребение № 3, 4 – погребение № 9, 5 – костяное орудие из погребения № 1, 6- каменный отжимник из погребения № 1, 7 – подвеска из песчанника из погребения № 1, 8 – обломок наконечника из погребения № 1, 9–10– наконечники стрел из погребения № 1, 11 – проколка из погребения № 1, 12 – скребок из погребения № 1, 13 – костяное острие из погребения № 8, 14–15 – наконечники стрел из погребения № 8, 16 – скребок из погребения № 8, 17–25 резцы сурка из погребения № 8, 26–30 – бусы из погребения № 8, 31 – пластина с ретушью из погребения № 3, 32 –костяная подвеска из погребения № 3, 33 – медное кольцо из погребения № 3, 34 – пластина из погребения № 9, 35 – обломок наконечника стрелы из погребения № 9.

пронизи и др.). Существенным отличием могильника Максимовка I является то, что керамика в погребениях пока не обнаружена. Погребения, окрашенные охрой, в виде «пакета», скорченно на спине, полусидя, орудия из ножевидных пластин, изделия из кости, резцы сурка, известны в могильнике Екатериновский мыс (Королев и др., 2018. С. 40). К числу близких территориально аналогий относятся погребения с поселения Лебяжинка V. Погребение № 9 содержит скорченный на спине скелет, погребение № 12 коллективное, включает скелеты пяти человек, один из них в скорченном положении, еще один – «пакетом». Присутствуют окраска охрой, резцы сурка в инвентаре (История Самарского Поволжья, 2000. С. 219–220). Время погребений на поселении Лебяжинка V определяется средним этапом энеолита (Шишлина и др. 2017. С. 199). Аналогии более позднего времени прослеживаются на Мурзихинском II могильнике (Чижевский, 2008. С. 367–371). Здесь также изучены погребения в позе сидя и погребения, включающие несколько фрагментов скелетов и черепов. Выявлены на этом памятнике медные кольца и костяные предметы, в том числе прямая аналогия находке погребения № 3 из Максимовки – костяная подвеска. Наблюдается определенная связь Максимовского могильника и с территорией Нижнего Поволжья. Здесь в комплексах прикаспийской культуры, материалах алтатинского типа распространены наконечники стрел с выемчатым и прямым насадом (Юдин, 2012. С. 135, рис.17, 10–26; 136, рис. 16, 3–14; 156, рис. 38, 2; 163, рис. 45, 17–22; 199, рис. 81).

В заключение необходимо отметить, что материалы могильника Максимовка I имеют большое значение для изучения слабо представленного погребальными памятниками периода среднего и позднего энеолита лесостепного Поволжья. Определение культурной атрибуции памятника, как и уточнение его хронологии пока преждевременно.

Работа выполнена при поддержке РНФ: (проект № 19–78–10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)»

Список литературы

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: СГУ, 1990. 160 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Л.В. Кузнецова, А.А. Ластовский, А.Е. Мамонов, А.А. Выборнов, И.Б. Васильев, Н.В. Овчинникова, А.А. Хохлов: гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. 223 с.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Результаты новых исследований могильника Екатериновский мыс // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием 8–11 октября 2018г. Самара: СГСПУ, 2018.С.40–42.

Цибин В.А., Шалапинин А.А. Погребение эпохи энеолита грунтового могильника Максимовка I из Самарского Заволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 6–17.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.

Шишлина Н.И., Турецкий М.А., ван дер Плихт Й. Радиоуглеродное датирование образцов из могильника Лебяжинка V эпохи энеолита: верификация и интерпретация данных // Известия СНЦ РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 196–202.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит Степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 212 с.

Проблема выделения ритуальных «кладов» на стоянке Сахтыш I

© 2020 г. Е.Л. Костылёва (elkos-ty-le-va@mail.ru)

Ивановский государственный университет, Иваново, РФ

Аннотация. Анализ старых коллекций кремневых артефактов из раскопок Д.А. Крайновым в 1960–70-е гг. многослойной торфяниковой стоянки Сахтыш I (Ивановская область) позволил выявить кремневые орудия и отходы производства со следами воздействия огня. Сравнение их с материалами других памятников позволило определить их как ритуальные погребальные «клады». Основное отличие их от мастерских, где применялась тепловая обработка кремня, – расположение вблизи захоронений «волосовцев».

Ключевые слова: волосовская культура, Сахтыш, ритуальные «клады», тепловая обработка кремня.

Финальный этап развития волосовской культуры (энеолит лесной полосы центральной России) ознаменован созданием ритуальных «кладов» орудий и украшений. Такие «клады» были обнаружены в пределах Нижегородской, Рязанской, Ярославской и Ивановской областей на стоянках Волосово, Велетьма, Володары, Панфилово, Владычино, Ивановское III, Сахтыш II, VIII (Костылева, Уткин, 2011).

Наибольшее количество «кладов» было зафиксировано на специальных ритуальных площадках могильника Сахтыш II (более двух десятков). Около десяти «кладов» было выявлено на стоянке Сахтыш VIII, однако они были связаны не с захоронениями, как на Сахтыше II, а с жилищами, и являлись, видимо, «закладными» (Костылева, Уткин, 2015).

Нами была предпринята попытка выявить подобные «клады» и среди старых коллекций многослойной стоянки Сахтыш I. Памятник исследовался Д.А. Крайновым 12 лет (1962–1966, 1970–1975, 1981 гг.). В результате полевых работ было получено огромное количество разнообразной керамики, вещей из кремня, камня, кости, рога, дерева, а также были исследованы остатки нескольких жилищ и 15 погребений. Опубликована была лишь незначительная часть материалов: это – погребения (Крайнов, Уткин, 1991; Костылёва, Уткин, 2010), одно жилище (Крайнов,

1984) и наиболее яркие артефакты (Крайнов, 1987; Ошибкина и др., 1992).

Критерии выделения «кладов»

При определении возможной принадлежности находок из раскопок Сахтыша 1 к «кладам», мы учитывали особенности таковых в «кладах» со стоянок Сахтыш II и Сахтыш VIII. Прежде всего, это достаточно компактное расположения предметов на поверхности или в специальных ямках на площади раскопа, их связь с погребениями или жилищами, присутствие на артефактах следов воздействия огня, в результате чего они часто разрушались, а кремень и кость меняли цвет.

Характер источников

Основными источниками работы послужили архивные материалы (научные отчеты Д.А. Крайнова и описи предметов), а также коллекции, хранящиеся в археологическом музее ИвГУ и Ивановском областном историко-краеведческом музее. Сложность работы с источниками связана с недостаточной документированностью расположения артефактов на планах раскопов и их суммарным описанием в отчетах. В связи с этим основное внимание нами уделялось выявлению в коллекциях артефактов со следами термического воздействия и локализации их на планах.

Основные результаты работы

1. Изучение архивных материалов и коллекций позволило установить связь кремневых предметов со следами воздействия огня, с погребениями волосовской культуры. Они, видимо, входили в состав погребальных «кладов», расположенных на ритуальной площадке рядом с захоронениями людей. Некоторые из захоронений оказались полностью разрушены. То, что первоначально в раскопе 3-б 1970 г. интерпретировалось как мастерская (Крайнов, 1970), несомненно, является ритуальной площадкой с «кладами». При этом мы не исключаем, что вещи, предназначенные для сопровождения умерших в иной мир («клады»), могли изготавливаться на ритуальной площадке. Однако вряд ли следы теплового воздействия на кремневых артефактах обусловлены целью облегчения расщепления и улучшения качества кремня. Подобная технология отмечалась на хронологически близких материалах стоянки Угдым I на Средней Вычегде (Карманов, 2015; Карманов, 2019, Карманов, Гиря, 2018). На Сахтыше I же, вне зоны основной массы захоронений, примерно в 100 м к востоку от них на участке, находившемся на окраине памятника, ближе к реке, располагалась обычная «домашняя» мастерская «волосовцев». В пределах ее многочисленные отходы производства, заготовки и орудия из преимущественно использовавшегося «волосовцами» желтого кремня не несли следов теплового воздействия.

Аналогичную картину можно было наблюдать и на стоянке Сахтыш II, где среди захоронений «волосовцев» и вблизи их на двух ритуальных площадках располагалось около двух десятков «кладов», состоявших как из кремневых вещей, так и костяных/роговых, подвергшихся тепловому воздействию в результате разведения над ямками с «кладами» и рядом с ними костров. При этом кремневые вещи часто растрескивались и меняли свой цвет с желтого на красный, бордовый, черный (в зависимости от степени воздействия тепла или прямого огня). Предметы из кости/рога также меняли свой естественный цвет на черный, серый, белесый и распадались на отдельные части. Домашняя мастерская находилась примерно в 20 м к западу от ритуальных площадок на берегу реки. Предметы, связанные с ней, не несли следов термического воздействия, и кремень сохранял свой желтый цвет. В пользу того, что при изготовлении орудий для «кладов» не использовалась тепловая обработка кремня, говорит и факт наличия в одном из них кремневых орудий без каких-либо следов воздействия тепла. Этот «клад» находился в сосуде (или был накрыт сосудом), и поэтому кремень сохранил свой естественный желтый цвет.

На основании вышеизложенного мы приходим к заключению, что кремневые предметы со следами термического воздействия на стоянке Сахтыш I, так же, как и на стоянках Сахтыш II и VIII, связаны не с технологией производства орудий, а с ритуальной практикой.

2. Наличие на площадке со скоплениями обожженных предметов развалов волосовских сосудов, костей медведя (череп, челюсти и др.), фигурного кремня – неотъемлемых атрибутов ритуальных площадок на Сахтыше II, также говорит о том, что она связана с погребальными ритуалами.

3. Можно предположить, что могильник «волосовцев» на стоянке Сахтыш I более поздний, чем на Сахтыше II. Прекращение функционирования кладбища на Сахтыше II, видимо, было связано с какой-то трагедией, нашедшей отражение в массовом захоронении (около 20 костяков). После этого погребения совершаются на Сахтыше I. Состав «кладов», как по ассортименту, так и по количеству инвентаря, заметно обедняется. В них уже нет таких артефактов, представленных в погребальных «кладах» Сахтыша II, как роговые клювовидные орудия, которые мы склонны считать орудиями лова (Костылёва, Мацане, 2018), ретушеры, гарпуны. Основные их составляющие: заготовки орудий, наконечники стрел и дротиков, скребки, долота.

Таким образом, на Сахтыше I имелась ритуальная площадка с «кладами», расположенная вблизи погребений. Время функционирования ее может соответствовать дате, полученной из волосовского культурного слоя: 4060±60 л.н. (Ле-1023) (Костылёва, Уткин, 2010. С. 13).

Список литературы

Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на Средней Вычегде // ТАС. Тверь: Триада, 2015. Вып. 10. Т.1. С. 313–324: ил.

Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15 (3). С. 28–46: ил.

Карманов В.Н., Гиря Е.Ю. Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IБ (Средняя Вычегда, Республика Коми) // ПА. 2018. № 3 (25). С. 139–155: ил.

Костылёва Е.Л., Мацане А. Орудия рыбной ловли из ритуальных «кладов» волосовской культуры со стоянки Сахтыш II Центральной России // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского / Под ред. О.В. Лозовской, А.А. Выборнова и Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 144–148: ил.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: хро-

нологические и планиграфические структуры. М.: ТАУС, 2010: ил.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // ТАС. Тверь: Триада, 2011. Вып. 8. Т. I. С. 340–360.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Волосовские «клады» стоянок Сахтыш II и Сахтыш VIII: планиграфия, структура, значение // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Виктора Петровича Третьякова / под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 109–114: ил.

Крайнов Д.А. Раскопки стоянки Сахтыш I // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1970 год. // Архив ИГИКМ. Фонды археологии. 07–3/58.

Крайнов Д.А. Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I // КСИА. 1984. Вып.177. С. 41–47: ил.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР: эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 10–28: ил.

Крайнов Д.А., Уткин А.В. Погребения на стоянке Сахтыш I // КСИА. 1991. Вып. 203. С. 73–78: ил.

Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992. С. 68–111: ил.

Особенности ранненеолитических могильников в устьях рек Белая и Китой (Южное Приангарье)

© 2020 г. ***К.А. Крутикова*** *(kseniya_krutikova@mail.ru),* ***И.М. Бердников, Н.Е. Бердникова***

Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ

Аннотация. Представлены результаты анализа географически близких могильников раннего неолита в устьях рек Белая и Китой, которые на основании радиоуглеродного датирования соотносятся с поздним этапом китойской традиции захоронений и выделяются на фоне других китойских могильников Прибайкалья. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что население, оставившее захоронения в устьях рек Белая и Китой, могло состоять из нескольких близкородственных групп большой китойской общности, отличия которых от других групп китойского населения обусловлены локальными и хронологическими особенностями.

Ключевые слова: Южное Приангарье, погребения, ранний неолит, китойская традиция захоронения.

История изучения ранненеолитической китойской традиции захоронения насчитывает уже 140 лет. За время исследований открыто семь могильников и несколько отдельных погребений, которые расположены преимущественно в устьях ангарских притоков (рек Китой, Иркут, Белая) и на южном побережье оз. Байкал. Несмотря на общие признаки погребального обряда, часть комплексов обладает рядом особенностей, вследствие чего особую актуальность приобретают исследования локальных вариантов китойской традиции. Целью настоящего исследования является анализ специфики китойских могильников в устьях рек Белая и Китой.

Могильники в устье р. Белой

Могильники усть-бельского участка расположены в устье р. Белой, левого притока р. Ангары, в 110 км вниз по течению от г. Иркутска. Здесь в общей сложности обнаружено 24 китойских погребальных комплекса, включающих антропологические останки 34 индивидов. Погребения Усть-бельского могильника (10 комплексов) находились на левом приустьевом участке, в юго-западной части местонахождения Усть-Белая, в зоне причленения первой надпойменной террасы к более высокой наклонной поверхности (Георгиевская, 1989. С. 69). Еще одно разрушенное китойское погребение обнаружено на ангарском берегу. На противоположном берегу р. Белой найдено 13 комплексов: 4 – на 5-метровой пойме местности Шумилиха, еще 9 – на 9-метровой террасе в местности Галашиха (Бронзовый век ..., 1981. С. 7; Окладников, Конопацкий, 1984; Бердникова, Ветров, 2000. С. 45).

Умершие на усть-бельском участке в 11 случаях погребены головой на северо-запад, в 6-ти – на юг, в 2-х – на восток и еще в 2-х – на запад. В непотревоженных могилах погребенные находились в вытянутом положении на спине. Захоронения Галашихи сопровождаются ямами, возможно, ритуального назначения (Бердникова, Ветров, 2001. С. 46). Выделяются комплексы с многочисленным сопроводительным инвентарем и уникальными находками. Особое внимание привлекают погребения № 2, 3 1977 г. и № 1 1999 г. с Шумилихи (Окладников, Конопацкий, 1984. С. 20–26; Бердникова, Ветров, 2000. С. 47). В последнем обнаружено более 200 находок, среди которых изделия из белого нефрита (кольцо и пронизка), браслеты из пастовых бусин, предметы из кости, в том числе ложка. В погребении № 2 1977 г. найдены костяные подвески и зооморфные скульптурки, служившие, судя по всему, украшениями головного убора, бусины и костяные игольники с орнаментом. В состав сопроводительного инвентаря парного захоронения № 3 1977 г. входят костяные ложки, орнаментированные игольники, подвеска из белого нефрита, два диска из мрамора, украшения из перламутра и клыков кабана и пастовые бусины.

Могильники в устье р. Китой

В устье р. Китой (70 км от г. Иркутска ниже по течению р. Ангары) известно 31 китойское погребение с останками по меньше мере 35 индивидов. 23 из них относятся к Китойскому могильнику, который расположен на невысоком мысовидном участке левого берега р. Ангары (левый берег старого русла р. Китой) (Витковский, 1887. С. 264). Остальные 8 комплексов обнаружены приблизительно в 2 км выше по течению р. Ангары от Китойского могильника в местности Ярки на 8–5-метровой террасе (Хороших, 1979. С. 83; Окладников, 1974. С. 49).

В устье р. Китой умершие ориентированы головой преимущественно на север (20 могил), еще в 6 случаях зафиксирована южная ориентировка (Витковский, 1887). В 4 захоронениях ее определить не удалось. В одном парном комплексе умершие расположены по правилу антитезы. В большинстве случаев погребенные находились в вытянутом на спине положении, однако встречены и другие вариации, такие как вытянутое на животе, вытянутое на левом

боку, вытянутое на спине с подогнутыми ногами положения и сидячая поза (все по одному случаю). На территории Китойского могильника обнаружены и 2 ямы с сопроводительным инвентарем, которые можно интерпретировать как ритуальные.

В неординарном захоронении мужчины, похороненного сидя, помимо каменных и костяных орудий найдены ложка из кости, 5 скульптурных изображений птиц и лося, подвески из зубов марала (Хороших, 1979. С. 84–85). Другое погребение женщины, обнаруженное П.П. Хороших, также можно отнести к неординарным. В коллекции его предметов отмечены две пронизки из белого нефрита, костяная ложка и украшение из клыка кабана (Там же. С. 84). Еще пять погребальных комплексов (погр. № 3, 6, 16 и 19 из раскопок Н.И. Витковского и № 6 из раскопок Г.А. Максименкова) отличаются количеством и разнообразием погребального инвентаря (Витковский, 1887. С. 51–61).

Скорректированные радиоуглеродные даты для рассматриваемых могильников расположены в диапазоне 6344±74 – 6028±74 ^{14}C л.н. (Weber et al., 2016. P. 80–85), что делает их достаточно близкими в хронологическом плане. Датирование других китойских могильников, таких как Локомотив и Шаманка II (первая хронологическая группа), демонстрирует более древний возраст.

Все охарактеризованные комплексы обладают большей частью признаков китойской погребальной традиции, но при этом имеют ряд существенных отличий. Часть захоронений имеет нетрадиционную для китойцев ориентировку умерших по сторонам света. Особенно ярко это выражено на могильнике Галашиха, где она различна практически во всех случаях. Отметим также, что на Усть-бельском могильнике доминирует северо-западная ориентировка погребенных, в то время как для подавляющей части захоронений китойцев типичной является северо-восточная.

На территории всех указанных могильников обнаружены неординарные могилы с многочисленным инвентарем и уникальными предметами. Не обнаружено могил с последовательным подхоронением умерших и ярусных комплексов с прослоями грунта между погребенными, которые являются характерными для могильников Локомотив и Шаманка II (Базалийский, 2012. С. 66).

Особый интерес вызывает выбор ранненеолитического населения мест для обустройства могильников. Все комплексы расположены на относительно высоких отметках, хотя и ниже, чем могильники Локомотив и Шаманка II (Базалийский, 2012. С. 66). По мнению Н.И. Витковского, Китойский могильник в древности мог быть островом (как минимум в период половодья) (Витковский, 1987. С. 279). То же самое можно сказать и о Шумилихе.

Могильники в устьях рек Белая и Китой обладают рядом общих черт и особенностей, среди которых: выбор места для погребений; аналогии в категориях инвентаря; близость некоторых характеристик погребального обряда; наличие отдельных богатых инвентарем захоронений и изделий из белого нефрита; поздний возраст; нетрадиционная ориентировка некоторых захоронений; наличие объектов, вероятно, ритуального назначения. Указанные особенности могут быть объяснены хронологической и географической близостью могильников. Нам представляется, что население, оставившее захоронения в устьях рек Белая и Китой, могло состоять из нескольких близкородственных групп (родов?) большой китойской общности. Могильники, судя по всему, выступали в качестве своеобразных маркеров территорий их расселения по рекам Белая и Китой – левых (саянских) притоков р. Ангары, изобилующих в среднем голоцене разнообразными ресурсами, в том числе рыбой (основой рациона китойцев) и нефритом, который широко использовался ранненеолитическим населением Южного Приангарья для изготовления орудий и некоторых украшений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075–15–2019–866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Список литературы

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита–неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия лаборатории древних технологий. 2012. Вып.9. С. 43–101.

Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха: Сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Свинин. Иркутск: Иркут. ун-т, 1981. 108 с.

Витковский Н.И. Отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии в 1881 году // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. 1887. С. 264–277.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск: НАУКА, 1974. 317 с.

Окладников А.П., Конопацкий А.К. Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре (по материалам раскопок 1977 г.) // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск,1984. С. 18–35.

Хороших П.П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки // Изв. СО АН СССР. Вып. 2. № 6. С. 83–88.

Weber A.W., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. № 419. С. 74–98.

Позднемезолитический и ранненеолитический кремневый инвентарь Марийского Поволжья

© 2020 г. А.С. Кудашов (aleksandr.kudashov@gmail.com)

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу кремневого инвентаря позднего мезолита и ранненеолитических стоянок Марийского Поволжья. Приводятся сравнительные данные. Определяется особенное в коллекциях двух стыкующихся эпох. Делается предположение о вживании пришлого неолитического населения в среду лесного Среднего Поволжья и местных коллективов. Данный процесс был постепенным и включал определенные переходные явления.

Ключевые слова: поздний мезолит, ранний неолит, кремневый инвентарь, Среднее лесное Поволжье.

Невозможно представить изучение каменного века без анализа комплекса кремневых орудий. Стоит отметить, что в Марийском Поволжье большинство памятников неолита многослойные, а потому и залегание кремня в различных слоях непросто отнести к конкретной керамике. Однако, ни на одном мезолитическом памятнике региона до сих пор не было обнаружено ранненеолитической керамики (за исключением редких случаев нахождения нескольких фрагментов поздненеолитической керамики в слое дерна). Кроме того, не прослежено перекрытия мезолитических слоев ранненеолитическими – что крайне важно для объективного сравнения комплексов.

Мезолит Марийского Повольжья представлен русско-луговской культурой (Никитин, 2018). К раннему неолиту принято относить поселения с неорнаментированной и с рядом ямок в верхней части сосуда керамикой, а также посуду орнаментированную наколами различных форм. Памятники располагаются на дюнах или останцах грив и береговых террас левобережной поймы р. Волги и ее притоков. Группы стоянок занимали определенный участок суши на некотором удалении от основного русла реки, при этом они обязательно были связаны с ним системой старичных озер и проток.

Сырьевые источники Среднего лесного Поволжья определили и общие материальные характеристики орудий и их заготовок. Для позднего мезолита и раннего неолита характерно использование местного валунного и желвачного кремня коричневого с оттенками и вишневого цветов. Встречаются также, но на порядок реже изделия на черном, сером, желтом и белом кремне. К примеру, на ранненеолитической стоянке Сокольный VII около 60 % кремня имеет коричневый с оттенками цвет, 30 % – серый с оттенками цвет, остальные 10 % представлены кремнем различных тонов. А на Сокольном XII – около 48 % кремня коричневого и вишневого цвета, серого и желто-серого цвета – 27,1 %, остальные бежевого, белого и черного цвета.

Интересно проследить использование различных заготовок для изготовления орудий позднемезолитическим и ранненеолитическим населением. Для первого характерен высокий процент орудий на пластинах, которые составляют на Русско-Луговском II поселении 53 % (на отщепах – 47 %), на Удельно-Шумецком X и XII 65 % и 51 % соответственно. В данном случае сосуществование двух групп населения в регионе подтверждается наличием большого количества пластин и на неолитических поселениях – на Дубовском III – 46,2 %, на Дубовском VIII – 54 %, на Отарском VI – 61 %. Однако, проявляются и ранние неолитические признаки. К таковым относятся наличие орудий небольших размеров на продольных и поперечных сколах с нуклеуса. На ранненеолитической стоянке Сокольный VII выявлено 57 экземпляров сколов, 17 из них служили заготовкой, что составляет 46 % от орудийного комплекса. Примерно такая же картина на стоянке Сокольный XII – всего найдено сколов 162, 51 скол использовали как заготовку – что составляет 43,5 % от всех орудий памятника.

Сближает комплексы позднего мезолита и раннего неолита и традиция вторичной обработки. Изделия, в основном, с нерегулярной односторонней ретушью, это характерно как для позднемезолитических, так и для ранненеолитических комплексов. Например, на Дубовском III подобная ретушь встречается в чуть более 50 % случаев. Большинство такого рода ретуши и на стоянках аборигенного населения (Никитин, 2018. С. 93–98). При этом, в редких случаях, отмечается и использование двусторонней ретуши среди обоих групп населения.

Типология орудий труда представлена следующими категориям. Скребки – заготовкой чаще всего выступал отщеп, а также поперечные или продольные сколы. Такая ситуация характерна для обеих сравниваемых эпох. Оформление лезвия в основном с торца, иногда заходит на боковые стороны, в весьма редких случаях по всему периметру. Коллекции памятников дают большое количество скребков концевых форм. Для ножей заготовками являются крупные плоские отщепы и пластины. Среди комплексов позднемезолитических памятников рабочая поверхность с односторонней ретушью. В то время как на ранненеолитических встречается сплошная двусторонняя ретушь среди ножей, например, такая ситуация на Дубовском III поселении (Никитин, 2011).

Проколки мезолитической эпохи Марийского Поволжья имеют выраженное жало, с круговой ретушью, иногда с ограничением плечиком. В данном типе орудий можно заметить появление бытующих в лесостепи у неолитических племен проколок с боковым жалом (Никитин, 2006. С. 256.). Наконечники местного мезолитического населения весьма разнообразные. Основная масса выделяемых наконечников изготовлена на основе пластины – ланцетовидные. Наконечники ромбические, черешковые, листовидные с ретушью по всему периметру и трапециевидные. В ранненеолитических комплексах отмечается наличие треугольно-черешковых (в том числе и заимствованных крупных мезолитических), пластинчатые наконечники с частичной обработкой пера и черешка, ромбических (на Отарском VI, к примеру, также часто встречающихся на мезолитических стоянках – Удельно-Шумецком X и других) листовидных наконечников.

Позднемезолитические резцы разнообразны – на углу пластин, на отщепах и фрагментах нуклеусов, при преобладании на углу пластины. Встречаются резцы в сочетании со скоблережущими орудиями. Ранненеолитиче-

ские коллекции также имеют угловые резцы на пластине и продольных сколах.

Стоит отметить наличие на памятниках ретушированных сечений пластин, что может свидетельствовать также и об использовании составных орудий как в раннем неолите так и в позднем мезолите.

Деревообрабатывающие орудия в позднемезолитическое время в Марийском Поволжье выявлены в большом количестве. Большинство из них сделано на сланце, доломите, песчанике и известняке. Высокий процент деревообрабатывающего инвентаря среди орудий труда в мезолите (от 3,5 % до 6 %) является характерной особенностью памятников Марийского региона. Среди орудий на чистой ранненеолитической стоянке Сокольный VII процент деревообрабатывающих орудий несколько ниже – 3 %. На других неолитических памятниках определить принадлежности деревообрабатывающие орудия к тому или иному комплексу достаточно сложно. Так как присутствие как неорнаментированной, так и накольчатой и ямочно-гребенчатой и волосовской керамики, залегающей на разных уровнях, не дает возможности точно указать на принадлежность подобных орудий именно к раннему неолиту. На многослойной стоянке Сокольный XII – деревообрабатывающих ок. 8 %, большая часть которых, вероятно, относится к ямочно-гребенчатому комплексу. Здесь прослеживается заинтересованность в индустрии у коллективов, проживавших в одинаковых условиях. Как редкий тип для позднего мезолита можно отметить лишь тесло из кремня с трапециевидным линзовидным сечением и зауженным и приостренным насадом. Такие орудия появляются в Марийском регионе с проникновением неолитического населения (Никитин, 1996. С. 106). Среди местных племен тесла выполнялись на доломите и сланце. Позднее, в ямочно-гребенчатых комплексах, кремневые трапециевидные тесла встречаются часто.

Заметным является процесс наступивших изменений в хозяйственно-экономической деятельности уже в позднемезолитическое время. Это отражается и в появившихся нововведениях в наборе каменного инвентаря: наличие различных видов деревообрабатывающих орудий, таких как топор, долото, тесло, клин, ложкари, достаточно крупные скобели. Данные виды орудий позволяют производить разнообразные операции с деревянным сырьем и последующей их обработкой, а также осуществлять их шлифовку. Совершенствование навыков работы с сырьем при применении широкого круга инвентаря отражалось и в наличии крупных поселков в позднем мезолите в Марийской низине. Долговременные поселки, состоящие из полуземлянок, в том числе укрепленных деревянными конструкциями, доходят до 9–10 изученных построек. При чем в 18,5 % случаев площадь жилища составляет 100 кв. м. и более (Никитин, 2002. С. 363–369).

Ранненеолитический кремневый комплекс Марийского Поволжья имеет достаточно четкие характеристики, отражающие материальную культуру целого ряда памятников. Местный невысокого качества кремень преимущественно коричневого, красного, вишневого, серого цветов; большое количество отходов производства в виде отщепов, чешуек, осколков, сколов и пр.; отщепово-пластинчатый характер заготовок; основной диапазон ширины пластин до 1,2 см; присутствие корки на изделиях, что говорит об изготовлении орудий на месте; практически полностью сработанные нуклеусы разных форм, что отражает нехватку сырья. Также присутствуют пластинчатые наконечники с частичной обработкой пера и черешка, а также применение краевой и крутой ретуши для оформления рабочих лезвий.

Определенные отличия от позднемезолитических материалов не исключают тот факт, что пришлые племена носители керамической традиции перенимали способы жизнедеятельности у аборигенов и осваивали местное сырье. Характер орудийного инвентаря и особенность физико-географического положения групп населения указывает на присваивающую форму хозяйствования с наличием охотничье-рыболовецкого промысла и собирательства. Переселенцы в раннем неолите, таким образом, продолжили развитие местной каменной индустрии, принеся с собой керамическую традицию лесостепного Поволжья.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19–78–10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)»

Список литературы

Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Труды МАЭ. Том IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада. 2006. Вып. 6. С. 254–259.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Труды МАЭ. Том IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья. // Труды МАЭ. Т.10. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 264 с.

Никитин В.В. Эволюция жилищ эпох камня и раннего металла в Марийском Поволжье // ТАС. Вып.5. Тверь. Ред. И.Н. Черных. ТГОМ. 2002. С. 363–369.

Гибридизация керамических традиций носителей ямочно-гребенчатой неолитической керамики на территории бассейна Верхнего Дона

© *2020 г. А.А. Куличков[1] (kulichckov.aleks@yandex.ru), Р.В. Смольянинов[2]*

[1] Экспертиза Черноземья, Липецк, РФ
[2] Археологические исследования, Липецк, РФ

Аннотация. Статья посвящена двум процессам гибридизации ямочно-гребенчатой керамики на территории Верхнего Дона. Первый из них связан с контактами населения среднедонской неолитической культуры, результатом которых стало появление накольчато-ямочной керамики. Второй – представлен керамикой ксизовского типа, появившейся на Верхнем Дону в результате взаимодействия между неолитическим населением, изготавливавшим ямочно-гребенчатую керамику и носителями энеолитической среднестоговской культуры.

Ключевые слова: ямочно-гребенчатая керамика, гибридизация, накольчато-ямочная керамика, среднестоговская культура, ксизовский тип.

В настоящее время на территории Верхнего Дона насчитывается 98 памятников, оставленных населением с ямочно-гребенчатой керамикой.

На сегодняшний день на территории бассейна Верхнего Дона известно 45 поселений с накольчато-ямочной посудой. Топографически все памятники располагаются в поймах рек, на останцах древних надпойменных террас. В меньшей степени они занимали невысокие края первой надпойменной террасы. Подавляющее большинство стоянок располагаются в бассейне р. Воронеж (рис. 1).

В целом, необходимо отметить, что численность керамических обломков с накольчато-ямочным орнаментом очень невелика: от трех – на поселении 1 у Первомайского лесничества до 250 – в раскопе 1 поселения Ксизово 6. Исключение составляют стоянки Университетская 3, с которой получены фрагменты от 34 сосудов и Липецкое Озеро – от 81.

Мы считаем невозможно выделить накольчато-ямочную керамику на стоянках Верхнего Подонья в какую-либо отдельную культуру или тип керамики, потому что до настоящего времени ни на одном из поселений не выявлен слой только с накольчато-ямочной керамикой. Возникновение подобной гибридной посуды отражает процессы мирного взаимодействия пришельцев из северного этнокультурного мира (носителей ямочно-гребенчатой традиции в орнаментации керамики) и автохтонного населения среднедонской культуры (накольчатая традиция). Не исключено, что подобное стало возможным из-за разной степени специализации в хозяйстве. При этом на разных памятниках доминировали разные группы населения (Смольянинов, 2009).

Время прихода в Верхнее Подонье неолитических племен льяловской культуры иллюстрируют радиоуглеродные даты, полученные по этой посуде со стоянок Ксизово 6 ВР 5820±130 (4995–4371) (Ki-13307), Ивница ВР 5840±90 (4932–4494) (Ki-16638), которые здесь сталкиваются с населением среднедонской культуры. Доказательством этого взаимодействия является появление примеси дресвы в накольчатой посуде, характерной для гребенчато-ямочной керамики. Но наиболее массово процесс гибридизации керамики происходит в первой половине IV тыс. до н. э. Подтверждением этого являются радиоуглеродные даты поселений Университетская 3 ВР 5080+125 (4250–3600 ВС) (Ле-1013), Подзорово ВР 4770+60 (3660–3490 ВС) (Ле-725) (Гурина, 1996) и Ямное ВР 4960±90 (3970–3630 ВС) (Ki-16635), ВР 4910±80 (3950–3620 ВС) (Ki-16637) (Сурков, Скоробогатов, 2012).

В результате контактов населения с ямочно-гребенчатой керамикой и среднестоговской культуры на Верхнем Дону появилась группа керамики ксизовского типа, название которой дано одним из авторов по наименованию памятника, где впервые она была выделена – Ксизово 6 (Смольянинов, 2019).

В настоящее время на территории Верхнего Дона насчитывается 20 памятников ксизовского типа эпохи энеолита (рис. 1). Единичные фрагменты подобной керамики встречаются на стоянках Среднего Дона.

Керамические коллекции ксизовского типа принципиально (технологически и визуально) отличаются от посуды эпох неолита–энеолита исследуемого региона. В совокупности получены фрагменты и развалы более 100 сосудов. Керамика выявлена не менее чем в шести сооружениях, где она залегала совместно с посудой среднестоговской культуры, а в одном случае еще и с ямочно-гребенчатой керамикой.

Преимущественно данная посуда орнаментирована горизонтальными рядами гребенчатого штампа разного размера и формы, реже косовертикальными рядами того же штампа, еще реже в виде шагающих мотивов. Кроме того, керамика украшалась наколами (где доминировал скобковидный), а также ямочными и ямчатыми вдавлениями. Очень большую роль в орнаментации играли вдавления, которые явно наносились пока нам неизвестными природными штампами, возможно, костями млекопитающих, птиц или рыб.

Керамика ксизовского типа имеет наибольшее количество разновидностей форм из всех неолито-энеолитических культур Верхнего Дона. Подавляющее большинство горшков профилированные, часть из них имела небольшой наплыв снаружи сосуда, по его краю, есть раструбовидные венчики. Также встречаются открытые и закрытые горшки, есть биконические формы. Все выявленные днища приостренные или округлые.

На наш взгляд, данный вид керамики не относится ни к одной из известных культур эпох неолита-энеолита бассейна Верхнего Дона и сопредельных территорий. Говорить о наделении этих материалов статусом культуры не представляется пока возможным: нет ни одного однослойного памятника; везде эта керамика залегает совместно с материалами среднестоговской энеолитической культуры; посуда выделяется только типологически. Есть только одно стратиграфическое наблюдение на поселении Ксизово 6 – там керамика ксизовского типа залегала чуть выше и совместно с материалами среднесто-

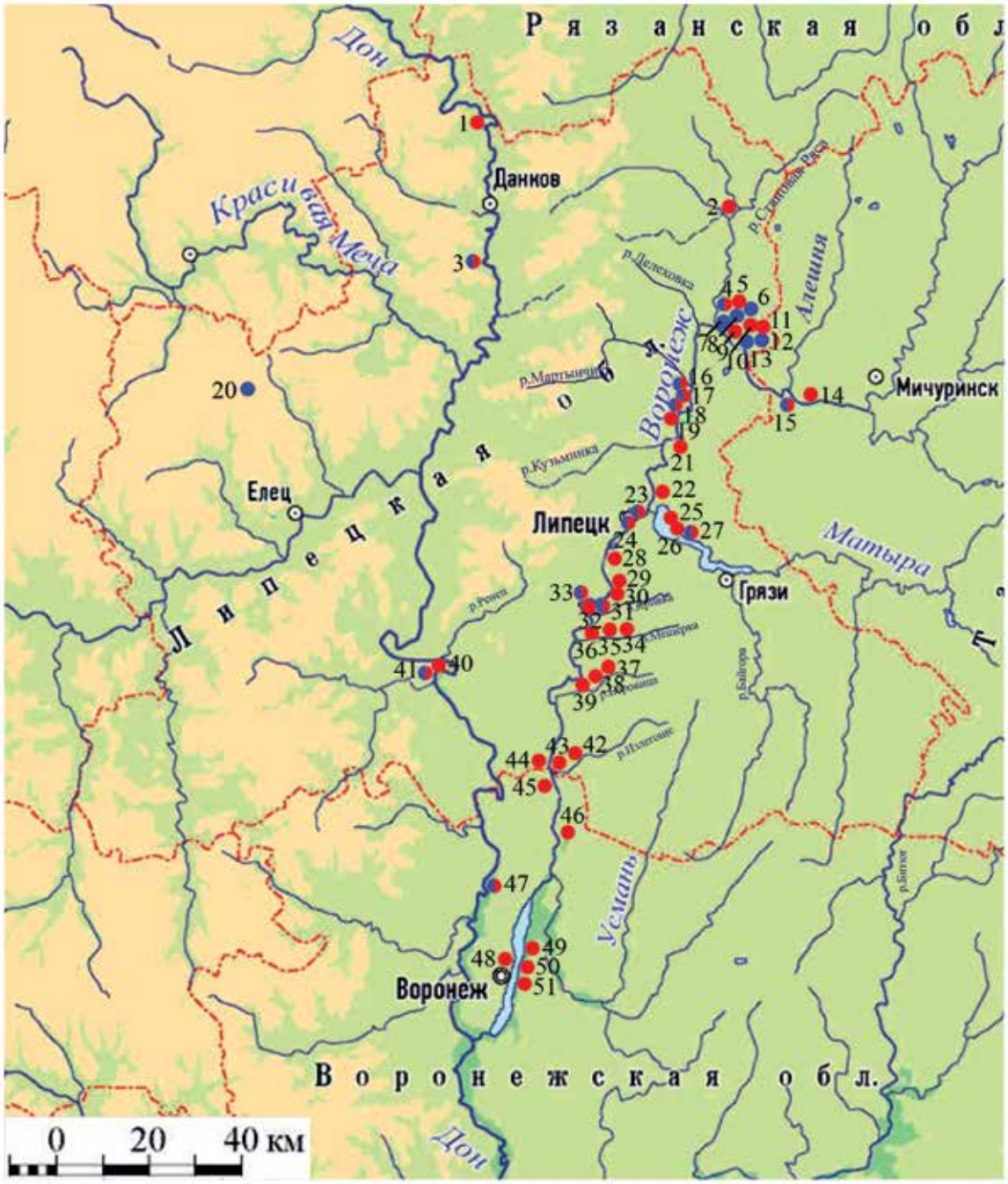


Рис. 1. Карта памятников с накольчато-ямочной и керамикой ксизовского типа бассейна Верхнего Дона: 1 – Долгое; 2 – Рощинский 8; 3 – Первое Перехвальское городище; 4 – Рат-чино 22; 5 – Ратчино 23; 6 – Васильевский Кордон 17; 7 – Буховое 10; 8 – Васильевский Кор-дон 21; 9 – Васильевский Кордон 1; 10 – Васильевский Кордон 5; 11 – Васильевский Кордон 7; 12 – Васильевский Кордон 25; 13 – Васильевский Кордон 27; 14 – Старое Тарбеево 11; 15 – Подзорово; 16 – Доброе 4; 17 – Доброе 7; 18 – Доброе 8; 19 – Доброе 9; 20 – Новиково; 21 – Пункт 382; 22 – Селки 11 (пункт 100); 23 – поселение у Сокольского завода г. Липецка (пункт 366); 24 – Липецкое Озеро; 25 – Рыбное Озеро 1 (пункт 201); 26 – Рыбное Озеро 2 (пункт 202); 27 – Ярлуковская Протока (пункт 222); 28 – Лебяжье Озеро 2; 29 – Карамыше-во 1; 30 – Карамышево 9; 31 – Красный Бугор; 32 – Карамышево 19; 33 – городище Большой Липяг; 34 – поселение 2 у Вербиловского кордона; 35 – поселение 7 у кордона Барковский; 36 – поселение 1 у Первомайского лесничества; 37 – поселение 2 у затона Могильный; 38 – по-селение 3 у озера Круглое; 39 – поселение 1 у озера Долгое; 40 – Ксизово 8; 41 – Ксизово 6; 42 – устье р. Излегощи 2; 43 – Савицкое 1; 44 – Курино 1; 45 – пункт 2 у поселения Рамонь; 46 – Ивница; 47 – поселение Ямное; 48 – Отрожка; 49 – Северовосточная 1; 50 – Университет-ская 3; 51 – Чернавская.

говской культуры, ямочной-гребенчатой и гибридной накольчато-ямочной керамикой. Данное наблюдение, а также ряд технологических и морфологических характеристик, позволили нам предположить, что появление подобной посуды стало результатом контактов неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой и энеолитического – среднестоговского.

Так как подобная посуда всегда залегает совместно с керамикой среднестоговской культуры, то и датировку они имеют одинаковую — около середины IV тыс. до н. э. Не противоречат этому радиоуглеродные даты, полученные по костям животных из построек поселений Васильевский Кордон 17 и 27 (Смольянинов, 2019).

Публикация подготовлена при поддержке гранта Фонда президентских грантов № 19–2–018793.

Список литературы

Гурина Н.Н. Стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепи // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 205–209.

Смольянинов Р.В. Памятники эпохи неолита с накольчато-ямочной керамикой на территории лесостепного Подонья // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь: Триада, 2009. С. 199–219.

Смольянинов Р.В. Керамика ксизовского типа на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник / ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского». Вып. 11. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 323–332.

Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж: ВГПУ, 2012. 82 с.

Комплексные исследования поселений эпох неолита – энеолита на западном побережье Белого моря

© 2020 г. Н.В. Лобанова *(hopelob@yandex.ru)*

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, РФ

Аннотация. В статье изложены сведения о недавно открытых прибрежных поселениях эпохи неолита – раннего металла на Карельском берегу Белого моря. Они представляют существенный научный интерес в связи с тем, что на их территории обнаружены крупные хозяйственно-жилищные комплексы. Уникальная особенность некоторых из них –наличие жилищных впадин в виде цепочки от трех до 12 в ряду. По предварительным данным, обитатели жилищ занимались различными морскими промыслами в зимнее время года.

Ключевые слова: Карельский берег Белого моря, древние поселения с жилищами.

Беломорье издавна привлекало внимание исследователей. Карельский и Поморский берега, протянувшиеся от оконечности Кандалакшкого залива до реки Онеги, – это особая природная и культурная среда. В этом северном регионе контрастно сочетаются условия, свойственные пресноводным озерно-речным системам внутренних районов морского бассейна и специфическая морская территория, приспособление к ней требовало выработки особых навыков и традиций. На протяжении многих столетий здесь пересекались и активно взаимодействовали древние народы и современные этносы – саамы, карелы, русские поморы, оставившие разнообразные археологические и архитектурные объекты, а также фольклорно-этнографические традиции.

Однако территория собственно Карельского берега до недавнего времени представляла собой «белое пятно» на археологической карте Карелии. Ее окраинное положение и труднодоступность создавали определенные препятствия для осуществления планомерных полевых работ. Ситуация изменилась кардинально, когда появилась возможность проведения в этом районе научных исследований в рамках ряда международных и российских проектов (Лобанова, 2014,2015). В 2003–2005, 2014 и 2019 гг. экспедициями под руководством автора открыто 11 памятников эпохи неолита – раннего металла вблизи от д. Сонострова и рыбопромыслового пункта Иваньково (рис. 1). В 2019 году археологические исследования (сплошное обследование морского побережья на участке между устьями рек Кереть и Сонрека) впервые проводились совместно с палеогеографами с целью уточнения возраста древних поселений, природных условий местообитания людей, реконструкции рельефа климата, выяснения интенсивности и динамики геологических процессов, происходивших здесь в позднеледниковье и голоцене. В ходе работ изучены донные осадки малых озер, расположенных на разных высотных отметках, соответствующих или близких к изучаемым археологическим объектам. Это позволит в дальнейшем установить время освобождения территории от моря и возможность ее освоения человеком на разных временных срезах.

Наибольший интерес на Карельском берегу Белого моря вызывают 8 поселений с овальными впадинами – основаниями полуземляночных жилищ или округлой формы углублений, видимо, хозяйственного назначения, всего их насчитывается 151. Наибольшее число (33) выявлено на поселении Корабельная Бухта I (рис. 2), наименьшее (1–2) – на поселениях Сонострова VI–VII. Все впадины расположены в сходных топографических условиях в прибрежной зоне, в 100–300 м от современного берега моря. Занимают песчаные террасы высотой 18–38 м над ур. м., хорошо защищенные от северных ветров и открытого моря крупными, вытянутыми параллельно берегу островами Пежостров и Сонострова. Это во многом и обусловило появление здесь большого числа жилых сооружений. Самые крупные поселения имеют площадь до 10–12 тыс. кв. м. На их территории обнаружены уникальные комплексы жилищно-хозяйственных структур в виде цепочки впадин от 3 до 12 в ряду. Возможно, они были

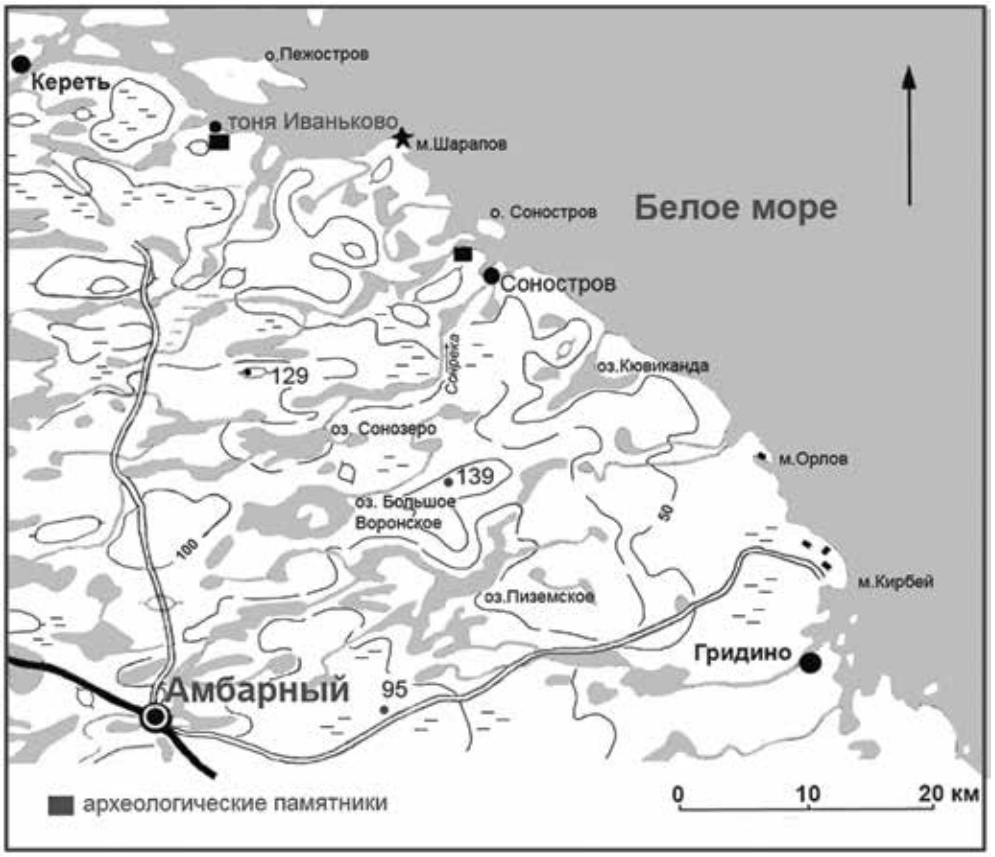


Рис. 1. Республика Карелия. Карельский берег Белого моря. Расположение археологических памятников в районе островов Пежостров и Сонострров.

соединены между собой коридорами, образуя единую жилую зону. Аналогов подобным сооружениям на Северо-Западе России нет, но несколько сходные объекты, правда не столь многочисленные и выразительные, известны в Фенноскандии (Pesonen, 2002. P. 9–14).

Впадины вытянуты вдоль террас в СЗ или СВ направлях, заметно варьируют по площади (15–45 кв. м) и глубине – от 0,2 до 0,9 м от современной поверхности. Чаще всего они хорошо сохранились, но есть углубления с частичными разрушениями природного или антропогенного характера. Четыре таких жилищ раскопаны на поселениях Сонострров I, IV, V, Корабельная Бухта I (Лобанова, 2014, 2015). Для изготовления орудий древние жители Карельского берега в основном использовали местное кварцевое сырье, изредка привозной сланец и кремень. В трех жилых сооружениях обнаружены фрагменты асбестовой керамики и малочисленный каменный инвентарь, датируемый поздним энеолитом (ок. 4,5–5,0 тыс. л.н.), четвертое (на Сонострове V) содержало развал сосуда Сяряисниеми I, сопровождаемый сравнительно большим числом каменных орудий и отходов их производства. Эти материалы можно датировать возрастом 6,5–7,0 тыс. л.н. Выводы о хронологии объектов предварительны, они основаны на сравнении керамики и отдельных типов каменных орудий с данными, полученными в других районах Карелии.

Раскопанные жилища были подпрямоугольной формы, небольшими по площади (15–24 кв. м), с одним или двумя выходами в коротких стенках. В них расчищены каменные очаги, в том числе необычного характера, хозяйственные ямы, собраны небольшие костные материалы. Исходя из особенностей расположения и характера сооружений, отсутствия культурного слоя и находок за пределами жилищ можно предполагать, что они существовали в зимнее время, здесь население занималось, видимо, охотой на морского зверя.

Таким образом, в результате археологического обследования Карельского берега были открыты крупные памятники с многочисленными «многокомнатными» жилыми постройками, относящиеся к энеолитической культуре асбестовой керамики. Комплексы этого времени с жилищами давно известны и изучены в центральной и южной Карелии (Жульников, 2003), но совсем отсутствовали в беломорской Карелии. Кроме того, исследовано жилище ранненеолитической культуры Сяряисниеми I, которое является пока единственным на территории Карелии сооружением данного культурного пласта древностей. В ближайшее время планируется продолжение комплексных научно-исследовательских исследований на Карельском берегу, в первую очередь раскопки уникальных жилищно-хозяйственных структур.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по гранту 18–09–40110 Древности «Материальная культура древних жителей Карельского берега Белого моря: археология, палеогеография, приспособление населения к природным условиям прибрежной зоны в эпоху неолита – раннего металла.

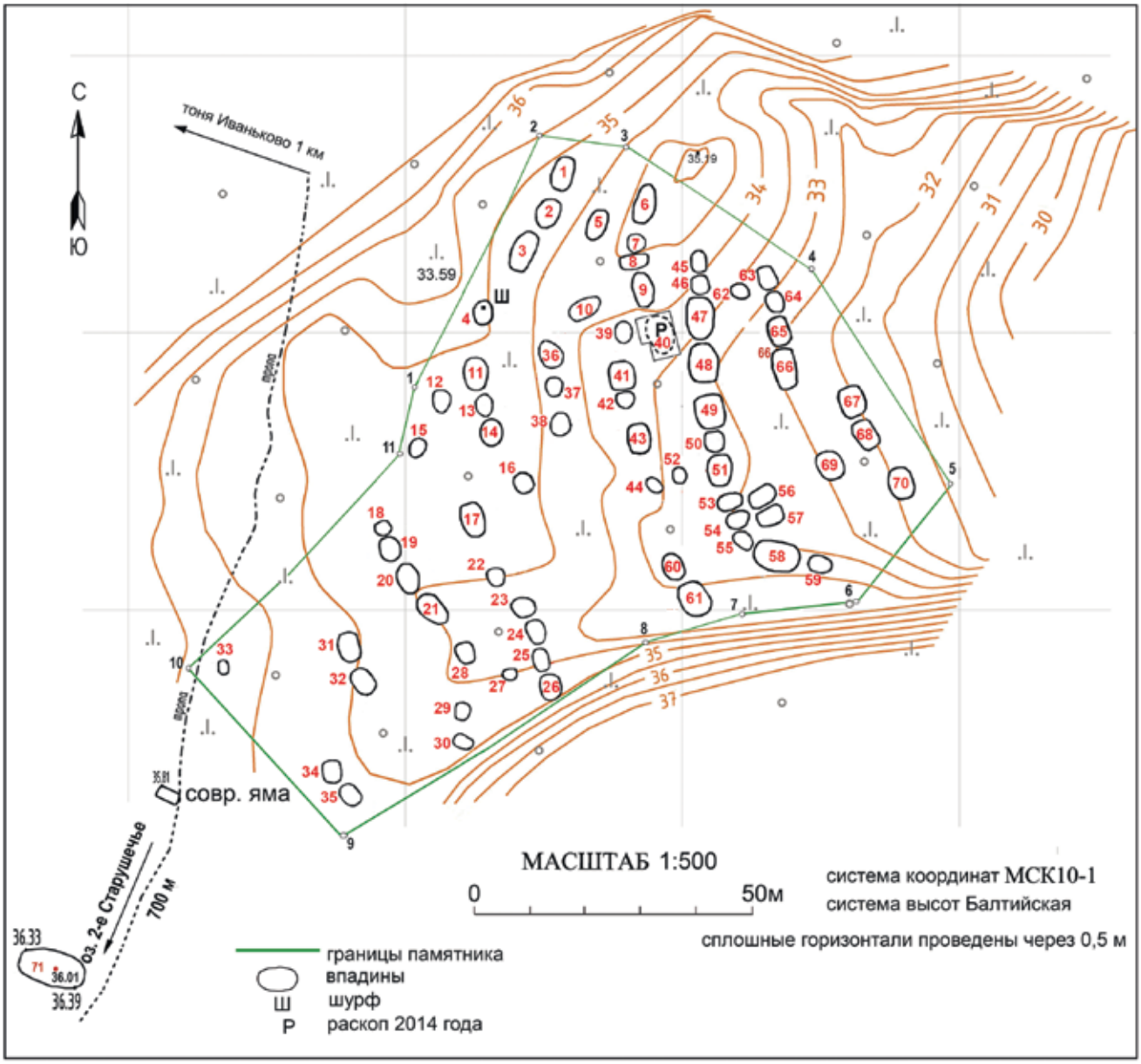


Рис. 2. Поселение Корабельная Бухта I. Масштабный план.

Список литературы

Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск. 2003. 220 с.

Лобанова Н.В. Доисторические памятники Карельского берега Белого моря: открытия 2003–2013 гг. // Природное и культурное наследие Белого моря: перспективы сохранения и развития. Сборник докладов первой международной научно-практической конференции. Чупа, 2014. С. 76–82.

Лобанова Н.В. Раскопки поселений у Иваньковской тони: итоги и перспективы // Природное и культурное наследие Белого моря: перспективы сохранения и развития. Сборник тезисов Второй международной научно-практической конференции. Чупа, 2015. С. 56–60.

Pesonen P. Semisubterranean houses in Finland – a review // Huts and Houses. Stone Age and Early Metal Age Buildings in Finland. Ed. H. Ranta. Finnish National Board of Antiquities, Helsinki, 2002. 9–41.

Характеристика каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья

© 2020 г. Е.Л. Лычагина (LychaginaE@mail.ru)

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу каменного инвентаря 8 неолитических памятников региона, относящихся к камской и волго-камской культуре. Был проведен типологический, трасологичекий и планиграфический анализ коллекций каменного инвентаря. Делается вывод о большом уровне сходства между индустриями двух культур, в то время как отличия носят частный характер.

Ключевые слова: неолит, Прикамье, каменный инвентарь, типологический анализ, трасологический анализ.

Выделение археологических культур в неолите, как правило, базируется на характеристике керамических комплексов, в то время как характеристике каменного инвентаря отводится второстепенное значение. Это во многом связано с объективными причинами – невозможностью расчленить комплексы каменного инвентаря на многослойных памятниках, незначительностью коллекций и отсутствием в них культурообразующих, ярких предметов.

Не исключение и район Верхнего и Среднего Прикамья. В регионе выделяется 2 неолитические культуры – камская, связанная с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом и волго-камская, для которой характерна посуда, орнаментированная наколами.

С целью увеличения источниковедческих возможностей каменного инвентаря, нами была проведена характеристика каменных индустрий на тех памятниках, где возможна точная культурная атрибуция. Наша работа включала в себя типологический, трасологический и планиграфический анализ. Были изучены материалы 8 памятников (4 относятся к камской культуре, 4 – к волго-камской).

Типологический анализ

В качестве сырья на памятниках волго-камской культуры в основном использовался местный галечниковый кремень различного качества серого, бежевого, темно-коричневого цвета. Судя по имеющимся в коллекциях фрагментам расколотых галек, в качестве преформ использовались образцы размером 3–5 см.

Ведущим сырьем на памятниках камской культуры также является галечниковый кремень местного происхождения, в основном, низкого качества, тех же цветовых оттенков. В тоже время, на некоторых памятниках отмечено использование мелового и плитчатого кремня, на стоянке Хуторская около 30 % орудий были изготовлены из серо-бардового мелкозернистого кварцитопесчанника.

Нуклеусы и продукты их расщепления на всех памятниках не превышают 9 % от коллекций. Стоит отметить, что на памятниках камской культуры, за исключением стоянки Чашкинское Озеро IIIа, они не создают сколько-нибудь значимых групп. Мы полагаем, что это связано с тем, что значительная часть орудий камской культуры изготавливалась непосредственно на плитках, плоских гальках, случайных сколах.

Основную массу отходов производства на памятниках обеих культур составляют отщепы (большинство из них относится к мелким, не превышающим 3 см) и чешуйки. Их количество варьирует в пределах 38–79 % и в большей степени зависит от типа памятника, нежели от его культурной принадлежности. Количество пластин без следов вторичной обработки варьирует в пределах 2,0–10,5 %.

Процент типологически выделенных орудий в большей степени зависел от типа памятника или того участка, который был изучен, нежели от его культурной принадлежности. Из-за ограниченности раскопанной площади на ряде памятников он мог быть либо очень большим (Посёр 46 %), либо незначительным (Чашкинское Озеро IX 8,5 %). Но в основном варьировал в пределах 10–14 % от всей коллекции.

Для большинства памятников характерно использование для изготовления орудий мелких отщепов (<3 см). Исключением являются стоянки Хуторская и Чашкинское Озеро IV, на которых широко распространены отщепы средних размеров (3–5 см). Особое место занимает стоянка Посёр, для которой характерно использование крупной и средней пластины. По всей видимости, это связано с использованием отличного от других памятников сырья – светло-серого конкреционного кремня.

Анализ характера вторичной обработки выявил следующие особенности. Во всех случаях ведущую роль играла краевая односторонняя ретушь (более 60 %). Преобладала дорсальная ретушь, однако на ряде памятников до 30 % орудий имело вентральную ретушь.

Представление о том, что для памятников волго-камской культуры не характерна двусторонняя обработка, не подтвердилось. При изготовлении наконечников стрел, ножей, долотовидных орудий двусторонняя обработка использовалась как на памятниках камской культуры, так и на памятниках волго-камской. В тоже время, необходимо отметить, что на памятниках камской культуры двусторонняя обработка встречалась значительно чаще, чем на памятниках волго-камской.

Основными категориями орудий на памятниках обеих культур были: скребки, ножи, острия, пластины и отщепы с ретушью. Каких-либо значимых отличий в орудийном наборе памятников камской культуры с одной стороны и памятников волго-камской с другой, отмечено не было.

Таким образом, типологический анализ не выявил серьезных отличий в каменной индустрии памятников камской и волго-камской культуры. В качестве особенностей можно только отметить наличие четко выраженной группы нуклевидных форм на всех памятниках волго-камской культуры и большее разнообразие в использованном сырье на памятниках камской культуры.

Трасологический анализ

В орудийном наборе преобладали скребки, мясные и строгальные ножи. Небольшими, но устойчивыми сериями представлены наконечники стрел, проколки, сверла. Как и при типологическом анализе, мы не отметили особой разницы в наборе орудий между памятниками камской и волго-камской культуры.

Анализ хозяйственных занятий населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита выявил следующее. На всех памятниках камской культуры комплекс, связанный с обработкой продуктов охоты и рыболовства, является ведущим и составляет от 45 % до 59,5 %. Второе место занимает комплекс орудий для обработки дерева – 29,5–41 %. Исключением является стоянка Посёр, где эта группа практически отсутствует. Два других комплекса представлены незначительным количеством орудий. Незначительность или полное отсутствие (стоянка Чернушка) орудий для обработки кости/рога является характерной чертой памятников камской культуры.

На памятниках волго-камской культуры ведущую роль также играют комплексы, связанные с обработкой продуктов охоты/рыболовства и обработкой дерева. В тоже время, на стоянках Чашкинское Озеро IV и Чашкинское Озеро VI около 20 % составляют орудия, использовавшиеся для обработки кости/рога, а на стоянке Чашкинское Озеро IX этот комплекс является вторым по значимости – 31 %. Обработка камня на всех памятниках волго-камской культуры представлена единичными орудиями.

Таким образом, мы можем говорить о наличии определенных отличий в хозяйственных комплексах памятников камской и волго-камской культуры, заключающихся в значении орудий для обработки кости/рога. Если на памятниках камской культуры эта группа орудий не играла особой роли, то на памятниках волго-камской культуры она иногда была сопоставима с комплексами орудий по обработке дерева (Чашкинское Озеро IV) или обработки продуктов охоты/рыболовства (Чашкинское Озеро IX).

Сравнение результатов типологического и трасологического анализов

Сравнение итогов типологического и трасологического анализа показало, что большинство типологически выделенных орудий подтверждают свою функцию при трасологическом анализе. Исключение составляют только скобели (изделия с выемками) и резцы. В тоже время, благодаря трасологическому анализу количество орудий резко возрастает за счет пластин и отщепов без ретуши. Типологически выделенные пластины и отщепы с ретушью чаще всего использовались в качестве скобелей, мясных и строгальных ножей, вкладышей составных метательных орудий.

Планиграфический анализ

Планиграфический анализ позволил выделить на некоторых памятниках зоны, связанные с резкой мяса/рыбы, изготовлением и ремонтом вкладышевых орудий из кости/рога, обработкой дерева. В частности, на стоянке Хуторская удалось выявить хозяйственные участки, где происходила разделка добычи и изготовление или ремонт вкладышевых орудий труда из кости/рога. На стоянке Чашкинское Озеро IV хозяйственные зоны, связанные с разделкой добычи и обработкой дерева перекрывали друг друга, располагаясь в предполагаемой центральной части поселения. На поселении Чернушка орудия, связанные с обработкой добычи и с обработкой дерева располагались в разных частях раскопа. В целом планиграфический анализ показал, что хозяйственные зоны, связанные с различной деятельностью, часто перекрывали друг друга или четко не отделялись одна от другой. Скорее всего, это обусловлено спецификой изученных частей памятников – береговая зона, где в разное время могли существовать различные хозяйственные комплексы. В тоже время, нельзя исключать сосуществование некоторых комплексов на одном хозяйственном пространстве.

Таким образом, проведенный анализ выявил высокий уровень сходства по таким показателям как: форма заготовки, характер вторичной обработки, номенклатура орудий труда. Некоторые различия были зафиксированы в использованном сырье и в роли орудий для обработки кости/рога в хозяйственных комплексах отдельных культур. По всей видимости, необходимость адаптации к сходным природным условиям привела к нивелированию культурных различий в каменных индустриях отдельных культур. Это, в первую очередь, касается развитого неолита. Возможно, при комплексном анализе каменного инвентаря ранненеолитических памятников, эти различия были бы более существенными.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Материалы энеолитических культур степной и лесостепной зон 5–4 тыс. до н. э. в Днепро-Двинском междуречье (по материалам поселения Сертея II)

© *2020 г. А.Н. Мазуркевич[1] (a-mazurkevich@mail.ru), Й. Мэгро[2], П. Китель[3], Е.В. Долбунова[1], Э. Готье[4], В. Бернар[5]*

[1] Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, РФ
[2] Лаборатория Тражектуар, Университет Париж-1, Париж, Франция
[3] Университет г.Лодзь, Лодзь, Польша
[4] Лаборатория окружающей среды, Безансон, Франция
[5] Университет г.Ренн, Франция

Аннотация. Исследования Днепро-Двинского междуречья последних лет открыли, что на рубеже 5–4 – в первой половине 4 тыс. до н. э. здесь появляются носители степных энеолитических культур. В первую очередь это фиксируется по остаткам сосудов, которые аналогичны хвалынским, среднестоговским и мариупольским. С этими типами посуды связаны остатки различных конструкций, открытых в торфяниковой части п. Сертея II. Судя по реконструкции окружающей среды, на это время падает достаточно серьезная перестройка ландшафтов и водного режима.

Ключевые слова: энеолит, свайные поселения, торфяниковые памятники, степные культуры, лесная зона.

5–4 тыс. до н. э. в Восточной Европе – время смены развития культурных циклов, векторов. Для Днепро-Двинского междуречья 5–4 тысячелетие – это во многом «темные тысячелетия» (Мазуркевич и др., 2016). Исследования последних лет открыли, что на рубеже 5–4 – в первой половине 4 тыс. до н. э., вероятно, появляются носители степных энеолитических культур.

Исследования многослойного поселения Сертея II позволили выявить остатки различных культур от 7–6 тыс. до 2 тыс. до н. э. К 5–4 тыс. до н. э. на основе радиоуглеродного датирования и типологического анализа относятся остатки материальной культуры носителей степных традиций. В торфяниковой части п. Сертея II, в прибрежной части палеоводоема, были найдены остатки различных конструкций – часть столбовой постройки шириной около 5 м. На площадке зафиксированы многочисленные строительные детали – столбы, обработанные доски, фрагменты стен из тонких обработанных лучин, здесь же найдены

Рис. 1. Памятник Сертея II. Подвеска из клыка кабана.

массивные шлифовальные камни, остатки деревянного весла, развалы сосудов.

Керамический комплекс представлен сосудами закрытой С-образной формы с плоским краем у венчика, диаметр горла от 28 см до 40 см, хорошо заглаженной внешней поверхностью (на некоторых участках сохранилось лощение), на внутренней поверхности следы крупных расчесов от зубчатого штампа, примесь к тесту – органика и толченая раковина, толщина стенок около 8–10 мм, лепка S, N-обратная, N и U, можно проследить на одном сосуде сочетание этих техник. Как правило, эти сосуды орнаментированы геометрическими композициями из оттисков длинного тонкого изогнутого гребенчатого штампа. Другой тип сосудов – открытые С-образные сосуды с прямым или отогнутым венчиком, у которых соответственно край плоский или округлый, иногда он скошен вовнутрь или с налепом с внутренней стороны. Также имеются сосуды с биконическим туловищем. Примеси к тесту, толщина и способы лепки аналогичны предшествующему типу. Вся поверхность сосудов орнаментирована геометрическими композициями, выполненными разными штампами. Край венчика и внутренняя сторона также орнаментированы оттисками небольшого гребенчатого штампа. Предположительно дно было округлым или острым. В этом керамическом комплексе имеются небольшие сосуды-кубки объемом 0,3–0,5 л. Аналогии керамическому материалу можно найти в энеолитических комплексах верхнего и среднего Подонья и среднего Поднепровья, которые датируются 5–4 тыс. до н. э. Была получена серия радиоуглеродных датировок по пищевому нагару с описанных сосудов: 4940±35 (Poz-108581), 4625±35 (Poz-108827), 4560±35 (Poz-108833), 4505±35 (Poz-108583), которые позволяют отнести этот материал к середине и второй половине 4 тыс. до н. э. Отсюда происходит уникальная находка – подвеска из клыка кабана (рис. 1). На ней имеется семь отверстий по одному из краев. Пространство между отверстиями по краю имеет зубчатое оформление. Точных аналогий данному предмету нет, но общие аналогии можно усмотреть в украшениях из клыков кабана из могильников степных энеолитических культур. С появлением данного населения на берегах палеоводоема связаны многочисленные остатки различных рыболовных сооружений, сделанных из сосновых лучин. Выявленные остатки рыболовных конструкций залегали на разных высотных уровнях, и об их неодновременности свидетельствуют датировки, полученные по остаткам древесины: 4890±90 (Ле-11880), 4340±80 (Ле-11881).

Судя по реконструкции окружающей среды, на это время падает достаточно серьезная перестройка ландшафтов и водного режима. В дальнейшем в конце 4 тыс. до н. э. мы фиксируем появление на этом месте нового населения – носителей усвятской культуры свайных поселений, которых сменяет жижицкая культура.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–78–00009 «Озерные поселения 4-3 тыс. до н. э. – истоки и развитие феномена свайных поселений на Северо-Западе России») и «National Science Centre, Poland» No. 2017/25/B/HS3/00274, а также при поддержке проекта 2NOR Министерства иностранных дел Франции.

Список литературы

Мазуркевич А.Н., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Семенцов А.А., Ришко С.А. Абсолютная хронология неолитических древностей Днепро-Двинского междуречья VII – III тыс. до н. э. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы в VII–III тыс. до н. э. Смоленск: Свиток. 2016. С. 310–345.

Экспериментально-трасологический анализ изделий из клыков кабана с торфяниковых памятников Северо-Запада России и Северо-Востока Беларуси (4–2 тыс. до н. э.)

© 2020 г. А.А. Малютина[1] (kostylanya@yandex.ru), М.М. Чернявский[2]

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ
[2] Институт истории НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В нашей работе представлен результат экспериментально-трасологического анализа изделий из нижних клыков кабана (*Sus scrofa L.*). Для анализа были отобраны материалы шести памятников, относящихся к 4–2 тыс. до н. э. (период среднего неолита — начало бронзового века). В результате проведенного анализа была реконструирована технология получения заготовок, их последующая обработка и способы использования. Весь отобранный материал (115 предметов) был разделен на 7 техно-функциональных групп.

Ключевые слова: неолит, ранний бронзовый век, торфяниковые памятники, клык кабана, технология, функция, эксперимент.

Одним из ключевых памятников для изучения археологических культур Днепро-Двинского междуречья, стала открытая А.М. Микляевым на берегу Усвятского озера (Псковская область, РФ) в 1963 г. торфяниковая стоянка Усвяты IV. В ходе раскопок было установлено, что памятник многослойный. Так, слой А относится к эпохе бронзы, а в слое Б были выявлены остатки неолитического поселения, в котором, в свою очередь, было выделено три строительных горизонта (Микляев, 1971). Кривинский торфяник расположен на Северо-западе Республики Беларусь, на границе Бешенковического и Сенненского районов Витебской области. В микрорегионе известно 10 памятников неолита – бронзового века, культурный слой 7-и из них сохраняет органические материалы. Одним из наиболее исследованных памятников микрорегиона является поселение Асавец 2, которое было откры-

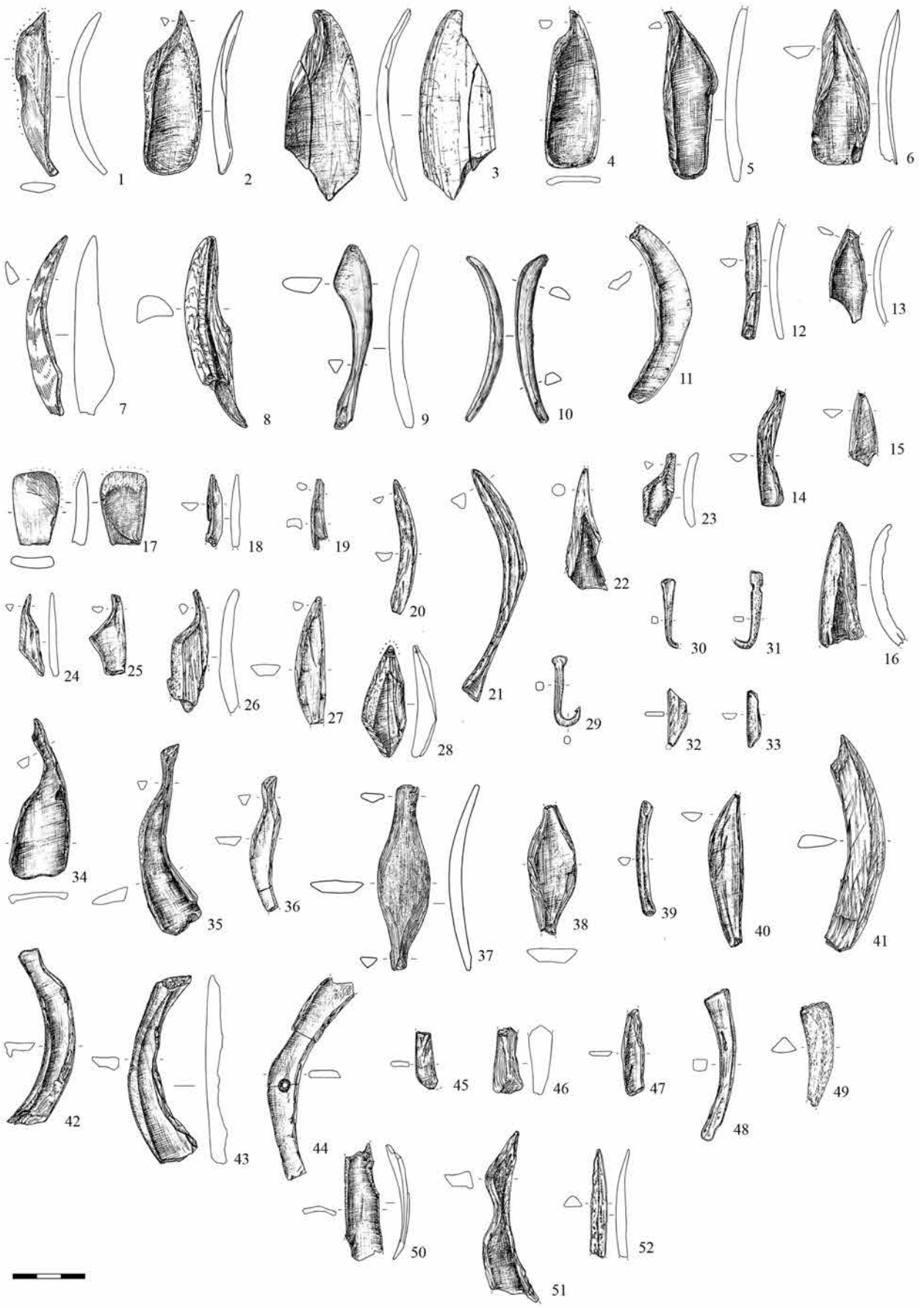


Рис. 1. Изделия из нижнего клыка кабана с торфяниковых памятников Северо-Западной России и Северо-Восточной Беларуси (4–2 тыс. до н. э.). Категории. 1–4, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 16, 17–19, 21–23, 24, 25, 27, 29, 30, 32, 33, 34–36, 38–46, 48–52 – Асавец 2 2; 5, 13, 15, 26, 31, 47 – Асавец 7; 9 – Дубокрай V; 10, 37 – Усвяты IV; 20 – Кривина 1; 28 – Кривина 3. 1–16 – строгальные ножи; 17 – скребки; 18–28 – проколки/ свёрла; 29–33 – рыболовные крючки и отходы их производства; 34–39 – подвески; 40–44 – заготовки; 45–52 – фрагменты (рис.: А.А. Малютиной).

то М.М. Чернявским в 1966 г. (Charniauski, Charniauski, 2010).

Из 1500 проанализированных предметов из кости, рога и зубов с шести памятников Кривинского торфяника и пяти памятников на территории России 115 предметов изготовлены из нижних клыков кабана: Усвяты IV – 4 экз., Дубокрай V – 2 экз., Асавец 2 — 95 экз., Асавец 7 — 12 экз., Асавец 4 — 2 экз., Кривина 1 — 1 экз., Кривина 3 — 1 экз. Материалы памятника Асавец 4 относятся к нарвской культуре раннего неолита, поэтому в данное исследование включены не были. Изделия из клыка кабана с памятников Усвяты IV и Дубокрай V относятся к усвятской археологической культуре и датируются IV тыс. до н. э. – рубежом IV–III тыс. до н. э. (Мазуркевич и др., 2016). Большую часть (85 предметов) – составляют изделия Кривинского торфяника, относящие к позднему неолиту — началу бронзового века (середина III –первая половина II тыс. до н. э.). В переходном слое памятника Асавец 2 было обнаружено 2 изделия. К финальным этапам усвятской культуры среднего неолита (IV тыс. до н. э. – рубеж IV–III тыс. до н. э.) относится 8 изделий. Материалы памятников Асавец 7, Кривина 3 относятся к северобелорусской культуре (первая половина II тыс. до н. э.) (Чернявский, 2014).

Анализ археологического материала торфяниковых памятников Днепро-Двинского междуречья выявил интересную особенность — для работы здесь использовались нижние клыки не целиком, а пластины, полученные путем расщепления клыка по предварительно прорезанным пазам. Пазы, как правило, проходят по выпуклой грани зуба и противоположной к ней плоскости. Получение пластин таким способом являлось стандартом при работе с данным видом сырья. На одной (внешней) стороне такой пластины сохранялась эмаль зуба, на противоположную (внутреннюю — дентин зуба) же часть зуба приходилась основная обработка. Следы от обработки — это глубокие следы строгания, пиления, скобления и абразивной шлифовки. При помощи строгания сглаживались неровные участки дентина — негативы продольного расщепления зуба. За редким исключением на эмалевой стороне изделий были зафиксированы следы абразивной шлифовки. Для выяснения способов получения длинных пластин из клыков кабана с последующим получением форм необходимых орудий, нами была проведена серия экспериментов. Исходя из форм рабочих лезвий археологических изделий, археологического контекста памятников, мы использовали экспериментальные орудия в следующих операциях: прорезание, снятие коры и строгание свежей древесины (стволов и веток ивы, рябины), сверление коры (березы), сверление раковин улиток (*Helix pomatia*), сверление отверстий в керамике, прокалывание шкур, разделка и чистка пресноводной рыбы (*Perca fluviatilis* etc.).

Основываясь на отличительных морфологических признаках, результатах трасологического анализа изделий, результатах экспериментов весь материал был разделен на следующие категории: строгальные ножи (рис. 1, *1–16*), скребки (рис. 1, *17*), проколки/ сверла (рис. 1, *18–28*), рыболовные крючки и отходы их производства (рис. 1, *29–33*), подвески (рис. 1, *34–39*), заготовки (рис. 1, *40–44*). В отдельную группу выделены различные фрагменты со следами обработки и без них (рис. 1, *45–52*).

Инструменты использовались для обработки древесины и коры, шкур, сверления абразивных материалов. Данное функциональное разнообразие в совокупности с разнообразием форм изделий при стандартности первичных способов обработки сырья, является интересной культурной и территориальной особенностью, дополняющей наше представление об эпохе охотников-собирателей времен неолита — начала бронзового века. Традиция использования нижних клыков кабана на памятниках Днепро-Двинского междуречья берет начало в эпоху раннего неолита (Асавец 4) и продолжается в начале бронзового века. При этом мы видим, как количество и разнообразие изделий постепенно возрастает.

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственной работы: № 0184–2019–0008. «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)»

Список литературы

Мазуркевич А.Н., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Семенцов А.А., Ришко С.А. Абсолютная хронология неолитических древностей Днепро-Двинского междуречья VII–III тыс. до н. э. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск: «Свиток», 2016. С. 317–356.

Микляев А.М. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971. С. 7–28.

Семёнов С.А. Первобытная техника. М.-Л.: Наука, 1957. СС. 239.

Чарняускі М. Касцяные і рагавыя вырабы на паселішчах Крывінскага тарфяніку. Неаліт-бронзавы век. Минск, 2007. 153 с.

Чернявский Макс. М. К вопросу о разночтении материалов северобелорусской культуры в Беларусской и Российской историографии // Материалы по археологии России и Беларуси. Культурное взаимодействие древних обществ конца VII–II тыс. до н. э. верховьев Западной Двины и Днепра. СПб.: Инфинити, 2014. С. 24–29.

Charniauski M., Charniauski Max. The excavation of Kryvina peat-bog settlements in Northern Belarus between 2000 and 2009 // Archaeologia Baltica. Vol. 14. Klaipeda, 2010. pp.100–119.

Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D. The results of underwater excavations at Serteya II, and research into pile-dwelling in North-West Russia // Archaeologia Baltica. Vol. 14. Klaipeda, 2010. P. 47–64.

Археологические исследования стоянки Деркул 1 в 2018 году

© 2020 г. Т.Б. Мамиров[1] (tmamirov@mail.ru), Д.А. Гаврилов[2]

[1] Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, Нур-Султан, Казахстан
[2] Институт почвоведения и агрохимии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. В работе приводятся краткие сведения о результатах археологических исследований энеолитического памятника Деркул 1 в Западном Казахстане. Изучение памятника имеет большое значение ввиду аварийности объекта и наличия сохранившегося культурного слоя с обилием артефактов, что является редкостью для региона.

Ключевые слова: Западный Казахстан, раскоп, энеолит, каменные артефакты, культура.

На территории Западного Казахстана исследованных памятников каменного века с сохранившимся культурным слоем единицы, в основном они представлены подъемными сборами (Астафьев, 2014; Иванов, Васильев, 1995).

Целью данной работы является введение в научный оборот сведений об археологических исследованиях на памятнике Деркул 1, произведенных в 2018 году.

Впервые памятник Деркул 1 был открыт в 1986 году Приволжской экспедицией Саратовского государственного университета под руководством Н.М. Малова. Поверхностные сборы 1986 и 1988 годах каменных артефактов, представленных преимущественно из кварцитовидного песчаника, позволили исследователю отнести материалы к типу самарско-прикаспийских энеолитических памятников (Малов, 1986. С. 16; Малов, 1989. С. 86).

В 1991 г. исследование на памятнике Деркул 1 были проведены Оренбургской археологической экспедицией под руководством Н.Л. Моргуновой. На месте большей концентрации артефактов был заложен раскоп площадью 20 кв. м, в котором было обнаружено 17 фрагментов керамики, 480 каменных артефактов, кости животных. В целом памятник отнесен к энеолитическому времени (Моргунова, 1991. С. 6–7). Несмотря на перспективность исследований, работы на памятниках по ряду определенных обстоятельств были прекращены.

В 2018 году исследования на памятнике были возобновлены Институтом археологии им. А.Х. Маргулана в рамках выполнения программы по исследованию каменного века на территории Западного Казахстана. Памятник расположен в непосредственной близости от населенного пункта и подвергается антропогенному воздействию (через памятник проходит водозащитный вал, который вскрыл его северную часть, на южной части расположены водосборники).

В 2018 году, был заложен рекогносцировочный раскоп, площадью 16 кв. м. Ввиду большой концентрации находок, слой исследовали по 10 см с просеиванием грунта, в отчетном полевом сезоне было раскопано 8 кв. м до глубины 1,8 м. Всего было выявлено более 11 тысяч каменных артефактов, из которых 98,5 % выполнены из местного кварцитовидного песчаника желтовато-серого и светло-серого оттенка, выходы которой расположены на ближайшей сопке к северу от памятника (1,0–1,5 км).

Единично представлены изделия из кремнистых пород (174 экз.), равномерно сосредоточенные по горизонтам. 41,5 % артефактов из кремнистых пород представлены орудиями (преимущественно концевые скребки на пластинах и отщепах, фрагменты пластин со вторичной обработкой краев), единично резцы, провертки.

Артефакты из кварцитовидного песчаника фиксируются, начиная с дневной поверхности, но до глубины 100 см, представлены в основном отходами производства (мелкими осколками, фрагментами пластин и отщепов), малым количеством орудий (1,2–2,5 % в среднем на горизонт), скребки на отщепах, фрагменты двусторонне обработанных наконечников, сколы с ретушью, резцы, крупная мотыга.

На глубине 10–20 см была обнаружена одна полупрозрачная пастовая бусина с остатками глазков, предварительно соотносимая с эпохой ранних кочевников, современники которой обнаружены в 1 км к северу от памятника на возвышенности сопки (курганы эпохи РЖВ).

До глубины 60–70 см встречается фрагментированная лепная керамика, из диагностируемых имеются фрагменты прямых венчиков с наклонным гребенчатым орнаментом по внутренней и внешней поверхности, с вдавлениями по верху, округлые в разрезе, относящиеся к срубной культуре. В горизонте встречаются костные остатки домашнего крупно рогатого и мелко рогатого скота. Для данного этапа получены калиброванные даты 3,7–3,4 тыс. л.н.

Начиная со 100 см, начинается насыщенный культурный слой с костными остатками диких животных (кости лошади, тура, сайги и др. млекопитающих) по определению П.А. Косинцева. Увеличиваются в процентном отношении количество орудийных форм (14–18,2 % на горизонт), преимущественно в виде двусторонне обработанных наконечников дротиков и стрел листовидных, овальных и треугольных форм, скребков, режущих орудий и др. Техника первичного раскалывания представлена в основном односторонними одноплощадочными нуклеусами для снятия пластинчатых сколов. Выявленные в ходе раскопок фрагменты керамики относятся к разным сосудам преимущественно с гребенчатым, реже ямочным и накольчатым орнаментом, в тесте глины использовалась примесь толченой раковины.

Деркул 1, по характеру каменной индустрии и керамики находит параллели с памятниками Орошаемое, Кузнецово 1, Озинки 1–2, и относится к прикаспийской культуре (Малов, 2008; Юдин, 2012). Это была долговременная стоянка с признаками мастерской, на которой происходила первичная обработка каменных изделий, функционировавшая от энеолита вплоть до бронзового века. Исследования на памятнике только начаты, они показали свою перспективность и получат свое продолжение в ближайшие годы.

Полевые работы и радиоуглеродное датирование выполнены при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05134087.

Список литературы

Астафьев А.Е. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Том VI. Астана, 2014. 360 с.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 264 с.

Малов Н.М. Отчет об археологических разведках, произведенных в Каменском районе Уральской области в 1986 году // Архив ИА КН МОН РК, 1986.

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул за 1988 г. Саратов, 1989 // Архив ИА КН МОН РК, 1989.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. доц. В.А. Лопатина. Саратов: Научная книга, 2008. С. 32–134.

Моргунова Н.Л. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул у с. Кузнецово Каменского района Уральской области по Открытому листу, выданному ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова (от 24.06.91 г.) / Архив ИА КН МОН РК, 1991.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 212 с.

Некоторые ключевые вопросы дальневосточного неолита (Приамурье, Приморье)

© ***2020 г. В.Е. Медведев*** *(medvedev@archaeology.nsc.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Важнейшая задача Амуро-Приморского неолита – установление особенностей, хронологических границ и ареалов его начально-ранних культур. В Нижнем Приамурье к начальному неолиту относится осиповская культура (XII – IX тыс. до н. э.), к раннему – мариинская (VIII – VII тыс. до н. э.). В Приморье почти неизвестны памятники с древнейшей керамикой. Неолит раннего приморского этапа отличается от аналогичного амурского. Рассматривается проблема погребальной практики.

Ключевые слова: неолитические культуры, Приамурье, Приморье, поселения, хронология, керамика.

В последние два – три десятилетия XX – начале XXI в. исследованиями по дальневосточной неолитической тематике, преимущественно ИАЭТ СО РАН, был охвачен весь комплекс культурно-хронологического спектра объектов в соседних районах западного тихоокеанского побережья, главным образом, в бассейне Амура. Среди многочисленных памятников в нижнеамурском ареале наиболее информативными являются поселения Гася и Остров Сучу. В исследованиях с широким применением междисциплинарных методов участвовали международные экспедиции, велись теоретические разработки.По данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования в настоящее время на этой территории выделены пять культур неолита: осиповская (XII–IX тыс. до н. э.) – начальный этап, мариинская (VIII–VII тыс. до н. э.) – ранний этап, малышевская (вторая пол. VII – рубеж IV–III тыс. до н. э.) – ранний и средний этапы, кондонская (середина VII – первая пол. V тыс. до н. э.) – ранний и средний этапы, вознесеновская (нач. III – последняя четв. II тыс. до н. э.) – поздний этап.

Исследования указывают на раннюю, практически повсеместную оседлость амурского населения. Первые жилые стационарные сооружения появляются уже в осиповской культуре финального плейстоцена, около 13 тыс. л.н. Прослежены приемы домостроения носителей неолитических культур, сохранявшиеся в основных своих чертах на протяжении более 10 тыс. лет. В жилищах позднего неолита открыты необычные для каменного века системы отопления, – остатки древесно-глиняного сооружения типа кана.

На многих амурских памятниках с осиповским культурным слоем найдена древнейшая плоскодонная керамика. Осиповская культура, относившаяся ранее к мезолиту, «переведена» в статус начальнонеолитической. Наряду с продуктами гончарства, в ней присутствуют другие элементы неолитоидности: шлифованные каменные изделия, в т.ч. тесла, наконечники стрел, развитые формы орудий рыбной ловли, очевидно, лодки, стационарные жилища и др. (Деревянко, Медведев, 1993; Деревянко и др., 2002; Медведев, 2005а; Медведев, Филатова, 2014).

Особой яркостью характеризуется искусство неолитического Амура, создателей «рыболовческой протоцивилизации». Этому искусству присуща богатейшая орнаментика, в т.ч. расписная, на глиняной посуде, разнообразные образцы объемной антропозооморфной полиэйконической и андрогинной скульптуры, а также различные украшения. Большинство глиняных и каменных реалий связано с крупными культовыми центрами Амурского ареала (Медведев, 2005б).

Останавливаясь на проблемах неолита нижнего Амура, следует, прежде всего, обратиться к важнейшей из них – проблеме происхождения, вызревания и угасания осиповской культуры, подлинного феномена зари новокаменного века Дальнего Востока. Если существующая точка зрения исследователей о ее истоках, лежащих в позднепалеолитической селемджинской культуре, представляется в настоящее время убедительной, то дальнейшая судьба культуры как в период наивысшей формы развития, так на позднем ее этапе растворенности может рассматриваться чаще на уровне осторожных предположений. Вникая, к примеру, в орнаментику керамики культур Амурского ареала, видно, что многие ее мотивы, зародившиеся в осиповское время, существуют позже во всех его культурах неолита. Это касается, в частности, гребенчатого штампа, прямых и наклонных линий, горизонтального и вертикального зигзага (Медведев, Филатова, 2014. С. 94. Рис. 64; С. 101. Рис. 67). Словом, преемственность в орнаментах сохраняется. Сохраняются также основные формы сосудов. Прослеживается общность сюжетов в различных жанрах искусства, в особенности в мелкой зооантропоморфной пластике, в украшениях. В тоже время в производстве каменных изделий при наличии многих однотипных орудий в более поздних культурах (мариинская, малышевская, кондонская)

почти отсутствует микропластинчатая техника, нет характерных клиновидных микронуклеусов, за исключением, возможно, раннекондонских памятников.

К СВ от основных объектов осиповской культуры, у с. Кондон, минимально исследован памятник Ямихта, содержащий каменные орудия, керамику возрастом 8 500–8 000 л.н. Фукуда М., японский археолог, участник раскопок, на основе этого памятника выделяет ямихтинскую культуру. Относит к раннему неолиту и определяет ее место между осиповской и кондонской культурами. При этом нет упоминания об открытой и детально исследованной нами гораздо раньше на восьми стоянках и поселениях, в т.ч. на пос. Кондон-Почта, мариинской культуре раннего неолита того же возраста, что и Ямихта. Инвентарь этого комплекса характеризуется призматической техникой расщепления. В нем, как и на мариинских памятниках, отсутствуют клиновидные микронуклеусы, специфическое оформление венчиков сосудов во многом схожее с керамикой осиповской культуры, что признает названный исследователь (Фукуда, 2017. С. 102, 104, 111). Памятник Ямихта, вероятнее всего, представляет собой поздний локальный вариант осиповской культуры, сосуществовавший какое-то время с мариинской культурой. Фукуда М. не учитывает также даты ранних с чертами специфичности малышевских памятников на ЮЗ ареала культуры, что приводит к ее омоложению.

Еще при первых находках осиповской позднеплейстоценовой керамики мною было высказано мнение о распространении этой культуры, главным образом, на территории Среднеамурской равнины (ее часть на СВ КНР – Саньцзянская равнина). В действительности, подавляющее большинство осиповских памятников позже были открыты в России в пределах данной равнины от низовий Уссури и ниже по Амуру на 300–400 км. При этом есть основания считать, что элементы осиповской культуры прямо или опосредованно проникали с равнины на север и восток. Не исключено, что осиповские культурные импульсы в своей поздней фазе достигали центрально-восточных районов Приморья (Устиновка-3, Черниговка-1). На подобное объяснение указывает появление керамики в Приморье на 2–3 тысячи лет позже, чем в Приамурье.

Отсутствие в Приморье керамики того же возраста, что и ранняя осиповская, может свидетельствовать, что на Амуре она местного происхождения. На юге Китая исследован, к примеру, памятник Сяньжэньдун (Цзянси), характеризуемый археологами (два профессора Пекинского университета У Сяо-хун, Чжан Чи и др.) переходным периодом от палеолита к неолиту. Найденная на нем керамика, датированная по радиокарбону более чем 18 тыс. л.н., позволила исследователям сделать вывод, что юг Китая – это самый ранний в мире район появления керамики, существовавшей непрерывно и даже распространившейся на весь Дальний Восток, включая Японию. Согласиться с заключительной частью данного тезиса трудно, поскольку возникает естественный вопрос: почему керамика, распространяясь в северо-восточном направлении, достигла Японских островов и российского Приамурья, но не появилась в Приморье, хотя оно расположено ближе к югу Китая, чем Приамурье. Данный сюжет из истории мест зарождения древнейшей керамики может свидетельствовать о существовании нескольких не связанных между собой таких мест, в т.ч. районы Приамурья, откуда керамика проникала на сопредельные территории.

Нуждается в углубленной разработке проблема соотношения мариинской и руднинской культур (последняя в Приморье определяется, в основном, как ранненеолитическая). Мариинские реалии выглядят архаичнее руднинских, что, возможно, объясняется более длительным существованием последней. Это подтверждается заметным сходством многих компонентов (особенно в керамике) руднинской и более молодой, по сравнению с мариинской, кондонской культур (Медведев, Филатова, 2014. С. 120. Рис. 76).

Нет пока в неолите Приамурья выявленных могильников. Известны лишь единичные погребения без антропологического материала, которые могли быть составной частью святилищ (культовых центров).

Список литературы

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. 119 с.

Деревянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Юн Кын-Ил, Хон Хён У, Чжун Сук Бэ, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году: в 3 т. Сеул: Ин-т культурного наследия Республики Корея, 2002. Т. 1, 419 с.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Владивосток: Дальнаука, 2005а. С. 234–267.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005б. № 4. С. 40–69.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. 168 с.

Фукуда М. Культурная хронология Нижнего Приамурья и ямихтинская культура раннего неолита: на основе работ с другом – Шевкомудом И.Я. // Археология CIRCUM – PACIFIC: памяти И.Я. Шевкомуда. Владивосток: Рубеж, 2017. С. 100–111.

Новые открытия памятников неолита и энеолита на территории Заонежья (Карелия)

© *2020 г. И.В. Мельников* *(meln@onego.ru)*

Государственный музей-заповедник «Кижи», Петрозаводск, РФ

Аннотация. Статья содержит обзор полевых исследований 2010-х гг., которые проводились на территории Заонежья (Медвежьегорский район Республики Карелия) экспедицией музея-заповедника «Кижи», результатом которых явилось выявление новых поселений неолита и энеолита на озере Ванчозеро. Приводятся материалы исследований поселений раннего, развитого и позднего неолита с керамикой сперрингс, ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной, а также энеолита с асбестовой керамикой.

Ключевые слова: разведка, поселения, неолит, энеолит, система расселения.

Территория Заонежья включает северную часть Онежского озера, Заонежский полуостров и прилегающие к нему острова Кижские шхеры. В ходе археологических исследований на протяжении последних семидесяти лет были выявлены памятники археологии мезолита, неолита и энеолита. В 1930-х гг. на Южном Оленьем острове был исследован Оленеостровский могильник эпохи мезолита (Гурина, 1956). В 1975–1978 гг. на полуостровах Ширыйнаволок и Клим были найдены поселения каменного века Ширыйнаволок 1–5 и Клим 1–3 (Археологические..., 2007. С. 56, 170–171). В 1984 г. поселение Клим 1 исследовалось А.П. Журавлевым (Журавлев, 1994. С. 45). В 1970-х – 1980-х гг. А.П. Журавлевым были исследовались поселения каменного века в Уницкой губе Онежского озера (Пегрема 1–43, Палайгуба 1–15) (Журавлев, 1994). В 2013 г. поселения неолита с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой были открыты и исследованы А.М. Жульниковым около поселка Больничный. В 1990–2000-х гг. экспедицией музея «Кижи» были выявлены и исследованы памятники мезолита-энеолита в южной части Заонежского полуострова и на островах Кижских шхер (Вожмариха 1–30, Вертилово 1–6, Леликово 1, 2, Радколье 1–7 и другие) (Мельников, Герман, 2013).

В 2010-х гг. экспедиция музея «Кижи» проводила разведочные работы на побережье внутренних озер Заонежского полуострова. Были открыты древние поселения на озерах Космозеро, Ванчозеро, Путкозеро, Ладмозеро, в том числе был открыт крупный комплекс древних поселений на озере Ванчозеро (поселения Ванчозеро 1–19) (Мельников, Герман, 2017). Среди открытых памятников представлены поселения неолита и энеолита, инвентарный комплекс которых содержит разные типы керамики: сперрингс, ямочно-гребенчатой, ромбо-ямочной и асбестовой.

Памятники на озере Ванчозеро, в основном, залегают на его восточном и юго-восточном берегах, сложенных песчаными отложениями ледникового происхождения, которые образуют аккумулятивные террасы, образовавшиеся в результате отступления береговой линии Онежского озера на протяжении голоценовой эпохи. Памятники археологии залегают на этих террасах, причем прослеживается зависимость возраста памятника и высоты его нахождения над уровнем озера – более древние памятники залегают на террасах большей высоты.

К раннему неолиту относятся поселение с керамикой сперрингс Ванчозеро 15. Поселение залегает на высоте около 4,0–4,5 м над уровнем озера и имеет площадь около 360 кв. м. Культурный слой (серый песок) мощностью около 12–15 см залегал под слоем дерна и темно-желтого песка без находок (мощность около 15 см), подстилался темно-желтым песком (материк). Среди находок представлены фрагменты керамики сперрингс, а также отщепы сланца. Предположительно датируется второй половиной V тыс. до н. э.

К развитому неолиту относятся памятники с ямочно-гребенчатой керамикой (Ванчозеро 1, 4, 14 и 19). Все стоянки, за исключением Вачозеро 19, находятся на восточном берегу озера и залегают на высоте 5,0–6,5 м над уровнем водоема. Площадки памятников приурочены к краям древних береговых террас и в период бытования находились у самой воды. Поселение Ванчозеро 14 располагается на ровном мысовидном выступе древнего берега озера. Площадь памятников различна, у поселения Ванчозеро 1 она весьма велика и составляет около 10000 кв. м. У прочих стоянок существенно меньше, Ванчозеро 4 – около 2700 кв. м, у поселения Ванчозеро 14 – 380 кв. м. Культурный слой небольшой мощности – около 15–20 см представляет собой песок темно-серого или темно-коричневого цвета, который залегает под слоем дерна и подзола и подстилается песком более светлого оттенка. На всех памятниках были найдены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, а также отходы каменной индустрии – осколки и отщепы сланца и кварца, а также, в некоторых случаях лидита, кремня и кварцита. На отдельных стоянках найдены каменные орудия: на поселении Ванчозеро 1 – кварцевый скребок, абразив из песчаника, Ванчозеро 4 – обломок сланцевой шлифовальной плиты, Ванчозеро 14 – небольшой обломок сланцевого желобчатого долота и два кварцевых скребка. Судя по составу керамического материала, поселения могут быть датированы IV тыс. до н. э.

Поселение развитого неолита Ванчозеро 19 располагается в стороне от основного скопления ванчозерских памятников, на берегу безымянного озерного расширения реки Угомы, соединяющей озера Ванчозеро и Турастамозеро. Памятник располагается на мысовидном выступе высотой 6–7 м над уровнем озера Ванчозеро, площадь – около 200 кв. м. Стратиграфия: дерн и подзол – около 10 см, коричнево-красный песок с мелкой галькой (культурный слой) – 17–20 см, желтый песок с галькой (материк). Находки включали фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, две заготовки сланцевых орудий, а также отщепы из сланца. На основании находок и высотного расположения время бытования поселения можно отнести к концу IV тыс. до н. э.

К памятникам позднего неолита, содержащим гребенчато-ямочную керамику, относятся три стоянки – Ванчозеро 3, 8, 12. Два поселения находятся на восточном берегу Ванчозера, одно (Ванчозеро 12) – на северном. Поселения Ванчозеро 3, 8 залегают в схожих ландшафтных условиях, что и поселения развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, но занимают существенно от-

личные в высотном отношении участки берега – от 4–5 м (Ванчозеро 8) до 7–8 м (Ванчозеро 3), что свидетельствует о существенном колебании уровня водоема в период бытования этих памятников. Их площадь составляет порядка 2–4 тыс. кв. м. Стратиграфия схожа: дерн – 4–7 см, подзол – до 8 см, супесь светло- или темнокоричневого цвета (культурный слой) – до 25 см. Материк – песок более светлого по сравнению с культурным слоем оттенка. Среди находок представлены фрагменты гребенчато-ямочной керамики и отщепы сланца, на поселении Ванчозеро 3 найдены кремневый скребок и сланцевая стамеска.

В стороне от основного скопления залегает неолитическое поселение Ванчозеро 12. Оно находится на северном берегу озера Ванчозеро, в районе протоки соединяющей его с заливом Онежского озера Кефтеньгуба. Высота около 6,3–6,7 м над уровнем воды в озере Ванчозеро. Площадь составляет около 440 кв. м. Стратиграфия: дерн и подзол – до 9 см, светло-серый (видимо намывной) песок – 8–17 см, глубже – культурный слой – песок красновато-коричневого цвета – 9–14 см. Материк – светло-желтый песок (материк). Находки включали осколки сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом, заготовку орудия из сланца, а также отщепы и осколки сланца и кварца.

Судя по составу керамического материала, поселения Ванчозеро 3, 8,12 могут быть отнесены к позднему неолиту и датированы первой половиной III тыс. до н. э.

Энеолит представлен поселениями с асбестовой керамикой Ванчозеро 6,7,18, которые находятся на восточном берегу озера и Ванчозеро 11 на северном берегу в районе протоки, соединяющей Ванчозеро с заливом Онежского озера Кефтеньгуба. Главное отличие в топографическом расположении этих памятников, в сравнении с памятниками неолита, состоит в их существенно меньшей высоте нахождения над уровнем водоема – 2–4 м. Соответственно их площадки приближены к современному урезу воды. Выявленная площадь различается: у двух (Ванчозеро 11 и 18) она не велика – около 300–500 кв. м, у двух других больше – 900 кв. м (Ванчозеро 6) и 4800 кв. м (Ванчозеро 7). Культурный слой менее мощный – около 15 см, как правило, это светло-серый песок, который перекрыт маломощным дерном и подзолом (10–15 см) и подстилается материком – супесью светло-коричневого цвета. Среди находок, кроме фрагментов керамики с примесью волокон асбеста в глиняном тесте, представлены отходы каменной индустрии из сланца, кварца, лидита и кремня. В отдельных случаях найдены орудия – обломок кварцитового абразива (Ванчозеро 6), кремневым ножом и скребками из кварца (Ванчозеро 7,11). Судя по составу керамического материала, поселения датируется второй половиной III – первой половиной II тыс. до н. э.

Анализ данных палеогеографии (Девятова, 1986) свидетельствует, что в период бытования поселений озеро Ванчозеро представляло собой залив Онежского озера, глубоко вдающийся в материк и соединенный с основным водоемом полноводной протокой, обеспечивающей устойчивую навигацию. Уровень водоема колебался в разные периоды времени при общей регрессивной тенденции и составлял порядка 4–7 м в период раннего и развитого неолита и порядка 2–4 м в энеолите. В дальнейшем, понижения уровня водоема привело обмелению протоки и нарушению устойчивой навигационной связи с Онежским озером. Ванчозеро превратилось во внутренний водоем не удобный для проживания древнего населения. Этим объясняется отсутствие здесь памятников бронзового и раннего железного века.

Список литературы

Археологические памятники Карелии. Каталог / Отв. ред. С.И. Кочкурчина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 200 с.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М.; Л.: АН СССР, 1956. 432 с.

Девятова Э.И. Природная среда и ее изменение в голоцене (Побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1986. 108 с.

Журавлев А.П. Заонежье в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск, 1994. 108 с.

Мельников И.В., Герман К.Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 409 с.

Мельников И.В., Герман К.Э. Новые открытия древних поселений на озерах Ванчозеро и Космозеро в Заонежье (Медвежьегорский район Карелии) // Кижский вестник. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. Вып. 17. С. 153–182.

Рыболовство в системе жизнеобеспечения населения эпохи раннего голоцена (юг Западной Сибири)

© 2020 г. ***В.И. Молодин*** *(molodin@archaeology.nsc.ru),* ***Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Л.С. Кобелева, Д.А. Ненахов, Ю.Н. Ненахова, И.А. Дураков***

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Свидетельства занятия древнего населения рыбной ловлей часто встречаются в материалах памятников в виде орудий лова и останков рыбы. Однако объекты, свидетельствующие о способах заготовки и долговременном хранении – редки. На памятниках Барабинской лесостепи они демонстрируют, что этот процесс практиковался уже с конца эпохи верхнего палеолита.

Ключевые слова: рыболовство, ямы-хранилища, постройки, коптильня, ранний неолит, Бараба.

В результате раскопок последних 5 лет на памятнике Тартас-1 изучены жилые и хозяйственные постройки эпохи раннего неолита. Памятник Тартас-1 расположен в западной части Барабинской лесостепи, в 5,7 км к югу от с. Венгерово, на второй надпойменной террасе правого берега р. Тартас. На склоновой (восточной) части террасы изучены несколько десятков ям разного размера, конфигурации и глубины. Они не образуют какой-либо системы,

но их объединяет расположение и связь с хозяйственной деятельностью человека – это остатки временного (сезонного) поселения рыболовов, так как кроме ям изучены две конструкции–жилища. Планиграфический анализ исследованных жилых построек и сопутствующих им ям показал, что примерная площадь, которую занимало поселение, составляло 750 кв. м.

С точки зрения территориально-хозяйственного расселения, поселок находился на склоне террасы, в двух километрах к юго-западу от места впадения р. Тартас в р. Омь. От современного зеркала реки террасу отделяет широкая (более 1 км) пойма, затопляемая в годы сильных обводнений. Но даже в периоды максимальных паводков вторая терраса в месте, где расположен памятник, остается не затопляемой. Близость больших рек, а главное и интенсивные сезонные паводки давали обильные продукты рыболовства. Анализ конструктивных особенностей строений, находок, обнаруженных в них, а также описание ям, хронология комплекса представлены в публикациях (Молодин и др., 2015; 2017; 2019).

Исследованные ямы имели овальную форму, прямые, почти отвесные стенки и ровное дно. Диаметр их варьировал от 1,4 до 2,1 м, глубина – от 0,65 до 2,37 м. Ямы более 1,0 м глубиной использовались как контейнеры для долговременного хранения рыбы, мелкие (до 1,0 м), как правило, кроме останков рыбы, имели обожженные стены, что свидетельствует о специальной ее обработке.

Подобные ямы найдены также на памятнике Усть-Тартас-1, где объекты эпохи раннего неолита находились в непосредственной близости от края террасы, которая возвышается над современным урезом воды на 9 м. Они представлены крупными аморфными в плане ямами глубиной до 2,5 м с характерным слоистым заполнением и мощными (до 0,1 м) прослойками рыбьей чешуи и костей.

На уровне дна заполнение глубоких ям обоих памятников включало большое количество чешуи и костей рыбы, причем в каждом объекте зафиксировано значительное количество особей (50–80). Большая часть их принадлежала очень крупным представителям карася и язя в возрасте 7, 9, 11 и 12 лет.

Можно предполагать различные способы ловли, например, зафиксированы специальные приспособления в виде гарпунов. Однако масштабный улов, демонстрируемый размерами ям, в которых рыба хранилась, а также наблюдения за современными рыбаками показывают, что в годы высокого обводнения это производилось довольно простым, даже примитивным способом. После отступления воды, рыбу в поймах до сих пор ловят руками, мешками или неводами.

Заготовка рыбы в ямах известна у многих народов. Например, А.А. Саввин описывал способ квашения рыбы у якутов: «...ее (рыбу) плотно набивали в яму. Сверху заваливали толстым слоем земли... Яму с квашеной рыбой поверх забрасывали ветками молодых зеленых лиственниц» (2005. С. 118). В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского отмечено: «Аргыс, кислая и протухшая рыба, сложенная в устроенные для того ямы еще с лета. Ею любят лакомиться все жители от Жиганска вниз по Лене, для чего квасят самую лучшую рыбу...» (Пекарский, 1958. С. 146). И.А. Худяков о подобной заготовке рыбы сообщал, что использовали мелкую рыбу разных сортов, сбрасывали ее в одну яму. Прогнившую там, «ставшей красной на цвет и с ужасным запахом; однако ее едят осенью и всю зиму» (1969. С. 80). Аналогичный способ ферментации рыбы в ямах глубиной до 1,0 м, засыпанных землей и травой, описан у кетов (Алексеенко, 1967. С. 125).

Кроме заквашивания, население Барабы эпохи раннего неолита знали и другие способы заготовки. В конструкции № 6 обнаружено теплотехническое сооружение, представляющее собой углубление размерами 2,7×0,8 м, включающее яму с прокалом и идущую от нее канаву. Очажная яма размерами 0,90×0,55 м, глубиной от уровня пола котлована до 0,10–0,20 м, располагалась в юго-западной части углубления. Наличие глиняной обмазки, линз насыщенно-черной углистой супеси свидетельствуют о длительном и интенсивном температурном воздействии. Канава, отходящая от ямы, длиной 1,35 м, шириной от 0,4 до 0,6 м, направлена к краю террасы.

Данный объект был интерпретирован как коптильня, имеющая основную камеру для разведения огня, и дымовыводящий канал, на конце которого, над уровнем пола, размещался продукт обработки (Молодин и др., 2015).

Такая конструкция предназначена для холодного копчения. Аналогии подобным сооружениям известны на памятниках различных культур эпохи бронзы Сибири.

Еще один способ обработки рыбы связан с ямами малой глубины. К.К. Логинов отмечал: «Малые земляные печи Оровнаволока IX с костями рыб могли служить не только для запекания, но и для копчения крупной рыбы: на угли в яму надо было бросить несколько веток ольхи или черемухи, рыбу разложить на решетке из прутьев и накрыть сооружение мокрой шкурой. В Обонежье и нынче иногда так коптят рыбу, но сейчас решетка железная и яму накрывают куском старой жести» (2000).

Занимаемая площадь, количество использованных ям и их конструктивное разнообразие, фиксируемые зоны обитания в хозяйственных постройках, перемещение теплотехнических устройств позволяют отнести поселок к долговременным объектам. Заметная роль рыболовства в хозяйстве определяется специфическими природными условиями и возможностями довольно «не затратной» легкой» ее добычей.

Рассмотрев не многочисленные свидетельства развития рыболовства в одном микрорайоне Барабы, можно отметить, что использование речных/озерных биоресурсов маркируются VIII–VII тыс. до н. э. (Молодин и др., 2019). В северных широтах переход охотников-собирателей к специализированной рыбной ловле и длительной заготовке полученного продукта впрок считается одним из основных признаков процесса неолитизации древних обществ (Balbo, 2015). Хранение позволяло накапливать продукты питания в течение длительного времени, уменьшая зависимость от сезонных явлений, что приводило к повышению социально-экономической устойчивости древних коллективов. Рыбные ресурсы – источник животных белков, которые богаче говядины, яиц и мяса птицы в два-три раза (Копылов, 1999. С. 40).

При этом нужно подчеркнуть, что традиция заготовки рыбы описанным способом в данном регионе отмечается еще с эпохи верхнего палеолита. Подобная «рыбная» яма была исследована на памятнике Венгерово-5 (Окладников, Молодин, 1975. С. 9–14). Ее палеолитическая принадлежность маркировалась находками костных останков бизо-

на и носорога, а также радиоуглеродной датой – 12000–14000 лет до н. э.

Традиция подобной заготовки сохранялась и в эпоху бронзы. На памятнике Усть-Тартас-1 изучены два объекта раннего неолита, переиспользованные населением одиновской культуры для тех же целей.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00406.

Список литературы

Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1967. 266 с.

Копылов В.А. География населения. Учеб. Пособие. М.: Маркетинг, 1999. 124 с.

Логинов К.К. Чем питались люди в древнем Заонежье // Кижский Вестник. № 5. Отв. ред. Мельников И.В. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск. 2000.[текст с сайта музея-заповедника «Кижи»: http://kizhi.karelia.ru]

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 172–177.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Пархомчук Е.В., Райнхольд С., Петрожицкий А.В., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019а. Т. 25. С. 157–166.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Пархомчук Е.В., Калинкин П.Н., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (среднее Приомье) с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019б. Т. 47. № 1. С. 15–22.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Евразии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 326–331.

Окладников А.П., Молодин В.И. Стоянки каменного века // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 9–19.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 1958. Т. 1. 263 с.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. 376 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. 267 с. 80].

Balbo Andrea L. Storage: Introduction to the special issue // Environmental Archaeology, 2015. 305–313.

Ритуальные комплексы эпохи раннего неолита в Обь-Иртышской лесостепи

© 2020 г. В.И. Молодин[1] (molodin@archaeology.nsc.ru), Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], Л.С. Кобелева[1]. С. Райнхольд[2]. С. Хансен[2]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[2] Германский археологический институт, Берлин, Германия

Аннотация. Публикуются результаты исследования уникальных ритуальных и хозяйственных комплексов эпохи раннего неолита Барабинской лесостепи. Представлены конструктивные особенности сооружений. Охарактеризован вещественный комплекс, содержащий предметы хозяйственно бытового, производственного и ритуального назначения, предметы искусства. Проведены параллели с кругом святилищ, характерных для таежной части неолитических культур Евразии.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, ранний неолит, барабинская неолитическая культура, ритуальные комплексы, искусство.

Недавно выделенная в зоне правобережного Приртышья барабинская культура раннего неолита имеет в своем активе несколько поселенческих комплексов. Среди них следует отметить полностью исследованную стоянку на памятнике Тартас-1. На этом памятнике, а также на местонахождениях Усть-Тартас-1, Венгерово-5, 6 выявлена серия глубоких ям, предназначенных для квашения рыбных запасов. Ямы сопутствовали поселениям или располагались обособленно от них. Они отличались значительным диаметром (1,5–2,0 м) и глубиной (последнее было необходимо для обеспечения активного дренажа), в них сохранились остатки невыбранных слоев рыбы, реже встречены кости животных и птиц. Обнаружены также каменные и костяные орудия, фрагменты характерной ранненеолитической керамики. Ямы характеризуются еще и тем, что почти в каждой из них выявлены остатки прикладов, несомненно, связанные с иррациональной деятельностью человека.

Кроме того, при исследовании памятника Усть-Тартас-1 был выявлен ритуальный комплекс данной культуры, представляющий ярко выраженное архитектурное сооружение, сопровождаемое прикладами.

Важно, что для ряда объектов рассматриваемого культурного образования получены более 20 дат в нескольких лабораториях Германии и России, которые позволяют надежно маркировать выше перечисленные комплексы концом VIII – началом VI тыс. до н. э. (Молодин и др., 2019).

Оценивая ситуацию, можно констатировать, что наличие в исследуемых памятниках поселенческих и ритуальных комплексов весьма напоминает картину, неодно-

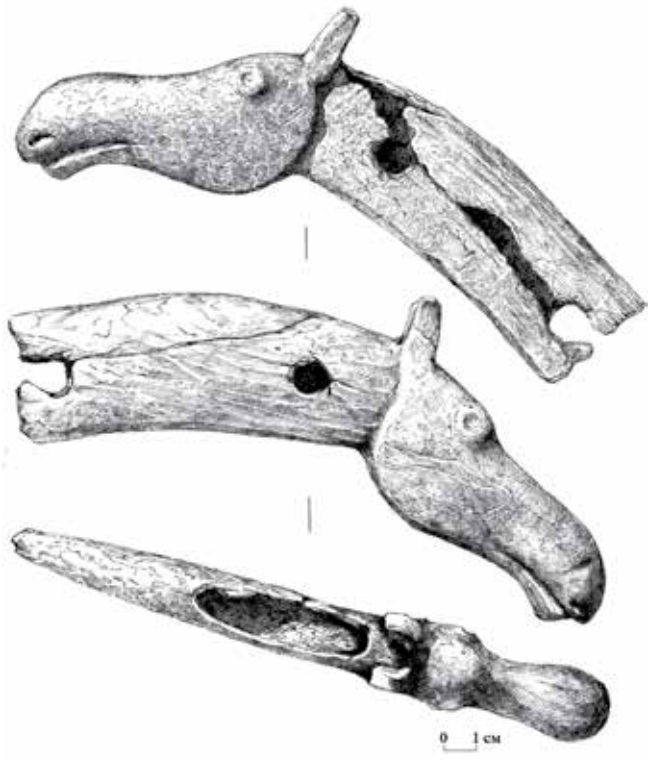


Рис. 1. Навершие в виде головы лося из ритуального комплекса памятника Усть-Тартас-1.

кратно отмеченную для таежной зоны Восточной Европы, где культовые места, а иногда еще и могильники, нередко сопутствовали поселениям (Крайнов, 1988. С. 43; Ошибкина, 1992. С. 7). Такое сочетание было явлением не случайным, а свидетельством постоянной практики иррациональных действий, которая сопровождала повседневную жизнь человека данной эпохи в разных формах проявления (отсюда и вариабельность «капищ»).

К числу ритуальных жертвоприношений (прикладов), выявленных в ямах для квашения рыбы на раннеолитических комплексах рассматриваемой культуры, относятся:

– полные трупы животных и крупные части тушек – лисицы, горностая, собаки, зайца (иногда по несколько особей);

– помещение на дно ямы живого животного, которое какое-то время жило в яме (росомаха);

– помещение отдельных голов (или черепов) животных (волка);

– помещение мясной пищи животных и птиц (косули, волка (зубы), лося, лисицы, зайца, лебедя, уток, а также птичьи яйца);

– помещение фрагментов костей позднеплейстоценовой фауны (череп и рог бизона, фрагмент черепа и рога благородного оленя).

Выявленное на памятнике Усть-Тартас-1 неолитическое святилище, по-видимому, обладало особыми функциями по сравнению с хозяйственными ямами-хранилищами. Оно представляло собой подпрямоугольной формы площадку, примыкающую к краю высокой террасы, локализованную узким и глубоким ровиком. С внутренней и внешней стороны ровику сопутствовали округлые и овальные в плане ямы незначительной глубины и не образующие строгую систему.

Значительная часть ям содержала остатки мясной пищи (кости животных), каменные и костяные орудия труда, оружие (орнаментированный вкладышевый кинжал), фрагменты ранненеолитической посуды. В одну из ям была помещена голова (череп) собаки. При этом животное имело прижизненную патологию.

Все эти находки явно свидетельствуют о жертвоприношениях, своего рода прикладах, принесенных обитателями этих мест на «капище».

Аналогичные предметы были выявлены и в самом ровике. Картину существенно дополняют подвески из клыков хищников и колотушка из рога (возможно для бубна). Кроме того в центральной его части, с внутренней стороны, к нему была пристроена яма, содержащая уникальный набор костяных и каменных предметов. Их компактное положение говорит о том, что набор был помещен в яму в какой-то емкости и представлял собой, несомненно, ритуальный приклад, специально помещенный на святилище.

В нижней части скопления лежал набор из пяти концевых скребков, двух ножевидных пластин, скола со шлифованного изделия, шлифованного тесла, а также нуклеуса с тремя аплицируемыми к нему отщепами. На каменных предметах находились несколько эпифизов костей конечностей куропатки с отверстиями для подвешивания, а также фрагмент челюсти собаки и астрагалы лисицы. Выше располагался конусовидный предмет из рога (может быть – клюв от ритуальной маски?), имеющий почти полные аналогии из ритуального клада святилища Сахтыш II волосовской культуры (Крайнов, 1992. Рис. 138). Еще выше были помещены массивная лопатка, выполненная из центральной части черепа лося (или гигантского оленя?) с оформленным зубчиками рабочим краем, два костяных лощила и костяное орудие с приостренным рабочим краем. Над ними располагались четыре кости ног лебедя, принадлежавшие нескольким особям, массивная кость (крупное копытное?)–заготовка для производства орудий со следами сколов, вкладышевый кинжал.

На все эти предметы было помещено великолепно выполненное навершие в виде головы лося с небольшой изогнутой рукоятью с двумя круглыми отверстиями для крепления (рис. 1). Обращает на себя внимание реализм передачи образа и удивительное мастерство его исполнения.

Аналогичные навершия известны на памятниках, в том числе в погребениях и святилищах, преимущественно северо-западной части Европы от эпохи мезолита до энеолита (см. например: Гурина, 1956; Ошибкина, 1992б; Крайнов, 1992; Студзицкая, 1997; Жульников, Кашина, 2010). Представляемая находка является самой восточной из известных на сегодняшний день подобных произведений. Функционально подобные навершия могли венчать различные предметы (посохи, жезлы, лодки, лыжи и т.д. (Столяр, 1983), однако при этом их сакральный смысл – бесспорен.

Наконец, скопление перечисленных предметов было увенчано массивным костяным орудием, выполненным из лопатки лося (или гигантского оленя?) длиной около полуметра. Изделие представляет собой массивный режущий инструмент типа косы или серпа, форма которого была стилизована под изображение птицы с массивной головой и шеей, украшенной волнообразными рельеф-

ными нарезками. Сходство с птицей добавляло орудие из рога, специально положенное на изделие сверху и символизирующее крыло.

Таким образом, перед нами яркое проявление культовых комплексов с системой разнообразных по своей направленности сценариев. Если тушки животных в ямах для квашения рыбы были предназначены духам и богам для приумножения и сохранения рыбных запасов, от чего зависела жизнь целого коллектива, то второе святилище было сложнее по своей семантической направленности. Рельефно выраженный ровик мог быть основой архитектурного сооружения (своего рода храма), где происходили всевозможные ритуальные действия, реконструировать которые мы способны лишь от части, привлекая аналогии из археологической (прежде всего, петроглифической) и этнографической литературы.

Таким образом, можно сказать, что исследованные в Обь-Иртышском междуречье ранненеолитические ритуальные комплексы в целом вписываются в известный в историографии круг святилищ, характерных, прежде всего, для неолитических культур таежной зоны Евразии (Искусство..., 1992). Их роднит и характерные для святилищ сакральные образы, и символы. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на оригинальные проявления культовой практики (содержание в яме живого животного), помещение в качестве прикладов образцов (возможно, костей) плейстоценовой фауны, оригинальных орудий, и архитектуру, что может свидетельствовать о разнообразии ритуальных действий, характерных для обитателей северных, предтаежных лесостепей Западной Сибири.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 18–09–00406 «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез».

Список литературы

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. М.: АН СССР, 1956. № 47. 430 с.

Жульников А.М., Кашина Е.А. «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (42), 2010. С. 71–78.

Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука, 1992. 136 с.

Крайнов Д.А. К вопросу о религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 38–44.

Крайнов Д.А. Искусство в неолите – энеолите. Русская равнина, Центр. // Искусство каменного века (лесная зона восточной Европы) М.: Наука, 1992. С. 68–111.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Пархомчук Е.В., Калинкин П.Н., Пархомчук В.В., Растигеев С.Д. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использование установки «Ускоритель масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Том 47, № 1. С. 15–22.

Ошибкина С.В. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века (лесная зона восточной Европы). М.: Наука, 1992. С. 7–40.

Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Искусство каменного века (лесная зона восточной Европы) М.: Наука, 1992. С. 44–67.

Столяр А.Д. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983. С. 145–158.

Студзицкая С.В. Ритуальные «жезлы-посохи» неолита лесной полосы Евразии // Актуальные проблемы древней и средневековой Евразии. Томск: ТГУ, 1997. С. 95–103.

К вопросу выделения памятников татарско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье

© 2020 г. В.В. Морозов[1] (vikromolot@mail.ru), А.А. Выборнов[2], А.В. Лыганов[3], А.Л. Смирнов[4]

[1] Археологическая реставрационная компания «Техстройпроект», Москва, РФ
[2] Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ
[3] Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, РФ
[4] Институт археологии РАН, Москва, РФ

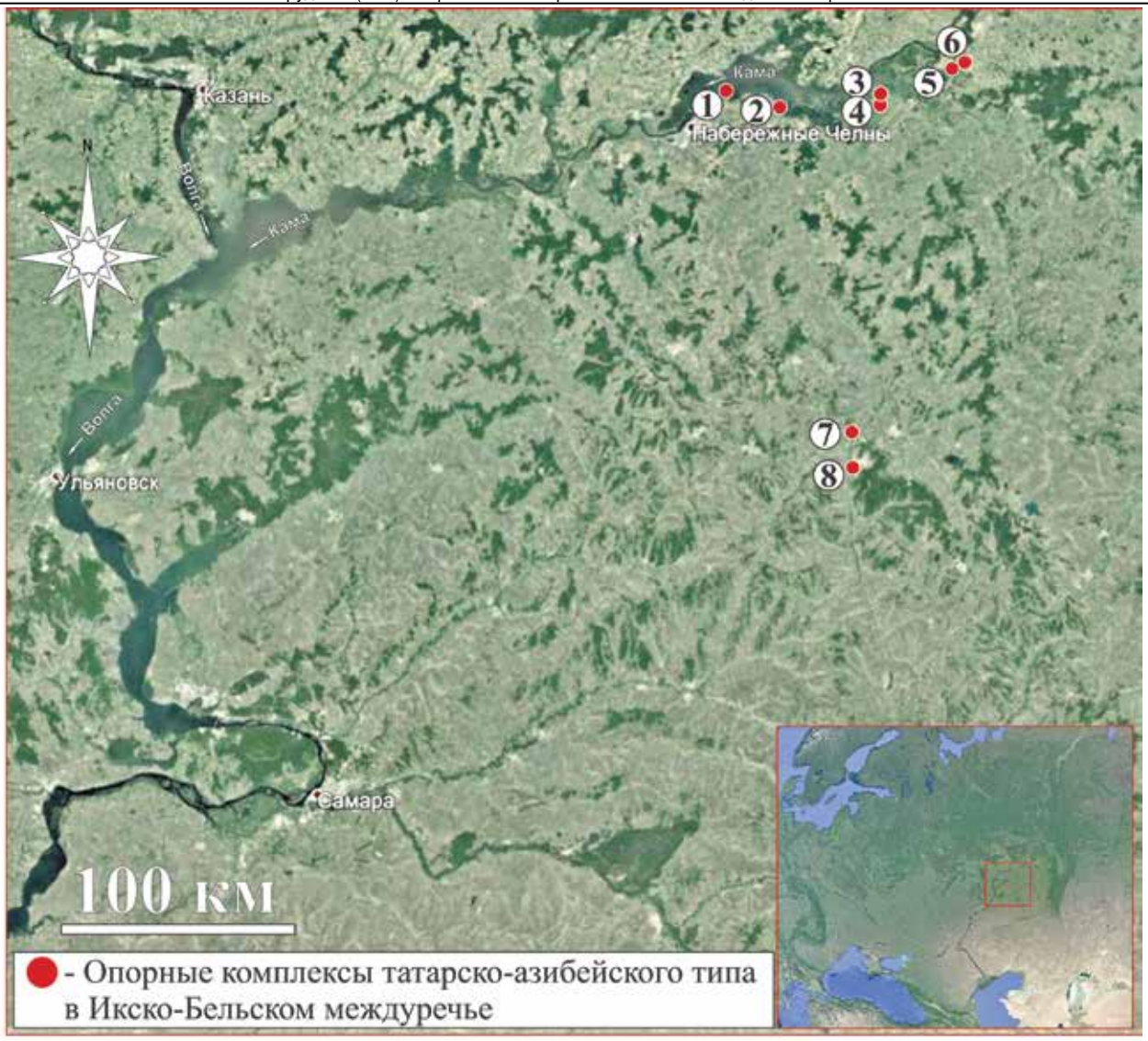
Аннотация. В работе рассмотрены памятники татарско-азибейского типа переходного времени от неолита к энеолиту. Они выявлены в небольшом количестве и сосредоточены преимущественно в Икско-Бельском междуречье. Материальная культура памятников данного типа отличается от синхронных культур неолита-энеолита Прикамья и сопредельных регионов. Это затрудняет поиск аналогий и истоков появления носителей этой традиции на очерчиваемой территории.

Судя по имеющимся радиоуглеродным датам памятники тат-азибейского типа можно отнести к первой половине IV тыс. до н. э.

Ключевые слова: неолит, энеолит, накольчатая керамика, татарско-азибейский тип, Икско-Бельское междуречье.

В начале 70-х годов XX в. Р.С. Габяшевым было исследовано II Татарско-Азибейское поселение (Габяшев, 1978). На нем была выявлена керамика с накольчатой системой орнаментации, культурная принадлежность и датировка которой до настоящего времени вызывают определенные затруднения.

На памятнике в плотном однородном заполнении очага № 3 на дне объекта № 4 (-30–80 см от уровня вы-



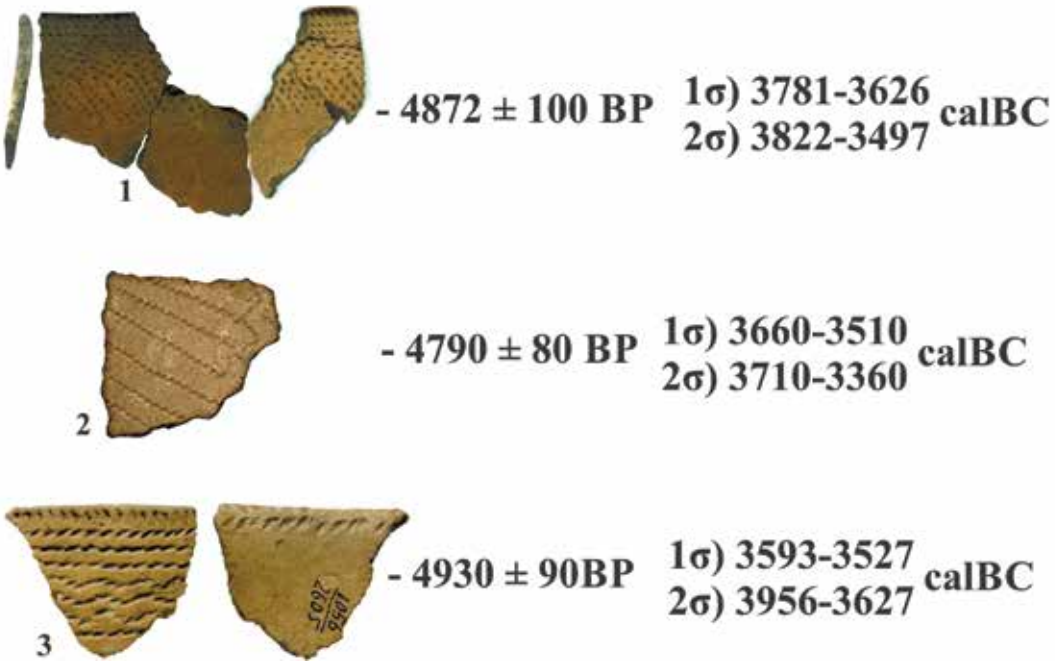


Рис. 1. Опорные комплексы татарско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье: 1 – Дубовогривская II, 2 – Гулюковская I, 3 – Татарско-Азибейское II, 4 – Русско-Азибейская, 5 – Сауз II, 6 – Сауз I, 7 – Какрабашевская, 8 – Муллино; Керамика татарско-азибейского типа, по которой получены радиоуглеродные определения: 1 – Гулюковская I стоянка, 2 – Татарско-Азибейское II поселение; 3 – стоянка Заборное озеро I (Среднее Прикамье).

явления) были выявлены только фрагменты керамики татарско-азибейского типа (далее ТАТ) с медными шлаками, обломком оплавленного тигля. Этот контекст позволил исследователю утверждать принадлежность населения, оставившего памятники ТАТ, к эпохе энеолита (Габяшев, 1982. С. 32–33).

На сегодняшний момент вопросы происхождения, взаимодействия с местными культурами и дальнейших суд населения, оставившего памятники ТАТ, сохраняют свою актуальность.

В Икско–Бельском междуречье стационарно исследовано семь поселений, которые содержат материалы ТАТ: II Татарско-Азибейское, Муллино, Русско-Азибейская, Сауз II, Гулюковская I, Дубовогривская II, Какрабашевская. Эти памятники приурочены к дюнам в пойме или краям низких нерасчлененных террас старичных озер, крупных и малых рек.

Накольчатая керамика ТАТ заметно отличается от посуды синхронных культур неолита-энеолита Прикамья и сопредельных территорий. Всего на памятниках выделено как минимум 354 сосуда ТАТ.

Плоскодонная посуда имеет баночную, зачастую с раздутым туловом, форму. Большинство сосудов имеют тонкие стенки 0,4–0,6 см, хотя и присутствуют экземпляры толщиной до 0,8 см. Некоторые донца имеют большую толщину, достигая 1,4 см. В глиняном тесте сосудов отчетливо фиксируются фракции шамота. Срезы венчиков округлые, прямые и скошенные внутрь. Абсолютное большинство из них орнаментированы насечками. Характерной чертой является и украшение внутренней стороны венчика. Форма верхних частей посуды разнообразная. Орнамент наносился наколами преимущественно овальных, подквадратных и треугольных очертаний в отступающей технике. Редки узоры из прочерченных линий. Характерной особенностью является и расположение орнамента на верхней и придонной частях сосуда, включая плоское донце. Орнаментальным мотивам присущи различные волнообразные, вертикальные, наклонные, горизонтальные ряды и их сочетания.

Отдельные фрагменты плоскодонных накольчатых сосудов ТАТ были выявлены в Пермском Предуралье на памятниках: Заборное озеро I, Бойцовское I, Тюремка I и Усть-Очер I. Примечательно, что такие черепки не отделялись исследователями от неолитической или «флажковой» посуды (Бадер, 1961. С. 115, 215) или соотносились с новоильинским горизонтом (Мельничук, 2011. С. 25).

Р.С. Габяшев, полагал, что ТАТ продолжал традиции развития накольчатой керамики Щербетьского круга памятников развитого неолита (Габяшев, 2003. С. 81). Также исследователем не исключались и зауральские параллели в материалах боборыкинского типа (Габяшев, 1982. С. 33).

Проанализировав все накольчатые комплексы Нижнего Прикамья, А.А. Выборнов пришел к выводу, что памятники ТАТ были оставлены очередной волной лесостепного населения, которое продвинулось на север уже на грани неолита и энеолита. Таким образом, ранняя накольчатая керамика приустьевой части Камы и татарско-азибейского типа между собой не связаны и имеют только отдаленное культурное родство (Выборнов, 1992). Высказано предположение, что носители культуры поздней накольчатой керамики могли принимать участие в формировании новоильинской культуры (Наговицын, 1993).

По керамике II Татарско-Азибейского поселения была получена дата Ki-14099 4790±80 BP 1σ) 3660–3510 2σ) 3710–3360 cal BC, которая долгое время оставалась единственной (Выборнов, 2008). Сейчас появились еще несколько дат. По керамике Гулюковской I стоянки получено определение SPb-2377: 4872±100 BP 1σ) 3781–3626 2σ) 3822–3497 cal BC (Морозов и др., 2017. Рис. 2, *1*). Для накольчатой керамики стоянки Заборное озеро I (Среднее Прикамье) получено определение Ki-16860: 4930±90 BP (Васильева, Выборнов, 2012) 1σ) 3593–3527 2σ) 3956–3627 cal BC. Абсолютные даты, несмотря на их малочисленность, имеют очень близкие значения, которые позволяют очертить хронологический интервал функционирования ТАТ в Икско-Бельском междуречье, укладывающийся во временной промежуток в пределах первой половины IV тыс. до н. э.

Исходя из полученных данных предварительно можем утверждать, что в первой половине IV тыс. до н. э. на территорию Икско-Бельского междуречья проникают носители керамики ТАТ, которые, судя по небольшому количеству памятников, были малочисленным и, вероятно, пришлым населением. По всей видимости, носители ТАТ не могли принимать участия в формировании новоильинской культуры, как это предполагалось. Судя по абсолютным датам (Выборнов и др., 2019), формирование новоильинской культуры произошло раньше, в последней четверти V тыс. до н. э.

Список литературы

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99. 199 с.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. 2012. Вып. 8. С. 33–50.

Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара: СамГПИ, 1992. 147 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. 2019. Вып. 1 (44). С. 34–47.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 40–66.

Габяшев Р.С. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 26–34.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н. э. Казань: ФЭН, 2003. 222 с.

Мельничук А.Ф. Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 1 (15). С. 22–36.

Морозов В.В., Лыганов А.В., Капленко Н.М. Поздненеоли-

тический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2017. № 3 С. 70–88.

Наговицын Л.А. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. 1993. С. 59–76.

Социокультурные пространства в неолите Урала

© ***2020 г. В.С. Мосин*** *(mvs54@mail.ru)*

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, РФ
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, РФ

Аннотация. В статье анализируются пространственный аспект в формировании основных культурных традиций в неолите Урала. Выделение основных признаков, по которым можно определять идентичность древних социумов, картографирование памятников и прослеживание преемственности региональных традиций позволяют моделировать социокультурные пространства неолитического населения в Зауралье, Волго-Уралье и Прикамье.

Ключевые слова: неолит, Урал, социокультурное пространство, идентичность, керамические традиции, социум.

Природные условия позднеледниковья (тундростепи, холодные степи, степи) не отличались большим разнообразием на огромных пространствах. То же самое можно сказать и об основных разновидностях животного мира того времени: мамонт, северный олень, лошадь, бизон и т.д. Все это сказывалось на выработке близких адаптационных стратегий у людей, создавало очень похожий образ жизни. Миграции стад животных в перигляциальной тундростепи могли достигать несколько сотен километров, что существенно влияло на мобильность общин древних охотников, вынужденных следовать за животными. Мобильность предполагает высокую вероятность пересечения маршрутов отдельных общин, частые межобщинные контакты и допускает возможность передачи и преемственности некоторых технических стандартов, составляющих особенные элементы сходства между достаточно удаленными друг от друга каменными индустриями.

На рубеже неоплейстоцена и голоцена, около 10300 лет назад на интересующей нас территории Северной Евразии происходит резкий природно-климатический перелом, связанный с потеплением и смягчением континентальности климата, распадается периляциальная зона, происходит перестройка структуры ландшафтов от гиперзонального к зональному. На фоне формирующихся ландшафтов пребореала и бореала в мезолите начинает проявляться вполне определенное территориальное своеобразие отдельных традиций Зауралья, Волго-Уралья и Прикамья. Основные черты комплекса каменных орудий, отражающих традиции населения Урала и Зауралья, осваивавшего преимущественно лесостепи от восточных предгорий до междуречья Тобола и Ишима, мы фиксируем в коллекциях памятников региона. Необходимо отметить наметившуюся дуальность в мезолитических комплексах Зауралья: часть стоянок (Выйка II, Сухрино I, Родники II, Ташково II, IV) не содержит такие характерные типы орудий, как геометрические микролиты – трапеции и треугольники; в другой части стоянок (Серый камень, Янгелька, Андреевка, Чебаркуль XVII, Черная гора) геометрические микролиты присутствуют.

Переход от мезолита к неолиту в Зауралье не вызвал заметных перемен в производстве, основанном на микропластинчатом расщеплении и вкладышевой технике. Не изменилась ни стратегия расщепления, структурная схема распределения орудий, ни их типология. В раннем неолите Зауралья мы также фиксируем две основные традиции декорирования керамики: кошкинскую и козловскую с несколькими вариантами – кокшаровско-юрьинским, евстюнихским и собственно козловским. Кошкинская традиция также неоднородна, в ней есть сосуды с круглыми и плоскими днищами, неорнаментированные и с декором, выполненным в отступающе-накольчатой технике, с различной стилистикой декора.

На рубеже раннего и позднего неолита в течение 200–300 лет (по существующей в данный момент радиоуглеродной хронологии) в Зауралье сосуществуют почти все традиции и варианты декорирования керамической посуды, характерных для раннего и позднего неолита. В конце раннего неолита козловская и кошкинская традиции практически сливаются и становятся неотличимы. На этой основе при переходе к позднему неолиту формируется также две традиции: полуденская с «классическим» волнисто-гребенчатым, отступающее-накольчатым и гребенчатым вариантами и боборыкинскую с басьяновским и собственно боборыкинским вариантами. Можно с уверенностью утверждать, что полуденская традиция наследует позднюю козловско-кошкинскую. Говорить уверенно о прямом наследовании традиций: козловско-кошкинская-басьяновская-боборыкинская пока не приходится, хотя отдельные факты говорят в пользу признания ее (например, наличие порой неразличимых плоских днищ в кошкинской и боборыкинской посуде). Вполне возможен вариант такого наследования с участием социумов позднего варианта барабинской ранненеолитической традиции лесостепного Ишимо-Иртышья. Современный уровень знаний позволяет говорить о преемственности технологических традиций и основных форм в изготовлении орудий из камня от мезолита до неолита, без кардинальных инноваций. Технологические и орнаментальные традиции в гончарном производстве также укладываются в наши представления о генетической связи. Картографирование комплексов с основными признаками существовавших традиций позволяет определить социокультурное пространство зауральского населения.

Памятники мезолита Волго-Уралья к настоящему времени пока немногочисленны и не имеют четко выраженного своеобразия традиций, поэтому включаются в обширный круг памятников пластинчатого технокомплекса Предуралья. На всей территории Волго-Уралья, включая его южную часть, бытуют типичные охотничьи стоянки с пластинчатым инвентарем. Также, как в мезолите За-

уралья, здесь намечается сосуществование двух основных традиций. Первая представлена романовско-ильмурзинскими памятниками с пластинчатым инвентарем, вторая – памятниками типа Постников Овраг III. Для мезолита региона характерна высокая пластинчатость индустрии и большое количество орудий на пластинах, а также использование высококачественного сырья.

Неолит Волго-Уралья начинается с появлением здесь елшанской культурной традиции. Согласно представлениям современных исследователей (И.Н. Васильева, А.А. Выборнов), елшанская керамика имела достаточно развитый облик и была привнесена в регион путем миграции групп населения с территорий, где гончарство уже существовало и прошло определенный этап развития. Можно констатировать и серьезные системные различия в кремневых индустриях мезолитического и ранненеолитического елшанского населения региона. Исследователи отмечают высокую степень сходства керамики Средней Азии и посуды елшанской культуры. Это позволяет достаточно уверенно предполагать заимствование навыков керамического производства лесостепного Поволжья в результате непосредственной миграции части носителей кельтеминарской культурной традиции Арало-Каспийского региона.

Социумы елшанской культурной традиции на позднем этапе своего существования вступают в контакт с населением накольчато-прочерченной керамической традиции Нижней Волги. Под влиянием нижневолжского населения в елшанском гончарстве получают распространение плоскодонность, примесь толченой ракушки в тесте, треугольный накол в отступающей манере, геометризированные схемы узоров. Следует подчеркнуть, что не фиксируется резкой смены населения на территории Самарского Поволжья, а получает распространение синкретичная керамика с чертами, присущими обеим культурам. Это обстоятельство свидетельствует о сосуществовании представителей данных культурных традиций на определенном историческом этапе. Со временем южная традиция становится господствующей на территории лесостепного Поволжья, а также начинает появляться керамика автохтонного происхождения, украшенная отпечатками зубчатого и гребенчатого штампа, что позволяет констатировать образование новой культурной традиции – средневолжской, которая сочетает в себе несколько вариантов: накольчатая, гребенчатая, зубчатая. В кремневой индустрии влияние нижневолжского неолита нашло отражение в увеличении пластинчатости, как на поздних елшанских памятниках, так и в средневолжских. Гребенчатая керамика позднего неолита по технологии и тождественна средневолжской. Таким образом, можно констатировать существование на территории Волго-Уралья социокультурного пространства от раннего до позднего неолита. Миграция части населения с Нижней Волги не нарушило, а лишь разнообразило это единство.

Генезис камской неолитической культурной традиции исследователи связывают с развитием местного мезолита. Сравнение позднемезолитических и ранненеолитических памятников Прикамья показало высокий уровень сходства по таким критериям, как расположение памятников, форма жилищ, способы обработки камня. Сравнительный анализ каменного инвентаря позднего мезолита и раннего неолита свидетельствует в пользу автохтонного характера переходного процесса. Основные исследователи (А.А. Выборнов и Е.Л. Лычагина) полагают, что имеющиеся на сегодняшний день материалы, свидетельствуют о том, что основным компонентом при формировании камской неолитической культуры был местный мезолит.

В своем развитии камская культура прошла три этапа. На первом этапе для изготовления сосудов использовались исходное пластичное сырье и крупный шамот. В качестве орнаментира использовались мелко и среднезубчатый длинный и короткий штамп. Узоры простые: ряды наклонных оттисков, вертикальный зигзаг, ряды длинных отпечатков, разделенные короткими оттисками. На всех памятниках каменный инвентарь значительно превышает керамический комплекс и близок по параметрам мезолитическому. На втором этапе в камской культурной традиции происходят серьезные изменения. Значительно возрастает число стоянок. Укрупняются размеры памятников, увеличивается мощность культурных слоев и артефактов в них. Сосуды полуяйцевидной формы с прикрытым горлом и округлым дном. Характерной чертой становится наплыв на внутренней стороне венчика. Орнаментация гребенчатым штампом с увеличением доли ямчатых вдавлений овальной формы. Происходит усложнение орнаментальных композиций, представленных «плетенкой», заштрихованными треугольниками, ромбами. Присутствуют сосуды с типичными зауральскими орнаментами. Параметры каменного инвентаря увеличиваются при сохранении орудий труда на пластинах и возрастании процента орудий с двусторонней обработкой. Фиксируются локальные варианты камской культуры: среднекамский, икско-бельский, нижнекамский и др. Заключительный этап камского неолита представлен стоянками левшинского типа. Дальнейшая судьба камских рыболовов и охотников сопряжена с их трансформацией в новоильинскую культурную традицию. Имеющиеся материалы свидетельствуют о таких близких признаках как технология изготовления керамики, формы сосудов и системы их орнаментации, ассортимент орудий труда.

Преемственность основных показателей всех этапов камской культурной традиции на конкретной территории позволяет говорить о существовании социокультурного пространства камского неолита.

Социокультурная идентичность есть элемент реализации социумом своей определенности в данном пространственно-временном континууме, ее содержанием являются культурные и социальные представления, навыки и образцы, разделяемые в той или иной степени членами социумов разных уровней. Пространственная парадигма в социокультурном измерении позволяет увидеть культуру и социум как единое целое, обладающее особой структурой, определенными элементам однородности и одновременно – многомерности. В неолите Урала сформировались три крупных территориально-хронологических идентичностей населения Зауралья, Волго-Уралья и Прикамья, которые можно рассматривать как социокультурные пространства. Эти пространства синхронно и диахронно взаимосвязанных тысячелетних традиций, ограниченные «другими» традициями-идентичностями создают многомерную систему истории человеческого общества.

Мастерская по обработке сланца Берёзово 2 на Карельском перешейке

© 2020 г. Р.И. Муравьёв[1] (alcesalces243@gmail.com), Е.С. Ткач[2], Д.В. Герасимов[3]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ
[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ
[3] Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Проведенные в 2018 г. раскопки стоянки-мастерской Берёзово 2 позволили получить представительную коллекцию сланцевого инвентаря, насчитывающую более 1000 артефактов. Представлены изделия для рыбной ловли (грузила, острия и стержни от составных рыболовных крючков), охоты (наконечники стрел), деревообработки (долота, тесла) и др. Высокий процент сланцевых плиток, заготовок и незаконченных изделий со следами абразивной обработки (пиления и/или шлифовки), по-видимому, свидетельствует о том, что в коллекции представлен полный технологический контекст изготовления перечисленных категорий инвентаря из сланца в эпоху неолита – раннего металла.

Ключевые слова: неолит, эпоха раннего металла, Карельский перешеек, мастерская, сланец.

Специализированные мастерские по изготовлению определенных типов изделий являются важным индикатором социально-экономических изменений, происходивших в лесной полосе Восточной Европы в конце 4 – начале 3 тыс. до н. э. (см. Карманов и др. в настоящем сборнике). В качестве мастерской может быть интерпретирован комплекс сланцевых предметов с поселения Берёзово 2 в Северо-Западном Приладожье, на границе Республики Карелия и Ленинградской обл. В ходе раскопок поселения в 2018 г. была вскрыта практически вся площадь археологического памятника. Использование современной методики фиксации позволило исследовать структуру поселения и выделить ряд функциональных зон (Герасимов и др., 2018). До этого раскопки поселений каменного века в Северном Приладожье большими площадями проводились около столетия назад, в основном силами Национальной службы древностей Финляндии, а материалы этих раскопок стали эталонными для изучения мезолита-неолита Восточной Балтики в целом (Pälsi, 1915).

Типология находок свидетельствует, что на Берёзово 2 представлено несколько культурных контекстов (поздний мезолит – VII–VI тыс. до н. э., комплекс развитого неолита с типичной гребенчато-ямочной керамикой – IV – нач. III тыс. до н. э., комплекс энеолита – раннего металла с асбестовой керамикой – III – нач. II тыс. до н. э.). Отсутствие выраженной стратиграфии залегания и широкие хронологические рамки бытования некоторых сланцевых орудий вынуждают особое внимание обратить на распространение и взаиморасположение находок.

Коллекция сланцевого инвентаря с Берёзово 2 насчитывает 1175 артефактов общим весом свыше 4 кг. Сланцевые изделия для рыболовства были проанализированы в специальной публикации (Муравьев и др., 2019). Особого внимания также заслуживает серия шлифованных наконечников метательного вооружения, в т.ч. типа Пюхеенсилта (35 шт.). Типы сланцевых наконечников из материалов Берёзово 2 укладываются в типологию, предложенную А.М. Жульниковым для энеолита Карелии (Жульников, 1999. С. 56–58, рис.47). Помимо них, с Берёзово 2 происходят шлифованный топор-клевец с проушиной, тесла (8 шт.), миниатюрные тесла (долота, стамески – 41 шт.), в т.ч. когтевидные (3 шт.), ножевидные орудия (20 шт.), проколки (22 шт.), подвеска, орнаментиры – гребенчатые штампы (2 шт.), оселки (2 шт.), площадочные и аморфные нуклеусы (7 шт.). Около 700 предметов в коллекции – это отдельности сырья в виде сланцевых плиток и фрагменты со следами пиления и абразивной обработки. Заготовки различной степени готовности и выбракованные заготовки представлены 54 экземплярами.

Выделение технологических зон визуально осложняется тем, что при абразивных техниках остается меньше видимых отходов, чем при расщеплении. Основная масса сланцевых находок планиграфически привязана к центру поселения и локализуется в стороне от жилища, расположенного в тыловой части террасы. Прослеживаются два скопления. К юго-востоку от жилищной впадины отмечено вытянутое с северо-запада на юго-восток скопление сланцевых изделий и отходов производства, представляющих полный контекст изготовления сланцевых грузил и наконечников. Данное скопление было интерпретировано как специальная функциональная зона. Второе скопление находок приурочено к хозяйственной зоне с многочисленными ямами-кострищами вблизи края террасы в юго-восточной части поселения. Между скоплениями и в других частях памятника сланцевые находки единичны.

При анализе коллекции были учтены факторы твердости и слоистости. Две трети артефактов изготовлены из сравнительно мягкого шиферного сланца с выраженной слоистостью, особенно на изломе. Артефакты из твердых видов сланца (в т.ч. метатуфа – зеленого онежского сланца) представлены в количестве 340 единиц. Вероятно, последние в большинстве являются импортом с территории Прионежья. В сравнении с качественным онежским сланцем шиферный сланец может проигрывать по ряду параметров, что ограничивает его использование для изготовления макроорудий, а также применение традиционных для обработки твердого сланца оббивки и пикетажа. Этим же объясняется то, что изделия из сланца подобного качества в основном, за редким исключением, не предназначены для обработки твердых материалов и служили предметами охотничьего вооружения (наконечники стрел), орудиями рыболовства (стержни и жала составных крючков, грузила), либо относились к духовной сфере. Однако данное сырье явно имело и ряд преимуществ. Из него легко получить тонкие плитки путем намеренного расслоения сланцевых отдельностей. В силу небольшой твердости материал требует меньше трудозатрат при обработке, обладает сравнительно малым весом, что могло сыграть роль в использовании его для производства наконечников стрел и рыболовного инвентаря, легко поддается хорошо представленным на Берёзово 2 абразивным техникам – шлифовке и пилению. Это сближает технологию его обработки с обработкой кости (Жилин, 1993). На предметах хорошей сохранности шлифовка довольно тщатель-

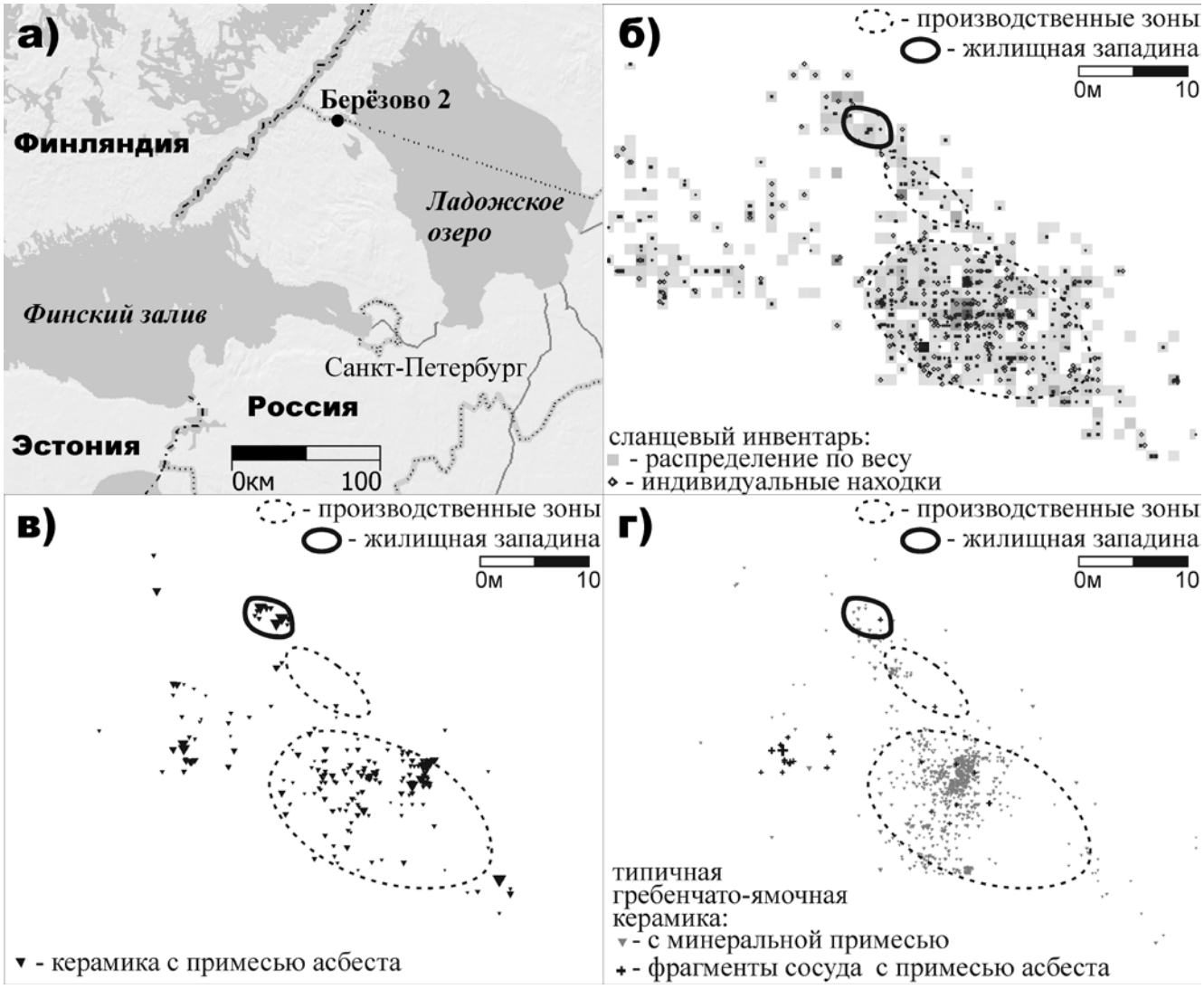


Рис. 1. а) карта расположения поселения Берёзово 2; б-г) планиграфия находок.

ная. Пиление могло быть односторонним либо способом встречного двустороннего распила, что коррелирует с материалами памятников Карелии (Тарасов, 2001. С. 143). Следы шлифовки и пиления видны примерно на четверти сланцевых плиток и заготовок, всего около 200 предметов. Это резко контрастирует с редким эпизодическим применением техник сверления (7 случаев), в т.ч. биконического, оббивки (4 случая), ретуши (1 случай). Также к этому технологическому контексту относятся несколько десятков некрупных шлифовальных плиток из песчаника. Данные находки указывают на наличие мастерской и местное производство отдельных категорий сланцевого инвентаря – наконечников стрел, орудий рыболовства, проколок и т.п. Это подтверждается находками незавершенных и сломанных заготовок. При этом внушительное количество отходов позволяет утверждать, что количество изготовленных изделий превышало потребности поселения и, вероятно, составляло «обменный фонд». Хронологически мастерская с большей степенью вероятности привязывается к комплексу асбестовой керамики. Также на это указывают представительная серия наконечников типа Пюхеенсилта, мелкие размеры вещей с ориентацией на охотничье вооружение, полное отсутствие сланцевых колец. Пока остается открытым вопрос о локализации источника сырья.

Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов» № 19–18–00375.

Список литературы

Герасимов Д.В., Ткач Е.С., Гончарова Е.Н. Раскопки неолитической стоянки Берёзово 2 в Северо-Западном Приладожье (полевые наблюдения и предварительные интерпретации) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2018. № 8. СПб.: Периферия. С. 9–20.

Жилин М.Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М.: Русская Равнина. 1993. 64 с.

Жульников А.М. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН. 1999. 187 с.

Муравьев Р.И., Ткач Е.С., Герасимов Д.В. Грузила и составные крючки: сланцевые артефакты в неолите Карельского перешейка (по материалам стоянки Берёзово 2) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). № 9. СПб.: Невская книжная типография. 2019. С. 209–216.

Тарасов А.Ю. Изменчивость каменного инвентаря на тер-

ритории Карелии в неолите – раннем железном веке: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск. 2001. 304 с.

Pälsi S. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // SMYA, 28. 1915. Helsinki. С. 7–181.

Промысловый инвентарь и фаунистические остатки в памятниках неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии как свидетельство морской адаптации

© *2020 г.* ***А.И. Мурашкин*** *(aimurash@yandex.ru),* ***А.М. Киселев***

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. На основании типологического анализа костяного промыслового инвентаря из памятников Северной Норвегии и Кольского полуострова выделены четыре периода: A – 5000–2500 cal BC, B – 2500–1600 cal BC, C – 1500–1100 cal BC, D – 900 cal BC- cal BC/AD (датированы на основе ^{14}C). Анализ фаунистических материалов в датированных комплексах показывает, что с 2500 cal BC в хозяйстве заметно возрастает роль охоты на тюленей и китообразных. Это совпадает с появлением в промысловом инвентаре поворотных гарпунов.

Ключевые слова: Северная Фенноскандия, неолит, эпоха раннего металла, наконечники гарпунов, рыболовные крючки, морской промысел, адаптация.

Для характеристики хозяйства древнего населения побережья Северной Норвегии и Кольского полуострова от каменного до железного века (5000 cal BC – BC/AD) проанализирован специализированный промысловый инвентарь из кости / рога и состав охотничьей добычи (фаунистические остатки). Для анализа фаунистических остатков привлечены материалы из 27 объектов, раскопанных на 13 памятниках; промысловый инвентарь учтен из 39 объектов на 17 памятниках. Среди объектов представлены замкнутые (погребения), полузамкнутые (жилища и раковинные кучи), открытые (культурный слой поселений) комплексы.

К специализированному охотничьему и рыболовному инвентарю относятся наконечники гарпунов (155), острог (83), стрел/дротиков (282) и рыболовные крючки (337). Наконечники гарпунов представлены поворотными (19) (с открытым и закрытым гнездом) и зубчатыми (136); рыболовные крючки делятся на цельные (298) и составные (39). Среди цельных рыболовных крючков имеются с бородкой (161) и без нее (137). В результате анализа цельных рыболовных крючков и зубчатых наконечников гарпунов выделено четыре группы устойчиво совстречающихся типов. Эти группы интерпретируются как периоды, на основании 40 радиоуглеродных дат установлены их границы: A – 5000–2500 BC; B – 2500–1600 BC; C – 1500–1100 BC; D – 900 BC – BC/AD (Мурашкин, Киселева, 2018; Мурашкин и др., 2019. С. 89–90).

Период A. Характерны массивные односторонние зубчатые наконечники гарпунов с большим количеством зубцов, с треугольным насадом или с отверстием для крепления линя; поворотные гарпуны неизвестны. Наконечники острог, за исключением одного экземпляра, также односторонние и с большим количеством зубцов. Крючки с бородкой имеют выступ на головке для крепления лески, их поддев, как и поддев крючков без бородки, – разнообразной формы. Составных рыболовных крючков не известно.

Период B. Насад всех зубчатых наконечников гарпунов – прямоугольный или трапециевидный, часто с выступами в верхней части; у некоторых типов сохраняется отверстие. Наконечники гарпунов и острог – одно- или двусторонние. Появляются поворотные гарпуны. У крючков с бородкой сохраняется выступ на головке, все они приобретают U-образный поддев. Половину всех рыболовных крючков составляют появившиеся в этот период составные.

Период C. Среди зубчатых наконечников гарпунов наиболее частый – тип с трапециевидным насадом и двумя расположенными на разной высоте зубцами. Поворотные наконечники гарпунов представлены только экземплярами с открытым гнездом. Все рыболовные крючки с бородкой имеют прямоугольный поддев. В этот период неизвестны наконечники острог и рыболовные крючки без бородки.

Период D. Происходит унификация инвентаря: известны только однозубые наконечники гарпунов с трапециевидным насадом; все поворотные наконечники гарпунов – с закрытым гнездом; практически все крючки с бородкой имеют прямоугольный поддев и одинаковое крепление. Снова появляются (?) наконечники острог и рыболовные крючки без бородки. Составные рыболовные крючки не известны.

Фаунистические остатки на протяжении неолита – раннего железного века включают кости морских и сухопутных млекопитающих, рыб, птиц (Renouf, 1989; Hodgetts, 1999; Киселева, Мурашкин, 2019). Основные прослеженные изменения: в период A кости рыб (треска, сайда, пикша) доминируют (50–95 %); в небольшом количестве во всех памятниках представлены кости тюленей (прежде всего гренландского); кости китообразных представлены в единичных экземплярах. В период B доля костей рыб сокращается (7–65 %); количество костей тюленей и моржей резко увеличивается (15–90 %); кости китов представлены в 9 из 12 комплексов (2–30 %). В период C фауна представлена только в Кольском Оленеостровском могильнике (данные недостаточны для статистических подсчетов); доминируют кости наземных млекопитающих, костей птиц, тюленей, рыб очень мало (Колпаков и др., 2019. С. 342–348). В период D основную долю добычи составляет рыба и, в меньшей степени, морские млекопитающие (5 %).

Промысловый инвентарь и состав фаунистических остатков однозначно свидетельствуют о морской адаптации существовавших в древности на побережье Баренцева моря коллективов. На протяжении 5000 лет наблюдается устойчивость категорий инвентаря и форм орудий; изменение их конструкции происходит плавно в сторону унификации. Фаунистический состав коллекций сходен. Соотношение основных промысловых видов рыб оставалось примерно одинаковым; различия между памятниками, возможно, отражают разные сезоны лова. Среди морских

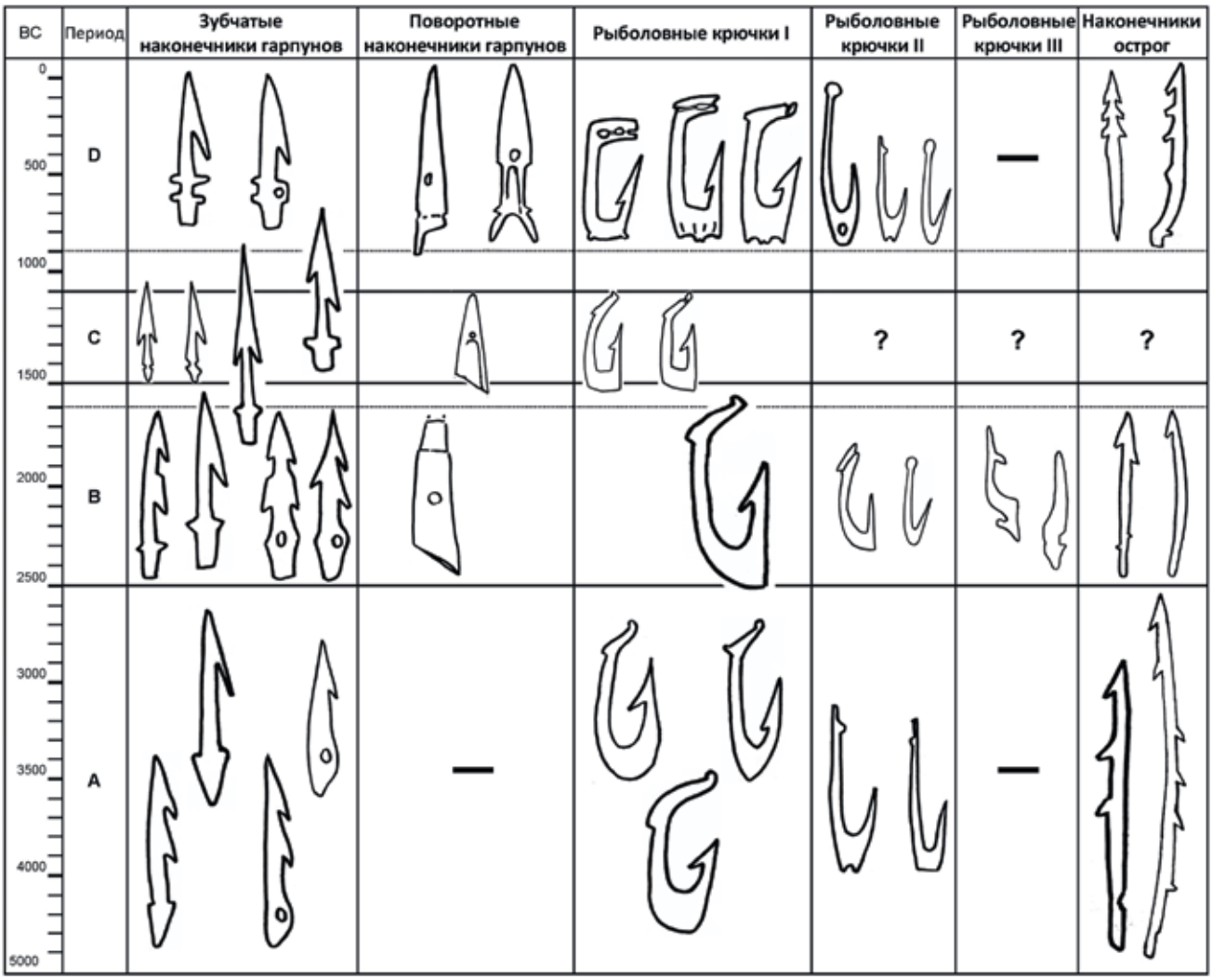


Рис. 1. Периодизация костяных и роговых орудий Северной Фенноскандии.

млекопитающих на всех памятниках доминирует гренландский тюлень. Очевидно увеличение пропорции морских млекопитающих и китообразных в период В. Развитие инвентаря соответствовало изменениям в составе добычи; так внедрение поворотных гарпунов совпадает с увеличением доли костей тюленей, моржей и китообразных в фаунистических остатках.

Статья публикуется при поддержке гранта ОГОН РФФИ (17–31–01070) «Костяной и роговой инвентарь позднего неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: динамика развития»

Список литературы

Киселёва А.М., Мурашкин А.И. Морская охота и рыболовство на побережье Северной Фенноскандии до рубежа эр // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 171–179.

Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник: 1925–2013. СПб.; Вологда: Древности Севера, 2019. 480 с.

Мурашкин А.И., Малютина А.А., Киселёва А.М. Костяной и роговой инвентарь неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: типология, технология, трасология // Записки Института истории материальной культуры РАН, № 20. 2019. С. 85–103.

Мурашкин А.И., Киселёва А.М. Динамика развития костяного инвентаря Северной Фенноскандии (неолит – эпоха раннего металла) // Археология Арктики: сборник. ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», Вып. 5, 2018. С. 107–119.

Hodgetts L. Animal bones and human society in the late Younger Stone Age of arctic Norway. Unpublished PhD dissertation. University of Durham, 1999. 401 p.

Renouf M.A.P. Prehistoric hunter-fishers of Varangerfjord, Northeastern Norway. Oxford: Archaeopress, 1989. 254 p. (British Archaeological Reports. International Series. 487).

Комплексы с пористой керамикой периода энеолита на территории Верхней Сухоны

© *2020 г. Н.Г. Недомолкина* *(nedomolkiny_ljv@mail.ru)*

Вологодский государственный музей-заповедник, Вологда, РФ

Аннотация. Стоянок с пористой керамикой на территории Верхней Сухоны не было известно до конца 70-х годов XX столетия. Планомерные археологические исследования, проводимые в области в 1980–2000-е годы позволили открыть десятки поселений энеолита. В бассейне Верхней Сухоны к настоящему времени известно около 80 стоянок с пористой керамикой. В работе дается описание пористых керамических комплексов из раскопок опорных поселений Вёкса, Вёкса 3 и сборов со стоянок реки Сухоны.

Ключевые слова: Верхняя Сухона, энеолит, пористая керамика.

Результаты изучения поселений с пористой керамикой на территории Вологодчины ограничены периодом конца 70-х годов XX столетия. В западной части Вологодской области в Восточном Прионежье были выявлены стоянки со своеобразной материальной культурой, датируемые первой половиной III тыс. до н. э. Стоянки с пористой керамикой получили название Модлона по эпонимной стоянке Модлона, представляющей ранний период существования этого населения. А.Я. Брюсов противопоставил Модлону I местным каргопольским стоянкам и отметил их враждебные отношения (Брюсов, 1961). При этом предполагалось западное происхождение населения Модлоны I. М.Е. Фосс, принимая западное происхождение Модлоны I и отмечая сходство материалов обоих слоев стоянки, сочла возможным верхний слой (Модлона II) отнести к каргопольской культуре в качестве второго этапа ее развития (Фосс, 1959). Говоря о происхождении Модлоны II, М.Е. Фосс полагала юго-западное происхождение обитателей стоянки. П.Н. Третьяков отнес стоянку к кругу урало-камских культур (Третъяков, 1966). С.В. Ошибкина на основе анализа керамического материала отнесла стоянку Модлона к волосовской культуре (Ошибкина, 1966. С. 27–37).

Стоянки типа Модлона II: Ольский Мыс, могильник Каргулино и др. относятся к позднему периоду и представляют, по мнению А.Я. Брюсова и С.В. Ошибкиной местный вариант культуры (Ошибкина, 1978 С. 129.).

Памятники с пористой керамикой на территории Вологодской области позволили Д.А. Крайнову включить эту территорию в ареал волосовской культурно-исторической общности. В настоящее время памятники типа Модлона с пористой керамикой отнесены к ее северо-западному варианту (Крайнов, 1987. С. 12).

В бассейне Кубенского озера и р. Сухоны стоянки с пористой керамикой были не известны, хотя в свое время А.Я. Брюсов предположил, что подобные памятники могут быть открыты в бассейне Кубенского озера (Брюсов, 1952).

Археологические исследования в области в 1980–2000-е годы, которые были проведены археологами, в том числе и автором, позволили открыть десятки новых поселений энеолита. Накоплен новый фактический материал, который практически не введен в научный оборот. Только несколько статей посвящены керамике ряда стоянок (Недомолкина, 2005; Недомолкина, 2006; Андрианова, Васильева, 2018).

В бассейне Верхней Сухоны к настоящему времени известно около 80 стоянок с пористой керамикой. В основном материалы представлены разведочными сборами. Только на двух опорных для Верхней Сухоны памятников – Вёкса, Вёкса 3 энеолитические слои систематически изучаются с 1992 г. ВАЭ под руководством автора.

Ранний комплекс получил название «Вёкса – К», поздний «Вёкса – И». На поселении Вёкса 3 пористая керамика происходит из 3–4 слоя памятника.

В раскопах 2003–2004 гг. на пятом участке Вёксы найдены развалы пористых сосудов без раковины с геометрическим и композиционным орнаментом. Венчики округлые, слегка отогнуты наружу. Фрагменты сосудов плотные, легкие, с лощением. Они отличаются от керамики раннего пористого комплекса, представленного сосудами средних размеров, прикрытой формы. Венчики сосудов слегка утолщенные, с карнизиками, скошены внутрь сосуда, иногда округленные или повторяющие форму венчиков неолитического времени без утолщения, есть Т и Г- образные венчики, отогнутые внутрь сосуда. По торцу венчика наносились отпечатки сильно вдавленного штампа, что придает ему некоторую волнистость. В слое преобладает керамика светло-коричневого цвета, встречаются черепки черного цвета. Светло-коричневая керамика более тонкостенная и плотная, фрагменты черного цвета рыхлые, крошатся при взятии. Внизу слоя, найдены фрагменты серой толстостенной керамики. Орнамент выполнен длинным и коротким гребенчатым штампом, угловым штампом, нанесенным в отступающей манере, овальными ямчатыми вдавлениями. Встречаются ряды длинных и коротких гребенчатых отпечатков, вертикальные зигзаги, елочный орнамент, диагональные полосы. Ямки нанесены в зоне венчика, неглубокие неправильные ямчатые вдавления играют роль разделителей гребенчатых зон. Присутствуют ногтевидные вдавления. Аналогии материалам данного комплекса находятся в материалах нижнего слоя стоянки Модлона, а также Модлона II (Ошибкина, 1978. С. 119) и в волосовских комплексах (Крайнов, 1987. С. 16–17) и датируются IV – первой половиной III тыс. до н. э.

Поздний комплекс представлен толстостенной пористой керамикой с Т–Г- образными венчиками, шириной по срезу до 3 см. Тесто сосудов желтого, красноватого цвета. Узоры выполнены оттисками мелкого гребенчатого штампа. Аналогичная керамика имеется в материалах стоянки Каргулино (Ошибкина,1978. С. 132), а также в поздних волосовских комплексах конца III – начала II тыс. до н. э.

Ранний керамический комплекс поселения Вёкса 3 содержит фрагменты пористых сосудов черного и коричневого цвета. В керамическом тесте сосудов с тычковым орнаментом – значительная примесь раковины, растительная примесь, в сосудах с ямочным орнаментом раковины нет. Сосуды средних размеров, прикрытой формы с округлым дном. Встречается керамика, орнаментированная исключительно ямками. Основные штампы – овальная гребенка,

тычковые наколы, ямка. Орнамент на некоторых сосудах читается четко, на некоторых выглядит расплывшимся. По нагару пористого сосуда с ямочным орнаментом получена дата 5425±30 (КИА-33926). Второй керамический комплекс поселения Вёкса 3 находит аналогии в материалах Модлоны.

Пористая керамика из подъемного материала более разнообразна. Здесь присутствуют фрагменты светло-коричневого и черного цвета с преобладанием гребенчатого штампа, ямочных, ямчатых вдавлений. Фрагменты котловидных сосудов с разреженным гребенчатым штампом сопоставимы с пористой керамикой памятников средней, нижней Сухоны (Андрианова, Васильева, 2018), Европейского Северо-Востока (Стоколос, 1997. С. 295).

Выразительные керамические материалы получены на стоянке Устье-Борозды, которая находится на правом берегу реки Сухоны при впадении р. Борозда (Решетовская). Первая группа керамики представлена фрагментами коричневого, серого, темно-серого цвета от круглодонных, прикрытой формы, повторяющих форму сосудов периода неолита. Орнаментальные мотивы повторяют неолитические. Ямка становится неглубокой, неправильной формы. В основном узоры наносились различными наколами ромбовидной, треугольной, круглой, овальной формы в отступающей манере, короткими гребенчатыми отпечатками и их имитацией веревочным штампом. Данный керамический комплекс близок ранней пористой керамике поселения Векса 3. Подобная керамика распространена и встречается на ряде стоянок Верхней Сухоны – Устье – Вологодское VIII, XXII, XXIII, Рязанка и др. Вторая группа керамики представлена фрагментами, выполненными из черного рыхлого теста с большой примесью раковин. Судя по придонным частям, сосуды были с уплощенным донцем. Керамика орнаментирована линиями узкого гребенчатого штампа и разреженными ямчатыми наколами. Третья группа керамики представлена фрагментам сосудов темного, светло-коричневого цвета, для которых характерны прикрытая форма, слегка отогнутый край венчика. Керамика тонкостенная, ее средняя толщина в среднем 5 мм. Орнаментальные композиции сложные. Использовались удлиненные гребенчатые, веревочные штампы, отпечатки ракушек, наколы, в том числе ямчатые.

Таким образом, энеолитические керамические пористые комплексы на памятниках Верхней Сухоны разные, что очевидно, связано с их культурно-хронологической принадлежностью. В сложении новых керамических традиций на раннем этапе развития ведущую роль играют неолитические племена. Форма сосудов, орнамент сохраняются. Заимствуются только добавки в состав формовочной массы. Керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, указывает на то, что в сложении энеолитических культур участвует еще один культурный компонент, происхождение которого связано с северо-востоком. Появление редких элементов в виде ромба на пористой посуде свидетельствует о том, что существуют связи с населением западных, северо-западных территорий Восточного Прионежья и южных районов Карелии. В дальнейшем на Верхней Сухоне преобладают поселения типа Модлона и Модлона II.

Список литературы

Андрианова Л.С., Васильева Н.Б. Керамический комплекс стоянки Усть-Царева-2 в Тотемском районе Вологодской области // Историки. Поколения. Взгляды: материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 19–21 октября 2017 г.). Вологда: ВоГУ, 2018. С. 46–52.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы. М., 1987.

Недомолкина В.В. Пористая керамика поселений Устье Борозды и Векса 3 в бассейне Верхней Сухоны // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар, 2006. С. 107–114.

Недомолкина Н.Г. Результаты работ на комплексе многослойных поселений Вёкса в 2003 году (К вопросу о периоде энеолита в бассейне Верхней Сухоны) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса. Вологда, 2005. С. 41 -47.

Ошибкина С.В. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре // СА, 1966. № 4.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология республики Коми. М.: ДиК. 1997.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966.

Фосс М.Е. Неолитическая стоянка Бисерово озеро // КСИИМК, 1959. Вып.75.

Проблемы культурно-хронологической периодизации неолитических погребений Приольхонья (озеро Байкал)

© *2020 г. А.Г. Новиков (as122@yandex.ru), О.И. Горюнова*

Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ

Аннотация. На основе анализа и серийного AMS-датирования неолитических погребений Приольхонья выделено несколько групп, объединенных характерными признаками. В раннем неолите: хоторукская – приольхонский вариант китойской погребальной практики (7749–7163 кал. л.н.) и курминская (8177–7330 кал. л.н.) группы; в позднем неолите – маломорский вариант серовской погребальной практики (5465–4523 кал. л.н.).

Ключевые слова: Байкал, Приольхонье, неолит, погребальные комплексы, хронология, периодизация.

Первые неолитические погребения на территории Приольхонья (западное побережье оз. Байкал от мыса Елохин до р. Большая Бугульдейка, включая остров Ольхон) обнаружены и вскрыты в 1959 г. отрядами Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР под общим руководством М.П. Грязнова (исследовано 7 погребений на могильниках: Улярба III, Улан-Хады IV и Елга III). За прошедший более чем шестидесятилетний период на территории Приольхонья разными академическими и вузовскими экспедициями исследовано 15 могильников и одиночных погребений периода неолита, включающих 63 захоронения. В основном они представлены серовскими погребениями позднего неолита (Горюнова, 1997). К раннему неолиту были отнесены единичные погребения и намечено среди них выделение по особенностям погребальной практики двух групп – хоторукская и курминская (Новиков, Горюнова, 2012). В настоящее время значительно увеличилась фактологическая база по захоронениям раннего неолита и их радиоуглеродному датированию (Weber et al., 2016). Стало возможным на новом уровне провести анализ погребальных комплексов неолита Приольхонья и определить их культурно-хронологическую периодизацию.

Погребения раннего неолита

По особенностям погребальных практик (трупоположение в могильной яме, ориентация и дополнительные детали погребального обряда, состав и типология сопроводительного инвентаря) в раннем неолите Приольхонья выделено две группы захоронений, объединенных стабильным набором признаков: хоторукская и курминская.

Хоторукская группа – представлена 15 погребениями (21 костяк) из 4 могильников: Хоторук II, Шаманский Мыс I погребение № 3 (1972 г.), Хонхойская Губа I № 2–7 и Хужир-Нугэ IX № 3. Погребения размещались под каменными надмогильными и/или внутримогильными сооружениями. Характерны трупоположения: с согнутыми ногами на спине (7), на правом боку с подогнутыми ногами (7), на боку в скорченной позе (6). В одном случае отмечено вторичное захоронение в виде кучи костей (Хоторук II № 5). Преобладают индивидуальные захоронения. Встречаются двойные погребения (4) – Хоторук II № 3, 5 и Хонхойская Губа I № 3, 5. Одно из них (Хоторук II № 3) с ярусным размещением покойных. Отмечена коллективная могила (Хоторук II № 2), содержащая 3 костяка в разном положении: на боку с подогнутыми ногами и на спине с согнутыми ногами. Сочетание разных трупопомещений в одной могиле зафиксировано и в двойном погребении № 5 Хоторука II (на боку с подогнутыми ногами и вторичное захоронение). Основная ориентация покойных – головой на север (с небольшими отклонениями к западу или востоку). В трех случаях (№ 2 Хоторук II; № 3 и 5 Хонхойская Губа I) расположение покойных по принципу антитезы. Выделяется погребение № 3 (1972 г.) Шаманского Мыса I, ориентированное на восток. Характерной особенностью погребений этой группы является полная или частичная засыпка покойных охрой (исключение составляют погребения № 2 и 6 Хонхойской Губы I). Как правило, сопроводительный инвентарь в могилах малочислен; в 5 могилах он отсутствовал. По ряду особенностей обряда (наличие дополнительного перекрытия из бересты и конструкции из деревянных колышек, совместное захоронение собак, большое количество и разнообразие инвентаря) выделяется погребение № 3 (1972 г.) Шаманского Мыса I.

Хоторукская группа захоронений по основным признакам погребальной практики аналогична классическим китойским комплексам Верхнего Приангарья: засыпка охрой, антитезное размещение покойных, состав и типология сопроводительного инвентаря. Необычные особенности обряда, зафиксированные в погребении Шаманского Мыса I, также находят аналогии в китойских погребениях Верхнего Приангарья (использование кольев – в 3 погребениях Китойского могильника; захоронение с собакой – в погребении № 26 Шаманки II на южном Байкале). В числе сопроводительного инвентаря – характерные китойские изделия: стерженьки составных рыболовных крючков с полулунными выступами на концах и фронтальным креплением острия, наконечники стрел с вогнутой базой и асимметричными шипами, гарпуны с отверстием в основании, ложка-лопаточка с плоским резервуаром, миниатюрная рыбка-приманка, керамический сосуд с оттисками сетки-плетенки.

Региональные отличия заключаются в наличие каменных надмогильных и внутримогильных сооружений, в положении покойных (на спине с согнутыми ногами, на боку с подогнутыми ногами и скорченные). Подобное помещение покойных в могилу характерно для Восточнобайкальской (фофановской) группы китойских погребений и ряда погребений могильника Шаманка II. Однако их отличает отсутствие каменных сооружений и ориентация покойных (в основном на ЮВ и восток).

Ко второму массиву захоронений раннего неолита Приольхонья относится *курминская группа*. Она включает 11 погребений из 4 могильников: № 20–24, 27 Курмы XI, № 22, 23, 34 Сарминского Мыса, № 7 Хужир-Нугэ XIV, № 1 Мыса Уюга. Для нее также характерно наличие каменных надмогильных и внутримогильных сооружений. Все захоронения индивидуальные. Преобладает трупоположение вытянутое, на спине (5). На могильнике Курма XI отмечено расположение костяков со слегка согнутыми ногами: на правом боку (№ 22) и на спине (№ 27). Ориентация всех покойных головой на С–СЗ. Охра во всех погребениях

этой группы не зафиксирована. Сопроводительный инвентарь малочислен, в его составе: призматические пластины, отщепы, скребок и угловой резец. В 7 могилах изделия не обнаружены. Датирующим предметом является шнуровой сосуд хайтинского типа, найденный в погребении № 1 Мыса Уюга. Такая керамика характерна для комплексов поселений юга Средней Сибири, возраст которых в пределах 8,2–6,7 кал. л.н.

По погребениям раннего неолита Приольхонья получена серия из 15 корректированных AMS-дат (Weber et al., 2016). Судя по ним курминская группа погребений существовала в пределах 8177–7330 кал. л.н., а хоторукская – в пределах 7749–7163 кал. л.н. Вероятно, какой-то период обе погребальные практики сосуществовали. Отмечено, что захоронения с различными традициями погребения не встречаются на одних могильниках. Вероятно, они принадлежали разным группам населения.

Погребения позднего неолита

На территории Приольхонья захоронения позднего неолита представлены однородной группой погребений из 9 могильников (37 захоронений): Сарминский Мыс, Хужир-Нугэ VI, Улярба III, Шракшура II, Халуринский Мыс I, Елга III, Шаманский Мыс I (погребения № 3 1975 г. и № 1 1976 г.), Харанса I и Будун IV (Горюнова, 1997; Новиков, Горюнова, 2012). Для погребальной практики характерны: наличие надмогильного и внутримогильного сооружений из камней, трупоположение вытянутое на спине, ориентация головой на север (с небольшими отклонениями), частичное сожжение в могильной яме, наличие берестяного покрытия, большое количество двойных и коллективных захоронений с ярусным расположением погребенных, определенный порядок в размещении покойных в совместных могилах (детские – поверх взрослых), наличие и устойчивый набор сопроводительного инвентаря, преобладание орудий охоты и большой процент керамических сосудов. Выделены особенные (редко встречаемые) признаки: трупопомещение на боку с согнутыми ногами (3 случая на могильнике Будун IV), вторичное захоронение и наличие отдельных пятен охры.

По основным признакам погребальной практики группа захоронений позднего неолита Приольхонья наиболее сопоставима с серовскими комплексами Приангарья (маломорский вариант серовской погребальной традиции). Их также сближает характерный набор и типология сопроводительного инвентаря: гладкостенные сосуды, украшенные штамповыми вдавлениями, топоры, тесла и пластинчатые ножи из нефрита и сланца, ножи-бифасы, рыбки-приманки сигообразной формы, наконечники стрел с черешком и ромбовидные, костяные обкладки лука, роговые отжимники. Уникальной является находка изделия в виде растянутой шкуры медведя, украшенная по краям насечками.

В числе региональных отличий: наличие берестяного покрытия покойных, использование в обряде огня, ярусное размещение покойных в совместных захоронениях и ориентировка погребенных. Серия корректированных радиоуглеродных AMS-дат (34 определения), полученных по комплексам погребений позднего неолита Приольхонья в пределах 5465–4523 кал. л.н. (Weber et al., 2016).

В целом, в неолите Приольхонья отмечено многообразие погребальных практик, свидетельствующих о более сложных этнических процессах, протекавших на этой территории, чем представлялось ранее.

Исследование выполнено по гранту Правительства РФ, проект № 075–15–2019–866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Список литературы

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 112 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Неолитические погребения Приольхонья (оз. Байкал): периодизация и хронология // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Монг. гос. ун-т, 2012. Вып. 3, ч. 1. С. 80–89.

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. V. 419. P. 74–98.

Этнографические данные и экспериментальное моделирование в процессе изучения технологии изготовления древней керамики

© 2020 г. Г.Н. Поплевко *(poplevko@yandex.ru)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Комплексный подход в исследованиях технологии изготовления керамики включает технологический анализ, трасологический метод, петрографические исследования состава теста и используемых глин, этнографические наблюдения, и экпериментальное моделирование разных техник и приемов лепки древних сосудов. Последние два подхода показали свою большую значимость при анализе исходных данных по древней керамики разных культур и реконструкции применяемых методов при формовке сосудов.

Ключевые слова: древняя керамика, этнография ручной леки сосудов, экспериментально-трасологические исследования керамики, петрография керамики.

Изучение этнографических данных по разным регионам мира показало, насколько разнообразны приемы ручной лепки сосудов (Электронные ресурсы: 1–5). Процесс лепки сосудов не линеен и не такой последовательный, как мы ранее считали в процессе обучения на лекциях в университете. Это очень сложный и многообразный, часто многокомпонентный процесс, включающий сочетание разных приемов в процессе изготовления сосудов. В более

Рис. 1. Эксперимент по обжигу сосудов в яме.

Рис. 2. Экспериментальные сосуды после обжига.

ранних публикациях автора были показаны самые разнообразные приемы изготовления круглодонных сосудов лепкой из одного куска глины путем вытягивания и переформатирования руками в процессе лепки (Поплевко, 2012; 2013а, б, в). Помимо этого приема, были описаны приемы сочетания ручной лепки и последующего переформатирования с помощью деревянных лопаточек и каменной наковаленки внутри сосуда, либо использовалась ручная лепка и последующее переформатирование каменными пестами, один из них более миниатюрный использовался внутри сосуда, а более крупный – снаружи (Поплевко, 2014а, 2014б, 2014в, 2014г; 2015). Особенность этих пестов в том, что у них более широкий диаметр основания и скругленность краев, в отличие от пестов, которые используются в металлообработке-ковке или дроблении руды. Также на примерах этнографии были показаны приемы лепки из комка глины, выбивка комка глины до половины сосуда или целого сосуда, ручная лепка лентами целого сосуда, выколотка поверхности с помощью деревянных лопаточек и каменных наковаленок, а также проковка всей поверхности стенок сосудов каменными двумя пестами. Наиболее полно были исследованы материалы майкопской культуры (Поплевко, 2019; Резепкин, Поплевко 2019).

Многообразие приемов лепки и формовки сосудов показывает, что при исследование древних материалов следует тщательно фиксировать все возможные деформации и отпечатки как на внешней, так и на внутренней поверхностях, а также на сломах фрагментов керамики. Анализируя все обнаруженные признаки, можно более полно и детально реконструировать древние техники лепки и последующей обработки стенок поверхности сосудов, разглаживанием руками или лощением каменными гальками, а также костяными лопаточками или обломками фрагментов костей.

Экспериментальные исследования автора проводились с 2010 по 2019 гг., был накоплен огромный опыт по лепке сосудов разных форм и размеров от баночных и остродонных неолитических до профилированных плоскодонных и круглодонных эпохи энеолита-бронзы (рис. 1–2).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00548а.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. М., 1972. С. 14–23.

Кореневский С.Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М., 1993. 167 с.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004. 243 с.

Поплевко Г.Н. Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф. Махачкала, 2012. С. 117–119.

Поплевко Г.Н. Технология изготовления майкопской керамики // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия: Тез. докл. Круглого стола. М., 2013а. С. 29–31.

Поплевко Г.Н. Трасологическое исследование материалов поселения майкопской культуры Чекон // Материалы Шестой международной Кубанской археологической конференции. Краснодар; Широкая Балка. 2013б. С. 344–349.

Поплевко Г.Н. Эксперименты по лепке профилированной керамики // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 28. Мінск, 2013в. С. 271–279.

Поплевко Г.Н. Разные технологические приемы ручного изготовления профилированной керамики // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014а. С. 151–157.

Поплевко Г.Н. Приемы ручной лепки круглодонной керамики по данным археологии, этнографии и экспериментального моделирования // Материалы XXVIII Крупновских чтений «Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа». М., 2014б. С. 88–91.

Поплевко Г.Н. Техника выколотки и ручная лепка сосудов без использования гончарного круга» // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань, 2014в. С. 482–485.

Поплевко Г.Н. Об устойчивости культурной традиции в технологии изготовления керамики (на примере данных археологии и этнографии) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. I. Омск; Тюмень; Екатеринбург. 2014г. С. 118–124.

Поплевко Г.Н. Технология изготовления керамики в энеолите – раннем бронзовом веке на Северо-Западном Кавказе // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога: (к 140-летию Александра А. Миллера). СПб. 2015. С. 169–174.

Поплевко Г.Н. Майкопская керамика: технологические приемы изготовления и ангобирование // «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)». Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию российской академической археологии. Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 136.

Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. Беляевское – поселение майкопской культуры на Кубани // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М., 2019. С. 90–129.

Электронные ресурсы

1. A Day in the Life of A Village – Sayaga: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/ watch?v=wbCOGPSHoNY.

CCE Cañar – Jatumpamba: Alfarería cañari: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/ watch?v=dOya8D22h2s.

2. Pottery in Palakkad: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/ watch?v=Xi9wX4peqSM)

Cazuelas de Barro: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/ watch?v=synYKMG74dk.

3. Bundi bicycle tour 2: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/ watch?v=mkxai99MHI4.

4. Matka – The earthen pot making India: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=kAPLoLcL08q.

5. Pottery Traditions of India: Видео [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=7qmIkx2v2EY.

Верхнеенисейская неолитическая культура в Туве

*© **2020 г. Вл.А. Семёнов** (ranbov@yandex.ru)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Верхнеенисейская неолитическая культура была выделена в процессе исследования многослойной стоянки Тоора-Даш в Туве в течении полевых сезонов 1978–1984 годах. Этот уникальный памятник насчитывал 13 культурных слоев, четыре из которых содержали керамику и каменный инвентарь неолитического времени. Неолитические слои перекрыты слоем афанасьевской культуры. Других памятников неолита в Туве практически нет, кроме верхних слоев в 1-ом Куйлуг-Хемском гроте.

Ключевые слова: неолит, Тува, стоянки, верхнеенисейская культура, керамика, каменный инвентарь.

Тува – горностепной регион Центральной Азии, в котором не аккумулируются почвенные накопления, а песчаные дюны постоянно перевеваются, поэтому памятники каменного века, так называемые развеянные стоянки, не имеют сохранившегося культурного слоя. Исключения очень редки. К ним относится бескерамическая стоянка Усть-Хемчик 3, которую отчасти можно считать и мезолитической (Беляева, 1972. С. 114). Не вызывающей сомнения неолит был выделен на стоянке Тоора-Даш, расположенной на правом берегу Енисея в 5 км ниже устья реки Хемчик, то есть уже на географическом Енисее, поскольку выше Хемчика река официально называется Улуг-Хем (Семенов, 2018). На Тоора-Даше благодаря сложившимся специфическим условиям образовался полукилометровый омут, и речные накопления оседали в пойме. В результате мы имеем многослойный памятник с 13-ю культурными слоями, нижние из которых – с первого до четвертого относятся к неолиту. Датировка неолита бесспорна, поскольку эти слои перекрывает слой, содержащий керамику афанасьевской культуры.

Даты, полученные по ^{14}C, ложатся в 3 тысячелетие до н. э. По-видимому, они сильно омоложены в сравнении с Минусинской котловиной, где афанасьевская культура датируется первой половиной-серединой 3 тысячелетия до н. э. (Поляков, 2010. С. 158–171). Но стратиграфия четкая и мы в данном случае опираемся на нее, как подлинный факт, а не случайности, которые могут возникнуть в процессе обработки органических материалов.

Итак, на Тоора-Даше четыре культурных слоя залегают в вертикальной последовательности, и все они разделены стерильными прослойками. Четвертый культурный слой не содержал артефактов, но в нем имелись следы очагов или кострищ, так что речь пойдет о трех нижних слоях, насыщенных бытовыми остатками и культовыми сооружениями. Керамика в этих трех слоях носила исключительно гребенчатую орнаментацию и представляется как единое целое, что позволяет объединить их в одну культуру, названную мной верхнеенисейской (Семенов, 2004. С. 70–72). Тоже подтверждается и анализом каменного инвентаря.

В первом культурном слое выявлены цепочки из 13 каменных сооружений, возможно связанных с погребальной обрядностью. В первом сооружении найдено 60 отщепов халцедона. Халцедон был найден также в 9 сооружении. Все наконечники стрел в этом слое были сломаны, но найден один целый гарпун из кости, а из фрагментов керамики был собран целый керамический округлодонный сосуд. Мы предположили, что это погребальные сооружения, но из-за частых наводнений человеческие кости не сохранились. Подтверждение мы нашли в Тодже на стоянке Азас II, где в таком же примерно сооружении было найдено расчлененное захоронение женщины. Ее останки были представлены черепом без нижней челюсти и тазовыми костями в сочленении с длинными костями ног. В силу перемешанности культурного слоя определить точно культурную принадлежность этого захоронения невозможно (Семенов, 2018. С. 296–299). Но на стоянке Азас II были выявлены еще две подобные по конструкции выкладки, в одной из которых были фрагменты черепа, а в другой зубы человека. Таким образом можно предположить, что и на Тоора-Даше подобные каменные объекты были не поминальниками, а погребальными сооружениями.

Второй культурный слой был вскрыт на площади 540 кв. м. Стратиграфически он расчленяется на три горизонта, разделенных стерильными прослойками. Из уникальных находок можно выделить пластину из окаменевшего дерева с геометрическим орнаментом, целый рог оленя возле большого очага, множество фрагментов декорированной гребенчатым штампом керамики, из которых подобрались почти полные формы сосудов и каменный инвентарь. Это продольные и поперечные скребла, концевые скребки, двусторонне ретушированные вкладыши, наконечники стрел с вогнутым основанием, подобные тем, что были обнаружены в первом слое. Помимо пластины из окаменевшего дерева интереснейшей находкой являются подвески из атрофированных клыков марала, существующие от палеолита до скифского времени.

Третий культурный слой был вскрыт как и предыдущий на площади 540 кв. м. Очаги, каменные выкладки, фрагменты гребенчатой керамики были также зафиксированы в этом слое. Из уникальных находок можно назвать две миниатюрные костяные иголки, одну с сохранившимся ушком, а также костяное острие, которое иногда называют вязальной спицей для сетей. Стоит также упомянуть кости рыб, что свидетельствует о том, что неолитические обитатели Тоора-Даша занимались рыбным промыслом, что подтверждает и наличие гарпуна в первом культурном слое. Но в третьем слое не было наконечников стрел и двусторонне ретушированных вкладышей.

Ближайший к Тоора-Дашу памятник неолитической культуры – это 1-ый Куйлуг-Хемский грот, частично исследованный в 2002–2005 гг. (Семенов, Васильев, Килуновская, 2006. С. 31–41). Здесь было вскрыто пять культурных слоев. Три нижних датируются в пределах 25–12 тысяч лет назад, а два верхних с гребенчатой керамикой – 6–5 тысячелетиями до н. э. Другой памятник, который можно было бы присоединить к верхнеенисейской неолитической культуре – это стоянка Усть-Кантегир, находящуюся сейчас как и Тоора-Даш на дне Саянского моря.

До сих пор остаются неопределенными истоки «верхнеенисейской» неолитической традиции. В Минусинской котловине подобные комплексы все еще не выявлены, так как комплексы с керамикой «унюкского» и «карасева» типов, относимые к неолитическому времени (Виноградов, 1982. С. 3–16), сильно отличаются от тувинских. На Горном Алтае с материалами Тоора-Даша сопоставимы находки из многослойного поселения Тыткескень-2, где остродонные горшки украшены мелкозубчатым гребенчатым штампом (Кирюшин и др., 2014. С. 134–141) Некоторые аналогии, например наконечники стрел с выемчатым основанием и остродонная форма сосудов с прямыми стенками и приостренным венчиком находятся в памятниках исаковской и серовской культур Прибайкалья, но здесь практически нет гребенчатой орнаментации. Дальнейшая судьба «верхнеенисейцев» представляется в следующем свете: на каком-то этапе своего существования они вступили в соприкосновение с носителями афанасьевской культуры, в процессе которого формируется тувинский вариант окуневской культуры, к которому относятся 6 и 7 слои Тоора-Даша, стоянка Хадынных 1 в каньоне Енисея и значительная часть материалов со стоянок на озере Азас (Семенов, 2018. С. 326–327).

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: № 0184–2018–0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н. э. – I тысячелетие до н. э.)».

Список литературы

Беляева В.И. Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 // КСИА, 1972, вып.131.

Виноградов А.В. Неолит и ранний бронзовый век в Минусинской котловине: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 16 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.

Семенов Вл.А. К проблеме неолитизации Минусинской котловины и Тувы (верхнеенисейская неолитическая культура) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб. 2004. С. 70–87.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Соломонова М.Ю., Силантьева М.М. Комплексные исследования поселения Тыткескень-2 (горный Алтай) // Вестник Алтайского ГУ. История. № 4 (84). Том 2. 2014. С. 134–141.

Куйлуг-Хемский 1 грот – новый многослойный памятник каменного века в Туве // Записки ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин. 2006. № 1. С. 31–41 ((в соавторстве с Васильевым С.А. и М.Е. Килуновской).

Семенов Вл.А. Тоора-Даш. Многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: Невское книжное издательство, 2018. 340 с.

Среднестоговская культура в Донской лесостепи. Данные стратиграфии и абсолютной хронологии

*© **2020 г. А.М. Скоробогатов** (a.m.skorobogatov@mail.ru)*

Терра, Воронеж, РФ

Аннотация. В статье дается общая характеристика среднестоговского комплекса стоянки Черкасская-3 на Среднем Дону, где стратиграфически выделяется три слоя, в двух из которых присутствует керамика среднестоговской культуры. Приводятся данные абсолютного датирования материалов памятника для каждого из слоев. Данные абсолютной хронологии показывают, что население среднестоговской культуры бытовало в Донской лесостепи более 1000 лет.

Ключевые слова: энеолит, среднестоговская культура, Донская лесостепь, стоянка, стратиграфия, абсолютное датирование.

Керамика среднестоговской энеолитической культуры на Верхнем Дону впервые была отмечена В.П. Левенком, а на Среднем Дону – А.Т. Синюком (Синюк, 1971). Для территории Донской лесостепи были рассмотрены вопросы происхождения среднестоговских древностей, связей с предшествующим, мариупольским пластом и их роль в формировании репинской культуры (Васильев, Синюк, 1985. С. 40–49). Со временем в историографии наметилась тенденция к дроблению ССК Украины на отдельные культуры (Рассамакин, 1994), а не на периоды и этапы (Телегин, 1973), а затем – опять их объединение в рамках двух культур – более ранней, среднестоговской, с тремя периодами развития (Котова, 2006), и более поздней, дереивской, без выделения периодов (Котова, 2013). Что касается территории лесостепного Подонья, то для выделения этапов в среднестоговской культуре (в общепринятом понимании) не хватало надежных данных, и если об этом говорилось, то исключительно при характеристике керамики с поселенческих памятников с делением на ранний, дошнуровой, и поздний, дереивский, периоды культуры (Синюк, 1980. С. 59–60). Со временем ситуация не прояснилась (Скоробогатов, Смольянинов, 2013), хотя появились гомогенные комплексы с многочисленными аналогиями в поздней среднестоговской (дереивской) культуре (Сурков, Скоробогатов, 2012).

В настоящее время ситуация несколько изменилась, и мы располагаем надежными данными стратиграфии стоянки Черкасская-3, где выделяются два слоя с наличием среднестоговской керамики.

Памятник, расположенный при впадении р. Битюг в р. Дон (Воронежская обл.), исследовался в 2011–2012 гг. автором. Культурные слои залегали на глубине от 225 см от дневной поверхности, под мощным слоем аллювиальных отложений в срезе правого берега р. Битюг. Всего зафиксировано три стратиграфических слоя, расположенных в супесчаных отложениях, но разделенных между собой илистыми прослойками, наиболее мощной между нижним, третьим, и вторым слоями. Верхний слой содержал керамику поздней среднестоговской (дереивской) культуры, единичные неолитические фрагменты керамики, малочисленные изделия из камня, остеологию. В среднем слое увеличивается количество неолитической керамики, залегающей совместно со среднестоговской, изделия из камня малочисленны (скребки на отщепах, ножи на крупных пластинчатых отщепах, двусторонне обработанные наконечники). Из костяных изделий интересны обломок рогового изделия со сверлиной (мотыга?) и наконечник шигирского типа. В нижнем слое исчезает среднестоговская керамика, появляется «воротничковая» мариупольской КИО, вариабельна керамика эпохи неолита. Отмечается множество шлифованных деревообрабатывающих орудий, ярко выраженная пластинчатость комплекса (включая геометрические микролиты), отсутствуют двусторонне обработанные наконечники, присутствуют резцы. Развита костяная индустрия.

Энеолитическая керамика верхнего и среднего слоев с примесью раковины, с S-видной профилировкой или резко отогнутым наружу верхом, часто украшался срез венчика, встречаются поверхности с диагональными или горизонтальными расчесами, донца острые, без орнамента. Отличия между слоями в керамике, главным образом, в орнаменте и форме венчика. Для верхнего слоя характерны короткий зубчатый изогнутый штамп (3–5 зубцов), ямчатые вдавления различной формы, оттиски шнура (включая «личинки»). Под срезом венчика встречаются «жемчужины». В среднем слое среди орнамента нет шнура и «жемчужин», преобладает длинный гребенчатый (пунктирный) штамп, много венчиков без орнамента, есть воротничковые утолщения. Профилированные сосуды уступают место резко отогнутым наружу венчикам, на некоторых отмечена желобчатость.

По энеолитической керамике из верхнего слоя получена дата 5217±70 BP (SPb_2596), 4240–3811 CalBC (2σ), из среднего слоя – 5690±100 BP (SPb_2597), 4760–4345 CalBC (2σ). Продатирован один фрагмент (AMS) воротничковой керамики мариупольской КИО из нижнего слоя: 6169±26 BP (Hela-3734), 5215–5040 CalBC (2σ), нагар; 5775±25 BP (Hela-3735), 4710–4540 CalBC (2σ), керамика.

Таким образом, стратиграфия стоянки Черкасская-3 впервые для Среднего Дона показала наличие трех энеолитических слоев – мариупольского (нижнего), и двух среднестоговских. Наличие неолитической керамики в среднем и нижнем слоях не позволяют провести культурно-хронологическое деление некерамического материала, однако отмечаются стадиальные изменения (появление двусторонне обработанных наконечников в среднем слое, смена пластинчатой техники на отщеповую). Е.Ю. Яниш определены кости домашних животных для каждого из слоев памятника.

Судя по полученным материалам Черкасской-3 стоянки, появление населения среднестоговской культуры не являлось кратковременным событием в энеолите региона, и внесло определенный вклад в трансформацию местной неолитической культуры. При работе с материалами памятника встает вопрос: что перед нами – материалы двух периодов одной культуры, или две самостоятельные культуры (среднестоговская в среднем слое и дереивская – в верхнем)? Надо полагать, что перед нами развитие одной культурной традиции, нежели материалы разных культур. Таким образом, данные исследованной стоянки показывают наличие, как минимум, двух периодов в местной среднестоговской культуре.

Керамика среднего слоя близка материалам памятников Средний Стог II, четвертому слою Стрильчей Скели (Котова, 2006. Рис. 23–24) на Украине, керамика верхнего слоя находит определенные аналогии среди поселения Дереивка (Котова, 2013), особенно это касается высокогорлых сосудов, при ярком местном своеобразии. То есть керамика верхнего слоя, естественно, более всего тяготеет к местным энеолитическим комплексам, чем к материалам Подонцовья или Поднепровья.

Ранее мы уже отмечали (Скоробогатов, Смольянинов, 2013. С. 135), что появление среднестоговских материалов в Донской лесостепи следует датировать не ранее второго периода среднестоговской культуры Украины и Нижнего Подонья по периодизации Н.С. Котовой, т.е. 4800–4350/4300 лет CalBC (Котова, 2006. С. 89). Наряду с датой для среднего слоя стоянки Черкасская-3, имеется ранняя дата по среднестоговской керамике с поселения Ксизово-6: 5760±90 BP, 2σ 4810–4440 CalBC (Ki-16651). Остальные имеющиеся абсолютные даты показывают, надо полагать, самый финал среднестоговской культуры в регионе, от середины IV тыс. до н. э. до начала III тыс. CalBC по 2σ. Это даты по керамике стоянки Ямное (4530±80 BP, 3550–2900 CalBC (Ki-16639); 4690±80 BP, 3650–3300 CalBC (Ki-16640), и даты по кости с поселений Васильевский Кордон-27 (4456±60 BP, 3347–2931 CalBC (SPb_2101); 4557±55 BP, 3500–3090 CalBC (SPb_2102); 4753±55 BP, 3643–3376 CalBC (SPb_2105)) и Васильевский Кордон-17 (4684±100 BP, 3656–3105 CalBC (SPb_1519)) (Сурков, Скоробогатов, 2012. С. 67; Смольянинов и др., 2017. С. 242).

Список литературы

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1985. 118 с.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганськ: Вид-во СНУ імені В. Даля, 2006. 328 с.

Котова Н.С. Дереивская культура и памятники нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 2013. 486 с.

Рассамакин Ю.Я. Среднестоговская культура: миф и реальность // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Вып. 2. Тирасполь. 1994. С. 27–30.

Синюк А.Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 22 с.

Синюк А.Т. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1980. С. 53–72.

Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В. Среднестоговские материалы в бассейне Верхнего и Среднего Дона // РА. 2013. № 2. С. 126–136.

Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н., Желудков А.С., Куличков А.А., Юркина Е.С., Яниш Е.Ю. Поселение Васильевский Кордон 27 на р. Воронеж. Материалы эпохи энеолита // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 229–244.

Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж: ВГПУ, 2012. 82 с.

Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова Думка, 1973. 171 с.

Каменный инвентарь боборыкинского комплекса неолитического поселения Мергень 8

© ***2020 г. С.Н. Скочина*** *(Sveta_skochina@mail.ru)*

Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, РФ

Аннотация. В работе проанализировано стратиграфическое и планиграфическое залегание каменного инвентаря в культурном слое неолитического поселения Мергень 8, содержащего материалы двух периодов обитания, соотносимых с боборыкинской и «гребенчатой» культурными традициями. На этой основе выявлена характерная пространственная локализация продуктов расщепления из определенного вида сырья, связанная с обозначенными керамическими комплексами.

Ключевые слова: лесостепное Приишимье, поселение Мергень 8, неолит, боборыкинский комплекс, каменный инвентарь.

В ходе исследований поселения Мергень 8, расположенного на северо-восточном побережье оз. Мергень в лесостепном Приишимье, были изучены два неолитических сооружения. Первое сооружение существовало в период бытования носителей боборыкинской культурной традиции. Исследованная площадь составила около 50 кв. м, форма котлована приближена к округлой. Глубина исследованной части от современной дневной поверхности составляла около 90 см. В конфигурации котлована выявлено две ниши-выступа. В полу котлована был выявлен Z-образный ров, протянувшийся от ниши-выступа в западной стене жилища через его центр и уходящий в северную часть сооружения. Керамический комплекс, представлен сосудами преимущественно горшечной формы, с выраженной шейкой и отогнутым краем венчика и плоским дном. Орнамент присутствует на большинстве сосудов, он выполнен в технике прочерчивания, отступающей палочки, неглубокими ямочными наколами, овальной и семечковидной формы. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными и наклонными линиями, горизонтальными и вертикальными зигзагами (Еньшин, 2016).

Северо-восточная граница котлована сооружения 1 была нарушена более поздним частично исследованным сооружением 2, так как его котлован вошел в пределы раскопа лишь небольшой частью (около 3 кв. м), содержащим неорнаментированную керамику эпохи неолита. Планиграфическая и стратиграфическая ситуация, выявленная в раскопе, указывает на более поздний возраст сооружения 2 по отношению к сооружению 1 (первое частично перерезает последнее) (Еньшин, 2016).

Второй комплекс по морфологическим и орнаментальным признакам находит некоторые аналогии в материалах позднего неолита в комплексах кокуйской и сосновоостровской культур. Связывать гребенчатый комплекс с бытованием второго сооружения на данном этапе исследования пока не приходится.

Преимуществом данного памятника, как надежного источника при характеристике каменного инвентаря боборыкинского комплекса, являются в первую очередь особенности его стратиграфического залегания. В ходе работ была получена коллекция 405 экземпляров каменного инвентаря, изготовленного из красной яшмы, серого, розового яшмокварцита с прожилками, коричневого кремня, серо-зеленой яшмы, серого и белого кварцевого песчаника, единично представлены – полупрозрачный кремень, серый песчаник, зеленый сланец, халцедон и сургучная яшма. Стратиграфическая и планиграфическая выборка каменного инвентаря позволила вычленить с большой долей уверенности, использовавшееся жителями поселка сырье – на раннем этапе существования (боборыкинский комплекс) и позднем («гребенчатый» комплекс). В результате пространственного распределения инвентаря было выявлено, что сырье из верхних горизонтов (1–6 гор.) представленное в основном цветными яшмами и яшмокварцитами не встречается на нижних (7–9 гор), являющихся заполнением боборыкинского сооружения 1.

Сырье, происходящее из заполнения сооружения 1, в основном представлено кварцевым песчаником и зеленым кремнем, в меньшем количестве – серой яшмой, полупрозрачным кремнем, халцедоном, коричневым кремнем и серо-зеленым сланцем. В ходе стратиграфического распределения установлено, что подобное встречается на верхних горизонтах (5–6 гор.), скорее всего перемещенное в результате жизнедеятельности в последующий период заселения данного участка (этот камень также учитывался в нашем анализе).

Выделенная нами в ходе стратиграфического и планиграфического анализа коллекция каменного инвентаря, соотносимая с боборыкинским комплексом поселения Мергень 8, насчитывает 276 изделий. Основу каменной индустрии данной группы составлял кварцевый песчаник (80 % от всего комплекса) и зеленый кремень (15 %) и др.

В состав коллекции входят: нуклеус (1 экз.), нуклевидные сколы (9 экз.), пластины с ретушью (25 экз.) и без (54 экз.), отщепы с ретушью (13 экз.) и без (52 экз.), чешуйки (88 экз.), сколы со шлифованных орудий (10 экз.),

сколы с ретушеров (3 экз.). Типологически выделенных орудий мало – это концевой скребок на пластине (1 экз.), концевые скребки с двумя реже одним лезвием на нуклевидных сколах (2 экз.), пластины с притупленной спинкой (2экз.), пластины с ретушью на поперечном крае (2 экз.), скребки на отщепах (8 экз.) и нуклевидных сколах (3 экз.), один терочник.

Технологический процесс, проводившийся в жилище, представлен первичным расщеплением кварцевого песчаника и зеленого кремня. Нами был зафиксирован этап производства пластин – заготовок и связанный с ним процесс вторичной обработки продуктов расщепления из кварцевого песчаника (сколов с желвачной коркой, скопление отщепов (120 экз.), чешуек, проксимальных и медиальных микропластин без обработки).

Пластинчатый комплекс (84 экз.) характеризуется как микролитоидный с тенденцией к укрупнению, микропластины шириной до 1 см составляют около 44 %, средние пластины и шириной 1,0–1,3 см – 32 %, широкие пластины -24 %.

В качестве вторичной обработки использовалась краевая ретушь, нанесенная под разным углом со спинки и брюшка, исходя из планируемого функционального назначения заготовки. Из специфичных орудий нужно отметить две пластины с притупленной спинкой использовавшиеся в качестве ножей.

Орудийный набор, представленный ножами, скобелями, пилками, скребками из пластин/отщепов, шлифованными орудиями, терочником, ретушерами в целом стабилен и не выделяется характерного ассортимента инвентаря неолитических поселений.

Таким образом, каменная индустрия боборыкинского комплекса поселения Мергень 8 была в основном направлена на производство орудий из кварцевого песчаника, который согласно петрографическим определениям, представляет местные русловые (р. Ишим) или делювиальные отложения четвертичного разреза (Зах, Скочина, 2010). По предложенной И.В. Горащуком схеме группировки каменных орудий с поселений боборыкинской культуры Зауралья по степени эволюции вкладышевых форм, основанной на микролитоидности комплексов, присутствию/отсутствию геометрических микролитов и наконечников стрел (Горащук, 2012), материалы поселения Мергень 8 однозначно связать с какой либо группой не представляется возможным. В каменной индустрии сооружения 1 сохраняется значительная роль микропластин (44 %) с тенденцией к укрупнению (32 %), есть пластины с притупленной спинкой использовавшиеся в качестве ножей, не зафиксированы пластины с резцовым сколом, но есть пластины (3 экз.) с микрорезцовым сколом утилизации, свидетельствующем об использовании их в качестве вкладышей. Отсутствуют геометрические микролиты и наконечники стрел, что м.б. связано с качеством выборки.

Аналогии полученным материалам мы видим на поселении Мергень 3, где при строительстве жилищ использовались подобные приемы, вещевой комплекс представлен плоскодонной керамикой боборыкинской культуры, преобладающим сырьем для изготовления орудий также являлся кварцевый песчаник.

Боборыкинский комплекс, другого поселения северо-восточного побережья озера Мергень – Мергень 6, надежно датируется ранним неолитом (кон. VII тыс. до н. э.) (Piezonka et al, 2020). Это подтверждается и общей тенденцией выделения пласта ранней плоскодонной посуды в неолите таежной и лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири (Косинская, 2019. С. 98; Молодин и др., 2017). В связи с этим справедливо предварительно соотнести боборыкинское жилище поселения Мергень 8 с ранним неолитом лесостепного Приишимья.

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17–117050400147–2.

Список литературы

Горащук И.В. Каменные орудия боборыкинской культуры // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2012. Вып. 2. С. 103–104.

Еньшин Д.Н. Археологические исследования поселения Мергень 8 Ишимском районе Тюменской области в 2015 году // Архив ТюмНЦ. Тюмень, 2016. А/24/8.

Косинская Л.Л. Постмезолитические судьбы микропластинчатых индустрий лесного Зауралья и Западной Сибири // V северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск, 2019. С. 97–99.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Раннеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно – хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 172–177.

Piezonka H, Kosinskaya L, Dubovtseva E, YuriChemyakin Y, Enshin D, SönkeHartz S, Kovaleva V, Panina S, Savchenko S, Skochina S, Terberger T, Zakh V, Zhilin M, Zykov A. (2020) The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. Journal of Archaeologi-cal Science. (116), 1–19.

Переход от эпохи неолита к эпохе энеолита на Верхнем Дону

© *2020 г. Р.В. Смольянинов (rws17rws17@yandex.ru)*

Археологические исследования, Липецк, РФ

Аннотация. Статья посвящена процессам начала контактов неолитического и энеолитического населения на Верхнем Дону. Результатом этого взаимодействия во второй половине V тыс. до н. э. стало появление гибридной керамики черкасского и куринского типов.

Ключевые слова: гибридизация, среднедонская культура, нижнедонская культура, энеолит, пережиточный неолит.

В 1971 году в Подонье А.Т. Синюком выделена неолитическая среднедонская культура.

На сегодняшний день на Верхнем Дону нам известно 79 поселений среднедонской культуры. Именно со вторым и третьим этапами ее развития следует связывать так называемый «пережиточнонеолитический» этап (термин ввел А.Т. Синюк) в лесостепном Подонье.

На границе, разделяющей 5 и 6 слои стоянки Черкасская (раскопки А.Т. Синюка), отмечена наибольшая концентрация материалов раннеэнеолитической нижнедонской культуры. При взаимодействии носителей ее с населением среднедонской культуры на памятниках лесостепного Подонья появилась группа керамики, которую А.Т. Синюк назвал черкасским типом керамики (Синюк, 1986. С. 87).

Он говорил, что, по сути дела, эта керамика – та же неолитическая накольчатая: сосуды в обязательном порядке имеют пояски из ямочных вдавлений под краем; поверхности покрыты линейными или геометрическими композициями из треугольных наколов; тесто сосудов плотное, поверхности темно-серого и коричневого цветов, хорошо сглажены, хотя и имеются следы штриховки. Но, вместе с этими традиционными признаками, сосуды получили новую форму и стиль воротничкового оформления венчика. Все они по срезу «гофрированы» или имеют насечки – признак, встречающийся ранее лишь изредка (Синюк, 1986. С. 85–86).

И.Н. Васильевой было отмечено, что эта керамика изготовлена из тощего ила, содержащего кроме органических остатков еще песок и мелкие остроугольные обломки минералов. При обобщении информации, полученной при изучении технологии изготовления сосудов черкасского типа, она обратила внимание на следующие моменты: 1) значительная неоднородность представлений о сырье (субстратных навыках), что свидетельствует о неоднородности состава данной группы неолитического населения Подонья; 2) в рамках изученного материала можно говорить о преобладании приемов отбора илов; 3) существенное сходство состава илистого сырья по материалам бугo-днестровской и днепро-донецкой культур (присутствие остроугольных частиц минералов в илах); 4) наличие сосудов черкасского типа, изготовленных в соответствии с традициями среднедонского населения (ИГ жирные+П+ОР) (Васильева, 2017).

На Верхнем Дону смешанная неолито-энеолитическая керамика встречена на четырех пойменных стоянках: Карамышево 1, Ксизово 6, Университетская 3, Курино 1.

Наиболее яркая коллекция этой посуды выявлена на стоянке Университетская 3 (Синюк, 1986. С. 132). Для датировки керамики данного типа весьма интересно наблюдение А.Т. Синюка о поглубинном размещении в слое Черкасской стоянки разнокультурных групп материалов, которые, по его мнению, свидетельствуют о появлении нижнедонской культуры в период, синхронный не развитым фазам местного неолита, а поздним. Аналогичная ситуация отражена на среднедонских стоянках Дрониха, Копанище, где материалы нижнедонской культуры неизменно подстилались материалами позднего накольчатого неолита. Особенно интересна стратиграфическая ситуация на стоянке Университетская 3, где одна из хозяйственных конструкций с остатками дерева, в основании которой выявлена ямочная керамика рязанско-долговского неолита, перекрывалась через стерильный слой жилищем с материалами нижнедонской культуры (Синюк, 1978). Им же было замечено, что в комплексе Черкасской стоянки есть сосуды, уже обладающие признаками культур хвалынско-среднестоговской области (высокий, иногда желобчатый венчик), при этом омечается «перевернутая» стратиграфия стоянки Дрониха, где устройство могильника среднестоговского типа предшествовало появлению жилой постройки нижнедонской культуры с материалами, аналогичными черкасским (Синюк, 1978. С. 29).

Исходя из вышеприведенных наблюдений, А.Т. Синюк придерживался мнения, что носители нижнедонской культуры, продвинувшись из низовий Дона, освоили лишь южную часть донской лесостепи, причем период сохранения раннего облика их культуры был непродолжителен. Возможно, этот период мог включать историю не одного, а нескольких поколений, но на фоне сочетания «ранних» и «поздних» признаков культур мариупольской области. Он определяется временем после проникновения на Средний Дон первых групп носителей рязанско-долговской культуры лесного неолита (данные стоянки Университетская 3) и началом формирования среднестоговских традиций (данные стратиграфии стоянки Дрониха), т.е. в пределах конца первой половины-середины IV тыс. до н. э., с возможным отклонением во вторую половину этого тысячелетия (Синюк, 1978. С. 29).

Мы допускаем, что уточнить датировку, как древностей черкасского типа, так и материалов нижнедонской и среднедонской культур позволила посуда, выявленная на двух стоянках Верхнего Дона: Университетская 3 (Синюк, 1978) и Курино 1 (Бессуднов, 1991).

С поселения Курино 1 происходит 334 фрагмента керамики от 20 сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом архаичного этапа льяловской культуры и 47 фрагментов от 11 сосудов энеолитической нижнедонской культуры (Бессуднов, 1996; Синюк, Бессуднов, 1996). Особенно интересна керамика от восьми горшков (выделена по венчикам), сочетающая признаки обеих вышеназванных культур. Шесть из восьми сосудов профилированы, один – закрытой формы, один – с прямым венчиком. У двух сосудов венчик был закруглен, у остальных приострен срезом его либо наружу, либо внутрь. У трех горшков по краю про-

слежено воротничковое утолщение, у двух присутствует раструб. Доминирующим орнаментом выступали горизонтальные, вертикальные и косовертикальные ряды зубчатого штампа. На трех горшках, по их верху нанесены сплошные горизонтальные прочерченные линии. Две придонных части происходили от круглодонных горшков. Керамика лепилась из плотно промешанной глины с примесью кварца, поверхность светло коричневого цвета, гладкая или со следами мелкой штриховки. По керамике нижнедонской культуры получено две радиоуглеродные даты на Среднем Дону по стоянке Черкасская 3: BP 5997±33 (4985–4795 BC) (Hela-3771), BP 5775±25 (4710–4540 BC) (Hela-3735) и одна на Верхнем по стоянке Ксизово 6 BP 5920+90 (5030–4540 BC) (Ki-13327). По нагару на керамике черкасского типа стоянки Черкасская 3 получена дата BP 5763±32 (4710–4535 BC) (Hela-3884) (Радиоуглеродная хронология ..., 2016).

По гребенчато-ямочной посуде Ксизово 6 льяловской культуры получена дата – BP 5400+12 (4450–4040 BC) (Ki-13308), по Курино 1 BP 5225+90 (4170–3950 BC) (Ki-13313) в калиброванных значениях вторая половина V тыс. до н. э. Именно второй половиной V тыс. до н. э., вероятнее всего, и датируются эти гибридные материалы на поселении Курино 1. Предлагаем им дать название – куринского типа для терминологического понимания при обнаружении подобной керамики в будущем.

Похожая же керамика была выявлена на стоянке Университетская 3 на р. Воронеж. Такие формы сосудов представлены 22 единицами.

Таким образом, начало пережиточнонеолитического этапа нам следует связать с наличием гибридной керамики в культурных слоях памятников Подонья. Ее появление стало результатом контактов во второй половине V тыс. до н. э. неолитического населения среднедонской, архаичного этапа льяловской и энеолитического нижнедонской культур. Подтверждением этому стало также и изменение технологии изготовления керамики. Особенно в этом помогает наличие примеси дресвы (отличительный признак гребенчато-ямочной керамики архаичного этапа льяловской культуры), которую фиксирует И.Н. Васильева как раз на накольчатой керамике стоянки Университетская 3 (Васильева, 2017) и крупной, визуально фиксированной примеси раковины (отличительный признак энеолитических культур Верхнего Дона). Накольчатая керамика с примесью раковины, видимо также относящаяся к гибридной – Черкасского типа, была продатирована на стоянке Липецкое Озеро по органике в керамике и нагару на ней BP 5778±120 (4858–4363 BC) (SPb-2087), BP 5650±120 (4782–4320 BC) (SPb-2087н) (Радиоуглеродная хронология ..., 2016). Она может отражать одну из вех процесса гибридизации керамических традиций неолитического и энеолитического населения, после начала проникновения населения нижнедонской культуры на Верхний Дон.

Статья написана при поддержке гранта «Фонда президентских грантов» на реализацию проекта «По следам древнего человека» № 19–2–018793.

Список литературы

Бессуднов А.Н. Отчет об охранных раскопках многослойного поселения Курино 1 у с. Курино Хлевенского района Липецкой области в 1991 году // Архив ИА РАН. Р – 1. № 16456.

Бессуднов А.Н. Материалы эпохи неолита многослойного поселения Курино 1 // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк: РИЦ ЛГПИ, 1996. С. 4–29.

Васильева И.Н. К вопросу о гончарных традициях неолитического населения Подонья. // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Т.19 № 3 (2). Самара: Самарский науч. центр РАН, 2017б. С. 370–379.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.

Синюк А.Т. Неолитический материал нижневоронежской многослойной стоянки Университетской-3 // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам Восточно-Европейской лесостепи). Воронеж: Воронежский госпединститут, 1978б. С. 26–62.

Синюк А.Т., Бессуднов А.Н. Новые материалы к характеристике культур энеолита – бронзового века Верхнего Придонья // Археологические памятники Лесостепного Придонья. Липецк: РИЦ ЛГПИ, 1996. С. 30–59.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Воронежского университет, 1986. 180 с.

Погребения с охрой в неолите Якутии

*© **2020 г. Е.Н. Соловьёва** (lenasolo05@mail.ru)*

Арктический научно-исследовательский центр АН Республики Саха (Якутия), Якутск, РФ

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования природного пигмента – охры в погребальной практике неолитического населения Якутии. Применение охры впервые фиксируется в конце V тыс. л. до н. э. и становится маркирующим элементом белькачинской культуры развитого неолита. Впоследствии эта традиция, мигрирует и уже в III тыс. л. до н. э. проявляется на северо-востоке Якутии у носителей ымыяхтахской поздненеолитической традиции и у поздних белькачинцев, имевших контакты с ымыяхтахцами.

Ключевые слова: погребения, охра, Якутия, неолит, белькачинская культура, ымыяхтахская культура.

С глубокой древности охра играет важную роль в жизни человека. Однажды познакомившись с ней, он активно использует свойства охры как красящего пигмента в пещерной живописи, для раскрашивания тела и украшений, для окраски тканей, в керамическом производстве, погребальной практике и т.д. вплоть до современности. Са-

мое раннее использование охры древнейшим населением Якутии зафиксировано на верхнепалеолитической Янской стоянке в нижнем течении р. Яны, датируемой исследователями 28000 л.н.

Чаще всего применение охры связано с обрядовыми действиями в процессе погребения. Первые погребения с охрой на территории Якутии были обнаружены в 1942 г. на Нижней Лене, в Жиганском улусе ЯАССР и исследовались Ленской историко-археологической экспедицией под руководством А.П. Окладникова (Окладников, 1946. С. 35, 137).

К настоящему времени на территории Якутии зафиксировано 10 погребальных памятников с охрой, что составляет около трети всех древних погребений эпохи неолита – раннего железного века. География погребальных комплексов с охрой охватывает довольно обширную территорию Якутии, где условно можно выделить две области локализации традиции применения охры в погребальной практике: ленскую и колымскую.

Все погребения с охрой в настоящее время относятся исследователями к эпохе неолита. При этом подавляющее большинство таких погребений связывают с белькачинской культурой среднего неолита. Абсолютный возраст погребальных комплексов с охрой, установленный в результате радиоуглеродного датирования, подтверждает возможность выделения погребений Колымы в отдельную колымскую группу, так как они демонстрируют более молодой хронологический возраст, в отличие от погребений ленской группы, чьи даты хорошо укладываются в хронологические рамки существования белькачинской культуры.

Погребальные комплексы с охрой имеют разную степень изученности, что значительно затрудняет реконструкцию погребального обряда. Но даже на основании имеющейся информации можно выделить два варианта использования охры в погребальных комплексах Якутии: использование охры в комбинации с огнем, и использование только охры. В зависимости от локализации охры на краниумах и посткраниальных скелетах можно выделить погребения с полной засыпкой костяка охрой, с локальной засыпкой костяка охрой и с намеренным отсутствием засыпки костяка.

Охра в погребениях могла выполнять двойную функцию – символа жизни и возрождения и функцию дополнительной изоляции/сохранения умершего, там, где использовалась в качестве подстилки или покрытия.

Среди погребений с охрой выявлены только одиночные погребения. Традиция совместных парных или коллективных погребений отсутствует и появляется позднее в погребальной практике поздненеолитических племен Якутии.

Чаще всего погребения с охрой расположены на занимающих доминирующее положение высоких речных террасах, высоких приустьевых мысах небольших речек или высоких останцах террас. В зависимости от представлений о реке, как о дороге, соединяющей реальное и потустороннее пространство, либо границе между миром живых и мертвых, душа умершего должна была либо пересечь реку, либо отправиться по ней в мир иной. Устраивая погребальные памятники близ водных объектов, люди наверняка верили в то, что облегчают последний путь своих близких.

Для погребений с охрой можно выявить типы относительной привязки к близлежащим водным объектам и отдельно к наиболее значимым водным магистралям, таким как р. Лена и ее крупные притоки Вилюй, Амга и Олёкма, и р. Колыма. По отношению к близлежащим водотокам выделяются следующие типы ориентации: ногами к водоему (77,7 %) или головой к водоему (11,1 %). Некоторые погребения изначально привязаны к крупным водотокам, поэтому направления к близлежащим водотокам и наиболее значимым водным магистралям совпадают. По отношению к значимым водотокам выделяются следующие типы ориентации: головой к реке р. Лене (22,2 %); головой по течению реки (33,3 %); ногами к реке (27,7 %). Как видно из приведенных данных, наиболее четко выражена ориентация ногами к близлежащему водотоку. Системность в выборе ориентации по отношению к крупным водным магистралям, во всяком случае до появления новых данных, не прослеживается. Возможно это означает то, что носители традиции погребений с охрой, в основном белькачинцы, относились к водотоку как границе между миром живых и миром мертвых, которую умершему придется преодолеть. Для ымыяхтахских погребений, возможно, играют роль представления о Севере, как о Нижнем мире (ногами на Север).

Обращает на себя внимание то, что для носителей традиции погребений с охрой был предпочтителен восточный вектор ориентации умерших по сторонам света. Выражается это в том, что большинство погребенных (94,4 %) ориентированы головой на восток или с отклонением на север или юг. Из 18 рассматриваемых погребений, головой на восток ориентированы 5 костяков (27,7 %), 8 погребений (44,4 %) имеют северо-восточную ориентацию, на север-северо-восток ориентирован один костяк (5,5 %), на юго-восток и юг-юго-восток ориентированы 3 погребения (16,6 %). Исключение составляет Онньёсское погребение, в котором костяк ориентирован головой на юг. Западная ориентация в погребениях с охрой на территории Якутии отсутствует.

Все погребения с охрой, за исключением одного, представляют собой грунтовые погребения с обрядом ингумации (трупоположения). Исключение составляет одно из одиночных погребений Туой-Хайинского могильника с биритуальным погребальным комплексом, где посткраниальный скелет был кремирован в кострище над изолированным в небольшой могильной яме погребением черепа покойного. Погребения выполнены в грунтовых ямах глубиной от 0,36 м до 1,2 м. Иногда небольшая глубина могильных ям объясняется близким расположением к поверхности скального основания террасы. Средняя же глубина могильных ям составляет 60–90 см. Для большинства погребений описание формы и размеров могильных ям отсутствуют, для нескольких погребений фиксируется подпрямоугольная форма могильных ям.

По имеющимся описаниям можно восстановить характерное для данного типа погребений положение краниума и посткраниального скелета внутри могильной ямы. В 10 погребениях с охрой (55,5 %) костяк размещался в вытянутом положении на спине. Для пяти из этих погребений выявлены следующие варианты расположения рук покойного: руки вытянуты вдоль туловища; руки слегка согнуты в локтях, кисти рук покоятся на тазовых костях; левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и покоится на груди.

Внутримогильные конструкции в большинстве погребений с охрой отсутствуют, и погребальные ямы имеют

грунтовое заполнение с примесью охры или без. В морфологии погребений с охрой имеющих внутримогильные конструкции выявлены два типа конструкций – берестяной саван/берестяное покрывало и каменные крышки/покрытия грунтовых ям. Два погребальных памятника с охрой имели дополнительные культовые структуры, находящиеся за пределами погребального сооружения, но имеющие непосредственное отношение к посмертному обращению (Федосеева, 1968. С. 31–32).

Большинство погребальных памятников с охрой расположены вблизи однокультурных поселений (83,3 %), а некоторые из них в пределах этих поселений (44,4 %).

94,4 % погребений с охрой являются инвентарными. Исключение составляет детское Уолбинское погребение, однако, возможно, что инвентарь погребения был утрачен в процессе его разрушения.

Палеоантропологический материал погребальных памятников с охрой представлен 3 детскими и 15 взрослыми костяками. Среди взрослых два костяка идентифицируются как женские и четыре как мужские (Окладников, 1946. С. 13; Кистенев, 1986. С. 92; Гохман, Томтосова, 1992. С. 113; Чикишева и др., 2017. С. 112; Томтосова, 1977. С. 133; Томтосова, 1980; Дебец, 1956. С. 61).

Из-за плохой сохранности большей части костяков, зафиксировать особенности обращения с телом умершего очень сложно. Однако в Туой-Хайинском могильнике с биритуальным комплексом в двух случаях фиксируется отделение краниума от посткраниального скелета.

Неполные антропологические данные не позволяют сделать вывод об антропологическом составе всех носителей традиции погребений с охрой, однако можно предположить, что в основной своей массе это были северные монголоиды, представители байкальского антропологического типа североазиатской ветви большой монголоидной расы. Исключение составляет женское погребение на Нижней Колыме, палеоантропологические материалы которого демонстрируют значительные черты арктической расы в сочетании с признаками байкальской расы (Дебец, 1956; Томтосова, 1977; Томтосова, 1980; Гохман, Томтосова, 1992; Чикишева и др. 2017).

Археологические памятники неолита – раннего железного века Якутии представлены в основном стоянками и поселениями. Погребальные комплексы встречаются довольно редко, и значительная часть из них принадлежит неолитическим племенам, использовавшим в своей погребальной практике охру. Процент могил с охрой уменьшается от среднего неолита (89 %) к позднему неолиту (11 %), а погребальная практика с применением охры, появившись в бассейне Средней Лены, постепенно смещается на северо-восток региона.

Результаты анализа особенностей погребальной практики свидетельствуют о специфике погребений с охрой, которая выражена в достаточно устойчивом погребальном обряде (применение охры, иногда в комбинации с огнем; одиночные захоронения; однообразная поза погребенного в вытянутом положении на спине; ингумация; восточный, с некоторыми отклонениями, вектор ориентации умерших), в длительном периоде существования практики применения охры (более 2 тыс. лет, от среднего неолита – до позднего неолита) и в вариативности погребального инвентаря.

По совокупности элементов погребального обряда неолитические погребения с охрой в Якутии находят аналогии в погребальных комплексах неолита Прибайкалья, Забайкалья, Чукотки.

Список литературы

Алексеев А.Н. Каменный век Олёкмы. Иркутск: Иркутский университет, 1987. 127 с.

Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 105–124.

Дебец Г.Ф. Древний череп из Якутии // КСИЭ. Вып. XXV. М.: АН СССР, 1956. С. 60–63.

Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск: Северовед, 1997. 109 с.

Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы. // Новое в археологии Якутии. Якутск: Якутский филиал СО РАН, 1980. С. 74–87.

Козлов В.И. Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1980. С. 55–61.

Новгородов И.Д. Кангаласское захоронение // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея им. Емельяна Ярославского. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1960. С. 80–87.

Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 2. Якутск, 1946. 187 с.

Томтосова Л.Ф. Череп человека из древнего погребения на Олёкме // СЭ. № 3. М.: Наука, 1977. С. 133–136.

Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 171 с.

Чикишева Т.А., Зубова А.В., Рахимова Н.Н., Волков П.В., Поздняков Д.В. Антропологическое исследование неолитического погребения на памятнике Помазкино III (Средняя Колыма) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. 2017. С. 112–137.

Энеолитические стоянки-мастерские Онежского озера

© *2020 г. А.Ю. Тарасов* *(taleksej@drevlanka.ru)*

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, РФ

Аннотация. Работа посвящена итогам изучения энеолитических стоянок-мастерских по изготовлению каменных рубящих орудий т.н. русско-карельского типа, для которых характерно специализированное, ориентированное на обмен производство. Распространение изделий на обширной территории и находки прибалтийского янтаря в мастерских свидетельствуют о вовлеченности в процессы экономического, культурного обмена и социальной динамики Северо-Восточной Европы в эпоху раннего металла.

Ключевые слова: рубящие орудия, стоянка-мастерская, Онежское озеро, энеолит, обмен, специализация.

В недавнем обзоре, посвященном обмену каменными орудиями и каменным сырьем в Западной и Центральной Европе, возникновение практики регулярного обмена в рамках оформившихся сетей взаимодействий между удаленным коллективами, связывается с процессом неолитизации, в свою очередь понимаемым, прежде всего, как распространение производящего хозяйства (Kerrig, Shennan 2015). Между тем, изучение индустрии рубящих орудий русско-карельского типа (с трапециевидным или полуовальным поперечным сечением) показывает, что подобные явления могут возникать и на базе экономики охотников и собирателей.

Впервые внимание на особенности этой индустрии было обращено финляндскими исследователями второй половины XIX – начала XX в. (Л.В. Пяакконен, Э. Мякинен, А. Яюряпяя), отметившими факт широкого распространения рубящих орудий из вулканических пород западного побережья Онежского озера («олонецкий зеленый сланец», метатуф) на очень обширной территории и обнаружившими производственный центр – скопление стоянок-мастерских в устье р. Шуи на западном побережье Онежского озера (Тарасов и др., 2010 и литература, на которую сделаны ссылки). После перерыва в послевоенный период, исследование индустрии возобновилось на рубеже XX – XXI вв.

В настоящее время можно говорить о 39 известных стоянках, на которых присутствует технологический контекст изготовления рубящих орудий русско-карельского типа. Общая датировка существования изделий данного типа на территории Карелии определяется по времени бытования памятников с асбестовой и пористой керамикой, в комплексах с которой они обнаруживаются (ок. 3600–1500 кал. лет до н. э.), однако на большинстве известных мастерских обнаружены только более ранние разновидности асбестовой керамики – типы Войнаволок и Оровнаволок (ок. 3600–2500 кал. лет до н. э.). Большинство мастерских, 34 памятника, сосредоточены в низовье р. Шуи, где имел место полный или почти полный цикл изготовления орудий. Четыре небольших по размеру мастерских найдены к нескольких километрах к северу, в окрестностях д. Косалма, вблизи скальных выходов с источниками сырья. Зафиксированы также две каменоломни, в которых происходила добыча и первичное тестирование метатуфового материала. Еще одна кратковременная мастерская, на которой происходило завершение обработки частично готовых изделий, исследована в 40 км к югу на побережье Онежского озера, вблизи д. Деревянное.

Наряду с небольшими памятниками, площадью менее 500 кв. м, имеются крупные, площадью в тысячи и десятки тысяч квадратных метров. Наиболее значительной известной в настоящее время мастерской по производству орудий русско-карельского типа является стоянка-мастерская Фофаново XIII, площадь которой составляет 45587 кв. м. Памятник исследовался раскопками на площади 30 кв. м в 2010–2011 гг. Несмотря на весьма незначительную вскрытую площадь, в результате раскопок получена многочисленная уникальная коллекция, состоящая из ок. 350000 находок. Большинство предметов (84 %) связаны с технологическим контекстом изготовления рубящих орудий, включая отщепы и заготовки, относящиеся ко всем стадиям расщепления. Оставшаяся часть коллекции представлена комплексами изготовления бифасиальных наконечников из окремненных пород и сланцевых шлифованных наконечников, фрагментами керамических сосудов (в общей сложности 10142 фрагмента от 161 сосуда), янтарными подвесками, кусками самородной меди, необожженными костями, преимущественно рыбьими. Единичными предметами представлена мелкая скульптура из кремня (боровая птица) и глины (голова животного).

Находки в большом количестве были рассредоточены на всей раскопанной площади, однако основная концентрация отмечена на участке залегания насыщенного углистого слоя, на котором расчищена также основная концентрация камней («кострище»). Исследованный участок, вероятно, является частью более крупной структуры, точные размеры и функция которой не могут быть установлены по имеющимся данным.

Датировка памятника устанавливается на основании 10 радиоуглеродных дат, полученных по различным материалам, в пределах ок. 3500–3000 кал. лет до н. э.

При анализе материалов памятника была сделана попытка определения примерного количества готовых орудий, которые могли быть произведены в пределах раскопанной площади (30 кв. м), основанная на проведенном автором эксперименте по изготовлению орудий русско-карельского типа. Согласно оценке, наиболее вероятное количество – ок. 1000 готовых изделий. На всей территории памятника, соответственно, могли быть произведены десятки, если не сотни тысяч тесел и топоров. Даже учитывая то обстоятельство, что время существования памятника превышало 100 лет, можно утверждать, что орудия производились в объемах, намного превышавших потребности изготовителей, и, соответственно, производство было ориентировано на обмен.

Весьма разнообразный и многочисленный инвентарь, не связанный напрямую с изготовлением рубящих и других каменных орудий, особенно фрагменты керамики от множества сосудов и представительная серия импортных

украшений – янтарных подвесок, позволяют сделать предположение об еще одной, дополнительной функции памятника, помимо чисто производственной. Непосредственно на памятнике мог организовываться и обмен, являвшийся частью каких-то социально значимых мероприятий, привлекавших значительное количество участников, таких как празднества и ритуалы.

В ходе работы по картографированию находок орудий русско-карельского типа в Карелии и за ее пределами учтены данные по 1363 заготовкам и 1286 готовым орудиям. Накопленная к настоящему времени база данных не является исчерпывающей, особенно в той части, которая касается находок к востоку и юго-востоку от современной Карелии. Однако имеющиеся данные представляются вполне достаточными для анализа основных тенденций.

Прежде всего, заготовки не найдены на расстояниях свыше ок. 150 км от Онежского озера, при этом заготовки ранних стадий расщепления сосредоточены только в производственном центре на западном побережье озера. При этом нужно отметить, что речь идет именно о заготовках из онежского метатуфа. Сам по себе русско-карельский тип в морфологическом и технологическом отношении соответствует рубящим орудиям волосовской культуры, которые изготавливались из кремня и других доступных в Центральной России окремненных пород, как показывает проведенный автором анализ материалов сахтышских стоянок в Верхнем Поволжье.

Общая территория распространения готовых орудий значительно шире – расстояние между крайними зарегистрированными пунктами находок составляет ок. 2000 км, расстояние от производственного центра до крайних пунктов равняется ок. 1000 км во всех направлениях. Распределение находок не вполне соответствует простой *«down-the-line»* модели, предполагающей плавное уменьшение количества находок по мере удаления от производственного центра, т.е. по мере продвижения объектов от одной общины к другой (Renfrew, 1977). Отмечаются заметные концентрации на расстояниях ок. 60 км (среднее течение р. Шуя и окрестные озера), ок 100 км (северо-восточное побережье Онежского озера), ок. 300 км (устье р. Невы), ок. 400 км (исток р. Волхов), ок. 700 км (Сахтышский торфяник).

Подобная картина позволяет говорить о существовании центров перераспределения и прямых контактов между удаленными общинами, а значит, и об определенной степени контроля за распространением этих вещей со стороны групп или индивидов, имеющих особое социальное положение («элит»).

Завершая обзор, можно отметить, что индустрия орудий русско-карельского типа являет собой сложное, кросс-культурное явление, занимавшее не последнее место в формировании идентичности, экономическом и социальном развитии населения Северо-Восточной Европы эпохи раннего металла.

Работа выполнена согласно государственному заданию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (номер госрегистрации АААА-А20–120011690077–8).

Список литературы

Тарасов А.Ю., Крийска А., Кирс Ю. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: По результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // Труды КарНЦ РАН. № 4. Сер. «Гуманитарные исследования». Вып.1. 2010. С. 56–65.

Kerrig T., Shennan S. Introduction // Connecting networks: characterising contact by measuring lithic exchange in the European Neolithic. Oxford: Archaeopress. 2015. P. IV–X.

Renfrew C. Alternative models for exchange and spatial distribution // Exchange systems in prehistory. London: Academic. 1977. P. 71–90.

Керамика усть-бельского типа Байкало-Енисейской Сибири: технологический аспект

© 2020 г. И.В. Уланов *(ussr-ilya@yandex.ru),* ***Н.Б. Соколова, И.М. Бердников***

Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ

Аннотация. Представлены результаты исследования технологии изготовления керамики усть-бельского типа (средний неолит). Сосуды изготавливались из запесоченной ожелезненной глины, в редких случаях – с искусственными добавками. Диагностировано использование других сосудов в качестве форм-основ, зонального лоскутного налепа, приема выбивки и конструирование венчика из дополнительных элементов. По результатам анализа предложены две программы конструирования сосудов и начата их экспериментальная проверка.

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, неолит, гончарство, усть-бельский тип керамики, технология, эксперимент.

Усть-бельская керамика, выделенная в 1973 г. Н.А. Савельевым и Г.И. Медведевым по ее многочисленным находкам на стоянке Усть-Белая (Савельев, Медведев, 1973), наряду с посольской, является основным типом сосудов, встречающимся в материалах среднего неолита стоянок комплексов Байкало-Енисейской Сибири (Бердников и др., 2017б). Полученные недавно ^{14}C AMS-даты позволили уточнить возраст комплексов с усть-бельской керамикой. Для Северного Приангарья по материалам мультислойчатого объекта Деревня Мартынова получены определения с диапазонами 7614–7510 и ~7417–7266 кал. л.н. (Бердников и др., 2017а), а для Южного Приангарья по материалам раскопок 2017–2018 гг. стоянки Усть-Белая, где фрагменты усть-бельских сосудов зафиксированы в условиях четкой стратиграфии, получена серия дат с хронодиапазоном ~6700–6300 кал. л.н.

Широкие возможности для выделения культурно значимых признаков, выявления традиций и понимания их

пространственно-временного распределения дает технологическое направление в изучении древнего гончарства. Цель настоящей публикации – обобщение полученных в последние годы данных по технологии изготовления керамики усть-бельского типа.

Нами проведен технико-технологический анализ керамики усть-бельского типа с различных местонахождений Байкало-Енисейской Сибири: Усть-Белая, Шумилиха, Горелый Лес, Деревня Мартынова, Унюк.

При помощи стереомикроскопа Альтами СМ0745-Т проанализированы формовочные массы 18 сосудов с местонахождений Усть-Белая, Шумилиха и Горелый Лес. В качестве исходного пластичного сырья во всех случаях использовалась ожелезненная глина, содержащая окатанный и полуокатанный кварцевый песок белого и серого цвета. Размер песчинок, в основном, варьирует от 0,2 до 0,5 мм, реже – до 3 мм. Степень запесоченности сырья преимущественно средняя и сильная. При ее определении учитывалось количество песчаных фракций 0,1–1,0 мм на 1 кв. см. Среднезапесоченное сырье содержит от 10 до 40 таких фракций на 1 кв. см, сильнозапесоченное – более 40 на 1 кв. см. Кроме того, в единичных случаях фиксируется оолитовый бурый железняк размером до 1 мм. В нескольких случаях отмечены следы органики в виде черных пятен, а также отпечатков выгоревшей растительности размером до 5 мм.

Формовочные массы большинства сосудов характеризуются преимущественно несмешанным однокомпонентным составом, где не выявлено никаких искусственных примесей. В двух случаях зафиксированы зерна кварцевой породы белого и серого цвета размерами от 1 до 4 мм, которые, вероятно, введены в формовочную массу намеренно. При этом исходное сырье являлось средне- и слабозапесоченным. В одном случае можно предполагать добавление в формовочную массу органики неясного происхождения, наличие которой фиксируется в виде блестящих черных пленок и желобков от выгоревших частиц.

Цвет внешней поверхности сосудов неоднороден, что свидетельствует о костровом обжиге. В изломе черепок, как правило, темно-серый (черный) с внутренней стороны, рыжий – с внешней. Граница между слоями достаточно четкая.

Внешняя поверхность большинства сосудов гладкая, но один сосуд с Шумилихи и четыре с Деревни Мартынова покрыты оттисками сетки-плетенки (Когай, Бердников, 2013, Бердников и др., 2017б). Тонкие и плотные стенки сосудов (0,4–0,6 см) свидетельствуют об их выбивании. Судя по конструктивным трещинам, плохо замазанным спаям и расслоениям в местах спаев, сосуды изготавливались из кольцевых зон шириной 4–6 см. Анализ излома демонстрирует его слоистую структуру, что свидетельствует об использовании лоскутного налепа. На одном археологически целом сосуде читается не затертый спай в месте присоединения донной части, в других случаях донные части нередко отслаиваются в этих местах. Характер конструктивных трещин и расслоений демонстрирует вариации в изготовления утолщенного венчика. В первом случае устьевая часть утолщалась при помощи дополнительной узкой зоны из лоскутов. Во втором, в дополнение к утолщению сверху накладывался жгутик, который формировал овальный срез. Такие жгутики часто отслаиваются. Еще один вариант подразумевает утолщение венчика одним жгутом, который накладывался на край и примазывался снаружи и изнутри в разных направлениях. Внутренняя поверхность сосудов заглаживалась или затиралась инструментом, оставляющим следы в виде преимущественно горизонтальных тонких бороздок. Дно изнутри не затиралось, поэтому иногда на них фиксируются негативы орнамента других сосудов, использовавшихся в качестве формы-основы. Такие следы отмечены в пяти случаях.

Исходя из анализа приведенных выше признаков технологических операций, нами предлагаются два варианта конструирования сосудов усть-бельского типа. Согласно первому, горшки изготавливались на форме-основе, роль которой играл другой сосуд, путем зонального лоскутного налепа по емкостной программе с устья и присоединением дна сверху, при этом стенки выбивались гладкой (в редких случаях сетчатой) колотушкой. После того, как тело сосуда было сформировано, оно снималось с формы основы. При помощи дополнительного конструктивного элемента оформлялся венчик, после чего сосуд декорировался. Внутренняя поверхность затиралась. Данный вариант изготовления выглядит достаточно простым и рациональным, позволяющим контролировать толщину стенок сосуда (за исключением дна).

Второй вариант отличается от первого тем, что тело сосуда конструировалось без использования шаблона. На форме-основе (другом сосуде) из лоскутов изготавливалась донная часть (путем выбивки), которая затем присоединялась к сосуду. На последнем этапе моделировался венчик, а сосуд декорировался. Данный способ технологически чуть сложнее, при этом выбивать стенки необходимо с использованием наковаленки, в качестве которой может выступать галька, небольшой сосуд или большой его фрагмент. В пользу данного варианта свидетельствуют находки отслоившихся от тулова донных частей.

На данный момент начаты исследования по экспериментальной проверке данных гипотез. Модели изготавливаются из глины, взятой на высокой поверхности у пос. Мишелевка, расположенного в среднем течении р. Белая вблизи известных археологических объектов Усть-Хайта и Горелый Лес. Запесоченная ожелезненная глина близка по характеристикам к той, из которой делались неолитические сосуды, а ее качества (пластичность, формуемость) позволяет конструировать сосуды без добавления примесей. Предварительные результаты демонстрируют возможность формовки первым способом, при этом на внутренней поверхности сосудов, включая дно, действительно остаются следы, аналогичные археологическим. Следует также отметить, что конструирование на форме-основе в виде сосуда предполагает использование прокладки или антиадгезива, чтобы предотвратить слипание поверхностей. В качестве последнего могли использоваться жиры. Нами использовался свиной жир, но в оригинале это, вероятно, был жир диких животных, например, оленей (косуля, марал), которые были основными промысловыми видами в это время. Вариант изготовления сосуда из кольцевых зон с последующим присоединением дна, изготовленного на форме-основе, был экспериментально проверен для сосудов раннего неолита (Уланов и др., 2018).

Таким образом, выявленные в результате исследования аспекты конструирования сосудов усть-бельского типа позволяют вполне определенно говорить об особен-

ностях технологических традиций средненеолитического гончарства.

Исследование выполнено в рамках гранта Правительства РФ, проект № 075–15–2019–866.

Анализ сырья и формовочных масс, а также экспериментальные исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20–49–383001.

Выражаем благодарность заведующему отделом археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея, канд. ист. наук Н.П. Макарову за возможность ознакомиться с некоторыми материалами из археологических раскопок на Среднем Енисее.

Список литературы

Бердников И.М., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Кузнецов А.М., Когай С.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Савельев Н.А., Соколова Н.Б., Уланов И.В. Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 6. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2017а. С. 220–230.

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // Stratum plus. 2017б. № 2. С. 275–300.

Когай С.А., Бердников И.М. Неолитические материалы местонахождения Деревня Мартынова (Северное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 124–137.

Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 56–64.

Уланов И.В., Бердников И.М., Соколова Н.Б. Экспериментальное моделирование сосудов эпох раннего неолита Байкало-Енисейской Сибири // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 64–69.

Комплекс керамики памятника Березово 2 (к вопросу о типичной гребенчато-ямочной керамике с асбестом)

© 2020 г. М.А. Холкина[1] (m.kholkina@spbu.ru), А.М. Жульников[2], Р.И. Муравьёв[1], Д.В. Герасимов[3]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ
[2] Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, РФ
[3] Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В начале 4 тыс. до н. э. на памятниках Восточной Фенноскандии асбестовая керамика представлена единичными сосудами. Сосуд с асбестом и гребенчато-ямочной орнаментацией происходит с памятника Березово 2 на Карельском перешейке и имеет аналогии в Карелии и Финляндии. Редкие случаи таких находок указывают на непрерывность бытования традиции добавлять асбест в керамику и, возможно, на его особую ценность.

Ключевые слова: керамика с асбестом, гребенчато-ямочная керамика, развитый неолит, Карелия, регион Финского залива.

Традиция использовать асбест в качестве примеси при изготовлении керамики впервые появилась вблизи месторождений этого минерала в районе оз. Саймаа в начале 5 тыс. до н. э. За 5000 лет бытования асбестовой керамики выделяются как периоды ее широкого распространения, так и «переходные этапы», когда традиция сохранялась в редуцированном виде лишь в отдельных регионах (Carpelan, 1978; Pesonen, 1996; Жульников, 1999). К таким периодам можно отнести средний неолит (4 тыс. до н. э.), финал эпохи раннего металла (кон. 3 тыс. до н. э.) и время бытования текстильной керамики (кон. 2 – нач. 1 тыс. до н. э.) (Lavento, Hornytzkyi, 1996). В 4 тыс. до н. э. в лесной зоне Восточной Европы распространяется глиняная посуда с примесью дресвы или песка и орнаментом из поясков ямок и оттисков гребенчатого штампа. Примесь асбеста в керамике в среднем неолите хотя и не исчезает полностью, но становится редким исключением.

Новые данные о керамике с примесью асбеста в рассматриваемый период были получены в результате раскопок стоянки Березово 2 на севере Карельского перешейка (Герасимов и др., 2018). Широкая площадь раскопок, включавших практически всю стоянку, и современная методика работ позволили проанализировать все керамические сосуды на памятнике и проследить их планиграфическое соотношение (см. Муравьёв и др. в этом сборнике).

На стоянке Березово 2 можно уверенно выделить комплексы позднего мезолита, среднего неолита (типичная гребенчато-ямочная керамика) и эпохи раннего металла/энеолита. Для среднего неолита по углю из разных земляных структур получены радиоуглеродные датировки: 3980–3712 л. до н. э. (SPb_2930) 5077±60 л.т.н.; 3979–3761 л. до н. э. (SPb_2931) 5080±55 л.т.н.; 3977–3761 л. до н. э. (SPb_2933) 5078±55 л.т.н.

Всего с поселения Березово 2 происходит около 4,5 тыс. фрагментов керамики минимум от 51 сосуда. 30 сосудов (ок. 1500 фрагментов) относятся к типичной гребенчато-ямочной керамике. Сосуды характеризуются примесью дресвы, гребенчато-ямочной орнаментацией, в том числе с геометрическими мотивами, венчики утолщены и скошены внутрь, орнаментированы гребенкой либо

Рис. 1. Фрагменты сосуда с примесью асбеста и гребенчато-ямочной орнаментацией с памятника Березово-2 (1–6).

оформлены защипами. Еще четыре сосуда (17 фрагментов) имеют примесь раковины и/или пера и представляют собой гребенчато-ямочную керамику с органической примесью.

Выделено 16 сосудов (323 фрагмента) с примесью асбеста. 12 из них относятся к типу Пелья и имеют Г-образно загнутый внутрь венчик, расчесы на внутренней и внешней поверхности, плоское донце. Основная часть фрагментов не имеет следов орнамента, остальные украшены рядами попеременно наклонных оттисков гребенчатого штампа. Три сосуда не имеют ни следов орнамента, ни выраженных морфологических особенностей.

Один из сосудов выделяется на общем фоне (рис. 1). Он имеет обильную примесь асбеста без каких-либо иных добавок. Поверхность сосуда гладкая, венчик утолщен изнутри и орнаментирован гребенкой. На тулове сразу под венчиком также нанесен ряд наклонных гребенчатых оттисков, а ниже все тулово покрыто рядами некрупных неглубоких ямочных вдавлений округлой или овальной формы.

По своей морфологии асбестовый сосуд с гребенчато-ямочным орнаментом с Березово 2 не может относиться к комплексу асбестовой керамики эпохи раннего металла/энеолита. Вероятнее всего, он относится к более ранней типичной гребенчато-ямочной керамике. Набор элементов орнамента у этого сосуда схож также с типом Киерикки (Carpelan, 1978), который сосуществовал с типичной гребенчато-ямочной керамикой в период около 3600–3400 л. до н. э. Исследователи отмечали, что этот тип в «классическом» виде встречается редко и не вполне ясно, какова грань, отделяющая его от типичной гребенчато-ямочной керамики с примесью асбеста. На материалах Финляндии высказывалась идея о чистом и смешанном типе Киерикки (Pesonen, 1996. P. 31).

Наличие примеси асбеста в отдельных сосудах типичной гребенчато-ямочной керамики (стиль Ka:II) ранее отмечалось для материалов Финляндии. Такие сосуды локализуются в основном на востоке страны и могут рассматриваться как следствие региональной дифференциации керамической традиции (Carpelan, 1978. P. 13). Высказывалось мнение, что они отражают контакты носителей ранней асбестовой и гребенчато-ямочной керамики (Pesonen, 1996. P. 31).

Неоднократно отмечалось технологически «неправильное» использование асбеста при изготовлении типичной гребенчато-ямочной керамики. Его не дробили на тонкие волокна, но замешивали крупные неправильной формы обломки с включениями слюды и талька, т.е. обращались с ним как с дресвой, игнорируя его технологические особенности (Carpelan 1978; Pesonen 1996; Lavento, Hornytzky, 1996). В описываемом сосуде с Березово 2 также встречаются как мелкие, так и крупные включения неправильной формы.

Типичная гребенчато-ямочная керамика с асбестом отмечена на Карельском перешейке на памятнике Охта 1, а сосуд со стоянки Новоселки 5 представляет нечто среднее между типом Киерикки и типичной гребенчато-ямочной керамикой (Gerasimov et al., 2019). На территории Карелии также есть несколько памятников с асбестовой керамикой среднего неолита, в том числе, на северо-восточном побережье Онежского озера (напр., Черная Губа IX).

Находки керамики с примесью асбеста в среднем неолите указывают на то, что традиция добавлять асбест в

глину в Восточной Фенноскандии в это время не прерывается. На территории Финляндии границы керамики с асбестом в среднем неолите соответствуют преимущественно восточным районам страны с их крупными месторождениями этого минерала (Lavento, Hornytzky, 1996. P. 57). В то же время в Карелии подобная посуда встречается в достаточно широком ареале вплоть до Восточного Прионежья.

Сосуды с примесью асбеста в среднем неолите и в Финляндии, и в Карелии, и на Карельском перешейке единичны и не составляют гомогенных комплексов. Это хорошо видно в материалах Березово 2, где сравнительно немного керамики и она вся четко разделяется по сосудам и типам. Находками отдельных сосудов характеризуется и частично синхронный и типологически близкий тип Киерикки (Pesonen, 1996).

Средний неолит воспринимается как период существования налаженной сети контактов по всей зоне распространения гребенчато-ямочной керамики. По этой сети происходил обмен такими материалами как янтарь, кремень, лидит, медь, сланец (напр. Герасимов и др., 2010). Асбест как минерал с особыми свойствами и необычной текстурой может занять свое место в этом ряду. Даже если как примесь к керамике он использовался без учета технологических характеристик, посуда с такой примесью безусловно могла привлекать внимание и своим характерным блеском выделяться на фоне прочей типичной гребенчато-ямочной керамики.

Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов» № 19–18–00375.

Список литературы

Герасимов Д.В., Крийска А., Лисицын С.Н. Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // Доклады III Северного археологического конгресса 8–13 ноября 2010 в г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис. 2010. С. 28–53.

Герасимов Д.В., Ткач Е.С., Гончарова Е.Н. Раскопки неолитической стоянки Берёзово 2 в Северо-Западном Приладожье – полевые наблюдения и предварительные интерпретации // Бюллетень охранной археологии, 8. СПб.: ИИМК РАН. 2019. С. 9–20.

Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН. 1999. 187 с.

Carpelan C. Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // FM, 85. Helsinki, 1978. P. 5–25.

Gerasimov D.V., Gusentsova T.M., Kholkina M.A. Tracing the boundary: South-eastern periphery of the Neolithic Asbestos Ware // Estonian Journal of Archaeology. 23 (2). 2019. P. 146–172.

Lavento M., Hornytzkij S. Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland and Eastern Karelia / Pithouses and potmakers in Eastern Finland: Reports of the Ancient Lake Saimaa Project // HPIA, 9. Helsinki, 1996. P. 41–70.

Pesonen P. Early Asbestos Ware / Pithouses and potmakers in Eastern Finnland // HPIA, 9. Helsinki, 1996. P. 9–39.

К вопросу о роли заготовки в оценке облика индустрий мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья

© 2020 г. Н.А. Цветкова *(n-tsvetkova@yandex.ru)*

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Оценка характера индустрии опирается на количественные показатели орудий на пластинах. Пластинчатой можно считать индустрию, в которой орудий на пластинах составляют от 50 % внутри каждой отдельной категории (наконечники стрел, проколки, острия, скребки, резцы, вкладыши, «ножи») и прослеживается контекст намеренного производства пластин. К пластинчатым индустриям мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья относятся каменный инвентарь бутовской мезолитической культуры и волго-окской культуры начального неолита.

Ключевые слова: Волго-Окское междуречье, мезолит, ранний неолит, каменная индустрия, бутовская культура, волго-окская культура.

Традиционно для характеристики каменных индустрий используются эпитеты «пластинчатая», «отщеповая», «пластинчато-отщеповая» и «отщепово-пластинчатая». Они соответствуют результатам подсчета процента орудий на пластинах и на отщепах. Учитываются количество пластин, отщепов от общего числа находок и наличие нуклеусов для пластин и микропластин с сопутствующим им дебитажем. На основании всего определяется характер индустрии.

Применительно к мезолиту – раннему неолиту Волго-Окского междуречья определение технико-типологического облика каменных индустрий бутовской мезолитической, волго-окской и верхневолжской ранненеолитических культур имеет ключевое значение для понимания культурных процессов в регионе в это время.

Среди исследователей утвердилась точка зрения о падении роли пластины как заготовки для орудий по мере развития бутовской культуры. Эта же черта характерна и для каменной индустрии начального неолита. В основе доказательств – подсчеты процента пластин в коллекциях со стоянок мезолита – раннего неолита, орудий на пластинах

и на отщепах и соотношения регулярных и нерегулярных пластин. Считается также, что в финальном мезолите (ФМ) и раннем неолите (РН) количество пластин с нерегулярной огранкой возрастает по сравнению с ранним и средним мезолитом. Но отмечается, что технология производства пластин во все времена находилась на высоком уровне.

Сказанное выше послужило, например, одним из аргументов для выделения особой технологической замостьинской традиции, отличной от бутовской. Сложившийся стереотип о трансформации каменной индустрии раннего неолита из пластинчато-отщеповой в исключительно отщеповую также опирается на точку зрения об уменьшении количества пластин (с возросшим количеством изделий с нерегулярной огранкой) на стоянках ФМ и РН по сравнению с памятниками пребореального и бореального возраста.

Анализ индекса пластинчатости показал, что связь между возрастом памятника и количеством пластин и орудий на пластинах в его коллекции отсутствует. Так, на пребореальных стоянках пластины и орудия на них в коллекции насчитывают: 17 % (Ивановское VII/IV), 26 % (Тихоново), 22 % (Бутово I). На бореальных памятниках он равен – 9,7 % (Заборовье 2), 24,2 % (Соболево 5), 9,5 % (Утрех 3), 49,1 % (Утрех 5), 20,2 % (Окаёмово 5/III), 22,3 % (Окаёмово 29), 18,6 % (Ивановское VII/III), 12,1 % (Замостье 2/ниж. мез. сл.), 57 % (Велетьминская 9), 3,1 % (Нушполы 11/IV). На поздних бутовских стоянках индекс пластинчатости составляет 6,5 % (Безводное 10/4), 12,3 % (Озерки5/IV), 19 % (Окаёмово 4), 9 % (Нушполы 11/III),11 % (Ивановское VII/IIa), 11 % (Замостье 2/верх. мез. сл.). На памятниках начального неолита с неорнаментированной и тычково-накольчатой посудой этот индекс составляет 8,6 % (Котчище I), 4 % (Нилова Пустынь), 29,3 % (Окаёмово 18/III), 7,1 % (Становое 4/II (раскоп 1998), 18,7 % (Алексеевское I), 21,3 % (Давыдковская – 21,3 %), 40,3 % (Шадрино IV). На стоянке Котчище II с неорнаментированной, тычково-накольчатой посудой и керамикой с пунктирной орнаментацией процент пластинчатых заготовок от общего числа заготовок – 3,2 %. Процент пластин и орудий на пластинах от общего количества каменных изделий на стоянках среднего этапа вехневолжской культуры равен 4,4 % (Озерки 5/III), 13 % (Плещеево I). На стоянке позднего этапа верхневолжской культуры Берендеево IIa индекс пластинчатости – 0,7 %. На памятниках со всеми типами посуды раннего неолита индекс пластинчатости достигает 8,6 % (Замостье 2 (раскопки до 1995 г.) и 19 % (Альба 8).

Широкий разброс процентного содержания пластин и орудий на них на разновременных памятниках делает подсчеты такого рода бессмысленными. Наблюдается тенденция к увеличению индекса пластинчатости в зависимости от величины коллекции: чем меньше каменных артефактов, тем он выше. Попытки выявить связь между количеством пластин и орудий на них и возрастом памятников упираются в проблему полноты источников. Стоянки различаются по функциональным особенностям. Между ними имеются различия в длительности и периодичности обитания. Не следует забывать о разной вскрытой площади стоянок и неравном количестве исследованных памятников применительно к разным периодам мезолита и раннего неолита.

Связывать постепенное падение роли пластины, основываясь на количественных данных нецелесообразно еще и потому, что неизвестно изначальное число произведенных на нужды коллектива пластин и утраченных в процессе использования. Поэтому для оценки роли пластины как заготовки следует отталкиваться не от количественной составляющей, а от понятия «традиция использования пластины» – изготовление на пластинах максимального количества категорий орудий в индустрии.

Применительно к мезолиту – неолиту Волго-Окского междуречья видно, что вплоть до распространения в регионе посуды отличной от керамики с разреженной тычково-накольчатой орнаментацией, каменные индустрии характеризуются использованием пластины для серийного изготовления наконечников стрел, острий, проколок, вкладышей, ножей, резцов, скребков, скобелей. На этом основании индустрии бутовской мезолитической культуры и волго-окской ранненеолитической (памятники начального неолита с разреженной тычково-накольчатой керамикой) уместно рассматривать как пластинчатые. Подкрепляет эту точку зрения контекст намеренного производства пластин и микропластин, прослеживаемый практически на каждом из проанализированных памятников.

Начиная с 6500–6400 Uncal BP в Волго-Окском междуречье распространяется отщеповая индустрия с характерным приемом двухстороннего ретуширования острий и «ножей». Таким образом, до этого времени пластина интенсивно использовалась мезо-неолитическим населением в качестве заготовки для орудий, из чего следует, что вопрос о падении роли пластины, основанный на общих числовых подсчетах, потерял свою актуальность. Серийное производство категорий орудий «наконечники стрел», «острия», «проколки», «резцы», «скребки», «ножи», вкупе с ядрищами для пластин и микропластин свидетельствуют, что традиция использования пластины как заготовки для орудий просуществовала в регионе около 3,5 тыс. лет с пребореала. Детальное изучение вкладышевого вооружения также показало, что оно использовалось на протяжении всего этого времени без изменения в типологическом наборе.

Стоит ли рассматривать соотношение нерегулярных и регулярных пластин как один из показателей падения роли пластины как заготовки и перехода на новые технологические стандарты? Очевидно, нет. Анализ каменного инвентаря со стоянок бутовской культуры и начального неолита показывает, что соотношение регулярных и нерегулярных пластин либо равное, либо незначительно колеблется в ту или иную сторону. Кажущееся превосходство на памятниках ФМ и РН нерегулярных пластин логично объяснить большим количеством исследованных памятников атлантического возраста по сравнению со стоянками более ранних периодов.

Например, для нижнего мезолитического слоя Замостья 2 соотношение отщепов к пластинам составляет 60,6 % и 10,4 %. Среди пластин преобладают нерегулярные, многие из которых с коркой. В том же время, в индустрии этого слоя довольно много нуклеусов для пластин и микропластин, полученных, в том числе, отжимом. Серийно представлены орудия на пластинах: пластины с разнообразной регулярной краевой ретушью, вкладыши, наконечники стрел, скребки, резцы, сверла. Соответственно, ясно прослеживается традиция использования пластины, как одной из основных заготовок для орудий. Кажущаяся «отщеповость» каменной индустрии этого слоя заключает-

ся в значительном количестве скребков на отщепах. Часть из них относится к случайным орудиям (т.н. аморфные скребки), заготовкой для которых обычно служил любой отщеп/осколок кремня. Таким образом, представленная в нем индустрия – пластинчатая. Орудийный набор сходен с бутовским среднего этапа развития культуры по типологическому составу. То же касается и индустрии верхнего мезолитического слоя Замостья 2, которая по всем параметрам соотносится с древностями финала бутовской культуры.

Таким образом, каменная индустрия определяется как «пластинчатая» или «отщеповая» в зависимости от того прослеживается в ней технико-типологический контекст использования пластины или нет. Последний отражается в серийном изготовлении таких категорий орудий на пластинах как наконечники стрел, острия, проколки, резцы, скребки, вкладыши, ножи, иногда скобели. Средняя величина для орудий на пластинах внутри каждой отдельной категории равняется 50 % и более (за исключением скребков). Этот показатель в сочетании с выраженным контекстом намеренного производства пластин и микропластин свидетельствует об имеющейся в стратегии жизнеобеспечения традиции использования пластины (индустрия пластинчатая). Если он ниже 50 % внутри каждой отдельной категории орудий и/или отсутствует контекст производства пластин и микропластин, то кажущийся гомогенным комплекс таковым не является. В нем смешаны разнокультурные и/или разновременные древности. Особо стоит подходить к анализу категории «скребки». Среди них, как правило, доминируют орудия на отщепах, что объясняется, в том числе, большим числом среди них случайных орудий, которые традиционно рассматриваются не в категории «отщепы с нерегулярной ретушью», а как аморфные скребки.

Социальное содержание понятия «археологическая культура»

© 2020 г. ***Ю.Б. Цетлин*** *(yu.tsetlin@mail.ru)*

Институт археологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Статья посвящена обсуждению возможностей изучения социальной структуры древних обществ по данным анализа орнаментации керамики. Проблема исследуется на материалах трех неолитических культур: верхневолжской, культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской, носители которых бытовали в лесной зоне Восточной Европы.

Ключевые слова: неолит, археологическая культура, социальная структура, керамика, орнамент.

1. Понятие «археологическая культура» применяется, во-первых, как аналитический термин для обозначения групп сходных археологических памятников, связанных временем бытования и территорией распространения, во-вторых, для обозначения действительного сходства материальной культуры, отражающего *древнюю социально-экономическую и этнокультурную человеческую общность*. Во втором случае археологический материал рассматривается как особое средство изучения истории таких общностей.

2. Однако в последнее время некоторые этнологи (Тишков, 2003; Шнирельман, 2013, Соколовский, 2013) призывают к отказу от традиционных этнографических понятий: *род, племя, фратрия, этнос, традиция* и других. На смену им вносятся понятия «этничности», «национальной идентичности» и другие, предложенные западными исследователями для описания современных обществ эпохи глобализации. Эти изменения квалифицируются как всеобщая «смена парадигм» науки, но на самом деле ведут к утрате самого предмета этнографической науки и превращения ее из этнографии (или этнологии) в социологию.

3. Под влиянием этих нововведений оказалась часть археологов, которые высказывают мнения о ненужности понятия «археологическая культура», о том, что изменения материальной культуры во времени и пространстве *непрерывны* и *постепенны*, что археология способна изучать только явления *культурогенеза*, а не историю самих носителей этого процесса. Такой подход ведет к утрате археологией своего содержания как *исторической науки*.

4. Это заставляют вновь обратиться к обсуждению социального содержания понятия «археологическая культура». В основу доклада положены результаты изучения неолитической керамики с позиций историко-культурного подхода.

5. Для выделения археологической культуры более правомерно использовать ту часть материальной культуры, которая наиболее тесно связана с ее носителями. В эпоху доремесленного и раннего ремесленного производства – это прежде всего глиняная посуда, распространенная практически повсеместно и из-за своей непрочности требующая постоянного возобновления. Технология изготовления посуды относится к *внутренней* культуре гончарства, связанной с ее производителями, а форма и орнаментация сосудов – к *внешней* культуре гончарства, имеющей первостепенное значение для потребителей посуды.

6. В данном случае объектом специального изучения стали орнаментальные керамические традиции носителей трех неолитических культур лесной зоны Восточной Европы: *верхневолжской, культуры с ямочно-гребенчатой керамикой* и *волосовской*. Источником послужили керамические материалы 138 памятников, представленные обломками от 3111 разных сосудов.

Изучение этих традиций включало два этапа: 1) анализ по каждому памятнику *состава* и *соотношения элементов орнамента* на посуде; 2) количественный сравнительный анализ всех памятники в рамках культуры по *степени сходства элементов* орнамента, которая изменяется в интервале от 0 (полное несходство) до 100 % (полное сходство).

В результате такого анализа выяснилось, что в рамках каждой из трех культур выделяются по две орнаментальных традиции, каждая из которых представлена группой памятников, связанных очень высоким сходством и образующих *культурное ядро,* и группой памятников, сходство между которыми существенно ниже и относящихся к *культурной периферии*.

7. *Верхневолжская культура*. Для характеристики орнаментальных традиций этой культуры использованы обломками от 631 сосуда с 32 поселений. Выделены две традиции: А и Б, а внутри каждой – культурное ядро и культурная периферия. Для ядра А наиболее характерны участки без орнамента на сосуде, гребенчатый, накольчатый и пунктирный элементы, а для ядра Б – также участки без орнамента и пунктирный орнамент. Еще более значительные различия наблюдаются на керамике памятников культурной периферии обеих традиций. Посмотрим, как эти различия выражены количественно.

Традиция А. Сходство между памятниками, входящими в ядро, равно 87 %, а между памятниками периферии – 70 %; сходство между ядром и периферией – 82 %.

Традиция Б. Сходство внутри ядра составляет 86 %, а внутри периферии – 62 %, между ядром и периферией – 70 %.

Ядра традиций А и Б сходны между собой на 80 %, а периферии этих традиций только на 66 %.

8. *Культура с ямочно-гребенчатой керамикой*. Орнаментальные традиции изучались по обломкам от 1536 сосудов с 59 памятников. Здесь также выделены две традиции: А и Б с ядром и периферией в каждой из них.

Ямочный орнамент на керамике памятников ядра А составляет 60 %, гребенчатый – ок. 30 %, участки без орнамента – только 4 %. На керамике ядра Б – ямочный составляет 46 %, гребенчатый – также ок. 30 % а участки без орнамента – 13 %. На памятниках культурной периферии у сосудов традиции А ямочный орнамент составляет 50 %, гребенчатый – 18 %, лунчатый – 10 %. На керамике традиции Б доля ямочного элемента равна 41 %, гребенчатого 25 %, а лунчатого – только 3 %. Еще более показательны данные о численном сходстве орнаментальных традиций этой культуры.

Традиция А. Сходство между памятниками ядра составляет 93 %, между памятниками периферии – 85 %; такое же сходство между памятниками ядра и периферии.

Традиция Б. В пределах культурного ядра сходство орнамента равно 92 %, а внутри периферии 84 %. В данном случае степень сходства памятников ядра и периферии составляет 86 %.

Важно отметить, что для обеих традиций характерна высокая монолитность орнаментации сосудов как в рамках культурного ядра, так и культурной периферии (от 84 % до 93 %). Однако степень сходства между ядрами традиций А и Б равно 76 %, а между культурными периферияими этих традиций – только 61 %.

9. *Волосовская культура*. Изучение орнамента по обломкам от 944 сосудов с 47 поселений позволило также выделить две традиции: А и Б, а внутри них культурное ядро и периферию.

Традиция А. На сосудах ядра массово представлены ямочный (16 %), гребенчатый (22 %), гладкий (16 %) элементы и участки без орнамента (29 %). На керамике периферии преобладают ямочный орнамент (28 %) и участки «без орнамента» (31 %), реже наносились гребенчатый, гладкий и веревочный орнаменты (12–13 %).

Традиция Б. Здесь на керамике ядра более массовыми были гребенчатый (ок. 40 %), рамчатый (18 %) и ямочный (14 %) элементы и участки «без орнамента» (24 %), а для периферии характерен гребенчатый (40 %), ямочный (24 %) рамчатый элементы и участки «без орнамента» (12–13 %).

Культурные ядра традиций А и Б достаточно монолитны: сходство равно 84 % и 85 %. Значительно ниже оно внутри культурной периферии: для традиции А – 63 %, для традиции Б – 70 %. Наряду с этим, ядро и периферия традиции А сходны между собой на 55 %, а ядро и периферия традиции Б на 66 %. Сходство между ядрами традиций А и Б равно 63 %, а между их периферияими – только 35 %.

10. Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов:

1) археологические культуры по составу оставивших их носителей не являются однородными, а всегда включают носителей разных традиций, что связано с их формированием и внутренней структурой;

2) археологические культуры имеют дуально-родовую структуру населения, которая, как известно, характерна для первобытных общностей типа племенных.

Аналогичные данные о дуально-родовой структуре общества в настоящее время получены для населения фатьяновско-балановской культурной общности по материалам Волосово-Даниловского и Новинковских могильников (Волкова, 2012), для населения древней муромы по материалам Подболотьевского могильника (Цетлин, Холошин, 2017), для населения салтово-маяцкой культуры по материалам Дмитриевского могильника (Суханов, 2018).

Таким образом, в результате изучения с позиций историко-культурного подхода гончарных традиций древнего населения эпохи неолита, бронзового века и раннего средневековья во всех случаях удалось зафиксировать признаки дуально-родовой социальной структуры конкретных человеческих коллективов. Это позволяет прийти к выводу, что еще не настало время отказываться от традиционных взглядов этнографов на родоплеменную структуру доклассовых и раннеклассовых обществ.

Список литературы

Волкова Е.В. Социальная структура населения фатьяновской культуры // РА. 2012 № 3. С. 5–19.

Соколовский С.В. Современные концепции этнической идентификации и проблемы атрибуции археологических памятников // Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола / отв. ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. С. 80–101.

Суханов Е.В. О культурных традициях создания форм кувшинов салтово-маяцкой культуры (на примере Дмитриевского могильника) // Вестник «История керамики». М.: ИА РАН. 2019. С. 114–129.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.

Шнирельман В.А. Этничность в археологии – реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола / отв. ред. В.С. Мосин,

Л.Т. Яблонский. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. С. 48–79.

Цетлин Ю.Б., Холошин П.Р. Системный анализ форм сосудов Подболотьевского могильника во Владимирской области // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / АлтГУ ; отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017.

Проблемы изучения археологических комплексов эпохи неолита-палеометалла на территории Северного Приангарья. Новые данные по материалам Усть-Кутарейского участка

© 2020 г. А.Н. Чеха *(cheha.anna@yandex.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Изучение археологических памятников на территории Северного Приангарья сопряжено с рядом особенностей: для большинства памятников региона (в т. ч. Устье Реки Кутарей) характерны субаэральные отложения с профилем полно развитой почвы, где разновременные археологические материалы смешаны и/или находятся в «компрессионном» состоянии, что существенно осложняет их культурно-хронологическую атрибуцию. Для современного осмысления и разработки культурно-хронологической шкалы региона крайне важен анализ массового материала, полученного в результате спасательных работ 2008–2012 года в зоне затопления БоГЭС. В данной статье приведены новые данные, полученные при анализе материалов стоянки Устье Реки Кутарей и сравнительном анализе с выборкой материалов соседних памятников Гора Кутарей и Сенькин (Синий Камень), что расширяет источниковую базу неолита- палеометалла региона и в дальнейшем позволит уточнить культурно-хронологическую шкалу региона.

Ключевые слова: Северное Приангарье, неолит, эпоха металла, компрессионный характер отложений, Усть-Кутарейский участок.

В рамках разработки неолитической проблематики на территории Восточной Сибири был проведен анализ каменного и керамического материала стоянки Устье Реки Кутарей (левый приток Ангары) в Северном Приангарье.

Наиболее насыщенным и перспективным можно считать ранее изученный слой 3 данной стоянки, где в результате планиграфического анализа удалось выявить «чистый» неолитический комплекс и «смешанный»: с примесью более поздней керамики. Учитывая обозначенные выше особенности формирования отложений и наличие техногенных повреждений, для более точной культурно-хронологической характеристики материалов был проведен анализ материалов слоя 2.

Технико-типологический анализ коллекции каменных артефактов из слоя 2, а также определение ее петрографического состава показали, что слой 2 менее насыщен каменными артефактами, его, в сравнении со слоем 3, отличает небольшое количество массивных орудий и тесел, отсутствие скребел, небольшое количество двойных скребков, исключительно объемное расщепление, направленное в основном на получение мелких пластинчатых снятий. Несмотря на то, что основу коллекции составляют изделия из роговиков (алевролитов) местного происхождения, существенно увеличилось процентное содержание артефактов из кремня (до 13%), что может говорить о несколько иной сырьевой стратегии. Установлено, что в районе устья реки Кутарей и вверх по ее течению выходов кремнистых пород не отмечалось. Предположительно, его источником могли оказаться осадочные толщи Ангаро-Илимского междуречья. Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками. Для уточнения культурно-хронологической принадлежности памятника был также выполнен анализ керамического материала. В основу группировки посуды был положен декоративно-морфологический анализ концентраций фрагментов и развалов, крупных частей сосудов, обнаруженных *in situ*. Основой для хронологической интерпретации послужили планиграфические наблюдения, отмеченные еще во время раскопок, а также данные по стратифицированным объектам и погребальным комплексам, расположенным в бассейне Среднего Енисея, Канской лесостепи, Северном Приангарье и Прибайкалье. Были учтены радиоуглеродные даты для комплексов Северного Приангарья и стратифицированных памятников сопредельных территорий (Деревянко и др., 2015; Бердников и др., 2017).

Для культурной привязки групп использованы таксоны разного уровня, описывающие как большие совокупности керамического материала (усть-бельская группа) и керамическую традицию выделенной для региона культуры (цэпаньская группа), так и сравнительно небольшие, локальные разновидности (ковинская группа).

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей зафиксировано 2069 фрагментов керамики (включая мелкие и неорнаментированные), в слое 3 – 1269 фрагментов. Определимые фрагменты можно разделить на несколько групп (см. табл. 1):

тонковаликовая керамика раннего железного века – круглодонные сосуды с тонкими налепными заглаженными валиками), зафиксированная вюжнотаежной зоне среднего Енисея;

цэпаньского типа – тонкостенные сосуды, поверхность сосуда оформлена параллельными горизонтальными или волнообразными тонкими «обмазочными» валиками). Данная группа представляет керамическую традицию эпохи раннего железного века;

посуда шилкинского типа – фрагменты сосудов с объемными круглыми «рассеченными» валиками со следами прищипов и насечками в верхней части, представляют собой закрытые горшечные формы с короткой шейкой, отогнутым венчиком и расширяющимся плечиком. Данные характеристики более всего сопоставимы с посудой шилкинской культуры (6–1 вв. до н. э.) южно-таежной зоны Средней Сибири и нижепорожинской (7–3 вв. до н. э.) Енисейского Приангарья;

посуда ковинского типа – тонкостенные, по всей вероятности круглодонные горшковидные сосуды закрытой

Таблица 1. Соотношение основных групп керамического материала (сл.2. 3 стоянки Устье Реки Кутарей).

	Сл.2			Сл.3. комплекс 1 (смешанный)			Сл.3. комплекс 2		
тип	Количество фрагментов	Количество венчиков	%	Количество фрагментов	Количество венчиков	%	Количество фрагментов	Количество венчиков	%
Тонковаликовая керамика раннего железного века	377	28	44,5	78	8	7	4		1
Посуда шилкинского типа	102	29	12						
Посуда ковинского типа	33	9	3,9						
Керамика цэпаньской культуры	57	12	6,7	11	2	1			
Посуда с текстильными отпечатками	64	3	7,4	147	7	25	86	3	48
Керамика усть-бельского типа	62	6	7,4	250	22	23	16	1	9
Керамика посольского типа	5	0	0,5	12	3	1	17		9
смешанная группа (недостаточно диагностирующих признаков, не относящаяся к эпохе неолита)	27	7	3,2	26	9	3			
Техническая керамика	3	0	0,4	3		1			
неорнаментированные фрагменты	118		14	546		50	56		32

формы с ангобом, характерным признаком служат гладкие «рассеченные» и «обмазочные» валики, которые покрывают верхнюю часть сосуда. В памятниках Северного Приангарья данная посуда встречена на стоянках Гора Кутарей, Усть-Кеуль-1 (к.г. 2 и 3), Хедугин Ручей, Сережкино, Усть-Кова-1 (в культурном слое 1), Парта (во втором слое), Усть-Кода, на стоянке и могильние Сергушкин-3. По мнению исследователей эта посуда относится к первой половине I тыс. н. э., к раннему средневековью;

керамика усть-бельского типа – крупные круглодонные тонкостенные формы с прямыми стенками. На срез венчика нанесены косые насечки, овальные вдавления. Сосуды (чаще полностью) орнаментированы прямолинейными горизонтальными рядами однообразных наклонных оттисков (насечки, гребенчатый штамп, отпечатки ногтя, оттиски угла лопаточки, овальный вдавления, реже прочерченные линии). Ареал распространения данной керамики охватывает Минусинскую котловину, Средний Енисей, Северное Приангарье, западное побережье Байкала и Южное Прианарье;

керамика посольского типа – закрытые или открытые тонкостенные сосуды с округлым дном, утолщением венчика с внешней стороны подтреугольным в сечении налепом. Толщина стенок у венчика существенно увеличивается. Венчик профолирован. По самому краю среза венчика фиксируется ряд мелких сквозных отверстий, располагающихся поверх наколов или прочерченной линии. Верхняя часть сосудов орнаментирована в отступающее-накольчатой или протащенной технике. Встречаются прочерченные горизонтальные линии, оттиски зубчатого штампа или лопаточки). Ареал бытования данной посуды совпадает с ареалом усть-бельской керамики.

Таким образом, в слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннему железному веку (тонкожгутиковая (2300–2100 л.н.), посуда шилкинского типа (2400–2100 л.н.)), керамика цэпаньской культуры (2800–2200 л.н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот. В целом, большую часть материалов слоя 2 можно датировать II–I тыс. до н. э., однако наличие неолитической керамики и пластинчатых трех-четырехгранных каменных наконечников, близких уолбинской культурной традиции (8000–6000 тыс. л.н.), не исключает присутствие более раннего компонента. Ввиду того что последние планиграфически не соотносятся с какой-либо группой керамического материала, вопрос их атрибуции остается открытым. В составе обоих горизонтов слоя 3 преобладала керамика, относящаяся к эпохе неолита. На уровне первого горизонта она смешана с материалами раннего железного века и Средневековья, что можно связать с техногенными нарушениями. На уровне второго условного горизонта керамика полностью неолитическая – преимущественно текстильная и посольского типа. Также следует отметить отсутствие на памятнике керамики с жемчужным орнаментом широко распространенной в регионе и относящейся к эпохе ранней бронзы (Выборнов, Нестерова, 2015).

При сравнительном анализе с материалами ближайших памятников, расположенных также в устье реки Кутарей – Гора Кутарей и Сенькин (Синий) камень выявлено, что каменная индустрия памятника Устье Реки Кутарей отличается развитой технологией получения микропластин и пластинок с карандашевидных, конусновидных и призматических нуклеусов путем отжима, наличием в орудийном наборе двойных скребков, в том числе высоких, с носиком. В материлах слоя 2 и 3 памятника Гора Кутарей преобладают отщепы и наконечники, изготовленные на данной категории заготовок, тесла, топоры, вы-

явлена серия веерных скребков, всего 1 микропластина и небольшое количество пластинок.

Новейшие данные о хронологии памятника (Устье Реки Кутарей) были получены в результате радиоуглеродного анализа погребения (девушки 20–25 лет), обнаруженного под слоем 3 стоянки, в результате которого получена дата 6619±87 (NSKA 1863), что согласуется с хронологией усть-бельской керамики (6660±190 (IV культурный слой стоянки Казачка; 6475±190 (гор.11В пещеры Еленева); 6000±100 (Сергушкин- 1 пункт А)), наиболее представленной в слое, и позволяет отнести его к эпохе развитого неолита. Особую актуальность данный материал приобретает ввиду малочисленности неолитических погребальных комплексов региона (в сравнении с Прибайкальем), плохой сохранностью костного материала, однако так как погребение безынвентарное, дать какую-либо культурную привязку на данный момент не представляется возможным.

Список литературы

Бердников И.М., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Кузнецов А.М., Когай С.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Савельев Н.А., Соколова Н.Б., Уланов И.В. Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2017, Вып. 6. С. 220–230.

Выборнов А.В. Нестерова М.С. Керамика на стоянке Гора Кутарей в Северном Приангарье // Материалы IV Северного археологического конгресса. Екатеринбург – Ханты – Мансийск: Институт истории и археологии УРО РАН, 2015. С. 118–120.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В., Присекайло А.А., Марковский Г.И., Дудко А.А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследоваий (2007–2012 гг.) // Труды Богучаской археологической эскпедиции. Т. 1. Новосибирск, 2015. 564 с.

Неолитическая одежда в ретроспективе погребальных комплексов юга Западной Сибири

© 2020 г. А.В. Шмидт (tison172@mail.ru)

Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, РФ

Аннотация. Представлен вариант реконструкции погребального костюма с могильника Фирсово-XI. Одежда усопших: короткие нераспашные куртки; штаны. Достоверных признаков наличия обуви и головных уборов нет. Фасон мужского и женского платья идентичен. Проведено сравнение с синхронными могильниками региона.

Ключевые слова: некрополь, неолитическая одежда, нашивки, украшения, реконструкция.

Нашивки из зубов животных, перламутра, кости в неолитических погребениях, как правило, являются наиболее массовым сопроводительным инвентарем. Анализ их расположения относительно скелета открывает возможности для реконструкции костюмов, в которых хоронили усопших. По материалам погребальных комплексов юга Западной Сибири (Лебеди-II, Большой Мыс, Солонцы-V, Чумыш-Перекат, Меновное-XI) исследователи предлагают варианты покроя одежды древнего человека. Расширить наши представления позволяют материалы могильника Фирсово-XI, где украшения из кости и зубов животных обнаружены в шести погребениях.

Памятник расположен в районе г. Барнаула. AMS дата показала середину VI тыс. до н. э., что на данный момент является одной из древнейших для погребальных комплексов региона. В плане реконструкции костюма наибольший интерес представляет парное захоронение № 14 (рис. 1, *1*). Здесь на первом костяке (мужчина) выявлено 187 подвесок из зубов волка, лося, медведя, сгруппированных в 12 ожерелий, а на втором (женщина) – 90 аналогичных украшений в девяти ожерельях. Согласно общепринятой точке зрения, подтвержденной трасологическими исследованиями, нашивки крепились непосредственно к одежде.

Судя по их расположению, верхней одеждой служили нераспашные куртки, которые одевались через голову. Ношение распашных вещей напрямую связано с использованием застежек либо поясов (Куприянова, 2008. С. 87), наличия которых в материалах могильника не фиксируется. Границы горловины в обоих случаях маркирует ожерелье 1. Аналогичным образом располагались нашивки, и также из пяти зубов, в другом погребении некрополя.

Данные этнографии, а также реконструкции по другим синхронным могильникам региона, указывают, что нижний край одежды обрамляла полоса из нашивок (Кунгурова, 2005. С. 45). У обоих скелетов такой нижней орнаментальной полосой служило ожерелье из зубов медведя, которое проходило немного ниже пояса покойных. Очевидно в данной ситуации, это достаточно надежный маркер подола куртки. На таком же уровне (нижняя часть тазовых костей), но только с передней стороны скелета, располагались ожерелья еще в трех погребениях могильника.

Вероятно, одежда обоих субъектов сшита по одному фасону, так как расположение, вид, состав зубов ожерелий 1, 6 и 7 у скелета № 1 полностью совпадает с ожерельями 1, 4, 5 у скелета № 2. Отличается лишь число нашивок. Возможно, различия проявляются только в оформлении верхней части курток. У мужчины, это взаимопроникающие диагональные цепочки нашивок. У женщины – ожерелья образуют параллельные горизонтальные линии (рис. 1, *2*).

Исследователи допускают, что горизонтальные линии подвесок, располагавшиеся в районе таза, это самостоятельный элемент костюма – пояс. Однако, чтобы выдвигать такие предположения, необходимо располагать определенными маркерами. Это могут быть резцы крупных грызунов (бобер, сурок), которые использовались в качестве застежек. Кроме этого, ремень – практичное

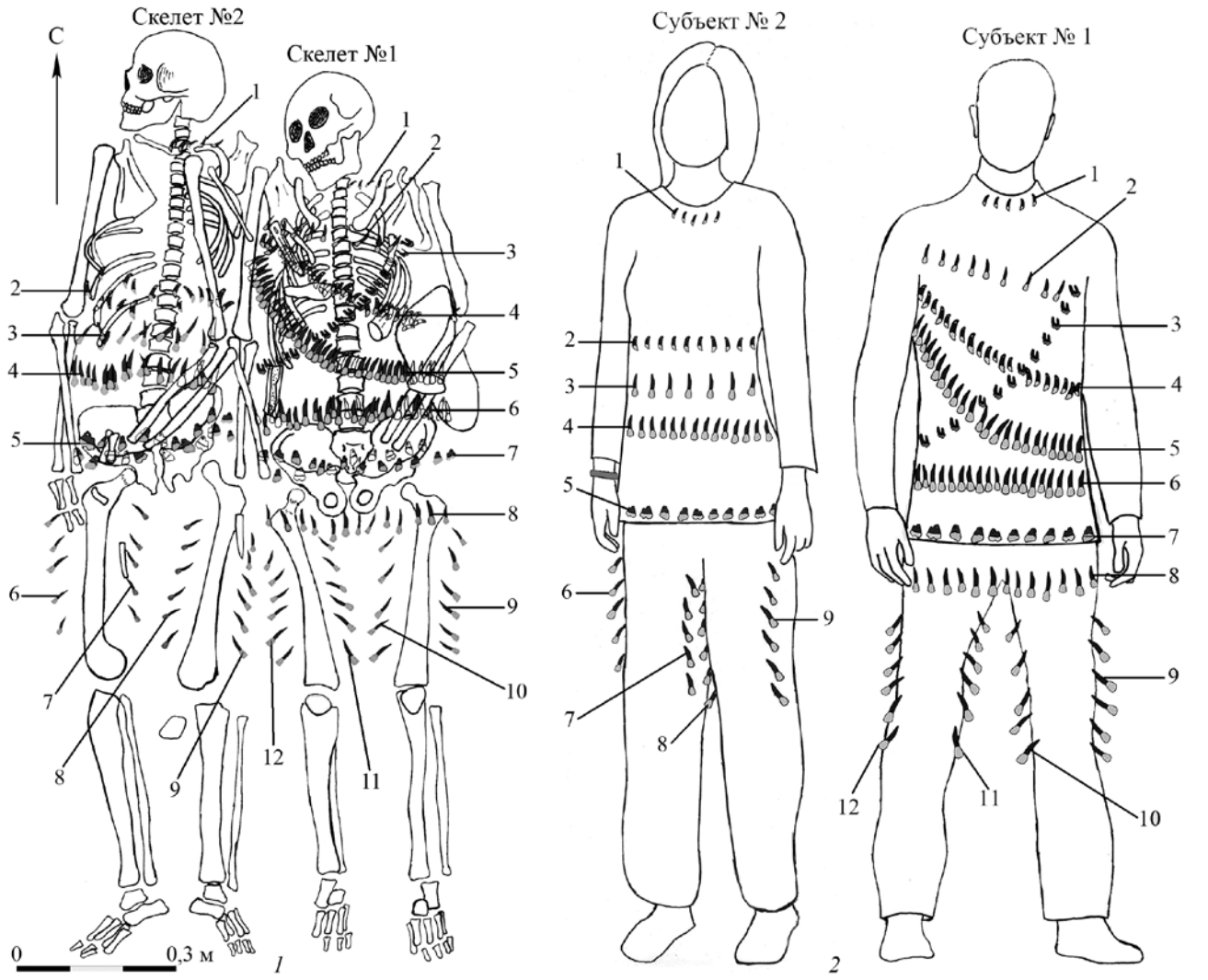


Рис. 1. Могильник Фирсово-XI: 1 – план погребения № 14; 2 – реконструкция неолитического костюма по материалам погребения № 14.

приспособление носить с собой необходимые вещи. Поэтому достаточно часто крупный инвентарь находят именно в районе пояса. Ни того, ни другого в материалах могильника Фирсово-XI мы не наблюдаем.

Одеждой для ног, по всей видимости, являлись штаны. Украшения, которые можно напрямую соотнести с данной частью гардероба, являются ожерелья 9–12 у скелета № 1 и 6–9 у скелета № 2. Нашивки из резцов лося располагались вертикальными рядами с внешней и внутренней стороны каждой бедренной кости. Такое расположение позволяет интерпретировать их как украшения, нашитые на верхнюю часть штанин, наподобие внешних и внутренних лампасов. Штаны, как и куртки, видимо, были сшиты по одному фасону.

К сожалению, нет никаких сведений относительно головных уборов и обуви усопших. Это прямо противопоставляет комплекс другим крупным некрополям региона, где сосредоточение нашивок в районе черепа и голени является распространенным явлением.

Вряд ли костюм, украшенный крупными нашивками, являлся повседневной одеждой. Неловкий в своем обращении, он, вероятно, носил обрядовый характер и, возможно, такой наряд специально изготавливали к траурной церемонии. В пользу этой идеи высказывалась Э.Б. Вадецкая (Вадецкая, 2015. С. 18), но здесь много дискуссионных моментов. В этнографии известно немало примеров, когда усопших хоронили в одежде, которую в других случаях одевали по праздникам и даже на собственную свадьбу. Однако попытки проводить прямые аналогии с этнографией, используя материалы неолитических могильников юга Западной Сибири, смотрятся еще более дискуссионными. Фактом остается то, что человек умер и его похоронили в «особенной» одежде.

На некоторых подвесках мы фиксируем следы длительного ношения на одежде. Однако это совсем не означает, что до траурной церемонии костюм эксплуатировался продолжительное время. Нашивки могли перешить с другой, например, обветшалой одежды. Либо какое-то количество «пожертвовали соплеменники» для изготовления траурного платья.

Анализ расположения нашивок, с учетом гендерного фактора, указывает, что женщины, как и мужчины, носили штаны и схожую по фасону куртку. Это можно проследить и по остальным могилам некрополя. Анализируя археологические и этнографические материалы, исследователи отмечали, что у разных полов и возрастов наблюдается близкая по крою одежда (Сухарева, 1979. С. 78). Эта особенность имеет очень широкие хронологические и территориальные рамки.

Возможно рукава у женщин были немного короче, чем у мужчин. Здесь определенную почву для размышлений дает украшение, найденное в другой могиле Фирсово-XI. Это браслет из резца бобра, обнаруженный на правой руке женского скелета. Соответственно, длина рукава не должна закрывать запястье, чтобы данный аксессуар был хорошо заметен окружающим.

Анализируя материалы некрополя Фирсово-XI, создается устойчивое впечатление, что одежда усопших была легкой, возможно летней: короткие куртки, обувь ниже колена, вполне вероятное отсутствие головных уборов. Есть все основания полагать, что захоронения осуществлялись в теплый период. Но такая черта свойственна не для всех могильников региона. На некрополях Лебеди-II и Солонцы-V расположение нашивок указывает, что усопшие могли быть похоронены в зимней одежде.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8 (8). С. 7–20.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. 128 с.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст». Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.

Сухарева О.А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 77–103.

Зехновские стоянки позднего мезолита-раннего неолита валдайской археологической культуры

© 2020 г. ***В.Я. Шумкин*** *(shumkinv@yandex.ru),* ***Г.В. Синицына, Е.Ю. Медникова, Т.Б. Крылова***

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В статье рассматриваются археологические материалы Зехновской 3 стоянки, расположенной в Тверской области, которые дают общую характеристику индустрии валдайской культуры в период появления первой керамики.

Ключевые слова: Валдайская возвышенность, поздний мезолит – ранний неолит, типология кремневого инвентаря и керамики, фосфатный и полиполяризационный анализы.

Зехновские стоянки открыты в 1974 г. и исследованы пятью раскопами (612 кв. м) в 1975–1977 гг. Верхневолжской неолитической экспедицией под руководством Н.Н. Гуриной. Памятники находится в 2 км к востоку от д. Зехново Осташковского района Тверской области по обоим берегам р. Селижаровка, где она, сильно петляя, образует широкую пойму. К расширенной части поймы примыкает оза высотой 3–7 м. На правом берегу по распространению находок и фосфатным методом была установлена общая площадь памятников ~ 1900 кв. м. Из всех 4-х правобережных раскопов на поселении Зехново, участок, вскрытый раскопом 3 – 376 кв. м, дал наиболее представительную коллекцию инвентаря раннего неолита. Как в большинстве поселений на озах, боровых террасах, культурный слой носил открытый характер, данный участок был заселяем в период бронзы, раннего железного века. Материал этих периодов в основном находился в верхнем слое. Культурные остатки раннего неолита были локализованы вдоль береговой линии. Стратиграфия была однородной: под тонким (12–15 см) дерновым покровом залегал темный гумусированный песок мощностью 20 см.; ниже – коричневато-желтый песок мощностью 25 см и в отдельных местах – 55 см, содержащий включения ордзанда. Подстилающим слоем являлся светло-желтый песок без находок. Материалы Зехновских стоянок были лишь частично введены в научный оборот для характеристики валдайской культуры позднего мезолита – раннего неолита (Гурина, 1989. С. 63–67; Гурина, 1996. С. 188–193). Валдайская культура, выделенная в 1958 г. (Гурина, 1958), рассматривалась как культура, прошедшая в своем развитии этапы от мезолита до позднего неолита, принявшая инновации в раннем неолите в виде керамического производства.

На исследуемой площади выявлены предположительно 4 жилища наземного или слабо углубленного типа, одно из них, расположенное близ береговой линии, почти полностью разрушено рекой. Контуры жилищных пятен овально-подчетырехугольные в плане ~ 4×2 м, линзовидные в сечение, рядом с ними зафиксированы ямки диаметром 30–60 см. Кремневый инвентарь из заполнения жилищных пятен был аналогичен всей коллекции поселения (Верещагина и др., 1995). Зехновские жилища имеют меньшие размеры по сравнению с жилищами на соседних стоянках валдайской культуры, расположенных в 2 км выше по течению р. Селижаровки: Нижние Котицы (16×14 м) и Нижние Котицы V (8×6 м) (Верещагина, 1997). Между жилищными пятнами на Зехново 3 выявлены кострища диаметром около 1 м и хозяйственные ямы, ранцевый набор. В западной и центральной части поселения расчищены кладки из камней, вокруг которых найдено большое количество нуклеусов в различной стадии утилизации, пластин, отщепов. Нуклеусы представлены как сработанными формами торцового и призматического принципов расщепления, так и преформами, величиной до 26×12×7 см. Специфическими формами нуклеусов являются торцовые нуклеусы-резцы, ударная площадка которых подготовлена резцовым сколом. Весь состав коллекции: нуклеусы (312 экз.), сколы подживления ударных площадок (26 экз.), отщепы (30065 экз.) и осколки свидетельствуют о расщеплении и вторичной обработке на месте стоянки, что позволяет определять ее функциональную атрибутику как стоянку-мастерскую на сырьевом источнике. Коллекция

пластин со стоянки Зехново 3 насчитывает 2609 экз. (9 %), доминирующая длина которых равна 30–60 мм, при ширине 9–16 мм, что соответствуют размерам нуклеусов. Пластинки со скошенным краем, медиальные фрагменты пластин и сечений (501 экз.), свидетельствуют о широком использование вкладышевой техники. На таких же пластинах, с обработкой по насаду и острию, представлены наконечники стрел – 46 экз., из них 31 экз. черешковые формы, характерные для финального мезолита – раннего неолита. В коллекции присутствуют крупные «напильниковидные» наконечники – 7 экз. (длиной 92–104 мм, при ширине 18 мм), характерные для развитого и позднего неолита – орудия треугольного сечения на дорсальной поверхности которых ретушью оформлено ребро, насад уплощающей ретушью. По мнению Тимофеева, на поселение Залесье I они связаны с гребенчатой керамикой более позднего облика (Тимофеев, 1997. Рис.20). То же самое выявлено на поселении Котицы V (Верещагина, 1997. Рис. 25). Самой массовой категорией орудий на поселении Зехново 3 являются скребки – 404 экз. (43 %), из них на пластинах и пластинчатых заготовках 177 экз., при этом 12 экз. со стрельчатым лезвием. Скребков на отщепах – 297 экз. (74 %), в том числе «скребков валдайского типа» на крупных (5см и более) специально подготовленных отщепах –7 экз. Резцов найдено много меньше – 85 экз. (10 %), из них на пластинах изготовлено 26 экз. и пластинчатых отщепах 7 экз., на отщепах – 52 экз. Преобладают угловые резцы – 21 экз., единичны: боковой, двугранный – 2 экз. Ретушные резцы представлены 14 экз. Для всех типов резцов характерно преобладание орудий с одной режущей кромкой.

Следующей по численности категорией в коллекции являются ножи – 81 экз. (9 %), из них 36 экз. на пластинах с приостряющей краевой ретушью. Специфической формой на стоянках валдайской культуры являются ножи на пластинках с «выделенной головкой». В коллекции Зехново 3 их всего 4 экз. Кинжал – единственный экземпляр в коллекции, выполненый на массивной и длинной пластине (размеры фрагмента 35×85×12 мм) с острием, обработанным сплошной односторонней ретушью. Аналогии ему известны в материалах поселения Залесье 1 (Тимофеев, 1997. С. 111). Рубящих орудий из кремня длиной 60–100 см в коллекции представлено 69 экз. Преобладающий тип – треугольные широколезвийные тесла с прямыми (реже – слегка выпуклыми) сторонами, средних или укороченных пропорций (15 экз.). Орудия изготовлены двусторонней сплошной ретушью и обивкой, иногда в сочетании с краевой ретушью, а также, у некоторых, пришлифовкой лезвия. Желобчатые и нежелобчатые формы представлены поровну. Шлифованных рубящих орудий 3 экз. Проколок – 20 экз., из них 14 экз. на пластинах, 6 экз. на отщепах. Острие расположено, как правило, на дистальном конце заготовки (12 экз.). Таким образом, состав инвентаря Зехновского поселения полностью совпадает с характеристикой материалов валдайской культуры, в том числе и керамикой.

Ранненеолитическая керамика котчищенского типа на поселении Зехново3 представлена 36 фрагментами от 3–х сосудов (по венчикам). Фрагменты от 2-х сосудов украшены горизонтальными рядами подтреугольных наколов по венчику. Срез венчика прямой, орнаментирован косыми насечками. Фрагменты остродонного сосуда в придонной части украшены веерообразными рядами, выполненными в технике накола. Поверхность сосуда тщательно заглажена галькой как с внешней, так и с внутренней стороны. Расслоение фрагментов керамики свидетельствует о смешанной технике лепки сосудов: внахлест и лоскутами. В изломе фрагменты керамики двухслойные, толщиной 6 мм, с внешней стороны красноватые, а с внутренней – серого цвета. По данным полиполяризационного метода, выполненного Е.Ю. Медниковой, для изготовления сосуда применялась жирная илистая глина. В ней присутствовали фрагменты ракушек величиной от 3 микрон до 1–3 мм, кусочки шамота с размерами 2–3 мм, пылевидный песок (2–3 % от всей массы). В наружной части присутствует как красная глина, так и зеленая, много обугленной органики черного цвета. Температура обжига в пределах 500—550 , при этом температура обжига внутри сосуда была ниже, чем снаружи. Другой сосуд раннего неолита представлен 5 фрагментами стенок (венчик отсутствует) с расчесами на внутренней стороне. В изломе фрагменты стенок (толщиной 6 мм) трехслойные. Сосуд ремонтирован – на двух фрагментах имеются просверленные с внешней стороны дырочки диаметром 5 мм. Геометрический орнамент в виде горизонтального пояса из равносторонних треугольников со стороной 6–7 см выполнен сдвоенными рядами наколов приостренной палочкой и подчеркнут 1 горизонтальным рядом таких же наколов. Состав теста аналогичен вышеописанным фрагментам керамики. Средняя часть фрагментов показывает, что внутри осталась обугленная органика, т. е температура при обжиге не превышала 700 °С.

Кроме скоплений фрагментов 2-х сосудов на площади стоянки были выявлены: один неорнаментированный приостренный фрагмент венчика без орнамента, представленный лентой шириной 2 см, по которой четко читается техника лепки внахлест; крупный фрагмент стенки сосуда, в изломе 2-х цветный, красноватого оттенка, толщина стенки 6 мм, орнамент: одиночные наколы под углом в ряд; 25 фрагментов от тулова сосудов красноватого оттенка, без орнамента, заглаженные с внешней и внутренней стороны, в жирном тесте присутствует шамот и ракушка.

К развитому неолиту отнесено 5 фрагментов венчиков и 7 стенок, так же, как и в раннем неолите, использовалась илистая глина с примесью шамота и ракушек. Орнаментация гребенчатая. Полиполяризационный анализ показал, что состав шамота похож по температуре обжига, наличию ракушек на анализируемые фрагменты.

Заключение.

В целом, состав коллекции и планиграфия находок свидетельствуют о плотной заселенности территории озы в неолите племенами валдайской культуры. Разделить на хронологические группы кремневый инвентарь в настоящее время сложно, поскольку даже по материалам, залегающим в стратиграфически четких условиях, выявляются только количественные различия в типах инвентаря (Лозовский, Мазуркевич, 2014). Своеобразие материалов валдайской культуры определено функциональной спецификой (стоянками-мастерскими), обусловленной богатством сырья. Наличие ранцевых наборов является ярким свидетельством обмена, транспортировки кремня в безкремневые зоны, связями с кругом балтийских культур, выявленными еще в раннем мезолите. Появление керамики в конце мезолита на Валдайской возвышенности является инновацией, не изменившей тип хозяйственной деятельности, но

является маркером, как и углубленные жилища, оседлого образа жизни. Богатое вооружение может свидетельствовать как об охотничьем образе жизни, так и о возможности защиты от соседних племен. По меньшей мере, в развитом неолите валдайская культура смогла продолжить свое существование, в отличие от верхневолжской, где территорию последней заняла льяловская культура.

Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по темам государственной работы: № 0184–2019–0001»Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене»; № 0184–2019–9 «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма...»

Список литературы

Верещагина И.В., Синицына Г.В., Тимофеев В.И., Тихомирова О.М., Шаяхметова Л.Г., Шумкин В.Я. Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН, проведенных под руководством Н.Н. Гуриной. Вып. 1. Материалы к археологической карте. (Археологические изыскания. Вып. 27). СПб.: ИИМК РАН, 1995. 114 с.

Верещагина И.В. Поселения южного побережья Селижаровского плеса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона Вып.2. (Археологические изыскания. Вып.55.) СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 63–106.

Гурина Н.Н. Валдайская неолитическая культура // СА № 3, 1958. С. 31–45.

Гурина Н.Н. Мезолит верховьев Волги // Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 63–67.

Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 188–193.

Лозовский В.М., Мазуркевич А.Н. Начальный этап неолита европейской части России по данным анализа каменных индустрий // Российский археологический ежегодник № 4 2014 / под ред. дин Л.Б. Вишняцкого. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2014. С. 73–88.

Тимофеев В.И. Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения валдайской неолитической культуры // Каменный век Верхневолжского региона Вып.2. (Археологические изыскания. Вып. 55.) СПб.: ИИМК РАН, 1997. С.107 –211.

Керамические традиции поздненеолитического населения Барабинской лесостепи

© 2020 г. А.Ю. Юракова *(yurakova_al@mail.ru)*

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, РФ

Аннотация. Представлены результаты морфологического и технологического анализа устойчивых особенностей и сходств керамических комплексов северо-западной Барабы в период позднего неолита. Предложена аргументация частичной синхронности артынской культуры и гребенчато-ямочной общности и признаков их взаимодействия.

Ключевые слова: неолит, керамические традиции, артынская культура, гребенчато-ямочная общность, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь.

Современные представления о хронологии и специфике культур в Среднем Прииртышье и Барабинской лесостепи в эпоху неолита содержатся в работах второй половины 2000–2010-х гг. (Бобров, Марочкин, 2012; Юракова, 2017). Обосновано раннее хронологическое положение (ранний / развитый неолит) в регионе комплексов с плоскодонной профилированной керамикой, а для позднего неолита высказана гипотеза о частичном сосуществовании артынской культуры и гребенчато-ямочной общности (ГЯО). Последнее противоречит стадиальным концепциям развития среднеиртышского неолита 1950–90-х гг. (В.Н. Чернецов, В.Ф. Генинг, В.Ф. Старков, А.И. Петров и др.), в которых накольчато-прочерченные и гребенчатые керамические комплексы маркировали разновременные этапы, а промежуточное положение занимала керамика со «смешанными» чертами.

Обращение к источниковедческим возможностям керамики по методике А.А. Бобринского позволяет по материалам поселения Автодром-2 выделить особенности культурных традиций позднего неолита Барабы на подготовительной и созидательной стадиях (предварительные технологические определения выполнены автором в лаборатории группы «История керамики» Института археологии РАН под руководством Ю.Б. Цетлина), а сопоставление их с археологическим контекстом залегания разнотипных сосудов на поселениях помогает выявить локальные и хронологические особенности и культурные контакты носителей.

Артынская керамическая традиция (2-я пол. V – нач. IV тыс. до н. э.) (рис. 1, *1–7*) представлена в Барабе комплексами неолитических поселений Автодром-2/1, Старый Тартас-5 и др. Гончары артынской традиции готовили формовочные массы сосудов из глины, шамота и влажной органики (предположительно, птичьего помета с костными и растительными включениями). Сосуды изготавливались ленточным налепом на форме-основе или в форме-емкости, устье обвязывалось шнуром, который затем замазывался заворотом края наружу, а срезу венчика часто придавалась волнообразная форма.

Декор наносился «палочкой» (стерженьком), редко – инструментом со шнуровой обмоткой, в накольчатой и отступающе-накольчатой (70–80 %), прочерченной (2 %) техниках, которые могли сочетаться как в рамках композиции, так и в отдельных мотивах (14–19 %). Орнаментальные композиции состоят из двух уровней мотивов – прямых или волнистых линий и ямочных вдавлений, редко – прочерченной сетки / «взаимопроникающих» фигур. Единичны вертикальные разделители орнамента.

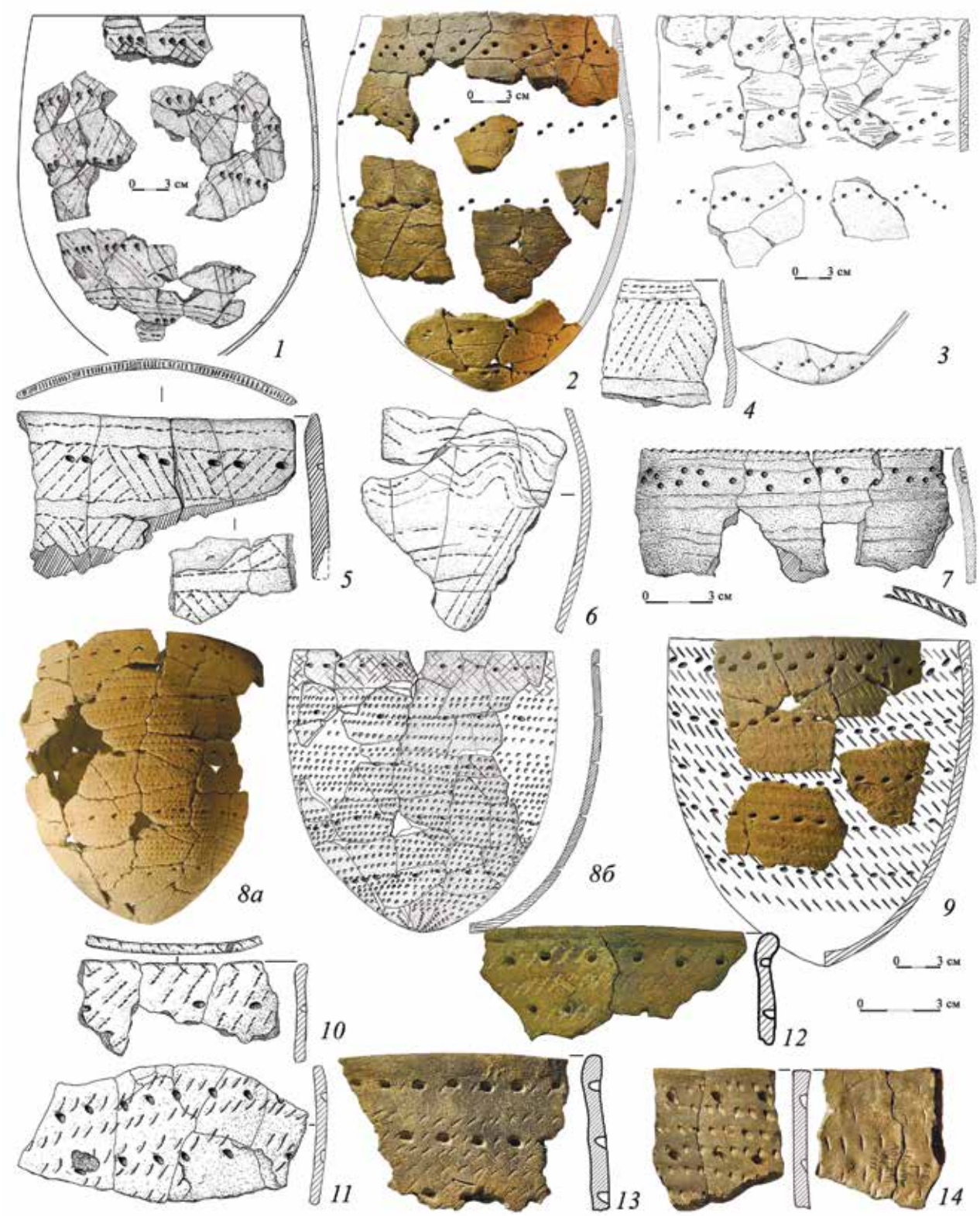


Рис. 1. Поздненеолитическая керамика артынской культуры (1–7) и гребенчато-ямочной общности (8–14) с поселения Автодром 2.

«Ямочный» компонент декора на артынской посуде отличается богатой вариативностью образов (прямой пояс, волна, простой и усложненный зигзаг, группировка ямок по 1–3 в наклонные ряды, по четыре – в «арки», орнитоморфные фигуры и др.).

Керамическая традиция гребенчато-ямочной общности межэпохальна (поздний неолит – эпоха раннего металла). Типологически надежно выделяются лишь комплексы верхней хронологической границы (Венгерово-3, Старый Московский тракт-5), имеющие датированные аналогии в пределах сер. IV – нач. III тыс. до н. э. в Прииртышье (Хутор-Бор IV) и лесостепной Кулунде (Новоильинка III). Остальной массив комплексов из бассейнов Иртыша, Тары и Барабинской лесостепи нуждается в хронологической дифференциации.

В Барабе поздненеолитический пласт керамики предварительно выделен на поселении Автодром-2 (рис. 1, *8–14*) (Юракова, 2017). Образцы этой серии керамики

свидетельствуют об использовании жителями рецепта формовочной массы из глины с добавкой помета птиц, засоренного перьями, мелкими растительными и костными остатками. Орнаментальные схемы состоят из рядов наклонных оттисков / «шагания», нанесенных гладкими / гребенчатыми штампами, и поясов ямок. Локальные особенности барабинского комплекса выражены в преобладающем значении гладких штампов. «Ямочные» мотивы, в отличие от артынской традиции, однообразны – прямой пояс либо «шахматный» порядок.

Несмотря на перечисленные различия, отмечена и близость двух традиций, объяснимая их частичной синхронностью и общей региональной спецификой. Обе традиции характеризуют кругло-/остродонные слабопрофилированные формы сосудов, изготовленные лоскутным налепом на форме-основе или в форме-емкости. Декоративные схемы их роднит обязательная роль «ямочного» компонента – горизонтальных разделителей орнаментального поля. Эта же особенность резко отличает артынскую керамику Барабы и Среднего Прииртышья на фоне родственных неолитических комплексов Западной Сибири – быстринских, козловских.

Обращение, наряду с барабинскими, к материалам южно-таежного Прииртышья, показывает, как по-разному в археологическом контексте проявляется своеобразие и взаимодействие двух гончарных традиций. Выделяются а) морфологически монолитные артынские комплексы (Артын, Усть-Тара IV, -XXXIII); б) морфологически монолитные ГЯ типа (Екатериновка I, II, IIa, Чеплярово 29); в) однородные по происхождению комплексы, основой которых являются ГЯ орнаментальные схемы, но в них с весомой долей включены прочерченные и отступающе-накольчатые элементы, «смешанная» керамика залегает в тех же условиях, что и основной комплекс (Крапивка I, Нижняя Тунуска II); г) комплексы с разнородным происхождением (Автодром 2, Усть-Тара XXVIII), керамика двух типов залегает в разных планиграфических локализациях, сохраняется специфика каждого из них.

Сопоставление керамики двух групп в технологическом, технико-орнаментальном и планиграфическом аспектах демонстрирует, с одной стороны, устойчивое своеобразие керамических традиций, а с другой – признаки их взаимодействия в неолитическое время, которое в эпоху раннего металла приводит к интеграции, ярко выразившейся в орнаментации сосудов таких поселений, как Венгерово-3 и Старый Московский тракт-5.

Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А17–117041410051–7 «Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири (ранний и поздний голоцен)» на 2017/2020 гг.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Неолит Барабы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. Вып. 4. Кемерово, 2012. С. 63–73.

Юракова А.Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 30 с.

Каменный инвентарь поселения Васильевский Кордон 1 на Верхнем Дону

© 2020 г. Е.С. Юркина *(eli9725@mail.ru)*

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, РФ

Аннотация. В рамках статьи рассмотрен каменный инвентарь с поселения Васильевский Кордон 1 на Верхнем Дону. Несмотря на то, что на памятнике присутствуют единичные находки других эпох, наличие закрытых комплексов позволяет с определенной долей уверенности соотнести часть каменного инвентаря с льяловской культурой IV тыс. до н. э.

Ключевые слова: Верхний Дон, льяловская культура, каменный инвентарь, закрытый комплекс.

Поселение Васильевский Кордон 1 (исследовано 258 кв. м.) располагается на останце правой поймы реки Воронеж (левый приток р. Дон) в Добровском районе Липецкой области (рис. 1, *1*) (Смольянинов, 2005; Смольянинов, 2009). На многослойном поселении изучено 6 погребений и 37 ям и построек эпох неолита, энеолита, бронзы и XVII–XVIII веков.

В рамках статьи нами рассмотрен каменный инвентарь, как со слоя поселения, так и находки из закрытых комплексов, содержащих керамику льяловской культуры IV тыс. до н. э.

Каменные находки планиграфически располагались в центральной части раскопа и около постройки 1 и 2. Все орудия изготовлены из местного цветного, плохого качества, валунного кремня.

Отщепы и обломки кремня представлены 213 фрагментами. На трех из них, визуально, фиксировались следы утилизации. Нуклеусов выявлено 13 экземпляров. Они одноплощадочные, средней и крайней степени сработанности, аморфной формы, предназначены для снятия отщепов, за исключением одного для изготовления пластин из импортного черного мелового кремня.

Различной формы скребков найдено 55 штук. Они выполнялись на обломках кремня и отщепах. Ретушь крутая и полукрутая. Скребущая поверхность на всех скребках занимает не менее половины их площади.

Проколок и проверток выявлено шесть, из них отметим две, выполненных на отщепе с выделенным острием.

Типологически выделяемых нами ножей получено 12, один из них серповидной формы. Изготовлены на пластинчатых отщепах.

Рубящие орудия представлены шестью теслами. Четыре из них изготовлены из мягкого материала – опоки. Тес-

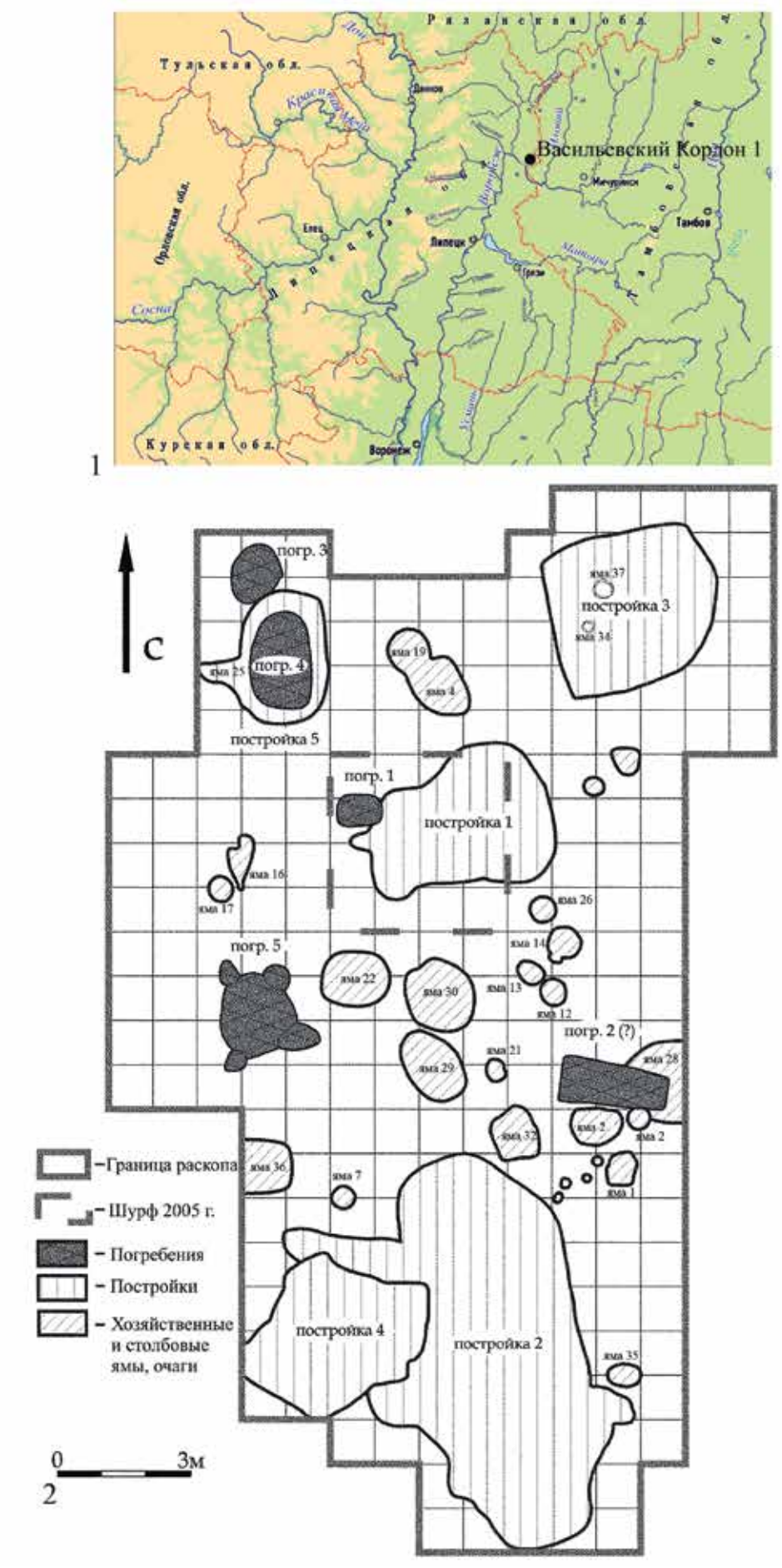


Рис. 1. Васильевский Кордон 1. 1 – местоположение памятника на карте Центрального Черноземья; 2 – общий план памятника, месторасположение объектов на сетке раскопа.

ла клиновидной формы все обломанные, с обеих сторон зашлифованы.

Наконечники стрел и их обломки представлены 11 предметами. Из них два дротика: один, вероятно, подромбической формы с усеченным основанием, один листовидной формы. Большинство наконечников сломано. По форме выделяются треугольные с выемкой в основании (вероятно, эпохи энеолита-бронзы) и листовидной формы. Есть несколько наконечников с выделенным черешком.

Кроме того, обнаружено два отбойника, один ретушер и два скобеля.

Скорее всего, большинство кремневых находок относится к льяловской неолитической культуре, так как керамика других пяти культур эпох неолита – бронзы представлена обломками только от 27 сосудов (7 из погребений), тогда как льяловских выявлено – 118 (7818 фрагментов). Из-за многослойности памятника четко связать кремневые изделия с конкретной культурой не возможно, за исключением тех, что находились в археологических объектах.

Постройка 1 – углубленный в материк котлован. Она была удлиненно-овальной формы, заложенная длинной стороной по сторонам З-Ю-З – В-С-В. В-З ее части длина была около 240 см, самой широкой – около 465 см. Максимальная глубина от современной поверхности – 205 см (Смольянинов, 2005).

В заполнении выявлено 1277 фрагментов от 25 сосудов (выделено по венчикам) керамики льяловской культуры и три фрагмента лепной керамики катакомбной культуры.

Из орудий в постройке было обнаружено шесть кремневых скребков, два наконечника стрел, одно тесло, три костяных орудия и большое количество керамики.

Объект 28 – яма овальной формы. Максимальные размеры 185×136 см, глубина 54 см. Выявлено 58 фрагментов керамики неолитической льяловской культуры и одиннадцать фрагментов лепной керамики катакомбной культуры. Изделия из камня представлены обломком кремневого двустороннеобработанного наконечника стрелы неопределимой формы, рубилом, полукруглым скребком на отщепе и терочником.

В овальной формы яме 30 выявлено 38 фрагментов керамики неолитической льяловской культуры и восемь фрагментов лепной керамики катакомбной культуры. Изделия из камня представлены обломком кремневого двустороннеобработанного наконечника стрелы неопределимой формы, миниатюрным скребком на отщепе и двумя отщепами.

В столбовой яме 34, обнаруженной на уровне дна постройки 3 льяловской культуры, выявлено 32 фрагмента керамики неолитической льяловской культуры и один кремневый концевой скребок на пластинчатом отщепе.

Аналогичные материалы на Долговской стоянке занимали самую верхнюю стратиграфическую позицию среди ямочно-гребенчатого комплекса – верхний ярус среднего горизонта (Левенок, 1965. С. 246). Материалы позднего этапа льяловской культуры, исследуемого памятников по аналогии с памятниками Волго-Окского междуречья в калиброванных значениях, можно датировать первой половиной IV тыс. до н. э. Для слоя позднего этапа поселения Воймежное 1 получена дата 5100±70 (4000–3710 BC) ГИН-6867, а для аналогичных материалов с Ивановского 3 – 5100±70 BP (4000–3710 BC) ЛЕ-197. На Верхнем Дону подобные памятники датируются этим же временем. Получена серия радиоуглеродных дат по материалам стоянок Университетская 3 – 5080±125 BP (4250–3600 BC) Ле-1013, Ямное – 4850±90 BP (3950–3350 BC) Ki-16634, 4790±80 BP (3710–3360 BC) Ki-16636, Подзорово – 4770±60 BP (3660–3370 BC) Ле-725, Курино 1 – 5225±90 BP (4319–3802 BC) Ki-13313 (Смольянинов и др., 2020).

Выводы

Таким образом, это один из двух памятников на Верхнем Дону, где отдельные изделия из кости и камня удалось соотнести с керамикой льяловской культуры. Отметим тенденцию преобладания отщепов над пластинами.

В группе изделий с вторичной обработкой из отщепов наблюдается резкое доминирование концевых скребков. Среди скребков присутствует определенная вариабельность орудий, типичные образцы с четко выделенным лезвием сочетаются с аморфными экземплярами на первичных отщепах.

Отмечается большое количество для Верхнего Дона специализированых орудий – тесел.

Также обращает на себя внимание то, что каменные артефакты выявлены только в одной из пяти построек, содержащих материалы льяловской культуры. Возможно, существовала система построек разного назначения, свидетельствующая о прочной оседлости населения или связанная с многофункциональностью хозяйственных проблем в разные сезоны годового цикла. Это требует своего объяснения. Возможно, скоро появятся материалы, которые помогут найти ответ на этот вопрос.

Публикация подготовлена при поддержке гранта Фонда президентских грантов № 19–2–018793.

Список литературы

Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. Т. 131. М.: Наука, 1965. С. 223–231.

Смольянинов Р.В. Отчет о раскопках поселения Васильевский Кордон 1 в Липецкой области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 37955–37956.

Смольянинов Р.В. Отчет об археологических исследованиях в Липецкой области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 27145–27148.

Козловско-полуденские комплексы Зауралья: проблемы атрибуции

© *2020 г. Е.С. Яковлева (lugsamildanah@yandex.ru)*

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск, РФ

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы атрибуции козловских и полуденских керамических комплексов по двум основным вопросам. Во-первых, рассматриваются теоретические и эмпирические трудности атрибуции полуденской керамики; во-вторых, отмечаются локальные особенности эволюции техники орнаментации в рамках козловско-полуденской линии развития.

Ключевые слова: Зауралье, ранний и поздний неолит, козловско-полуденская керамика.

Проблему козловско-полуденской атрибуции, на первый взгляд, сложно назвать остродискуссионной. Длительное время интерес исследователей был направлен на «боборыкинскую проблематику» – периодизационную позицию плоскодонной керамики; значительное внимание получила и ранненеолитическая керамика кошкинского и козловского типов, особенно в контексте абсолютного датирования. В настоящий же момент скопилась исследовательская неудовлетворенность по двум вопросам: 1) атрибуция полуденской керамики и 2) ее локальная специфика.

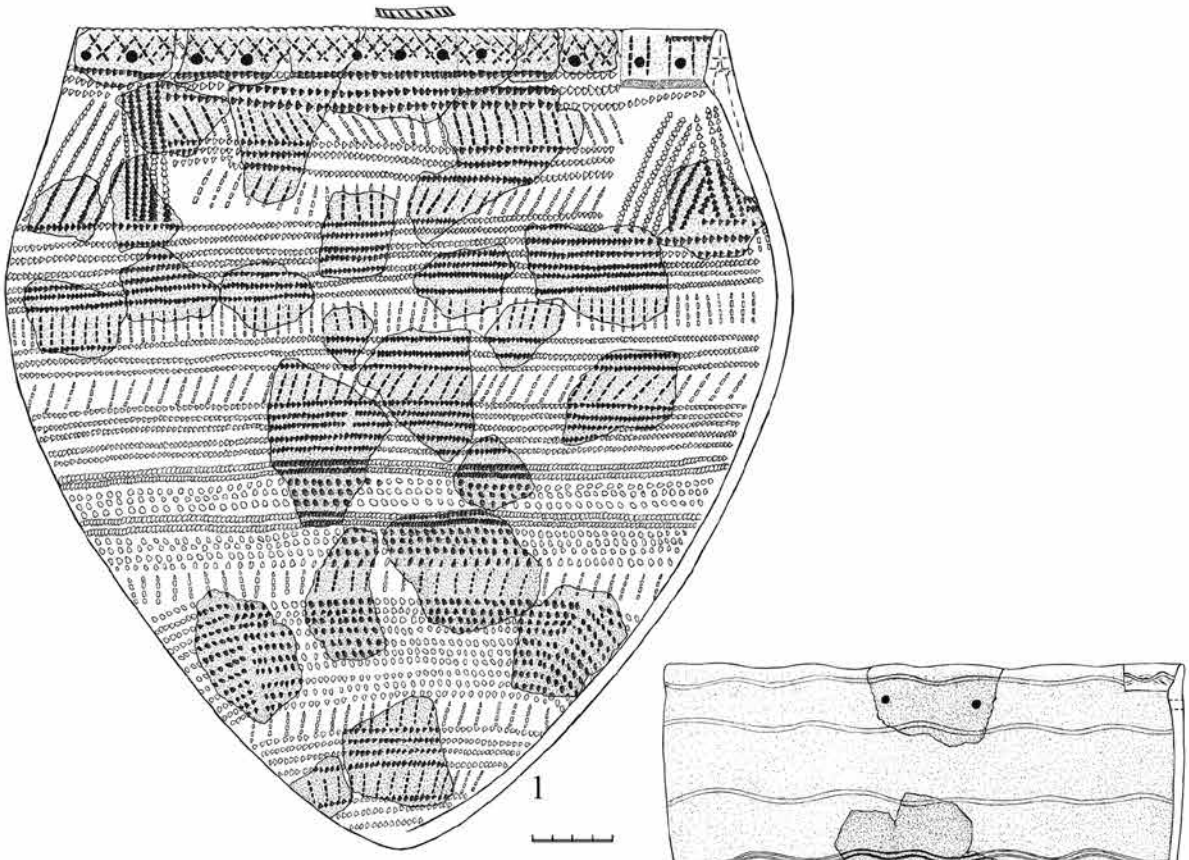
Обозначенные трудности имеют под собой основания теоретического и эмпирического характера. Так, изначально под «полуденкой» понимался развитый этап в эволюции восточноуральской неолитической культуры. В двухстадийной концепции (Ковалева, 1989), несмотря на сохранение идеи преемственности между козловской и полуденской керамикой, «вопрос о выделении единой культуры с двумя или тремя преемственными стадиями или нескольких культур, последовательно сменяющих друг друга» признан не имеющим значения (Ковалева, Зырянова, 2001. С. 52). В исследовательской же практике прочерченно-накольчатая и гребенчатая керамика оказалась разведена в разные культуры, а само исследование эволюции в рамках козловско-полуденской линии развития оказалось затруднительным.

Эмпирические трудности появились при накоплении абсолютных дат, показавших сосуществование всех культурных традиций на определенном отрезке времени; также в рамках полевых исследований стали фиксироваться одновременные сосуды как с прочерченно-накольчатой, так и гребенчатой орнаментацией (Мергень 7, Ташково 1 (работы 2018 г). Наконец, сами атрибутивные характеристики полуденской посуды перестали быть достаточными для работы.

Так, основным признаком для нее является преобладающее или исключительное использование гребенчатого штампа в различных техниках, с наиболее типичными мотивами прочерченной волны, а также рядов шагания (Ковалева, 1989. С. 38; Бунькова, 2011. С. 139). В.С. Мосин в рамках полуденской традиции выделяет «классическую», сочетающую все техники орнаментации штампом, и «гребенчатую», с преобладанием техники оттиска и шагания, которые, согласно датированию, скорее одновременны, чем отражают относительную хронологию комплексов (Мосин, 2015. С. 111). При этом вызывает вопросы керамика с активным использованием стержня (рис. 1а, *1*) или та, в которой, при сохранении отступающе-накольчатой и прочерченной техник, использованы инструменты с двузубым краем, отличным от «раздвоенной палочки» значительным расстоянием между зубцами (рис. 1а, *2*), или с плоским коротким зубчатым краем, Примечательны также сосуды с оттисками трехзубого штампа, поставленного под углом так, чтобы оставлять следы «раздвоенной палочки» (рис. 1а, *3*). Вероятно, такие случаи отражают процесс эволюции от стержня к штампу, с постепенным вытеснением первого из приоритетного использования.

Вопрос об эволюции орнаментальных приемов в рамках козловско-полуденской линии развития оказывается тесно связанным с локальной спецификой комплексов. Так, степень распространенности штампующей техники существенно выше в лесостепной зоне Зауралья в сравнении с горно-лесной, что отмечалось еще Л.Я. Крижевской (Крижевская, 1968. С. 92–94). Материалы поселений Ташково 1, Долговское 3, Кочегарово 1 и Усть-Суерка 4 были сопоставлены с керамикой стоянки Кедровый мыс-1 в Южном Зауралье (рис. 1б). Анализ совокупности в 171 сосуд раннего и позднего неолита продемонстрировал, что развитие орнамента в лесной зоне протекало более эволюционно, с постепенным замещением стержня на зубчатый штамп и с незначительными изменениями в технике орнаментации (рис. 1б, *5*); в лесостепи степень близости между козловскими и полуденскими сосудами существенно ниже – штампующая, а также шагающая, техника резко вытесняет прочерчивание и отступающие наколы (рис. 1б, *1–4*). Видимо, эта разница связана с гидрографической приуроченностью памятников, и наличие в кочегаровском комплексе значительного числа маханджарской посуды отражает ориентацию социальных контактов жителей поселения на степь. По-видимому, соседство со степными культурами обусловило такую специфику в технике орнаментации поздненеолитических комплексов; однако пока нет оснований выделять иные отличия, поэтому более предпочтительно говорить о локальном лесостепном варианте полуденской традиции.

Таким образом, для козловско-полуденских комплексов можно отметить следующее. Во-первых, при безусловной верности разделения их в рамках схемы раннего/позднего неолита, граница между ними не столь четкая. Отличительным признаком полуденской керамики является преобладание гребенчатой орнаментации над «стержневой», а для сосудов «переходного» облика представляется уместной «козловско-полуденская» атрибуция. Во-вторых, в материальных комплексах лесостепного Зауралья можно выделить специфику в орнаментации в виде преобладания штампующей и шагающей техники зубчатым инструментом над прочерчиванием и отступанием, что связывается с расположением памятников в контактной зоне и может быть интерпретировано, как локальный вариант полуденской поздненеолитической традиции.



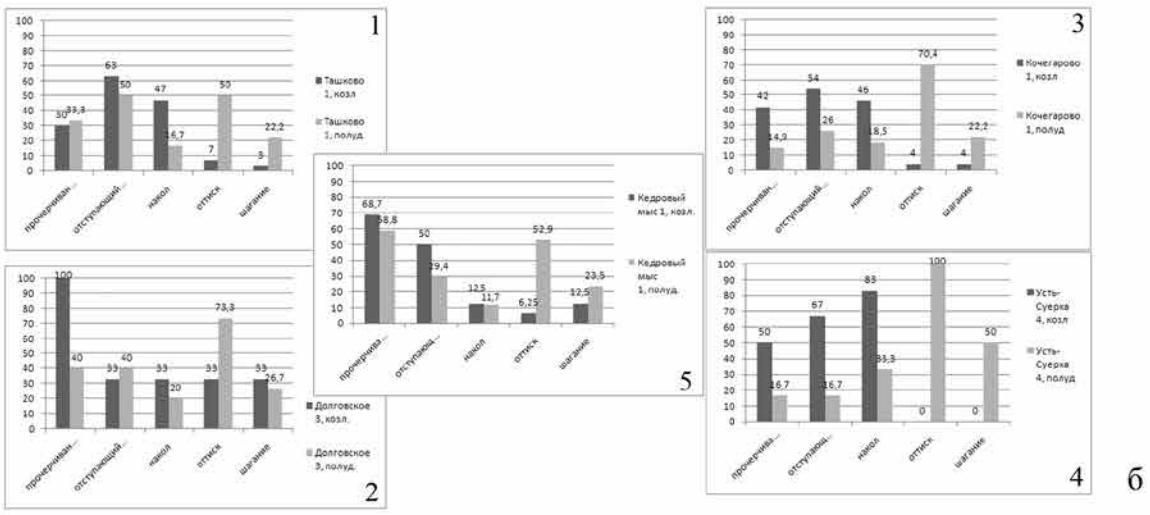


Рис. 1а. Козловско-полуденские сосуды: 1 – пос. Кочегарово 1, 2 – пос. Ташково 1, 3 – ст. Кедровый мыс-1.
Рис. 1б. Эволюция техники орнаментации: 1 – пос. Ташково 1, 2 – пос. Долговское 3, 3 – пос. Кочегарово 1, 4 – пос. Усть-Суерка 4, 5 – ст. Кедровый мыс-1.

Список литературы

Бунькова (Герасименко) А.А. Керамика из жилища 1 поселения Полуденка 1 // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. 2011. С. 125–140.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС РАН, 2001. С. 46–56.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. МИА № 141, 1968. 184 с.

Мосин В.С. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2 (62), Т.6. 2015. С. 108–113.

К проблеме культурной идентификации позднебронзовых комплексов лесостепного Притоболья (на примере городища Заводоуковское 11)

© 2020 г. О.М. Аношко (oKanoshko@yandex.ru), О.Ю. Зимина

Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, РФ

Аннотация. Материалы городища Заводоуковское 11 имеют научную ценность для реконструкции историко-культурных процессов в конце II – начале I тыс. до н.э в лесостепном Притоболье. Это первый памятник пахомовской культуры с фортификационными сооружениями. Его керамический комплекс своеобразен и сочетает орнаментальные признаки двух культурных традиций – пахомовской и сузгунской. Анализ материалов важен для определения хронологического и генетического соотношения пахомовской и сузгунской культур.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тоболо-Исетье, поздний бронзовый век, пахомовская культура, сузгунская культура.

Заводоуковское 11 находится на левом берегу р. Ук, правобережного притока Тобола, к юго-западу от г. Заводоуковска Тюменской области. Оно расположено на довольно узкой гриве, заросшей густым сосново-березовым лесом. В ходе пятилетних раскопок исследовано 549,25 кв. м территории памятника. В результате установлен его многослойный характер: выявлены постройки эпохи неолита, жилые и оборонительные сооружения пахомовской культуры позднего бронзового века, а также изучен один из курганов могильника Заводоуковский 3, располагавшийся на валу позднебронзовых фортификаций, в результате чего установлена принадлежность этого некрополя к юдинской культуре средневекового времени. Несмотря на то, что обнаружены разновременные объекты, памятник хорошо стратифицирован, поэтому его исследование имеет принципиальную важность для решения проблем периодизации и хронологии западносибирских древностей, в том числе для реконструкции историко-культурных процессов, протекавших в лесостепном Притоболье в кон. II – нач. I тыс. до н. э., решения проблем датировки и происхождения археологических культур этого времени.

Материалы пахомовской культуры позднего бронзового века образуют основной комплекс памятника. К этому периоду относятся остатки шести построек, большинство ям, зафиксированных на участках межжилищного пространства, а также две оборонительные линии. Следует отметить, что городище Заводоуковское 11 является первым пахомовским памятником, где обнаружены фортификационные сооружения. Пахомовский поселок состоял из неукрепленного селища и укрепленной части, защищенной частоколом, огибавшим ее по дуге с напольной стороны. Бревна частокола были установлены в канаву шириной в среднем 0,65 м, углубленную в материковую породу на 0,3–0,45 м. На дне рва фиксировались ямки от столбов, располагавшиеся цепочкой на расстоянии 0,05–0,3 и 0,85 м друг от друга, некоторые из них соединялись узкими перемычками. Впоследствии, бревенчатая стена была разобрана и на пятиметровом расстоянии от нее выкопан ров шириной 0,75–1,5 м и глубиной до 1,05 м, рядом с которым на внутренней площадке насыпан земляной вал, представлявший собой сильно оплывшую насыпь из перемешанного грунта и материкового суглинка. Таким образом, планировка пахомовского поселения на протяжении периода его функционирования претерпела существенные изменения, площадь укрепленной части немного увеличилась, а фортификационные сооружения стали более мощными. Возведение укреплений указывают на обострение отношений пахомовской общины с ее соседями (Аношко, Агапетова, 2010. С. 136–137).

По мнению ряда исследователей, в последней трети II тыс. до н. э. территорию Тоболо-Исетья занимали черкаскульские и пахомовские коллективы (Матвеев, 2007; Матвеев, Костомаров, Костомарова, 2009; Костомаров, 2010). Они взаимодействовали друг с другом, о чем говорят материалы поселений Большой Имбиряй-10, Сосновка-10, Ольховка (Матвеев, 2007. С. 39). В культурном слое этих памятников зафиксировано совместное залегание обломков пахомовских и черкаскульских сосудов. Предполагалось, что их контакты носили мирный характер и в результате взаимодействия в Притоболье сформировалась бархатовская культура, носители которой расселились практически по всей территории лесостепного Зауралья в конце II – начале I тыс. до н. э. В тоже время в культурном слое городища Заводоуковское 11 нет ни одного обломка сосуда черкаскульской культуры.

К тому же керамическая коллекция позднего бронзового века поселения Заводоуковское 11 демонстрирует сходство как с пахомовскими, так и с сузгунскими керамическими традициями. Она представлена горшками с отогнутой шейкой, орнаментированными в верхней части. В технике нанесения узора на горловину сосуда значительную долю составляют оттиски штампа и прочерченные линии, велика роль гребенчатого штампа, также присутствуют фрагменты, украшенные шнуровыми оттисками. На стенках горшков преобладает декор, выполненный гребенчатым штампом и протащенной гребенкой. Самыми распространенными элементами в верхней зоне сосудов являются насечки, наклонные и вертикальные оттиски штампа, горизонтальные линии, треугольники, на некоторых фрагментах присутствует сетка, многорядный горизонтальный зигзаг. В средней зоне ведущими элементами являются вертикальный зигзаг, горизонтальная линия, круглые ямки, каплевидные вдавления и скобочки. В переходной зоне от шейки к плечикам преобладают луновидные вдавления, вертикальный зигзаг, нанесенный в большинстве случаев на валик, ряды наклонных оттисков штампа, желобки, горизонтальные линии. При орнаментации тулова использовались те же узоры, что и на горловинах, но значительно возрастает доля насечек, зигзагообразной за-

штрихованной ленты, просто заштрихованной ленты, треугольников и т.д. В целом пахомовские орнаментальные традиции проявляются на керамике Заводоуковского 11 в присутствии желобков с насечками, ямочных и каплевидных вдавлений, треугольников, валика с нанесенным на него вертикальным зигзагом, сетки, вертикального и горизонтального зигзага, зигзагообразной заштрихованной ленты и горизонтального зигзага с насечками. В то же время, большой удельный вес скобочек, рядов вертикальных оттисков, горизонтальных линий, выполненных шнуровым или гребенчатым штампами, придают данной керамике сузгунский колорит (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995).

Сходство керамики Заводоуковского 11 как с пахомовскими, так и с сузгунскими керамическими материалами может указывать на ее промежуточное положение. Некоторые исследователи считают пахомовскую культуру – ранним этапом сузгунской (Полеводов, 2003). Две даты, полученные по образцам древесного угля – 2945±22 (Le-8280) и 2920±80 (Le-8282): 1220–1120 и 1260–1050 cal BC (68,2 % и 95,4 % соответственно);1220–1000 и 1320–910 cal BC (68,2 % и 95,4 %) – свидетельствуют в пользу поздней хронологической позиции памятника. Сходные даты были получены для некоторых поселений раннего этапа бархатовской культуры (Матвеев, Аношко, 2009. С. 305; Зимина и др., 2009; Цембалюк и др., 2009). В материалах памятников раннего этапа бархатовской культуры из подтаежной зоны (Чечкино 4, Мостовое 1) отмечается отчетливо выраженный сузгунский колорит (Зимина, Илюшина, 2013), а в материалах лесостепных поселений исследователи связывали сходные элементы с пахомовской основой, которая, как и черкаскульский компонент, представлена уже в существенно переработанном виде (Матвеев, Аношко, 2009. С. 308–309).

Таким образом, предварительно можно предположить, что материалы городища Заводоуковское 11 подтверждают генетическую преемственность между пахомовской и сузгунской культурами. В то же время остается не выясненной причина возникновения фортификаций на памятнике, и для полноценных культурно-исторических построений требуется более детальное сравнение керамического комплекса памятника как с синхронными и одно-культурными, так и с предшествующими и последующими комплексами.

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17–117050400147–2.

Список литературы

Аношко О.М., Агапетова Т.А. Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир: сборник статей. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2010. С. 118–137.

Зимина О.Ю., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Новые материалы ранней и поздней бронзы в Тюменском Притоболье (по результатам исследования поселения Мостовое 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 20–33.

Зимина О.Ю., Илюшина В.В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2. С. 40–53.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: Культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 26 с.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Вып. 1. Тюмень, 2007. С. 4–41.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестник ТюмГУ. Тюмень, 2009. № 3. С. 3–14.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 207 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Цембалюк С.И., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Исследование поселения Чечкино 4 в Ярковском районе Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 57–70.

Возрастная дифференциация детей катакомбной культурно-исторической общности (по материалам курганных групп Восточного Маныча)

© 2020 г. М.А. Балабанова (mary_balabanova@mail.ru)

Волгоградский государственный университет, Волгоград, РФ

Аннотация. Анализ литературы показал, что проблема возрастной дифференциации детей в отечественной археологии стала предметом специального исследования только недавно. Анализ возрастной структуры и погребального обряда курганных групп Восточного Маныча эпохи средней бронзы показал высокий уровень детской смертности, которая падает от первой возрастной группы к последней, а погребальный ритуал был напрямую связан с возрастом и статусом ребенка, который повышался по мере взросления.

Ключевые слова: погребальный обряд, искусственная деформация черепа, курильница, катакомба, подростки, младенцы.

Рассмотрение человека в контексте его археологической культуры до сих пор оставалось в значительной степени общей для всех возрастных и социальных категорий. В реальности же существовали три части культуры «муж-

ская», «женская» и «детская», которые могут рассматриваться как три части субкультуры со своей спецификой. За последние два десятилетия в отечественной археологии появились в основном работы по изучению женской и мужской субкультуры, детская же культура малоизученна. Видимо это связано с тем, что изучение детей и как возрастной когорты и как социальной группы более сложная проблема, нежели изучение когорт взрослого населения. В первую очередь это связано с тем, что детскую субкультуру в контексте археологических реалий, отраженных в погребальной обрядности, формировали взрослые. Тем не менее даже то, что представлено в детских погребениях позволяет проводить реконструкции отдельных сторон жизни давно исчезнувших социумов, что доказано исследованиями различных авторов.

Наиболее последовательно в этом направлении работает Н.А. Берсенева (2019. С. 24 и др.). В процессе исследований, которые затрагивают множество вопросов, она приходит к выводу о том, что большинство детских погребений синташтинской культуры «в терминах погребального инвентаря являются гендерно-нейтральными». Это дает ей возможность говорить о том, что ранней половой дифференциации в исследуемом обществе не было. Чаще всего в нем маркировали возраст детей, а не их гендер.

Другой исследователь С.Н. Кореневский (2017. С. 127–129) рассматривает проблему детских и подростковых захоронений майкопско-новосвободненской общности (далее МНО) Предкавказья. Им было установлено, что в вариантах МНО погребения детей крайне редки и специфичны, а такой инвентарь как оружие, отдельные виды вещевого комплекса, в том числе, изготовленные из золота позволяет предположить «передачу ребенку по наследству высокого статуса его родителей и специфические культы детского захоронения».

Детские погребения наряду с погребениями взрослых рассматриваются и при реконструкции половозрастной стратификации срубного общества. В этих работах выделяются возрастные группы детей, которые интерпретируются с позиций их социального положения.

Специальной теме изучения детских погребений срубной культуры посвящены работы О.С. Пастуховой (2013) и М.А. Балабановой (2018). Результаты их исследований показали, что во всех могильниках представлен высокий уровень детской и младенческой смертности. Смертность детей зависела от возраста, и она снижается от первой возрастной группы (0–4 года) к последней (10–14 лет). Изучение размеров могильной ямы, содержание в ней вещей и содержимого сосудов по могильникам Поволжья показало прямую связь с возрастом и статусом умершего ребенка, который повышался по мере взросления.

Таким образом, несмотря на популярность темы, детские погребения катакомбной культурно-исторической общности (далее ККИО), а также других культур эпохи бронзы изучены недостаточно, а специальные исследования по материалам детских погребений нижневолжских могильников отсутствуют, поэтому заявленная тема становится актуальной.

Источниковую базу работы составили данные по 264 детским захоронениям из курганных групп могильников Восточного Маныча ККИО. Информация о погребальном обряде и определения возраста погребенных взяты из публикаций материалов раскопок (Синицын, 1978; Эрдниев, 1982 и др.).

Распределение материала по возрастным группам следующее. Доля детей от новорожденности до 4 лет составила 30,7 %, доля детей 5–9 лет 34,8 % и доля подростков 10–14 лет – 23,5 %. Отдельно рассматривалась группа, которая авторами публикаций была определена как юношеская, в пределах 15–20 лет. Серия составила 29 костяков, что составило 11,0 % от общей численности индивидов детско-юношеского возраста.

Таким образом, в могильниках Восточного Маныча около 65,5 % приходится на долю детей от новорожденности до 10 лет, но соотношение доли детей от 0 до 4 лет и от 5 до 9 лет явно не соответствует нормальному распределению, отражающему традиционный тип воспроизводства, так как доля детей от 5 до 9 лет выше, чем младшая когорта. Очень мало и детей младенческого возраста, которых всего 9, что составляет около 11,1 % от численности детей группы 0–4 лет. Заниженные показатели условной младенческой смертности видимо связаны как с плохой сохранностью костей младенцев в могильниках, так и тем, что не всех детей этого возраста хоронили в курганах кладбищах, что вполне вероятно. Видимо по этим же причинам не хватает и детей старше 1 года. В связи с этим сложно вычислить ожидаемую продолжительность жизни в целом по группе.

Анализ погребений детей показал, что они располагались в курганах-кладбищах, насчитывающих от двух до 10–15 могил, иногда больше. Преимущественное большинство захоронений всех четырех возрастных групп были совершены в индивидуальных могилах, в среднем до 76,5 %; в парных – до 20,5 % и в погребениях с тремя умершими до 3,0 %.

По первой возрастной когорте (0–4 года) доля индивидуальных могил составила – 55, 6 %; парных – 39,5 % ; в коллективных могилах были погребены 4 ребенка, что составляет 4,9 %.

По второй возрастной группе (5–9 лет) намечается преобладание захоронений в индивидуальных могилах до 87,0 %; в парных погребениях до 9,8 % и в коллективных до 3,2 %.

По группе подростков (10–14 лет) абсолютное преобладание индивидуальных могил над парными и коллективными: 88,7 %, 9,7 % и 1,6 %.

Что касается юношеской группы (15–20 лет), то для нее также характерны захоронения в отдельной могиле – 75,9 % и в парной – 24,1 %.

Таким образом, возрастная группа детей до 4 лет отличается от старших групп тем, что только половине сооружалась отдельная могила, остальная часть сопровождала в парной или коллективной могилах взрослого сородича или же детей и подростков.

Во всех возрастных группах преобладают могилы катакомбной формы. Чаще всего в таких могилах хоронили детей в возрасте 5–9 лет (65,2 %), в остальных группах от 40,0 до 45,0 %. Могилы прямоугольной и подквадратной конструкции составляют около 1/3 в группе детей от новорожденности до 4 лет и в юношеской группе. В остальных возрастных группах доля таких могил меньше 20,0 %. Кроме могил сооруженных в материке или на материке, форма которых определялась, определенная часть детей погребалась в насыпи. Наибольшее количество детей по-

гребенных в насыпи принадлежали подростковой группе 10–14 лет, около 45,2 % и юношеской, 27,5 %. Доля двух других групп составила около 20,0 %.

Кроме того наблюдается еще одна закономерность, во всех возрастных когортах высока доля безинвентарных погребений, от 31,0 % в юношеской группе до 46,9 % в самой младшей группе.

Наиболее распространенным типом погребального инвентаря в погребениях всех возрастных групп являются сосуды различной формы, более 40,0 %. Доля присутствия курильниц возрастает в двое по мере взросления детей от первой до последней возрастной группы: от 8,6 % до 20,7 % соответственно.

Различные категории вещей, которые попадают в группу украшений (бусы, подвески), также встречаются в погребениях всех возрастных групп, но их доля с возрастом увеличивается: от 2,4 % до 20,7 % (бусы) и от 3,7 % до 10,3 % (подвески) и т.д.

Такой погребальный инвентарь как костяные кольца, костяные трубочки и альчики имеют аналогичное распределение, то есть, доля их увеличивается с возрастом и достигают максимума в погребениях людей юношеского возраста.

Интерпретация вышеизложенного материала позволяет говорить о трех стадиях социализации детей в катакомбном обществе.

1. Младенцы и дети до 4 лет являются социально нейтральной частью общества, поэтому не все дети младенческого возраста и чуть старше представлены под курганными насыпями. Инвентарь, кроме сосудов, в их могилах слабо представлен.

2. Дети от 5 до 9 лет, видимо, уже начинали принимать участие в домашних делах. Об их большей значимости свидетельствует увеличение доли присутствия в их могилах всех категорий вещей, по сравнению с младшей группой, включая инвентарь указывающий на домашние ремесла.

3. В погребениях подростков 10–14 лет отчетливо прослеживается деление уже по половому признаку. Набор украшений девочек схож с женским набором украшений, это бусы, различные подвески и т.д. Возможно, девочки к 15 лет меняют социальную роль, становятся невестами.

4. Что касается юношеской группы 15–20 лет, то она, видимо, представляла уже юных взрослых, так как доля всех категории вещей в их могилах значительно выше, чем в других возрастных когортах. Выше здесь и доля людей с деформированными черепами.

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ, проект № 18–09–00309 «Население степного пространства междуречья Дона и Волги раннего и среднего периодов эпохи бронзы: демографический и антропологический состав, межпопуляционные связи, морфогенетический тренд».

Список литературы

Балабанова М.А. Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования // Stratum plus. 2018. № 2. С. 245–258.

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников): Автореф. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2019. 43 с.

Кореневский С.Н. Детские и подростковые погребения начала медно-бронзового века на примере майкопско-новосвободнинской общности // Самарские научные вести. 2017. Т.6. № 4 (21). С. 124–131.

Пастухова О.С. Градация детских погребений срубной культуры (по материалам курганного могильника Спиридоновка II) // Известия СамНЦ РАН. 2013. Т. 15, № 1. С. 200–204.

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. Т.II. Саратов: СГУ, 1978. 118 с.

Эрдниев У.Э. Курганный могильник Восточный Маныч (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.

Женские погребения эпохи бронзы Южного Зауралья: отражение гендерной идентичности в погребальных памятниках

© 2020 г. Н.А. Берсенева *(bersnatasha@mail.ru)*

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, РФ
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, РФ

Аннотация. Исследование посвящено женским погребениям синташтинской, петровской и алакульской культур эпохи бронзы Южного Зауралья. В докладе предполагается реконструировать гендерные роли женщин изучаемых сообществ и динамику их отражения в погребальном обряде в течение первой половины II тыс. до н. э. Анализ погребальных памятников позволил заключить, что большинство женских социальных ролей, хорошо реконструируемых по данным синташтинского погребального обряда, оказались скрытыми в петровском и, особенно, алакульском, уступив главенство демонстрации гендера и связанных с ним социальных ролей.

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, женские погребения, гендер.

Тезис о том, что археологический памятник содержит информацию о социальных структурах и нормах древних обществ в настоящее время уже не подвергается сомнению. Тем не менее, в отечественной науке остро ощущается недостаток подобных исследований, особенно, если речь идет о возрастных и гендерных структурах общества.

В данном исследовании речь пойдет о культурах эпохи бронзы Южного Урала, располагающихся в хронологическом отрезке с XXI по XV в. до н. э. в калиброванных датах. Работа основана на материалах синташтинской, петровской и алакульской культур. Эти культуры представляли собой секвенцию родственных сообществ,

сменивших друг друга на относительно небольшом по археологическим меркам отрезке времени (Краузе и др., 2019), несмотря на то, что прямая линия трансформации синташта-петровка-алакуль кажется сейчас упрощенной и нуждается в корректировке.

Такая ситуация позволяет рассмотреть трансформацию отражения женских гендерных ролей и стереотипов в погребальном обряде от синташтинского общества к алакульскому, и выявить наиболее общие закономерности.

Рассматривая отражение гендерных структур в женских погребениях в их динамике, создается впечатление, что синташтинские коллективы стремились при погребении как можно полнее отразить социальные роли своих умерших (характеристики «социальной личности», в соответствии с Л. Бинфордом) (Binford, 1971. P. 232). В одной женской могильной яме одновременно могут быть обнаружены орудия труда, украшения, предметы быта, артефакты, связанные с производством или обработкой металла, (Берсенева, 2015; Хаванский, 2012; Епимахов, Берсенева, 2016). При этом, инвентарь из женских погребений полностью исключал оружие и основные составляющие колесничного комплекса, тогда как инвентарь из мужских погребений мог включать все категории предметов (кроме, пожалуй, чисто женских украшений – накосников, но они относительно редки в синташтинское время). Существовала определенная связь между гендером умерших и видами животных, приносимых в жертву. Лошадь чаще ассоциировалась с мужскими погребениями, а мелкий рогатый скот – с женщинами и детьми. Крупный рогатый скот приносился в жертву для обеих гендерных категорий.

В петровской традиции принципы снабжения умерших инвентарем и жертвенными животными меняются, и в первую очередь, это связано с детьми и женщинами. В составе женского погребального инвентаря начинают абсолютно доминировать украшения, комплекты которых становятся сложными по составу и дизайну. Детские погребения приобретают индивидуальный характер и включают лишь посуду и украшения. Мужчины сопровождаются вооружением, предметами колесничного комплекса, реже орудиями труда. Жертвоприношения животных, в особенности целых лошадей, как правило, относились ко всему погребальному комплексу в целом.

В целом необходимо отметить, что в абашевско-синташтинский период в погребениях с помощью предметов в равной степени маркировались оба гендера – мужской и женский, что отличает этот период от последующего – срубно-андроновского.

Алакульская традиция в аспекте трансформации гендерных стереотипов продолжает петровскую. Однако, сопроводительный инвентарь мужских захоронений становится редкостью, из могил почти полностью исчезают орудия труда и предметы вооружения. Находки деталей конской упряжи и, особенно, следов установки колесниц единичны. Акцент переместился на женский гендер, который устойчиво маркировался в алакульских погребениях с помощью украшений. Украшения начинают сопровождать детей (девочек?) с самого раннего возраста. Жертвоприношения животных сводятся к минимуму, и на ряде памятников они почти не представлены.

Таким образом, в срубно-андроновский период в погребениях маркирован лишь женский гендер, при этом главным маркером выступают украшения. Налицо трансформация гендерных стереотипов, отраженных в погребальном обряде, для зауральской линии синташта-петровка-алакуль. Для противоположных концов этого спектра (от синташтинской культуры к алакульской) очевидно, что принципы снабжения погребенных предметами, отражающими их гендер и социальные роли, меняются кардинально. Объяснить подобную смену непросто.

Экономическая основа жизнеобеспечения коллективов если и изменилась в течение указанного периода, то незначительно (Епимахов, 2003. С. 88). Скотоводство, металлургия, в меньшей степени охота, рыболовство и собирательство определяли образ жизни населения на протяжении всей эпохи бронзы. Изменилась система расселения – крупные синташтинские укрепленные центры сменились небольшими поселками и претерпел некоторые изменения характер скотоводства (увеличилась доля МРС в составе стада). Таким образом, занятия людей должны были остаться в целом прежними, чему существует немало подтверждений, если рассматривать материалы поселений. Орудийный комплекс эпохи бронзы представляется почти идентичным или, как минимум, очень близким, для огромных территорий от Западной Сибири до Восточной Европы.

Гендерное разделение труда в традиционных обществах обычно диктуется экономической основой хозяйства (в данном случае – скотоводством) и образом жизни (оседлым), которые в исследуемый период значительно не изменились. Мы можем вполне логично предположить, что мужчины занимались трудом, требующим больших физических усилий и подвижности – выпасом скота, строительством, охотой, добычей и обработкой металла. Женщины, вероятно, были заняты домохозяйством, присматривали за детьми, шили, ткали, готовили еду, изготавливали посуду (Берсенева, 2015). Возможно, они также ухаживали за молодняком (телятами, ягнятами и т.д.). Снова, мы можем найти этому подтверждение в материалах синташтинских могильников. Женщины и дети, кроме того, могли помогать мужчинам с выплавкой металла, в ремонте жилых строений и оборонительных сооружений, и в других видах деятельности. В традиционных коллективах, девочки обычно помогали матери или другим родственникам женского пола, а мальчики – отцам. У нас нет оснований предполагать, что в коллективах эпохи бронзы возрастное и гендерное разделение труда осуществлялось иначе, и погребальный инвентарь в могильных ямах синташтинской культуры подтверждает эти тезисы.

Причины изменений в принципах снабжения инвентарем умерших разного гендера, следует, вероятно, искать, не в смене гендерных ролей или серьезных изменениях в образе жизни, а в идеологической сфере. Погребальный инвентарь в данном случае позволяет утверждать лишь то, что алакульских женщин было принято хоронить вместе с их украшениями, которые являлись яркой манифестацией их гендера, остальной инвентарь, кроме посуды, был необязателен. Не следует забывать, что погребальный обряд не отражает напрямую реалии жизни, а лишь представления общества о том, каким образом покойный должен быть подготовлен к переходу и отправлен в мир иной. Мужчин а алакульское время хоронили с крайней простотой, женщин, напротив, в праздничном наряде. Та-

ким образом, большинство женских социальных ролей, хорошо реконструируемых по данным синташтинского погребального обряда, оказались скрытыми в петровском и, особенно, алакульском, уступив главенство демонстрации гендера и связанных с ним социальных ролей.

Список литературы

Берсенева Н.А. К вопросу о социальных ролях женщин (синташтинская культура Южного Урала) // Человек и Север: антропология, археология, экология. Мат-лы Всеросс. конф., Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 92–94.

Епимахов А.В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // РА. 2003. № 1. С. 83–90.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Металлопроизводство, погребальная обрядность и социальная идентичность (синташтинские древности Южного Урала) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1 (44). С. 65–71.

Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 47/1. С. 54–63.

Хаванский А.И. Особенности половозрастных традиций синташтинского погребального обряда // «Кадырбаевские чтения – 2012». Материалы III Междунар. науч. конф. Актобе, 2012. С. 120–128.

Binford L.R. Mortuary practices: their study and their potential // An Archaeological Perspective. New York: Seminar Press, 1971. P. 209–243.

Уникальный погребальный комплекс эпохи бронзы в социокультурном пространстве Сибири

© ***2020 г. В.В. Бобров*** *(klae@kemsu.ru)*

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово, РФ
Кемеровский государственный университет, Кемерово, РФ

Аннотация. Научному сообществу представлена характеристика своеобразного погребального комплекса, состоявшего из восьми квадратных площадок, ограниченных рвом с входом и выходом на противоположных сторонах (могильник Танай-12, Кузнецкая котловина). Захоронения произведены в центре, около рва (внутри) или во рву. Обряд и погребальная практика имеют широкий круг аналогий. Поздние из них относятся к культурам сейминско-турбинского времени.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южная Сибирь, погребальный обряд, некрополь.

В археологии Сибири многие проблемы обусловлены неравнозначной представительностью видов исследованных археологических памятников. Хорошо известно, что характеристика культур, на которых создана первая периодизации эпохи палеометалла Южной Сибири, основана на материалах только погребальных памятников. В бассейне лесостепного Приобья известны культуры, выделенные по материалам только поселений (большемысская, самусьская). И это состояние сохраняется до настоящего времени, несмотря на выявленные единичные захоронения. В данной ситуации открытие так называемых «атипичных» памятников приобретает повышенный научный интерес.

В начале первого десятилетия XXI столетия на площади некрополя Танай-12 (Кузнецкая котловина, Новосибирская обл.), содержавшей захоронения андроновской, постандроновской и ирменской археологических культур, был исследован небольшой, но компактный комплекс из восьми погребальных сооружений (Бобров и др., 2002, С. 229–233), расположенных в два ряда очень близко друг к другу (в некоторых случаях ров одного перекрывает ров другого сооружения). Особенность их состоит в организации сакрализованного пространства прямоугольной формы, ограниченного рвами. В середине северо-восточной и юго-западной сторон рвы не сомкнуты, т.е. сооружения имели вход/выход.

Всего исследовано 18 погребений, расположенных как внутри сооружений, так и во рвах. Погребения совершены в неглубоких узких грунтовых ямах овальной или подпрямоугольной формы (короткие стороны округлые, а длинные прямые). Размеры могил зависели от возраста погребенного. В единичных случаях выявлена конструкция в виде рамы на дне могилы и намогильное перекрытие из дерева, а также каменная бессистемная кладка над могилой во рву, в которой похоронен взрослый человек. Наконец, в могилах для захоронения взрослых людей выявлен незначительный пологий материковый уступ в районе размещения головы, так называемая «подушка».

В большинстве могил было произведено захоронение только одного человека. Погребение двух взрослых людей в одной могиле представлено единичным случаем. Исключение составило одно сооружение, в котором было похоронено двое взрослых. Неординарным также выглядит захоронение в одной могиле сооружения № 7, которая была расположена во рву. В ней ярусно были помещены трое детей. Захоронение производили по обряду ингумации, в вытянутом положении, на спине. Только захоронение, произведённое во рву шестого сооружения, отличалось положением. Умершего взрослого человека поместили в могилу в вытянутом положении на животе, с согнутыми в локтях руками. В большинстве могил не у всех скелетов сохранился анатомический порядок. Можно полагать, что в погребальной практике этнокультурного образования, оставившего этот некрополь, существовал обычай вторичного захоронения. Можно предполагать, что в процессе захоронения умершего укладывали в могилу головой преимущественно на СВ (7 случаев из 12 достоверно установленных). Трое погребённых были ориентированы головой на С (один из них с отклонением к западу), а один - на СЗ.

По компонентам обряда погребения, характеру и соотношению сопроводительного инвентаря комплекс имеет

Рис. 1. Ранний погребальный комплекс Танай 12: 1 – погребение №67; 2 – общий вид; 3 – погребение №68.

аналогии в памятниках энеолита и сейминско-турбинского времени от Среднего Енисея и Горного Алтая до Среднего Прииртышья. К ранним признакам обряда и погребальной практики относятся захоронения детей около ограды внутри пространства (алтайский вариант афанасьевской культуры), погребение на спине в вытянутом положении, ориентация головой на СВ, помещение керамической посуды в могилу в исключительных случаях, обряд вторичного захоронения. Абсолютно или преимущественно они относятся к неолиту и периоду смены эпох на территории Южной Сибири и Обь-Иртышья, включая южно-таёжную зону (Кирюшин и др., 2000; Вадецкая и др., 2014). Ярусные захоронения на обозначенном пространстве появились в эпоху ранней бронзы; с кротовской, окуневской и каракольской культурами связано появление «подушки»; наконец, с этим временем можно связывать прямоугольную форму организации сакрализованного пространства, представленную каменными оградами окуневской и каракольской культур (Молодин, 2005. С. 180-184; 2012; Молодин, Грушин, 2016; Кубарев, 1998. С. 277–289; Вадецкая, 1986). Но сочетания всех признаков танайского некрополя нет как в названных культурах, так и памятниках эпохи бронзы Северной Евразии. Не решают проблемы 2 сосуда баночной формы с орнаментом в линейном стиле. Единственный крупный фрагмент тулова сосуда близок керамике самусьской культуры. Пока известны шесть погребений этой культуры (Крохалёвка-7А), которые разительно отличаются от обряда и погребальной практики в Танае-12 (Титова, Сумин, 2002. С. 77–83). Ряд археологических признаков позволяет датировать его сейминско-турбинским временем. В то же время нельзя исключать гипотезу о принадлежности танайского комплекса к самусьской культуре.

Список литературы

Бобров В.В., Горяев В.С., Умеренкова О.В. Планиграфические особенности памятника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 229–233.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: «Азбука», 2014. 380 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2000. 117 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Озерного (каракольская культура Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 277–289.

Молодин В.И. Кротовская культура и её окружение // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск. 1975. С. 259–268.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. 452 с.

Титова М.В., Сумин В.А. Открытие могильника самусьской культуры в Крохалёвском археологическом микрорайоне // Вестник археологии, антропологии, этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН. 2004. №4. С. 77–83.

Археометаллургические эксперименты по реконструкции технологий литья и кузнечной ковки медных орудий начала бронзового века

© 2020 г. С.В. Богданов[1] (Bogdanov-step@yandex.ru). С.В. Авраменко[1], М.Н. Анкушев[2], Д.А. Артемьев[2], И.А. Блинов[2], Д.В. Вальков[3], Д.В. Киселева[4], В.В. Носкевич[5], М.В. Стрелецкая[4], В.В. Ткачев[1], Н.В. Федорова[5], А.М. Юминов[2]

[1] Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Оренбург, РФ
[2] Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН, Миасс, РФ
[3] Универсальные технологии и разработки, Самара, РФ
[4] Институт геологии и геохимии им. А.Н. Заварицкого УрО РАН, Екатеринбург, РФ
[5] Институт геофизики им. Ю. П. Булашевича УрО РАН, Екатеринбург, РФ

Аннотация. В 2019 г. проведены эксперименты, направленные на реконструкцию основных технологических алгоритмов горно-металлургического производства эпохи бронзы. Из рудных материалов Каргалинского рудного поля восстановлено несколько килограммов черновой меди, использованной в ходе экспериментов по рафинированию металла, литью и кузнечной ковке медных орудий, соответствующих морфологическим и химико-металлургическим стандартам древнеямной культуры раннего бронзового века.

Ключевые слова: горно-металлургическое производство эпохи бронзы, археометаллургические эксперименты.

В 2019 г. проведено 34 эксперимента по рафинированию черновой меди, восстановленной из рудных материалов Каргалинского рудного поля (Богданов, 2019. С. 161–174), литью в глиняные разъемные формы орудий, соответствующих артефактам раннего бронзового века (Богданов, 2004), их кузнечной обработке. Всего изготовлено 8 реплик, аутентичных изделиям бронзового века (топоры, тесла, долото, медный нож, шилья). Судя по данным ICP-MS и др., химизм образцов экспериментальной рафинированной меди, шлаковых комплексов, медных орудий, полностью соответствует химико-металлургическим стандартам группы «чистой меди» МП Приуралья артефактов эпохи бронзы.

В черновой меди, выплавленной из Каргалинского сырья, среднее содержание Cu составило 97,18 %. После первого рафинирования доля Cu повышается до 98,75 %, в результате второго – до 99,5 %. Высаждение шлаков на каждой стадии составляет, соответственно, 16 %-18 % и 3 %-6 %. В настылевых шлаках, относящихся к оливин-магнетитовому типу, в микроскопических количествах могут присутствовать вкрапления меди и восстановленное из магнетита и вюстита железо, но основу все же составляет фаялитовый шлаковый комплекс с вкраплениями кристаллов магнетита. В настылях отмечено наличие ковеллин-халькозиновых новообразований.

В древности рафинирование черновой меди могли осуществлять несколькими способами: 1 – рафинирование в металлургической печи; 2 – в углубленном в землю открытом очаге – яме; 3 – в специальной печи, предназначенной для рафинирования меди, тигельных плавок с последующим литьем орудий. Рафинировать медь можно лишь на древесном угле, дрова и другие материалы не дают достаточных температур на протяжении длительного времени. В ходе экспериментов мы опробовали все три способа рафинирования, существенно различающихся затратами ресурсов и рабочего времени.

Двойное рафинирование черновой меди в специализированной печи по третьему сценарию, включающее тигельную плавку с последующим литьем орудий, являлось в древности наиболее распространенным способом. Оптимальной оказалась конструкция печи для рафинирования меди и тигельной плавки, имеющая огневую камеру размерами 25×25 см, снабженную тремя фурменными отверстиями, располагающимися в горизонтальной плоскости при сопряжении осей под углами в 120°. Сопла выдвинуты из стен печи на 2,5–3,0 см, тогда при подаче воздуха через сильно зауженные отверстия сопел (0,3–0,4 см) струи пламени формируют «термический карман» с максимальными температурами в центре печи – вокруг и внутри тигля. Описанная конструкция печи позволяет за короткое время (около 15 мин.) расплавить от 0,2 до 0,6 кг черновой меди в тигле при минимальных затратах древесного угля (менее 2 кг) и получить на кончиках глиняных фурм (сопел) точно такую же ошлаковку, как и на древних артефактах. Медь в тигле переходит в жидкое состояние при температурах 1180–1200 °С.

Дразнение расплавленной меди в тигле представляет собой важнейшую технологическую операцию, предшествующую заливанию металла в литейную форму. После расплавления металл в тигле при температурах 1150–1200 °С медь пребывает во вспененном состоянии. Если сразу же залить расплав в форму, отливка будет очень пористой, изъязвленной, полой внутри. Эмпирически установлено, что наиболее оптимальным температурным режимом для заливки меди в форму является интервал от 940 до 980 °С. Для того, чтобы равномерно понизить температуру расплавленной меди в тигле на 150–200 °С расплав необходимо «дразнить», т.е. равномерно перемешивать тонкой сухой деревянной жердью от 10 до 16 секунд. Объективным визуальным ориентиром, каким руководствовались древние металлурги, служит приобретение поверхности расплавленного металла зеркального блеска. На этой стадии температура расплава соответствует в среднем 960 °С.

В экспериментах мы работали только с глиняными литейными формами. Створки форм промазывались мелкоотмученной глиной и перевязывались крапивными веревками. Большой неожиданностью при литье орудий оказалось полное отсутствие «литников», т.е. усадочных ложбин на отливаемых с брюшка орудиях. На том месте, где происходила заливка металла в форму – на брюшке топора или др. орудий может сформироваться натек металла («прилив»). Углубления в местах заливки меди на

Рис. 1. Реплики медных изделий древнеямной культуры РБВ, изготовленные в ходе археометаллургических экспериментов из металла МП, восстановленного из рудных материалов Каргалинского рудного поля.

древних проушных топорах, видимо, сформированы кузнечным обжатием.

Опыты по кузнечной обработке аналоговых орудий подтвердили вывод А.Д. Дегтяревой о ковке большинства медных орудий древнеямной культуры степного Приуралья при предплавильных температурах (Дегтярева, 2010. С. 44–69). Действительно, ковка экспериментальных медных орудий оказалась наиболее эффективной в температурном диапазоне от 860 до 960 °С. Древние металлурги, вероятно, в ходе кузнечной обработки медных орудий ориентировались на изменение цвета заготовки в печи: после температуры в 860 °С цвет заготовки становится серебристо-белым, а при достижении 900 °С отчетливо проявляется серебристо-белое яркое свечение (фаза белого каления или серебристого свечения). Для того, чтобы осуществить кузнечную обработку отливки проушного медного топора, заготовку орудия опытные кузнецы должны были 5–6 раз нагреть до температур белого каления. Всего нам удалось отлить из экспериментальной меди и качественно обработать ковкой сравнительно-небольшую серию орудий (рис. 1), сопоставимых с оригинальными артефактами древнеямной культуры раннего бронзового века.

Исследования проведены по проектам РФФИ № 18–00–00030 КОМФИ, № 18–00–00031 КОМФИ, гос. бюджетной теме № АААА-А17–117012610022–5.

Список литературы

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 285 с.

Богданов С.В. Технологии горно-металлургического производства эпохи раннего металла Северной Евразии с позиций экспериментальной археологии // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V – III тыс. до н. э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С 161–174 .

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Объекты горного промысла – важная характеристика эпохи поздней бронзы Северной Евразии. Опыт картирования древних рудников для выставки «Путешествие в бронзовый век».

© 2020 г. М.В. Борисов *(mirmasterov@mail.ru)*

Центр исторического моделирования «Древний Мир», Самара, РФ

Аннотация. Представлены результаты нанесения на карту Северной Евразии рудников II тыс. до н. э., выполненного по описаниям в публикациях, посвященных различным регионам и областям.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, карта, рудники.

В 2017–2019 гг. автор в составе коллектива Центра исторического моделирования (ЦИМ) «Древний Мир» принял участие в подготовке выставки «Путешествие в бронзовый век», посвященной теме созидательных способностей мастеров эпохи поздней бронзы Северной Евразии, влияния их достижений на исторический процесс. Актуальность данной темы обусловлена укрепляющимся мнением о сопоставимости значимости бытия во II тыс. до н. э. «колыбелей цивилизации» и так называемых археологических «общностей», «областей», связанных со степным поясом. В последние годы очевидность их культурной интеграции позволяет использовать определения, объемлющие эти «области» «общности»: «блок культур» (Агапов и др., 2012. С. 44), «мегаобщность» (Черных, Наваррете, 2011. С. 22). Такое «глобализованное» восприятие позднебронзовых сообществ Северной Евразии характерно для многих современных исследований.

Выставку составили экспонаты-реконструкции и плоскостной материал (карты, инфографика и т.п.), разъясняющие значение древних технологий для своего времени, их связи с иными эпохами, с современностью. В процессе подготовки карт было выявлено отсутствие в публикациях важной характеристики эпохи, – отображения всей совокупности позднебронзовых рудников Евразии, прежде всего, в северной ее части. Потребовался поиск сведений об их расположении в различных регионах и местностях с последующим переносом на общую карту-основу, одновременно уточнялась их хронологическая принадлежность.

Из-за неопределенности, разноречивости в описаниях визуализировать удалось лишь часть данных о рудниках, относимых к «древним». Объекты, доступные для картирования, позиционировались с различной точностью. Месторасположение многих из них оказалось возможно определить только относительно макрогеографических ориентиров, сообразно с исходными картами-схемами. 330 рудников и их групп удалось привязать к местности по указанным расстояниям, координатам и т.п. (рис. 1). На карте обширного региона от Подонья до Зап. Сибири и от Средн. Урала до Памира оптимальным был выбран размер условных обозначений, «накрывающих» окружности диаметром ок. 30 км, с учетом такого размера меток ближайшие рудные объекты были сгруппированы.

Рудники, обладающие датирующими признаками, позволяющими отнести их к эпохе поздней бронзы, были выделены особо. В качестве таковых служили интерпретации авторов публикаций, основанные на обнаружении археологических находок на самих рудниках, на их связи с расположенными поблизости датированными памятниками, на отсутствии признаков горных работ в последующие эпохи и т.п. (Таджикско-памирская экспедиция, 1935; Сунчугашев, 1969; Маргулан, 2001; Каргалы ..., 2002; Матвеева и др., 2004; Берденов, 2008; Аванесова, 2012; Юминов

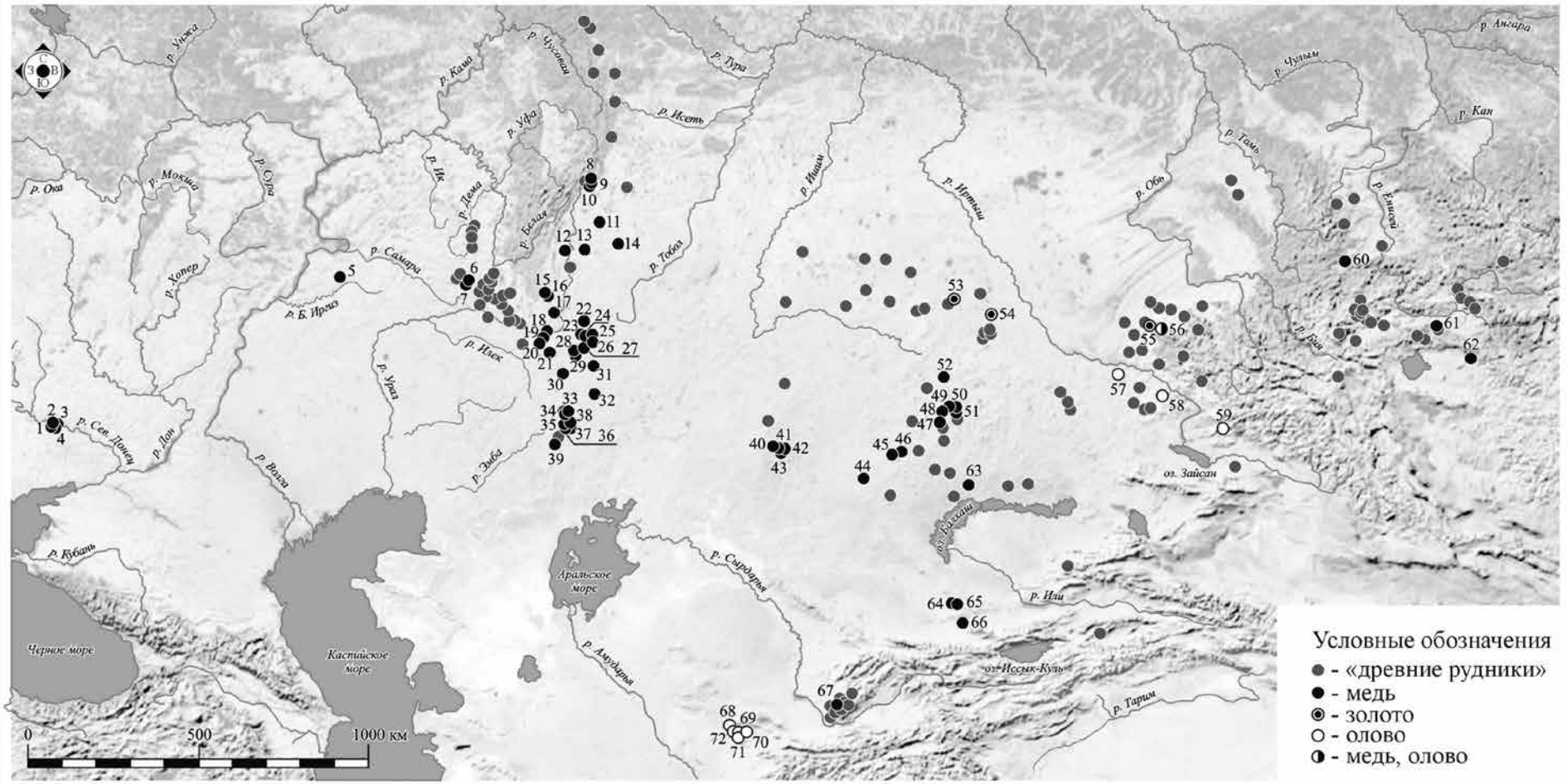


Рис. 1. Карта расположения «древних» (не интерпретированных) рудников и рудных разработок II тыс. до н.э. Северной Евразии

1 - Клиновое; 2 - Пилипчатино; 3 - Червонэ озеро (I-III); 4 - Медная Руда-I; 5 - Михайло-Овсянка; 6 - Каргалы уч. I - XII; 7 - Белоусовка; 8 - Кураминский; 9 - Никольский; 10 - Таш-Казган; 11 - Новотемирский; 12 - Бактр-Узяк, Камышлы-Узяк; 13 - Воровская Яма; 14 - Новониколаевский; 15 - Ивановский; 16 - Дергамышский; 17 - Ишкининский; 18 - Придорожный; 19 - Чудской; 20 - Шаншар; 21 - Шиликтинский (Южн., Сев.); 22 - Барсучий Лог; 23 - Летнее; 24 - Осеннее; 25 - Еленовский; 26 - Ушкаттинский; 27 - Аралча-Весеннее; 28 - Тастыбутак (Коктау); 29 - Кызыл-Кибачи; 30 - Кудуксай; 31 - Баксайс; 32 - Кенгиляк (Сев., Южн.); 33 - Жинишке; 34 - Куркудук (Сев., Центр., Южн.); 35 - Пшенсай; 36 - Шуулдак, Жангана, Мысказган; 37 - Актогай; 38 - Сарлыбай (I, II); 39 - Южный Жамантау; 40 - Жезказган (Таскудук); 41 - Жезказган (Акчий); 42 - Жезказган (Златоуст, Белов), Жезказган (Никольский, Анненский); 43 - Жезказган (Кресто); 44 - Кенказган, Ефимовский. Мийкайнар; 45 - Огызтау; 46 - Сары-Булак; 47 - Алмалинская группа; 48 - Алабуга; 49 - Тасшокы; 50 - Каражал; 51 - Узунжал; 52 - Алтынтобе; 53 - Бозщаколь; 54 - Майкаин; 55 - Змеиногорский, Золотушиский, Лазурское; 56 - Слесарское, Барковское; 57 - Аскаралы; 58 - Калаи-Топкан; 59 - Карчига; 60 - Бутрахты; 61 - Хову-Аксы; 62 - Бош-Даг; 63 - Коунрад; 64 - Шатырколь; 65 - Жайсан; 66 - Древний Курдай; 67 - Табошар; 68 - Кермине; 69 - Лапас, Кызыл-Гура; 70 - Кочкарлы, Чангаллинское; 71 - Киз-курган; 72 - Карнаб.

и др., 2013; Зайков и др., 2013; Бровендер, 2016; Ткачев, 2017; Анкушев и др., 2018) В ряде случаев достаточным поводом для отнесения рудников к рассматриваемой эпохе принималось соответствующее мнение исследователей (Кузнецова, Тепловодская, 1994; Зайков и др., 2012, 2015, 2016; Анкушев, 2016).

Есть основания рассматривать древние горные разработки, представленные на карте, как единый объект, как комплекс, объединенный уникальной исторической судьбой. Будучи первоначально элементом системы жизнеобеспечения мегаобщности эпохи поздней бронзы, он стал затем им же для Российской империи, потом – для Советского Союза. Им же остается он для современной России и других государств. Труды древних рудокопов стали «отправной точкой» для рудознатцев Нового времени, в последующем – основой становления научных дисциплин: геологии, палеонтологии, археологии. Поэтому карта горнорудных разработок северной части Евразии, изначально предназначенная для выставки ЦИМ «Древний Мир», может быть полезна также для иных проектов по популяризации исторических знаний.

Список литературы

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18).

Аванесова Н.А. Древние горняки Заравшана // Археология Узбекистана. № 1 (4). Самарканд, 2012. С. 3–35.

Анкушев М.Н., Юминов А.М., Зайков В.В. Медные рудники Таш-Казган, Никольский и Кураминский (Южный Урал) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2016. Материалы Всероссийской молодежной научной школы. Миасс, 2016.

Анкушев М.Н., Юминов А.М., Зайков В.В., Носкевич В.В. Медные рудники бронзового века в Южном Зауралье // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 87–110.

Бровендер Ю.М. Донецкий горно-металлургический центр эпохи бронзы: Дисс. … доктора историч. наук. Киев, 2016.

Берденов С.А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК, Серия общественных наук. 2008. № 1. С 42-55.

Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н. Рудная геоархеология меди в Центральной Евразии (обзор) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2016. Материалы Всероссийской молодежной научной школы. Миасс, 2016.

Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Ткачев В.В., Носкевич В.В., Епимахов А.В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 174–195.

Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В. Геоархеология благородных металлов Центральной Евразии // Геоархеология и археологическая минералогия – 2015. Материалы Всероссийской молодежной научной школы. Миасс, 2015.

Зайков В.В., Юминов А.М., Ткачев В.В. Древние рудники Южного Урала как объекты природного наследия // Степи Северной Евразии. Материалы VI международного симпозиума и VIII международной школы-семинара «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург, 2012.

Каргалы. Том I. Геолого-географические характеристики. История открытий и исследований. Археологические памятники / сост. и ред. Е.Н. Черных. М., 2002.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: «Гылым». 1994.

Маргулан А.Х. Соч. в 14 томах. Т. 2. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джезказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милыкудук) / сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: «Дайк-Пресс», 2001.

Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И. Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004.

Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.: Наука. 1969.

Таджикско-памирская экспедиция 1934 г. М.–Л., 1935.

Ткачев В.В. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке: освоение меднорудных ресурсов и стратегия адаптации к условиям горно-степной экосистемы // Stratum Plus № 2. 2017. С. 206-226.

Черных Е., Наваррете М. Древняя металлургия в глубинах евразийских степей // Достояние поколений. № 1 (10). 2011.

Юминов А.М., Зайков В.В., Коробков В.Ф., Ткачев В.В. Добыча медных руд в бронзовом веке в Мугоджарах // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (55). 2013.

Костяная индустрия населения степного и лесостепного Алтая в эпоху бронзы

© 2020 г. И.А. Вальков (valkow92@mail.ru)

Алтайский государственный университет, Барнаул, РФ

Аннотация. Работа посвящена результатам исследования комплексов костяных предметов с памятников эпохи бронзы степной и лесостепной зоны Алтая. Представлена методика изучения костяных индустрий. Анализируется сырьевая база косторезного дела, а также технологические приемы обработки, типологический состав и функциональное назначение костяных предметов. На основании выявленных особенностей проводится сравнение костяных индустрий памятников раннего, развитого и позднего бронзового века.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, трасологический анализ, органические материалы, косторезное дело, костяные орудия.

При исследовании памятников эпохи бронзы артефактам из кости уделяется меньшее внимание, чем предметам из других материалов. Однако начало использования металла не только не привело к угасанию костяной индустрии, а скорее наоборот, способствовало ее развитию. Применение металлических инструментов позволило повысить качество и объемы косторезного производства.

Для Сибири хорошим примером обобщающих работ по костяной индустрии является монография А.П. Бородовского, посвященная костяным и роговым изделиям эпохи палеометалла (Бородовский, 1997). Однако за последние два десятилетия для территории степного и лесостепного Алтая был накоплен значительный объем новых источников, а методика их изучения шагнула вперед.

Термин «костяная индустрия» понимается нами как система типов артефактов, изготовленных из костей животных. При этом термин «костяная индустрия» шире чем «косторезное дело», ввиду того, что включает в себя как сами костяные предметы, так и все связанные с процессом их производства трудовые операции, технологические решения, а также особенности использования готовых предметов в различных сферах.

Для того чтобы рассмотреть все указанные компоненты нами использовался комплексный подход, фундаментом которого выступал трасологический анализ. Экспериментально-трасологический метод был разработан С.А. Семеновым и им же впервые апробирован на отдельных типах костяных орудий (Семенов, 1957). В дальнейшем методику комплексного изучения массовых костяных индустрий разрабатывали Д. Кампана (Campana, 1989), А.П. Бородовский (Бородовский, 1997) С. Витезович (Vitezović, 2016), и др. Отдельные методические аспекты освещались автором (Вальков, 2019).

При рассмотрении комплексов костяных предметов с археологических памятников степного и лесостепного Алтая использовалась методика, включающая следующие исследовательские операции: 1) первоначальный отбор костяных предметов со следами человеческого воздействия (отделение артефактов от экофактов); 2) классификация материала на основании морфологических признаков; 3) видовая и анатомическая идентификация костей, из которых выполнены орудия и изделия; 4) изучение макро- и микроследов от обработки и утилизации на поверхности предметов; 5) выдвижение рабочих гипотез о возможном функциональном назначении; 6) проверка гипотез экспериментом; 7) построение технологической цепочки и функциональная интерпретация; 8) функциональная классификация элементов индустрии и реконструкция моделей использования костяных вещей в хозяйстве и быте древнего населения.

В рамках исследования костяной индустрии степного и лесостепного Алтая анализировались материалы памятников ранней (Березовая Лука, Колыванское-I, Телеутский Взвоз-I), развитой (Сосновый Лог-I, Гусиная Ляга-I, Манжиха-II, Советский Путь-I) и поздней бронзы (Жарково-III, Калиновка-II, Рублево-VI, Бурла-III, Советский Путь-I). Общее количество изученных артефактов (в том числе фрагментов) превысило тысячу экземпляров. Отдельные памятники, с которых получены представительные коллекции, можно назвать опорными (ранняя бронза – поселение Березовая Лука; развитая-подняя бронза – Советский Путь-I).

Стратегии отбора сырья на этих двух этапах были схожи. Сырьевой базой для косторезного дела являлось скотоводческое хозяйство, характерное для региона в течение всей эпохи бронзы. Традиционно для заготовок использовались диафизы трубчатых костей конечностей, метаподии, ребра КРС и лошади, астрагалы МРС, грифельные кости. Специфическим сырьем для эпохи ранней бронзы являются тазовые кости КРС и лопатки МРС (для изготовления тупиков и скребков). Для поздней бронзы широкое применение получают челюсти КРС и лошади, из которых изготавливались орудия кожевенного дела, известные как тупики.

Хотя ведущим сырьевым источником были домашние животные, стоит отметить нередкие случаи использования костей и рога диких животных. Для эпохи ранней бронзы это кости птиц, астрагалы горного барана (для изготовления игл, лощил, предметов игры). В материалах поздней бронзы обращает на себя внимание более широкое применение рога. Из рога изготавливались различные пуговицы, застежки, псалии и др. Таким образом, в эпоху поздней бронзы несколько меняется стратегия отбора сырья, что связано с изменением типологического состава орудий.

В технологическом отношении стоит отметить сохранение использования каменных орудий в обработке кости в комплексах елунинской культуры ранней бронзы. На предметах же с памятников эпохи развитой и поздней бронзы следы от обработки камнем не фиксируются. Происходит полное замещение каменных орудий металлическими инструментами.

Для ранней бронзы представительная часть орудий и изделий характеризуется использованием естественной формы кости или минимальной подработкой. Например, на памятнике Березовая Лука в качестве проколок использовались раздробленные фрагменты трубчатых костей, относящиеся к кухонным отходам. В эпоху поздней бронзы

набор костяных предметов менее разнообразен, но изготовлен с помощью четко выработанных технологических операций. Особо стоит отметить полученные с поселения Советский Путь-I позднебронзовые резные и орнаментированные предметы из кости. В частности, на памятнике было обнаружено и бронзовое орудие в виде циркуля, вероятно использовавшееся в качестве орнаментира для кости. Материалы поселения Советский Путь-I наглядно демонстрируют сходство с костяной индустрией поселения Кент в Центральном Казахстане.

Для всей эпохи бронзы были получены данные о следующих функциональных группах предметов: 1) орудия кожевенного дела (тупики, скребки, лощила, проколки, двуручные струги); 2) орудия гончарного дела (орнаментиры, лощила); 3) орудия охоты и рыболовства (наконечники стрел, накладки на лук, гарпуны); 4) конская упряжь (псалии); 5) предметы быта и украшения (пуговицы и пряжки, игольники и гофрированные трубки, подвески, рукояти и др.); 6) игровые предметы (игральные кости). Вероятно, некоторые предметы имели культовое назначение. Благодаря трасологическому анализу также были выявлены полифункциональные и переиспользованные предметы. Значительное количество модифицированных костей не поддается функциональной интерпретации.

Хотя подобная картина характерна для всей эпохи бронзы, стоит обозначить различия в типовом наборе предметов:

1) Для эпохи ранней бронзы специфическими являются встреченные в большом количестве на памятнике Березовая Лука тупики из тазовых костей КРС, скребки из лопаток МРС, струги из ребер КРС и лошади.

2) Для эпохи развитой-поздней бронзы отличительным признаком является наличие тупиков из челюстей КРС и лошади, заменивших все указанные в первом пункте орудия;

3) В эпоху поздней бронзы прекращается бытовавшая еще в неолите-энеолите практика изготовления костяных гарпунов. В тоже время изготовление наконечников стрел продолжается, но их форма становится более упрощенной;

4) Эпоха поздней бронзы маркируется появлением костяных псалиев, пуговиц, резной кости.

На основании представленной информации можно сделать вывод о том, что на протяжении всей эпохи бронзы косторезное дело играет роль подсобной отрасли хозяйства, обеспечивающей своей продукцией преимущественно кожевенное дело. В то же время практика изготовления ряда костяных предметов в течение эпохи бронзы прекращается. Вероятно, это связано с заменой некоторых типов костяных орудий металлическими (костяные скребки) и прекращением некоторых видов деятельности (рыболовство с использованием гарпуна). Появление же некоторых новых видов косторезной продукции, наоборот, маркирует развитие новых отраслей (например, костяные псалии демонстрируют распространение верховой езды и использования тягловой силы животных).

Таким образом, комплексное изучение костяных индустрий с памятников эпохи бронзы позволяет реконструировать картину функционирования косторезного дела и употребления его продуктов в хозяйстве и повседневной жизни населения Алтая в эпоху бронзы.

Автор выражает искреннюю благодарность С.П. Грушину, А.С. Федоруку, Д.В. Папину, Г.Е. Иванову, Д.С. Леонтьевой за возможность использовать полученные ими в результате раскопок материалы.

Список литературы

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.

Вальков И.А. Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 574–584.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий труда по следам работы). М., Л.: АН СССР, 1957. 237 с. (МИА № 54).

Campana D.V. Natufian and Protoneolithic bone tools: The Manufacture and Use of Bone Implements in the Zagros and the Levant. British Archaeological Reports, International Series. Vol. 494. Oxford. 1989.

Vitezović S. Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija. Beograd: Srpsko arheološko društvo, 2016. 142 str.

Древнекитайские псалии и удила эпохи поздней бронзы

© *2020 г. А.В. Варенов* *(avvarenov@mail.ru)*

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ

Аннотация. Лошадь и конская узда появляются в Китае в эпоху Шан-Инь (XIII–XI вв. до н. э.). Для этого времени характерны бронзовые пластинчатые псалии, в плане близкие к квадрату. Бронзовые удила с двучастным грызлом уже известны, но широкого распространения не получили. В эпоху Западного Чжоу (X–VIII вв. до н. э.) шире начинают использоваться металлические удила, возникают бронзовые псалии иных контуров, конструктивно, однако, повторяющих иньские образцы. Вместе с тем, появляются и костяные (роговые) псалии с тремя отверстиями, расположенными в двух плоскостях и их бронзовые имитации.

Ключевые слова: Древний Китай, эпоха Шан-Инь, Западное Чжоу, бронзовые псалии, удила.

Обычно считается, что для древнего Китая период поздней бронзы соответствует эпохе Западного Чжоу (XI–VIII вв. до н. э., или точнее, 1045/1027 – 770 гг. до н. э.). Предшествующий позднеиньский период (или эпоху Шан-Инь – XIII–XI вв. до н. э.) относят к развитой бронзе (Комиссаров, 1988). В то же время, для европейской, да и для сибирской шкалы археологической периодизации это – также период поздней бронзы.

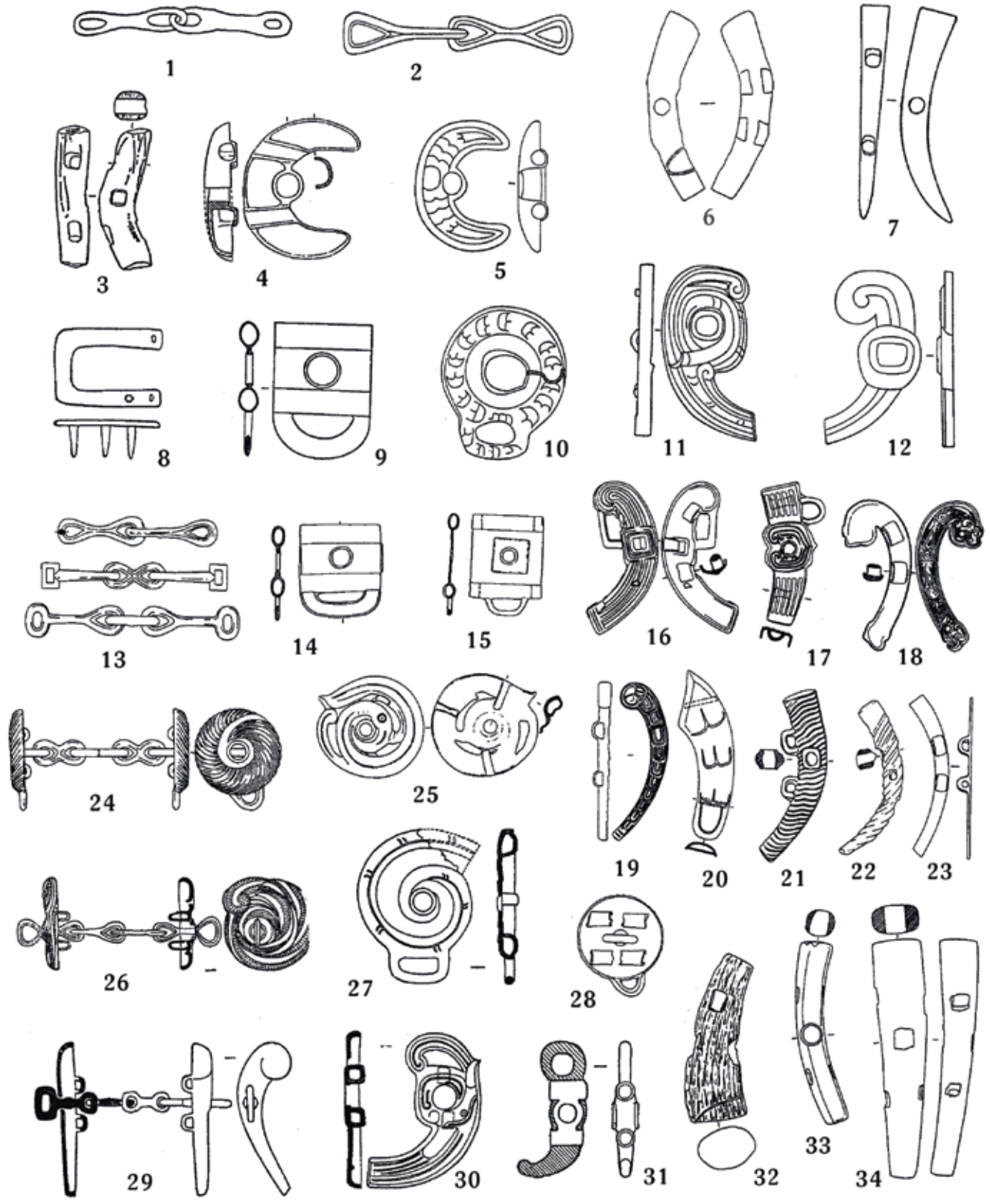


Рис. 1. Древнекитайские псалии и удила эпохи Западного Чжоу:
1, 3, 4, 8 – из Байфу; 2, 5–7, 9–12 – из Люлихэ; 13–25, 28, 32–34 – из Чжанцзяпо; 26, 27, 29–31 – из Жуцзячжуан и Чжуюаньгоу. 3, 7, 32–34 – рог, остальные – бронза. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В. Вареновым по: (1, 3, 4, 8 – Важное достижение, 1976; 2, 5–7, 9–12 – Люлихэ, 1995; 13–25, 28, 32–34 – Чжанцзяпо, 1999; 26, 27, 29–31 – Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн, 1988).

Лошадь и конская узда появляются в Китае в эпоху Шан-Инь. Бронзовые удила с двучастным грызлом уже известны в это время в Китае, однако широкого распространения не получили. Иньские бронзовые пластинчатые псалии в плане близки к квадрату, размером примерно 7×7 см, с круглым отверстием в центре. С нижней стороны к псалию приделывалась дугообразная или прямоугольная петелька. Шипы на псалиях отсутствовали. Вместо них на

одной из плоскостей с обеих сторон от центрального отверстия параллельной нижней петельке имелись полые металлические уголки-ребра. В отдельных случаях они заменялись уплощенными овальными трубочками. Везде, где первоначальное положение псалиев удается проследить, к щеке лошади прилегала их гладкая сторона, а ребристая была обращена наружу (Варенов, 1980. С. 168).

В эпоху Западного Чжоу (X–VIII вв. до н. э.) в конской узде, в основном, развиваются иньские традиции. Шире начинают использоваться металлические удила, возникают бронзовые псалии иных контуров, конструктивно, однако, повторяющие иньские образцы, то есть, пластинчатые псалии с тремя отверстиями в двух взаимно перпендикулярных плоскостях. Вместе с тем, появляются и костяные (роговые) столбчатые псалии с тремя отверстиями, расположенными в двух плоскостях.

Например, в небольшом (всего три погребения) раннем западночжоуском могильнике Байфу, что чуть севернее Пекина, в погребении М2 встречены бронзовые восьмерковидные удила (рис. 1, *1*) и шипастые усилители под псалий (рис. 1, *8*), но самих псалиев нет. Зато в погребении М3 есть псалии двух разных типов: и роговые столбчатые с тремя отверстиями в разных плоскостях (рис. 1, *3*) и бронзовые с полулунным щитком, двумя трубочками для нащечного ремня и центральным отверстием для удил (рис.1, *4*) (Важное достижение, 1976). Шипы-усилители под псалий при отсутствии самих псалиев есть и в раннем западночжоуском могильнике Байцаопо (Варенов, 1984. С. 48–49).

На в целом синхронном Байфу крупном могильнике Люлихэ, что чуть южнее Пекина, встречены и бронзовые восьмерковидные удила (рис. 1, *2*), и бронзовые квадратные пластинчатые псалии иньского типа (рис. 1, *9*), и их круглые варианты (рис. 1, *10*), а также бронзовые псалии с полулунным щитком, как в Байфу (рис.1, *5*), «каплевидные» псалии, являющиеся их дальнейшим развитием (рис. 1, *11, 12*). Есть там роговые столбчатые псалии с тремя отверстиями в двух плоскостях (рис. 1, *7*) и их бронзовые имитации (рис. 1, *6*) (Люлихэ, 1995).

В западночжоуском могильнике Чжанцзяпо, что близ г. Сианя, встречаются не только восьмерковидные удила с двучастным грызлом, но и варианты удил с трехчастным грызлом и отчетливо выраженными внешними кольцами (рис. 1, *13*). Псалии также разнообразны: помимо квадратных пластинчатых образцов иньского типа (рис. 1, *14, 15*) есть их круглые варианты (рис. 1, *25, 28*), бронзовые «каплевидные» экземпляры (рис. 1, *16–19*), роговые столбчатые псалии с тремя отверстиями в двух плоскостях (рис. 1, *32–34*) и их бронзовые имитации (рис. 1, *20–23*). Появляются бронзовые удила с трехчастным грызлом, смонтированные с круглыми пластинчатыми псалиями с петелькой (рис. 1, *24*) (Чжанцзяпо, 1999).

В чуть более поздних по времени, но расположенных не так далеко, в той же провинции Шэньси близ г. Баоцзи могильниках Жуцзячжуан и Чжуюаньгоу встречены бронзовые «каплевидные» псалии, повторяющие прежнюю конструктивную схему – две горизонтальных трубочки выше и ниже центрального отверстия (рис. 1, *30, 31*). Она же использована и в бронзовых круглых либо «каплевидных» псалиях, смонтированных вместе с трехчастными удилами (рис. 1, *26, 29*). Попадаются и отдельные круглые бронзовые псалии с петелькой, выполненные по той же схеме (рис. 1, *27*) (Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн, 1988).

Таким образом, хотя внешнее разнообразие древнекитайских удил эпохи Западного Чжоу весьма велико, конструктивно они ушли те так уж и далеко от их иньских прототипов. Пожалуй, исключение составляют лишь образцы, которые начали монтироваться вместе с бронзовыми удилами с трехчастным грызлом.

Список литературы

Варенов А.В. Иньские колесницы // Известия Сибирского Отделения Академии Наук СССР. Сер. Общественных наук. Вып. 1. 1980. № 1. С. 164–169.

Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.

Важное достижение археологии в районе Пекина – Новые замечания о западночжоуских могилах с деревянными камерами в Байфу, Чанпин // Каогу. 1976. № 4. С. 246–258, 228. (на кит. яз.)

Лу Ляньчэн, Ху Чжишэн. Баоцзи Юй го муди. [Могильники царства Юй в Баоцзи]. Т. 1. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1988. 668 с. (на кит. яз.)

Люлихэ Си Чжоу Янь го муди. 1973–1977. [Люлихэ – могильник западночжоуского царства Янь. 1973–1977]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1995. 276 с.(на кит. яз.)

Чжанцзяпо Си Чжоу муди. [Западночжоуский могильник Чжанцзяпо]. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1999. 462 с. (на кит. яз.).

Керамика из погребений как исторический источник по истории древнего населения

© *2020 г. Е.В. Волкова (volk_h@mail.ru)*

Институт археологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Автором определяется круг вопросов, которые в рамках историко-культурного подхода можно решать на основании изучения только керамики из погребений, не привлекая другие источники, и круг вопросов, решение которых возможно при исследовании керамики в контексте с другими источниками. Все это обсуждается в основном на примере керамики фатьяновской культуры эпохи бронзы.

Ключевые слова: керамика, погребальный обряд, историко-культурный подход, фатьяновская культура, бронзовый век.

Информация, которую можно получить при изучении керамики, делится на два блока. В первом керамика выступает как единственный источник информации, во втором – она изучается в контексте с другими источниками. К первому блоку относятся три направления исследования: 1) изучение процессов смешения разных групп населения, 2) выделение посуды одного мастера, 3) реконструкция хозяйственной деятельности населения. Ко второму блоку относятся 5 направлений исследования: 1) выяснение относительной хронологии погребений внутри могильника, 2) реконструкция социальной структуры населения, 3) выяснение относительной хронологии ряда могильников, 4) определение пола и возраста погребенных при отсутствии костяков и 5) изучение духовной культуры древнего населения.

Все эти направления рассматриваются, в основном, на примере материалов могильников фатьяновской культуры (всего изучено 980 сосудов).

Изучение процессов смешения древнего населения осуществляется на основе морфологических и технологических традиций. Но это возможно, только если у изучаемого населения традиции были неоднородны. Под морфологическими подразумеваются орнаментальные традиции и традиции создания формы сосуда, а под технологическими – традиции его изготовления. В технологии выделяются приспособительные навыки труда, меняющиеся при смешении в течение жизни одного поколения, и субстратные, меняющиеся только за 5–6 поколений (Бобринский, 1978. С. 242–244). Морфологические традиции меняются еще быстрее, чем приспособительные технологические. При смешении разных культурных групп населения первыми меняются морфологические, затем приспособительные и, наконец, субстратные технологические традиции.

В погребениях Волосово-Даниловского могильника были похоронены представители двух близкородственных групп населения – фатьяновцы и балановцы. По керамике фиксируются как чистые фатьяновские и балановские, так и смешанные традиции (изучено 399 сосудов). Керамика со смешанными фатьяновско-балановскими морфологическими и приспособительными технологическими традициями отражает наличие брачных связей между этими группами, а различия по глубине смешанности указывают на степень устойчивости этих связей.

Выделение посуды одного мастера позволяет определять синхронные погребения на могильнике и ассортимент продукции одного гончара. В13 погребениях Волосово-Даниловского могильника были сосуды, как одного мастера, так и разных гончаров. Установлено, что один мастер мог делать весь ассортимент фатьяновской посуды. Кроме этого, на могильнике были выделены 7 пар одновременных погребений, содержавших посуду одного мастера.

Реконструкция хозяйственной деятельности населения. Здесь намечаются два направления исследования. Первое связано с анализом формовочных масс, когда в их составе присутствуют навоз, выжимка из навоза, птичий помет и органические растворы. В эпоху доремесленного производства первые два вида примесей прямо указывают на производящее хозяйство у изучаемого населения, вторые – на присваивающее (Цетлин, 1999.С. 133). Фатьяновцы добавляли в формовочную массу выжимку из навоза, что говорит о производящем хозяйстве.

В формовочных массах керамики из погребений срубной культуры Н.П. Салугина отметила наличие шлака – отхода бронзолитейного производства. Это позволило сделать вывод о наличии бронзолитейного производства у данного населения и выделить погребения горняков-литейщиков (Салугина, 2019.С. 36–47).

Второе направление связано с экспериментальным изучением способов использования мисок с отверстиями в сочетании с горшками. Оно привело к выводу, что конструкция «горшок-миска», где миска привязывалась к горлу горшка, могла использоваться для отцеживания сыворотки при производстве творога и сыра. Так как в Волосово-Даниловском могильнике практически все миски происходят из погребений мужчин, мальчиков и детей, можно предположить, что молочное производство у фатьяновцев было мужским занятием. Известно, что у некоторых «скотоводческих народов Африки к доению, к заботам о молочной посуде вовсе не допускают женщин» (Харузина, 2007.С. 166).

Обратимся ко второму блоку вопросов.

Относительная хронология погребений могильника. Хронология погребений Волосово-Даниловского могильника была реконструирована по данных о формовочных массах керамики, ее орнаментации и стратиграфии погребений. В этой керамике основной примесью был шамот из старых сосудов. Сравнительный анализ формовочных масс сосуда и шамота позволил установить последовательность этих рецептов во времени, так как рецепт шамота всегда отражает более раннюю традицию. Эти данные были дополнены информацией о синхронных погребениях и тенденциях развития орнамента на сосудах. Сопоставление трех хронологических шкал (стратиграфической, технологической и орнаментальной) позволило выделить 4 основные и две промежуточные хронологические группы погребений (Волкова, 1998.С.44–61).

Социальная структура населения. Изучение социальной организации включает реконструкцию родовой структуры, характера семейной организации, линейности

родства и локальности поселения, а изучение социальной иерархии – выделение групп людей особого статуса.

Исследование гончарных традиций и традиций погребального обряда позволяют обратиться к решению этого вопроса. Выяснилось, что в фатьяновские погребения взрослых индивидов, как правило, ставились сосуды, изготовленные, двумя или большим числом гончаров. Это говорит о дуально-родовой структуре общества, когда покойному приносили дары родственники с двух сторон. На родовую принадлежность детей указывает близость посуды из их погребений и погребений мужчин или женщин, расположение детских могил рядом с мужскими или женскими, а также парные погребения: мужчина или женщина с ребенком. В результате этих наблюдений удалось выяснить линейность рода и локальность родовой общины у фатьяновцев. Оказалось, что по материалам разным могильников фиксируются как патрилинейность, так и матрилинейность родовых связей.

Для изучения социальной иерархии источником послужили нестандартные традиции погребального обряда, например, остатки от внешних погребальных конструкций или большое количество глиняных сосудов. По этому признаку 38 фатьяновских могильников оказалось возможным разделить на три группы. Первая – это могильники с погребениями только мужчин высокого статуса, вторая – могильники с погребениями и мужчин и женщин высокого статуса, третья – могильники с погребениями только женщин высокого статуса.

Выяснение относительной хронологии фатьяновских могильников. Обобщение всех имеющихся данных о линиях счета родства погребенных, половой принадлежности социально значимых индивидов, а также о видах кладбищ (смешанные, мужские, детские, родовые классические, родовые мужские и родовые женские) позволило предложить относительную хронологию фатьяновских могильников московской локальной группы, где было выделено 5 хронологических групп кладбищ (Волкова, 2016.С. 132–142).

Реконструкция пола и возраста погребенных при отсутствии костяков. Специальное исследование 80 эталонных погребений из могильников разных локальных групп фатьяновской культуры выявило устойчивые связи традиций погребального обряда с полом и возрастом погребенных (Волкова, 2010.С.81–88).

О некоторых сторонах духовной культуры. При раскопках Новинковских могильников в Тверской области зафиксированы три погребения с кострищами над ними (Волкова, 2010.С. 50–70).В двух кострищах находок было очень мало, а в третьем найдены три кремневых изделия и фрагменты от 13 разных сосудов, причем из имеющихся обломков не собиралось даже четверти одного сосуда. Следовательно, сосуды были разбиты за пределами кострищ, а в кострища брошены только отдельные их фрагменты. Возможно, здесь имеет место хорошо известный по этнографии обычай, когда «часть предмета замещает целый предмет» (Харузина, 2007. С. 396).

Выводы. Современные методы исследования древней керамики с позиций историко-культурного подхода превратили глиняную посуду в один из наиболее информативных исторических источников, а в сочетании с общеархеологическими данными сделали доступными для изучения широкий круг вопросов этнокультурной, экономической и социальной истории древнего населения.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Волкова Е.В. Керамика Воловово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.: «Старый сад», 1998. 260 с.

Волкова Е.В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН, 2010. 248 с.

Волкова Е.В. Социальная структура населения московской локальной группы фатьяновской культуры и относительная хронология могильников // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. 2016. С. 132–142.

Салугина Н.П. Металлургические шлаки в формовочной массе керамики позднего бронзового века: возможности историко-культурной интерпретации // Вестник «История керамики», Вып. 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 36–47.

Харузина В.Н. Этнография. Лекции. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 520 с.

Цетлин Ю.Б. Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: СамГУ, 1999. С. 110–140.

Полифункциональная хозяйственно-производственная зона катакомбного поселения Ксизово-1 на Верхнем Дону

© *2020 г. Е.И. Гак[1] (e.i.gak@mail.ru), М.В. Ивашов[2], Э. Кайзер[3]*

[1] Государственный исторический музей, Москва, РФ
[2] Экспертиза Черноземья, Липецк, РФ
[3] Свободный университет, Берлин, ФРГ

Аннотация. Обсуждаются материалы раскопок однослойного бытового памятника среднедонской катакомбной культуры – сезонной стоянки скотоводов эпохи средней бронзы в восточноевропейской лесостепи. На основе комплексного подхода полученные данные рассматриваются в контексте разнообразной хозяйственной и производственной деятельности за пределами жилой зоны.

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, лесостепь, среднедонская катакомбная культура, поселение, хозяйство, производство.

Ксизово-1 – однослойное поселение в компактной группе памятников среднедонской катакомбной культуры, расположенных при впадении в Дон реки Сновы на юге Липецкой области. В условиях современной лесостепной зоны оно является наилучшим по сохранности культурного слоя и вместе с тем наиболее исследованным и перспективным для палеореконструкций. Особенности хозяйствования катакомбного населения лесостепи и ландшафтно-топографическая приуроченность позволяют считать Ксизово-1 сезонной скотоводческой стоянкой, функционировавшей в холодное время года. По данным радиоуглеродного анализа памятник датируется в пределах XXIV – XXIII вв. до н. э. (Гак и др., 2017; Гак, 2019; Ивашов, Гак, 2019).

В период своего существования поселение занимало всхолмление первой надпойменной террасы, которое сейчас в значительной степени разрушено и продолжает интенсивно разрушаться меандрированием Сновы. Вследствие этого процесса оказалась уничтоженной обитаемая часть поселка, хотя еще в 1964 г. при его открытии в обнажении берега реки фиксировались следы нескольких жилых сооружений (Пряхин, 1982). Проведенные спустя 50 лет раскопки сохранившейся территории памятника выявили многочисленные стационарные объекты (очаги, костища, небольшие ямы), не имевшие признаков нахождения в постройках. Очевидные признаки самих построек (жилые котлованы, подпольные погреба, столбовые ямки) здесь тоже отсутствовали, как и маркеры содержания скота в спектре биоморф культурного слоя. Разнообразные материальные остатки, единичные и в скоплениях, распространялись вплоть до древнего оврага, ограничивавшего поселение с напольной стороны. Среди них выделяются те, которые своей локализацией и отраслевой спецификой иллюстрируют конкретные направления трудовой деятельности, характеризующие исследованный раскопками участок как полифункциональную хозяйственно-производственную зону на окраине поселка.

В западной части этой зоны вместе с приготовлением пищи у очагов можно предполагать обработку шкур животных, о чем свидетельствует концентрация среди кухонного мусора скребков и функционально близких им кремневых орудий, преимущественно поврежденных или сломанных. Не случайной в данном контексте выглядит находка шила из низколегированной мышьяковой бронзы. Многочисленные обломки абразивов и линза абразивной крошки вблизи очагов, расположенных северо-восточнее, указывают на занятия, связанные с заточкой и подправкой рабочего инвентаря. Из бытовых отходов при очагах обнаружены мелкие кальцинированные кости. На этапе покидания поселка, очевидно, в рамках ритуальных действий (Мимоход, 2001) один из очагов был заброшен обломками крупного тарного горшка, остальные части которого залегали рядом отдельными скоплениями.

Плавка металла на склоне борта древнего оврага маркирована выплесками мышьяковой бронзы, фрагментом сопла, обломками глиняных плавильных чаш с ошлаковкой края и литейных форм. Последние две категории находок имеют в целом более широкий пространственный разброс. Примечательно, что даже в этом широком ареале нет остатков теплотехнических устройств, которые можно было бы связывать с плавкой бронз. Очаги с тяготевшими к ним развалами сосудов разного хозяйственно-бытового назначения, зафиксированные значительно дальше на юго-восток, вряд ли были задействованы в металлопроизводстве. В их районе концентрировались находки (отбойники, пластины, нуклеусы, сколы и др.), связанные с обработкой разных пород местного камня – в основном, моренного кремня и кварцита. Здесь же встречены кремневые орудия рубящего действия, имевшие, по-видимому, отношение к деревообработке.

В общем, свидетельства хозяйственно-бытовой и производственной деятельности на окраине поселения Ксизово-1 не производят впечатления повседневных обязательных занятий. Степень насыщенности культурного слоя артефактами отраслевой направленности на площади их распространения не велика. Очевидно, к этим, по существу, домашним промыслам прибегали исключительно при необходимости, что согласуется с представлением об их вспомогательной роли в структуре хозяйства недолговременных пастушеских стоянок эпохи средней бронзы.

Список литературы

Гак Е.И., Ивашов М.В., Кайзер Э. Поселение катакомбной культуры Ксизово 1 на Верхнем Дону: результаты и перспективы комплексных исследований // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Т. I. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 226–230.

Гак Е.И. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н. э. в лесостепном Подонье. М., 2019. 170 с.

Ивашов М.В., Гак Е.И. Микрорегион катакомбных памятников у с. Ксизово на Верхнем Дону // КСИА, 2019. Вып. 256.

С. 108–120.

Мимоход Р.А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1. Донецк-Макеевка, 2001. С. 94–105.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: ВГУ, 1982. 157 с.

Металл археологического комплекса Шушук на Северо-Западном Кавказе

© 2020 г. Е.И. Гак[1] (e.i.gak@mail.ru), Ю.В. Попов[2], В.Р. Эрлих[3]

[1]Государственный исторический музей, Москва, РФ
[2]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, РФ
[3]Государственный музей искусства народов Востока, Москва, РФ

Аннотация. Обсуждаются результаты междисциплинарного изучения металла из памятников эпохи бронзы археологического комплекса Шушук (Адыгея). В рамках трех выделенных хронологических групп анализируются особенности морфологии, химического состава и технологии изготовления находок.

Ключевые слова: эпоха бронзы, погребения, украшения, мышьяк, литье, ковка.

Археологический комплекс Шушук (далее – АКШ) в Майкопском районе Республики Адыгея – это около 150 мегалитических погребальных сооружений (ящиковрам), сложенных из плит разобранных дольменов, и поселение. Раскопки 27 объектов и серия радиоуглеродных дат показали хронологическую неоднородность комплекса (Эрлих, Годизов, 2020, в печати). Выяснилось, что «постдольменная» традиция возникает в эпоху средней бронзы, а самые поздние объекты относятся к финалу бронзового века.

Индикаторами внутренней хронологии памятника являются металлические находки, которые относятся к трем функционально-технологическим группам: кованые орудия; украшения, сформованные ковкой; цельнолитые украшения. Микроскопическим анализом определен химический состав и выявлена структура металла 35 предметов из медных сплавов и сурьмы. В коллекции также присутствуют 6 изделий, материал которых визуально определен как золото и серебро.

По хронологии металла, имеющего аналогии в стратифицированных и хорошо датированных курганных памятниках юга Восточной Европы и Северного Кавказа, погребальные объекты АКШ распадаются на три группы.

Первую хронологическую группу (начало средней бронзы) маркируют каплевидные и клиновидная подвески (рис. 1, *1*). Это древнейшие формы мелкой декоративной пластики, отливавшейся по выплавляемым моделям (Гак, 2019). К ее образцам, по-видимому, относится и подвеска редкого типа с двумя расходящимися ниже ушка лопастями (рис. 1, *2*). Височные украшения представлены золотыми пластинчатыми кольцами с заведенными друг за друга расширяющимися концами, а также серебряными тонкопроволочными серьгами (рис. 1, *3*). Форма и размеры их характерны для относительно ранних типов (Ростунов, Хашегульгов, 1985; Гей, 2000; Гак, 2016). Состав и способы обработки металла (литье, ковка) определены для 9 предметов. Все они сделаны из медно-мышьяковых бронз. Минимальную лигатуру имеет шило (3,84 %). В металле литых украшений зафиксировано очень большое содержание мышьяка (от 17,37 до 34,36 %), причем у 6 изделий его значения экстремально высоки (от 25 %), что указывает на первичное использование сплавов.

Металл *второй хронологической группы* представлен только декоративной пластикой с транзитными признаками второй половины раннего – первой половины позднего периодов среднего бронзового века. Показательно сочетание древних типов с дериватами в рамках одного объекта (Шушук-42 п. 1). Таковы уплощенные подвески – крупная, с имитацией шнура, и ее мелкие модификации, с гладким и рифленым корпусом (рис. 1, *4, 5*). То же касается подвесок-медальонов, кольцевая разновидность которых с перекладиной и шнуровым орнаментом имеет некоторый хронологический приоритет перед дисковидной с концентрическим рифлением (рис. 1, *6, 7*). Смешение традиций и новаций наблюдается в морфологии височных колец, согнутых из уплощенных и круглых проволочек с заведением концов (ранний признак) на оправках округлого и овального (поздний признак) профиля (рис. 1, *8*). Во вторую группу также включены подвески с грибовидным завершением (модификация каплевидных), подвески рифленые со спаренными шариками на конце, бусы с волнистым поперечным валиком, прямым валиком и спирально-шнуровым орнаментом (рис. 1, *9–12*).

Химический состав металла (проанализирован 21 предмет) демонстрирует сохранение традиции использования медных сплавов с большим и очень большим (до 36,17 %) содержанием мышьяка для отливки мелких украшений. В металле грибовидной подвески и бочонковидной бусины выявлен высокий свинец (12,3 % и 17,48 %), присутствие которого в связке с мышьяком наблюдается у медных сплавов на Северном Кавказе и в Предкавказье с рубежа раннего и позднего этапов средней бронзы (Галибин, 1991; Гак, 2005). В меди полученных ковкой височных колец зафиксировано небольшое количество мышьяка (0,57–2,54 %), вполне оправданное с технологической точки зрения.

Характерной чертой металлических изделий *третьей хронологической группы* (первая половина эпохи поздней бронзы) является содержание олова в меди. В АКШ 0,59 и 5,63 % олова, вместе со следами мышьяка, выявлено в составе металла двух пластинчатых височных колец, овальных, в полтора оборота (рис. 1, *13*). Прямые аналогии им, как по морфологии, так и по химическому составу, находятся в дольменном могильнике Шушук, обоснованно датированном 19–18 вв. до н. э. (Резепкин, 2018). Не противоречит этому и фрагмент сурьмяной пронизки, обнаруженный в одном из объектов АКШ с оловянной бронзой.

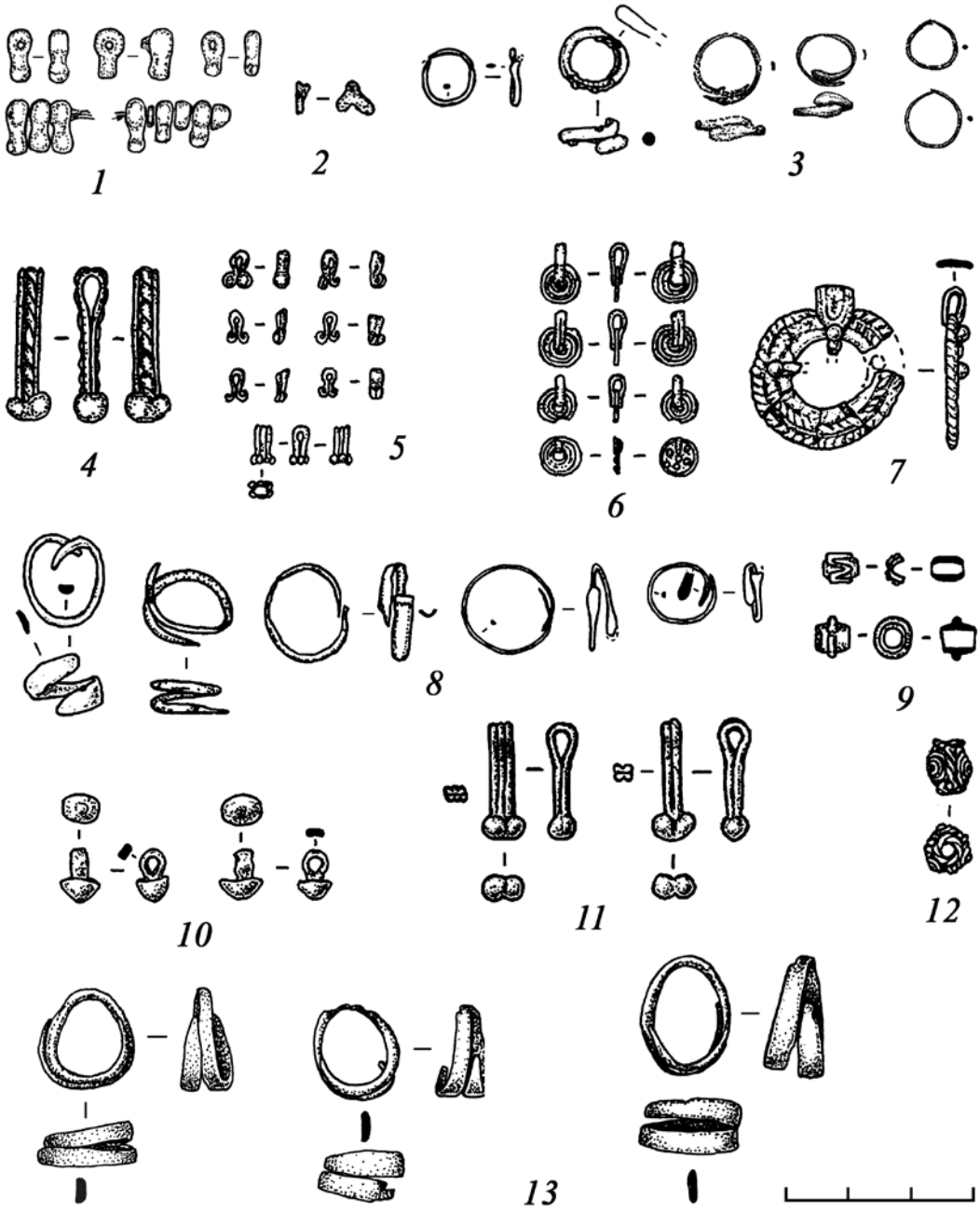


Рис. 1. Металлические предметы археологического комплекса Шушук.

Использование сурьмы в докобанское время на Кавказе ограничивается серединой II тыс. до н. э. (Гак и др., 2012).

Металлические изделия поселения Шушук (наконечник стрелы, шило, фрагмент топора) происходят из одной мусорной ямы, радиоуглеродные даты которой указывают на XII в. до н. э. (Эрлих, Годизов, 2020, в печати). Металл изделий представлен однотипной бронзой, в которой из существенных компонентов выявлен только низкий мышьяк (0,7–1,5 %). В морфологическом плане материалы поселения не демонстрируют связи с какой-либо группой погребений АКШ.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19–09–00100а.

Список литературы

Гак Е.И. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: дис. … канд. ист. наук (рукопись). М.: МГУ, 2005. 389 с.

Гак Е.И. Переходный период в металлопроизводстве Предкавказья и юго-востока Русской равнины на рубеже ранней и средней бронзы // Исторический журнал: научные исследования. № 6 (36). 2016. С. 760–769.

Гак Е.И. Две фазы развития в металлопроизводстве раннего этапа средней бронзы Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 146–148.

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // Археологические

вести. Вып. 18 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. С. 174–203.

Галибин В.А. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 59–69.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: «Старый сад», 2000. 224 с.

Резепкин А.Д. Спектральный анализ бронзовых украшений и вопросы хронологии дольменного могильника Шушук // Материалы международной научной конференции, посвященной 75-и летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова. Сухум: Дом печати, 2018. С. 76–82.

Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. К хронологии височных подвесок в 1,5–2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985. С. 41–55.

Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 2020 (в печати).

Новые данные о металлургии и металлопроизводстве ямной культуры (по итогам трасологического анализа каменных орудий Турганикского поселения в Оренбургской области)

© ***2020 г. И.В. Горащук***[1] *(goraschuk@mail.ru),* ***Н.Л. Моргунова***[2]

[1] *ВолгоНИИгипрозем, Самара, РФ*

[2] *Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, РФ*

Аннотация. Представлены результаты трасологического анализа макроизделий из камня и костяных изделий Турганикского поселения, где выделен комплекс ямной культуры, датированный репинским временем. Сделан вывод о преобладании орудий, связанных с металлопроизводством жителей поселка.

Ключевые слова: ямная культура, репинский этап, металлопроизводство, каменные и костяные орудия, трасологический анализ, Туганикское поселение, Оренбургская область.

Турганикское поселение расположено в Красногвардейском районе Оренбургской области, на ровной надпойменной площадке в месте впадения реки Турганик в старое русло реки Ток, правого притока реки Самара. Важно отметить в свете представляемых результатов исследования, что в 70 км к востоку от памятника находятся Каргалинские медные рудники. Работы на поселении были начаты в 1981–1982 годах. В 2014–2015 годах исследования поселения были продолжены. Эти работы должны были прояснить вопрос о хронологической позиции материалов бронзового века, которые предварительно в результате радиоуглеродного датирования керамики стало возможным связывать с репинским этапом ямной культуры, что в ходе проведенных работ и было доказано.

В общей сложности (включая раскоп 1982 года) исследовано около 900 квадратных метров площади поселения. На всей площади раскопа стратиграфия едина. Выделено 6 слоев палеопочвенных отложений, из которых 4 верхних слоя представляли собой слои балласта без артефактов. Слои 5 и 6 являлись культурными. Слой 6 характеризовался отнесен к энеолиту, слой 5– к раннему бронзовому веку. Итоги исследований поселения за все годы подробно рассмотрены в коллективной монографии (Моргунова и др., 2017).

В слое бронзового века были обнаружены свидетельства о занятиях жителей поселка металлопроизводством. Найдены кусочки медной руды, шлаков и обломки литейных форм. Кроме того, с комплексом РБВ были связаны находки медных предметов – подвеска из проволоки в 2 оборота, обломок типичного ямного ножа и 2 шила. Особенно многочисленными артефактами в слое были различные формы макроизделий из различных пород камня и крупных речных галек. Было сделано предположение, что часть этих предметов могла быть связана с получением металла и изготовлением орудий из него (Моргунова и др., 2017. С. 199–203, 207). Однако специальное изучение данных предметов по разным причинам было отложено.

Трасологическое изучение каменных (71 ед.) и костяных орудий (25 ед.) Турганикского поселения было проведено в 2019 г. И.В. Горащуком с помощью панкриатического микроскопа стерео МС 2 Zoom – TD 2, имеющего увеличение до 200 раз. В комплект оборудования входила микрокамера с окуляром UCMOC 5 mp для фиксации микроследов.

Методическая база исследования основывается на разработках санкт-петербургской школы трасологии, по шестиблочной схеме фиксации следов на орудиях (Коробкова, Щелинский, 1996). Своеобразие изученных материалов заключается в сильном засолении поверхностей артефактов, часть из которых покрывала сплошная соляная корка. С одной стороны, это резко снизило возможности трасологического метода, особенно на костяных орудиях и на орудиях из мягкого камня, так как отсоливание материалов в кислоте приводит не только к удалению корки, но и к удалению поверхностного слоя орудия со следами износа. С другой стороны, благодаря химически активной среде, в ряде случаев на кузнечных инструментах по обработке цветных металлов зафиксирована тончайшая пленка окислов меди зеленого или синеватого цвета.

Результаты исследования показали, что 37 (около 53 %) каменных и 3 (12 %) костяных артефактов использовались в металлургии или металлообработке. Замечены следы обработки костяных орудий металлическими ножами.

С выплавкой металла из руды связано 6 орудий двух типов. Молоты для дробления руды наиболее многочисленны (5 ед.) и представлены целыми экземплярами и одним фрагментом. От кузнечных инструментов аналогичного типа их отличает больший вес. Из 4 целых орудий

одно весит 1350 г, второе – 760 г. Это два самых тяжелых молота на поселении.

Единична рудотерка. Она представлена фрагментом ожелезненного минерала, в котором выдолблено чашевидное углубление шириной около 8 мм при помощи медного или бронзового орудия с желобчатым лезвием. Внутри этого чашевидного углубления обнаружены и зафиксированы на микрофотографиях следы черно-зеленоватого пастообразного вещества. По мнению С.В. Богданова, привлеченного в качестве консультанта по металлургии, это рафинированный рудный концентрат – конечный продукт процедур обогащения руды, является непосредственным сырьем для производства металла. Любопытно, что аналогичные вещества обнаружены и на молотах для дробления руды. Иные включения – крошки малахита или азурита на их поверхности не выявлены. Из чего следует вывод, что первичное обогащение руд производилось где-то на стороне.

Процесс производства металлических изделий представлен разнообразными предметами и орудиями.

Обнаружено 3 литейные формы, все фрагментированы, изготовлены из алевролита и имеют одинаковые корытоообразные профили. От одной сохранился лишь фрагмент с литниковым углублением. Две формы – для отливки стержневидных заготовок разного диаметра. Интересно, что на формах отсутствуют следы выпаров. Кроме того, расплавленный металл затекал в поры и трещины формы, причем многократно, что говорит о том, что полость формы не подвергалась ремонту. При подобном литье в форме образуются пузыри воздуха, при контакте окисляющие металл, а поверхность отливки имеет бугристый вид.

Из этих наблюдений следует, что отливалось не изделие, а заготовка для ковки. Исходя из этого, в свою очередь, можно предположить, что при изготовлении медных вещей кузнечные и слесарные операции превалировали над литьем.

Этот вывод подтверждает остальной набор инструментов для металлообработки. В первую очередь, кузнечные молотки – их 17. Все они изготовлены из плотной кварцитовой гальки. Но дело даже не в количественной доминанте этой категории металлообрабатывающего инвентаря, а скорее в разнообразии молотов. Присутствуют экземпляры явно специализированные, предназначенные для тонких операций, весом от 70 до 110 грамм, тяжелые орудия для вытягивания заготовки до 540 грамм. Выявлены ручные инструменты и молоты, закрепленные на Т-образной рукояти. В морфологическом плане присутствуют орудия с широким и узким бойком.

Эта категория инвентаря находит прямые аналогии среди изделий, обнаруженных на Михайловском поселении в Поднепровье (Коробкова, Шапошникова, 2005. С. 195–208). Интересно, что, как и на Михайловском поселении, в турганикской коллекции представлены наковальни двух типов. Первый – округлые в плане каменные плиты с широкой рабочей поверхностью, толщиной около 2–3см. Второй тип – каменные параллелепипеды или бруски с массивным сечением.

К кузнечно-слесарным инструментам можно отнести две гладилки, предназначенные для первичного выглаживания поверхности изделия.

Дальнейшие операции по выглаживанию и полировке изделий производились с помощью оселков. Их обнаружено 5. В предварительном плане можно выделить два типа этих инструментов. Первые – широкие плитки, вторые – узкие брусочки.

Интересно наличие весьма специфичных предметов, закрепляемых в дереве, предназначенных для выведения граней и углов металлического изделия.

Итак, по нашей реконструкции процесс изготовления орудий выглядит следующим образом. На первом этапе отливалась заготовка относительно простой формы в виде стержня, пластины, бруска. Далее, с помощью обжатия ее ковкой производилось изделие, которое доводилось до завершения с помощью слесарных операций.

Интересно, что представленная схема металлообработки, полученная при изучении каменного инвентаря Турганикского поселения, в принципиальных моментах близка схеме, разработанной А.Д. Дегтяревой по данным металлографического анализа металлических изделий ямной культуры Приуралья (Дегтярева, 2010. С. 24–59).

Согласно этой схеме первоначально отлитые заготовки практически обязательно подвергались кузнечной обработке. Интересно, что также как и по данным трасологического анализа, автор обнаружила повышенное содержание кислорода в металле изделий и связала этот факт с несовершенством технологии литья.

Полученные нами результаты дополняют и расширяют наше представление о древнейшем этапе металлургии в Приуралье. Во-первых, проведенные трасологические исследования подтверждают прежние предположения, основанные исключительно на находках медных предметов в погребениях, о становлении Каргалинского ГМЦ на репинском этапе ямной культуры, а также в некоторой степени реконструировать саму организацию металлопроизводства в Приуралье. Во-вторых, судя по единым типолого-морфологическим особенностям каменных орудий Турганикского и Михайловского поселений, традиции металлопроизводства у племен ямной культуры были если не идентичными, то сходными на гигантских пространствах степей Восточной Европы.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18–09–40031 Древности.

Список литературы

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 126 с.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро–макроанализа древних орудий труда. СПБ.: ИИМК, 1996. 80 с.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). Спб.: Европейский Дом, 2005. 316 с.

Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Росляко-ва Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: ОГПУ, 2017. 299 с.

Остеологическая коллекция со стоянки металлургов бронзового века Мамыково 1: археозоологические и трасологические наблюдения

© 2020 г. И.В. Горащук[1], А.А. Чубур[2] (fennecfox66@gmail.com)

[1] ВолгоНИИгипрозем, Самара, РФ
[2] Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, РФ

Аннотация. Исследовано 5329 костных остатков животных, из культурного слоя поселка металлургов эпохи бронзы Мамыково 1. Сделано видовое и, где возможно, возрастно-половое определение. Преобладают крупный рогатый скот и овца, много лошади, присутствуют свинья, тур, косуля, собака, хорь, сурок, дикие водоплавающие птицы. Выделены костяные орудия труда и их элементы, бытовые предметы (волососгонки, рудотерки, сопла, катушки, струги, скребки, рукояти), функциональное назначение которых подтверждают данные трасологии.

Ключевые слова: Мамыково 1, срубная культура, остеология, трасология.

Летом 2017 г. отряд АО «ВолгоНИИгипрозем» под руководством А.В. Вискалина провел раскопки селища древних металлургов срубной культуры Мамыково I в правобережной пойме р. Кондурча (Кошкинский район Самарской обл.). Было исследовано 1520 кв. м. Авторами изучена остеологическая коллекция с памятника.

Учтено 5329 костных остатков животных. Кости отличаются сильной раздробленностью: нет практически ни одной целой, за исключением астрагалов (некоторые тоже разбиты) и части фаланг. Этим обусловлена высокая доля неопределимых: это костная щепа, либо, большей частью, фрагменты тел ребер и диафизов длинных костей конечностей, не дающие возможности идентифицировать вид. Таких неопределимых костей 1344 экз. (25,2 %). При сильной раздробленности выветренность невелика: поверхность компакты не шелушится, обычно не растрескавшаяся, гладкая. Иногда выдны следы корней растений. Это характерно для материала, который недолго инсталлировался был быстро захоронен в аллювии, что может указывать на сезонность поселения и периодическое затопление площадки полыми водами. Раздробленность носит антропогенный характер. Это не только кухонные остатки, но и кости, использованные в производственном процессе. Много костей несет следы термического воздействия, порой они зонально обуглены. Характер обжига и обугленности не позволяет связать их в большинстве случаев с приготовлением пищи. При жарке мяса на огне обгорать должны были бы концы ребер или длинных костей, но не диафизы. Кости неравномерно распределены по вертикали: наиболее насыщены материалом пласты 3–5. Именно они связаны с горизонтом обитания поселения.

Костей, принадлежность которых удалось определить до рода и вида 3985 экз., почти три четверти найденных.

Крупный рогатый скот – КРС (Bos taurus L.) – основная часть определимых костей – 2626 (65,8 %). Представлены все части скелета. Многочисленны череп, нижняя челюсть, зубы – 887 фрагментов. Нет ни одной целой альвеоляры челюсти, а черепа раздроблены на мелкие куски, что не позволяет дать даже минимальную краниологическую характеристику. Сохранились лишь несколько роговых стержней, имеющих в основании овальное сечение. Малое их число свидетельствует, что порода коров была комолой, что типично для поздней бронзы Восточной Европы. Осевой скелет представлен 908 костями и обломками (включая 9 атлантов и 10 эпистрофеев), скелет поясов конечностей – 829 костей и фрагментов. Следует учесть, что так называемые неопределимые кости представляют собой преимущественно мелкие фрагменты диафизов длинных костей, и значительная их часть, несомненно, принадлежала крупному рогатому скоту.

Подсчет минимального числа особей (17) произведен по таранным костям. Аналогичный показатель дал подсчет по крупным фрагментам правой альвеоляры нижней челюсти (левой – 16). Высокая раздробленность материала позволила снять серийные морфометрические показатели только с компактных плотных костей: атлантов и таранных костей. Представлены животные всех возрастов, преобладают останки взрослых. Судя по срастанию эпифизов и диафизов длинных костей конечностей и развитию зубной системы, большиство особей в момент забоя были довольно молоды – 2–3 года (бугры пяточных костей не приросшие), лишь некоторые были старше, а отдельные кости и сильно стертые зубы принадлежат особям преклонного возраста (12–14 лет). Таранные кости делятся на три размерные группы: меньшие принадлежат коровам, большие бычкам. Выпадают из общей массы 3 крупных астрагала, принадлежавших волам. Именно они, использовавшиеся как тягловая сила, а не источник мяса и кожи, были и обладателями сильно стертых зубов.

Несмотря на преобладание костей зрелых животных, присутствуют останки минимум 5 телят возрастом менее года, что можно рассматривать как явление аномальное. Обычно животные этого возраста в скотоводческих культурах забою не подлежат, поскольку еще активно набирают мясной вес (оптимальный возраст забоя 25–30 месяцев). Останки телят концентрируются на двух небольших участках. Часть шейных позвонков, черепов с совершенно несросшимися швами сохраняла анатомическую связь, то есть части тела, отборные с точки зрения кулинарии, в пищу употреблены не были. Остальные части туш были расчленены, длинные кости конечностей в основном разбиты. Что это: жертвоприношение? Возможны иные объяснения: например, копчение запасов, по неким обстоятельствам не использованных.

Большое число забитых телят может быть связано с производственными потребностями – например, с нуждой в мягкой коже для ремней, которыми стягивали части литейных форм и для мехов. О тщательной выделке кож свидетельствуют многочисленные волососгонки (молоточки-гладилки, их свыше 20) из астрагалов и, много реже, блоков плечевых костей (в одном случае использована фаланга 1), костяные скребки (33), проколки (8) и иной инструмент. Наиболее популярным сырьем для изделий после астрагалов была компакта диафизов лучевой кости и нижние части расколотых плечевых. Из них получались скребки (скругленная кромка с характерным блеском обволаки-

вающей и проникающей мясной заполировки). Реже применение находили кости задних конечностей и автоподия (плюсневые и пястные). Из последних и из 2 фрагментов нижних челюстей тоже сделаны скребки с характерной залощенностью удержания от рук и следами работы по коже. Два струга для снимания мездры тоже сделаны из фрагментов нижних челюстей. Серия рудотерок (на одной присутствуют и следы руды) изготовлена из коровьих ребер. Из тазовых костей сделаны 2 совка. Интересно пряслице из просверленной головки бедренной кости.

Мелкий рогатый скот (Ovis aries L.) – 727 костей (18,24 % определимых) отнесены к виду овца домашняя, среди них 212 краниальный отдел, 183 осевой отдел и 332 – пояса конечностей. Минимальное число особей по правым альвеолярам нижних челюстей – 16. Возрастной спектр широк: присутствуют как молодые (непрорезавшиеся последние два моляра – возраст до 9 месяцев, они же в стадиях прорезывания – возраст 9–18 месяцев), так и взрослые особи (полный комплект постоянных зубов разной степени истертости). Большая часть овец использовалась для получения мяса и кожи, а меньшая служила какое-то время источником шерсти. Полная длина нижнего зубного ряда P/2-M/3 (60,2–69,0 мм) говорит о мелких размерах. Размеры таранных костей демонстрируют выраженный половой диморфизм.

Для изготовления вещей и орудий кости овцы использовали чуть реже коровьих. Назовем незавершенный амулет-привеску из астрагала; катушки из фрагментов диафизов больших берцовых костей для наматывания волокна; скребки из таких же диафизов, диафиз плечевой с характерными следами жара и огня (сопло горна); сросшиеся локтевую и лучевую и другие фрагменты диафизов со следами отжига на одном конце и прилощенностью от рук на другом, применявшиеся как ухваты для горячих предметов; лощило из ребра с сильной заполировкой концов. Из тазовой кости сделан старательский совочек для переборки руды.

Лошадь домашняя (Eguus caballus L.) – 481 кость (12,1 % определимых): 81 – краниальный скелет, 189 – осевой скелет, 211 – пояса конечностей. По атлантам они принадлежат минимум 6 разновозрастным особям. Возрастной состав, судя по стертости резцов, не отличается избирательностью: отмечены резцы 3-летнего жеребенка, 5-летней и 8-летней особи. Сильно раздробленные кости – кухонные остатки, 18 экз. – заготовки и изделия (проколки из шиловидных костей, волососгонка из фаланги II и др.).

Свинья домашняя (Sus scrofa domestica). Роль свиньи в хозяйстве бронзового века была невелика. Удалось выявить 85 костных фрагментов и 2 зуба (клык и сильно стертый последний нижний коренной), принадлежащих свинье (2,1 % определимых костей). Краниальный скелет представлен 15, осевой 21, пояса конечностей 51 фрагментом (больше осколков бедренных и плечевых костей). Они принадлежат молодым животным и непригодны для промеров. Учитывая зуб старой особи можно говорить о минимум двух особях.

Тур (Bos primigenius L.) – 50 костей (1,3 % определимых). К краниальной части скелета относятся 17, к осевому скелету – 10, к скелету конечностей – 23 кости. Все останки принадлежат минимум одной не очень крупной особи, являясь почти единственным свидетельством охоты. Массивная нижняя челюсть использована при изготовлении струга для снятия мездры со шкуры, которая лежит на деревянной колоде и разбильника для мягчения толстых участков шкуры (вновь цикл обработки кожи).

Косуля (Capreolus capreolus L.) Еще одно, не столь выразительное как тур, свидетельство охоты – 3 кости (большая берцовая, лучевая и нижняя челюсть) от 1 особи.

Хорь (Putorius sp.). Фоновый вид, останки могут быть не связаны с деятельностью человека. Бедренная и большая берцовая кости в анатомической связи (останки добычи или кости естественно погибшего животного).

Заяц (Lepus sp.) – 1 ребро.

Сурок (Marmota bobac L.) – плечевая кость. Этот фоновый вид может быть не связан с деятельностью человека, а погиб в норе, или в зубах хищника.

Собака (Canis familiaris L.) – ей или небольшому волку принадлежит ребро. О наличии собак свидетельствуют следы их зубов на некоторых костях.

Птицы (Aves) Водоплавающим птицам (какому-то виду гусей (1 кость) и уток (5 костей) принадлежат в общей сложности 6 костных фрагментов.

Памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива (Ленинградская область)

© 2020 г. А.Ю. Городилов (gorodilov@archeo.ru), М.А. Раззак (Юшкова)

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. До недавнего времени в регионе Финского залива памятники эпохи бронзы были практически не известны. В 2017–2019 гг. были раскопаны 4 каменных кургана у д. Большой Бор, выявлен каменный курган Суисаари на о. Мощный, произведены разведочные раскопки на поселениях Лавансаари на о. Мощный и Косколово 11 на южном берегу Финского залива. Древности северного берега и островов Финского залива имеют прямые аналогии с памятниками прибрежной Финляндии эпохи бронзы.

Ключевые слова: Финский залив, эпоха бронзы, курган, поселение, керамика.

В регионе Финского залива, как и на большей части Северо-Запада России, древности эпохи бронзы практически не изучены, в 2017–2019 гг. были найдены и раскапывались новые памятники этого периода (Рис.). Они расположены на северном и южном берегах, а также на Внешних островах Финского залива (в пределах Ленинградской области).

Данные о памятниках эпохи бронзы в регионе Финского залива, собранные в довоенный период

Западная часть Карельского перешейка и Внешние острова Финского залива до Второй мировой войны входили в состав Финляндии, и в этот период было накоплено значительное количество сведений об археологических памятниках региона, в том числе и эпохи бронзы. Эти дан-

ные обобщены в работах Т. Миеттинена, П. Уйно, А.И. Сакса, М. Лавенто (Miettinen, 1996; Uino, 1997. P. 104–108; Lavento, 2001. P. 244–256; Сакса, 2014).

Прибрежная часть южной и юго-западной Финляндии в эпоху бронзы являлась частью ареала распространения североевропейской культуры эпохи бронзы, основное ядро которой расположено в Южной Скандинавии. В прибрежных районах Финляндии сооружались каменные курганы, они датируются в пределах 1500–500 гг. до н. э. Курганы сложены из камней, наиболее типичны насыпи диаметром около 10 м и высотой около 1 м (Meinander, 1954).

Восточной границей распространения этой культурной традиции считается Выборгский залив. Эти данные основаны на упоминании А.М. Тальгреном 5 каменных курганов в округе д. Большой Бор. Курганы бронзового века находились, судя по довоенным сведениям, и на Внешних островах Финского залива, хотя их атрибуция не была подтверждена археологами. М. Миеттинен собрал сведения о курганах бронзового века на островах Гогланд, Малый Тютерс и Мощный (Miettinen, 1996). На северном берегу Финского залива, под Выборгом, была найдена очковидная фибула североевропейского типа, характерная для IV и V периодов скандинавского бронзового века.

Поселенческие древности эпохи бронзы в изучаемом регионе практически не известны. М. Лавенто выделяет небольшой комплекс сетчатой керамики в материалах многослойного поселения Häyrynmäki на окраине Выборга (Lavento, 2001. P. 255–256), хотя в целом приуроченность к морскому побережью для поселений этой культуры не характерна. Следы другого поселения обнаружены при раскопках начала XX в. на о. Тютерс, где найдена керамика со штрихованной поверхностью типа Паймио, который в целом датируется в пределах 1500–700 гг. до н. э. и характерен для прибрежной части Финляндии (Carpelan, Uino, 2003. P. 83).

Археологические исследования 2017–2019 гг.

Курганы у *д. Большой Бор* расположены на северном берегу Финского залива, в 2 км к юго-западу от пос. Большой Бор, на скальном выходе, окруженном лесом; высота над уровнем моря 9,5–10,0 м БС. Каждый курган приурочен к отдельному скальному возвышению высотой 0,2–0,7 м. Группа открыта А.М. Жульниковым в 2016 г., состоит из четырех насыпей. В 2017 г. здесь проведены археологические раскопки. *Курган 1* представлял собой аморфную каменную насыпь размерами 16×17 м, высотой 1,3 м; к югу расчищена пристройка размерами 7×4 м. Основанием кургана служила круглая в плане крепида диаметром 10,5 м, сложенная из крупных гранитных валунов, лежащих непосредственно на слое погребенной почвы. При разборке слоя погребенной почвы были зафиксированы три скопления кальцинированных костей, отдельные кости, скопления углей. *Курган 2* не раскапывался, была исследована каменная пристройка размерами 7×3 м к западу от него. В ее основании зафиксировано две расположенных вплотную друг другу каменные кольцеобразные выкладки диаметром 2 м, внутри одной из них найдено скопление кальцинированных

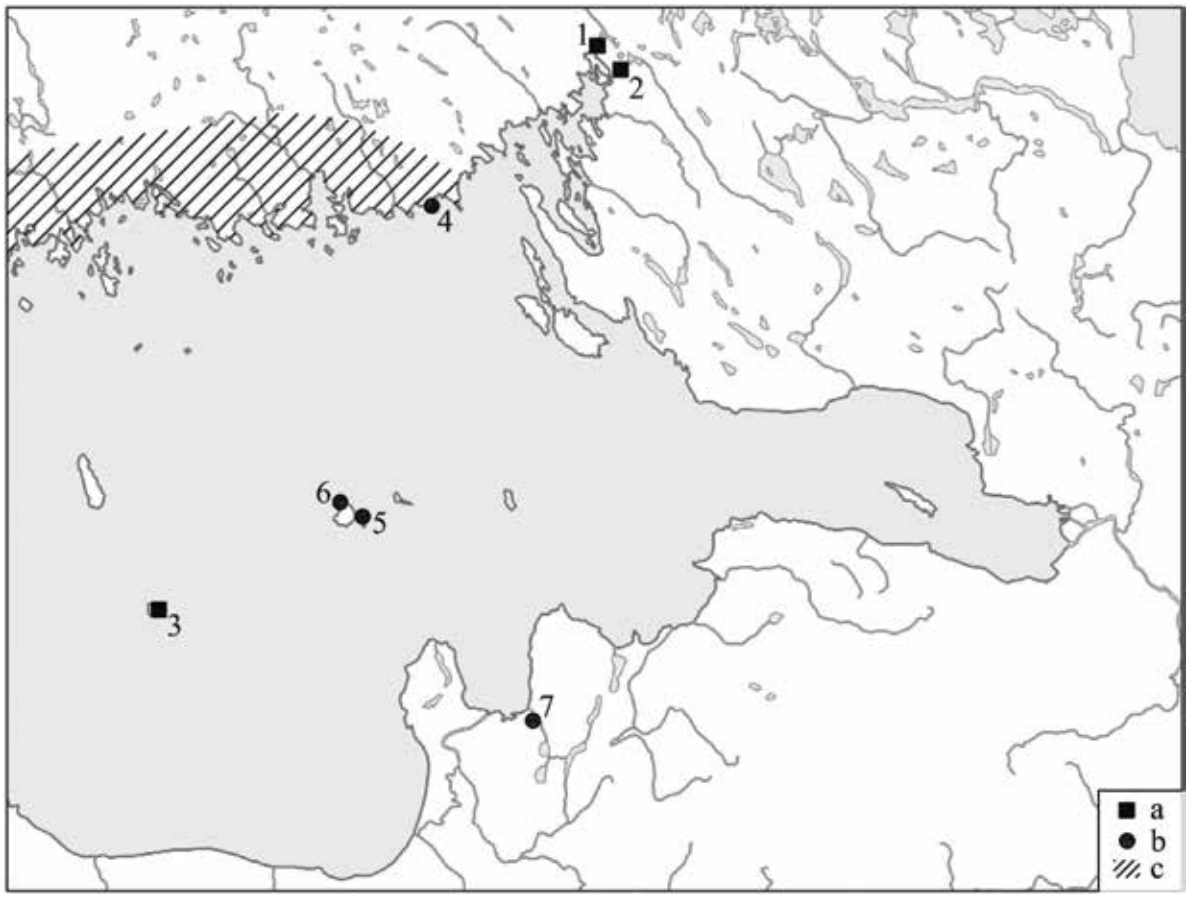


Рис. Памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива: a – археологические объекты, зафиксированные в довоенный период; b – объекты археологического наследия, исследованные в 2017–2019 гг.; c – ареал распространения памятников эпохи бронзы североевропейского типа; 1 – единичная находка, Выборг; 2 – поселение Häyrynmäki, Выборг; 3 – поселение, о. Тютерс; 4 – группа каменных насыпей, Большой Бор 1; 5 – курган Суосаари, о. Мощный; 6 – поселение Лавансаари, о. Мощный; 7 – поселение Косколово 11.

костей. *Курган 3* представлял собой подокруглую выкладку размерами 11×9 м и высотой около 0,5 м. Нижний ярус кургана сложен из камней, образовывавших подобие крепиды, однако четкой структуры не выявлено; в центральной части кургана располагался вертикально стоящий камень высотой 0,5 м. Под камнями в слое погребенной почвы расчищено скопление кальцинированных костей и углей. *Курган 4* представлял собой подокруглую выкладку размерами 12×9 м и высотой около 0,5 м. Под камнями зафиксировано скопление кальцинированных костей, в котором обнаружен бронзовый нож, схожий с изделиями, найденными в курганах бронзового века южной Финляндии.

В 2019 г. экспедиция ИИМК РАН проводила разведочные работы на острове Мощный. На полуострове Суисаари был выявлен каменный курган. *Курган Суисаари* расположен на южном мысу гряды, вытянутой в центральной части полуострова, на расстоянии 0,3 км от берега. Курган сложен из окатанных валунов, камни задернованы, диаметр сооружения 12–13 м, высота до 1,4 м. Предполагаемая высота над уровнем моря – около 8 м. Топография, размер и форма кургана позволяют отнести его к курганам бронзового века, характерным для северного побережья Финского залива и прибрежной Финляндии.

В процессе поиска поселенческих древностей на о. Мощный были произведены разведочные раскопки, в результате которых выявлено *поселение Лавансаари*. Поселение расположено в северной части острова, в центре бывшей финской деревни, на небольшой возвышенности. В разведочном шурфе площадью 16 кв. м выявлены разновременные напластования. В верхнем слое серо-коричневой супеси (мощностью до 0,45 м) обнаружены находки времени бытования финской деревни конца XIX–XX вв. Ниже был выявлен слой серой супеси мощностью до 0,15 см без находок. Ниже расчищен очаг и зафиксированы пятна слоя серо-желтого песка с вкраплениями углей, мощностью 5–8 см, в котором встречены фрагменты лепной керамики с расчесами; высота этого слоя над уровнем моря около 5,5 м.

Обнаруженная керамика однотипна, возможно, фрагменты принадлежат одному сосуду. Сохранились фрагменты стенок и придонных частей (42 экз.), стенки имеют прямой профиль, горшок имел плоское дно. Основной особенностью черепков являются штрихи на внешней поверхности, толщина стенок 0,7–1,0 см, примесь – минеральная, с крупной дресвой. Данная керамика близка типу Паймио, распространенному в прибрежной Финляндии в эпоху бронзы. В процессе раскопок из слоя со штрихованной керамикой и углистых прослоек в очаге были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования. В результате датирования было получено 7 дат, указывающих на два разных хронологических горизонта. Три даты 2808±40 BP (SPb-3062), 2765±40 BP (SPb-3087), 2745±50 BP (SPb-3088) близки друг другу и указывают на калиброванный возраст около X – середина IX в. до н. э. Эта группа дат хорошо согласуется с предполагаемым хронологическим определением керамики эпохи бронзы и уточняет его.

В 2019 г. при проведении археологической разведки *на южном берегу Финского залива* в районе Лужской губы была выявлена *стоянка Косколово 11*, культурный слой которой содержит фрагменты сетчатой керамики с минеральной примесью. Стоянка приурочена к берегу палеозалива, по обмелевшему каньону которого в настоящее время протекает р. Хаболовка, культурный слой расположен на уровне 8 м БС.

Восток Финского залива – прибрежная часть и острова – обладают большим потенциалом для исследования эпохи бронзы. В 2017–2019 гг. здесь найдены и частично раскопаны новые погребальные памятники и поселения этого периода. Находки последних лет – могильник с каменными курганами Большой Бор на северном берегу Финского залива, каменный курган Суисаари на о. Мощный – тяготеют к погребальной традиции, характерной для прибрежной Финляндии. С этой же традицией связаны находки штрихованной керамики на поселении Лавансаари на о. Мощный. Другая культурная традиция представлена сетчатой керамикой поселения Косколово 11 на южном берегу Финского залива. Она относится к культуре сетчатой керамики, памятники которой расположены во внутренних районах Финляндии, в Ленинградской области, Карелии и более восточных областях.

Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184 2019 0007 и № 0184 2019 0011.

Список литературы

Сакса А.И. Острова восточной части Финского залива в контексте археологических памятников Эстонии, Финляндии и Карельского перешейка // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2014. № 4. С. 153–158.

Carpelan C., Uino P. Between Estonia and Finland – a Reassessment of old Finds from Tytärsaari Island // Arheoloogiga Läänemeremaades. Tallinn-Tarttu, 2003. P. 75–93.

Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Istmus: Nine Variations and Fugue on a Theme of C.F. Meinander. Helsinki, 2001. 410 p.

Meinander C.F. Die Bronzezeit in Finnland. Helsinki, 1954. 242 s.

Miettinen T. Suomenlahden ulkosaarten esihistoria // Suomenlahden ulkosaaret – Lavansari, Seiskari, Suursaari, Tytärsaari. Helsinki, 1996. S. 52–67.

Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki, 1997. 426 p.

Скелетная конституция населения Волго-Уралья в эпоху бронзы

© 2020 г. А.П. Григорьев (grap9@bk.ru)

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ

Аннотация. Доклад посвящен результатам анализа остеометрической серии скелетов из подкурганных погребений Волго-Уральского региона. Были выявлены эпохальные различия скелетной конституции населения бронзового века. По мнению автора, они обусловлены генетическими процессами и влиянием экологических факторов, затрагивавшими также и популяции других территорий Восточной Европы в III–II тыс. до н. э.

Ключевые слова: физическая антропология, остеометрия, бронзовый век.

В ходе работы с остеометрическими коллекциями бронзового века степного и лесостепного Волго-Уралья были изучены мужские серии эпохи ранней бронзы – ямной культуры (38 скелетов), средней бронзы –полтавкинской и катакомбной культур[1] (26 скелетов), переходного времени от среднебронзовой стадии к поздней – абашевско-синташтинского хронологического горизонта (13 скелетов). Эту хронологическую цепочку замыкают скелеты срубной культуры позднего бронзового века (75 скелетов). К сравнению привлечены имеющиеся материалы предшествующих эпох нео-энеолита Поволжья и Поднепровья (Дебец, 1966; Хохлов, 2010).

Остеометрические данные были сопоставлены по среднеарифметическим показателям признаков, кроме этого использованы метод главных компонент и канонический дискриминантный анализ. Для характеристики внутригрупповой изменчивости использовалось среднеквадратическое отклонение признаков.

Племенам ямной культуры на территории Волго-Уралья предшествует энеолитический пласт населения хвалынской культуры. Группы хвалынского и ямного населения различны в остеологической конституции. Энеолитические скелеты имеют более короткие сегменты конечностей, что отражается и в меньшей массивности остеологического комплекса. Эта группа также характеризуется относительно удлиненными дистальными сегментами рук и ног. Соотношение остеологических длин руки и ноги тождественно показателям ранней бронзы. Ключевое различие заключается в гипермассивности населения ямной культуры при более гармоничном соотношении длин предплечья и плеча, голени и бедра. Обращая внимание на значения среднеквадратических отклонений, отметим более выраженную однородность энеолитической группы.

По совокупности остеологических параметров ямной группе близко население неолита днепро-донецкого региона. Оно гипермассивно, но пропорции соотношения сегментов конечностей более сходны группе энеолита Поволжья. Морфологическое сходство фиксировалось и в краниологических работах (Хохлов, 1999, 2017).

По имеющимся данным, синхронное ямным группам Волго-Уралья население ранней бронзы Азово-Каспийского региона имело подобную остеологическую конституцию (Казарницкий, 2011, 2012). Тем самым, на протяжении втор. пол. IV – пер. пол. III тыс. до н. э., в Доно-Волго-Уральском регионе доминировал тип остеологической конституции, характеризующийся высокорослостью и массивностью.

Население средней бронзы Волго-Уралья уступает по продольным остеологическим параметрам группам раннего бронзового века. Еще меньшие размеры скелета выявлены в группе синташтинско-абашевского хронологического горизонта. При этом наибольшие значения квадратических отклонений по абсолютным и относительным признакам демонстрирует именно эта серия, в то время, как серии ямной, полтавкинской и катакомбной культур выглядят более однородными.

В эпоху поздней бронзы наблюдается морфологическое разнообразие, как у непосредственно предшествовавшего населения, но выраженное уже не так сильно. Остеологическая конституция по сравнению со средним этапом бронзы не подвергается значительным изменениям, но массивность населения несколько увеличивается.

В переходный период средней-поздней бронзы в среде степного-лесостепного населения Урало-Поволжья можно наблюдать повышенную морфологическую изменчивость остеологических признаков. Подобное явление наблюдалось и в краниологических исследованиях (Хохлов, Китов, 2014, 2019). Данное обстоятельство может быть связанно с активными этногенетическими процессами.

Удлинение дистального отдела нижней конечности, и ее удлиненность относительно верхнего отдела фиксируется в неолитических группах Поднепровья, энеолитической группе хвалынской культуры и у ямников Урало-Поволжья. Подобный вариант остеологической конституции видится архаичным. В пределах минимальных значений по мировому масштабу (Пежемский, 2011. С. 316) варьируют показатели (65,6–70,1) интермембрального индекса палеоантропов Европы и Палестины (Хрисанфова, 1978. С. 71). Обозначенный «архаичный» комплекс черт является, возможно, генетическим наследием сапиенсов раннего голоцена. Эти признаки становятся не столь заметными в остеологической конституции групп второй пол. III – II тыс. до н. э. Но по мировому масштабу население средней и поздней бронзы Волго-Уралья все же характеризуется длинноногостью. Данное явление можно считать результатом микроэволюционных процессов, характер которых был отмечен ранее (Дебец, 1961). Речь идет об отличии ископаемых форм человека от более поздних массивным строением скелета. Здесь же стоит учитывать и экологический фактор: постепенная грацилизация населения степного пояса Волго-Уралья на протяжении III тыс. до н. э. хронологически соотносится с усилением увлажненности климата, пик которой приходится на время существования потаповской культуры (Дергачева, Васильева, 2006). Гумидный период сменяется резкой аридизацией XXII–XIX вв. до н. э. (Демкин и др., 2013). Природные условия вновь становятся оптимальными в период поздней бронзы (Дергачева, Васильева, 2006). Тогда же фиксируется увеличение массивности населения срубной культуры по сравнению с рубежом

[1] Выражаю благодарность к.и.н., с.н.с. МАЭ РАН А.А. Казарницкому за предоставленную информацию по скелетам катакомбной культуры.

средней-поздней бронзы. Динамика развития природной среды могла повлиять на скелетную конституцию напрямую как катализатор адаптивных процессов, либо способствовала повышению активности этногенетических процессов в связи с передвижениями скотоводческих групп и их генетическому смешению.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18–09–00309.

Список литературы

Дебец Г.Ф. О некоторых направлениях изменчивости в строении человека современного вида // СЭ, 1961. № 2. С. 9–23.

Дебец Г.Ф. Физический тип населения днепро-донецкой культуры // СА, 1966. № 1. С. 14–22.

Дергачева М.И., Васильева Д.И. Палеопочвы, культурные горизонты и природные условия их формирования в эпоху бронзы в степной зоне Самарского Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 464–476.

Демкин В.А., Ельцов М.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э. Палеопочвы археологических памятников степной зоны как индикаторы развития природной среды в голоцене // Вестник ТГУ. 2013. Т. 18. Вып. 3. С. 966–970.

Казарницкий А.А. Население эпохи бронзы в степях Северо-Западного Прикаспия // Записки ИИМК. 2011. № 6. С. 133–142.

Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы. Антропологический очерк // СПб.: Наука, 2012. 264 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Дисс. ... канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.

Хохлов А.А. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // Вестник антропологии. М., 1999. Вып.6. С. 97–129.

Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры по антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура / Под. ред. С.А. Агапова. Самара, 2010. С. 407–517.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 367 с.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историограафии). Мат. Междунар. науч. конф. Самара: ПГСГА, 2014. С. 131–142.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга позднего этапа эпохи бронзы // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 59–71.

Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: МГУ, 1978. 218 с.

Хронология переходного периода от СБВ к ПБВ в Восточной Европе и Зауралье

© 2020 г. С.А. Григорьев *(stgrig@mail.ru)*

Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, РФ

Аннотация. В докладе обсуждается хронологическое соотношение синташтинской культуры с иными комплексами Зауралья, Сибири и Восточной Европы, а также соотношение евразийских культур с культурами Европы и Китая, и, соответственно, с исторической хронологией Греции, Китая и дендрохронологией Альпийской зоны. Радиоуглеродные даты дают более ранний временной интервал, и проблема соотнесения исторических и радиоуглеродных дат пока неразрешима.

Ключевые слова: абсолютная хронология, радиоуглеродный анализ, синташта, сейма-турбино.

Синташтинская культура степного Зауралья синхронизируется на востоке с ранними алакульскими комплексами зауральской лесостепи и петровскими комплексами Казахстана, а на западе с абашево, потаповскими памятниками и так называемым посткатакомбным блоком (Бабино, Лола). В целом синхронными являются сейминско-турбинские памятники (Григорьев, 2016; 2018).

Формирование бабинской, абашевской, лолинской и синташтинской культур проходило в близкое время, но в результате разных импульсов из Центральной Европы, Закавказья и с Ближнего Востока. Это соответствует началу фазы A1c Центральной Европы (Grigoriev, 2019). Эта фаза надежно не датируется дендрохронологией, но закавказские и ближневосточные связи позволяют отнести формирование этих культур к 19–18 вв. до н. э. (Мимоход, 2013. С. 263, 264), но с большей вероятностью, к середине 18 в. до н. э. (Grigoriev, 2002. P. 136, 137). Поскольку шейные гривны периода A1 имеют параллели в Угарите периода 1900–1850 гг. до н. э. (Krause, 2003. S. 168), а евразийские комплексы связаны с финальной его фазой, 18 в. до н. э. представляется наиболее вероятной датой в рамках исторической хронологии.

Следующий этап взаимодействия относится к самому началу фазы A2b, когда в Европу проникают традиции сейминско-турбинской металлообработки (Grigoriev, 2018). Затем на восток, в пределах фазы A2c распространяются орнаменты карпато-микенского типа, присутствующие в абашевско-покровских, петровских и алакульских комплексах, и лишь в одном синташтинском памятнике. Эта фаза маркирует конец синташтинской культуры и посткатакомбных образований Восточной Европы, которые синхронны европейским комплексам начала фазы A1c – начала фазы A2c. В Греции фазе A2b синхронен период СЭ III, а фазе A1c – ПЭ I. Начало ПЭ I относится к 1600/1550 г.

до н. э. (Marinatos, 1974. P. 66; Tartaron, 2008. P. 84). В Швейцарии дендрохронологические даты периода A2b (и первые втульчатые копья) приходятся на 1650–1600 гг. до н. э., а с 1600 г. до н. э. появляются изделия первой фазы культур Ветеров и Мадьяровце, т.е., периода A2c (Tarot, 2000. S. 1, 2, 9, 10; Primas, 2008. S. 6). Таким образом, дендродаты близки историческим, и конец сейминско-турбинских бронз и синташтинской культуры датируется около 1600/1550 г. до н. э.

В бассейне Хуанхэ изделия, восходящие к сейминско-турбинским прототипам, появляются в начале слоя III Эрлитоу, и этот период, вероятно, связан с формированием Шанской династии, что в рамках исторической хронологии относится к 1554 или 1558 г. до н. э. (Pankenier, 1981–82. P. 21; Nivison, 1999. P. 14). Эти даты близки датам на западе. Можно предположить, что это распространение сейминско-турбинских популяций на восток и запад было стимулировано продвижением федоровских племен. Соответственно, в рамках первой половины 16 в. до н. э. происходит перестройка системы культур Евразии, когда прекращают существование сейминско-турбинские и синташтинские памятники, ранняя алакульская традиция распространяется в степь, взаимодействуя с продвигающейся с востока федоровской традицией, и к середине 16 в. до н. э. в степи формируется стабильная система срубной КИО на западе и андроновской КИО на востоке.

Тем самым, в рамках исторической хронологии вероятным интервалом синташтинской культуры является 1800/1750 – 1600/1550 гг. до н. э. В рамках радиоуглеродной хронологии, если учитывать все имеющиеся даты, мы получаем интервал 2200–1650 гг. до н. э. (Черных, 2007. P. 86). Ранний блок алакульских дат приходится на 2300–1950 гг. до н. э., а более поздний на 1900–1450 гг. до н. э. Но от этих ранних интервалов отказались, остановившись на более молодых AMS датах: 2010–1770 гг. до н. э. для Синташты, 1900–1450 гг. до н. э. для Алакуля и 1880–1750 гг. до н. э. для Петровки (Молодин и др., 2014). И начало этих диапазонов близко фазе A1c, которая датируется радиоуглеродным методом 1930–1870 гг. до н. э. (Bátora, 2018. S. 89). Тем самым, разрыв с историческими датами сокращается до 150–200 лет.

Ситуация с сейминско-турбинскими датами, которые должны быть сопоставимы с синташтинскими, сложная. Для них предложены даты в пределах 2300–2000 гг. до н. э., а для связанной с сейминско-турбинскими бронзами елунинской культуры – 2200–1800 гг. до н. э. (Молодин и др., 2014). Но общий разброс дат в Сибири укладывается 27–21 вв. до н. э. и допускается удревнение их на 200–300 лет под влиянием резервуарного эффекта (Ковтун и др., 2017. С. 272, 273).

В Китае слой III Эрлитоу датируется с 1610 г. до н. э., что маркирует доживание сейминско-турбинской традиции до этого времени (Zhang et al., 2008). Это на 50–60 лет древнее, чем исторические даты.

Таким образом, мы везде наблюдаем сходную ситуацию. Конец сейминско-турбинской традиции по историческим датам Китая и Микен совпадает с дендрохронологией Альпийской зоны, что указывает на их достоверность, и соответствует 1600/1550 гг. до н. э. Это стандартная ситуация. Исторические даты извержения Санторина (ПЭ I) – 1525–1500 гг. до н. э., а радиоуглеродные даты – конец 17 в. до н. э. (Manning et al., 2006. P. 567, 569). В Египте и Месопотамии для времени около 1000 г. до н. э. удревнение составляет 200 лет, а для более ранних периодов оно увеличивается (Michael, 2004. P. 18).

И мы видим отчетливый тренд: ранние даты показывают более глубокие диапазоны, а с внедрением AMS дат намечается тренд в сторону исторических дат. В шотландском неолите выборка из 129 дат с погрешностью менее 50 лет дает пик около 4000 г. до н. э., а при использовании 45 дат с погрешностью менее 10 лет этот пик начинается около 3800 г. до н. э. (Ashmore, 2004. P. 126), и если из первой выборки исключить вторую, то ее пик будет более ранним.

Выводы: 1) сравнение дат, полученных разными радиоуглеродными методами, довольно сомнительно; 2) совпадение исторических дат Китая и Микен с Альпийской дендрохронологией указывает на корректность этой системы дат, а также на то, что радиоуглеродный метод будет давать адекватные результаты лишь тогда, когда с дальнейшим его совершенствованием результаты совпадут с историческими датами.

Работа осуществлена при поддержке Фонда А. фон Хумбольдта, Словацкого Агентства Академической Информации и Центра Китайских Исследований (Тайвань).

Список литературы

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 44–53.

Григорьев С.А. Проблема хронологии синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 2018. С. 37–61.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В. Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалевских и самусьских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: АлтГУ, 2017. Т. I. С. 269–274.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная жизнь древних горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 201 с.

Ashmore P.J. Absolute chronology // Scotland in Ancient Europe / I.A.G. Shepherd, G.J. Barclay (eds.). Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland, 2004. P. 125–138.

Bátora J. Slovensko v staršej dobe bronzovej. Bratislava: KO & KA, 2018. 445 s.

Grigoriev S.A. Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk: Rifei, 2002. 496 p.

Grigoriev S. Eastern influences and the transition to new

types of metalworking at the end of the Early Bronze Age in Central Europe // Musaica Archaeologica. 2018. № 2. P. 33–49.

Grigoriev S. Central European impulses in Eastern Europe in the early second millennium BC // Slovenská Archeológia. 2019. № 2. P. 225–239.

Krause R. Studien zur kupfer- und frühbronzezeitlichen Metallurgie zwischen Karpatenbecken und Ostsee. Rahden: Marie Leidorf, 2003. 338 S.

Manning S.W., Ramsey Ch.B., Kutschera W., Higham Th., Kromer B., Steier P., Wild E.M. Chronology for the Aegean Late Bronze Age 1700–1400 B.C. // Science. 2006. № 312. P. 565–569.

Marinatos S. Kreta, Thera und das Mykenische Hellas. München: Hirmer, 1976. 183 S.

Michael G.H. Recent development in Near Eastern chronology and radiocarbon dating // Origins. 2004. № 56. P. 6–31.

Nivison D.S. The Key to the Chronology of the Three Dynasties: The «Modern Text» Bamboo Annals // Sino-Platonic Papers. 1999. № 93. P. 1–68.

Pankenier D.W. Astronomical dates in Shang and Western Zhou // Early China. 1981–82. Vol. 7. P. 2–37.

Primas M. Bronzezeit zwischen Elbe und Po. Strukturwandel in Zentraleuropa 2200–800 v. Chr. Bonn: Habelt, 2008. 286 p.

Tarot J. Die bronzezeitlichen Lanzespitzen der Schweiz. Bonn: Rudolf Habelt, 2000. 147 p.

Tartaron Th.F. Aegean Prehistory as World Archaeology: Recent Trends in the Archaeology of Bronze Age Greece // Journal of Archaeological Research. 2008. № 16. P. 83–161.

Zhang X., Qiu Sh., Cai L., Bo G., Wang J., Zhong J. Establishing and Refining the Archaeological Chronologies of Xinzhai, Erlitou and Erligang Cultures // Chinese Archaeology. 2008. Vol. 8. P. 197–210.

Основные этапы развития металлургии на Алтае в эпоху бронзы

© 2020 г. С.П. Грушин *(gsp142@mail.ru)*

Алтайский государственный университет, Барнаул, РФ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты становления и развития металлургических традиций на Алтае и сопредельных территориях. Дается характеристика трем основным этапам развития металлургии (афанасьевскому, елунинскому и андроновско-постандроновскому), выявляется связь очагов металлургии и металлообработки с металлургическими провинциями бронзового века.

Ключевые слова: Алтай, эпоха бронзы, развитие металлургии.

Эпоха бронзы на Алтае представлена несколькими археологическими культурами: афанасьевская, елунинская, каракольская, андроновская (федоровская), саргаринско-алексеевская, ирменская, корчажкинская и др. Металлокомплексы данных культурных образований демонстрируют различные очаги металлообработки и металлургии в рамках крупных металлургических провинций бронзового века (Грушин, Папин, Позднякова и др., 2009).

Начальный этап развития металлургии связан с населением афанасьевской культуры, металлурги которой использовали в основном металлургически чистую медь. Для производства отдельных категорий изделий также использовались золото, серебро и метеоритное железо (Грушин, Тюрина, Хаврин, 2006). Определение исходного импульса алтайской металлургии и горнорудного дела, связано с решением проблемы происхождения афанасьевской культуры. Особенности металла указывают на первоначальный импульс развития афанасьевской металлургии. Вероятно, он был связан с очагами металлургии Циркумпонтийской металлургической провинции периода ранней бронзы (Грушин, 2009). Вместе с тем, афанасьевский металлокомплекс обладает некоторыми специфическими характеристиками, которые позволяют говорить об особенностях очага металлургии и о типах изделий, выработанных афанасьевскими металлургами. Есть основания утверждать о наличии в рамках афанасьевской культуры двух очагов – алтайского и минусинского, металлургия которых была основана на различных сырьевых источниках (Грушин, 2007).

Второй этап развития металлургии характеризуется материалами елунинской культуры, получивший распространение в степном и лесостепном Обь-Иртышье. По всей видимости, формирование елунинского очага не было связано непосредственно с афанасьевской металлургией, поскольку нет свидетельств культурного взаимодействия двух культур, нет прямой антропологической преемственности, для культур характерна разная территория распространения, наличие хронологического разрыва между культурами. Афанасьевская металлургия являлась своеобразным форпостом передовых металлургических технологий в Сибири и на Алтае в частности. Она развивалась в окружении по сути неолитических племен, в среду которых могли проникать лишь единичные изделия из металла. Елунинский этап металлургии характеризуется складыванием системы производства, распределения и обмена продукции на обширных территориях Сибири и Центральной Азии. Металлургия и особенно металлообработка проникает далеко за пределы источников сырья, формируются вторичные очаги металлообработки, например, в северные районы Западной Сибири, которые могли ориентироваться на различные сырьевые источники, например, уральские или алтайские.

Елунинский металл представлен сплавами оловянной бронзы, на основе медно-свинцово-цинковых руд, широко использовалась металлургически чистая медь, свинец для производства определенных категорий изделий. Другие сплавы – медно-мышьяковые, медно-сурьмистые для него не характерны. Елунинская металлургия носила экспериментальный характер, об этом свидетельствует отсутствие устоявшихся стандартов в бронзовых сплавах, особенно в соотношения олова и меди в оловянных бронзах. Елунинские металлурги были знакомы с такими прогрессивными металлургическими технологиями, как использование сердечника

для производства изделий с глухой втулкой, использование ребер жесткости. Такие технологии были в полной мере реализованы в сейминско-турбинских изделиях, которые отождествляются со стандартами Евразийской металлургической провинцией позднего бронзового века (Черных, Кузьминых, 1989).

Если рассматривать весь елунинский металлокомплекс, то он обладает существенными особенностями. В нем отсутствуют некоторые типы изделий евразийского компонента: наконечники копий с разомкнутой втулкой и ромбическим стержнем пера; ножи и кинжалы с намечающимся перекрестьем, с ребром по клинку; плоские тесла-долота; втульчатые топоры. Основными источниками для этих форм стали древнейшие фазы Евразийской металлургической провинции, локализовавшиеся по преимуществу в Восточной Европе, на Южном Урале (Черных, Кузьминых, 1989. С. 183). Наличие однолезвийных ножей с «тавровидным» обушком, связанных с центрально-азиатскими бронзолитейными стереотипами, позволяет поставить вопрос о соотношении елунинского очага и Центрально-азиатской металлургической провинции. Предпосылки формирование этой производственной системы могли быть заложены уже на афанасьевском этапе развития металлургии. Параллели карасукским ножам в елунинском металлокомплексе могут указывать на изначальный импульс происхождения такой категории изделий.

Третий этап металлургии связан с андроновскими и постандроновскими древностями – саргаринско-алексеевской, ирменской культурами, получивший распространение в степном и лесостепном Обь-Иртышье. Материалы эпохи поздней бронзы Алтая демонстрируют наивысший расцвет металлургии и металлообработки. Морфологический состав металлического инвентаря продолжает линию развития андроновских стандартов. Однако ассортимент изделий резко расширяется и увеличивается количественно. Самым мощной производственно системой в этот период был саргаринско-алексеевский металлургический очаг, который базировался на богатых медью и оловом месторождениях Центрального Казахстана и Западного Алтая.

Ирменский металлокомплекс отличается по составу металла, здесь наряду с оловянными бронзами фигурируют предметы из мышьяковых бронз, источником которых был Саяно-Алтайский горно-металлургический центр. Металл поступал к ирменскому населению с Енисея через племена лугавской культуры (Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997). Вероятно, для ирменской комплекса уместнее использовать понятие «очаг металлообработки», так же как и, вероятно, для корчажкинского и еловского очагов. Последние были в большей мере ориентированы на саргаринско-алексеевский очаг с его оловянными бронзами.

Археологические материалы свидетельствуют о тесных культурных контактах населения Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы. Разнообразие форм металлических изделий отражает взаимодействие двух культурных традиций, тяготеющих, с одной стороны, к степным пространствам Казахстана и Средней Азии (Евразийская металлургическая провинция), с другой – к металлургическим центрам Минусинской котловины (Центрально-Азиатская металлургическая провинция). Территория степного и лесостепного Обь-Иртышья являлась контактной зоной между Евразийской и Центрально-Азиатской металлургическими провинциями. Переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку ознаменовалось развитием инноваций, появившихся в период поздней бронзы и в дальнейшем реализованных в традициях раннего железного века (Грушин, Папин, Позднякова, Тюрина, Федорук, Хаврин, 2009. С. 133).

В заключении отметим, что в развитии металлургических традиций на Алтае в эпоху бронзы существенную роль играли два основных фактора. Это наличие богатых полиметаллических месторождений цветного металла в Западном Алтае и историко-культурный фактор, связанный с интенсивными миграционными процессами, протекавшими в лесостепном и степном Обь-Иртышье в обозначенный период.

Список литературы

Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 99 с.

Грушин С.П. Рудно-Алтайский горно-металлургический центр и афанасьевские очаги металлургии // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень: «Вектор Бук», 2007. С. 92–96.

Грушин С.П. Древнейший металл Южной Сибири в системе ямно-афанасьевских параллелей // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 119–126.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: АлтГУ, 2009. 160 с.

Грушин С.П., Тюрина Е.А., Хаврин С.В. Древнейший металл Южной Сибири // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 18–32.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

Бронзолитейное производство эпохи раннего металла Юга Западной Сибири

© 2020 г. И.А. Дураков (idurakov@yandex.ru)

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, РФ

Аннотация. Представлены результаты исследования наиболее раннего бронзолитейного производства в Западной Сибири, связанного с появлением в материалах одиновской и кротовской культур эпохи бронзы изделий сейминско-турбинского облика. Производственная традиция образовавшейся металлургической области характеризуются своеобразием литейного оборудования: теплотехнических сооружений, тиглей, сопел, форм. Выработана технология модельного и формовочного производства.

Ключевые слова: бронзолитейное производство, одиновская культура, кротовская культура, Юг западной Сибири.

Проблема становления и развития древнего металлообрабатывающего производства является одной из важнейших тем в исследовании палеоэкономики Западной Сибири. Наиболее раннее проникновение металла в лесостепные районы Западной Сибири прослеживается в материалах Усть-Тартасской культуры (IV – начало III тыс. до н. э.). Отдельные предметы, изготовленные из небольших бронзовых пластин, найдены в погребениях могильников Крючное-6, Сопка-2/3, Тартас-1, Усть-Тартас-2. Однако современное состояние источников не позволяет говорить о местном изготовлении этих находок.

Первые признаки местного производства прослеживаются не ранее начала III тыс. до н. э. на памятниках одиновской культуры занимающей обширные территории Обь-Иртышской лесостепи. При этом следует отметить, что металлообработка здесь зафиксирована уже в довольно развитой форме, что можно объяснить или привнесением ее уже в готовом виде с сопредельных территорий или слабой изученностью более ранних материалов, не позволяющих проследить генезис этого явления.

На ряде памятников (Марково-2, Старый Тартас-5, Тартас-1) выявлены специализированные бронзолитейные производственные участки. Плавка производилась в заглубленных в землю прямоугольных очагах с выложенными фрагментами керамики или обмазанными глиной стенками. В одном случае зафиксирован горн с глиняным сводом. Искусственное нагнетание воздуха документируется находками фрагментов 4 сопел для мехов на поселении Старый Тартас-5.

Значительным совершенством отличается бронзолитейный инвентарь. Судя по имеющимся материалам, в одиновском производстве применялись многочастные литейные формы с отъемным сердечником. Использовалось три типа принципиально разных по техническому исполнению плавильных тиглей: в виде низкого глиняного бортика, закрепленного на фрагменте бытовой керамики, в виде плоскодонного сосуда подовальной или каплеобразной формы и в виде миниатюрного баночного сосудика. Тигли этих типов зафиксированы на всех основных памятниках региона – поселениях Марково-2, Старый Тартас-5 и могильниках Тартаса-1, Сопка-2/4.

Таким образом, в металлообрабатывающем производстве одиновской культуры формируется своеобразный комплекс оборудования, включающий теплотехнические сооружения, три типа тиглей, керамические формы и связанный с ними модельный комплект. Следует отметить, что именно с этим комплексом связано появление на юге Западной Сибири бронз сейминско-турбинского типа (Молодин, 2013). Производство этой продукции в местных литейных мастерских документируется находкой фрагмента формы для отливки шестигранного кельта в жилище № 3 поселения Марково-2.

Сформированные в одиновской культуре металлообрабатывающие традиции наследуются кротовскими литейщиками. Продолжают использоваться заглубленные в землю очаги с футеровкой стен и дна фрагментами керамики и глиняной обмазкой. Такие горны присутствуют в литейных мастерских поселений Венгерово-2, Абрамово-10, Преображенка-3. Воздух в печи нагнетался искусственно. Нами учтено два сопла для мехов, найденных на территории могильника Сопка-2/4А,Б. Одно из них, керамическое, второе изготовлено из красноватого сланца (Молодин, Гришин, 2016. Рис. 407, 408).

Плавка металла осуществлялась при помощи двух типов тиглей, оба они имеют предшественников в одиновской культуре. Первый тип представляет собой конструкцию, состоящую из закрепленного на фрагменте керамики кольца, дополненного глиняной чашечкой. Принцип изготовления этой плавильной емкости явно является результатом усложнения конструкции одиновского образца.

Второй тип кротовских тиглей имеет каплевидную форму, четко оформленный слив и отличается от одиновских только более толстым дном. Тигли этого типа встречены на поселениях Карьер Таи-1, Черноозерье-VI, Саранин-II и могильнике Сопка-2 (Молодин, Гришин, 2016. Рис. 403, 404; Стефанова, 1998. С. 66. Рис. 6, 4).

Разливка металла в формы производилась при помощи специальной разливной ложки. Нами учтен один образец этого оборудования из погребения № 464 могильника Сопка-2/4Б,В (Молодин, Гришин, 2016. Рис. 405, 406).

Литейные формы кротовской культуры включают как керамические, так и каменные образцы. Каменные формы представлены серией из 6 экземпляров: четыре предназначены для отливки кельтов сейминско-турбинского типа, одна для наконечника дротика и еще одна, многофункциональная, для отливки кинжала, долота и шила. Три из этих форм (две тальковых и одна из песчаника) найдены в погребении могильника Сопка-2, две обнаружены в могильнике Ростовка и еще одна, изготовленная из мергеля, происходит с территории поселения Венгерово-2.

Материал для изготовления каменных форм доставлялся с сопредельных территорий, так как в Центральной Барабе отсутствует местное каменное сырье. Импортным также является графит, использующийся кротовскими литейщиками как вещество, изолирующее стенки каменной формы от расплавленного металла (Молодин, Гришин, 2016. С. 116). Следует отметить значительную протяженность путей доставки вышеперечисленного сырья, так как ближайшие месторождения талька и графита находятся на Урале, мергеля – на Алтае, а песчаника в Прииртыше.

Керамические формы можно разделить на два вида. К первому относится серия предметов, изготовленных из фрагментов бытовой керамики и предназначенных для отливки мелких пластинок в виде сильно вытянутых овалов (Молодин и др., 2012. С. 116. Рис. 13–14).

Вторая группа представлена коллекцией форм происходящих из могильников Сопка-2, Тартас-1 и поселений Венгерово-2, Каргат-6, Абрамово-10. Все они отформованы по специально изготовленным моделям и предназначены для отливки крупных предметов сложного профиля: кельтов, тесел, наконечников копий.

Развитие металлообрабатывающего производства, по всей видимости, привело к выделению в обществе особой социальной прослойки занимающейся производственной и торгово-обменной деятельностью. Обособление по профессиональному признаку и особое социальное положение литейщиков в кротовском обществе документируется захоронениями с бронзолитейным инвентарем на некрополях Ростовка, Сопка-2 и Тартас-1 (Молодин и др., 2012. С. 118–119). В могильнике Сопка-2/4Б,В такие погребения планиграфически локализуются в обособленную группу, вынесенную в сторону от основного массива захоронений. Наиболее показательной из них является погребение № 282, где захоронение взрослого мужчины сопровождает полный набор литейного оборудования.

В могильнике Тартас-1 литейная форма была найдена в погребении ребенка (№ 330Б), возраст которого (3–5 лет) не позволял вести самостоятельную производственную деятельность. В могильнике Сопка-2/4Б,В зафиксирован литейный инвентарь (льячка) в погребении женщины с ребенком (Молодин, Гришин, 2016. С. 170–172). Литейные формы найдены также в двух женских захоронениях (№ 24 и № 33) могильника Ростовка. Следует отметить, что в обоих случаях женщины похоронены с комплектом вооружения (бронзовые копя, кельт, костяные латы).

Все это говорит о включенности в производственную деятельность всех возрастных и половых групп и возможной передаче с производственными навыками определенного общественного статуса. Видимо, производство было сосредоточено в руках отдельных семей, все члены которых так либо иначе были связаны с этим видом деятельности.

Реализация литейной продукции осуществлялась на обширной территории. Существующие материалы свидетельствуют, о значительной протяженности торгово-обменных путей, обеспечивающих бронзолитейное производство, приобретающее первые черты ремесленного. Очевидность таких выводов вытекает из находок медно-бронзовых изделий в безрудных зонах, унификации литейной продукции на значительных территориях Западной Сибири, появления в Центральной Барабе литейного оборудования и материалов (талька, графита, мергеля) явно импортного происхождения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № № 18–09–00406.

Список литературы

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11. Вып. 5. 2012. С. 104–119.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 451 с.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. Вып. 19. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 53–75.

Технология производства технической керамики носителями культур эпохи ранней бронзы Обь-Иртышского междуречья

© 2020 г. И.А. Дураков[1] (idurakov@yandex.ru), Л.Н. Мыльникова[2], Л.С. Кобелева[2]

[1] Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, РФ
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Техническая керамика – ценный источник по истории древней металлообработки. Представлена динамика технико-технологических характеристик сопел, тиглей и керамических форм одиновской и кротовской культур эпохи бронзы. Техническая керамика кротовской культуры во всех основных элементах, с одной стороны, демонстрирует генетическую связь с образцами одиновской культуры, с другой, качественное, эволюционное развитие, как в области конструкции изделий, так и в рецептах формовочных масс.

Ключевые слова: техническая керамика, одиновская культура, кротовская культура, Обь-Иртышье.

Техническая керамика является ценным источником по истории древней металлообработки. Наиболее ранние находки этого оборудования на территории Обь-Иртышского междуречья датируются периодом начала-середины III тыс. до н. э. и связаны с бронзолитейным делом мастеров одиновской и кротовской культур. Выделены три категории технической керамики: сопла, тигли и формы.

Сопла одиновской культуры (4 экземпляра) найдены на поселении Старый Тартас-5. Более сохранившийся образец представляет собой обломок конической трубки диаметром 3,0–3,3 см. Толщина стенок составляет 0,6–0,8 см. Отверстие воздуховодного канала сужается с 1,8 до 1,3 см. Остальные сопла реконструируются в виде трубок диаметром 2,0–2,8 см, с коническим воздуховодным каналом в 0,6–1,3 см. Изготовлены из свернутой в спираль глиняной ленты. Формовочная масса состоит из глины с добавлениями песка, органики (сухая трава) и незначительного количества сухой глины.

Единственное керамическое сопло кротовской культуры (могильник Сопка 2/4Б, В) представлено конической трубкой длиной 5,1 см и максимальным диаметром 3,3 см. Диаметр воздуховодного отверстия 0,6 см. Внешняя поверхность орнаментирована, рельеф смазан и ошлакован. Изделие сформовано из одного комка глины на круглом стержне, оформившем воздуховодный канал.

Тигли представлены двумя типами: сложносоставные и цельные.

Распространенным типом является сложносоставной тигель, состоящий из глиняного бортика, закрепленного на фрагменте бытовой керамики. Самые ранние образы происходят из очага одиновской литейной мастерской (памятник Тартас-1).

Технология изготовления. Формовочная масса накладывалась отдельными лоскутами, их верхняя часть формировала низкие бортики, а нижняя – разглаживалась по поверхности фрагмента керамики так, чтобы часть ее заходила за край слома. Прослежено два рецепта формовочного теста: глина (до 25 % площади шлифа)+некалиброванный песок ; глина+дробленая порода+кость+песок (Молодин и др., 2019. С. 121. Рис. 2, г).

Тигли этого типа широко использовались литейщиками кротовской культуры и присутствуют на основных памятниках Обь-Иртышского междуречья: поселениях Венгерово-2, Преображенка-3, Абрамово-10 и могильнике Сопка-2/4А, Б (учтено не менее 30 экз.). Отмечено значительное усложнение технологии их производства. Закрепленная на фрагменте стенка формируется из глиняных лент и часто служит только оболочковым кольцом, внутри которого закрепляется чашечка каплеобразной формы. Она, в случае необходимости, может иметь перемычку, разделяющую тигель на две независимые емкости.

На поселении Венгерово-2 для увеличения объема тигля отмечена достройка его дополнительными глиняными лентами, налепленными поверх ранее сформированных и обожженных стенок.

Доработка тигля в обоих случаях происходила постепенно в процессе использования плавильной емкости. При этом ошлакованные поверхности перекрываются нанесенными сверху слоями формовочного материала.

Отмечены различия в рецептах формовочных масс конструктивных элементов тигля. Например, внешнее оболочковое кольцо тигля из жилища № 3 поселения Венгерово-2 изготовлено из отмученной глины с добавлением скорлупы яиц. Формовочная масса внутренней чашечки и перемычки состоит из глины с примесью шамота и дробленых костей.

Слои стенки тигля из жилища № 5 также отличаются по составу. Нижний – состоит из слабоожелезненной глины с примесью песка, органики, дробленой кости и шамота. Верхний – имеет добавки в виде шамота и органики.

Тигли второго типа представляют собой толстостенную чашечку каплевидной формы с четко оформленным сливом. На памятниках одиновской культуры встречены образцы, орнаментированные глубокими вдавлениями круглой палочки. Учтено 5 изделий, из них 2 – из жилища № 3 поселения Марково-2, 2 – из очага конструкции № 4 памятника Тартас-1, 1 – из поселения Старый Тартас-5.

Технология изготовления этого типа тиглей предполагает лепку из одного комка формовочной массы. Выявлены три рецепта: глина+шамот+сухая белая глина+следы органики; глина+речной песок+органика; глина+некалиброванный песок.

Тигли второго типа кротовской культуры представлены серией из 9 экземпляров: 4 – обнаружены на поселениях Черноозерье-VI и Саранин-II (Прииртышье) (Стефанова, 1998. С. 66. Рис. 6, 4). Остальные – с территории лесостепной Барабы: 2 – из могильника Сопка-2/4Б, 2 – поселения Карьер Таи-1, 1 – из Венгерово-2 (Молодин, Гришин, 2016. Рис. 403, 404; Кобелева и др., 2019. С. 404, 407. Рис. 2, 5,2).

Технология их изготовления, по сравнению с одиновским периодом, практически не изменилась. На поселении Венгерово-2 найден полуфабрикат, отражающий начальную стадию изготовления. На образце из Карьера Таи-1 прослежены следы применения деревянной поворотной подставки (Кобелева и др., 2019. С. 404. Рис. 2).

Керамические литейные формы. В изучаемый период на территории Обь-Иртышского междуречья использовались разъемные многочастные формы с вставными стержнями. Зафиксированы случаи находок неразъемных, неизвлекаемых форм.

Все формы и стержни одиновской культуры фрагментированы. В производстве использовали специализированые формовочные массы. Выявлены рецепты: глина+песок; глина+песок+органика; глина+песок+шамот; глина+шамот.

Известна серия кротовских форм из могильников Сопка-3/4А, Б и Тартас-1. Технология производства. Формовка производилась по специальной модели. Разъем створок формировался на модельной плите. Формовочную массу накладывали сверху крупными лоскутами, рельефные линии прочерчивались по сырой глине после извлечения модели. Внешняя сторона формы тщательно выравнивалась и уплотнялась. Все они хорошо обожжены.

Для получения тонкостенных полых изделий (втулок копий и кельтов) использовались отъемные глиняные стержни. Способ изготовления: формовочная масса стержня зажималась между створками формы так, чтобы она полностью заполнила отверстие будущей втулки, после чего, для получения зазора, лишний материал обрезался металлическим ножом.

В производстве использовались сложные по составу формовочные смеси из глины, мелкого песка, яичной скорлупы и органики. На поселении Абрамово-10 зафиксировано использование многослойных оболочковых форм (Молодин и др., 2019. С. 114). В состав формовочной массы входит шамот, дробленые кости и сухая глина.

Таким образом, на протяжении III тыс. до н. э. на территории Обь Иртышской лесостепи складывается комплекс технической керамики бронзолитейного производства.

Его появление связано с металлообработкой одиновской культуры.

Техническая керамика кротовской культуры во всех основных элементах, с одной стороны, демонстрирует генетическую связь с одиновскими образцами, с другой, качественное развитие, как в области конструкции изделий, так и в рецептах формовочных масс. Производство сопел от формовки из глиняных лент переходит к формовке по модели. Усложняется конструкция тиглей.

Для изготовления всех типов технической керамики используются многокомпонентные, термостойкие смеси с добавлением дробленой кости и скорлупы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–40051.

Список литературы

Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Молодин В.И., Райнхольд С. Бронзолитейный комплекс эпохи ранней – развитой бронзы на поселении Карьер Таи-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Том XXV. С. 402–408.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Том 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Штерцер Н.В., Дураков И.А., Дребущак В.А. Термогравиметрия в исследовании древней технической керамики // Химия в интересах устойчивого развития. 2019. № 1. С. 115–122.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. Вып. 19. Свердловск: УрГУ, 1998. С. 53–75.

Укрепленное поселение Каменный Амбар. Хронология культурных традиций по материалам исследования колодцев

© 2020 г. А.В. Епимахов[1] *(eav74@rambler.ru).* ***С.Е. Пантелеева[2]***

[1] Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск, РФ
[2] Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, РФ

Аннотация. Колодцы, в изобилии встречающиеся на поселениях эпохи бронзы Южного Урала, являются уникальным хранилищем хронологической информации. В работе проанализированы серия радиоуглеродных дат и комплекс керамической посуды, полученные в процессе изучения колодцев на многослойном поселении Каменный Амбар. В результате исследования выделены группы колодцев, соответствующие разным этапам застройки поселения.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха бронзы, укрепленные поселения, колодцы, хронология.

Начало позднего бронзового века в южно-уральской степи можно с уверенностью назвать периодом динамичных культурных процессов. Это время характеризуется высокой скоростью трансформаций культурных стереотипов и интенсивностью межгрупповых взаимодействий. В результате раскопок многочисленных археологических памятников была разработана общая хронология культурных традиций региона, базирующаяся как на стратиграфических наблюдениях, так и на данных радиоуглеродного анализа. Тем не менее, проблема хронологического соотношения различных культурных образований продолжает оставаться дискуссионной, поскольку полученные методом суммирования вероятностей интервалы имеют значительное взаимное наложение (Молодин и др., 2014; Краузе и др., 2019). Уточнение хронологических рамок культур может рассматриваться как одна из важнейших задач современного этапа исследований.

В этой связи особое внимание необходимо уделить колодцам, которые как обязательный элемент жилой архитектуры были выявлены практически на всех поселениях бронзового века. Раскопки этих структур являются весьма трудоемким процессом, но они дают возможность получить разнообразные органических материалы, пригодные для абсолютного датирования (фрагменты деревянной опалубки, уголь, остатки древних растений). Комплексный анализ радиоуглеродных дат, типологии керамики и стратиграфии колодцев на многослойных поселениях позволяет соотнести время использования/вторичного использования данных объектов с конкретными строительными фазами, связанными с носителями разных культурных традиций.

Такое исследование проведено на материалах укрепленного поселения Каменный Амбар. Памятник содержит культурные отложения трех хронологических периодов – синташтинского, петровского и срубно-алакульского. Первые два относятся к раннему (первому) этапу с плотной регулярной застройкой, третий – ко второму этапу сооружения отдельных жилищ, часто разрушавших предшествующий культурный слой. В процессе многолетних раскопок поселения выявлено 34 колодца, большинство из них полностью изучено археологически (Корякова и др., 2011; Епимахов, Берсенева, 2012; Multidisciplinary investigations..., 2013; Rühl et al., 2016; Корякова, Пантелеева, 2019). Установлено, что одни колодцы были забутованы материковой глиной еще в древности, другие долгое время стояли открытыми и заполнялись постепенно в процессе естественного разрушения, третьи были использованы повторно в качестве печей для переработки металлургических шлаков или хозяйственных ям. Практически во всех объектах обнаружены фрагменты керамической посуды, но история их отложения в заполнении явно была различной, что потребовало детального изучения контекста для соотнесения продатированных образцов и артефактов. В целом получены 44 радиоуглеродные даты для 18 колодцев, шесть

дат были исключены из анализа как выпадающие из серии, либо не имеющие надежного археологического контекста.

В результате проведенного исследования установлено, что подавляющее большинство колодцев было сооружено на этапе регулярной (кластерной) застройки поселения. Колодцы выкапывались последовательно, образуя «цепочки», расположенные вдоль продольных стен построек или вдоль их центральной оси. Основная часть этих объектов соотносится с синташтинским временем, что подтверждается стратиграфическими наблюдениями и/или нахождением керамики синташтинского типа на разных уровнях заполнения структур (включая стадии вторичного использования). Очевидно, что все эти сооружения не являются одновременными – раскопками выявлены свидетельства неоднократных перестроек жилищ. Анализ радиоуглеродных дат позволил заключить, что хронологические рамки синташтинской строительной фазы укладываются в интервал 2025–1770 (2130–1760) cal BC.

К последней трети этого периода также относятся и немногочисленные объекты, связанные с керамикой петровского типа. Время петровской строительной фазы на поселении определено нами в диапазоне 1900–1770 (1930–1760) cal BC. Планиграфическое расположение колодцев позволяет заключить, что в этот период продолжал воспроизводиться архитектурный паттерн предшествующего времени.

Последняя группа колодцев была возведена на этапе нерегулярной застройки поселения. Объекты сооружались как в небольших хозяйственных помещениях, так и на открытом пространстве за пределами крупных жилых построек. Эти колодцы содержали большое количество обломков посуды срубно-алакульского облика на разных уровнях заполнения. Полученные даты позволяют датировать срубно-алакульскую строительную фазу в интервале 1890–1740 (1920–1680) cal BC.

Таким образом, можно заключить, что синташтинская строительная фаза была самым продолжительным периодом в истории функционирования укрепленного поселения Каменный Амбар. С ней связано большинство исследованных колодцев, датировки которых дают наиболее широкий интервал. Период с конца XIX по середину XVIII вв. до н. э. можно рассматривать как время наиболее интенсивных культурных процессов. Именно на этот период приходится последовательная смена трех культурных традиций, следы бытования которых зафиксированы в материалах поселения.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы «Древние и средневековые культуры Урала: региональные особенности в контексте глобальных процессов» (А.В. Епимахов) и гранта РНФ № 16–18–10332-П (С.Е. Пантелеева).

Список литературы

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 164–168.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.

Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е. Колодцы укрепленного поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 17–27.

Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 1. С. 54–63.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Transurals (Russia) / R. Krause and L.N. Koryakova (eds.). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 355 p.

Rühl L., Koryakova L.N., Krause R., Stobbe A. Wells of the fortified Bronze Age settlement Kamennyi Ambar (Chelyabinsk oblast, Russia) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2016. С. 187–192.

Культовые практики в бронзолитейном производстве (по археологическим материалам Северной Азии)

© 2020 г. Н.С. Ефремова *(ens77@mail.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Статья посвящена анализу иррациональной деятельности древних обществ, связанной с металлопроизводством. Археологические объекты, интерпретируемые как ритуальные, свидетельствуют о преобладании в производственных культах обрядов жертвоприношения. Как вариант обрядовой практики отмечается использование в единичных случаях симпатической магии.

Ключевые слова: эпоха бронзы, мировоззрение, производственный культ, ритуальный комплекс, жертвоприношение.

К настоящему моменту в научный оборот введено значительное количество археологических памятников с неоднозначной интерпретацией функциональной направленности, в большинстве случаев относимых к категории ритуальных. Сакральная трактовка данных объектов обусловлена спецификой их пространственной локализации,

планиграфией, характером обнаруженных здесь артефактов, а чаще всего – совокупностью перечисленных факторов. Они же позволяют соотнести культовые памятники с той или иной областью традиционного мировоззрения общества – погребальной обрядностью, обеспечением благоденствия рода, промысловыми обрядами. Промысловые ритуальные комплексы могли иметь узко специализированную культовую функциональность в зависимости от доминирующего способа ведения хозяйства: присваивающего – охотничью либо рыболовецкую; или производящего – скотоводческую либо земледельческую (Ефремова, 2016). По мере развития производящих форм хозяйства группа промысловых ритуалов пополняется новыми культовыми практиками, в том числе имеющими отношение к металлургии.

Погребальные памятники, как правило, только констатируют существование в данном обществе навыков обработки металлов, проявляющихся как в бронзовых и медных изделиях в сопроводительном инвентаре, так и в единичных захоронениях литейщиков, похороненных на общем кладбище (Черных, 1997. С. 27). Свидетельства бронзолитейного производства отмечаются на памятниках эпохи бронзы чаще всего на поселениях и рудниках. Следы обрядовой деятельности на таких объектах зафиксировать достаточно сложно, но возможно, учитывая, что добыча сырья и обработка металлов со времени своего возникновения имели мистический характер и были связаны с миром духов. Примером существования иррациональных представлений является отмеченная на крупном горно-металлургическом уральском комплексе Каргалы в поселке металлургов Горный «сакральная яма». Она представляла собой округлую шахту-штольню, наполненную блоками дробленой медной руды, чередующимися с линзами глины. Материал помещался в яму специально и, вероятно, был связан со специфическими молениями высших сил о даровании удачи в добыче сырья (Черных, 1997. С. 38–41; 2007. С. 170–171). Там же, на Урале, отмечены и следы почитания процесса литья металлов. Так на площади Гляденовского костища выявлены своеобразные производственные комплексы, связанные с изготовлением культовых металлических предметов для данного святилища (Лепехин, Мельничук, 2006. С. 8–9). С конца XIX века известны жертвенные места на вершинах гранитных останцев – Каменные палатки. Находки – керамический и остеологический материал, бронзовые изображения, слитки металла, литейные формы, фрагменты медной руды – позволили связать жертвенные комплексы с производством металла (Сальников, 1949. С. 92–94).

На территории Западной Сибири также известны археологические объекты, на которых процессы металлопроизводства, по-видимому, сопровождались ритуалами жертвоприношения. Подобный культовый комплекс представлял собой памятник Хутор Бор-I в Омской области, где слои эпохи поздней бронзы содержали скопления керамики и костей животных, часто обожженных. Здесь же, среди перечисленных находок, обнаружены обломки тиглей со следами бронзы, иногда в качестве последних использовались сосуды. Подобная ситуация отмечена и на других памятниках, в частности, на Чудской горе в Омской области и за пределами региона – на Сузгуне II близ г. Тобольска (Труфанов, 1983. С. 63–66). Уникальным в свете рассматриваемой проблемы представляется нам культовый объект, расположенный на могильнике Тартас-1 в Новосибирской области (Молодин и др., 2012). На площади более двух тысяч квадратных метров зафиксированы следы ряда ритуальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры – каркасно-столбовых конструкций, многочисленных ям (столбовых, хозяйственных, жертвенных), а также скопления артефактов, несколько вариантов теплотехнических сооружений (Молодин и др., 2020). Материал ритуальных комплексов включал как массовые категории находок – керамику и кости животных (часть которых также обожжена), так и предметы из бронзы (например, наконечники копий), сплески бронзы, фрагменты тиглей, техническую керамику, единичные костяные и каменные изделия. Ритуальные ямы отличались размерами, в качестве приношения могли использоваться разные по масштабам жертвы – от кусочков рыбы до головы лося. О сложности бытовавших здесь культовых практик свидетельствует локализация ритуальных комплексов на некрополе ранних эпох с одной стороны, и наличие в непосредственной близости от культовых сооружений единокультурных захоронений – с другой. Возможно, проводившиеся на святилище ритуалы имели синкретичный характер, объединявший производственный культ с культом предков. Еще более сложной является интерпретация присутствия здесь следов жертвоприношения человека например, фрагменты тазовых костей в скоплении костей коровы или пяточная кость взрослого человека в одной из ям (Молодин и др., 2012. С. 232).

Таким образом, анализ материалов вышеперечисленных западносибирских памятников выявил ряд сходных черт: наличие жертвенной пищи, проявляющееся в фиксации в слое ритуальных комплексов остатков керамической посуды и остеологического материала, часть костей животных при этом несет на себе следы воздействия огня. На всех объектах присутствуют обломки тиглей, сплески и бронзовые изделия, в том числе представленные фрагментарно. Об использовании огня в ритуалах говорит наличие прокаленных участков почвы и ям на площади комплексов. Приведенный ряд признаков позволяет связать данные памятники с обрядами, сопровождавшими литье бронзы и классифицировать их, прежде всего, как производственные святилища.

Почитание металла, как и процесса его производства, прослеживается со времени открытия последнего и до этнографической современности. Исследования мировоззрения ряда северных народов свидетельствуют о высокой сакральности меди, обусловленной мифо-ритуальной сферой. Несмотря на появление технологий обработки железа, навыки бронзолитейного производства не исчезают, а сам процесс выплавки бронзы приобретает культовую направленность (Балакин, 1998. С. 136). Более того, в эпоху средневековья имеют место свидетельства почитания мест, связанных с производством железа (Семенова, 1985), что также позволяет предположить существование иррациональных взглядов на производство металлов в целом. Последнее повсеместно связывалось с обращением к высшим силам, поэтому основной функцией производственного святилища остается жертвоприношение, что подтверждается материалами перечисленных культовых комплексов. Что касается памятников, связанных с добычей сырья, необходимого для производства металла, то здесь вполне оправдано использование симпатической

магии. Сооружение штольни с залежами руды металлургами Каргалинского рудника типологически вполне согласуется с обрядом нанесения охотниками рисунков животных на скальную поверхность перед промыслом (Черных, 1997. С. 41).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18–09–40028.

Список литературы

Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998. 288 с.

Ефремова Н.С. Культовые комплексы Северной Азии: производственные, поселенческие, погребальные // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 25–32.

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. История изучения костищ гляденовской культуры // Оборинские чтения. Материалы VI–VII региональных археологических конференций. Пермь, 2006. Вып. 4. С. 3–11.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас–1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 231–236.

Молодин В.И., Селин Д.В., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Ефремова Н.С. Теплотехнические сооружения конца эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (восточный вариант пахомовской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 3. С. 57–67.

Сальников К.В. К вопросу о древней металлургии в Зауралье // КСИА. Т. XXIX. М.–Л., 1949. С. 92–95.

Семенова В.И. Некоторые археологические данные о культовом почитании мест, связанных с металлургическим производством у хантов в начале II тыс. н. э. // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: ТГУ, 1985. С. 133–134.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1983. С. 63–76.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. V. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир. М.: Nox, 1997. 177 с.

Второй Филатовский курган: новые погребения фатьяновско-балановской КИО на Верхнем Дону

© 2020 г. А.С. Желудков[1] *(aszheludkov@gmail.com),* ***А.С. Гепалов[2]***

[1] Археологические исследования, Липецк, РФ
[2] Липецкий областной краеведческий музей, Липецк, РФ

Аннотация. Впервые публикуются материалы фатьяновско-балановской КИО полученные при исследовании Второго Филатовского кургана исследованного в Добровском районе Липецкой области.

Ключевые слова: эпоха бронзы, курган, фатьяновско-балановская КИО, Верхний Дон, контактная зона.

В 1999 г. экспедицией под руководством В.А. Чивилева и И.А. Козмирчука производились охранные раскопки кургана 2 курганного могильника у с. Филатовка Добровского района Липецкой области.

Могильник из двух курганов располагался на водораздельном плато правого берега р. Воронеж высотой 40 м (рис. 1, *2*). Курган 1 исследовался в 1990 г. (Синюк, Козмирчук, 1995).

В результате работ 1999 г. (рис. 1, *2*) выявлено 8 погребений, в насыпи обнаружено 6 скоплений костей человека, 3 скопления костей животных 2 астрагала, 3 изделия из кремня, 1 бронзовый диск, 3 кремневых орудия, 1 развал сосуда, 11 фрагментов керамики (Чивилёв, 1999. С. 16).

Насыпь кургана 2 отличалась по цвету, но на поверхности практически не фиксировалась. Однако, после проведения нивелировочных работ, удалось установить ее плавное возвышение на 16–22 см (Чивилёв, 1999. С. 14).

Исследователями были зафиксированы две насыпи: первая диаметром 8 м и вторая диаметром 13 метров. По мнению авторов раскопок погр. 4 и 5 совершены еще до сооружения кургана и связаны с катакомбной культурой. Сооружение насыпи 1 связано ими с погр. 2, совершенным на погребенной почве. При возведении этой насыпи, по их мнению, и было частично разрушено погр. 4. А насыпь 2 связана ими с «абашевским» безынвентарным погр. 3, в районе которого были найдены две стенки сосуда с прочерченным горизонтальным орнаментом (рис. 1, *8–9*). Также в насыпи были найдены два фрагмента венчика от еще одного сосуда (рис. 1, *10–11*). Погр. 7, примыкающее к погр. 3, как и предыдущее, сильно разрушено, что затруднило его культурно-хронологическую атрибуцию. Возможно, оно синхронно погр. 3, а возможно является сарматским. Погр. 1, 5, 6 и 8 совершены в западной части кургана и отнесены к позднему предскифскому периоду (по А.П. Медведеву) (Чивилёв, 1999. С. 23).

На наш взгляд следует пересмотреть культурно-хронологическую атрибуцию погр. 5 на основании признаков, сближающих его с погребениями позднего предскифского периода. Погребенный в нем лежит вытянуто на спине, в прямоугольной яме, ориентированной по линии ЮЮЗ-ССВ размерами 1,8×0,8 м. Левая рука согнута в локте, с ее внешней стороны лежала кость животного, с внутренней – скопление астрагалов. Судя по фото и чертежу, в ногах погребенного также лежит кость животного – остатки заупокойной пищи. Исходя из всего вышеизложенного, данное захоронение никак не может быть соотнесено с катакомбным временем.

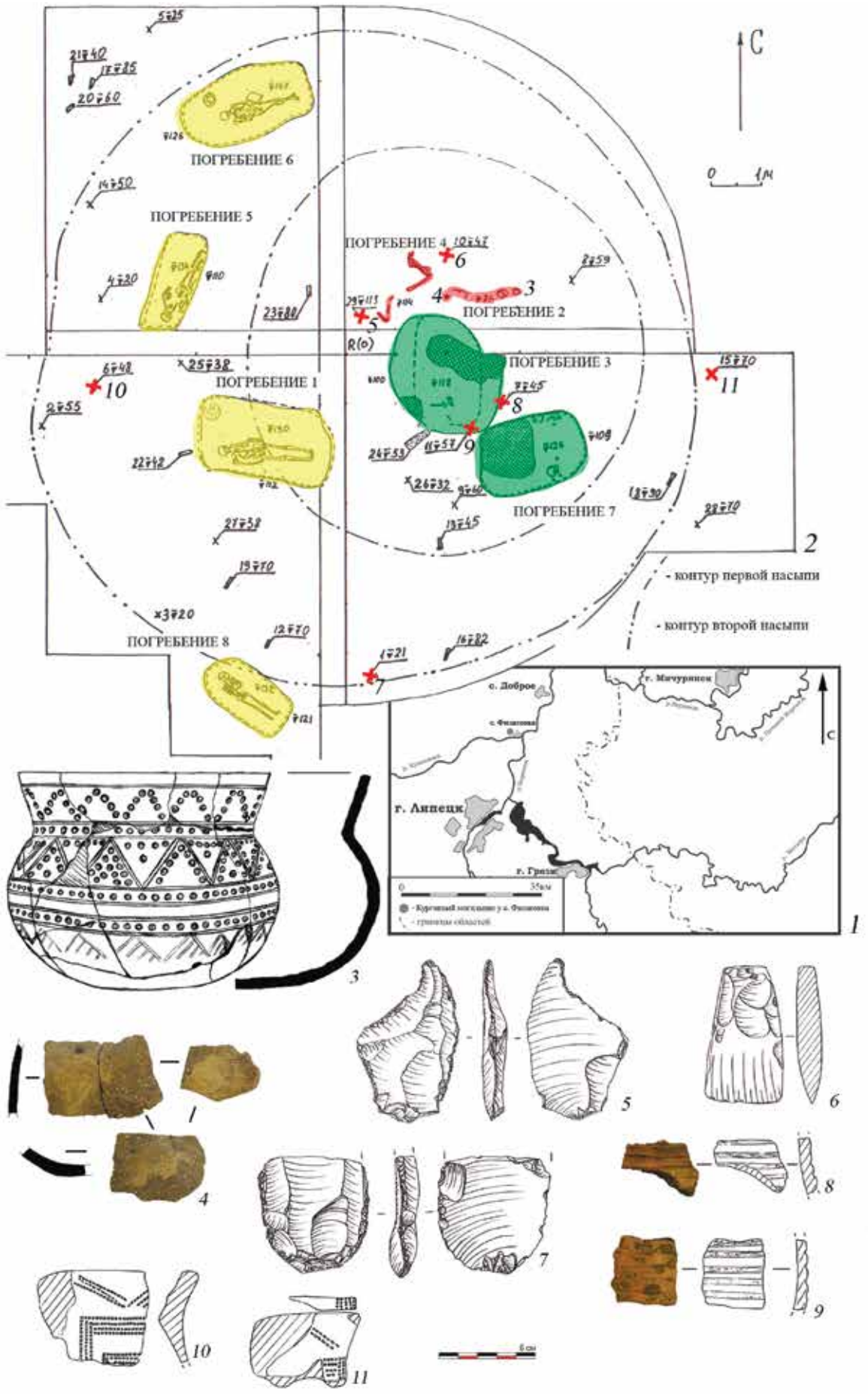


Рис. 1. 1 – местоположение памятника на карте. 2 – общий план кургана со всеми исследованными погребениями (по: Чивилёв, 1999. Рис. 33), 3–11 – материалы эпохи бронзы из насыпи кургана и связанные с погребениями (3 – рисунок Е.Н. Акимовой, 4 – фото автора, 5–7 – по: Чивилёв, 1999. Рис. 53, 1;9–11 – по: Чивилёв, 1999. Рис. 54).

Возможно, первоначальными были погр. 3 и 7, совершенные представителями абашевской культуры, фрагменты керамики которой обнаружены в насыпи кургана (рис. 1, *8–11*).

Наиболее интересны погр. 2 и 4. Погр. 2, видимо впускное, расположено севернее погр. 3 и 7. Могильная яма его не прослежена. Оно сильно разрушено, однако погребенный, судя по расположению сохранившихся костей, ориентирован черепом в направлении востока. В западной части захоронения зафиксированы остатки органической подстилки серого цвета. К востоку от черепа обнаружен сосуд 1 (рис. 1, *3*), небольшой, первоначально описанный исследователями, как «подостроребериый с округлым дном и сильно отогнутым наружу венчиком». Мы считаем, что его форма и орнаментация соотносятся с древностями фатьяновско-балановской КИО, хоть и стоит отметить оригинальность самого орнамента. Сосуд небольшой, его высота 11 см, диаметр венчика 13 см, диаметр максимального расширения тулова 14 см, поверхности хорошо заглажены. Он орнаментирован прочерченными линиями, отпечатками округлой палочки, составленными в геометрический композиции. Стоит обратить внимание на центральный пояс орнамента на плечиках сосуда. Он состоит из треугольников, расположенных вершинами вверх и вниз. Внутри треугольники заполнены комбинациями тычков палочки: в каждом треугольнике она оригинальна. К сожалению, изучить сосуд со всех сторон не позволяет конструкция витрины Добровского краеведческого музея, в котором он экспонируется. Исследователями было отмечено наличие в тесте сосуда примеси раковины, однако визуально на изломах нами она замечена не была. Сосуд 2 (рис. 1, *4*) находился в западной части захоронения (у ног?) и представлен 20 неорнаментированными фрагментами стенок и одним фрагментом уплощенного днища. Керамика тонкостенная, ее поверхности подлощены, в тесте примесь толченой раковины. Возможно, сосуд является свидетельством гибридизации фатьяновских и абашевских гончарных традиций.

Погр. 4 расположено севернее погр. 3 и 7 и западнее погр. 2. Сильно разрушено, контуры могильной ямы не зафиксированы. Костяк, судя по расположению ног и костей грудного отдела, был ориентирован черепом на юго-запад. Ноги согнуты в коленях под углом ок. 90°, лежали на правом боку (голень левой сверху правой). Погребального инвентаря не обнаружено, однако в непосредственной близости от погребенного в насыпи кургана были обнаружены нож на отщепе из кремня и клиновидный топор (рис. 1, *5–6*), массово распространенные в древностях фатьяновско-балановкого круга.

Аналогии погр. 2 и 4 следует искать именно в древностях фатьяновско-балановской КИО. Об этом говорит, как инвентарь из погр. 2 и находки каменных орудий в насыпи кургана (рис. 1, *7*), в том числе в непосредственной близости к погр. 4, так и позы погребенных. По мнению Д.А. Крайнова почти всех мужчин и женщин фатьяновцы хоронили в скорченном положении, на боку: мужчин на правом (головой в западном направлении), а женщин на левом (в восточном). Эта закономерность является ярким свидетельством общности всех фатьяновских племен (Крайнов, 1972. С. 188–189). Этим критериям соответствуют и погр. 2 (предположительно женское) и 4 (предположительно мужское).

Находка данных погребений является ярким свидетельством контактов населения севера и юга на территории Верхнего Дона, существовавших ок. XXIV – XVIII веков до н. э. (Желудков, Смольянинов, 2019).

Работа написана при поддержке гранта «Фонда президентских грантов» № 19–2–018793.

Список литературы

Желудков А.С., Смольянинов Р.В. Свидетельства контактов населения Донской Лесостепи с фатьяновско-балановской КИО (на примере погребальных памятников) // КСИА № 256. 2019. С. 91–107.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М.: Наука, 1972. 276 с.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Самар. пед. ун-т, 1995. С. 37–72.

Чивилёв В.А. Отчет об археологических исследованиях в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23623.

Сравнительный анализ орудий для добычи и обогащения руды в бронзовом веке

© 2020 г. О.Н. Загородняя (olgaza@ukr.net)

Независимый исследователь, Харьков, Украина

Аннотация. На примере изучении инструментов добычи и обогащения Картамышского горно-металлургического комплекса (Восточная Украина) позднебронзового века были получены важные знания об общих характеристиках горных орудий. Сравнение орудийных наборов из разных горно-металлургических памятников бронзового века способствует формированию общего представления о процессе металлопроизводства в доисторической Евразии и позволяет внести существенный вклад в проблему его реконструкции.

Ключевые слова: позднебронзовый век, бережновско-маевская срубная культура, орудия из камня и кости, горное дело, функциональный анализ, эксперимент.

В контексте изучения горного дела одним из актуальных вопросов является функциональный анализ орудий. Благодаря исследованиям памятников Картамышского археологического микрорайона в 2001–2010 гг. (поселе-

ний Червонэ озеро 1 и 3, подземных выработок, участков сортировки и обогащения руды) значительно увеличилась источниковая база по металлопроизводству бережновско-маевской срубной культуры (БМСК) позднебронзового века (Бровендер, 2012). Общая вскрытая площадь памятников – 1290 кв. м.

Добыча медной руды включала в себя последующие операции: откалывание, дробление и сортировку. Эти операции требовали как применения прочных орудий труда, так и совершенных методов поверхностных и подземных разработок. По археологическим и этнографическим данным при добыче руды древние горняки использовали каменные молоты, кайла, бронзовые кирки, костяные, роговые или деревянные клинья для раскалывания породы. На Картамышском рудопроявлении наблюдается повсеместное использование орудий из камня. Они не требовали больших затрат на их оформление и зачастую изготавливались непосредственно на рудниках из желваков окремненного квацитовидного песчаника.

В коллекции горных орудий выделены две группы: горнодобывающая и горно-обогатительная. Первая группа состоит из орудий, функционально разделенных на мотыги, кайла, молоты. Для привязывания к рукояти орудий с помощью техники пикетажа делались выемки на двух боковых сторонах или же сплошной опоясывающий желобок. При вскрышных работах на рудниках карьерного типа использовали прикрепленные к деревянной рукояти мотыги, имеющие в профиле клиновидные окончания (23 экз.). Для отбойных работ в самих выработках применяли привязные кругло-уплощенные или подпрямоугольные с удлиненными пропорциями кайла (17 экз.) и массивные трапециевидные молоты (48 экз.). Молоты использовали как в процессе горной проходки, так и для дробления кусков руды при добыче и первичном расщеплении. При этом раскалывание монолита рудного тела могли осуществлять с помощью костяных или деревянных клиньев и бронзовых орудий. Косвенным свидетельством в пользу этого является обнаружение следов от ударов металлическим орудием на куске горной породы из раскопок техногенного участка рудника Червонэ озеро I. На поселении Червонэ озеро 3 найдена литейная форма с негативом втульчатого горного орудия, аналогии которым достаточно известны. Имеются также данные о находках бронзовых топоров в одной из древних шахт медных рудников Донбасса (Федоровский, 1921) и орудий типа шестигранных пешней и втульчатых кайл из рудника Пилипчатино-1 (Татаринов, 2003).

Примеры использования клиньев для раскалывания породы, изготовленных из различного материала, имеются на древних медных рудниках различных регионов Евразии. На поселении Горный на Урале использовались как бронзовые орудия (121 экз.), так и костяные стержни-клинья (7390 экз.) (Антипина, 2004. С. 233). Деревянные орудия являются достаточно редкими находками. Тем не менее, деревянные клинья и молот были встречены в древних медных рудниках Швейцарии, где они сохранились благодаря затоплению шахты водой (Шмидт, 1935. С. 241). Отдельные находки деревянных молотов и таких же орудий из рога марала были найдены в древнем руднике Минусинской котловины (Гришин, 1980. С. 77, рис. 6. *3*). В этих же целях могли применяться и роговые кирки. В одной из древних выработок Бельгии (Обурге) был найден скелет раздавленного в результате обвала человека, державшего в руке кирку из оленьего рога (Кларк, 1953. С.178; Гришин, 1980. С.53).

Во второй группе представлены орудия из песчаника – песты-терочники, терочные плиты – для измельчения рудных минералов до получения порошка, а также орудия из кости, используемые при водном обогащении уже измельченной руды (гравитации). Обогащение медной руды древними горняками-металлургами сводилось к дроблению, растиранию и промывке.

На поверхности вблизи подземных выработок рудника Червонэ озеро-IV был исследован производственный участок, где осуществлялись операции по сортировке и первичному дроблению руды, а рядом с ним отвал мелко дробленой пустой породы площадью более 50 кв. м. На этой стадии в процессе разбивания крупных кусков породы также могли использоваться тяжелые молоты, отнесенные к горнопроходческим орудиям. Операции по измельчению и растиранию кусочков руды производились с помощью пестов-терочников на каменных плитах в пределах техногенного участка рудника Червонэ озеро-I. Песты-терочники (163 экз.) представляли собой удобно подобранные по форме и размерам куски медистого песчаника. Лишь в немногих случаях зафиксированы негативы сколов на боковых гранях, иллюстрирующие, что заготовки были получены в результате раскалывания крупных кусков песчаника. Плиты для дробления и растирания руды (42 экз.) – массивные орудия из песчаника неустойчивой формы, с одной или двумя противоположными, характерно углубленными, рабочими поверхностями. Мелкозернистый песчаник идеально подходил в качестве сырья для орудий обогащения, поскольку являлся более мягкой породой по сравнению с обрабатываемым материалом. Для растирания твердых рудных минералов была важна способность орудий к абразирующему воздействию, поэтому песты-терочники в процессе работы быстро теряли форму.

Поскольку обогащение медной руды требует освобождения от пустых пород сульфидов меди после ее измельчения, следующей необходимой операцией в осуществлении процесса обогащения руды являлась ее промывка, или водное гравитационное обогащение. В основе этой операции лежит разность удельного веса собственно медной руды и вмещающей ее породы, которая составляет 3 г/см^3, то есть более чем в 2 раза (Бровендер, Гайко, Шубін, 2005. С. 50). В этом контексте особый интерес представляет частично исследованная (длиной до 12 м) на техногенном участке рудника Червонэ озеро-I траншея (ручей). Расположенная на наклонной плоскости в овраге она была предназначена для сбора весенних и дождевых вод. Подтверждением применения водного обогащения в древнем ручье является его заполнение мощным слоем отходов обогатительного производства – перетертого медистого песчаника с локализующимися участками хвостов горных пород (многочисленными мелкими кусочками пустой породы). Для промывки могли использовать деревянные или кожаные емкости, погружаемые в воду. Орудиями из кости, массово представленными в материалах памятника, размешивали смесь в воде, что было подтверждено в результате их трасологического изучения и серии экспериментов (Загородня, 2014).

К новому функциональному типу орудий для перемешивания руды в процессе гравитационного обогащения отнесено 398 экз. (из ребер – 349, лопаток – 38, ниж-

нечелюстной кости – 4, длинных трубчатых – 7). На них прослежены следы утилизации в виде округлости рабочей кромки, поверхностных линейных царапин на торце и прилегающих продольных краях, яркой заполировки. До настоящего времени подобные орудия умозрительно относили либо к кожевенным и/или гончарным из-за сходства ребер-заготовок (Антипина, 2004. С. 225), либо к «рудодобывающим копалкам» (Килейников, 2005). Кроме этого, среди костяных орудий выделены совки для сгребания руды (7 экз.) из лопаток и тазовых костей животных.

Известны еще несколько памятников – рудников бронзового века и связанных с ними поселений, в материалах которых присутствуют орудия из ребер и лопаток. Это рудник близ Михайло-Овсянки (Самарская область, Россия) (Горащук, Колев, 2004. С. 92–93), каргалинские памятники на Урале (Антипина, 2004. С. 225) и Швац/Брикслегг (Северный Тироль) (Schwaz/Brixlegg) (Rieser, Schrattenthaler, 2004. P. 83). Некоторые исследователи связывают назначение костяных орудий с различными операциями именно в обогатительном процессе – растиранием рудных частиц в порошок орудиями из ребер в кожаной емкости с водой (Горащук, Колев, 2004. С. 92–93), либо сортировкой руды и скоблением медистого песчаника при извлечении руды (Rieser, Schrattenthaler, 2004. P. 83). Однако, по морфологическим признакам и описанным следам износа они достаточно близки картамышским. Предварительное знакомство автора с некоторыми образцами это подтверждает и дает основание для функционального пересмотра коллекций костяных орудий из рудников.

В целом же, костяную индустрию древних горняков отличает особый подбор заготовок. Различия понятны на уровне совокупности различных типов орудий. В частности, на памятниках Востока Украины отсутствуют довольно своеобразные клинья из трубчатых костей, которых немало на рудниках Приуралья.

Горные орудия из камня, происходящие из различных древних рудников, в целом похожи. Сырьем служили гальки и желваки, модифицированные или немодифицированные. Заготовки подвергались минимальной обработке: выбиралось подходящее по параметрам сырье, а главные роли принадлежали оббивке, пикетажу и пришлифовке. Зафиксированы различные группы следов утилизации. Орудиям добычи свойственен глубокий макрорельеф от ударов по твердому материалу. Орудия обогащения имеют выбоинки и сглаженные участки с направленными бороздками. Подобные каменные орудия присутствуют в материалах памятников бронзового века на большой территории – от Тувы на востоке до Великобритании на западе (Мосоловского поселения на Среднем Дону (Килейников, 1984); поселение Горный (Черных, Вальков, 2004), рудник Михайло-Овсянка (Горащук, Колев, 2004), медные рудники Хакасии, Тувы, Казахстана, Кавказа (Сунчугашев, 1993), Грейт Орм (Great Orme) в Великобритании (Pickin, 1990), Малый Штурац, гора Рудник (Mali Šturac, Rudnik Mountain) в Югославии (Bogosavljević, 1995), Миттерберг (Mitterberg) в Австрии (Gale, 1995), Швац/Брикслегг (Северный Тироль) (Schwaz/Brixlegg) (Rieser, Schrattenthaler, 2004) и ряде других).

По данным функционального анализа орудий на примере памятников Картамышского археологического микрорайона БМСК осуществлена реконструкция процессов добычи и обогащения медной руды. Сформированная база данных по деформациям и следам утилизации может быть пригодна для сопоставлений наборов орудий в целом и их отдельных параметров с аналогичными сведениями по другим горно-металлургическим комплексам эпохи бронзы.

Список литературы

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы; Технология горно-металлургического производства; Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.

Бровендер Ю.М. Итоги исследований комплекса горно-металлургических памятников на Картамышском медном рудопроявлении Донбасса // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: мат-ли III Луганської міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ, 2012. С. 551–556.

Бровендер Ю.М., Гайко Г.І. Шубін Ю.П. Геологічні та технологічні особливості розробки мідних руд в стародавніх копальнях Картамиша // Проблеми гірничої археології: мат-ли II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ: ДонДТУ, 2005. С. 47–51.

Горащук И.В., Колев Ю.И. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Самарский ун-т, 2004. С. 89-104.

Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980. 134 с.

Загородня О.М. Про призначення однієї з категорії кістяних знарядь Картамишу // Археологія. 2014. № 1. С. 15–28.

Килейников В.В. Каменные горно-металлургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы Восточно-европейской лесостепи. Воронеж: ВГУ, 1984. С. 108–123.

Килейников В.В. Новые трасологические данные об орудиях труда с памятников Картамышского рудопроявления в Подонцовье // Проблеми гірничої археології: мат-ли II-го міжнар. Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ: ДонДТУ, 2005. С. 30–35.

Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк [пер. с англ. М.Б. Гракова-Свиридова; ред. и предисл. А.Я. Брюсов]. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. 348 с.

Сунчугашев Я.И. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1993. 112 с.

Татаринов С.И. Древние горняки-металлурги Донбасса. Славянск: «Печатный двор», 2003. 132 с.

Федоровский А.С. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне // Воронежский историко-археологический вестник. Вып. II. Воронеж. 1921. С. 18–30.

Черных Е.Н., Вальков Д.В. Каменные изделия: молотки, наковальни, рудотерки // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 157–181.

Шмидт Р.В. Очерки по истории горного дела и металло-

обрабатывающего производства в античной Греции // Известия ГАИМК. Вып. 108. М.-Л., 1935. С. 222–342.

Bogosavljević V. Mining hammerstones of Prljuša Mali Šturac site // Ancient mining and metallurgy in Southeast Europe: international symposium. Belgrade, 1995. P. 37–44.

Gale D. A comparative study of the Earliest European copper mining tools // Ancient mining and metallurgy in Southeast Europe: international symposium. Belgrade, 1995. P. 47–53.

Pickin J. Stone tools and early metal mining in England and Wales // Early Mining in the British Isles. № 1. Snowdonia, 1990. P. 39–42.

Rieser B., Schrattenthaler H. Prähistorischer Kupferbergbau im Raum Schwaz/Brixlegg (Nordtirol) // Alpenkupfer – Rame delle Alpi. Herausgeber: Weisgerber G. and Goldenberg G. Bochum, 2004. P. 75–94.

Металлические серпы эпохи средней бронзы Северо-Западного Кавказа

© 2020 г. А.И. Климушина (elizavetaklim21@mail.ru)

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В статье приводится анализ первых металлических серпов, появившихся на Северо-Западном Кавказе в эпоху средней бронзы. По морфологическим признакам серпы разделяются на типы и варианты. Предлагается схема их классификации и хронологии.

Ключевые слова: металлические серпы, эпоха средней бронзы, Северо-Западный Кавказ, классификация и датировка серпов.

Металлические серпы и жатвенные орудия появляются в Восточной Европе в эпоху средней бронзы. Одним из основных регионов, где они в то время получили распространение, был Северо-Западный Кавказ. Самая ранняя разновидность металлических серпов в этом регионе была выделена А.А. Иессеном в костромской тип, который им рассматривался в качестве предшественников позднекубанской группы серпов (Иессен, 1951). Данная работа посвящена анализу серпов костромского типа (по А.А. Иессену), который рассматривается нами в качестве отдельной группы. Согласно новым данным, в эту группу, кроме костромского, входит еще один тип.

В настоящее время удалось учесть 27 экземпляров целых орудий и около 20 обломков. Большая их часть найдена в кладах: Костромской клад, клад близ г. Майкопа, Натухаевский II, Большое Садовое (Иессен, 1951; Новичихин, 2013; Kłoczko, 2014). Реже серпы встречаются в погребениях (Отрадненское погребение, мог-к Усть-Джегутинский) (Сафронов, 1974; Нечитайло, 1978). Есть также единичные случайные находки (ст. Надежная Отрадненского района, р-н Пятигорья, р-н Новая Хортица) (Пелих, Олейничев, 2001; Дергачев, Бочкарев, 2002). Эти материалы позволяют составить представление о серпах *костромской группы*.

К ней относятся серпы с дуговидно-изогнутой спинкой и выступом для насада рукояти. Для них также характерны следующие признаки: слегка утолщенная спинка, иногда переходящая в валик (в некоторых случаях на спинках серпов помещен ряд насечек); ширина клинков по всей длине орудия одинаковая; у части серпов клинки имеют продольный и поперечный изгибы. От серпов позднекубанских типов костромские отличаются способом крепления рукояти. На костромских серпах рукоять либо насаживалась на выступ в хвостовой части орудия, либо крепилась с помощью отверстия на черенке. У позднекубанских серпов рукоять крепилась к орудию с помощью тонкого удлиненного стержня.

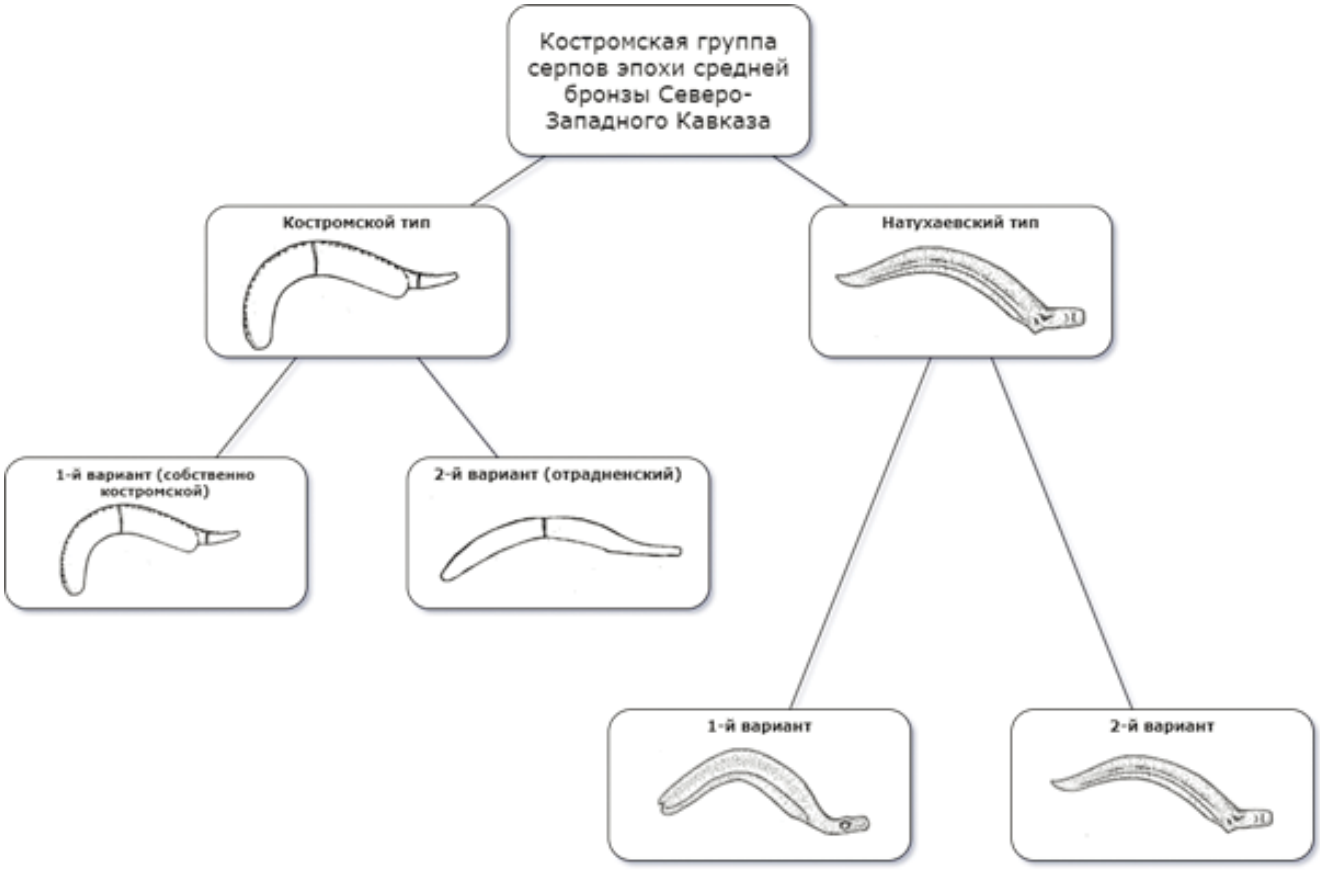
В морфологическом отношении серпы этой группы не однородны. По ряду признаков они могут быть подразделены на несколько типов и вариантов. Общая схема их классификации показана в Табл.1.

По форме черенка, а точнее по способу крепления к нему рукояти, серпы этой группы могут быть разделены на два типа. К первому из них относятся орудия, у которых черенок представляет собой выступ треугольной формы, заостренный на конце. Серпы второго типа отличаются тем, что черенок у них не треугольный, а прямоугольный. В нескольких случаях на черенке пробито отверстие. По характерным находкам первый тип, как и вся группа, может быть назван *костромским*, второй – *натухаевским*.

Костромской тип разделяется нами на два варианта. К одноименному (собственно костромскому варианту) отнесены серпы со средне или сильно изогнутым дуговидным клинком. Он представлен большим количеством находок. В целом и фрагментированном виде их сейчас известно около 30 экземпляров. Почти все они происходят с территории Закубанья (Костромской клад, клад из пещеры близ г. Майкопа, один серп из погребения у ст. Отрадной, случайные находки из ст. Надежной Отрадненского района и из ст. Натухаевской Анапского района) (Иессен, 1935. С. 96–97; 1951. С. 108. Рис. 54; Пелих, Оленйничев, 2001. С. 12–15. Рис. 1; Новичихин, 2012. С. 8. Рис. 2: 1). Один серп найден в районе Пятигорья (по данным А.А. Спицына), еще один в районе Запорожья – Новая Хортица (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 115. Табл. 39: 521). Между собой серпы костромского варианта также отличаются степенью изгиба спинки и еще некоторыми деталями. К числу последних можно отнести насечки на спинке орудий. По меньшей мере этот признак встречается на 8 экземплярах (5 серпов – клад из пещеры в Майкопском районе, два серпа из Костромского клада, 1 серп – случайная находка со ст. Надежной). У подавляющей части этих орудий есть четко выделенный уступ при переходе от лезвийной части к черенку. В плане черенок имеет подтреугольную форму, в поперечном сечении – прямоугольную. Конец черенка приострен.

Ко второму варианту, по характерной находке названному отрадненский, отнесены серпы со средне и слабо дуговидно изогнутым клинком, выделенным узким черенком, плавно переходящим в лезвийную часть. К нему сейчас можно отнести только один экземпляр из погребения у ст. Отрадной (Сафронов, 1974. С. 298. Рис. 75: 1).

Таблица 1. Схема классификации серпов костромской группы



К натухаевскому типу принадлежат серпы со средним или сильно изогнутым кликом, выделенным черенком прямоугольной формы, отделенным от лезвия небольшим изгибом или уступом. Так же, как и у других вариантов серпов костромской группы степень изгиба их спинки варьирует. Следует также отметить, что их важным признаком является продольный изгиб клинков. Этот тип сейчас известен в количестве 4-х экземпляров. Он распространен на сравнительно небольшой территории: два серпа происходят из Натухавского II клада (Анапский р-н Краснодарского края), еще два – из клада Большое Садовое (Бахчисарайский район, Крым) (Новичихин, 2012. С. 4. Рис. 1: 2–3; Kłoczko, 2014. С. 168. Рис. 1). В этом типе также выделяются два варианта. В первый из них включены серпы с отверстием на черенке (вариант 1), а ко второму – без отверстия (вариант 2). Вероятно, при помощи этого отверстия рукоять дополнительно крепилась к хвостовой части.

Судя по данным визуального обследования, все серпы костромской группы были литыми. Для их производства, по всей видимости, использовались двустворчатые глиняные формы. На одной створке помещался негатив, а вторая – служила крышкой. Литник располагался со стороны черенка. Как свидетельствуют спектральные анализы, орудия костромской группы, в основном, отливались из мышьяковой бронзы (Черных, 1966. С. 40–42. Табл. 3).

Благодаря ряду комплексных находок, может быть установлена хронология серпов костромской группы. Первый тип представлен в Костромском кладе, который является самым характерным памятником одноименного этапа. Согласно современным представлением, он датируется посткатакомбным временем, т.е. самым концом эпохи средней бронзы (конец III – начало II тыс. до н. э.). Возможно, к более раннему времени, привольненскому этапу, следует относить два серпа из отрадненского погребения. Хотя достоверность этого памятника сейчас невозможно подтвердить, весь его инвентарь указывает на сравнительно раннее время. Отрадненские серпы также выглядят весьма архаично. По форме они стоят ближе всего к кураоаракским серпам, которые, вероятно, были прототипами орудий костромской группы (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. Рис. 42: 27, 30–31).

Вполне возможно, что к концу привольненского этапа также можно отнести клад из Большого Садового, в состав которого входят два серпа натухаевского типа. Ножи и тесла этого комплекса имеют прямые аналогии в памятниках восточноманычской катакомбной культуры. Вместе с тем, нужно отметить, что, судя по составу Натухаевского II клада (топор, нож, тесло, 2 серпа), оба варианта серпов натухаевского типа могут датироваться костромским этапом.

Таким образом, оба типа серпов костромской группы появились еще в конце привольненского этапа. Они продолжали использоваться до конца эпохи средней бронзы, охватывая весь костромской этап.

Список литературы

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высш. Антроп. шк., 2002. 346 с.

Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. 1935. Вып. 120. С. 7–237.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металло-

обработки в конце медно-бронзового века. М.; Л.: АН СССР, 1951 (МИА. № 23). С. 75–124.

Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V – III тыс. до н. э.). Л.: Наука, Ленингр. отдние, 1970. 191 с.

Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1978. 151 с.

Новичихин А.М. Второй Натухаевский клад металлических изделий бронзового века и новые находки бронзовых серпов в Западном Закубанье // Историко-археологический альманах. 2012. № 11. С. 4–11.

Пелих А.Л., Олейничев С.С. Новая находка серпа «костромского» типа // Восьмые чтения по археологии Средней Кубани. 2001. С. 12–15.

Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. 1974. Вып. 7. С. 23–306.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966 (МИА. № 132). 144 с.

Памятники бондарихинской культуры на Верхнем Дону

*© 2020 г. **А.А. Клюкойть** (artyuom.klyukoit@yandex.ru)*

Государственная дирекция культурного наследия Липецкой области, Липецк, РФ
Археологические исследования, Липецк, РФ

Аннотация. Работа носит предварительный характер, в ней собраны известные на данный момент на территории Верхнего Дона памятники, относимые к бондарихинской культуре. Выполнен предварительный анализ имеющегося керамического материала, приведены относимые к указанной культуре постройки.

Ключевые слова: бондарихинская культура, эпоха бронзы, керамика, постройка, поселение.

Целью работы является обобщение известных памятников бондарихинской культуры на Верхнем Дону, их картографирование и предварительный анализ.

Ранее эти материалы рассматривались лишь однажды: в 2002 году в работе Е.Н. Мельникова, в контексте изучения периода финальной бронзы на Верхнем Дону (Мельников, 2002).

Стоит сказать, что многие рассматриваемые материалы несут на себе черты не только бондарихинской, но и малобудковской, а возможно и марьяновской керамической традиции, вопрос соотнесения которых разными исследователями решается по-разному (Буйнов, 2010; Корохина, 2009. С. 13). Не присоединяясь пока к какой-то точке зрения, мы рассматриваем все имеющиеся материалы.

Нами учтено 27 поселений, из них 13 располагаются в пойме, на пойменных останцах и 14 – на надпойменных террасах. Единственная точка концентрации памятников наблюдается в районе так называемой Острой Луки Дона, участка резкого изгиба р. Дон южнее города Задонск, где их выявлено 10.

Более или менее представительные коллекции получены с поселений Балахнинское, Замятино 5, Карамышево 2, Кривец 4, Ксизово 17А, Ксизовское городище, Курино 1, Ламская слобода, Ратчино 6, Рыкань 2, Тавровское поселение, Чертовицкое 6, Шиловское поселение.

К бондарихинской культуре на Верхнем Дону принято относить светло-коричневую и коричневую керамику с плотным тестом, примесью песка, шамота и дресвы. Поверхность сосудов чаще заглажена, иногда с расчесами. Средняя толщина стенок 0,5–1 см. Венчики либо отогнуты наружу, либо прямые, диаметром 16–22 см. Днища с закраиной и без, диаметром 12–20 см.

Основными элементами орнамента считаются ряды круглых или с неровными краями вдавлений, нанесенных палочкой или костью. Вдавления чаще составляют ряды или образуют треугольные композиции. Венчики сосудов, в основном, орнаментированы насечками, вдавлениями и пальцевыми защипами.

Подобная керамика близка к классическому описанию бондарихинских сосудов (Ильинская, 1961) и доминирует на поселениях Каменка 1, Ламская слобода, Рыкань 2, Тавррово, Шилово.

Также, на многих поселениях можно встретить материалы с иными орнаментальными признаками, среди которых овальные вдавления, выполненные палочкой с намотанным шнуром, прочерченные линии, отрезки зубчатого штампа, оттиски палочки с редко намотанным шнуром, гребенчатые вдавления по тулову и венчику. Венчики украшены насечками, защипами, круглыми вдавлениями, оттисками зубчатого штампа.

Подобная керамика находит аналогии в малобудковских (Корохина, 2009) материалах и преобладает на поселениях Балахнинское, Замятино 5, Рыбное озеро 2, Ксизово 17А, Мухино 2, Ксизово 6, Ксизово 19.

На ряде поселений керамика с бондарихинскими чертами несет на себе следы иной культурной традиции. К ним может быть отнесено поселение Карамышево 2, где в единых комплексах, наряду с валиковой посудой, присутствуют сосуды с бондарихинскими и срубными признаками.

На поселениях Кривец 4, Ксизовское городище, Чертовицкое 6, ряд сосудов несет на себе следы, по нашему мнению, северного или северо-восточного влияния это – гребенчатый штамп как основной орнаментальный мотив, а также венчики с налепом, украшенные насечками и гребенчатым штампом. На поселении Ратчино 6 можно говорить о северной или северо-восточной керамике с влиянием бондарихинской культуры.

Стоит отметить, что на данный момент провести адекватную оценку подобных культурных взаимодействий очень сложно, однако и игнорировать специфические черты ряда памятников было бы не правильно.

Некоторые индивидуальные предметы отнесенны авторами работ к бондарихинским, а именно кремневые серпы с поселений Шилово и Рыкань 2, обломок псалия и биконические пряслица с поселения Шилово (Екимов, Беседин, 1980; Матвеев, Екимов, 1980), глиняная льячка с поселения Тавррово (Тихонов, Екимов, 1977).

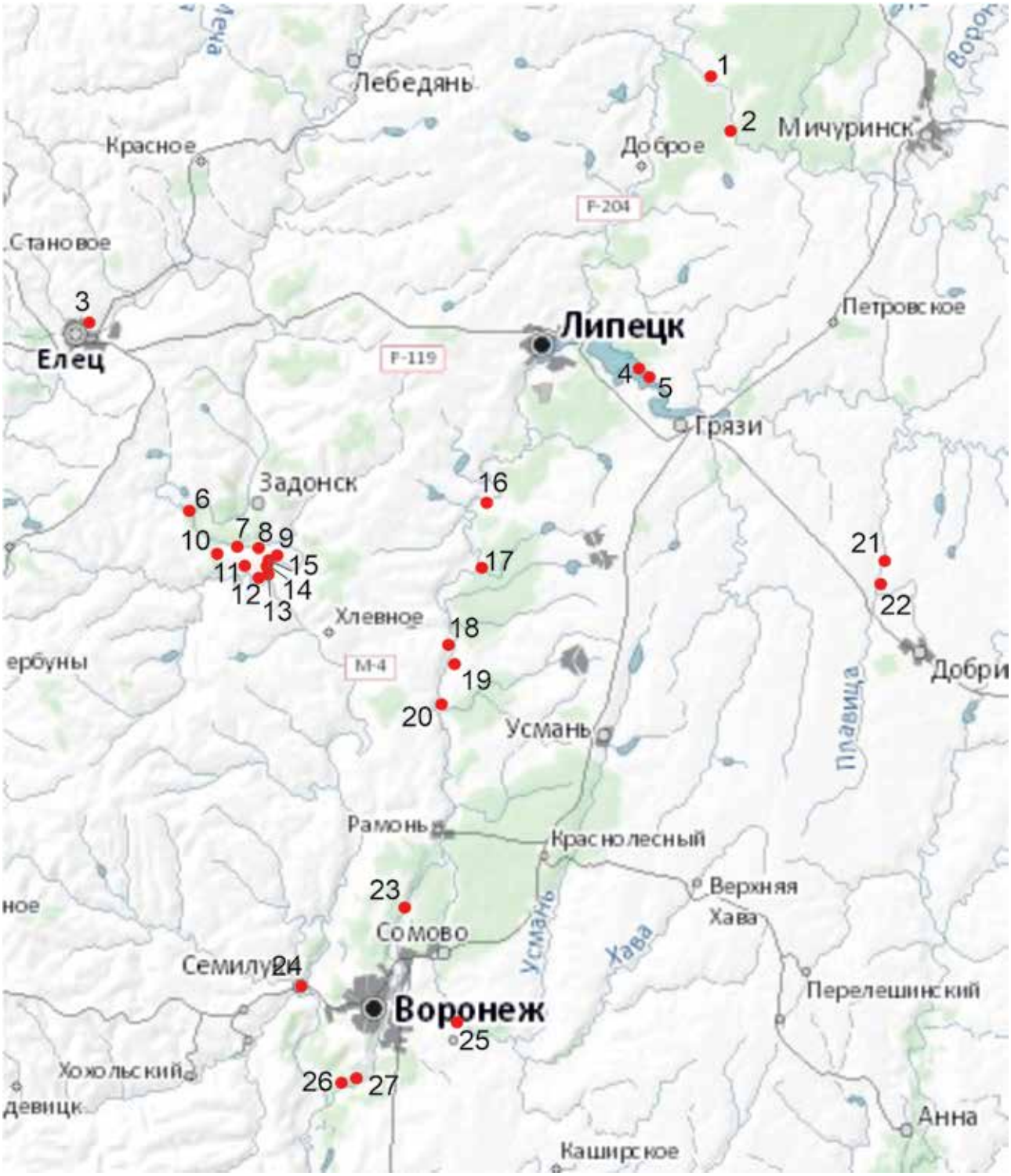


Рис. Карта распространения памятников бондарихинской культуры на Верхнем Дону. 1 – Ратчино 6; 2 – Кривец 4; 3 – Ламская слобода; 4 – Рыбное озеро 2; 5 – Ярлуковская протока; 6 – Каменное 1; 7 – Замятино 5; 8 – Острая лука 3; 9 – Ксизово 19;10 – Балахнинское; 11 – Мухино 2; 12 – Ксизово 7; 13 – Ксизово 6; 14 – Ксизово 17А; 15 – Ксизовское городище; 16 – Карамышево 2; 17 – Гудовский кордон 7; 18 – Курино 1; 19 – Савицкое 1; 20- Устье р. Излегоща 3; 21 – Богородицкое; 22 – Плавица; 23 – Чертовицкое 6; 24 – Семилукское городище; 25 – Рыкань 2; 26 – Тавровское; 27 – Шиловское.

Пока нам известны только три бондарихинские постройки:

Прямоугольное сооружение размерами 10,8×8,4 м выявлено на поселении Рыкань 2. В нем зафиксирован открытый очаг и хозяйственная яма.

Также, прямоугольная, постройка, размерами 15,0×11,8 м, с очагом и столбовыми ямами в центре и по периметру строения, выявлена на Тавровском поселении.

Небольшая прямоугольная постройка, размерами 2,5×3,6 м, выявлена на поселении Чертовицкое 6. В ее углах были устроены две небольшие хозяйственные ямы, а по периметру, вероятно, располагались столбы.

Подводя итог, можно сказать, что сейчас на Верхнем Дону выявлены материалы с признаками малобудковской и бондарихинской керамической традиции, фиксируются

факты, возможного взаимодействия их носителей с местным населением и с племенами соседних территорий.

Открытым остается вопрос о датировках. Радиоуглеродный анализ пока не проводился, а имеющиеся материалы не позволяют уверенно датировать их точнее чем конец II тыс. до н. э.

Работа написана при поддержке гранта Фонда Президентских грантов, проект № 20–1–035143.

Список литературы

Буйнов Ю.В. К вопросу о генезисе памятников малобудковского типа, финала бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). Харьков: ООО «НТМТ», 2010. С. 16.

Екимов Ю.Г., Беседин В.И. К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в Лесостепном Подонье // Археология Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1980. С. 79–94.

Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века // СА. № 1. 1961.

Корохина А.В. До походження бондарихинської культури // Археологія. 2009. № 3. С. 13–18.

Матвеев Ю.П., Екимов Ю.Г. Поселение эпохи бронзы Рыкань-2 // Археология Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1980. С. 94–102.

Мельников Е.Н. Материалы финала эпохи бронзы с территории Верхнего Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 9. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2002. С. 119–125.

Тихонов Б.Г., Екимов Ю.Г. Тавровское поселение заключительного этапа эпохи бронзы // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983. С. 138–144.

Животные в погребальной практике одиновской культуры Среднего Приомья

© 2020 г. Л.С. Кобелева *(lilyakobeleva@yandex.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. Остеологические материалы – ценный источник для реконструкции хозяйственной и иррациональной деятельности древнего населения. Анализ остеологических коллекций памятников одиновской культуры эпохи раннеразвитой бронзы Среднего Приомья позволил реконструировать хозяйство как переходное от присваивающих форм к производящим. Исследование погребального инвентаря и костей жертвенных животных и рыбы предоставило новую информацию об элементах погребальной практики носителей одиновской культуры.

Ключевые слова: остеология, одиновская культура, эпоха бронзы, Среднее Приомье.

Остеологические материалы являются важной частью погребального инвентаря одиновской культуры. В настоящее время наиболее изученными одиновскими памятниками Среднего Приомья являются могильники Сопка-2/4, Тартас-1, Абрамово-11. При этом полностью в научный оборот введены только остеологические материалы Сопки-2/4 (Молодин, 2012. С. 22–29. Табл. 2). Данная работа ставит своей целью анализ неопубликованных материалов из Абрамово-11 и Тартаса-1. Остеологические определения выполнены канд. биол. наук С.К Васильевым, канд. биол. наук Л.А. Коневой.

Могильник Абрамово-11 включает 17 захоронений и 15 ритуальных ям. Кости животных присутствуют в 5 могилах (№ 1, 3, 6, 7, 16). В парном погребении № 1 найдено две проколки из грифельных костей лошади, лежащие в области кистей рук умерших. Под левым крылом таза одного из них обнаружена подвеска из зуба медведя. В погребении № 3 найдена кость утки. Погребение № 6 содержало кинжаловидное орудие из неопределимой кости. В погребении № 7 в районе кисти руки погребенного находились 2 астрагала овцы-козы и жаберная крышка карася. Погребение № 16 ограблено, в его заполнении, в переотложенном состоянии найдены фрагменты гребня из рога лося.

Одиновская часть многослойного могильника Тартас-1 представлена 37 захоронениями и не менее чем 36 ритуальными ямами, при этом кости животных присутствуют в 11 могилах и 6 ямах.

Встречаются три варианта помещения костей животных в погребение: в сопроводительных сооружениях, в заполнении могилы и на ее дне непосредственно вместе с останками погребенного. Причем с телом умершего помещалась как заупокойная пища, так и украшения и орудия труда из костей, рогов и зубов животных, в данном исследовании мы учитываем все остеологические материалы могильника.

В заполнении могильных ям кости животных зафиксированы в 4 захоронениях (№ 487, 495, 497, 498).

В погребении № 487 в верхней части заполнения найден фрагмент берцовой кости лошади. В могильной яме погребения № 495 зафиксировано скопление костей, включающее 20 неопределимых обломков, зуб лося и зуб нижней челюсти лошади. В засыпке могилы № 497 на разных уровнях найдено 66 мелких неопределимых обломков костей животных, 5 зубов лошади, зуб коровы, 4 кости птицы. В заполнении погребения № 498 найдены: нижний конец лучевой и плюсневая кость коровы, а также ребро и фрагмент плюсневой кости козы-овцы. К северу от погребенного в районе ног и разбросанных частей скелета находились: фрагмент нижней челюсти, астрагал и запястная кость коровы, зуб нижней челюсти лошади и тазовая кость овцы.

Таким образом, кости животных в засыпке, как правило, представлены крупными фрагментами, находящимися на разных уровнях заполнения. Куски разделанной

Таблица 1. Остеологические материалы памятников одиновской культуры Среднего Приомья.

Животные	Тартас-1		Абрамово-11		Сопка-2/4	
	костей	особей	костей	особей	костей	особей
Лошадь	11	7	2	2	-	-
Овца-коза	7	4	2	1	26	>8
Корова	11	5	-	-	3	2
Собака	2	2	-	-	3	3
Лось	5	4	1	1	49	>28
Косуля	7	2	-	-	-	-
Медведь	1	1	1	1	1	1
Заяц	-	-	-	-	74	>21
Соболь	1	1	-	-	5	4
Бобер	-	-	-	-	1	1
Птица	6	3	1	1	10	6
Рыба	381	>7	2	1	9	2

туши, видимо, бросали вместе с землей в полузасыпанную могилу.

Кости животных на дне могильных ям в составе сопроводительного инвентаря умерших зафиксированы в 9 погребениях (№ 152, 193, № 270–271, № 273, № 286, 487, 489, 497).

В погребении № 152 найдены неопределимые обломки трубчатых костей животного. В погребение № 193 у правой руки умершего обнаружена проколка из плечевой кости утки. Под локтевым сочленением этой же руки располагались две иглы, одна из них изготовлена из кости животного, вторая из ребра крупного карася (*carassius*).

Погребение № 270 ярусное и содержит останки двух человек, взрослого и ребенка. Поверх левой кисти взрослого лежала проколка из грифельной кости лошади.

Погребение № 271 содержало останки ребенка. В районе его таза обнаружена костяная проколка из грифельной кости лошади.

Погребение № 273 принадлежало ребенку. Вдоль правой ноги погребенного располагалось спрессованное скопление рыбьих костей включающие: первый луч грудного плавника, элементы жаберных крышек, глоточные зубы и чешую карася (не менее 2 особей). Здесь же найдена чешуя и затылочные кости черепа язя (*leuciscus idus*). В районе стопы левой ноги умершего расположено второе скопление костей рыбы. Оно включало чешую, глоточные зубы, элементы костей черепа, нижней челюсти, лучи плавников не менее чем от трех язей. В ногах умершего также обнаружена нижняя челюсть щуки (*esox lucius*) в возрасте 2–3 лет. Рядом с правой плечевой костью погребенного найден фрагмент челюсти мелкого хищника.

Погребение № 274 вторичное. Найдены кости двух человек, взрослого и ребенка. Вдоль правой ноги взрослого расположены фрагменты семи подвесок из мелких трубчатых костей птицы (утка), которые, вероятно, были нашиты на одежду. У головы найдены две подвески из резцов лося.

Погребение № 286 содержало кости взрослого человека. На правой стороне грудной клетки лежат три резца косули, вероятно, нашитых на одежду. На левую ногу в области голеностопа положена ложка из рога лося. Здесь же, на боку, лежал маленький глиняный сосудик (тигель) с уплощенным дном. Внутри и рядом с ним обнаружены четыре резца косули, а также фрагмент нижней челюсти небольшого хищника.

Погребение 487 содержало кости взрослого человека. У левой тазовой кости, найдена фаланга медведя, подработанная с обеих сторон режущим орудием.

Погребение № 489 ограблено, кости человека (ребра, фаланги стоп) были перемешаны с обломками таза, черепа и нижней челюсти коровы и выброшены на ЮЗ край погребения. Здесь же найдено скопление костей карася и чешуя язя.

Погребение № 497 содержало скелет взрослого человека. У правого плеча умершего помещена первая фаланга лошади. Вдоль левой ноги, расположено крупное скопление предметов, включающее 5 неопределимых фрагментов трубчатых костей, обломки бедренной кости и таза овцы-козы, лучевую кость и верхний конец диафиза лося. Здесь же находилась «мотыжка» из рога лося. Под левым крылом таза найдены: диафиз бедренной кости и нижняя челюсть овцы-козы. Между коленями погребного обнаружен череп соболя. Таким образом, в погребении в непотревоженном состоянии найдены кости не менее 6 животных: лошади, коровы, двух коз-овец, лося и соболя.

Следует отметить, что в захоронениях вышеописанных могильников большая часть находок локализуется в районе ног (между берцовых костей, с правой или левой стороны от стопы) или в области кистей рук.

Кроме могил сопроводительный инвентарь и кости жертвенных животных и рыбы присутствуют в примыкающих к погребениям ритуальных ямах, что является частью погребального обряда одиновской культуры. В описываемом могильнике выявлено 6 таких ям (№ 260, 495, 501, 502, 508, 533).

На уровне дна ямы 260 найдены мелкие фрагменты черепа и нижняя челюсть щуки. В заполнении ям № 495 и 502 найдены неопределимые обломки костей животных. На дне ямы № 501 обнаружены фрагменты черепа коровы, череп птицы, кости и чешуя карася. В южной части ямы 508, на уровне дна найден фрагмент кости животного, грудная кость утки, створка раковины речного моллюска (*anodonta cygnea*) и 2 крышечных кости язя. На дне ямы № 533 зафиксировано скопление фрагментов крышечных

костей и чешуи язя и карася. Кости и чешуя также найдены вдоль всей восточной и северной стенок ямы. Помещение рыбы в ритуальные ямы, сопутствующие захоронениям, зафиксировано также и на других памятниках региона (Молодин и др., 2012).

Обращает на себя внимание, что значительная часть остеологической коллекции представлена частями черепа использованных в ритуале животных, что видимо, говорит о формировании культа головы. Данное предположение подтверждается распространением изображений голов в одиновском искусстве.

Таким образом, в погребениях и связанных с ними ритуальных ямах могильника Тартас-1 найдено кости не менее чем 7 лошадей, 4 овец, 5 коров, 2 собак, 4 лосей, 2 косуль, 1 медведя, 1 соболя, 3 уток. Явное преобладание домашних животных в материалах этого памятника контрастирует с коллекцией из Сопки-2/4, где количество диких животных (особенно лося) очень велико (Табл. 1). Однако, следует отметить, что все находки костей лося из Сопки являются изделиями из рога (6 экз.), проколками (10 экз.), или подвесками из резцов (33 экз.). Такая ситуация скорее говорит о предпочтении в выборе поделочного материала, а не о преобладании охоты над другими видами хозяйства. Анализ остеологических материалов одиновских памятников Центральной Барабы позволяет реконструировать экономику оставившего их населения как переходную от присваивающих форм к производящим.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00406.

Список литературы

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А. Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 25–36.

Переходное время от развитой к эпохе поздней бронзы Северо-Западной Азии

© 2020 г. И.В. Ковтун *(ivkovtun@mail.ru)*

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, РФ

Аннотация. Работа посвящена обоснованию межэпохального переходного времени в Северо-Западной Азии во второй трети II тыс. до н. э. Выделена свита раннеандроноидных культур, составивших историческое содержание этого периода. Представлена сводка датировок по ^{14}C, удостоверяющих единый диапазон раннеандроноидного культурно-хронологического горизонта.

Ключевые слова: андроноидность, танайская культура, переходное время, радиоуглеродные даты.

Окончание андроновской эпохи практически повсеместно сопровождалось формированием андроноидных культурных образований. Первая постандроновская свита культур знаменует раннюю стадию феномена андроноидности. Она представлена такими раннеандроноидными образованиями как классическая карасукская или «I этап эпохи поздней бронзы», танайская, еловская, позднекротовская (заключительная фаза черноозерского этапа), возможно корчажкинская (ранний этап) (?), бегазы-дандыбаевская, возможно пахомовская (ранний этап), коптяковская (поздний этап), черкаскульская, федоровская и др. культуры.

Начало классической карасукской культуры или «I этапа эпохи поздней бронзы» (по И.П. Лазаретову и А.В. Полякову) Среднего Енисея удревнено и датировано финалом XV в. до н. э. (Поляков, Святко, 2019. С. 19). Но три радиоуглеродные даты данного периода указывают на начало XV в. до н. э., а нижний рубеж еще двух дат определен последней третью XVI в. до н. э. (Poliakov, Lazaretov, 2020. P. 7. Table 4).

К западу от средненисейских котловин раннеандроноидная эпоха представлена памятниками выделенной автором танайской культуры (Ковтун, 2016. С. 68–71). Культурное ядро этого комплекса локализовано близ оз. Танай и представлено могильниками Танай I и Танай XII, поселениями Танай IV, Танай IVA, Калтышино V и местонахождением Исток (исследования В.В. Боброва, В.С. Горяева, В.Н. Жаронкина, Ю.И. Михайлова и др.). Но ареал циркумтанайского массива шире и включает поселение Саратовка 6 в юго-восточном Присалаирье (исследования А.М. Илюшина и С.А. Ковалевского) с танайскими и смешанными танайско-ирменскими чертами, а также раннеандроноидные комплексы кургана 2 могильника Заречное 1 на р. Ине и памятников Новосибирского Приобья: Крохалёвка 7А, Крохалёвка 7Б, Крохалёвка 36, Крохалёвка 37, Ордынское 11, Ордынское 12, Бурмистрово 1 (исследования В.А. Заха, А.В. Матвеева, Е.А. Сидорова, В.А. Сумина, М.В. Титовой и Т.Н. Троицкой). Субстратные танайско-еловские орнаментальные мотивы присущи керамике могильника Крохалёвка 13 (исследования О.В. Софейкова, М.В. Титовой и Т.Н. Троицкой).

По дереву из могилы 3 кургана 5 Таная I (Le-4121) получена дата 3120±80 ВР при калиброванных показателях 1500–1260 гг. до н. э. (1σ) или 1600–1120 гг. до н. э. (2σ) (Zaitseva, van Geel, 2013. P. 75). Современная калибровка указывает на 1546–1191 гг. до н. э. (92,2 %) или 1457–1281 гг. до н. э. (63,7 %).

Погребение в кв. Ю-Я-26–27, 2004 Таная XII (ИМКЭС-14С1355) датировано 3271±78 ВР, т.е. 1745–1403 гг. до н. э. (95 %) или 1631–1490 гг. до н. э. (58,0 %), а дата могилы в кв. Ю-Э-25, 2004 Таная XII (ИМКЭС-14С1356) определена 3167±77 ВР, т.е. 1620–1259 гг. до н. э. (94,8 %) или 1527–1381 гг. до н. э. (57,9 %).

Дата одного фрагмента керамики с поселения Калтышино V (SPb_3130 Калтышино V, обр. 3а) определена 3055±35 ВР, т.е. 1411–1223 гг. до н. э. (95,4 %) или 1321–1265 гг. до н. э. (35,1 %), или 1389–1338 гг. до н. э. (33,1 %). Второй фрагмент (SPb_3130 Калтышино V, обр. 2) датирован 3079±35 ВР, т.е. 1426–1260 гг. до н. э. (94,7 %) или 1361–1295 гг. до н. э. (45,1 %), или 1404–1369 гг. до н. э. (23,1 %).

Суммарно без крайних значений и без учета резервуарного эффекта нижний рубеж танайской культуры ограничен XVI в. до н. э. Сосуществование с ирменским социумом и даты Калтышино V удостоверяют верхнюю границу танайских древностей в пределах XIV–XIII вв. до н. э.

К северу и северо-западу от танайского ареала располагалась территория еловской культуры. Раннеандроидный облик соответствующей части еловских древностей очевиден, что подтверждается датами андроновских и еловских захоронений ЕК-II (Матющенко, 2004. С. 352) откалиброванными нами. Дата еловской могилы 112 определена 3150±55 ВР, т.е. 1530–1266 гг. до н. э. (95,4 %) или 1498–1390 гг. до н. э. (60,8 %). Еловское захоронение 338 датировано 3090±90 ВР, т.е. 1533–1076 гг. до н. э. (94,6 %) или 1444–1226 гг. до н. э. (68,2 %). Таким образом, еловский комплекс бытовал с последней трети XVI до XIV–XIII вв. до н. э.

В Барабе и Среднем Прииртышье позднекротовская культура, представленная заключительной фазой своего позднего черноозерского этапа (Молодин, 2014. С. 50–53; Молодин, Гришин, 2019. С. 148), отвечает критериям раннеандроноидного комплекса. Даты по ^{14}C позднекротовских захоронений Сопки-2/5 определены XIX–XVIII/XVII вв. до н. э. (Молодин и др., 2014. С. 148). Смешанный андроновско-позднекротовский комплекс могильника Тартас-1 датировался XIX–XV или XVII–XV вв. до н. э. (Molodin et al., 2012. P. 743), а также XVII–XIV вв. до н. э. (Молодин, и др., 2011. С. 251). Среди дат погребений Сопки-2/5 имеются и сравнительно поздние значения: № 119 – 1670–1370 гг. до н. э. или 1900–1100 гг. до н. э.; № 123 – 1750–1610 гг. до н. э. или 1780–1520 гг. до н. э.; № 134 – 1540–1370 гг. до н. э. или 1690–1250 гг. до н. э.; № 625 – 1760–1610 гг. до н. э. или 1780–1520 гг. до н. э. (Молодин, Гришин, 2019. С. 152–153). Суммарно эти даты охватывают вторую четверть или даже вторую треть II тыс. до н. э. Бронзовые браслеты с конусовидными спиралями из погребений № 119 и № 123, как характерный маркер начала формирования свиты раннеандроноидных культур, также указывают на конец второй половины – середину II тыс. до н. э.

К югу и юго-западу от Барабы раннеандроноидный локус представлен памятниками бегазы-дандыбаевской культуры. Известны три даты могильника Сангыру-1: мавзолей 7 – 1496–1474 гг. до н. э. или 1461–1427 гг. до н. э. (68,3 %), 1505–1408 гг. до н. э. (95,4 %); ограда 13 – 1386–1339 гг. до н. э. или 1317–1268 гг. до н. э. (68,3 %), 1406–1256 гг. до н. э. (94,2 %); ограда 2 – 1494–1479 гг. до н. э. или 1456–1408 гг. до н. э. (68,3 %), 1502–1387 гг. до н. э. (95,2 %) (Бейсенов, 2015. С. 119). Датировки охватывают период от финала XVI–XV вв. до н. э. до XIV – середины XIII вв. до н. э. и укладываются в хронологический диапазон переходного времени.

Для позднего этапа коптяковской культуры Нижнего Притоболья известны даты с поселения Курья 1 и Чепкуль 20 (Зах, 2012. С. 39). Их калибровка дала следующие результаты: поселение Курья 1 – 1776–1607 гг. до н. э. (90,9 %) или 1700–1633 гг. до н. э. (47,8 %); поселение Чепкуль 20 – 1625–1421 гг. до н. э. (95,4 %) или 1546–1449 гг. до н. э. (54,6 %,), 1683–1257 гг. до н. э. (94,5 %) или 1562–1390 гг. до н. э. (57,9 %), 1744–1417 гг. до н. э. (95,4 %) или 1644–1496 гг. до н. э. (63,7 %). При охвате периода с XVIII до XIII вв. до н. э., большинство дат соответствует времени с конца XVII–XVI до XV – начала XIV вв. до н. э.

Синхронизируемые с позднекоптяковскими черкаскульские древности, в свою очередь, одновременные федоровским, суммарно датированы 1610–1260 гг. до н. э. или 1600–1250 гг. до н. э. (Молодин, и др., 2014. С. 141–142, 145. Рис. 2), т.е. XVI – серединой XIII вв. до н. э. При этом, достоверные радиоуглеродные даты собственно федоровских памятников Зауралья, а также ранних пахомовских комплексов отсутствуют.

Таким образом, конец XVII–XVI до н. э. в лесостепной и подтаежной зонах Северо-Западной Азии отмечен генерацией свиты раннеандроноидных социокультурных образований. Они просуществовали всю вторую треть II тыс. до н. э. и составили особый транзитивный период между андроновской и массивом пост- и позднеандроноидных культур в переходное время от эпохи развитой к эпохе поздней бронзы Северо-Западной Азии.

Список литературы

Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТГУ. История. 2015. № 3 (35). С 111–122.

Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 29–40.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016. 547 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: ОмГУ, 2004. 468 с.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 49–54.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. 223 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 251–252.

Поляков А.В., Святко С.В. 2009–2019: новые данные по радиоуглеродной хронологии эпохи бронзы минусинских кот-

ловин // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 18–20.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. ^{14}C chronology of burial grounds of the andronovo period (middle bronze age) in Baraba forest steppe, Western Siberia // Radiocarbon. 2012. Vol. 54, № 3–4. P. 737–747.

Poliakov A.V., Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports 29 (2020) 102125. P. 1–18.

Zaitseva G.I., van Geel B. The occupation history of the Southern Eurasia steppe during the holocene: chronology, the calibration curve and methodological problems of the scythian chronology // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Sciences Series. IV. Earth and Environment Sciences. Vol. 42. 2013. P. 63–82.

Магистральные вехи и факторы культурогенеза II–I тыс. до н. э. в Среднем Зауралье

© 2020 г. ***О.Н. Корочкова*** *(Olga.Korochkova@urfu.ru)*

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Аннотация. В докладе поднимаются проблемы связанные с пониманием процессов становления эпохи металла на территориях, не имевших условий для производства пищи, но обладавших исключительными сырьевыми ресурсами. Рассматривается комплекс факторов, обеспечивших включение горно-лесного Зауралья в систему глобальных информационных связей Северной Евразии и формирования самостоятельных горно-металлургических центров, опиравшихся на высокий уровень кооперации со скотоводами лесостепного и степного пояса.

Ключевые слова: Урал, бронзовый век, ранний железный век, культурогенез.

В конце III –начале II тыс. до н. э. горно-лесное Зауралье втягивается в систему металлургических провинций Евразии, о чем сообщают не только появившиеся на этой территории изделия из бронзы, но, прежде всего, кардинальные перемены в образе жизни, вызванные становлением металлопроизводства. Уникальность происходивших здесь процессов заключается в том, что развитие авангардных технологий происходило в регионе, не имевшем условий для производства пищи, что является непременной предпосылкой для разделения труда.

Отражением магистральных перемен являются следующие археологические культуры: коптяковская и черкаскульская эпохи бронзы, иткульская раннего железного века. Особенности локализации, количество и типы археологических памятников свидетельствуют о различных моделях становления и развития металлопроизводства, пищевых стратегий, связей, транспорта, меняющейся демографической ситуации.

Сложение коптяковской культуры было стимулировано воздействием на культуру местного населения носителей сейминско-турбинских и степных («петровка-алакуль») традиций. Наиболее значимые перемены отражает сложение самостоятельного коптяковско-сейминского центра металлообработки и появление новых символических практик, воплощенных в святилище Шайтанское Озеро II (Корочкова и др., 2019).

Дальнейшие изменения связаны с расширением андроновской колонизации на север и формированием черкаскульской культуры андроноидной общности. За подобными археологическими общностями вырисовываются процессы тесных интеграций обществ, перешедших к продуктивному скотоводству, обладавших колесным транспортом, нуждавшихся в орудиях из металла и собственных источниках меднорудного сырья. В этом смысле горно-лесное Зауралье представляло исключительный интерес как территория концентрации месторождений с окисленными рудами и выходами самородной меди. Однако местные ландшафтно-климатические условия существенно ограничивали пищевые стратегии населения. Археологические материалы второй половины II тыс. до н. э. регистрируют весьма заметный дрейф носителей черкаскульских традиций в лесостепные и степные районы Урала, отвечавших потребностям подвижного скотоводства. Культурная самобытность и усилия по адаптации в инокультурной среде поддерживались культовыми практиками, которые отличались высокой степенью вариативности/разнообразия: погребальные сооружения с монументальными каменными конструкциями и неглубокие грунтовые могилы с ограждением из мелких камней, индивидуальные и многомогильные комплексы, святилища на озерах.

Следующий поворотный момент в культурогенезе отражает иткульская культура раннего железного века. В отличие от коптяковской, а их ареалы совпадают абсолютно, демонстрирует более высокую плотность населения, сложение собственного горно-металлургического центра с развитыми циклами производства (горное дело, обогащение, плавка из руды, кузнечное дело). Более динамичные социальные процессы передают не только многочисленные поселения и производственные площадки, сконцентрированные на компактной территории, но и функционирование городищ, культовых мест, появление новых видов символической деятельности. При этом, ландшафтно-климатические реалии I тыс. до н. э. также не соответствовали развитию продуктивного скотоводства. И, тем не менее, археологические данные прямо свидетельствуют о существовавшем разделении труда и производстве большого количества оружия, предназначавшегося кочевникам степного Зауралья, как небезосновательно предполагаю исследователи, в обмен на скот (Бельтикова, 2005).

Перечисленные археологические феномены расширяют наши представления об альтернативных путях развития древних обществ таежной зоны Северной Евразии. Какие факторы способствовали формированию уникальной мо-

дели производящих центров в среде населения преимущественно присваивающего образа жизни? Безусловно особое значение имели природные условия: наличие месторождений меди, которые соответствовали уровню технологий того времени; топливные ресурсы (лес), обеспечивавшие энергоемкие пиротехнологические операции; ландшафты, изобилующие площадками, удобными для устройства металлургических и кузнечных горнов (скальные возвышенности на берегу крупных озер).

Следующее немаловажное обстоятельство – близость к основным миграционным коридорам степной и лесостепной зоны и сложившиеся к эпохе палеометалла тесные информационные связи между обитателями Среднего Зауралья и более южных районов, о чем свидетельствует выделяемая по археологическим материалам Зауральско-Североказахстанская общность III тыс. до н. э. (Чаиркина, 2005. С. 290). Подобные интеграции во многом обеспечили подготовленность таежных обитателей к восприятию инноваций, которые стали исходить из среды культур производящего образа жизни.

Стоит отметить также присущую лесным культурам консервативность, которая обладает качествами рациональной селекции в процессе выработки магистральных адаптаций. Горно-металлургическая революция раннего железного века – результат устойчивого и длительного развития местных традиций металлопроизводства на протяжении бронзового века, выработанных способов получения, сохранения, накопления и передачи актуальной информации.

Переход к эпохам бронзы и железа происходил на фоне заметного усиления роли военного фактора, о чем свидетельствуют прорывы в области вооружения и своего рода начавшейся «гонки вооружений» материализованной в депонировании престижных видов оружия и иных атрибутов в погребениях и святилищах: элитные захоронения синташтинской и петровской культур, сейминско-турбинские некрополи-мемориалы, иткульские погребения и «клады на вершинах гор» (Викторова, 2004. С. 158–173). Развитие вооружения во многом стимулировало усиление миграционных акций, которые различались по своему содержанию. Это были и отдельные экспедиции и поэтапная колонизация, но все они активизировали процессы культурной трансформации, т.к. являлись серьезными когнитивными вызовами для аборигенного населения.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18–09–40011.

Список литературы

Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга): Сб. науч. тр. Екатеринбург: Уральский университет, 2005. С. 162–186.

Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 158–173.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Среднее Зауралье в контексте Западноазиатской металлургической провинции: феномен коптяковской культуры // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 2. С. 61–107.

Корочкова О.Н. Среднее Зауралье и таежное Приобье в системе связей Западноазиатской металлургической провинции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Том. 64. № 2. С. 718–739.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.

Обрядово-престижные погребения Бережновских могильников и гипотеза «двух линий развития»

© 2020 г. О.В. Кочерженко *(vnslonov@yandex.ru),* ***В.Н. Слонов***

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, РФ

Аннотация. В работе с помощью математических методов исследуется структура погребального обряда эпохи поздней бронзы Бережновских могильников. В результате проведенного анализа оказалось, что, помимо отличия структуры обряда «простых» и «элитарных» погребений, для последних оказывается возможным выделить 3 самостоятельных группы, а также говорить о наличии «покровской» и «собственно-срубной» линий развития.

Ключевые слова: погребальный обряд, срубная культура, Бережновские могильники, математические методы в археологии.

Накопленные за многие годы исследований материалы, относящиеся к эпохе поздней бронзы степей Восточной Европы, достаточно определенно свидетельствуют, что оставившие эти памятники общества представляли собой достаточно сложные социальные системы. При исследовании погребального обряда для выявления структуры такой системы требуется применение методов более сложных, чем простые эмпирические наблюдения.

В настоящей работе мы использовали математический метод, в основе которого лежит следующая идея. На первом этапе все погребения исследуемой выборки описываются традиционной двухуровневой системой «признак – значение признака» с соответствующим индексированием (Приложение). Набор признаков и их значений был максимально приближен к наиболее распространенным схемам описания обряда степной бронзы. На втором этапе определяются частоты встречаемости каждого значения признаков по выборке в целом, например: 0108 – 12 объектов из 32, 12/32=0,375 (пример условен), 0209 – 5 из 32, 5/32=0,156. На третьем этапе рассматриваются выборки второго уровня, образуемые значениями признаков, в нашем примере такой выборкой являются 12 погребений со значением признака 0108. Для выборки второго уровня также существуют частоты всех значений

признака (кроме самого признака 01). При этом значение признака 0209 встречается в этой новой выборке, предположим, 5 раз, образуя частоту 5/12=0,417. Это значение сравнивается с базовой частотой значения признака 0209: (0,417–0,156)/0,156=1,67 или 167 %. Полученное отличие сравнивается с отличием, признаваемым «пороговым» (например, 100 %), и, при его превышении, фиксируется связь между значениями признаков 0108 и 0209.

В качестве объекта исследования нами были взяты материалы могильников у с. Бережновка и расположенных рядом с ними памятников, представленные в публикационных изданиях МИА № 60 и № 78, поскольку данные могильники являются одним из важнейших реперов при характеристике эпох степной средней и поздней бронзы. Всего в рассматриваемой выборке оказалось 169 погребений эпохи поздней бронзы.

Для определения связей между значениями признаков имеется 2 варианта расчета. Первый учитывает массовость значений признаков и тем самым позволяет определить общую структуру связей – своего рода «матрицу» погребального обряда. Для нашей выборки расчеты показали наличие 2 сильно связанных внутри себя, но практически никак не связанных между собой, кластеров-«матриц».

М1: основное в кургане, расположение в его центре, собственный курган, простая прямоугольная яма, наличие перекрытия.

М2: впускное в кургане, относящемуся к предшествующему времени, периферийное в круговой структуре, конструкция и форма погребальной ямы не фиксируются, перекрытия нет, керамика отсутствует.

С кластером М1 оказалось соотнесено 51 погребение, с кластером М2 – 73. Еще 45 погребений оказались вне этих кластеров.

Соотношение признаков показывает, что доминантой разделения послужила «обрядово-престижная», а не культурная составляющая. При этом значительное большинство погребений, атрибутируемых как «покровские», оказались в кластере М1. В этот же кластер попали и «обрядово-престижные» срубные захоронения. Логично предположить, что с «обрядово-престижными» погребениями может быть соотнесен социально-значимый статус погребенных.

Для «обрядово-непрестижных» погребений существенно отметить следующее. Среди признаков, сформировавших кластер М2, присутствует впущенность в курган предшествующего времени, который еще имеет достаточно сильную парную связь с признаком «наличие ровика». То, что для целого ряда погребений с такими признаками фиксируется отсутствие нарушения погребения средней бронзы, может свидетельствовать о неслучайном характере размещения срубных рядовых могильников в курганах средней бронзы в связи с осознаваемой связью их с «миром предков».

Второй вариант расчета производится при нивелировке влияния фактора массовости, благодаря чему появляется возможность определения связей для редких значений признаков. В этом случае расчеты выделили единственный кластер Э1: основное погребение в кургане, центральное в круговой структуре, наличие перекрытия, 3 и более сосудов, оружия ближнего боя, следов использования огня. Типологически данный комплекс связей находит аналогии в покровских памятниках. И вполне естественно, что среди 15 погребений кластера Э1 8 оказались покровскими. Однако при этом практически столько же – 7 – погребений относятся в этой группе к срубной культуре.

Устойчивые сильные связи, характеризующие кластер Э1, свидетельствуют о сформированности данного «обрядово-престижного» и, по всей вероятности, элитарного комплекса. А это, в свою очередь, может говорить если и не о полной одновременности, то, по крайней мере, о долговременности сосуществования срубных и покровских памятников, причем на хронологическом отрезке, находящемся уже за пределами этапа формирования культуры.

Далее мы изъяли из выборки эти 15 погребений, а для оставшейся части вновь провели аналогичные расчеты. В результате оказалось, что и в этом случае образуется структура связей, но для нее имеют место 2 кластера.

Э2.1: основное погребение в центре кургана, наличие перекрытия, наличие подстилки, слабая скорченность, северная ориентировка, размещение сосуда в ногах погребенного, наличие украшений.

Э2.2: положение рук отличное от адорации, 2 сосуда в погребении, размещение сосуда у туловища, наличие костей МРС или КРС, присутствие охры.

Кластеру Э2.1 могут быть сопоставлены 12 погребений, кластеру Э2.2 – 10. Для кластера Э2.1 просматривается доминирование покровских обрядовых признаков, и в нем присутствуют 4 покровских погребения. В кластере же Э2.2 имеются только срубные погребения, причем выделяемые признаками, характерными для местных памятников предшествующего времени: руки, отличные от адорации, кости МРС, охра. Нам представляется, что данный результат может служить хорошим аргументом в пользу присутствия в срубной культуре 2 «линий развития»: ведущей свое начало от покровских памятников и местной срубной.

Таким образом, проведенный анализ показал глубокую обрядовую дифференциацию погребений эпохи поздней бронзы Бережновских могильников, сформированность «элитарных» обрядовых признаков 1-го и 2-го уровней, а также четкую взаимосвязь структуры связей признаков 2-го уровня с покровской и собственно-срубной линиями развития.

Помимо этого, удалось наметить пути дальнейших поисков истоков собственно-срубных памятников в Нижнем Поволжье. И эти поиски должны быть связаны с исследованием «рядовых» погребений. Именно среди рядовых, а не элитарных погребений могут быть те, которые несут наибольшее число обрядовых признаков, связанных с предшествующим временем. А «элита», если она уже сформирована, предполагает и сформированность общества в целом, для чего требуется время. Погребения же переходного периода по определению не могут относиться к сформированной элитарной структуре (элитными они могут быть, но только не образуя структуры). По этой причине часто встречаемый тезис «чем богаче погребения – тем они древнее» едва ли пройдет испытание временем. Напротив – при рассмотрении процессов генезиса культуры внимание должно быть обращено прежде всего к рядовым комплексам.

Приложение

1 Стратиграфическая позиция погребения
1.1 Грунтовый могильник
1.2 Основное в кургане
1.3 Впускное в кургане

2 Структурно-планиграфическая позиция погребения
2.1 Центральное в круговой структуре
2.2 Периферийное в круговой структуре
2.3 Принадлежащее линейной структуре
2.4 Отсутствие планиграфической схемы

3 Планиграфическое размещение погребения
3.1 В центре
3.2 СВ сектор
3.3 ЮВ сектор
3.4 ЮЗ сектор
3.5 СЗ сектор

4 Размещение погребения в кургане предшествующего времени
4.1 Да
4.2 Нет

5 Наличие ровика в ритуальном комплексе
5.1 Да
5.2 Нет

6 Конструкция могильной ямы
6.1 С подбоем
6.2 Со ступенькой
6.3 Без особенностей
6.4 Не фиксируется

7 Форма ямы
7.1 Прямоугольная
7.2 Овальная
7.3 Не фиксируется

8 Перекрытие
8.1 Да
8.2 Нет

9 Подстилка
9.1 Да
9.2 Нет

10 Поза погребенного
10.1 Скорченно л.б.
10.2 Скорченно п.б.
10.3 Скорченно на спине
10.4 Скорченно с завалом на живот
10.5 Скорченно с завалом на спину
10.6 Прочее

11 Степень скорченности
11.1 Сильная
11.2 Средняя
11.3 Слабая

12 Положение рук погребенного
12.1 Адорация
12.2 Отличное от адорации

13. Ориентация погребенного
13.1 С
13.2 СВ
13.3 В
13.4 ЮВ
13.5 Ю
13.6 ЮЗ
13.7 З
13.8 СЗ

14 Количество сосудов
14.1 Один
14.2 Два
14.3 Три и более
14.4 Отсутствуют

15.1 Местонахождение «первого» сосуда
15.1.1 У головы
15.1.2 У туловища
15.1.3 В ногах
15.1.4 На краю могилы
15.1.5 Нет керамики

15.2 Местонахождение «второго» сосуда
15.2.1. У головы
15.2.2. У туловища
15.2.3. В ногах
15.2.4. На краю могилы
15.2.5. Нет керамики

15.3 Местонахождение «третьего» сосуда
15.3.1. У головы
15.3.2. У туловища
15.3.3. В ногах
15.3.4. На краю могилы
15.3.5. Нет керамики

16 Элементы «колесничного набора»
16.1 Да
16.2 Нет

17 Оружие дальнего боя
17.1 Да
17.2 Нет

18 Оружие ближнего боя
18.1 Да
18.2 Нет

19 Орудия труда
19.1 Да
19.2 Нет

20 Украшения
20.1 Да
20.2 Нет

21 Кости животных
21.1 МРС
21.2 КРС

21.3 Лошадь
21.4 Собака
21.5 Дикие животные
21.6 Разных видов
21.7 Птицы
21.8 Отсутствуют

22. Местоположение костей животных
22.1 В засыпи
22.2 Ступенька
22.3 Дно
22.4 Край ямы
22.5 В сосуде
22.6 Отсутствуют

23 Следы огня
23.1 Да
23.2 Нет

24 Охра
24.1 Да
24.2 Нет

Колесный транспорт в бронзовом веке степной зоны Восточной Европы

*© **2020 г. П.Ф. Кузнецов** (pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com)*

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ

Аннотация. Работа посвящена анализу информации о конструктивных особенностях повозок бронзового века Восточной Европы.

Ключевые слова: бронзовый век, повозки, колесницы, псалии.

В настоящее время выделяется три региона, где повозки фиксируются приблизительно в одно время – после середины IV тыс. до н. э. Это Южная Месопотамия, Центральная Европа и степная зона Восточной Европы. Г. Чайлд считал местом происхождения повозок Южную Месопотамию. А. Хойслер – одновременно Южную Месопотамию и Центральную Европу (Childe, 1951. P. 193; Hausler, 1998. P. 219). Д. Энтони обосновывает одновременность возникновения повозок во всех трех регионах (Antony, 1995; 2007).

Вместе с тем, несколько обособленно стоит гипотеза о появлении повозок почти на тысячелетие раньше в культурах кукутени и триполье. Основанием для этой версии послужили, якобы, глиняные модели колес от игрушечных (ритуальных) повозок (Dinu, 1981; Гусев, 1988; Maran, 2004: Чуб, 2019. С. 27–29). Но, в вождеской культуре ольмеков Мезоамерики достаточно хорошо известны ритуальные игрушки на колесиках. При этом, сам колесный транспорт ни в этой культуре, ни в последующих так и не был изобретен. Данный пример демонстрирует, насколько различны ритуально-мифологические представления догосударственных образований. Миропонимание в эти эпохи не сводимо к сугубо утилитарной (прикладной) логике. Ее формирование соответствует более позднему времени сложения первых государств. Никакие ментальные модели не могут быть обоснованием для наличия реально существующего транспорта.

Характерной особенностью степной зоны Восточной Европы является наличие повозок и их частей в подкурганном погребальном обряде. В работе А.Н. Гея сообщается о 257 свидетельствах (Гей, 2000. С. 176). Сейчас их известно намного больше. Абсолютное большинство приходится на ямные и новотиторовские комплексы. В новосвободненских памятниках их количество не увеличилось: известны два погребения (Кондрашев, Резепкин, 1988; Избицер, 1993). Соответственно, вопрос о наличии транспортных средств у носителей майкопской и новосвободной культур остается открытым. Все изученные подкурганные находки являются достаточно однотипными, мало меняющимися во времени, тяжелыми четырехколесными повозками с платформой-основанием для крепления кибитки (Гей, 2000. С. 189). Такая повозка являлась оптимальным средством для модели подвижного скотоводства, которая была выработана в ямной среде. Комплексный состав стада, необходимость регулярного перемещения и знакомство с преимуществами силы трения-качения являются достаточными условиями для изобретения повозок, запряженных быками. Результат такой успешной модели хозяйствования очевиден на современном этапе изучения ареала распространения ямной, а затем и катакомбных культур. Это подтверждает и гомогенность мужских гаплолгрупп степной зоны (Mathieson, Reih et al., 2015. Fig.1; Wang, Haak et al., 2018. P. 26, 27).

Возможно ли, что степное население Восточной Европы все же не изобрело, а позаимствовало саму идею, либо прототип повозки с территории Переднего Востока? Из последних работ на эту тему наиболее полно представлена гипотеза Е. Избицер (Избицер, 2013; 2014 – доклад в г. Самаре). Но проблема в том, что мы вынуждены сравнивать остатки «хозяйственно-жилых» телег степей Восточной Европы с изображениями боевых и ритуальных повозок Переднего Востока. Очевидно, что такое сопоставление не вполне корректно. Есть и различие в составе упряжных животных. На изображениях переднеазиатских повозок показано, что в них запряжены онагры (большинство изображений), быки, фантастические существа. Такой состав не сопоставим.

Намного разнообразнее степных колес усиленные колеса переднеазиатских повозок (Избицер, 2013. С. 134–136). Они имеют дополнительные крепления в виде металлического составного обода, дополнительные накладки с внешней стороны колеса, линзовидные втулки. Ничего подобного на степных повозках мы не наблюдаем. Эта разница, очевидно, обусловлена как различным функциональным назначением, так и различным происхождением. Стандартность параметров степных повозок на четырех трехчастных колесах определена оптимальностью их практического применения. Прослеживается даже предна-

меренный скос обода колеса, учитывающий развал колес и их срабатываемость в процессе эксплуатации (Корпусова, Ляшко, 1990. С. 174). Достаточно рано на Переднем Востоке появляются и одноосные повозки, главное преимущество которых заключается в повышенной маневренности.

Время появления одноосных повозок в степной зоне Восточной Европы дискуссионно. Так, было предложено отнести остатки повозки катакомбного п. 27 из Тягуновой Могилы к разряду одноосных боевых (Чередниченко, Пустовалов, 1991; Пустовалов, 2000). Детальный критический разбор предлагаемой реконструкции привел к заключению, что это произвольная интерпретация (Гей, 2000. С. 189; Избицер, 2009. С. 125; 2013. С. 193). Реконструкция боевой одноосной повозки оказалась недостоверной. Ответ на аргументированную критику со стороны С.Ж. Пустовалова не последовал. Здесь же необходимо внести одно существенное дополнение: в боевые повозки запрягаются либо онагры, либо лошади. Они в погребальном обряде катакомбной культуры неизвестны. Впрочем, неинформативная деревянная конструкция п. 27 из Тягуновой Могилы иногда, вслед за Н.Н. Чередниченко и С.Ж. Пустоваловым, продолжает восприниматься как одноосная повозка, прототип колесницы (Чечушков, 2011. С. 58, 63). К протоколеснице И.П. Чечушков относит и деревянную конструкцию п. 32 Большого Ипатовского кургана (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 41, 163). Часть деревянной детали с дугообразным краем из п. 32, напоминающая колесо, не имеет ни центрального отверстия для оси, ни втулки (Гей, 2019. С. 24). Диаметр этой конструкции составляет 35–38 см, что намного меньше обычных колес (50–90 см). Никакой оси под деревянной конструкцией, напоминающей платформу, в п. 32 не было. В п. 168 этого же кургана есть нижняя часть двухосной повозки с вертикально стоящими сплошными колесами диаметром 60–65 см (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 58, 59, 188). Если допустить, что в п. 168 была помещена нижняя часть повозки, а в п. 32 – верхняя (подквадратная платформа размером 60×65 см), то мы получаем другой тип повозки, предназначенной или для одного человека, или для инвентаря. Аналогичная конструкция известна в п. 18 к. 2 мог. Шарахулсун (Tucker et al., 2017. P. 3). Данный тип конструкции возможно интерпретировать как двухосные ритуальные повозки.

Таким образом, достоверные одноосные повозки-колесницы степной зоны Евразии ранее рубежа III/II тыс. до н. э. неизвестны. В настоящее время, есть все основания полагать, что легкая боевая одноосная колесница на колесах со спицами была изобретена на территории Урало-Поволжского региона. Это открытие было системным. Оно связано с совершенствованием узды для управления лошадьми как транспортными животными. Узда с оригинальными псалиями также была важнейшим изобретением начала позднего бронзового века. Археологические свидетельства использования лошадей в колесницах для более ранних периодов бронзового века отсутствуют.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18–18–00137.

Наконечники стрел конца эпохи средней — начала эпохи поздней бронзы Доно-Волго-Уралья

© 2020 г. ***О.В. Кузьмина***[1] *(kuzmina.o.v@gmail.com),* ***А.И. Крамарев***[2]

[1] *Самарское археологическое общество, Самара, РФ*
[2] *Управление государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области, Самара, РФ*

Аннотация. Доклад посвящен классификации и типологии наконечников стрел из памятников рубежа среднего и позднего бронзового века Доно-Волго-Уралья. Проанализированы 959 наконечников из 98 памятников абашевской, синташтинской, петровской, покровской, поздняковской культур, потаповского типа и сейминско-турбинской культурной группы. Сделан вывод о наличии у этих культур набора усовершенствованных и высоко эффективных наконечников стрел, производство которых было обусловленно напряженной военно-политической обстановкой, сложившейся в тот исторический период.

Ключевые слова: бронзовый век, типология, наконечники стрел.

1. Начало II тыс. до н. э. ознаменовалось появлением в Восточной Европе сейминско-турбинских культурных групп, что привело к столкновению их с абашевской культурой — наиболее сильным культурным образованием того времени. Первоначальные победы не привели к полному разгрому местных культур, а, напротив, запустили механизм формирования нового — Волго-Уральского очага культурогенеза, в котором сложился, так называемый, блок колесничих культур. Главной задачей его было противостояние сейминско-турбинским военным отрядам. Была создана новая тактика ведения боя, в которой главную роль играла колесница, запряженная двумя лошадьми, быстро перемещающая находившегося на ней лучника (Бочкарев, 2010. С. 42–43). Таким образом, лук стал ведущим наступательным оружием. Сам лук был усовершенствован. Он стал иметь сложную конструкцию и увеличился в размерах. Соответственно и стрелы к нему требовались более крупные и тяжелые. Эти изменения были обусловлены и появлением у воинов защитных лат.

Важность лука в вооружении воина позднего бронзового века определила цель нашего исследования — изучение наконечников стрел.

Вопросам классификации и типологии наконечников стрел посвящен ряд работ, на которые опирается наше исследование (Гурина, 1978; Аванесова, 1991. С. 38–47; Кузьмина, 1992. С. 59–73; Кузнецов, Горащук, 1999; Братченко, 2006. С. 123–145, 239–282; Нелин, 1999. С. 12–13).

В работу включено 959 наконечников стрел, происходящих из 98 памятников абашевской, синташтинской, петровской, покровской, поздняковской культур, потаповского типа и сейминско-турбинской культурной группы.

Классификация наконечников стрел основана на исследовании таких признаков, как наличие или отсутствия выделенного насада (черешка или втулки), шипов, а также формы пера и черешка.

2. Каменные наконечники стрел. Для абашевской культуры характерно наличие одного варианта наконечников стрел – с треугольным черешком и шипами. Для синташтинской культуры характерно сочетание представленных в равной мере бесчерешковых и черешковых наконечников. Среди последних специфическими именно для синташтинской культуры являются наконечники с сегментовидным черешком и шипами. В покровской культуре преобладали наконечники без выделенного насада, а среди черешковых — наконечники с трапецевидным черешком без шипов. В памятниках потаповского типа, сейминско-турбинских и петровских наконечники без выделенного насада являлись основным типом. В поздняковской культуре, напротив, явно преобладали черешковые наконечники, а среди них главную роль играли наконечники с треугольным черешком без шипов.

3. Костяные наконечники стрел с черешковым насадом являлись единственным типом для всех культур, кроме покровской, в которой, наряду с черешковыми, впервые стали изготавливаться наконечники с втульчатым насадом и трехгранной или пулевидной формой пера. Черешковые наконечники имеют несколько вариантов, в зависимости от формы пера: наконечники с пером треугольной формы (часть из них с двумя шипами); треугольно-асимметричной, с одним шипом; листовидной; шиловидной формы.

4. Металлические наконечники стрел известны в абашевских, синташтинских, покровских и сейминско-турбинских памятниках. Они относятся к черешковому типу и имеют треугольное или листовидное перо. Специфической является только форма синташтинского наконечника – с черешковым насадом, листовидным пером, имеющим орнаментированную нервюру, и двумя шипами. Первые наконечники с втульчатым насадом стали изготавливаться сейминско-турбинскими мастерами.

5. Традиции в изготовлении наконечников стрел культур начала эпохи поздней бронзы были переняты от предшествующих культур — абашевской и ранней сейминско-турбинской. Важную роль сыграло собственное творчество культур, что придало своеобразие в оформлении наконечников каждой из них. Для изготовления стрел использовались не только традиционные материалы, такие, как камень и кость, но и металл. Были увеличены размеры наконечника, его масса. Усовершенствована форма пера. У каменных наконечников перо приобрело форму вытянутого треугольника или башневидную форму, у костяных наконечников — граненую, а у металлических — листовидную, с нервюрой. Появилось новое, втульчатое, крепление, как у металлических, так и у костяных наконечников. В результате лук и стрелы стали по истине одним из важнейших и эффективных видов оружия для лесостепных и степных культур Евразии.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, «ФАН», 1991. 200 с.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: «Инфр Ол», 2010. 231 с.

Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 6. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В.Даля, 2006. С. 32–310.

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Орудия каменного века. Киев: «Наукова думка», 1978. С. 57–70.

Кузнецов П.Ф., Горащук И.В. Каменные наконечники стрел могильников потаповского типа и стрелковое вооружение в тактике колесничего боя эпохи бронзы // Современные экспериментально трасологические и технико технологические разработки в археологии. СПб., 1999. С. 107–109.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: СГПИ, 1992. 128 с.

Нелин Д.В. Вооружение и военное дело населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999. 23 с.

Керамические комплексы поселений бронзового века в долине реки Уй: к вопросу о культурных взаимодействиях на границе степи и лесостепи

© 2020 г. Е.В. Куприянова[1] *(dzdan@mail.ru),* ***Дж. Джонсон[2], Н.С. Батанина[1], Н.Ф. Петров[1], Н.В. Малая[1]***

[1] Челябинский государственный университет, Челябинск, РФ
[2] Университет Вайоминга, США

Аннотация. Представления о хронологии и взаимодействиях археологических культур бронзового века в последние десятилетия постоянно корректируются и пополняются новыми данными. В этом плане представляет интерес сопоставление основного материала, определяющего культурную принадлежность – керамики (количественное и стратиграфическое соотношение культурных групп) в многослойных поселенческих памятниках, расположенных на близком расстоянии, позволяющее реконструировать стадии освоения локальной территории на различных этапах бронзового века.

Ключевые слова: бронзовый век, Южное Зауралье, поселение, алакульская культура, синташтинская культура.

В основу исследования положены материалы пяти поселений, расположенных последовательно, на расстоянии нескольких километров друг от друга, на левом берегу реки Уй в Пластовском и Троицком районах (Челябинская область, Россия). Эти памятники локализуются между двумя укрепленными поселениями синташтинской археологической культуры Южного Зауралья – Степное и Черноречье 3 – крайними северными пунктами так называемой «Страны городов». Исследованные неукрепленные поселения являются единственными крупными поселенче-

скими объектами на протяжении 15 км вдоль берега реки Уй между двумя укрепленными центрами, расположены на одном берегу и, по сути, в древности были соседними населенными пунктами. Три из четырех поселений исследовались раскопками, коллекцию одного составляют подъемные сборы из разведки.

Поселение Стрелецкое-1

Поселение расположено в 3 км к юго-западу от села Черноречье и в 2 км к востоку-северо-востоку от пос. Стрелецк в Троицком районе Челябинской области, на левом берегу р. Уй. Было открыто Т.С. Малютиной, Н.С. Татаринцевой и А.М. Кисленко в 1977 г. По материалам дешифрирования аэрофотоснимка фиксируется 12 жилищных впадин. В 2012 году экспедицией Челябинского государственного университета на памятнике проводились спасательные раскопки разрушающегося обрывом культурного слоя зольника за границами жилищных впадин (405 кв. м).

Поселение Черноречье 2

Памятник открыт В.С. Стоколосом в 1965 году. Занимает край надпойменной террасы левого берега р. Уй в 0,5 км к западу от окраины современного поселка Черноречье. Архитектура по дешифрированию аэрофотоснимка 1965 г. представлена 7 впадинами, образующими нерегулярную «улочку», ориентированную вдоль береговой линии. В настоящее время на поверхности читается одна большая впадина, ориентированная с северо-запада на юго-восток. В 2019 году экспедицией Челябинского государственного университета под руководством Е.В. Куприяновой совместно с Дж. Джонсоном (Университет Вайоминга, США) были проведены спасательные раскопки культурного слоя зольника вне жилищных впадин (48 кв. м).

Поселение Степное VIII

Поселение расположено в 500 м к юго-западу от застройки современного села Степное, на одной площадке с могильником петровско-алакульского периода Степное VII (Куприянова, Зданович, 2016). По данным дешифрирования аэрофотоснимка на площадке находилось не менее 7 впадин, большинство из которых на сегодняшний день уничтожено песчаным карьером. В 2000–2003 гг. вскрывались периферийные слои поселения, вплотную прилегающие к объектам могильника и лежащие поверх них.

«Селище Степновское» (поселение Степное XXI)

Поселение открыто В.С. Стоколосом и описано в отчете 1959 года как «селище Степновское» (Стоколос, 1959). Расположено на берегу р. Уй, в 1 км к востоку от современного поселка Степное. На поверхности из-за многочисленных речных наносов жилищных впадин и иных архитектурных деталей не обнаружено; в обрыве берега находились многочисленные артефакты – керамика, каменные орудия, кости животных. В.С. Стоколосом было заложено четыре шурфа, площадь одного из которых составила 32 кв. м. Вторично памятник был обнаружен в 2007 г. во время переобследования могильника Степное 25. В ходе работы по паспортизации памятников в районе с. Степное, ему был присвоен порядковый номер «XXI». В 2019 году осмотр русла реки показал, что остатки культурного слоя полностью уничтожены обрывом. Памятник (предположительно, не менее 3600 кв. м площади) ныне не существует.

Судя по характеру изученного материала, исчезнувший объект являлся многослойным поселением бронзового века. Интересно, что при разведке 2007 года подъемные сборы составляла лишь керамика позднего облика. Таким образом, можно предположить, что центральная часть поселения начала функционировать раньше периферийной; основные этапы его существования приходятся на алакульский и черкаскульский периоды.

Поселение Степное XI

Поселение было обнаружено в результате дешифровки аэрофотоснимков и обследовано разведкой 2000 г. Памятник находится на левом берегу р. Уй, в 500–700 м к юго-востоку от левобережной части с. Степное, на первой надпойменной террасе, в 300–350 м от берега реки. Поселение состоит из 10 жилищных впадин, расположенных по линии запад-восток.

Керамический материал, собранный в западной части памятника, достаточно однороден по своей культурной принадлежности. Можно предположить, что все 4 впадины в этой части относятся к черкаскульской культуре эпохи поздней бронзы. Подъемный материал с восточной части поселения разнороден, содержит фрагменты черкаскульского и алакульского облика, а также неопределимый материал. В целом, по разнородности материала можно предположить, что жилища восточной части поселения заселялись ранее жилищ западной части.

Керамические коллекции, полученные с этих памятников, были разделены на культурные группы. Проведен анализ пространственного распределения керамики различных групп в стратиграфических слоях поселений, а также сравнительный анализ с керамикой расположенных рядом синхронных могильников. Процентное соотношение керамики различных культурных групп приведено в таблице 1.

Исследования позволили выделить две основные культурные группы керамики, создатели которой и являлись, очевидно, доминирующим населением в этом районе в основной период существования поселений: алакульская группа и группа керамики конца поздней-финальной бронзы (черкаскульская и саргары-алексеевская культуры), занимающая более поздние стратиграфические по-

Таблица 1. Процентное соотношение культурных групп керамики на поселениях бронзового века

Памятник	Культурная группа			
	Поздний период поздней бронзы – финальная бронза	Алакульская	Синташтинская/петровская	Срубная
Черноречье 2	39/**17,5 %**	146/**65,5 %**	25/**11,2 %**	13/**5,8 %**
Стрелецкое 1	207/**18,8 %**	843/**76,6 %**	31/**2,8 %**	20/**1,8 %**
Степное XXI	42/**41,2 %**	51/**50 %**	6/**5,9 %**	3/**2,9 %**
Степное XI	66/**78,5 %**	10/**21,5 %**	-	-
Степное VIII	82/**75,2 %**	27/**24,8 %**	-	-

зиции, соответствующая концу существования поселений. Алакульская группа является основной для трех поселений, расположенных в юго-восточной части исследуемого участка реки Уй (Черноречье 2, Стрелецкое 1, Степное XXI) и составляет от 76,6 до 50 %. Доля поздней керамики на этих поселениях колеблется от 41,2 до 17,5 %. На двух поселениях северо-западной части обследованной территории (Степное VIII и XI) зафиксирован больший процент керамики поздней группы (78,5 и 75,2 %), а алакульская керамика составляет, соответственно, 21,5 и 24,8 %. Кроме того, в коллекциях тех поселений, где доминирует алакульская группа, присутствует также стабильно некоторое количество керамики синташтинского и петровского облика (2,8–11,2 %), которая, хоть и располагалась в нижних слоях, но четко не отделяется от алакульской керамики. Выделяется также чуть меньший процент керамики срубного облика (от 1,8 до 5,8 %). На поселениях с преобладанием поздней керамики срубные и петровско-алакульские элементы не зафиксированы.

Проведенные исследования позволили прийти к ряду предварительных выводов, которые будут апробироваться дальнейшими исследованиями:

1. Самым ранним и общим для всех культурным этапом, а также наиболее длительным временем функционирования поселений Черноречье 2, Стрелецкое 1, Степное XXI был алакульский период.

2. Можно предположить, что на этапе создания эти три поселения сосуществовали и взаимодействовали с расположенными рядом укрепленными поселениями синташтинско-петровского культурно-хронологического горизонта. При этом интересно, что количество керамики синташтинского и петровского типов на поселениях увеличивается в зависимости от степени близости объекта к укрепленному поселению. Самый большой процент ее (11,2 %) зафиксирован на поселении Черноречье 2, расположенном в 1 км от укрепленного поселения Черноречье 3.

3. В расположении поселений наблюдается тяготение к укрепленным центрам. Так поселения Степное VIII, XI, XXI расположены на расстоянии 1,0–3,5 км от укрепленного поселения Степное; поселения Черноречье 2 и Стрелецкое 1 расположены на расстоянии 1–2 км от укрепленного поселения Черноречье 3; между этими двумя группами расстояние более 10 км, на котором не зафиксировано ни одного значительного поселенческого объекта.

3. Еще одной стабильной группой на трех поселениях юго-восточной части является керамика срубного облика, свидетельствующая о спорадических миграциях срубного населения из южных районов. Интересно, что в могильнике Степное 25, находящемся в непосредственной близости от поселений Степное XI, XXI, одна группа курганов содержит материалы срубной культуры, а другая – синташтинско-петровские (Куприянова, 2020). Этот памятник является единственным примером срубных миграций в северные районы Челябинской области, основной ареал обитания срубных племен находится на несколько сотен километров южнее. Керамика срубного облика в небольших количествах фиксируется в трех юго-восточных поселениях, крайнее из которых расположено на одной площадке с могильником. Очевидно, эти два памятника маркируют крайнюю точку продвижения срубных племен на северо-запад. Синташтинско-петровская и срубная керамика не маркируют собой отдельные этапы существования юго-восточных поселений, а являются результатом взаимодействия алакульского населения с современными соседями.

4. Керамика конца поздней и финальной бронзы занимает верхние стратиграфические позиции и представлена на всех поселениях. Однако для двух северо-западных памятников, на период поздней бронзы приходится основное время их существования. Присутствие черкаскульского материала достаточно характерно для поселенческих памятников данного региона. На территории лесостепной-степной зоны Южного Зауралья находится не менее 15 поселений, в т.ч. два укрепленных, в материалах которых доля черкаскульской керамики составляет от 3,5 % до 45 %. В ряде случаев прослеживаются черкаскульские строительные горизонты в жилищах более ранней постройки, иногда черкаскульское жилище могло возводиться в рамках общей структуры поселка. Однако характерно, что однослойных черкаскульских поселений, либо поселений где черкаскульский слой является самым ранним, не зафиксировано.

Работа выполнена в рамках реализации международного проекта по гранту Wenner Gren Anthropological Foundation «Uy river valley communities of practice project» № 9542.

Список литературы

Куприянова Е.В. Курганные группы I и II могильника Степное 25 в контексте синхронного культурного окружения // Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи. Челябинск: ЧелГУ, 2020. С. 97–139.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Стоколос В.С. Отчет по археологической экспедиции Челябинского областного музея в 1959 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 1969.

Радиоуглеродное датирование памятников срубной культуры Оренбургского Предуралья

© 2020 г. Л.В. Купцова (orelin.84@mail.ru)

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, РФ

Аннотация. Оренбургское Предуралье является одним из немногих регионов, где есть довольно представительная серия ^{14}C дат, полученных по материалам срубной культуры. В данной статье анализируются как уже известные значения, так и новые, вводимые в научный оборот впервые. Обсуждается возможность подтверждения радиоуглеродными датами хронологического деления комплексов срубной культуры на периоды.

Ключевые слова: Оренбургское Предуралье, срубная культура, радиоуглеродные даты, погребальные памятники.

По материалам срубной культуры Западного Оренбуржья к настоящему времени известно 26 дат, доверительный интервал для некалиброванных значений которых составляет менее 100 лет (таблица 1). В данной работе анализируются как уже опубликованные значения (Моргунова и др., 2009. С. 40; Моргунова и др., 2010. С. 76; Моргунова и др, 2014. С. 99; Купцова, Файзуллин, Крюкова, 2018. С. 306), так и новые, полученные за последние два года.

Не так давно мною была высказана мысль о том, что в Оренбургском Предуралье срубная культура представлена тремя этапами развития. Высказанные предположения подтверждались исследованиями палеопочв и результатами технико-технологического анализа керамической посуды, однако явно ощущался недостаток радиоуглеродных дат. На сегодняшний день дат стало больше, и хотя период их накопления активно продолжается, появилась возможность еще раз вернуться к проблеме периодизации срубной культуры и признаках ее хронологического деления.

Затрагивая вопрос хронологии и периодизации срубной культуры в Оренбургском Предуралье, необходимо оговориться, что здесь практически не известны стратифицированные курганы эпохи поздней бронзы. Как правило, насыпь над захоронениями создавалась единовременно и, вероятнее всего, погребения, обнаруженные в одном кургане, в большинстве случаев были хронологически близки.

Признаки для трех выделенных этапов срубной культуры в Западном Оренбуржье подробно описаны в специальной статье (Купцова и др., 2018). В данной работе можно

Таблица 1. Радиоуглеродные даты срубной культуры Оренбургского Предуралья

№ п/п	Комплекс	материал	Дата ВР	Дата ВС 1σ	Века до н. э. по 1σ	шифр лаборатории
1	КМ Каменка 2/2	кость человека	3690±50	2140–2010	22–21	Ki-19343
2	КМ Боголюбовка 12/3	кость человека	3680±50	2140–2010	22–21	Ki-19355
3	Скворцовский КМ 4/10	кость человека	3660±60	2140–1940	22–20	Ki-19353
4	КМ Каменка 2/2	кость человека	3630±60	2043–1914	21–20	ГИН-15496
5	Скворцовский Км 4/8	кость человека	3550±90	2020–1750	21–18	Le-8585
6	Км Боголюбовка 12/1	кость человека	3544±80	1980–1760	20–18	Spb-680
7	КМ Боголюбовка 12/2	кость человека	3480±70	1890–1730	19–18	Ki-19350
8	Скворцовский КМ 4/10	кость человека	3480±80	1897–1691	19–17	ГИН-15503
9	КМ Боголюбовка 12/2	кость человека	3400±50	1751–1625	18–17	ГИН-15498
10	КМ Боголюбовка 12/4	кость человека	3390±70	1771–1607	18–17	ГИН-15499
11	Скворцовский КМ 4/9	кость человека	3360±80	1741–1532	18–16	ГИН-15502
12	Лабазовский КМ 1/2	дерево	3530±50	1849–1865	19	ИГАН-3356
13	Лабазовский КМ 1/3	дерево	3480±60	1880–1730	19–18	Le-7681
14	Скворцовский КМ 3/20	дерево	3450±75	1890–1680	19–17	Le-8587
15	КМ Боголюбовка 2/2	кость человека	3432±70	1830–1640	19–17	Spb-679
16	КМ Боголюбовка 1/5	дерево	3400±70	1780–1610	18–17	Spb-575
17	Лабазовский КМ 1/3	дерево	3400±80	1779–1621	18–17	ИГАН-3354
18	Скворцовский КМ 3/30	кость животного	3400±40	1750–1620	18–17	Ki-16265
19	КМ Уранбаш 9/7	кость человека	3400±50	1751–1625	18–17	ГИН-15504
20	II Плешановский КМ 2/5	дерево	3390±30	1700–1660	18–17	Le-9897
21	КМ Каменка 2/1	кость человека	3380±75	1750–1580	18–16	Ki-19354
22	Лабазовский КМ 2/2	дерево	3340±60	1690–1596	17–16	Le-7682
23	КМ Боголюбовка 1/20	дерево	3300±80	1690–1490	17–15	Spb-577
24	Скворцовский КМ 3/25	кость животного	3210±70	1530–1400	16–15	Ki-16267
25	КМ Боголюбовка 13/6	кость человека	3180±50	1499–1415	15	ГИН-15501
26	КМ Боголюбовка 13/5	кость человека	3000±50	1316–1191	14–12	ГИН-15500

Таблица 2. Графическое распределение радиоуглеродных дат срубной культуры Оренбургского Предуралья по векам

			Века до н. э.										
№ п/п	этапы	Комплекс	22	21	20	19	18	17	16	15	14	13	12
1	I	КМ Каменка 2/2											
2	I	Боголюбовский КМ 12/3											
3	I	Скворцовский КМ 4/10											
4	I	КМ Каменка 2/2											
5	I	Скворцовский КМ 4/8											
6	I	Боголюбовский КМ 12/1											
7	I	Боголюбовский КМ 12/2											
8	I	Скворцовский КМ 4/10											
9	I	Боголюбовский КМ 12/2											
10	I	Боголюбовский КМ 12/4											
11	I	Скворцовский КМ 4/9											
12	II	Лабазовский КМ 1/2											
13	II	Лабазовский КМ 1/3											
14	II	Скворцовский КМ 3/20											
15	II	Боголюбовский КМ 2/2											
16	II	Боголюбовский КМ 1/5											
17	II	Лабазовский КМ 1/3											
18	II	Скворцовский КМ 3/30											
19	II	КМ Уранбаш 9/7											
20	II	II Плешановский КМ 2/5											
21	II	КМ Каменка 2/1											
22	II	Лабазовский КМ 2/2											
23	II	Боголюбовский КМ 1/20											
24	II	Скворцовский КМ 3/25											
25	III	Боголюбовский КМ 13/6											
26	III	Боголюбовский КМ 13/5											

кратко акцентировать внимание на том, что для наиболее ранних комплексов (I этапа) общей чертой является малочисленность инвентаря: он либо вообще отсутствовал, либо был представлен исключительно керамической посудой. Под одним курганом могло находиться не более 10 захоронений, ямы имели преимущественно малые и средние размеры (площадью до 1,5 кв. м), но встречались и большие (площадью до 3,4 кв. м). Важным фактом является и то, что ни одному из комплексов этого времени не присущи элементы, отражающие срубно-алакульские контакты. Для климата характерна засушливость перед наступлением более благоприятных гумидных условий, для технологии керамики – однородность навыков в изготовлении посуды.

На II этапе появляются многомогильные насыпи. Более массово, чем на I этапе, встречаются погребальные камеры крупных размеров, располагавшиеся по центру кургана и перекрывавшиеся либо мощными деревянными накатниками, либо каменными плитами; в больших по площади погребениях встречаются такие дополнительные элементы погребального обряда как органические подстилки и покрывала, посыпка охрой, разнообразнее становится набор погребального инвентаря. Основная же масса погребений этого времени совершается по стандартному срубному обряду, отмеченному еще для памятников I этапа. В это время устанавливаются контакты срубных и алакульских племен, что прослеживается в особенностях керамической посуды и некоторых категориях инвентаря. В это время начинается смягчение климата с увеличением увлажненности. Для гончарства отмечается увеличение типологического ряда сосудов за счет включения алакульского компонента, в технологии отмечается большая вариативность приемов и навыков, чем на I этапе.

Для основной массы погребений III этапа сохраняются каноны предыдущих периодов. Принципиально новым фактором является появление в погребальном обряде и инвентаре признаков федоровской культуры: практикуется обряд кремирования покойного в сочетании с оборудованием могил каменными ящиками или каменными оградками, в захоронения помещаются сосуды с гончарными признаками федоровской культуры. Климат характеризуется как гумидный. В технологии керамики отмечаются сходства и отличия с посудой предыдущего периода и качественные отличия от посуды I этапа.

Для комплексов I этапа известно 11 радиоуглеродных дат (№№ 1–11 в таблице 1). Распределение полученных значений по векам до н. э. представлено в таблице 2. Для большинства дат наиболее ранние значения попадают на 22–19 вв. до н.э, наиболее поздние – на 18–17 вв. до н. э.

Для комплексов II этапа известно 13 радиоуглеродных дат (№№ 12–24 в таблице 1). Большая часть из них укладывается в интервалы от 19–18 вв. до н. э. до 17–16 вв. до н. э.

По предполагаемому III этапу на сегодняшний день известны только 2 даты, доверительный интервал которых менее 100 лет, полученные по материалам погребальных памятников (№№ 25–26 а таблице 1). Их значения распределены от 15 до 12 вв. до н. э. В Оренбуржье имеется еще ряд дат, полученных по материалам поселения Горный, в слое которого фиксируется большое количество керамики с андроновскими (федоровскими, черкаскульскими) чертами (Каргалы, том III, 2004. Рис. 1.4, *2*; 1.6, *9*; 1.7, *1, 2, 5, 10*; 1.8, *2*; 1.10, *2, 5, 6, 7*; 1.11, *1, 10, 11*; 1.18, *6, 7, 8*; 1.19, *3, 5, 6*; 1.23, *2*, 1.25, *10*). Наличие указанной керамики может являться свидетельством того, что это поселение функционировало, в том числе, и на заключительном этапе существования срубной культуры в регионе. Суммарное значение полученных по материалам Горного дат при вероятности в 1σ укладывается в пределы 17–14 вв. до н. э. (Черных, Лебедева, Журбин, Лопес-Саец, Лопес-Гарсиа, Мартиннес-Наваррете, 2002. С. 125). По мнению Е.Н. Черных, более реально генеральный диапазон существования селища Горный датировать в пределах 17 –15 вв. до н. э.

Таким образом, полученные радиоуглеродные даты по памятникам срубной культуры Оренбургского Предуралья в определенной мере могут подтверждать ее трехэтапное деление в соответствии с изменяемостью качественных признаков по археологическим и естественнонаучным данным. Так, даты I этапа демонстрируют более древние показатели, II этапа – средние, а III этапа – поздние.

Стоит оговориться, что имеющиеся значения дат не стоит безоговорочно связывать с реальным временем существования того или иного захоронения. Навряд ли срубные комплексы появляются в 22–21 вв. до н.э, ровно как и большой вопрос вызывает их бытование до 12 в. до н. э. Однако на временной шкале имеющиеся показатели демонстрируют свою результативность, и показывают относительное распределение археологических комплексов от ранних к поздним.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–40031 «Древности» – «Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона».

Список литературы

Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Составитель и научный редактор Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.

Купцова Л.В., Моргунова Н.Л., Салугина Н.П., Хохлова О.С. Периодизация срубной культуры Западного Оренбуржья по археологическим и естественно-научным данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 1. С. 100–107.

Купцова Л.В., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А. Памятник эпохи поздней – финальной бронзы в Западном Оренбуржье (курганный могильник у с. Каменка) // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 299–313.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: ОГПУ, 2009. 98 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 172 с.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лопес-Саец Х.А., Лопес-Гарсиа П., Мартинес-Наваррете И.Н. Каргалы, том II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.

Реконструкция истории дельты реки Мургаб для понимания развития маргианской цивилизации (Гонур-Депе, Туркменистан): первые данные

© 2020 г. Р.Н. Курбанов[1] (roger.kurbanov@gmail.com), Н.А. Дубова[2], Р.М. Сатаев[3]

[1] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ
[2] Институт географии РАН, Москва, РФ
[3] Институт этнографии и антропологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Динамика природной среды в дельте Мургаба определяла условия существования маргианской цивилизации бронзового века на территории юго-восточного Туркменистана. Вопрос о причинах упадка наиболее крупного поселения – столичного города в Гонур-Депе по-прежнему остается открытым. Одной из наиболее вероятных причин называется аридизация климата и смещение палеорусла Мургаба. Для поиска обоснования этой гипотезы нами организованы геолого-геоморфологические исследования в районе расположения городища. Выделены два возможных палеорусла, активных во время заселения Гонур-Депе. Проведено бурение, описание разреза, литологический и палинологический анализы, а также люминесцентное датирование.

Ключевые слова: Маргиана, Гонур-Депе, палеорусло, динамика природной среды, аридизация.

Введение. Особое место в понимании возможностей обширных миграций из евразийских степей в южные сельскохозяйственные районы занимает изучение гидрологического режима крупных рек Средней Азии (Дубова и др., 2017). Так, эволюция дельты реки Мургаб во многом определяла развитие Маргианской цивилизации (Дубова и др., 2016). Для реконструкции истории развития древних русел в районе Гонур-Депе были проведены полевые исследования, анализ опубликованных и архивных материалов, дешифрирование космических снимков. Полевые работы были направлены на изучение основного русла Мургаба на участке от г. Иолотань до г. Мургаб. В ходе первого этапа выполнено дешифрирование космических снимков для выделения перспективных обнажений вдоль обоих бортов долины реки. Характеристика обнажений показала наличие сложно-построенной серии отложений, которые вскрываются в разрезах. Русло Мургаба на этом участке врезано на 5–8 метров в выровненную слабонаклонную к северу поверхность. Ширина долины достигает 10–12 км в районе Иолотани, где в 6 км ниже по течению описан разрез, включающий в себя серию погребенных палеопочв, отражающих этапы развития рельефа.

В районе непосредственного расположения памятника был выполнен детальный анализ космических снимков. На выделенном участке 10 15 км определены типы рельефа, соответствующие древним руслам в дельте реки Мургаб. Полевое обследование рельефа проведено по стандартной методике: в ходе геоморфологического профилирования описано 25 точек (рис. 1). Проведенное исследование позволило выделить два возможных палеорусла, которые могли быть активны во время заселения Гонур-депе. Первое расположено к западу от городища (рис. 1, *А*). Предположительно из него мог быть проведен искусственный канал к большому приемному южному бассейну. В поле это русло плохо выражено в рельефе, читается по серии вытянутых такыровидных понижений. В этих линейных понижениях днище сложено глинистым материалом, ширина их составляет 50–100 м, борта выражены уступами высотой до 3–4 м. Расположенные по линии ЮЮВ-ССЗ такыры формируют сложную структуру переплетенных между собой русел, образуя долину шириной 500–800 м с характерными признаками меандрирования.

Второе, меньшее по размеру русло (рис. 1, *В*), расположено к югу от городища, характерными излучинами прослеживается на участке к северу от Теменоса. Далее оно огибает основную часть памятника с запада и выраженной серией такыров протягивается далее на север, через 2 км разветвляясь на серию меньших по размеру русел. Морфологические характеристики, отчетливые следы меандрирования указывают на флювиальный генезис этих форм рельефа.

В целях характеристики строения отложений, выполняющих такыровидные понижения, в трех точках вдоль второго, огибающего Гонур русла, было подготовлено три шурфа. Строение отложений в трех изученных шурфах однозначно указывает на активное развитие в этом районе флювиальных процессов в недавнем прошлом. Выделяются различные фации аллювия, которые отлагались в медленном потоке заиленного русла, с периодическим усилением и привносом более крупной фракции. В дельтовой области существовали небольшие по своим размерам протоки, отходившие от нескольких главных русел. Так, выделенные в районе Гонура элементы древних русел свидетельствуют о наличии более крупного водотока в 1,0–1,5 км к западу от городища, ширина его могла достигать 700–800 м. В то же время, четко прослеживается небольшой рукав огибавший городище, ширина его не превышала 50–70 м, здесь, по-видимому, существовала протока с обильной растительностью и медленным потоком воды. Для создания детальной палеогеоморфологической реконструкции этого русла было отобрано 200 образцов с целью выполнения литологического анализа, 25 образцов на спорово-пыльцевой анализ и 7 на радиоуглеродное датирование.

Отдельным направлением исследований были работы с целью получения надежной абсолютной хронологии как развития самого Гонура, так и эволюции древних русел Мургаба в районе памятника. С этой целью была отобрана большая серия образцов (более 100) на оптико-люминесцентное датирование (ОСЛ) ведущими специалистами в этой области проф. Э.С. Мюрреем и К.Й. Томсен (Дания). Датирование позволит с высокой точностью охарактеризовать возраст различных стадий развития природной среды района, выделить время существования водотоков и этапов доминирования эолового осадконакопления, определить момент начала формирования современных такыров. Изучение возраста стен городища планируется выполнить по материалам, отобранным как из разных участков кремлевской стены, так и из других хозяйственных построек. Всего из саманных стен было отобрано 15

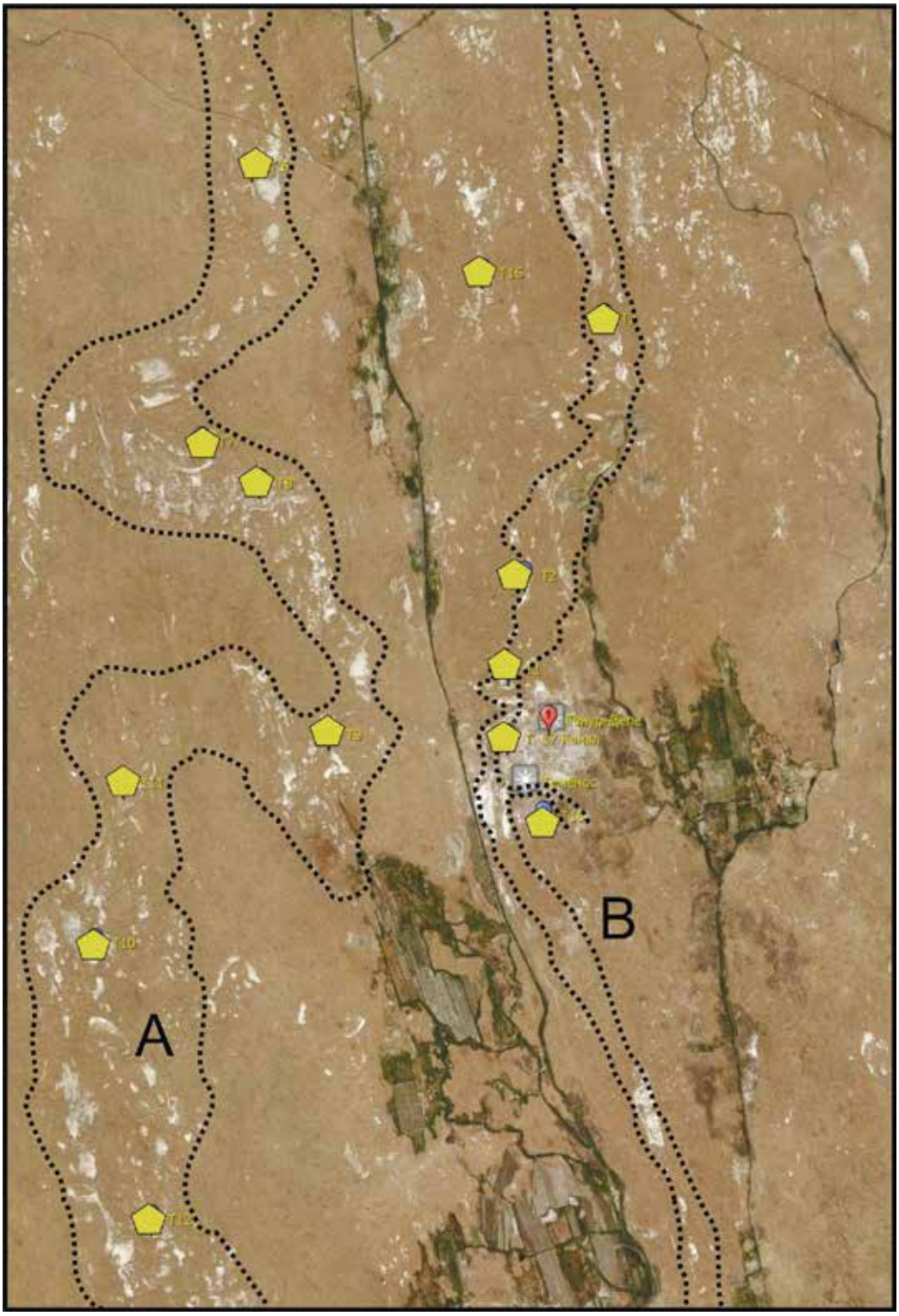


Рис. 1. Расположение памятника Гонур-Депе, точки характеристики рельефа и выделенные палеорусла.

образцов. Причем, для каждого объекта был подготовлен небольшой шурф.

К настоящему моменту получены первые данные о люминесцентных свойствах кварцевых и полевошпатовых зерен из кремлевских стен Гонура. Полученные данные указывают на доминирование быстрого компонента в люминесценции кварца, высокой стабильности сигнала, что указывает на перспективность применения данного метода. Полученная предварительная оценка возраста составила 4,5 тыс лет, что вписывается в известные рамки существования памятника.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (18–09–40082).

Список литературы

Дубова Н.А., Сатаев Р.М., Мамедов М.А., Беглиев М.Ы. Работы Маргианской археологической экспедиции в Туркме-

нистане // Археологические открытия 2014. М., 2016. С. 424–427.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В., Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Изменения естественной среды обитания и адаптивные процессы у населения эпохи бронзы Южного Туркменистана // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика. Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием. Ред. А.В. Борисов, Л.Н. Плеханова. С.Н. Удальцов. Пущино: Товарищество научных изданий КМК, 2017. С. 53–57.

О роли сибирского компонента в сложении окуневской культуры

© ***2020 г. И.П. Лазаретов*** *(lazaretov@yandex.ru)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В статье рассматривается компонентный состав окуневской культуры, время и значимость участия составляющих ее компонентов. На основе дробной хронологии культуры определяется момент появления в ней особенностей, присущих местным постнеолитическим культурам и их весомость. Роль данного компонента в современной литературе оказывается преувеличенной, а датировка неоправданно углублена.

Ключевые слова: окуневская культура, Южная Сибирь, сибирский компонент.

Окуневская культура всегда рассматривалась исследователями как синкретичное образование. Популярностью пользовалась теория ее формирования в результате «первобытной реконкисты». Согласно ей, окуневская культура имела сибирские корни и сложилась на основе неолитических племен, оттесненных на периферию Хакасско-Минусинской котловины и подвергшихся воздействию пришлой афанасьевской культуры. От них окуневцы восприняли металлургию меди, навыки скотоводства и курганную традицию, а затем вернули себе исконные территории, включив в свой состав незадачливых завоевателей (Максименков, 1965. С. 173; 1975. С. 37). Концепция получила развитие в трудах ряда его последователей (Хлобыстина, 1973; Вадецкая, 1986; Соколова, 2009).

Несостоятельность «теории реконкисты» стала очевидна после раскопок ранних окуневских комплексов и разделения культуры на хронологические этапы (Лазаретов, 1997). Выяснилось, что конструкции окуневских курганов, ведущие типы могильных сооружений, основной погребальный инвентарь не могут быть выведены ни из афанасьевской культуры, ни из местного неолита. Европеоидный компонент окуневской культуры отличается от афанасьевских краниологических серий и имеет иное происхождение (Громов, 2002). На это указывают и результаты новейших палеогенетических исследований (Поляков, 2019). Его появление можно рассматривать как вторую волну продвижения скотоводов восточно-европейской степной зоны на восток (Пяткин, 1987; Лазаретов, 1994; 1997. С. 39–40). Данное перемещение осуществлялось, преимущественно, мужскими коллективами, испытывающими недостаток женщин. Гендерное равновесие восстанавливалось за счет «рекрутирования» женщин монголоидного облика, принадлежащих к разным этническим группам постнеолитического населения. Именно через них окуневская культура приобрела свойственный ей «сибирский колорит». Нам же предстоит определить период этого воздействия и степень его проявления в различных сферах жизнедеятельности окуневских коллективов.

В рамках существующей трехчастной схемы деления окуневской культуры (уйбатский, черновский и разливский этапы) проделать такую работу затруднительно. Разработана более дробная схема периодизации окуневских комплексов, состоящая из пяти последовательных групп памятников (Лазаретов, 2019). Выделен переходный, лебяжинский хронологический горизонт, занимающий промежуточную позицию между уйбатским и черновским этапами. Уйбатский этап распался на два последовательных хронологических горизонта: уйбатский и тасхазинский. Основой деления послужила типология погребальных сооружений, в сочетании с анализом их расположения и совстречаемости в пределах условно-синхронных комплексов, объединенных общей курганной насыпью. Такой подход позволяет оперировать статистически значимыми материалами серий синхронных могил, а не отдельных предметов из единичных захоронений.

В качестве доказательств происхождения окуневской культуры от местных постнеолитических племен традиционно приводятся элементы сходства в формах и орнаментации керамической посуды (округлое или уплощенное дно сосудов с плавным переходом к стенкам, ряд акцентированных насечек по внутреннему краю венчика), украшение одежды подвесками и амулетами из клыков диких животных, орудия рыбной ловли, присутствие в окуневской художественной традиции образов лося, кабана или медведя. Нас же интересует значимость этих проявлений, момент их появления и динамика развития в разные периоды существования культуры.

Древнейший пласт окуневской культуры представляют курганы-кладбища с группами захоронений под общей насыпью, центральными и наиболее ранними из которых являются ямы с заплечиками и, возможно, обширные грунтовые ямы (Итколь II к. 12, 14; Уйбат I; Уйбат-Тибик; Уйбат-Чарков к. 1). Им сопутствуют могилы аналогичной конструкции, а также погребения в катакомбах. Профилировка дна определяется у 23 сосудов из перечисленных комплексов, и только у одного горшка из периферийной, наиболее поздней могилы 3 кургана Уйбат I оно было округлым. Остальные имели четко выраженное плоское дно. Обязательным условием являлось его заполнение орнаментом. Около 25 % посуды оказалось декорировано резным орнаментом с элементами геометризма. Подобная техника украшения сосудов совершенно не характерна для сибирской постнеолитической керамики, там безраздельно преобладала штампованная и накольчатая орнаментация. До 40 % ранних горшков украшены под венчиком рядом «жемчужин», часто в сочетании с группами наклонных насечек или резных линий между ними. У сосудов лишенных «жемчужин» зона венчика и придонная

часть специальным декором никогда не выделялись. Исключение составляют два горшка: из могилы 9 кургана 1 Уйбат-Чарков и погребения 3 кургана 12 Итколь II. У последнего отсутствует также и орнамент на донышке. Оба сосуда принадлежат людям, впущенным в окуневские могилы и помещенным поверх первичных скелетов. Данные захоронения являются заведомо поздними и относятся либо к самому финалу уйбатского хронологического горизонта, либо к началу следующего периода – тасхазинского. Особо отметим, что ни на одном сосуде из ранних окуневских погребений не обнаружено столь характерного для неолитической усть-бельской и унюкской керамических традиций декоративного элемента – ряда насечек по внутреннему краю венчика.

Ситуация кардинально меняется на втором и третьем хронологических горизонтах существования культуры. К ним относятся курганы-кладбища с центральными захоронениями в виде заглубленных каменных ящиков (тасхазинские комплексы – Мохов-6, Тас хазаа, Уйбат V к. 1; лебяжинские – Итколь II к. 26; Красный Камень к. 1, 2; Лебяжье к. 1–4). В этих памятниках насечки по внутреннему краю венчика отмечены у 15–20 % горшков, а посуда с округлым или уплощенным дном и плавным переходом к стенкам составляет порядка 20 % выборки. При этом треть донышек сосудов лишены орнаментации. Обычным явлением становится вертикальная зональность в орнаментации посуды. Верхняя и нижняя часть сосудов часто декорируются отдельной полосой оттисков штампа или горизонтальной елочкой. Практически исчезают сосуды, украшенные резными орнаментами, их вытесняют различные вариации оттисков штампа или палочки.

Посуда черновского и разливского хронологических горизонтов по ряду параметров продолжает развитие тенденций, наметившихся ранее. Количество горшков с неорнаментированным дном достигает 40 % и более. У большинства сосудов особым декором выделены венчиковая и придонная зоны. Неожиданно возрождается резная орнаментация, почти исчезнувшая на тасхазинском и лебяжинском хронологических горизонтах, а особенности характерные для постнеолитической посуды, напротив, постепенно сходят на нет. Насечки по внутреннему краю венчика встречаются гораздо реже, а плоскодонные горшки и сосуды на поддонах почти полностью вытесняют округлодонную посуду.

Если рассматривать окуневскую посуду в процессе развития, то оказывается, что ранний ее пласт максимально отличается от неолитической керамики усть-бельской и унюкской традиций. Их влияние становится заметным не ранее начала тасхазинского хронологического горизонта и достигает максимума в комплексах лебяжинского периода. Но даже в них доля посуды, хоть как-то сравнимой с неолитическими образцами, не превышает 20 % выборки. В данной ситуации говорить о происхождении окуневской керамической традиции от усть-бельской или унюкской не приходится. Она появляется в Хакасско-Минусинской котловине уже в сложившемся виде, со всеми присущими ей особенностями: плоскодонностью, «жемчужником», сочетанием резной и накольчатой орнаментации. Воздействие местной керамической традиции несомненно имело место, но оно носило ограниченный характер, узкие временные рамки и уже в комплексах черновского хронологического горизонта практически сошло на нет.

Схожая ситуация прослеживается в использовании зубов диких животных. В ранних комплексах они встречаются редко, только в качестве украшения ритуальных и бытовых предметов. Мода на женскую одежду и обувь, расшитую зубами диких животных, проявляется в самом финале уйбатского периода, а ее пик приходится на комплексы тасхазинского хронологического горизонта. Ожерелья этого времени могли состоять из нескольких сотен подвесок и амулетов. В лебяжинское время интерес к ним снижается, а в черновских и разливских комплексах украшения из зубов животных представлены уже единичными экземплярами. Зато, в них регулярно встречаются орудия рыбной ловли: остроги, иглы для вязания сетей, каменные грузила, крючки. В свете гипотезы о местном происхождении окуневской культуры это выглядит странным. Почему артефакты постнеолитического облика появляются только в поздних памятниках и совершенно отсутствуют в ранних комплексах?

Определенный дуализм просматривается в окуневской мировоззренческой доктрине. В их пантеоне одновременно представлены как образы божеств, воплощающие сложные, многоплановые религиозные мифологемы, связанные со степным миром скотоводов, так и изображения диких таежных животных, отражающие достаточно примитивные анималистические верования лесных охотников. Образы диких животных, воплощенные в мелкой пластике и выбивках, несомненно, служили объектом поклонения окуневцев. Однако они никогда не занимали значимого места в их пантеоне, тогда как изображения быков тиражировались на протяжении всей культуры и сотнями экземпляров. Древнейшими проявлениями образов диких животных в окуневском искусстве могут считаться головки кабана и лося из уникального комплекта в составе инвентаря погребения 4 кургана 14 могильника Итколь II (Поляков, Есин, 2015). Но и в данном случае необходимо отметить, что именно этот курган является наиболее поздним в группе собственно уйбатских комплексов и располагается на стыке с памятниками тасхазинского хронологического горизонта.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Лазаретов И.П. К вопросу о компонентном составе окуневской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 52–53.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 15–50.

Максименков Г.А. Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири. Л., 1968. Т.1. С. 165–172.

Максименков Г.А. Окуневская культура: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. 39 с.

Поляков А.В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Мину-

синских котловин // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2 (26). С. 91–108.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 43–57.

Пяткин Б.Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Первые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1987. Ч. 2. С. 79–83.

Соколова Л.А. Формирование окуневского культурного феномена: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 28 с.

Хлобыстина М.Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // СА. 1973. № 1. С. 24–38.

Исследование кинжалов Сосновомазинского клада эпохи поздней бронзы

© 2020 г. ***А.Ю. Лобода[1]*** *(lobodaau@mail.ru),* ***Н.И. Шишлина[2], Е.С. Ващенкова[1], Е.Ю. Терещенко[1,3], В.М. Ретивов[1]***

[1]Курчатовский институт, Москва, РФ
[2]Государственный исторический музей, Москва, РФ
[3]ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, Москва, РФ

Аннотация. В данной работе представлены результаты метрического и трасологического анализа кинжалов Сосновомазинского клада и их обломков, а также исследования их элементного состава методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой. Было определено, что элементный состав металла кинжалов и их обломков близок к составам других изделий Сосоновомазинского клада и значительно отличается от сплавов изученных сопоставительных образцов – единичных находок подобных кинжалов и обломков.

Ключевые слова: Сосновомазинский клад, кинжалы, метрический анализ, трасологический анализ, масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой.

Сосновомазинский клад был найден в 1901 г. в Хвалынском районе Саратовской области. В коллекцию Исторического музея входит 68 предметов этого клада (ГИМ, № 43959, оп. А307/1–72), среди них – целый кинжал (А307/63), один кинжал с отломанной рукоятью (А307/64), один кинжал, разломанный на два фрагмента (А307/65) и один фрагмент кинжала – рукоять с верхней частью лезвия (А307/66). Один кинжал клада хранится в Хвалынском музее (Малов, 2019).

Кинжалы и обломки кинжалов Сосновомазинского клада описаны в трудах многих исследователей (Спицын, 1909. С. 66; Тихонов, 1960. С. 77; Черных, 1966. С. 125, 1970. С. 51; Малов, 2019. С. 80). Данная работа посвящена метрическому и трасологическому анализу изделий, выявлению технологических особенностей их изготовления, а также исследованию элементного состава металла кинжалов и их обломков.

Метрический анализ объектов проводился по основным размерным и весовым характеристикам кинжала и обломков. Были выявлены близкие параметры размеров основных конструктивных элементов рукояти и фрагмента лезвия обломков А 307/65 и А 307/66.

Трасологический анализ кинжалов и их обломков позволил выделить следы трех производственных этапов: (1) литья; (2) постлитейной обработки; (3) вероятного использования.

Следы литья были обнаружены на всех изделиях: наросты металла, облой на месте швов составной двустворчатой формы, пористость и непроливы различной интенсивности. Также были обнаружены следы остатков литьевой системы (литника) на шляпке рукояти обломка А 307/66. На поверхности рукоятей А 307/65 и А 307/66 зафиксированы идентично расположенные тонкие параллельные наросты.

На кинжале А307/63 видны следы постлитейной обработки: навершие рукояти обработано ковкой и зашлифовано, также мелкие следы ударных инструментов идентифицированы на внутренней части ажурной рукояти. Следы удаления (обрубки) облоя обнаружены в нескольких областях на месте шва двустворчатой формы, большая часть зоны шва заполирована. На лезвии – следы использования сыпучего абразива, возможно относящиеся к следам бытования.

Ни на одном фрагментированном кинжале не зафиксировано следов такой постлитейной обработки, как ковка или шлифование. На фрагментированном кинжале А 307/65 обнаружены следы рубки.

На одной стороне лезвия кинжала А 307/63 прослежен ряд однотипных мелких зарубок, возможно относящихся к этапу использования изделия.

Среди кинжалов и их обломков были идентифицированы как литейный брак (А307/64, 65), так и качественное, обработанное после литья изделие, со следами вероятного использования (А 307/63).

Характер и тип литьевых дефектов, отсутствие следов постлитейной обработки и использования указывает на то, что после неудачной отливки фрагменты А 307/64, 65, 66 не использовались. Следы рубки, обнаруженные на кинжале А 307/65, позволяют предположить, что отливки кинжалов плохого качества не дорабатывались, а рубились на несколько частей и использовались как вторичное металлическое сырье для литья.

Совпадение метрических параметров и одинаковые литейные дефекты позволяют заключить, что кинжалы А 307/65 и А 307/66 изготовлены литьем в одной и той же литейной форме. Небольшой размер и тонкие контуры наростов обломка А 307/65 и их увеличение на рукояти А 307/66 свидетельствуют о том, что первым был отлит кинжал А 307/65. Но, видимо, обе отливки оказались некачественными и были приготовлены для последующей переплавки.

Анализ элементного состава кинжалов и обломков клада производился методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой на микропробе порядка 2 мкг. Измерения производили на приборе Elan DRC-e с ПО Elan Version 3.4 Hotfix 1. Был изучен состав металла пяти изделий, входящих в состав Сосновомазинского клада, а также 2 предмета сопоставительной выборки, хранящиеся в Историческом музее – кинжал, Вятская губ., с. Грехово (А412) и обломок лезвия кинжала, случайная находка, Уфимская губ. (А1146).

Металл кинжалов из клада Сосновая Маза был определен, как медный сплав с примесью железа (Cu 96,32–98,0 %, Fe 0,70–2,68 %), микропримесями никеля (0,13–0,18 %) и мышьяка (0,03–0,12 %), следовыми примесями Co, Zn, Se, Sn.

Металл сопоставительных кинжалов значительно отличается от составов металла Сосновомазинских изделий. Кинжал из Вятской губернии (А412) выполнен из медного сплава со значительной примесью олова (Cu 87,77 %, Sn 11,08 %), микропримесями мышьяка и сурьмы (As 0,23 %, Sb 0,11 %), следовыми примесями Fe, Ni, Zn, Ag, Pb. Случайная находка из Уфимской губернии (А1146) также изготовлена из медно-оловянного сплава (Cu 88,33 %, Sn 9,57 %) с микропримесями мышьяка и свинца (As 1,60 %, Pb 0,12 %), следовыми примесями Ni, Ag, Sb.

Таким образом, по своему элементному составу кинжалы Сосновомазинского клада близки другим изученным изделиям клада (Ретивов и др., 2019) и значительно отличаются от кинжалов сопоставительной выборки.

Проведенное исследование позволило охарактеризовать производственный цикл изготовления и постлитейной обработки Сосновомазинских кинжалов. Было установлено, что кинжалы и серпы данного клада объединяет не только идентичный по составу металл, но также и зафиксированные в ходе исследования технологические традиции: использование приемов ковки для постлитейной обработки качественных отливок, следы разрубания литейного брака на фрагменты, вероятно для вторичной переплавки, а также наличие в составе клада изделий, отлитых в одной литейной форме.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ офи-м 17–29- 04176.

Список литературы

Малов Н.М. Сосново-Мазинский клад // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 15. Саратов, 2019. С. 76–704.

Ретивов В.М., Лобода А.Ю., Терещенко Е.Ю., Каменских И.А., Шишлина Н.И. Элементный состав изделий клада Сосновая Маза эпохи поздней бронзы. // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции. К 100-летию отечественной академической археологии. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 192–194.

Спицын А.А. Некоторые находки медного века // Изв. ИАК. № 29. СПб., 1909.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА. № 90. М., 1960.

Черных Е.Н. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы // КСИА. Вып. 108. 1966.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., 1970.

Грунтовые могильники в системе погребальных памятников срубной КИО

© 2020 г. Ю.В. Лунькова (ylunkova@rambler.ru), В.Ю. Луньков

Институт археологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Рассматриваются основные характеристики погребального обряда, полученные при статистическом анализе грунтовых могильников. Определяется относительная хронологическая позиция данных памятников, территориальное распределение по данным пространственного анализа, соотношение с курганными могильниками и их положение в системе погребальных памятников срубной КИО.

Ключевые слова: срубная КИО, погребальный обряд, грунтовые могильники, статистические методы, ГИС-анализ.

Одним из приоритетных направлений в археологии эпохи бронзы Восточной Европы традиционно является изучение срубной КИО. Погребальные памятники данного культурного образования, представленные как курганными, так и грунтовыми могильниками, исчисляются тысячами. Столь огромный банк данных позволяет рассматривать их в качестве информативного массива для проведения многомерного анализа с применением широкого диапазона не только статистических, но и методов ГИС-анализа. В настоящий момент данное направление достаточно широко представлено в работах специалистов по данной проблематике.

В то же время необходимо отметить существующую диспропорцию в изучении курганных и грунтовых могильников. Безусловно, в первую очередь это связано со сложностью обнаружения. Во многих случаях, информацию о них удается получить в результате их разрушения, что не может не сказаться на качестве и полноте фиксируемых данных. В результате складывается представление о малочисленности и редкости данного типа погребальных памятников. В действительности, это не корректно отражает ситуацию. На сегодняшний день мы располагаем информацией о не менее трех десятков грунтовых могильников, содержащих около 500 погребений. Это позволяет рассматривать данный массив пригодным для проведения анализа. Стоит отметить и тот факт, что изучение грунтовых могильников, синхронных курганным, может представлять значительный интерес, как в плане исследования особенностей погребальной обрядности, так и решения

Рис. 1. Карта-схема распределения грунтовых могильников срубной КИО, содержавших (а, в) и не содержавших (б) металлические предметы.
1 – Ливенцовка I; 2 – Захаровский; 3 – Дружковский; 4 – Терешковский Вал; 5 – Петропавловский; 6 – Новохарьковский; 7 – Самотоевский; 8 – Алексашкинский; 9 – Ново-Привольное; 10 – Смеловский; 11 – Мосоловский; 12 – Никольский; 13 – Солнечный; 14 – Калач I; 15 – Алексеевский левобережный; 16 – Алексеевский II; 17 – Екатериновский I; 18 – Екатериновский II; 19 – Екатериновский III; 20 – Федоровский; 21 – Съезжее.

вопросов социальной структуры, демографии и этнокультурных взаимодействий оставившего их населения.

В настоящий момент, наряду с пополнением источниковой базы, отмечается и рост исследовательского интереса к данной категории памятников. В большинстве случаев, это связано с введением в научный оборот материалов из грунтовых могильников и их первичный анализ (Ивашов, Мельников, 2009; Лопатин, 2010; и др.). Также существуют и работы, посвященные анализу уже определенных выборок, как правило, сформированных по географическому принципу, с последующей интерпретацией полученных результатов (Колев, Седова, 1987; Синюк, 1999; Лунькова, Луньков, 2014).

Располагая оригинальной базой данных по грунтовым могильникам срубной КИО, состоящей из 336 погребений 21 могильника (рис. 1), был проведен анализ с использованием не только статистических, но и ГИС методов, в частности пространственного. Статистический анализ, осуществленный с применением методических подходов, апробированных одним из авторов при работе с материалами курганных могильников (Лунькова, 2002), позволил получить следующие результаты.

Распределение значений использованных групп признаков продемонстрировало отсутствие значимых отклонений от «стандартных» характеристик обряда, характерных для курганных могильников (Лунькова, 2002; Свод..., 1993; и др.). Можно лишь отметить менее разнообразный по составу керамический и некерамический инвентарь, а также редкую встречаемость костей животных и остатков органического и минерального происхождения в анализируемых погребениях (Лунькова, Луньков, 2014. С. 58–59). В тоже время фиксируется определенная динамика в развитии характеристик обряда[1], позволяющая предполагать их существование на всем протяжении развития срубной КИО.

По данным пространственного анализа удалось наметить ряд тенденций в локализации грунтовых могильников:

- в большинстве случаев, могильники занимали отдельную площадку, как правило, недалеко от водных артерий[2];

- тяготение памятников, содержащих погребения с металлическими предметами, к пограничью Среднего и Нижнего Поволжья (Лунькова, Луньков, 2018);

- фиксируется концентрация могильников, содержащих наряду со срубными погребения более ранних культур, в бассейнах рек Волги и Дона. При этом, для бассейна реки Волги более характерно наличие 15 и более срубных захоронений в одном могильнике, а для Дона – не превышает 15.

Таким образом, погребения из грунтовых могильников являются неотъемлемой частью погребального обряда срубной КИО, отмеченные на всем протяжении ее развития. Даже при преобладании детско-подростковых погребений, они не должны рассматриваться «детскими» кладбищами в силу значительного процента погребений взрослых людей. Наибольшее соответствие по обряду находят с подкурганными погребениями с «упрощенным» набором ритуальных действий[3].

[1] Данная динамика распределения значений признаков отмечена и для погребений из курганных могильников.

[2] Это замечание в дальнейшем может оказаться некорректным в связи с пополнением источниковой базы и фиксации новых мест расположения могильников.

[3] Это уже отмечалось рядом исследователей в литературе, в частности в работе Ю.И. Колева (Колев, 2003. С. 19)

Работа выполнена в рамках плановой темы «Содержание и тенденции культурного процесса на территории Евразии в первобытности по данным археологических источников» (номер темы: АААА-А18–118011790090–1).

Список литературы

Ивашов М.В., Мельников Е.Н. Грунтовые захоронения эпохи бронзы на территории Верхнего Подонья // РА. 2009. № 2. С. 122–134.

Колев Ю.И. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке / Ред. Ю.И. Колев, П.Ф. Кузнецов, О.Д. Мочалов. Самара: СГПУ, 2003. С. 88–111.

Колев Ю.И., Седова М.С. Грунтовые могильники срубной культуры на территории Куйбышевского Заволжья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 68–86.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.) / Ред. Н.М. Малов. Саратов: Наука, 2010. 244 с.

Лунькова Ю.В. Погребальный обряд срубной культуры Волго-Донского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 20 с.

Лунькова Ю.В., Луньков В.Ю. Грунтовые могильники срубной КИО (предварительное сообщение) // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 55–60.

Лунькова Ю.В., Луньков В.Ю. Погребения с металлическими предметами из грунтовых могильников срубной КИО // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 110–119.

Свод археологических источников. Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья. Вып. В 1–10. Саратов, 1993.

Синюк А.Т. О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону // Проблемы археологии бассейна Дона: сб. науч. тр. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 1999. С. 56–72.

Остеологические материалы из поселений эпохи бронзы Минусинских котловин

© 2020 г. В.М. Лурье (verqa@list.ru)

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Основным направлением хозяйственной деятельности населения Минусинских котловин в эпоху бронзы было скотоводство. В составе стада носителей афанасьевской и окуневской культур преобладает мелкий рогатый скот. Начиная с андроновской (федоровской) культуры основу стада составляет крупный рогатый скот, увеличивается роль лошади. Охота играла ведущую роль только у жителей горных крепостей-све.

Ключевые слова: поселения, эпоха бронзы, остеологические материалы, хозяйство, Минусинские котловины.

Для изучения хозяйства эпохи бронзы Минусинских котловин ведущую роль играет анализ остеологических останков, полученных при раскопках поселений, которые в рассматриваемом регионе изучены намного хуже погребений. На данный момент нам известно около 50 поселений и стоянок и 7 све, только для 11 из которых сделаны остеологические определения.

В материалах всех проанализированных памятников обнаружено относительно небольшое количество костей диких животных, что свидетельствует о вспомогательной роли охоты, основным объектом которой являлась косуля (табл. 1). Исходя из находок костей мелких животных, мясо которых не используется в пищу (например, хорек, соболь), можно предположить, что целью охоты была добыча не только мяса, но и пушнины.

Кости диких животных отсутствуют только в материалах афанасьевского поселения Тепсей X. Тем не менее, носители афанасьевской культуры занимались охотой, о чем говорят находки костей и зубов в погребениях, а также предметы, изготовленные из кости и рога диких животных (Святко, 2010. С. 226).

Основу хозяйства жителей Среднего Енисея эпохи бронзы составляло скотоводство. На это указывает тот факт, что большинство обнаруженных на поселениях ко-

Таблица 1. Видовой состав животных из поселений эпохи бронзы Минусинских котловин.

Тип памятника	Поселения, стоянки							Све			
Культура	Афанасьевская	Афанасьевская; окуневская	Андроновская (федоровская)			Эпоха поздней бронзы (ЭПБ)		Окуневская; ЭПБ	Окун., андрон., ЭПБ	Окун., андрон., ЭПБ	Окуневская, ЭПБ
Памятник / Вид	Тепсей X	Итколь III	Батеневская протока	Белоярск	Ключи	Торгажак	Каменный Лог I	Чергатинская	Кызыл Хая	Чиланных Таг	Чебаки
Домашние[1]	***100***	***97***	***96***	***88***	***93***	***87***	***92***	***14***	***7***	***33***	***14***
Мелкий рогатый скот[2]	81	75	19	38	65	47	38	100	39	95	84
Крупный рогатый скот	15	17	67	33	10	35	44		61	4	8
Лошадь	14	8	14	29	25	18	18			1	8
Дикие[1]		***3***	***4***	***12***	***7***	***13***	***8***	***86***	***93***	***67***	***86***
Косуля[3]		66	50	57	100	54	65	67	92	97	98
Лось			25			4					
Кулан			25	15		18					
Сайга				14							
Заяц				7							
Кабан						6					1
Марал						4	3	28	6		
Горный баран						7					
Олень							16				
Соболь										1	
Птица		34					15	5	5		
Другие (меньше 1 %)						7				2	1

[1] Процентное соотношение относительно общего количества определенных костей.
[2] Процентное соотношение относительно общего количества костей домашних животных.
[3] Процентное соотношение относительно общего количества костей диких животных

стей относится к домашним видам животных. Для более детального изучения хозяйства этого периода, обратимся к анализу видового состава стада.

Большинство известных на данный момент афанасьевских и окуневских поселений являются частями многослойных памятников, материалы которых не разделяются стратиграфически в силу медленного почвообразования в Минусинских котловинах. Поэтому зачастую не удается определить, к какому времени относятся обнаруженные фаунистические останки.

Процентное соотношение костей разных видов из афанасьевско-окуневского слоя стоянки Итколь III практически совпадает с данными афанасьевской стоянки Тепсей X (табл. 1), из чего можно сделать вывод об идентичном составе стада у представителей этих культур. Среди костей домашних животных преобладает мелкий рогатый скот, кости лошади встречаются в единичных случаях.

Вопрос о доместикации лошади в это время остается открытым. Однако подобный процент костей лошади, обнаруженный на афанасьевских поселениях Алтая (около 10 %), и замечание П.И. Шульги о наличии в стаде современных алтайцев небольшого количества лошадей, в зимнее время разбивающих наст и обнажающих траву из-под снега для остальных животных (Шульга, 2012. С. 205–206), позволяют допустить, что некоторая часть лошадей уже могла быть одомашнена.

Соотношение разных видов домашних животных в трех памятниках андроновской (федоровской) культуры, для которых сделаны остеологические определения, различается. Это может быть связано с тем, что материалы из поселения Батеневская протока были собраны под водой, и мелкие кости могли быть унесены течением (Рахимов, 1964. Л. 11), а назначение сооружения на памятнике Ключи, из которого происходят фаунистические останки, остается неясным (Лурье, 2019. С. 88–89). Соответственно, на данный момент наиболее достоверными являются результаты, полученные для поселения Белоярск, – практически равное соотношение костей лошади, мелкого и крупного рогатого скота.

Подобное соотношение зафиксировано в поселениях эпохи поздней бронзы (табл. 1). Следовательно, состав стада в это время был примерно одинаковым. По сравнению с более ранними эпохами, значительно увеличивается количество крупного рогатого скота, по-видимому, составляющего основу стада, и лошадей, которых начинают использовать не только в пищу. Хотя прямых свидетельств на территории Минусинских котловин пока не обнаружено, вероятно, в андроновское время появляются легкие повозки, запряженные лошадьми. Освоение верховой езды в эпоху поздней бронзы не вызывает сомнений.

Отдельного внимания заслуживают остеологические материалы, обнаруженные при исследовании горных крепостей-све, где были зафиксированы слои, относящиеся к эпохе бронзы. На этих памятниках преобладают кости диких животных (табл. 1), что может быть связано с приспособлением системы хозяйства к природным условиям, в которых располагались све.

Интересно, что практически ни на одном поселении не обнаружены кости рыб. Тем не менее, рыболовство играло значительную роль в хозяйстве, о чем говорят находки рыболовных принадлежностей и изотопный анализ коллагена костей человека, показывающий содержание рыбы в рационе (Svyatko et al., 2013). Отсутствие костей рыб в поселенческих слоях, вероятно, связано с их плохой сохранностью и с тем, что ни на одном поселении не проводилась флотация.

Итак, основу хозяйства всех рассмотренных культур эпохи бронзы Минусинских котловин составляло скотоводство. В афанасьевское и окуневское время преобладало разведение мелкого рогатого скота. С приходом на Средний Енисей андроновской культуры кардинально изменяется характер скотоводства: возрастает роль крупного рогатого скота; кроме того, увеличивается хозяйственное значение использования лошадей и количество их в стаде. Охота играет на протяжении всей эпохи бронзы вспомогательную роль, за исключением специфических памятников, расположенных в плохо пригодных для скотоводства местах, – све. Роль рыболовства по остеологическим данным занижается и требует отдельного исследования.

Список литературы

Лурье В.М. Андроновские поселения в Минусинских котловинах // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конференции 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Том. II. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 88–89.

Рахимов С.А. Отчет о раскопках 1964 года андроновской группы Карасукского отряда // РО НА ИИМК РАН. 1964. Ф. 35, оп. 1, д. 103.

Святко С.В. Диета населения афанасьевской культуры по данным изотопного анализа, анализа зубных патологий и статистического анализа погребений // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 225–233.

Шульга П.И. О хозяйстве афанасьевцев Горного Алтая // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 204–209.

Svyatko S.V., Schulting R., Mallory J.P., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // Journal of Archaeological Sciences. 2013. № 40. P. 3936–3945.

К вопросу о выделении поздняковских памятников в Приказанском Поволжье и Западном Закамье

© *2020 г. А.В. Лыганов (liganov.anton@yandex.ru)*

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, РФ

Аннотация. В статье впервые выделены памятники поздняковской культуры в Приказанском Поволжье и Западном Закамье. Здесь известны поздняковские погребения в составе могильников луговской и маклашеевской культур. На ряде поселений выявлена типичная поздняковская керамика и кремневые орудия. Судя по некоторым стратиграфическим наблюдениям, а также радиоуглеродным датам культур позднего бронзового века Среднего Поволжья, носители поздняковских традиций проживали на этой территории в XVII–XV вв. до н. э.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, стратиграфия, поздняковская культура, луговская культура, Приказанское Поволжье, Западное Закамье.

Поздняковская культура (далее ПК) была выделена в 1927 г. Б.А. Куфтиным и Б.С. Жуковым на материалах Поздняковской и Подборновской стоянок (Бадер, Попова, 1987. С. 131). Территория культуры была очерчена преимущественно бассейном р. Оки, однако известны памятники на Верхней и Средней Волге. До недавнего времени самым восточным известным памятником ПК была Акозинская стоянка в Марийском Поволжье (Халиков, 1960. С. 167). В результате открытия и исследования новых поселений и могильников эпохи бронзы в Прикамье были выявлены погребения в составе грунтовых и курганных некрополей и культурные слои в составе многослойных поселений, относящиеся к ПК.

1. Полянский II могильник (28 погр.) исследовался Е.А. Халиковой в 1962 г. Исследованы погребения, относящиеся к маклашеевской культуре финала бронзы (20 погр.) и постмаклашеевской культуре ананьинской культурно-исторической области (АКИО) раннего железного века (8 погр.) (Халикова, 1967). На сегодняшний день по материалам могильника можно выделить два, или возможно, три погребения (№ 10, 11, 16), относящиеся к ПК. Ранее эти погребения были отнесены к ананьинской культуре (№ 10) и маклашеевскому этапу приказанской культуры (Халикова, 1967). Два поздняковских погребения (№ 10, 16) с плоскодонными сосудами разрушены более поздними погребениями маклашеевской культуры и АКИО. В погребении 10 были выявлены бронзовые произки и фрагменты накладок с прочерченным и точечным орнаментом. Соотнесение этого погребения с древностями раннего железного века спорно, так как сосуд с уплощенным дном и орнаментом в виде двух рядов шнуровых отпечатков без ямок не типичен для ананьинской посуды. Вместе с тем, находки бронзовых изделий в таком сочетании характерны для ананьинских погребений. Ввиду того, что погребение 10 разрушено погребением 10а, сложно установить положение костяка, хотя у Е.А. Халиковой дано его описание как скорченного (Халикова, 1967. С. 126). Еще одно, детское погребение Полянского II могильника (№ 11) первоначально выявлено в виде углистого пятна овальной формы 150×130 см. Углистые включения прослежены до самого захоронения, перекрытого слоем обожженной бересты. Погребение подростка плохой сохранности, вероятно, располагалось скорчено на левом боку, головой на северо-восток. Видимо перед лицом, в северо-восточном углу могилы находился сосуд.

Горшки из этих трех погребений плоскодонные, с примесью раковины в тесте, орнамент находит аналогии в материалах ПК (Халиков, 1960. Рис. 80). Раковинная примесь не характерна для глиняной посуды ПК бассейна р. Оки, однако отмечено присутствие такой примеси в тесте сосудов на самых восточных ее памятниках. Аналогии в ПК находит и обряд погребения в скорченном положении, головой на северо-восток, а также наличие обильных углистых включений в верхней части могильной ямы и выкладка берестой (Азаров, 2014. С. 355).

2. Соколовский IV могильник (4 погр.) исследовался Е.П. Казаковым в 1986–89 гг. (Казаков, 1992). Изучены погребения, относящиеся к луговской культуре (далее ЛК). К ПК, с некоторой степенью осторожности, можно отнести разрушенное погребение 2, где выявлены сосуды, имеющие аналогии в древностях ПК. Костяк погребенного лежал на левом боку, головой на восток. Погребальный обряд Соколовского IV могильника отличается различным положением погребенных – скорченно на правом и левом боку с ориентировкой на восток и юго-восток. Возможно, это отличие является отражением смешения носителей луговских и поздняковских культурных традиций на данной территории.

3. Коминтерновские курганы № 1–2 (7 погр.) исследовались А.А. Чижевским и А.В. Лыгановым в 2008 и 2014 гг. (Чижевский и др., 2011. Лыганов, 2017). В одних и тех же погребениях зафиксированы сосуды ЛК и сосуды ПК (кург. 2, погр.4, 5). Обжиг могильных ям и костяка (кург. 2, погр. 1, 5), а также обжиг верхней части могильный ямы (кург.1, погр 1) соседствует с простыми погребениями в неглубоких ямах, невыраженных в слое почвы (кург.1, погр. 2; кург. 2, погр. 1–3). Различается положение погребенных скорченно на правом и левом боку, головой на северо-восток, восток и юг. Выявлены жертвенные комплексы, состоящие из разбитых сосудов как луговских, так и поздняковских. Судя по обряду, курганы оставлены одной группой населения со смешанными культурными традициями луговской и поздняковской культур в относительно небольшой промежуток времени.

4. Курманаковская IV стоянка исследована А.В. Лыгановым в 2014 и 2017 гг. (Лыганов, 2019). Вскрыто жилище, относящееся к раннему (атабаевскому) этапу маклашеевской культуры и средневолжской культуре текстильной керамики (XIV–XIII вв. до н. э.). Зафиксировано нахождение керамики ПК развалами вне территории котлована жилища. Отмечены немногочисленные находки характерной керамики ПК с рядами шнуровых отпечатков и жемчужин в нижней части заполнения котлована землянки и в хозяйственных ямах в полу жилища. Стоит отметить и некоторые кремневые орудия (ножи, скребки), находящие аналогии в древностях ПК. Вероятнее всего, жилище было сооружено несколько позже появления

здесь носителей поздняковских традиций.

Таким образом, судя по стратиграфическим наблюдениям на Полянском II могильнике и на Курманаковской IV стоянке, время существования ПК в Прикамье приходится на более раннее время, чем время существования маклашеевской культуры и средневолжской культуры текстильной керамики. Судя по находкам разнокультурной керамики и смешанному обряду погребений на Соколовском IV могильнике и Коминтерновских курганах, можно сделать вывод о синхронности существования луговских и поздняковских групп населения на этой территории. В свете калиброванных радиоуглеродных дат, полученных на памятниках луговской и сусканской культур, это время определяется в рамках XVII–XV вв. до н. э. (Лыганов, 2018. С. 129). Этому не противоречат и некоторые даты поздняковских могильников Поочья (Азаров, 2014. С. 357). Несмотря на наличие в округе Коминтерновских курганов и Соколовского IV могильника большого количества срубных памятников, явно выраженные срубные традиции в погребальном обряде и керамике не наблюдаются. Как и предполагалось ранее, распространение ПК в восточном направлении происходило на позднем этапе развития этой культуры.

Носители поздняковских традиций в Приказанском Поволжье и Западном Закамье в дальнейшем влились в состав маклашеевской культуры на ее раннем атабаевском этапе. Вероятно, от поздняковской культуры остались традиции орнаментации атабаевской керамики «жемчужинами» и рядами разреженного гребенчатого штампа. Подобная орнаментация сильно сближает атабаевские памятники Приказанского Поволжья и Западного Закамья и аким-сергеевские памятники бассейна Верхней Суры и Мокши (Археология..., 2008. С. 196–197).

Список литературы

Азаров Е.С. Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 352–373.

Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / Отв. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 131–135.

Казаков Е.П. Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа: БГУ, 1992. С. 35–44.

Лыганов А.В. Коминтерновский курган № 1 луговской культуры в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 97–116.

Лыганов А.В. Андроноидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Самара: СГСПУ, 2018. С. 128–130.

Лыганов А.В. Курманаковская IV стоянка финала энеолита и позднего бронзового века в нижнем течении реки Меша (предварительные результаты исследований) // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 34–50.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1960. 264 с.

Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // УЗ ПГУ. № 148. Пермь, 1967. С. 116–132.

Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В. Коминтерновский курган № 2 // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения. АЕС. Вып. 11. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 261–271.

Об одном источнике золотодобычи в позднем бронзовом веке лесостепного Подонья

© 2020 г. А.П. Медведев (APM1950@yandex.ru)

Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

Аннотация. В 2000 г. Скифо-Сарматская экспедиция Воронежского университета открыла на поселении Хлебороб постройку срубной культуры, содержащую большое скопление импактитов, возникших при столкновении метеоритов с поверхностью Земли и собранных жителями поселения. Исследование импактитов на геологическом факультете показало присутствие в них включений золота. Они могли служить источником драгоценного металла для местного населения.

Ключевые слова: бронзовый век, срубная культура, лесостепь, поселение, импактиты, золото.

В 2000 г. Скифо-Сарматская экспедиция Воронежского университета провела охранные археологические работы на поселении в с. Хлебороб Таловского района Воронежской области. К началу раскопок оно было сильно разрушено песчаными карьерами, самовольно заложенными дорожниками. При осмотре северного обнажения зафиксированы западины от жилищ. Здесь заложен раскоп площадью 312 кв. м. В результате открыты две постройки (постройка 2 почти целиком была разрушена карьером).

Постройка 1 имела довольно правильную прямоугольную форму и была ориентирована вдоль склона берега реки. Она имела размеры 9×17 м при глубине пола в материке 0,5–0,8 м (рис. 1, *1*). Судя по рядам столбовых ямок вдоль стен и по центру, жилище было двускатным каркасно-столбовой конструкции. При зачистке пола открыто пятно очага и 10 хозяйственных ям, а также небольшая яма № 11, скорее всего, особого назначения. Она целиком заполнена измельченным углем. В ее заполнении находилось массивное орудие округлой формы из крупнозернистого песчаника. Из каменных изделий отметим находку массивной песчаниковой плиты овальной формы размерами 33×25×10 см (рис. 1, *2*). Ее рабочая поверхность слегка вогнута и по заключению трасолога

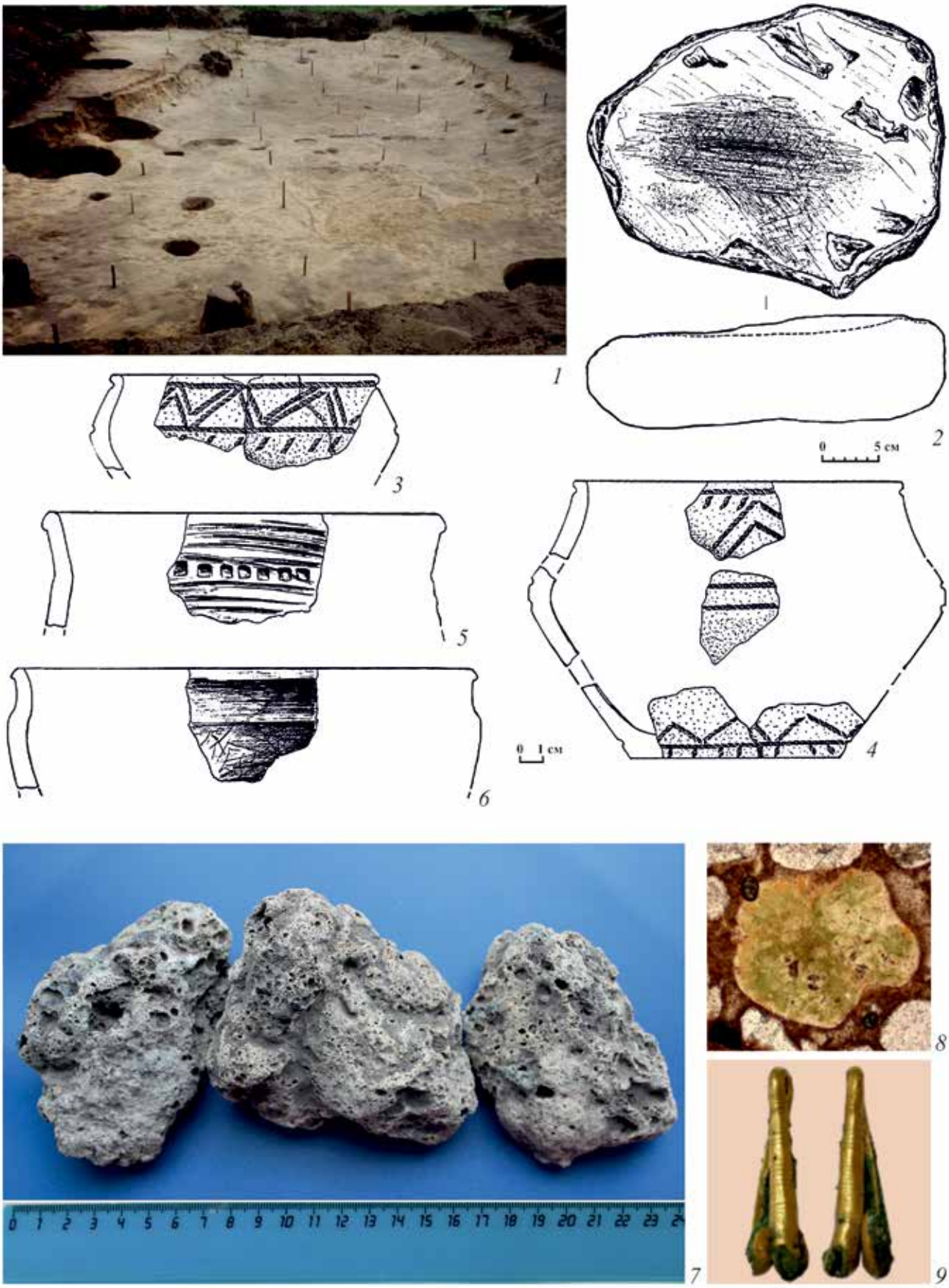


Рис. 1. Поселения Хлебороб, постройка и находки.
1 – постройка 1 (вид с севера); 2 – каменная плита; 3–6 – керамика из постройки; 7 – образцы импактитов; 8 – фото шлифа импактита с включением золота (в двухсоткратном увеличении), 9 – бронзовые подвески срубной культуры, плакированные золотом (Музей им. П.В. Алабина в г. Самаре, курганный могильник Просвет I. КП-26132/30,31).

В.В. Килейникова использовалась для дробления и растирания руды.

Заполнение котлована постройки насыщено фрагментами лепной керамики не менее чем от 90 сосудов. Они представлены остроребериными сосудами, орнаментированными оттисками шнура (рис.1, *3, 4*), горшковидными и баночными формами, иногда украшенными по шейке крупнозубчатым штампом или вдавлениями ногтя. Укажем, что в нижней части заполнения встречено несколько фрагментов сосудов с абашевским орнаментом грубыми горизонтальными линиями, разделенными рядом оттисков крупнозубчатого штампа (рис. 1, *5*) или широкими горизонтальными желобками по шейке (рис. 1, *6*). Исследованное жилище является типичной жилой постройкой срубной культурно-исторической общности площадью более 150 кв. м. Его можно датировать серединой XVII–XVI вв. до н. э.

В юго-восточном углу постройки обнаружено большое скопление (более 100 кг) кусков необычной породы, первоначально принятой за шлаки. Они представляли собой плотные, но довольно легкие комки грязно-серого цвета, сильно оплавленные, имевшие характерные вздутия и углубления от воздействия высокой температуры (рис. 1, *7*). Они залегали сплошной массой, как будто были специально свалены в кучу. Их образцы были отобраны и переданы для анализов в Донецкий горный институт. Шли годы, а результатов не было, а затем следы этих образцов затерялись. Но в 2019 г., разбирая фонды Археологического музея Воронежского университета, его сотрудник А.Г. Яблоков обнаружил сумку с оставшимися материалами из Хлебороба. Я передал образцы на кафедру общей геологии и геодинамики Воронежского университета, где их изучил коллектив специалистов под руководством доцента А.А. Жабина. Результат оказался весьма неожиданным. По единодушному заключению геологов, это импактиты – породы, возникшие при столкновении метеоритов с поверхностью Земли в результате ударно-взрывного породообразования при гигантском давлении и температуре (Импактиты, 1981).

При лабораторном изучении импактитов зафиксированы включения металлов. В первый же шлиф попадало зерно золота размером до 0,2 мм (рис. 1, *8*). Микрозондовый анализ на электронном микроскопе Jcol6380-LV с ренгеноспектральной приставкой JNCA-250 выявил по большей части самородное железо, реже – лантаноиды, но также зерна золота размером 0,1–0,2 мм. Исходя из аналитических данных, можно сделать некоторые выводы о происхождении найденных обломков. Метеоритное тело, упало недалеко от древнего поселения. От высокой температуры, вызванной его столкновением с поверхностью, как «небесные», так и земные породы расплавились. Жители поселения, нашли место падения метеорита и для своих нужд собрали остывшие обломки импактитов с вкраплениями золота. Как уже указывалось, на поселении имелись свидетельства их переработки, прежде всего, каменная плита, которая использовалась для растирания минералов. Массивное орудие из крупнозернистого песчаника из ямы № 11 также могло служить для разбивания импактитов с целью получения драгоценного металла.

Вопрос об использовании золота в срубной культурно-исторической области, наименее золотоносной среди культур бронзового века,изучался специально (Малов, 2000). В его сводке оказалось всего 32 находки из погребений Волго-Уралья, где были свои месторождения золота. Среди них преобладали бронзовые украшения (грушевидные подвески), плакированные тонким золотым листом, типа представленных на рис. 1, *9*. В связи с открытием искусственного скопления импактидов в постройке на поселении Хлебороб и орудий их переработки можно высказать гипотезу, что они могли служить источником золота для местного населения. Разумеется, его было немного, но жители поселения искали свои источники блестящего металла, не имея его выходов на поверхности. И нашли. Судя по срубным украшениям, его требовалось не много – они имели бронзовую основу, а золотое покрытие исчислялось миллиграммами.

Наш доклад скорее ставит проблему, чем ее решает. Необходимо провести дополнительные раскопки этого уникального памятника с использованием современных естественно-научных методов анализа не только артефактов, но и собственно культурного слоя, а также поиск и изучение метеоритного кратера в окрестностях поселения.

Список литературы

Импактиты / Под ред. А.А. Маракушева. М.: МГУ, 1981. 240 с.

Малов Н.М. Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Проблемы истории и археологии саратовского Поволжья. Вып.11. Саратов: СГУ, 2000. С. 27–53.

Кольцевые костяные и роговые пряжки и пряжки/подвески посткатакомбного времени и периодов Br A1-A2 в Восточной, Центральной и Южной Европе

© *2020 г. Р.А. Мимоход (mimokhod@gmail.com)*

Институт археологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Статья посвящена анализу костяных и роговых кольцевых пряжек в Центральной, Южной и Восточной Европе. В последнем регионе они представлены в погребениях культурного круга Бабино, в первых двух – в культурах ранней бронзового века периода BrA1–A2. Если в бабинских культурах эти изделия в большинстве случаев являлись поясными пряжками, то в европейских они были как пряжками, так и подвесками в составе наборных украшений. В морфологическом отношении бабинские и европейские экземпляры идентичны и датируются одним и тем же периодом в пределах XXII–XVIII cal. BC.

Ключевые слова: культурный круг Бабино, горизонт Унетица-Нитра, хронология, пряжки.

Характерной приметой финала среднего бронзового века в Восточной Европе являются кольцевые костяные и роговые пряжки. Они представляют собой неотъемлемую часть инвентарного комплекса культурного круга Бабино. Исследователи неоднократно обращались к типологии этих изделий. Наиболее разработанной на данный момент является классификация Р.А. Литвиненко (2009. С. 79, 80; 2016. Рис. 1). В настоящей работе рассматриваются изделия без дополнительных отверстий. Они делятся на две группы: кольцевые (рис. 1, *1–18*) и кольцевые с бортиком (рис. 1, *32–44*).

В первой группе по Р.А. Литвиненко выделяется два типа. Тип 1 – это кольцевые с линзовидным (подовально-выпуклым сечением) (рис. 1, *1, 2, 5, 6, 8, 9, 11–16*), тип 1а составляют пряжки с усечено-коническим сечением (рис. 1, *3, 4, 7, 10, 17, 18*). Оба типа маркируют ранние этапы днепро-донской и волго-донской бабинской культур (ДДБК и ВДБК), но разные его фазы (Литвиненко, 2009. С. 220, 221; 2016. Рис. 1; Мимоход, 2010. С. 158, 159; 2014. С. 112, 113).

Кольцевая пряжка раннебабинского времени за пределами культурного круга Бабино известна в погребении шагарской культуры в Центральной Мещере (рис. 1, *19*). Пряжка из Шагарского могильника относится к поздней разновидности раннебабинских кольцевых пряжек с усеченно-коническим сечением (тип 1а по Р.А. Литвиненко).

Кроме днепро-волжского междуречья, еще одним регионом, где серийно представлены костяные кольцевидые изделия, аналогичные бабинским, являются Западная, Центральная и Южная Европа (рис. 1, *20–31*). Они известны в культурах Мореш, Унтервоблинг, Страубинг, Зинген, Унетица, Полада, колоколовидных кубков (поздняя фаза) и др. (горизонт Унетица-Нитра). Большая часть из них более мелкие, чем бабинские образцы (рис. 1, *28, 29*). Однако целая серия этих костяных и роговых изделий по параметрам и сечению являются точными аналогиями пряжкам ВДБК и ДДБК (рис. 1, *20–27, 30, 31*). Следует также отметить, что кольцевидные изделия из Центральной и Южной Европы, как правило, имеют усечено-коническое сечение (рис. 1, *20–31*), и они соответствуют пряжкам типа 1а культурного круга Бабино. Предметы с линзовидным сечением типа 1 встречаются там редко (Bill, 1973. Taf. 11, *14*; Krause, 1988. Taf. 5, *H*, I; Bátora, 2000. Taf. 28, *1*; Rettenbancher, 2004. Taf. 48, *10*).

Есть определенные различия в использовании этих предметов в восточноевропейской степи-лесостепи и в Европе. На территории культурного круга Бабино, как правило, в погребении встречается одна пряжка. В ДДБК изредка в погребении находилось два изделия (3 комплекса), а в одном захоронении три поясные детали (Литвиненко, 2009. С. 79). В Центральной и Южной Европе в погребениях кольцевидные изделия встречаются нередко большими комплектами и входят в состав наборных украшений груди или головы, где, безусловно, являются подвесками (Ruckdeschel, 1978. Taf. 14, *2–18*, 23, *6, 24*, 9–11, 26, *1*; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997. Taf. 491, *5*, 492, *5*, 501, *5*, 573, *13*, 587, *8*; Massy, 2018. Taf. 9, *2–50*, 33, *6–17*, 90, *A*, 91, *D*, 101, *31–60*, 111, *C*, 120, *13–87*; и др.). Однако это в большей степени касается мелких экземпляров (рис. 1, *28, 29*). Более крупные экземпляры, которые полностью по форме и размерам соответствуют бабинским пряжкам, чаще встречаются в погребении по одному экземпляру или в двух-трех экземплярах (Torbrügge, 1960. Abb. 7, *17*, 8, *10*; Girić, 1971. Tabl. XII, *1, 2*, LXV; Fitzpatrick, 2011, Fig. 29, 40, p. 77, 118, 119; Hudensack, 2018, taf. 34, *11*; и др.), и их вполне можно считать гарнитурой одежды, в том числе поясной, потому что располагались они иногда в районе таза (Girić, 1971.Tabl.XXII, LXV; Bátora, 2000. S. 135. Taf. 28, *1*; Massy, 2018. Taf. 129, *A*). Каменный предмет типа 1 из п. 1268 из мог. Амесбари на юге Англии прямо названо автором публикации поясным кольцом (Fitzpatrick, 2011. Fig. 29, 40. P. 77, 118, 119).

Вторую группу составляют кольцевые изделия с усеченно-конического типа с выраженным бортиком вокруг отверстия. Серия подобных изделий обнаружена в ДДБК, ВДБК и днепро-прутской бабинской культуре (ДПБК) (рис. 1, *32–44*). В отличие от типа 1 пряжки типа 2 встречаются чаще в инокультурном (не бабинском) контексте. Один раз такая пряжка была обнаружена в погребении лолинской культуры второго этапа (рис. 1, *44*). Два раза эти изделия были найдены в погребениях, чья культурная атрибуция остается спорной, но она точно не бабинская (Синюк, Козмирчук, 1995.С. 46, рис. 6, *1, 2*; Матвеев, 1996. С. 29).

Как и в случае с пряжками типа 1а, серия костяных кольцевых и роговых изделий с бортиками представлена в Центральной и Южной Европе (рис. 1, *45–50*). Здесь также они встречаются наборами, но есть и комплексы с единичными изделиями (Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997. Taf. 584, *6*; Massy, 2018. Taf. 29, *B*, 34, *C*, 43, *B*, 121, *C*).

Как видно в морфологическом и метрическом отношениях бабинские пряжки и европейские пряжки/подвески идентичны (рис. 1). О том, что эти явления взаимосвязаны, свидетельствует единство их хронологии. В Восточной Европе они датируются первой и второй фазой культурного круга Бабино. Причем, пряжки первой группы характерны

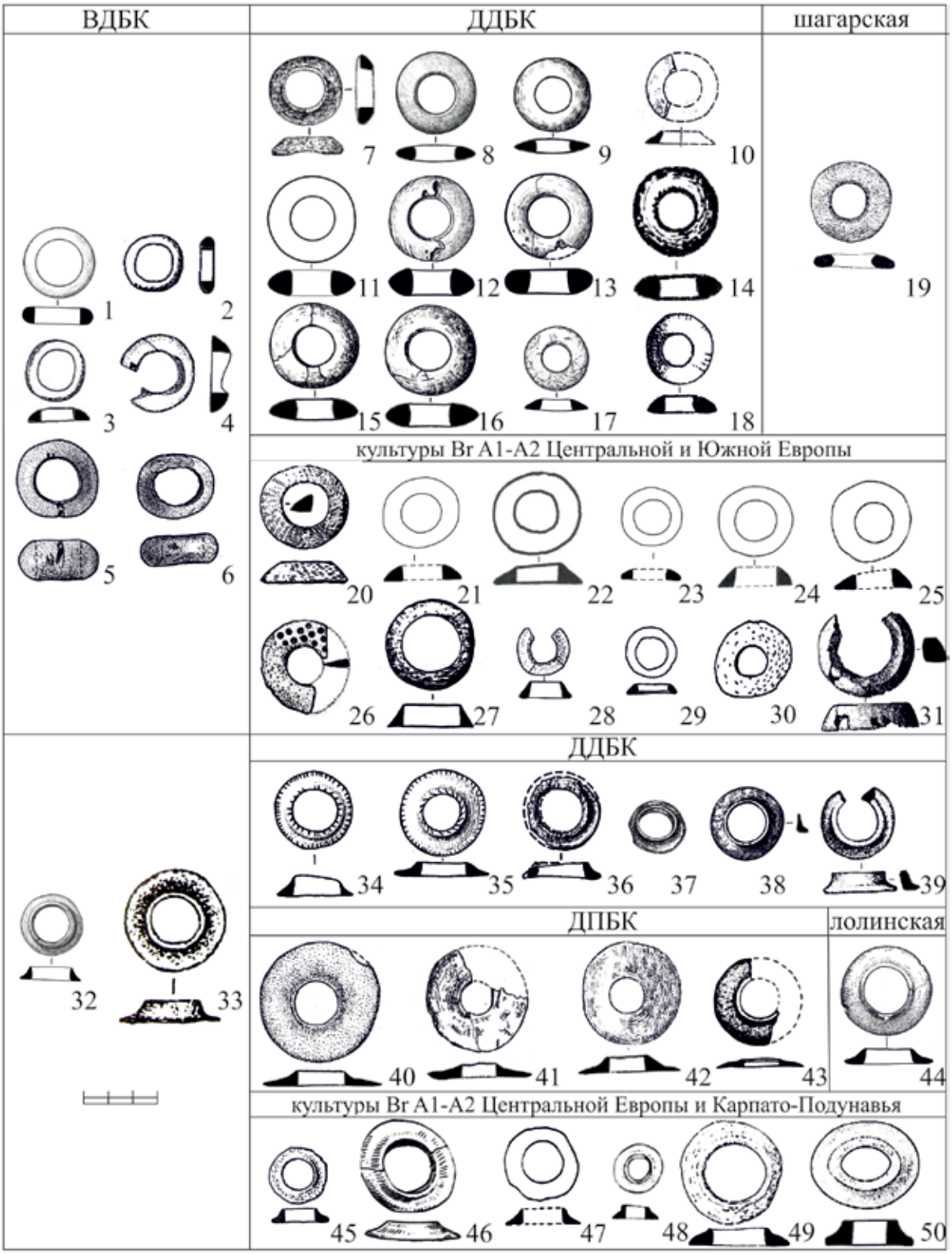


Рис. 1. Пряжки из погребений ВДБК и сопоставительные материалы.
1 – Верхний Балыклей 4/4; 2 – Большая Дмитриевка II 1/6; 3 – Власовский I 7/1; 4 – Жареный Бугор 3/1; 5 – Евстратовский II 3/2; 6 – Евстратовский II 4/3; 7 – Репный I 7/1; 8 – Кречик, Гать III 16/5; 9 – Бирюково 2/2; 10 – Кречик, Гать III 3/3; 11 – Близнюки 1/1; 12 – Николаевка 1/8; 13 – Беева Могила п.3; 14 – Новоамвросиевка 3/2; 15 – Цимлянка II 1/3; 16 – Нижняя Баранниковка 5/10; 17 – Хомуш-Оба 2/8; 18 – Спасское IX 1/5; 19 – Шагарский п. 10; 20 – Gäufelden-Tailfingen, Kr. Böblingen п. 2; 21 – Iivesheim п. 5; 22 – Wethofen п. 20; 23 – Worms-Weinsheim п. 2; 24 – Neirstein п. 1; 25 – Ludwigshafen-Mundenheim п. 1; 26 – München-Valleyplatz; 27 – Dolmen de la Piancheil Yeu; 28 – Collonges-les-Bévy; 29 – Straubing; 30 – Polepy; 31 – Franzhausen verf. 229; 32 – Линево 6/6; 33 – Короли 4/3; 34 – Горный 2/4; 35 – о. Виноградный п. 22; 36 – Ясиновский III од. кург./6; 37 – Ясырев I 8/9; 38 – Веселовская 3/10; 39 – Киреевка 4 1/4; 40 – Мерень 1/12; 41 – Тараклия II 16/1; 42 – Васильевка 40/4; 43 – Оланешты 4/2; 44 – Невинномысский-3 7/19; 45 – Wallis; 46 – Gîrceni; 47 – Westhofen п. 6/7; 48 – Esselborn; 49 – Gemeinlebarn gr. 163; 50 – Franzhausen п. 322.

для раннего этапа, а второй – для развитого. В Центральной и Южной Европе пряжки/подвески относятся к периоду BrA1–A2. Однако здесь изделия обеих групп синхронны и нередко встречаются в одном комплексе. Поразительное сходство кольцевых изделий в разных регионах Европы, единство их хронологии в пределах XXII–XVIII cal. BC, в некоторых случаях несомненное сходство использования, позволяют утверждать, что феномены костяных пряжек/подвесок горизонта Унетица-Нитра и посткатакомбного периода не являются конвергентными явлениями, а взаимосвязаны. Это еще более станет очевидным, если учесть, что образование культурного круга Бабино было связано с миграционным импульсом из Средней Европы и карпато-дунайского региона (Lytvynenko, 2013; Мимоход, 2013. С. 274; 2016; 2018).

Материалы эпохи поздней бронзы с поселения «Бейсужек-1» (Краснодарский край)

© *2020 г.* ***В.П. Мокрушин*** *(vlmokrushin@yandex.ru),* ***Е.И. Нарожный***

Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани», Краснодар, РФ

Аннотация. В статье рассматриваются археологические материалы эпохи поздней бронзы (конец II – начало I тыс. до н. э.), относящиеся к начальному периоду существования поселения «Бейсужек-1». Керамика, маркирующая материальную культуру памятника, сопоставляется с инвентарем близких по времени поселений Красногвардейское I и II. Памятники такого рода пока немногочисленны на Северо-Западном Кавказе. Коллекция поселения «Бейсужек 1» расширяет наши представления о путях формирования протомеотских древностей.

Ключевые слова: Краснодарский край, эпоха поздней бронзы, поселение «Бейсужек-1», раннемеотское время.

Из 20 га площади памятника в 2012 г. было раскопано 14 258 кв. м, частично попадавших в охранную зону магистрального нефтепровода «Тихорецк-Туапсе 2».

На Западном участке раскопа (4 832 кв. м)[1] мощность изученных суглинистых напластований варьировала от 1,1 до 1,42 м. Под пахотным слоем находились культурные напластования темного цвета мощностью до 1 м со слабой насыщенностью археологическим инвентарем. В округлой яме (кв. ДЕ-57) расчищено скопление битой кухонной утвари, в том числе – обломки ковша, тонкая стенка которого декорирована прочерченными треугольниками; такие же фрагменты отмечены и в других частях раскопа. Все они раннемеотские, сер. VII – VI в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 9–17).

Неподалеку (кв. Г-59, штык 4) выявлены остатки иного облика, включая фрагменты шеек сосудов с горизонтальными наружными налепными валиками, украшенными отпечатками пальца и круглыми вмятинами; подобный декор есть и на некоторых венчиках.

Идентичные приемы декоративного оформления керамики зафиксированы и в материалах скопления (не менее 10 сосудов) вытянутой формы, выявленного в кв. НО-8–9, на глубине -130 – -157 см от R-0. В нем доминировали горшки с толщиной стенок более 10 мм и диаметром устья 20–25 см; им принадлежат очевидно и плоские днища (рис. 1, *10, 11, 27*). Выдяются керамические емкости, профилированные: слабо (рис. 1, *7–9*), хорошо (рис. 1, *17*) и резко (рис. 1, *3*). Последний сосуд украшен по торцу неглубокими косыми насечками. Интересны и миски (рис. 1, *22*); одна с диаметром горловины, примерно, 26см собрана почти целиком из 12 обломков.

В слое представлена и менее толстостенная посуда. Есть фрагмент, судя по всему, принадлежавший к числу хорошо профилированных горшков небольшого размера (рис. 1, *12*). Возможно, его же осколки выявлены среди обломков (рис. 1, *13, 14*), найденных южнее (кв. П-8 и Р-9).

Схожая керамика, представленная преимущественно мелкими осколками, отмечена над упоминавшимся развалом из 10 сосудов (в 1-м пласте), а также за его пределами – восточнее и южнее (в основном в 1–2 пластах, иногда ниже). Здесь, помимо мисок (рис. 1, *4–6, 20, 21, 24, 25, 28*), чаще всего их днищ, есть 2 венчика с наружными наплывами (рис. 1, *15, 16*), один украшен пальцевыми оттисками. Часты фрагменты горшков (?) (рис. 1, *1, 2, 23, 26*). Отметим две стенки: одна – рифленая, а вторая – с небольшим дуговидным налепом (рис. 1, *18, 19*).

В кв. З-24 (пласт 3) – бронзовый нож, характерный для киммерийской эпохи (IX – начало VII в. до н. э.).

По аналогии с крымскими древностями (Колотухин, 2003. Рис. 29, 10; 30, 2, 14; 31, 4, 5 и др.), представленная коллекция поселения «Бейсужек-1» предварительно отнесена нами к позднему бронзовому веку (конец II – начало I тыс. до н. э.). Уточнение этой даты пока затруднительно, так как поселения данного хронологического периода на Северо-Западном Кавказе изучены плохо. В их числе поселения Красногвардейское I и II (район Краснодарского водохранилища). Последнее из них в 1983–84 гг. изучено на площади 130 кв. м (Шарафутдинова, 1987. С. 87, 94) и первоначально синхронизировано с соседним Николаевским могильником, отнесенным А.И. Тереножкиным к черногоровской ступени предскифского периода (сер. IX – перв. пол. VIII в. до н. э.).

Выводу не противоречат и находки двух железных однолезвийных ножей следующего года раскопок, увеличивших площадь раскопа до 200 кв. м (Шарафутдинова, 1987а. С. 159). По результатам этих работ возраст нижних слоев поселения был удревнен до XI или рубежа XI–X вв. до н. э., что сделано безосновательно, т.к. существенных изменений в материальной культуре они не демонстрируют.

Отсутствие «стерильной прослойки» свидетельствует о непрерывности заселении площадки памятника, без заметного «хронологического разрыва» в накоплении его культурных отложений, распахивавшихся и поэтому на глубине до 0,3 м содержавших исключительно измельченную керамику. Материковый суглинок залегал горизонтально, на глубине 2,1–2,2 м от дневной поверхности. Судя по та-

[1] Начальник отряда и держатель листа – Е.Н. Черных, которой авторы выражают искреннюю признательность за возможность публикации данных материалов.

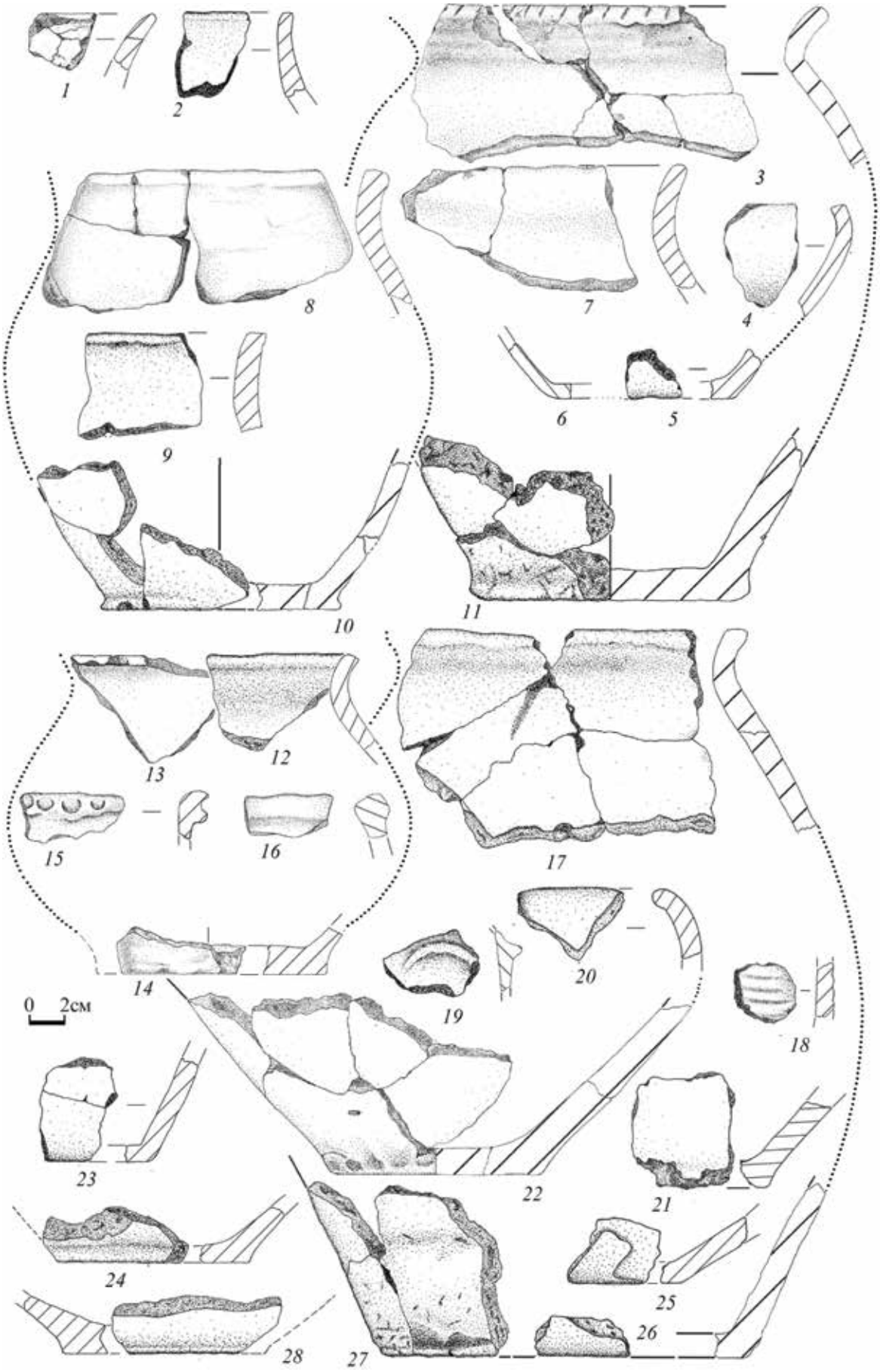


Рис. 1. Поселение «Бейсужек 1».
Пласт 4: **1 – кв. П-9;** *пласт 3:* **15 – кв. Н-11; 18 – кв. Р-6; 20 – кв. Н-13;** *пласт 2:* **2 – кв. О-13; 4 -кв. Н-12; 5 – кв. О-12; 13 -кв. Р-9; 14 – кв. П-8; 16 – кв. П-8; 19 – кв. О-6; 23 – кв. О-11; 28 – кв. О-12;** *пласт 1:* **6 – кв. О-14; 21 – кв. Н-12; 24 – кв. О-12; 25 – кв. Н-8; 26 – кв. Н-9;** *скопление сосудов в кв. НО-8–9:* **3, 7–12, 17, 22, 27.**

блицам изображений, собранный материал распределялся по 10 штыкам; в трех последних количество находок резко сокращалось, а у самого дна (1,7–2,0 м) они становились «малочисленными». Повсеместно встречались обломки глиняной обмазки: 347 фр. (1–6 шт.); еще 85 шт. – ниже (Шарафутдинова, 1989. С. 47–48, 59). Они, видимо, от разрушенных турлучных построек, что и способствовало, наверное, быстрому накоплению культурного слоя. Встречены остатки полов (?) и куски стен (?) с отпечатками «прутьев каркаса» (Шарафутдинова, 1987. С. 88).

Материалы поселения «Бейсужек-1» и их аналогии – серьезный повод для активизации интереса к изучению памятников эпохи поздней бронзы региона.

Список литературы

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 316 с.

Шарафутдинова Э.С. Поселение Красногвардейское II – новый памятник начала эпохи раннего железа на Кубани // КСИА. Вып. 192. 1987. С. 87–96.

Шарафутдинова Э.С. Раскопки в зоне Краснодарского водохранилища // Археологические открытия 1985 г., Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987а. С. 159–160.

Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 46–61.

Планиграфические, хронологические и хозяйственные аспекты изучения поселения эпохи бронзы Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)

© ***2020 г. В.И. Молодин*** *(molodin@archaeology.nsc.ru),* ***Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Д.В. Селин***

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ

Аннотация. На поселении кротовской культуры Венгерово-2 исследовано 2 136 кв. м площади, изучены 10 жилищных комплексов. Выявлены особенности организации поселка, жилого и межжилищного пространства, архитектурные особенности конструкций. Радиоуглеродные даты укладываются в пределы XX – XVIII вв. до н. э. Керамический комплекс демонстрирует стабильность традиций.

Ключевые слова: кротовская культура, организация пространства, хронология, керамика.

Памятник Венгерово-2 на сегодняшний день является самым крупным исследованным поселением кротовской культуры. Здесь вскрыто более 2 000 кв. м площади, исследовано 10 жилищных комплексов и значительная часть межжилищного пространства (Молодин и др., 2017).

1. Палеоклимат. Памятник расположен на полого-волнистой равнине и локализован на участке, граничащим с бровкой эрозионной террасы реки Тартас. Высота над современным урезом воды составляет 7 м, а удаленность от современного русла – 437 м. При вскрытии культурных отложений в юго-западной части памятника были обнаружены следы намывов и частичное затопление котлованов жилищ. Это позволяет предполагать более влажные условия климата в период функционирования поселка. На основании геоморфологической позиции памятник включен в группу поселений, маркирующих умеренный климат (Nikulina, 2019).

2. Организация поселка. Поселение состояло минимум из 17 построек. Конструкции трапециевидной в плане формы располагались двумя параллельными рядами, ориентированными по линии СЗ – ЮВ, вдоль края террасы. С северо-западной стороны ряды замыкалась самыми крупными котлованами, формируя вытянутую овальную структуру поселка. Сооружения площадью от 48 до 130 кв. м были ориентированы в зависимости от их расположения в этой структуре. Анализ планиграфии поселка свидетельствует о единовременном строительстве сооружений. Выходы из домов ориентированы внутрь поселка. За пределами котлованов построек с внешней стороны выявлен ряд столбовых ям на расстоянии от 2 до 4 м, интерпретированных авторами исследования как остатки забора, окружающего поселение (Молодин и др., 2016). С учетом полученных данных предполагаемая площадь поселка составляет не менее 3 770 кв. м.

3. Архитектурные особенности конструкций. При изучении котлованов сооружений были зафиксированы насыщенно-черные линзы фрагментов углей, оставшиеся от сгоревшей деревянной конструкции. Их перпендикулярное, по отношению к стенкам котлована, расположение, а также два ряда столбовых ям по внешнему периметру и внутри сооружения позволяют предполагать, что конструкции представляли собой каркасно-столбовые строения пирамидальной формы с плоским верхом. Стены дома были укреплены мощной «завалинкой», которая фиксируется в виде выбросов утрамбованной материковой супеси различной высоты по периметру котлованов. Реконструкции подобных жилищ выполнены М.П. Грязновым по материалам поселения эпохи бронзы у хут. Ляпичева (1953. С. 145), а одним из авторов настоящей работы предложены на основе анализа материалов поселения кротовской культуры Преображенка-3 (Молодин, 1977).

4. Организация межжилищного пространства. Следы хозяйственной деятельности зафиксированы в виде кострищ, скоплений фрагментов керамики, летних кухонь, навесов, ям для выжига угля и т.д. По концентрации артефактов на 1 кв. м выделяются места скоплений битой посуды и других остатков культурного слоя, которые маркируют пути перемещения населения внутри поселка.

5. Организация внутреннего пространства жилища. Независимо от ориентации котлована и места входа внутренняя структура расположения хозяйственно-производственных комплексов являлась стандартизованной.

Центральная зона жилища была связана с очагом. Морфологические параметры их на поселении единообразны. В северо-западной части построек локализовалась зона, связанная с организацией бронзолитейного производства. Помимо концентрации находок технической керамики участок характеризуется наличием ям-«погребов» в стенках жилищ и ям с костями животных. Специфический набор (черепа, челюсти, длинные кости, альчики) и видовой состав (куница, соболь, лиса и др.) позволяют предположить возможное сопровождение производственных операций культовой практикой. Одно из жилищ интерпретируется как специализированное на основании наличия в нем нескольких сложных теплотехнических сооружений и находки фрагмента литейной формы для отливки кельта сейминско-турбинского типа. В предвходовой части конструкций выявляется зона, связанная с хранением заготовок (в виде крупных стенок керамических сосудов), изготовлением и использованием орудий из фрагментов керамики («фишки», скребки, лощила, абразивы, пряслица и др.). Функциональная интерпретация этих объектов не однозначна и обсуждается исследователями (Молодин и др., 2012). Спектр хозяйственных отраслей, где могли использоваться подобные изделия, определяется ткачеством и обработкой кожи/шкур.

6. Хронология поселения. На сегодняшний день получено шесть радиоуглеродных дат (по углю из конструкции жилища № 5 и костям животных из хозяйственной ямы жилища № 7). Все они укладываются в довольно компактный диапазон с XX по XVIII в. до н. э. Особенности взаимного расположения жилых конструкций, предполагающие их одновременное строительство, однородность культурного слоя, единообразие керамического комплекса подтверждают «узкую» хронологию бытования памятника. Получение дополнительных радиоуглеродных дат по каждому жилищу позволит конкретизировать внутреннюю хронологию поселения, что особенно интересно в связи с зафиксированным фактом прекращения функционирования и последующего возобновления использования очага через определенный период в некоторых жилищах.

Также следует отметить наличие в сооружении № 10 совместного залегания керамических комплексов кротовской и одиновской культур. Радиоуглеродные даты позволяют выделить раннюю (первая пол. III тыс. до н. э.) и позднюю группу одиновских памятников (последняя треть III тыс. до н. э.) (Марченко и др., 2016. С. 166). Тем не менее, в данном контексте датировка поселения Венгерово-2 выглядит слишком поздней даже для второй группы памятников, что оставляет открытым вопрос о сосуществовании на поселении Венгерово-2 носителей данных культурных образований и характере их взаимодействия.

Единовременность жилищных комплексов памятника подтверждают результаты анализа керамики. Исходным сырьем для изготовления гончарной посуды являлись суглинки (легкие-тяжелые) монтмориллонит-гидрослюдистого состава с примесью пылеватого и мелкоалевритового обломочного материала (65–77 % от площади шлифа). В составе формовочной массы зафиксированы минеральные и органические примеси. Как минеральная примесь выявлен шамот (10–15 %). Шамот, чаще, не калибровался, в отдельных случаях обнаружена калибровка по верхней границе (фракции крупнее 2 мм не вводились в формовочную массу). В двух образцах выявлен шамот, изготовленный из слабо запесоченного исходного сырья, отличающегося от характерного сырья для посуды Венгерово-2. Песок представлен кварц-полевошпатовой разновидностью, преобладают обломки размером 0,05–0,12 мм. Органика зафиксирована в виде следов органического раствора и, в единичных случаях, шерсти (?). Конструирование полого тела изделий выполнено на форме-основе при помощи лоскутного налепа, чаще всего, по спиральной траектории. Обработка поверхности проводилась при помощи заглаживания обеих сторон сосудов твердым орудием (лопаткой?) или зубчатым орудием, венчик заглаживался пальцами.

Оценка формы и орнамента позволяет говорить о безусловной принадлежности основной массы керамики к классическим образцам поселенческих комплексов кротовской культуры, выявленных от Верхнего Приобья до Прииртышья (Молодин, 1977). Отдельные сосуды сопоставимы с емкостями, зафиксированными на кротовских могильниках (Молодин, Гришин, 2016).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00406.

Список литературы

Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 137–148.

Марченко Ж.В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.В. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н. э.: археологические и изотопные данные // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 164–178.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 452 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 91–109.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С. Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 339–342.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Хозяйственно-производственные комплексы на поселениях кротовской культуры (Правобережное Прииртышье) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: сб. науч. статей: в 3 т. Барнаул: АлтГУ, 2017. Т. I. С. 307–311.

Nikulina A.V. GIS-based analysis of settlement patterns for the central Baraba Lowland (Western Siberia, Russia) in relation to climatic conditions of the Middle – Late Holocene // J. of Archaeological Science: Reports. 2019. Vol. 24. P. 302–312.

Керамические изделия поселения Бурла 3 как индикатор миграций населения Алтая в эпоху поздней бронзы

© 2020 г. Д.В. Папин[1,2] (papindv@mail.ru), А.С. Федорук[1], В.Г. Ломан[3]

[1] Алтайский государственный университет, Барнаул, РФ
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, РФ
[3] Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

Аннотация. В статье отражены результаты анализа коллекции круговой керамики поселения эпохи поздней бронзы Бурла 3 («бурлинский тип» памятников), расположенного на территории степного Алтая. Авторами выделяется группа керамических изделий – «подставки». В результате делается вывод о местном производстве выходцами из региона Средней Азии.

Ключевые слова: керамика, технология, Алтай, поздняя бронза.

В литературе уже давалась характеристика поселению Бурла 3, где указывалось на контакты и проникновение в регион степного Алтая группы населения из Средней Азии, обладавшей навыками изготовления круговой керамики (Папин, Федорук, Ломан, 2017). В настоящей работе рассматривается такая категория находок, как керамические «подставки», на юге Западной Сибири они известны только на поселении Бурла 3. В коллекции из раскопок 2013–2018 гг. насчитывается около 60 фрагментов таких изделий. Данные изделия не были приурочены к какому-либо объекту или участку раскопов, а располагались на различных участках поселения: как в сооружениях, так и на производственной площадке.

Все они имеют форму полого усеченного конуса без обоих оснований, но отличаются друг от друга размерами и особенностями оформления одного из краев (с «воротничком» или без него). Цвет изделий от красно-желтого до серого. Ряд изделий имеет следы длительного пребывания в высокой температуре – на стенках присутствуют участки с деформировавшейся от температуры поверхностью. Толщина стенок основной части изделий составляет 1,0–1,5 см, причем на различных участках изделия она не постоянна – увеличивается к плоскому краю (до 2,2 см) и истончается к приостренному.

На две «подставки» нанесены тамгообразные знаки в виде двух исходящих из одной точки под углом около 90 градусов длинных линий и расположенного у точки их пересечения ряда из трех вдавлений подтреугольной формы.

Технико-технологический анализ выполнен для 11 изделий. В результате выделено три группы «подставок», различающихся по видам исходного сырья.

Первая группа. Две «подставки» были изготовлены из среднеожелезненной глины с естественной примесью очень мелкого полупрозрачного кварцевого песка в концентрации 2:1 и единичными включениями мелкого кварцевого песка. После вторичного нагревания в муфельной печи при температуре 900 °С образцы сохранили в изломе первоначальный буро-коричневый цвет.

Вторая группа. При изготовлении четырех «подставок» использовалась смесь сухой слабоожелезненной и влажной неожелезненной глин. В состав естественных примесей входят мелкий оолитовый и обломочный бурый железняк, очень мелкий полупрозрачный кварцевый песок в концентрации 1:2–1:3, а также единичные включения мелкого белого песка.

Третья группа. Пять образцов изготовлены из среднеожелезненной глины с естественной примесью очень мелкого полупрозрачного кварцевого песка в концентрации 1:3–1:4, единичными включениями мелкого (0,5–0,9 мм) разноцветного песка и очень мелкой слюды.

В формовочной массе трех подставок третьей группы (рис. 1, *1, 3, 5*) присутствует навоз, концентрация которого доходит до 1:1–1:2. В остальных образцах «подставок», так же, как и во всей круговой керамике, количество органики очень мало и фиксируется только по незначительным следам.

Половина «подставок» сохранилась на свою полную высоту, что дало возможность изучить особенности их конструирования. В основании находилось кольцо из глиняного жгута, к которому с обеих сторон были приставлены глиняные ленты, слепленные друг с другом широкими сторонами (рис. 1, *12*). Верхний торец этой конструкции иногда закреплялся глиняным жгутиком, образующим венчик. У пяти «подставок» из дополнительного жгута с наружной стороны формовался «воротничок» (рис. 1, *13*). Основание подставок — плоское и заглажено, в одном случае залощено. На некоторых экземплярах присутствуют следы заглаживания тканью, деревянным ножом, внешняя поверхность одной из подставок покрыта слоем глиняной обмазки. Профилирование изделий проходило на гончарном круге, который вращался против часовой стрелки, судя по направлению частиц смазанной при этом глины (рис. 1, *14а*). Такая же деформация глиняного слоя отмечена на некоторых изученных фрагментах придонных частей (рис. 1, *14б*), что говорит об одинаковых навыках работы с гончарным кругом при изготовлении и «подставок», и обычных сосудов. Гончарный круг при изготовлении рассмотренной группы керамики применялся для профилирования основной части емкости, что соответствует четвертому этапу развития его функций (РФК-4 (Бобринский, 1978. С. 27)) и свидетельствует о ремесленном характере производства (там же. С. 29, 34).

На основании изучения технико-технологических особенностей «подставок» и круговой керамики поселения Бурла 3, можно с определенной долей уверенности определить происхождение части изделий. Образцы «подставок» из исходного сырья первой группы, видимо, были привезены в готовом виде. Исходное сырье второй группы также являлось традиционным для среднеазиатских гончаров, поскольку из подобной смеси двух глин было изготовлено 15,3 % привозной круговой керамики Кента (Ломан, 2015. С. 73). Изделия, изготовленные из исходного сырья третьей группы, мы считаем местными, поскольку половина изученных круговых сосудов поселения Бурла 3 по особенностям исходного сырья относится к этому же виду.

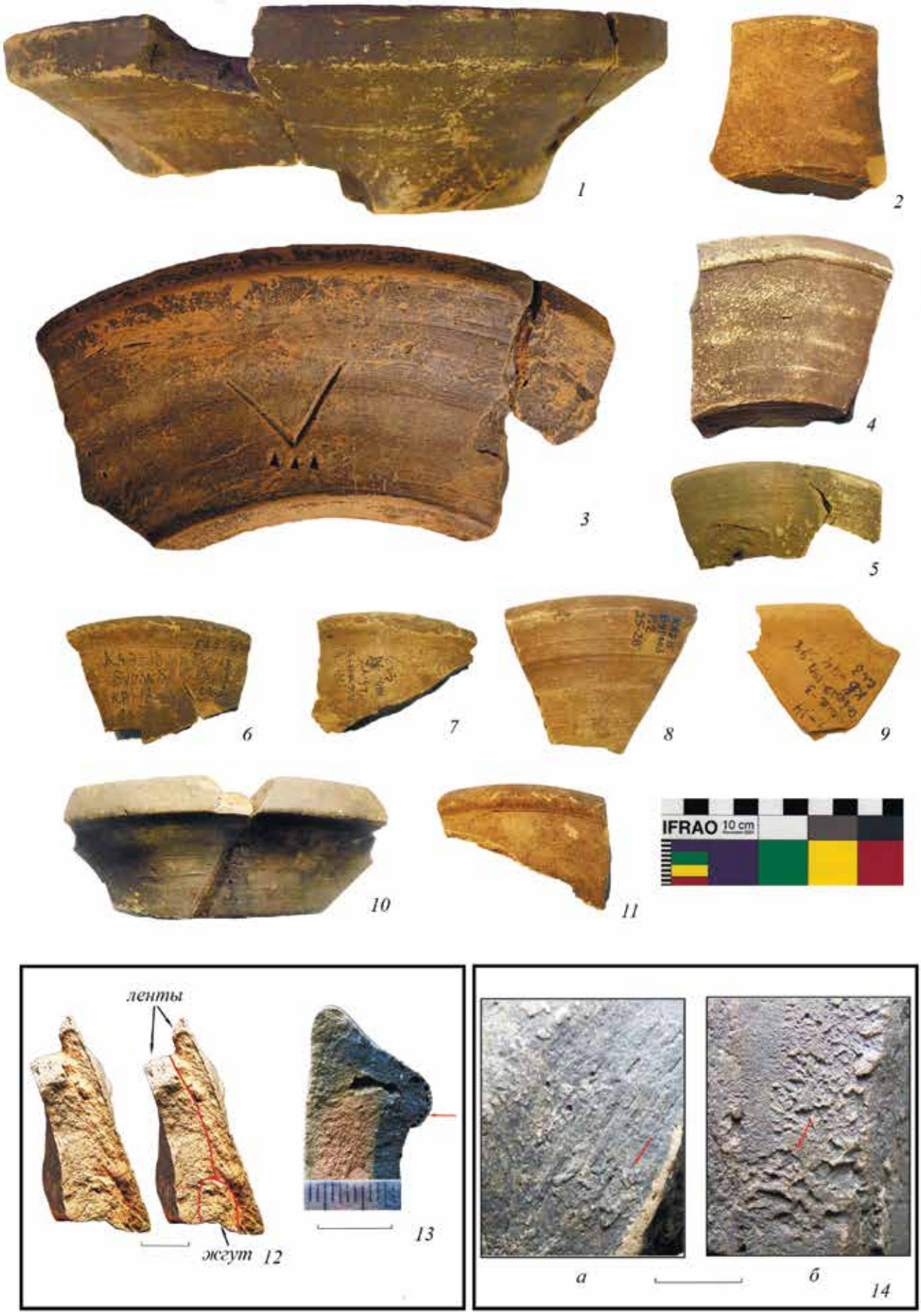


Рис. 1. Керамические «подставки» с поселения Бурла 3: 1–11 – фрагменты изделий; 12–14 – детали гончарной технологии (12 – конструирование «подставки»; 13 – «воротничок» из добавочного глиняного жгутика; 14 – смещение частиц глины при вращении в ходе обработки изделия на гончарном круге).

Отметим, что из него был изготовлен и сосуд, найденный в гончарной печи поселения. Можно сделать вывод, что приезжие гончары нашли на новом месте подходящее сырье для изготовления керамики.

Наиболее близкие аналогии «подставкам» поселения Бурла 3 находятся на казахстанском поселении Шагалалы II (Сакенов, 2014. Рис. 6, *2*), а также в синхронных материалах поселений Средней Азии. В научной литературе нет четкого понимания о предназначении данной категории предметов, наиболее распространенное представление то, что это подставки под керамические сосуды, изготовленные на гончарном круге.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РНФ проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов»

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 71–79.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г. К вопросу о взаимодействии населения степного Алтая и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул: АлтГУ, 2017. Т. I. С. 321–326.

Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагалалы II (к вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана: «Сарыарка», 2014. С. 557–567.

Межовские комплексы Южного Зауралья и вопросы культурного взаимодействия в эпоху финальной бронзы

© 2020 г. Л.Ю. Петрова *(L-petrova@yandex.ru)*

Фонд «Аркаим», Челябинск, РФ

Аннотация. В статье приводятся данные исследования межовских комплексов поселений Архангельский Прииск II и Кинзерское, расположенных в Южном Зауралье. Рассматриваются вопросы взаимодействия степных (саргаринских) и лесостепных (межовских) культур на этой территории, а также роль межовских комплексов в разработке внутренней периодизации эпохи финальной бронзы.

Ключевые слова: Южное Зауралье, финальная бронза, поселения, межовская культура, саргаринская культура.

На территории степной и лесостепной зоны Южного Зауралья период финальной бронзы представлен материалами саргаринской (саргаринско-алексеевской) и межовской культур. Несомненно положительным является то обстоятельство, что источниковая база постепенно пополняется, а результаты исследований вводятся в научный оборот. Так, в недавнее время появилась фундаментальная публикация материалов поселения Мочище (Григорьев и др., 2018), а также ряд статей, посвященных исследованиям на поселениях Архангельский Прииск II и Кинзерское (Петрова, 2018. С. 153–155), Чебаркуль III (Алаева, 2015. С. 474–483), Левобережное (Синташта II) (Петров, 2017. С. 326–331), где присутствуют межовские и/или саргаринские комплексы.

Автором проведены полевые исследования многослойных поселений эпохи бронзы Архангельский Прииск II и Кинзерское, в ходе которых получены материалы межовской культуры. Оба памятника расположены в пограничной зоне между степью и лесостепью.

В керамическом комплексе поселения Архангельский Прииск II межовская керамика представлена как обломками, так и развалами сосудов, позволяющими реконструировать практически целые формы. Это сосуды приземистых пропорций, с широкой горловиной, низкой шейкой и плавным округлым туловом. Для нижней части шейки характерен небольшой валик, подчеркнутый двумя горизонтальными полосками. Орнамент наносился сплошным полем, без распределения по зонам, на верхнюю часть туловла, иногда чуть опускаясь ниже наибольшего расширения. Техника нанесения – плоский штамп, прочерчивание и вдавления, гребенка практически отсутствует. Фигуры орнамента представлены главным образом горизонтальным многорядным зигзагом, косыми насечками и каплевидными вдавлениями, нанесенными над валиком в верхней части шейки, косой сеткой, нанесенной по валику.

На поселении Кинзерское поздняя керамика была выделена в единую группу с посудой с федоровскими, федоровско-черкаскульскими, черкаскульскими, черкаскульско-межовскими и собственно межовскими чертами. Граница между перечисленными признаками расплывчата. Сосуды горшечных или горшечно-баночных форм, с невысокими шейками и плавно профилированным, округлым туловом. «Маркером» данной серии является орнамент, покрывающий верхнюю часть сосудов и представленный рядами горизонтального зигзага, разделенными горизонтальными линиями, треугольниками, заштрихованными «сеточкой», рядами наклонных насечек, а также слабо выраженными валиками, на которые нанесен зигзаг или косая сетка.

В хронологическом ряду материалы Кинзерского занимают более раннюю позицию, а материалы Архангельского Прииск, практически не содержащие черкаскульских включений, – более позднюю.

По сложившейся традиции межовские материалы связываются с лесостепной зоной, тогда как саргаринские – со степной (Григорьев, 2008. С. 186). В действительности

картина распространения этих древностей более сложная. Так, на поселении Мочище (южная лесостепь) получен яркий комплекс финальной бронзы, степной по своему облику (при наличии там же и межовской керамики) (Григорьев и др., 2018). Схожие материалы присутствуют на поселении Шибаево (Нелин, 2004. С. 150–180). Незначительный процент сосудов степного облика (саргаринско-алексеевских) зафиксирован на поселении Чебаркуль III (Алаева, 2015. С. 474–484). Наконец, небольшая примесь степной саргаринской посуды имеется на том же Архангельском Прииске II. В то же время межовская керамика встречается значительно южнее долины реки Уй, принятой за условную границу степной и лесостепной зоны (Григорьев, 2008. С. 188). В качестве примера из раскопок последних лет можно привести коллекцию поселения Левобережное (Синташта II), где межовские сосуды составляют 19 % от общего объема выборки (Петров, 2017. С. 330).

Активные контакты лесостепных (межовских) и степных (саргаринских) племен объяснялись исследователями активными перемещениями лесного населения на юг (Потемкина, 1995. С. 17). По мнению С.А. Григорьева, лесостепные черкаскульско-межовские популяции активно продвигались на юг в степь еще в досаргаринское время, приняв участие в сложении саргаринских валиковых комплексов и оказав влияние на специфический облик этой посуды. На более позднем этапе наблюдалось обратное движение: ограниченные группы носителей саргаринских керамических традиций проникали в южную часть лесостепи (Григорьев и др., 2018. С. 206; 216).

Многочисленные свидетельства контактов в эпоху финальной бронзы получены с территории лесостепного Притоболья (Потемкина, 1985. С. 273–274). Планиграфические наблюдения над распределением керамического материала на поселениях Язево I и Камышное II привели Т.М. Потемкину к заключению о более активных связях межовского и алексеевского (саргаринского) населения на раннем этапе алексеевской культуры и их постепенном затухании на позднем (Потемкина, 1985. С. 274).

Вопрос о контактах межовских и саргаринских популяций может быть важен для разработки такой проблемы в изучении периода финальной бронзы, как внутренняя периодизация этой эпохи. В настоящее время основным критерием отнесения комплекса к какому-либо этапу финальной бронзы, помимо абсолютных дат, являются типологические различия в керамике, а именно обеднение орнаментации и наличие или отсутствие такого признака, как валики на сосудах. В случае с комплексом поселения Мочище типологическая характеристика коллекции дополняется радиоуглеродными датами, закрепляющими представление о ее принадлежности к позднему этапу финальной бронзы (Григорьев и др., 2018. С. 206). Межовская керамика на памятнике также присутствует, однако она не образует слоя и встречена в нерасчлененном комплексе с черкаскульской; в более поздних саргаринских слоях ее находки единичны (Григорьев и др., 2018. С. 197).

Учитывая то обстоятельство, что саргаринский комплекс Мочища имеет позднюю радиоуглеродную датировку, залегание межовской керамики в более ранних слоях вполне согласуется с тезисом о преобладании контактов степных и лесостепных популяций на ранних этапах периода финальной бронзы. Не противоречат этому и материалы поселения Берсуат XVIII, типологически близкие комплексу Мочища, где межовский слой также отсутствовал (Малютина и др., 2006. С. 153–172). На поселении Чебаркуль III саргаринский комплекс отнесен автором к белоключевскому типу, т.е. типологически он также соответствует поздним финальным материалам, но он малочислен в сравнении с основной коллекцией черкаскульско-межовского времени (всего 7 %) (Алаева, 2015. С. 478). На поселении Архангельский Прииск II саргаринская керамика представлена в основном валиковой, но также малочисленна и не образует слоя.

Таким образом, на больших коллекциях, отнесенных к позднему этапу финальной бронзы (Мочище, Берсуат XVIII) мы наблюдаем отсутствие взаимодействия степных и лесостепных культур в это время. Может ли на этом основании межовская керамика синхронизироваться с ранним этапом саргаров и выступать своеобразным индикатором хронологической позиции тех или иных финальных материалов на территории Южного Зауралья? Для однозначного ответа данных пока недостаточно, но полученные наблюдения могут быть приняты за рабочий тезис, верификация которого связана с пополнением источниковой базы.

Список литературы

Алаева И.П. Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое. Костанай-Алматы, 2015. С. 474–483.

Григорьев С.А. Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2008. С. 175–193.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Гущина Е.В., Васина Ю.В. Поселение Мочище и андроновская проблема. Челябинск: Цицеро, 2018. 398 с.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2006. С. 153–172.

Нелин Д.В. Шибаево 1: Поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Вып. 2. Челябинск: ЧГПУ, 2004. С. 150–180.

Петров Ф.Н. Керамический комплекс многослойного поселения Левобережное (Синташта II) по материалам исследований 2015–2017 гг. // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе: сборник научных статей. Барнаул: АлтГУ, 2017. Т. I. С. 326–331.

Петрова Л.Ю. Новые межовские комплексы Южного Зауралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГСПУ, 2018. С. 153–155.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. 1995. № 2. С. 11–19.

Проблема финала окуневской культуры

© *2020 г. А.В. Поляков (poliakov@yandex.ru)*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В статье анализируется ситуация сложившаяся в изучении финальной части окуневской культуры. К недавно выделенному разливскому этапу пока достоверно можно отнести только три кургана. Они объединяются серией общих признаков, наиболее яркий из них – затылочные трепанации. Однако отсутствие следов контактов с федоровской культурой и данные радиоуглеродной хронологии позволяют предполагать существование еще более позднего этапа, памятники которого пока не обнаружены.

Ключевые слова: окуневская культура, Минусинские котловины, разливский этап, федоровская культура, эпоха ранней бронзы, Южная Сибирь.

В последние десятилетия значительный шаг вперед был сделан в изучении хронологии окуневской культуры. И.П. Лазаретовым и Д.Г. Савиновым была сформулирована относительная хронология памятников, предполагающая их деление на три последовательных хронологических этапа: уйбатский, черновский и разливский (Лазаретов, 1997; Савинов, 2005). Справедливость этой схемы подтверждается данными радиоуглеродного анализа (Поляков, 2017). Материалы черновского этапа были изучены Г.А. Максименковым и на сегодняшний день составляют свыше 70 % всех исследованных памятников. В последние годы крайне активно идет процесс изучения раннего уйбатского этапа. Раскопано семь новых курганов и получены важные данные по вопросу сложения окуневской культуры (Лазаретов, Поляков, 2018а; 2018б). На этом фоне ее финал выглядит «белым пятном», не позволяющим исследовать процессы смены культуры последующими федоровскими памятниками.

На данный момент с полной уверенностью к разливскому этапу культуры можно относить только три исследованных кургана: Черновая XI, Разлив X и Итколь II курган 1. Предложение Д.Г. Савинова о включении в их число трех каменных ящиков памятника «Стрелка» требует дополнительного обоснования, так как по своим признакам они отличаются от перечисленных памятников и заметно ближе к захоронениям черновского этапа.

Все три кургана объединяет серия общих признаков. Во-первых, практически полное отсутствие в погребениях бытового сопроводительного инвентаря и сосудов. На три кургана, где захоронено свыше ста человек, найдено только три керамических изделия в виде банок. Однако, учитывая их миниатюрный размер и нахождение в могилах детей, есть сомнения в отнесении их к категории посуды. Возможно, это «игрушки» имитирующие керамические сосуды для приготовления пищи. Тенденция к уменьшению числа сопроводительного инвентаря наблюдается, начиная с конца черновского этапа, и на разливском достигает своего пика. Большинство вещей, которые найдены в могилах, являются либо детскими «игрушками», либо носят ритуальный характер.

Во-вторых, отмечается тенденция к увеличению числа подзахоронений в уже существующие могилы. На уйбатском этапе подобные действия отмечены в единичных случаях, как исключение. Для каждого захоронения возводилась отдельная могила. Для черновского этапа практика подзахоронений в уже существующие могилы становится весьма распространенной. Наконец, разливский этап характеризуется максимальным пиком данной традиции. Практически в каждой могиле находятся кости нескольких человек, которые физически не могли быть помещены туда одновременно.

В-третьих, для всех трех курганов разливского этапа фиксируется неизвестная ранее традиция посмертной затылочной трепанации. Этой операции подвергались большинство погребенных вне зависимости от возраста. На черепах хорошо заметны полукруглые следы от инструмента, которым эта операция проводилась. Это наиболее важный качественный признак, позволяющий отделять захоронения данного периода.

Следует отметить традицию сооружения вблизи восточной стенки с внутренней стороны ограды каменных ящиков содержащих «шкуры» быков (череп и кости передних конечностей), а также изображения в стиле «тощих быков» на плитах, используемых для сооружения курганов. Возможно это тоже признаки свойственные в первую очередь разливскому этапу. Д.Г. Савинов отмечал также особенности изобразительного канона «стеатитовых головок» и костяных пластинок с изображениями женских лиц, которые отличаются от схожих изделий черновского этапа.

В связи с выделением разливского этапа наиболее интересен вопрос о связи этих памятников с более поздней федоровской культурой андроновской культурно-исторической общности. Изучение материалов показывает отсутствие свидетельств контактов этих двух групп населения. Никаких уникальных, характерных только для окуневской культуры, признаков или артефактов не зафиксировано в памятниках андроновской культуры. Точно также и наоборот. Среди источников финальной части окуневской культуры, и прежде всего, разливского этапа, не удается зафиксировать каких-либо черт связывающих их с федоровскими памятниками.

На отсутствие контактов указывают данные радиоуглеродной хронологии. Имеющиеся на данный момент две даты по материалам памятников разливского этапа окуневской культуры относят его к 19–18 вв. до н. э. В то время как серия дат андроновских памятников федоровской культуры не выходит за рамки 17 в. до н. э. (Поляков, 2019б). То есть, отсутствует наложение, которое свидетельствовало бы о периоде их сосуществования. Нет свидетельств контактов и на основании палеогенетического анализа материалов двух культур (Поляков, 2019а. С. 102).

Изучение ареала федоровских памятников на Среднем Енисее показывает, что они отсутствуют на юге Минусинских котловин, занимая только северную часть (Вадецкая, 1986. С. 41–42). Граница их распространения проходит по широте места впадения реки Абакан в Енисей. Из этого можно сделать вывод, что вторжение федоровских племен в Минусинские котловины, произошедшее через лесостеп-

ной коридор и двигавшееся с севера на юг, в определенный момент остановилось. Дальше на протяжении почти 300 лет своего пребывания на Енисее они пройти не смогли. Эта граница не носит какого-либо естественного географического или природно-климатического характера. В результате исследователями был сделан вывод о том, что к югу от этой границы сохраняли свои позиции представители окуневской культуры.

Такое допущение возможно, однако мы пока не имеем прямых доказательств подобного положения дел. Все это является умозрительными заключениями, требующими подтверждения фактическим материалом. Конкретных памятников, которые могли бы относиться к этому периоду, пока не выявлено. Все три кургана разливского этапа находятся в северной части Минусинских котловин, на территории занятой федоровскими племенами. Иногда в качестве аргументов приводят незначительные следы влияния окуневской культуры в материалах памятников финальной бронзы. Авторы предполагают, что часть местного окуневского населения, пережила вторжение федоровских племен и стала одним из элементов сложения более поздних памятников. Однако подобные следы весьма незначительны и носят косвенный характер, не являясь бесспорным аргументом.

В результате на юге Минусинских котловин в течение почти 300 лет (17–15 вв. до н. э.) наблюдается «белое пятно» не представленное какими-либо археологическими памятниками. Учитывая высокую степень исследованности данных территорий, это по-настоящему удивительное явление, причины которого пока остаются не ясны. Приходится констатировать, что, вероятно, памятники разливского этапа не являются в полной мере финалом окуневской культуры. Должны существовать еще более поздние захоронения, синхронные, по крайней мере, моменту начала андроновского вторжения. Если допустить, что окуневские племена были оттеснены на юг и там продолжали свое существование на протяжении всех 300 лет, то можно говорить о еще одном, пока гипотетическом, этапе развития этих памятников.

На данный момент изучение финала окуневской культуры является наиболее актуальной задачей исследований эпохи бронзы Минусинских котловин. Она затрудняется безынвентарностью обряда и впускными захоронениями в уже существующие могилы. Пока, на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, она не может быть решена. Необходимо расширение базы источников, поиск и раскопки новых курганов окуневской культуры, имеющих поздние признаки. Причем наиболее перспективной для этого территорией является юг Минусинских котловин. Эти исследования позволят закрыть «белое пятно» в древней истории этого региона.

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственного задания № 0184–2019–0004. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // Теория и практика археологических исследований. 2018а. № 2 (22). С. 21–46.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018б. № 3 (23). С. 41–69.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.

Поляков А.В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // Теория и практика археологических исследований. 2019а. № 2 (26). С. 91–108.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2019б. № 20. С. 163–173.

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып.1. С. 28–34.

К проблеме социального развития восточноевропейских обществ эпохи бронзы

© ***2020 г. Г.Г. Пятых*** *(innovaziya@yandex.ru)*

Москва, РФ

Аннотация. Непротиворечивая система прямых и косвенных фактов свидетельствует о выходе некоторых обществ Восточной Европы на уровень предклассовых отношений не позднее III тысячелетия до н. э. Сложность их социальных структур указывает, что процессы социальной градации в них зашли уже очень далеко. Есть основания предполагать в этих обществах и существование наследственной аристократии, уже само наличие которой указывает на предклассовый уровень таких обществ.

Ключевые слова: социогенез, производящее хозяйство, социальное расслоение, предклассовые общества.

Поскольку переход к производящему хозяйству стал основой процессов социальной дифференциации, постольку само наличие такого хозяйства уже априорно позволяет предполагать существование социальной неоднородности в древних обществах с производящей экономикой. Уровень социальной стратификации древних

обществ зависел от форм земледелия, специализации ремесел (в том числе появление отраслевого деления металлопроизводства), наличия масштабных военно-миграционных событий, являвшихся одними из важнейших факторов классообразовательных процессов (Алексеев, Бромлей, 1968. С. 35, сл.). Таким образом, задачей анализа является рассмотрение вопроса, имеют ли отражение в материалах восточноевропейских культур эпохи бронзы перечисленные явления, которые могли бы говорить как о самом наличии социальной дифференциации, так и о ее уровне.

Известные археологические и лингвистические свидетельства говорят о существовании земледелия в Центральной, Западной, Северной и Восточной Европе в неолите, энеолите и бронзовом веке. Это следы борозд, оставленных бороздовыми орудиями, либо даже ралом, и целая серия деревянных бороздовых орудий, в том числе бесспорно неолитических. В Поднепровье в погребениях катакомбной культуры второй пол. III тыс. до н. э. обнаружены деревянные части рал двух типов: прямогрядильного и кривогрядильного. Изображение прямогрядильного рала, запряженного быком, датированное серединой III, или рубежом III – II тыс. до н. э., найдено в Прикубанье. Прямогрядильное рало того же времени известно в виде изображения на стеле на территории Крыма.

По лингвистическим данным, у индоевропейцев и северокавказцев пашенное земледелие имелось уже в V–IV тыс. до н. э. (Шнирельман, 1988. С. 20, 22, 23, 26). Существует и система косвенных данных о существования земледелия у населения средней бронзы даже в южной полосе лесной зоны (Крайнов, 1972. С. 144–146).

Свидетельства о распространении в некоторых обществах Восточной Европе в III или на рубеже III – II тыс. до н. э. уже пашенного земледелия имеют особое значение, так как указывают на весьма высокий уровень социального развития таких обществ. В этой связи важны два факта. Первый – это то, что в Китае рало появилось только во второй половине I тыс. до н. э., т.е., уже в эпоху очень развитой государственности. Факт второй: в Африке в доколониальную эпоху упряжные пахотные орудия применялись лишь в обществах, уже имевших ярко выраженную раннеклассовую структуру (Шнирельман, 1988. С. 23). Из изложенного вытекает, что наличие земледелия в Европе, в том числе Восточной, можно считать доказанным по меньшей мере с III тыс. до н. э., следовательно, общества, практиковавшие его, могли находиться на весьма высоком уровне разложения первобытнообщинных отношений, в каких-то случаях на предгосударственном.

Скотоводство, сначала более характерное для Юга и степной полосы Восточной Европы, в среднюю бронзу с носителями фатьяновской культуры распространяется и в лесной зоне (напр., Крайнов, 1972. С. 136, сл., Табл. 2). Развитие скотоводства «<...>давало больше прибавочного продукта, чем земледельческое хозяйство. Оно естественно приводило к росту и накоплению богатства в отдельных семьях и вело <...> в конечном итоге – к социальному расслоению общества» (Мунчаев, 1975. С. 386). В обществах же с комплексной экономикой совокупный продукт был еще большим, потому они обладали и большей стабильностью и процессы социальной стратификации протекали в них более стабильно.

К следующей важной предпосылке социальной трансформации первобытных обществ относят освоение металлов. В металлоносных обществах социальное развитие шло наиболее быстрыми темпами. (Хазанов, 1975. С. 89–90). Перераспределению и накоплению богатств способствовал и тесно связанный с металлопроизводством обмен. В этой связи важен факт выделения ювелирного искусства в отдельную отрасль, начиная уже с V тыс. до н. э. В III – II тыс. до н. э. ювелирные изделия уже имеют массовое распространение от Северного Кавказа и до лесной зоны включительно (Мунчаев, 1975. Рис. 16, *1–10*; 33, *1–11*; 34, *1–4*; 35; 36, *1–2*; 37, *1–2*; 47, *1–7*; 48, *1–16*; 57, *1–3*; 60, *2–8*; 64, *12–15*; 72, *2–6*; Черных, 1970. Рис. 61, *1–66*; 62, *1–41*; 63, *1–18*; Черных, 1976. Табл. XL, *1–36*; XLI, *1–26;* Крайнов, 1972. Рис. 53). Эти факты указывают на выраженную дифференциацию металлургического производства по принципу специализации, а таковая дифференциация происходила лишь в предклассовых, или даже раннеклассовых обществах (Шнирельман, 1988. С. 87).

Специализация в области ремесленных производств происходила и в других отраслях. Уже в III тыс. до н. э. выделяются такие работающие на рынок ремесленники, как столяры, изготовители стрел, кожевенники, костерезы, (Шнирельман, 1988. С. 101). В некоторых предклассовых обществах в отдельную отрасль уже выделяется и керамическое производство (Мунчаев, 1975. С. 369–373).

Совокупность таких мощных экономических факторов, как земледелие, скотоводство, и значительный комплекс разнообразных специализированных производств, и служила в эпоху энеолита – бронзы прочным фундаментом процессов социального расслоения обществ, и их выхода в III – II тыс. до н. э., а некоторых обществ, вероятно, и ранее, на предклассовый уровень.

Одним из важнейших факторов классообразовательных процессов были войны. Поскольку в жизни обществ, практиковавших производящее хозяйство, война становиться постоянным явлением и фактически одной из отраслей экономики, то выделяются вожди, одной из главных функций которых становиться руководство военными предприятиями. Возникающая вокруг военных вождей дружина, состоящая из профессиональных воинов, для которых война – главный источник средств существования. Такая специализация сыграла существенную роль в процессах классобразования, поскольку наличие профессиональной дружины делало ее вождей менее зависимыми от собрания свободных общинников, и стало очередным этапом дальнейшего общественного разделения труда, тем самым и очередным фактором в процессах дальнейшего классобразования (Хазанов, 1975. С. 123, 125).

Специалисты особо выделяют те сопровождавшиеся масштабными войнами переселения народов, которые были связаны со становлением и развитием раннеклассовых отношений. Археологические свидетельства такого фактора классогенеза, как войны, для эпохи бронзы многочисленны. Оружие из камня и меди зафиксированы уже в позднем триполье. (Энеолит СССР, 1982. С. 223, 225, табл. LX). Такие культуры, как среднеднепровская и фатьяновская даже получает общее название «культур боевых топоров». Разнообразное оружие с III тыс. до н. э. распространяется в обществах Предкавказья, Поднепро-

вья, Дона, Заволжья и Приуралья, в частности, у носителей ямной культуры всех ее ареалов.

В культурах средней и поздней бронзы Восточной Европы, Южного Урала и Казахстана предметы вооружения известны уже в весьма значительном количестве. Свидетельством постоянной военной обстановки на рубеже СБВ-ПБВ период являются и появление укреплений от Нижнего Дона до Зауралья. Наличие же крепостей считается показателем интенсивности военных действий даже для более ранних эпох: «Можно твердо говорить, что в позднем неолите и энеолите интенсивность войн возросла, о чем свидетельствует распространение крепостных сооружений» (Шнирельман, 1988. С. 123). Добавлю: и широкое распространение военно-аристократических захоронений.

Таким образом, начиная по меньшей мере с энеолита и на протяжении последующих периодов палеометалла в археологических материалах массово представлены свидетельства существования войн, как постоянного явления.

Еще один фактор, влиявший на социальное развитие доклассовых обществ, это их контакты с более развитыми обществами. Так, отмечается, что в Передней Азии III–II тыс. до н. э. быстрый переход к классовым отношениям обеспечили два фактора: 1) сравнительно высокий уровень социально-экономического развития, достигнутый уже к началу III тыс. до н. э., 2) непосредственное соседство с ранее возникшими государствами.

На уровне принципиальной схемы специалистами выделяются два основных направления, по которым распространялось влияние древнейших центров цивилизаций на их первобытную периферию: торгово-экономическое и военно-политическое, с самого начала связанные друг с другом. При этом важнейшим по своим последствиям сдвигом было вступление первобытной периферии в бронзовый век. Ранние государства Передней Азии, заинтересованные в получении металла из вне, распространили в своем первобытном окружении металлургические навыки и тем ускорили его вступление в век металла. Стимулы, исходившие от древнейших государств, способствовали развитию в их первобытном окружении второго крупного общественного разделения труда и тем самым углублению социальной дифференциации. К таким же результатам вело развитие тесно связанной с металлургией торговлей, которая на периферии контролировалась местными вождями и знатью и способствовала их обогащению и дальнейшему обособлению. от родовых соплеменников. (Хазанов, Куббель, Созина, 1975. С. 143–144).

Таким образом,, имеются все основания для вывода, что по меньшей мере с энеолита и до поздней бронзы включительно имеется весь набор факторов, прямо влиявших на процессы социогенеза: 1) скотоводство и земледелие, 2) металлопроизводство, 3) другие специализированные ремесла, 4) связанный со всеми формами производящего хозяйства обмен, 5) войны, как постоянное явления, 6) для обществ отдельных регионов интенсивное, либо существенное влияние на них более развитых в социально-экономическом отношении территорий.

Рассмотрим, насколько социально-имущественное неравенство, вызванное развитием производящих форм хозяйства, отражено, в археологических материалах. По меньшей мере с IV тыс. до. н. э. на территории Восточной Европы уже существуют общества, в захоронениях представителей которых по различиям в трудозатратах, воплощенных в погребальных сооружениях и инвентаре, отчетливо прослеживается их социальная неоднородность. При этом важно подчеркнуть, что, начиная по меньшей мере с энеолита, такая социальная неоднородность характерна уже для различных обществ Европы – то есть, процессами социальной дифференциации были охвачены колоссальные пространства. Это появление погребений с большим количеством инвентаря, оружия (каменными топорами, бронзовыми или медными кинжалами), появление курганов, в том числе конструктивно сложных – с кромлехами, с перекрытием могильных ям мощными каменными закладами, с сооружением над могилами каменных куполообразных сооружений, с каменными плитами с изображением людей и животных, с богатыми центральными захоронениями (Энеолит СССР, 1982. С. 223; 225; табл. LX; LXXXVIII, LXXXVIII –2; LXXXIX).

Показательно и то, что погребения бескурганных могильников по сравнению с захоронениями в курганах бедны инвентарем, в том числе по его качеству (Энеолит СССР, 1982. С. 225). То есть, наряду с аристократами, в обществах уже существовал и социальный слой, не имевший прав на погребение под курганами, и представители которого хоронились с более бедным инвентарем. Показателем далеко зашедшего социального расслоения обществ эпохи бронзы служит и сложность такового расслоения, ибо уже и рядовые общинники нередко также могли разделяться в социальном отношении. Археологические данные показывают на существование таких бедных общественных ассоциаций, в которых имущественная дифференциация, хотя и слабее выраженная, имеет место. Например, в Выхватинском могильнике, оставленном, по предположению исследователей, относительно бедным населением, составом инвентаря выделяются мужские погребения, в одном из которых было 11 сосудов, в другом – уникальный топор-молот. Более ярко наличие племенной аристократии отражено в материалах Усатовского могильника, где привилегированная социальная группа погребена в курганах со сложными каменными конструкциями, с изделиями из меди, в том числе, с оружием. При этом рядом был расположен бескурганный могильник, предположительно принадлежавший рядовым общинникам (Энеолит СССР, 1982. С. 239). Нахождение на древнем горизонте в одном из курганов двух безинвентарных захоронений дало основание к отнесению их к категории захоронений рабов (Энеолит СССР, 1982. С. 239). Если рабство действительно имело место, то его наличие – показатель весьма далеко зашедшей социальной дифференциации общества.

Хотя небольшие родовые могильники культуры воронковидных кубков, соприкасавшейся в верховьях Буга и Днестра с трипольской, и не содержат материалов, отражающих имущественное неравенство членов общины, однако наряду с бескурганными захоронениями известны мегалитические сооружения, что позволяет предполагать существование верхушки общества, обряд захоронения которой отличался особой сложностью (Энеолит СССР, 1982. С. 261).

В частично сосуществовавшей с позднетрипольской культурой культуре шаровидных амфор также есть гробницы как из каменных ящиков различных вариантов, так и без каменных конструкций; наряду с трупоположениями есть сожжения (Энеолит СССР, 1982. С. 263), т.е., и в этой культуре прослеживается социальная неоднородность общества ее носителей.

На Северном Кавказе в это время существуют курганы, отличающиеся не только громадными размерами, но и сложной архитектурой насыпей, наличием сложных и трудоемких конструкций, в т.ч. каменных, наличием с антропоморфных стел, повозок, предметов оружия и разнообразного и богатого инвентаря.

В степной полосе социальная неоднородность общества наиболее ярко выражается также в появлении курганов, в том числе весьма значительных по размерам. В степях Заволжья и Южного Урала курганы позднего периода ранней бронзы достигают высоты 6 м (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 102), а в состав погребального инвентаря входят дорогие изделия, включая золотые (Васильев, 1979. С. 29. Рис. 3). Курганы Предкавказья имеют и более впечатляющие размеры. Создание столь трудозатратных насыпей требовало тысяч и даже десятков тысяч кубометров земли, к чему этому могла добавляться ломка и доставка материала для каменных конструкций. Все это говорит о привлечении и объединенных действиях больших коллективов людей. На основании этого Н.Я. Мерперт задает риторический вопрос: что же тогда говорить о курганных группах, насчитывавших десятки больших курганов? (Мерперт, 1978. С. 61). Таким образом, само наличие громадных земляных пирамид свидетельствует об очень значительных властных возможностях вождей той эпохи, бывших в состоянии привлекать для их сооружения значительные массы зависимого населения.

Необходимо отметить и неоднократные случаи сопутствующих человеческих жертвоприношений, зафиксированные курганах ранней-средней бронзы Южного Урала и Среднего Дона (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 97, сл.; Синюк, 1996. С. 286). Это указывает, что общества, оставившие эти курганы уже могли достичь уровня примитивного рабства, когда отсутствие емкой сферы применения рабского труда приводило «<...> к непроизводительному использованию рабов <...>, к убийству их в ритуальных целях, при погребениях <...>» (Хазанов, 1975. С. 114).

Из факта привлечения значительных масс зависимого населения к сооружению огромных земляных пирамид вытекает, что потомки захороненных под ними вождей имели такие же властные возможности, как и их умершие предки. А это дает основания для вывода о существовании уже наследственной власти, что является весьма и весьма весомым свидетельством предклассового уровня развития обществ носителей ямной культуры.

На то, что системы социального расслоения обществ эпохи бронзы уже давно имели сложный, «многоступенчатый» характер, указывает и существование в рамках одного общества различных практик совершения погребений: трупоположений (причем в различных позах и с разнящимися ориентировками), трупосожжений, трупорасчленений, неполных и вторичных захоронений, кенотафов, выполнения работ по модификации лиц умерших (т.н. глиняные «маски», и т.д.

Общий анализ материалов дает основания для вывода, что некоторые предклассовые общества эпохи ранней-средней бронзы находились на весьма высоком уровне социального развития, вероятно, на более высоком, чем представлялось ранее.

Список литературы

Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. СЭ. 1968. № 2. С. 35–45.

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Отв. Ред.С.Г. Басин. Тр. КГПИ, том 230. Куйбышев, 1979. С. 24–56.

Кореневский С.Н. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетий до н. э.). М.: ИА РАН. 2017. 284 с.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972. 274 с.

Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 55–63.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Оренбург, 1994. 152 с.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 415 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ, 1996. С. 3–352.

Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М.: Наука, 1975. С. 88–139.

Хазанов А.М., Куббель Л.Е., Созина С.А. Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество. М.: Наука, 1975. С. 140–204.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Шнирельман В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988. С. 5–139.

Энеолит СССР. Серия «Археология СССР». М.: Наука, 1982. 360 с.

Майкоп – новосвободная: общность, этапы, или культуры?

© 2020 г. А.Д. Резепкин (rezepkin@mail.ru)

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. В статье дается краткий анализ проблемы становления и развития эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Приведены аргументы в пользу ранее предложенной концепции разнокультурной принадлежности памятников майкопа и новосвободной. Утверждается, что эти памятники относятся к разным культурам, каждая их которых состоит из разных культурных компонентов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, ранняя бронза, новосвободная и Майкоп – общность, этапы, или культуры?

До сих пор памятники эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе рассматриваются либо как принадлежащие единой культурной общности – майкопской культуре, либо как два, независимых культурных комплекса, принадлежавшим двум культурам – майкопской и новосвободненской. Мне представляется, что принципиальная разница в типах инвентаря имеет в своей основе не эволюционную, а генетическую подоснову. Целью данной работы является общее сравнение различных категорий инвентаря из майкопских и новосвободненских комплексов.

С.Н. Кореневский считает, что «в целом можно различить два подхода к понятию «общность». Первый подход – общность объединяет памятники общего происхождения ее носителей.

Второй подход трактует общность как систему устоявшихся признаков материальной, духовной культуры, отличающих ее от иных общностей.

При этом вопрос о происхождении отдельных компонентов общности здесь не играет роли. Он решается потом и специально» (Кореневский, 2011. С. 11).

Ясно, что первый подход, в отличие от степных «общностей» эпохи бронзы нельзя применить к памятникам эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Судя по работам С.Н. Кореневского, он придерживается второго подхода. Он совершенно верно пишет, что «Для выделения понятия культурно-историческая общность, или культура необходимо придерживаться особой методики из области формальной логики с выделением диагностических признаков ... прежде всего, этот анализ идет по особенностям керамического производства, бытовых памятников, погребального обряда, как наиболее полно отражающим этнокультурные признаки по археологическим данным» (Кореневский, 2011. С. 11). Собственно говоря, я и следую этому классическому подходу, но выделяя не «общности», а собственно археологические культуры. По моему мнению, общности выделяются, точнее определяются, по сходству или различию уже выделенных категорий артефактов, погребальных сооружений, бытовых памятников в тех или иных культурах, а не наоборот. В 1950 году А.А. Иессен правильно определил относительную хронологию ярких погребений из «Больших кубанских курганов (Иессен, 1950). Затем, с введением Е.И. Крупновым термина «майкопская культура», охватывающего все погребальные комплексы, тяготеющие по инвентарю к «Большим кубанким курганам», определенная А.А. Иессеном относительная хронология была перенесена на майкопскую культуру, с соответствующими этапами – ранний майкопский и поздний – новосвободненский (Мунчаев, 1975, 1994; Кореневский, 2004). Но с накоплением нового материала, особенно связанного с раскопками курганного могильника «Клады», где было раскопано 22 кургана с 85 хорошо стратифицированными погребениями, а также целым рядом раскопанных майкопских и новосвободненских поселений, стало очевидным, что эпоха ранней бронзы на Северном Кавказе имеет гораздо более сложную структуру. Внести несколько большую определенность в эту структуру я попытался еще в 1982 году (Резепкин, 1982). В последующие годы, я, как мне представляется, предложил концептуально новую идею по происхождению и формированию эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Суть ее в том, что она культурно неоднородна и состоит из нескольких составляющих, культурные корни которых имеют разное происхождение (Резепкин, 1991; Резепкин, 2003, 2004, Rezepkin, 2010; Резепкин, 2012). О сиро-анатолийском происхождении круга памятников, связанных с майкопским курганом, ранними погребениями Усть-Джегутинского курганного могильника и Усть-Джегутинским поселением, впервые было сказано еще в 1977 году (Андреева, 1977). Эти памятники С.Н. Кореневский в его четырехчленном делении «майкопско-новосвободненской общности» отнес к галюгаевско-серегинскому майкопу, хотя на поселении Серегинское представлены многочисленные фрагменты форм как кубков, так и ранненовосвободненских амфор (Днепровский, 1991. Рис. 6, *5, 9*; 7; 8, *1*), которые отсутствуют в собственно майкопских памятниках. Поэтому логичнее бы за этой группой майкопских памятников оставить название Усть-Джегутинский вариант майкопской культуры (табл. II, *1*) и исключить из них поселение Серегинское, как синкретическое майкопско-ранненовосвободненское. Тем более, что материал из них имеет самое большое количество аналогий как среди позднеанатолийского халколита, так и среди памятников лейлатепинской культуры, откуда, по мнению практически всех исследователей, и распространяется этот вариант на Северный Кавказ (табл. I). Что касается псекупского варианта, то он от Усть-Джегуты отличается отнюдь не только отсутствием на сосудах знаков и приземистой формой сосудов (она там разная), а главное – наличием пролощенного орнамента, глиняных моделей колес, печатей (табл. II, *2*), черешковых кинжалов (Псекупский могильник погр. 2 по Н.Г. Ловпаче и погр. в кургане у с. Венцы вместе с псалиями, по В.С. Бочкареву). Также представляется странным характеристика металла этого варианта майкопской культуры: «Формы металла соответствуют стандартам раннего майкопского и позднего новосвободненского этапов (Кореневский, 2011. С. 13). То есть это – все равно этапы майкопской культуры, причем по металлу они, вопреки А.А. Иессену, еще и сосуществуют?

Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию, хочу лишь отметить, что по предложенной мной гипотезе, все подобные вопросы снимаются, если псекупский вариант считать следствием начала урукской экспансии на Северный Кавказ и его соответствующее влияние на майкопскую куль-

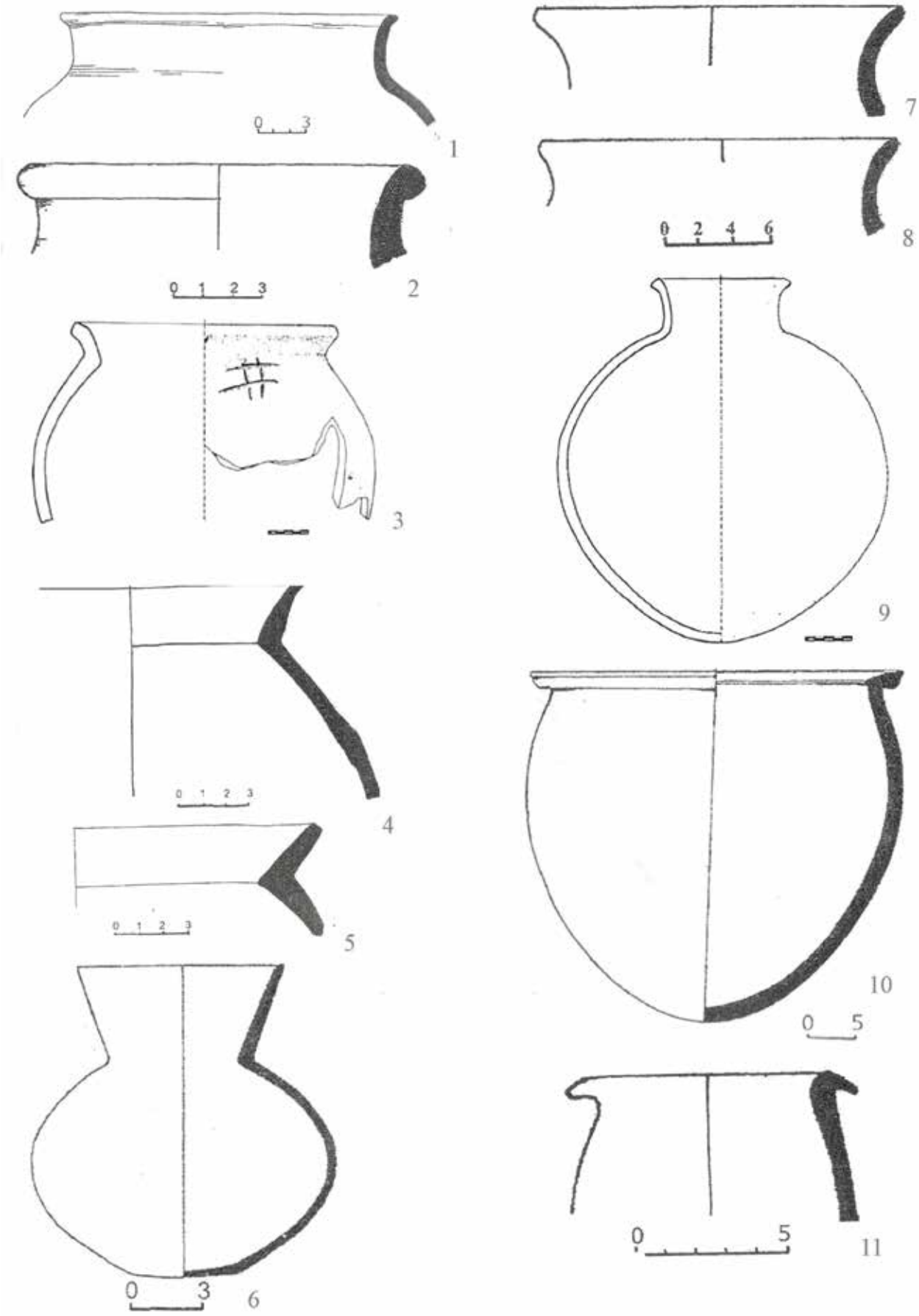


Табл. I. Аналогии сосудам усть-джегутинского варианта майкопской культуры.
Тип 1: 1–2 – поселение Беюк Кесик (по [*Мусеибли*, 2007]); 9 – Арслантепе, период VII (по [*Frangipane*, 2000]). Тип 2: 3 – Арслантепе, период VII (по [*Frangipane*, 2000]); 4–6 – поселение Беюк Кесик. Тип 4: 7–8 – поселение Беюк Кесик, Тип 11: 10 – поселение Беюк Кесик, 2000]); 4–6 – поселение Беюк Кесик. Тип 14: 11 – поселение Беюк Кесик (по [Мусеибли, 2007]).

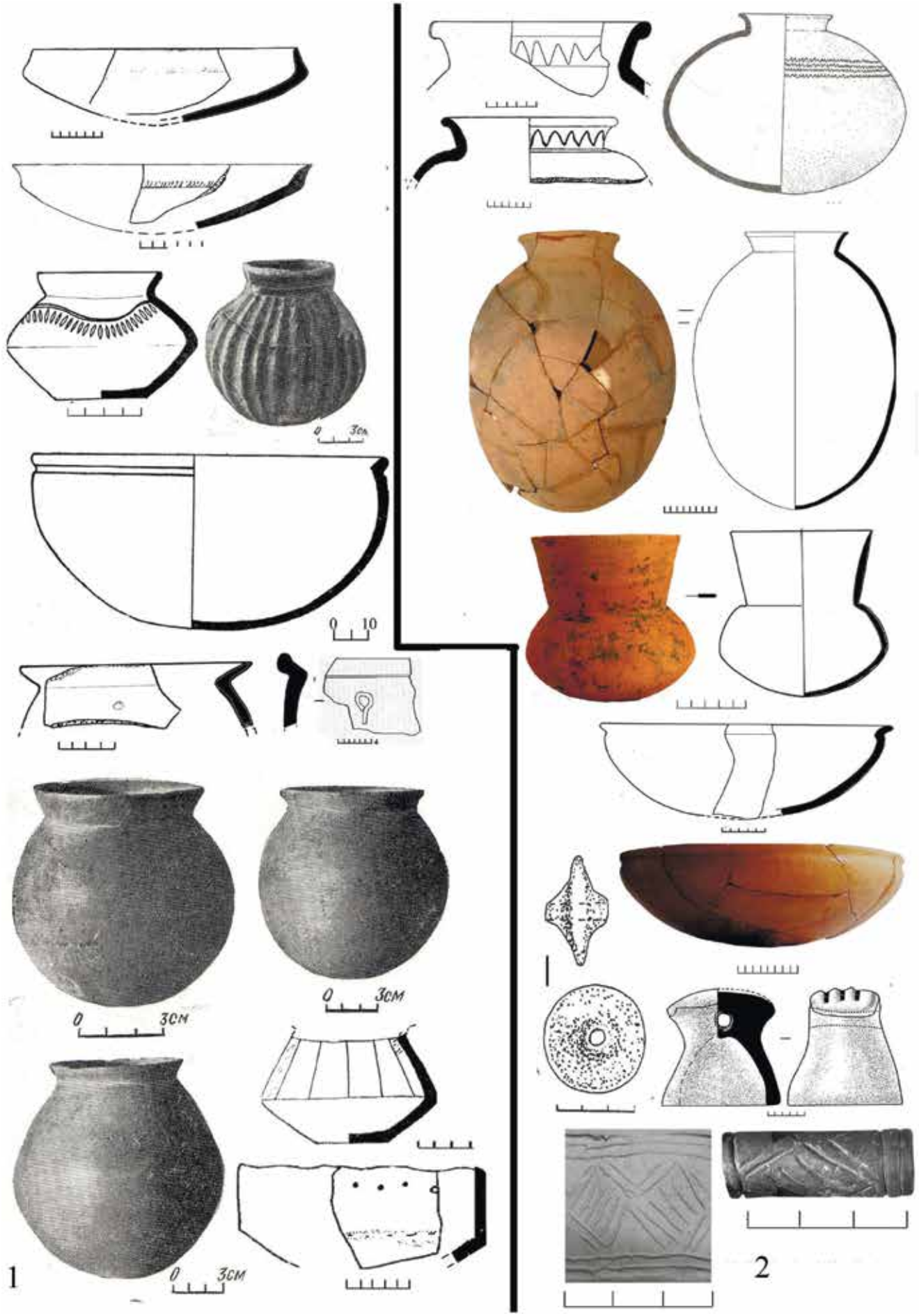


Табл. II. 1 – усть-джегутинский вариант; 2 – псекупский вариант.

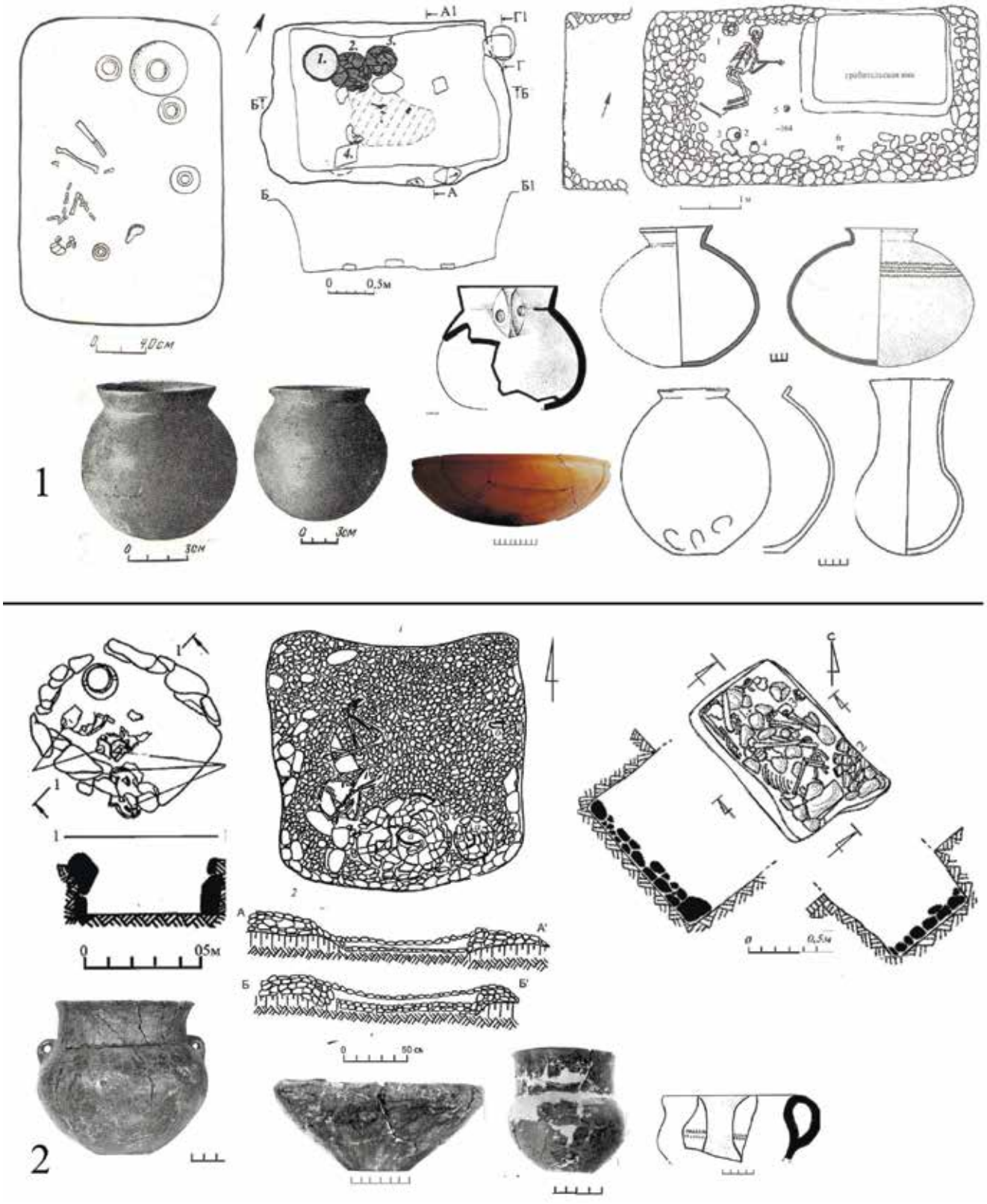


Табл. III. 1 – майкопские погребения; 2 – ранненовосвободненские погребения.

туру на Северо-Западном Кавказе. Свои аргументы мною давно и достаточно подробно изложены (Резепкин, 2003; 2004).

Что касается «новосвободненского и долинского вариантов общности», то я свои аргументы изложил в последней монографии (Резепкин, 2012). Это безусловно самостоятельная культура по всем ведущим категориям материала, по происхождению, во многом по погребальному обряду и занимаемой территории (ср. табл. III).

Таким образом, мы видим, что нет «единой системы устоявшихся признаков» и, следовательно, памятники эпохи ранней бронзы Северного Кавказа нельзя смешивать в некую единую «общность». Это совершенно ничего не дает для понимания появляющихся и происходящих там сложных процессов, скорее наоборот, «замазывает» их.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00548а.

Список литературы

Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1. С. 39–56.

Днепровский К.А. Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 3–17.

Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. № 12. С. 157–200.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказя. М., 2004. 242 с.

Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология, историко-культурный аспект. М., 2011. 335 с.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 414 с.

Микеладзе Т.К., Мунчаев Р.М. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. 382 с.

Резепкин А.Д. Проблема развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе. // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы. Ереван, 1982. С. 132–135.

Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры. // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 167–197.

Резепкин А.Д. Керамика майкопской культуры с лощеным орнаментом // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 45–54.

Резепкин А.Д. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе орнаментом // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар, 2004. С. 97–125.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура. СПб., 2012. 343 с.

Alexej D. Rezepkin. Metallfunde der Majkop- und der Novosvobodnaja-Kultur. // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4–2 Jt. v. Chr. Beitrage des Internationalen Sumposiums in Berlin vom Juni 2006. Bonn, 2010. S. 95–102.

Двугорбый верблюд в хозяйстве и ритуальной практике жителей Гонур-депе (Туркменистан, бронзовый век)

© 2020 г. Р.М. Сатаев *(rob-sataev@mail.ru),* ***Н.А. Дубова***

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, РФ

Аннотация. Гонур-депе – самый крупный из раскопанных памятник Древней Маргианы. Памятник состоит из двух основных объектов: Северного Гонура – административного центра и Южного Гонура. Остатки двугорбого верблюда встречаются на всех раскопах Северного Гонура. В погребальных сооружениях обнаружено 16 скелетов верблюдов. Среди находок многочисленны изображения этого животного. Имеющиеся факты указывают, что верблюд занимал важное место в древней культуре.

Ключевые слова: Бактрийско-Маргианская археологическая культура, Гонур-депе, система жизнеобеспечения, древнее животноводство, ритуальная практика.

Гонур-депе – один из крупнейших и известных памятников эпохи бронзы Средней Азии, предполагаемый столичный центр Древней Маргианы, расположенный в Юго-Восточных Каракумах в 85 км к северу от г. Байрамали (Марыйский велаят Туркменистана). С 1974 по 2013 гг. исследованиями памятника руководил российский археолог В.И. Сарианиди.

Памятник включает два основных объекта: Северный Гонур – административно-культовый центр с примыкающим могильником и «царским некрополем» и Южный Гонур («Теменос», с примыкающим небольшим «могильником теменоса»). Кроме того в окрестностях собственно Гонур-депе располагается ряд небольших сателлитных поселений. Согласно имеющимся данным радиоуглеродного анализа, временные рамки существования гонурского протогородского центра находятся в пределах 2500–1500 лет до н. э., при наиболее интенсивном его использовании на рубеже 2000 г. до н. э. (Зайцева и др., 2008. С. 179).

Как показали многолетние исследования памятника, основой жизнеобеспечения населения древнего Гонурского оазиса являлось производящее хозяйство: орошаемое земледелие, придомно-отгонное животноводство и ремесленное производство (строительное, гончарное, металлообработка, деревообработка, обработка камня, скорняжное и текстильное производство).

Изучение костей животных, собранных при раскопках памятника показывает, что древнее население разводило восемь домашних видов: овцу, козу, крупный рогатый скот, свинью, двугорбого верблюда, осла, лошадь, собаку (Сатаев, 2016). Животные в жизни жителей протогородского центра выполняли разные функции. Скот содержался для получения мяса, молока, шерсти, использовался в качестве тягловой силы. Кроме этого, практически все виды в той или иной форме использовались в ритуалах.

Вся совокупность остатков животных, происходящих из раскопок Гонур-депе, по своему нахождению, разделяется на две большие группы: кости животных рассеянные в культурном слое памятника, и кости животных приуроченные к локальным объектам (постройкам, погребальным конструкциям и сооружениям, ритуальным объектам ритуального назначения).

Следует отметить, что культурный слой памятника (зооархеологический материал из которого обычно интерпретируется, как бытовые отходы) сравнительно беден остатками животных. Так, в период с 2007 по 2015 г. со всех раскопов Северного Гонура, занимающего площадь

не менее 50 га, из культурного слоя было извлечено всего лишь 2 703 кости, из которых 2 169 костей принадлежат домашним видам. При этом более 82 % (12 998 экз.) всего зооархеологического материала приходится на остатки животных, приуроченные к локальным объектам. С пола помещений и построек происходит 870 костей, из погребений – 4 080, с других ритуальных объектов (в том числе с остатками кремированных животных) – 8 048. Нужно добавить, что для погребений и прочих ритуальных объектов за единицу учета принимались как изолированные кости и их фрагменты, так и целые скелеты животных (отделы скелетов или скопления костей, происходящих от одной особи). Наибольшее количество костей принадлежит мелкому рогатому скоту.

В культурном слое памятника кости верблюда были встречены на всех раскопах Северного Гонура. Однако из-за редкости находок костей этого вида общий объем выборки составил всего 57 экземпляров (2,6 % от общего числа костей домашних животных). Основную часть находок составляют фрагменты позвонков, ребер и большой берцовой кости. Явных следов разделки (зарубки, засечки) на костях не выявлены, хотя одна фаланга из найденных несет следы низкотемпературного термического воздействия. Учитывая малочисленность остатков верблюда в бытовых отходах, по-видимому, нельзя говорить о широком использовании этого вида на мясо. Возможно, что основное количество костей происходит из разрушенных ритуальных объектов.

В свою очередь, в 9 погребальных сооружениях было обнаружено в совокупности 16 скелетов верблюдов, разной сохранности и целостности. В отдельных случаях скелеты были разрушены и «разобраны» в результате действий грабителей могил. При этом характер расположения отдельных костей (обычно скопление сваленных в одну кучу костей), состав элементов скелета достаточно ясно указывает на то, что в погребение или сопутствующее ему сооружение помещалась целая туша животного.

Наиболее показательный пример представляют остатки верблюдов из гробницы 3915, устроенной в котловане по типу «дома мертвых». Еще в древности гробница была ограблена. Южная и восточная часть котлована («комнаты») была отделена стеной из сырцового кирпича от северо-западной части, которая символизировала уже не «дом», а примыкающий к нему «хозяйственный дворик». Здесь же находились остатки животных – целый скелет собаки и три скопления изолированных костей верблюда. Завал из костей верблюдов почти полностью занимал восточную часть двора. Анализ элементов скелета позволяет сделать вывод, что кости происходят от трех взрослых особей верблюда. По-видимому, скопления костей образовались в результате деятельности «грабителей», когда грабители, пытаясь добраться к представляющим ценность вещам, разбирали скелеты верблюдов, отбрасывая кости в стороны и наружу. Стоит заметить, что ограбление произошло через значительное время после устройства погребения, когда туши верблюдов уже полностью разложились. Учитывая находки истлевшей древесины (контур тлена имел форму дуги), и многочисленные окислы меди на костях верблюдов, можно предположить, что в гробнице находилась четырехколесная повозка. Эти факты дают основания полагать, что при устройстве гробницы в нее были помещены два верблюда, запряженные в повозку, а также еще один, возможно, «резервный» верблюд.

Почти во всех случаях обнаруженные в погребальных сооружениях скелеты верблюдов принадлежали взрослым животным. Единственным исключением являются остатки верблюда из погребения 3905. Гробница была устроена по типу «дома мертвых с двором». В юго-восточном углу северной камеры погребения на полу находился скелет молодого верблюда. Взаимное положение отделов скелета показывает, что верблюд погиб находясь в естественной позе отдыха. По всей видимости, животное было заведено в гробницу, усажено и убито путем перерезания горла.

Если в случае с гробницей 3915 наличие повозки предполагается, то в погребениях 3200, 3225, 3240, 3900 вместе со скелетами верблюдов были обнаружены остатки повозок с деревянными колесами, окантованными бронзовыми ободами – шинами. Последнее прямо указывает, что верблюды использовались, преимущественно, в качестве тягловой силы. Возможно, что они также играли роль вьючных животных. Л.Б. Кирчо отмечает, что верблюды использовались как тягловые животные уже во второй половине III тыс. до н. э. (Кирчо, 2009. С. 30). Согласно ее данным самая ранняя, надежно документированная терракотовая головка упряжного верблюда найдена на Алтын-депе в горизонте 4 (около 2400 г. до н. э.). Как указывает В.М. Массон, со времени позднего Намазга IV на Алтын-депе получают распространение глиняные модели четырехколесных повозок, запряженных верблюдами (Массон, 2006. С. 63).

На основании изучения скелетов верблюдов (хотя они всегда имеют плохую сохранность) и их отдельных костей, можно говорить, что высота в холке животных в среднем была около 165–175 см. О внешнем облике этих животных дает хорошее представление реалистичное изображение двух шагающих верблюдов на серебряном сосуде, обнаруженном в одной из гробниц царского некрополя (Сарианиди, 2006. С. 237). Изображенные верблюды имеют массивное сложение, высокие горбы (особенно передний), на передних ногах обозначены мозоли, мощный чуб и подвес шерсти с нижней стороны шеи, все это характерно для домашней формы.

Кроме указанного выше серебряного сосуда на Гонур-депе известны многочисленные изображения двугорбых верблюдов, выполненные в разной форме и из различных материалов (в том числе глиняные и терракотовые статуэтки). То, что образ верблюда проник глубоко в культуру гонурцев, по-видимому, демонстрирует особое к нему отношение не только, как к полезному в хозяйстве животному.

В целом, можно констатировать, что по сравнению с более ранними культурами Южного Туркменистана, у населения Древней Маргианы двугорбый верблюд играл особую роль, выходящую за пределы его простого утилитарного использования.

Работа выполнена в рамках реализации Госзадания Института этнологии и антропологии РАН.

Список литературы

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: «Старый сад», 2008. С. 166–179.

Кирчо Л.Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1. С. 25–33.

Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб.: СПбГУ, 2006. 384 с.

Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад: Miras, 2006. 327 с.

Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 196 с.

Хлебные злаки в земледельческой практике населения Гонур-депе (Туркменистан, бронзовый век)

© 2020 г. Л.В. Сатаева (lvsataeva@mail.ru), Н.А. Дубова

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, РФ
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, РФ

Аннотация. Основой жизнеобеспечения протогородского центра являлось орошаемое земледелие. Население выращивало значительное число культурных видов растений. Главными возделываемыми видами являлись хлебные злаки, преимущественно пшеница и ячмень. Среди остатков растений встречено просо. На памятнике найдены орудия труда, связанные с обработкой почвы, сбором и переработкой урожая, а также изображения злаков.

Ключевые слова: Туркменистан, бронзовый век, Гонур-депе, хлебные злаки.

Гонур-депе является предполагаемым административно-культовым центром Древней Маргианы, памятники которой расположены в пределах Юго-Восточных Каракумов, и относящейся к Бактрийско-Маргианской археологической культуре (БМАК). Заслуга открытия памятника и многолетнего его изучения принадлежит российскому археологу В.И. Сарианиди.

Гонур-депе располагался на одном из рукавов слепой дельты древнего Мургаба, вокруг которого в III тысячелетии до н. э. сформировался древний гонурский оазис. Время функционирования поселения относится к периоду с XXIV по XVII в. до н. э. (Зайцева и др., 2008)

Зарубежные исследования, посвященные вопросам происхождения земледелия в Старом Свете охватывают преимущественно территорию Двуречья, Малой Азии, Ирана, и лишь в редких случаях Среднюю Азию. Работы, посвященные материалам из поселений Маргианы эпохи бронзы, крайне малочисленны (Miller, 1993; Moore et al., 1994). Отечественные исследования на данную тему также ограничены. Работы Г.Н. Лисицыной, посвященные становлению земледелия в Средней Азии, практически не затрагивают территорию Древней Маргианы (Лисицина, 1978 и др.). Поэтому особенности развития земледелия оставались плохо изученными. Только в последние годы появились отечественные исследования, посвященные разным аспектам становления сельского хозяйства Древней Маргианы (Сатаева, Сатаев, 2012, 2016; Сатаев, Сатаева, 2013).

Древняя Маргиана находится в границах одного из древних центров происхождения и распространения зерновых и бобовых культур. Согласно Н.И. Вавилову, Южный Туркменистан с прилегающими к нему пограничными районами Ирана образует Прикаспийский центр, входящий в Переднеазиатский очаг происхождения культурных растений (Вавилов, 1967).

В ходе многолетних исследований из культурных горизонтов и заполнений археологических объектов на памятнике обнаружены многочисленные растительные остатки, среди которых были выявлены углефицированные семена и плоды, отпечатки частей растений (на керамике, кирпичах, обмазке, в полу различных сооружений). Наиболее широко в изученных образцах представлены зерна мягкой пшеницы, пленчатого и голозерного ячменя. Также жители Гонура выращивали просо, из бобовых – чечевицу, нут и горох (мелкосемянную форму), из садовых – яблоню, алычу (сливу), вишню, виноград, из бахчевых – дыню (Сатаева, Сатаев, 2016). Все выявленные на памятнике культуры выращиваются в регионе и в настоящее время. При этом обнаруженные здесь зерна пшеницы и ячменя имеют сравнительно крупные размеры и пропорции, характерные для злаков, культивируемых в условиях достаточного влагообеспечения. В первую очередь, это свидетельствует о том, что функционирование оазиса обеспечивалось достаточным наполнением р. Мургаб.

Особо значимым являлось обнаружение большого количества зерен злаков в погребении 2900, которое по многим признакам является «царским». Оно представляет собой цисту, выложенную саманными кирпичами, в которой, кроме мужчины и женщины пожилого возраста, содержались уникальные артефакты – серебряные и бронзовые предметы, украшения, изделия из слоновой кости, большое количество керамики. С востока к цисте прилегала площадка, на которой были захоронены 2 барана, 2 ягненка, 2 собаки и голова эквида (Дубова, 2004). Под цистой и площадкой находится слой обугленного зерна мощностью 3–7 см, объем зерна составляет примерно 0,86 кв. м. Зерна хорошей сохранности, чистые, практически без примеси углей, семян или стеблей травянистых растений, находятся в рыхлом наполнении серой золы или тлена. Поверх слоя зерна находится сырцовая обмазка толщиной 6–10 см, на которой, собственно, и расположена циста.

Данное захоронение было обнаружено в 2002 г., и в отчете о работе Маргианской экспедиции В.И. Сарианиди указывает, что слой зерна мощностью 5–6 см (местами до 10 см) располагался не только под цистой, но и в окружающих помещениях 70 и 85, на полу II периода, под слоем мусора I периода (Сарианиди, 2002). Площадь, на которой было рассыпано зерно, составляет не менее 16 кв. м. Если принять минимальную толщину слоя 5 см, то объем находящегося здесь зерна составлял минимум 0,8 куб. м. Т.е. суммарно было захоронено не менее 1,66 куб. м зерна

ячменя и пшеницы, что может составлять 0,9–1,2 т семян (исходя из массы кубометра зерна). Такое количество углефицированных и погребенных зерен может дополнительно подчеркивать высокий статус захороненного в данной цисте лица. Вокруг цисты были обнаружены несколько лунок с обожженными семенами и углями трав и кустарников, которые могут указывать на совершение определенных ритуалов при захоронении.

Анализ видовой принадлежности выборки из 536 семян показал, что наибольшее количество составляли зерновки голозерного ячменя: 235 штук (44 %). Пленчатому ячменю принадлежали 133 зерновки (25 %), мягкой пшенице – 152 зерновки (28 %), 16 семян (3 %) не определено до вида. Зерна ячменя были крупнее, чем зерна пшеницы, причем зерна пленчатого ячменя крупнее, чем голозерного. Длина зерновок пшеницы мягкой составляла 3,7±0,5 мм, ячменя голозерного – 4,3±0,4 мм, ячменя пленчатого – 4,7±0,6 мм. Современные злаки имеют более крупные размеры: длина зерновок пшеницы составляет 4,0–6,6 мм, ячменя – 7,0–14,6 мм.

Такое преимущественное использование голозерного ячменя характерно для традиционных обществ, т.к. он питательнее пленчатого ячменя, и сейчас достаточно широко выращивается в Индии, Пакистане, Афганистане, Северной Африке, т.е. в основных центрах происхождения ячменя.

На памятнике найдены орудия, связанные с обработкой почвы, сбором и переработкой урожая – бронзовые мотыги, серпы, каменные жернова и терочники, песты, крупные хумы для хранения урожая. Также имеются изображения колосьев пшеницы на золотых сосудах, стеатитовых флаконах.

Таким образом, можно сделать вывод о достаточной эффективности и производительности зернового земледелия у жителей Гонура на рубеже III и II тыс. до н. э., позволявшим обеспечивать население городского центра разнообразной земледельческой продукцией, и в первую очередь, хлебными злаками.

Работа выполнена в рамках реализации Госзадания Института этнологии и антропологии РАН.

Список литературы

Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений / Избранные произведения в двух томах. Л.: Наука, 1967. Т. 1. 425 с.

Дубова Н.А. Могильник и Царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: «Старый сад», 2008. С. 166–179.

Лисицына Г.Н. Становление орошаемого земледелия в Южной Туркмении. Опыт исторического анализа материалов комплексных исследований на юге СССР и Ближнем Востоке. М.: Наука, 1978. 239 с.

Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Археоботанические исследования на Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 159–162.

Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Земледелие в Древней Маргиане // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2016. № 3 (39). С. 30–35.

Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Исторические предпосылки разведения крупного рогатого скота в аридных условиях юга Средней Азии // Вестник БГАУ. 2013. № 1 (25). С. 62–65.

Сарианиди В.И. Отчет о работе Маргианской археологической экспедиции в 2002 г. // Архив Маргианской археологической экспедиции. 2002.

Miller N.F. Preliminary archaeobotanical results from at the Central Asian site of Gonur Depe // Information Bulleten. no. 19. 1993. Pp. 149–163.

Moore K.M., Miller N.F., Hiebert F.T., Meadow R.H. Agriculture and herding in the early oasis settlements of Oxus Civilization // Antiquity. Vol. 68. No. 259. 1994. P. 418–427.

Экспериментальное моделирование отверстий большого диаметра по материалам каменных топоров бронзового века

© 2020 г. Ю.Б. Сериков *(u.b.serikov@mail.ru).* ***С.В. Грехов***

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле), Нижний Тагил, РФ

Аннотация. На Урале известно свыше сотни изделий с отверстиями крупного диаметра, часть из которых выполнена с помощью медной трубки. В статье приводятся результаты экспериментов по сверлению разных пород камня медной трубкой. Проведенные эксперименты показали, что сверление коловоротом в 1,5 раза эффективней сверления с помощью бура. А использование в качестве сверла медной трубки увеличило скорость изготовления отверстий в 4–7 раз. Также выяснилось, что большое значение для эффективности сверления имеет используемый абразив.

Ключевые слова: коловорот, медная трубка, талькохлорит, мрамор, серпентинит, нефрит, абразив.

Отверстиями большого диаметра оформлялись, в основном, изделия неутилитарного назначения: фигурные молоты, навершия булав, боевые топоры. Такие изделия хорошо известны на территории Урала, в основном Среднего и Южного (Сериков, 2015). Изготовлены они как из мягкого (тальк, сланец, серпентинит, бурый железняк), так и твердого (диабаз, гранит, кварцитопесчаник, горный хрусталь) минерального сырья. В неолите и энеолите отверстия сверлились полой костью. Применялось как одностороннее, так и двустороннее сверление. Древним мастерам удавалось просверлить отверстия длиной от 2 до 10 см и диаметром до 3 см (Сериков, 2018. С. 58–63).

В бронзовом веке происходит переход от сверления полой костью к сверлению медной трубкой. Все изделия, сверленные медной трубкой, происходят с Южного Урала. В основном это каменные топоры, которых известно около 100 экз. Все топоры изготовлены из твердых пород камня – диабаза (в основном), гранита, кварца, кварцито-песчаника. На других территориях известны и топоры из нефритоидов. Единственным исключением является хрустальное навершие булавы с Малокизильского поселения (Челябинская обл.). О применении новой техники сверления свидетельствуют правильные слабо конические отверстия и такие же правильные высверлины.

Эксперименты с полым сверлением, проведенные С.А. Семеновым в Ангарской экспедиции 1957 г., показали большую трудоемкость этого способа. На получение отверстия диаметром 2,4 см и глубиной 3,4 см в гальке вулканической породы было затрачено 10 часов (Семенов, 1968. С. 62–65).

Авторами экспериментов были освоены древние технологии изготовления отверстий крупного диаметра: сверление полой костью с помощью бура и коловорота, одностороннее и двустороннее сверление. Ими был проведен ряд экспериментов по сверлению минералов разной твердости: талька, мрамора, серпентинита и нефрита. В ходе экспериментов были выявлены различные аспекты техники сверления (фиксация сверла на обрабатываемой поверхности, оснащение костяного сверла зубчатым краем, специфика сверления сменными сверлами, применение для сверления различных абразивных порошков). Также были установлены трудозатраты на изготовление отверстий полой костью с помощью бура и коловорота.

Эксперименты по сверлению медной трубкой буровым способом не проводились из-за очень высоких трудозатрат. Проведенные авторами эксперименты убедительно показали, что использование коловорота в качестве сверлильного инструмента значительно продуктивнее, чем сверление буром. Поэтому сверление талькохлорита, мрамора, серпентинита и нефрита производилось с помощью коловорота.

Коловорот представлял собой коленчатый деревянный стержень из калины длиной 1,26 м, к которому крепился груз – расколотое сосновое полено длиной 0,63 м и весом (вместе с рабочим стержнем) 8,2 кг. Сверло насаживалось непосредственно на конец рабочего стержня и дополнительно укреплялось с помощью деревянных палочек, обмотанных шнуром. Сверлами служили медные трубки длиной от 60 до 110 мм, внешним диаметром 14–16 мм, толщиной режущей кромки 1,2–1,3 мм. В качестве абразива использовался в основном обычный речной мелкозернистый песок. Для сравнения эффективности различных абразивов при сверлении также применялись дробленый мелкозернистый и крупнозернистый жильный кварц, а также дробленый мелкозернистый наждак. Выходы жильного кварца на Урале присутствуют повсеместно, рудопроявления наждака известны на Южном Урале. Сверление производилось с обязательным добавлением воды.

Плитка талькохлорита толщиной 2,6 см была просверлена за 52,5 минуты. При повторном сверлении этой же плитки было затрачено 1 час 5 минут. Такая разница связана, по-видимому, с неравномерной твердостью минерала.

Плитка мрамора толщиной 1,64 см медной трубкой была просверлена за 29,5 минут. На сверление плитки мрамора толщиной 1,75 см полым костяным сверлом буровым способом было затрачено 3 часа 29 минут. Костяным сверлом, но с применением коловорота, плитку мрамора толщиной 1,7 см удалось просверлить за 2 часа 15 минут. Во всех случаях в качестве абразива использовался мелкозернистый песок. Таким образом, сверление коловоротом оказалось в 1,5 раза эффективней бурового способа. Сверление медной трубкой превосходило сверление костяным сверлом буровым способом в 7 раз, а сверление полым сверлом с применением коловорота – в 4,5 раза.

Чтобы выяснить эффективность при сверлении различных абразивов, эксперименты были продолжены. На сверление плитки мрамора толщиной 1,68 см с помощью дробленого крупнозернистого и мелкозернистого жильного кварца пришлось затратить соответственно 1 час 18,5 минут и 43,5 минуты. С применением мелкозернистого наждака готовое отверстие удалось получить за 19,5 минут. Наждак оказался эффективней дробленого крупнозернистого кварца в 4 раза, мелкозернистого кварца – в 2,2 раза и мелкозернистого песка – в 1,5 раза.

Плитка серпентинита толщиной 2,6 см медной трубкой с помощью мелкозернистого песка была просверлена за 2 часа 29,5 минут. На сверление этой же плитки коловоротом с полым костяным сверлом было затрачено 3 часа 31 минута. Впоследствии для экспериментов использовались плитки змеевика толщиной 0,85 см. С помощью дробленого мелкозернистого кварца отверстие было изготовлено за 34,5 минуты, а с применением наждака – за 10 минут. Видимо, при равных условиях сверление изделий большой толщины будет более длительным.

Завершающие эксперименты были связаны со сверлением плитки нефрита толщиной 1,05 см. Следует отметить, что просверлить нефрит полым костяным сверлом буровым способом так и не удалось. После 3,5 часов работы на плитке нефрита только обозначился контур сверла. С помощи коловорота плитка нефрита толщиной 1,1 см была просверлена костью за 11 часов 43 минуты. Для сверла из медной трубки просверлить плитку нефрита толщиной 1,05 см потребовалось 7 часов 23 минуты. Эффективность сверления увеличилась почти вдвое. В обоих случаях абразивом являлся мелкозернистый песок (Грехов, 2019. С. 90). На сверление этой же плитки с применением дробленого мелкозернистого кварца было затрачено 11 часов работы. А применение мелкозернистого наждака позволило просверлить плитку нефрита за 1 час 58 минут.

Таким образом, проведенные эксперименты показали, что сверление коловоротом как минимум в 1,5 раза эффективней сверления с помощью бура. Этот показатель может измениться в связи с разными начальными условиями. Скорость сверления буровым способом зависит от силы и массы работающего человека; от продолжительности беспрерывного сверления; от наличия сменных работников. Скорость сверления коловоротом зависит от веса прикрепленного к нему груза-утяжелителя. Но изменения данного показателя в ту или иную сторону будут незначительными.

Использование в качестве сверла медной трубки увеличило скорость изготовления отверстий в 4–7 раз. Причем для твердых пород камня, особенно для нефрита, этот показатель уменьшается.

Большое значение для эффективности сверления имеет абразив. Лучшие результаты при сверлении показывает наждак. Но он встречается далеко не везде. Применение в качестве абразива дробленого кварца не показало желаемых результатов. Поэтому дальнейшие эксперименты авторов будут посвящены поиску распространенного и производительного абразива.

Сравнение полученных в результате экспериментов высверлин с высверлинами бронзового века показывает, что сверление медной трубкой производилось с помощью специального станка. Реконструкция такого станка является завершающей задачей наших экспериментов.

Список литературы

Грехов С.В. Эксперименты по сверлению нефрита полой костью // Геоархеология и археологическая минералогия-2019 / Институт минералогии УрО РАН. Миасс, 2019. С. 88–91.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 363 с.

Сериков Ю.Б. Об одном из признаков статусных изделий // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I: Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2015. С. 492–504.

Сериков Ю.Б. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра в каменных изделиях неолита – бронзы Урала // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 141–158.

Специфика культурных процессов в континентальном Приморье в эпоху палеометалла

© 2020 г. Е.В. Сидоренко *(sidoriha3@yandex.ru)*, ***И.В. Белова***

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, РФ

Аннотация. С эпохи палеометалла со II–I тыс. до н. э. в Приморье фиксируется увеличение миграционных потоков. С ними связан генезис синегайской, лидовской, янковской, кроуновской, польцевской культур. К основным факторам, влияющим на динамику культурных процессов в континентальном Приморье, относятся географическое положение и экологическое разнообразие. Уссурийская равнина является основным миграционным коридором, по которому происходило заселение края во все исторические эпохи. Центральное Приморье можно сравнить с узловой станцией, куда стекались потоки переселенцев со всех направлений. Регион становится контактной зоной, где происходит смешение культурных традиций и формирование новых (синкретичных) – лидовско-янковских, янковско-кроуновских, кроуновско-польцевских. Доказанным фактом стало сосуществование на территории центрального Приморья на определенных этапах своего развития периодизационно различных, но хронологически близких культур.

Ключевые слова: синегайская, лидовская, янковская, кроуновская, польцевская культуры, эпоха палеометалла, центральное Приморье, синкретизм традиций.

На протяжении всей истории в Приморский край периодически выплескивались волны мигрантов с Приамурья, Маньчжурии, Северного Китая и Кореи. Усиление миграций особенно заметным становиться со II–I тыс. до н. э. с эпохи палеометалла (бронзовый–ранний железный века) с приходом носителей синегайской, лидовской, янковской, кроуновской, польцевской культур. Физико-географические особенности края накладывают свой отпечаток на протекание культурных процессов и ограничивают пути проникновения в регион. Выделяются четыре миграционных коридора: северный – из бассейна р. Амур вниз по р. Уссури; северо-восточный – вдоль морского побережья; западный – из Маньчжурии и приханкайской равнины, южный – по морскому побережью. Новое население, расселяясь по территории, взаимодействовало между собой и с сохранившимся аборигенным населением, что привело к сложению пестрой этнокультурной среды в эпоху палеометалла. Такая ситуация наиболее характерна для двух регионов: центрального Приморья и восточного побережья. Ограниченность пригодных для заселения территорий и относительная изоляция, которая приводит к длительному сохранению облика археологической культуры, определяют специфику культурных процессов на восточном побережье (Дьяков, 1989; Сидоренко, 2007). Для центрального Приморья такая работа только начата (Бродянский, 2014. С. 20–31; Яншина, 2004. С. 66–73). К основным факторам, влияющим на динамику культурных процессов в континентальном Приморье, относятся географическое положение и экологическое разнообразие. Исследуемый регион расположен вдоль западных отрогов Сихотэ-Алиня в бассейне главной водной артерии края р. Уссури. Уссурийская равнина является основным миграционным коридором, по которому происходило заселение края во все исторические эпохи. Центральное Приморье можно сравнить с узловой станцией, куда стекались потоки переселенцев со всех направлений. Регион становится контактной зоной, где происходит смешение культурных традиций и формирование новых (синкретичных).

В эпоху палеометалла одними из первых в Приморье мигрируют представители синегайской, лидовской и янковской культур. Время появления синегайцев в Приморском крае предварительно определяется X–VIII вв. до н. э. по характеристике бронзовых изделий, относящихся к кругу курасукоидных бронз. Культура занимает степные районы приханкайской низменности, в таежную и прибрежные экологические ниши не заходит. Одновременно с синегайцами на территорию Приморья мигрируют представители лидовской культуры. На территории, примыкающей с востока к озеру Ханка были выявлены памятники (Кнорринг 1, Зеленодольское 4), в материалах которых орнаментальные сюжеты на сосудах находят прямые аналогии в лидовской культуре. Маршрут их миграции в об-

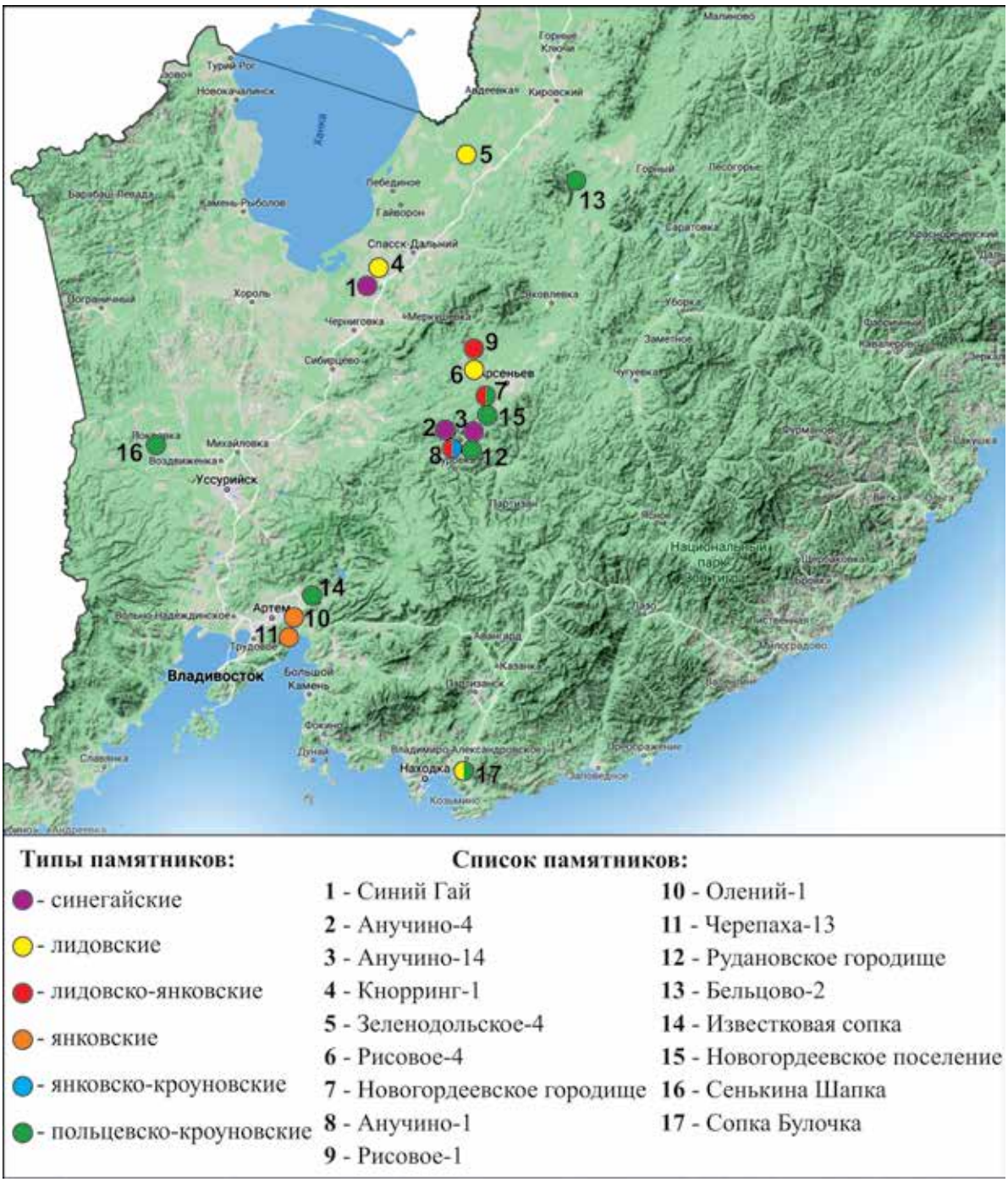


Рис. 1. Памятники эпохи палеометалла континентального Приморья.

щих чертах определен: через западные и центральные районы Приморья на юг, а затем на север вдоль побережья, где культура окончательно приобрела известный нам облик. Время существования лидовской культуры в регионе определяется X в. до н. э. – I–II вв. н. э. В центральном Приморье типологически выдержанный комплекс лидовской культуры представлен на многослойном памятнике Рисовое-4. Материалы памятников Новогордеевское городище (жилища эпохи палеометалла), поселение Анучино 1 (нижний слой), поселение Рисовое 1 (верхний слой) документируют лидовско-янковские контакты. Базовой территорией янковской культуры является юго-западное и южное морское побережье, где расположены янковские памятники с раковинными кучами. Постепенно янковцы расширяли свою территорию, продвигаясь на север и оформившись в итоге в континентальный вариант янковской культуры к III–I вв. до н. э. (Олений 1). Контакты с появившимися ранее лидовцами привели к сложению синкретичных лидовско-янковских комплексов. Следующая миграционная волна связана с кроуновской культурой, представители которой в VI–V вв. до н. э. прибыли в Приморье из Маньчжурии (культура туаньцзе). В процессе освоения новых земель кроуновцы ассимилировали аборигенное население в лице янковцев, что привело к сложению янковско-кроуновских сообществ (поселение Анучино 1 (верхний слой)). С III в. до н. э. кроуновцы сами подверглись частичной ассимиляции, когда в Приморье по северному речному коридору из Приамурья прибыло польцевское население. В результате контактов сложилось польцевско-кроуновское сообщество со своими специфическими чертами – у приморских польцевцев появились новые типы посуды (конические чаши на поддоне, пароварки) и новые элементы в домо-

строительстве (кановая отопительная система) (городища Рудановское, Новогордеевское, Бельцово 2, Известковая сопка; поселения Новогордеевское, Сенькина Шапка, сопка Булочка). Польцевско-кроуновское население продолжало жить в регионе и сохранять свою автономию даже после прихода на территорию края в IV в. н. э. мохэских племен, открывших средневековую страницу в истории Приморья.

Таким образом, доказанным фактом стало сосуществование на территории центрального Приморья на определенных этапах своего развития нескольких периодизационно различных, но хронологически близких культур. Естественным следствием становятся разного рода контакты между носителями, такие как ассимиляция, вооруженный конфликт, мирное сосуществование, заимствование отдельных элементов культуры, сложение новых этнических коллективов. Синкретизм традиций является главной специфической чертой культурных процессов в исследуемом регионе в эпоху палеометалла.

Список литературы

Бродянский Д.Л. Рудановское городище (анучинская и польцевская культуры в Приморье). Тихоокеанская археология. Вып. 28. Владивосток: ДВФУ, 2014. 133 с.

Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: ДВГУ, 1989. 296 с.

Сидоренко Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука, 2007. 271 с.

Яншина О.В. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 212 с.

Проблемы изучения металлургии бронзового века Западного Забайкалья

© 2020 г. А.И. Симухин *(simukhin.alexander@imbt.ru)*

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, РФ

Аннотация. Исследование посвящено обзору проблем и значимым эпизодам исследований цветной металлургии в культурах бронзового века Западного Забайкалья. Представлены основные археологические памятники, материалы которых легли в основу построения концепции развития древнего производства металлов. На основе коллекций Музея Бурятского научного центра СО РАН приведено соотношение количественных данных из раскопок стоянок, могильников и случайных сборов к объему исследованных археологических объектов. Изложены предварительные результаты авторского обследования Мунгутского полиметаллического месторождения в Западном Забайкалье.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, эпоха бронзы, металлургия меди и бронзы, рудный источник.

Бронзовый век на территории Западного Забайкалья представлен различными археологическими памятниками: поселения и стоянки, могильники, жертвенно-ритуальные комплексы, оленные камни, наскальные рисунки – петроглифы. В основном памятники приурочены к бассейнам крупных водных артерий, являвшихся путями миграций и межкультурных взаимодействий с лесостепными и таежными территориями в древности – это долины рек Селенга, Уда, Хилок, Чикой, Джида, Баргузин.

Во II тыс. до н. э. в Забайкалье появилась, а затем и распространилась добыча и обработка металла (Гришин, 1975). Появление металлических орудий – вначале медных, а затем и бронзовых на территории Бурятии, так же, как и в соседних районах Прибайкалья, Якутии и Восточного Забайкалья, связано со старым хозяйственным укладом охотников, рыболовов и собирателей, куда начинают проникать элементы производящей экономики (Ивашина, 1979).

Накопленный материал всех музейных фондов Бурятии, позволил установить элементный состав и типы металлургических сплавов как отдельных предметов, так и массовых коллекций бронзы с различной культурной-хронологической принадлежностью; выявить связи с местными рудными источниками и предположить существование нескольких металлургических очагов в регионе; на основе морфологических данных предметов и химического состава провести анализ технологии изготовления и т.д. (Герасимов, Черных, 1975; Сергеева, Хамзина, 1975; Ивашина, 1979; Гришин, 1981; Сергеева, 1981; Симухин, 2018).

Немногочисленные археологические памятники представлены могильниками: Фофаново, Бухусан, Ацай II, Шулуун-Шэнэгэльжин; стоянками: Посольская, Нижне-Березовская и др. (Герасимов, Черных, 1975; Коновалов, Свинин, Зайцев, 1983; Сергеева, Хамзина, 1975; Хамзина, 1983; Ивашина, 1979; Гришин, 1981 и др.). Указанные коллекции медных и бронзовых предметов являются эталонными для исследования металлообработки II–I тыс. до н. э. в регионе. Однако, они не дают полного представления о ходе зарождения и развития этой отрасли, разнообразии типологического набора изделий, спектра технологий изготовления, рецептур сплавов на разных этапах развития и т.д. Изучение металлургии меди и бронзы Западного Забайкалья сопряжено также с рядом проблем, вызванных отсутствием памятников металлургии (плавилен, металлообрабатывающих мастерских), сложностью химического состава бронз, предполагаемых рудных источников и т.д.

Дополняет исследовательскую базу значительная коллекция подъемного материала, собранного археологами, населением, рабочими в процессе хозяйственного освоения территорий и производственных работ. Необходимо отметить, что проблема «черной археологии» характерна и для Забайкалья, мы становимся свидетелями разрушения памятников археологии и утраты многих, в том числе уникальных бронзовых изделий. Мониторинг аукционов и форумов кладоискателей показывает наличие редких предметов из Бурятии и соседних регионов, которых нет ни музейных, ни в академических собраниях.

Относительно оценки и статистики раскопочного и подъемного материала остановимся на примере коллекций бронзы Музея БНЦ СО РАН, которые формируются с 1960-х гг. Бронзовые изделия из культурного слоя представлены самой крупной коллекцией в Бурятии в количестве 14 предметов с Посольской стоянки на Байкале. Дополняет материал всего один экспонат – фрагмент бронзового ножа со стоянки Каштак в Прибайкалье.

Малочисленность металлических находок из погребений бронзового века, в первую очередь, широко распространенных плиточных могил, обусловлена их разграбленностью еще в древности. Такое состояние характерно для всего ареала их распространения, включая северные границы в бассейне р. Баргузин – могильник Шулуун Шэнэгэльжин (Шулун Шинэгальжин). Показательно соотношение количества выявленных бронзовых предметов к количеству изученных погребений на этом могильном комплексе. Е.А. Хамзиной было раскопано 7 погребений и только в могиле № 17 были обнаружены бронзовые шило и пряжка (Хамзина, 1983). Несколько богаче погребальный инвентарь был получен в ходе раскопок П.Б. Коноваловым плиточного могильника Ацай II на Гусином озере, где в 7 погребениях было найдено 9 бронзовых предметов (Коновалов, Свинин, Зайцев, 1983). Кроме указанных экспонатов в музее хранятся около 25 медных и бронзовых предметов из раскопок плиточных могил, керексура, грунтового и скального погребений. Более 30 экспонатов относятся к случайным сборам.

Развитие древнейшей Восточно-Сибирской металлургии во многом определялось деятельностью трех горно-металлургических центров: Прибайкальского, Забайкальского и Минусинского, различающихся по геолого-географическим и климатическим условиями, этническому составу населения (Сергеева, 1981). Природные ресурсы Забайкалья богаты полезными ископаемыми, в том числе месторождениями таких металлов как медь, олово, серебро и др., необходимых для развития металлургического производства. Открытие медных, серебро-свинцово-цинковых месторождений в период освоения Сибири проходило по следам «чудских» копей, в которых находили каменный и медный горный инвентарь, древние плавильные печи, шлаковые отвалы (Кузин, 1961. С. 68).

Однако, на территории Бурятии памятники горного дела до настоящего времени не сохранились (либо еще не выявлены), причиной тому могли быть поздние разработки на местах древних рудников. Примером может служить Мунгутское полиметаллическое месторождение (Кижингинский район Бурятии), о котором впервые упоминает П.С. Паллас. «По томъ отъѣзжая далѣе отъ Кудуна (левый приток р. Уда – прим. автора) ѣхалъ вдоль по рѣкѣ Мунгутѣ (Серебряная рѣчка) и верстъ съ десять отъ того мѣста, гдѣ я чрезъ оную переправился, и гдѣ Мунгутъ изъ двухъ рѣчекъ соединенныхъ происходитъ, прибылъ я на ту гору, на которой Мунгутской рудникъ построенъ. Имя Мунгутъ, гдѣ гора сія имѣется, рѣкѣ еще издревле принадлежало; я не сомнѣваюсь, что не въ отдаленности отъ сихъ местъ по горному оныхъ разысканію можно будетъ доискаться мѣстъ самыхъ плавиленъ...» (Паллас, 1778. С. 242, 243). О наличии здесь старых шурфов и двух шахт сообщал и геолог А.А. Арсентьев в 1938 г. (Сергеева, 1981).

Топоним «мунгут» с бурятского переводится как серебряный и известно, что местное население добывало здесь серебро. Обследование нами территории месторождения в 2018 г. установило большое количество хаотичных и упорядоченных земляных выработок, часть которых оставлена геологами в советское время. Высокая задернованность, сильно оплывшие отвалы и стенки некоторых выработок могут указывать на добычу металла бурятским населением от XVII до XX в. или ранее. На современных отвалах и стенках шахты зафиксированы минералы, содержащие медь: малахит и азурит. Мунгутское месторождение расположено на левом берегу верхней узкой части долины р. Мунгут в Худанском хребте, в 10 км юго-западнее улуса Кодунский Станок, у которого расположен ближайший памятник археологии – плиточный могильник Урда Сужа. Осмотр месторождения и прилегающей территории не выявил подъемного археологического материала, однако факты обитания здесь человека в бронзовом веке были зафиксированы в виде плиточных могил в окрестностях месторождения и петроглифов, расположенных недалеко от русла р. Мунгут.

Помимо Мунгутского месторождения есть еще данные о наличии старых выработок в бассейне рек Худан, Орот, Ара-Куорка, Кижинга и на известных геологических объектах региона, археологическое обследование на которых ранее не проводилось. Поиск и визуальное обследование нами старинных выработок в местности Улан-Бургасы на правобережье р. Худан также не выявило археологических фактов деятельности горняков бронзового дела.

Имеются указания на заявки медных руд и самородной меди по притокам р. Джида (реки Хулдача, Иготай, Гегетуй, Ичетуй). По информации местных жителей здесь где-то в горах раньше велась добыча меди бурятами, как они ее называли «красной», т.е. самородной (Сергеева, 1981. С. 51). В долине Джиды найден единственный схрон литейщика бронзового века во всем Забайкалье – Закаменский клад с 34 медными и бронзовыми изделиями (Хамзина, 1981; Сергеева, 1981 и др.).

Единственным косвенным материальным свидетельством древнего горнодобывающего промысла в регионе может быть массивная медная/бронзовая кирка со сломанным четырехгранным концом, хранящаяся в Кяхтинском краеведческом музее имени академика В.А. Обручева (Гришин, 1981). Единичные находки бронзового шлака или всплесков, фрагментов литейных форм в большей части связаны с экспонированным на поверхность материалом, который может быть связан с более поздней культурой хунну. На территории Забайкалья сохранилось мало литейных форм, большая их часть фрагментирована. Все они изготовлены из камня и найдены в основном в Восточном Забайкалье: с. Беклемишево, поселки Дарасун, Шевья, Кункур. В Бурятии известно всего несколько случайно найденных фрагментов литейных форм. На правобережье р. Чикой у с. Полканово (Кяхтинский район), на местонахождении Хара-Бусун были подняты фрагменты створок для отливки кольчатого ножа и округлых стержней (Махалов, 1929; Гришин, 1981). В Тункинском районе Ю.Н. Угольковым

недалеко от с. Тунка, на развеянной стоянке Бронзовая, были найдены аппликируемые обломки каменных литейных форм для отливки топора сейминско-турбинского типа и две створки для отливки заостренных стержней (Угольков, Уголькова, 2001).

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии»

Список литературы

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 23–48.

Гришин Ю.С. О древней добыче металлов в юго-восточном Забайкалье // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 110–114.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 155 с.

Коновалов П.Б., Свинин В.В., Зайцев М.А. Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 85–100.

Кузин А.А. История открытия рудных месторождений в России. М., 1961. 360 с.

Махалов А.И. Формы для отливок и бронзовые ножи из Забайкалья // Материалы Читинского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова. Вып.1. Иркутск, Чита, 1929. С. 19.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья. Половина первая. 1772 и 1773 годов. СПб.: При Императорской Академии наук, 1788. 624 с.

Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. 152 с.

Сергеева Н.Ф., Хамзина Е.А. Бронзовые изделия из Посольска на Байкале // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3. Иркутск: ИГУ, 1975. С. 176–183.

Симухин А.И. Элементный состав металлических изделий из погребения Санный Мыс (Западное Забайкалье, бронзовый век) // Universum Humanitarium. 2018. № 1 (4). С. 137–154.

Угольков Ю.Н., Уголькова В.С. Древности Тункинской котловины. Кемерово: ООО «Сириус», 2001. 226 с.

Хамзина Е.А. Клад бронзовых изделий из Закамны // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1981. С. 41–45.

Хамзина Е.А. Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 75–85.

О возможных причинах появления традиции парных разнополых погребений лицом друг к другу в культурах эпохи бронзы

© 2020 г. С.В. Сотникова *(svetlanasotnik@mail.ru)*

Центр археологических исследований, Надым, РФ

Аннотация. Рассматриваются парные разнополые погребения эпохи поздней бронзы евразийских степей, в которых мужчина и женщина захоронены лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий». На основании материалов подобного захоронения срубной культуры из Михайловского II могильника (Самарская область), где костяки оказались инфицированы одинаковым штаммом чумной бактерии Y. pestis, высказывается предположение, что одной из возможных причин появления таких парных погребений могла быть эпидемия.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, евразийские степи, парные разнополые захоронения лицом друг к другу, эпидемия.

Разнополые парные захоронения лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», получают широкое распространение в начале эпохи поздней бронзы (памятники синташтинского, петровского, потаповского, покровского типов, срубная и андроновская КИО).

Можно выделить два основных подхода к их интерпретации подобных захоронений. В рамках первого подхода, который сформировался достаточно рано, парные разнополые погребения рассматриваются как отражение реальных семейно-брачных и общественных отношений (Артамонов, 1934. С. 122–124 и др.). В рамках второго подхода, который получил широкое распространение среди современных исследователей, данные захоронения рассматриваются как символические. Например, Д.Г. Зданович полагает, что подобные погребения «можно трактовать как одну из версий так называемого “священного брака” и подчинения божеству женского пола. Особый акцент в обряде ставился на фигуре женщины..., при останках которой помещали богатый инвентарь, ... мужчине же отводилась роль “спутника”» (Зданович, 1997. С. 54–56).

Учитывая, что большинство исследователей признают индоиранскую принадлежность населения, которому принадлежали рассматриваемые погребения, можно привести аргументы в пользу символического характера подобных погребений. Наибольший интерес представляет древнеиндийский текст из Брихадараньяки-Упанишады: «вначале [все] это было лишь Атманом в виде пуруши... Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга» (Брих.-Упан. I. 4. 1, 3). Следует отметить, что в тексте данной упанишады сохранился достаточно древний образ «божественного андрогина», объединяющего в себе оба пола. В индийской мифологической традиции этот образ неразрывно связан с изначальной целостностью мира и моментом Творения. По мнению ряда исследователей, индийские (ведийские) близнецы Яма-Ями и иранские Йи-

ма-Йимак представляли собой эволюцию более древнего образа «божественного андрогина», что подтверждается сохранением для пары близнецов одного и того же имени (Элиаде, 1998. С. 314; Дандекар, 2002. С. 95). Древнеиндийский образ из Брихадараньяки-Упанишады является почти буквальной характеристикой парных разнополых погребений эпохи поздней бронзы в «позе объятий». Вероятно, эти погребения являлись отражением кризисной для общества ситуации, когда необходимо обращение в ритуале к своему мифическому прошлому, к моменту Творения.

О причинах появления подобного обряда могут свидетельствовать результаты исследования в 2015 году могильника бронзового века Михайловский II (Кинельский район Самарской области). В ходе охранно-спасательных работ были раскопаны 3 кургана из 7. Погребение 9 кургана 3 содержало парное захоронение индивидов лицом друг к другу. Костяк А принадлежал мужчине 30–40 лет, костяк Б – женщине 35–45 лет. У обоих костяков антропологами были обнаружены повреждения черепа в виде небольших отверстий, возможно, прижизненные травмы. Погребение определено как срубное (Капинус, 2018. С. 127–129). Оно датируется XVIII вв. до н. э. Останки 9 человек из этого могильника были переданы для анализов в германскую лабораторию. Только костяки из парного захоронения оказались инфицированы. Геномы Y. pestis из парного захоронения были проанализированы международной группой исследователей. У обоих костяков был выявлен одинаковый штамм чумной бактерии Y. pestis, который обладает всеми генетическими компонентами, характерными для бубонной формы чумы. Исследователи определили, что штамм, которым была заражена пара, развил мутации, которые позволили ей переноситься блохами. Они уверены, что блохи распространяли чуму эффективно, позволяя ей достигать пандемических уровней (Spyrou et al., 2018).

Ранее, еще в 2003 году Г.В. Рыкушина, на основании антропологического изучения погребенных из синташтинско-петровского могильника Кривое Озеро (Южное Зауралье), пришла к выводу, что причиной высокой смертности данной популяции могла быть эпидемия (Рыкушина, 2003. С. 360). Примечательно, что в этом могильнике имелось погребение (могила 6 курган 10), содержащее парное захоронение мужчины и женщины лицом друг к другу, которые были одного возраста – 30–35 лет (Виноградов, 2003. С. 149–152).

Можно предположить, что парные захоронения лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», практиковались для людей, умерших от эпидемии чумы. Более того, существовал преднамеренный отбор индивидов по полу (разнополые), возрасту (одна возрастная группа). Таким способом в обряде воспроизводился образ «божественного андрогина» или «божественных близнецов», что, вероятно, рассматривалось как возвращение к моменту Творения с целью избавления от эпидемии.

К сожалению, среди парных разнополых погребений эпохи бронзы михайловское захоронение является пока единственным, костяки которого были изучены на предмет инфицированности индивидов. Тем не менее, эти исследования позволяют, с известной долей вероятности, предполагать, что появление парных разнополых захоронений лицом друг к другу, возможно, связано с распространением эпидемии чумы.

Истоки ритуала, связанного с погребениями разнополых индивидов лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», вероятно, следует искать в более западных районах евразийских степей, где эта традиция уходит в еще более глубокую древность. Наиболее близкую аналогию данным погребениям представляют материалы ямного погребения 2 кургана 6 у с. Оланешты из Нижнего Поднепровья. Погребение содержало парное захоронение мужчины и женщины, имитирующих «позу объятий». Костяк женщины лежал скорченно на левом боку, костяк мужчины – на правом (Яровой, 1990. С. 174–175). Возраст погребенных – 22 года (женщина) и 27 лет (мужчина) (Яровой, 2005. С. 220–221). Однако в ямной культуре такие погребения встречаются редко.

Вероятно, появление парных разнополых захоронений в «позе объятий» в ямный период далеко не случайно. Согласно генетическим исследованиям, самые ранние свидетельства заражения Y. pestis у человека были выявлены в Евразии позднего неолита / бронзового века (между 5500 и 3200 годами до н. э.). Но эти штаммы не имеют ключевых генетических компонентов, необходимых для адаптации, что делает их способ передачи и распространения болезней у людей неясным. Эти штаммы не позволяли болезни достигать пандемических уровней. Исследователи связывают их распространение с миграциями ямного населения. Ученые приходят к выводу о циркуляции двух линий Y. pestis в бронзовом веке с различными свойствами с точки зрения их трансмиссионного и болезнетворного потенциалов. Центральная степная область, которая играла значительную роль в качестве миграционного коридора на протяжении всего бронзового века, вероятно, способствовала распространению связанных с человеком патогенов, таких как Y. pestis, по всей Евразии (Spyrou et al., 2018). Таким образом, прослеживается определенная связь парных разнополых погребений лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», с распространением таких болезней, как чума.

Безусловно, на данном этапе изученности еще недостаточно сведений об инфицированности индивидов в парных погребениях, но в любом случае эпидемию следует относить к одной из причин появления парных разнополых погребений лицом друг к другу.

Список литературы

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.

Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 108–125.

Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М.: Восточная литература РАН, 2002. 286 с.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1997. 93 с.

Капинус Ю.О. Результаты антропологического исследования материалов срубной культуры курганного могильника Михайловский II // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Самара: Самарский ун-т, 2018. С. 127–132.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 345–360.

Элиаде М. Миф о воссоединении // Элиаде М. Азиатская алхимия. М.: Янус-К, 1989. С. 273–323.

Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев: Штиинца, 1990. 272 с.

Яровой Е.В. Мистика древних курганов. М.: Вече, 2005. 462 с.

Spyrou et al. Analysis of 3800-year-old Yersinia pestis genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague // Nature communications. 2018. No. 9. Доступно по URL: https://www.nature.com/articles/s41467–018–04550–9.pdf.

Проблема относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея

© ***2020 г. Н.Ф. Степанова*** *(nstepanova10@mail.ru)*

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск-Барнаул, РФ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея. На основании анализа форм сосудов и орнамента выявлены группы изделий, изготовленные одними и теми же мастерами. Делается вывод об одновременном функционировании не только отдельных погребений, но и большинства афанасьевских могильников Енисея. Результаты исследования керамики согласуются с данными палеогенетиков.

Ключевые слова: афанасьевская культура, керамика, орнамент, относительная хронология, памятники, Енисей.

Предварительный анализ керамических комплексов афанасьевской культуры Енисея, включающий более 350 сосудов из погребений, выявил индивидуальное сходство ряда изделий, что позволило поставить вопрос об одновременном функционировании некоторых могильников и захоронений (Степанова, 2013).

Афанасьевские сосуды имеют специфическую форму и подразделяются на яйцевидные, шаровидные, вазочки-курильницы, по форме дна – на остродонные, круглодонные, плоскодонные, чаши на ножках (курильницы). Яйцевидные сосуды различаются по пропорциям в целом, по высоте и диаметру венчика и другим параметрам. Большинство составляют сосуды с максимально раздутой частью тулова, которая расположена в пределах 1/4 от общей высоты изделия. Эти признаки учитываются при выделении типов сосудов. На каждом из могильников отмечено несколько типов и вариантов сосудов. Необходимо отметить, что на разных могильниках или в разных погребениях одного памятника найдены не только однотипные изделия, но практически идентичные по форме, например, Карасук III, огр.7, м.1, огр.12, м.1, огр. 13, Саргов, м.3, Карасук III, о.4, м.4,7, Летник VI, огр.3, м.1 и др. (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014).

Некоторые сосуды объединяют детали орнамента, которые могут быть связаны с контактами гончаров, например, налепы на сосудах с могильников Восточный и Карасук III, огр.7, м.1 (рис. 1, *7, 8*). В результате контактов гончаров могли появиться сосуды с «рельефным» профилем (Малиновый Лог и Красный Яр и др.), с композициями в виде диагональных рядов, выполненных аналогичными способами, например, Саргов и Черновая VI, Карасук III и др., с геометрическим орнаментом – Карасук III, огр. 1, м.1 и Тесь (рис. 1, *1–6, 12–13*), с растительным орнаментом – Афанасьева Гора и Моисееха (Потрошилово).

Анализ материалов показал, что керамические комплексы некоторых памятников объединяет целый ряд черт, связанных с формой и орнаментом. К ним относятся как распространенные элементы орнамента, например, такой способ нанесения узора, как качалка, так и редко встречающиеся, например, шагание, выполненное необычными инструментами, отмеченное на Афанасьевой Горе, Итколе III, Карасуке III, Малиновом Логе, Сыде, Теси и др. (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014). В целом особое сходство прослеживается между керамикой могильников Малиновый Лог и Красный Яр (преобладание шаровидных изделий, нанесение орнамента похожими зубчатыми инструментами, рельефный профиль сосудов), а также могильников Карасук III, Летник VI, Афанасьева Гора, Тесь, Сыда, Саргов и др. (формы сосудов, способы нанесения орнамента, оформление рабочего края инструмента и др.).

Находки на разных могильниках сосудов, имеющих индивидуальное сходство форм, орнаментированные идентичными способами и инструментами, позволяют предположить, что они изготовлены в один короткий хронологический промежуток времени, каждая группа сосудов одними и теми же мастерами. Поскольку использование сосудов в течение нескольких десятилетий маловероятно, следовательно, погребальные комплексы близки по времени сооружения, в частности, Карасук III, Летник VI, Восточное, Афанасьева Гора, Сыда, Саргов, Пистах. Могильники Малиновый Лог и Красный Яр, вероятно, близки не только хронологически, но и оставлены группами населения, которое выделял среди других ряд одинаковых этнографических черт. Необычные для афанасьевской культуры сосуды баночной формы с ушками и плоскодонные горшки, имеющие сходство по многим показателям, обнаруженные на разных памятниках, свидетельствуют о появлении новых одинаковых навыков в изготовлении глиняной посуды, о контактах населения (рис. 1, *14–17*). Вероятнее всего, появление плоского дна и баночных сосудов относится к поздним признакам, и захоронения, в которых они найдены, могут быть отнесены к поздней группе погребений. Вопрос о длительности функционирования памятников остается открытым.

Результаты исследования керамики подтверждаются данными, полученными палеогенетиками. В частности, в ходе изучения генотипа людей, захороненных в могильнике Карасук III, выявлены родственные связи погребенных. В ограде 1 в могиле 1 похоронены отец и два его сына, мать детей в соседней могиле, сестра отца – в этой же ограде, но в отдельной могиле (Поляков, Святко, Степанова, 2019). Возраст погребенных и наличие родственных связей

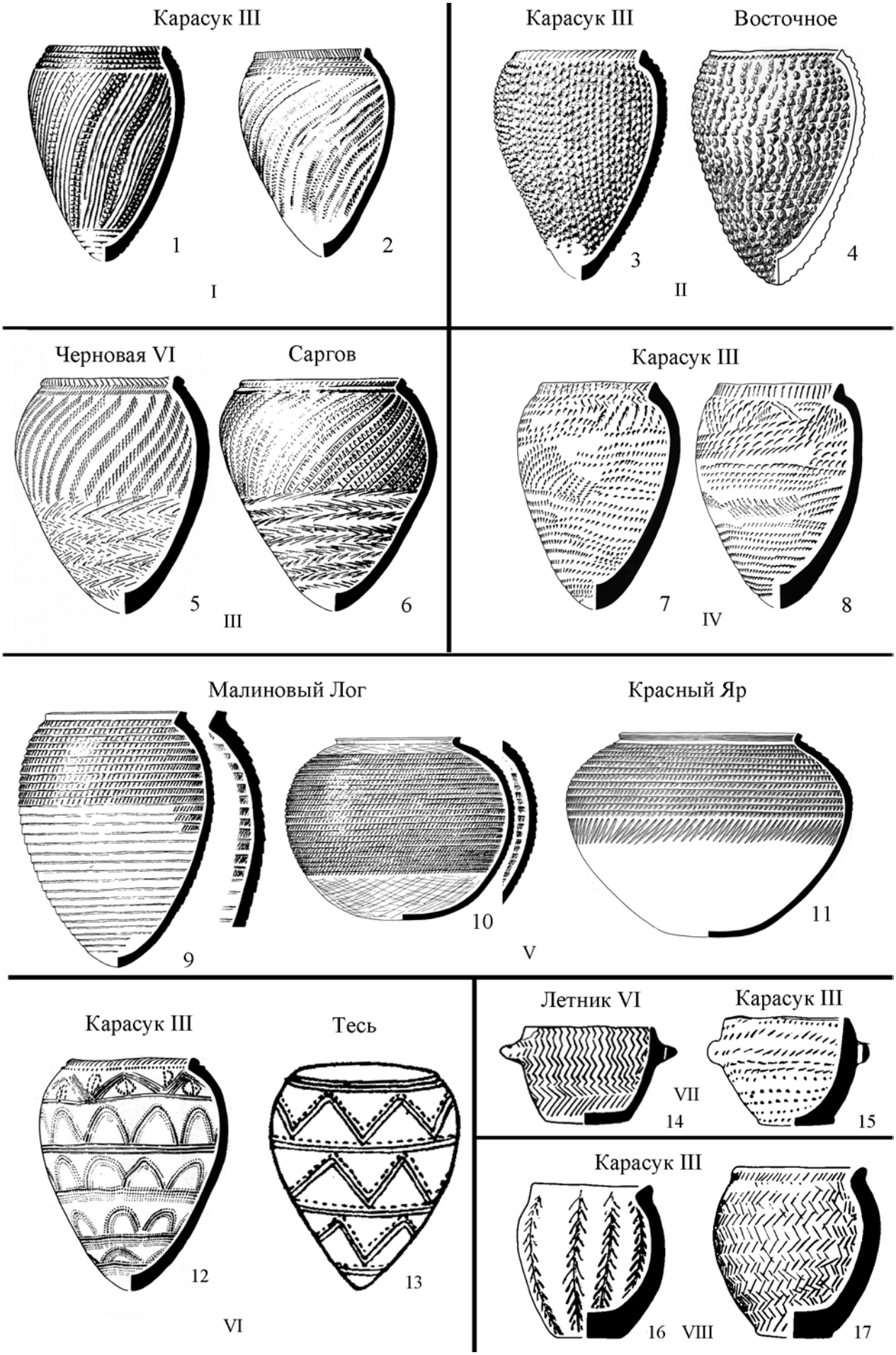


Рис. 1. Группы сосудов (I–VIII), изготовленные несколькими группами мастеров: По: Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014.

свидетельствуют о том, что, вероятнее всего, люди умерли в относительно короткий промежуток времени. Между погребенными на других памятниках также установлены родственные связи.

Исследование глиняной посуды афанасьевской культуры Горного Алтая, выполненное в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским с выявлением посуды, изготовленной одной группой мастеров, привело к предположению, что большинство памятников также функционировали одновременно (Бобринский, 1978; 1999; Волкова, 1998; Степанова, 2012). Все это подтверждает с одной стороны, что хронологические границы афанасьевской культуры со временем могут быть еще сужены, особенно для енисейских памятников, а с другой показывает перспективность изучения керамики для решения вопросов относительной хронологии.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 135–146.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V – III тыс. до н. э. Оренбург, 2019. С. 181–187.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 183–195.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея (по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 323–327.

Памятники финальной бронзы в Среднем Подонье

© 2020 г. А.В. Сурков[1] *(surkovarh@mail.ru),* ***И.Е. Сафонов[2]***

[1] Центр охранных археологических исследований, Воронеж, РФ
[2] Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ

Аннотация. Авторами анализируются результаты раскопок поселений финальной бронзы ивановской (хвалынской) и бондарихинской культур. В Побитюжье раскопаны два поселения бондарихинской культуры – выявлены закрытые комплексы, позволяющие детально охарактеризовать керамическую и орудийную специфику культуры. На юге Среднего Дона изучено поселение Журавка 1, где прослежены комплексы ивановской (хвалынской) культуры. Делаются выводы о связи донских материалов с сопредельными регионами.

Ключевые слова: ивановская (хвалынская) культура, бондарихинская культура, финальная бронза, Среднее Подонье.

Одним из наименее изученных периодов в археологии Среднего Подонья является эпоха финальной бронзы XIII/XII – X вв. до н. э. На сегодняшний день проблемы соотношения и взаимодействия, линии генетической преемственности культур бронзового века донской степи и лесостепи рассмотрены А.Т. Синюком (Синюк, 1996. С. 284, рис.70). Согласно его концепции, финальный этап эпохи бронзы представлен памятниками белозёрской, бондарихинской и срубной культур. Материалы, аналогичные белозерской культуре, пока выявлены только на одном памятнике – поселении Терешковский Вал (Синюк, 1996. Рис.68–69), с этой культурой можно соотнести и Терешковский клад, который связан с Завадовско-Лобойковским очагом металлообработки XII–XI вв. до н. э.

Относительно памятников бондарихинского типа, А.Т. Синюк полагает, что «массированного освоения населением бондарихинской культуры лесостепного Подонья не произошло» (Синюк, 1996. С. 257), а А.П. Медведев подчеркивает архаический облик керамического материала с донских бондарихинских поселений (Медведев, 1999. С. 18). Это хорошо согласуется с современными представлениями исследователей о формировании бондарихинского керамического комплекса, как результата взаимодействия окско-поволжских культур (поздняковской, маклашеевской) и марьяновской (Буйнов, 2009. С. 11,12; Корохина, 2014. С. 145). Важно отметить выделение А.А. Хрековым в Прихоперье группы памятников т.н. «маклашеевско-марьяновского» типа (Хреков, 2003. С. 109–113).

Керамику с валиковой орнаментацией в Подонье ранее связывали с заключительным этапом существования донской лесостепной срубной культуры, не отрицая возможность рассмотрения ее, как нового культурно-исторического явления (Пряхин, Матвеев, 1988. С. 138)

В этой связи особый интерес представляют проведенные одним из авторов масштабные охранные исследования поселений поздней и финальной бронзы на Среднем Дону.

В 2015–2016 гг. на юге Воронежской области исследовалась северная и северо-западная части поселения Журавка 1, где было вскрыто 13 320 кв. м. Обнаружены остатки двух построек, встречены глиняные кирпичики. Среди керамики преобладают горшки с профилировкой тулова, венчики прямые или отогнуты наружу, часто оформлены воротничком (рис. 1, *8–13*). Несколько сосудов имело кубковидную форму без поддона (рис. 1, *9*). Из выделяемых по венчикам 54 сосудов из слоя, более половины не имело орнаментации, десять украшено валиками с насечками, косыми или перекрещивающимися оттисками гребенки. Есть сосуды с резными линиями и гребенкой. Исходя из общего

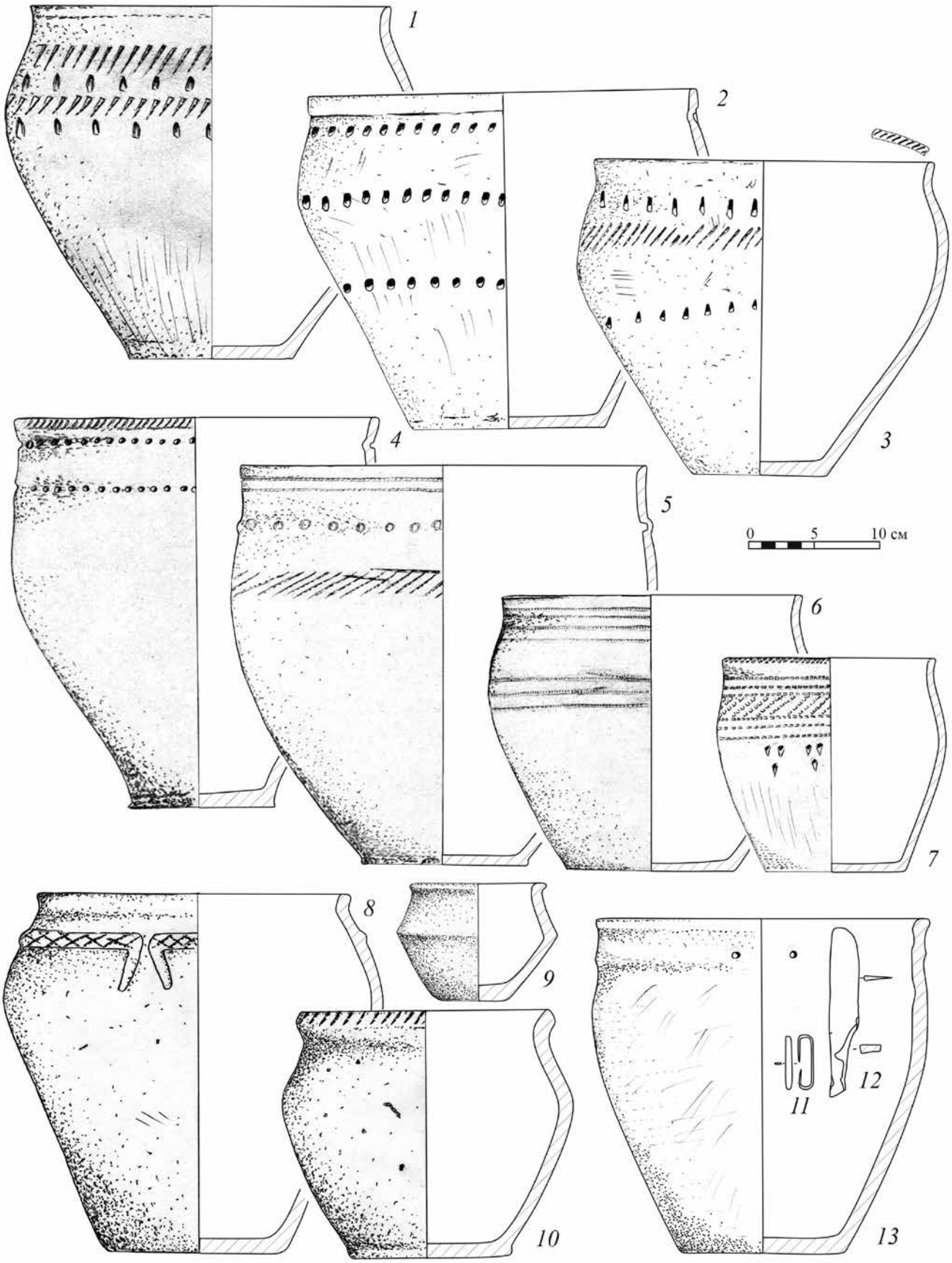


Рис. 1. Материалы финальной бронзы Среднего Дона: 1–3 – Поселение у г.Бобров 2, постройка 1; 4–5 – Поселение у г.Бобров 3, постройка 1; 6–7 – Поселение у г.Бобров 3, постройка 2; 8–10 – Журавка 1; 11–13 – КГ 2 у с.Озерки, к.1, п.5 (11–12 – бронза, остальное – керамика).

анализа инвентаря, памятник можно отнести к ивановской культуре финальной бронзы (Колев, 2008).

В 2019 г. в среднем течении р. Битюг (левый приток р. Дон) раскопаны два поселения бондарихинской культуры (2 и 3 у г. Бобров). Площадь раскопов составила 18 435 и 7 812 кв. м. На каждом из поселений выявлено по две постройки, которые объединяет небольшая углубленность в материк на 0,1–0,4 м, отсутствие столбовых ям, прямоугольная форма. На поселении 2 у г. Бобров обнаружен объект, представляющий собой кладку из глиняных кирпичиков в три уровня, которые лежали вместе с крупными обожженными камнями и развалами керамики.

Бондарихинская керамика поселения 2 у г. Бобров в целом однотипна – горшки со слабо отогнутым венчиком, иногда с валиковым оформлением края венчика, тесто плотное, запесоченное. Сосуды украшены в верхней части рядами горизонтальными радами тычков, оттисками гребенки (рис. 1, *1–3*). Поселение 3 показывает вариативность в изготовлении посуды – помимо аналогичных вышеописанным, здесь встречены тонкостенные горшки с примесью в тесте дресвы. Нет устойчивого единства в орнаментальных приемах и композициях – здесь используются округлые ямки, горизонтальные линии из гребенки, тычки, скомпонованные в виде «виноградной грозди» (рис. 1, *4–7*).

В 2019 г. изучен один погребальный комплекс – погребение 5 в кургане 2 Курганной группы 2 у с. Озерки Бутурлиновского района сопровождалось сосудом с едва намеченным валиком, обушковым ножом и накладкой из бронзы (рис. 1, *11–13*).

В целом, можно говорить о сложной этнокультурной ситуации, сложившейся в лесостепном Подонье в конце II тыс. до н. э. В это время наблюдается проникновение на эту территорию северо-восточных и восточных (ивановская, маклашеевская), юго-западных и южных (марьяновская, бондарихинская, белозерская) племен, оставивших соответствующие памятники.

Список литературы

Буйнов Ю.В. К вопросу об этногенезе племен бондарихинской культуры // Харьков: ВХУ, 2009. № 852. С. 7–17.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: основные черты и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2008. С. 208–240.

Корохина А.А. Северо-восточный вектор связей населения Днепро-Донской лесостепи в заключительный период позднего бронзового века // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 133–147.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М.: Наука, 1999. 160 с.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: ВГУ, 1988. 208 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ, 1996. 350 с.

Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов: Научная книга, 2003. Вып. 5. С. 103–128.

Результаты анализов ДНК древних народов Кавказа (6 – 2 тыс. до н. э.) и вопросы их культурно-исторической интерпретации

© 2020 г. В.А. Трифонов[1] *(viktor_trifonov@mail.ru),* ***Е.Б. Прохорчук[2], К.В. Жур[3]***

[1]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ
[2]Центр «Биоинженерия» РАН, Москва, РФ
[3]Лаборатория геномики и эпигеномики позвоночных, Москва, РФ

Аннотация. В статье представлен обзор новейших результатов анализа ДНК древних народов Кавказа и сопредельной степи в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н. э.), а также рассматриваются проблемы их культурно-исторической интерпретации.

Ключевые слова: древняя ДНК, археологические культуры, Кавказ, степь, эпоха энеолита – бронзы.

Введение. За последние три десятилетия прогресс методов палеогенетических исследований (Hadelberg, Hofreiter, Keyser, 2015) революционизировал аналитические возможности археологии, одновременно предъявляя более высокие требования к навыкам культурно-исторической интерпретации результатов анализа древней ДНК. Молекулярные технологии секвенирования нового поколения (Voelkerding, Dames, Durtschi, 2009) и предварительной оценки сохранности ДНК в археологических образцах (Rohland, Harney, Mallick, Nordenfelt, Reich, 2015) вместе с методикой выделения древней ДНК из каменистой части височной кости (костей внутреннего уха), сохраняющей даже в теплом климате до 100 раз больше ДНК, чем в остальных фрагментах скелета человека (Gambe et al., 2014; Pinhasi et al., 2019; Sirak et al., 2020) позволили сократить время и затраты на выделение древней ДНК почти до стандартов массового производства. В итоге были созданы технические условия для перехода от анализа единичных образцов исключительной научной ценности (неадертальцы, денисовцы) к серийным анализам и изучению генетического профиля древних популяций людей, доместицированных животных и растений.

Настоящей демонстрацией мощи нового инструмента стала генетическая ревизия одной из наиболее значимых гипотез в доисторической археологии Старого Света: массовых миграциях, сопутствующих распространению индоевропейских языков. Результаты анализов (Haak et al., 2015; Allentoft et al., 2015) были интерпретированы в пользу курганной (степной) теории индоевропейской прародины, хотя эта гипотеза во всех своих миграцион-

ных составляющих генетически пока не подтверждается (Broushaki et al., 2016; Mathienson et al., 2018).

В значительной степени это связано с открытием почти 50 %-генетического вклада кавказского происхождения в евразийский степной генетический пул эпохи энеолита – бронзы (Jones et al., 2015). Это обстоятельство меняет не только условия решения индоевропейской проблемы, но и формирует совершенно новый контекст анализа культурных контактов древнего населения Кавказа и сопредельных территорий в доисторическую эпоху.

Генотип кавказских охотников-собирателей. Установлено, что генетическая преемственность населения с особым генотипом кавказских охотников-собирателей (КОС) не прерывалась на Кавказе, как минимум, с 12 тыс. до н. э. (Jones et al., 2015). В комбинации с генетическим наследием населения эпохи анатолийского и иранского неолита и халколита, этот генотип представлен у населения всех основных культур северного и южного Кавказа 6–2 тыс. до н. э.: дарквети-мешоковской, шулавери-шомутепинской, лейлатепинской, майкопской, куроаракской и дольменной (Lazaridis et al., 2016; Wang et al., 2019; Skourtanioti et al., 2020).

Кавказский генотип охотников-собирателей за пределами Кавказа. Раннее влияние кавказского генотипа на западноевропейский генетический пул фиксируется с конца эпохи раннего неолита, причем сильнее на севере, а не на юге Европы (Jones et al 2015).

В Западной Азии ближайшими генетическими родственниками кавказским охотникам – собирателям приходятся ранние фермеры из Иранского Загроса (прибл. 10 тыс. л.н.) (Broushaki et al., 2016).

К северу от Кавказа генотип кавказских охотников-собирателей в сочетании с генотипом восточных охотников-собирателей – потомков древних евразийцев, представлен у энеолитического населения на Нижней Волге и в подгорной зоне предкавказской степи уже в 5, возможно, 6 тыс. до н. э. (Mathienson et al., 2015; Wang et al., 2019).

В середине – второй половине 4 тыс. до н. э. кавказский генотип в «степной» комбинации зафиксирован в предкавказской степи у представителей позднеэнеолитической группы айгурского типа («степной майкоп») – сателлита майкопской культуры в степи.

Подобный генетический профиль характерен и для более позднего степного населения ямной, северокавказской и катакомбной культур. Однако, по своему происхождению анатолийско-иранское наследие у представителей этих культур, скорее не южного, а западного происхождения, так как оно сочетается с заметным присутствием генотипа западных охотников-собирателей (Wang et al., 2019). Признаков существенного майкопского вклада в генетический профиль степных культур нет. Нет и признаков инфильтрации генотипов степного пула эпохи энеолита – бронзы на южный Кавказ и сопредельные территории СЗ Ирана и В. Анатолии (Skourtanioti et al., 2020). Кавказ в это время оставался односторонним полупроницаемым барьером, пропускающим генетические потоки только с юга на север (Yunusbayev, B. et al., 2012).

Заключение. Археология Кавказа и предкавказской степи располагает сейчас данными о генотипах 65 индивидов, ассоциированных с 14 культурными группами эпохи неолита – бронзы.

Самым неожиданным оказался вывод о высокой степени однородности всего кавказского генетического пула независимо от культурной и хронологической ассоциации образцов (Wang et al., 2019). Там, где археологи проводят четкую границу (например между майкопской и куроаракской культурами), палеогенетики различий не видят. Причем этот феномен проявляет себя как в синхронном, так и асинхронном срезах. При смене майкопской культуры дольменной, или ямной – катакомбной, культурные изменения по археологическим меркам выглядят радикальными, а генетические, как оказалось, имеют вид вариаций или вообще отсутствуют. Эти различия генетики и археологи уловили одновременно, предлагая несколько вариантов согласования данных в рамках новой номенклатуры археогенетических кластеров (Eisenmann et al., 2018).

Можно выделить семь особенностей общей палеогенетической картины региона в эпоху неолита – бронзы:

1. Формирование генотипа кавказских охотников-собирателей не позднее 12 тыс. до н. э. и его раннее распространение за пределы Кавказа.

2. Существование на Кавказе непрерывной генетической преемственности с эпохи верхнего палеолита.

3. Раннее, не позднее 6 тыс. до н. э., появление кавказского и связанного с ним переднеазиатского (иранского и анатолийского) генетического компонента в степном генетическом пуле.

4. Сохранение генетических различий между населением Кавказа и открытой степи на протяжении всей эпохи энеолита – бронзы.

5. Существование вдоль северных склонов Кавказа генетической буферной зоны, которую, в зависимости от исторических и климатических условий, занимали степняки или кавказцы.

6. Односторонняя проводимость потока генов через Кавказ только в направлении с юга на север.

7. Преобладание культурного разнообразия над генетическим.

Возможно, полученные результаты не соответствуют ожиданиям тех археологов, кто рассчитывал на немедленное генетическое решение проблем происхождения культур, или, как минимум, локализацию их исходных областей распространения, включая прародину призрачных индоевропейцев. Генетическая и культурная сущности людей пересекаются между собой, но они не идентичны друг другу, и если было бы наоборот, то необходимость в значительной части археологических исследований просто бы отпала. Археологам еще предстоит научиться пользоваться результатами палеогенетических анализов, избегая наивной интерпретации различий в ДНК как культурных атрибутов наподобие археологических типов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18–09–40058.

Список литературы

Allentoft M.E. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. Nature. 2015. 522, 167–172.

Broushaki F. et al. Early Neolithic genomes from the eastern Fertile Crescent. Science. 2016. 353, 499–503.

Eisenmann S. et al. Reconciling material cultures in archaeology with genetic data: The nomenclature of clusters emerging from archaeogenomic analysis. Sci Rep 2018, 8, 13003.

Gamba C. et al. Genome flux and stasis in a five millennium transect of European prehistory. Nature Commun. 2014. 5:5257.

Haak W. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. Nature. 2015, 522, 207–211.

Hadelberg E., Hofreiter M., Keyser C. Ancient DNA: the first three decades. Phil. Trans. R. Soc. 2015. B 370: 20130371.

Jones E.R. et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians. Nat. Commun. 2015. 6, 8912.

Lazaridis I. et al. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East. Nature. 2016. 536, 419–424.

Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. Nature. 2015. 528, 499–503.

Mathieson I. et al. The genomic history of southeastern Europe. Nature. 2018. 555, 197–203.

Pinhasi R., Fernandes DM., Sirak K., Cheronet O. Isolating the human cochlea to 620 generate bone powder for ancient DNA analysis. Nature Protocols. 2019. 14, 1194–1205.

Rohland N., Harney E., Mallick S., Nordenfelt S., Reich D. Partial uracil–DNA–glycosylase treatment for screening of ancient DNA. Phil. Trans. R. Soc. 2015. B 370, 20130624.

Sirak K. et al. Human auditory ossicles as an alternative optimal source of ancient DNA. Genome Research. 2020. 30: 427–436.

Voelkerding K., Dames S., Durtschi J. Next-generation Sequencing: From Basic Research to Diagnostics. Clinical Chemistry. 2009. Vol. 55, no. 4. P. 651—658.

Skourtanioti E. et al., Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus Cell. 2020. 181, 1158–1175.

Wang C., Reinhold S., Kalmykov A. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. Nature Commun. 2019. 10, 590.

Yunusbayev B. et al. The Caucasus as an asymmetric semipermeable barrier to ancient human migrations. Mol. Biol. Evol. 2012. 29, 359–365.

К вопросу о диспропорции половозрастных групп в погребальном обряде ямной культуры Волго-Уралья

© 2020 г. А.А. Файзуллин (faizullin.airat@yandex.ru)

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, РФ

Аннотация. Статья посвящена проблеме диспропорции половозрастных групп в погребальном обряде населения ямной культуры Волго-Уралья. По данным археологии и антропологии, большинство подкурганных захоронений ямной культуры исследуемого региона — захоронения мужчин. Это связано с патриархальным укладом, идеологией и социальной структурой. Возможно поэтому, погребений женщин и детей на данной территории сравнительно меньше, чем мужских. Таким образом, курганный обряд не отражает полной демографической картины и является нерядовой погребальной практикой, что объясняет наличие диспропорции половозрастных групп в ямной культуре Волго-Уралья.

Ключевые слова: ямная культура, половозрастная структура, социальная структура, Волго-Уралье.

Из 394 исследованных погребений ямной культуры Волго-Уралья 327 захоронений принадлежит взрослым индивидам. Антропологический анализ проведен для 241 погребения, которые отражают все возрастные категории: погребения подростков и детей с рождения до 16 лет; возраст возмужалый от 20 до 35 лет; зрелый возраст от 30 до 50 лет; старческий возраст – 50 лет и старше (Хохлов, 2010. С. 133.). В исследованных погребениях было определено: 124 мужских, 50 женских, 67 детских и подростковых костяков. Представленные выше данные свидетельствуют о наличии диспропорции, во первых, в пользу взрослого населения, а, во вторых, мужского населения.

Аналогичные наблюдения сделаны на материалах ямной культуры других степных регионов Восточной Европы. Так. С.В. Иванова отмечает, что из 322 погребений – 161 захоронение мужчин, 74 – женщин, 62 – детей и подростков, а в 25 случаях установлен только возраст. Автор считает, что мужчины занимали более высокое социальное положение, чем женщины (Иванова, 2001. С. 137). В ямной культуре Восточной Венгрии антропологический анализ показал, что из 19 погребений ямной культуры – 8 мужских, 6 детских, 5 женских костяков (Ecsedy, 1979. С. 90). Проведенные Е.В. Яровым половозрастные исследования на территории Днепро–Прутo–Дунайского междуречья показывают, что из 161 исследованного костяка 119 мужских и 42 женских (Яровой, 2006. С. 117).

Рассмотрим особенности погребений половозрастных групп Волго-Уральского междуречья.

Было изучено 124 погребения, в которых были обнаружены останки мужских костяков. Из 124 погребений: 12 возмужалой, 62 зрелой, 23 старческой возрастной категории, а в 27 погребениях возраст захороненных мужчин не определен.

Характеризуя погребения мужчин, необходимо отметить их большее количество (51 %) по сравнению с женскими (21 %) и детскими (28 %). Мужские погребения отличаются трудовыми затратами на совершение захоронения (Моргунова, Файзуллин, 2018. С. 39), престижным инвентарем (оружие, орудия труда), украшением из меди и серебра. В выборке мужских захоронений возрастная группа зрелого и старческого возраста выглядит наиболее престижно. Среди них выделяются погребальные комплексы с вождескими, воинскими, производственными символами (Моргунова, Файзуллин, 2018. С. 39). Мужское население занимало важные позиции в производстве и административной сфере общества (Файзуллин, 2016. С. 110).

Женские захоронения представлены следующими возрастными категориями: 16 – возмужалой, 15 – зрелой, 10 – старческой возрастной категории, а в 9 погре-

бениях возраст захороненных женщин определить не удалось. Различия между ними наблюдаются в соответствии с возрастом и социальной ролью в обществе. Погребения зрелых и пожилых женщин отличаются трудовыми затратами и разнообразным инвентарем. Инвентарь (костяные булавки-амулеты) и нетрадиционный обряд погребения (расчлененность костяков, захоронение отдельных черепов) позволяют отнести погребенных к лицам, которые были служителями культов (Файзуллин, 2015. С. 26–32).

Погребения детей и подростков обнаружены в 67 случаях. Из них 43 – самостоятельные одиночные захоронения (в том числе 14 погребений – основные и центральные в курганах), 3 парных детских, 8 погребений детей с женскими костяками, 9 детских с мужскими, а 4 погребения с взрослыми, где пол не определен. Детские захоронения чаще встречаются в курганах небольшого размера в небольших и неглубоких ямах (группа 1 тип А).

Зафиксированы два вида обращения с детьми в погребальной камере с взрослыми индивидами. Первое – это положение ребенка в ногах или за спиной у взрослого индивида (подчиненное положение). Второе – это положение ребенка лицом к взрослому индивиду. Детей хоронили как с мужчинами, так и женщинами. Погребения мужчин с детьми отличаются высокими трудовыми затратами на совершение захоронений, а также положением социально престижного инвентаря. Наличие небольшого количества детей в ямных курганах не показатель отсутствия высокой смертности в этом возрасте. Видимо, это показатель того, что подкурганный обряд предназначался детям, которые унаследовали социальный статус своих родителей, о чем свидетельствует наличие курганных насыпей, содержащих одиночные детские захоронения и социально престижный инвентарь (украшения из меди).

Представленный половозрастной анализ не отражает общей демографической картины, что подтверждается исследованием антропологов (Громов, Хохлов, 2018. С. 85). Видимо, подкурганный обряд ямной культуры предназначался для определенных социальных слоев и был не единственной традицией обращения с телом умершего. Взрослые представители мужского населения являлись представителями социальной верхушки. Погребальный обряд под курганной насыпью женщин и детей, возможно также указывает на социальный статус погребенных.

В этой связи интерес представляет мнение М.Д. Хлобыстиной. Она считает, что женская часть коллектива захоранивалась не в курганах, а на грунтовых кладбищах, пока не изученных (Хлобыстина, 1976. С. 41). Основываясь на материалах ямной культуры Самарского Поволжья, П.Ф. Кузнецов делает вывод, что курганный способ захоронения являлся для ямной культуры не рядовой практикой. На основе этого, он предполагает, что могли существовать и другие формы захоронений (Кузнецов, 2003. С. 46).

Сосуществование масштабных погребальных сооружений с простыми могилами наблюдается в ритуалах обществ Древнего мира и данных этнографии. Сосуществование курганного обряда и грунтовых могильников наблюдается в культурах энеолита и в культурах позднего бронзового века. В Египте обряд бальзамирования вельможей сосуществовал с естественной мумификацией в сухом песке и гробом из досок или тростника для рядового населения (Замаровский, 1986. С. 180). Заупокойные храмы или святилища, окрашенные в красный цвет, над гробницами лиц самого высокого социального ранга появился у майя в I в. до н. э., а рядовые захоронения связаны с остатками простых жилищ из дерева и глины (Гуляев, 1979. С. 141). Фольклорные и этнографические материалы свидетельствуют, что башкиры до принятия ими мусульманской религии, практиковали наземное выставление трупов на вершине горы и на деревьях (Мажитов, 1977. С. 92).

Можно предположить, что захоронение под курганной насыпью является свидетельством социальной значимости индивида в обществе. Такой трудоемкий погребальный обряд, как сооружение кургана, был доступен не всем членам общества ямной культуры. Наличие диспропорции половозрастных групп свидетельствуют в пользу данного предположения.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 40031 Древности «Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона».

Список литературы

Громов А.В., Хохлов А.А. Половозрастная структура погребенных в могильниках ямной культуры раннебронзового века Поволжья и Приуралья // Кунсткамера. № 1. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 78–86.

Гуляев В.И. Города государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М.: Наука, 1979. 304 с.

Замаровский В. Их величество пирамиды. М.: Наука, 1986. 185 с.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.

Кузнецов П.Ф. Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СамГПУ, 2003. С. 43–51.

Мажитов Н.А. Южный Урал в XII – XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus № 2. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест: Stratum plus, 2018. С. 35–60.

Файзуллин А.А. Захоронения женщин ямной культуры на территории Волго-Уралья // Проблемы истории, филологии, культуры № 4 (50). Москва-Магнитогорск-Новосибирск: ЗАО МДП, 2015. С. 26–32.

Файзуллин А.А. Особенности мужских захоронений ямной культуры Волго-Уралья // Материалы V международной научной конференции Кадырбаевские чтения. Актобэ: Актюбинский историко-краеведческий музей, 2016. С. 107–111.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Нижнего Поволжья как палеосоциологические объекты // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: КГПИ, 1976.

С. 30–31.

Хохлов А.А. Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург – Самара – Донецк: ПГСГА, Рифей, 2010. С. 133–166.

Яровой Е.В. Ямная культура Днепро–Пруто–Дунайского междуречья // Проблемы изучения ямной КИО. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 117–119.

Строительные традиции населения позднего бронзового века с территории Оренбургского Предуралья

© 2020 г. И.А. Файзуллин *(ildar-1988@mail.ru)*

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, РФ

Аннотация. Статья посвящена проблемам исследования строительных традиций населения позднего бронзового века. Исходя из имеющихся построек можно говорить о преобладании в регионе наземных строений. Это обусловлено климатическими условиями и способом ведения хозяйства. При этом, практически все постройки обладают достаточным набором внутрижилищных конструкций для комфортного проживания и ведения хозяйства.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, строительные традиции, поселения, Оренбургское Предуралье.

Постройки жилых и хозяйственных сооружений важный и неотъемлемый компонент традиционной материальной культуры, тесно связанный с различными сторонами общественной жизни. В то же время на них непосредственно отражаются природно-климатические условия. Они являются источником познания традиций и новаций в хозяйственной деятельности человека (Воробьева, 2007. С. 3).

На территории Оренбургского Предуралья известно 11 раскопанных построек эпохи поздней бронзы (Файзуллин, 2015. С. 80–86; Евгеньев и др., 2016).

По своим параметрам постройки позднего бронзового века Оренбургского Предуралья можно разделить на большие строения размер которых превышает 100 кв. м и малые, размер которых варьируется от 35 до 73 кв. м. К первой группе отнесено 5 построек с поселений (Родниковое, строение 2, II Кузьминковское, Покровское, строение 1, Горный, Малоюлдашево, строение 1). К малым постройкам отнесено 7 строений (Родниковое, строение 1, Ивановское, строения 1 и 2, Токское, Покровское, строение 2, Малоюлдашевское, строение 2). При этом, размер построек никак не отражает функциональное назначение и богатство внутрижилищных конструкций. Так, к примеру, в постройке с Токского поселения, размер которой составлял 73 кв. м. был расчищен колодец, а также 2 хозяйственные ямы, заполненные медными шлаками. Кроме того, постройка имела столбовую конструкцию.

По глубине жилых котлованов все постройки были разделены на 2 группы: наземные и полуземлянки. К полуземлянкам были отнесены постройки с заглублением котлованов в материк более 50 см. В данном случае сам котлован мог использоваться как часть стены строения. Наземные постройки практически не имеют углублений в материк и основная часть стен в подобных строениях возводилась отдельно и была самостоятельной конструктивной единицей. Для оформления пола был выбран грунт от уровня древней поверхности до материка. Небольшое заглубление, видимо, имело чисто утилитарную цель, и должно было обеспечить более комфортное проживание в постройке. Сходный принцип классификации построек был применен для территории Башкирского Зауралья (Бахшиев, 2014. С. 14–16) и Волго-Камья (Чижевский, 2007. С. 103–104).

Среди изученных построек к полуземлянкам можно отнести только две постройки: строение 1 Покровского поселения и жилищно-хозяйственный комплекс с поселения Горный на Каргалах. Заглубление котлованов построек в данном случае превышало 50 см в материк.

Жилищно-хозяйственный комплекс с поселения Горный отличало достаточно сложное внутреннее устройство, которое сочетало в себе как жилую часть, так и производственную. Здесь при глубине котолована в 100–150 см, вероятнее всего, стенки котлована играли роль стен постройки.

Постройка с Покровского поселения не имела столь сложной внутренней конструкции, однако внутри постройки были все необходимые условия для комфортного проживания и ведения хозяйства: небольшое кострище в восточной части постройки, более мощный очаг расположенный в центре, а также колодец, облицованный внутри камнем. Данную постройку сближает с постройкой с Горного не только глубина котлована, но и многочисленные следы металлообработки, встреченные как в данной постройке, так и за ее пределами.

В обоих полуземлянках были выявлены опорные столбы. На поселении Горное они располагались хаотично и имели различный диаметр, что затрудняет реконструкцию комплекса. На Покровском поселении также были обнаружены столбовые ямки которые были расположены несистемно.

Подавляющее большинство построек в регионе являлись наземными. Во всех этих постройках глубина котлована в материке меньше 50 см, в ряде случаев заглубление в материк незначительно. Иногда контур построек условный, зачастую определяется по концентрации материала и внутрижилищным конструкциям, в виде хозяйственных ям, погребов и колодцев.

Все наземные постройки подразделяются на столбовые и безстолбовые. К столбовым постройкам относятся две – строения с Токского и II Кузьминковского поселений.

На II Кузьминковском поселении в постройке зафиксирована одна основная осевая линия столбов, которая проходила вдоль по центру жилой части жилища – это основная несущая линия, на которую вероятно опирались коньковые балки. Столбы, которые поддерживали нижние края стропил северо-восточного и юго-западного скатов крыши, не обнаружены, но на месте их нахождения, по этому же периметру, зафиксирована золистая прослойка.

На Токском поселении было выявлено 25 столбовых ям, расположенных вдоль стен, что предполагает

иное строение крыши чем на II Кузьминковском поселении. Здесь вероятнее всего упор делался на несущие стены, а варианты сооружения крыши могли быть очень разнообразны.

Постройки подобного типа имеют широкие аналогии на территории Евразии. Наиболее ярким примером построек с применением столбовой конструкции являются строения Сусканского поселения, изученные Н.Я. Мерпертом (Мерперт, 1958. С. 99–110).

Бесстолбовые строения наземного типа представлены в регионе 7 постройками с поселений (Малоюлдашевское, строения 1 и 2, Ивановское, строения 1 и 2, Родниковое, строения 1 и 2, Покровское, строение 2). Все постройки практически не заглублялись в материк. Стены могли быть изготовлены из дерновых блоков или мазаного плетня, следы которых не сохранились до нашего времени. Кроме того, нельзя исключать использование дерева как в виде срубов, так и в виде каркаса для насыпного дома. Ранее уже высказывалось предположение об использовании дерева для наземных построек Западного Оренбуржья в эпоху бронзы. Основанием этому заключению послужило наличие достаточно сложных надмогильных и внутримогильных деревянных сооружений в могильниках срубной культуры (Файзуллин, 2015. С. 80–86).

На площади Малоюлдашевского поселения были изучены две наземные бесстолбовые постройки, при строительстве которых активно применялся камень. Единственной близкой аналогией данным сооружениям является постройка с поселения Михайло-Овсянка (Матвеева, Колев, Королев, 2004. С. 75–77). Хочется отметить, что на территории всего Волго-Уралья в позднем бронзовом веке постройки подобного типа до настоящего времени не были известны (Файзуллин, 2018. С. 179–182).

Преобладание наземных построек в регионе может отражать способ ведения хозяйства. Достаточно подвижное скотоводство не предполагало возведение мощных жилых и хозяйственных построек. При частой смене места проживания ключевую роль играла возможность быстрого ремонта построек для повторного заселения. В то же время практически все наземные постройки имели сложные внутрижилищные конструкции, такие как колодцы, очаги, погреба, которые позволяли населению заниматься и другими видами хозяйства. Так, на всех рассмотренных поселениях отмечены следы металлообработки, косторезного дела и других сфер хозяйственной жизни.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 40031 Древности «Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона».

Список литературы

Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара: ПГСГА, 2014. С. 11–24.

Воробьева Е.Е. Домостроительство Марийского Поволжья (эпоха бронзы). Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. 108 с.

Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: ОГАУ, 2016. 196 с.

Купцова Л.В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья Вып. 10. Оренбург: ОГПУ, 2012. С. 70–100.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА № 61. 1958. С. 45–157.

Файзуллин И.А. К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (29). Тюмень, 2015. С. 80–86.

Файзуллин И.А. Использование камня в домостроительной практике срубной культуры на территории Оренбургского Предуралья // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: СГСПУ, 2018. С. 179–182.

Кремация в погребальной практике населения андроновской культуры Алтая

© 2020 г. О.А. Федорук *(olunka.p@mail.ru)*

Алтайский государственный университет, Барнаул, РФ

Аннотация. Статья посвящена изучению погребений с кремацией андроновской культуры, найденных на территории степного и лесостепного Алтая. В работе дается общая характеристика обряда кремации, а также проводится сравнительный анализ кремации и ингумации. В результате делается вывод о том, что основные элементы погребального обряда носили универсальный характер, менялся лишь способ обращения с телом умершего.

Ключевые слова: кремация, андроновская культура, эпоха развитой бронзы, погребальный обряд, Алтай.

Кремация, являясь одним из наиболее ярких элементов погребальной практики андроновской общности, всегда привлекала особое внимание исследователей. В то же время, многие вопросы, связанные с обрядом сожжения по-прежнему остаются открытыми для обсуждения.

Для степного и лесостепного Алтая, как и для восточных областей распространения андроновской культуры в целом (за исключением нескольких могильников), основным способом обращения с телами умерших была ингумация. Кремация же выступает в роли альтернативы, и встречается на памятниках в небольшом ко-

личестве. Из более 700 изученных захоронений менее 4 % содержали кремированные останки.

Погребения с кремацией зафиксированы на десяти могильниках региона. Наибольшее количество трупосожжений изучено на Рублево VIII (12 могил, 10,6 %). Четыре случая кремации отмечено на Чекановском Логу X (6,3 %), три на Нижней Суетке (6,2 %), Фирсово XIV (1,9 %), два на Быково IV (28 %). По одному трупосожжению содержали Кытманово (2,8 %), Подтурино (2,3 %), Елунино II (4,7 %), Восход I (50 %), Барсучиха II (25 %). Основная часть захоронений – одиночная кремация, встречено также несколько случаев парной кремации и биритуальные погребения.

Далее рассмотрим основные параметры погребений с кремацией в плане их сходства/различия с ингумацией.

Планиграфически такие могилы не были каким-либо образом обособленны от основной массы, располагаясь в рядах вместе с ингумацией. Однако, стоит отметить, что на памятнике Рублево VIII часть кремаций располагалась попарно, что может указывать на родственные связи погребенных. Глубина и размеры могильных ям в большинстве случаев соответствует параметрам захоронений взрослых индивидов. Два погребения Чекановского Лога X по размерам и глубине соответствовали детским захоронениям.

Некоторые кремации можно определить как парные. Признаками парного захоронения в данном случае являются наличие двух скоплений останков костей и размеры могильной ямы, соответствующие парной ингумации. Три подобных могилы найдено на Рублево VIII и одна на Быково IV, причем одна из могил Рублево VIII была разделена деревянной перегородкой на две части.

По одному биритуальному погребению встречено на Рублево VIII, Фирсово XIV, Барсучихе II. На Чекановском Логу X, в одной из могильных ям кремация и ингумация были обособлены друг от друга деревянными обкладками. Еще в одном полуразрушенном захоронении этого памятника были обнаружены кремированные останки человека и отдельные кости женщины. Положение ингумированного удалось определить лишь в одном случае, на Фирсово XIV: он находился в скорченном положении, на левом боку.

Внутримогильные конструкции, там, где они присутствовали, не отличались от погребений с ингумацией, и представлены деревянной обкладкой и перекрытием.

Во всех могилах кальцинированные останки располагались компактно в центре или ближе к одной из стенок могилы. В самих могильных ямах следов огня не обнаружено. Исключением является одно из погребений Быково IV, в котором дно могилы было прокалено.

Кремация на стороне – одна из наиболее устойчивых черт андроновской погребальной практики. Данный факт неоднократно фиксировался различными исследователями (Усманова, 2005. С. 85–87; Кукушкин, 1993. С. 13 и др.).

После сожжения тела кости отделялись от остатков погребального костра, что, скорее всего, являлось важной частью обряда кремации (Кирюшин и др., 2004. С. 65).

Условия, при которых происходила кремация, вероятно, были очень схожи. Но и здесь были свои исключения. В нескольких случаях были обнаружены целые, не обгоревшие фрагменты (могила 32 Рублево VIII, а также 19 Подтурино). В могиле 82 Рублево VIII конечности и череп находились в целостности, а кости туловища сильно кальцинированы. Наличие среди кремированных останков не обгоревших костей Ю.И. Михайлов связывает с возможным существованием обряда предварительного очищения их от мягких тканей (Михайлов, 2001. С. 126–157). Э.Р. Усманова также считает, что для облегчения горения тело могли расчленять или сжигать уже предварительно очищенные кости (Усманова, 2005. С. 86). Таким образом, обряд кремации на стороне мог иметь весьма сложный сценарий.

Завершающим этапом данного процесса было захоронение кремированных останков. М.П. Грязнов предположил, что они помещались в куклу, имитирующую умершего (Грязнов, 1970. С. 70). Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи (Виноградов, 1984. С. 151; Кирюшин, и др., 2004. С. 67–68). С.В. Сотникова (2015), опираясь на анализ андроновских погребений с кремацией различных регионов, выделила три основных варианта размещения кремированных останков: 1) помещение в куклу или в одежду умершего, снабжение украшениями; 2) кремированные останки образовывали антропоморфную выкладку; 3) помещение останков в сосуд. Последний вариант на территории Алтая не зафиксирован, что же касается остальных двух, то скорее всего, большая часть кремаций размещалась по первому варианту. Второй вариант также, видимо, присутствовал. В частности, в могиле 82 Рублево VIII часть кремированных костей была уложена компактным скоплением, повторяя очертания туловища, а сохранившиеся фрагменты конечностей и череп помещены так, как если бы умерший лежал скорченно, на правом боку.

Инвентарь погребений с кремацией представлен теми же видами что и в могилах с трупоположением: керамика и украшения, а также остатки сопроводительной пищи.

Восемь кремаций (24 %) содержали золотые и бронзовые украшения, пять из них происходят с могильника Рублево VIII, две с Фирсово XIV, одна из Нижней Суетки. Среди украшений найдены наборы как характерные для женского костюма (подвески в полтора оборота, браслеты и кольца со спиралевидными окончаниями, бусы, пронизи, лапчатые и листовидные привески и др.), так и встречающиеся в мужских погребениях. В частности, в кремации Нижней Суетки обнаружены две кольчатых серьги. Обособленно они присутствуют только в мужских захоронениях (Федорук, 2013. С. 138). В двух кремациях Рублево VIII были найдены по две серьги с раструбом, которые встречаются как у мужчин, так и у женщин. Украшения помещались в могилу непосредственно в процессе захоронения останков, признаков воздействия огня на них не зафиксировано.

Сосуды в могилах с кремацией располагались ближе к юго-западной стенке, также, как и в случае с ингумацией. В одной могиле (Рублево VIII) было установлено три сосуда, в 10 погребениях – по два сосуда (шесть – на Рублево VIII; два – в Нижней Суетке, по одному – на Чекановском Логу X, Фирсово XIV, Кытманово), в остальных – по одному. Кремация Подтурино не содержала керамики.

Основная часть сосудов имела горшечную форму и сложную орнаментацию, лишь один сосуд из трех в могиле 45 Рублево VIII не был орнаментирован. Два сосуда биритуальной детской могилы Рублево VIII имели баночную форму и были орнаментированы только желобками.

Также в могилах были найдены кости животных (ребра) которые представляли собой останки поминальной

пищи и находились рядом с сосудами (три погребения – Рублево VIII, по два – в Нижней Суетке и Фирсово XIV). В одном случае в заполнении могилы зафиксированы черепа коня и быка (Нижняя Суетка), в другом был найден альчик копытного животного (Чекановский Лог X).

Таким образом, существенных различий между погребениями с кремацией и ингумацией не прослеживается. Менялся лишь способ обращения с телом умершего, остальные элементы погребального обряда, видимо, носили универсальный характер.

На данный момент мы можем говорить о том, что обряду кремации подвергались как мужчины, так и женщины, а также дети. Отсутствие какого-либо особого инвентаря или других особенностей погребений с кремацией не позволяет нам говорить о каком-либо повышенном социальном статусе умерших. Хотя, несомненно, сам процесс кремации требовал большего времени и трудозатрат. Вопрос, по каким критериям умерших подвергали обряду кремации, по-прежнему остается открытым.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проект № 19–09–00511 А «Биоархеологические подходы к проблемам адаптации андроновского населения Алтая»

Список литературы

Виноградов Н.Б. Кулевчи – VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3. С. 136–153.

Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 37–43.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 62–85.

Кукушкин И.А. Культ огня у племен Казахстана в эпоху бронзы: динамика, функции: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алматы, 1993. 23 с.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Сотникова С.В. К вопросу об антропоморфизации кремированных останков в погребальном обряде населения андроновской культурно-исторической общности // Вестник Томского государственного университета. История. № 1 (33). Томск, 2015. С. 116–124.

У*сманова Э.Р.* Могильник Лисаковский I: Факты и параллели. Караганда–Лисаковск, 2005. 232 с.

Федорук О.А. О половозрастной обусловленности андроновских украшений (по материалам погребальных памятников степного и лесостепного Алтая) // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 185–192.

Реконструкция степных колесничных узд эпохи бронзы

© 2020 г. К.В. Чугунов *(chugunovk@mail.ru),* ***Е.В. Степанова***

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация. Предлагается реконструкция оголовья колесничных лошадей эпохи бронзы, которое предполагает использование безудильного способа управления запряжкой. Основанная на данных трасологического изучения щитковых псалиев, эта реконструкция подкрепляется находками бронзовых деталей оголовья колесничных лошадей, зафиксированных in situ в комплексах эпох Шан и Западное Чжоу Древнего Китая.

Ключевые слова: щитковые псалии, безудильные узды, синташтинская культура, узда Шан и Западного Чжоу.

Все находки ранних деталей узды сопровождают именно колесничих, а не верховых лошадей, поскольку она необходима только для дистанционного управления. Так как первыми упряжными животными были быки, первоначально для запряжки эквидов также использовались те же приемы управления. Носовые кольца в сочетании с недоуздками мы видим как на изображениях быков, так и на изображениях эквидов. Именно такие оголовья показаны на шумерских изображениях повозок, на печатях из Каппадокии и на окуневских петроглифах конца 3 – начала 2 тыс. до н. э. (Миклашевич, 2006). Практически одновременно с ними появляются недоуздки – более приспособленные к головам эквидов.

Как известно, наиболее ранние колесницы были обнаружены в погребениях синташтинской культуры, которые в настоящее время датируются с конца 3 тыс. до н. э. Рядом с черепами лошадей здесь находят костяные щитковые псалии, дисковидные или пластинчатые, с шипами или без них, иногда со съемными шипами. Такие псалии продолжают использоваться носителями срубно-андроновских культурных традиций вплоть до последней четверти 2 тыс. до н. э., когда оголовья лошадей, запрягавшихся в колесницы, значительно меняются.

Щитковые псалии обычно имеют выделенные планки, которые служили для их крепления к широкому наносному ремню. У некоторых из них имеются также небольшие боковые отверстия, которые могли использоваться для крепления к суголовным ремням, но последние могли фиксироваться и непосредственно на наносном ремне.

Принято считать, что щитковые псалии использовались с мягкими удилами, проходившими через центральное отверстие. Однако, тестирование узд такой конструкции на практике показало, что кожаные удила сжевываются лошадью за пару часов (Епимахов, Чечушков, 2004. С. 42), а волосяные веревки хотя и долговечнее, но травматичны для рта лошади. Кроме того, при управлении лошадью через рот посредством удил, когда основное воздействие оказывается на углы рта, язык и беззубый край челюсти, большие размеры псалиев с шипами длиной около 2 см бессмысленны, а у псалиев с тремя шипами при любом

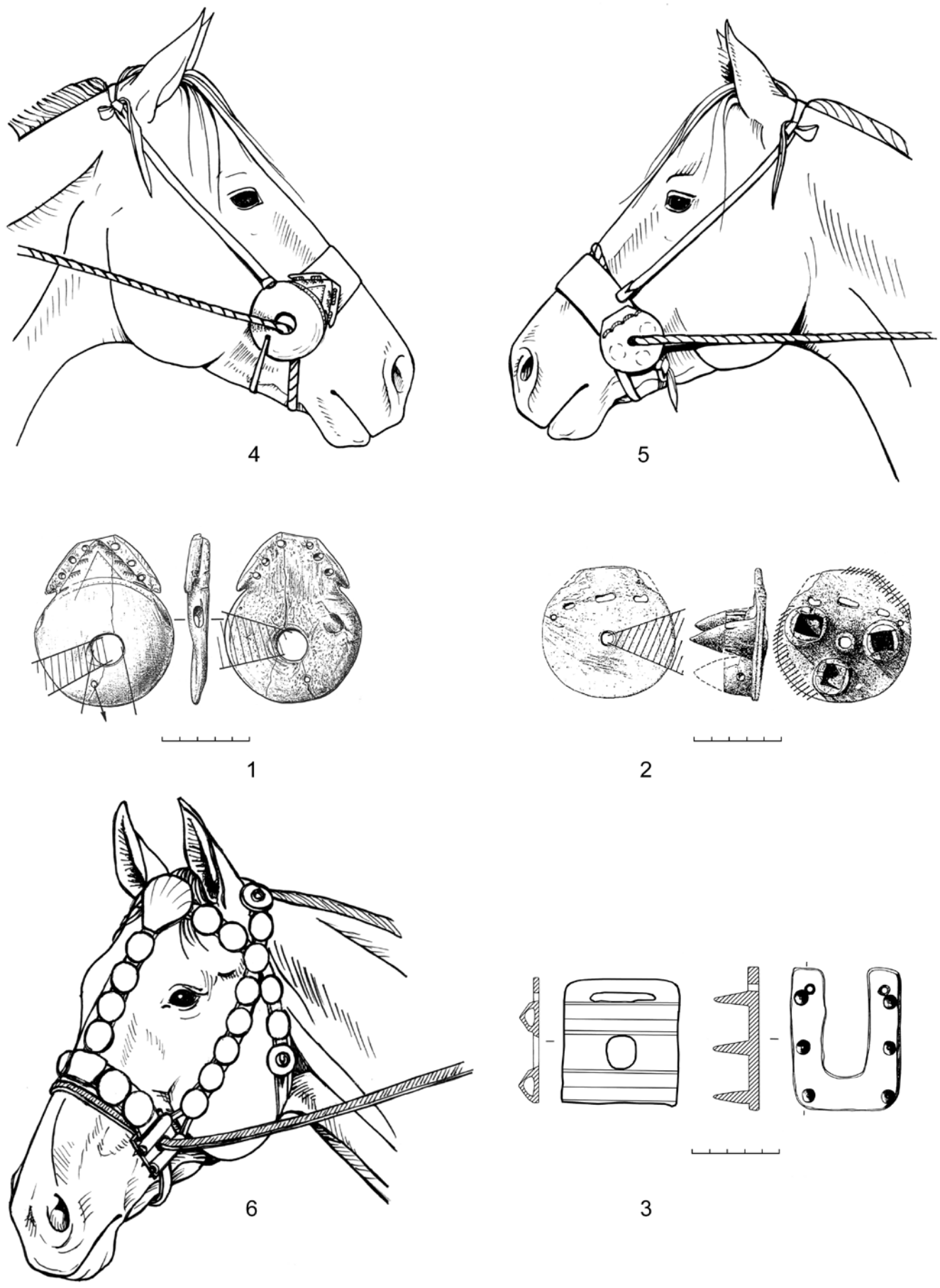


Рис. 1. Реконструкция безудильных узд с использованием щитковых псалиев:
Псалии: **1 – Поляны-I, Харьковская обл., без шипов, кость (Усачук, 2005, рис.2); 2 – п.Троицкий, Башкирия, со вставными шипами, кость (Горбунов, Усачук, 2004, рис.5); 3 – Дасыкун (Dasikong), M226, Аньян, с шипованой накладкой, бронза (Ван Пэн, 2019, рис.2: 5,6);** ***реконструкции узд:*** **4 – Поляны-I, 5 – п.Троицкий; 6 – Дасыкун, M231 (рисунки Е.В. Степановой).**

расположении один из них неизбежно должен попасть в рот. Но самый главный минус в такой реконструкции – слишком низкое положение наносного ремня на хрящевой части морды серьезно затрудняет дыхание лошади, особенно на быстрых аллюрах. У всех реальных узд, недоуздков и капсюлей наносный ремень всегда располагается значительно выше, на костистой части носа лошади, и никогда по линии, проходящей через углы ее рта.

Наша реконструкция показывает, что узды со щитковыми псалиями, крепившимися к наносному ремню, были безудильными, типа современных хакамор, босала, капцунга, сайдпула (рис. 1, *4, 5*). Воздействие таких узд на лошадь осуществляется давлением на чувствительную носовую кость, на затылок и в подбородной ямке, и может усиливаться специальными накладками, в том числе с шипами. В настоящее время большое число псалиев изучено трасологически (Кузнецов, 2004. Рис.1 и др.). Характерные следы потертостей на псалиях позволяют предположить, что повод пропускался через центральное отверстие, но не привязывался, а мог проходить как снизу, через подбородную ямку, так и сверху, через костистую часть носа лошади (рис. 1, *1, 2*).

Предложенная реконструкция степных безудильных узд подтверждается материалами из китайских памятников позднего Шан и раннего Западного Чжоу. Здесь использовались бронзовые щитковые псалии, функционально аналогичные степным. Они иногда округлой формы, но обычно прямоугольные, с планкой, имевшей щелевидное отверстие для крепления к широкому наносному ремню, и с трубочками для продевания раздвоенных концов суголовного ремня. Иногда псалии в Шан имеют шипы, но чаще они с гладкой внутренней поверхностью и могли использоваться с подковообразными шипованными вкладышами (рис. 1, *3*). Такое совмещение, вероятно, было аналогично степным щитковым псалиям со съемными шипами, которые могли извлекать при отсутствии необходимости «строгого» управления упряжкой.

Одиночные предметы, напоминающие составные или однозвенные удила, во всех известных нам случаях связаны не с уздами, а с колесницами (например, в могильнике Дасыкун в Аньяне (M76, M226, M231) (Dasikong, 2014). Нам не удалось обнаружить в публикациях случаев нахождения этих предметов, считающихся удилами и имеющих длину 10–15 см, непосредственно во рту лошади. Когда псалии зафиксированы на черепах, эти изделия лежат отдельно в кузове колесницы и, скорей всего, они не связаны с управлением лошадьми. Сохранившееся in situ положение псалиев и декоративных элементов наносных ремней позволяет утверждать, что они располагались значительно выше беззубого края конских челюстей, что подтверждает правильность нашей реконструкции узд с щитковыми псалиями, крепившимися к наносному ремню, как хакамор (рис. 1, *6*).

Кроме того, в шанских комплексах Китая известны и другие формы безудильных уздечек (могильники Сяотунь, Цяньчжанда), например, без псалиев, но с металлическими или костяными дуговидными предметами, которые могли использоваться как наносные, и как подгубные элементы хакамор, к их концам крепились поводья (Jing Zhongwei, 2013. Fig.7).

Общепризнанно, что колесницы появляются в Шан не ранее конца XIII в. до н. э. из степных областей. Надо полагать, что в этот период у северных соседей Китая практиковался именно безудильный способ управления упряжкой. Однако известно, что в Северной Евразии во второй половине 2 тыс. до н. э. быстро распространяются удила с составными грызлами и стержневидными псалиями. Такое изменение могло быть связано с тем, что воздействие на лошадь через рот сильно сокращало тренинг животного. До Китая узды с удилами доходят только в X в. до н. э. вместе с новой волной кочевников с севера.

Список литературы

Ван Пэн. К вопросу происхождения колесниц из Иньсюй // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Том.18. № 4: Востоковедение. С. 9–18.

Горбунов В.С., Усачук А.Н. Новый псалий из степного Приуралья // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 2004. С. 92–98.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 2004. С. 39–45.

Кузнецов П.Ф. Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжья // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 2004. С. 31–38.

Миклашевич Е.А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: «Элексис Принт», 2006. С. 191–211.

Усачук А.Н. Технология изготовления и использования псалия с поселения Поляны–I (Харьковская область) // Древности. 2005. № 6. С. 144–149.

Dasikong in Anyang: Report of the Excavation in 2004. Beijing: Cultural Relict Press, 2014. – на кит. яз., англ. резюме.

Jing Zhongwei. Zhuice, Dingchibiao and Dixian: the comparative study on the horse-controlling devices in China and the West during the 2nd millennium to the 3rd century BC // Acta Archaeologica Sinica. 2013. № 3. P. 297–324. – на кит. яз., англ. резюме.

Традиции гончарного производства у населения поздняковской культуры на территории Окского бассейна

© 2020 г. А.А. Швецова (Asendriy@mail.ru)

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ
Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Нижний Новгород, РФ

Аннотация. В работе обобщены результаты изучения традиций гончарного производства у населения поздняковской культуры. Аналитическая работа осуществлялась в рамках историко-культурного подхода. Она включала в себя разработку типологии форм сосудов, технологический и стилистический анализ декора, получение информации о подготовительной стадии гончарного производства. В результате удалось выявить две группы гончарных традиций, поразному проявившихся в материалах изученных керамических комплексов.

Ключевые слова: бронзовый век, поздняковская культура, древнее гончарство, историко-культурный подход, подготовительная стадия гончарного производства, Окский бассейн.

К концу II тыс. до н. э. лесостепные и отчасти степные территории Окского бассейна были широко освоены племенами поздняковской культуры. Материальная культура поздняковских племен отличается набором оригинальных черт, наиболее ярко проявившихся в морфологии керамических сосудов. Ее характерным маркером является использование «жемчужных» элементов при составлении орнаментальных мотивов, не применявшихся носителями других синхронных культур Восточной Европы.

Несмотря на достаточно большое количество исследованных поселений и могильников поздняковской культуры и накопление значительного по объему керамического материала, до сих пор остается неразработанной типология сосудов, и отсутствуют сведения о технологии их изготовления. В то же время именно керамический материал является тем источником информации, который вобрал в себя сведения о механизмах сложения поздняковской культуры и этапах ее развития. Изучение керамических комплексов с позиций историко-культурного подхода позволит через выявленные гончарные традиции проследить взаимодействие разных групп древнего населения и приблизиться к решению вопроса о генезисе поздняковской культуры, до сих пор вызывающим дискуссии.

Для изучения традиций гончарного производства были привлечены материалы 5 поселений: Логинов Хутор (Канищево-3), Новая Деревня-1, Наумовка, Безводное-1 и Шава-1. Аналитическая работа включала в себя морфологическое описание (разработку типологии форм сосудов, определение характера обработки внешних поверхностей, технологический и стилистический анализ декора) и технико-технологический анализ, направленный на получение информации о подготовительной стадии гончарного производства. Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012). В общей сложности было проанализировано около 350 образцов от разных сосудов.

По исследованным материалам удалось выявить две группы гончарных традиций, проявившихся в технологии изготовления сосудов, морфологии и характере декорирования. Обе группы существовали уже на раннем этапе поздняковской культуры (поселение Логинов Хутор) и получили развитие с течением времени.

Первая группа традиций. В качестве исходного пластичного сырья предпочтение отдавалось использованию ожелезненных незапесоченных и среднезапесоченных глин. В формовочную массу добавлялась минеральная примесь в виде шамота в концентрации 1:5–1:6 и органический раствор, в большинстве случаев идентифицируемый как выжимка из навоза жвачных животных. Среди сосудов значительную долю составляют баночные формы (38–57 %). Для горшковидных сосудов характерно наличие цилиндрического горла, в составе естественной структуры формы соотносимого с шеей (до 89 % от числа горшков). Внешние поверхности чаще гладко заглаживались, примерно в трети или четверти случаев покрывались расчесами, в единичных случаях – «текстильными» отпечатками. При декорировании сосудов массово применялись инструменты с округлой, овальной или треугольной рабочей поверхностью. Для нанесения линий и отрезков широко использовались гладкие штампы (до 65 %). Отдавалось предпочтение применению орнаментира только одного вида. Декор составлялся из таких элементов, как наклонные отрезки, округлые, овальные, подтреугольные вдавления и «жемчужины» (до 33 %). Разнообразие мотивов невелико, среди них распространены ряд наклонных вправо отрезков, ряд ямочных вдавлений, ряд вертикальных овалов. Декору присуща простота и небрежность выполнения.

Вторая группа традиций. Исходное пластичное сырье массово представлено ожелезненными глинами, преимущественно незапесоченными и слабозапесоченными (Логинов Хутор и Шава-1) или среднезапесоченными (Безводное-1). Формовочные массы подготавливались с добавлением минеральной примеси в виде дресвы в концентрации 1:4–1:5 и органического раствора, соотносимого с выжимкой из навоза жвачных животных. В этой группе баночные формы не имели распространения (6–12 %). Среди горшков преобладали сосуды с раструбообразным горлом, в составе естественной структуры формы соотносимого с щекой (до 65 %). Выделяются сосуды с дуговидной формой горловины (8–23 %). Внешние поверхности преимущественно оставались гладкими, несколько реже – заглаживались зубчатыми штампами, щепой или пучком травы. Характерно, что на поселениях Шава-1 и Безводное-1 до трети сосудов имели «текстильные» отпечатки на внешних поверхностях. Для нанесения декора массово применялись инструменты с округлой рабочей поверхностью и зубчатые штампы, которыми наносились линии и отрезки (до 70 %). В подавляющем большинстве случаев орнаментация наносилась на сосуд несколькими, чаще двумя, различными инструментами. Среди элементов орнамента наибольшее распространение имели горизонтальные и наклонные отрезки, округлые вдавления и «жемчужины» (до 30 %). Наиболее распространенные

мотивы: ряд наклонных влево или вправо отрезков, ряд вдавлений округлой формы, ряд «жемчужин» (на поселении Логинов Хутор), ряд чередующихся вдавлений округлой формы и «жемчужин» (на поселениях Шава-1 и Безводное-1), горизонтальная линия. Композиция орнамента более сложная: появляются узоры в виде зигзага, «елочки», треугольников, меандров. Мотивы часто объединены в образы. Декору присуща многокомпонентность и аккуратность выполнения.

Хронологически наиболее ранним из рассматриваемых поселений является Логинов Хутор, оно датируется сер. II тыс. до н. э. (Попова, 1974. С. 229–230). Здесь зафиксировано существование двух описанных традиций (28 % и 52 % соответственно) и их смешение (12 %). Наиболее поздними являются поселения Шава-1 и Безводное-1, содержащие в составе керамических комплексов до трети сосудов с «текстильными» отпечатками. Эти поселения относятся к кон. II тыс. до н. э. Здесь имела распространение вторая группа традиций (61–81 %). Поселения Новая Деревня-1 и Наумовка хронологически занимают промежуточное положение. В их керамических комплексах доминировала первая традиция (82–90 %).

Первая из обозначенных групп традиций близка гончарному производству срубной культурно-исторической общности (Мочалов, 2008. С. 176–195; Салугина, 2019). Наиболее близким является керамический комплекс Логинова Хутора, практически не содержащий «жемчужных» мотивов орнаментации. На поселениях Новая Деревня-1 и Наумовка, при сохранении набора признаков, характерных для первой группы, появляется «жемчужная» орнаментация и становится массовым мотивом декора (22–30 %). Вторая группа традиций не находит близких аналогий в керамических комплексах синхронных культур Восточной Европы. Ряд элементов, в основным морфологических, прослеживается в гончарстве примокшанской культуры, распространенной на территории бассейна р. Мокши и Среднего Поочья в перв. пол. II тыс. до н. э. (Археология Мордовского края, 2008. С. 161). Наиболее близким примокшанским гончарным традициям является керамический комплекс поселения Логинов Хутор. Керамические комплексы поселений Шава-1 и Безводное-1 сохранили основные признаки второй группы гончарных традиций, но испытали влияние со стороны культуры «текстильной» керамики, что привело к появлению ряда морфологических особенностей.

Наличие в гончарном производстве поздняковской культуры двух выявленных групп традиций отражает неоднородность состава ее населения на протяжении всего времени существования культуры. Увеличение числа исследованных керамических комплексов в рамках историко-культурного подхода позволит в свете новых данных обратиться к проблемам генезиса и развития поздняковской культуры.

Список литературы

Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы: монография / под ред. В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманит. наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2008. 552 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2008. 252 с.

Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 222–235.

Салугина Н.П. Гончарство населения срубной культуры Волго-Уралья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 60–61.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 380 с.

Ямное святилище могильника Песчаный IV Нижнего Подонья

© 2020 г. ***Н.И. Шишлина[1]*** *(nshishlina@mail.ru),* ***Н.В. Леонова[1], П.И. Калинин[2], А.Ю. Лобода[3], И.Н. Трунькин[3]***

[1] Государственный исторический музей, Москва, РФ
[2] Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, РФ
[3] Курчатовский институт, Москва, РФ

Аннотация. В материалах представлены результаты комплексного исследования мегалитических конструкций ямной культуры Нижнего Подонья. Это позволило реконструировать местные традиции, идентифицировать место каменоломни, которую освоили строители каменных кромлехов.

Ключевые слова: мегалитические конструкции, ямная культура, Нижнее Подонье.

Введение. Для ямной культуры Средних Ергеней характерны каменные конструкции (Шишлина, 2014). Раскопанный Степной археологической экспедицией ГИМ курган 17 могильника Песчаный IV и проведенные исследования позволяют дополнить представления о мегалитических конструкциях этой культуры.

Анализ каменных конструкций, стелы и насыпи кургана (рис. 1). На уровне древней поверхности была расчищена площадка, в центре которой соорудили четырехугольную яму, стены которой украсили циновками, раскрашенными красным пигментом, дно устлали подстилкой. На ней лежали разрозненные кости ребенка

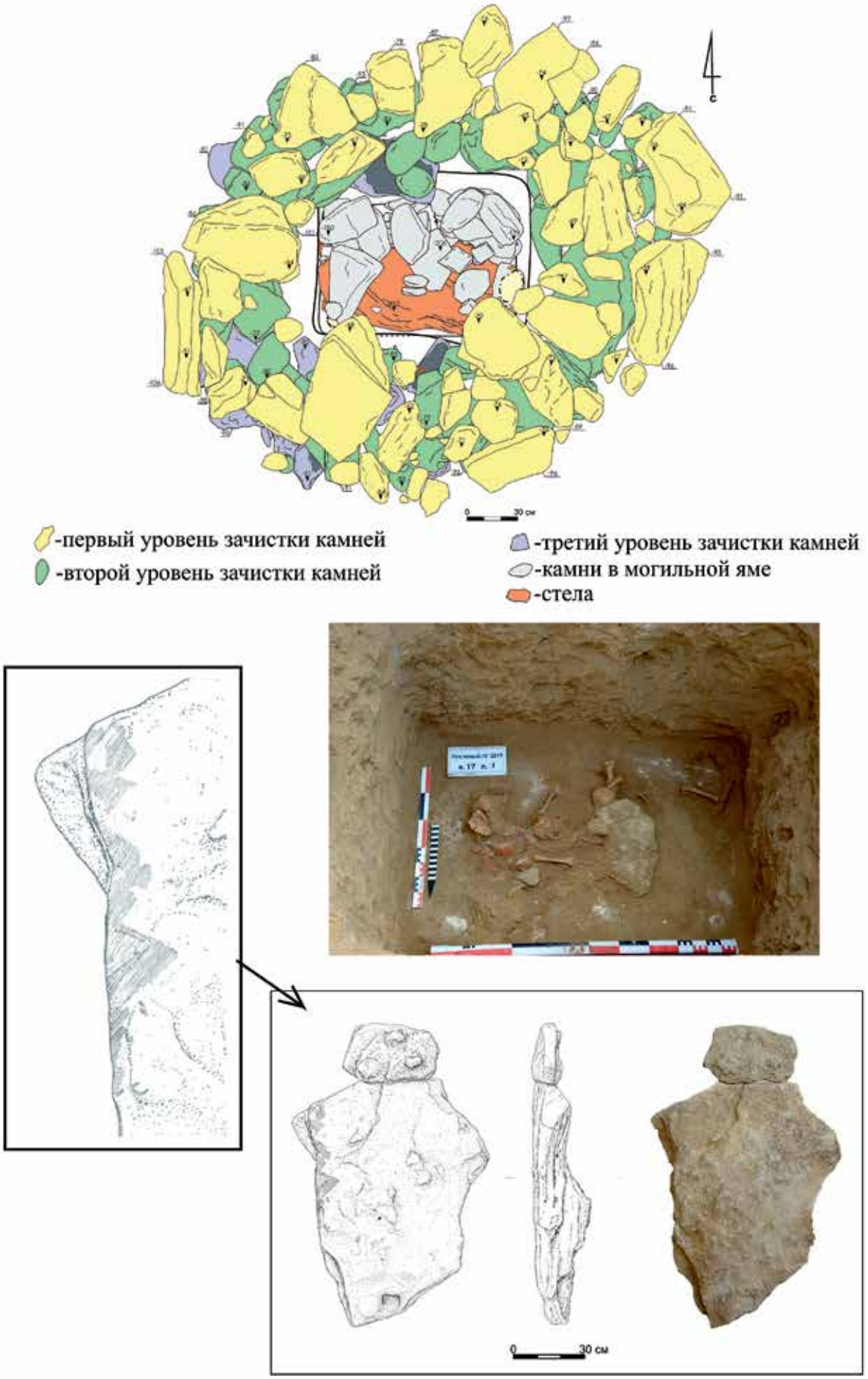


Рис.1. Песчаный IV. Курган 1, погребение 3.

3,5 лет. Яму перекрыли деревом и окрашенной красным пигментом подстилкой, фрагменты которых сохранились под камнями конструкции и в заполнении ямы, сверху положили блоки песчаника.

Далее вокруг захоронения соорудили сложную мегалитическую конструкцию: трехуровневый каменный кромлех, в центре которого установили антропоморфную стелу. Внешний диаметр сооружения 302×340 см; внутренний 93×145 см. Кромлех сооружался в три этапа.

Первоначально на уровне древней дневной поверхности построили внутреннее кольцо высотой 20 см таким образом, что захоронение оказалось в его центре. Для этого использовали 24 блока песчаника, уложенных горизонтально.

Поверх первого кольца было сооружено второе: из 48 плоских блоков песчаника, которые положили горизонтально плотно друг к другу. Возможно, использовался связующий раствор, черный компонент которого сохранился под двумя каменными блоками.

Последнее, третье кольцо кромлеха перекрывало первые два и было сооружено из 47 плоских блоков песчаника. Они были уложены под углом к основанию конструкции, более крупные блоки установили в вертикальном положении с запада и востока с внешней стороны таким образом, чтобы они опирались на горизонтально лежащие камни второго кольца. Крупный блок четырехугольной формы стоял вертикально, закрывая внешнюю конструкцию. Общая высота сооружения 50–57 см. Его внутренняя часть округлой формы – «двор» оставалась открытой.

В центре площадки вертикально установили каменное изваяние – антропоморфную стелу, которая представляет собой плоский каменный блок из песчаника вытянутой трапециевидной формы со скошенным основанием. Плечи стелы несимметричные, хорошо выделена голова прямоугольной формы, на лицевой стороне которой – три полукруглых выпуклых выступа, один вверху и два снизу. При падении в могильную яму голова откололась.

На изваянии видны следы грубых сколов и подтесов, в нижней части основания выбито прямоугольное углубление. В центре блока красным пигментом нанесена «точка». На правой стороне от плеча к основанию сохранилась полоса в виде зигзагов, нанесенная темным пигментом. Высота стелы 125 см, таким образом, она возвышалась на 68 см над уровнем третьего кольца кромлеха.

Рядом совершили еще одно захоронение, с которым связана вторая мегалитическая конструкция, разрушенная поздними впускными погребениями. От нее сохранились фрагменты каменного кольца: с северо-западной и юго-западной стороны. Предположительные размеры второго кромлеха достигали 3,5×2,5 м. Строительными элементами послужили блоки песчаника, которые лежали на растительной подстилке. Каменное кольцо построили вокруг четырехугольной ямы, в которой был похоронен мужчина старше 55 лет на спине скорченно, головой на юго-восток. Яму перекрыли деревом и подстилкой.

Каменные конструкции и погребения перекрыты одной курганной насыпью.

Дополнительные исследования. Погребальный обряд погребений позволяет отнести их к ямной культуре. По результатам ^{14}C АМС-датирования конструкции и курган были сооружены в интервале 29–28 вв. до н. э.

Определение вариаций отношения изотопов стронция в зубах погребенных позволили предположить, что ребенок родился в данной местности, ареал рождения мужчины, скорее всего, располагался в пределах западного склона Средних Ергеней.

Изучение деталей мегалитических сооружений позволило установить, что для трехуровнего кромлеха было использовано 182 камня общим весом 2 тонны 200 кг, вес стелы – 353 кг. Сооружение такой конструкции требовало значительных усилий.

Горную породу, из которой изготовлена стела, можно охарактеризовать как грубозернистый мезомиктовый известковистый песчаник. Подобная порода обнаружена в нижней части оврагов на террасе р. Джурак-сал в непосредственной близости от исследованного кургана. Здесь вскрываются пласты аллювиальных грубозернистых песчаников неогенового возраста, относящихся к Ергенинской свите. Встречаются как хорошо сцементированная плотная порода, так и слабосцементированная, с признаками воздействия процессов выветривания. Для песчаника характерны многочисленные включения слюды, крупных окатанных обломков (до 5 мм) полевых шпатов и других темноцветных пород. Зерна кварца и других минералов сцементированы известковистым и известково-глинистым цементом. Подобный песчаник обнаружен и в каменоломне на окраине с. Ремонтное, где он перестилается с песками той же Ергенинской свиты.

Образец красного пигмента на лицевой поверхности стелы по своему химическому составу представляет собой охру на основе оксида железа – гематита. Содержание гематита в образце составляет 48 %.

Заключение. Мегалитическое сооружение кургана 17 могильника Песчаный IV было совершено группой ямной культуры, обитавшей на западных склонах Средних Ергеней, для которой было характерно сооружение каменных кромлехов вокруг захоронений детей и взрослых мужчин преклонного возраста. Аналогичные по типу каменные кольца были найдены поблизости в ямных курганах в этой же балке Песчаная. Использование антропоморфного каменного изваяния и трехуровневый кромлех, сооруженный вокруг детского погребения, выделяет этот комплекс среди изученных. Традиция использования в погребальном обряде стел разных типов характеризует более ранние традиции кеми-обинской и ямной культур более западных территорий (Щепинский, 2002; Шапошникова и др., 1986). Таким образом, в настоящее время мегалитический комплекс из Песчаного IV может считаться самым восточным и самым поздним.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-09-00194.

Список литературы

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев: Наукова Думка, 1986.

Шишлина Н.И. Погребения ямной культуры с каменными кольцевыми обкладками в Подонье // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т.16. № 3. С. 285–290.

Щепинский А.А. Памятники кеми-обинской культуры. САИ. Киев, 2002.

Реконструкция палеодиеты населения эпохи позднего бронзового века Казбуруновского археологического микрорайона: особенности и возможность экстраполяции

© *2020 г. Н.Б. Щербаков (sherbakov@rambler.ru), И.А. Шутелева*

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, РФ

Аннотация. Материалы погребальных памятников Казбуруновского археологического микрорайона эпохи бронзы были проанализированы на содержание стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}C$) и азота ($\delta^{15}N$), инфанты анализировались отдельно. Всего были проанализированы 15 погребенных, в данной статье представлены результаты исследования 9 костяков. Результаты свидетельствуют о том, что люди эпохи позднего бронзового века Башкирского Приуралья употребляли в пищу в основном белок животного происхождения. Полученные сведения говорят о практическом отсутствии в рационе рыбного белка, однако это не говорит о полном игнорировании рыбы в пищевой цепи.

Ключевые слова: эпоха позднего бронзового века, Башкирское Приуралье, палеодиета, изотопный анализ.

В современных научных работах по археологии реконструкция палеодиеты дописьменных обществ Северной Евразии связана с целым комплексом исследований. Изучение палеодиеты связано с анализом орудийного аппарата древних обществ, посуды и очагов. В комплексе естественнонаучных методов выделяются исследования по физической антропологии, которые уже с середины XX в. учитывали хозяйственно-культурный тип изучаемого населения (Дебец, 1948. С. 70) как один из показателей подвижности групп населения, данные палеозоологии и палеоботаники. Одним из комплексных исследований в реконструкции палеодиеты стала обобщающая работа В.П. Алексеева (1993), объединившая антропологические, археологические и имевшиеся на начало 1990-х гг. генетические данные.

В настоящее время к этой группе естественнонаучных методов добавился анализ изотопов азота и углерода, серы и водорода (Святко, 2016. С. 53). Изменения климата и хозяйственно-культурного типа общества существенным образом оказывали влияние на диету древнего населения. Изучение диеты дописьменных обществ связано с тем, что найденные на поселениях и в погребальных комплексах палеозоологические и палеоботанические материалы не во всех случаях являлись пищей, в ряде случаев – это были ритуальные объекты (Cole, 2017).

Наиболее перспективным для современного изучения палеодиеты является анализ стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}C$) и азота ($\delta^{15}N$). Употребляемые в пищу продукты питания в форме оставшихся в организме молекул встраиваются в органы (Шнеевайсс, Приват, 2002. С. 188–192).

Отдельным предметом исследований в области палеодиеты являются работы, которые анализируют роль и соотношение в пищевой цепи доместицированных и диких (промысловых) животных (Энговатова и др., 2015. С. 117–125). На сегодняшний день появляется возможность проследить взаимосвязь между палеодиетой и палеоландшафтом, а также палеоклиматом и маршрутами миграций промысловых животных (Силаев и др., 2019. С. 348–351; Крийска и др., 2019. С. 102–104; Косинцев и др., 2019. С. 172–174).

Результаты исследований палеодиеты населения развитого (классического) позднего бронзового века Башкирского Приуралья представлены материалами погребальных и поселенческих комплексов Казбуруновского археологического микрорайона, расположенного в бассейне реки Уршак, хронологически относящегося к периоду 1770–1630 Cal BC (калиброванные даты по 1 сигме).

Обнаруженный на памятниках археологического микрорайона богатый остеологический материал представил сочетание в рационе домашних и диких животных. Для получения дополнительного мясного продукта использовалась охотничье-промысловая фауна (кабан, заяц, медведь, косуля, лось, северный олень, кулан, бобр, лиса, волк). Преобладающим в потреблении населением позднего бронзового века был крупный рогатый скот, лошади, затем овцы, козы и свиньи. Крупный рогатый скот на момент убоя был, в большинстве своем, представлен взрослыми (старше 4-х лет) и почти взрослыми (до 3,5 лет) особями, годовалые особи занимали менее 10 % (Петренко, 2007. С. 35–36; Косинцев, 2017. С. 230).

Представленные результаты остеологических исследований поселенческих памятников свидетельствуют о том, что население Казбуруновского археологического микрорайона употребляло в пищу в основном белок животного происхождения. Полученные ранее выводы подтвердили изотопный и палеогенетические анализы. Эти виды исследований были проведены на антропологических материалах 9 погребенных в Казбуруновских I курганах, из которых 4 – биологического женского пола (возраст от 8–9 лет до 25–30 лет), 5 – биологического мужского пола (возраста от 30–35 лет до 50–60 лет). Индивиды мужского биологического пола имели видимые маркеры стресса в зоне эмали (коронки зубов), необходимо отметить отсутствие следов кариеса на зубах погребенных. Практически все зубы древнего населения были относительно здоровыми, если не принимать во внимание сильную стертость и хорошо фиксируемый зубной камень. Что также свидетельствует о том, что пища, которая содержала высокий процент сахаров, в рационе древних людей бронзового века, отсутствовала. Также полученные результаты изотопного анализа демонстрируют практически полное отсутствие в рационе рыбного белка, однако это не говорит о полном игнорировании рыбы в пищевой цепи. Скорее всего, ее употребление было крайне незначительным фактом в процентном соотношении с животным белком. Вместе с тем, не весь животный белок употреблялся в пищу. Проведенные палеогенетические анализы позволили выявить толерантность к лактозе, достоверно показали, что 6 из 9 погребенных были интолерантны к лактозе, то есть не могли переваривать молочный белок (Krzewińska et al., 2018. P.1–12) (табл. 1).

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного анализа (^{14}C) и результаты изотопных анализов (d13C и d15N) материалов Казбуруновского (Усмановского) археологического микрорайона Центральной Башкирии.

Место происхождения	Номер образца в лаборатории	образец	$\delta^{13}C$	$\delta^{15}N$	Протеин LCTb	Толерантность по белку MCM6/LCTa	Результат
Казбуруновский I курганный могильник 2009, курган № 4, погребение № 1 (AMS)	Beta-439417, Beta-347344	коллаген костной ткани	-19,7 ‰	11,0 ‰	7C	3G	Интолерантность к лактозе
Казбуруновский I курганный могильник 2009,курган № 4, погребение № 1	Beta-451579	коллаген костной ткани	-19,3 ‰	10,7 ‰	7C	3G	Интолерантность к лактозе
Казбуруновский I курганный могильник 2009, курган № 4, погребение № 2 (ребенок)	Beta-451578	коллаген костной ткани	-19,3 ‰	10,8 ‰	-	-	-
Казбуруновский I курганный могильник 2004, курган № 5, погребение № 1	Beta-451577	коллаген костной ткани	-19,6 ‰	10,7 ‰			
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 2 (ребенок)	Beta-439414	коллаген костной ткани	-19,4 ‰	11,2 ‰			
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 2 (ребенок)	Ua-56444	коллаген костной ткани	-19,3 ‰	12,6 ‰	-	-	-
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 3	Beta-439416	коллаген костной ткани	-19,0 ‰	10,7 ‰	1C	1G	Интолерантность к лактозе
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 3	Ua-56445	коллаген костной ткани	-19,2 ‰	12,2 ‰			
Казбуруновский I курганный могильник, 2014 курган № 23, погребение № 4 (левое).(AMS)	Beta – 395800		-19,7 ‰		-	1G	Интолерантность к лактозе
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 4 (левое)	Ua-56446	коллаген костной ткани	-19,4 ‰	12,1 ‰	-	1G	Интолерантность к лактозе
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 4 (правое)	Ua-56447	коллаген костной ткани	-19,3 ‰	12,6 ‰	3C	4G	Интолерантность к лактозе
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 5	Beta-439415	коллаген костной ткани	-19,7 ‰	10,6 ‰	2C	2G	Интолерантность к лактозе
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 5	Ua-56448	коллаген костной ткани	-19,4 ‰	11,9 ‰			
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган № 23, погребение № 6	Ua-56449	коллаген костной ткани	-19,7 ‰	12,5 ‰	2C	2G	Интолерантность к лактозе

Список литературы

Алексеев В.П. Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993. 191 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / ТИЭ. Новая серия. Т. IV. М., 1948. 392 с.

Косинцев П.А. Животноводство и охота у населения Аитовского поселения срубной культуры // Ю.А. Морозов. Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. Уфа, УНЦ РАН, 2017. С. 214–230.

Косинцев П.А., Киселева Д.В., Бачура О.П., Федорова Н.В., Червяковская М.В., Гусев А.В. Первые данные о содержании микроэлементов и изотопов 87SR/86SR в голоценовых остатках северного оленя (Mammalia, Artiodactyla, RangiferTarandus L., 1758) Северной Евразии // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2019. С. 172–174.

Крийска А., Нордквист К., Мацане А. «Арктический образ жизни» в умеренном поясе.охотники на морского зверя в Восточной Балтике в каменном веке // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2019. С. 102–104.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 3. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 144 с.

Святко С.В. Анализ стабильных изотопов: основы метода и обзор исследований в Сибири и Евразийской степи. Археология, этнография и антропология Евразии. 2016;44 (2):47–55.

Силаев В.И., Савельева Э.А., Белицкая А.Л., Туркина Т.Ю.,

Смолева И.В. Реконструкция условий проживания и палеодиеты средневекового населения европейского Северо-Востока России по данным изотопного анализа антропологических материалов // V Северный археологический конгресс. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2019. С. 348–351.

Шнеевайсс Й., Приват К. Исследование палеодиеты методом анализа стабильных изотопов азота в костном коллагене // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: АлтГУ. 2002. С. 188–192.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Орловская Л.Б., Леонова Т.А., Горшков К.А. Казбуруновский археологический микрорайон позднего бронзового века Южного Приуралья: результаты естественнонаучных исследований. Уфа, 2017. 164 с.

Энговатова А.В., Добровольская М.В., Зайцева Г.И., Антипина Е.Е., Клещенко Е.А., Медникова М.Б., Тарасова А.А., Яворская Л.В. Естественнонаучные методы в реконструкции системы питания и социальной стратификации населения средневекового европейского города // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, Институт археологии Российской академии наук, 8–11 декабря 2015. М., Языки славянской культуры, 2015. 160 с.: ил. С. 117–125.

Cole J. Assessing the calorific significance of episodes for human cannibalism in the Palaeolithic. Sci. Rep. 7, 44707; doi: 10.1038/srep44707 (2017).

Krzewińska M., Kılınc G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., NikitinA.G., ShcherbakovN., ShutelevaI., LeonovaT., KraevaL., SungatovF.A., SultanovaA.N., PotekhinaI., Łukasik S., Krenz-Niedbała M., Dalen L., Sinika V., Jakobsson M., Stora J., Gotherstrom A. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspiansteppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances (ISSN 2375–2548) is published by the American Association for the Advancement of Science. SciAdv4 (10), eaat4457. DOI: 10.1126/sciadv.aat4457. Scopus. 2018. P.1 – 12.

Поселение майкопской культуры в с. Кеслерово на Кубани

*© **2020 г. А.И. Юдин** (aleyudin@yandex.ru), **Д.Г. Баринов, Ю.А. Кочетков***

Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов, РФ

Аннотация. В 2018 г. исследовалось новое майкопское поселение Первомайское в с. Кеслерово Крымского района Краснодарского края. Получены материалы, характеризующие материальную культуру, хозяйство и погребальный обряд населения псекупского варианта майкопско-новосвободненской культурно-исторической общности (МНО).

Ключевые слова: поселение, керамика, погребальный обряд, хронология, псекупский вариант.

Майкопско-новосвободненская культурная общность по большей части характеризуется по погребальным памятникам. Поселенческие исследованы в меньшей мере. Это относится и к псекупскому варианту МНО. В последние годы стало известно несколько новых поселений в Закубанье, материалы которых пока слабо введены в научный оборот (Бочковой и др., 2013. С. 6–18; Кореневский, Юдин, 2019. С. 60–69; Трубников, 2019. С. 132–133; Юдин, Кочетков, 2019. С. 83–87). Одно из таких поселений – Первомайское – исследовалось в 2018 г.

Поселение расположено на надпойменной террасе правого берега р. Псиф (левый приток Кубани), в с. Кеслерово Крымского р-на Краснодарского края. Его площадь ок. 3,4 га и большая часть памятника занята жилой застройкой и двухпутной железной дорогой.

Общая площадь археологических исследований на поселении Первомайское составила почти 3000 кв. м. Культурный слой, перекрытый пашней, представляет собой коричневый суглинок мощностью от 0,4 до 0,6 м. Слой содержит, в основном, находки эпохи ранней бронзы, но встречаются и более поздние РЖВ и средневековья. К эпохе бронзы относятся 49 круглых в плане ям; очаг в виде округлой, обожженной площадки с обвалившимся сводом, покрытым тонким слоем глиняной обмазки; 5 площадок из кусков обожженной глины и обмазки (турлука) и несколько развалов сосудов, Очаг и все ямы тяготеют к турлучным площадкам.

Ямы, судя по их различию в размерах и составу заполнения, имели и различное предназначение. Размеры из колеблются от 0,5 м до 3,2×2,6 м или 2,9×2,8 м в диаметре и глубиной от 0,2 до 0,8 м. Большая часть ям имеет диаметр в пределах 1,5–2,0 м. Заполнение могло включать золу и комки прокала; то же и фрагменты керамики; керамику и кости животных до нескольких сот экземпляров; вообще не содержать находок или единичные предметы. Закономерности состава заполнения от размеров ям нет: две расположенные рядом ямы одинаковые по размеру в одном случае содержат многочисленные остатки керамической посуды, в другом – заполнение ямы состоит только из суглинка. Площадки представляют из себя скопления комков обожженной глины и кусков турлука на площади до 3,5×2,0 м и толщиной в некоторых местах до 0,25 м.

В результате раскопок получено около 15 тысяч находок массового материала. Три четверти из них относятся к керамике различной степени сохранности, остальные – кости животных и обломки. Распределение массового материала по пластам не равномерно. Наибольшая концентрация находок наблюдается в верхней части культурного слоя. Планиграфически они концентрировались в районах площадок со скоплениями глиняной обмазки и над ямами. В последнем случае, вероятно, мы имеем дело с верхним уровнем заполнения ям, которые впускалась уже из какой-то толщи культурного слоя, накопившегося к моменту сооружения ямы. Керамика обычна для майкопских поселений и она условно разделяется на 2 класса (по С.Н. Кореневскому). Керамика 1 класса хорошего обжига и без примесей. Это фрагменты красноглиняных, сероглиняных и серо-коричневых сосудов и мисок. Она изготавливалась при помощи поворотных устройств, что придавало ей симметричность (рис. 1, *1–5*). Один из сосудов 1 класса полностью восстанавливается. Пифос крупного размера (высота 65 см, максимальный диаметр тулова 43 см, диаметр вен-

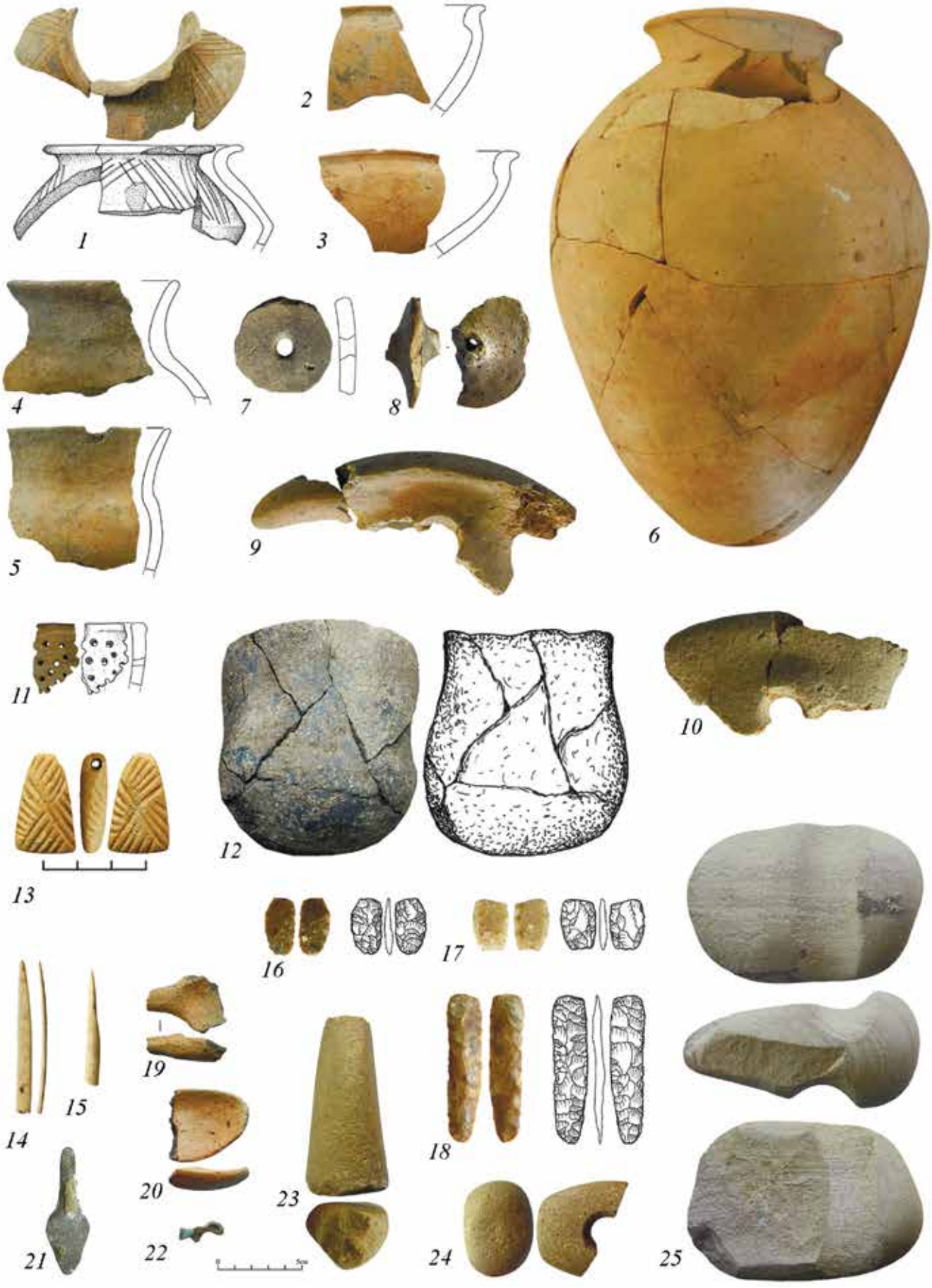


Рис. 1. Поселение Первомайское в с.Кеслерово Краснодарского края. Находки. 1–12, 19, 20 – керамика; 13–15 – рог, кость; 16–18 – кремень; 21, 22 – бронза; 23–25 – камень.

чика 24 см) имеет шаровидное тулово и яйцевидное дно (рис. 1, *6*). По классификации С.Н. Кореневского относится к группе П, отдел 1–1 (Кореневский, 2004. С. 25. Рис. 43, 1).

Ко 2 классу относится лепная керамика более грубого качества с многочисленными примесями (песок, шамот, известняк, реже – кварцит, мергель, органические добавки) в тесте глины. Это фрагменты лепных горшков, корчагообразных сосудов, мисок, жаровен (рис. 1, *11, 12*).

Кроме посуды керамика представлена и другими категориями находок. В первую очередь это керамические диски, интерпретируемые в большинстве случаев как пряслица. Всего обнаружено 16 изделий целых и во фрагментах и 26 заготовок. Все они имеют диаметры от 4,4 см до 5,9 см и сделаны из стенок керамических сосудов со сквозным круглым отверстием по центру сечения (рис. 1, *7*). На одном из дисков есть выступающая с двух сторон втулка для укрепления отверстия (рис. 1, *8*).

Найдено несколько десятков фрагментов керамических конусов псекупского типа с отверстием и полым корпусом (рис. 1, *9, 10*), два фрагмента т.н. «цедилок» (рис. 1, *11*).

Среди немногих (7 экз.) костяных предметов встречены две проколки из реберных костей МРС; одна их них имеет следы двустороннего сверления отверстия (рис. 1, *14, 15*). Найдена роговая орнаментированная подвеска трапециевидной формы и овальная в сечении. На подвеске с двух сторон нанесен одинаковый орнамент в виде четырех сомкнутых треугольников с паркетной штриховкой (рис. 1, *13*).

Встречены кремневые вкладыши с регулярной ретушью. Один изготовлен на пластине длиной 8,8 см и покрыт сплошной двусторонней ретушью, еще два – на сечениях пластин и также полностью ретушированы (рис. 1, *16–18*).

Орудия из других пород камня представлены обломком обушковой части топора (рис. 1, *24*), практически целым топором-молотом из гальки с двумя вертикальными полуовальными желобками для крепления (рис. 1, *25*), обломком изделия со сквозной сверлиной, тремя пестами (рис. 1, *23*), а также терочниками и зернотеркой из крупнозернистого песчаника.

Находок из металла всего две. Это сплеск бронзы (рис. 1, *22*) и бронзовый кинжал группы КЧ4 по классификации С.Н. Кореневского. Длина кинжала 7,3 см, максимальная ширина 2,5 см (рис. 1, *21*). Наиболее близкие аналогии находятся в майкопских погребальных комплексах Погуляево 1/3 и Кишпек 5/2 (Кореневский, 2011. С. 52–53; 210. Рис. 25: 5, 6). Они не характерны для МНО, но получают широкое распространение в более позднее время. О существовании бронзолитейного производства на поселении, кроме сплеска, свидетельствуют фрагменты керамических ложечек-льячек (рис. 1, *19, 20*).

В слое обнаружено 4092 фрагмента костей животных. Их определение и анализ проведен Е.В. Добровольской. Костные фрагменты животных распределились следующим образом: КРС – 1242 (30,4 %), МРС – 548 (13,4 %), свинья – 204 (5,0 %), лошадь – 14 (0,3 %), собака – 17 (0,4 %), птица – 7 (0,2 %), другие (олень, заяц, черепаха, рыбы) – 62 (1,5 %), неопределимые – 1998 (48,8 %). На основе проведенного анализа можно сделать вывод: экономической основой жизни людей был крупный рогатый скот; МРС и свинья играли вспомогательную роль. Относительно большое количество костей свиньи говорит о том, что обитатели поселения вели оседлый образ жизни, связанный с земледелием и животноводством.

На поселении также обнаружены три погребения, относящихся к эпохе бронзы. Двое погребенных, обнаруженных в нижнем уровне культурного слоя, были уложены в скрюченном положении на правом боку. Третий скелет находился в округлой яме, которая располагалась над устьем хозяйственной ямы. Человек был захоронен на спине, с согнутыми в коленях ногами, вытянутой вдоль туловища правой рукой и согнутой в локте левой. Все погребения безынвентарные.

Материальный комплекс поселения (керамика, изделия из камня и кости), характер встреченных объектов в культурном слое, видовой состав костных остатков животных и погребальный обряд, несомненно, указывают на его принадлежность к псекупскому варианту майкопско-новосвободненской общности эпохи ранней бронзы. Возраст майкопского слоя может быть определен по дате, полученной по кости человека из погр. 1 – 4150±70 л.н. (Ki–19677), 2979–2892 гг. до н. э., что соответствует финалу МНО.

Аналогичные материалы получены в 2018 году на поселении Чекон, расположенном в сходных природных условиях, также на левобережье Кубани, в 26 км к западу от поселения Первомайское (Юдин, Кочетков, 2019) и поселении Тузла-15 на Тамани (Кореневский, 2020).

Список литературы

Бочковой В.В., Ламберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. Вып. 1. С. 5–18.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.

Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: ТАУС, 2011. 336 с.

Кореневский С.Н. Поселение раннего бронзового века Тузда-15 на Тамани. М.: ИА РАН, 2020. 200 с.

Кореневский С.Н., Юдин А.И. Поселения майкопско-новосвободненской общности Тузла-15 и Чекон: особенности культурного слоя и стратиграфия (предварительное сообщение) // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 60–69.

Трубников В.В. Новое поселение майкопской культуры Неберджай-1 в Крымском районе Краснодарского края // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Матер. междунар. конф. СПб., 2019. Том II. 2019. С. 132–133.

Юдин А.И., Кочетков Ю.Е. Майкопское поселение Чекон на Кубани и проблемы культурных взаимодействий // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 83–87.

Список сокращений

АВ	– Археологические вести
АДСВ	– Античная древность и средние века
АЕС	– Археология Евразийских степей
АК	– археологическая культура
АКАХ	– акозинско-ахмыловская археологическая культура
АКИО	– ананьинская культурно-историческая область
АКР	– Археологическая карта России
АлтГУ	– Алтайский государственный университет
АН КазССР	– Академия Наук Казахской ССР
АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	– автономный округ
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии
АЭС	– Археология Евразийских степей
б.и.	– без издательства
Б.Э.	– боспорская эра
БГПУ	– Благовещенский государственный педагогический университет
БГУ	– Башкирский государственный университет
БГУ	– Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
БЮИ МВД	– Издательство Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии, этнографии
ВАП	– Вопросы археологии Поволжья
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВАЭ	– Вологодская археологическая экспедиция
ВВ	– Византийский временник
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВДАС	– Верхнедонской археологический сборник
ВДИ	– Вестник древней истории
Вестник НГУ	– Вестник Новосибирского государственного университета
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет
ВУАК	– Вятская учёная архивная комиссия
ВХУ	– Вісник Харківського університету
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
ГБУ АНИЦ АН РС(Я)	– Государственное бюджетное учреждение «Арктический научно-исследовательский центр Академии наук Республики Саха (Якутия)»
ГБУК «ВОКМ»	– Государственное бюджетное учреждение культуры «Волгоградский областной краеведческий музей»
ГЗ	– Государственное задание
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГКМФ	– Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации
ГКУ	– государственное казенное учреждение
ГМЗРК	– Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГСП	– Городская служебная почта
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДБ	– Древности Боспора
ДВГУ	– Дальневосточный государственный университет
ДВФУ	– Дальневосточный федеральный университет
ЖК	– жертвенный комплекс
ЗИИМК	– Записки Института истории материальной культуры РАН
ИА АН РТ	– Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА КН МОН РК	– Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИАЭ НАНА	– Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИГ АН СССР	– Институт географии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ИГ РАН	– Институт географии Российской академии наук
ИГЕМ	– Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии
ИГИ АН РС(Я)	– Институт гуманитарных исследований академии наук Республики Саха (Якутия)
ИГРАН	– Институт географии РАН
ИИ АН РТ	– Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИ НАН Беларуси	– Институт истории Национальной академии наук Беларуси
ИИ НАН РБ	– Институт истории Национальная академия наук Республики Беларусь
ИИА УрО РАН	– Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук
ИИАЭ ДВО РАН	– Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМКЭС	– Институт мониторинга климатических и экологических систем
ИМОИВ КФУ	– Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИПС	– исходное пластичное сырье
ИПЭЭ РАН	– Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова Российской академии наук
ИСНЦ РАН	– Известия Самарского научного центра Российской академии наук
ИЭАРАН	– Институт этнографии и антропологии РАН
ИЯЛИ КФАН СССР	– Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
ИЯЛИ КарНЦ РАН	– Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
ИЯФ СО РАН	– Институт ядерной физики Сибирского отделения Российской академии наук
КБР	– Костенковско-Борщевский палеолитический район
КГПИ	– Куйбышевский государственный педагогический институт
КГУ	– Куйбышевский государственный университет
КГУКИ	– Краснодарский государственный университет культуры и искусств
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КИО	– культурно-историческая область
КИО	– культурно-историческая общность
КМ	– курганный могильник
КМЗ	– Костромской музей заповедник
КНО	– Костромское научное общество
КРС	– крупный рогатый скот
КС	– культуросодержащий слой
КСГ	– культуросодержащий горизонт
КСИА РАН	– Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук
КСИА АН СССР	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	– Краткие сообщения института этнографии
КТ	– компьютерная томография
ЛГПУ	– Липецкий государственный педагогический университет
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова
ЛК	– луговская культура
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАВГР	– Материалы по археологии восточных губерний России
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАК	– Материалы по археологии Кавказа
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МарГУ	– Марийский государственный университет
МАЭ	– Марийская археологическая экспедиция
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГК	– Малый Гоньбинский Кордон
МГУ	– Московский государственный университет им М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ММР	– микромагниторазведка
МРС	– мелкий рогатый скот
НА КГОМА	– Научный архив Курского государственного областного музея археологии
НАН РБ	– Национальная академия наук Республики Беларусь
НАН РК	– Национальная академия наук Республики Казахстан
НВП	– начальный верхний палеолит

НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – научно-исследовательский институт
НиНЗ ИА – Новгород и Новгородская земля. История и Археология
НИОХ СО РАН – Новосибирский институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова Сибирского отделения Российской академии наук
НИР – научно-исследовательская работа
НК – нефтяная компания
НФ ИА АН РТ – Научный фонд Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
НФ МА РТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан
ОАК – Отчет Археологической Комиссии
ОАН – объект археологического наследия
ОАО – открытое акционерное общество
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ООО «НПО АПИ» – общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственное объединение Археологическое проектирование и изыскание»
ОСЛ – оптически-стимулированная люминесценция
ПА – Поволжская археология
ПАО – публичное акционерное общество
ПАЭ – Приленская археологическая экспедиция
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПГСГА – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры
ПК – поздняковская культура
ПМК – постмаклашеевская археологическая культура
ПУАК – Пермская губернская ученая архивная комиссия
РА – Российская археология
РАЕ – Российский археологический ежегодник
РАН – Российская академия наук
РВП – ранняя пора верхнего палеолита
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГО – Русское географическое общество
РЖВ – ранний железный век
РИО – редакционно-издательский отдел
РИЦ Гос. Истор. музея – Редакционно-издательский центр Государственного исторического музея
РК – Республика Казахстан
РК – Республика Коми
РНФ – Российский научный фонд
РСМ – Раннеславянский мир
РСМА – рентгеноспектральный микроанализ
РТ – Республика Татарстан
РФ – Российская Федерация
РФА – рентгенофлюоресцентный анализ
РФлА – рентгенофлюоресцентный анализ
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СВП – средняя пора верхнего палеолита
СГПИ – Самарский государственный педагогический институт
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СНВ – Самарский научный вестник
СНУ – Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СОМ – Смоленский областной музей
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СУАР – Синьцзяно-Уйгурский автономный район

СЭ	– Советская этнография
СЭЭИДГ	– Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства
ТАК	– Тимерёвский археологический комплекс
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТГИН	– Труды Геологического института АН СССР
ТГУ	– Тамбовский государственный университет
ТГУ	– Томский государственный университет
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
Тр. КарНЦ РАН	– Труды Карельского научного центра Российской академии наук
Тр. ТКАЭЭ	– Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
Труды КАЭЭ	– Труды Камской археологической экспедиции Пермского государственного педагогического университета
УАВ	– Уфимский археологический вестник
УдГУ	– Удмуртский государственный университет
УЗ ПГУ	– Ученые записки Пермского государственного университета
УзТНИИЯЛИ	– Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
УИИЯЛ УрО РАН	– Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УНАЭЦ МарГУ	– Учебно-научный археолого-этнографический центр Марийского государственного университета
УНУ	– уникальная научная установка
УПАСК	– Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
УрФУ	– Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
ФГБУК	– Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
ФГБУН ИИЯЛ УфНЦ РАН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
ФИА	– Филиал Института археологии
ФИЦ ПНЦБИ РАН	– Федеральный исследовательский центр «Пущинский научный центр биологических исследований Российской академии наук»
ФИЦ УУХ СО РАН	– Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук
ХСб	– Херсонесский сборник
ЦКП ИФХиБПП РАН	– Центра коллективного пользования Института физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской академии наук
ЦОАИ	– Центр охранных археологических исследований
ЦООАИ	– Центр по организации и обеспечению археологических исследований
ЧелГУ	– Челябинский государственный университет
ЭТ	– электротомография
ЯАССР	– Якутская автономная советская социалистическая республика
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ
AA	– Artibus Asiae, Leipzig
AÉ	– Archaeologiai Értesítő, Budapest
AMS	– Ускорительная масс-спектрометрия
FM	– Finskt Museum
FU	– Finno-Ugrica
HPIA	– Helsinki Papers in Archaeology
JAS	– Journal of Archaeological Science
JHE	– Journal of Human Evolution
JPA	– Journal of Paleolithic Archaeology
KMG	– Keilmesser-Gruppen
LGM	– Last Glacial Maximum
MAGW	– Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft, Wien
MIS	– marine isotope stage
OIS	– Oxygen isotope stages
OSL	– Optically-Stimulated Luminescence
SMYA	– Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
UCIAMS	– University of California, Irvine's American Mathematical Society
VMMÉ	– Veszprém Megyei Múzeumok Évkönyve, Veszprém

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ

Начальный верхний палеолит Восточного Казахстана (по материалам стоянки Ушбулак)
А.А. Анойкин, Г.Д. Павленок, В.М. Харевич, Ж.К. Таймагамбетов 5

Жилые объекты верхнепалеолитических стоянок Быки
Н.Б. Ахметгалеева 7

Технологии микропластинчатого терминально-краевого расщепления в комплексах сартана (МИС 2) Байкало-Енисейской Сибири
Н.Е. Бердникова, Д.П. Золотарев 9

О жилищах русско-луговской культуры эпохи мезолита
Н.С. Березина 10

Древнейший «верхний» палеолит Русской равнины: возраст и длительность существования стрелецкой культуры в Костёнках
А.А. Бессуднов, Р. Диннис, А.А. Синицын, Н. Рейнольдс, А.Е. Дудин, А.А. Артюшенко, А.Р. Лада 13

Ресурсная база населения стоянки Казачка I в раннем голоцене
Е.Н. Бочарова 15

Возможности применения 3D-сканирования при изучении бифасов из Чагырской пещеры
Е.Н. Бочарова, П.В. Чистяков 17

Расселение позднепалеолитического человека в Южно-Минусинской котловине и ее горном окружении
С.А. Васильев 19

Мезолит р. Ижма: археологические культуры и культурные традиции
А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина 20

Каменная индустрия стоянки Гора Маяк в Самарском Заволжье и ее место в финальном палеолите Востока Русской равнины
М.Ш. Галимова, Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина 22

Эпипалеолит Кавказа: формирование региональных и хронологических особенностей в сравнении с соседними регионами
Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев 24

Основные этапы изучения среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и нижнего течения реки Северский Донец
А.Ю. Данильченко 26

Поздний мезолит Верхнего Прикамья – к вопросу о неолитизации региона (на примере Косинских стоянок)
Д.А. Демаков 28

Раннепалеолитические каменные индустрии Юго-Восточной Азии
А.П. Деревянко. С.А. Гладышев, А.В. Кандыба 30

Новые данные о заселении Приэльбрусья в среднем палеолите
Е.В. Дороничева 32

Изучение сырьевых стратегий в среднем палеолите Северного Кавказа: методика и результаты
Е.В. Дороничева, А.С. Корзинова, В.А. Цельмович 34

Палеолитические памятники Северного Приангарья (хронология, периодизация, культурная принадлежность)
Н.И. Дроздов, Д.Н. Дроздов, В.И. Макулов. С.А. Лаухин 36

Заселение долины Нижней Оби в позднем плейстоцене: геохронологические и археологические материалы
И.Д. Зольников, А.В. Выборнов, А.А. Анойкин, А.В. Постнов 37

Кызылсырская археологическая культура среднего палеолита Якутии: история открытия и современный этап изучения
Н.С. Кирьянов 39

Каменные индустрии Алтая на рубеже среднего и верхнего палеолита: новые данные по материалам Денисовой пещеры
М.Б. Козликин 41

Стоянка Сухая Мечётка в Поволжье: технология расщепления камня
А.В. Колесник, А.К. Очередной, К.Н. Степанова, А.В. Данильченко 42

Археологические свидетельства второй миграции неандертальцев на Алтай
К.А. Колобова, В.П. Чабай, Р. Робертс, З. Якобс, М.Т. Крайцарж, Т. Утмаер, Н. Рудая, М. Морли, Б. Виола, С.В. Маркин, А.И. Кривошапкин, А.П. Деревянко 44

Стоянка-мастерская каменного века Сухотино 12 (Восточное Забайкалье): первые результаты абсолютного датирования
А.В. Константинов, Р.Н. Курбанов, Н.О. Викулова, Е.А. Филатов, Н.А. Марков 46

Ранний палеолит Восточной Европы и Кавказа: современное состояние исследований
С.А. Кулаков 48

Шлифованные линзовидные диски из камня в верхнем палеолите: типология, технология, трасология и результаты экспериментов
С.Н. Лисицын, М.Н. Желтова. С.Н. Кузьмин 50

Рекогносцировочные археологические работы на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2017–2019 гг.
Г.И. Марковский, А.А. Анойкин, Г.Д. Павленок, В.М. Харевич, В.А. Ульянов, Ж.К. Таймагамбетов 52

Планиграфические структуры верхнепалеолитических комплексов Северной Монголии: проблемы сохранности и интерпретации
Д.В. Марченко 54

Палеолитические слои поселения Усть-Мензa-2 (Забайкалье)
С.В. Маслодудо 55

Технико-типологические особенности каменных индустрий Забайкалья: сырьевой аспект
П.В. Мороз 57

Техника расщепления на эпипалеолитической стоянке в Губском навесе № 7 (Сатанай), Северо-Западный Кавказ
А.Г. Недомолкин 59

Характеристика культурных слоев и каменной индустрии верхнепалеолитической стоянки Рахат (Юго-Восточный Казахстан)
Д.В. Ожерельев, Т.Б. Мамиров 61

Средний палеолит Верхней Десны в контексте материалов Центральной и Восточной Европы
А.К. Очередной, Л.Б. Вишняцкий, Н.Е. Зарецкая, А.В. Ларионова, П.Е. Нехорошев, К.Н. Степанова, M. Hein, M. Weiss, T. Lauer, J.F. Hoffecker, M. Frouin 62

Динамика каменных индустрий финала позднего палеолита в Восточном Казахстане (по материалам стоянки Ушбулак)
Г.Д. Павленок, А.А. Анойкин, Е.Н. Бочарова, В.А. Ульянов. С.А. Гладышев, Г.И. Марковский, В.М. Харевич, Ж.К. Таймагамбетов 65

Средний палеолит запада Центральной Азии: новые данные о распространении леваллуазской технологии
К.К. Павленок, Г.Д. Павленок, Р.Н. Курбанов 67

Периодизация каменного века полуострова Камчатка
И.Ю. Понкратова 69

Памятники Афонтовой горы – стоянка Крутая: планиграфия в контексте палеолитического слоя
И.И. Разгильдеева, Е.В. Артемьев 71

Функциональное назначение палеолитических стоянок Дивногорья
А.М. Родионов 73

Основные типы макроорудий ашельских комплексов Юго-Восточного Дагестана
А.Г. Рыбалко 74

Использование территории стоянки и особенности каменных ассамбляжей в начальном верхнем палеолите Монголии: археологический горизонт 3В Толбора-21
Е.П. Рыбин 76

Предварительные результаты функционального анализа ударно-абразивных каменных орудий активного использования в комплексах Чагырской пещеры (Горный Алтай)
М.В. Селецкий, А.Ю. Федорченко, А.И. Кривошапкин 78

Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Кабардино-Балкария): результаты функционального анализа каменной индустрии
М.В. Селецкий, А.Ю. Федорченко, В.Н. Зенин 80

Археологические культуры верхнего палеолита Восточной Европы в контексте проблемы палеодемографических и культурно-исторических реконструкций
А.А. Синицын 82

Каменные индустрии финального палеолита на территории отступившего ледникового щита на северо-западе Русской равнины
Г.В. Синицына 83

Охотничье вооружение населения рессетинской культуры
А.Н. Сорокин 85

Украшения начальной поры верхнего палеолита Костёнок: выбор сырья и технические приемы его обработки
К.Н. Степанова, А.А. Малютина, Е.Ю. Гиря, А.А. Бессуднов 88

Исследования стоянки 2Г культурного горизонта Коврижки IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье)
А.В. Тетенькин. С.Г. Аржанников, А.В. Аржанникова, Е.И. Демонтерова, Г.Н. Поплевко, И.И. Разгильдеева, Н.В. Сальная, А. Анри (Henry) 91

Трасологический анализ украшений из раковин речных моллюсков из верхнепалеолитического культурного слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе
О.И. Успенская 93

Предварительные результаты археологических исследований на палеолитическом объекте Ясное-1 в Красноярске (Средняя Сибирь)
Е.А. Филатов, Д.Н. Лысенко, А.М. Клементьев, Н.С. Степанов 95

Экспериментальное моделирование технологии первичного расщепления в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры
В.М. Харевич, А.В. Шалагина. С.В. Маркин, К.А. Колобова 96

Адаптация технологии расщепления камня к использованию различных типов сырья в верхнем палеолите Монголии
А.М. Хаценович 98

Опыт реконструкции плана и особенности структуры верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи 1
Г.А. Хлопачев 100

Жилища или оссуарии: заметки на полях дискуссии о назначении костно-земляных сооружений палеолита
А.А. Чубур 102

Некоторые аспекты производства бифасиальных орудий в сибирячихинском варианте среднего палеолита Алтая
А.В. Шалагина, В.М. Харевич. С.В. Маркин, А.И. Кривошапкин 104

Стоянка финала палеолита Черноозерье II (Омская область, Саргатский район). Возобновление исследований и первые результаты
И.В. Шмидт, Т.А. Горбунова, Х. Штойбле 105

Черноозерский орнаментальный мотив – параллели и культурологический потенциал
И.В. Шмидт 107

Раннее заселение высокогорий Центральной Азии
С.В. Шнайдер , Р.Н. Курбанов, Н.Н. Сайфулоев 109

Биоархеологические исследования в изучении вопросов ранней доместикации животных по материалам памятника Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан)
С.В. Шнайдер, В. Тейлор. С. Алишер кызы, К. Вариннер, В. Рендю, А. Абдыканова, А.И. Кривошапкин 110

Развитие среднепалеолитических традиций на Алтае
М.В. Шуньков 112

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ И ЭНЕОЛИТЕ

Характеристика каменного инвентаря грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова)
С. Алишер кызы. С.В. Шнайдер 114

Керамика средневолжской культуры
К.М. Андреев, А.В. Сомов 116

Комплексный анализ керамики эпох неолита-энеолита Среднего Прикамья
О.В. Андреева, Н.С. Батуева 118

Итоги исследования стоянок Алгай и Орошаемое в Нижнем Поволжье (2017–2019 год)
А.В. Барацков, А.А. Выборнов, Ф.Ф. Гилязов, Н.С. Дога, П.А. Косинцев, М.А. Кулькова, А.С. Попов, Н.В. Рослякова, А.И. Юдин 120

Проблемы корреляции неолитических могильников и стоянок Байкало-Енисейской Сибири
И.М. Бердников 122

Курганы в погребальной практике позднеолитического населения юга Западной Сибири
В.В. Бобров, А.Г. Марочкин, А.Ю. Юракова 124

Функциональные характеристики каменной индустрии гиссарской неолитической культуры в свете трасологических исследований (Южный Таджикистан)
Т.М. Бостанова, Д.М. Шульга 125

Факторный анализ в проблеме происхождения индоевропейцев
А.В. Букалов 127

Культурные традиции в гончарстве населения Поволжья в эпоху неолита
И.Н. Васильева 128

Поселения позднего неолита на территории Карелии
Т.А. Васильева 131

Некоторые итоги петрографического исследования фрагментов ранненеолитической керамики сперрингс с поселений на территории Карелии
К.Э. Герман 132

Каменный инвентарь раннего этапа орловской культуры
Ф.Ф. Гилязов 134

Каменные украшения энеолитических погребений Мурзихинского II могильника
Е.Н. Голубева, А.А. Чижевский 136

Керамика поселения Усть-Тара LXXIII – памятника артынской поздненеолитической культуры Среднего Прииртышья
Т.А. Горбунова, И.В. Толпеко 137

Погребальные комплексы эпохи неолита Северного Приангарья
С.П. Дударёк, Д.Н. Лохов 139

Хронология грунтового могильника Кулунигый 64 (бассейн р. Большой Юган)
А.А. Дудко, Ю.А. Васильева 141

Имитация конструктивных элементов берестяных емкостей на неолитической глиняной посуде лесного Тоболо-Ишимья
В.А. Зах 142

Оборонительно-жилой комплекс Каюково 2: новые данные о поселениях эпохи раннего неолита (рубежа VII–VI тыс. до н. э.) на территории Севера Западной Сибири
О.В. Кардаш, З.Г. Гайдакова 145

Специализированные мастерские в энеолите северо-запада России как социально-культурный феномен
В.Н. Карманов, Р.И. Муравьёв, Е.С. Ткач 147

Ранненеолитическая керамика северного побережья Кольского полуострова
А.М. Киселева 149

Поздний неолит Южного Приморья (по материалам поселения Водопадное-7)
Н.А. Клюев 151

Керамические материалы эпохи неолита и энеолита поселения Пункт 380 на Верхнем Дону
А.В. Кокоткина 152

Человеческие отношения в петроглифах Фенноскандии
Е.М. Колпаков 155

К вопросу о погребальных традициях древнейших курганов юга Восточной Европы и Предкавказья
С.Н. Кореневский 157

Могильник Екатериновский мыс как источник изучения энеолита Восточной Европы
А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков 159

Энеолитические погребения грунтового могильника Максимовка I
А.И. Королев, А.А. Шалапинин 162

Проблема выделения ритуальных «кладов» на стоянке Сахтыш I
Е.Л. Костылёва 164

Особенности ранненеолитических могильников в устьях рек Белая и Китой (Южное Приангарье)
К.А. Крутикова, И.М. Бердников, Н.Е. Бердникова 166

Позднемезолитический и ранненеолитический кремневый инвентарь Марийского Поволжья
А.С. Кудашов 168

Гибридизация керамических традиций носителей ямочно-гребенчатой неолитической керамики на территории бассейна Верхнего Дона
А.А. Куличков, Р.В. Смольянинов 170

Комплексные исследования поселений эпох неолита – энеолита на западном побережье Белого моря
Н.В. Лобанова 172

Характеристика каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья
Е.Л. Лычагина 175

Материалы энеолитических культур степной и лесостепной зон 5–4 тыс. до н. э. в Днепро-Двинском междуречье (по материалам поселения Сертея II)
А.Н. Мазуркевич, Й. Мэгро, П. Китель, Е.В. Долбунова, Э. Готье, В. Бернар 177

Экспериментально-трасологический анализ изделий из клыков кабана с торфяниковых памятников Северо-Запада России и Северо-Востока Беларуси (4–2 тыс. до н. э.)
А.А. Малютина, М.М. Чернявский 178

Археологические исследования стоянки Деркул 1 в 2018 году
Т.Б. Мамиров, Д.А. Гаврилов 181

Некоторые ключевые вопросы дальневосточного неолита (Приамурье, Приморье)
В.Е. Медведев 182

Новые открытия памятников неолита и энеолита на территории Заонежья (Карелия)
И.В. Мельников 184

Рыболовство в системе жизнеобеспечения населения эпохи раннего голоцена (юг Западной Сибири)
В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Л.С. Кобелева, Д.А. Ненахов, Ю.Н. Ненахова, И.А. Дураков 185

Ритуальные комплексы эпохи раннего неолита в Обь-Иртышской лесостепи
В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Л.С. Кобелева. С. Райнхольд. С. Хансен 187

К вопросу выделения памятников татарско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье
В.В. Морозов, А.А. Выборнов, А.В. Лыганов, А.Л. Смирнов 189

Социокультурные пространства в неолите Урала
В.С. Мосин 192

Мастерская по обработке сланца Берёзово 2 на Карельском перешейке
Р.И. Муравьёв, Е.С. Ткач, Д.В. Герасимов 194

Промысловый инвентарь и фаунистические остатки в памятниках неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии как свидетельство морской адаптации
А.И. Мурашкин, А.М. Киселев 196

Комплексы с пористой керамикой периода энеолита на территории Верхней Сухоны
Н.Г. Недомолкина 198

Проблемы культурно-хронологической периодизации неолитических погребений Приольхонья (озеро Байкал)
А.Г. Новиков, О.И. Горюнова 200

Этнографические данные и экспериментальное моделирование в процессе изучения технологии изготовления древней керамики
Г.Н. Поплевко 201

Верхнеенисейская неолитическая культура в Туве
Вл.А. Семёнов 204

Среднестоговская культура в Донской лесостепи. Данные стратиграфии и абсолютной хронологии
А.М. Скоробогатов 205

Каменный инвентарь боборыкинского комплекса неолитического поселения Мергень 8
С.Н. Скочина 207

Переход от эпохи неолита к эпохе энеолита на Верхнем Дону
Р.В. Смольянинов 209

Погребения с охрой в неолите Якутии
Е.Н. Соловьёва 210

Энеолитические стоянки-мастерские Онежского озера
А.Ю. Тарасов 213

Керамика усть-бельского типа Байкало-Енисейской Сибири: технологический аспект
И.В. Уланов, Н.Б. Соколова, И.М. Бердников 214

Комплекс керамики памятника Березово 2 (к вопросу о типичной гребенчато-ямочной керамике с асбестом)
М.А. Холкина, А.М. Жульников, Р.И. Муравьёв, Д.В. Герасимов 216

К вопросу о роли заготовки в оценке облика индустрий мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья
Н.А. Цветкова 218

Социальное содержание понятия «археологическая культура»
Ю.Б. Цетлин 220

Проблемы изучения археологических комплексов эпохи неолита-палеометалла на территории Северного Приангарья. Новые данные по материалам Усть-Кутарейского участка
А.Н. Чеха 222

Неолитическая одежда в ретроспективе погребальных комплексов юга Западной Сибири
А.В. Шмидт 224

Зехновские стоянки позднего мезолита-раннего неолита валдайской археологической культуры
В.Я. Шумкин, Г.В. Синицына, Е.Ю. Медникова, Т.Б. Крылова 226

Керамические традиции позднеолитического населения Барабинской лесостепи
А.Ю. Юракова 228

Каменный инвентарь поселения Васильевский Кордон 1 на Верхнем Дону
Е.С. Юркина 230

Козловско-полуденские комплексы Зауралья: проблемы атрибуции
Е.С. Яковлева 233

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

К проблеме культурной идентификации позднебронзовых комплексов лесостепного Притоболья (на примере городища Заводоуковское 11)
О.М. Аношко, О.Ю. Зимина 236

Возрастная дифференциация детей катакомбной культурно-исторической общности (по материалам курганных групп Восточного Маныча)
М.А. Балабанова 237

Женские погребения эпохи бронзы Южного Зауралья: отражение гендерной идентичности в погребальных памятниках
Н.А. Берсенева 239

Уникальный погребальный комплекс эпохи бронзы в социокультурном пространстве Сибири
В.В. Бобров 241

Археометаллургические эксперименты по реконструкции технологий литья и кузнечной ковки медных орудий начала бронзового века
С.В. Богданов. С.В. Авраменко, М.Н. Анкушев, Д.А. Артемьев, И.А. Блинов, Д.В. Вальков, Д.В. Киселева, В.В. Носкевич, М.В. Стрелецкая, В.В. Ткачев, Н.В. Федорова, А.М. Юминов 243

Объекты горного промысла – важная характеристика эпохи поздней бронзы Северной Евразии. Опыт картирования древних рудников для выставки «Путешествие в бронзовый век».
М.В. Борисов 245

Костяная индустрия населения степного и лесостепного Алтая в эпоху бронзы
И.А. Вальков 248

Древнекитайские псалии и удила эпохи поздней бронзы
А.В. Варенов 249

Керамика из погребений как исторический источник по истории древнего населения
Е.В. Волкова 252

Полифункциональная хозяйственно-производственная зона катакомбного поселения Ксизово-1 на Верхнем Дону
Е.И. Гак, М.В. Ивашов, Э. Кайзер 254

Металл археологического комплекса Шушук на Северо-Западном Кавказе
Е.И. Гак, Ю.В. Попов, В.Р. Эрлих 255

Новые данные о металлургии и металлопроизводстве ямной культуры (по итогам трасологического анализа каменных орудий Турганикского поселения в Оренбургской области)
И.В. Горащук, Н.Л. Моргунова 257

Остеологическая коллекция со стоянки металлургов бронзового века Мамыково 1: археозоологические и трасологические наблюдения
И.В. Горащук, А.А. Чубур 259

Памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива (Ленинградская область)
А.Ю. Городилов, М.А. Раззак (Юшкова) 260

Скелетная конституция населения Волго-Уралья в эпоху бронзы
А.П. Григорьев 263

Хронология переходного периода от СБВ к ПБВ в Восточной Европе и Зауралье
С.А. Григорьев 264

Основные этапы развития металлургии на Алтае в эпоху бронзы
С.П. Грушин 266

Бронзолитейное производство эпохи раннего металла Юга Западной Сибири
И.А. Дураков 268

Технология производства технической керамики носителями культур эпохи ранней бронзы Обь-Иртышского междуречья
И.А. Дураков, Л.Н. Мыльникова, Л.С. Кобелева 269

Укрепленное поселение Каменный Амбар. Хронология культурных традиций по материалам исследования колодцев
А.В. Епимахов. С.Е. Пантелеева 271

Культовые практики в бронзолитейном производстве (по археологическим материалам Северной Азии)
Н.С. Ефремова 272

Второй Филатовский курган: новые погребения фатьяновско-балановской КИО на Верхнем Дону
А.С. Желудков, А.С. Гепалов 274

Сравнительный анализ орудий для добычи и обогащения руды в бронзовом веке
О.Н. Загородняя 276

Металлические серпы эпохи средней бронзы Северо-Западного Кавказа
А.И. Климушина 279

Памятники бондарихинской культуры на Верхнем Дону
А.А. Клюкойть 281

Животные в погребальной практике одиновской культуры Среднего Приомья
Л.С. Кобелева 283

Переходное время от развитой к эпохе поздней бронзы Северо-Западной Азии
И.В. Ковтун 285

Магистральные вехи и факторы культурогенеза II–I тыс. до н. э. в Среднем Зауралье
О.Н. Корочкова 287

Обрядово-престижные погребения Бережновских могильников и гипотеза «двух линий развития»
О.В. Кочерженко, В.Н. Слонов 288

Колесный транспорт в бронзовом веке степной зоны Восточной Европы
П.Ф. Кузнецов 291

Наконечники стрел конца эпохи средней — начала эпохи поздней бронзы Доно-Волго-Уралья
О.В. Кузьмина, А.И. Крамарев 292

Керамические комплексы поселений бронзового века в долине реки Уй: к вопросу о культурных взаимодействиях на границе степи и лесостепи
Е.В. Куприянова, Дж. Джонсон, Н.С. Батанина, Н.Ф. Петров, Н.В. Малая 293

Радиоуглеродное датирование памятников срубной культуры Оренбургского Предуралья
Л.В. Купцова 296

Реконструкция истории дельты реки Мургаб для понимания развития маргианской цивилизации (Гонур-Депе, Туркменистан): первые данные
Р.Н. Курбанов, Н.А. Дубова, Р.М. Сатаев 299

О роли сибирского компонента в сложении окуневской культуры
И.П. Лазаретов 301

Исследование кинжалов Сосновомазинского клада эпохи поздней бронзы
А.Ю. Лобода, Н.И. Шишлина, Е.С. Ващенкова, Е.Ю. Терещенко, В.М. Ретивов 303

Грунтовые могильники в системе погребальных памятников срубной КИО
Ю.В. Лунькова, В.Ю. Луньков 305

Остеологические материалы из поселений эпохи бронзы Минусинских котловин
В.М. Лурье 307

К вопросу о выделении поздняковских памятников в Приказанском Поволжье и Западном Закамье
А.В. Лыганов 309

Об одном источнике золотодобычи в позднем бронзовом веке лесостепного Подонья
А.П. Медведев 310

Кольцевые костяные и роговые пряжки и пряжки/подвески посткатакомбного времени и периодов Br A1-A2 в Восточной, Центральной и Южной Европе
Р.А. Мимоход 313

Материалы эпохи поздней бронзы с поселения «Бейсужек-1» (Краснодарский край)
В.П. Мокрушин, Е.И. Нарожный 315

Планиграфические, хронологические и хозяйственные аспекты изучения поселения эпохи бронзы Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)
В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Д.В. Селин 317

Керамические изделия поселения Бурла 3 как индикатор миграций населения Алтая в эпоху поздней бронзы
Д.В. Папин, А.С. Федорук, В.Г. Ломан 319

Межовские комплексы Южного Зауралья и вопросы культурного взаимодействия в эпоху финальной бронзы
Л.Ю. Петрова 321

Проблема финала окуневской культуры
А.В. Поляков 323

К проблеме социального развития восточноевропейских обществ эпохи бронзы
Г.Г. Пятых 324

Майкоп – новосвободная: общность, этапы, или культуры?
А.Д. Резепкин 328

Двугорбый верблюд в хозяйстве и ритуальной практике жителей Гонур-депе (Туркменистан, бронзовый век)
Р.М. Сатаев, Н.А. Дубова 332

Хлебные злаки в земледельческой практике населения Гонур-депе (Туркменистан, бронзовый век)
Л.В. Сатаева, Н.А. Дубова 334

Экспериментальное моделирование отверстий большого диаметра по материалам каменных топоров бронзового века
Ю.Б. Сериков. С.В. Грехов 335

Специфика культурных процессов в континентальном Приморье в эпоху палеометалла
Е.В. Сидоренко, И.В. Белова 337

Проблемы изучения металлургии бронзового века Западного Забайкалья
А.И. Симухин 339

О возможных причинах появления традиции парных разнополых погребений лицом друг к другу в культурах эпохи бронзы
С.В. Сотникова 341

Проблема относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея
Н.Ф. Степанова 343

Памятники финальной бронзы в Среднем Подонье
А.В. Сурков, И.Е. Сафонов 345

Результаты анализов ДНК древних народов Кавказа (6 – 2 тыс. до н. э.) и вопросы их культурно-исторической интерпретации
В.А. Трифонов, Е.Б. Прохорчук, К.В. Жур 347

К вопросу о диспропорции половозрастных групп в погребальном обряде ямной культуры Волго-Уралья
А.А. Файзуллин 349

Строительные традиции населения позднего бронзового века с территории Оренбургского Предуралья
И.А. Файзуллин 351

Кремация в погребальной практике населения андроновской культуры Алтая
О.А. Федорук 352

Реконструкция степных колесничных узд эпохи бронзы
К.В. Чугунов, Е.В. Степанова 354

Традиции гончарного производства у населения поздняковской культуры на территории Окского бассейна
А.А. Швецова 357

Ямное святилище могильника Песчаный IV Нижнего Подонья
Н.И. Шишлина, Н.В. Леонова, П.И. Калинин, А.Ю. Лобода, И.Н. Трунькин 358

Реконструкция палеодиеты населения эпохи позднего бронзового века Казбуруновского археологического микрорайона: особенности и возможность экстраполяции
Н.Б. Щербаков, И.А. Шутелева 361

Поселение майкопской культуры в с. Кеслерово на Кубани
А.И. Юдин, Д.Г. Баринов, Ю.А. Кочетков 363

Список сокращений....366

Научное издание

Ответственные редакторы:
академик РАН А.П. Деревянко,
академик РАН Н.А. Макаров,
доктор исторических наук О.Д. Мочалов

Редакционная коллегия

К.М. Андреев, С.А. Васильев, А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, Д.С. Коробов, А.Ф. Кочкина, В.Д. Кузнецов, П.Ф. Кузнецов, Л.В. Кузнецова, С.В. Кузьминых, В.Н. Мышкин, Д.А. Сташенков, М.А. Турецкий, В.Я. Шумкин

ТРУДЫ VI (XXII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

в Самаре

Том I

Подписано в печать 21.12.2020. Печать офсетная.
Шрифт Times New Roman. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 43,9.
Тираж 500 экз. Заказ 2169.
Издательство Самарского государственного
социально-педагогического университета
Отпечатано в типографии АНО «Издательство СНЦ»
443001, Самара, Студенческий переулок, 3а.
тел.: (846) 242-37-07